АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА = КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА · 1964

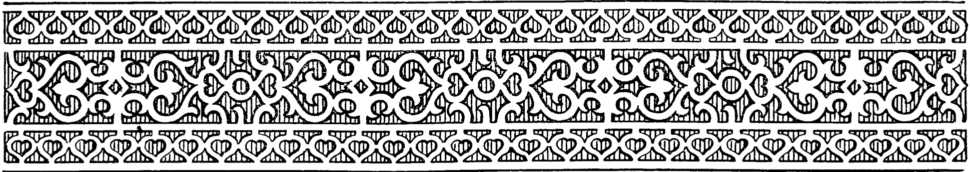
НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. АЛЕКСАНДРОВА,
К. Г. ГУСЛИСТОГО, А. И. ЗАЛЕССКОГО,
В. К. СОКОЛОВОЙ, К. В. ЧИСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА · 1964

Цветная карта «Народы Европейской части СССР» помещается во втором томе



ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание серии «Народы мира» содержит этнографическое описание народов, населяющих Европейскую часть СССР. Родственность отдельных групп народов между собой (восточные славяне, финно-угры, балтийские народы, тюрки и др.), общность их исторических судеб на протяжении столетий, сходность природных условий, в которых развивались эти народы, постоянные и все более крепнущие межнациональные связи привели к выработке сходных или родственных традиций, близких форм материальной и духовной культуры, семейной и общественной жизни, фольклора и народного искусства и в конечном счете к формированию своеобразных историко-этнографических областей на территории Европейской части СССР.

Именно поэтому этнографическим очеркам, посвященным отдельным народам, в томе предпосылаются вводные главы, содержащие общий обзор этнического развития племен и народов, населяющих эту область, основные демографические данные, характеризующие их численность и расселение, характеристику географической среды, антропологический и лингвистические очерки.

Издание «Народы Европейской части СССР» публикуется в двух томах. Первый из них посвящен восточнославянским народам (русским, украинцам, белорусам), второй — балтийским, финно-угорским, тюркским и другим неславянским народам, населяющим Европейскую часть СССР.

* * *

Этнографическая наука накопила значительное количество фактов и наблюдений, связанных с восточнославянскими народами. Дореволюционные опыты обобщения этих материалов были немногочисленны. Некоторые из них имели в свое время определенное научное значение, однако в настоящее время они могут расцениваться как сильно устаревшие и в фактическом и тем более в теоретическом отношении [1]. К ним примыкает вышедшая уже в советское время, но по существу обобщившая важнейшие итоги дореволюционной и домарксистской русской, украинской и белорусской этнографии

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Введение к изучению языка и народной словесности. Варшава, 1904; М. Довнар-Запольский. Белорусы. «Исследования и статьи», I. Киев, 1909; Ф. Волков. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 2. Пг., 1916; А. И. Соболевский. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907 и др.

капитальная монография Д. К. Зеленина «Russische (Ostslavische) Volkskunde» — «Русская (восточнославянская) этнография» [1].

В результате Великой Октябрьской социалистической революции русский, украинский и белорусский народы так же, как и другие народы Советского Союза, прошли путь от капитализма со специфическим для Российской империи изобилием феодальных пережитков до построения социализма. Экономической основой общества стала социалистическая собственность на средства производства; были ликвидированы эксплуататорские классы и причины, порождающие эксплуатацию человека человеком. На базе общности коренных интересов рабочих, крестьян и интеллигенции сложилось социально-политическое и идейное единство советского народа. В результате этих преобразований был претворен в жизнь принцип социализма «От каждого по способностям, каждому — по труду». В Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом в 1961 г., подчеркнуто — «Цель социализма — все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства» [2].

В процессе строительства социализма культура и быт восточнославянских народов так же, как и других народов Советского Союза, коренным и принципиальным образом изменились.

Изучение процесса преобразования материальной и духовной культуры народа, его бытового уклада и семейных отношений в ходе строительства социализма составляет важнейшую задачу советской этнографической науки. Этнографами, изучающими восточнославянские народы, собран, особенно в последние годы, обширный материал, освещающий многие важные стороны этого процесса. Однако попыток широких обобщений этого материала до сих пор не предпринималось.

XXII съезд КПСС не только подвел итоги созидания социализма в Советском Союзе. Программа КПСС, принятая на этом съезде, направила советский народ на строительство коммунизма, открыла новый период в истории нашего народа и государства — период развернутого строительства коммунизма. В ближайшее двадцатилетие, на которое рассчитана программа, должна быть создана материально-техническая база коммунизма и завершена культурная революция. Эта величественная перспектива ставит перед советской этнографией большие и ответственные задачи. Совершенно естественно, факты, характеризующие уже имеющиеся достижения советского народа за первые годы нового периода его истории, представляют особый интерес. Поэтому авторы труда стремились их выявить, изучить и сравнить с тем, что отличало культуру народа в предшествующие периоды его истории. Экспедиционная деятельность авторского коллектива продолжалась параллельно с работой над текстом тома, и во всех его главах используются не только данные, известные из опубликованной этнографической литературы, но и материалы, добытые экспедициями последних лет.

Настоящая книга является попыткой обобщенного описания важнейших массовых форм материальной и духовной культуры трех наиболее крупных социалистических наций — русских, украинцев и белорусов, их исторического развития на протяжении приблизительно ста лет, с середины XIX в. и до настоящего времени. Особое внимание уделяется современной жизни этих народов.

Общие задачи серии и небольшой объем, отведенный этим, столь значительным во всех отношениях народам, не позволили подвести всесторонние итоги этнографических знаний о восточнославянских народах. Поэтому в томе описывается состояние традиционных форм лишь с середины XIX в., прослеживается их изменение в последующее время и характеризуют-

---

[1] D. K. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin, 1927.

[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 15.

ся новые формы и традиции, появившиеся в период капитализма и позже — в период строительства социализма и коммунизма. При этом, разумеется, главное внимание уделяется советскому периоду, особенно современному состоянию быта и культуры восточнославянских народов, национальной по форме и социалистической по содержанию. Весь предшествующий материал, включающий этногенез и этническую историю русских, украинцев и белорусов в период феодализма, излагается в вводных главах. При такой структуре исключается детальное рассмотрение проблем происхождения отдельных явлений и форм культуры, бытовавших в XIX — начале XX в. или бытующих в настоящее время, а также общих и частных вопросов историографии.

В других уже вышедших в свет томах серии «Народы мира» характеризуются отдельные группы восточнославянского населения в Сибири, в Средней Азии и Казахстане, на Кавказе [1]. Во избежание повторений авторы настоящего тома сосредоточили свое внимание на этнографической характеристике основных этнических массивов русских, украинцев и белорусов, расселенных на территории Европейской части СССР.

Рассматривая чрезвычайно важный вопрос о многообразных и многосторонних связях и взаимовлияниях восточных славян и других народов Европы, Сибири, Средней Азии и Кавказа, проявляющихся в конкретных фактах материальной и духовной культуры, авторы книги имели в виду, что этот и подобные вопросы уже затрагивались в других томах, и роль восточных славян в развитии культуры целого ряда этнографических районов выявляется в своей совокупности во многих томах серии.

Материальная и духовная культура русских, украинцев и белорусов изучена далеко не равномерно. Так, если крестьянские поселения и жилища, некоторые виды сельскохозяйственных орудий, традиционная одежда, фольклор, народное искусство, диалекты восточных славян исследованы сравнительно полно, то большинство проблем этнографии города и, в частности, рабочего класса, история общины, семьи, многие промыслы и ремесла, средства передвижения изучены до сих пор недостаточно; требуют дальнейшего пристального и систематического исследования и многие проблемы современности, особенно проблемы социологического характера, вопросы современного производственного и общественного быта, взаимосближения народов, взаимоотношения массовых и профессиональных форм художественного творчества и др. Последовательной исторической характеристике отдельных явлений нередко препятствовала слабая разработанность некоторых сторон истории народного быта, в частности, в первые два десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции.

Этнографическое описание современных высокоразвитых народов представляет немалые трудности. У русского, украинского и белорусского народов, преобразовавшихся в крупнейшие социалистические нации, особенно ярко проявились развитие, усложнение и дифференциация многих сторон культуры. Это привело к тому, что целый ряд наук стал тесно соприкасаться с этнографией — общая история культуры, история науки, история техники, история земледелия, история права, социология, искусствоведение, литературоведение, языкознание и др. Естественно, что этнографические очерки не могут претендовать на равномерное описание всех сторон, областей и форм развитой культуры. Хорошо известно, что культура высокоразвитой социалистической нации народна по своей природе. Массовый характер приобретает бытование не только традиционных, но и современных профессиональных форм культуры (научные знания, литература, искусство во всех его разновидностях, фабричное производство предметов домашнего обихода

---

[1] См. тома: «Народы Сибири». М., 1956; «Народы Кавказа», I. М., 1960 и II. М., 1963; «Народы Средней Азии и Казахстана», I. М., 1962 и II. М., 1963 и др.

и т. п.). Авторы настоящего тома стремились сообщить читателю основные факты материальной и духовной культуры восточнославянских народов, охарактеризовать важнейшие особенности ее структуры в исторической динамике, придавая особенное значение именно массовым формам народной культуры. Что же касается профессиональных видов искусства, литературы и науки, индустриальных форм современного производства и т. д., то авторы считали возможным лишь в необходимых случаях описывать их или напоминать о них для полноты и правильности общих очертаний культуры и быта описываемых народов.

При выявлении своеобразных черт культуры каждого восточнославянского народа авторы стремились на конкретном материале подчеркнуть их родство, исторические связи и особенно выделить процессы, свидетельствующие о сближении и взаимовлиянии, о выработке общесоюзных и интернациональных форм культуры. При такой постановке проблемы культурных взаимосвязей трудно было отказаться от некоторых неизбежных повторений в отдельных главах, посвященных каждому из рассматриваемых народов.

В целом все три очерка, посвященные русскому, украинскому и белорусскому народам, построены по единому плану. Вместе с тем авторские коллективы сохраняли за собой право на определенное своеобразие изложения материала.

Библиография, с которой читатель познакомится в конце тома, с одной стороны, отражает основную использованную авторами литературу, с другой — должна помочь дальнейшему знакомству с этнографией восточных славян. Непонятные или не принятые в русском литературном языке народные термины объясняются в глоссарии, общем для всех трех разделов, помещенных в книге. В приложении публикуется географо-этнический указатель.

Первый том в основной своей части подготовлен коллективом сотрудников трех учреждений — Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и Института искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры БССР. Научное редактирование книги осуществлено редколлегией в составе В. А. Александрова, К. Г. Гуслистого, А. И. Залесского, В. К. Соколовой и К. В. Чистова.

Авторами вводных глав к обоим томам являются: «Население и природа» — В. И. Козлов, «Ранние этапы этнической истории» — Н. Н. Чебоксаров (при написании данной главы использован материал П. С. Куликаускаса, Х. А. Моора и М. Г. Рабиновича), «Исторические судьбы народов» — М. Г. Рабинович при участии Н. Н. Чебоксарова, «Антропологический очерк» — К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксаров, «Основные группы языков» — Т. В. Булыгина-Шмелева, В. В. Иванов, В. И. Лыткин и Л. Г. Овросимова-Серова.

В редактировании очерка «Русские» принимали участие Э. В. Померанцева, М. Г. Рабинович и Т. В. Станюкович. Главы «Образование древнерусской народности» и «Очерк этнической истории русских до середины XIX в.» написаны М. Г. Рабиновичем, «Историко-культурные группы русского народа» — Г. С. Масловой, «Русский язык и его диалекты» — О. Н. Мороховской и Т. А. Сумниковой, «Сельское хозяйство» — Д. В. Найдич, Л. М. Сабуровой и М. Д. Торэн, «Историко-географическая характеристика промыслов и промышленности» — С. Б. Рождественской («Кустарные промыслы») и П. Н. Степановым («Промышленное развитие и промышленные районы в пореформенное время», «Промышленность и промышленные районы в советский период»), «Рыболовство и охота» — Р. С. Липец, «Сельские поселения и жилища» — Л. Н. Чижиковой, «Городские поселения» — Д. А. Тарасюком («Дореволюционные города»), М. М. Шегалом («Социалистические города») и Н. Я. Ковальской (раздел

«Поселки городского типа»), «Средства передвижения» — С. Б. Рождественской, «Одежда» — Г. С. Масловой, «Пища и утварь» — Н. А. Дворниковой, «Общественный быт» — В. К. Соколовой («Городской и сельский быт до Великой Октябрьской революции»), Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой («Общественный быт и культура после Великой Октябрьской революции»), «Семья и семейный быт» — В. Ю. Крупянской, «Устное поэтическое творчество»— В. К. Соколовой, «Народная музыка и танцы» — Л. В. Кулаковским («Музыка») и А. И. Гуменюком («Танцы»), «Народное декоративно-изобразительное искусство» — Т. В. Станюкович и заключение — «Важнейшие особенности русской культуры XIX — XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство» — К. В. Чистовым.

При работе над очерком использовались материалы готовящегося к изданию историко-этнографического атласа «Русские», полевые материалы отрядов Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в Калининскую, Горьковскую, Владимирскую и Рязанскую области, Краснодарский край, Нижний Тагил, Забайкалье, Приангарье, Целинный край и другие области, а также материалы по истории русской науки А. В. Предтеченского и А. В. Кольцова, по общине—В. А. Горелова, по народным знаниям—М. Д.Торэн.

Первоначальный план очерка вырабатывался под руководством бывшего заведующего сектором восточнославянской этнографии Института этнографии АН СССР П. И. Кушнера.

В подборе иллюстраций и технической подготовке рукописи очерка принимали участие О. Р. Будина, И. В. Власова, Ж. Е. Иванова, А. А. Лебедева, В. А. Липинская и М. М. Мечев. Рисунки выполнены художниками М. М. Мечевым и Т. Л. Юзепчук.

Очерк «Украинцы» написан следующими авторами: глава «Очерк этнической истории украинцев» — К. Г. Гуслистым, за исключением раздела «Диалекты украинского языка», написанного А. П. Могилой. В главе были также использованы материалы Д. М. Косарика и В. Ф. Горленко; в освещении вопросов религии использованы материалы В. Т. Зинича. В главе «Основные отрасли хозяйства и занятия населения» раздел «Сельское хозяйство до Великой Октябрьской революции» написан Я. П. Прилипко (текст, посвященный народному сельскохозяйственному календарю,— Н. П. Приходько). При написании данного раздела были использованы материалы К. Г. Гуслистого и М. М. Ткаченко («Положение крестьян и состояние крестьянского сельского хозяйства после ликвидации крепостного права»), В. Т. Дьяченко («Животноводство, пчеловодство»), И. Г. Пидопличко и И. Т. Сокура («Охота и рыболовство»). Раздел «Сельское хозяйство Советской Украины» написан А. Я. Порицким, «Промыслы» — Л. П. Шевченко и К. М. Поводом, «Развитие промышленности и формирование рабочего класса в период капитализма» — В. И. Наулко, «Индустриальное развитие в советский период» — Н. П. Приходько. Глава «Средства передвижения» написана Н. П. Приходько (в разделе «Средства передвижения в прошлом» частично использованы материалы К. Г. Гуслистого). В главе «Поселения, типы застроек и жилище» разделы «Традиционные крестьянские поселения, застройки и жилище» и «Изменения в жилище советского крестьянства» написаны Г. Е. Стельмахом, «Города, фабрично-заводские поселки и жилище рабочих в период капитализма» и «Развитие жилища и жилищно-бытовые условия рабочих в советский период» — А. С. Куницким. Глава «Одежда» написана Г. Е. Стельмахом. Глава «Пища и утварь» — Л. А. Демиденко и Л. П. Шевченко. Глава «Семья и семейный быт» написана Е. М. Кравец (за исключением раздела «Зарождение новых семейных отношений. Рабочая семья», написанного М. Т. Ломовой; материалы по теме «Религиозные пережитки в семейном быту» принадлежат В. Т. Зиничу). В главе «Общественный быт» раздел «Общественный быт дореволюционной деревни» написан А. Ф. Кувеневой (за исключением разделов «Народные

праздники, обычаи и пережитки дохристианских представлений» и «Стихийно-материалистическое мировоззрение народных масс. Зарождение атеизма», написанных В. Т. Зиничем; в освещении вопросов атеизма использованы материалы К. Г. Гуслистого); раздел «Общественный быт рабочих в период капитализма» написан А. С. Куницким; раздел «Социалистические преобразования и ростки коммунизма в общественном быту» написан В. Т. Зиничем и А. Ф. Кувеневой; глава «Народные знания и развитие науки»—В. Ф. Горленко при участии Г. П. Зиневича, В. Т. Зинича, В. И. Наулко, А. Я. Порицкого, Н. П. Приходько. В главе «Художественное творчество» раздел «Фольклор» написан П. Д. Павлием, «Литература» — Н. Ф. Пивоваровым, «Музыкальный фольклор» — Н. М. Гордейчуком, «Танцы» — А. И. Гуменюком, «Изобразительное искусство» — Б. С. Бутник-Сиверским; «Театр и кинематография» — Ю. Г. Костюком (театр) и Н. Н. Третиниченко (кинематография).

Иллюстрации подобраны М. М. Маловским и Г. А. Раковской, библиографический материал — Л. А. Демиденко, В. Т. Зиничем, Н. П. Приходько. Рисунки выполнены М. М. Маловским, чертежи и карты — Н. К. Гаврилюк и Г. А. Раковской, некоторые фотографии А. А. Сланко. Материал для указателя и глоссария подобран А. В. Орловым.

Руководство работой над очерком «Украинцы» осуществлял К. Г. Гуслистый. В редактировании раздела, посвященного диалектам украинского языка, принимал участие Ф. Т. Жилко.

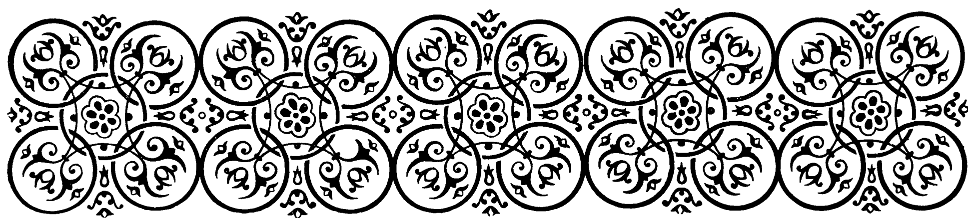
Очерк «Белорусы» написан авторским коллективом в составе В. К. Бондарчика, М. Я. Гринблата, А. И. Залесского, В. М. Иванова, Л. А. Молчановой. В написании раздела «Сельское хозяйство и производственная деятельность крестьянства» принимали участие Р. В. Надольский и раздела «Народное искусство» — В. И. Елатов. Автором раздела «Устное поэтическое творчество» является К. П. Кабашников. Работа над очерком велась под общим руководством А. И. Залесского, авторский коллектив возглавлял В. К. Бондарчик; в редактировании принимали участие В. К. Бондарчик, М. Я. Гринблат и А. С. Ставер. В научно-технической работе при подготовке очерка принимали участие С. А. Барковский, Н. И. Камсюк, Е. С. Сенють, Э. Р. Соболенко, А. С. Ставер и А. П. Юревич. Все зарисовки этнографических материалов выполнены художниками С. Т. Гунько и М. Н. Федосеевым. В подборе иллюстраций и фотографировании некоторых объектов принимали участие фотограф П. Н. Захаренко и Д. М. Мазаник.

Карты «Народы Европейской части СССР» и «Плотность населения Европейской части СССР» составлены С. И. Бруком, Я. Р. Винниковым и В. И. Козловым.

Библиография к этому тому по материалам авторов подготовлена к печати И. В. Власовой, глоссарий — О. Р. Будиной, указатель — О. Р. Будиной, И. В. Власовой, Т. М. Гусевой, Ж. Е. Ивановой, Г. В. Жирновой, И. В. Жуковской, А. В. Сафьяновой; работа над иллюстративным материалом осуществлялась В. А. Липинской.

При редактировании настоящего тома редакция пользовалась ценными советами академика АН СССР М. Ф. Рыльского, академика АН БССР П. Ф. Глебко, В. Е. Гусева, Г. Ф. Дебеца, М. О. Косвена, Н. И. Лебедевой.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ



НАСЕЛЕНИЕ И ПРИРОДА

В Европейскую часть СССР входит большинство областей РСФСР (с 13 автономными республиками), Украинская, Белорусская, Молдавская, Латвийская, Литовская и Эстонская ССР. Европейская часть СССР — наиболее заселенная и развитая в экономическом отношении часть Советского Союза. Ее территория составляет лишь одну четверть общей площади страны, но численность населения — около 146 млн. жителей (на 1959 г.) — достигает свыше двух третей всего населения СССР. Здесь расположены крупнейшие города и важнейшие экономические районы страны. Заселенность и высокий уровень экономического развития Европейской части СССР объясняются благоприятными природными условиями и историческими причинами.

Границу между Европой и Азией, проходящую по территории нашей страны и отделяющую Европейскую часть СССР от его Азиатской части, до настоящего времени нельзя считать окончательно установленной. Обычно ее проводят с севера на юг по 60° восточной долготы, примерно совпадающему с осью Уральских гор. Для удобства пользования статистическими и другими материалами, публикуемыми по административно-территориальным единицам, в составе Европейской части СССР из числа областей и республик Приуралья обычно учитываются Коми и Башкирская АССР, Пермская и Оренбургская области, а из числа административных единиц Северного Кавказа — Краснодарский и Ставропольский края и Калмыцкая АССР.

В основном территорию Европейской части СССР занимает Русская (Восточноевропейская) равнина, протянувшаяся от Баренцева и Белого морей на севере до Черного и Каспийского морей и Кавказских гор на юге, и от Карпатских гор на западе до Уральских гор на востоке. Средняя высота Русской равнины — около 170 м над уровнем моря. На ней имеется много возвышенностей с высотами до 400 и более метров (Среднерусская, Валдайская, Волыно-Подольская, Приднепровская, Приволжская—Жигули, Верхнекамская, Бугульминская, Общий Сырт). В пониженных, обычно окраинных, участках Русской равнины находятся низменности (Приднепровская, Окско-Донская, Причерноморская и Прикаспийская). В северной части Русской равнины преобладает ледниковый по происхождению рельеф, характеризующийся многочисленными моренными грядами и озерами; на юге преобладает эрозионный рельеф с оврагами и балками.

Крайний северо-запад Европейской части СССР занимает Кольско-Карельская область Балтийского кристаллического щита, с выступающими следами четвертичного оледенения. В центральной части Кольского полуострова расположены горные массивы Хибинских и Ловозерских тундр (до

Таблица [1]

Территория и население Европейской части СССР

	Площадь в тыс кв. км	Население в тыс. чел. на 1959 г.	Процент городского населения	Плотность сельского населения (чел на кв. км)
Европейская часть РСФСР	3955,9	86955,2	50	11
в том числе:				
Башкирская АССР	143,6	3341,6	39	14
Дагестанская АССР	50,3	1062,5	30	15
Кабардино-Балкарская ССР	12,5	420,1	40	20
Калмыцкая АССР	75,9	184,9	21	2
Карельская АССР	172,4	651,3	63	1,4
Коми АССР	415,9	806,2	59	0,8
Марийская АССР	23,8	647,7	28	20
Мордовская АССР	26,2	1000,2	18	31
Северо-Осетинская АССР . . .	8,0	450,6	53	27
Татарская АССР	68,0	2850,4	42	24
Удмуртская АССР	42,1	1336,9	45	18
Чечено-Ингушская АССР . . .	19,3	710,4	41	22
Чувашская АССР	18,3	1097,9	25	46
Украинская ССР	601,0	41869,0	46	38
Белорусская ССР	207,6	8054,7	31	27
Литовская ССР	65,2	2711,4	39	26
Латвийская ССР	63,7	2093,5	56	14
Эстонская ССР	45,1	1196,8	56	12
Молдавская ССР	33,7	2884,5	22	68
Итого	4972,2	145 765,1	47	16

[1] Статистические данные приводятся по всей территории Европейской части СССР, хотя обитающие в ее пределах коренные народы Северного Кавказа (осетины, ингуши и др.) рассмотрены в ранее опубликованном томе «Народы Кавказа» (1 полутом, «Народы Северного Кавказа»).

1000—1200 м). Окраинные участки Кольского полуострова и Карелия представляют собой холмистые равнины; между грядами холмов располагаются многочисленные озера. В состав Европейской части СССР включают острова Баренцева моря (гористые с ледниками — Земля Франца Иосифа и Новая Земля, низменные — Колгуев и Вайгач). Баренцево море лежит в пределах материковой отмели и имеет средние глубины в 100—300 м; берега его изобилуют заливами. Еще меньшие глубины имеет Белое море (100—200 м), являющееся по существу крупным заливом Баренцева моря, с которым оно соединено довольно широким проливом («горлом»). Белое море образует три больших залива, или губы: Двинскую, Онежскую и Кандалакшскую; среди островов Белого моря выделяются Соловецкие, получившие в прошлом известность из-за находившегося там монастыря. Балтийское море вдается в пределы Европейской части СССР двумя большими мелководными заливами — Финским и Рижским. Побережье Балтийского моря, как и принадлежащие СССР крупные острова в Балтийском море — Сарема и Хиума, имеет равнинный рельеф.

Карпатские горы, ограничивающие Восточноевропейскую равнину с юго-запада, заходят в пределы СССР лишь своей небольшой частью (Украинские Карпаты). Они представляют собой ряд параллельных хребтов с плоскими широкими вершинами и пологими склонами; высшая точка их —

г. Говерла — достигает 2061 м. В пределы Европейской части СССР входят и Крымские горы, протянувшиеся тремя невысокими грядами (наивысшая точка — г. Роман-Кош — 1545 м) вдоль южного берега Крымского полуострова. Крайний юг Европейской части СССР занят предгорьями Большого Кавказского хребта, образующими в центральной части Ставропольскую возвышенность, с высотами до 620 м. Сравнительно невысокие, древние и в значительной степени разрушенные Уральские горы образуют восточную границу Европейской части СССР; высшая точка Уральских гор — гора Народная на Северном Урале — достигает 1894 м.

Черное море в отличие от северных морей принадлежит к числу глубоководных (средние глубины 1500—2000 м) и имеет слабо расчлененную береговую линию; только на северо-западе контур берега усложнен рядом лиманов — заливов при устьях рек. Азовское море, соединенное с Черным морем узким Керченским проливом, по существу представляет собой большой мелководный залив (глубина до 14 м). Сравнительно мелководно и Каспийское море (точнее — величайшее озеро мира), особенно его северная часть.

Недра Европейской части СССР богаты полезными ископаемыми — каменным углем (Донецкий, Печорский, Кизиловский и Подмосковный бассейны), нефтью и газом (Поволжье и Приуралье, в меньшей степени — Западная Украина), горючими сланцами (Прибалтика и Заволжье), поваренной и калийной солями (Приуралье), фосфоритами, железной рудой (Криворожье, Керченский бассейн, Урал, Курская магнитная аномалия), марганцем (Никополь), бокситами (Тихвинский район) и др.

Климат Европейской части СССР характеризуется преобладающим воздействием Атлантического океана, особенно заметным в зимние месяцы: январская изотерма на большей части Русской равнины идет почти в меридиональном направлении. Континентальность климата возрастает с запада на восток: разность между средними температурами самого теплого и самого холодного месяца составляет в Минске — 24°, в Свердловске — 33°. Для большинства областей Европейской части СССР характерна снежная зима с морозами до 20° и больше; сравнительно мягкой зимой отличаются лишь причерноморские области. Снежный покров в северной части Русской равнины устанавливается в октябре, в южной — в конце декабря; снег сходит на юге в марте, в центральных областях — в апреле, на севере — в конце мая; примерно в те же месяцы происходит замерзание и вскрытие рек. Белое море и восточная часть Баренцева замерзают с ноября до мая, западная часть Баренцева моря у берегов Кольского полуострова под влиянием Гольфстрима круглый год свободна от льда. Как правило, замерзает прибрежная полоса и заливы Балтийского моря, а также бóльшая часть Азовского и северная часть Каспийского моря. Лето — теплое, на юге и особенно на юго-востоке — жаркое (колебания средней температуры июля от 12,3° в Коле до 18° в Москве и 23,6° в Новороссийске). Наибольшее количество осадков выпадает в летние месяцы (в среднем 500—600 мм осадков); на крайнем севере и северо-востоке это число снижается до 300—400 мм, на юго-востоке (в Прикаспийской низменности) — до 160 мм.

Крупнейшей рекой Европейской части СССР является Волга, наиболее значительные притоки которой — Ока и Кама. Бассейн Волги по своей площади (около 1,4 млн. кв. км) намного превосходит общую площадь бассейнов рек Баренцева и Белого морей (Онега, Северная Двина, Мезень и Печора), а тем более — бассейнов рек Балтийского моря (Нева, Западная Двина, или Даугава, Неман). На юге наиболее значительны бассейны рек Черного и Азовского морей (Днепр, Дон и притоки Дуная — Прут и Днестр). Все эти реки — спокойные равнинные, с хорошо выраженным весенним половодьем и глубокой летней меженью. Более бурным характером отличаются на юге реки Кубань и Терек, берущие начало в высокогорьях

Кавказского хребта. Густота речной сети уменьшается с севера на юг, составляя в лесной зоне до 0,35 км русла на 1 км^2 территории, а в степной зоне около 0,1 км на 1 км^2. В северо-западных областях Европейской части СССР находится множество озер (особенно в Карелии), среди них крупнейшие — Ладожское, Онежское, Ильмень и Чудское. В результате строительства плотин гидроэлектрических станций на Волге и Днепре возникли крупные водохранилища (Рыбинское, Каховское и другие «моря»).

Крайний север Европейской части СССР занят тундрой, на болотистых низменностях здесь растет мох, на каменистых участках — лишайники, и лишь на самых сухих и солнечных склонах, да в местах, защищенных от ветра, встречаются заросли кустарников, которые к югу, особенно по долинам рек, сменяются группами низкорослых деревьев. Природные условия этой области почти исключают ведение земледелия. Фауна тундры однообразна и небогата. Тундра оживает только летом, когда прилетают на гнездовья огромные стаи различных птиц.

Свыше половины всей территории Русской равнины, приблизительно от Полярного круга и до линии Кишинев — Киев — Тула — Уфа, представляет собой лесную зону. По природным условиям и преобладающим лесным породам она делится на подзону хвойных лесов (тайга) с преобладающими подзолистыми почвами и подзону лиственных лесов, в которой, кроме подзолистых, встречаются и более плодородные — серые почвы; между зонами хвойных и лиственных лесов лежит широкая полоса смешанных. Животный мир лесной зоны в прошлом отличался богатством видов. До XVI в. на северо-востоке лесной полосы встречался даже соболь. Среди крупных копытных были широко распространены лось, косуля, кабан, в западных лесах — зубр. Часто встречались бурый медведь, бобр, рысь и другие животные. Истребление животных лесной зоны человеком и сокращение их числа в связи с вырубкой леса обеднили фауну. В результате проводимых Советской властью мероприятий по охране животного мира в настоящее время ранее значительно истребленные виды животных в большой мере восстановлены (лось, кабан и др.). Леса и водоемы богаты представителями «птичьего царства» — мелкими певчими птицами, водоплавающей и боровой дичью.

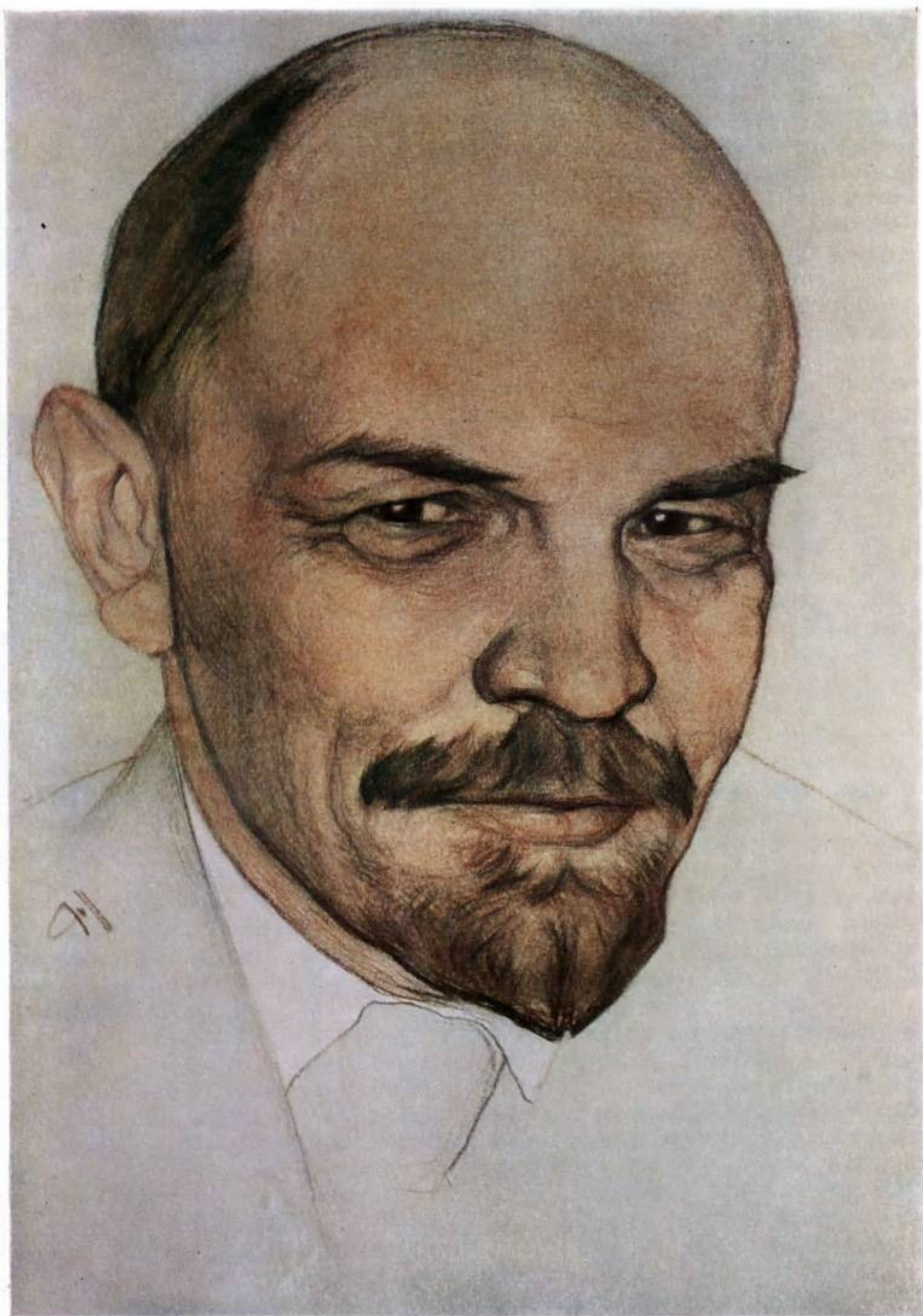
Чем дальше к югу, тем больше редеют леса, постепенно переходя в лесостепь и степь с их плодородными черноземными и каштановыми почвами. Степная зона, занимающая около трети Европейской части СССР, доходит до Черного моря. За Крымскими горами лежит узкая полоса южного побережья с характерной средиземноморской растительностью. На юго-востоке в Прикаспии степи сменяются полупустыней. Кое-где в степи, главным образом по рекам, встречаются рощи, преимущественно дубовые, или, особенно на Украине — тополевые. К западу в предгорьях Карпат и на юге, в предгорьях Кавказа, степь вновь переходит в лиственные, а затем — в смешанные леса. Естественный растительный покров лесостепи и степи в настоящее время сохранился мало, так как бо́льшая часть территории используется для земледелия.

В настоящее время в большинстве степных областей созданы лесные полосы, задерживающие сухие ветры, предотвращающие развитие оврагов и поверхностной эрозии. Естественная фауна степей представлена главным образом грызунами и птицами.

Динамика численности населения

Территория Европейской части СССР в I тысячелетии н. э. была заселена сравнительно слабо. Общая численность обитателей Европейской части СССР к рубежу I и II тысячелетий н. э., по данным Б. Ц. Урланиса, лишь немногим превышала 7,5 млн. человек, т. е. была меньше, чем имеет в настоящее время лишь одна Белоруссия.

Нашествие монголо-татар, захвативших в XIII в. свыше половины этой территории (почти до Новгорода), привело к резкому сокращению числен-



В. И. ЛЕНИН
портрет Н. А. Андреева

ности населения; многие селения и города были полностью разрушены, а жители их перебиты или уведены в полон. Точную убыль населения в этот период установить трудно. Наместники золотоордынских ханов поручали своим чиновникам по сбору налогов пересчитывать жителей в селах, посадах и городах, однако материалы этого учета не сохранились.

Первыми более или менее полными источниками по исторической демографии центральных областей Европейской части СССР являются материалы писцовых и переписных книг, составлявшихся в Русском государстве в целях податного обложения (до начала XVIII в.). Древнейшие из сохранившихся писцовых книг восходят к концу XV в. Они охватывали отдельные области, причем описания, сохранившиеся далеко не по всем областям и хронологически за разное время, содержали данные только о числе тяглых дворов. Воссоздать по этим материалам численность населения довольно затруднительно, и имеющиеся оценки носят ориентировочный характер. Согласно этим оценкам, число жителей Русского государства к началу XVI в. не достигало 6 млн. человек, а общая численность населения в современных границах Европейской части СССР была менее 14 млн. человек.

В последующие два столетия численность населения из-за частых войн, эпидемий чумы и холеры и голодовок росла медленно, а в некоторые периоды, например в начале XVII в. (период польско-шведской интервенции), даже временно сокращалась. К началу XVIII в. общая численность населения Русского государства, включившего в свои границы уже больше половины рассматриваемой нами территории, определяется в 13 млн. человек, а число обитателей всей Европейской части СССР — 19 млн. человек. С начала XVIII столетия, с введением подушной подати, вместо старого подворного учета населения при переписях стали фиксироваться все «души» мужского пола по каждому селению. За первой такой переписью, оконченной в 1727 г. и получившей название первой ревизии, последовали другие ревизии (вторая — 1743—1747 гг., третья 1761—1767 гг. и т. д.); последняя — десятая ревизия была проведена в 1857—1862 гг. Все эти ревизии были в основном вызваны необходимостью учета, связанного с налоговой политикой, и хотя категории учитываемого населения и сами территориальные рамки ревизий постепенно расширялись, все же миллионы людей, главным образом коренных народов Поволжья и Приуралья, оставались вне учета. Основываясь на материалах ревизий XVIII в. и предположительных исчислениях населения областей, еще не вошедших в состав Европейской России, можно заключить, что общая численность ее населения увеличилась за 100 лет почти вдвое, составив к 1800 г. свыше 35 млн. человек.

Сильный рост населения продолжался и в XIX в., в самом конце которого (1897 г.) была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи. Согласно данным этой переписи, в 50 губерниях Европейской России (без Польши и Финляндии), внешние границы которых примерно совпадают с теперешними границами Европейской части СССР (наиболее сильно расхождение касается Западной Украины, входившей в состав Австро-Венгрии), находилось 94 215,5 тыс. человек. Столь значительный рост населения объясняется высокой рождаемостью, составлявшей в среднем около 50‰ и значительно превышавшей довольно высокую смертность, средние показатели которой составляли около 35‰.

Большое влияние на рост населения отдельных губерний оказывали миграции, причем, если до XVIII в. преобладали передвижения главным образом земледельцев из северных и центральных губерний во вновь колонизируемые районы Сибири, Поволжья, Северного Кавказа и юга, то в XIX в. видную роль начинает играть переселение из деревни в город и из сельскохозяйственных районов — в районы промышленные. За вторую половину XIX в. наиболее сильно увеличилось население в губерниях Заволжья и Украины, значительная часть которых еще в середине столетия представляла

собой малонаселенные плодородные степи, привлекавшие переселенцев не только из других губерний Европейской России, но и из-за рубежа. Слабо возросло население в центральных черноземных губерниях и в Прибалтийском крае, что связано с массовым переселением из этих губерний на юг и восток Европейской России и в Сибирь, а также с отходом в Петербург, Москву и другие города и промышленные районы.

Усиление внутренних миграций населения было связано с развитием в России капитализма, особенно после отмены крепостного права в 1861 г. Проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство привело к классовой дифференциации крестьянства, к выделению массы крестьян-бедняков и середняков. К началу XX в. около 30% крестьянских дворов не имело лошадей, 34% — сельскохозяйственного инвентаря, 15% — даже посевов. Даже специальная комиссия царского правительства по изучению «благосостояния» сельского населения вынуждена была признать, что в Европейской России насчитывается 23 млн. «лишних» крестьян. Ежегодно из деревни в город на заработки уходило около 10 млн. человек. «Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли» [1].

Особенно сильное переселение в Сибирь из центральных черноземных губерний и Украины развернулось в основном в конце XIX в., когда было завершено строительство транссибирской железной дороги, и максимума достигло после проведенной в 1906 г. столыпинской реформы. Всего с 1861 по 1913 г. из Европейской России в Сибирь выбыло свыше 4 млн. человек, не считая более 1 млн. переселенцев, которые не осели на новом месте и, окончательно разорившись, вернулись на родину. Довольно значительный размах приобрела и эмиграция из Европейской России за рубеж, преимущественно в США, Канаду и другие страны Америки; в результате этой эмиграции Россия в начале XX в. теряла в среднем около 200 тыс. человек в год.

Первая мировая война (1914—1917 гг.) с ее громадными мобилизациями (всего около 11 млн. человек) подорвала экономику России. В некоторых губерниях около половины крестьянских дворов осталось без работников-мужчин. Война отрицательно сказалась на росте населения. Прямые потери русской армии, набранной преимущественно из жителей Европейской России, составили, по официальным данным, свыше 2 млн. убитых, пропавших без вести и умерших от болезней на фронте. Весьма значительной была убыль населения Европейской России в годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией: огромные прямые военные потери среди армии и гражданского населения были усугублены многомиллионными потерями от эпидемий тифа и испанки, убылью в результате эмиграции за рубеж остатков белых армий, групп из состоятельных слоев и т. п. После окончания гражданской войны в 1921 г. в Поволжье из-за засухи и неурожая разразился страшный голод, унесший не один миллион жизней. Резко снизившаяся в 1914—1921 гг. рождаемость, падение которой объясняется как уходом мужчин в армию, так и общим ухудшением условий жизни, не могла компенсировать все эти многомиллионные потери.

В период восстановления народного хозяйства в Европейской части СССР шел быстрый рост населения. Улучшение условий жизни при развитии советского здравоохранения способствовало сильному снижению смертности — с 30‰ в начале XX в. до 15‰ в середине 30-х годов — и увеличению продолжительности жизни. Это обстоятельство, при сохранении высокой рождаемости, давало высокие темпы естественного прироста. В 1926 г. при по-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 227—228.

казателе рождаемости в Европейской России в 45,5‰, а смертности в 21,4‰ естественный прирост составлял свыше 24‰ (в 1861—1913 гг. — 15‰). Перепись населения, проведенная в 1926 г., показала, что население Европейской части СССР возросло по сравнению с 1897 г. примерно на треть (в границах Советского Союза, сложившихся в 1917—1920 гг.).

В процессе социалистической индустриализации страны часть сельского населения переселялась в города и в промышленные районы Европейской части СССР, а также в другие области. Говоря о динамике численности населения Европейской части СССР в предвоенные годы, следует сказать о включении в ее состав в 1939—1940 гг. Прибалтийских республик, Западной Украины и Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии; общее число жителей этих областей на 1939 г. (вместе с жителями присоединенной в 1945 г. Закарпатской Украины) превышало 20 млн. человек.

Развязанная фашизмом в 1941 г. война, сопровождавшаяся оккупацией Украины, Прибалтики, Белоруссии, а также многих густонаселенных областей РСФСР, нанесла тяжелый урон численности населения. Миллионы солдат погибли на фронтах, сотни тысяч мирных граждан были зверски умерщвлены гитлеровцами или угнаны в Германию; в связи с ухудшением условий жизни сильно возросла смертность населения. В результате потерь в годы Великой Отечественной войны, по данным переписи населения 1959 г., общее число женщин в СССР на 20 млн. превышало численность мужчин. В основном это превышение определялось численностью мужского и женского населения именно Европейской части СССР, во многих областях которой в возрастной группе населения свыше 35 лет число женщин более чем вдвое превышает число мужчин. Война вызвала массовое передвижение населения из западных областей на восток, в частности на Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию, в связи с эвакуацией промышленности и населения.

Быстрое восстановление всех отраслей народного хозяйства страны в послевоенные годы, нормализация и улучшение жизни сопровождались новым ростом населения. Повышение показателя естественного прироста, связанное с некоторым повышением рождаемости и значительным снижением смертности по сравнению с предвоенными показателями, приобрело устойчивый характер. Показатель естественного прироста населения повысился с 17‰ в 1950 г. до 17,5‰ в 1955 и 19,0‰ в 1960 г. В настоящее время уровень смертности в СССР ниже, чем в самых развитых капиталистических странах мира, а среднегодовой прирост населения превышает 3 млн. человек. Потери населения Европейской части СССР в целом были восполнены к 1959 г., однако в некоторых областях Белорусского, Волго-Вятского и Центрального экономических районов, а также в Литовской ССР численность населения к 1959 г. еще не достигла довоенного уровня. Сравнительно слабый рост численности населения в некоторых районах Европейской части СССР за послевоенный период связан отчасти с возобновившимися миграциями в Азиатскую часть страны, в частности, с заселением целинных и залежных земель Казахстана и юга Западной Сибири.

В целом население Европейской части СССР росло медленнее, чем население других его частей. Доля европейского населения в общей массе населения страны снизилась с 73,2% в 1897 г. до 70% в 1959 г.

Размещение населения. Города

Современное размещение населения Европейской части СССР сложилось исторически под влиянием ряда факторов, в первую очередь особенностей естественного движения населения в различных областях и миграций. Миграции населения играли важную роль в заселении территории в различные периоды истории. Монголо-татарское нашествие в XIII в. вызвало отлив населения на север. В XVI—XVII вв., по мере усиления феодального гнета в Русском государстве, уроженцы сравнительно заселенных центральных областей массами шли в Поволжье и южные степи,

получившие название «дикого поля». Довольно густо были заселены в тот период и северные области современной Украины, откуда в XVI—XVII вв. и особенно в XVIII в. началось заселение плодородных южноукраинских степей. Засушливые степи Южного Поволжья и Заволжья заселялись значительно медленнее.

Ко времени переписи 1897 г. наиболее плотно заселены были губернии Украины и центральных черноземных областей, наименее—окраинные северные, восточные и юго-восточные губернии. Например, при средней плотности всего населения Европейской России в 19,5 человек на 1 $км^2$, а сельского населения — около 17 человек на 1 $км^2$ Подольская, Киевская, Полтавская и Курская губернии имели свыше 50 человек на 1 $км^2$. Повышенной плотностью населения отличались и промышленные районы — Московская губ., Донбасс и Средний Урал. Плотность менее 10 человек на 1 $км^2$ отмечена для Пермской, Оренбургской, Астраханской и для некоторых северных губерний (Вологодской, Олонецкой, Архангельской). С другой стороны, на 1897 г. при среднем числе жителей селений Европейской России 167 человек, наибольшее число—свыше 500 жителей на селение—было в недостаточно освоенных засушливых губерниях Заволжья и Нижнего Поволжья, где нехватка водоисточников ограничивала возникновение новых селений; довольно высокое число жителей селений было в губерниях Среднего Поволжья, а также — в Киевской и Кишиневской губерниях. Наиболее низкое число (менее 100 жителей) наблюдалось в северных (Архангельская и др.) и западных (Смоленская, Псковская и др.) губерниях, и особенно — в Прибалтике, где была развита хуторская система землепользования. После Великой Октябрьской социалистической революции, в период реконструкции сельского хозяйства и коллективизации и особенно за последние десятилетия, в результате укрупнения колхозов и слияния мелких селений в более крупные, среднее число жителей селений повысилось.

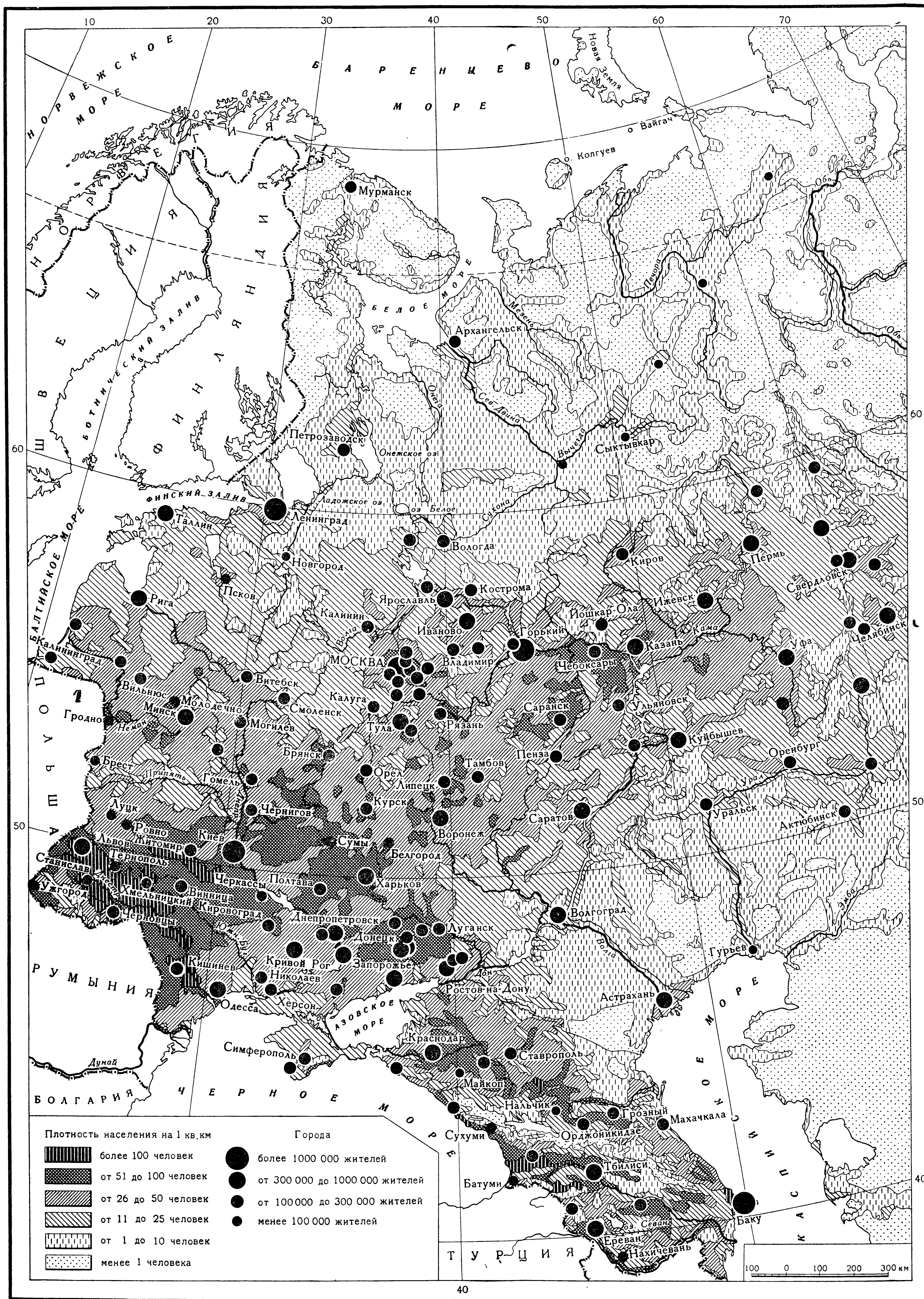
По данным на 1959 г., наибольшие размеры сельских населенных пунктов по-прежнему наблюдались в южных и юго-западных областях, наименьшие — в северных областях и в Прибалтике.

Размещение сельского населения, будучи сильно связано с природными условиями, в настоящее время в Европейской части СССР сохраняет много общих черт с прошлым. Средняя плотность сельского населения на 1959 г. составляла примерно 14,5 человек на 1 $км^2$. Снижение уровня плотности по сравнению с дореволюционным временем объясняется ростом городского населения.

Пониженная плотность населения (менее 10 чел. на 1 $км^2$) была по-прежнему характерна для северных, северо-западных и юго-восточных областей.

Городское население Европейской части СССР вплоть до XIX в. росло медленно. На 1800 г. в городах этой части страны проживало лишь около 5% всего населения; наиболее крупными городами были Москва — 250 тыс. жителей и Петербург — 220 тыс. жителей, остальные крупные города имели менее 100 тыс. жителей каждый. Промышленное развитие России, начавшееся в основном во второй половине XIX в., привело к росту городов. По переписи 1897 г., по несколько заниженным данным, в городах было уже 12,8% населения Европейской России. Особенно быстро росли крупные города; за 30 лет—с 1866 по 1897 г.—при общем росте городского населения на 92%, население городов в 50 и более тысяч жителей возросло на 125%. В Москве на 1897 г. было 1036 тыс. жителей, Петербурге — 1267, Одессе — 405, Риге — 283, Киеве — 247 и Харькове — 175 тыс. жителей. Сравнительно слабо росло городское население в центральных черноземных и некоторых других земледельческих губерниях. Число жителей даже в таких губернских городах, как Калуга и Рязань, сохранявших прежде всего административное значение, за указанные 30 лет почти не увеличилось.

Рост городского населения в Европейской России продолжался до начала первой мировой войны, после чего произошла его стабилизация, а затем и



Плотность населения Европейской части СССР

Заказ № 888

снижение. Особенно сильное сокращение городского населения произошло в годы гражданской войны в связи с потерями рабочего класса на фронтах и отлива городского населения в деревню из-за продовольственных затруднений и упадка промышленности. С 1917 по 1920 г. население Петрограда сократилось втрое, население Москвы — в 1,7 раза, Царицына (Волгограда) — в 1,5 раза и т. д. Однако уже с 1923 г. началось значительное увеличение городского населения. Дальнейший рост городского населения отражал процесс превращения СССР из отсталой аграрной страны в передовую индустриальную державу.

К моменту переписи 1926 г. население городов превысило довоенный уровень и было вдвое больше, чем в 1897 г. При этом городское население Уральского района возросло в четыре раза, Вятского — в три с половиной, Башкирии — в три раза; сравнительно слабо увеличилось городское население в Центрально-Черноземном и Ленинградско-Карельском районах (менее чем на 50%). За период с 1926 по 1939 г. при общем росте численности населения страны на 15% население городов удвоилось. Очень быстро росли крупные города с населением в 100 и более тысяч человек; общее число их жителей за этот же период увеличилось в три раза. Этот рост городского населения объяснялся главным образом перераспределением населения между сельскими местностями и городами, а также и преобразованием значительного числа сельских населенных пунктов в города и промышленные поселки, в меньшей степени — естественным приростом самого городского населения.

За период с 1939 по 1959 г. население городов увеличилось в среднем на 65%. Очень сильно росло население крупных городов; только в 10 из них (см. табл. 2) насчитывается около 15 млн. жителей; столица СССР — Москва стала одним из крупнейших городов мира.

Таблица 2

Рост численности населения крупнейших городов Европейской части СССР (в тыс. чел.)

Города \ Годы	1897	1926	1939	1959
Москва	1039	2026	4183	5046
Ленинград	1265	1614	3385	3321
Киев	248	514	847	1104
Горький	90	185	644	942
Харьков	174	417	833	934
Куйбышев	90	176	390	806
Донецк	32	106	466	699
Одесса	404	421	602	667
Днепропетровск	113	233	527	660
Казань	130	179	398	647
Минск	91	121	237	509

Численность и расселение народов

Бóльшую часть территории Европейской части СССР населяет крупнейший народ Советского Союза и один из крупнейших народов всего мира— русские. В процессе усложнения многонационального состава Русского государства и проникновения русского населения в присоединявшиеся области происходили изменения в расселении многих народов. Русское население расселялось на юге до Азовского моря, предгорий Кавказа и по Нижней Волге (до Каспийского моря); на севере — до побережий Белого и Баренцева морей; на востоке—до Урала, а затем— в Сибири и других районах Азиатской России. Переселенческое движение русских в XVI—XVII вв. на сравнительно слабо заселенные в то время

земли Среднего Поволжья привело к тому, что этническая территория мордвы и, в несколько меньшей степени, татар и башкир оказалась расчлененной относительно компактными группами русского населения; этнические территории других народов Поволжья—марийцев, удмуртов, коми — значительно изменили свои очертания, и внутри них появились русские поселения. Со своей стороны, татары, мордва, марийцы, удмурты и чуваши приняли активное участие в заселении южного Поволжья и Заволжья; на первых порах они селились более или менее изолированно друг от друга и отдельно от русских, образуя иногда хотя и разрозненные, но довольно большие новые этнические районы, но впоследствии, когда основные массивы пустующих земель были уже заняты, стали приселяться и к уже существующим инонациональным деревням. Границы этнических территорий народов Прибалтики и белорусов изменялись мало, однако и среди этих народов, особенно в городах, с XVIII— XIX вв., появлялись значительные группы русских. Существенные изменения происходили в расселении украинцев, которые осваивали пустующие южные и причерноморские степи и расселялись в южнорусские области, на Кубань, Северный Кавказ и в Поволжье. Во многих этих районах, особенно в Крыму и на Северном Кавказе, украинцы селились чересполосно, иногда в одних и тех же населенных пунктах с другими народами, главным образом с русскими. Довольно большие инонациональные группы (русские, евреи и др.) появились и в городах самой Украины.

Динамика населения за последние полстолетия весьма показательна. Перепись 1897 г. дала довольно точные сведения о национальном составе Европейской России, о численности и расселении ее народов, хотя применение в переписи такого этнического показателя, как родной язык, привело к тому, что численность некоторых народов, среди которых бытовал русский язык, в частности украинцев и белорусов, оказалась несколько заниженной. Данные переписи (см. табл. 3) свидетельствуют о низком проценте городского населения среди большинства национальных меньшинств Европейской России. Сравнительно высокий процент городского населения был только в Прибалтике — у латышей и эстонцев, в Поволжье — у татар.

Материалы переписи населения 1959 г. весьма ярко отражают изменения в численности и расселении народов, происшедшие с 1897 г. Различие в динамике численности отдельных народов Европейской части СССР (см. табл. 3) объяснялось рядом причин (различием в показателях естественного движения народов, степенью их участия в миграциях в другие районы страны, различными потерями их в годы войны, влиянием этнических процессов, особенно естественной ассимиляцией одним народом попавших в его среду разрозненных групп другого народа, и т. д.). Тесное экономическое и культурное взаимодействие населения различной национальной принадлежности и возникавшие в связи с этим браки, смешанные в национальном отношении, получили широкое развитие в годы Советской власти.

Говоря об изменениях в расселении народов Европейской части СССР за период с 1897 по 1959 г., следует отметить прежде всего огромный рост городского населения, особенно у народов Поволжья. Процент городских жителей у мордвы, чувашей, удмуртов, башкир возрос в двадцать и более раз, у коми — в десять раз и т. д., хотя в коренных областях расселения этих народов рост городского населения был менее интенсивным. Наиболее высоким процентом городских жителей отличаются русские, латыши, татары, эстонцы, украинцы, евреи.

За период с 1897 по 1959 г. численность русских на территории СССР возросла более чем в два раза. Повышенный прирост общей численности русских частично может быть объяснен слиянием с ними отдельных групп других народов, в частности, довольно многочисленных групп украинского населения на Кубани и Северном Кавказе. Русские составляют подавляющее большинство населения во всех областях Европейской части РСФСР и зна-

Таблица 3

Динамика численности основных народов в Европейской части СССР

	Перепись 1897 г.			Перепись 1959 г.			Динамика за 1897—1959 гг., в %
	Общая численность по стране в тыс. чел.[1]	% городского населения	Обитало в Европейской части в % от общего числа	Общая численность по стране в тыс. чел.	% городского населения	Обитало в Европейской части в % от общего числа	
Русские	55 400,3	15,6	87,8	114 113,6	57,6	73	+106
Украинцы	22 045,2	5,5	92,3	37 252,9	39,2	93	+69
Белорусы	5856,2	2,9	99,4	7913,5	32,4	95	+35
Молдаване	1116,4	5,4	99,3	2214,1	13,0	97	+99
Латыши	1430,9	15,9	99,7	1399,5	47,5	97	—2
Литовцы	1353,0	3,3	99,2	2326,1	35,2	96	+72
Эстонцы	998,4	13,7	98,8	988,6	47,2	96	—1
Карелы	208,1	1,3	99,9	167,3	31,0	98	—25
Мордва	1022,2	1,3	96,4	1285,1	29,1	82	+25
Марийцы	375,2	0,5	99,7	504,2	11,7	96	+34
Коми	258,0	2,5	96,5	430,9	24,4	95	+67
Удмурты	420,6	0,4	99,9	624,8	22,3	95	+48
Татары	3787,1	11,1	53,2	4967,7	47,3	76	+31
Башкиры	1449,1	1,0	99,7	989,0	19,7	84	—47
Чуваши	842,8	0,7	99,9	1469,8	19,7	89	+75
Калмыки	190,5	0,6	96,8	106,1	23,9	85	—79
Евреи	3796,0	45,8	98,3	2267,8	95,4	83	—67

[1] Данные о численности народов в 1897 г. следует считать условными, так как они даются в административных границах Российской империи того времени, причем без «Царства Польского» и Финляндии. Украинцев, например, во всех границах России и Австро-Венгрии, насчитывалось тогда около 26 млн. Этим можно объяснить некоторую несопоставимость в численности отдельных народов в 1897 и 1959 гг. (например, литовцев).

чительную, нередко преобладающую часть населения автономных республик. Большие группы русских живут в других союзных республиках: на Украине (свыше 7 млн. человек, т. е. 17% населения, главным образом в Донбассе и других промышленных областях, в Причерноморье и в большинстве крупных городов других областей), в Белоруссии (659 тыс. — 8% населения), в Латвии (556 тыс. — около 27% населения), Молдавии (293 тыс.— 10% населения), Эстонии (240 тыс. — 20% населения) и Литве (231 тыс.— 8,5% населения). Миграции русских в пределы Азиатской части страны привели к заметному сокращению их доли в Европейской части СССР. Русские составляют основную массу населения большинства районов южной Сибири и Дальнего Востока; много их живет в Казахстане (около 4 млн. человек, главным образом в северных и северо-восточных областях), Киргизии (623 тыс.) и в других союзных республиках Средней Азии.

Сравнительно высокий процент прироста численности украинцев — второго крупнейшего народа нашей страны — за период с 1897 по 1959 г. связан главным образом с воссоединением в составе Украины областей, входивших в 1897 г. в Австро-Венгрию и не охваченных тогда переписью. Украинцы составляют большинство населения во всех областях Украинской ССР, кроме Крымской обл., где они несколько уступают по численности русским. Большие компактные группы украинцев живут в Молдавии (421 тыс.), в южных областях Европейской части РСФСР (Воронежской, Курской, Белгородской), в Краснодарском крае, Ростовской, Саратовской областях, а также — в Азиатской части страны, главным образом в Казахстане (762 тыс.), на юге Западной Сибири, на Дальнем Востоке.

Среди других народов Европейской части СССР, имеющих свои союзные республики, наибольший прирост численности отмечен у молдаван, а наименьший — у латышей и эстонцев. Этнические границы белорусов, литовцев, латышей, эстонцев и молдаван в основном совпадают с границами их республик. Значительные группы белорусов находятся в различных частях РСФСР (844 тыс. человек). Наиболее компактно они живут в Карельской АССР, Калининградской обл. РСФСР, на Украине (291 тыс. человек), особенно в смежных районах. Частично белорусы живут в республиках Прибалтики (свыше 100 тыс. человек) и в Северном Казахстане (107 тыс. человек). Довольно большая группа молдаван живет в смежных районах Украины (242 тыс. человек). Миграции молдаван и народов Прибалтики в Азиатскую часть страны не приобрели широкого размаха.

Прирост народов Европейской части СССР, имеющих свои автономные республики, — карел, мордвы, марийцев, татар, башкир и др. — различен. Показатели естественного прироста у этих народов за период с 1897 по 1959 г. были примерно одинаковы, поэтому основную причину различного прироста следует искать в этнических процессах. Снижение численности башкир, по-видимому, объясняется слиянием части их с татарами, а снижение численности карел — слиянием с русскими. Показательно, что значительная часть этих народов, по переписи 1959 г., показала своим родным языком язык другой национальности. Численность мордвы за период с 1897 по 1959 г. возросла слабее, чем соседних с ней народов Поволжья — марийцев, татар, а тем более — чувашей; за период с 1939 по 1959 г. абсолютная численность мордвы даже уменьшилась на 12% в результате ассимиляции отдельных ее групп русскими.

Расселение многих из этих народов имеет сложный характер. Частичное их переселение за пределы основной этнической территории и вселение в ее пределы других народов, особенно русских, привело к тому, что в настоящее время в границах некоторых автономных республик живет половина и даже менее всего народа, причем в границах своей республики данный народ составляет меньшинство населения. Например, в Мордовской АССР, созданной на территории коренного расселения мордвы, на 1959 г. находилось менее трети всего мордовского населения страны; в границах самой республики мордва составляет немногим более трети населения. Еще более разителен пример карел, которые составляют лишь 13% населения своей республики. Большие группы мордвы, чувашей, татар и других народов республик Поволжья живут вне границ своих республик. Значительная часть их находится в различных районах Азиатской части страны, главным образом на юге Сибири.

Очень большие изменения за период с 1897 по 1959 г. претерпела численность еврейского населения и его расселение. Советская власть ликвидировала «черту оседлости», ограничивавшую расселение евреев лишь западными и юго-западными губерниями России. Многие тысячи евреев получили возможность переселиться в другие районы страны. На 1959 г. наиболее значительные группы евреев были на Украине (840 тыс. человек), в Белоруссии (150 тыс.) и в центральных областях Европейской части РСФСР, в том числе в Москве (239 тыс. человек) и Ленинграде (169 тыс. человек). Общая численность евреев с 1897 г. сильно снизилась как за счет ассимиляции их русскими, украинцами и другими народами, так и за счет больших потерь в годы Великой Отечественной войны.

К числу коренных народов Европейской части СССР относятся также ненцы (около 10 тыс. человек), обитающие в Архангельской обл. и Коми АССР, саамы, или лопари (1,8 тыс. человек), живущие на Кольском полуострове, вепсы (16,4 тыс. человек) и ижорцы (1,1 тыс. человек) — в Ленинградской обл. На крайнем юго-западе, в причерноморских районах живут гагаузы (123,8 тыс. человек).

Для некоторых национальных групп, живущих в пределах Европейской части СССР, она, тем не менее, не является основным районом их обитания. Наиболее крупной из таких групп являются поляки (1380 тыс. человек), обитающие главным образом в широкой полосе между белорусами и литовцами, в значительном территориальном смешении с этими народами; группы поляков живут и в западных областях Украины. На юге Украины живут болгары, в Закарпатской Украине — венгры, из числа других национальных групп следует назвать греков, румын, финнов, а также цыган, обитающих преимущественно в южных и центральных районах Европейской части страны.

Таблица 4

Распределение основных народов Европейской части СССР по их республикам (1959 г.)

Народы	Данные переписи 1959 г.						% лиц, показавших свой родной язык на 1926 г.
	Общая численность, в тыс. чел.	Из них в пределах своей республики, в %	Соотношение в % численности данного народа в пределах своей республики к общему числу ее населения	Показали родным языком язык своего народа, в %			
				Всего	В городах СССР	В своей республике	
Русские	114 113,6	86	83	99,8	99,9	100	99,7
Украинцы	37 252,9	86	77	88	77	94	87
Белорусы	7913,5	83	81	84	63	93	72
Молдаване	2214,1	85	65	95	78	98	(92,3)[2]
Латыши	1399,5	93	62	95	93	98	(79,0)[2]
Литовцы	2326,1	92,5	79	98	97	98	—
Эстонцы	988,6	90	75	95	93	99	—
Карелы	167,3	51	13	71	52	81	96
Мордва	1285,1	28	36	78	52	98	94
Марийцы	504,2	55	43	95	76	98	99
Коми	430,9	86[1]	36[1]	89	74	94[1]	95
Удмурты	624,8	76	36	89	70	93	99
Татары	4967,7	29	47	92	87	99	98
Башкиры	989,0	75	22	62	73	58	54
Чуваши	1469,8	52	70	91	71	98	99
Калмыки	106,1	61	35	91	84	98	98
Евреи	2267,8	—	—	21,5	21	—	72

[1] Учитывается и Коми-Пермяцкий национальный округ.

[2] Данные относятся лишь к группам молдаван и латышей в границах СССР того времени.

Значительные группы коренных национальностей Европейской части СССР находятся за пределами страны; в подавляющем большинстве они представляют из себя потомков эмигрантов из царской России. Сравнительно компактные группы русских имеются в Румынии (40 тыс. человек), преимущественно в дельте Дуная, и в северной части Польши (20 тыс. человек); русских эмигрантов и их прямых потомков больше всего в США (780 тыс. человек), Канаде (100 тыс. человек) и Франции (50 тыс. человек). Наиболее многочисленные группы украинцев проживают в Америке (США, Канада, Аргентина, Бразилия и др.; по некоторым данным численность их там достигает 2 млн. человек); несколько сот тысяч человек — в социалистических странах Европы (Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и др.). Часть белорусов живет в смежных районах Польши (около 100 тыс. человек), большие группы литовцев, эмигрировавших в прошлом из страны, находятся в США (450 тыс. человек)[1].

[1] Цифры на середину 1959 г. даются по тому настоящей серии «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 418.

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Вопросы о времени и путях первоначального заселения людьми (гоминидами) территории Европейской части СССР далеко еще не разрешены.

Древний каменный век

Находка среднетретичного антропоида — удабнопитека в Грузии, близкого к предкам древних гоминид, позволяет предполагать, что они выделились из животного мира в странах, сравнительно недалеких от Восточной Европы (скорее всего в предгорных районах Западной и Центральной Азии). Одним из главных путей заселения Великой Русской равнины людьми в начале древнего каменного века (палеолита) за 800—700 тысячелетий до нашего времени был, по всей вероятности, Кавказский перешеек или, точнее говоря, его прибрежные низменные районы.

Древнейшие остатки хозяйственной деятельности людей в пределах Европейской части СССР относятся, по-видимому, к так называемой шелльской ступени раннего палеолита (примерно 700—300 тыс. лет тому назад). Концом этого времени можно датировать грубые каменные ручные рубила, ядрища (нуклеусы) и отщепы, найденные около с. Лука-Врублевецкая на Днестре.

К более поздней ашельской ступени раннего палеолита (около 300—100 тыс. лет до нашего времени) относятся находки в пещерных стоянках Крыма, в гроте Выхвайтинцы в Молдавии, в отдельных местонахождениях в Полесье (около Житомира) и на Днепре.

Находки, относящиеся к самой поздней (мустьерской) ступени раннего палеолита (примерно 100—30 тыс. лет тому назад), обнаружены в Приазовье, в Крыму, на Нижней Волге, в Молдавии в низовьях Днепра, а также в более северных районах Восточной Европы (юг Белоруссии, Черниговская и Орловская области, Среднее Поволжье и даже Прикамье вплоть до окрестностей Перми). Время, к которому относятся мустьерские стоянки, характеризуется сильным похолоданием. Люди жили тогда у края ледника в условиях тундры или степи (в более южных районах), занимались главным образом облавной коллективной охотой на крупных животных (мамонта, шерстистого носорога, зубра, северного и благородного оленей и др.). Техника обработки камня значительно усовершенствовалась. В качестве жилищ большей частью использовались пещеры. Появились новые типы орудий, в частности остроконечники и скребла, характерные для мустьерских стоянок.

К мустьерскому времени относятся и древнейшие костные остатки самого человека в Восточной Европе. Остатки эти обнаружены в Крыму советскими археологами: в 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловским в пещере Киик-Коба и в 1953 г. А. А. Формозовым в пещере Староселье в районе Бахчисарая. Кости кииккобинского человека по всем основным морфологическим особенностям сходны с соответствующими частями скелета западноевропейских неандертальцев. Несомненно, что этот человек занимал переходное положение между архантропами (древнейшими людьми) из группы яванских питекантропов и восточноазиатских синантропов и людьми современного вида (Homo sapiens). На детском черепе из Староселья преобладающие «сапиентные» (т. е. характерные для Homo sapiens) черты сочетаются с некоторыми неандерталоидными особенностями.

Об общественной жизни людей мустьерского времени известно очень мало. Большие скопления орудий, ядрищ и отщепов, а также обожженных и часто расколотых костей животных на мустьерских стоянках свидетельствуют о том, что неандертальцы жили долговременно на одних и тех же местах большими коллективами, которые, вероятно, представляли собой формирующиеся родовые общины. По мнению некоторых советских археологов (например, А. П. Окладникова), мустьерцы уже хоронили своих покойников.

Так, например, в пещере Киик-Коба человеческий костяк был, по-видимому, уложен на бок со слегка подогнутыми ногами в специальную яму, вырытую в пещерных отложениях, а частично и выдолбленную в скале. Весьма вероятно, что люди этого времени уже пользовались звуковой речью, конечно, не столь дифференцированной и членораздельной, как у современного человечества.

Стоянки позднего, или верхнего, палеолита (примерно 30—13 тыс. лет до н. э.), принадлежавшие людям уже современного вида (Homo sapiens), на территории Европейской части СССР довольно многочисленны[1]. Географическое размещение этих стоянок показывает, что люди тогда уже заселили бóльшую часть Великой Русской равнины от берегов Черного моря вплоть до линии, идущей от устья Чусовой к Мурому на Оке и дальше на запад, к низовьям Немана и Вислы. Новейшие данные советских археологов позволяют предполагать, что отдельные позднепалеолитические пещерные поселения существовали еще севернее, уже за полярным кругом (в Приуралье и на Печоре). На всей этой огромной территории, освоенной людьми в конце ледникового периода, позднепалеолитические памятники не вполне однородны. Это было связано с разнообразными условиями жизни родовых коллективов в различных естественно-географических зонах.

В Крыму позднепалеолитические стоянки обнаруживают большое сходство со стоянками так называемой капсийской культуры Северной Африки и Испании, характеризующейся преобладанием разнообразных мелких кремневых орудий. В других частях СССР к этому же средиземноморско-африканскому типу развития хозяйства и культуры, связанному, вероятно, с большой экономической ролью охоты на степных животных и берегового собирательства, относятся позднепалеолитические стоянки Закавказья и прикаспийской части Туркмении.

В бассейнах Днестра, Днепра и Дона, где советскими археологами открыто несколько десятков позднепалеолитических стоянок, прослеживается наибольшее хозяйственно-культурное сходство с приледниковым поздним палеолитом Центральной Европы, где преобладала облавная охота на крупных тундровых животных. Стоянка Талицкого[2] на Чусовой, вблизи Перми, обнаружила сходство с сибирскими позднепалеолитическими стоянками из окрестностей Красноярска. Это позволило советским археологам высказать мысль о возможности очень древних передвижений населения из-за Урала в Восточную Европу.

В целом, однако, техника всех позднепалеолитических стоянок обнаруживает ряд сходных черт. Большая часть каменных (преимущественно кремневых) орудий — всевозможных ножей, скребков, резцов и др. — изготовлялась из узких ножевидных пластин с параллельными краями. Впервые появились костяные и роговые орудия — наконечники копий и метательных дротиков, разнообразные проколки, шилья и иглы. В то же время были изобретены гарпун и копьеметалка. Приемы охоты, которая продолжала оставаться основой хозяйства, стали более совершенными. Среди объектов охоты наряду с типичными тундровыми видами (мамонт, мускусный бык, северный олень, песец) большую роль играли степные и лесостепные животные (дикие лошади, антилопы, первобытные быки — туры, зубры и многие др.). Некоторое экономическое значение имели также рыболовство и собирательство.

---

[1] Автор настоящей главы принимает двойное деление палеолита (ранний и поздний), так как оно лучше, чем тройное деление (нижний, средний, верхний), позволяет проследить качественный переход от формирующихся людей (архантропов и палеоантропов) и складывающегося общества («первобытного стада») к людям современного вида (Homo sapiens) с вполне сложившимся первобытнообщинным (родовым) строем.

[2] Стоянка названа в честь открывшего ее советского археолога М. В. Талицкого, погибшего во время Великой Отечественной войны.

Вероятно, люди позднепалеолитического времени жили крупными родовыми коллективами. Жилищами наряду с пещерами служили землянки и полуземлянки различных форм и размеров. В качестве строительных материалов широко использовались кости и целые части скелетов разных крупных животных, в частности, черепа и бивни мамонтов, рога северных оленей. Во многих случаях кости эти служили, по-видимому, опорой для каркаса из деревянных жердей, покрывавшегося в свою очередь шкурами. Из шкур и меха шилась и одежда, необходимая в суровых климатических условиях ледникового периода. Малочисленность первобытного человечества и редкость его расселения способствовали частичной экономической, культурной и языковой обособленности позднепалеолитических коллективов друг от друга.

Чрезвычайно характерно для культуры позднепалеолитических людей развитие у них искусства, в особенности живописи на стенах пещер, резьбы по кости и камню, скульптуры. Искусство это в целом было глубоко реалистическим, хотя и связывалось, вероятно, с первобытными магическими обрядами и религиозными представлениями. Изображали главным образом животных, на которых охотились, — мамонтов, шерстистых носорогов, первобытных быков, северных оленей и др. На территории СССР на Урале в Каповой пещере обнаружена целая галерея красочных рисунков различных животных. Обычны в позднепалеолитических стоянках женские фигурки, вырезанные из бивней мамонта, различных костей или мягкого камня. Фигурки эти свидетельствуют о существовании в то время материнского рода и культа женщин — прародительниц. О наличии у позднепалеолитических людей представлений о загробной жизни и культа мертвых рассказывают погребения, в которых скелеты скорчены и окрашены охрой, найдены различные орудия труда и украшения.

В антропологическом отношении люди периода позднего палеолита принадлежали в Восточной Европе почти исключительно к европеоидной большой расе. Черепа этих людей отличались общей массивностью, абсолютной и относительной длинноголовостью [1], крупными абсолютными размерами лица, узким выступающим носом. Особое место среди них занимает только череп из стоянки Маркина гора (в районе Костенок), обладавший ярко выраженными негро-австралоидными особенностями. Возможно, что находка такого черепа в бассейне Дона свидетельствует о проникновении далеко на север какой-то группы населения, вероятно, южного происхождения.

Вопрос о формировании современного вида человека во всей области расселения неандертальцев или же в географически более или менее ограниченных областях еще не решен. На археологическом восточно-европейском материале советские археологи основывают свою концепцию о преемственности между культурой мустье и поздним палеолитом и, следовательно, между неандертальцами и людьми современного вида.

Средний каменный век

К концу позднего палеолита почти вся территория Русской равнины освобождается от льда, открытые степные ландшафты приледниковой полосы сменяются лесными. Климатические условия постепенно приближаются к современным. Растительный покров и животный мир также претерпевают большие изменения, становясь все более и более близкими к существующим в настоящее время. Следуя за отступившим ледником, люди на протяжении среднекаменного века, или мезолита (приблизительно 13—5 тыс. лет до н. э.), постепенно заселили север Европейской части СССР до самых берегов Северного Ледовитого океана. Новейшие палеоантропологические и археологические данные позволяют предполагать, что заселение это происходило

[1] Длина головы (или черепа) измеряется в антропологии от надпереносья до атылка.

как с юга, со стороны Причерноморско-Каспийских степей и Дунайского бассейна, так и с востока, со стороны Сибири.

Так, мезолитические черепа из Кебеляя и Кирсны в Литве и из могильников в районе Днепровских порогов на Украине относятся к европеоидам и по многим признакам напоминают позднепалеолитических «протоевропейцев». В Крыму наряду с такими же европеоидными черепами (пещера Мурзак-коба) в пещере Фатьма-Коба найден череп с некоторыми негро-австралоидными чертами. Подобные же особенности характерны и для части черепов из могильника у с. Волошского (около Днепропетровска). Наблюдается также большое морфологическое сходство между мезолитическими черепами степной Украины, Средиземноморья и Передней Азии. Вполне возможно, таким образом, что оттуда в мезолите на юг Восточной Европы проникали и люди иного антропологического облика. Мезолитические черепа из Шигирского торфяника на Урале (около Свердловска) отличаются уплощенным лицом, невысоким переносьем, являясь результатом древнего смешения европеоидов и сибирских монголоидов.

Для мезолита в высшей степени характерно разнообразие типов каменных, костяных и роговых орудий — главных археологических объектов рассматриваемого периода. В одних стоянках каменные орудия представлены главным образом большими и массивными рубящими орудиями (макролиты); в других, напротив, — крайне мелкими (микролиты). Это свидетельствует, несомненно, об углублении и расширении в мезолите хозяйственно-культурной дифференциации, начавшейся еще в позднем палеолите. Микролитические культуры принадлежат преимущественно охотничье-собирательским племенам лесостепи, степи и побережья теплого Черного моря, а макролитические — главным образом охотничье-рыболовческим группам более северных, лесных и даже тундровых районов, примыкавших к Балтийскому и Белому морям.

Одной из мезолитических культур Восточной Европы является так называемая свидерская культура[1], для которой очень характерны кремневые наконечники стрел с черешком. Видимо, к этому времени относится такое важное изобретение, как лук. Стоянки свидерской культуры широко распространены в Польше. В пределах СССР очень близкие к ним мезолитические памятники известны в Литве, Белоруссии, Верхнем Поднепровье. Почти все орудия свидерской и близких к ней мезолитических культур (кроме наконечников стрел) похожи на орудия позднего палеолита и поэтому есть все основания считать, что «свидерские» и близкие к ним по своему хозяйственно-культурному типу племена западных и центральных районов Восточной Европы являются потомками позднепалеолитического населения, частично продвинувшимися на север за отступающим ледником.

Другой характер имеют каменные орудия мезолитических стоянок Крыма, где наряду с древними формами появляются весьма характерные для мезолита многих южных областей Европы (а также Азии и Африки) мелкие кремневые орудия геометрических очертаний, представляющие собой дальнейшее развитие поделок капсийского типа. Они служили вкладышами для режущих деревянных или костяных орудий. В пределах Европейской части СССР такие стоянки известны на Левобережной Украине, в бассейне Северного Донца, а также на Каме, Белой и еще дальше к северо-востоку вплоть до берегов Вычегды и Печоры. В эти отдаленные северные районы мезолитические племена с микролитической «вкладышевой» индустрией проникли, вероятно, с юга, из Причерноморско-Каспийских степей, вытеснив или ассимилировав более раннее население.

Мезолитические стоянки с преобладанием массивных (макролитических) орудий известны на Урале, в Вологодской обл. и в Прибалтике. К чис-

---

[1] Название это происходит от стоянки Большие Свидры на Висле (Польша).

лу наиболее известных памятников этого типа относится стоянка близ эстонского города Кунда на южном берегу Финского залива, где найдены каменные и костяные орудия, главным образом связанные с рыболовством и охотой. Поразительное сходство костяных изделий из всех перечисленных стоянок (на востоке, по-видимому, несколько более ранних, чем на западе) служит веским аргументом в пользу гипотезы о раннем расселении каких-то человеческих коллективов из Приуралья (а может быть, и Сибири) по всей лесной полосе Восточной Европы вплоть до берегов Балтийского моря.

Очень своеобразна культура «арктического палеолита», по времени относящаяся, несомненно, к мезолиту или даже неолиту и распространенная на Кольском полуострове и в Карелии. Для «арктического палеолита» характерны грубые рубящие орудия. Наряду с этими макролитами найдено много режущих орудий для обработки кости, хотя сами костяные орудия не сохранились. Вероятно, однако, они играли значительную хозяйственную роль.

Люди, оставившие культуру «арктического палеолита», жили оседло у самого моря, занимались рыбной ловлей, охотой на дикого северного оленя и других тундровых животных, может быть, также и на морских зверей. Здесь складывался еще один древний хозяйственно-культурный тип — арктические приморские рыболовы и зверобои.

Несомненно, что в период мезолита в хозяйственной, общественной и культурной жизни первобытных племен Восточной Европы (как и всего мира) произошли крупные преобразования. С оскудением фауны в конце ледникового периода и изобретением лука развиваются новые способы охоты на сравнительно мелких быстроногих животных и птиц. Для такой охоты не нужно было большого числа участников. В связи с этим крупные позднепалеолитические общины стали дробиться на более мелкие экзогамно-родовые коллективы, группировавшиеся в племена. Значительно возросла экономическая роль рыболовства и различных видов собирательства. Была одомашнена собака и, возможно, свинья.

Тонкий культурный слой мезолитических стоянок и остатки легких жилищ-шалашей говорят о большей подвижности родовых коллективов того времени. О духовной культуре мезолитических людей наши сведения очень скудны. Богатое реалистическое искусство периода позднего палеолита почти совершенно исчезло. Мезолитические погребения с костяками, часто посыпанными красной охрой, обычно почти лишены каких-либо вещей.

Среди племен, оставивших мезолитические памятники Причерноморья с микролитическими орудиями, надо, вероятно, искать предков народов индоевропейской языковой семьи, сложившихся скорее всего в степной и лесостепной полосе между Волгой и Дунаем. Восточными соседями этих племен в Прикаспийских степях были, по мнению некоторых советских археологов (О. Н. Бадер, В. Н. Чернецов), предки народов уральской семьи, в частности угро-финнов, позднее продвинувшиеся на север в Прикамье и на северный Урал. Упоминавшаяся выше смена макролитических культур в этих районах микролитическими может быть объяснена именно этим продвижением. Что касается макролитических охотничье-рыболовческих культур лесной полосы, то не исключена возможность их принадлежности к «палеоазиатским» племенам (родственным юкагирам Восточной Сибири), по-видимому, продвигавшимся на запад, но позднее (уже в неолите) поглощенным более многочисленными угро-финскими группами.

С одной из групп палеоазиатов можно связывать и культуру «арктического палеолита», оставленную, надо думать, предками саамов (лопарей), которые гораздо позднее перешли на финскую речь, а первоначально говорили на языке, близком, вероятно, к его «палеоазиатской» подоснове

(субстрату). Вопрос об этнической принадлежности племен свидерской и близких к ней мезолитических культур северо-западных и центральных районов Европейской части СССР окончательно еще не решен.

Новый каменный и бронзовый века

В Восточной Европе неолитический и бронзовый периоды тесно связаны друг с другом. В то время как на юге уже была известна бронза, появилось земледелие и скотоводство, на севере существовали типично неолитические охотничье-рыболовческие культуры.

В целом неолит и бронзовый век Восточной Европы относятся к V—II тысячелетиям до н. э.

Еще в V тысячелетии до н. э. начался переход к земледельческо-скотоводческому хозяйству у племен юго-западных районов Европейской части СССР, потомков мезолитического населения с микролитической культурой. На Южном Буге и отчасти на среднем Днестре в это время сложилась южнобугская культура, в стоянках которой наряду с мелкими кремневыми орудиями встречаются роговые и костяные мотыги для обработки земли, каменные зернотерки, указывающие на начатки земледелия, остродонные сосуды из красновато-коричневой глины. На той же «микролитической» базе развились в V—IV тысячелетиях до н. э. и ранненеолитические культуры Крыма, Нижнего Поволжья, Предкавказья и Северного Кавказа.

На базе южнобугской и близких к ней ранненеолитических культур в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. развивается трипольская культура юго-западной Украины и Молдавии, получившая свое название от с. Триполья Киевской обл., около которого еще в 90-х годах XIX в. были открыты памятники древней земледельческой культуры с крашеной керамикой. Основным занятием трипольцев было, несомненно, мотыжное земледелие. Они возделывали главным образом пшеницу, просо и ячмень, разводили домашних животных — крупный рогатый скот, овец, коз, свиней, а позднее и лошадей, изготовляли раскрашенную глиняную посуду, жили в родовых поселках, которые обычно состояли из нескольких расположенных по кругу крупных (до 100—150 м^2) большесемейных домов прямоугольной формы. Стены таких домов устраивались из плетня, обмазанного глиной, двухскатная крыша покоилась на столбах. Внутри в специальных углублениях помещались большие глинобитные печи. Находимые в трипольских поселениях женские глиняные фигурки и модели жилища с их обитательницами показывают, что женский труд играл очень видную роль в хозяйстве древнейших восточноевропейских земледельцев. Материнский род был, по-видимому, их основной общественной ячейкой. Антропологически трипольцы принадлежали к европеоидной большой расе.

К северу и северо-востоку от южнобугских племен в V—IV тысячелетиях до н. э. жили племена, оставившие многочисленные памятники днепровско-донецкой культуры гребенчато-накольчатой керамики. Свое название культура получила от характерного для нее способа украшения глиняных сосудов оттисками гребенчатого штампа и чередующимися рядами наколов. В стоянках и могильниках этой культуры встречаются как микролитические, так и макролитические каменные орудия, различные изделия из кости (гарпуны, наконечники стрел, рыболовные крючки, роговые мотыги). Основой хозяйства были охота и рыболовство, но постепенно развивалось примитивное земледелие и особенно скотоводство (свинья, крупный рогатый скот). Антропологически носители рассматриваемой культуры принадлежали к различным вариантам древних европеоидов (протоевропейцев) и были, вероятно, потомками позднепалеолитического и мезолитического населения Восточной Европы.

Культурно-хозяйственные связи днепровско-донецких племен определенно прослеживаются с более западными и северо-западными областями — бассейнами Дуная и Вислы.

На обширных пространствах Восточной и Центральной Европы между Днепром и Днестром на востоке, Одером и Эльбой на западе обитала еще одна группа оседлых неолитических племен, также занимавшаяся мотыжным земледелием и скотоводством. При раскопках поселений, принадлежавших этим племенам, находят зерна проса, пшеницы, ячменя, каменные и костяные мотыги, серпы с кремневыми лезвиями, ручные зернотерки, а также кости крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей. В отличие от трипольцев, среднеевропейские земледельцы жили в бревенчатых или плетневых постройках неправильных очертаний, часто углубленных в землю и согревавшихся не печами, а открытыми очагами. Их глиняная посуда украшалась обычно линейно-ленточным орнаментом.

Антропологический состав носителей среднеевропейской культуры ленточной керамики отличался большой сложностью, но преобладали среди них европеоиды. Наличие в могильниках с ленточной керамикой черепов с некоторыми негро-австралоидными признаками заставляет предполагать проникновение в Европу на заре неолита населения южного происхождения из Восточного Средиземноморья, Юго-Западной Азии, а может быть, и из Северной Африки.

Из Подунавья племена ленточной керамики распространились в дальнейшем в Центральную Европу по Висле, Одеру, Эльбе и Рейну. С верховьев Вислы в IV тысячелетии до н. э. они проникли, по-видимому, и в пределы Европейской части СССР и бассейны Западного Буга, Днестра и Прута.

К востоку от области расселения древнейших земледельческих племен юго-запада Великой Русской равнины, связанных с культурами ленточной и расписной керамики, лежала обширная территория, занятая степными племенами Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья. Редкое население периода неолита (V—IV тысячелетия до н. э.) сосредоточивалось здесь главным образом у берегов моря и в речных долинах. Основным источником существования этих племен были первоначально охота на степных животных и рыболовство (морское и речное). Однако уже в конце неолита у них появились многие виды домашних животных (крупный рогатый скот, овцы, козы), распространившиеся, возможно, с юга, через Закавказье и Северный Кавказ. Находки костяных мотыг и каменных зернотерок показывают, что примерно тогда же здесь стало развиваться и земледелие. Однако в полынных и ковыльных степях именно скотоводство в этот период стало играть ведущую экономическую роль. Переход к производящему хозяйству увеличил численность степных племен, усилил их подвижность, способствовал расширению области их обитания и влияния на соседние племенные группы.

Именно с этими степными племенами связывается древнеямная культура III тысячелетия до н. э., распространенная на огромной территории Левобережной Украины, Приазовья, Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Свое название она получила от характерных для нее погребений в больших ямах под земляными насыпями-курганами. Очень интересны находки в древнеямных могильниках костей домашних животных (главным образом овец), различных кремневых и костяных орудий и первых медных изделий (ножей, шильев), которые сначала ввозили, вероятно, с Кавказа, а затем уже стали изготовлять на месте. Антропологически племена древнеямной культуры принадлежали в массе к длинноголовым массивным европеоидам, преобладавшим на юге Восточной Европы еще со времен позднего палеолита и мезолита.

Северо-восточными соседями «древнеямных» племен были потомки мезолитического населения, с которым было связано распространение на Урал микролитической индустрии южного происхождения. Поразительное сходство кремневых орудий и керамики ранненеолитических культур Зауралья и Средней Азии заставляет предполагать, что в IV тысячелетии до н. э. обе

эти области входили в одну историко-культурную «провинцию», населенную, возможно, древними «уральскими» (по языку) племенами. В своем дальнейшем расселении эти племена на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. вышли на Каму, где в устье Чусовой расположена самая ранняя из камских неолитических стоянок — Боровое озеро. Позднее, в III и начале II тысячелетия до н. э., на этой «уральской» базе сложилась особая камская неолитическая культура ярко выраженного рыболовческо-охотничьего типа. Для нее характерно сочетание оседлых поселений с длинными домами-полуземлянками и временных стойбищ с легкими шалашами, а также керамика со своеобразным орнаментом из горизонтальных отпечатков гребенчатого штампа.

На западе и северо-западе к области камской неолитической культуры примыкала огромная территория культуры (или, скорее, культур) ямочно-гребенчатой или ямочно-зубчатой керамики. Здесь, в лесной зоне Восточной Европы, между Уралом и Балтийским морем жили многочисленные, вероятно, родственные между собой племена рыболовов и охотников, по своему хозяйственно-культурному облику близкие к только что описанным неолитическим насельникам Прикамья, но в то же время обладавшие и рядом специфических особенностей. Племена эти выделывали разнообразные орудия из камня и кости, охотились на лесных животных, в том числе на лося и медведя, а также на водяных птиц, ловили рыбу сетями, вершами и другими снастями, пользовались долблеными лодками-однодеревками, жили в полуземлянках с коническими крышами и центральными открытыми очагами. Из домашних животных им была известна только собака. Почти для всех племен лесного севера Европейской части СССР в период неолита характерны крупные, большей частью остродонные глиняные сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом. По деталям орнаментации керамики и по некоторым другим культурным признакам эти племена заметно различались между собою. Это дало основание советским археологам выделить несколько неолитических культур рассматриваемой зоны: льяловскую, белевскую, рязанскую, очень своеобразную волосовскую (в бассейне Оки и Волго-Окском междуречье), каргопольскую, беломорскую и карельскую на северо-западе РСФСР. Ряд хозяйственно-культурных особенностей характерен и для аналогичной культуры Прибалтики, памятники которой наиболее многочисленны в Эстонии, более редки в Латвии, почти отсутствуют в Литве и несколько неожиданно вновь появляются в большом количестве в Калининградской обл. По-видимому, племена, оставившие культуры ямочно-гребенчатой керамики, постепенно распространялись из Приуралья и Прикамья через Волго-Окское междуречье в бассейн Северной Двины и дальше на запад и северо-запад до берегов Балтики, поглощая «палеоазиатских» (а может быть, и «палеоевропейских») потомков гораздо более малочисленного мезолитического населения. Палеоантропологические материалы из могильников этого времени на Урале, в Горьковской, Калининской и Вологодской областях и более древнего могильника на Оленьем острове Онежского озера, в Эстонии, Латвии и Калининградской обл. также свидетельствуют о смешении европеоидных групп с монголоидными, продвигавшимися (как и в мезолите) с востока на запад.

В конце III и начале II тысячелетия до н. э. в жизни восточноевропейского населения произошли значительные перемены. В поволжских и причерноморских степях широко распространилось пастушеское скотоводство, которое проникло также на север, в лесостепную и лесную полосу Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья, а также в Прибалтику. Значительную роль приобрело скотоводство и в области расселения древних земледельцев в бассейне Днепра, Днестра и Дуная, хотя здесь и продолжали развиваться хозяйственно-культурные навыки, связанные с земледелием. Выделение пастушеских племен сопровождалось большими передвижениями населения с юга на север и с востока на запад.

В Центральной и Восточной Европе между Дунаем, Эльбой, Балтийским морем, Даугавой (Западной Двиной) и Днепром выделилась многочисленная группа скотоводческо-земледельческих племен культур шнуровой керамики, украшавших свою глиняную посуду оттисками шнура или веревки и пользовавшихся шлифованными каменными боевыми топорами различных форм. Наряду с распространением скотоводства огромную роль в хозяйственной и культурной жизни этих племен играло появление в Европе первых металлов (меди и олова) и постепенное развитие металлургии бронзы. Крупнейшие сдвиги произошли и в общественных отношениях: материнский род начал уступать свое место отцовскому, патриархальная семья и патриархальная родовая община стали основными ячейками экономической и социальной организации населения. Вместе с тем наряду с укреплением племенной организации и возникновением первых племенных союзов создавались предпосылки для замены кровнородственных связей между людьми связями территориальными, основанными на хозяйственно-культурном общении, для имущественного неравенства и постепенного развития классового общества, которое в более южных частях эйкумены (Египет, Двуречье, Северная Индия) сложилось уже в IV—III тысячелетиях до н. э.

На юго-западе Европейской части СССР во второй половине III и в начале II тысячелетия до н. э. сложился ряд культур, принадлежавших земледельческо-скотоводческим племенам, соседившим с поздними трипольцами. Из этих культур лучше других изучена волынско-подольская мегалитическая культура, названная так по обычаю погребений в каменных ящиках. В поздних могильниках этой культуры встречаются сосуды с типичным шнуровым орнаментом. К числу культур боевых топоров относится и среднеднепровская культура, развившаяся примерно в то же время в процессе сложного взаимодействия западных и восточных, земледельческих и скотоводческих племен (включая позднетрипольские, волынско-подольские, древнеямные и др.). Во II тысячелетии до н. э. на Правобережной Украине на основе развития волынско-подольских и среднеднепровских традиций сложились новые близкие между собою культуры бронзового века — комаровская и белогрудовская, получившие свои названия от современных населенных пунктов, около которых обнаружены наиболее характерные для них памятники. Эти племена вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, пользовались различными каменными и бронзовыми вещами, жили оседло в землянках или небольших каркасно-столбовых хижинах с глиняной обмазкой стен.

Севернее и западнее белогрудовско-комаровских племен жили родственные им носители тшцинецкой культуры, проникавшие с территории Польши, где был основной очаг их обитания, далеко на восток вплоть до Днепра. Культура эта, по мнению многих польских и чешских археологов. легла в основу развития так называемой лужицкой культуры конца бронзового и начала железного века (примерно XV—IV вв. до н. э.), распространенной на огромной территории между Припятью и Западным Бугом на востоке, Балтийским морем на севере, средним течением Эльбы на западе и Дунаем на юге. Лужицкие племена жили оседло в большесемейных деревянных домах прямоугольной формы, занимались земледелием и скотоводством, были хорошими кузнецами и литейщиками. Покойников своих эти племена хоронили в различных курганных и бескурганных (грунтовых) могильниках с трупоположением и трупосожжением. Многие археологи связывают с лужицкой культурой позднейшие «поля погребальных урн» — бескурганные могильники, состоявшие из остатков трупосожжений в глиняных урнах, помещенных в неглубокие грунтовые ямы. Есть основания предполагать, что лужицкие племена не только оказывали большое хозяйственное и культурное влияние на соседние группы населения Средней и Восточной Европы, но и сами продвигались на восток в бассейн Днепра.

В Прибалтике памятники с боевыми топорами и шнуровой керамикой располагаются на территории Калининградской обл., Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, рядом со стоянками культур ямочно-гребенчатой керамики, по-прежнему распространенными в рассматриваемое время в лесной полосе Восточной Европы, между Балтийским морем и Уралом.

Сравнительные археологические данные говорят о тесных связях пастушеских племен Прибалтики с их южными и западными соседями, в частности, с тшцинецкими и лужицкими племенами.

Процессом, аналогичным расселению древних «балтийцев», было внедрение в среду охотников-рыболовов Верхнего и отчасти Среднего Поволжья новых групп населения, оставившего здесь своеобразные могильники фатьяновской культуры, содержащие многочисленные кости диких и отчасти домашних животных (крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь), глиняные сосуды сферической формы, обычно богато украшенные отпечатками шнура, сверленые и шлифованные топоры и молоты, отдельные медные и бронзовые вещи: так называемые вислообушные проушные топоры, ножи, украшения и др. Фатьяновские памятники по некоторым хозяйственно-культурным особенностям могут быть разбиты на несколько локальных групп, из которых наибольшим своеобразием отличается юго-восточная балановская группа, могильники которой доходят на юге до верховьев Суры, а на востоке до Вятки и Камы. Антропологически большинство фатьяновцев (как и древних «балтийцев») принадлежало к массивным длинноголовым и широколицым европеоидам.

В низовьях Волги в это же время достигла наивысшего расцвета богатая катакомбная культура[1], по археологическим и палеоантропологическим данным тесно связанная с Кавказом. Носители этой культуры, широко распространенной в каспийско-черноморских степях между Волгой на востоке и Днепром на западе, занимались пастушеским скотоводством и земледелием, пользовались уже четырехколесными повозками, изготовляли вручную глиняные горшки и банки со шнуровым орнаментом, выделывали всевозможные каменные и бронзовые орудия (в частности, топоры различных видов), в большинстве случаев сходные с характерными для Кавказа. Антропологически катакомбные племена были, бесспорно, европеоидными.

Расселенные на огромном пространстве между рекой Уралом на востоке, Азовским и Черным морями на юге, Поднепровьем и Поднестровьем на западе, Десной, Окой и нижней Камой на севере, племена срубной культуры (II тысячелетие до н. э.) вели более оседлый образ жизни, чем их предшественники, занимаясь преимущественно мотыжным земледелием (главным образом ячмень и просо), а также скотоводством, рыбной ловлей, охотой, различными домашними промыслами (гончарством, кузнечеством, литейным делом и др.).

Жилищами служили обширные бревенчатые дома полуземляночного типа (именно их имитировали, вероятно, срубные погребения).В поздних памятниках этой культуры конца II и начала I тысячелетия до н. э довольно часто встречаются железные ножи.

Древнеямная, катакомбная и особенно срубная культуры оказывали, несомненно, огромное влияние на культуры бронзового века всего Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья, где после исчезновения фатьяновско-балановских племен, поглощенных, вероятно, местными охотничье-рыболовческими группами, сложился ряд новых хозяйственно-культурных и этнических общностей. Приокские (в частности, поздневолосовские) племена уже знали скотоводство и искусство бронзового литья, заимствованное

---

[1] Название происходит от обряда погребения в «катакомбах» — специальных камерах, вырубавшихся в стенках глубоких подкурганных ям.

ими, возможно, от фатьяновцев. В еще большей степени это относится к «абашевским» племенам, обитавшим на территории современных Чувашской и Марийской АССР и находившимся в тесном взаимодействии с северными «срубными» племенами.

В научной литературе неоднократно делались попытки связать с определенными этническими общностями те хозяйственно-культурные территориальные группы населения Восточной Европы, которые выделяются по данным археологии. Средне- и восточноевропейские пастушеские племена, оставившие различные культуры шнуровой керамики и боевых топоров, многие советские и зарубежные археологи (П. Н. Третьяков, Т. Лер-Сплавинский, Г. Чайльд) считают предками различных народов индоевропейской языковой семьи, в особенности балтославян, германцев и кельтов. Предположение это не противоречит и построениям современных советских языковедов, по мнению которых формирование основы индоевропейского языка происходило в лесостепной полосе Средней и Восточной Европы. С протославянами многие археологи связывают в Средней Европе тшцинецкую и лужицкую культуры, а в более восточных районах Поднестровья и Поднепровья во многом близкие к ним комаровскую и белогрудовскую культуры.

В Прибалтике во II тысячелетии до н. э. балтийские языки прочно утверждаются на всей территории к югу от Даугавы (Западной Двины), что было связано с расселением из верхнего Поднепровья и нижнего Повисленья на север древних балтийских племен, уже выделившихся из среды балтославян. К северу от Даугавы (на территории северной Латвии, Эстонии и Финляндии) племена с индоевропейской речью были, по-видимому, поглощены более многочисленным местным населением, оставившим памятники с ямочно-гребенчатой керамикой. Аналогичный процесс имел место, надо думать, также в Верхнем и Среднем Поволжье, где фатьяновские племена постепенно растворились среди аборигенных групп охотников и рыболовов. Что касается этнической принадлежности самих фатьяновцев, то их антропологическая и культурная близость к предкам славян и особенно балтийцев заставляет предполагать, что они тоже были индоевропейцами, возможно, близкими к древним балтославянам.

Принадлежность неолитических культур Прикамья и лесного севера (между Уралом и Балтикой) к предкам народов, говорящих на угро-финских языках, в настоящее время признается большинством советских исследователей. Можно предполагать, что еще в мезолите древнейшие «уральские» племена, общие предки угро-финнов и самодийцев, начали свое расселение из прикаспийских степей на север. Позднее их западная группа (предки угрофиннов) частично вышла на западный склон Урала. На Каме из нее выделилась собственно протофинская подгруппа, оставившая культуру камского неолита IV—II тысячелетия до н. э. Из бассейна Камы протофинны постепенно заселили Волго-Окское междуречье, а затем и весь лесной север Восточной Европы до самого Балтийского моря, ассимилируя живших там монголоидных «палеоазиатов», а может быть, и светлых европеоидных «палеоевропейцев».

К племенам, оставившим культуры степной бронзы III—II тысячелетий до н. э. (в особенности катакомбную), некоторые исследователи относят полулегендарных киммерийцев, о которых, как о предшественниках скифов в Северном Причерноморье, писал Геродот в V веке до н. э.

Если принять во внимание специфическое культурное сходство «катакомбных» и северокавказских племен бронзового века, а также общие черты культуры «срубных» племен и сменивших их в I тысячелетии до н. э. скифов, говоривших, вероятно, на иранских языках, то можно допустить, что одна линия этнического развития шла от «древнеямных» племен через «срубные» к скифам, а другая линия — от «катакомбных» племен к киммерийцам. Создается, таким образом, впечатление, что в III—II тысячелетиях до н. э.

в Северном Причерноморье сосуществовали, взаимодействовали и скрещивались различные фракийские, иранские и другие племена.

Между низовьями Волги и Дуная железо в качестве основного материала для массового изготовления орудий труда, оружия и бытовых предметов распространилось с начала I тысячелетия до н. э. На севере Восточной Европы железный век начался гораздо позднее — в середине и даже в конце I тысячелетия до н. э.

Железный век

Неравномерность темпов социально-экономического и культурного развития различных племенных групп в то время стала еще более ощутительной, чем в бронзовом веке и неолите. Не только в Средиземноморье, Передней и Средней Азии и других отдаленных странах, но и на юге Восточной Европы складывался тогда рабовладельческий строй, а вместе с тем распадались и преобразовывались старые племенные группы населения и на смену им приходили новые классово неоднородные этнические общности—народности, основанные не на кровнородственных, а на территориально-экономических связях.

С середины VII в. до н. э. бóльшая часть Северного Причерноморья была заселена скифскими племенами, продвинувшимися, по-видимому, с востока и ассимилировавшими более древнее население, по крайней мере, частично близкое им по культуре и языку. Скифские племена, описанные античными авторами, особенно Геродотом в его «Истории» (V в. до н. э.), оставили многочисленные памятники своей материальной культуры (поселения, погребальные курганы, клады и др.). Племена эти называли себя «сколотами» и были хорошо знакомы с металлургией железа, обрабатывали землю при помощи плуга с железным лемехом, имели многочисленные стада крупного рогатого скота, овец и лошадей, вели оживленную торговлю с греческими городами Причерноморья. Около IV в. до н. э. в Причерноморье сложилось скифское раннерабовладельческое государство, во главе которого стояли цари. Господствующее положение в этом государстве занимали восточные так называемые царские группы скифов, расселенные между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром); они были скотоводами и вели преимущественно кочевой образ жизни. Мужчины у них бóльшую часть времени проводили верхом на конях, а женщины и дети — в передвижных кибитках. Мужчины носили бороды и длинные развевающиеся волосы, одевались в короткие кафтаны, подпоясанные узким поясом, длинные узкие штаны, островерхие колпаки, закрывавшие затылок и уши. Своих покойников скифы хоронили в больших курганах. Пышные погребения вождей (часто с убитыми рабами и конями), и бедные погребения рядовых скифов говорят о резком социальном расслоении. Западные скифы, жившие в низовьях Борисфена и в бассейнах Гипаниса (Южного Буга) и Тираса (Днестра), были оседлыми; Геродот пишет об обитании в этих местах «скифов-земледельцев» и «скифов-пахарей», а также сильно эллинизированных алазонов и каллипидов. Для скифов-пахарей было наиболее характерно употребление плуга.

Русские языковеды и историки конца XIX — начала XX в. (В. Ф. Миллер, Ф. Я. Браун, А. И. Соболевский и др.) показали, что скифы-кочевники говорили на иранских языках индоевропейской семьи. Об этом красноречиво свидетельствуют данные топонимики (в частности, название рек Северного Причерноморья) и дошедшие до нас имена скифских царей. О восточных связях скифов говорят и многие мотивы их искусства, в частности несколько стилизованные, но чрезвычайно выразительные изображения животных (так называемый звериный стиль), очень характерные для племен I тысячелетия до н. э., живших на юге Сибири, в Средней и Центральной Азии. Позднее скифы вели оживленную торговлю с греческими городами. Некоторые советские исследователи (например, П. Н. Третьяков) допускают, что среди северо-западных групп скифов («пахарей» и «земле-

дельцев» по Геродоту) могли быть и древнеславянские племена — потомки среднеевропейских пастушеских племен II тысячелетия до н. э. Антропологически скифы принадлежали в своем большинстве к длинноголовому европеоидному типу. Волосы у скифов часто бывали каштановыми с рыжеватым оттенком (особенно на бороде). В массе племена эти относились, вероятно, к «понтийской» (черноморской) группе умеренно депигментированных европеоидов. Геродот в своей «Истории» называет скифов «пришельцами с востока», вытеснившими киммерийцев, но приводит легенды и об автохтонном происхождении скифов. Наиболее вероятно, что смена киммерийцев скифами представляла собой длительный процесс. Были не только передвижения племен, но и ассимиляция. Остатками киммерийцев в Крыму античные авторы считали тавров, давших древнее название всему полуострову («Таврия»). Племена эти настолько сильно смешались со скифами, что иногда фигурируют в античных памятниках под именем «тавроскифов».

В VII в. до н. э. на северных берегах Черного моря появились первые греческие колонии. В дальнейшем они стали самостоятельными рабовладельческими городами-государствами, вполне независимыми от своих метрополий. Греки вывозили из Причерноморья в основном зерно, в котором так нуждалась греческая метрополия. К IV в. до н. э. в Причерноморье создались более крупные государства, включавшие в себя как греческие города, так и местные племена — Боспорское и Понтийское царства. Экономической их основой по-прежнему было развитое земледелие с применением рабского труда. Позднее эти государства попали в зависимость от Римской империи. Государство скифов находилось в тесных экономических и культурных связях с этими античными государствами.

Восточные соседи, а затем и победители скифов — сарматы—были известны еще Геродоту под именем «савроматов»; они кочевали в то время в низовьях Волги, между Уралом и Доном. Позднее (в IV—III вв. до н. э.) сарматы стали продвигаться на запад, частично вытесняя, частично же ассимилируя скифов. По своему общественному строю сарматы отличались от скифов большим сохранением первобытнообщинных отношений, в частности, значительными матриархальными пережитками. Найдено немало погребений сарматских женщин с оружием и конями. После завоевания Скифии у сарматов быстро пошло разложение первобытнообщинного строя и образование классов. Известны погребения сарматских царей не менее роскошные, чем у скифов. Существовали между скифами и сарматами также антропологические различия; в состав сарматов входил относительно короткоголовый европеоидный тип с несколько уплощенным лицом, что свидетельствует, вероятно, о связи сарматов с монголоидными по физическому типу племенами. В первых веках н. э. среди сарматских племен выделилась группа аланов, племенное имя которых стало постепенно вытеснять и само название сарматов. Еще позднее, в IV—VI вв. н. э., ираноязычные алано-сарматские племена, вовлеченные в «великое переселение» народов, частично рассеялись на очень широкой территории (от Предкавказья и Среднего Поволжья на востоке до Пиренейского полуострова на западе), частично же были поглощены новыми (теперь уже тюркоязычными) волнами кочевников, продвинувшимися с востока.

К северу от скифов и сарматов, в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы, обитали различные племена, известные еще Геродоту под названиями «невров», «меланхленов», «будинов», «тиссагетов» и «йирков»[1]. Невров и меланхленов некоторые исследователи связывали со славянами. Что касается будинов, то мнения относительно их этнической принадлежности расходятся: одни авторы считают их тоже славянами, другие — древними финскими племенами, возможными предками мордвы.

---

[1] Перечисление племен дано в направлении с запада на восток.

К концу рассматриваемого периода относится наибольшее распространение в Восточной и Средней Европе культур полей погребальных урн. Процесс этот был связан с расселением древних славян, их племенной дифференциацией и активным взаимодействием с соседними этническими группами населения — иранскими, иллирофракийскими, балтийскими, германскими, угро-финскими. К культурам полей погребальных урн принадлежали такие культуры, как пшеворская в Польше (сменившая там позднелужицкую), липицкая в Верхнем Поднестровье и зарубинецкая в Среднем Поднепровье, на Соже и Сейме. Две последние культуры некоторые исследователи связывают с предками восточных славян. Хорошо изученная в последние годы зарубинецкая культура II в. до н. э.— II в. н. э. принадлежала оседлым «мотыжным» земледельцам, знавшим в качестве подсобного занятия и скотоводство (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади). В памятниках этой культуры находят различные железные орудия (серпы, топоры, наконечники стрел, рыболовные крючки), глиняную посуду, каменные ручные жернова. Поселения зарубинецких племен были укрепленными, часто расположенными на крутых берегах рек. Жилищами служили прямоугольные наземные дома с глинобитными печами и стенами из вертикальных столбов, горизонтальных бревен или плетня, обмазанного глиной.

К последним векам существования пшеворской и зарубинецкой культур относятся и первые достоверные упоминания о славянах (под именем «венедов») у античных авторов — Плиния Старшего, Тацита (I в. н. э.) и Птоломея (II в.). Птоломей описывает венедов как очень многочисленный народ, расселенный на огромном пространстве между Венедским (Балтийским) морем и Венедскими горами (Карпатами). Археологические данные и античные авторы говорят о связях славян с соседями, в частности с сарматскими племенами, жившими в степях Причерноморья. Связи эти отразились и в обряде погребения (курганы), и в вещевых комплексах; прослеживаются эти связи и на антропологическом материале.

На севере венеды соседили с древнебалтийскими племенами — потомками носителей прибалтийской культуры боевых топоров. Племена эти в V—I вв. до н. э. жили в бассейнах Даугавы (Западной Двины) и Немана, распространяясь на юг вплоть до левобережья верхнего Днепра. Они занимались подсечным земледелием, охотой, скотоводством, различными видами ремесел (плавка железа, выделка лепной глиняной посуды, покрытой своеобразной штриховкой, прядение и ткачество). Прибалтийские городища культуры штрихованной керамики представляют собой остатки укрепленных поселений крупных родовых общин. Довольно ясно выделяются две группы таких городищ — западная в Латвии и соседних районах Жемайтии, восточная в Латгалии, восточной Литве и центральной Белоруссии. Еще восточнее, вплоть до верховьев Оки, были распространены городища с гладкостенной керамикой, также, возможно, принадлежавшие балтийским племенам. Во всей этой области языковеды давно уже отмечали преобладание балтийской топонимики (особенно гидронимики). Античным авторам племена Восточной Прибалтики были известны под собирательным названием эстиев. Тацит писал о них: «Эстии почитают матерей-богинь, разводят хлебные злаки и собирают на морском побережье янтарь». Возможно, что в состав древних эстиев входили не только летто-литовцы, но и жившие севернее (за Даугавой) эстоно-ливские племена, обычно хоронившие своих покойников в курганах с «каменными ящиками». Черепа из этих ящиков в большинстве случаев оказываются европеоидными, очень массивными и длинноголовыми, сходными с черепами носителей культуры боевых топоров. Эти племена занимались скотоводством и подсечным земледелием, жили в бревенчатых постройках с каменными очагами. Керамика, находимая на этих городищах, обычно бывает покрыта отпечатками тканей; она оказывается распространенной на очень обширной территории, от Балтийского моря на восток, к верховьям Волги и к Оке, где с VII в. до

н. э. по VI—VII вв. н. э. развивалась так называемая дьяковская культура, получившая свое наименование от известного Дьякова городища под Москвой.

На всей этой территории в густых лесах были разбросаны в железном веке укрепленные поселки, каждый из которых представлял собой патриархальное гнездо. На хорошо защищенном мысу вокруг общинного дома располагались небольшие (иногда срубные) дома с очагами — жилища малых семей, входивших, вероятно, в большесемейную общину. Здесь же была обычно кузница, дом для женских работ, иногда «домик мертвых», где хранился прах сожженных покойников, а также общий загон для скота. Дьяковская культура принадлежала оседлым скотоводам, разводившим лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Необходимость заготовки корма для животных на зиму была дополнительным стимулом для развития земледелия, о котором свидетельствуют встречаемые на поселениях серпы. Об этнической принадлежности племен дьяковской культуры в науке нет общего мнения. Одни исследователи считали дьяковцев предками угро-финнов, другие — древними северовосточными славянами.

Вполне возможно, что дьяковская культура представляла собой вовсе не однородный этнический массив, но своего рода древнюю историко-этнографическую область оседлых скотоводов лесной полосы Восточной Европы. Отдельные поселения или их группы могли принадлежать к различным племенам, близким по своему социально-экономическому и культурно-бытовому укладу.

Точные северные границы распространения дьяковских и близких к ним поселений установить еще трудно. Несомненно, однако, что значительно севернее дьяковцев в бассейне Белого моря, в Карелии и Финляндии обитали в железном веке другие племена, не знакомые со скотоводством и земледелием. К концу I тысячелетия до н. э., например, относятся могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе и одновременные с ним Екатерининские поселения на побережье Кольского полуострова. Здесь были обнаружены различные каменные и костяные предметы. Древние обитатели Кольского полуострова — вероятные потомки «западных палеоазиатов» периода «арктического палеолита» и предки лопарей (саамов) — были оседлыми охотниками на морских животных и рыболовами. Охотничье-рыболовческие предки лопарей в первых веках н. э. (а вероятно, и значительно позднее) были расселены далеко к югу.

О восточных и юго-восточных соседях дьяковских племен наука располагает более определенными данными. Очень близкими к ним по общему хозяйственно-культурному типу были так называемые городецкие племена Среднего Поволжья, расселявшиеся ниже устья Оки по Волге, Суре, Цне и Мокше и доходившие на юге до границы степей. Как и дьяковцы, городецкие племена жили оседло, вели скотоводческо-земледельческое хозяйство, строили прямоугольные деревянные или глинобитные хижины. Городецкая глиняная посуда бывает большей частью покрыта густым узором, напоминающим отпечаток рогожи и получившим в силу этого название «рогожного орнамента». Прослеживаются вполне определенные хозяйственно-культурные связи городецких племен с народами Северного Кавказа. По мнению большинства советских археологов, племена эти, сопоставляемые иногда с будинами Геродота, были предками мордвы.

Восточными и северо-восточными соседями городецких племен были потомки камских племен неолита и бронзового века, создавшие в VII—II вв. до н. э. на Каме, Вятке, Белой и других реках Приуралья богатую и яркую ананьинскую культуру, связанную главным образом с предками «пермских финнов» (удмуртов и коми), а частично, вероятно, и с предками марийцев. Ананьинцы, которых многие исследователи сопоставляют с тиссагетами Геродота, жили на небольших укрепленных земляными валами городищах или в открытых поселениях, в полуземлянках с очагами из камней; зани-

мались они подсечным земледелием и скотоводством (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади), в меньшей степени — рыболовством и охотой. Изображение на одном из надгробий вождя с боевым молотом в руках, кинжалом за поясом и гривной (обручем) на шее указывает на выделение племенной верхушки. Антропологически ананьинцы не были однородными: в их состав входили как монголоидные и европеоидные, так и переходные элементы «уральской» группы.

Непосредственные потомки ананьинцев — прикамские племена рубежа и первых веков н. э.— в археологической литературе иногда называются «пьяноборскими» по имени могильника у с. Пьяный Бор Елабужского района Татарской АССР. Предметы, характерные для пьяноборской культуры,— керамику, сходную с ананьинской, бронзовые и железные орудия труда, своеобразные украшения — находят не только на Каме, Вятке и Белой, но и на Волге (включая правобережье). Отсюда можно сделать вывод о том, что западные группы ананьинцев в конце I тысячелетия до н. э. продвинулись еще дальше на запад, в области расселения, вероятно, родственных и восточнодьяковских племен и, смешавшись с последними, стали источником формирования марийцев, а возможно, и мери, которая позднее была ассимилирована восточными славянами. От ананьинско-пьяноборских, так же как и от позднедьяковских и городецких, племен идет уже прямой путь этнического развития к современным угро-финским народам.

На всем огромном пространстве Великой Русской равнины в первые века н. э. складываются крупные этнические общности, ставшие в последующие исторические периоды источником формирования различных, ныне существующих национальностей Европейской части СССР.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ

Исторические судьбы народов Европейской части СССР складывались с древнейших времен в условиях постоянных взаимосвязей и взаимных влияний. Народы Европейской равнины были также связаны со своими соседями за пределами этой территории — с народами Центральной и Северной Европы, Зауралья, Средней Азии, Кавказа.

Общность исторических судеб отразилась в процессах, которые привели к развитию племен, к объединению разрозненных областей в единое государство, образованию национальностей и консолидации наций[1].

С первых веков н. э. все большую роль в этнической истории Восточной Европы начинают играть славяне (венеды). Расселяясь на обширных пространствах от Карпат до Балтийского моря и от Эльбы до среднего Поднепровья, они находились в тесном общении с родственными им летто-литовцами на северо-западе; на юго-западе и юге — с фракийцами и населением южнорусских степей, оставшимся после отступления скифов-кочевников в Крым; на востоке и севере — с тюрко- и финноязычными племенами Поволжья, Приуралья и Севера. Среди венедов различали склавинов (на северо-западе) и антов (на юго-востоке).

Славянская культура и взаимосвязи славян с другими народами Восточной Европы, возникновение у славян классового общества, образование и развитие славянских государств оказали решающее влияние на этническую историю Европейской части СССР.

На юго-западе Восточной Европы лежала в первые века н. э. своеобразная историко-этнографическая область, где на границе римской провинции Дакии жили, по-видимому, различные в этническом отношении племена — геты, даки, славяне, скифы, отчасти сарматы, а с III в. н. э.— и готы. До

---

[1] Подробный очерк этнической истории каждого народа Восточной Европы в условиях классового общества в каждом разделе предваряет его этнографическое описание.

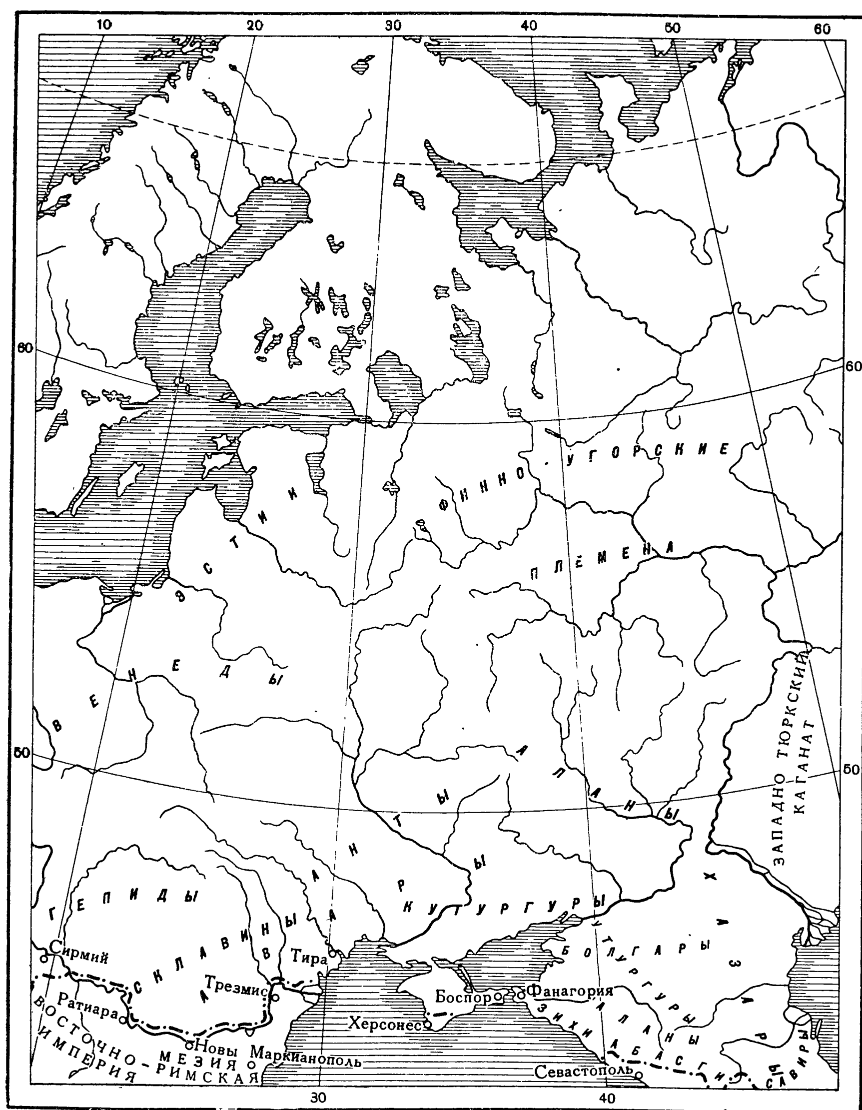
настоящего времени трудно определить этническую принадлежность памятников, относящихся к так называемой черняховской культуре, так как все упомянутые племена, очевидно, смешивались между собой и к тому же находились под сильным влиянием римской культуры. Большинству из них было известно плужное земледелие. Черняховская культура характеризуется так называемыми полями погребений — бескурганными могильниками.

К северу и северо-западу от этой области, в бассейнах верхнего Днепра, Немана и Даугавы, жили в первых веках н. э. балтийские племена. Среди восточнобалтийских племен выделялись литва (аукштайты), летьгола (латгалы), ятвяги (судавы) и голядь (галинды); из западнобалтийских — жмудь (жемайты), корсь (курши) и пруссы. Промежуточное положение между восточными и западными балтийцами занимала зимегола (земгалы).

К северу от этих племенных групп, у берегов Рижского и Финского заливов, жили прибалто-финские племена — ливы и эсты (чудь). Северо-восточная группа эстов (водь), обитавшая у берегов Чудского озера, в середине I тысячелетия нашей эры выделилась особо. К прибалто-финским племенам принадлежали также сумь и емь на территории современной Финляндии, корела (с ее южным ответвлением ижорой) и весь (вепсы), жившие между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Северными соседями их была лопь (лопари), распространявшиеся в то время на юг гораздо дальше, чем в наши дни. К востоку от веси, в бассейне Северной Двины (древнерусском Заволочье), жила чудь заволоцкая, по языку и культуре, вероятно, близкая к веси. В бассейне Вычегды заволоцкая чудь, по-видимому, соприкасалась с северными группами пермских финнов — предками коми-зырян, которые в IV—V вв. н. э. переселялись из бассейна верхней Камы. Русские летописи называют население, образовавшееся там в результате смешения этих племен, пермью, а некоторым западноевропейским источникам и скандинавским сагам, вероятно, эта область была известна под именем Биармии. К той же пермской группе относились жившие южнее и восточнее предки коми-пермяков (в верховьях Камы) и удмуртов (вотяков, по позднейшим русским источникам). Пермские финны были, несомненно, потомками племен, оставивших памятники ананьинской и пьяноборской культур. Крайний северо-восток Европы (низовья Печоры) был в то время заселен печорой, которая, по мнению многих исследователей, представляла собой потомков палеоазиатов, ассимилированных самоядью (ненцами), продвинувшейся сюда из-за Урала в конце I — начале II тысячелетия н. э. К югу и востоку от Печоры на обоих склонах Урала в I тысячелетии н. э. обитала югра (угры) — предки современных хантов и манси, которых более поздние русские источники называли остяками и вогулами. Южные группы тех же угров, предки современных мадьяр, или венгров, жившие уже в лесостепной и степной полосе между реками Камой и Уралом, впоследствии вместе с волной преимущественно тюркоязычных кочевников проникли далеко на Запад вплоть до Дуная.

Среднее Поволжье, а частично и восточные районы Волго-Окского междуречья были в то время населены другими угро-финскими племенами, потомками племен городецкой и, может быть, дьяковской культур. К их числу относятся меря, черемиса (марийцы) и мордва (с несколькими этническими подразделениями — эрзя, мокша, а также исчезнувшие мурома и, возможно, мещера).

В крушении рабовладельческих государств на юге Восточной Европы немалую роль сыграли племена, нахлынувшие с северо-запада и главным образом с востока, из Азии. Завоеватели подчиняли местное население и образовывали политические объединения, достигавшие иногда большого могущества, но, как правило, лишь на сравнительно короткий срок — королевство готов (царство Германариха, II—IV вв.), держава гуннов (IV—V вв.), аварский каганат (VI в.). Это были чрезвычайно пестрые в этниче-



Племена и народы Восточной Европы в VI в.

ском отношении союзы племен, которые включали, помимо пришельцев, готов, гуннов, аваров и т. п., а также алан, сарматов, славян. Проникая в пределы Западной и Восточной Римской империй, они зачастую там и оседали. Так, в VII в. прошли через Причерноморье тюркоязычные болгары, которые осели на Балканском полуострове и были там настолько ассимилированы славянами, что совершенно утратили свой язык.

Другая группа болгарских племен в VII—VIII вв. продвинулась из Приазовья и Прикубанья на северо-восток и образовала на Средней Волге и нижней Каме крупное государство — Волжскую Булгарию с городами Булгаром, Биляром, Суваром и др., просуществовавшее несколько столетий и оказавшее огромное влияние на развитие народов Поволжья. В состав Булгарского царства входили местные финноязычные племена, частично племена восточнославянские и проникшие в Поволжье с юга ираноязычные аланы. В начале своего существования Волжская Булгария зависела от другого тюркского государства — Хазарского каганата,

объединявшего кочевые и подчинившего оседлые племена Северного Кавказа, Приазовья и Донских степей.

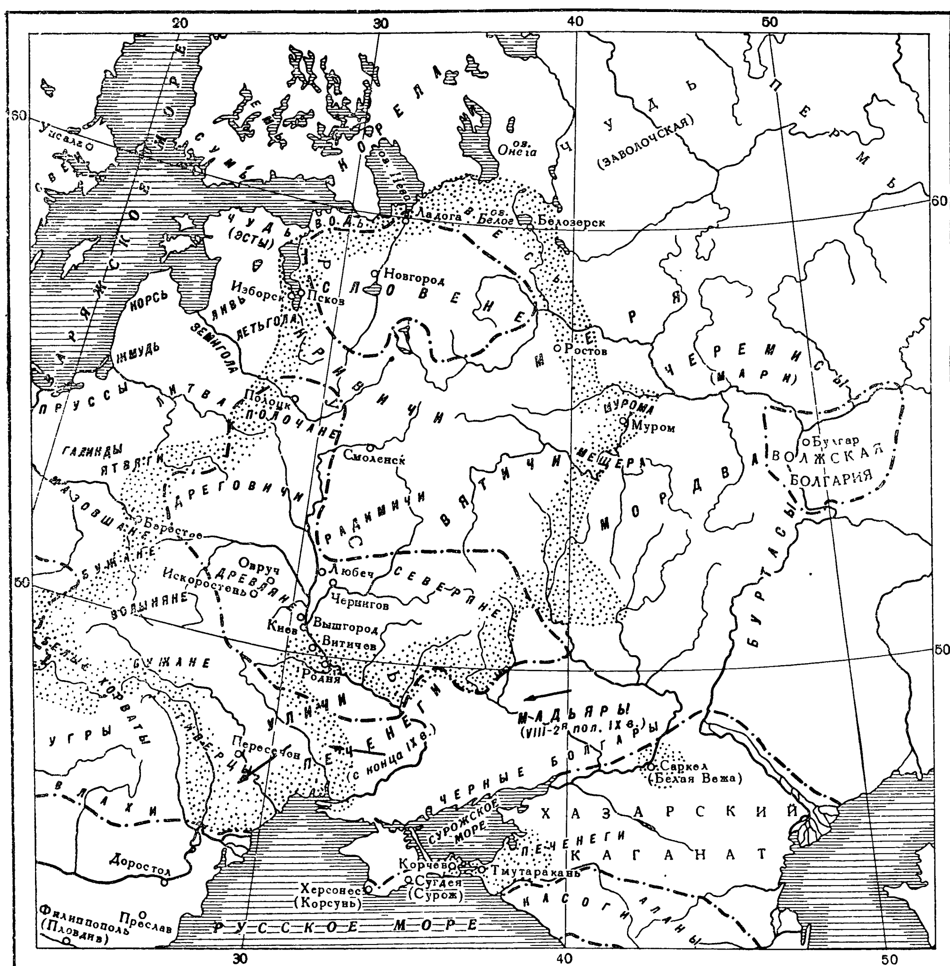
Объединения славянских племен в крупные союзы известны с VI в. (склавины и анты). Позднее, в IX в., наиболее значительную роль играл союз племен, возглавляемый полянами, или русью. Центрами его были Родня, потом Киев. Другой важный племенной союз возглавлялся, по-видимому, словенами. Центром его, вероятно, была сначала Старая Ладога, а в X в. стал Новгород на Волхове. Вероятно, эти крупнейшие центры Древней Руси знали в IX в. арабские писатели, называвшие их Куявия и Славия. О местонахождении и этнической принадлежности третьего также упоминаемого ими центра — Артании—в науке до сих пор ведутся споры. Славянские княжества с самого начала своего существования и позднее включали как славянские, так и неславянские племенные группы. Так, в Новгородское княжество вошли не только славянские союзы племен — словене и кривичи, но также чудь, водь, весь, ижора, корела, лопь, частично емь и летьгола; в Полоцком княжестве были не только славяне-кривичи и дреговичи, но и литва, ятвяги и голядь. Под властью киевских князей находились поляне, древляне, радимичи, вятичи, северяне, дреговичи, уличи, тиверцы, волыняне и белые хорваты и ятвяги. В Рязанском княжестве были кривичи и вятичи и южные группы мордвы, включая мурому и мещеру, и т. д.

Объединение в IX в. Киева и Новгорода под властью киевских князей привело к образованию феодального Древнерусского государства, простиравшегося (в X в.) от южных берегов Ладожского и Онежского озер до среднего течения Днепра и от Чудского озера до верховьев Волги, а на западе и юго-западе— до Карпат, Прута и низовьев Дуная. Вне этой сплошной территории находились принадлежавшие также к Древнерусскому государству Тмутараканское княжество (на Таманском и Керченском полуостровах) и Саркел (Белая Вежа) в среднем течении Дона.

Соседями Древнерусского государства были на востоке Волжская Булгария, на юго-востоке — Хазарский каганат, на юго-западе — Болгарское царство, на западе — Венгрия и Польша. Хазарский каганат пал в середине X в. под ударами Киева, с одной стороны, и кочевников-печенегов— с другой. В середине XI в. место печенегов на юге заняли нахлынувшие из Азии кочевники — кипчаки, или половцы, как их называли на Руси, надолго отрезавшие восточных славян от Черного моря.

На западе волна славянской колонизации проникла на среднее течение Западной Двины и западный берег Чудского озера, вплоть до Юрьева (Тарту). На севере новгородцы в XI—XIII вв. достигли южного побережья Студеного (Белого) моря, на северо-востоке — бассейнов рек Юга и Сухоны, ассимилировав значительную часть веси и чудь заволоцкую. В дальнейшем они продвинулись еще дальше и достигли южного побережья Кольского полуострова (Терский берег), бассейнов Пинеги, Мезени, Вычегды и Печоры, где вступили в непосредственный контакт с пермью, печорой, югрой и самоядью. Славянская колонизация Поволжья, где славяне сталкивались с мордвой, издавна шла как с северо-запада, откуда переселялись кривичи, так и с юго-запада, откуда двигались вятичи. В Древнерусском государстве с развитием феодальных отношений и сложением древнерусской народности племенные связи заменялись связями территориальными.

Дальнейшее развитие феодальных отношений привело к усилению обособленности земель Древнерусского государства, к созданию предпосылок для образования в древнерусской народности трех восточнославянских народностей — русской, украинской и белорусской, которые в дальнейшем, в течение нескольких столетий развивались как близко родственные, в тесном контакте с соседними народами. Распад Древнерусского государства был ускорен нашествием из Азии новой волны кочевников — татаро-монгол. Это нашествие 1236—1242 гг., самым неблагоприятным образом отразившееся на социально-экономическом и культурном развитии всех наро-



Племена и народы Восточной Европы в IX—X вв.
(точками показаны границы Древнерусского государства)

дов Восточной Европы, имело существенное значение для их этнической истории. Славянские земли в северном Причерноморье, в нижнем, а отчасти и в среднем Поднепровье в значительной степени запустели. Древнерусская народность сыграла в этот тяжелый для нее период выдающуюся роль в истории Европы, заслонив ее от нашествия монголо-татар. В пределы Центральной Европы они вторглись значительно ослабленными, что послужило причиной их поражения в Чехии. В результате татарского завоевания на Среднем и Нижнем Поволжье, в Причерноморских степях и в Крыму образовалось несколько татарских феодальных государств с полукочевым скотоводческим, а кое-где и с оседлым земледельческим населением (Золотая Орда, а с ее распадом — ханства Крымское, Казанское, Астраханское и др.). Татары повсюду смешались с остатками прежних поселенцев, восприняв в ряде случаев их культуру. Впоследствии, в XV—XVIII вв., эти ханства были присоединены к Русскому государству.

Часть земель на крайнем юго-западе (Галиция, частично Волынь) в XIV в. была захвачена Польшей. Небольшая группа восточных славян в Закарпатье еще в XI—XII вв. попала под гнет венгерских феодалов.

У балтийских и финских племен Прибалтики под влиянием Древнерусского государства с XII в. стали складываться феодальные отношения и создавались предпосылки для образования литовской, латышской и эстонской народностей. Однако в начале XIII в. этот процесс был прерван вторжением немецких «крестоносцев», захвативших земли прусов, уничтоживших потом это племя почти полностью, западных литовцев (жемайтов), куршей, земгалов, латгалов и южных эстов (северная Эстония в то же время была захвачена датчанами). К северу от Литвы Ливонский орден с XIII в. огнем и мечом расширял захваченные им земли. Вторгнувшиеся также в Прибалтику датские феодалы, оказавшись не в силах справиться с сопротивлением населения, уступили Ордену занятые ими земли эстонских крестьян. Еще севернее, в области расселения финнов-суми (финнов-суоми), еми (тавастов) и карел, такую же захватническую роль играли шведские феодалы. Движение немцев и шведов на восток было приостановлено русскими, нанесшими в 1240—1242 гг. сокрушительные удары агрессорам.

В бассейне Немана, Вилии и Западного Буга литовские племена создали свое феодальное государство значительно позже славян, к середине XIII в. Это государство не было однородным по своему этническому составу. К началу XIV в. литовские феодалы захватили ряд западных древнерусских земель.

К началу XV в. в состав Литовского государства вошли жемайты, что способствовало сложению литовской народности. Под давлением польских феодалов, в условиях возрастающей угрозы немецкой агрессии и внутренних феодальных распрей литовские князья пошли в 1385 г. на унию с Польшей. Однако литовская и польская народности продолжали существовать обособленно. Языковую и культурную самобытность сохраняло в Польско-Литовском государстве также восточнославянское население, испытавшее жестокий гнет со стороны польских феодалов, постоянные вплоть до XVIII в. грабительские нападения крымских ханов и агрессию Османской Турции. Этот гнет ощущали и сами литовцы, попавшие после унии также в подчиненное положение.

Шведы к XV—XVI вв. укрепились в Финляндии и западной Карелии, а в начале XVII в. в результате интервенции в Русское государство захватили все берега Финского залива. В Прибалтике Швеция после Ливонской войны и распада Ливонского ордена в середине XVI в. делила власть в Эстонии и Латвии с Польшей.

Таким образом, после распада Древнерусского государства, народы, населявшие его западные части, и народы Прибалтики вплоть до XVIII в. испытывали агрессию более сильных западных соседей (немецких, польских, шведских, датских феодалов); на юге и юго-западе украинская народность вела постоянную борьбу с крымскими татарами и турками.

Оборона против постоянных нашествий с востока тюркских и иных полукочевых народов для народов Восточноевропейской равнины была возможна только при условии создания сильного централизованного государства. Такое централизованное феодальное государство сложилось в XIV—XV вв. вокруг Москвы. С самого своего образования оно развивалось как многонациональное. С присоединением Новгородской и Псковской земель (XV—XVI вв.) в это государство, объединившее основную часть развивавшейся русской народности, вошли коми-зыряне, а также некоторые группы восточных эстонцев (сету), водь, ижора, карелы и лопари. В XV в. и в особенности в XVI в., когда русскими не только было свергнуто татарское иго, но и покорены татарские государства Поволжья, мордовское, марийское, удмуртское, чувашское, башкирское и татарское население Поволжья и Прикамья также было включено в состав Русского государства.

Расширение территории Русского государства в XV—XVII вв. было сложным и многообразным процессом, в котором следует различать явления политического характера, стимулировавшиеся захватническими устрем-

лениями русских феодалов, и общность исторических судеб народов, определявшуюся целым рядом конкретных национальных, экономических и других обстоятельств.

По мере социально-экономического развития и укрепления государства, после длительных войн были воссоединены с основной частью русских земель западные земли, захваченные ранее польскими и литовскими феодалами. Испытывавшие одновременно национальный, экономический и религиозный гнет украинский и белорусский народы постоянно тяготели к Русскому государству; в результате в 1654 г. основная часть украинского народа добилась воссоединения с Россией. На северо-востоке, востоке и юго-востоке (Поволжье, Приуралье, Сибирь) присоединение к России обитавших там неславянских народов ускорялось переселениями туда значительного числа русских. В южные степи охотно переселялись не только русские, но и украинские и белорусские крестьяне, посадские и мелкие служилые люди. Эти переселения в значительной степени объяснялись стремлением широких народных масс избавиться от усиливавшегося феодального гнета. В XVI в. заселялись также низовья Днепра и Дона, где, в частности, в результате смешения различных этических элементов создалось казачество, проникавшее также на Северный Кавказ. Позднее казаки появились и на Яике.

К первой половине XVII в. относится переселение (после временной уступки Швеции части русских земель у берегов Финского залива) значительной группы карел в верховья Волги, где они образовали особую этнографическую группу тверских карел, позднее частично смешавшуюся с русскими. К началу XVII в. относится первое появление в степях Нижнего Поволжья калмыков, которые окончательно вошли в состав Русского государства в середине этого столетия.

Народы, входившие в состав Русского государства, находились на разных ступенях общественного развития. У тех из них, которые к моменту присоединения достигли уровня классового общества, феодальная верхушка довольно быстро сливалась с русским дворянством. Что же касается эксплуатируемых масс покоренных народов, то на их плечи лег двойной гнет — феодальный и национальный. У народов и племен, находившихся еще на стадии доклассового общества (например, ханты, манси и некоторые другие народы Сибири), опорой царского правительства становилась родоплеменная верхушка. В дальнейшем все эти народы поддерживали восстания русских крестьян, в частности, во время крестьянских войн XVII—XVIII вв. (Болотникова, Разина, Пугачева), а зачастую восставали и сами, в то время как феодальная и родоплеменная верхушка обычно верно служила царскому правительству.

Долгое соседство, общность территории и устанавливавшейся экономической жизни приводили к тому, что вошедшие в состав Русского государства нерусские народы воспринимали ряд важнейших черт культуры русского народа и сами передавали элементы своей культуры поселившимся в их краях русским. Так, например, в северо-западных областях (бывшие Новгородская, Псковская и Тверская земли) финноязычные народы (ижора, чудь, весь и корела) уже в XVI—XVII вв. выработали ряд общих черт с русскими в разных областях материальной культуры и быта (жилище, одежда, орнамент и т. п.), а некоторые из них (водь, ижора, весь) впоследствии восприняли русский язык. С другой стороны, русские, украинские и белорусские крестьяне, а также казаки, проживавшие в окружении иноязычного населения, воспринимали некоторые особенности его материальной культуры и быта и отчасти смешивались с ним.

XVII век явился, как известно, важным рубежом в развитии Русского государства. Производительные силы достигли в этот период того уровня, при котором стало возможным постепенное слияние множества мелких местных рынков в единый всероссийский рынок. Это было обусловлено про-

цессом разделения труда как внутри отдельных отраслей производства, так и между различными территориями страны и, что особенно важно для этнической истории, ослаблением обособленности населявших страну племен и народов.

На рубеже XVII и XVIII вв. Россия стала сильнейшим государством Восточной Европы. В результате Северной войны (1700—1721) в состав Российской империи вошли на северо-западе земли, населенные карелами, ижорцами, водью, эстонцами, латышами. Присоединение к России способствовало более быстрому экономическому развитию народов Прибалтики. Немецкие и шведские феодалы все же удержали под властью царской России свои позиции, а эстонское и латышское крестьянство осталось на положении эксплуатируемого класса. Города Прибалтики, в которых сохранилось преобладание немецкого бюргерского населения, носили своеобразный характер.

К концу XVIII в. территория Российской империи еще более выросла. Она охватила всю южную Прибалтику до границ Восточной Пруссии, западную часть Восточной Европы до Немана, Западного Буга и Днестра, весь юг с Крымским полуостровом, часть Северного Кавказа, значительную часть Казахстана. Таким образом, многонациональное государство стало еще более сложным по своему национальному составу. В него вошли на западе территории, населенные литовцами, поляками, частично Левобережная Украина и Белоруссия, а на юго-востоке — народы Кавказа. Часть восточнославянских народов (белорусов и украинцев) в результате разделов Польши оказалась в составе Австрии и Пруссии. Закарпатская Украина, как указывалось, еще в начале средних веков подпала под власть Венгрии.

В первой половине XIX в. к Российской империи были присоединены Финляндия, ряд областей Польши (вместе с Варшавой), Бессарабия и некоторые районы в устье Дуная с их сложным этническим составом (молдаване, украинцы, болгары, гагаузы, цыгане и др.), Дагестан, народы Закавказья. Объективно включение этих народов в XVIII—XIX вв. в состав сильной России означало избавление их от иногда даже прямого физического уничтожения (например, казахов, грузин, армян). Но политика царского правительства по отношению ко всем этим народам, не исключая и восточных и западных славян — украинцев, белорусов, поляков,— носила эксплуататорский и руссификаторский характер. Царизм попирал основные права народов даже тогда, когда они формально имели свою конституцию (Финляндия, Польша). Царская Россия превратилась в тюрьму народов; угнетенные народы неоднократно пытались защитить свои права и поднимали восстания. Нарастало недовольство широких масс русского населения. Национально-освободительное движение угнетенных народов нередко смыкалось с классовой борьбой.

Разложение феодальных отношений, зарождение и развитие в различных областях экономической жизни страны элементов капитализма усилило неравномерность развития входивших в Российскую империю племен и народов. Если одни из них (например, народы Севера) оставались еще на уровне разложения родового строя, то другие (русские, украинцы, белорусы, поляки, финны, эстонцы, латыши, литовцы, татары Поволжья) находились уже на пути перерастания народности в нацию «...Создание этих национальных связей,— писал В. И. Ленин,— было не чем иным, как созданием связей буржуазных»[1].

Дальнейшее этническое развитие народов России характеризовалось их интенсивным сближением, стиранием многих локальных перегородок и мест-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

ных различий. Именно в этот период постепенно ассимилируются как многие этнические группы внутри наиболее крупных народов, так и некоторые мелкие народы.

В сближении народов особенно большую роль сыграло развитие промышленности и рост городов. На фабриках и в городах представители различных народов оказывались втянутыми в постоянное тесное общение между собой, благодаря чему все быстрее утрачивали некоторые черты своей национальной культуры.

Отход крестьян разных национальностей на заработки в города и промышленные районы усиливал влияние городской культуры даже на глухие деревни и также создавал предпосылки к ликвидации национальной обособленности. Сохранявшиеся крепостнические пережитки зачастую затрудняли отход. Но распространение фабричной промышленности в сельские районы являлось действенным средством усиления в деревне буржуазных связей. «Мужика не пускают на фабрику,— писал позже В. И. Ленин,— фабрика идет к мужику»[1].

Буржуазия охотно пользовалась в своих интересах темнотой, забитостью народа и неравноправным положением национальностей в царской России. Период капитализма наложил поэтому весьма своеобразный отпечаток на процесс этнического развития народов России. Способствуя, с одной стороны, сближению народов, он, с другой стороны, обострял национальную рознь и усиливал национализм.

Таким образом, середина XIX в. явилась важным этапом в экономическом, социальном и политическом развитии России. Феодальные отношения уже изжили себя и стали тормозом в развитии общества. Военному краху (Крымская война) сопутствовал экономический кризис. В стране назрела революционная ситуация. Чтобы крестьяне сами не освободили себя «снизу», правительство (по выражению самого царя Александра II) предпочло освободить их «сверху». В 1861 г. в России была проведена так называемая «крестьянская реформа», а затем в течение 13 лет еще ряд буржуазных реформ — земская, городская, военная, судебная и др. Грабительский характер крестьянской реформы многократно подчеркивался революционерами-демократами. Достаточно сказать, что 22,5 млн. помещичьих крестьян, которые «освобождались» в результате реформы, получили наделы земли в среднем меньше тех, которыми пользовались под властью помещиков. Лучшие земли, «отрезанные» от крестьянских наделов в пользу помещиков, составляли до двух пятых всех крестьянских земель.

Так был определен дальнейший путь развития социальных отношений в деревне, когда сохранялись помещичьи латифундии и существовало лично свободное, но нищее крестьянство, экономически целиком зависящее от помещиков и все более разорявшееся. Ускорился процесс пролетаризации беднейшего крестьянства, составлявшего огромные резервы рабочей силы для развивающейся промышленности.

Проводимая в 1906—1910 гг. столыпинская реформа, согласно которой крестьянам разрешался выход из общины, фактически усилила расслоение крестьянства и развитие сельского хозяйства по прусскому пути. Усилился поток переселенцев — малоземельных крестьян (в основном, русских, украинцев и белорусов, а также народов Поволжья) — в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию.

Развитие капитализма приводило, как уже сказано, к все более интенсивной ломке старого уклада, созданию классового единства представителей различных национальностей как трудящихся, так и эксплуататорских классов. В то же время оно способствовало национальному развитию населявших страну народов, консолидации наций, подъему национально-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 524.

4 Заказ № 888

освободительных движений. Наряду с усилившимся обменом лучшими достижениями национальной культуры, с выработкой сходного образа жизни у тех или иных социальных слоев разных национальностей (при усилении бытовых различий между этими слоями) по-прежнему сохранялись некоторые специфически национальные формы культуры и быта.

После отмены крепостного права пролетариат и буржуазия в России окончательно оформились как классы. Особенностью российской буржуазии всех национальностей было то, что она зависела от царизма и иностранного капитала. Пролетариат России был в то время одним из самых молодых в мире; чрезвычайно тяжелые условия труда, низкий уровень заработной платы, высокая концентрация производства способствовали тому, что российский пролетариат рано вступил на путь революционной борьбы. В этой борьбе выковывался союз рабочего класса с крестьянством; в ее развитии существенную роль играла разночинная революционно-демократическая интеллигенция.

На смену дворянским революционерам-декабристам пришли революционеры-демократы, а в конце XIX — начале XX в. во главе революционного движения становится пролетариат, создавший свою марксистскую партию. Гегемония пролетариата в революционном движении складывалась по мере его консолидации как передового класса вместе с увеличением его роли в жизни страны в целом.

Ведущим в этом процессе, в силу самих условий исторического развития страны, являлся русский пролетариат. Утверждение капиталистических отношений в различных областях страны сопровождалось, как правило, образованием значительных групп русских рабочих, составлявших на новых местах то ядро, вокруг которого вырастали молодые кадры местных рабочих разных национальностей. Так, русский пролетариат сыграл значительную роль в развитии пролетариата украинского, белорусского, татарского и т. д. В Прибалтике, где развитие капитализма было более ранним, сложились большие группы латышского и эстонского пролетариата. В западных частях страны формировался польский, еврейский, литовский, латышский и эстонский рабочий класс, который выступал в революционной борьбе рука об руку с русскими рабочими.

Для революционного движения характерно развитие интернационализма, стремление сплотить революционные силы рабочих и крестьян. Рабочий класс в своем подавляющем большинстве осознавал необходимость борьбы за общее дело всех трудящихся независимо от их национальности. Национально-освободительная борьба развертывалась на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, отчасти и у народов Поволжья и Прикамья. Идеологическим выражением национальной борьбы в известной мере стало «культурное возрождение» — стремление к развитию литературы на родном языке, к созданию национального искусства, к изучению быта своего народа и его прошлого. Передовая марксистская мысль всегда боролась против косных, отсталых обрядов, обычаев, привычек и хозяйственных приемов, которые нередко культивировала и старалась сохранить национальная и русская буржуазия. В. И. Ленин отмечал, что в культуре каждого народа есть две культуры — прогрессивная и реакционная, и не надо смешивать, например, русскую культуру, характеризуемую именами Чернышевского и Плеханова, с культурой Пуришкевичей и Струве[1]. Эти же направления в национальной культуре были четко выражены на Украине, в Прибалтике, Польше, у многих народов с резко выраженной социальной дифференциацией.

Правительство царской России всячески разжигало национальную рознь между населяющими страну народами, стремясь помешать установлению классового единства трудящихся. Оно усилило «руссификацию»

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—122.

страны, насильственно насаждая православие и русский язык, искусственно задерживая развитие национальных культур и в то же время поддерживая реакционные элементы, мешавшие развитию и сближению национальностей.

Царизм всеми средствами пытался подавить нарастающее революционное движение. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. правительство провело ряд мероприятий, направленных на ликвидацию буржуазных реформ 60-х годов и получивших впоследствии название контрреформ. Вдохновителем этой политики был отъявленный реакционер К. П. Победоносцев, стремившийся подавить все прогрессивное в любой области жизни.

«В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл»

писал впоследствии А. Блок[1], передавая очень точно то впечатление, которое политика царизма производила на прогрессивную интеллигенцию.

Царское правительство окончательно разоблачило свою подлинную сущность, расстреляв мирную манифестацию петербургских рабочих 9 января 1905 г., в результате чего рассеялись последние остатки «наивного монархизма» народных масс. Еще раньше, в 1904 г., ввязавшись благодаря авантюрной внешней политике на Дальнем Востоке в войну с Японией, правительство рассчитывало, что «маленькая победоносная война» поднимет его престиж в международных кругах и внутри страны. Но война была проиграна и показала всему миру гнилость царского режима. Стачки рабочих, крестьянские выступления, волнения в армии и на флоте слились в огромную волну первой буржуазно-демократической революции, кульминационным пунктом которой стало Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве. В ходе революционных событий во многих городах страны создавались Советы рабочих депутатов. Борьба русского рабочего класса и крестьянства захватила рабочий класс и крестьянство других национальностей. Особенно значительными были революционные выступления в Прибалтике, Польше, на Украине, в Закавказье. Но революционная борьба еще не слилась с национальным освободительным движением, еще не упрочился союз рабочего класса с крестьянством. Армия, состоявшая преимущественно из крестьян, в целом осталась верной царскому правительству, что позволило ему потопить в крови вооруженные восстания. Буржуазии царское правительство сделало ряд уступок и тем окончательно переманило ее в лагерь контрреволюции.

Империалистическая война 1914 г. еще раз показала разложение буржуазно-помещичьего строя. Проводившаяся большевиками огромная революционная работа подготовила народные массы к новым революционным боям, и вслед за второй буржуазно-демократической революцией, в феврале 1917 г. свергнувшей самодержавие, последовала Великая Октябрьская социалистическая революция в октябре 1917 г.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, определила новые пути национального развития народов бывшей царской России. В борьбе с контрреволюционными силами России и международным капиталом сложилось первое социалисти-

---

[1] А. Блок. Возмездие. Сочинения в двух томах, т. I. М., 1955, стр. 507—508.

ческое государство — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сплотившая вокруг себя другие социалистические республики в Союз Советских Социалистических Республик (декабрь 1922 г.). Основу государства положили Российская Федеративная, Украинская, Белорусская и Закавказская Федеративная Социалистические республики. Позднее, в 1925 г., в него вошли Узбекская и Туркменская республики. Впервые в истории человечества возникло многонациональное государство, основанное на принципе добровольности, равноправия и суверенитета каждого народа. Исходя из марксистско-ленинских принципов разрешения национального вопроса, Коммунистическая партия и Советское правительство проводили в жизнь принцип равноправия и братского сотрудничества наций. Буквально в первые дни установления Советской власти была обнародована Декларация прав народов России, провозглашавшая право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Вскоре после опубликования этой Декларации правительство молодой Российской республики признало право на независимость Финляндии. В результате гражданской войны и иностранной военной интервенции, кроме Финляндии, на территории бывшей Европейской России образовались буржуазные государства — Эстония, Латвия и Литва, буржуазно-помещичья Польша, захватившая значительные части Западной Белоруссии и Западной Украины. Была оккупирована боярской Румынией Бессарабия.

В составе РСФСР в первые же годы был образован ряд автономных советских социалистических республик, автономных областей и национальных округов. Находившиеся ранее в колониальных условиях прежде отсталые народы получили все возможности для социально-экономического и культурного развития. В дальнейшем большинство автономных областей было преобразовано в автономные республики, а некоторые автономные республики выросли в союзные. Это отражало успехи социалистического строительства у народов Европейской части СССР, их быструю национальную консолидацию.

Социалистическая революция резко изменила положение основных классов страны — рабочих и крестьян. Крестьянство получило в свои руки землю, а рабочие из пролетариев превратились в фактических владельцев основной массы промышленных предприятий. Совершенно исчезли сметенные революцией эксплуататорские классы старой России — помещики и крупная буржуазия. Мелкая буржуазия — кулачество и торговцы — в первые годы революции были только подавлены, но не уничтожены окончательно. В 20-х годах в советском хозяйстве существовали следующие уклады: патриархальное крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство (крестьяне-середняки и некооперированные кустари), частнокапиталистический сектор (кулаки, владельцы мелких предприятий, торговцы), государственный капитализм (в основном — концессии, взятые иностранными капиталистами и находившиеся под контролем советского государства), и, наконец, социалистический уклад — национализированные крупные промышленные предприятия и первые кооперативные объединения в городе и в деревне. Социалистический уклад уже в то время являлся ведущим, но борьба социалистических и капиталистических элементов в экономике страны протекала очень остро. Твердая политика Коммунистической партии обеспечивала перевес социалистического сектора.

Основы социалистической экономики, заложенные с первых шагов Советской власти, значительно укрепились в период восстановления народного хозяйства.

Еще в 1919 г. VIII съезд партии наметил величественную программу преобразования страны на социалистических основах. Окруженная со всех сторон врагами Советская Россия начала разрабатывать план элек-

трификации—ГОЭЛРО. «Коммунизм,— говорил В. И. Ленин,— есть Советская власть плюс электрификация всей страны...»[1]

К 1926 г. закончился период восстановления народного хозяйства. В главнейших отраслях промышленности довоенный уровень был достигнут, а в ряде отраслей и превзойден. Начался новый период развития экономики страны — индустриализация, в процессе которой перевес в развитии тяжелой промышленности обеспечивал, в конечном итоге, подъем всех отраслей народного хозяйства и потребления. Пятилетние планы (выполнявшиеся по основным показателям в более короткие сроки) обеспечили успешное развитие нашей страны, превращение ее из аграрной в индустриальную.

Социалистическое развитие страны обусловливало необходимость коренной перестройки сельского хозяйства. Все больше выявлялось несоответствие в развитии мелкого крестьянского хозяйства и социалистической промышленности. Единственным правильным решением была социалистическая перестройка сельского хозяйства на кооперативных началах, его коллективизация. XV съезд партии в конце 1927 г. определил курс развития нашей страны на сплошную коллективизацию. Коллективные хозяйства — сельскохозяйственные артели — создавались в обстановке острой классовой борьбы. Кулачество оказывало отчаянное сопротивление коллективизации, искусственно создавая продовольственные затруднения, не останавливаясь перед вредительством, поджогами и террористическими актами. Главной силой, на которую опиралось колхозное движение, являлась беднота, выступавшая в союзе с середняками против кулачества, которое было в результате коллективизации ликвидировано как класс. Рабочий класс и его партия оказывали огромную поддержку крестьянству. В 1929 г. были созданы машинно-тракторные станции (МТС), обеспечившие коллективным хозяйствам прочную техническую базу. В деревню для руководящей политической и организационной работы были направлены десятки тысяч лучших представителей рабочего класса. Партия и правительство исправляли левацкие ошибки, допускавшиеся при проведении коллективизации, защищали права колхозников и их интересы. В 1933 г. при МТС были созданы политотделы, игравшие важнейшую политическую роль в жизни колхозной деревни. Коллективизация в основном завершилась во второй пятилетке. В 1935 г. колхозы объединяли 93% всех крестьянских дворов и обрабатывали более 99% всей посевной площади.

Победа коллективизации и успешный рост промышленности обеспечили построение фундамента социализма, что нашло свое отражение в новой конституции СССР, принятой в 1936 г. VIII съездом Советов.

В социалистическом государстве интенсивно протекал процесс преобразования и развития (на базе ранее сложившихся наций) наций социалистических, наций нового типа, отличающихся отсутствием антагонистических классов, наличием социалистической системы хозяйства, дружественными отношениями между собой, особенностями своего духовного облика.

Процесс преобразования наций периода капитализма в нации социалистические происходил постепенно, по мере развертывания строительства социалистического общества, в обстановке острейшей борьбы с врагами социалистической революции, с капиталистическими элементами города и деревни, с буржуазными националистами разных мастей. Преобразование наций в социалистические стало возможным в ходе социалистического строительства, в результате неуклонного проведения ленинской национальной политики Коммунистической партии, которая обеспечила не только

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 30.

политическое равноправие всех наций,но и ликвидацию их экономического и культурного неравенства, унаследованного от старого самодержавного режима.

В отличие от наций периода капитализма, господствующей силой в которых являлись эксплуататорские классы, руководящую роль в жизни социалистических наций играет рабочий класс, который уже в условиях капитализма стал передовой частью народа. Направляющей силой во всех сферах жизни советского общества является Коммунистическая партия, которая из партии рабочего класса превратилась в партию всех трудящихся Советского Союза. Политика социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства сыграла важнейшую роль в коренном преобразовании экономических основ наций,что привело в свою очередь к преобразованию их классового состава. Социалистические нации состоят из дружественных классов — рабочих и крестьян—и вышедшей из народных масс новой интеллигенции. Поэтому одним из главных отличий социалистических наций является социально-политическое и идейное единство всего народа, имеющего одну и ту же цель—построение коммунизма. Важной чертой социалистических наций Советского Союза является постепенное стирание резких различий между трудящимися города и деревни, уничтожение последних остатков национализма и шовинизма. Процесс образования социалистических наций характеризуется тесным взаимодействием различных наций, оживленным обменом лучшими достижениями национальной культуры, расцветом материальной и духовной культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Ведущую роль в этом процессе играла русская социалистическая нация, много способствовавшая образованию других социалистических наций, одни из которых (украинцы, белорусы, татары и др.) уже давно сложились как нации, другие (молдаване, карелы, удмурты, мари, чуваши, коми, башкиры, многие народы Средней Азии и Сибири) — прежде более отсталые в экономическом и культурном отношении и находившиеся на разных стадиях общественного развития (от родового строя до феодализма) — сплотились в нации только в советское время. Советское государство содействовало образованию социалистических наций, развивая промышленность и культурные учреждения окраин бо́льшими темпами, чем в центре, уделяя особое внимание образованию на местах рабочего класса, колхозного крестьянства, национальной интеллигенции, ведя ожесточенную борьбу против пережитков старого в экономике и культуре этих народов.

Образование социалистических наций отразилось на структуре социалистического государства. Выраставшие нации получали государственную организацию и автономию. По конституции 1936 г. в Советский Союз входило 11 союзных республик — Российская Федеративная, Украинская, Белорусская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Таджикская, Туркменская, Узбекская, Киргизская и Казахская. В 1939 г. с Украинской и Белорусской ССР воссоединились Западная Украина (Галиция и Западная Волынь) и Западная Белоруссия. В 1940 г. в состав УССР вошла Буковина; в состав СССР были приняты Литовская, Латвийская и Эстонская Советские республики; тогда же были образованы из автономных республик Карело-Финская и Молдавская союзные республики.

Жизненность и сила Советского многонационального государства особенно ярко проявились во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Советское государство в течение нескольких лет по существу одно вело тяжелую борьбу с вооруженными до зубов немецко-фашистскими захватчиками, сумело не только выгнать их со своей территории и освободить народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, но и уничтожить захватчиков в самом их логове. В ходе войны, когда фашистские войска были уже далеко отброшены от границ нашей страны, советские социалистические нации и Советское государство оказали огромное влияние на зарубеж-

ные народы. Ряд стран стал на путь строительства социализма, а для трудящихся всех других стран мира развитие Советского государства служит вдохновляющим примером и руководством в революционной и национально-освободительной борьбе за светлое будущее.

По окончании войны были установлены новые границы между СССР и народно-демократической Польшей, причем произошел обмен населением, в результате которого значительное число украинцев, белорусов и литовцев переселилось в пределы своих советских республик. Чехословацкая республика передала СССР Закарпатскую Украину. Таким образом, впервые в истории, именно в условиях Советской власти, осуществилась вековая мечта украинского и белорусского народов о национальном воссоединении в рамках единых социалистических государств, крупнейших после РСФСР союзных республик, играющих важную роль в хозяйстве Советского Союза и занимающих почетное место в международной жизни.

После окончания войны в состав РСФСР вошла Калининградская область. В этом крае поселилось преимущественно русское население, создавшее заново села и города, разоренные войной. На севере к РСФСР отошла от Финляндии область Петсамо (Печенга), издавна заселявшаяся старым русским населением — поморами.

В республиках Прибалтики и западных областях Украины и Белоруссии в 1949 г. завершилось социалистическое преобразование всего народного хозяйства, была завершена коллективизация. Литовская, латышская и эстонская нации стали на путь социалистического развития.

Культ личности Сталина нанес в ряде случаев огромный ущерб развитию советской национальной политики. Во время войны и в послевоенный период значительные массы людей, и даже целые народы, например карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки, подвергались необоснованным репрессиям, лишались национальной и государственной автономии, переселялись в отдаленные места страны. Эти ошибки были в дальнейшем исправлены Коммунистической партией.

Национальное строительство продолжало развиваться в соответствии с изменениями народонаселения. В 1954 г. Крым был передан из РСФСР в Украинскую ССР. Карело-Финская ССР была в 1956 г. преобразована в Карельскую автономную республику в составе РСФСР.

Победа социалистического строя обусловила коренные преобразования в области культуры, способствовала складыванию общих черт в духовном облике советских людей разных национальностей. Она создала самые благоприятные условия для наиболее свободного и полного проявления творческих дарований народа. Она знаменовала собой глубочайший переворот не только в общественно-политических условиях, но и в умах людей, в их духовной жизни. В СССР произошла грандиозная по своим масштабам культурная революция. Советская гуманистическая культура представляет собой качественно новую, высшую ступень в истории мировой культуры.

Развитие советской культуры происходит в условиях непримиримой борьбы против пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории, против вредных обычаев и нравов, мешающих социалистическому строительству. Новая, социалистическая культура СССР является подлинно общенародной, она служит интересам народа, утверждает наиболее передовые идеалы современности.

Созданная в результате Октябрьской революции новая, социалистическая культура СССР развивается в национальных формах. Сохраняя лучшие национальные традиции, формировавшиеся на протяжении столетий, трудящиеся нашей страны создали новые культурные традиции. Каждая

национальная культура воспринимает достижения других братских культур и, в особенности, богатой культуры русского народа. В то же время русская культура впитывает в себя духовные сокровища других советских народов. Проникнутая великими идеями дружбы народов, советская многонациональная культура является общим достоянием всех народов СССР.

Советская власть уже с первых дней своего существования начала активную борьбу не только за ликвидацию классового неравенства, но и за ликвидацию неравенства между мужчиной и женщиной. У всех народов СССР женщине были предоставлены равные права с мужчиной во всех областях деятельности — производственной, общественной, культурной, в семейном быту.

Большое значение имела и имеет последовательная борьба партии за утверждение атеистического мировоззрения масс. Церковь, являвшаяся оплотом мракобесия и реакции, была отделена от государства, школа — отделена от церкви.

Еще в 1919 г. был издан декрет о ликвидации неграмотности среди взрослых. За два с небольшим года после этого, в условиях гражданской войны и разрухи грамоте обучились пять млн. человек. Для борьбы с неграмотностью была образована Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности при Народном комиссариате по просвещению, а также в 1923 г. добровольное общество «Долой неграмотность». К борьбе с неграмотностью были привлечены все культурные силы города и деревни. Если в 1897 г. в царской России грамотные люди составляли немногим более одной четверти населения, то в 1926 г. грамотных было уже более половины (56,6%), в 1939 г.— почти девять десятых (89,1%), а в 1959 г. неграмотных оставалось всего 1,5% (главным образом из старшего поколения). Так, за короткий срок неграмотная Россия превратилась в страну сплошной грамотности.

У ряда народов, не имевших своей письменности, она была создана на основе русского или латинизированного алфавита. На такие алфавиты перешли и народы, у которых до революции существовала письменность, неприспособленная к их живому языку и сильно затруднявшая овладение грамотой (например, арабская). В 1930 г. в СССР было введено всеобщее обязательное обучение; непрерывно растет число учащихся в средних специальных и высших учебных заведениях. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд мер к тому, чтобы создать новую советскую интеллигенцию, сделать высшее образование достоянием трудящихся. Это обеспечивалось расширением сети высших и средних специальных учебных заведений, устройством специальных рабочих факультетов для подготовки в вузы и т. п. К 1939 г. 1177 тыс. человек получили высшее образование (из них 956 тыс. горожан и 221 тыс. сельских жителей). Это было в четыре с лишним раза больше, чем в царской России к 1913 г. В 1959 г. в СССР было уже 3778 тыс. человек с высшим образованием — в 3,2 раза больше, чем в 1939 г.[1]

Представленные советским строем широкие возможности национального и государственного развития народов не только не повели к обособлению их друг от друга, что предрекали некоторые «теоретики» национального вопроса, но, напротив, способствовали интенсивному сближению народов Советского Союза. Огромную роль здесь сыграл настойчиво и последовательно проводившийся партией и правительством принцип строгой добровольности всех политических и культурных мероприятий, направленных на сближение народов. Так, насильственное насаждение царским правительством русского языка привело в свое время к тому, что борьба против его

---

[1] «СССР в цифрах в 1960 г.». М., 1961, стр. 76.

И. И. Шишкин. «Рожь», 1878 г.

Г. Г. Нисский. «Перед Москвой. Февраль», 1957 г.

обязательного применения была одним из основных элементов национального движения. Советское правительство обеспечило всем народам реальную возможность пользоваться родным языком во всех областях жизни, в том числе в литературе, школе, суде, государственном аппарате. Это привело не только к расцвету национальных культур и росту национальной интеллигенции, но и к тому, что чрезвычайно возросла роль самого русского языка как средства общения между народами Советского Союза. На этом языке стали говорить неизмеримо больше. При переписи 1959 г. 124,1 млн. человек назвали своим родным языком русский. Это значит, что каждый девятый гражданин СССР нерусской национальности считает русский язык своим родным языком.

После исторического XX съезда партии народы Советского Союза, решительно преодолевая последствия культа личности Сталина, вступили в новый период своего развития. XXI внеочередной съезд КПСС утвердил семилетний план развития народного хозяйства (1959—1965 гг.), предусматривающий переход к развернутому строительству коммунизма во всех областях экономики и культуры. XXII съезд, до конца разоблачив остатки антипартийных групп, принял новую Программу партии — Коммунистический манифест нашего времени, наметивший конкретные пути развития Советского государства на базе всенародной социалистической демократии, построения в основном на протяжении ближайших 20 лет коммунистического общества и обеспечения самого высокого жизненного уровня по сравнению с любой капиталистической страной.

В настоящее время в Советском Союзе неуклонно повышается реальная заработная плата рабочих и служащих, рабочий день сократился до 7—6 часов, принят новый закон о повышении пенсионной обеспеченности трудящихся, расширяется и улучшается сеть бесплатного медицинского обслуживания, предприятий бытового обслуживания, выплачиваются пособия многодетным и одиноким матерям. Огромный размах получило бесплатное обучение во всех звеньях, включая высшую школу, производится выплата стипендий всем нуждающимся, созданы благоприятные условия для вечернего и заочного обучения. С каждым годом растет число домов отдыха, санаториев, пансионатов, туристских баз, обеспечивающих потребности широких народных масс, растет с каждым годом сеть общественного питания, огромный размах получило жилищное строительство. Убедительным показателем подъема благосостояния и улучшения жизненного уровня трудящихся является резкое снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни в Советском Союзе по сравнению с дореволюционным временем.

Важнейшей задачей культурных преобразований является воспитание нового советского человека — строителя коммунизма,— моральный кодекс которого включает такие нравственные принципы, как советский патриотизм, интернационализм, коллективизм, преданность делу коммунизма, добросовестный труд на благо общества, подлинный гуманизм, непримиримость к тунеядству, стяжательству.

В наше время на основе создания новых очагов промышленности, освоения целинных земель, новых средств связи чрезвычайно усилился процесс сближения народов Советского Союза. Этому много способствует и увеличившаяся вследствие указанных выше причин подвижность населения. В наши дни люди самых различных национальностей работают на одних и тех же стройках, промышленных предприятиях, в совхозах, колхозах, учатся в одних и тех же учебных заведениях. Сильно возросло число смешанных по национальности браков. Повышение благосостояния трудящихся обусловливает стирание различий в образе жизни как между национальностями, так и между людьми различных групп населения — промышленных и сельскохозяйственных рабочих, колхозников, интеллигенции.

Год от года больше становится таких семей, в которых можно увидеть не только представителей различных наций, но и представителей различных социальных групп советского общества.

Неуклонная демократизация всего общественного строя, усиление прав республик во всех областях национального строительства обеспечивает полное гармоническое развитие экономики и культуры всех социалистических наций. Неуклонно развивается братская взаимопомощь и дружба народов Советского Союза. Одной из форм содружества наций в деле строительства коммунизма является, например, создание укрупненных экономических районов, в некоторых случаях объединяющих две или несколько национальных республик или областей.

В области культуры, как уже говорилось, чрезвычайно расширился обмен лучшими достижениями всех народов нашей страны. Декады национального искусства и литературы, кинофестивали, художественные выставки, переводы всех видов классической и современной литературы на языки народов СССР, постановка пьес и кинофильмов являются ярким выражением этого процесса. «Придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества»,— гласит Программа партии[1].

Значительно более сложным является, как отмечено в этом же историческом документе, процесс стирания языковых различий между народами. В этом процессе особую роль играет межнациональный язык, которым в условиях нашей страны стал русский язык. Во всех республиках неуклонно возрастает число людей, свободно владеющих русским языком; для многих он стал вторым языком общения наряду с родным. На русском языке многие советские люди разных национальностей воспринимают лучшие достижения не только русской, но и мировой культуры. «Исторический опыт развития социалистических наций показывает,— говорится в Программе партии,— что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни»[2]. В процессе всестороннего социально-экономического и культурного сближения социалистических наций складывается новая историческая общность — советский народ, сплоченный единым марксистско-ленинским мировоззрением, общими чертами морали, культуры и быта, общей великой задачей построения коммунистического общества.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В истории формирования антропологического состава современных народов Европейской части СССР важнейшую роль играло смешение (метисация) больших рас. Это относится ко всем народам, принадлежащим к разным языковым семьям: индоевропейской (славянские, балтийские и другие языки), угро-финской, алтайской (тюркские и монгольские), т. е. как к народам, образовавшимся в самой Восточной Европе, так и пришедшим туда в различные исторические периоды. Процесс смешения начался еще в период мезолита и с тех пор непрерывно усиливался и углублялся вплоть до наших дней.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964, стр. 115.
[2] Там же, стр. 15.

Для Европейской части СССР особенно большое значение имело смешение всегда преобладавших здесь европеоидов с проникавшими с востока сибирскими и центральноазиатскими монголоидами. В результате на северо-востоке и востоке Европы образовались различные группы, занимающие в антропологическом отношении промежуточное место между европеоидами и монголоидами.

Наряду со смешением между большими расами существенное значение для формирования антропологического состава восточноевропейских народов имели сложные процессы изменения расовых признаков во времени.

Одним из таких процессов, начавшимся, вероятно, еще в позднем палеолите, была депигментация, т. е. постепенное уменьшение красящего вещества (пигмента) в коже, радужине глаз и волосах у тех групп населения, которые жили у окраин ледника и постепенно продвигались на север по мере его отступания.

Можно предполагать, что темная пигментация, характерная для народов экваториальных стран, способствовала защите организма от воздействия ультрафиолетовых лучей. Однако в известной ограниченной мере эти лучи все же необходимы для развития организма. В тех областях, где солнца бывает мало, темная пигментация становится неблагоприятным фактором. Она препятствует воздействию ультрафиолетовых лучей в той мере, в какой оно необходимо. Поэтому светлая пигментация в приледниковой области играла такую же положительную роль, как темная пигментация в экваториальных областях.

Отсутствие резких границ между климатическими поясами было одной из причин того, что такие границы не образовались также между блондинами Балтийского и Северного морей, с одной стороны, и брюнетами Средиземноморья, с другой. Между теми и другими пролегает широкий пояс промежуточных по пигментации групп (шатенов).

Различные степени депигментации и разные пропорции европеоидных и монголоидных компонентов образуют у народов Европейской части СССР различные сочетания антропологических признаков. Эти сочетания в специальной литературе называются антропологическими типами, которые в свою очередь могут объединяться в группы типов.

В зоне наибольшей депигментации, охватывающей Северную Европу, примесь древних монголоидных элементов постепенно увеличивается к востоку от Балтийского моря. Это дало основание представителям советской антропологической науки выделить в пределах пояса блондинов («ксантохроев», по Т. Гексли) две группы типов: западную (атланто-балтийскую), в которой примесь монголоидного элемента практически отсутствует, и восточную (беломоро-балтийскую) — немного менее депигментированную, со следами небольшой монголоидной примеси. Среди шатенов, широко распространенных среди большинства народов Восточной Европы, небольшая примесь монголоидного элемента также проявляется на востоке несколько более отчетливо, чем на западе.

В западной зоне пояса шатенов условно выделяется атланто-черноморская группа типов, на востоке собственно восточноевропейская. По окраске глаз и волос к поясу шатенов может быть отнесена урало-лапоноидная группа, тоже смешанная по происхождению, но уже с более значительной долей монголоидных компонентов. Настоящие европеоидные брюнеты («меланохрои») большой роли в истории антропологического состава народов Европейской части СССР не играли, однако с юго-запада сюда проникали с древнейших времен элементы средиземно-балканской группы (через бассейн Дуная), а с юго-востока — переднеазиатской и, может быть, индопамирской групп (через Кавказ и Среднюю Азию).

Возникновение различий между тремя последними меланохройными группами в значительной степени объясняется процессом грацилизации,

который, согласно исследованиям советского антрополога Г. Ф. Дебеца, начался еще в неолите одновременно с постепенным переходом людей сначала на юге, а затем и на севере к земледелию. Этот переход обусловил глубокие изменения всего образа жизни, пищевого режима и демографической структуры населения, в результате чего происходило уменьшение общей массивности скелета, наклона лба, выраженности надбровья, продольного и отчасти высотного диаметров черепа, ширины лица, степени выступания носа. В различных районах Европейской части СССР темпы этих процессов были, естественно, разными. Поэтому, например, строение тела северных светлых европеоидов во многих случаях оказывалось более массивным, чем южных европеоидов, более интенсивно пигментированных. В переходном поясе шатенов сложилось много местных типов, у которых цвет волос и глаз различным образом сочетается со строением тела.

Значительно позднее, чем депигментация и грацилизация, начался третий процесс изменения расовых признаков во времени — брахикефализация (повышение головного указателя)[1]. Брахикефализация проявляется как в укорочении, так и в расширении черепа. По мнению некоторых ученых (например, В. В. Бунака), брахикефализация вызывается интенсивным смешением ранее изолированных групп. Отдельные мезобрахикефальные расовые типы возникли еще в мезолите и неолите. Наибольшей интенсивности процесс брахикефализации в Восточной Европе достиг в позднем средневековье (XIV—XVII вв. н. э.) после этнических перемен, переселений и смешений, вызванных монголо-татарским нашествием в XIII в.

Таким образом, в пределах Европейской части СССР (как и во всем мире) в результате длительного смешения больших рас, депигментации, грацилизации, брахикеф лизации и некоторых других недостаточно еще изученных процессов (например, вековых колебаний роста) складывались различные сочетания расовых признаков («типы»), всегда связанные с теми или иными конкретными этническими общностями, хотя и никогда не совпадающие с ними полностью. Конкретная история формирования антропологического состава всех народов определяется в конечном счете общественными явлениями — хозяйственно-культурной деятельностью и образом жизни народов в различной естественно-географической среде, их передвижениями, контактами и смешениями.

В начале нашей эры восточнославянские, балтийские (летто-литовские) и финские племена, составлявшие вместе с позднее исчезнувшими фракийцами и иранцами абсолютное большинство населения Европейской части СССР, были уже антропологически неоднородными и в различных пропорциях отражали почти все перечисленные выше группы расовых типов: атланто-балтийскую (преимущественно на северо-западе среди прибалтийских финнов, летто-литовцев и, быть может, восточных славян верхнего Поднепровья), беломорско-балтийскую (у тех же прибалтийских и частично у северных групп пермских финнов, а также, вероятно, у живших между ними в бассейне Северной Двины предков летописной «чуди заволоцкой»), атланто-черноморскую (у большинства восточных славян, фракийцев и иранцев Причерноморья), восточноевропейскую (у наиболее продвинувшихся на восток славянских племен и соседних с ними финнов главным образом в области распространения дьяковской культуры), уральскую (у большинства финнов и угров Волго-Камья и Приуралья). С проникновением, начиная с IV в. н. э., в Восточную Европу тюркоязычных кочевников здесь появились типы, относящиеся к монголоидной большой расе.

---

[1] Головной указатель — процентное отношение наибольшей ширины головы к ее наибольшей длине. К долихокефалам принято относить людей с указателями ниже 75,9, к мезокефалам — с указателями 76,0—80,9, к брахикефалам — с указателями 81,0 и выше.

Изучение антропологического состава ближайших предков восточных славян первых веков н. э. сильно затрудняется, с одной стороны, широко распространенным в это время обычаем трупосожжения, с другой — сложностью вопроса об этнической принадлежности археологических культур этого периода (например, черняховская культура, распространенная на юго-западе Европейской части СССР, по-видимому, принадлежала различным племенным группам).

Восточнославянские народы

С конца I — начала II тысячелетия н. э. трупосожжения у восточных славян постепенно уступают свое место трупоположениям в курганных могильниках. К VIII—XIV вв н. э. относится большое количество краниологических серий из курганов, оставленных различными восточнославянскими племенными группами, хорошо известными по летописным данным. Среди славян того времени процесс грацилизации протекал несколько различными темпами в более южных и более северных районах. Более узкое лицо, такое же как у людей черняховской культуры, отмечено в первую очередь у полян и северян, у южных дреговичей, у некоторых групп радимичей. Череп у них несколько менее массивный. Более широкое лицо и более массивное строение черепа характерно для полоцких кривичей, северных дреговичей, большинства древлян и радимичей. По форме мозгового черепа все перечисленные славянские племена характеризуются длинноголовостью.

У северо-западных групп восточных славян конца I — начала II тысячелетия н. э., живших главным образом на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, а также в соседних районах Эстонии и Латвии, форма мозгового черепа более округлая.

В некоторых славянских группах северо-запада Европейской части СССР наблюдается иногда тенденция к уплощенности лица и к слабому выступанию носа. Эти признаки, свидетельствующие о небольшой примеси монголоидных элементов, проникших сюда из Сибири еще в каменном веке в эпоху первоначального заселения этой территории, еще более заметны в строении черепов из «чудских» (главным образом водьских, южноэстонских и вепсских) могильников рассматриваемого района, археологически часто трудно отделимых от славянских памятников. Очевидно, восточные славяне, в частности новгородские словене и некоторые группы кривичей, продвигаясь на север, вступили в тесное взаимодействие с жившими там финнами. В физическом типе последних в более западных группах (например, у предков эстонцев и отчасти води) издавна (со времени культуры «боевых топоров») преобладали европеоиды, более или менее сохранившие массивное строение тела, свойственное древнейшему населению Европы. В более восточных группах (в том числе у веси и, вероятно, «чуди заволоцкой») были распространены грацилизированные европеоидные типы, издавна смешанные с древними монголоидными элементами. Мезобрахикефалия большинства словенских и некоторых кривичских групп северо-запада объясняется скорее всего смешением различных европеоидных и промежуточных компонентов.

К востоку и юго-востоку от словен, в бассейне верхней Волги и Оки, были расселены многочисленные племенные группы кривичей и вятичей. В XI—XIV вв. н. э. среди этих племен на всей территории их расселения были широко распространены длинноголовые, преимущественно узколицые европеоиды, возможно, продвинувшиеся сюда с юго-запада, из среднего Поднепровья в период усиленного заселения Северо-Восточной Руси славянами до и после татарского нашествия. Среди части кривичей, обитавших к западу от Москвы, по данным Т. А. Трофимовой, прослеживаются и широколицый долихокефальный европеоидный тип, характерный также для полоцких кривичей и, возможно, связанный со славянизированными восточными балтийцами-ятвягами (судавами) и голядью (галиндами) — потомками

Девушка из племени вятичей
(реконструкция М. М. Герасимова)

западных «фатьяновцев». Палеоантропологические материалы хорошо согласуются, таким образом, с гипотезой Х. А. Моора и других советских археологов о былом широком распространении древних балтийцев на восток и об их значительной роли в этнической истории восточнославянских народов, в особенности русских и белорусов.

Формы, во многом сходные с промежуточными типами уральской, или урало-лапоноидной группы, присутствуют в мезобрахикефальных вариантах среди смоленских и восточных кривичей Верхнего Поволжья, частично смешанных с финскими племенами мери и муромы. Еще более отчетливо особенности урало-лапоноидной группы (уплощенное лицо, слабо выступающий нос, невысокое переносье и др.) выступают (в сочетании с долихокефалией) у различных групп вятичей, живших к югу от Москвы до бассейна Оки. Можно, таким образом, предполагать, что на востоке тесный контакт вятичей и кривичей с поволжскими финнами привел к смешению узколицых европеоидов с различными вариантами урало-лапоноидной группы, распространенными в Волго-Окском междуречье еще с неолитических времен. Среди вятичей и, быть может, юго-западных (ельнинских) кривичей преобладали более длинноголовые (субуральские) формы урало-лапоноидной группы, а среди восточных кривичей — более короткоголовые (сублапоноидные) варианты.

Судя по скудным упоминаниям античных и средневековых авторов, а также по остаткам волос в курганах, можно предполагать, что славяне, как и их западные соседи (германцы и кельты), были значительно хотя и не крайне депигментированы. Наиболее вероятно, что большинство восточнославянских племен в антропологическом смысле относилось к поясу шатенов. Более южные племена славян Поднепровья входили на рубеже I и II тысячелетия н. э. в состав атланто-черноморской группы шатенов, точнее, в состав ее восточного черноморского, или «понтийского» (по терминологии В. В. Бунака), крыла. Более северные славянские группы Поднепровья и северо-запада, особенно смешанные с балтийцами, отличались, вероятно, не только более массивным строением тела, но и более интенсивной депигментацией. Среди них возможно присутствие типов атланто-балтийской группы блондинов. Резкого перехода между атланто-черноморской и атланто-балтийской группами тогда (как и теперь), конечно, не было, и восточноевропейские шатены (понтийцы) были генетически тесно связаны с восточноевропейскими же блондинами (балтийцами).

Сравнительно грацильный мезобрахикефальный тип ильменских сло-

вен, отдельных групп кривичей и соседних с ними балтийских финнов может рассматриваться в качестве древней формы беломорско-балтийской группы депигментированных типов, характеризующихся преобладанием признаков европеоидной расы, но несущих следы древнего воздействия монголоидных форм. Возможно, что в конце I — начале II тысячелетия н. э. в составе этой группы уже выделились более длинноголовые (беломорские) и более короткоголовые (восточнобалтийские) формы. Так как современное русское население северо-запада, Карелии и бассейна Северной Двины обычно оказывается темнее соседних финнов (вепсов, карел, даже коми-зырян), следует допустить, что славяне, заселявшие лесную полосу Восточной Европы, были несколько более пигментированы по сравнению с той прибалтийской и «заволоцкой» чудью, которую они недаром прозвали «белоглазой». Быть может, «чудь белоглазая» представляла отдаленных потомков финнизированных по языку «палеоевропейцев», едва ли не самых депигментированных людей на земле. Восточные кривичи и вятичи относились, вероятно, к тому же поясу шатенов, что и славяне Поднепровья. Однако наличие уральских расовых компонентов в составе этих наиболее восточных групп славянства отличает их от днепровских соплеменников. В начале II тысячелетия н. э. у славянского населения Волго-Окского междуречья урало-лапоноидные черты, связанные с недавно еще жившими там финнами, были выражены, естественно, гораздо сильнее, чем у современных русских той же области, население которой постоянно пополнялось славянскими переселенцами из более западных районов в период консолидации русского народа вокруг Москвы.

Дальнейшая история формирования антропологического облика восточнославянских народов тесно связана с продолжавшимися процессами изменения расовых признаков (в особенности с брахикефализацией), а также с перемещениями и взаимодействиями разных этнических групп населения. У русских северо-западных областей, включивших в свой состав, помимо потомков словен и кривичей, некоторые летто-литовские и прибалто-финские группы, сложилось сочетание следующих характерных черт. Рост выше среднего (166—168 см у взрослых мужчин), волосы преимущественно темнорусые, прямые или широковолнистые, третичный волосяной покров на лице и теле умеренный, глаза светлые (серые и голубые) или реже смешанные. Размеры лица средние, скулы выступают слабо, складки верхнего века обычно имеются, но развиты незначительно. Нос узкий и выступающий с высоким или средним переносьем, большей частью прямой спинкой, горизонтально расположенными кончиком и основанием.

Эта комбинация признаков сочетается с различными пропорциями мозговой коробки; у русских Приильменья, а также у некоторых приднепровских групп белорусов она сочетается с мезокефалией («ильменско-днепровский» тип со средними индексами 79—81), а у большинства русских верховьев Волги, Валдайской возвышенности, Пскова и районов, расположенных от него к северу, с брахикефалией («валдайский» тип с указателями 82—84). По остальным признакам население этих областей очень сходно. В общем русские северных областей по физическому типу стоят гораздо ближе к другим славянским группам Восточной Европы (северопонтийским шатенам), чем к народам Северной Европы (атланто-балтийским блондинам), гораздо более светлым (особенно по цвету волос) и, как правило, отличающимся более массивным строением тела. Вряд ли можно сомневаться, что население русского Севера сложилось в процессе продвижения из среднего Поднепровья на север словен и кривичей, бывших преимущественно узколицыми шатенами, и их внедрения в среду летто-литовцев и прибалто-финнов, принадлежавших к атланто-балтийской группе.

Выдающийся русский антрополог начала XX в. Е. М. Чепурковский считал валдайский тип одним из основных расовых типов русского народа (преимущественно в области кривичской колонизации и окающих

севернорусских говоров). Другим главным расовым компонентом русских Е. М. Чепурковский считал «тип восточного великоруса» (иначе «рязанский»), более темный, мезокефальный (78—80) и высокорослый (168—169 см). По мнению Чепурковского, этот тип, распространенный в области акающих южнорусских говоров, а также в Среднем и Нижнем Поволжье, связан преимущественно с вятичской и, может быть, с северянской колонизацией. По своему происхождению «восточный великорус» связан с древним европеоидным, относительно длинноголовым и умеренно депигментированным населением северного Причерноморья. К русским области «восточного великоруса» близки некоторые группы мордвы-мокши, впитавшей, по-видимому, южные (скифо-сарматские) элементы.

Однако русские Валдайской возвышенности и области «восточного великоруса» не только связываются между собой целым рядом переходов, но и по большинству важных диагностических признаков мало отличаются друг от друга. По цвету глаз, например, «восточные великорусы» лишь немного темнее валдайцев, но по цвету волос различия между теми и другими совершенно ничтожны. По существу все перечисленные «типы», начиная с ильменско-днепровского и кончая рязанским, представляют собой лишь местные варианты севернопонтийских шатенов.

При общем европеоидном облике у русских центральных областей намечается (особенно в восточных районах) небольшая, но определенная тенденция к уменьшению третичного волосяного покрова, выступанию скул, развитию складки верхнего века, уменьшению высоты переносья. В этом проявляется небольшая примесь монголоидного элемента, отмеченная у восточных кривичей и вятичей. В. В. Бунак выделяет здесь особый «центрально-восточноевропейский» тип, который, по его географической локализации, можно было бы назвать также и «волго-окским». Это и есть представители, упомянутой выше «восточноевропейской группы типов».

Для русских северной половины Европейской части СССР, в бассейнах Белого и Баренцова морей, т. е. в зоне первоначальной новгородской колонизации, характерно сочетание светлых волос и глаз, значительной степени грацилизации и других признаков беломорско-балтийской группы. Беломорский вариант этой группы, характеризующийся мезокефалией (79—80) и ростом выше среднего (166—168 см), ярко выражен у русских северной Карелии, Поморья и нижнего Подвинья. Возможно, что в этом проявляется связь с теми группами севернорусского населения, в формировании которых роль новгородцев была наиболее велика.

Многие группы русских Белозерья, Прионежья и древнего Заволочья на Онеге, Сухоне, Ваге, Вычегде, Пинеге, Мезени отличаются более высоким головным указателем (81—82), меньшим ростом (163—165), несколько большей степенью депигментации, грацилизации и выраженности урало-лапоноидных особенностей. Это сочетание признаков известно под именем «восточнобалтийского» типа. «Беломорские» группы впитали большее количество связанных с новгородскими словенами ильменско-днепровских элементов, а «восточнобалтийские» в значительной мере сохранили облик «чуди белоглазой». В настоящее время особенности восточнобалтийского типа наиболее ярко выражены у трех групп севернорусского населения, которые по своему происхождению являются наполовину «чудскими» (соседи южных карел и вепсов в Карелии). В некоторых случаях (на средней Мезени или на Печоре) лапоноидные черты у русских оказываются сильно выраженными и сочетаются с более интенсивной пигментацией волос и глаз, что указывает на вероятное смешение с соседними ненцами, среди которых в Канинско-Тименской и Малоземельской тундре доля лапоноидных элементов очень велика.

В истории формирования антропологического облика белорусов, как и русских, главную роль играли процессы грацилизации и брахикефализации северопонтийских европеоидов Поднепровья, продвигавшихся к северу

и смешивавшихся с «атланто-балтийцами», а частично и с сохранившимися в лесной полосе со времени неолита урало-лапоноидами. Современное население центральной Белоруссии в массе обнаруживает те же антропологические особенности, что и соседние с ними русские Валдайской возвышенности и соседних областей. В целом для белорусов характерно сочетание общего европеоидного облика с русыми волосами, светлыми или смешанными глазами, брахикефалией (82—83), ростом выше среднего (166—168). Сходство центральных белорусов с «валдайцами» настолько сильно, что можно прямо говорить о преобладании валдайского типа на территории БССР или о широком распространении у обоих восточнославянских народов одного и того же «валдайско-днепровского» компонента. У некоторых групп белорусов в верхнем Поднепровье (район Могилева) головной указатель несколько ниже, что сближает их с русскими Приильменья и дает основание говорить о едином «ильменско-днепровском» типе.

У северных белорусов, обитающих в районах, непосредственно примыкающих к Литве и Латвии, рост несколько выше (168—170 см) и строение тела более массивное, что проявляется, в частности, в увеличении ширины лица. В этом проявляется родство с соседними латышами и отчасти литовцами. На западе Белорусской ССР, в бассейне верхнего Немана, а также на юге, в Полесье выступает тенденция к более темной окраске волос и глаз в сочетании со значительной брахикефалией (83—84), ослабленным третичным волосяным покровом, некоторой скуластостью и очень низким, но широким лицом. Эта комбинация, описанная под именем «полесского», или «южнобелорусского» варианта, напоминает сочетание, описанное выше у русских восточноевропейской группы. В формировании южных белорусов принимали, вероятно, известное, хотя и очень небольшое, участие монголоидные элементы, с глубокой древности (едва ли не с мезолита) проникавшие далеко на запад.

На белорусов Полесья похожи и украинские «полещуки», отличающиеся умеренной депигментацией волос и глаз, пониженным третичным волосяным покровом, ростом выше среднего (167—168 см), брахикефалией (82—84), очень широким, но низким лицом. Общность этнической истории украинского и белорусского населения Полесья — в массе потомков древлян — хорошо подтверждается, таким образом, и антропологическими данными. Украинцы восточного (черниговского) Полесья, расселенные главным образом в бассейне Десны, отличаются от западных полещуков более светлой окраской волос и глаз, меньшим ростом (167 см), не столь широким и низким лицом, отсутствием черт «лапоноидности». Выделенный здесь В. Д. Дяченко «деснянский тип» по существу почти не отличается от валдайского типа русских. Таким образом, валдайский тип оказывается одним из основных расовых компонентов всех трех восточнославянских народов.

Украинцы центральных областей отличаются от черниговских главным образом несколько более интенсивной пигментацией волос и глаз, более развитым третичным волосяным покровом, повышенным ростом (169—171 см). На огромной территории, включающей Киевскую и Полтавскую области, Слободскую Украину, восточную и среднюю Подолию, южную и западную Волынь, ряд районов степной Украины, антропологические особенности варьируются очень мало, на основании чего здесь может быть выделен единый центрально-украинский тип. По своему происхождению украинцы этих областей связаны с теми древними европеоидами, которые были основой развития большинства расовых компонентов восточнославянских народов. Однако темпы брахикефализации у украинцев были выше, чем у других восточнославянских народов. В формировании физического типа центральных украинцев известное участие приняли сравнительно темнопигментированные группы населения Прикарпатья, которые в большом количестве проникли в среднее Поднепровье с запада

после татарского нашествия. В связи с заселением Слободской Украины ареал центрально-украинского типа в XVI—XVII вв. значительно расширился на восток, а в XVIII в.— на юг вплоть до Черного моря. Естественно, что на таком обширном пространстве рассматриваемый тип образует ряд местных вариантов, связанных как между собой, так и с соседними расовыми типами.

Украинцы нижнего Поднепровья отличаются наиболее сильно развитым третичным волосяным покровом, несколько более темными волосами и глазами и высоким ростом (169—170 см). Головной указатель здесь несколько ниже (81—82). Украинцы этих областей во многом близки, с одной стороны, к «восточным великоруссам», с другой — к некоторым группам молдаван, румын и болгар. В их формировании принимали, вероятно, участие южные интенсивно-пигментированные элементы, входившие в состав сармато-алан и других кочевников, частично ассимилированных восточными славянами еще в период Киевской Руси. Многие черты сходства, сближающие украинцев с русскими и белорусами, свидетельствуют о единстве их этнического развития и убедительно опровергают реакционные концепции украинских националистов о якобы едином украинском расовом типе, о «расовой специфичности» украинцев, и их резких отличиях от других восточнославянских народов.

Украинцы Прикарпатья отличаются от остальных восточнославянских групп наиболее темной пигментацией волос и глаз. Рост у них средний (165—167 см), голова очень брахикефальная (84—85). Карпатский тип, отчетливо выделяющийся здесь исследователями, имеет ближайшие аналогии на юге Центральной Европы и на севере Балканского полуострова, в бассейне Дуная и в Альпо-Динарской горной области, среди словаков, чехов, южных поляков, словенцев, хорватов, сербов, венгров и румын. Географически и морфологически карпатский тип является связующим звеном между атланто-черноморскими шатенами и средиземно-балканскими брюнетами. По своему происхождению карпатский тип (как и ближайшие к нему короткоголовые формы Центральной Европы) произошел в результате брахикефализации древних, преимущественно грациальных европеоидов неолита и бронзового века, среди которых уже тогда имелись как долихокефальные, так и брахикефальные варианты.

Археологические данные показывают, что иллирийцы и близкие к ним по культуре и языку северные фракийцы (даки или геты) в первых веках нашей эры играли видную роль в истории юго-западной группы восточных славян, в частности белых хорватов, на территории былого расселения которых локализуется на Украине карпатский тип. Как известно, древний этноним «хорват», возможно связанный с наименованием Карпат, был распространен также среди западных и южных славян (в Чехии и Югославии).

Наблюдаемый по данным антропологии постепенный морфологический переход от восточных славян к западным и южным служит веским доказательством общности происхождения всех славянских народов, наличия во все периоды истории тесных этнических связей между ними. Антропологический тип юго-западных украинцев является важнейшим звеном в этом переходе, историческая реальность которого именно в области Карпат устанавливается также по данным этнографии и языкознания.

Балтийские народы

Об антропологическом составе древнебалтийских племен первых веков н. э. сведений почти нет. Палеоантропологические материалы более позднего времени (середины и конца I—начала II тысячелетия н. э.) в полном соответствии с данными археологии позволяют разделить эти племена на две группы — западную и восточную (К. Ю. Марк). Черепа из жемайтских и земгальских могильников, а также некоторые серии латгальских черепов характеризуются европеоидным типом строения лицевого скелета, долихокефалией,

массивностью и значительной высотой лица. Они напоминают черепа носителей культуры боевых топоров с территории Калининградской обл. и северной Польши. В юго-восточных районах Латвии и восточных районах Литвы, где преобладали курганные могильники, главным образом среди латгалов, северных жемайтов и более восточных балтийских племен (судавов, галиндов и др.), а также, возможно, среди аукштайтов был сосредоточен другой европеоидный длинноголовый тип, менее массивный и более низколицый, сходный с типом некоторых славянских групп среднего Поднепровья. В процессе брахикефализации и грацилизации этих компонентов образовались антропологические типы современных литовцев и латышей.

По данным авторов настоящей главы и М. В. Витова, латыши и литовцы характеризуются в среднем сильной профилировкой лица, слабым выступанием скул, высоким переносьем и незначительным развитием складки верхнего века, т. е. всеми признаками европеоидной большой расы. По признакам второго порядка наблюдаются некоторые территориальные различия. Характерными особенностями западных и южных латышей, а также северо-западных литовцев являются светлые глаза и сравнительно светлые волосы, высокий рост, крупные размеры головы и лица, а также мезокефалия. Этот комплекс признаков описан под наименованием западнобалтийского типа, который относится к атланто-балтийской группе светлых европеоидов (ксантохроев). По своему происхождению перечисленные группы латышей и литовцев связаны с древними европеоидами, которые в большом количестве проникли в Прибалтику с юго-запада вместе с носителями культуры боевых топоров.

Латыши в восточных районах Латвии также светлопигментированы, но более низкорослы и более брахикефальны. Массивность черепа меньше, лицо более низкое. Кроме того, у них заметны слабые следы монголоидной примеси. Они занимают промежуточное положение между западными латышами и некоторыми финскими народами, особенно вепсами, у которых восточнобалтийский тип выступает в наиболее яркой форме. Это свидетельствует о смешении латышей с древними прибалтийско-финскими племенами.

Большинство литовцев отличается от латышей немного более темной пигментацией, менее высоким ростом, более брахикефальной головой и большей степенью грацильности. В их антропологическом облике проявляются, таким образом, черты сходства как с восточнославянскими народами, так и с соседними польскими группами. Авторы этой главы считали возможным выделить здесь особый центральноевропейский тип — умеренно пигментированный и брахикефальный.

На востоке Литвы головной указатель несколько ниже, что может свидетельствовать о родстве с ильменско-днепровскими группами русских и белорусов.

Финские народы

В состав прибалтофинских племен раннего средневековья входили те же антропологические компоненты, что и в состав их балтийских (летто-литовских) и восточнославянских соседей. Черепа XI—XIII вв. из грунтовых могил северной и западной Эстонии при общем европеоидном облике отличаются массивностью, долихокефалией и высоким лицом. Сходные черепа найдены и в могильниках ливов того же времени. Черепа XIV в. из юго-восточной Эстонии и водьские черепа XI—XIV вв. из курганов северо-восточной Эстонии, а также из курганов XIII—XIV вв. с территории нынешней Ленинградской обл. более мезокефальны, отличаются более низким и широким лицом и по многим признакам напоминают неолитические черепа носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Черепа ижорцев XIII—XV вв. мезокефальны, массивны и широколицы. Они напоминают черепа IX—XI вв. из могильников в окрестностях

Тихвина, принадлежавших, возможно, вепсам. В некоторых сериях из той же местности, относящихся к XI—XIII вв., проявляется некоторое уплощение лицевого скелета, что может свидетельствовать о небольшой примеси монголоидного элемента. Таким образом, среди западных и северных эстонцев, а может быть, и среди ижор в средние века преобладал западнобалтийский тип, а среди восточных эстонцев, води и части вепсов — восточнобалтийский.

Крайне скудны данные о расовой принадлежности древних финнов бассейна Оки и верхнего Поволжья. С территории обитания мерянских племен в нашем распоряжении есть только черепа славян, главным образом кривичей, относящиеся к сублапоноидному типу, т. е. мезокефальные, грацильные и узколицые, с монголоидной примесью. В результате ассимиляции древней мери этот тип вошел в состав славян. Для кривичей среднего течения Оки также характерны особенности сублапоноидного типа, который, по всей вероятности, связан с муромой.

Мокша представлена черепами из могильников VIII—X вв. по р. Цне. При общем европеоидном облике эти черепа долихокефальны, очень грацильны и узколицы. Мордовские черепа из могильников на территории современных Куйбышевской и Саратовской областей сходны с черепами из могильников по р. Цне.

Черепа носителей пьяноборской культуры (II в. до н. э.— III в. н. э.) из южной Удмуртии — вероятных предков пермских финнов — являются долихо-мезокефальными, грацильными, с небольшими размерами лица. Наряду с европеоидными черепами выделяются и смягченно монголоидные, характеризующиеся ослабленным выступанием носа, а также некоторой уплощенностью лица. Антропологические материалы I тысячелетия н. э. из верхнего Прикамья представлены черепами поломской культуры — предками удмуртов и ломоватовской культуры — предками коми. Все эти черепа характеризуются мезо-брахикефалией, средним или широким лицом и некоторыми признаками, свидетельствующими о монголоидной примеси. Такой комплекс признаков позволяет отнести их к сублапоноидному типу.

Соседние с пермскими финнами угры Приуралья по своему антропологическому облику мало отличались от пермских финнов. Южные угорские племена (предки венгров, или мадьяр), достигшие к концу IX в. Дунайского бассейна, относились, по данным венгерских антропологов, преимущественно к брахикефальному европеоидному типу. Однако среди них описаны также южносибирский и уральский типы.

Таким образом, среди древних угро-финнов в I тысячелетии н. э. встречались разные антропологические компоненты. В более западных и южных областях преобладали длинноголовые европеоиды, а на востоке — переходные типы урало-лапоноидной группы. В результате дальнейшего смешения этих компонентов, а также в процессе брахикефализации, грацилизации и отчасти депигментации формировались антропологические типы современных угро-финских народов.

Большая часть финских народов Европейской части СССР относится к европеоидной расе. Однако некоторые из них, главным образом расселенные в более восточных районах, обладают антропологическими особенностями, не характерными для европеоидов. У них ослаблен рост бороды, лицо несколько уплощено, скулы сильно выступают, переносье невысокое, расположение оси глаз часто наклонно, встречается эпикантус и т. п. По этим признакам многие группы волжских и пермских финнов занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами и составляют урало-лапоноидную переходную группу. Эту группу в целом характеризует еще низкий рост (162—164 см), довольно темная пигментация волос и глаз, а также вогнутая спинка носа. В составе этой группы выделяются лапоноидный и уральский типы. Лапоноидный тип — брахикефальный и очень

низколицый; характерными его представителями являются лопари (саамы). Уральский тип отличается более долихокефальной головой и более высоким лицом (ханты и манси).

По целому ряду признаков первого порядка можно установить наличие монголоидной примеси у южных коми-зырян, у коми-пермяков, удмуртов, марийцев, а также у мордвы-мокши. Кроме того, у них наблюдается более низкий рост и более темная пигментация глаз и волос, чем у остальных финно-угорских народов. Коми-пермяки, южные коми-зыряне, удмурты и марийцы отличаются более брахикефальной головой. В антропологическом отношении эти народы довольно сходны между собой. Их физический тип известен в литературе под именем сублапоноидного, или «вятско-камского» (по В. В. Бунаку). Мордва-мокша и некоторые группы марийцев являются несколько более долихокефальными, что служит основанием для объединения их физического типа под наименованием субуральского, или «средневолжского».

Мордва-эрзя, северные коми-зыряне, а также все прибалтийские финны (эстонцы, ливы, водь, ижорцы, карелы и вепсы) по признакам первого порядка принадлежат к европеоидной большой расе; однако и у этих народов наблюдаются следы слабой монголоидной примеси. Перечисленные народы отличаются очень сильной депигментацией глаз и волос.

Западные эстонцы, а также ливы в антропологическом отношении очень близки к западным латышам и северо-западным литовцам и вместе с ними образуют так называемый западнобалтийский тип.

Вепсы, ижоры, карелы и коми-зыряне отличаются от западных эстонцев более брахикефальной головой, более широким и низким лицом. В менее выраженной степени эти особенности свойственны и некоторым группам эстонцев, особенно восточных. Все эти народы антропологически близки, таким образом, к русским Белозерья и Прионежья, описанным выше (восточнобалтийский тип). У северных карел и некоторых групп северных коми-зырян, особенно удорцев, головной указатель несколько ниже (79), что сближает их с мезокефальными группами русских, описанных в антропологической литературе под наименованием беломорского варианта.

Мордва-эрзя сходна с западнобалтийскими группами. Кроме того, среди мордвы-эрзи, а также среди южных групп мордвы-мокши обнаруживается примесь элементов, близких к восточнорусскому населению.

Тюркские и монгольские народы

Сведения об антропологическом составе тюркоязычных кочевников IV—XIII вв. н. э., нахлынувших из Азии в южнорусские степи, очень ограничены. Антропологический тип гуннов нам известен по костным материалам из гуннских могильников в Забайкалье, относящихся к первым векам до н. э. Гуннские черепа характеризуются чертами долихокефального монголоидного типа, с древних времен известного в Сибири и в Центральной Азии. Сменившие гуннов авары V—VII вв. антропологически напоминали своих предшественников. Хазары, господствовавшие в VI—X вв. в низовьях Дона и Волги, в антропологическом отношении были первоначально монголоидны. Постепенно они смешивались с местным населением.

В состав Хазарской державы входили различные племена, среди которых видную роль играли аланы. Черепа VIII—IX вв. из Верхне-Салтовского могильника, который, вероятно, принадлежит аланам с некоторым тюркским влиянием, относятся к долихокефальному европеоидному типу. Такие же черепа найдены в аланских могильниках Северного Кавказа. Однако в Зливкинском могильнике, сходном с Салтовским по культуре, антропологический тип совершенно иной. Форма мозговой коробки здесь брахикефальная, а в строении лица явно проявляется примесь монголоидного типа. В массе камские болгары, первоначально также зависевшие от хазар и сильно смешанные с аланами и финнами Среднего Поволжья, антропологически были крайне неоднородными. В Волго-Камье проникают центральноазиатские

монголоиды, смешанные с европеоидами степной полосы. Среди местного финского населения был распространен брахикефальный тип с монголоидной примесью (сублапоноидный), а также длинноголовый европеоидный (протоевропейский) тип, который может быть связан со степными племенами, проникшими сюда еще в период срубной культуры. В X—XII вв. в степную полосу Восточной Европы проникли новые волны тюркских народов — печенегов и кипчаков (половцев). Признаки центральноазиатских монголоидов выражены у них еще более отчетливо, хотя примесь европеоидного элемента имеется постоянно.

В XIII в. создалось огромное государство татаро-монголов — Золотая Орда. Татары Золотой Орды представляли собой сильно смешанную группу, состоящую как из европеоидных, так и монголоидных элементов. Завоевание татаро-монголами государства камских болгар сравнительно мало изменило этнический и расовый состав его населения.

Современные чуваши, татары и башкиры также не являются однородными по своему антропологическому облику. По признакам первого порядка они занимают в массе промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. У них ослаблен рост бороды, положение осей глазной щели чаще наклонно (внешний край выше внутреннего), лицо более уплощенное и переносье ниже, чем у европеоидов, но все эти признаки выражены у них гораздо менее отчетливо, чем у азиатских монголоидов. В этом отношении названные тюркские народы близки к марийцам, удмуртам, коми-пермякам и мордве-мокше.

Чуваши сравнительно темнопигментированы, среднего роста, суббрахикефальны, со среднешироким и высоким лицом. По своему антропологическому облику они сходны с соседними марийцами и вместе с ними образуют более длинноголовый субуральский и более короткоголовый вятско-камский типы. Татары Среднего Поволжья сравнительно мало отличаются от чувашей, но среди них наблюдаются локальные варианты.

Башкиры из северо-западных районов Башкирии являются столь же темнопигментированными, как и татары и чуваши, но более низкорослы и длинноголовы, с более узким и высоким лицом. Таким образом, северо-западные башкиры также входят в состав субуральского типа. Восточные башкиры отличаются от них значительно более темными глазами, более высоким ростом, более крупными размерами лица, более брахикефальной головой и усилением монголоидных черт. Здесь, как и у казахов, преобладает южносибирский тип. Башкиры центральных районов Башкирии занимают промежуточное положение между северо-западными и восточными группами.

Астраханские татары, или карагаши, обитающие в настоящее время в Нижнем Поволжье, являются потомками населения Астраханского ханства, образовавшегося после распада Золотой Орды. Они характеризуются темной пигментацией, небольшим ростом, брахикефалией, весьма широким и высоким лицом и сильной монголоидной примесью. Среди них также преобладает южносибирский монголоидный тип.

Антропологическую основу монголоязычных калмыков Нижнего Поволжья составляет ярко выраженный монголоидный тип. Калмыки обладают в массе прямыми и тугими, большей частью черными волосами, слабым развитием растительности на лице и теле, карими глазами, выступающими скулами, широким и высоким лицом, значительной складкой верхнего века и эпикантусом (особенно у детей и женщин), сравнительно низким переносьем и т. п. Признаки эти сочетаются у калмыков с низким ростом (161—162 см) и довольно значительно варьирующимся в пределах мезобрахикефалии головным указателем (80—83). По сравнению с монголами, у калмыков чаще встречаются волнистые мягкие волосы, несколько сильнее развита борода, выше переносье. Эти особенности отражают процесс смешения калмыков с различными тюркскими племенами,

а также с кумыками, может быть, с балкарцами, кабардинцами и даже с адыгейцами (черкесами).

Молдаване и другие народы юго-запада Европейской части СССР

Молдаване по основным антропологическим признакам близки к соседним украинцам, но все же отличаются от них более интенсивной пигментацией (свыше 50% брюнетов, 15—20% кареглазых), сильно развитым третичным волосяным покровом на теле и на лице, несколько меньшим ростом. На севере, в Белецкой степи, головной указатель несколько ниже (80—81) и пигментация несколько темнее, чем в центральной части МССР (Кодры) и отчасти на юге в низовьях Днестра. Здесь средние величины головного указателя колеблются в пределах 82—83.

Можно утверждать, что те признаки молдаван, которые отличают их от украинцев и сближают с народами Балканского полуострова, объясняются родством предков молдаван (и румын) с иллирийцами и фракийцами (включая, вероятно, и гетов). Длительное смешение с украинцами, наиболее сильное в центральной и южной Молдавии (особенно на левобережье Днестра), должно было способствовать увеличению среди молдаван средней величины головного указателя и доли относительно светлых элементов.

В Молдавии, на Украине и в других, преимущественно южных областях Европейской части СССР живут также группы различных народов, не принадлежащие к коренному населению, но переселившиеся в разное время из других стран Европы и Азии. К числу этих народов относятся болгары, греки, албанцы, евреи и цыгане, говорящие на индоевропейских языках, тюркоязычные татары и угроязычные венгры. Все перечисленные народы имеют свою сложную этническую историю и тесно связанную с ней историю антропологического состава. Чтобы составить представление об антропологическом облике этих народов, прежде всего надо подчеркнуть, что все они (за исключением, пожалуй, венгров Закарпатья) отличаются от соседнего коренного населения (русского, белорусского или украинского) более интенсивной пигментацией волос и глаз. У болгар, албанцев, греков, гагаузов и особенно у цыган светлые (белокурые и русые) волосы почти не встречаются, карие глаза всегда преобладают над светлыми. Среди евреев шатены, и особенно, блондины с голубыми или серыми глазами, попадаются значительно реже, чем среди живущих рядом восточнославянских народов. Эти факты объясняются тем, что указанные народы пришли в Европейскую часть СССР с юга, из стран, население которых с древнейших времен принадлежало антропологически к темным европеоидам (меланохроям). Болгары, албанцы и греки переселились на юг России с Балканского полуострова в XVIII—XIX вв., цыгане пришли разными путями из Индии еще в средние века, гагаузы по происхождению представляют, по-видимому, очень смешанную группу, в которой переплетаются различные этнические элементы (печенежские, славянские, дакорумынские, турецкие и др.). Все эти народы в той или иной мере сохранили до настоящего времени признаки южной ветви европеоидной расы. Евреи пришли в Россию в основном через Польшу из Германии, куда они попали в начале средних веков после распада Римской империи. Несмотря на значительную изолированность евреев в период феодализма, их смешение с соседними народами все же имело место, что вызвало большую расовую неоднородность при сохранении, однако, древнего типа евреев Палестины. Помимо более темной окраски волос и глаз, евреи (а также греки) отличаются от окружающих их народов преобладанием выпуклых форм спинки носа и нередко более высоким головным указателем. Такое сочетание признаков характерно для многих народов Передней Азии и поступило основанием для выделения «арменоидного типа».

У цыган едва ли не самая интенсивная в Европе пигментация волос, глаз и кожи сочетается с максимальным развитием третичного волосяного покрова (в частности, борода), а также с мезокефалией (78—89), очень узким лицом, широковатым носом, большей частью с прямой или слегка выпуклой

спинкой. Все эти признаки характерны для североиндийского типа индопамирской группы меланохроев и безусловно были присущи цыганам еще на их индийской родине. Албанцы, живущие на Украине, по пигментации, обильному волосяному покрову и форме носа напоминают цыган, но они все же несколько светлее и головной указатель у них выше. Такие же типы характерны и для болгар УССР, у которых при подавляющем преобладании черных и темнорусых волос, темные и светлые глаза встречаются почти одинаково часто, а средний головной указатель колеблется в пределах 81—83. Среди южных славян, именно болгары, в этногенезе которых принимали участие восточнославянские племена, и теперь обнаруживают наибольшую антропологическую близость к украинцам.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ

Население Европейской части СССР, различное по своему этническому составу, говорит преимущественно на восточнославянских, балтийских, финно-угорских и тюркских языках.

Современные славянские языки объединяются в три большие группы: южнославянскую, западнославянскую и восточнославянскую. Одна из характерных особенностей славянских языков — их близость друг к другу, значительно бóльшая, чем других родственных индоевропейских языков. Она объясняется не только происхождением из одного источника — праславянского языка, общего для предков всех современных славян, но также прежде всего тем, что распад единого праславянского языка произошел относительно поздно.

Восточнославянские языки

Общеславянская эпоха закончилась приблизительно в середине I тысячелетия н. э.; к этому времени, в результате обособления племенных образований и развития общественной жизни, особенности в языках различных групп славянства настолько углубились, что можно уже говорить о начале существования различных групп древних славянских языков.

В отличие от южных и западных славян восточнославянская языковая группа первоначально оставалась относительно цельной: языковые новообразования охватывали в равной степени всех восточных славян, и в древнейших фонетических процессах у них, по-видимому, не обнаруживалось существенных различий.

К IX—X вв. восточные славяне создали единое государство, основой которого была древнерусская народность. Языковая общность этой народности была унаследована от языковой общности восточнославянских племен (или племенных союзов) и явилась одним из факторов, содействовавших их объединению. Вместе с тем эта общность сочеталась с местными различиями.

В последующие века в условиях развивавшейся феодальной раздробленности возросла устойчивость языковой единицы—диалекта определенной территории. В эпоху более ранних племенных образований такой устойчивой языковой единицы быть не могло, ибо племена постоянно передвигались, занимая обширные территории. Это не могло не вызывать перераспределения диалектных особенностей, образования новых диалектных групп, утраты прежнего диалектного членения языка и образования нового членения. Объединение всех княжеств и создание Киевского государства привело к тому, что общность языковых судеб восточных славян, нарушившаяся в период существования отдельных племенных групп, стала после IX в. вновь возможной и вероятной. Это отразилось, например, в одинаковой судьбе общеславянских носовых гласных, которые были утрачены всеми восточными славянами уже к X в., в одинаковой судьбе у них редуцированных гласных ъ и ь и т. п.

Язык древнерусской народности X—XI вв. характеризовался в области фонетики уже развившимся полногласием *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* (на месте обще-

славянских сочетаний *-оч-*, *-ol-*, *-er-*, *-el-* между согласными), звуками *ч* и *ж* (на месте общеславянских *-tj-*, *-kt-* и *-dj-*), наличием звука *л* (на месте общеславянских *-tl-*, *-dl-*), сочетаниями *-цвѣ-*, *-звѣ-* (на месте общеславянских *-kvě-*, *-gvę̌-*), неносовыми гласными *у* и *а* (на месте общеславянских *о* и *е* носовых); в области морфологии — окончанием *-ъмь* в твор. пад. ед. ч. существительных с древней *ŏ*-основой (на месте общеславянского *-омь*), окончанием *ѣ* в род. и вин. пад. ед. ч. и в имен. и вин. пад. мн. ч. слов жен. р. мягкой разновидности *ā*-основой и вин. пад. мн. ч. слов муж. р. мягкой разновидности *ŏ*-основой (при *-ě* в южнославянских языках), формами дат. пад. ед. ч. местоимений *тобѣ*, *собѣ* и др.

Вместе с тем в X—XI вв. язык древнерусской народности в разных районах своего распространения получал различную местную окраску. Диалектные различия постепенно накоплялись. На восточнославянском юге развилось изменение *г* в *ɣ* в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На восточнославянском севере и северо-западе появилось цоканье. На узкой западной территории, возможно, сохранились в измененном виде древние сочетания *-tl-*, *-dl-*.

В укреплении единства древнерусского языка сыграла свою роль и выработка так называемого киевского койнэ. Разговорный язык Киева первоначально отличался большой пестротой. Однако постепенно возникает своеобразный сплав диалектных черт — койнэ, в котором одни черты были по происхождению южными, а другие — северными, в результате чего оно могло стать языком, удовлетворяющим потребности населения Киева в его связях со всей Русью, что, без сомнения, укрепляло единство древнерусского народа.

Возникновение, развитие и укрепление Киевского государства вызвали развитие и совершенствование письма, нужного для государственной переписки, для развивающейся торговли и культуры.

На основе древней, уходящей в дописьменную эпоху традиции формул посольских, воинских и разного рода договорных речей, а также формул обычного права развивается литературно-письменный язык, представленный в юридических документах, древнейшими образцами которых были договоры с греками X в., Мстиславова грамота 1130 г., Русская Правда и другие документы.

Крещение Руси в 988 г. содействовало широкому развитию церковно-религиозной письменности первоначально на старославянском языке. Язык ее на древнерусской почве постепенно проникался восточнославянскими чертами и принимал форму литературно-книжного языка, обслуживающего религиозные, церковные жанры и научную письменность того времени. Вместе с тем рано начинает развиваться и собственно древнерусский литературный язык. Он имел общенародную основу и развивался на базе дописьменной традиции, народной поэтической речи, представлявшей собой тип устнолитературного языка. В связи с тем, что процессы нормализации в эту эпоху по существу отсутствовали, все типы письменного языка имели местную диалектную окраску.

Усиление феодальной раздробленности Древней Руси приводило к определенным изменениям в языке древнерусской народности, прежде всего к углублению диалектных различий.

Уже тогда юг и юго-запад древнерусской территории (Киев, Галицко-Волынская земля и Турово-Пинское княжество) был противопоставлен северу и северо-востоку. Но и на севере, северо-востоке и западе тоже углублялись диалектные различия, которые охватывали то широкие, то узкие территории в зависимости от исторических судеб тех или иных областей.

Памятники письменности рассматриваемого периода, ярко отражающие диалектные особенности различных территорий, написаны все же на одном древнерусском языке. В этом языке уже развиваются (или даже развились) некоторые явления, которые впоследствии стали характерными чертами

отдельных восточнославянских языков, хотя говорить об образовании этих языков еще нельзя. Лишь позднее стало вырисовываться единство отдельных восточнославянских народностей, как и своеобразие отдельных восточнославянских языков. В XIV—XV вв. на базе единой древнерусской народности формируются три отдельные восточнославянские народности: русская, украинская и белорусская. И вместе с тем на базе единого древнерусского языка формируются соответствующие отдельные восточнославянские языки. Во всех этих процессах сыграла роль разобщенность древнерусских земель, особенно усилившаяся в эпоху татаро-монгольского ига, нарушившего связи юго-запада и северо-востока Древней Руси. Известную роль в усилении диалектных отличий сыграло существование великого княжества Литовского и захваты отдельных восточнославянских районов Польшей и Литвой.

Объединение русских земель вокруг Москвы содействовало образованию и развитию языка русской народности. Оно выразилось в том, что в этот период (XIV—XVI вв.) на русской территории возникли языковые новообразования, которые охватывали все диалекты и не выходили за пределы этой территории. К таким особенностям в области фонетики относится, например, появление *о* и *е* на месте слабых ъ и ь в сочетаниях редуцированных с плавными *р* и *л* между согласными (при укр. *ы*, *и*), развитие *ы̆ц*, *йц* в *о̆и*, *ӗи* (ср. русск. *мою*, *рою*, при укр. *мию*, *рию*, белорусск. *мыю*, *рыю*); в области морфологии — утрата звательной формы (при сохранении ее в украинском и белорусском языках), замена свистящих заднеиёбными в формах склонения некоторых существительных (при сохранении свистящих в украинском и белорусском) и др.

С другой стороны, та часть древнерусских диалектов, которая оказалась за пределами Русского государства, стала жить иной жизнью и развиваться в ином направлении. На базе этих диалектов и формируются украинский и белорусский языки. То, что здесь складываются два языка, а не один, объясняется значительной разобщенностью этих территорий.

Исторические судьбы формирования русского, украинского и белорусского языков нашли свое отражение и в своеобразии лингво-географических границ между этими языками. Границу между русским и белорусским языками провести очень трудно; на пограничных русской и белорусской территориях есть очень много русско-белорусских говоров, которые образуют как бы переход от одного языка к другому. Территории к западу от Москвы долго были предметом борьбы России и Литвы, России и Польши, а потому, переходя из рук в руки, были в пределах то одного, то другого государства. Наоборот, граница между русским и украинским языками более отчетлива. Она проходит по югу Курской, Белгородской и Воронежской областей, а также по западу Ростовской обл. и охватывает территории нового заселения, которые были опустошены во время татаро-монгольского нашествия и вновь заселялись, когда русский и украинский языки уже сформировались. Что же касается границы между украинским и белорусским языками, то она так же неотчетлива, как и граница между языками русским и белорусским, что также находит свое объяснение в истории формирования этих языков на определенных этапах в пределах одного государства (польского, литовского, польско-литовского).

Дальнейшее развитие языков русской, украинской и белорусской народностей связано с перерастанием их в национальные языки, что было обусловлено развитием соответствующих народностей в нации.

Начальный этап формирования восточнославянских национальных языков относится приблизительно к XVII в., когда начинают создаваться общественно-экономические условия образования восточнославянских наций. При этом следует иметь в виду, что основные особенности фонетической системы, грамматического строя и лексического состава русского, украинского и белорусского языков сложились еще в донациональный период.

Образование национальных языков, связанное с концентрацией территорий, постепенно приводит к прекращению развития новых диалектных особенностей, хотя существующие диалекты сохраняются долго, устойчиво удерживая свои особенности.

В истории русского языка особую роль сыграл московский говор, складывавшийся первоначально как «северновеликорусский» и приобретший в своем развитии ряд южнорусских особенностей. К концу XVI— началу XVII в. он превратился в среднерусский говор, т. е. в такой, структура которого характеризуется совмещением южных и северных особенностей. На базе московского говора, или московского просторечия, а также на основе делового письменного языка Московской Руси к середине XVII в. развивается единая устно-разговорная разновидность русского языка, которая в дальнейшем постепенно распространяется по всей стране.

Московская устно-разговорная речь повлияла и на выработку форм письменной литературной речи, которая стала строиться на общенародной основе и удовлетворять все потребности общества. Это обстоятельство привело к превращению церковно-книжного письменного языка (все еще продолжавшего существовать, хотя и претерпевшего сильные изменения) в специфически культовый, церковный язык. Развитию национального русского языка содействовало и введение на Руси книгопечатания (XVI в.).

Формирование письменного литературного русского языка на общенародной основе было длительным и сложным. В процессе возникновения русской нации и создания письменного литературного языка на общенародной основе был осуществлен синтез элементов живой русской речи и книжно-литературного языка, в котором известную роль играли церковнославянизмы.

В середине XVIII в. М. В. Ломоносов создал «теорию трех штилей», в которой он ограничил употребление церковнославянизмов в письменно-литературном языке определенными условиями. Однако подлинное создание русского литературного языка на широкой общенародной основе было осуществлено А. С. Пушкиным и развито великими русскими писателями XIX—XX вв. В настоящее время русский литературный язык является не только одним из наиболее развитых славянских языков, но он служит одновременно и средством межнационального общения народов СССР и выдвинулся в число распространеннейших мировых языков.

Украинский национальный язык формировался под определяющим воздействием полтавско-киевского диалекта. На этом диалекте говорило население обширного района Украины, сыгравшего в XVII в. главную роль в важнейших политических событиях того времени.

Развитие украинского литературного языка первоначально (в XIV—XV вв.) было связано с традициями литературного языка Киевской Руси, оно характеризовалось постепенной выработкой и закреплением в письменности украинских языковых особенностей. С конца XV в. на Украине делаются первые попытки приблизить церковнославянский (славянорусский) язык к живому языку народа. Надо иметь в виду и специфичность судьбы церковнославянского языка на Украине: в период польско-шляхетского владычества этот язык был общим для украинцев и белорусов, а также для русских, поэтому передовые люди стремились культивировать и развивать его. К концу XVI— началу XVII в. на Украине было два литературных языка: книжный церковнославянский (славянорусский), и «русский» (проста мова), образовавшийся в результате взаимодействия церковнославянского и народного языков. В 1574 г. на Украине возникло книгопечатание, которое содействовало развитию литературного языка. Воссоединение Украины с Россией еще более способствовало тому, что в украинском литературном языке возобладала национальная, народная стихия. Элементы народного языка широко стали проникать в литературные произведения XVI—XVIII вв. В становлении украинского национального литературного языка большую роль сыграло творчество И. П. Котляревского и особенно Т. Г. Шев-

ченко, который оказал огромное влияние на все дальнейшее развитие этого языка.

Что касается белорусского национального языка, то в его развитии ведущую роль играли центральные говоры юго-западного района Белоруссии, на территории которых расположен Минск.

В XVI—XVII вв. белорусская письменность развивается весьма интенсивно. В начале XVI в. белорусский просветитель Г. Скорина осуществил первые переводы церковнославянских книг. До этого времени проникновение белорусского языка в письменность было ограничено, так как в качестве письменных языков здесь выступали не только белорусский, но и церковнославянский, польский и латинский языки.

Белорусский язык употреблялся только в юридических документах. Поэтому возникла задача распространить употребление родного языка и в другие сферы письменности. Однако в дальнейшем историческая обстановка сложилась так, что белорусский язык не получил широкого применения в письменности. Усиление польско-шляхетской власти и реакционная политика католицизма привели к полному вытеснению белорусского языка и из юридической сферы, а в 1696 г. он вообще был запрещен. Возрождение белорусской культуры и белорусского языка началось после воссоединения белорусских земель с Россией в 1772 и 1793—1795 гг. На протяжении XIX в. делались попытки закрепить белорусский язык в письменности. Однако царское правительство не позволяло белорусам пользоваться родным языком в общественной и государственной жизни. Национальная борьба белорусов особенно усилилась после 1905 г. В это время такие поэты, как Я. Колас и Я. Купала создают произведения на родном языке и тем самым закладывают основы современного литературного белорусского языка.

Развитие и украинского, и белорусского национальных литературных языков было сильно задержано реакционной национальной политикой царского самодержавия. Украинцы и белорусы до 1917 г. не имели собственной государственности; украинский и белорусский языки не считались даже языками: они объявлялись «наречиями» русского языка; их использование в общественной и государственной жизни запрещалось.

Только после Великой Октябрьской революции украинцы и белорусы получили самостоятельную государственность, а украинский и белорусский национальные языки — все условия для своего развития.

В языковой структуре современных восточнославянских языков есть целый ряд общих особенностей, отличающих их от языков южных и западных славян. В области фонетики такими общевосточнославянскими особенностями, например, являются: 1) наличие полногласия, т. е. сочетаний *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* в корнях слов между согласными при сочетаниях *-ра-*, *-ла-*, *-рě-*, *-лě-* у южных и *-ро-*, *-ло-*, *-ре-*, *-ле-* у западных славян. Ср. русск. и укр. *ворона*, *молоко*, *берег*; белорусск. *варона*, *малако*, *бераг*; болг. *врана*, *мляко* *бряг*; польск. *mleko*, *brzeg*; 2) наличие *о* в начале слова при *je* в других славянских языках. Ср. русск. *осень*, укр. *осинь*, белорусск. *восень*, болг. *есен*, чешск. *jeseń*, 3) произношение *ч* и *ж* на месте общеславянских *tj*, *kt*, *dj* при *š't'*, *ž'd'* у южных и *c*, *dz* у западных славян. Ср. русск. *свеча*, *сижу*; укр. *свічка*, *сижу*; белорусск. *свечка*, *сяджу* и болг. *свещ* (<*свешт*), *саждам*; польск. *śweca*, *sadzati* и т. п. В области морфологии восточнославянские языки объединяются: 1) употреблением форм на *-ам*, *-ами*, *-ах* в дат., твор. и предл. пад. мн. ч. всех типов склонения существительных при полном или частичном сохранении древних славянских различий этих форм в разных типах склонения в иных славянских языках: ср., например, русск., укр., белорусск. *столам*, *домам*, *костям* и чешск. *stolům*, *domom*, *kostem*; 2) отсутствием кратких форм местоимений, известных в некоторых падежах в иных славянских языках: например, в чешском языке, ср. чешск. *mě*, *tě*, *sě* (вин. пад.), *mi*, *ti*, *si* (дат. пад.); 3) наличием окончания *т* или *т'* в 3-м лице ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени при отсутствии его в других

славянских языках. Ср. русск. *точит*, укр. *точить*, белорусск. *точыць* и чешск. *prosi*, сербск. *носи* и т. п. Есть и некоторые другие черты такого же типа в области морфологии. В области лексики можно обнаружить целый ряд типично восточнославянских слов, отсутствующих у южных и западных славян. К таким общевосточнославянским словам относятся, например, *хороший*, *сорок*, *девяносто*, *собака*, *ковш*, *галка*, *снегирь*, *совсем*, *после* и др.

Современные восточнославянские языки близки между собою в такой степени, что русские, украинцы и белорусы могут относительно свободно понимать друг друга, несмотря на то что в языке каждого из этих народов есть специфические слова и выражения, грамматические формы и синтаксические конструкции, а также звуки и сочетания звуков.

Наиболее устойчивая часть словарного состава, в которую входят названия ближайших родственников, наименования частей человеческого тела, названия времен года, явлений природы, наименования основных действий и качеств и т. п.— оказывается одинаковой у всех восточных славян.

Однако наряду с этим в русском языке есть слова, которых нет ни в украинском, ни в белорусском языках. К ним относятся, например, *крестьянин* (укр. *селянин*), *очень* (укр. *дуже*, белорусск. *вельмі*), *вор* (укр. *злодій*, белорусск. *злодзей*) и др. С другой стороны, в украинском языке есть такие слова, которых нет в русском: например, *дитина* в значении 'ребенок', *годи́на* 'час', *хмара* 'туча'. Точно так же и в белорусском языке можно найти слова, отсутствующие в русском: например, *пытаць* в значении 'спрашивать', *пісьменнік* 'писатель', *радзіма* 'родина', *плынь* 'течение' и т. п.

В области фонетики и морфологии точно так же, наряду с общими есть и такие явления, которые отличают разные восточнославянские языки друг от друга. При этом взаимоотношения между отдельными языками восточных славян различны.

Так, например, русский язык отличается от украинского и белорусского языков следующими чертами в области фонетики: 1) в русском языке есть два типа образования звонкого задненёбного согласного: взрывной *г* и фрикативный γ; в украинском и белорусском наличествует гортанное придыхание, или фарингальный звук *h*: ср. русск. *гусь* — укр. *hусь* и белорусск. *hусь*; 2) в русском языке есть сочетания *-ро-*, *-ло-*, *-ре-*, *-ле-* в корнях слов между согласными, тогда как в украинском и белорусском здесь выступают сочетания *-ры-*, *-лы-*, *-ри-*, *-ли-*: ср. русск. *крошить*, *глотать*, *тревога*, *слеза*; укр. *кришити*, *глитати*, *тривога*; белорусск. *крышыць*, *глытать*, *сляза*; 3) в русском языке произносятся сочетания мягких зубных и шипящих с *j*, а в украинском и белорусском — долгие мягкие зубные и шипящие: ср. русск. *платье*, *судья*,*клочья* укр. *плаття*, *суддя*; белорусск. *плацце*, *клоччы*. В области морфологии такими чертами отличия являются: 1) отсутствие особой звательной формы в русском языке при ее наличии в украинском и белорусском: укр. *брате!*, *сынку!*; белорусск.: *брате!*; 2) отсутствие в русском языке чередования задненёбных *к*, *г*, *х* со свистящими *ц*, *з*, *с* в падежных формах некоторых существительных при наличии этого чередования в украинском и белорусском языках: ср. укр. *рука* — *руці*, *нога—нозі*, *соха—сосі*, белорусск. *рука—руцэ*, *нага—назе*, *саха—сасе*.

В числе особенностей в области фонетики и морфологии, которые сближают русский язык с белорусским в отличие от украинского, имеются, например, следующие: 1) сохранение исконных *о* и *е* в новых закрытых слогах (появившихся после утраты редуцированного звука в следующем слоге) в русском и белорусском языках при произношении на их месте *и* в украинском: ср. русск. *нос*, *стол*; белорусск. *нос*, *стол*; укр. *ніс*, *стіл*; 2)смягчение парных твердых согласных перед *е* в русском и белорусском языках при сохранении их твердости в украинском: ср. русск. *д'ень*, *в'ечер*; белорусск. *д'з'ень*, *в'ечар*; укр. *день* (т. е. *дэнь*), *вечір* (*вэчир*); 3) отсутствие

в русском и белорусском языках такой характерной для украинского языка формы будущего времени, как *писатиму*, *носитиму*, *робитиму* и т. п. и др.

Наконец, две особенности отличают белорусский язык от русского и украинского. Первая из них — наличие только твердого *р* в литературном белорусском языке и в юго-западных говорах этого языка: ср. русск. *рад* и *ряд*, *игра* и *грязь*, укр. *рад* и *ряд*, *грати* и *грязь*—белорусск. *рад* (*рад* и *ряд*), *грацъ* и *гразъ* и т. п. Вторая — наличие в белорусском языке так называемого дзеканья и цеканья, т. е. произношения мягких *д* и *т* со свистящим призвуком: ср. русск. *дед*, *тихо*, укр. *дід*, *тіхо* — белорусск. *дзед*, *ціха*.

В области фонетики русский литературный язык характеризуется следующими важнейшими чертами. В безударных слогах гласные *а*, *о* и *е* не различаются: на их месте произносится один краткий слабый гласный: в первом предударном слоге после твердых согласных — краткий звук *а*, а после мягких — *и*^{е} (звук средний между *и* и *е*): например, *дом—да—мá*, *н'ос—н'и*^{е}*су*. В остальных безударных слогах на месте гласных *а*, *о*, *е* после твердых согласных произносится очень краткий слабый гласный с неотчетливой артикуляцией, например, *дал'—дъл'и*^{е}*ко*,*л'ес—л'ьсавод*.

Система согласных русского литературного языка покоится на противопоставлении двух соотносительных рядов этих звуков: глухих и звонких (*п—б*, *т—д*, *с—з* и т. д.), твердых и мягких (*п—п'*, *т—т'*, *с—с'* и т. д.). Парные глухие и звонкие различаются в конце слов и перед парными же глухими и звонкими: на конце слов и перед глухими звонкие оглушаются, а перед звонкими глухие озвончаются. Например, *зуб* (зуп), *зубов* (зубоф).

В области морфологии для русского литературного языка характерна утрата звательной формы и употребление вместо нее именительного падежа.

В род. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. р. окончание *-ого* произносится как *-ово*, *-ево*: *крáсново*, *сúнево* (то же самое наблюдается и в неличных местоимениях: *ковó*, *твоевó*, *нашевó*). Краткая форма прилагательных не изменяется по родам, числам, падежам и выступает в качестве именной части составного сказуемого.

В качестве формы прошедшего времени глагола выступает бывшее причастие на *л*, изменяющееся в ед. ч. по родам и имеющее формы ед. и мн. ч. (*писал*, *писала*, *писало*, *писали*). Инфинитив оканчивается на *-ти* под ударением и на *-ть* без ударения (*нести*, *писать*); кроме того, глаголы с основой на задненёбные имеют инфинитив на *-чь* (типа *беречь*).

Специфической особенностью словарного состава русского литературного языка, в отличие от украинского и белорусского, является то, что в нем укрепились многие слова церковнославянского происхождения или слова, имеющие церковнославянские особенности в произношении (например, *враг*, *бремя*, *время*, *мрак*, *плен*, *сладкий* —с неполногласными по происхождению старославянскими сочетаниями; *сокращать*, *возвращать*, *возвещать*, *одежда*, *нужда*, *вражда*—со звуками *щ* и *жд* старославянского происхождения).

Лексика русского литературного языка характеризуется также наличием в ней целого ряда заимствованных слов, появившихся в русском языке в разные периоды его развития и отражающих исторические связи русского народа с другими народами. К наиболее древним (XII—XIII вв.) относятся заимствования из тюркских языков (например, *армяк*, *башмак*, *амбар*, *сарай*, *кибитка*, *аркан*, *лапша*, *кавардак* и др.). Это были слова, обозначающие по преимуществу названия одежды, животных, растений, домашней утвари и т. п.; заимствовались они устным путем. Наоборот, древние греческие заимствования проникали в русский язык книжным путем и относились большей частью к церковным понятиям (например, *икона*, *евангелие* и др.), но также и к бытовым понятиям (например, *кукла*, *парус*, *фонарь*). В более поздние эпохи в русский язык проникали слова из финских (*пурга*, *тундра*, *морж*), скандинавских (*кнут*, *крюк*, *ябеда*), иранских языков (*гиря*, *мишень*, *шакал*), из латинского, итальянского, немецкого,

английского, французского и других языков. Особенно много заимствований в русском языке появилось в петровскую эпоху. Надо иметь в виду, что многие заимствования обнаруживаются и в русской топонимике (ср. например, названия географического характера с суффиксом - *ма*: *Тотьма*, *Кинешма*, *Бугульма* и т. п.— финского происхождения).

Современная звуковая и грамматическая система украинского языка характеризуется рядом специфических особенностей. К ним, в частности, относится произношение *и* (орфогр. *і*) на месте *о* и *е* в новых закрытых слогах (*сніг*, *хліб*), изменение древнерусского дифтонга *ѣ* в *и* (орфогр. *і*) (*пѣти—співати*) и др.

В области фонетики украинский литературный язык имеет ряд особенностей, отличающих его от русского языка. В безударных слогах гласные не ослабляются и не совпадают в одном звуке, как это наблюдается в русском языке. Иначе говоря, украинский язык не знает аканья. Важной особенностью украинского языка является чередование *о* и *е* с *и*, которое возникло в результате изменения исконных *о* и *е* после падения редуцированных звуков в новых закрытых слогах (например, *носъ*>*нос*>*ніс*, *печь*>*печ*>*піч*); в открытых слогах *о* и *е* сохранились без изменения: ср. соврем. укр. *ніс—носа*, *стіл—стола*, *кінь—коня*, *піч—печи*, *ніч—ночи*, *шість—шести* и т. д. Этой особенности не знают ни русский, ни белорусский языки.

В соотношении глухих и звонких тоже есть некоторые особенности: в украинском языке глухие озвончаются перед звонкими, но в то же время звонкие не оглушаются перед глухими и на конце слов, что наблюдается в русском языке.

Украинский литературный язык имеет фарингальный согласный *h*, соответствующий русскому *г*, звонкие аффрикаты *дз*, *дж*, соответствующие глухим *ц*, *ч*; он характеризуется мягким *ц* и твердым *ч*.

В области морфологии украинский литературный язык близок русскому. Однако в отличие от последнего в украинском языке у имен существительных с основой на задненёбные *к*, *г*, *х* в падежных формах наблюдаются чередования этих согласных со свистящими *ц*, *з*, *с* (*рука—в руці*, *нога—на нозі*, *муха*—род. пад. *мусі*). В выражении категории одушевленности есть также особенности, не присущие русскому языку. Так, во множественном числе эта категория проявляется только у слов, обозначающих людей, тогда как у слов, обозначающих животных и другие одушевленные существа, категории одушевленности может и не быть (например, *пасти корови* и *пасти корів*, *поїти коні* и *поїти коней*).

При распределении всех глаголов на два спряжения по наличию тех же окончаний в 3-м лице мн. ч., что и в русском языке, в украинском в то же время глаголы 1-го спряжения в 3-м лице ед. ч. не имеют окончания *т*: *несе*, *каже*, *має* и т. п. Формы будущего времени глаголов несовершенного вида могут выступать или как сложные (образующиеся сочетанием вспомогательного глагола *бути* и инфинитива: *буду писати*, *будемо робити* и т. п.), или как составные, образованные присоединением к инфинитиву суффикса *-м* и личных окончаний 1-го спряжения: *робитиму*, *робитиме*, *робитимемо*, *робитимуть*. В повелительном наклонении есть формы 2-го лица ед. ч. и 1—2-го лиц мн. ч.: *бери—берімо—беріть* или *глянь—гляньмо—гляньте*. Как и в русском языке, в украинском инфинитив может оканчиваться на *-ти* и *-ть*, но, в отличие от русского, распределение этих форм не зависит от ударения; при этом в украинском языке чаще употребляются формы на *-ти*, которые наблюдаются и у глаголов с основой на задненёбные согласные: *могти*, *пекти*, *лягти* и т. п.

В отличие от русского, украинский литературный язык почти не знает церковнославянизмов. Словам церковнославянского происхождения или произносящимся с церковнославянскими особенностями в украинском языке соответствуют исконно восточнославянские образования: ср. укр. *солодкий* (при русском *сладкий*), *ворог* (при русск. *враг*), *скоротити* (при русск.

сократить), *беремя* (при русск. *бремя*) и т. д. Особо следует отметить наличие в украинском языке слов польского происхождения: например, *цікавий* 'интересный', *рахунок* 'счет', *родзинки* 'изюм', *хвилина* 'минута' и некоторые другие, а также заимствований из румынского языка: например, *цап* 'козел', *бриндза* 'соленый овечий сыр', *дзема* 'мясная похлебка' и др.

Специфическими чертами современного белорусского литературного языка являются недиссимилятивное аканье, т. е. произношение на месте *а*, *о*, *е* в первом предударном слоге всегда звука *а* (в отличие от северо-восточных диалектов, где произношение гласного в первом предударном слоге зависит от качества ударного гласного); твердое *р* в соответствии с твердым и мягким *р* в других восточнославянских языках (*бяроза*) и некоторые другие.

Белорусскому языку, как и русскому, свойственно аканье. При этом в белорусском языке, в отличие от русского, аканье закреплено и на письме.

В соотношении глухих и звонких согласных в белорусском языке нет принципиальных отличий от русского языка, за исключением того, что звук *в* на конце слов и перед глухими согласными изменяется не в *ф*, а в *ў*: *галўка*, *гараддў* и т. п. В области согласных специфической белорусской особенностью является «цеканье» и «дзеканье», т. е. произношение мягких *т* и *д* как аффрикат *ц* и *дз*: *ціха*, *цень*, *дзед*, *дзела* и т. п. Точно так же специфической особенностью белорусского литературного языка является отсутствие мягкого и произношение только твердого *р*: *бéраг*, *рабіна*, *рад* (*ряд*), *гразь*, *куру* (*курю́*) и т. п. Белорусский язык характеризуется фарингальным *h* твердыми шипящими (в том числе *ч* и *шч*) и *ц*.

В области морфологии белорусский язык близок русскому, а по некоторым особенностям сходен с украинским языком. В белорусском языке существительные имеют три рода и два числа, как в русском языке, но сохраняют остатки звательной формы, как в украинском.

Как и в украинском языке, в белорусском в склонении существительных с основой на задненёбный наблюдается чередование *к*, *г*, *х* со свистящими *ц*, *з*, *с*. Что же касается глагола, то и здесь система в целом совпадает с системой русского языка, однако в то же время глаголы 1-го спряжения в 3-м лице ед. ч., как и в украинском языке, не имеют окончания *т* (*бярэ*, *зелянее*). Инфинитив в белорусском литературном языке оканчивается на *-ць* или *-ци*, в зависимости от конечной гласной или согласной основы: кроме того, глаголы на задненёбный имеют окончание *-чы*: *пячы*, *бячы* или *магчы*, *бегчы*.

Так же, как и в украинском языке, в белорусском литературном языке мало распространены церковнославянские слова или слова в церковнославянской огласовке (например, *салóдкі*, *малóдшы* и др). Наконец, белорусский язык, как и украинский, имеет в своем словарном составе ряд заимствований из польского языка (например, *менавіта* 'именно', *здарыцца* 'случиться', *уласны* 'собственный', *кірунак* 'направление' и др.) и заимствований из других языков, полученных в большинстве случаев через посредство русского языка.

Балтийские языки

Государственный язык Литовской ССР— литовский, и государственный язык Латвийской ССР — латышский, являются в настоящее время единственными живыми представителями некогда более обширной балтийской группы индоевропейских языков. Из несуществующих ныне языков лучше других известен лингвистам древнепрусский (язык балтийских племен пруссов, населявших восточную Пруссию), который окончательно исчез к началу XVIII в. в результате завоевания прусской территории Тевтонским орденом в XIII в. Помимо прусских личных имен, а также географических названий, сохранились письменные памятники древнепрусского языка: Эльбингский немецко-прусский словарь, составленный в XIV в., список прусских слов (в количестве 100), содержащийся в хронике Симона Грунау (начало XVI в.), и катехизисы 1545 и 1561 гг.

Весьма скудные сведения о других исчезнувших языках и диалектах (отдельные слова в латинских, немецких, польских, русских документах) отчасти восполняются исследованием их отражений в диалектах современных языков Латвии и Литвы и в первую очередь топонимическими данными.

Сохранившиеся до настоящего времени географические названия балтийского происхождения в ряде случаев помогают более или менее точной локализации древних балтийских диалектов. К западнобалтийской группе, наряду с уже названным древнепрусским языком, относится близкий к нему язык ятвягов (исчез в VII в.), который некоторые лингвисты считают даже диалектом прусского языка. По историческим свидетельствам XI—XIII вв., ятвяги (лит. *jotvingai*, *ятвязи* русских летописей) жили к северу от р. Нарев, в районе Белостока и Сувалок и в южной Литве к западу от Немана. Ранее граница расселения ятвягов проходила, вероятно, южнее. Языки куршей (лит. *kuršiai*, лтш. *kursi*, *kurši*; *корсь* русских летописей; лат. *Cori*, *Chori* в шведских документах VII в.), селов (лит. *sėliai*), земгалов (лит. *žiemgaliai*, лтш. *zemgali*; *зимигола* Повести Временных лет) и других относят к восточнобалтийской диалектной группе. Куршский язык, который, как указывают исторические свидетельства XIII в., был распространен на балтийском побережье в западной части современной Латвии (Курземе) и Литвы (район Клайпеды), исчез на рубеже XVI—XVII вв. в связи с ассимиляцией куршей латышами и литовцами. Ономастические данные, сохраненные в документах того времени, «куронизмы» современных латышских и литовских диалектов, а также топонимы куршского происхождения позволяют характеризовать куршский язык как переходный между литовским и латышским. Определенное сходство его с древнепрусским языком объясняют древними связями куршей и пруссов. Язык близких юго-восточных соседей куршей—селов, поглощенных к началу XV в. латышами и частично литовцами, был, видимо, близок куршскому. Язык земгалов, растворившийся в латышском (и отчасти в литовском) к XV в., обнаруживает большое сходство с современным латышским. Целый ряд балтийских диалектов существовал также на территории верхнего Поднепровья и далее к востоку, вплоть до правых притоков верхней Волги и верховьев Оки. Недавно на основании лингвистического анализа названий водоемов верхнего Поднепровья высказано предположение, согласно которому балтийское население этой территории не отступало к северо-западу по мере продвижения восточных славян к северу, как думали раньше, но сохранилось здесь в виде отдельных островков и после проникновения славян, постепенно усваивая их речь и в свою очередь оставляя следы в языковых и этнографических особенностях нового населения этого района. Изучение гидронимов привело к гипотезе, по которой древние балты жили также на Сейме. Это могло бы объяснить ранее непонятные факты балто-иранских лексических схождений (следы пребывания балтов и иранцев на Сейме установлены). Кроме того, появились основания предполагать, что отдельные группы балтийского населения переходили в южном направлении за р. Припять, которая ранее считалась южной границей древней балтийской территории.

Древние языковые контакты балтов с финно-угорскими племенами, окружавшими их с севера и востока, отразились в многочисленных балтийских заимствованиях в финно-угорских языках — как западных, так и волжских. Форма и значение этих заимствований (среди них —скотоводческие, земледельческие, религиозные термины, названия растений, животных, измерения времени, имена родства и т. п.) дают основание считать их весьма старыми — многие из них вошли в финно-угорские языки во II тысячелетии до н.э.

Языковые взаимодействия балтов с германцами и славянами нашли отражение в германских и славянских заимствованиях в балтийских языках (в значительно меньшей степени—в заимствованиях обратного направления).

Из всех индоевропейских языков наибольшее сходство с балтийскими языками обнаруживают славянские. По поводу взаимоотношения между

этими языками высказывались самые разнообразные точки зрения. Отметим наиболее современные. Согласно первой из них, славянские и балтийские языки происходят от разных праиндоевропейских диалектов, но позднее сблизились друг с другом (время, причины и характер этого сближения определяются по-разному). Согласно второй, славянские и балтийские языки входили в единую праиндоевропейскую диалектную область, разрушенную в связи с выделением из нее праславянских диалектов. Эта последняя точка зрения, пожалуй, убедительнее всего объясняет глубокую близость балтийских и славянских языков, хотя следует указать, что сложная «балто-славянская проблема» в настоящее время еще далека от своего окончательного разрешения.

Современные латышский и литовский языки относят к восточной группе балтийских языков. Они возникли в результате длительного и сложного этногенетического процесса. Ведущую роль в образовании латышской народности играли латгалы и участие в нем принимали группы куршей, земгалов, селов, ливов и др. В этногенезе литовцев важнейшую роль сыграли жемайты и аукштайты, а также часть ятвягов, земгалов, куршей и селов.

Литовский язык распадается на две основные группы диалектов: жемайтские, или «нижнелитовские» (*žemaičų*), охватывающие северо-западную часть Литвы, и аукштайтские, или «верхнелитовские» (*aukštaičų*), среди которых выделяются западно-аукштайтские говоры (на основе южных говоров этой группы сложился литовский литературный язык), среднеаукштайтские и восточноаукштайтские, а также диалект дзуков, распространенный в юго-восточной Литве и разделяющий ряд особенностей со смежными белорусскими и польскими говорами. Некоторые особенности жемайтских диалектов дают основание считать их как бы переходными от аукштайтских говоров к соседним латышским.

Высокая степень диалектной дифференциации характерна и для латышской языковой области. В латышском языке различают три главные диалектные группы: восточные, или «верхние» (*augšzemnieku*), говоры центрального, или среднелатышского, диалекта (*vidus*), послужившие основой литературного языка, и западные, или тамские (*tāmnieku*), диалекты побережья Балтийского моря, включающие ливские говоры (с финноязычным влиянием).

Литовцы и латыши пользуются латинской графикой, употребляя для обозначения некоторых звуков дополнительные (диакритические) знаки при латинских буквах. Древнейшие памятники литовской и латышской письменности — преимущественно переводы текстов духовного содержания — появляются с XVI в., в связи с борьбой лютеранства и католичества. Первая литовская книга — лютеранский катехизис Мажвидаса была издана в 1547 г.; первые книги на латышском языке — католический катехизис Канизия и лютеранский катехизис (в переводе Ривия)— в 1585 и 1586 гг. Литовские произведения богословской литературы XVI—XVII вв., написанные на разных диалектах, интересны пристальным вниманием их авторов к языку. В предисловиях и приложениях к некоторым таким текстам содержится полемика с языком других современных произведений того же жанра. Значение латышских памятников этого периода, создававшихся преимущественно немецкими пасторами, ограничено в связи с тем, что их авторы — лица не латышского происхождения. Период светской литературы начинается с XVIII в. В Латвии его начало связано с именем Г. Ф. Стендера. В Литве первым крупным писателем был К. Донелайтис. Современные литературные языки формируются в Латвии и Литве в конце XIX—начале XX в. Выдающуюся роль в борьбе за нормализацию литовского языка сыграла деятельность Й. Яблонскиса. Активными борцами за создание общенационального латышского языка были «младолатыши» (в частности, поэт и языковед Ю. Алунан, писатель А. Кронвалд и др.), дальнейшее развитие латышского литературного языка связано с творчеством великого латышского поэта Яна Райниса.

Литовский и латышский языки характеризуются значительной близостью в области фонетики, грамматики и лексики. Оба языка (в особенности литовский) сохраняют большое количество весьма архаических черт, что делает их весьма ценными для сравнительно-исторического языкознания.

Для фонологических систем обоих языков характерно исключительное богатство вокализма, связанное с наличием как кратких, так и долгих гласных, большого количества дифтонгов и политонического ударения. Сходство между литовской и латышской системой вокализма проявляется в почти одинаковом инвентаре гласных фонем. Однако интонационные системы не тождественны другу другу: литовский язык различает нисходящую и восходящую интонации долгих слогов (так, лит. *míelas* — с нисходящей интонацией — значит 'милый', а *miẽlas* — с восходящей интонацией —'гипс', *júosta* — с нисходящей интонацией —'пояс', а *juõsta* — с восходящей интонацией — 'чернеет' и т. п.), в то время как в литературном латышском языке развилась трехчленная система, различающая длительную, нисходящую и прерывистую интонацию (ср. лтш. *laũks* — длительная интонация— 'поле' и *làuks* — нисходящая интонация — 'белолобый'; *liêls* — прерывистая интонация — 'голень' и *liẽls*— длительная интонация — 'большой'; *rĩt* — длительная интонация — 'глотать' и *rît* — прерывистая интонация — 'завтра' и т. п.).

В отличие от литовского языка, сохранившего древнее подвижное ударение, латышский язык характеризуется постоянным местом ударения (на первом слоге). Существенной особенностью литовского консонантизма является наличие двойного ряда твердых (непалатализованных) и мягких (палатализованных) согласных. В системе латышских согласных, напротив, отсутствует регулярное противопоставление твердости и мягкости. Среди особенностей латышского консонантизма можно отметить наличие среднеязычных (палатальных) согласных.

Литовскому и латышскому языку свойственно четкое различение двух основных морфологических классов: класса имени и класса глагола, характерное вообще для всей индоевропейской языковой семьи. Специфической чертой восточнобалтийских языков, отличающей их не только от ряда индоевропейских языков, но и от их ближайшего родственника — древнепрусского, является утрата среднего рода (в литовском языке средний род сохраняется у прилагательных и причастий в самостоятельном употреблении). Балтийские языки, как и славянские, обнаруживают тенденцию идентифицировать род с определенным типом склонения. В литовском языке соотнесение противопоставления мужского и женского рода с противопоставлением определенных основ проводится с большей последовательностью, чем в латышском (ср. например, противопоставление существительных со старой основой на -(*i*)*o*-, а также на -*u*-, принадлежащих к мужскому роду, существительным со старой основой на -(*i*)*ā*- и -*ē*-, в своем огромном большинстве принадлежащим к женскому роду).

Категория числа формируется как в литовском, так и в латышском языке противопоставлением двух форм: единственного и множественного числа. Двойственное число перестало быть живой категорией и находится на пути к полному исчезновению. По сравнению с соседними славянскими языками наблюдается более широкое распространение так называемых *Pluralia tantum* —существительных, употребляющихся обычно только во множественном числе, часто соответствующих так называемым *Singularia tantum* (существительным, обычно употребляющимся только в единственном числе) славянских языков (ср., например, лит. *avižos*, лтш. *auzas*—букв. 'овсы', русск. 'овес'; лит. *linai*, лтш. *lini* — букв. 'льны', русск. 'лен'; лит. *dūmai*, лтш. *dūmi* — букв. 'дымы', русск. 'дым' и т. п.).

Для прилагательного в литовском и латышском языках характерно наличие двух форм (и соответственно двух способов склонения): простой и сложной, или местоименной. Образование местоименной формы при-

лагательного, очень напоминающее соответствующее новообразование славянских языков (ср., например, лит. *baltasis* — местоим. форма прилагательного ‘белый’ из *baltas* ‘белый’ + *jis* ‘он’, род. п. ед. ч. *baltoljo* из *balto* «белого» + *jo* «его» и т. п.), произошло, однако, как показали новейшие исследования, сравнительно недавно, уже в период существования литовского и латышского языков.

Общей особенностью склонения обоих балтийских языков является сохранение для некоторых парадигм особой звательной формы. Система склонения в литовском языке при значительном сходстве с системой латышского склонения отличается от нее в общем большей морфологической сложностью. В литовском языке во всех типах склонения имеется, по крайней мере, шесть особых падежных форм: именительного, родительного, дательного, винительного, инструментального и местного падежей, а у большинства существительных единственного числа еще и специальная—седьмая—звательная форма. Кроме того, литовский язык сохраняет еще три, правда, выходящие из употребления формы: иллатив, аллатив и адессив. Латышское же склонение различает от пяти до шести форм, так как в ед. числе инструментальный падеж совпал с винительным, а во множественном — с дательным, а особую звательную форму имеют только существительные мужского рода в ед. числе.

Литовский язык, кроме именного и местоименного, имеет специальный тип склонения (адъективный) для неопределенной формы прилагательного и причастия, числительных и большинства местоимений. Латышское склонение распадается всего на два типа: именной и местоименный.

Класс глагола в обоих языках характеризуется наличием категорий лица (только для личных форм), числа, времени, залога, вида и наклонения.

К неличным глагольным формам относятся инфинитив, различные причастные образования и супин (отмирающая в литовском и исчезнувшая в латышском литературном языке форма, живая еще в некоторых диалектах).

Специфической особенностью балтийских языков является неразличение числа в 3-м лице всех личных форм. Характерным новообразованием литовского языка (точнее, верхнелитовской группы диалектов) является простая форма прошедшего многократного времени.

Общей балтийско-славянской инновацией являются возвратные глагольные формы. Интересная особенность балтийских языков состоит в сохранении возвратной частицы в отглагольных существительных, образованных от возвратных глаголов (ср. лит. *mokymasis* ‘учение, изучение’ от *mokytis* ‘учиться’; лтш. *mācīšanās* ‘учеба, учение’ от соответствующего возвратного глагола *mācīties* и т. п.)

В категории вида балтийские языки обнаруживают определенное сходство со славянскими, хотя в последних она развита гораздо больше.

Латышский язык характеризуется весьма богатой системой наклонений: кроме изъявительного, повелительного и условного, различаемых и в литовском глаголе, латышский глагол имеет еще специальные формы долженствовательного (дебитив) и пересказочного (или относительного) наклонения (последнее употребляется при передаче косвенной речи для выражения неполной достоверности события). Здесь заслуживает внимания сходство с неродственным эстонским языком при отсутствии параллелей в литовском, с одной стороны, и в финском—с другой, в которых употребляются в соответствующих случаях различные причастия (ср., например, лтш. *viņš esot atnācis* ‘он, говорят, пришел’ и эст. *ta olevat tulnud*’ ‘то же’).

Сходство литовского и латышского языков особенно наглядно проявляется в лексике, которая наряду со словами общеиндоевропейского фонда (следует специально подчеркнуть поразительную сохранность старой индоевропейской лексики, являющуюся важной особенностью словаря балтийских языков) и общебалтийскими словами, содержит большое количество слов, общих лишь для восточнобалтийских языков. Наиболее тесные лексические связи существуют между балтийскими и славянскими языками. Кроме

общих лексических элементов, в словаре балтийских языков отмечено множество сотен славянских заимствований, в первую очередь — восточнославянских, как старых (фонетический облик некоторых заимствованных из древнерусского слов с достоверностью свидетельствует, что они проникли в балтийские языки, во всяком случае, не позднее X в.— ср., например, лит. *pundas*, *pundus* из др.-русск. *пѫдъ* > пуд, лит. *lenkas* ‘поляк’= др.-русск. *лѧхъ* и т. п., т. е. заимствованные в то время, когда в русском языке еще существовали носовые гласные), так и более новых (начиная с XVIII в.).

Латышский язык отличает от литовского также большое количество заимствований из прибалтийско-финских диалектов.

В обоих балтийских языках имеются интернационализмы, часто заимствованные через посредство русского или польского языков. Вместе с тем для обоих языков характерна тенденция использовать для обозначения новых понятий, возникших в последние десятилетия, собственные лексические средства и собственные словообразовательные возможности, причем во многих случаях семантическое калькирование предпочитается прямому лексическому заимствованию.

Финно-угорские языки

В СССР представлены все финно-угорские языки и живет абсолютное большинство народов, говорящих на этих языках. Исключением являются финны, венгры и саамы, основная масса которых расселена за пределами Советского Союза. Кроме хантов и манси, обитающих в Западной Сибири, все остальные финно-угорские народы СССР живут в Европейской части страны. Их языки делятся на следующие ветви: 1) прибалтийско-финскую, состоящую из двух групп — северной (языки финский, ижорский, карельский и вепсский) и южной (эстонский, водский и ливский); 2) саамскую — саамский язык; 3) мордовскую — эрзянский и мокшанский языки; 4) марийскую — марийский язык; 5) пермскую — удмуртский и коми языки; 7) обско-угорскую—хантыйский и мансийский языки; 8) венгерскую—венгерский язык. Обско-угорская и венгерская ветви обычно объединяются в угорскую группу, остальные ветви — в финскую группу.

Между финно-угорскими языками разных ветвей существует значительное различие примерно такое же, какое имеется между языками отдельных ветвей индоевропейской семьи языков — например, французским и немецким. С другой стороны, близость языков, относящихся к одной ветви, друг к другу, примерно такая же, какую мы наблюдаем в языках одной ветви индоевропейской языковой семьи, например в русском и польском. В генетическом родстве с финно-угорскими языками находятся самодийские, вместе с которыми они образуют уральскую семью языков.

Финно-угорские языки имеют ряд общих черт в грамматике, фонетике и лексике, восходящих к единому источнику — к финно-угорскому языку-основе, на котором говорили древнейшие финно-угорские племена.

Большинство ученых первоначальной родиной финно-угров считает Восточную Европу, район среднего течения Волги и Камы, область, лежащую между излучиной Волги и Уральским хребтом.

Народ, говоривший на финно-угорском языке-основе, в течение тысячелетий жил на этой территории в соседстве с индоиранскими народами, находившимися к югу от финно-угров. Индоиранцы оказали значительное влияние на финно-угорский язык-основу. Часть заимствований проникла в общефинно-угорский язык еще из доиндоиранского языка (например, название свиньи: удм. *парсь*, финск. *porsas*; меда: коми *ма*, финск. *mesi*), другая часть, более позднего происхождения, попала из общеиндоиранского языка (например, слова, обозначающие ‘сто’: удм. *сю*, морд. *сядо*, финск. *sata*, венг. *száz* и т. д., ‘рог’— удм. *сюр*, мар. *шур*, морд. *сюро*, финск. *sarvi*, венг. *szarv*) и т. д.

Финно-угорский язык-основа, вероятно, членился на территориальные диалекты. В процессе расселения на обширной территории Восточной Евро-

пы носители отдельных диалектов стали постепенно отделяться от основной массы финно-угров, терять связь с последними; в результате их диалекты развились в самостоятельные языки.

Примерно за 2,5 тыс. лет до н. э. (а, может быть, и раньше) отделилась восточная ветвь финно-угорских языков, послужившая впоследствии базой для образования народов, говорящих на угорских языках, т. е. на венгерском, хантыйском и мансийском; языки той части племен, которые остались после отделения угров, составляли продолжительное время языковое единство (так называемое прибалтийско-финско-пермское единство).

В I тысячелетии до н. э. выделилась пермская ветвь, в которую вошли языки общих предков коми и удмуртов. Позже, вероятно, задолго до нашей эры, выделились две остальные ветви: прибалтийско-финская и волжская.

Народы, говорящие на финно-угорских языках, в течение всей своей истории имели соприкосновение с соседними народами. На это указывают многочисленные заимствования, как в целом во всей языковой семье, так и в отдельных ветвях и языках. Так, например, в прибалтийско-финском языке-основе выделяются балтийские заимствования, проникшие в последние столетия до н. э.; второй пласт составляют древне-германские заимствования, которые начали проникать в прибалтийско-финские языки на рубеже нашей эры, и третий пласт — древне-славянские заимствования (V—VIII вв. н. э.), появившиеся уже после распада прибалтийско-финского языка-основы.

Удмуртский, коми и марийский языки восприняли известное число как древнечувашских (VII—XIII вв.), так и более поздних по происхождению слов чувашского языка.

На марийский, удмуртский и мордовские языки оказал сильное влияние татарский язык, носители которого появились в Поволжье в XIII в. н. э. Мордва и марийцы соприкасались с восточными группами древних балтов.

Карелы и вепсы, некогда обитавшие в непосредственном соседстве с коми (X—XV вв. н. э.), оказали заметное влияние на коми язык и, наконец, все восточно-финские языки испытали сильное влияние со стороны восточных славян, особенно русских, с которыми они живут бок о бок в течение ряда столетий. Иногда происходила и смена языков. Так, например, саамы первоначально говорили на одном из самодийских языков. Финно-угорскую речь они восприняли от своих южных соседей не позднее общеприбалтийско-финской эпохи.

Языки финно-угорских народов в период обособленной жизни продолжали свое развитие. В результате они настолько сильно разошлись друг с другом, что сохранили в своем языке от финно-угорского языка-основы лишь небольшой пласт в виде общих грамматических черт, слов общего происхождения и звукосоответствий.

Так, например, характерные архаичные краткие согласные аффрикаты *č*, *č'* в той или иной мере сохранились во всех финно-угорских языках: в одних в большей степени (например, в пермских), а в других — в меньшей (например, в прибалтийско-финских и обско-угорских). В то же время палатальные согласные *s'*, *l'*, *n'* совершенно исчезли в прибалтийско-финских языках и полностью сохранились в пермских языках. Долгие согласные (*kk*, *tt* и *pp*), которые встречались в финно-угорском праязыке, в середине слова сохранились только в прибалтийско-финских и саамских языках.

Благодаря многочисленным изменениям согласных, протекавшим в разных финно-угорских языках в различных направлениях, системы согласных современных языков стали значительно отличаться друг от друга. Если часть согласных сохранилась в неизменном виде (например, сонорные), то другая часть звуков в современных финно-угорских языках представлена в виде закономерных звуковых соответствий. Так, например, слово 'мышь' звучит по-фински *hiire*, венг. *egér*, морд. *шеер* (*šejer*), удм. *шыр*.

В области гласных звуков в финно-угорских языках дело обстоит еще сложнее. Древняя система гласных лучше всего сохранилась в прибалтий-

ско-финских и саамском языках, а в остальных языках произошли большие сдвиги: в мордовском, марийском и пермских языках, например, различие между долгими и краткими гласными утратилось; образовались гласные среднего ряда (коми *i̮*, *e̮*, *a*); в марийском, мокша-мордовско и в некоторых диалектах удмуртского языка произошла редукция гласн х (*ə*, *ə̑* и др.); в мордовских диалектах и в большинстве диалектов пермских языков исчез лабиализованный гласный переднего ряда (*ӥ*) и т. д.

Характерное ограниченное употребление лабиализованных гласных в непервом слоге наблюдается не только в современных прибалтийско-финских, но и некоторых других финно-угорских языках (например, в удмуртском и коми). В настоящее время в финно-угорских языках в непервом слоге встречаются также лабиализованные и долгие (где они имеются) гласные, но в них эти категории гласных проявились позже, в результате самостоятельного развития звуковой системы этих языков.

С вокализмом первого и непервого слогов непосредственно связан закон гармонии гласных, выражающийся в согласовании гласных суффиксальных слогов с гласными основы слова: если в основе стоит гласный переднего ряда, то и в суффиксах появляется гласный переднего ряда (финск. *kädessä* ‘в руке’); заднерядному гласному основы соответствует заднерядный гласный в суффиксальном слоге (финск. *sanassa* ‘в слове’). Гармония гласных характерна для всех финно-угорских языков, за исключением удмуртского, коми и саамского языков.

Большинство современных лингвистов склонно считать, что в праязыке ударение стояло обязательно на первом слоге и что прежнее место ударения сохранилось в прибалтийско-финских языках, саамском, венгерском и мансийском, исключая южные диалекты; особенности же ударения остальных финно-угорских языков (пермских, мордовских, марийского и хантыйского), где оно не связано с первым слогом, по их мнению, объясняются обособленным развитием этих языков — влиянием тюркских языков (например, в южномансийском и удмуртском, в которых оно обычно покоится на последнем слоге), изменениями в системе гласных и т. д. Однако столь же допустимо предполагать, что в древнейшем языке-основе ударение не было лексически фиксированным, а более или менее свободным.

Для финно-угорского праязыка была характерна двухсложная основа слова, с окончанием на краткий гласный звук *e* или реже *a*—*ä*. Она хорошо сохранилась в финском языке. В других языках произошли большие изменения в основе слова вследствие отпадения конечных гласных и под влиянием других факторов (например, финск. *vere-*, саам. *vărră*, морд. *вер*, мар., *вӱр*, венг. *vér*, коми и удм. *вир* ‘кровь’).

В современных финно-угорских языках слово начинается с одного согласного или (реже) с одного гласного звука. Стечение согласных или гласных в начале слова встречается обычно в заимствованных и изобразительных словах.

Древние падежные показатели сохранились почти во всех современных финно-угорских языках: в одних в виде падежных окончаний, в других — в составе сложных падежных форм, в третьих — в составе наречий и послелогов. Большинство современных финно-угорских языков является многопадежными (в венгерском языке 21 падеж, финском —15, коми —16, удмуртском —15, мордовском —12 и т. д.). В многопадежных языках ряд падежных окончаний возник или из послелогов и древних падежных окончаний, или же из комбинации разных первичных падежных аффиксов.

Древнее двойственное число сохранилось только в мансийском, хантыйском и саамском языках.

Грамматическая категория рода отсутствует в финно-угорских языках.

Финно-угорский язык-основа относился полностью к агглютативным языкам. Между тем в современных языках наряду с агглютинацией имеются уже некоторые черты флективного характера.

Отметим еще следующие особенности финно-угорских языков. Почти во всех современных финно-угорских языках: а) имеется один тип склонения и один тип спряжения, лишь в отдельных языках (например, в марийском и удмуртском) выработались, видимо, позже два типа спряжения; б) настоящее и будущее время глагола по своей форме не отличается друг от друга (ср. коми *гижа* 'пишу и напишу'); в) наличие специального отрицательного глагола, который изменяется так же, как прочие глаголы (ср. мар. *ом луд* 'не читаю', *от луд* 'не читаешь', *огеш луд* 'не читает' и т. д.); в венгерском языке спрягаемые формы отрицательного глагола утратились; г) словообразование и словоизменение осуществляется, как правило, при помощи суффиксов; приставки, встречающиеся в некоторых современных языках, представляют собой новообразование; д) прилагательное-определение предшествует определяемому слову и не согласуется с ним (морд. *од кудо* 'новый дом', *од кудосо* 'в новом доме', *од кудот* 'новые дома' и т. д.); исключением являются прибалтийско-финские языки, в которых наблюдается согласование прилагательного-определения с определяемым словом (ср. финск. *uudessa kirjassa* 'в новой книге', *uudesta kirjasta* 'из новой книги').

В настоящее время существует письменность на венгерском, эстонском, мордовском (эрзянском и мокшанском), марийском (на луговосточном и горном наречиях), удмуртском и коми (на коми-зырянском и коми-пермяцком наречиях).

Эстонский разговорный язык разбивается на три наречия: прибрежное, североэстонское и южноэстонское. Прибрежные говоры распространены в прибрежной полосе вдоль Финского залива, особенно в его восточной части.

Самую многочисленную группу эстонских говоров составляет североэстонское наречие. Оно распространено в северной и центральной Эстонии, на обширной территории, простирающейся от Балтийского моря до Чудского оз. На базе северного наречия (главным образом среднесеверного говора этого наречия) сложился современный эстонский литературный язык.

Южноэстонское наречие распадается на три диалекта: западный, тартуский и выруский.

Письменность на эстонском языке появилась в XVI в. Первая печатная книга вышла в 1535 г. В XVI—XVIII вв. литература издавалась на двух наречиях: на южноэстонском и североэстонском. Литературный язык находился под сильным немецким влиянием. В XIX в. в процессе формирования эстонской нации был осуществлен переход от двух литературных языков к единому с одновременной демократизацией его. Огромная заслуга в деле развития национального литературного языка принадлежит писателю-просветителю Ф. Р. Крейцвальду. В настоящее время отдельные говоры эстонского языка под влиянием школы, печати, радио заметно сблизились и развиваются под сильным влиянием литературного языка.

Мордовские литературные языки, эрзянский и мокшанский, в основном обслуживают мордовское население Мордовской АССР. Они образовались после Октябрьской революции. На территории Мордовской АССР мокшанские говоры объединяются в три диалектные группы: северную, юго-западную и юго-восточную. Северные диалекты Мордовской АССР распространены в северо-западных районах: Темниковском, Краснослободском и некоторых др. Юго-западные диалекты,— на территории Зубово-Полянского, Ширингушского, Торбеевского и некоторых других районов. Юго-восточная группа диалектов (иначе инсарская) распространена на территории Инсарского, Рузаевского, частично Старошайговского районов Мордовской АССР. За основу мокша-мордовского литературного языка принят один из северных мокшанских диалектов. За основу эрзя-мордовского литературного языка взяты диалекты, на которых говорят главным образом в Ардатовском районе Мордовской АССР.

Мордовские литературные языки близки и отличаются друг от друга примерно так же, как украинский от белорусского. Мокшанский литера-

турный язык характерен наличием гласного переднего ряда *ä* и редуцированного гласного *ə*, а также глухих согласных *л*$^{\times}$, *р*$^{\times}$, *ль*$^{\times}$, *рь*$^{\times}$, *й*$^{\times}$. Эти звуки в эрзянском литературном языке отсутствуют. Существует также известное различие в лексике и грамматике.

В марийском языке три наречия: луговое, восточное и горное, на основе которых образовались два литературных языка — лугово-восточный и горный. Луговое наречие охватывает в основном территорию Марийской АССР и смежных с ней районов Кировской обл. Южная граница проходит по р. Волге, западная — по рекам Большая Кокшага, Мамокша и Яранка, восточная — по линии завода «Мариец», Мосара, Мари Китня, Изи Морко и далее до последних марийских поселений.

Восточное наречие распространено на территории Татарской, Удмуртской и Башкирской АССР, Свердловской и Пермской областей, а также в юго-восточной части Кировской обл. Восточное наречие довольно близко к луговому, поэтому представители этих наречий пользуются единым литературным языком.

Горное наречие бытует только в районе Санчурска, Яранска (Кировской обл.), Килемар (Марийская АССР) и близлежащих территорий. В этом наречии различаются два говора: южный (козьмодемьянский) и северный (яранский). В основе литературного языка лежит южный говор. В настоящее время марийцы стремятся перейти к единому лугово-восточному литературному языку, которым пользуется примено 80% населения.

Основное различие между тремя наречиями выражается главным образом в фонетике, например, в восточном наречии имеется фонема *ä*, в горном фонема *ä* и редуцированный гласный переднего ряда *ӹ*, в луговом этих звуков нет. Горное наречие отличается от лугового и восточного значительно больше, чем последние друг от друга. Это отличие выражается не только в фонетике, но и в грамматике, и лексике, например, форма множественного числа в горном наречии образуется при помощи особого суффикса *-влä*; имеется несколько сот слов основного словарного фонда, непонятных представителям других наречий.

Марийцы имели письменность и до революции, начиная с XVIII в.. однако выработанного литературного языка у них не было: небольшая литература преимущественно религиозного содержания выходила на разных диалектах и имела различную графику и орфографию.

Удмуртский язык разбивается на три наречия: северное, южное и юго-западное.

Несколько особо стоит диалект бесермян, небольшой группы, живущей в северо-западной части Удмуртской АССР среди удмуртов, говорящих на северном наречии. Он заметно отличается от остальных диалектов удмуртского языка. Есть основание предполагать, что бесермянский диалект представляет собой обудмуртившийся язык какого-то тюркского народа. Основная масса удмуртов говорит на северном и южном наречиях.

Различие между наречиями удмуртского языка выражается как в лексике, так и в грамматике и фонетике. Для северного наречия характерны следующие явления: употребление в начале многих слов перед *а* билабиального *w* (*вазь* вместо *азь* 'рано' других диалектов); во многих говорах этого наречия встречается гласный среднего ряда *ө* вместо *ы* других диалектов (*шөр* вместо *шыр* 'мышь'); особая лексика: *ӵаӵӵа* 'лес', *ӟӧк* 'большой' и др. Южное наречие характерно наличием особого носового согласного ŋ (нг): *баŋ*, 'лицо'; особой лексикой: *нылпи* 'дети', *атай* 'отец' и др. Юго-западное наречие характеризуется наличием передне-среднерядных *ö*, *ÿ*, близких немецкому *ö*, *ü*; в начале слова *дь* вместо *й* других диалектов (*дьӧ* вместо *йӧ* 'лед'); в аффрикатах *ӟ*, *ч* взрывной элемент очень слабый; специфические слова: *алдар* 'лгун', *тэнке* 'рубль' и др.

Письменность на удмуртском языке появилась в XVIII в., однако до революции единые нормы литературного языка не оформились.

Диалектная основа удмуртского литературного языка, развивавшегося в течение ряда десятилетий в различной диалектной среде, в настоящее время не совсем ясна. По своей грамматической структуре и фонетике она ближе к говорам средней полосы Удмуртии и содержит элементы других говоров как в лексике, так и в грамматике (например, наряду с *вальёсты* допускается форма южных говоров *вальёсыз* ‛лошадей’).

Коми язык разбивается на три наречия: коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. На основе первых двух из них после Октябрьской революции сформировались особые литературные языки, а коми-язьвинцы не имеют своей письменности. Коми-зырянское наречие делится на диалекты: нижневычегодский, присыктывкарский, верхневычегодский, среднесысольский, верхнесысольский, лузско-летский, удорский (вашко-мезенский), ижемский и печорский. В основе коми-зырянского литературного языка лежит присыктывкарский говор.

Коми-пермяцкое наречие состоит из трех основных диалектов: косинско-камского (северного), иньвенского (южного) и зюздинского (в верховьях Камы, Кировской обл.). Первые два диалекта распространены в Коми-Пермяцком округе Пермской обл. Северный диалект характерен наличием звука *л*, который отсутствует в южном диалекте (сев. *вӧл*, южн. *вӧв* ‛лошадь’, сев. *лок*, южн. *вок* ‛иди’); исключением являются нердвинский и оньковский говоры,территориально примыкающие к южному говору, но имеющие звук *л*. Коми-пермяцкий литературный язык, обслуживающий национальное население Коми-Пермяцкого округа, в своей основе имеет кудымкарско-иньвенский говор, но с употреблением звука *л* в таком виде, в каком он употребляется в коми-зырянском литературном языке. Такое умеренное употребление согласного *л* введено в литературный язык в целях сближения двух основных коми-пермяцких диалектов.

Различие между коми-зырянским и коми-пермяцким языками незначительное, оно выражается в некоторых фонетических отличиях.

Коми-язьвинское наречие заметно отличается от остальных наречий своей фонетикой: там имеются передне-средние гласные *ӧ*, *ӱ*, широкий гласный заднего ряда *ө*, особая система ударения и целый ряд особых слов: *гора* ‛голос’, *кө́сөк* ‛мясо’, *кодөм* ‛колодец’, *вепнө* ‛сказать’ и т. д.

В XIV в. миссионер Стефан создал письменность на древнем коми языке на основе греческих и славянских букв и перевел некоторые церковные книги. Древняя коми письменность к XVII в. была забыта, ее вытеснила графика на русской основе. В XVII—XX вв. до Октябрьской революции существовала некоторая литература на коми языке, но она издавалась на разных диалектах и не имела единых орфографических норм.

Таким образом, мордва, марийцы, удмурты и коми являются младописьменными народами; их литературные языки оформились только после Октябрьской революции. В годы Советской власти на этих языках создана довольно большая литература и проделана громадная работа по нормированию языка и научному изучению его. В настоящее время на этих языках издаются газеты и журналы, учебники для начальных школ, развивается художественная литература всех жанров: поэмы, пьесы, романы и т. д.

Карелы, вепсы, водь, ливы, ижорцы в настоящее время не имеют письменности на родном языке. Опыты создания письменности на этих языках производились несколько раз, однако исторически не закрепились. Это были, главным образом, переводы религиозных книг и отдельные образцы литературного творчества.

В 30-х годах была предпринята попытка создать письменность, учебники и школы на карельском, вепсском и ижорском языках. Эта попытка сыграла некоторую роль в процессе ликвидации неграмотности. Карелы в настоящее время пользуются русским или финским (главным образом, се-

верная часть Карелии) литературными языками, вепсы — русским, водь — русским или эстонским, ливы—латышским, ижорцы—русским или финским.

Карельский язык, распространенный в Карельской АССР, а также в Калининской и Новгородской областях (куда переселились карелы с севера в XVII в.), разбивается на диалекты: собственно карельский (северная часть Карельской АССР, Калининская и Новгородская области), людиковский (юго-восток Карельский АССР) и ливвиковский (юго-запад Карельской АССР).

Ижорский язык по генетическому родству наиболее близок к карельскому языку и к восточным диалектам финского языка. Основные диалекты: сойкинский, хэваский, нижнелужский и верхнелужский.

Вепсы живут в окружении русского населения в Ленинградской и Вологодской областях и в Карелии на берегу Онежского оз. Прионежская группа территориально отделена от остальных вепсов. Различаются следующие диалекты вепсского языка: южновепсский, средневепсский и прионежский.

На водском языке в настоящее время говорит несколько десятков человек, главным образом, стариков, проживающих в Ленинградской обл., недалеко от северной границы с Эстонией.

Ливский язык служит домашним средством общения лишь для 400—500 человек, являющихся двуязычными; вторым языком у них является латышский, которым пользуются вне дома.

Саамский (лопарский) язык разделяется на три довольно отдаленных друг от друга наречия (западное, южное и восточное). В Советском Союзе на Кольском полуострове живет небольшая группа саамов, говорящих на восточном наречии (ловозерский, нотозерский и другие говоры). У зарубежных саамов в Финляндии, Швеции и Норвегии (их более 30 тыс.) с XVII в. существует письменность, имеющая, однако, весьма ограниченное употребление, и в настоящее время издается небольшое число книг и газет. В 30-х годах была предпринята попытка создания письменности для саамов СССР на основе латинского алфавита. В настоящее время саамы Кольского полуострова пользуются русским литературным языком.

Тюркские языки

В Европейской части СССР проживает в настоящее время несколько тюркских народов: татары, чуваши, башкиры, гагаузы, караимы. Их языки входят в группу близкородственных тюркских языков, которая в свою очередь является одной из ветвей обширной алтайской семьи языков.

Татарский, башкирский и караимский языки относятся к кыпчакской группе тюркских языков, названной так по древнему и ныне не существующему кыпчакскому (куманскому или половецкому) языку, крупнейшим памятником которого является латино-персидско-кыпчакский словарь конца XIII в. «Codex Cumanicus». На половецком языке написаны также документы подольских армян XVI в.

Чувашский язык, вместе с его предполагаемым предком—древним языком населения Булгарского государства на Волге и Каме, образовавшегося в VI—VIII вв., относится к булгарской группе.

И, наконец, гагаузский язык является единственным в Европейской части СССР языком огузской группы тюркских языков.

Общее происхождение тюркских языков выражено в чрезвычайной близости их грамматического строя, словарного состава и фонетической структуры.

Тюркским языкам Европейской части СССР свойственны основные типологические черты, характерные для всех тюркских языков.

1) Грамматические отношения выражаются путем присоединения (агглютинации) к корню разнообразных однозначных аффиксов. Ближе к корню располагаются аффиксы словообразования, а затем идут аффиксы словоизменения — аффиксы множественного числа, принадлежности, падежей, лица и др. Например, в татарском слове *яу-чы-лар-ыбыз-да* 'у наших

охотников' *-да* — аффикс местного падежа, *-ыбыз* — притяжательный аффикс 1-го лица мн. ч., *-лар* — аффикс мн. ч., *-чы* — словообразовательный аффикс для наименования лиц по роду деятельности, по профессии, *яу* 'охота'.

2) Категория рода отсутствует (в караимском и гагаузском языках имеются словообразовательные аффиксы, образующие имена женского пола).

3) Фиксированное ударение в слове на последнем слоге.

4) Гармония гласных — уподобление гласных аффиксов гласным корня (имеются исключения). Например, в татарском слове *эш-че-лэр-ебез-дэ* 'у наших рабочих' все гласные переднего ряда; в вышеприведенном аналогичном по структуре слове — все гласные заднего ряда.

5) Закрепление за сказуемым последнего места в предложении и постановка всякого зависимого слова перед управляющим словом или группой слов.

Татарский народный разговорный язык с различными территориальными диалектами окончательно сформировался в период Казанского ханства (XV—XVI вв.). Со второй половины XIX в. начинается формирование татарского национального литературного языка. В начале XX в. появляются книги на поволжскотатарском языке, наблюдается стремление сблизить литературный язык с народным разговорным.

Разговорный татарский язык делится на три диалекта — средний, западный и восточный (предположительно).

Средний диалект отличается от других диалектов наличием джокания (в орфографии *җ*), увулярных *ҡ* и *ғ*, фрикативного *ч* (глухого варианта *ч*), огубленного варианта *а°*. К морфологическим особенностям относится наличие разнообразных вариантов неопределенной формы глагола ('идти' *барырга*, *бармалы*, *бармага*, *барма* при литературной норме *барырга*). Средний диалект распадается на семь говоров: заказанский, мензелинский, нагорный, тептярский, нукрат-кистемовский, уральский и касимовский.

Западный (или мишарский) диалект характеризуется отсутствием огубленного *а̊*, увулярных *ҡ* и *ғ*, наличием аффрикаты *ч̌*. Распадается этот диалект на цокающий и чокающий говоры. Представители цокающего говора живут на территории Горьковской обл., Чувашской АССР, Мелекесского района Ульяновской обл., а представители чокающего говора населяют территории Пензенской, Саратовской, Тамбовской областей и Чистопольского района Татарской АССР.

Восточный диалект отличается от других оглушением звонких согласных и наличием аффикса *-ты* //*-те* для глагольной формы 3-го лица настоящего времени (*параты* '(он) идет' при литературной норме *бара*).

Татарское население Башкирской АССР, Астраханской и Оренбургской областей, предки которого являются переселенцами из Татарии, говорит на среднем и западном диалектах.

Все диалекты татарского языка, характеризующиеся своими специфическими особенностями, имеют вместе с тем и общие черты, объединяющие их в единый татарский язык. Носители их пользуются в настоящее время татарским литературным языком, в основу которого положен средний диалект и который все более нивелирует имеющиеся диалектные расхождения.

В конце 20-х годов XX в. старый татарский алфавит с письменностью на основе арабской графики был заменен латинизированным, а с 1938 г. был введен новый алфавит на основе русской графики.

Башкирский язык письменно засвидетельствован в памятниках свыше тысячелетней давности. Известный языковед Востока Махмуд Кашгарский, автор знаменитого «Словаря тюркских языков», писал в XI в., что башкирский язык в своей основе сходен с другими тюркскими языками, а башкиры — это один из «двадцати главных и первоначальных тюркских народов»[1].

---

[1] М. Кошгарий. Девону лұғотит тұрк, т. 1. Тошкент, 1960, стр. 64, 66.

Окончательно башкирский разговорный язык сформировался после распада Золотой Орды.

Башкирский язык в его народно-разговорной форме представлен двумя основными диалектами, различающимися, главным образом, по составу согласных и лексике: восточный, или куваканский с разобщенными и весьма разнородными говорами, часть которых представлена в Челябинской и Курганской областях; южный, или юрматынский с близкими друг к другу говорами, сходными в основном с восточным диалектом. Население северо-запада Башкирии является носителем говоров промежуточных, сближающихся по мере приближения к западу с татарским языком, а по мере приближения к востоку — с башкирским.

Становление единых норм башкирского национального языка началось, по существу, только в 30-е годы XX в. после образования Башкирской АССР. До этого башкирский язык не имел единой литературной нормы. Предпосылкой для создания единого башкирского литературного языка являлась большая общность куваканского и юрматынского диалектов, которые при всех расхождениях по составу согласных и в лексике едины в грамматическом строе и представляют, взятые вместе, наиболее полно специфику словарного состава языка башкир.

Башкирский язык из всех тюркских языков ближе всего к татарскому, но отличается от него и от других тюркских языков, особенно по составу согласных. Основные характерные особенности башкирского языка в области согласных представлены следующими фонетическими явлениями: а) наличие в начале слова и начале аффиксов звука *һ* вместо исконно тюркского *с* (ср. башк. *һин* 'ты' //и тат. *син*); б) наличие в абсолютном исходе слова, в конце закрытого слога и между гласными межзубного *ҫ* вместо исконно тюркского *с* и межзубного *ҙ* вместо исконно тюркского *з* (ср. башк. *иҫ* 'память', 'чувство' и тат. *ис*., башк. *беҙ* 'мы' и тат. *без*); в) наличие во всех позициях в слове *с* вместо исконно тюркского *ч* (ср. башк. *сәсәк* 'цветок' и тат. *чәчәк*).

Кроме этих важнейших особенностей, в башкирском языке имеется еще множество чередований, вызванных, главным образом, историческими изменениями в составе и артикуляции согласных [например, *у* (губно-губной *в*): *ғ*, *м*:*б*, *т*:*д*, *б*:*п* и др.].

В развитии некоторых согласных башкирского языка наблюдаются черты, напоминающие развитие некоторых согласных венгерского языка, что позволяет лингвистам искать сходство между венгерским и башкирским языками.

Созданный на базе восточного (куваканского) и южного (юрматынского) диалектов башкирский литературный язык, проникающий в настоящее время во все сферы общения, оказывает значительное влияние на диалекты и говоры благодаря густой сети школ, осуществлению всеобщего среднего образования, развитию национальной литературы, прессы, кино и театров.

С 1939 г. башкиры пользуются письменностью на основе русской графики.

Чувашский язык в силу особенностей своего развития характеризуется признаками, отличающими его от других тюркских языков.

В области фонетики — 1) наличие соответствий определенных звуков чувашского и других тюркских языков: а) *р*~*з* (чув. *йер*~*из* 'след'), б) *л*~*ш* (чув. *чул*~*таш* 'камень'), в) в начальном слоге *у* (в верховом диалекте — *о*) или *ы*~*а* (чув. *улма*~*алма* 'яблоко'); 2) в ряде слов древний *ӄ*~*й* (чув. *йур*, тат. *ӄар*); 3) перед гласными переднего ряда *т*:*ч* (*сĕт* 'молоко', но *ĕне сĕчĕ* 'коровье молоко') и др.

В области морфологии: 1) наличие особой формы множественного числа с аффиксом *-сем*, который всегда следует за аффиксом принадлежности (ср. чув. *хĕр-ĕм-сем* 'мои дочери', общетюркск. *ӄыз-лар-ым*); 2) совпаде-

ние формы винительного определенного и дательного падежей; 3) наличие особого показателя множественного числа-*ç* в спряжении глаголов (например, *килчеç* 'они пришли'); 4) образование отрицательной формы повелительного наклонения при помощи препозитивной частицы *ан* (по-видимому, заимствованной из удмуртского языка, где *эн вера* 'не говори') вместо формы на *-ма* //*-ме* в других тюркских языках (например, *ан пар* 'не давай') и др.

Интересна лексика чувашского языка, в котором имеется: 1) значительное количество слов, находящих соответствие только в древнетюркских памятниках рунической письменности или у тюркских народов, живущих в настоящее время далеко от чувашей (например. *çын* 'человек', *арăм* 'женщина, жена', *сăмса* 'нос', *тиха* 'жеребенок' и др.); 2) заимствования из финно-угорских языков, с которыми чувашский язык находится во взаимодействии (например, *кăшăл*<мар. *кышыл* 'обруч', *лĕпке*<мар. *лэпкä* 'темя, лоб', *пукан*< удм. *пукон* 'стул' и др.); 3) ранние (с XVI в.) заимствования из русского языка (например, *авăн* 'овин', *вĕлле* 'улей', *кĕсле* 'гусли' и др.).

Народный разговорный чувашский язык делится на два диалекта: низовой (анатри), характеризуемый уканьем, и верховой (вирьял), характеризуемый оканьем, ср. например, в низовом *пуç*, в верховом *поç*, общетюркск. *баш* 'голова'. Письменность на чувашском языке была разработана на основе русской графики в 70-х годах XIX в. чувашским писателем и ученым И. Я. Яковлевым. Литературный чувашский язык, в основу которого был положен низовой диалект, до Октябрьской социалистической революции развивался слабо (печаталась главным образом литература религиозного содержания). Только после Октября чувашский литературный язык, в основу которого были внесены также и некоторые особенности верхового диалекта, стал общенародным языком. На современном чувашском литературном языке печатается обширная художественная и научная литература.

Калмыцкий язык входит в ойратскую группу западной ветви монгольских языков. Процесс формирования калмыцкого языка завершается на рубеже XVIII—XIX вв. К этому времени на основе дербетского диалекта формируется литературный калмыцкий язык. Торгоутский диалект сохраняется как говор в Прикаспии.

Ударение в калмыцких словах постоянное и чаще всего падает на первый слог. В предложении подлежащее обычно в начале предложения, сказуемое — в конце, дополнение непосредственно перед сказуемым, определение всегда перед определяемым (оно может быть выражено различными частями речи).

В языке современных калмыков, помимо значительного слоя лексики, обнаруживающей близость к лексике соседних тюркоязычных народов (что может быть объяснено также лексической близостью языков единой алтайской семьи), обнаруживаются обширные заимствования из русского языка. Русский язык уже стал вторым языком большинства калмыков, а калмыцкая молодежь не только знает и любит русский язык, но часто предпочитает его как язык общения на производстве и в общественной жизни. Лишь в семье калмыцкий язык остается ведущим. Значительная заслуга в сохранении родного языка принадлежит калмыцкой литературе.

Гагаузский язык относится к огузской группе тюркских языков (вместе с турецким, азербайджанским и туркменским). Однако гагаузский язык занимает совершенно особое место среди тюркских языков вследствие сильного влияния славянских и романских языков. В течение нескольких веков он развивается в соседстве с болгарским, а на протяжении последних полутораста лет он изолирован от турецкого и других тюркских языков и окружен только славяно-романской языковой средой.

Так, в области морфологии, например, интересен словообразовательный формант, образующий имена женского пола, *-ка//-йка*, известный еще только одному тюркскому языку—караимскому: *чингенä-йка* 'цыганка'—'*чингенä*' 'цыган', *комушу-йка* 'соседка', —*комушу* 'сосед'.

Специфика гагаузского языка, связанная со славянским влиянием, ярко проявляется также в тенденции замены агглютинативных синтетических грамматических форм аналитическими. Так, например, форма долженствовательного наклонения на *-малы//-мели*, распространенная в других тюркских языках огузской группы, заменяется аналитическими формами со словом *лäазым* 'нужно, должно': *лäазым гидеим* 'я должен пойти', *лäазым гидäсин* 'ты должен пойти' и т. д. Глагольные формы возможности и невозможности вытесняются аналитическими конструкциями со словами *вар нижä* 'можно' и *йок нижä* 'невозможно': *вар нижä йазайым* 'я могу написать', *йок нижä билäсин* 'ты не можешь знать' и т. д. В синтаксисе гагаузского языка наблюдается совершенно «нетюркское» построение предложения: наличие относительных местоимений, множество союзов и союзных слов и, что особенно характерно, «совершенно славянский» порядок слов.

В словарном составе гагаузского языка много слов, заимствованных из русского, болгарского, молдавского, румынского, греческого и других языков: русск. *случи* 'несчастье' < *случай*, *йарка* 'полугодовая курочка' < *ярка* 'молодая овца'; болг. *бóльница*; молд. *стат* 'государство', *фамилие* 'семья'; рум. *скрофа* 'свиноматка' < *scrófă* 'супоросая свинья', *келепир* 'даром' < *chilipir* 'польза, выгода', *маркидан* 'торговец'; греч. *стеонос* 'венчание' и т. д.

В июле 1957 г. была введена гагаузская письменность на основе русской графики. Процесс формирования гагаузского литературного языка находится в начальной стадии.

Народный разговорный гагаузский язык представляет совокупность близких между собой говоров. Ведущее положение занимают говоры Чадыр-Лунга и Комрата — наиболее крупных экономических и культурных центров гагаузского населения, на базе которых разработаны ныне действующие «Правила орфографии литературного гагаузского языка» (Кишинев, 1958). Кроме того, выделяется говор пос. Вулканешт (Молдавская ССР) и нескольких сел в Одесской обл.

В настоящее время созданы учебники и учебные пособия для гагаузской школы, вышел из печати «Орфографический словарь гагаузского языка» (1960 г.). Значительным событием в развитии гагаузской национальной культуры является выход в свет в 1959 г. первого литературного сборника на гагаузском языке «Буджактан сеслар. Литература йазылары» («Буджакские голоса»).

Караимский язык интересен тем, что вследствие раннего обособления от других тюркских языков в нем, с одной стороны, сохраняются древнейшие черты, с другой стороны, проявляется сильное влияние языков других систем — славянских и древнееврейского. Так, например, в области лексики, особенно в старых караимских переводах Библии, содержится значительное количество слов, отражающих архаичную сельскохозяйственную, пчеловодческую, военную и прочую терминологию, замененных в других тюркских языках, как правило, заимствованной лексикой из персидского, арабского, русского и других языков. Современный караимский разговорный язык соответственно расселению основного населения караимов распадается на два основных диалекта: северный, или тракайский, на котором говорят караимы Литовской ССР, и южный, или луцко-галичский, на котором говорит караимское население Луцка и Галича.

Молдавский язык

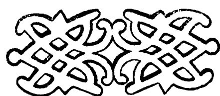
Молдавский язык относится к восточной группе романских языков. Большое влияние на развитие молдавского языка оказали языки восточнославянских народов — русских и украинцев, с которыми молдаване были тесно связаны на про-

тяжении своей истории. Славянский элемент в лексике молдавского языка достигает 40%. В молдавском языке выделяются четыре группы говоров: центральные. северо-западные, северо-восточные и юго-западные. Возникновение письменности на молдавском языке относится к XVI в. Современная молдавская графика основана на русском алфавите.

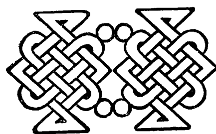
Помимо Молдавской ССР, территорией распространения молдавского языка являются отдельные районы Измаильской, Одесской, Кировоградской и Черновицкой областей УССР.

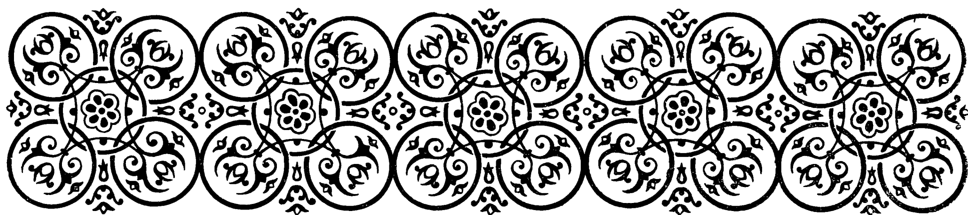
Фонетический состав молдавского языка отличается значительным своеобразием по сравнению с западнороманскими языками. Здесь следует отметить среди гласных звуков нелабилизованные «ы» и «э». В молдавском вокализме большое число дифтонгов.

Грамматический строй языка отличается: 1) наличием постпозитивного члена, употребляемых при именах существительных, прилагательных, числительных и местоимениях; 2) наличие обоюдного рода имен существительных; 3) ограниченность употребления простого прошедшего времени; 4) ограниченность функций инфинитива, расширенное значение конъюнктива.



РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, БЕЛОРУСЫ





ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

История образования древнерусской народности неразрывно связана с проблемой происхождения славянских народов. Советской исторической наукой признано, что образование и развитие славянских племен шло на территории Центральной и Восточной Европы. По своему происхождению восточные славяне тесно связаны с западными и южными славянами.

В начале нашей эры славянские племена были известны под именем венетов, или венедов. Венеды, или «венто», без сомнения — древнее самоназвание славян. Слова этого корня (в древности включавшие носовой звук «е», который позднее стал произноситься как «я») сохранились в течение ряда веков, кое-где и до наших дней. К этому общему древнему этнониму восходит позднейшее название крупного славянского племенного союза «вятичи», средневековое немецкое наименование славянских областей — Wendland, современное финское название России — Vänä.

Славянские племена и племенные союзы

Есть основания полагать, что к середине I тысячелетия н. э. относится разделение славянских племен на две части — северную и южную. Писатели VI в.— Иордан, Прокопий и Маврикий — упоминают южных славян — склавенов и антов, подчеркивая, однако, что это племена, родственные между собой и венедам. Так, Иордан, пишет: «...Начиная от месторождения реки Вистулы (Вислы) на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются славенами и антами»[1]. Этимологически оба эти названия восходят к древнему общему самоназванию венеды, или венто.

Основным направлением славянской колонизации в первой половине I тысячелетия н. э. было северо-западное. Расселение славян в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, занятых в основном финно-угорскими племенами, повело, по-видимому, к некоторому смешению славян с финноуграми, что отразилось и на характере памятников культуры.

После падения скифского государства и ослабления сарматов славянские поселения продвигаются и на юг, где на территории обширной области от берегов Дуная до среднего Поднепровья обитало население, принадлежавшее к различным племенам.

Славянские поселения середины и второй половины I тысячелетия н. э. на юге, в степной и лесостепной полосе представляли собой преимущественно открытые села земледельцев с глинобитными жилищами-полуземлянка-

---

[1] Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М., 1960, стр. 71—72.

ми с каменными печами; встречались также и небольшие укрепленные «городки», где наряду с земледельческими орудиями находят и остатки металлургического производства (например, тигли для плавки цветных металлов). Погребения в то время совершались, как и ранее, путем сожжения трупа, но наряду с бескурганными могильниками появляются и захоронения праха под курганами, а в IX—X вв. все больше распространяется обряд погребения путем трупоположения.

В VI—VII вв. н. э. славянские племена на севере и северо-западе заняли всю восточную и центральную части современной Белоруссии, ранее заселенные летто-литовскими племенами, и новые большие районы в верховьях Днепра и Волги. На северо-востоке они продвинулись также по течению Ловати к озеру Ильмень и далее вплоть до Ладоги.

В тот же период другая волна славянской колонизации направляется на юг. После упорной борьбы с Византией славянам удалось занять правобережье Дуная и расселиться на обширных территориях Балканского полуострова. Видимо, ко второй половине I тысячелетия н. э. относится разделение славян на восточных, западных и южных, сохранившееся до наших дней.

В середине и второй половине I тысячелетия н. э. социально-экономическое развитие славян достигло уровня, при котором их политическая организация переросла рамки племени. В борьбе с Византией, с нашествием аваров и иными противниками складывались союзы племен, представлявшие зачастую крупную военную силу и получавшие обычно название по главному из племен, входивших в этот союз. В письменных источниках есть сведения, например, о союзе, объединявшем дулебско-волынские племена (VI в.), о союзе прикарпатских племен—хорватов—чешских, вислянских и белых (VI—VII вв.), о сербо-лужицком союзе (VII в.). Таким союзом племен были, по-видимому, и русы (или росы). Само это название исследователи связывают с названиями реки Рось, где жили росы, с их главным городом Родней и с культом божества Рода, предшествовавшим культу Перуна[1]. До конца IX в. в источниках встречаются упоминания росов, или русов, а с X в. название «русь», «руський» уже преобладает. Территорией русов в VI—VIII вв. была, видимо, лесостепная область среднего Поднепровья, которая долгое время называлась в народе собственно Русью даже тогда, когда это название распространилось на все восточнославянское государство. О человеке, поехавшем, например, из Новгорода в Киев или из Суздаля в Чернигов, говорили, что он поехал «в Русь», как в конце XIX — начале XX в. о человеке, поехавшем из Сибири на Волгу или с Кавказа в Москву, говорили, что он поехал «в Россию».

Некоторые археологические памятники позволяют предположить существование и других восточнославянских племенных союзов. Различные типы курганов — родовых погребений с трупосожжениями — принадлежали, по мнению большинства исследователей, различным союзам племен. Так называемые «длинные курганы» — валообразные погребальные насыпи длиной до 50 м — распространены к югу от Чудского озера и в верховьях Двины, Днепра и Волги, т. е. на территории кривичей. Можно думать, что оставившие эти курганы племена (как славянские, так и летто-литовские) входили в обширный когда-то союз, который возглавляли кривичи. Высокие округлые курганы — «сопки», распространенные по течению р. Волхова и Мсты (Приильменье вплоть до Шексны), принадлежат, по всей вероятности, союзу племен во главе со словенами. Крупные курганы VI—X вв., скрывающие в насыпи целый частокол, и грубый ящик с урнами, хранящими прах покойников, могли принадлежать вятичам. Эти курганы встречаются

[1] Еще в VI в. Иордан упоминает «росомонов», что, по мнению Б. А. Рыбакова, может означать «люди племени Рос» (Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства. Очерки истории СССР III—IX вв., М., 1958, стр. 744; см. также: М. Н. Тихомиров. О происхождении термина «Русь». Сб. «Советская этнография», вып. VI, М., 1946; А. Н. Насонов. Русская земля. М., 1951).

в верховьях Дона и в среднем течении Оки. Возможно, что общие черты, имеющиеся в более поздних памятниках радимичей (живших по р. Сожу) и вятичей, объясняются существованием в древности радимичско-вятичского союза племен, в который могли входить частично и северяне, жившие на берегах Десны, Сейма, Сулы и Ворсклы. Ведь недаром позднее Повесть временных лет сообщает нам легенду о происхождении вятичей и радимичей от двух братьев.

На юге, в междуречье Днестра и Дуная, со второй половины VI — начала VII в. появляются славянские поселки, принадлежавшие к племенному союзу тиверцев.

На север и северо-восток вплоть до Ладожского озера, в глухой лесной край, заселенный финно-угорскими племенами, кривичи и словене в это время проникали вверх по крупным рекам и их притокам.

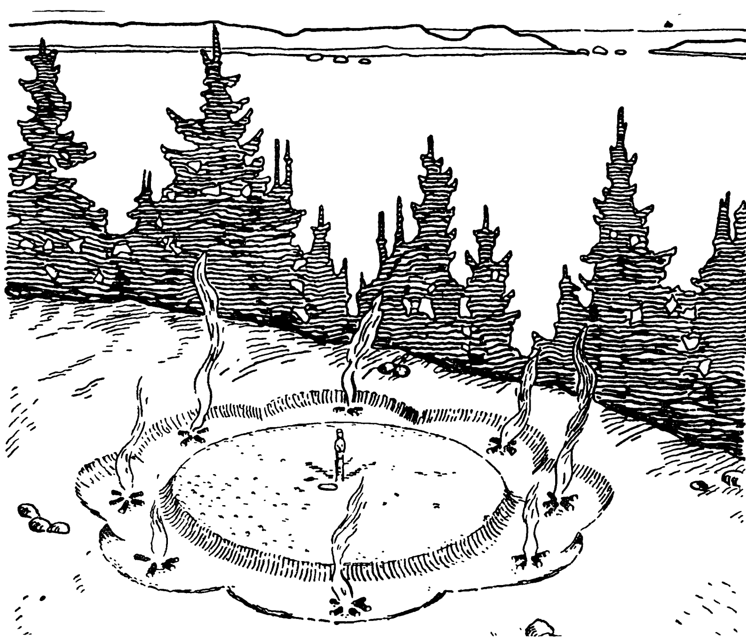
На юг и юго-восток, в причерноморские степи, славянские племена продвигались в непрестанной борьбе с кочевниками. Процесс продвижения, начавшийся еще в VI—VII вв., шел с переменным успехом. Славяне к X в. достигли берегов Азовского моря. Основой позднейшего Тмутараканского княжества, по всей вероятности, послужило славянское население, проникшее в эти места в гораздо более ранний период.

В середине I тысячелетия основным занятием восточных славян являлось земледелие, развитие которого было, однако, неодинаковым на юге, в степной и лесостепной полосах и в лесах севера. На юге плужное земледелие имело уже вековые традиции. Находки железных частей плуга (точнее — рала) относятся здесь ко II, III и V векам. Развитое земледельческое хозяйство восточных славян степной полосы оказывало во второй половине I тысячелетия немалое влияние на их соседей. Именно этим объясняется, например, бытование до настоящего времени славянских названий многих сельскохозяйственных орудий у молдаван; плуг, секурэ («секира» — топор), лопатэ, теслэ (тесло) и др.

В лесной полосе только к концу I тысячелетия пашенное земледелие стало господствующей формой хозяйства. Древнейший в этих местах железный сошник найден в Старой Ладоге в слоях, датируемых VIII в. Пашенное земледелие как плужное, так и сошное требовало уже применения тягловой силы скота (лошадей, волов) и удобрения земли. Поэтому наряду с земледелием большую роль играло скотоводство. Важными подсобными занятиями были рыболовство и охота. Повсеместный переход восточнославянских племен к пашенному земледелию как основному занятию сопровождался серьезными изменениями в их общественном строе. Пашенное земледелие не требовало совместной работы больших родовых коллективов.

В VIII—X вв. в степной и лесостепной полосах юга Европейской части СССР существовали поселения так называемой роменско-борщевской культуры, которые исследователи считают характерными для соседской общины. Среди них были и небольшие укрепленные валом поселки, состоявшие из 20—30 домов, наземных или несколько углубленных в землю, и большие селения, у которых была укреплена только центральная часть, а большинство домов (всего их до 250) находились за ее пределами. На маленьких городищах жило не более 70—80 человек; в больших селениях — иногда свыше тысячи жителей. Каждое жилище (площадью в 16—22 $м^2$ с отдельной печью и чуланом) имело свои хозяйственные постройки (амбары, погреба, разного рода навесы) и принадлежало одной семье. Кое-где (например, на городище Благовещенская гора) открыты более крупные постройки, возможно, служившие для собраний членов соседской общины— братчин, которые, по мнению Б. А. Рыбакова, сопровождались и какими-то религиозными обрядами.

Поселки роменско-борщевского типа сильно отличаются по своему характеру от поселений, находящихся на севере, в Старой Ладоге, где в слоях VIII в. В. И. Равдоникас открыл большие рубленые из бревен наземные дома размером в среднем 96—100 $м^2$, с небольшим крыльцом и печью-каменкой,



Перынь — святилище Перуна на берегу оз. Ильмень
(по реконструкции В. В. Седова)

располагавшейся в центре жилища. Вероятно, в каждом таком доме жила большая семья (от 15 до 25 человек); в печи готовилась пища для всех, а продукты брались из коллективных запасов. Хозяйственные постройки располагались отдельно, рядом с жилищем. Поселение Старая Ладога принадлежало также соседской общине, в которой были еще сильны пережитки родового быта, и жилища принадлежали еще большим семьям. Уже в IX в. здесь эти дома сменились небольшими избами (16—25 $м^2$) с печью-каменкой в углу, т. е. такими же, как и на юге жилищами одной сравнительно небольшой семьи.

Природные условия способствовали образованию у восточнославянского населения в лесной и степной полосах уже в I тысячелетии н. э. двух типов жилища, различия между которыми в дальнейшем все углублялись. В лесной полосе господствовали наземные бревенчатые дома с печью-каменкой, в степной — несколько углубленные в землю глинобитные (часто на деревянном каркасе) мазанки с глинобитной печью и земляным полом.

В процессе распада патриархальных отношений с довольно отдаленных времен кое-где сохранились описанные в Повести временных лет пережитки более древних общественных форм — брак посредством умыкания, остатки группового брака, которые летописец принял за многоженство, следы авункулата, сказавшиеся в обычае кормильства, сжигание покойников.

Первые государственные образования и древнерусская народность

На основе древних союзов славянских племен образовывались территориальные политические объединения (княжения). В целом они переживали «полупатриархальный-полуфеодальный» период развития, в ходе которого с увеличением имущественного неравенства выделялась местная знать, постепенно захватывавшая общинные земли и превращавшаяся в феодальных владельцев. Летописи упоминают и представителей этой знати — Мала у древлян, Ходоту и его сына у вятичей. Мала они даже называют князем. Таким же князем считали и легендарного Кия, основателя Киева.

Территории восточнославянских княжений описаны в Повести временных лет. Некоторые особенности быта их населения (в частности, различия в деталях погребального обряда, местный женский свадебный убор) были очень устойчивы и сохранялись в течение нескольких столетий даже тогда, когда уже сами княжения переставали существовать. Благодаря этому археологам удалось, отправляясь от летописных данных, существенно уточнить границы этих областей. Восточнославянская территория ко времени образования Киевского государства представляла собой единый массив, простиравшийся от берегов Черного моря до Ладожского озера и от верховьев Западного Буга до среднего течения Оки и Клязьмы. Южную часть этого массива образовали территории тиверцев и уличей, охватывавшие среднее и нижнее течение Прута, Днестра и Южного Буга. К северо-западу от них, в верховьях Днестра и Прута, в Закарпатье жили белые хорваты, севернее их, в верховьях Западного Буга — волыняне, к востоку и северо-востоку от белых хорватов, на берегах Припяти, Случи и Ирши—древляне, к юго-востоку от древлян, в среднем течении Днепра, в районе Киева — поляне, на левом берегу Днепра, по течению Десны и Сейма — северяне, к северу от них, по Сожу — радимичи. Соседями радимичей с запада были дреговичи, занимавшие земли по течению Березины и в верховьях Немана, с востока с северянами и радимичами граничили вятичи, населявшие верхнюю и среднюю части бассейна Оки (включая Москву-реку) и верховья Дона. К северу от Москвы-реки обширную территорию в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, простиравшуюся на северо-западе до восточного берега Чудского озера, занимали кривичи. Наконец, на севере и северо-востоке славянской территории, на Ловати и Волхове жили ильменские словене.

Внутри восточнославянских княжений по археологическим материалам можно проследить более мелкие подразделения. Так, курганы кривичей включают три большие группы памятников, отличающиеся деталями в погребальном обряде — псковскую, смоленскую и полоцкую (летописец также выделял среди кривичей особую группу полочан)[1]; смоленская и полоцкая группы, видимо, образовались позже псковской, что позволяет думать о колонизации кривичами, пришедшими с юго-запада, из Принеманья или Бужско-Висленского междуречья, сначала Псковской (в IV—VI вв.), а потом — Смоленской и Полоцкой земель. Среди вятичских курганов также различается несколько локальных групп.

Во второй половине I тысячелетия н. э., по мере развития восточнославянских племен, шел процесс возникновения древнерусской народности. IX—XI вв. были временем ее расцвета. В начале этого периода, в IX—X вв. создалось классовое феодальное Древнерусское государство со столицей Киевом.

В IX—XI вв. формируется сплошная территория Древнерусского государства — «Русская земля», понятие о которой как об отчизне было в высокой степени свойственно восточным славянам того времени. До этого времени существовавшее сознание общности восточнославянских племен покоилось на родовых связях. Русская земля занимала огромные пространства — от левых притоков Вислы до предгорий Кавказа, от Тамани и нижнего течения Дуная до берегов Финского залива и Ладожского озера. Многочисленный народ, живший на этой территории, называл себя «русью», приняв, как говорилось выше, самоназвание, присущее раньше только населению сравнительно небольшой области в Среднем Поднепровье. Русью же называли эту страну и другие народы того времени. Территория Древнерусского государства включала не только восточнославянское население, но и части соседних племен.

Колонизация неславянских земель (в Поволжье, Приладожье, на Севере) шла первоначально мирным путем. На эти территории проникали преж-

---

[1] «Повесть временных лет», т. I. М., 1950, стр. 13.

де всего славянские крестьяне и ремесленники. Новые поселенцы жили даже в неукрепленных поселках, не опасаясь, по-видимому, нападений местного населения. Крестьяне осваивали новые земли, ремесленники снабжали округу продукцией своего производства. В дальнейшем туда приходили славянские феодалы со своими дружинами. Они ставили крепости, облагали данью славянское и неславянское население края, захватывали лучшие участки земли.

В ходе хозяйственного освоения русским населением этих земель усиливался сложный процесс взаимного культурного влияния славян и финно-угорского населения. Многие «чудские» племена даже утратили свой язык и культуру, но в свою очередь оказали влияние на материальную и духовную культуру древнерусской народности.

В IX и в особенности в X в. общее самосознание восточных славян проявилось с гораздо большей силой и глубиной в распространении термина «Русь» на все восточнославянские земли, в признании этнического единства всех живущих на этой территории, в сознании общей судьбы и в общей борьбе за целостность и независимость Руси.

Замена старых племенных связей новыми территориальными происходила постепенно. Так, в области военной организации можно проследить наличие самостоятельных ополчений у древних княжений до конца X в. В походах киевских князей участвовали ополчения словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, хорватов, дулебов, тиверцев (и даже неславянских племен — чуди и др.). С начала XI в. они стали вытесняться в центральных областях ополчениями городов — новгородцами, киянами (киевлянами) и др., хотя военная самостоятельность отдельных княжений продолжала существовать и в X и в XI в.

На основе древних родственных племенных говоров создался древнерусский язык, имевший местные диалектные различия. К концу IX — началу X в. следует отнести сложение древнерусского письменного языка и появление первых памятников письменности.

Дальнейший рост территории Руси, развитие древнерусского языка и культуры шли рука об руку с укреплением древнерусской народности и постепенной ликвидацией пережитков племенной обособленности. Важную роль здесь играло и обособление классов феодалов и крестьян, укрепление государства.

Письменные и археологические источники, относящиеся к IX, X и началу XI в., четко рисуют процесс образования классов, выделения старшей и младшей дружины.

К IX—XI вв. относятся большие курганные могильники, где погребены большей частью дружинники, сожженные на костре вместе с оружием, различными предметами роскоши, иногда с рабами (чаще — с рабынями), которые должны были служить своему господину на «том свете», как служили на этом. Такие могильники располагались возле крупных феодальных центров Киевской Руси (самый большой из них — Гнездовский, где имеется более 2 тыс. курганов,— у Смоленска; Михайловский — близ Ярославля). В самом Киеве воинов хоронили уже по иному обряду — их не сжигали, а клали нередко с женщинами и всегда с конями и оружием в специально зарытый в землю сруб (*домовину*) с полом и потолком. Исследование найденного в погребениях дружинников оружия и иных вещей убедительно показало, что подавляющее большинство дружинников — это славяне. В Гнездовском могильнике лишь незначительное меньшинство погребений принадлежит норманам — «варягам». Наряду с погребениями дружинников в X в. встречались пышные погребения феодальной знати — князей или бояр. Знатного славянина сжигали в ладье или специально построенном здании — домовине — с рабами, рабыней, конями и иными домашними животными, оружием и множеством драгоценной утвари, принадлежавшими ему при жизни. Над погребальным костром устраивали сначала небольшую насыпь, на

которой совершали тризну, возможно, сопровождавшуюся пиром, ритуальными возлияниями и военными играми, и только затем насыпали большой курган.

Экономическое и политическое развитие восточных славян закономерно привело к созданию у них на местной основе феодального государства с киевскими князьями во главе. Варяжское завоевание, отраженное в легенде о «призвании» варягов в Новгородскую землю и захвате Киева в IX в., оказало на развитие восточных славян не больше, а, всего вероятнее, меньше влияния, чем на население средневековой Франции или Англии. Дело ограничилось сменой династии и проникновением некоторого количества норманнов в состав знати. Но новая династия оказалась под сильнейшим влиянием славянской культуры и «обрусела» уже через несколько десятков лет. Внук легендарного основателя варяжской династии Рюрика носил чисто славянское имя — Святослав и по своей внешности, манере одеваться и держаться ничем не отличался от любого представителя славянской знати.

Древнейшие верования восточных славян, как и других племен и народов, находившихся на стадии первобытнообщинного строя, носили тотемистический характер. Очень древним является почитание бога Рода и Рожаниц, связанное, возможно, с культом предков. Долгое время удерживались в северовосточной Руси тотемистические верования, связанные с культом медведя. В народном искусстве до недавнего времени сохранились следы древнего культа великой богини-матери, восходящего на юге едва ли не ко временам матриархата, а на севере распространившегося, очевидно, не раньше VI в. Очевидно несколько позже, когда у славян уже развилось земледелие, возникли культы божеств, олицетворяющих силы природы, от которых особенно долго удерживались в народе верования в леших, водяных и т. п., а также культы, связанные с домом, очагом, домашними постройками (пережитками этих культов являлись верования в домовых, дворовых, гуменников и т. д.). Постепенно создавался своеобразный языческий пантеон. Главным божеством у восточных славян уже в VI в. был, по свидетельству византийского историка Прокопия, «творец молний», который позднее известен под именем Перуна. Ему приносили в жертву быков и совершали иные обряды. Менее древним был культ Волоса, или Велеса — бога скота и богатства. По мере укрепления феодального государства правящая верхушка старалась укрепить веру в богов, вводя в языческий пантеон все новых богов, даже таких, которых у славян раньше не почитали. Летопись сообщает о том, как князь Владимир Святославич поставил в Киеве кумиры Перуну, Даждьбогу (богу солнца и плодородия), Стрибогу (богу ветров), а также почитавшемуся восточными тюркскими народами Симарглу и финскому божеству Мокоши. Перун был, по-видимому, изображен в виде человека с деревянным туловищем, серебряной головой и золотыми усами; Симаргл изображался обычно в виде крылатого пса. Понятие о славянском «кумире» дает найденное в реке Збруч небольшое изображение (так называемый Збручский идол), видимо, олицетворявшее одновременно нескольких богов и богинь. Археологическими раскопками открыты славянские жертвенники в Киеве (на месте, где позже была Десятинная церковь) и в Новгороде. Последнее открытие особенно интересно, так как здесь удалось исследовать весь храм, представлявший собой в плане как бы восьмилепестковую розетку, в каждом «лепестке» которой горел «священный» огонь, а в центре всего сооружения помещался деревянный постамент, на котором стояла статуя Перуна.

В конце X в. правящая верхушка Киевского государства сочла более подходящей для своих целей христианскую религию, которую и восприняла в ее греко-православной форме. Уже в начале X в. среди господствующего класса были христиане. Их становилось все больше, а затем язычество было запрещено, и православие стало государственной религией. Распространение христианства и внедрение некоторых черт византийской культуры проходи-

ли на Руси медленно. Быстрее всего их восприняла знать. Но и среди крупных феодалов долгое время сохранялись старые религиозные обряды.

Киевских князей в конце X в. после официального принятия христианства еще погребали под курганами, хотя тела их, по-видимому, не сжигали.

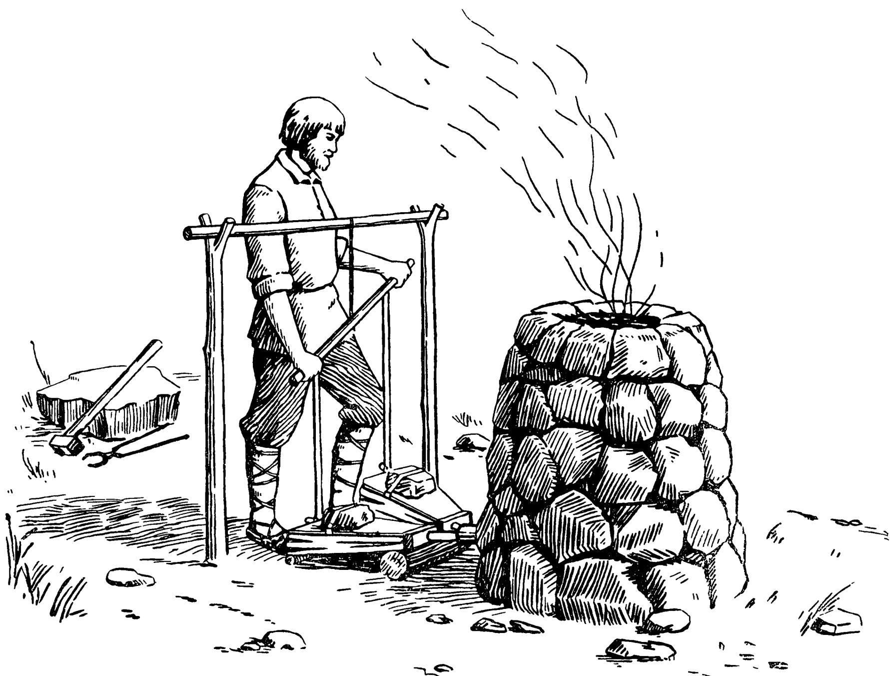
В XIII в. известны погребения новгородских бояр, которые были совершены в монастыре, но с рядом элементов древнего обряда — с оружием и пищей. До XIII в. сохранился даже среди князей обычай носить два имени— одно официальное «крестное», другое — общеупотребительное, народное (например, Георгий — Ярослав, Гавриил — Всеволод, Михаил — Святополк). Еще медленнее проникала христианская религия в народные массы. В XI в., почти через 100 лет после официального принятия христианства, «волхвы», исповедовавшие дохристианские верования, неоднократно вступали в открытые споры с христианскими иерархами и представителями княжеской власти. Известен случай, когда епископ в споре с волхвом прямо поставил вопрос о том, кто какой держится веры, и его поддержали только князь и дружина, а «людъе все идоша за волхва»[1]. Приверженность к дохристианским верованиям была тем сильнее, что в них народные массы находили какой-то выход своему протесту против феодального закабаления. Крестьяне в некоторых местах хоронили своих покойников под курганами до XIV в. В дальнейшем на протяжении столетий церковь должна была бороться против пережитков древних культов; в частности, их представителями были весьма почитаемые в народе скоморохи, в которых исследователи видят тех же волхвов.

Основные занятия и материальная культура

Основным занятием населения Древнерусского государства было земледелие. Период X—XIII вв. характеризуется дальнейшим развитием пашенного земледелия с применением на юге Руси плуга и рала, на севере — сохи (по всей вероятности, сначала многозубой, позже трех-и двузубой с перекладной полицей и однозубой). Древнее рало, как и соха, не переворачивало пласт, а только разрыхляло землю, в отличие от плуга. На каменистых почвах русского севера соха была более пригодна. Вспаханная почва разрыхлялась бороной. Жали с помощью железных зазубренных серпов, траву косили косой. В крестьянских курганах серпы находят только в женских погребениях, что указывает на существовавшее уже в ту пору разделение труда, при котором пахота была в основном мужским, а жатва — женским делом. Сжатый хлеб вязали в снопы, складывали в суслоны. Уже тогда была известна сушка хлеба в овинах, хотя, очевидно, преобладала сушка хлеба в поле. Молотили на току цепами. Зерно хранили обычно в ямах, мололи ручными жерновами. Основными зерновыми культурами были пшеница, рожь, ячмень, просо, овес. В большом количестве сеяли репу, которая в те времена употреблялась в пищу в вареном виде, как гораздо позже — картофель. Разводили также горох, бобы, чечевицу, хмель, из технических культур — лен и коноплю. Анализ найденных при раскопках злаков показал, что большинство их происходит со старопахотных земель. Видимо, подсека, лесной и степной перелог в большинстве земель постепенно уступали место паровой зерновой системе, при которой часть земли каждый год отдыхала (в основном двухполье, кое-где трехполье). Важным подспорьем в хозяйстве являлось огородничество. Главной огородной культурой была капуста, отчего нередко огород называли «капустником»; разводили также лук, огурцы.

Скотоводство находилось в тесной связи с земледелием. Обработка почвы требовала применения тягловой силы скота (на юге главным образом — волов, на севере — лошадей), а паровая система земледелия, в особенности трехполье, предполагает систематическое удобрение почвы навозом. Разведение коров, мелкого рогатого скота и свиней обеспечивало население основной

[1] «Повесть временных лет», т. I, стр. 120—121.



Древнерусская домница (по реконструкции Б. А. Колчина)

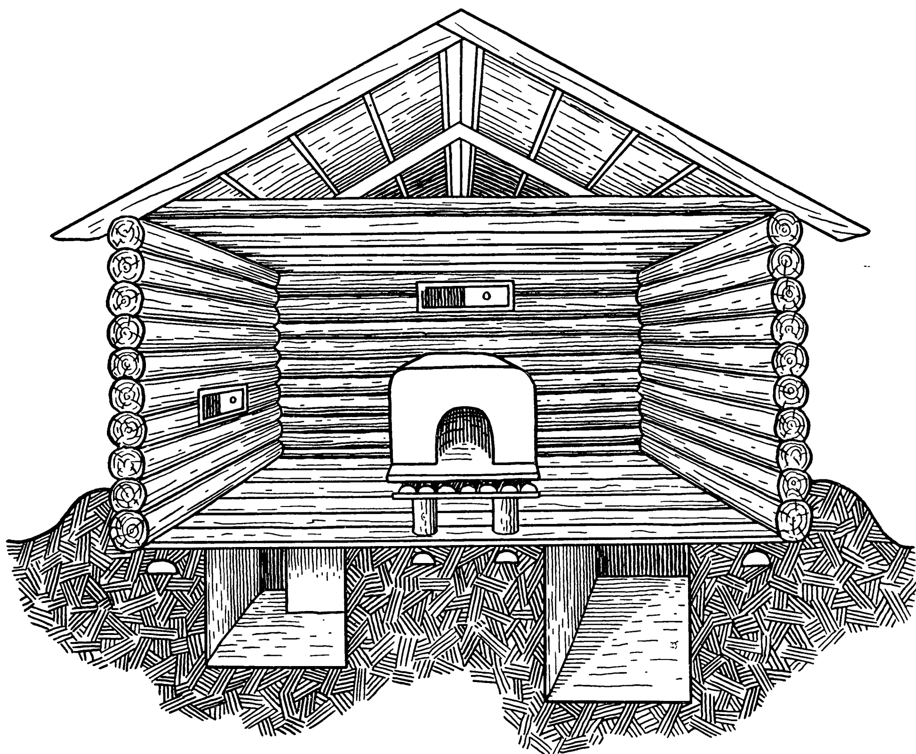
молочной и мясной пищей. Серьезное хозяйственное значение имела охота лишь на пушного зверя, развившаяся преимущественно в лесных северных областях. Немалое значение имело рыболовство, которое было распространено повсеместно. Рыбу ловили сетями и удочками, били острогой, ставили заколы. Бортничество — собирание меда диких пчел — было одним из древнейших занятий славян. В Киевской Руси оно развивалось путем создания искусственных бортей и приближалось к позднейшему пчеловодству. Добывание меда было тем более необходимо, что в ту пору это был единственный способ получения столь необходимого для питания человека сахара.

Развитие производительных сил, рост производительности и углубление разделения труда обусловили появление и развитие в Древнерусском государстве разнообразных ремесел.

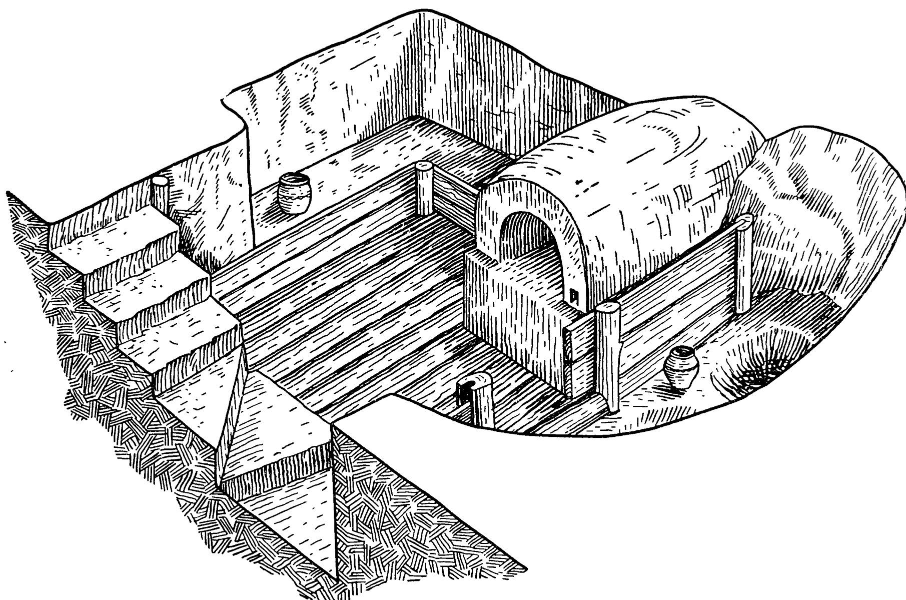
Археологические памятники IX—X вв. показывают, что в составе населения восточнославянских княжений были специалисты-ремесленники, изготовлявшие ряд вещей для окрестных крестьян и питавшиеся продуктами, получаемыми за этот труд. В славянских деревнях жили гончары, изготовлявшие на ручном гончарном круге глиняную посуду, кричники, добывавшие из руды железо, кузнецы, выковывавшие из него разнообразные изделия (орудия труда, оружие, утварь), ювелиры-литейщики, делавшие украшения, камнерезы, изготовлявшие жернова, прясла для веретен и иные предметы. Сопоставление и картографирование находок древних вещей позволило Б. А. Рыбакову установить, что один деревенский ремесленник обслуживал округу радиусом 10—15 км[1].

Сельская община — в ее специфической форме *вервь*, или *мир*, — в эпоху создания Древнерусского государства вступила в период распада. Древнейший памятник русского права — Русская Правда знает еще вервь как общественно-территориальную единицу. По-видимому, община считалась коллективным владельцем определенной территории, включавшей

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 437—452.



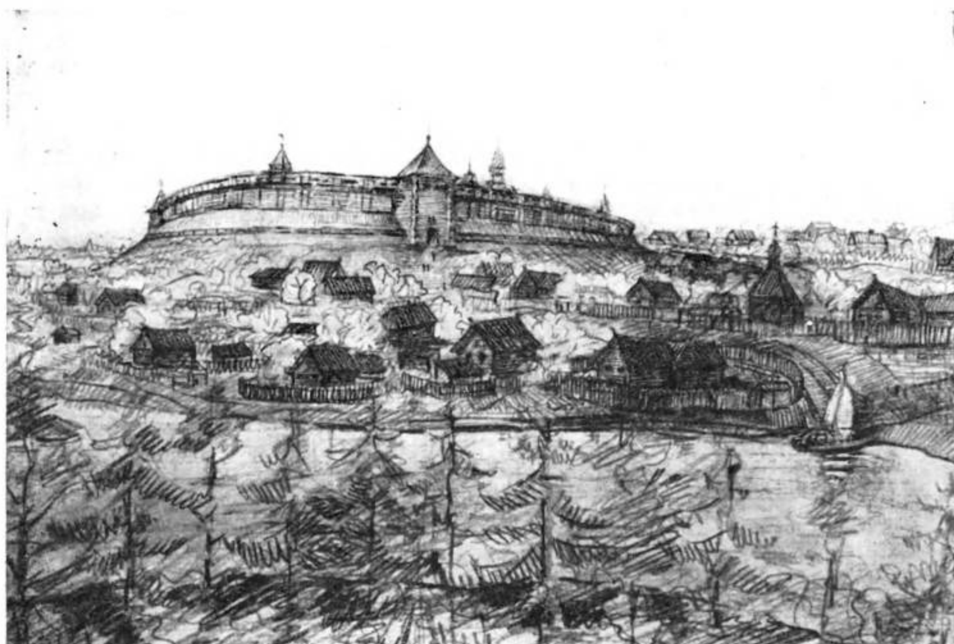
1



2

Типы жилищ:

1 — срубное — дом из Старой Рязани (по реконструкции М. В. Городцова);
2 — полуземлянка из Старой Рязани (по реконструкции А. Л. Монгайта)



Небольшой русский город в XII в. Москва (реконструкция М. Г. Рабиновича)

землю, участки выгона и леса. Она несла уголовную ответственность за совершенные на ее территории преступления и выполняла по отношению к своим членам функции первой судебной инстанции по незначительным делам. Эти функции постепенно отпадали по мере выделения зажиточных членов общины и закабаления рядовых общинников феодалами (не исключены случаи, когда вервь попадала в феодальную зависимость целиком). Повесть временных лет знает уже как единицу обложения податью «дым», «плуг», «рало», т. е. более мелкие хозяйства, обрабатывавшие землю самостоятельно. Значительная часть свободных крестьян — *смердов* — попадала в зависимость от феодалов. Увеличилось число *рядовичей*, *закупов*, отрабатывавших иногда всю жизнь полученную ссуду (*купу*), и *холопов*, бывших на положении домашних рабов.

Таким образом, непосредственные производители-крестьяне попадали в зависимость от владельцев земли; складывалась основа феодализма как системы производственных отношений, основанных на эксплуатации собственниками земли производителей, имеющих свои средства производства.

Исследователи предполагают, что в этот период сельская община не представляла собой единого большого поселения соседей, как это было еще незадолго перед тем. Принадлежащая общине территория осваивалась отдельными, обычно родственными группами — «патронимиями», как их называют исследователи, «выдиравшими» себе пашню зачастую из целины. Поселки таких семей были невелики. К XI в., когда основу хозяйства составляла уже обработка старопахотных земель, они включали обычно от четырех до десяти дворов. Центром же общины могло быть более крупное поселение — *погост*, имевшее 10—20 дворов и иногда находившееся на месте старого укрепленного поселка — *городища*. По мере утраты общиной самостоятельности погосты превращались в административные центры сельской округи, где мог жить староста, иногда — ремесленники, где была церковь и при ней кладбище (отсюда и сохранившееся до наших дней значение слова «погост» — кладбище). К XIII в. в погосте (как территориальной

единице) значилось от 150 до 300 семей. Наряду с деревнями и погостами, ведущими свое происхождение от старых поселений, еще связанных с соседской общиной, появляются поселения нового типа — *села*, которые летопись упоминает уже в X в. Селами всегда были поселения, находившиеся во владении феодалов — бояр, князей, позднее — монастырей. О том, что представляло собой село крупного землевладельца в XII в., можно судить по летописным описаниям феодальных войн, во время которых подвергались разграблению княжеские и боярские села. В селах на гумнах бывали сотни стогов, на пастбищах — табуны лошадей в тысячи голов, в погребах — огромные запасы вина, меда, в кладовых — множество «тяжкого товару» (железа и изготовленного из него оружия — копий, стрел и т. п.), который враги вывозили целыми обозами. В селе обычно находился «большой» двор, т. е. двор владельца. Были в селе также дворы челяди, обслуживавшей все это хозяйство, а иногда — и церковь. Челяди (*холопов*) и иных зависимых людей в некоторых случаях бывало до нескольких сотен человек. Землевладельцы, нуждавшиеся для обработки своих огромных владений в рабочих руках, нередко привлекали новых поселенцев, давая им на первых порах льготы в несении феодальных повинностей.

Большинство сельских поселений располагалось по берегам небольших речек или оврагов, на первой террасе возвышенного берега. Крестьянские усадьбы вытягивались в один или два ряда вдоль берега. Реже они располагались без определенного плана (кучевая планировка). Последняя, видимо, была более древней и вела свое начало еще от родовых поселков. Уже к XIII в. поселения кучевой планировки, например в Смоленской земле, встречались редко.

Свою резиденцию феодал стремился защищать от возможных нападений внешних врагов и восстаний крестьян. К концу I — началу II тысячелетия н. э. повсюду на территории, издревле занятой восточнославянскими племенами, появляются усадьбы-замки — небольшие по площади, но сильно укрепленные, с глубоким рвом и высоким земляным валом, на котором находились еще деревянные укрепления. Такие феодальные замки строились в естественно укрепленных местах (большей частью на мысах, в устьях небольших речек и оврагов). Более крупные усадьбы окружались деревянными рублеными стенами. За этими укреплениями, которые иногда дополняла высокая сторожевая башня — *вежа*, находился господский дом, хозяйственные постройки, сад и огород, иногда — церковь и по большей части еще несколько дворов слуг и зависимых людей. *Городом* у славян называлось первоначально именно укрепление. Вероятно, эти замки и имел в виду один географ IX в., отметивший, что в земле бужан тогда было 230 городов, у волынян (дулебов) — 70, у уличей — 318, у тиверцев — 148 городов.

Развитие экономики привело уже в VIII—IX вв. к появлению первых настоящих русских городов, т.е. поселений, не только имевших укрепления, но бывших центрами ремесла и торговли и административными центрами округи. В IX—X вв. летописи упоминают свыше двух десятков русских городов. Такие города могли образоваться различными путями: и из сельской общины, и из феодального замка, и из промышленного поселка. По мере того, как ремесла все больше отделялись от сельского хозяйства и развивалась торговля, число городов быстро росло. В XI в. на Руси их было более 90, а в XII — 224[1]. Города способствовали созданию устойчивых общностей в экономической жизни, материальной и духовной культуре народа, далеко выходивших за рамки летописных княжений. «Город,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изоли-

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 12—13, 36, 39.

рованность и разобщенность»[1]. Именно эта особенность городов делала их важнейшим фактором укрепления древнерусской народности и ликвидации остатков племенной обособленности.

Город обычно располагался на берегу какой-либо реки, причем для постройки центрального укрепления (*кремля* или *детинца*) выбирался, как и для усадьбы-замка, защищенный мыс. С конца X в. центральное место в детинце обычно занимал собор. Рядом с ним стояли княжеские хоромы, кругом — остальные здания. Застройка этой части города была, как правило, беспорядочной, кучевой. Ремесленно-торговый посад лишь в самых крупных городах имел вторую линию укреплений. В этом сказывался классовый феодальный характер города, противоположность интересов большинства населения и феодальных владельцев (князя, наместника, архиепископа и их приближенных), защищавших себя не только от внешних врагов, но и от восстаний горожан (а такие восстания в XI—XII вв. не были на Руси редкостью). Экономическим центром города был торг — торговая площадь, располагавшаяся обычно под стенами, недалеко от пристани. Здесь были «ряды» и лавки, торговые дворы приезжих купцов. Здесь же собиралось и городское *вече* — собрание горожан. Застройка посада была чаще всего уличной; узкие и часто кривые улицы вели обычно от кремля и торга к окраинам города, на дороги. Между улицами проходили еще более кривые и узкие переулки. Дворы крупных феодалов, если они были в черте города, представляли своеобразные маленькие поселки, окруженные тыном. Дворы же ремесленников и купцов располагались вдоль улиц. Городские усадьбы обычно стояли вплотную друг к другу, иногда с полосой «ничьей земли» шириной в два-три метра между ними.

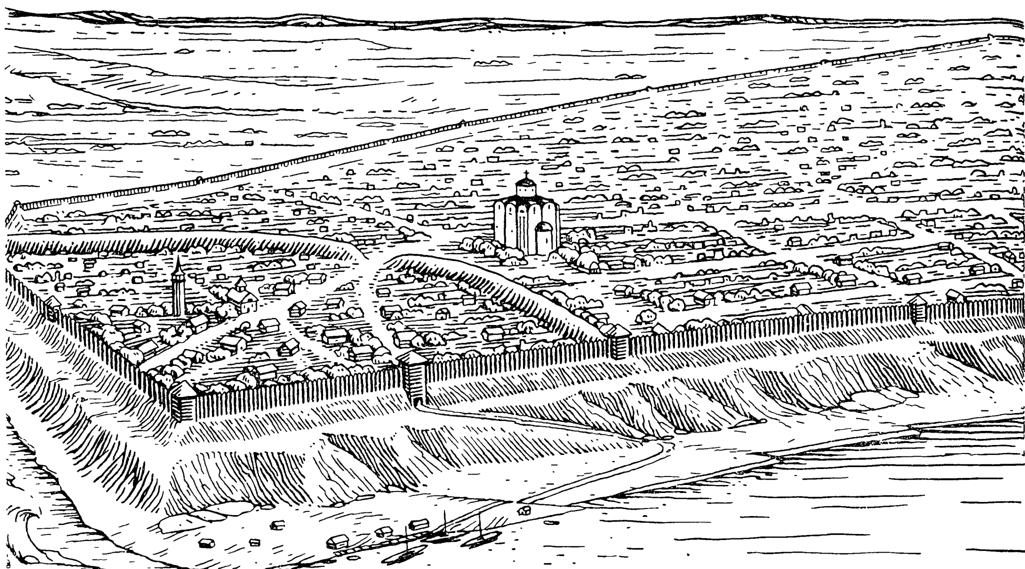
Жилой дом рядового горожанина в X—XIII вв. находился обычно в глубине двора, а на улицу выходили заборы с воротами и глухие стены хозяйственных построек. Сам характер усадьбы, включавшей, кроме жилого дома, хлев, амбар, погреб, конюшню (на севере — баню), а у ремесленников зачастую также отдельное производственное помещение, свидетельствовал о значительной замкнутости каждого хозяйства, которое даже в городах мало пользовалось рынком и держало большие запасы продуктов и скот. Жилище бедного горожанина-ремесленника состояло, как правило, из одной комнаты размером 4×4—5×5 м, а на юге — порою и меньше. Но были и двухкамерные, а в больших городах (например, в Новгороде) — и трехкамерные дома.

Четко выделяются два типа жилища — северный и южный. Граница между ними примерно совпадала с границей лесостепи и леса. В богатых лесом суровых северных областях дом строился из добротных срубов, иногда на подклете, или же с земляной завалинкой, досчатым полом, с двухскатной тесовой или же драночной крышей, каменной или глинобитной печью и с маленькими волоковыми оконцами. В южных землях, более теплых, но бедных лесом, жилище представляло собой несколько углубленную в грунт полуземлянку, с земляным или глинобитным полом, стенами из деревянного каркаса или плетня, обмазанного глиной, с соломенной крышей и глинобитной или прямо вырезанной в почве печью. Эти жилища часто имели яму для зерна, в то время как на севере погреб и амбар стояли отдельно.

Хоромы знати, судя по известиям письменных источников и материалам раскопок, и на севере, и на юге строились из добротных срубов, а с XII в.— также из камня, на высоких подклетах, с верандами-сенями, высокими башнями — *повалушами*, жилыми комнатами и хозяйственными кладовыми. Их богато украшали снаружи затейливыми кровлями и резными деталями, изнутри — росписью (на сюжеты из жизни княжеского двора или с аллегорическими изображениями звездного и солнечного неба — «солнце на небе — солнце и в тереме, звезды на небе — звезды и в тереме»).

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 50.



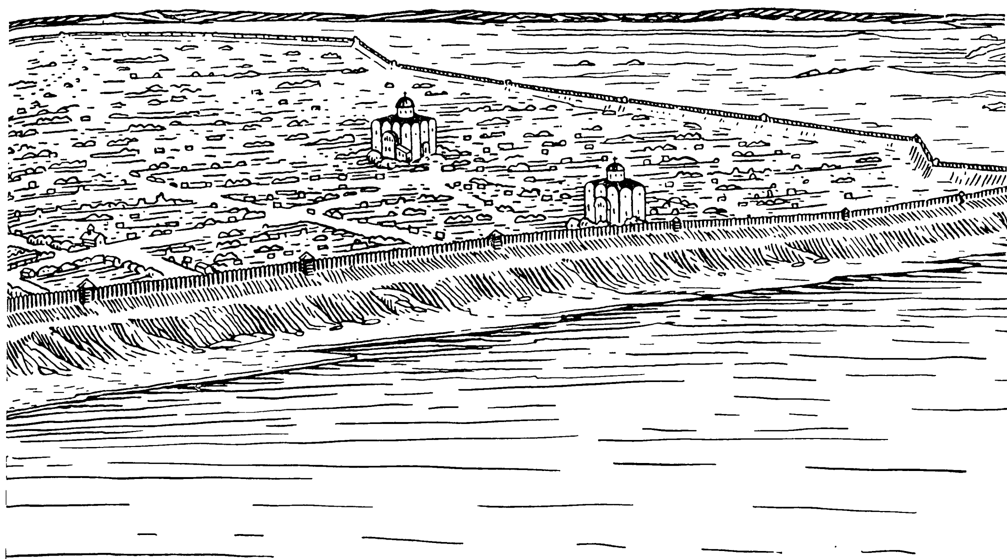
Большой русский город XIII в. Рязань

Но и в богатых домах отапливались сравнительно немногие помещения (*истопки*, отсюда *изба*). В наиболее роскошных по тому времени дворцах существовали примитивные устройства для вывода дыма, но большинство жилищ топилось «по-черному». Разница в условиях жизни богатых и бедных вызвала горький упрек современника: «Ты же жив в дому, повалуше исписав, а убогый не имат къде главы подъклонити»[1].

Одежда восточных славян (для которой существовало общее название *порты*) в X—XII вв. может быть восстановлена по археологическим находкам и древним изображениям. Крестьянские женщины носили длинные рубахи (*сорочица*). Рубахи могли достигать земли (отсюда и слово — *подол* — «до низу»), рукава спускались ниже кистей рук, ворот (*ожерелье*) был низким. Пояс (вероятно, тканый) позволял подбирать рубаху несколько выше (до щиколоток), а рукава также собирались в поперечные складки и у кистей придерживались *запястьями* — браслетами. Рубахи шили из домотканого холста; подол, ожерелье и запястья украшали вышивками. Рубаха дополнялась набедренной одеждой типа *поневы* из пестрой шерстяной ткани. Эта одежда была распространена тогда значительно шире, чем понева в XIX в., охватывая не только южные области, но и земли вятичей и кривичей. Мужчины носили рубахи навыпуск, немного не достающие до колен, с низким (по-видимому, с прямым и косым разрезом) воротом и рукавами до запястий, длинные, довольно узкие штаны (*порты-ногавицы*). Рубаху подпоясывали тканым или кожаным поясом с бронзовой пряжкой, а иногда и с целым набором бляшек. На поясе на специальных кольцах подвешивали огниво, нож, гребенку и иные предметы, как это наблюдалось в русской деревне и в XIX в. На ногах мужчины и женщины носили лапти, преимущественно косого плетения. Изредка в курганах находят остатки кожаной обуви — мягких туфель или башмаков, разрезанных спереди, в единичных случаях — сапоги до колен.

Головные уборы мужчин восстановить трудно, но можно предполагать, что это были шапки из войлока или материи, на которые любили нашивать

[1] «Слово о богатом и убогом. Сборник поучений XII в.». В кн.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. II. СПб., 1876, стр. 196.



(реконструкция А. Л. Монгайта)

металлические украшения. У женщин убранство головы было разнообразным и зависело как от возраста, так и от принадлежности женщин к тому или иному древнему племенному союзу. Девушки могли ходить вовсе без головного убора, иногда даже с распущенными волосами. Замужние женщины носили обязательно платок (*повой*), скрывавший волосы, и пышные головные уборы. Эти головные уборы бывали с бахромой из шерстяных нитей, напоминавшие известные впоследствии в Рязанской губ. *увивки*, или *ширинки*, или шитые из материи (иногда из дорогих *золотных* тканей) на жесткой берестяной основе типа позднейшей *кики*, или *сороки*; носили также различные металлические венчики. Этот убор дополнялся украшениями, набор которых сохранил еще ряд особенностей древнего племенного наряда. Характерную черту убранства славянских женщин составляло наличие привесок (височные кольца), которые прикреплялись к головному убору или венчику, вплетались в волосы около висков (непосредственно или с помощью ремешков), наконец, продевались в мочки ушей как серьги. В XI—XIII вв. племенные особенности сказывались и в других украшениях — ожерельях, браслетах, перстнях. Набор праздничных украшений восточнославянской крестьянки дополнялся *гривнами*—серебряными или бронзовыми шейными обручами, плоскими или витыми из проволоки запястьями, бубенчиками (в более раннее время гривны носили и мужчины).

О верхней одежде крестьян и рядовых горожан X—XIII вв. сохранилось совсем мало материалов. В это время, вероятно, уже не носили плащей, так как ни в могильниках, ни в поселениях не находят застежек для плащей — фибул. Верхняя зимняя одежда, возможно, была распашной. Крестьянин ходил в шубе из овчины или иной шкуры мехом внутрь (от не покрытой ничем нагольной ее поверхности и произошло слово *кожух*). Была и более легкая верхняя одежда из грубой шерстяной ткани — *свита*. Впоследствии это название удержалось для обозначения верхней суконной мужской одежды преимущественно у украинцев и белорусов, а у русских оно было вытеснено названиями *кафтан*, *зипун* и *сермяга*. О мужской одежде XIII в. дает представление одна из новгородских грамот, в которой упомянуты кожух, свита, сорочица, сапоги и шапка.

Одежда рядовых горожан в рассматриваемый нами период мало отличалась от крестьянской. Однако височные кольца встречались в городах

довольно редко, а с XII в. широко распространилась мода на стеклянные браслеты различных цветов, гладкие и витые.

Зажиточные люди одевались с большей роскошью и тратили на одежду значительные средства. По словам арабского путешественника X в. Ибн-Фадлана, на изготовление роскошной одежды, в которой погребали в Булгарах знатного руса, была потрачена треть всего его имущества. На покойника надели «шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота, и шапку из парчи соболевую»[1]. Видимо, порты

Мужская одежда XII в. (рисунок из псковской рукописи)

и рубаха были для крестьянина основной, а для знати — только нижней одеждой, поверх которой надевались еще распашные куртка и кафтан. Сапоги и парчовая шапка с собольей опушкой дополняли наряд. Драгоценные застежки распашного кафтана известны по археологическим находкам. О них говорят и русские былины, описывая наряд знатных щеголей — Чурилы Пленковича и Дюка Степановича,—в котором большую роль играли смыкающиеся фигурные застежки. Поверх кафтана знатный человек носил еще длинный плащ— *корзно*, застегивавшийся на правом плече драгоценной пряжкой — фибулой. Корзно, как и прочую одежду, шили из дорогих привозных тканей — парчи, оксамита. Вероятно, и сорочка знатного человека бывала не только полотняной, как у крестьянина, но и шелковой. «Старцы градские» (т. е. представители городской верхушки, как их изображают древнерусские миниатюры) носили длиннополые распашные кафтаны.

Знатные и богатые женщины также одевались во множество дорогих одежд. Так, княгиня, изображенная на миниатюре знаменитого Изборника Святослава, одета в два роскошных платья — нижнее длинное с узкими рукавами и верхнее короткое с широкими рукавами. Оба платья подпоясаны золотым поясом. Иногда поверх платья надевали также плащ. Голову замужней горожанки, так же как в деревне, всегда прикрывал платок—повой с длинными концами. В Новгороде в XII в. назначался большой штраф «за сором» тому, кто осмелится сорвать с посторонней женщины повой. Поверх повоя богатые горожанки носили иногда высокие головные уборы, напоминавшие позднейшую кику, со спускающимися от верха убора цепочками, на которых подвешивались художественной работы металлические медальоны — *колты*. Украшения богатой женщины поражают богатством и изяществом отделки. По своему характеру они в известной мере связаны с народными украшениями (гривны, браслеты, некоторые виды серег).

---

[1] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.— Л., 1939, стр. 81.

Основную пищу населения Древней Руси составляли продукты земледелия и скотоводства. В зависимости от тщательности помола зерна изготовлялись различные сорта хлеба. «Пшеница бо, много мучима чист хлеб являет»,— писал в XII в. Даниил Заточник. «Белой крупитчатой хлеб» — непременный атрибут княжеского пира, описываемого былинами. Восточные славяне приготовляли «кислый» хлеб на закваске и пекли его в домашних печах. Различные виды печеных хлебов — *коврига*, *колач*, *хлебец*, упоминающиеся письменными источниками, говорят о разнообразии этих изделий. Обнаруженные при раскопках игрушечные хлебцы изображают обычно круглый подовый хлеб, иногда с нарезками на поверхности для лучшего вкуса корки. Тесто, замешанное на меду, давало сладкий хлеб. Широко распространены были различные каши и кисели. Кашу варили из овса, гречихи, проса, гороха и чечевицы. Эта еда была, видимо, и обрядовой (на свадьбе, тризне и т. п.). Распространенной пищей была также вареная репа. Мясная пища приготовлялась главным образом из мяса домашнего скота, но лошадиное мясо употреблялось в пищу лишь в крайних случаях. Мясо диких зверей и птиц чаще подавалось за столом феодалов. Рыба была значительным подспорьем в пище бедняков. Важную роль играло также молоко и молочные продукты — *сыр* (как в значении «творог», так и в современном значении), сливки, сметана и масло. Источники различают масло *коровье* и *семенное*, т. е. растительное, приготовлявшееся из семян конопли и льна. Огородные овощи — капуста, огурцы, лук и чеснок также играли важную роль в питании восточных славян. Само же слово «овощи» обозначало в Древней Руси фрукты. Среди них уже с древнейших времен упоминаются яблоки. Распространенным питьем были различные квасы и меды; последние, как и хмельное пиво, употреблялись в качестве крепких напитков.

Пища знатных и богатых людей дополнялась привозными пряностями, винами, фруктами и орехами.

В самом процессе приготовления пищи также можно проследить социальные различия. Металлические котлы для варки пищи, подвешивавшиеся над огнем, встречались только в богатых жилищах и погребениях, между тем как глиняные кухонные горшки были распространены повсюду. Горшок, обогреваемый сбоку, в качестве основного кухонного сосуда являлся характерной особенностью славянских народов, в то время как большинство других народов употребляли подвесные или вмазанные в печь котлы, которые обогревались снизу. Крупные горшки со сливом у верхнего края употреблялись для отделения сливок, а сосуды с отверстиями в днище — для приготовления творога. Широкие низкие глиняные сосуды, иногда с ручками, служили для жарения пищи; эти своеобразные сковороды назывались *латками*. Ели из глиняных мисок и деревянных тарелок, пили из деревянных кубков и чаш. Большое блюдо, в котором подавали пищу на стол, называлось *солило*.

Древнейшая деревянная посуда вырезывалась вручную, позже стали вытачивать ее на токарном станке (ложки для еды, черпаки и ковши — *корцы* для питья). У горожан и феодалов бытовала также металлическая, а изредка — и стеклянная посуда. Весьма характерен рассказ в Повести временных лет о дружинниках князя Владимира, которым показалось зазорным есть деревянными ложками, когда у дружинников варяжского наемника Свенелда были ложки серебряные. Большие серебряные *чары*, употреблявшиеся на княжеских и боярских пирах, сохранились в отдельных случаях до нашего времени. «А се чара князя Володимирова Давыдовича, кто из нее пьет, тому и здоровье, а хваля бога своего и господаря великого князя»,— можно прочесть на чаше черниговского князя XII в. Видимо, это была «круговая» чаша, из которой пили по очереди собравшиеся за княжеским столом.

Из древнерусской утвари нужно упомянуть также глиняные кувшины и деревянные клепаные ведра с металлическими дужками-ручками, а также

различные бочки, кадки и боченки, в которых хранили не только различны жидкости, но и соленья и зерно. Недаром мерой сыпучих тел тогда были *коробьи* — корзины, *кади* и *оковы*.

Семейный быт и духовная культура

В области семейного быта восточных славян период сложения и развития древнерусской народности характеризовался отмиранием рода и усилением моногамной семьи. Многие родовые обычаи отошли в прошлое. Русская Правда ограничивала кровную месть кругом только ближайших родственников (родители, дети, братья, племянники), причем уже заметно стремление заменить ее денежным штрафом. На первый план выступает большая семья, в которую входят родители и их взрослые дети с потомством. Имущество крестьянской семьи находилось, по-видимому, в распоряжении отца, после смерти которого делилось между сыновьями. Дочери не имели права наследования, но, выходя замуж, они приносили в семью будущего мужа приданое.

В то же время складывается и укрепляется феодальный род, экономической основой которого было владение землей и крепостными.

В отличие от смердов у феодалов женщины также имели право наследовать имущество, а одна женщина — княгиня Ольга — даже была долгое время правительницей государства. Семья у феодалов уже в начале развития феодальных отношений была малой, чему способствовал обычай ранних браков и выделения новым семьям владений, хотя бы и зависимых от старейших членов рода.

В общественной жизни восточных славян большую роль играла территориальная община. В деревне это были *мир* и *вервь*, о которых говорилось выше, в городах — улица, *конец*. Однако роль собрания общины — *веча* в большинстве княжеств отступала на второй план перед феодальной дружиной, управителями-тиунами и т. п. Это наблюдалось уже во второй половине XI в. В тех же областях, где, как в Новгороде и Пскове, сложилась не феодальная монархия, а феодальная республика, вече сохранилось, но фактическая власть была в руках крупнейших феодальных фамилий.

В Древнерусском государстве создавалась своя яркая и самобытная культура. Немалую роль здесь сыграла распространившаяся еще в X в. азбука (кириллица). К XI—XII вв. относятся древнейшие памятники русской литературы, среди которых особое место занимали публицистические произведения: «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, знаменитое автобиографическое Поучение Владимира Мономаха, описания путешествий (Хождение игумена Даниила), памфлеты (Моление Даниила Заточника), наконец, жития святых. Наиболее ярким произведением этого периода, пронизанным высокими патриотическими идеями, было Слово о полку Игореве — героическая песнь о походе на половцев Игоря Святославича в конце XII в. К тому же периоду относятся первые исторические произведения — летописи, которые велись во многих крупных феодальных центрах Древней Руси. До нас дошли и великолепные образцы устного народного творчества — *былины*.

Сохранившиеся древние здания и материалы археологических раскопок говорят о высоком развитии деревянного и каменного зодчества. Здания, построенные из дерева, отличались богатством архитектурных форм, в особенности сложностью силуэтов домов, увенчивавшихся множеством затейливых кровель и куполов; каменные здания, преимущественно церкви, возводили сначала по византийским образцам из кирпича, но и они имели ряд самобытных древнерусских черт. В конце XII — начале XIII в. во Владимиро-Суздальском княжестве был создан новый архитектурный стиль. Стройные здания из белого камня украшались богатой резьбой, изображавшей иногда целые сцены. В этом стиле строились не только церкви. Известен княжеский дворец, построенный из белого

Народы и государства Восточной Европы в XII — начале XIII в.

камня великим князем Владимирским Андреем в его резиденции Боголюбове.

Древнерусская живопись известна как по остаткам росписи монументальных сооружений, так и по иконам и рисункам в древних рукописях. В XII в. с усилением влияния церкви живопись приобретает несколько условный характер. Наряду с этим ярче выступают местные черты, свойственные развивающимся феодальным центрам, создаются местные художественные школы. Что же касается монументальной скульптуры, то до введения христианства она была весьма развита. Многочисленные изображения божеств обычно представляли собой статуи, иногда весьма сложные по композиции. Принятие христианства привело к почти полному исчезновению этого вида искусства. Культовые здания украшались мозаикой, росписью, иногда барельефами, но не статуями (в отличие от римско-католических церквей, где ставилось множество скульптур).

Древнерусская культура получила в дальнейшем развитие в культурах русского, украинского и белорусского народов.

* * *

XII—XIII вв. исследователи выделяют как особый этап в развитии древнерусской народности, на котором создаются предпосылки для ее дробления и формирования в дальнейшем русской, украинской и белорусской народностей[1].

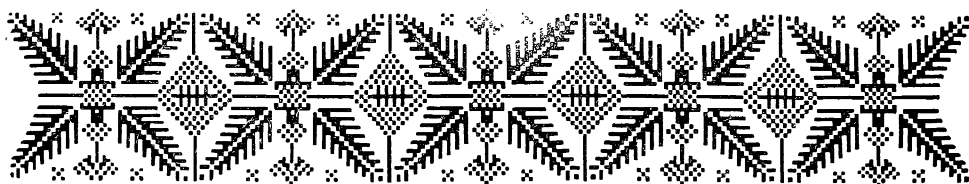
В области экономики быстрыми темпами шло развитие на новой феодальной основе земледелия, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие торговли, рост ремесленных и торговых городов. Городская жизнь во всех своих проявлениях способствовала созданию устойчивых общностей в области производства, быта и культуры. В этом направлении город оказывал свое влияние на деревню, создавая и развивая местный рынок. Изделия городских ремесленников находили сбыт обычно в радиусе 150—200 км вокруг города, а некоторые из них распространялись и по всей Руси. Однако феодальные отношения препятствовали дальнейшему развитию обмена, образованию единого внутреннего рынка, необходимого для общности экономической жизни (что является одним из непременных условий образования нации).

Развитие феодальных отношений привело в XII—XIII вв. к политическому обособлению крупных русских областей, к феодальной раздробленности Древнерусского государства. Фактически самостоятельными государствами, лишь номинально признававшими главенство великих князей, были Владимирское, Галицко-Волынское, Киевское, Черниговское, Рязанское, и другие княжества, Новгородская земля. Вражда князей, феодальные войны, обострение классовых противоречий привели к общему ослаблению Руси. За совместными походами против половцев и других кочевников, отрезывавших от Древнерусского государства южные степи, следовали ожесточенные феодальные распри между русскими князьями, в которых враждующие стороны нередко привлекали тех же половцев, торков, берендеев, венгров (*угров*) и поляков (*ляхов*).

Объединительные тенденции, свойственные широким народным массам, особенно сильно отразились в древнерусской литературе и фольклоре. Однако попытки политического объединения, предпринимавшиеся наиболее дальновидными феодалами, имели лишь кратковременный успех.

Разорение Руси татаро-монголами в XIII в., которым разрозненные княжества не смогли дать отпора, привело к дальнейшему ослаблению связей между русскими землями. Уничтожение ряда городов, запустение целых областей, увод в плен населения, переселение значительных масс крестьян и горожан из наиболее подверженных набегам татар земель в другие земли, падение уровня развития ремесел, нарушение торговых связей, тяжелое татарское иго — таковы были последствия монгольского завоевания. Но и разоренная татарами страна сумела все же отстоять свое существование в борьбе с восточными и западными врагами. С середины XIII в. исторические судьбы восточнославянских земель были различны. Бóльшая их часть попала на два с лишним столетия под тяжелое татарское иго. Западные и юго-западные земли — Галицко-Волынская, Турово-Пинская, Киевская, Полоцкая, а позднее также Смоленская и часть Черниговской оторвались от этого ядра и вскоре стали зависимыми от Литовского, Польского и частично Венгерского государств. Различные исторические судьбы восточных славян, их экономическая и культурная разобщенность привели в дальнейшем к созданию трех родственных восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, которые лишь в XVII—XVIII вв. воссоединились в одном государстве.

[1] Исследователи по-разному определяют как причины, так и сроки этого процесса. См.: Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. Сб. «Вопросы формирования русской народности и нации», М., 1958, стр. 54—55.



РУССКИЕ

ВВЕДЕНИЕ

(Очерк этнической истории русских до середины XIX в.)

Процесс формирования русской нации уходит в глубь веков. Основой ее, общей с другими восточнославянскими нациями — украинской и белорусской — является древнерусская народность. В XIV—XV вв. междуречье Оки и Волги (Владимиро-Суздальская земля) стало экономическим и политическим центром, вокруг которого образовалось централизованное Русское государство и сложилась русская народность. Возглавили этот процесс не старые крупные феодальные центры — Суздаль, Владимир, Рязань, Новгород, Псков, а небольшой городок Москва, бывший ко времени татарского нашествия (XIII в.) центром маленького удельного княжества. Этому способствовало выгодное географическое положение княжества, находившегося на рубеже древних территорий двух мощных славянских племенных союзов вятичей и кривичей, и, главным образом, его экономическое развитие.

Основные этапы создания русской народности и нации

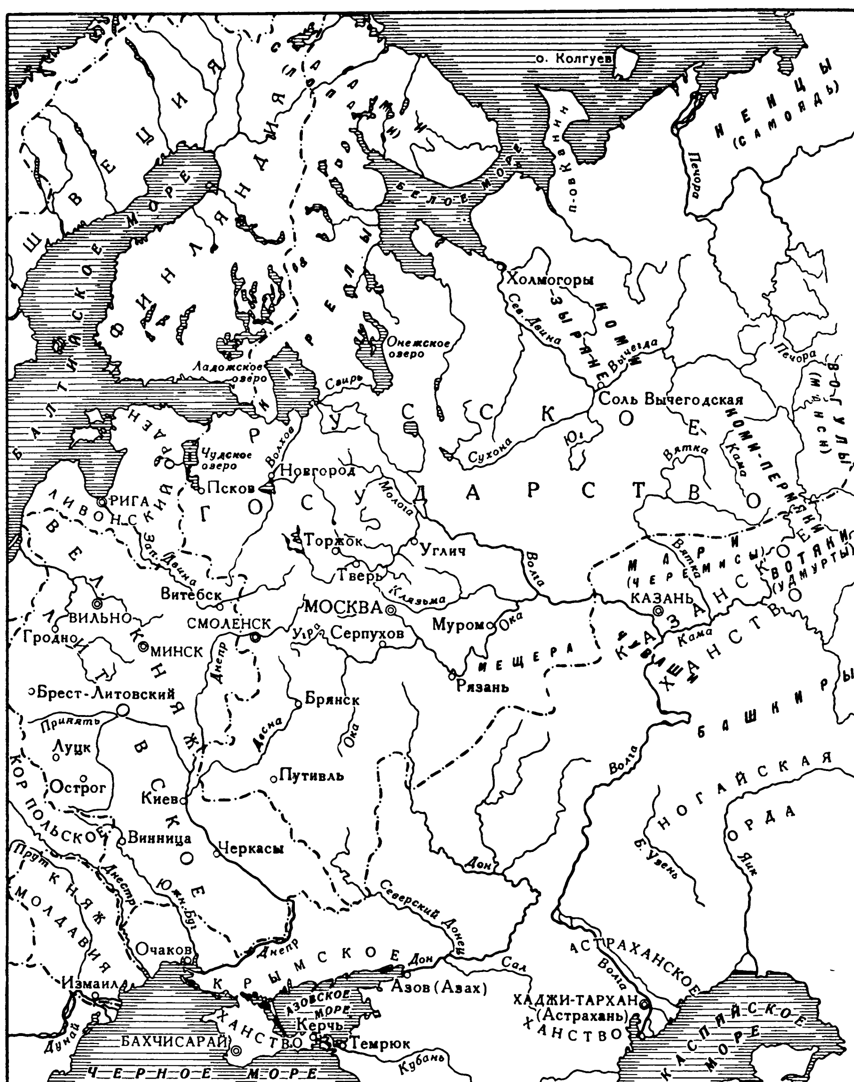
Политическое объединение раздробленных ранее княжеств, ускоряемое потребностями обороны, основывалось также на подъеме экономики, сельского хозяйства, ремесел, торговли и развитии межобластных экономических и культурных связей. Города различных земель вовлекались в общий процесс развития страны; «...покорение удельных князей,— писал Ф. Энгельс,— шло рука об руку с освобождением от татарского ига...»[1] В ходе этого процесса усиливалась центральная великокняжеская власть.

Основой русского феодального государства стала русская народность. Ее разговорный язык сложился на базе московского среднерусского «акающего» говора. В письменном же языке XVI—XVIII вв. по традиции преобладало «окающее» наречие, на котором, как предполагают исследователи, говорила первоначально господствующая княжеско-боярская верхушка в основном северо-восточного происхождения.

Развитие самосознания русских как народности можно проследить по тому, как изменялось употребление понятий «Русь», «Русская земля», «русский», отражающих представления об общности, этнической и территориальной. В эпоху Древнерусского государства они имели как широкое значение, относившееся ко всем входившим в это государство землям и противопоставлявшееся всему зарубежному, так и узкое, применявшееся

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 416.



Русское государство и его соседи в конце XV — первой половине XVI в. (до 1551 г.)

только к Киевской и Черниговской землям. В конце XIV в. в источниках (например, в Задонщине) еще употребляется термин «Русская земля» в широком смысле слова, а московские владения называются «Залесской землей». Составленный в конце XIV в. обширный список «русских городов» включает все земли, где господствовала славянская письменность, в том числе города болгарские и молдавские. Но уже с XIII—XIV вв. термин «Русь» в узком смысле этого слова стал относиться к Ростово-Суздальской земле, а московский летописный свод конца XV в. отождествлял «Русскую землю» с территорией Московского великого княжества. Иван III чеканил на своих монетах титул «Господарь всея Руси» и в дальнейшем термины «русский» и «московский» становятся как бы синонимами. Такие названия, как «Великая Русь», применительно к землям, населенным русскими, «Малая Русь» — к украинским и «Белая Русь» — к белорусским — появились еще в XIV в., но более устойчивое значение получили также к концу

XV в.; они вошли в титул московских великих князей, а впоследствии — царей.

В Русском государстве, складывавшемся как многонациональное, возобладали русский язык и культура. В их распространении большую роль играла колонизация русскими юга и юго-востока Восточноевропейской равнины.

Новый период русской истории, начавшийся, по определению В. И. Ленина, примерно с XVII в., характеризовался объединением отдельных земель и бывших княжеств в одно целое на основе усиливающегося обмена и постепенно растущего товарного обращения, слиянием небольших местных рынков в один всероссийский рынок[1]. В ходе формирования русской нации в это время образовались устойчивые общности в хозяйстве и культуре русских, в частности складывались основные типы поселений, жилища, одежды, пищи, общерусского фольклорного репертуара, общерусские формы профессионального искусства, литературы и науки.

Экономическое и культурное развитие русских земель в XIV—XVII вв.

Подъем экономики русских земель был связан прежде всего с прогрессом земледелия. В XIII—XV вв. широко распространяется паровая зерновая система земледелия с трехпольным севооборотом. Основной экономической единицей становится *боярщина* — крупное феодальное хозяйство, основанное на труде феодальнозависимых крестьян. Крупным феодальным владельцем стала и православная церковь. Появившиеся в XIV в. условные феодальные владения — *поместья* — все более увеличиваются в результате захвата «черных» крестьянских земель. Право перехода крестьян от одного феодала к другому ограничивается, и к середине XVII в. крестьяне были фактически закрепощены.

В области промышленного производства происходит дальнейшее разделение труда и появление в ряде отраслей ремесла относительно крупных предприятий. Развиваются металлургия и обработка металлов, гончарное, кожевенное, портняжное ремесла, разные художественные ремесла (резьба по кости и дереву, ювелирное дело) и пр. В XV в. кричное производство отделилось от кузнечного и литейного, ювелиры-«серебряники», делавшие украшения, отделились от литейщиков, сапожники — от кожевников и т. д. Дальнейшее разделение труда привело к образованию таких специальностей, как «голенищники», «подошвенники», «каблучники», «колечники», «сережники» и т. п. Только в обработке железа известно 32 специальности. Развитие крупного литейного производства было связано с укреплением военной мощи государства. Не случайно литье пушек осуществлялось на созданном в Москве в конце XV в. одном из первых крупных государственных предприятий — в Пушечной избе, впоследствии преобразованной в Пушечный двор. Разделение труда, существовавшее на этих производствах, позволяет видеть в них зародыши позднейших мануфактур.

Ремесленники работали уже не только на заказ, но и на рынок, постепенно становясь мелкими товаропроизводителями. Росла хозяйственная специализация отдельных областей. В начале XVI в. посол австрийского императора С. Герберштейн отмечал, например, что в районе Серпухова добывается железная руда, в районе Старой Руссы вываривают соль, Калуга славится производством резных деревянных вещей, Холопий городок является центром торговли с восточными соседями и т. п.

Крупные областные рынки создавались с центрами в Москве, Великом Новгороде, Холмогорах, Нижнем Новгороде и др., где регулярно проводились ярмарки. Росла роль Русского государства и в международной торговле.

Усиливалось значение городов как центров ремесла и областных рынков. К концу XVI в. в Русском государстве насчитывалось 220 городов. Они

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

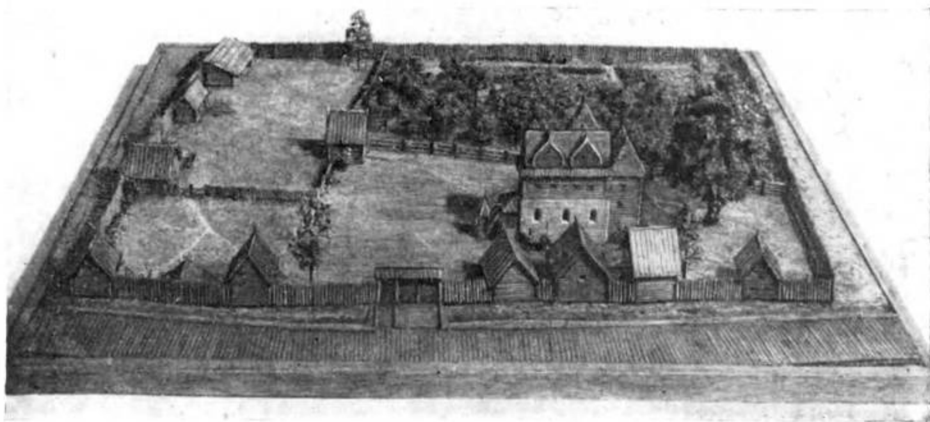
Пахота, боронование и сеяние (по миниатюре летописи XVI в.)

не были однородными по своему характеру. В некоторых старых городах бурно развивались ремесла и торговля, другие же (в большинстве случаев прежние административные и военные центры, утратившие свое значение с объединением княжеств и расширением границ государства) переживали упадок. Ряд городов возник на окраинах государства — на юге — на засечной черте в Поволжье и в Сибири. Вырастали и новые крупные торговые центры, каким стал, например, к концу XVI в. порт Архангельск.

Состав городского населения был сложным. Основную массу его составляли *посадские* люди (это название появилось в XV в., вытеснив более древнее — *городчане*) — владельцы дворов, расположенных на облагаемых налогом «черных» городских землях, обязанные тянуть посадское *тягло*, т. е. платить в казну великого князя подати. Занимались посадские люди в основном ремеслами и торговлей, не вполне утратив связь и с сельским хозяйством (например, разводили огороды, держали крупный и мелкий скот). По достатку посадские люди делились на «лучших», «средних» и «молодших». В состав последних входили и работавшие по найму, в частности обслуживавшие речной транспорт лодочники, грузчики и т. п. Верхушку посадского населения составляли *гости* — купцы. Наиболее богатые из них объединялись в гостиную и суконную сотни и пользовались рядом привилегий. Значительную часть населения городов составляли «приборные» служилые люди — стрельцы, пушкари, воротники, а также казенные ремесленники и ямщики, получавшие «государево жалованье» и занимавшиеся, кроме того, ремеслами и торговлей. Сильные позиции занимали в городах феодалы — они владели довольно крупными участками земли, где строили свои «осадные» дворы, в которых, зачастую сами не жили.

Крупные феодалы, пользуясь своими привилегиями, создавали на принадлежавших им в городах землях целые слободы ремесленников, которые не несли посадского тягла. Поэтому эти слободы назывались «белыми». Только в середине XVII в. в результате ожесточенной борьбы посадских людей «белые» слободы были слиты с посадами. Заметное место как среди сельского, так и среди городского населения занимало духовенство.

После ликвидации уделов города не принадлежали отдельным князьям, а управлялись наместниками или воеводами государя. Вече — общее собрание горожан — давно отошло в прошлое, но формой организации торго-

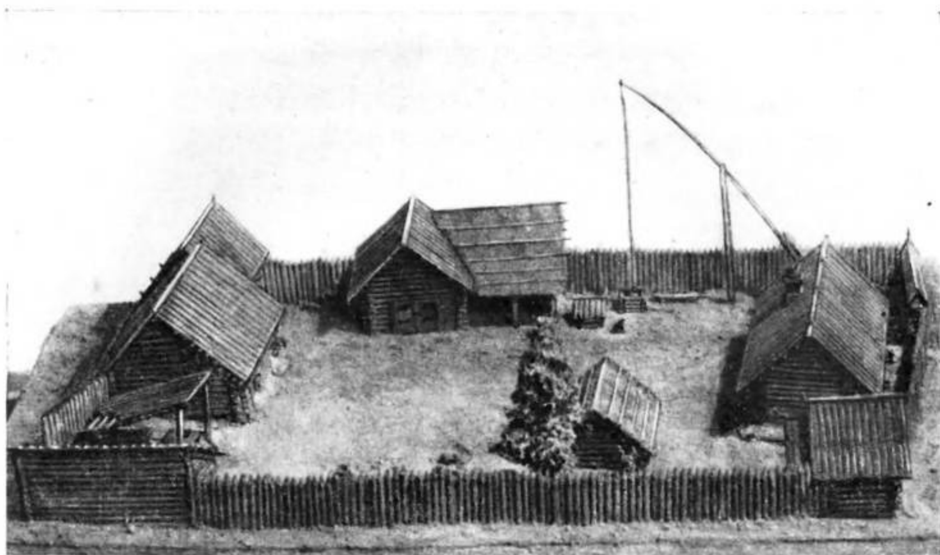


Усадьба боярина в Москве XVII в. (реконструкция М Г. Рабиновича и М. В. Городцова)

во-ремесленного городского населения оставалось старое территориальное деление на улицы и слободы, имевшие своего старосту. Кое-где у уличан было даже особое помещение для собраний — «беседа улицкая». В старых торгово-ремесленных городах (например, в Новгороде) сохранялось и древнее объединение улиц в сотни. Слобожане сами разрешали вопросы, связанные с несением тягла, распределением дворов и пр. Центральная власть вынуждена была считаться с этими организациями, которые оказывали заметное влияние на политическую жизнь городов и всей страны. Городские восстания не раз заставляли правительство идти на значительные уступки посадскому населению.

В русских городах XVI—XVII вв., как и встарь, выделялись две части — укрепленный центр (собственно «город») и посад. В крупных городах (Москве, Новгороде, Пскове, Владимире и др.) посады защищались дополнительными укреплениями, но к концу XVII в. с развитием артиллерии, с одной стороны, и уменьшением военной опасности, с другой, значение городских стен сильно уменьшилось. Планировка большинства городов оставалась радиально-кольцевой. Однако характер расселения горожан сильно изменился. Дворы средних и мелких, а иногда и крупных феодалов располагались не только в «городе» — кремле, но и на посаде. С другой стороны, ремесленное и торговое население проникало в центральные районы. В кремлях встречались иногда даже «черные» (тяглые) дворы. Резиденцией наместника и его приближенных оставался кремль; нередко они имели еще и другие дворы на посаде. На посаде же, ближе к его центру — «торгу» (который в крупных городах представлял собой особый район со многими строениями, принадлежавшими как частным лицам, так и правительству, и делился на специальные *ряды*) располагались и некоторые административные здания (таможенные избы, тиунские судебни и т. п.).

В отличие от западноевропейских и восточных городов на Руси городские строения ставились значительно свободнее и перемежались садами и огородами. Таким образом, территория русского города была больше, чем, например, территория такого же по численности населения западноевропейского города. Внешний вид городов со второй половины XVI в. стал еще более живописным, чем ранее, благодаря развитию шатровой архитектуры. Шатровыми и иными затейливыми кровлями украшались крепостные башни, церкви и дома городских богатеев. Знатные и богатые бояре строили в крупных городах настоящие дворцы с высокими башнями — повалушами, теремами и светлицами. На их усадьбах стояли «людские» избы для многочисленной челяди, поварни, амбары, погреба с ледниками, бани, конюшни и иные постройки, а иногда и собственная церковь. Окруженная мощным



Усадьба зажиточного московского гончара, владельца крупной мастерской, середина XVII в. (реконструкция М. Г. Рабиновича и М. В. Городцова)

забором усадьба, центром которой был господский дом, обязательно включала также огород и сад, иногда даже с прудом. Усадьбы рядовых горожан состояли обычно из небольшого жилого дома, производственного помещения, погреба, бани, конюшни и небольшого огорода. В отличие от барских палат, дом посадского человека чаще выходил непосредственно на улицу. Этого требовал образ жизни посадского человека, связанного постоянно с городским рынком, с заказчиками и покупателями.

Жилище рядового горожанина представляло собой в большинстве случаев трехкамерный дом (обычно две комнаты — *горницы*, соединенные сенями). Нередко одна из них имела печь с дымовой трубой (в этих случаях источники особо оговаривают, что одна горница «белая», другая — «черная»); под сенцами зачастую располагался погреб. Существовали также двухкамерные дома (изба с прирубом или пятистенок), реже — однокамерные. Дома обычно были срубными. У зажиточных горожан и феодалов они строились на высоком подклете, иногда в несколько этажей. Печи в них топились обычно «по-белому», а в парадных комнатах облицовывались красивыми рельефными изразцами. В окна вставлялась слюда (только в конце XVII в. под Москвой появился первый стекольный завод).

Основным типом сельского поселения оставалась деревня (с XIV в. этот термин широко входит в обиход), состоявшая обычно из нескольких дворов (одного — трех, реже — пяти, и только в XV—XVI вв.— десяти и больше). Сельские поселения в большинстве имели рядовую планировку, вытягиваясь вдоль берега реки или вдоль дороги, но были и поселки более древнего кучевого типа. Новые поселки земледельцев, разрабатывавших целину, назывались *починками*. Центром феодального владения (*боярщины*) являлось село — более крупный поселок, в котором был «большой двор» владельца, дворы его холопов и крестьян, церковь и дворы причта. В селе бывало чаще всего около десятка дворов. Сам термин «село» распространен был, по-видимому, сначала в южных и западных землях, на территории современной Украины и Белоруссии. В северных и северо-западных русских землях для обозначения поселка, аналогичного селу, употреблялось еще древнее название *погост*. В XIV—XV вв. и позднее получили значительное развитие слободы, жители которых пользовались льготами по несению

Вид русской деревни XVII в. (из альбома А. Мейерберга)

феодальных повинностей. Размеры таких владельческих слобод были различны — от одного до нескольких сот дворов. Наконец, существовал еще один тип поселения — *рядок*. Этот термин был известен преимущественно в Новгородской земле. Рядки возникали на торговых путях, в местах, удобных для развития промыслов (солеварения, добычи руды и т. п.) и представляли собой поселения переходного типа от сельского к городскому. Жители их, хотя и занимались различными промыслами, но еще оставались в основном земледельцами. В XV—XVII вв. в рядках обычно насчитывалось 10—15 дворов. Многие из них впоследствии стали небольшими городами.

Двор феодала походил на городскую усадьбу с той лишь разницей, что в деревне почти никогда не было каменных построек, а комплекс служб дополнялся помещениями, необходимыми для обработки урожая (гумнами, овинами и т. п.). Внешняя ограда делалась еще более мощной, чем в городах, и иногда от старого замка сохранялись даже земляной вал и ров.

Крестьянская усадьба в XVI—XVII вв. состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек (избы и клети, стоявших отдельно или связанных между собой, хлевов, житницы, сенника). Крестьянская изба срубной конструкции распространилась в XIV—XV вв. и на некоторые области, где раньше господствовало жилище типа полуземлянки. В северных и северовосточных землях избы строились на высоком подклете, в средних — на низком подклете или непосредственно на земле; для утепления их устраивались завалинки. Мыльня (баня) встречалась только в северных землях, а на юге по-прежнему мылись в домашней печи. Риги, овины и сараи большей частью ставились в поле и лишь изредка входили в состав усадьбы. Крестьянскую усадьбу окружал частокол или плетень. Усадебный комплекс, объединенный однорядной, двухрядной или трехрядной связью, с крытым двором, в северных и восточных русских областях сложился к XVII в.

Деревянное зодчество русского Севера отличалось богатством и разнообразием отделки внешних частей зданий. В связи с древним обычаем ставить дом в глубине двора основное внимание зодчих было обращено на отработку силуэта, украшение верхних частей сооружения. Для богатых домов были характерны разнообразные формы кровель — шатры, «бочки» (своеобразное

Церковь в Кондопоге, XVIII в.

килевидное завершение) и т. п. Эти верха, как и в более древний период, покрывались яркими красками или были даже «златоверхими» (т. е. обивались листами меди, а то и делались позолоченными). Богато украшалось шатровыми навесами, резными перилами и колонками также крыльцо, располагавшиеся, как правило, снаружи лестницы на второй этаж, и крытые террасы второго этажа — *сени*. Когда дома стали выходить на улицу, в отделке фасадов начали играть большую роль наличники окон, украшавшиеся художественной резьбой. Деревянное народное зодчество оказывало большое влияние и на каменное зодчество. В XVI в. под влиянием деревянного зодчества развился новый архитектурный стиль, который отличался высокими столпообразными каменными зданиями, увенчанными шатровыми кровлями, иногда окруженными открытыми галереями. Эти постройки имели преимущественно оборонительное или культовое назначение (крепостные башни, церкви). Каменные жилые дома, подобно деревянным домам, строились на высоких подклетах и имели покрытие, схожее с кровлями деревянных зданий. Зачастую каменными были только отдельные части сооружений, а к ним пристраивались деревянные покои, крыльцо, башня-повалуша и т. п. С середины XVI в. для отделки фасадов зданий и внутренних помещений стали применять изразцы.

Церковь в Кижах, XVIII в.

Во второй половине XVII в. в русской архитектуре создается новый стиль, получивший название «русского», или «московского» барокко. Построенные в этом стиле каменные церкви и жилые дома были очень нарядны, но в них заметна некоторая вычурность форм. Дома обычно имели два-три этажа, стоявшие на высоком подклете. Они украшались по фасаду пилястрами, полуколоннами и сложной формы оконными наличниками.

Из среды русских мастеров-строителей вышел целый ряд первоклассных зодчих, создавших непревзойденные шедевры архитектуры. Таковы строитель собора Василия Блаженного в Москве и ряда других зданий в разных городах Руси Постник Яковлев, прозванный Бармой, военный строитель, построивший Смоленский кремль и Белый город в Москве—Федор Савельев по прозванию Конь (XVI в.), Трефил Шарутин, Ларион Ушаков, Бажен Огурцов, Антип Константинов, которые возвели царские терема в Московском Кремле, Осип Старцев и Михаил Чоглоков, под наблюдением которых строились знаменитые Крутицкий терем и Сухарева башня в Москве (XVII в.). Церкви и дворцы богато расписывались преимущественно фресками на религиозные темы. Среди художников XIV—XV вв. выделяются Андрей Рублев, Даниил Черный и Прохор из Городца. В XVII в. создается новая школа в живописи, ярким представителем которой был Симон Ушаков. Его

творчество, устремленное к реалистическому воплощению образов в искусстве, вызвало яростные нападки как официальной церкви, так и старообрядцев.

Русское государство славилось искусными переписчиками и оформителями книг, иногда богато иллюстрировавшихся миниатюрами, фигурными заставками и буквицами. Орнаменты книжной иллюстрации были тесно связаны с народным искусством. Эта связь сохранилась и тогда, когда на Руси распространилось книгопечатание.

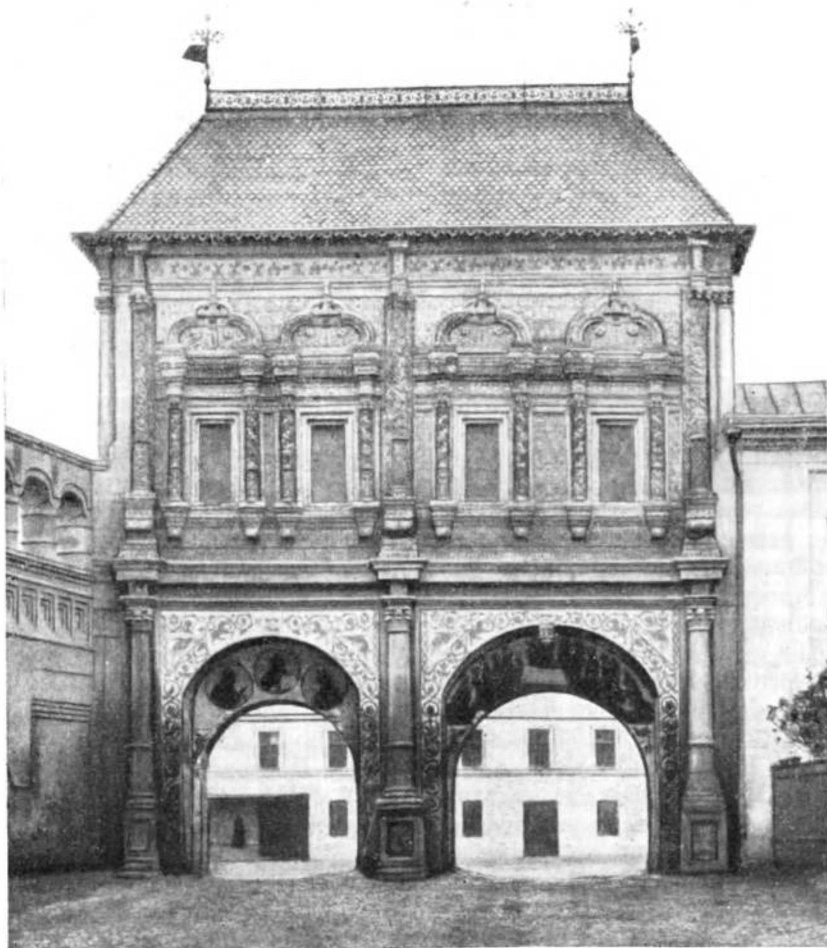
Книжное просвещение в рассматриваемый период шагнуло далеко вперед. Большую роль сыграло возникшее в середине XVI в. книгопечатание, которое, однако, долго не могло вытеснить рукописные книги. Первая русская типография, созданная в Москве в 1553 г., стала важнейшим центром книжного просвещения. Здесь в 1564 г. Иван Федоров и Петр Мстиславец издали первую русскую датированную печатную книгу «Апостол». Продолжалось начатое еще в Древнерусском государстве летописание. С созданием централизованного Русского государства вместо старых, созданных в отдельных феодальных центрах, появляются общерусские летописные своды, отражающие выросшее национальное самосознание народа. Среди них нужно особо отметить иллюстрированную московскую летопись второй половины XVI в.

К середине XVI в. относится ряд произведений светской литературы. Видное место среди них занимал знаменитый Домострой — руководство для зажиточного хозяина, как содержать дом и добиваться благополучия в семейной жизни. Русская литература того времени знает и страстные публицистические произведения (челобитную Ивана Пересветова, переписку Ивана Грозного с князем Курбским и т. п.). События крестьянской войны и шведской и польской интервенции начала XVII в. вызвали к жизни новый литературный жанр — воспоминания (какими является большинство «повестей о смутном времени»). Наконец, в конце XVII в. появляются силлабические стихи (*вирши*) и пьесы Симеона Полоцкого, которые игрались труппой первого театра, открытого в Москве при дворе в 70-х годах XVII в., вперемежку с народными интермедиями. Замечательным явлением русской литературной жизни XVII в. было развитие повествовательной литературы как оригинальной («Повесть о Фроле Скобееве», «Карп Сутулов»), так и переводной. Особое место в ней занимали многочисленные сатирические повести, возникшие в среде посадских людей.

Характерной особенностью многообразной культуры Руси конца XIV — начала XV в. было то, что она была проникнута идеей борьбы русского народа за национальную независимость. Особенно ярко это проявилось в исторических песнях и преданиях.

Идейная направленность литературы и фольклора конца XV—XVI в.— времени, ознаменованного окончательным освобождением от монгольского ига и завершением образования сильного централизованного государства,— проявилась в произведениях, пропагандировавших идею Москвы — третьего Рима, в «Сказании о великих князьях Владимирских», а также в Степенной книге, Четьи-Минеях и различных фольклорных жанрах.

В народном поэтическом творчестве конца XV—XVI в. нашли свое выражение прогрессивные идеи эпохи, и вместе с тем в нем сказалась ограниченность миропонимания народа, обусловленная временем. Ведущие веяния века звучали прежде всего в исторических жанрах, особенно в исторических песнях и сказках. Политические тенденции эпохи отражались, например, в песнях о взятии Казани, в которых подчеркивается сила Московского царства и могущество царя, песнях о взятии Астрахани, об осаде Пскова, о Ливонской войне, о набеге крымского хана на Москву и др. Демократические тенденции присущи фольклорным произведениям, связанным с «покорителем Сибири» — Ермаком Тимофеевичем. Не подлежит сомнению широкое распространение в XVII в. лирической песни, выработавшей к этому времени свои основные стилевые каноны: постоянные эпитеты,



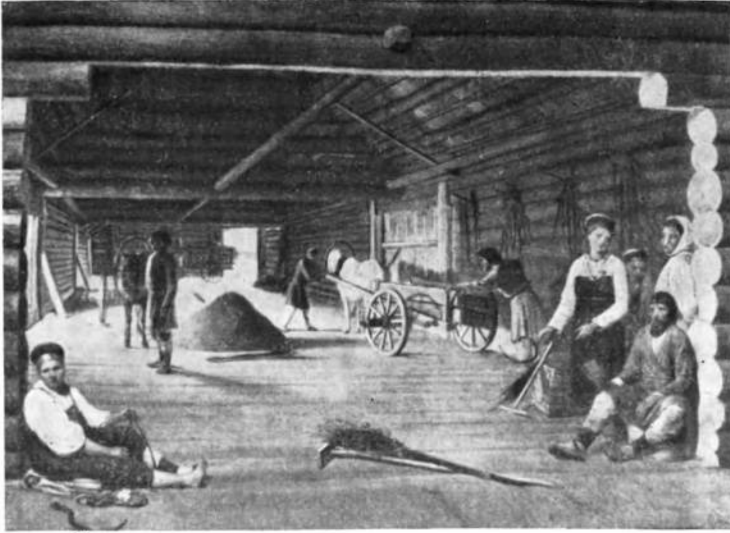
Крутицкий теремок в Москве, 1694 г.

традиционную символику, принципы композиции (песня «Бережочек зыблется», записанная в 1619—1620 гг., и песня о рябине. записанная в 1699 г.). Песенная поэтика во всем богатстве отразилась и в знаменитой повести о Горе-Злочастии и в других. В исторических песнях рассказывается о событиях крестьянских восстаний, борьбе против польско-шведской интервенции, войне за воссоединение с Русским государством Украины и западных русских областей и городов. В этих песнях выражена ненависть народа к царю Борису Годунову, к польским интервентам и их ставленнику Григорию Отрепьеву—«вору-собаке, прельстившему три земли», и вероломной авантюристке «злой женке Маринке». Патриотический подъем, вызванный польско-шведской интервенцией, отразился в песнях о Минине и Пожарском, о Прокопии Ляпунове и о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Народные антифеодальные мотивы особенно отчетливо прозвучали в песнях о Степане Разине, в которых рассказывалось и о начале движения и расслоении казачьего круга, и о персидском походе, и о взятии Астрахани, и о казни Разина. Песни о Разине и предания о нем подчеркивали демократический характер движения; их героем наряду с атаманом является та голытьба, которая была одной из движущих сил стихийного крестьянского восстания.

Социальная тема, характерная для XVII в., звучала не только в песнях и преданиях, но и в народном театре, в заговорах, в пословицах, которые дошли до нас в рукописных сборниках XVII в. В пословицах, так же как и в сатирических повестях, отразилось отношение народа к неправедному суду и к взяточничеству, социальное неравенство, антиклерикальные настроения. В них проявлялись определенные этические нормы народа и вместе с тем противоречивость и ограниченность народного сознания той эпохи. Все эти темы были свойственны также и русской сказке XVII в., бытовавшей в то время и в крестьянской избе, и в царском дворце.

В период развития русской народности значительные изменения претерпевает одежда. Древнейший комплекс восточнославянской одежды не без влияния городской моды дополняется новыми элементами. В XVII в. одежда крестьянки из Подмосковья — рубаха, *понева*, кичкообразный головной убор — была близка к древней, но горожанки уже в XVI в. стали носить новую одежду — *сарафан*. В Домострое подробно говорится обо всех видах мужской и женской одежды, но ни разу не упомянута понева. В дальнейшем сарафаны различных покроев широко распространились в северных русских землях. Вместе с высоким, твердым головным убором — *кокошником* — они стали отличительной чертой северного комплекса русской одежды. В южных русских областях продолжали носить поневу и кичку. Височные кольца заменились *пушка́ми*. Так образовались два основных комплекса русской женской одежды, характерные и для более поздних времен. Переселения крестьян, посадских и служилых людей из одной области в другую сопровождались распространением того или иного комплекса женской одежды в областях, где ранее преобладал другой комплекс. Мужской костюм русских меньше различался по областям. Он состоял из полотняной рубахи, которую носили навыпуск, и неширокнх штанов, заправленных в онучи. В отличие от украинцев и белорусов, носивших рубахи с прямым воротом (разрезанным посредине), русские в XVI—XVII вв. носили косоворотки. Верхняя одежда, бытовавшая в XIV—XVII вв., мало отличалась от ее древних форм. Возможно, что в XVI—XVII вв. появилась двубортная верхняя одежда. Обувались русские крестьяне по-прежнему в лапти косого плетения, горожане — в сапоги и *чоботы*. Городскую обувь XV—XVII вв. характеризует разнообразие фасонов, появление толстой подошвы, распространение моды носить сапоги и чоботы с тиснеными передами, на каблуках или без каблуков, но всегда на железных подковках. Одежда богатых людей отличалась главным образом не покроем, а количеством вещей и качеством материала, из которого они были сшиты. В завещаниях русских бояр и князей упоминаются десятки роскошных одежд из дорогих тканей и мехов, с драгоценными пуговицами, золотым и жемчужным шитьем. Среди них встречались, например, кафтаны турские, польские и венгерские, сшитые, очевидно, по иноземной моде. Если простой человек мог выйти на улицу в рубахе и портах, то богатый обязательно надевал сверху *зипун* и *кафтан*, а иногда еще и *однорядку*, или *ферязь*. Боярин являлся на торжественный прием и даже заседал в думе в шубе на дорогих мехах, крытой парчой или атласом, в высокой меховой «горлатной» (сделанной из особо ценимого меха с горловины зверя) шапке, под которой была вошедшая в моду под влиянием Востока маленькая расшитая шапочка. Однако шелковая рубаха боярина была того же покроя, что холщовая крестьянская.

Изменения в народной пище были тесно связаны с дальнейшим развитием пашенного земледелия. По мере отступления подсеки и перелога падало значение в крестьянском рационе репы и возрастала роль различных круп. Ели обычно три раза в день. Видимо, завтрак (*заутрак*) был легким, а у бедняков, слуг и зависимых людей он мог вовсе отсутствовать. Во всяком случае, составитель Домостроя, давая хозяину советы, как кормить слуг, упоминал про обед и ужин, но ни разу не оговорился о завтраке. Обычную пищу, кроме хлеба, составляли щи из капусты или репы, различные каши



На гумне, начало XIX в. (с картины А. Г. Венецианова)

(гречневая, овсяная, гороховая и т. п.), овсяный кисель. Все это дополнялось творогом, молоком и т. п. Мясной и рыбный супы назывались ухой. Мясо и рыбу ели в вареном, жареном и соленом виде. Но употребление мяса, птицы, рыбы и яиц было ограничено не только религиозными запретами (постных дней в году было около половины), но и достатком. Обед широких слоев населения состоял, как правило, из щей и каши. За пиршеством богатого боярина или князя подавали по нескольку десятков *перемен* кушаний. Излюбленной праздничной и обрядовой едой были различные пироги и блины. Сладкие блюда делались по-прежнему на меду и патоке. В пище богатых людей появились такие деликатесы, как осетровая икра, лимоны и т. п. Наиболее распространенным напитком был хлебный квас, делались также ягодные и фруктовые морсы, употребляли и шипучий бродящий напиток — «кислые щи». По праздникам варили пиво.

Деревенская домашняя утварь мало отличалась от древнерусской. Это были, как и раньше, в основном глиняные горшки, миски, различная деревянная посуда. В городах, особенно у зажиточных горожан, посуда была гораздо разнообразнее и богаче. Деревянные ковши, черпаки, кубки, тарелки и блюда, глиняные горшки, сковороды, различные миски и кувшины, бутыли — *кубышки* и фляги дополнялись сосудами восточных форм — металлическими или глиняными — чашами-пиалами, *кумганами* с высоким носиком; широко вошли в обиход большие лохани—тазы для омовения и рукомойники в виде животных — преимущественно барана или лошади. Зажиточные горожане широко пользовались металлической посудой — медной, оловянной, а богачи ели на серебре.

В рассматриваемый период у русских преобладала большая семья. Переписные книги XVI—XVII вв. часто упоминают живущих в одном деревенском дворе отца и взрослого сына или нескольких взрослых братьев (дети и женщины в этих документах не записывались). При колонизации новых земель (например в Сибири) первоначально создавались малые семьи, но постепенно и они вырастали в большие. В доме городского посадского человека взрослого сына можно было встретить реже, чем учеников, так как занятие ремеслом в этот период не обязательно объединяло всю семью (как это наблюдалось в Киеве в XI в.). Дети могли идти в ученье к другому мастеру. У горожан малая семья, по-видимому, уже была распро-

странена. Во всяком случае, Домострой говорит только о ней. В семьях, принадлежавших к господствующему феодальному классу, сохранялись и пережитки феодального рода. До конца XVII в. сохранялись местнические счеты. Соборное уложение 1649 г. приблизило поместья к наследственным держаниям. Законодательство того времени вообще было направлено к тому, чтобы сохранить вотчины за одним родом. Женщины в семье по-прежнему занимали подчиненное положение. В быту беднейших классов они пользовались большей свободой. Женщины зажиточных классов вели, как правило, затворнический образ жизни, но в пределах дома хозяйка выполняла важные функции, имела большие полномочия и пользовалась уважением всех членов семьи (см., например, «Повесть об Ульяне Осорьиной» и Домострой). Имущественные права женщин из феодальных семей были много шире, чем права крестьянок. Они имели право наследования имущества и могли быть даже правительницами государства. В XVI и XVII вв. в Москве были две такие правительницы — Елена, вдова великого князя Василия III, и Софья, дочь царя Алексея Михайловича.

В семейном и общественном быту большую роль играли обряды. Православная церковь вынуждена была приспосабливаться к дохристианским верованиям и обрядам народа. Многие «функции» древних божеств были перенесены на православных «святых». Так, «Перуновы» молнии и гром оказались «в ведении» Ильи пророка, «святой» Власий считался покровителем скота вместо древнеславянского Велеса. Церковь с ее разветвленной и централизованной организацией приобретала все бо́льшую силу. Все шире в быт входили церковные обряды, религиозная литература. Сам процесс церковной службы с ее колокольным звоном, хоровым пением и пышными церемониями способствовал укреплению влияния церкви на широкие массы. Православие проникало в быт в постоянной борьбе с древними народными верованиями и обычаями, и, несмотря на сильную поддержку государства, церковь вынуждена была мириться с сохранением многих древних обрядов, в которые лишь механически включалась официальная церковная часть. Ярче всего это проявилось в свадебном обряде, который издавна имел традиционные областные различия. Даже в царской свадьбе сохранялись древние магические обряды (например, в комнату молодых ставились не только церковные свечи, но и жито в кадках, на охотничьи стрелы вешались меха, ложе устраивалось на снопах и т. п.), по-прежнему молодых супругов осыпали житом или хмелем, а на другой день после свадьбы торжественно мыли в бане и кормили кашей (иногда поэтому весь свадебный обряд назывался «каша»). Несколько более успешно церковь «осваивала» похоронный обряд. Последние дохристианские погребения — курганы в Подмосковье — исчезли в XIV в. Повсюду хоронили теперь по православному обряду в «освященной» земле при церквах. Однако сохранились древние обычаи оплакивать покойника и устраивать погребальный пир — *тризну* или *поминки*, а также «родительские субботы» — дни поминовения умерших членов рода. Уцелели и некоторые древние черты и обряды, связанные с рождением и наречением новорожденных (в частности, при крещении большую роль играл «крестный отец» — обычно брат матери новорожденного). До XVI в. еще встречались нехристианские имена, дававшиеся одновременно с церковными. Но вытеснение этих старых славянских имен указывает на широкое распространение церковного обряда крещения. В другие древние обряды также вошли церковные элементы. В городах ремесленные организации сохраняли традиционные пиршества *вопчинами* или *братчинами*, приурочивавшимися к «престольному» празднику. Очень устойчивыми оказались обряды весеннего праздника — масленицы с традиционными блинами, балаганами, гуляньями, катаньями на санях и штурмом снежного «городка». Древний осенний праздник урожая праздновали на покров «Богородицы». Наряду с этим в быт вошло и соблюдение постов, и иные церковные обряды, в частности крестные ходы на пасху.

Из древних обычаев, известных нам преимущественно по городским материалам, надо упомянуть также кулачные бои, в которых принимала участие главным образом молодежь. В этих боях противные стороны, выступавшие друг против друга «стенка на стенку», составлялись по территориальному признаку — одна часть города или одна слобода шла против другой, в чем сохранялись традиции профессиональной организации. Бытовали кулачные бои и в деревнях.

Русские в новый период истории России (со второй половины XVII в.)

Вторая половина XVII в., и в особенности XVIII в., были периодом серьезных изменений в экономике и общественной жизни русских, периодом, связанным с преобразованием русской народности в нацию. В этот период Россия успешно боролась за выход к Балтийскому и Черному морям. Территория государства значительно выросла; в его состав вошли украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, казахи и восточносибирские народы, присоединение которых к России началось с конца XVI в.

Углубляется разделение труда как между областями, развивающими тот или иной вид сельскохозяйственного или промышленного производства, так и внутри отдельных отраслей производства, ремесленных специальностей. Постепенно втягивается в торговые отношения крестьянское хозяйство. Связи его с городом осуществляются все чаще через скупщиков. Создаются предпосылки для капиталистического процесса первоначального накопления, в ходе которого, с одной стороны, отдельные лица вкладывали накопленные материальные ценности в организацию промышленных предприятий, а с другой стороны, появлялись свободные рабочие руки, производители, лишенные орудий и средств производства. Появляется все больше относительно крупных предприятий — мануфактур, в основе которых лежало разделение труда.

Новые земли (в особенности на степном юге) интенсивно осваивались. Громадные латифундии раздавались помещикам, заселявшим их крепостными крестьянами. Отдельные попытки ввести более рациональные способы ведения сельского хозяйства разбивались о косность и рутину феодально-крепостнической системы. Из новых культур, выращиваемых в России в XVIII в., нужно отметить картофель. Внедрение картофеля первоначально встретило отрицательное отношение основной массы крестьянства и кое-где даже вызвало бунты. В северо-западных и центральных областях в связи с нуждами текстильной промышленности расширялись посевы льна.

Большие сдвиги произошли в развитии промышленности. Уже начало XVIII в. было ознаменовано ростом крупных мануфактур. К 1725 г. в России их было свыше 1С0, а к концу XVIII в.— около тысячи, а с горными заводами — около 1200. Особенно интенсивно развивалась черная и цветная металлургия, судостроение, текстильная промышленность, а также обработка сельскохозяйственных продуктов, в частности винокурение. Создавались целые промышленные районы. Центром металлургии стал Урал, который уже в 1725 г. давал три четверти всей выплавки чугуна. В области металлургии был достигнут значительный технический прогресс. Распространение доменной плавки позволило получать расплавленный чугун и отливать из него различные изделия. Производство чугуна неуклонно росло. Если в 1720 г. Россия производила 610 тыс. пудов чугуна, то в 1750 — уже 2 млн. пудов (больше, чем какая-либо другая страна в мире), а в 1800 г. выплавка чугуна в России достигла 9,9 млн. пудов. Правительство поощряло развитие мануфактур. Появилось множество частных мануфактур. В 1721 г. их владельцам, не принадлежавшим к дворянскому сословию, было разрешено покупать крестьян для работы на предприятиях (*посессионные* крестьяне). Крепостной труд надолго стал основной базой развивающейся промышленности, что предопределило в дальнейшем ее техническое отставание. Фактически была закрепощена и та небольшая часть рабочих, которая работала

Горнозаводской поселок. Невьянский завод на Урале, начало XVIII в. (современная гравюра)

по вольному найму. Они превратились в так называемых «вечно отданных» рабочих. Пользуясь тем, что рабочие были в подавляющем большинстве зависимыми людьми, владельцы предприятий заставляли их работать в очень трудных условиях. Рабочий день длился обычно 13—15 часов. Кроме Урала, мануфактуры создавались в Москве, Петербурге, в Карелии, на Украине, в Поволжье и Сибири. Шла дальнейшая специализация районов страны. Псковская, Новгородская и Смоленская земли становились центрами льноводства; Соликамск, Илецк, район озера Эльтон — солеварения; в нечерноземных центральных губерниях (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской) развивалось мелкое товарное производство различных предметов потребления; на Урале — металлургия.

На основе складывавшегося всероссийского рынка расширялась и внутренняя торговля. В середине XVIII в. были уничтожены все внутренние таможни. К концу XVIII в. в России существовало около 1600 регулярных ярмарок (наиболее крупные из них — Макарьевская на Волге около Нижнего Новгорода, Свенская — неподалеку от Брянска, Ирбитская — в Западной Сибири). Росли и расширялись внешнеторговые обороты, экспорт сельскохозяйственных продуктов, железа, льняных тканей. Наиболее крупными экспортными рынками были Петербург и Архангельск, на востоке — Кяхта и Оренбург. Развитие промышленности и торговли обусловило появление в России в середине XVIII в. первых банков.

Все эти процессы происходили в недрах феодального государства, в котором буржуазия еще только зарождалась, а главную роль играли по-прежнему феодалы-дворяне. Реформы, проведенные Петром I, имели целью не только ликвидировать отсталость России, но и укрепить положение господствующего класса. По указу 1714 г. о единонаследии, помещики становились собственниками имений, а табель о рангах (1722 г.) обеспечивал продвижение простых дворян на самые высокие в государстве должности независимо от знатности рода. Боярская дума была заменена сенатом, громоздкая система приказов — сначала девятью, а потом двенадцатью коллегиями, ведавшими точно определенным кругом вопросов в той или иной отрасли управления. Была создана огромная дворянская империя, глава которой с 1721 г. стал носить титул императора-самодержца всероссийского.

Губернская реформа 1775 г. и «жалованная грамота дворянству» (1785 г.) делали дворян, организованных в уездные и губернские «собрания» и возглавлявшихся «предводителями дворянства», фактическими хозяевами

в уездах и губерниях, с которыми должен был считаться назначенный правительством губернатор.

Права дворян по отношению к крестьянству были расширены чрезвычайно. Правительство щедро раздавало помещикам крестьян, которые жили на «черных» землях, а после того, как были секуляризованы монастырские земли, и бывших монастырских (*экономических*) крестьян.

Потомки мелких служилых «приборных» людей, владевшие незначительными земельными участками, а порой и несколькими душами крестьян (так называемые *однодворцы*) еще в начале XVIII в. были приравнены к государственным крестьянам. Крепостные крестьяне, составлявшие свыше половины всего населения России, были лишены каких бы то ни было прав; им запрещалось под страхом кнута и каторги даже жаловаться на помещиков. Они были обложены подушной податью, несли тяжесть рекрутчины. Помещик мог произвольно устанавливать оброк и барщину. С захватом плодородных южных земель помещики юга стали увеличивать барщину; владельцы имений нечерноземного севера, где крестьянство занималось промыслами, взимали оброк, который также все время увеличивали. В 60-х годах XVIII в. в Костромской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Олонецкой, Воронежской, Калужской, Пензенской, Санктпетербургской губерниях оброчные крестьяне составляли от 51 до 85% всех крепостных; в Московской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской, Курской, Тульской и других губерниях — от 51 до 92% крепостных крестьян отрабатывали барщину. Возраставшие бытовые потребности помещиков, их стремление к внешнему блеску привели к созданию в имениях большой группы *дворовых* крестьян, оторванных от земли, прислуживавших барам и бывших на положении рабов-холопов. Несколько легче было положение государственных крестьян, которые не находились в личной зависимости, но испытывали тяжелый феодальный гнет со стороны самого государства.

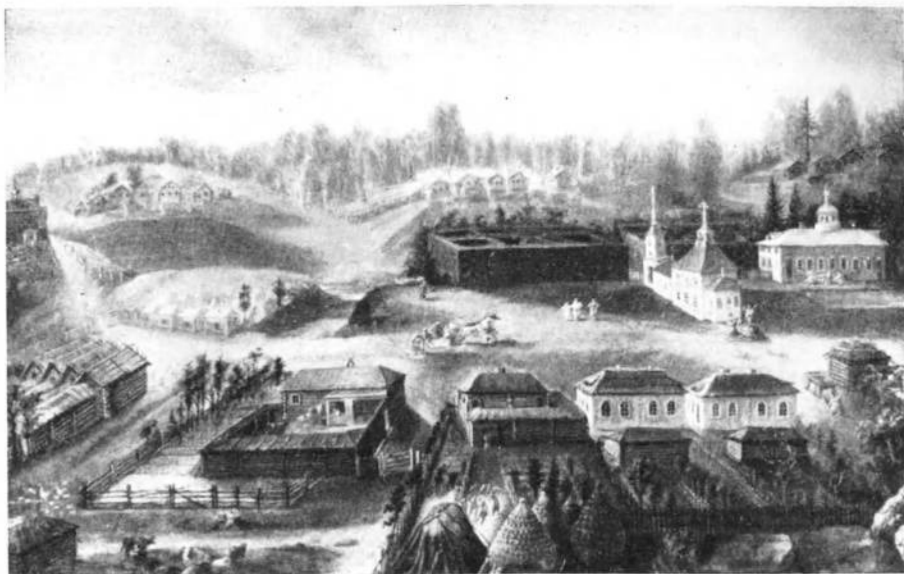
Так же как и крестьяне, посадские люди были обложены подушной податью и поставляли рекрутов в армию. Учреждение правительством в XVIII в. официальной цеховой организации ремесла способствовало лишь укреплению положения владельцев наиболее крупных мастерских. Регламент Главного магистрата (1721 г.), «грамота городам», принятая при Екатерине II, укрепляли положение высших слоев купечества: им предоставлялись некоторые права в организации городской промышленности и отчасти в управлении городом. Наряду с купцами мануфактуры на выгодных условиях заводили также дворяне. В XVIII в. шел сложный процесс «одворянивания» буржуазии. Часть владельцев мануфактур получила еще при Петре I дворянское звание, а впоследствии такие семьи, как Строгановы и Демидовы — даже титулы. Другие промышленники вошли в дворянское сословие, заключая браки с дворянами. По образу жизни крупная промышленная буржуазия сливалась с дворянством. Наряду с этим шло образование буржуазных элементов в деревне и в городе.

Изменения в экономике и расстановке классовых сил отразились на основных формах материальной и духовной культуры русских. Сельские поселения, как правило, укрупнялись. Деревни и села в несколько десятков дворов в XVIII в. не были исключением. Помещики, владея значительным числом крестьян, предпочитали крупные поселения, связанные круговой порукой общины и управлявшиеся назначенным помещиком старостой — *бурмистром*.

Русские деревни и села по-прежнему имели преимущественно рядовую планировку, вытягиваясь вдоль берега реки или вдоль сухопутной дороги в один или несколько рядов. Помещичья усадьба располагалась обычно несколько в стороне от деревни, но с таким расчетом, чтобы крестьянское поселение было на глазах у барина. Ее окружал парк и хозяйственные постройки. На севере, в лесной полосе, сохранялись и древние починки, и небольшие деревни, продолжавшие «выдирать» целину.

В 80-х годах XVIII в. крестьяне составляли свыше 90% населения страны, а горожане — около 3%. Тем не менее значение городов в экономике страны было весьма существенным. В XVIII в. возникло 206 новых городов (в том числе и новая столица империи — Петербург), а многие старые города расширены и реконструированы. Петербург в 1780 г. насчитывал уже более 220 тыс. жителей. Планировка новых городов резко отличалась от планировки феодальных. Город не окружался стенами. Его улицы разбивались по прямым линиям и пересекались большей частью под прямыми углами. Центром была обычно торговая площадь с построенным на ней каменным «гостиным двором» или «торговыми рядами», где находились лавки и лабазы местных купцов. Неподалеку располагались здания «присутственных мест» и дома правительственных чиновников. Эти здания составляли зачастую красивый ансамбль и проектировались выдающимися архитекторами. Для многих старых городов были составлены «регулярные» планы, предусматривавшие при сохранении исторически сложившейся застройки создание новых ансамблей центра и выпрямление главных улиц. Архитекторы проектировали типовые «гостиные дворы», «присутственные места» и даже «обывательские» дома. Далеко не все проекты были осуществлены, но в ряде городов (например, в Костроме) и до наших дней сохранились выстроенные в XVIII— начале XIX в. ансамбли центров. Во многих старых городах, в частности в Москве, крепостные стены были снесены и на их месте посажены сады и бульвары, которые служили местом городских гуляний и с многочисленными садами частных усадеб придавали городу живописный вид.

Развитие товарно-денежных отношений в городах наложило отпечаток и на облик отдельных усадеб. В городах меньше держали скота, меньше хранили в домах запасов, больше покупали продуктов на рынке. Поэтому в городских усадьбах уменьшалось число хозяйственных построек. Дома горожан, как правило, выходили непосредственно на улицу. Появился хорошо известный по сохранившимся до нашего времени зданиям тип застройки дворянской городской усадьбы с центральной частью дома, несколько удаленной от улицы, и выходящими на улицу крыльями или отдельными павильонами, соединенными забором с решеткой, позволявшей хорошо видеть с улицы и главный корпус, и весь расположенный перед ним «почетный двор». «Службы», сад и огород помещались обычно позади дома и с улицы не были видны. Дома богатых дворян чаще строились из камня (в ряде случаев каменным был только нижний этаж, а верхний — деревянным), штукатурились (это делали и с целиком деревянными домами) и представляли собой настоящие дворцы. В XVIII в. русские дворяне стали строить свои дома в модных в то время в Европе архитектурных стилях (позднего ренессанса, барокко, классицизма). Русские зодчие внесли в эти стили много нового и сумели создать немало шедевров мировой архитектуры. Из роскошного вестибюля в нижнем этаже дома какого-либо вельможи парадная лестница вела во второй этаж, где посетитель попадал в анфиладу парадных комнат — танцевальных зал, больших и малых гостиных, диванных, столовую, библиотеку, кабинет. Парадные комнаты украшались лепкой, обоями из дорогих материалов, зеркалами, полы покрывал художественный паркет. Все это, а также изящные гарнитуры мебели и даже большинство картин, которыми были увешаны стены, зачастую было сделано крепостными мастерами. В горках стояла дорогая фарфоровая посуда — привозная и русская. Парадные покои существовали только напоказ, для приема гостей. Повседневная жизнь хозяев с их многочисленной семьей и дворней протекала в других комнатах, расположенных обычно выше, на антресолях. Это были низкие, темноватые и душные небольшие комнаты, в которых иногда в угоду красоте фасада окна оказывались на уровне пола. Едва ли не единственным украшением комнаты был киот с иконами да печь, облицованная расписными изразцами. Но окна уже повсюду были застеклены



Помещичья усадьба, конец XVIII в. (с картины Е. Федорова)

и все печи — с дымоходами. Дома дворян средней руки и победнее, конечно, были гораздо более скромными — в один-два этажа, но и в них непременно имелось несколько парадных комнат.

Дома богатых купцов иногда были не беднее дворянских, но в целом дома и дворы посадских людей сохранили больше черт старого русского жилища с его бревенчатыми стенами, тесовыми полами и потолками, затейливой резьбой крылец, карнизов, причелин и наличников окон. В XVIII в. в городе почти исчезли дома с топкой по-черному. Многие дома рядовых горожан выстраивались вдоль улицы, и в связи с этим окна стали закрывать деревянными ставнями.

Деревенский дом дворянина был в общих чертах таким же, как и городской. Известны роскошные усадьбы-дворцы вельмож — знаменитые «подмосковные» Архангельское, Кусково и др., сохранившиеся до наших дней как музеи. Отличие деревенской усадьбы помещика заключалось в том, что в ней было гораздо больше хозяйственных и административных построек. Среди них выделялась «бурмистерская изба» — своеобразная контора помещичьего хозяйства.

Тяжелое экономическое положение массы крепостных крестьян, их унизительная личная зависимость, разнузданное господство помещиков обусловили застой в материальной и духовной культуре народных масс. Поэтому в XVIII в. продолжали бытовать в основном те формы жилища, одежды, утвари, которые были и в XVII в.

Крестьянское жилище XVIII в. мало чем отличалось от жилища XVI—XVII вв. Но общий облик деревни сильно изменился. Сказывалось усиление имущественного расслоения крестьянства. На фоне бедных изб выделялось несколько более добротных домов сельских богатеев. А. Н. Радищев так описывал бедную крестьянскую избу: «Четыре стены, до половины покрытые, так как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти).

Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучи с лаптями для выхода»[1].

В XVIII в. в крестьянской среде существовали и малые и большие семьи. Постепенно начинался процесс отмирания большой семьи. Браки крепостных свершались по воле помещика, а личные склонности и намерения крестьян не принимались во внимание. Нередко помещик приказывал женить даже малолетних и выделять их в самостоятельное «тягло», остававшееся, правда, зачастую еще в составе большой семьи. Дробление большой семьи ускорялось еще и тем, что помещик мог продать, переселить, отдать в солдаты любого члена крестьянской семьи.

Дворянские дети считались годными к службе и соответственно имели право на поместья с пятнадцати лет. В XVIII в. дворяне сумели обойти многие неудобные для них пункты петровских указов об обязательной службе. В частности, они записывали своих детей «в службу» с младенчества, и дворянские сынки, подраставшие дома, считались проходящими солдатскую службу, получали чины и в 15 лет начинали действительную службу уже офицерами.

Власть отца в семье была деспотической, но имущественные права членов семьи не могли попираться ее главой. Указ Петра I о единонаследии (1714 г.) внес существенные изменения в порядок наследования дворянами недвижимого имущества, которое могло быть завещано только одному (не обязательно старшему) сыну. Другие дети могли наследовать только движимое имущество. Однако к середине XVIII в. восстановилась практика завещаний имений всем детям по частям.

Дворянский быт в XVIII в. подвергся коренной ломке. Петр I в своем стремлении превратить дворянство в передовое сословие страны не оставил без внимания бытовые стороны жизни дворян. Он принуждал их изменять на европейский лад и самую внешность, не останавливаясь перед насильственным бритьем бород и укорочением кафтанов. Быстро привилась и мебель и утварь западноевропейских образцов. Погоня за «последней» европейской модой вызвала чрезвычайное увеличение трат господствующего сословия, что тяжелым бременем легло на плечи народных масс. У императрицы Елизаветы Петровны после ее смерти в гардеробе осталось около 15 тыс. платьев, но в казне не оказалось ни рубля.

Женщины угнетенных классов русского общества оставались бесправными. Русские дворянки с петровских ассамблей освободились от затворнического образа жизни. В противоположность Западной Европе в России не существовал обычай воспитывать юных дворянок в монастырях. В XVIII в. появились институты благородных девиц, где девушки из дворянских семей получали образование. Пять женщин занимало в XVIII в. русский престол, а одна (княгиня Е. Р. Дашкова) была даже «директором Петербургской академии наук и художеств».

Гораздо медленнее проникали новшества в быт купцов и посадских людей, не говоря уже о крестьянских массах. Даже богатые купцы предпочитали платить определенную сумму в казну, лишь бы сохранить «благолепную» бороду. Они продолжали носить одежду старинного покроя, ходить в сапогах, русских рубахах и кафтанах, женщины — в сарафанах и киках. Однако понемногу и купечество стало одеваться на «европейский» лад, и даже в крестьянской среде появились новые моды (не без влияния отходни-

---

[1] А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1950, стр. 186

Женская крестьянская одежда начала XIX в. (с картины А. Г. Венецианова

ков и возвратившихся со службы солдат). Все же в начале XIX в. различие в одежде народа, дворянства и армии было велико. Знаменитый партизан 1812 г. Денис Давыдов вынужден был во время своих военных операций в тылу французов, чтобы завоевать доверие населения, отказаться от ношения военной формы и одеваться в старую русскую одежду и даже отпустить бороду. Так же поступить он приказал своим гусарам и казакам.

Новые явления в общественном быту в рассматриваемый период возникли, в частности, в связи с учреждением разного рода корпораций (дворянских и военных орденов, а позднее — купеческих гильдий и ремесленных цехов), что предусматривало и известные публичные церемонии, связанные с выборами должностных лиц, устройство празднеств и процессий. Но если в конце XVII — начале XVIII в. праздники, устраиваемые правительством, еще носили черты прежних русских народных празднеств с их шествиями ряженых, играми и угощениями, то с развитием феодально-абсолютистского строя они приняли более официально регламентированный характер. Широко практиковалось устройство торжественных встреч «высоким особам» с сооружением триумфальных арок, произнесением поздравительных од, с иллюминацией. Такие мероприятия воспринимались народом скорее как докучная обязанность. В то же время сохранялись и подлинно народные празднества, сопровождавшиеся, особенно в городах, веселыми красочными «гуляньями». Гулянья были и на ярмарках, где можно было услышать сказителей, рассказывавших сказки и былины, увидеть ряженых и традиционную «козу», народную драму, Петрушку, «вертеп», или «раек», где куклы или лубочные картинки сообщали зрителям мысли, которые подчас не одобрили бы официальные власти.

В тот период начинает ярко сказываться резкое различие культуры русского народа и культуры господствующих классов. По этому поводу В. И. Ленин писал: «В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большин-

стве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии»[1]. В. И. Ленин подчеркивал также, что « есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»[2]

Литература, наука, культура и профессиональное искусство в XVIII — начале XIX в. достигли высокого уровня. Русские ученые, литераторы, художники, архитекторы заняли почетное место в мировой науке и искусстве. Некоторые успехи наблюдались в развитии образования. Недавние археологические находки в Новгороде сотен писанных на бересте грамот показали, что грамотные горожане и даже крестьяне XI—XV вв. на Руси, по-видимому, не являлись редким исключением. Однако в XVIII в. крестьяне были почти сплошь неграмотны. Это тяжкое наследие феодально-крепостнического строя продержалось до самой революции.

В середине XVIII в. был открыт первый русский университет и ряд других высших учебных заведений. Еще ранее, в конце XVII в., в Москве существовала Славяно-греко-латинская академия, где в XVIII в. учились будущие деятели русской культуры (среди них — М. В. Ломоносов). В конце XVIII в. в России было 300 начальных, средних и специальных школ, в которых обучалось около 20 тыс. учащихся. Однако это были представители господствующих классов, преимущественно — дворяне. Екатерина II писала: «Черни не должно давать образования; поскольку будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет нам повиноваться в такой мере, как повинуется теперь»[3].

Введение в начале XVIII в. гражданского шрифта (кириллицы) для печатания книг, газет и т. п. не только способствовало распространению грамотности, но и позволило сохранить многие черты, общие для культуры русских, украинцев и белорусов. Составление полного словаря русского языка И. Лепехиным и «Российской грамматики» М. В. Ломоносовым имело громадное значение для консолидации русской нации.

Общей религией русских было православие. Еще в XIII — XIV вв. протест народных масс против феодальной эксплуатации выражался иногда в форме протеста против официальной церкви (ереси «стригольников», «жидовствующих» и т. п.). Во второй половине XVII в. в православной церкви произошел раскол, поводом для которого послужили церковные реформы патриарха Никона, направленные на укрепление церковной феодальной организации. Противники реформы, «старообрядцы», объединили в своих рядах различные слои населения — угнетенное крестьянство, купечество и даже некоторых представителей феодальной знати, недовольных правительственной политикой. В XVIII и в особенности в XIX в. преследуемые правительством старообрядцы упорно сохраняли в своем быту многие черты, отличавшие их от «никонианского» большинства. Несмотря на то, что зажиточная верхушка старообрядцев шла на ряд компромиссов с правительством, основная масса старообрядцев-крестьян по-прежнему своими религиозными воззрениями выражала протест против социальной несправедливости. Это привело к возникновению многих ответвлений старообрядчества (федосеевцы, филипповцы, бегуны и т. п.). В XVII в. возникли и первые религиозные секты, совершенно отделявшие себя от православия (духоборы, хлысты и т. п.) и в дальнейшем игравшие заметную роль в быту

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

[2] Там же, стр. 129.

[3] «Очерки истории СССР». Период феодализма, Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, стр. 420.

русского крестьянства и городских низов. Сектанты и православные очень долго сохраняли остатки дохристианских верований (в домовых, водяных, леших и т. п.).

В области экономики XIX в. был ознаменован кризисом феодально-крепостнической системы. За 60 лет XIX в. производительность крестьянского труда не возросла сколько-нибудь заметно; это свидетельствовало, что феодальные производственные отношения изжили себя и стали тормозить развитие экономики страны. В помещичьих хозяйствах продолжалось увеличение барской запашки и барщинной эксплуатации крестьян, из которых выжимали последнее. Попытки отдельных помещиков рационализировать хозяйство, вводить интенсивные методы обработки почвы, машины, искусственные удобрения и т. п. не могли иметь успеха в силу общего низкого уровня хозяйства непосредственного производителя. Невыносимый режим вызвал в 1817—1820 гг. ряд восстаний в недавно организованных правительством особых военных поселениях. Восстания эти были жестоко подавлены. Однако в 30—40-х годах XIX в. по России прокатилась новая волна крестьянских восстаний.

Несмотря на общий кризис сельского хозяйства, в нем все же появлялись новые отрасли — свеклосеяние и тонкорунное овцеводство. Увеличивалось значение разведения льна и конопли в северо-западных областях, табака и винограда — в южных. В 1801 г. правительство разрешило свободную покупку и продажу земли (до тех пор владение землей было исключительной привилегией дворянства), что положило начало недворянскому землевладению. Земли покупали купцы, мещане, казенные крестьяне и обрабатывали их с помощью наемной рабочей силы — батраков. Такой путь развития сельского хозяйства стал возможен в результате внутреннего расслоения крестьянства. Одновременно развивалась мелкая кустарная промышленность, появлялись мелкие капиталистические предприятия. В первой половине XIX в. сложились новые крупные промышленные центры (Павлово, Кимры, Иваново, Шуя и др.). Возрастало число капиталистических мануфактур с наемными рабочими. Правда, вольнонаемные рабочие в большинстве своем еще были оброчными крестьянами, которых отпускали на работу помещики. Общее число рабочих в России в 1860 г. увеличилось по сравнению с 1804 г. примерно в шесть раз и превысило 565 тыс. человек (в пределах этой цифры число наемных рабочих увеличилось за тот же период почти в десять раз, достигнув 430 тыс. человек и составляя теперь 77% всех рабочих, занятых в промышленности). Процент наемных рабочих очень сильно колебался в различных отраслях промышленности; в непосредственной связи с этим находилась и механизация данной отрасли промышленности. Так, в добывающей промышленности процент крепостных рабочих был очень высок (еще в 1861 г. в горной промышленности — до 70%), а механизация почти не применялась. В обрабатывающей же промышленности к 1860 г. оставалось лишь 13% крепостных рабочих, а 87% было вольнонаемных. Особенно рано крепостной труд был вытеснен из текстильной промышленности, где уже в 1820 г. было 95% наемных рабочих. Здесь и механизация труда достигла наибольших успехов. Положение рабочих, как вольнонаемных, так и в особенности крепостных, было чрезвычайно тяжелым. Рабочий день длился 15—16 и даже 18 часов. Мизерная зарплата уменьшалась постоянными штрафами. Уже в 1800—1802 гг. наблюдались крупные волнения рабочих уральских заводов (в районе Ревды и Нижнего Тагила). В 1809 г. выступили петербургские литейщики. Но в этот период рабочие еще не занимали ведущего места в русском революционном движении.

Развитие капиталистического уклада в экономике России обусловило дальнейший рост городов как центров промышленности и торговли. В 1851 г. население городов выросло по сравнению с началом столетия почти вдвое и достигло 7,8% всего населения страны. К середине XIX в. четко выделились отдельные районы, каждый со своей экономической спецификой. Хозяйст-

венная специализация в свою очередь обусловила развитие внутренней торговли. В 60-х годах в России насчитывалось около 6,5 тыс. ярмарок. Развитие торговли и промышленности требовало усовершенствования путей сообщения. Уже во второй половине XVIII в. главнейшие дороги (большаки) были относительно благоустроены. В XIX в. продолжается строительство шоссейных дорог и развитие торгового судоходства (гребного и парусного). В 1851 г. старая и новая столицы — Петербург и Москва — были соединены железной дорогой.

Еще в XVIII в. крестьянская война под руководством Е. Пугачева (в которой участвовали не только русские крестьяне, но и угнетенные национальности) потрясла устои феодального строя. Правительство Екатерины II с величайшим трудом подавило движение крестьян. Во всех областях русской жизни пресекались все общественные прогрессивные стремления и насаждалось мракобесие и реакция. В конце XVIII в. А. Н. Радищев не только осознал несправедливость феодально-крепостнического строя, но и оправдывал крестьянское восстание, во время которого могут быть физически уничтожены дворяне. Однако он был одинок.

Вторжение в Россию армии Наполеона I и потеря Москвы явились мощным фактором сплочения русского народа. Высоко поднялась волна партизанского движения, в котором ведущую роль сыграли массы угнетенного русского крестьянства. Война 1812 г. убедила передовую часть дворянства в необходимости изменения существующего феодально-крепостнического строя. Сами декабристы подчеркивали, что именно 1812 г. и заграничный поход сделали их революционерами. «Мы были дети 12-го года»,— говорил декабрист Матвей Муравьев-Апостол[1]. Главным толчком, революционизировавшим наиболее передовых дворян, была отечественная действительность, сознание ее вопиющих противоречий; значительное влияние оказали также идеи буржуазной французской революции.

В первой половине XIX в. в России возникло организованное революционное движение, началом которого послужило создание тайных дворянских обществ декабристов. «...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции,— писал В. И. Ленин.— Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»,— звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»[2].

Крымская война 1853—1856 гг. показала и России, и всему миру несостоятельность феодально-крепостнического государства. В стране назрела революционная ситуация. «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому», — отмечал В. И. Ленин[3]. Он считал, что именно таковым было положение, сложившееся в России в 1859—1861 гг. Царское правительство под угрозой революции вынуждено было пойти на проведение буржуазных реформ.

В эпоху капитализма и империализма русские (и в особенности русский рабочий класс) оказали огромное влияние на другие народы России, способствуя их национальному развитию.

---

[1] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 112.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.
[3] Там же, т. 26, стр. 218.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?— писал В. И. Ленин в своей знаменитой работе «О национальной гордости великороссов».— Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика »[1].«Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое...»[2]

В этой замечательной статье В. И. Ленин, выясняя задачи «великорусских социал-демократов», подчеркивает: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»...»[3]

Ленинская национальная политика и явилась одним из могучих факторов сплочения всех народов нашей страны для октябрьского штурма и, будучи осуществлена на практике, обеспечила формирование социалистических наций в советском государстве.

В дальнейших главах этой книги будет рассказано о характерных чертах культуры русского народа в период капитализма и развития русской нации в ходе социалистического строительства и создания коммунистического общества.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ РУССКОГО НАРОДА

Русская нация характеризуется единством языка, большою общностью материальной и духовной культуры. Это единство не исключает областных различий. Некоторые из них восходят в своей основе к глубокой древности, к раннефеодальному, а возможно, еще к дофеодальному периоду. Особенности в материальной культуре населения южных и северных областей отмечаются археологами еще у древних восточнославянских племен. Возникали различия и в результате ассимиляции восточными славянами иноязычного неславянского населения Восточной Европы в X—XIII вв. и в процессе расселения русских и вхождения в их состав представителей других национальностей в более позднее время (XVI—XVII вв. и позднее). Своеобразные историко-культурные группы возникали как следствие различных переселений из одной области в другую, формирования военнослужилого населения на границах государства (казаки, однодворцы и пр.) и т. п.

По этнографическим и диалектологическим признакам наиболее заметно различается русское население северных и южных областей. Между ними находится широкая переходная зона. Еще в начале XX в. различия между историко-культурными группами русских прослеживались очень четко. В настоящее время эти различия сглаживаются, но многие сохраняются и теперь (в языке, фольклоре, обычаях, постройках и пр.).

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.
[2] Там же, стр. 108.
[3] Там же, стр. 106—107

Характерные севернорусские черты культуры и быта и северный «окающий» диалект прослеживаются на территории примерно от бассейна р. Волхова на западе до р. Мезени и верховьев Камы и Вятки на востоке (т. е. Новгородская обл., Карельская АССР, Архангельская, Вологодская, часть Калининской, Ярославской, Ивановской, Костромской, Горьковской и других областей).

Южнорусские черты в культуре, быте населения и южный «акающий» диалект преобладают на территории от бассейна р. Десны на западе до Пензенской обл. на востоке и примерно от Оки на севере и до бассейна Хопра и среднего Дона на юге (бо́льшая часть Рязанской, Пензенской, Калужской областей, Тульская, Тамбовская, Липецкая, Орловская, Курская и др.).

Этнографические различия между севером и югом имеются в типах сельских поселений и постройках. На севере преобладают небольшие деревни и села-погосты. Для юга характерны большие многодворные села. Северные крестьянские постройки отличаются монументальностью архитектуры, развитым многокамерным высоким домом с примыкающим к нему крытым двухэтажным двором; для южнорусской деревни характерна низкая (без подклета) изба или хата со своеобразной планировкой и открытым двором (а часто и совсем без двора). В прошлом различия прослеживались и в сельскохозяйственной технике, ее терминологии, а также в женском костюме (на севере — сарафан, на юге — понева), в вышивках и орнаменте. В настоящее время многие особенности материальной культуры уже исчезли, другие (как, например, традиционная одежда, вышивки) если бытуют, то в немногих местах.

Среднерусская группа занимает территорию, главным образом Волго-Окского междуречья, где с XIV в. началось объединение вокруг Москвы русских княжеств и происходило формирование основного ядра русской народности. По современному административному делению — это Московская, Владимирская, север Рязанской, Калужской, части Калининской, Ярославской, Горьковской, Костромской, Ивановской и некоторых других прилегающих областей. Выделяемая диалектологами область среднерусского переходного диалекта (по линии Псков, Калинин, Москва, Рязань, Пенза, Саратов) несколько у́же той области, которая выделяется по этнографическим данным. Среднерусская группа является как бы связующим звеном между северным и южным русским населением. В ее материальной и духовной культуре сочетаются северные и южные черты. С другой стороны, многие местные характерные особенности (в одежде, постройках, обычаях) получили широкое распространение на севере и юге. К среднерусскому населению центральных областей по диалектологическим и этнографическим данным близко примыкает русское население Среднего Поволжья; оно также имеет некоторые отличия и может рассматриваться как подгруппа среднерусского населения. Формирование русского населения Среднего Поволжья происходило значительно позднее (в XVI—XVII вв.) и в иных условиях, чем в центре; русские расселялись по соседству с разнообразным по национальному составу населением Поволжья, что сказалось на культуре волгаря.

В своеобразную переходную группу входит население древней русской территории в бассейне р. Великой, верховьев Днепра и Западной Двины (Псковская, Смоленская, части Калининской и других прилегающих областей). По языку и по этнографическим признакам оно является как бы переходной группой между северным и средним, средним и южным русским населением, а также русскими и белорусами. Связи с белорусами особенно ярко прослеживаются в южной части этих западных областей (Смоленская обл.).

Выделяется также население северо- и юго-восточных областей, в основном складывавшееся с XVI—XVII вв. Население северо-востока — Приуралья (Кировская, Пермская, Свердловская, Челябинская и части прилегающих областей) по «окающему» диалекту и многим севернорусским чертам в культуре примыкает к северной группе русских, но обладает также

чертами, свойственными среднерусскому населению, что объясняется двумя главными направлениями, по которым шло заселение края — с севера и из центральных областей и Поволжья. Население юго-востока (от бассейна Хопра до бассейна Кубани и Терека — главным образом бывшие область Войска Донского, восточная часть Новороссии, Кубанская, Терская области и др.) территориально и исторически связано с населением южнорусских областей, но заметно отличается от него по языку, фольклору, особенностям в жилище (в прошлом были отличия и в одежде). В целом материальная и духовная культура населения там не была единообразной в связи с большой пестротой этнического состава этого края.

Кроме указанных крупных этнографических групп и подгрупп, выделяются более мелкие своеобразные группы русского населения, имеющие особые названия или самоназвания.

Крайний Север — побережье Белого моря — населяют *поморы*. Поморы скорее географический, чем этнографический термин и означает: 1) население берега Белого моря от р. Онеги до Кеми и 2) жителей северного морского побережья. Поморы, являющиеся потомками древних новгородских поселенцев, сходны по своей материальной и духовной культуре с остальным русским населением Севера и отличаются главным образом особенностями хозяйственного быта; издавна они слыли смелыми мореходами, охотниками на морского зверя и опытными рыболовами.

В южнорусских областях в единый по этнографическим признакам массив населения вкраплены мелкие группы сравнительно поздних пришельцев из центральных и западных областей. Часть из них — потомки бывшего военнослужилого населения низшего разряда (стрельцов, пушкарей, казаков и др.), поселенного по линии сторожевых укреплений в XVI—XVII вв. для охраны государственной границы от набегов кочевников (впоследствии основная часть этого населения вошла в состав однодворцев, «крестьян четвертного права»). Среди более поздних переселенцев были крестьяне, ушедшие в «степь» после ее «замирения», а также крестьяне, переселенные помещиками из других областей. Все эти группы еще в недалеком прошлом четко различались друг от друга по этнографическим признакам, особенно по одежде. Женщины из местного коренного населения носили поневу и рогатую кичку, однодворки — полосатую юбку или сарафан и кокошник и т. д.

На западе южнорусской территории (в бассейне Десны и Сейма) живет население, называемое *полехи*; в культуре его, кроме основных южнорусских черт, прослеживается значительная общность с белорусами, а частью литовцами. К полехам, по-видимому, примыкает группа *горюнов*, живущих за пределами РСФСР,— в Украинской ССР (по старому административному делению в б. Путивльском уезде Курской губ.). В Курской обл. живет группа населения, называемая *саяны*, отличающаяся некоторыми особенностями в языке и быте.

На востоке южнорусской территории в бассейне средней Оки в культуре населения (особенно в вышивке, орнаменте, одежде, типах построек и пр.) сильно прослеживаются связи с народами Поволжья. В заокской части (север Рязанской и Тамбовской обл.) русское население известно под названием *мещера*. Оно имеет некоторые этнографические особенности в одежде, жилище и цокающий говор. Русская мещера, по-видимому, сложилась в результате ассимиляции славянским населением местного — финского. В Пензенской и Саратовской областях есть небольшие «островки» мещеры, образовавшиеся там в результате передвижения части населения с севера Рязанской обл. на юго-восток (в XVI в.— на территорию Пензенской и в XVIII в.— в Саратовскую губ.).

Потомки казаков живут на Дону, Волге, Тереке, Кубани. Казаки этнографически не были однородны. Донские, уральские, кубанские, оренбургские, терские казаки отличались друг от друга, хотя с течением времени

у них выработалась известная общность бытового уклада. В прошлом, несмотря на сильное классовое расслоение, казаки по своему положению резко отличались от крестьян (экономической состоятельностью, привилегиями, связанными с военной службой, особым общественным управлением). Самое многочисленное, донское казачество сформировалось наиболее рано (в XVI—XVII вв.) из разнообразных русских и иноязычных, преимущественно восточных компонентов. Донские казаки исстари подразделялись на верховых и низовых казаков, т. е. живших в верховьях и в низовьях Дона. До настоящего времени верховцы и низовцы различаются по физическому типу, особенностям в постройках, фольклору и пр. Потомки северокавказских казаков (гребенских и терских, формировавшихся с конца XVI в.) по своему быту и культуре во многом близки к соседним кавказским горцам (чеченцам и др.), которые входили в их состав. Группа кубанских казаков составилась в конце XVIII — начале XIX в. из украинских и русских выходцев. Украинские черты в их языке и быте очень сильны, особенно у западной части кубанских казаков. Потомки казаков расселены также на Волге, по р. Яику (Уралу), где живут казаки-уральцы; ядро их составилось еще в XVI в. из донских выходцев, но постепенно в него включались другие этнические элементы.

Русское население Сибири сложно по своему составу. В различных областях ее оно складывалось не одновременно и в различные периоды на протяжении XVII—XX вв. пополнялось выходцами из разных областей Европейской России. Среди *старожилов* Западной и Восточной Сибири есть потомки ранних переселенцев (XVI—XVII вв.) преимущественно из северных областей России и из Приуралья. В Западной Сибири преобладают выходцы с Севера, а поэтому распространен окающий диалект. В Восточной Сибири среди старожильческого населения, кроме окающего диалекта, значительно распространен и акающий диалект, что объясняется большим количеством выходцев и из южнорусских областей. Наиболее сильно проявляется акающий диалект в Дальневосточном крае, где преобладают «новоселы» конца XIX — начала XX в., значительную часть которых составляют, кроме того, белорусы и украинцы. В прошлом сибиряки-старожилы и переселенцы XIX — начала XX в., происходившие большей частью из южнорусских областей, повсюду в Сибири значительно различались друг от друга по хозяйственному быту, языку, обычаям и пр. В настоящее время эти группы населения выделяются лишь своеобразным физическим типом, особенностями языка и фольклора, и только немногие из них, главным образом бывшие *кержаки* — старообрядцы, сохраняют этнографические особенности. Среди них следует отметить *каменщиков* — потомков беглых старообрядцев, поселившихся в горных районах Алтая по р. Бухтарме и р. Уймону в XVII—XVIII вв. («в камне»), *поляков* — потомков переселенных старообрядцев после раздела Польши во второй половине XVIII в. из местечка Ветки в район Усть-Каменогорска (Алтай) и, наконец, *семейских* в Забайкалье (Бурятская АССР), предки которых были высланы туда также в XVIII в. Свое название они получили, по-видимому, от того, что переселялись не в одиночку, а семьями. Диалект семейских и поляков акающий, а бухтарминцев — окающий; в культуре же у всех трех групп немало севернорусских черт. Благодаря известной замкнутости быта (вызванной религией) эти группы сохранили русский физический тип и старинные бытовые черты. В настоящее время в результате социалистической перестройки и культурной революции в сибирской деревне подверглась разрушению замкнутость патриархального семейного быта старообрядцев, и происходит интенсивный процесс сближения с окружающим населением (путем заключения браков, в результате совместной работы в колхозе и т. д.).

Своеобразно сложилась жизнь русского населения, живущего за Полярным кругом — *русскоустинцев* (с. Русское Устье на р. Индигирке) и *марковцев* (с. Марково в устье р. Анадыря), по происхождению большей ча-

стью потомков переселенцев XVII—XVIII вв. из Европейской части России. Особые природные условия и тесные связи с местным населением (чуванцами и юкагирами) обусловили своеобразие хозяйства и особенности физического типа этих групп населения. Их основные занятия—рыболовство и охота. Значительное место в хозяйстве занимает собаководство, частично — оленеводство. Они сохранили русский язык и песни и считают себя русскими.

Из смешения коренного сибирского населения с русскими возникли также другие своеобразные группы — *якутяне* (жители бывших ямщицких селений по р. Лене), *камчадалы* (на Камчатке), *карымы* (обрусевшие буряты в Забайкалье), *колымчане* (на р. Колыме), значительно подвергшиеся якутскому влиянию и частично воспринявшие якутский язык, *затундренные* крестьяне (на р. Дудинка и Хатанге), воспринявшие долганский язык. В Западной Сибири, Забайкалье и Приамурье сохранились потомки казаков — старого русского населения, включавшего в себя на протяжении XVII—XIX вв. разные этнические элементы. Например, в состав забайкальских казаков, формировавшихся со второй половины XVIII в., кроме русских, вошли буряты, эвенки; амурские и уссурийские казаки сложились только в XIX в. из забайкальских казаков и представителей коренного населения Приамурья.

Большие группы населения составляют сейчас «новоселы» советского периода. Приток «новоселов» в Западную и Восточную Сибирь и на Дальний Восток за этот период очень интенсивен в связи с освоением целинных земель, строительством крупных электростанций (на Ангаре и других реках), а также с развитием рыболовных промыслов, лесного хозяйства, созданием новых индустриальных центров и строительством новых городов. Среди этих новоселов — выходцы из селений и городов самых различных мест Советского Союза, причем не только русские, но и украинцы, белорусы и представители других наций Союза.

За пределами РСФСР русское население живет на Украине, в Молдавии, в Белоруссии, в республиках Прибалтики, Кавказа и Средней Азии, составляя значительную часть рабочих и интеллигенции в городах, промышленных центрах, на новостройках. Имеется там русское население и в сельских местностях. На Кавказе современное русское колхозное крестьянство составилось из потомков терских и кубанских казаков, из крестьян — переселенцев и высланных в XIX в. сектантов (духоборы, молокане и др.), происходивших большей частью из южных губерний России; последние живут преимущественно в Закавказье.

Русское население Средней Азии и Казахстана составилось из бывших казаков и крестьян — выходцев преимущественно из южных областей России. Переселенческое движение в Среднюю Азию сильно развилось во второй половине — в конце XIX в. Сильный рост русского населения произошел там в советский период, особенно за последние годы, в связи с освоением целинных земель. Более всего русских — в Киргизской и Казахской ССР. В ряде мест они живут вместе с украинцами; из них образовалось смешанное русско-украинское население. Своеобразную группу составляют русские *уральцы*, живущие в Кара-Калпакии и Казахстане, по берегам Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и на островах Аральского моря. По своему происхождению они потомки уральских казаков — старообрядцев, которые за неповиновение царскому правительству были исключены из состава уральского казачьего войска и высланы туда в XIX в. Опытные рыболовы и знатоки местных водных бассейнов, уральцы создали в годы Советской власти сильные рыболовецкие колхозы.

В суровой Сибири, в Средней Азии и на Кавказе русское население, применяясь к новым условиям, воспринимало многое от коренных жителей. Русские принесли свои навыки и приемы земледелия, технику, содействовали распространению оседлости у ранее кочевых народов, развитию промышленности, строили города и создавали культурные центры.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

Современный русский язык сложен по своей структуре. В устной и письменной речи в высокоразвитой нормализованной форме (литературный язык) выделяются язык науки, язык художественной литературы, деловой язык и т. д. Один из видов устной речи — разговорная речь — существует в русском языке как в литературно обработанной форме, так и в менее нормализованных формах, характерных для общенародной разговорной речи. В последней в свою очередь выделяются различные социальные разновидности (профессиональные языки, жаргоны и т. д.) и территориальные разновидности — диалекты, или народные говоры, которые представляют весьма существенный этнографический признак населения различных местностей.

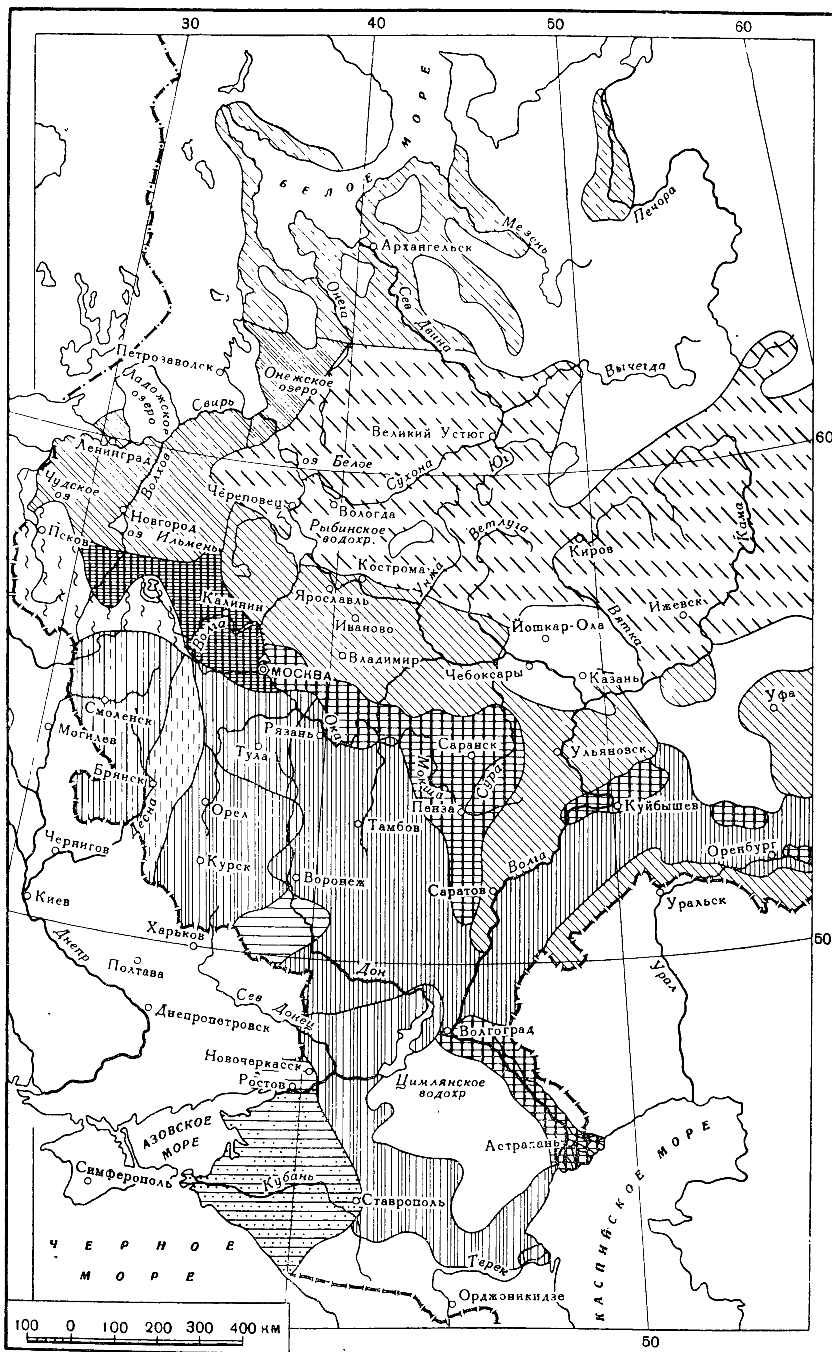
Территориальные диалекты современного русского языка проявляются главным образом в разговорной речи сельского населения и, в какой-то мере, в речи горожан. Многообразие разновидностей разговорного городского языка определяется диалектным окружением, а также составом городского населения и специфическими особенностями формирования этого населения. Русские территориальные говоры в наше время утрачивают специфические черты. Этот процесс, начавшийся давно, особенно усилился после Октябрьской революции, в ходе культурной революции, в связи с движением населения внутри страны, с всеобщим обучением, радиофикацией и т. п. Носителями традиционных особенностей народных говоров являются сейчас главным образом старшие поколения сельского населения.

Формирование русского языка в его говорах

Современные диалектные группировки являются пережиточными элементами, отражающими сложный путь формирования русского национального языка. Большинство диалектных различий обычно связывают с теми эпохами, когда еще не существовала или нарушалась целостность данной народности, ее территориальная и политическая общность. В истории восточнославянских языков эти различия начали намечаться в дофеодальную пору, в условиях существования отдельных восточнославянских племен. Однако большинство диалектных различий возникло в русском языке в эпоху феодализма. Древнейшие памятники письменности свидетельствуют о том, что новгородскому говору XI—XII вв. уже было свойственно «цоканье», которое отсутствовало в Киевской земле. К этому же или более раннему времени возводят различие в качестве звука *г* (взрывного или фрикативного образования) и некоторые другие диалектные различия. Причины образования диалектных различий могли быть как внутреннего порядка (новообразования, возникшие в результате внутреннего развития диалектов в условиях феодальной раздробленности), так и внешнего (например, влияние извне или ассимиляция иноязычного населения). В ходе образования Русского централизованного государства, объединявшего все больше и больше русских земель, усиливается взаимовлияние диалектов. Эти процессы вызвали изменения прежних границ диалектных различий и привели к возникновению новых диалектных явлений на стыках прежних диалектных единств. Поэтому прямых соответствий между современными группировками говоров русского языка и древними диалектными единствами, как правило, установить нельзя. Об этом прежде всего свидетельствует сложная картина, которую представляет современный русский язык в его говорах.

Структура современного русского языка в его говорах

Наречия, говоры и группы говоров, которые можно выделить на основной территории распространения русского языка, представляют собой исторически сложившиеся диалектные группировки; они характеризуются некоторыми особенностями, отличающими ту или иную группировку говоров от других и составляющими диалектные различия (фонетические, морфологические, синтаксические, лексические,



Условное обозначение	Группа	
Поморская, или Архангельская группа	Северно-русские говоры	
Олонецкая		
Западная, или Новгородская		
Восточная, или Вологодско-Кировская		
Владимирско-Поволжская		
Говоры переходные с северно-русской основой и белорусскими наслоениями		
Западная группа	Среднерусские говоры	
Восточная		
Южная, или Орловская группа	Южно-русские говоры	
Восточная, или Рязанская		
Тульская		
Западная		
Говоры на стыке западной, южной и тульской групп		
Говоры украинского языка		
Говоры, образовавшиеся при взаимовлиянии украинского и русского языков, а также украинско-русские говоры.		

Диалекты русского языка

словообразовательные, фразеологические и т. д.). Выделение диалектных групп основывается главным образом, на диалектных различиях в фонетике и морфологии.

Синтаксические различия в говорах современного русского языка заключаются в том, что отдельным говорам свойственны особые модели словосочетаний, предложений или особые значения каких-либо моделей, понятные, но неупотребительные в других. Например, в одних говорах скажут «стоять *по* правую сторону», или «получить отпуск *по* 20-е число», т. е. обозначат этой конструкцией действие в пространстве и во времени; в других — могут сказать также «пошла *по* молоко», «уехал *по* дрова», т. е. обозначат и цель действия. Диалектные различия в лексике чаще всего состоят в том, что для обозначения одного понятия в разных говорах существуют разные слова или одно слово выражает в разных говорах разные понятия. Так, для обозначения петуха в говорах существуют слова: *петух*, *кочет*, *пеун*, *певень* и т. д.

Если нанести изоглоссы [1] всех диалектных различий на одну карту, вся территория распространения русского языка окажется перерезанной изоглоссами, идущими в разных направлениях. Это не значит, что группировок говоров, представляющих диалектные единства, вообще не существует. Северянина без труда можно узнать по «выговору на о», жителя южных областей — по его особому произношению звука *г* (так называемому *г* фрикативному) или мягкому произношению *т* в окончаниях глаголов. По совокупности особенностей можно также отличить жителей Рязанской обл. от жителя Орловской, туляка от смолянина, новогородца от вологодца и т. п.

В ряде случаев изоглоссы самых различных, не связанных в системе современного русского языка диалектных явлений или диалектных слов имеют на некоторых довольно значительных участках сходную конфигурацию и местами заметно сближаются между собой [2]. Такие сближающиеся изоглоссы или, как принято их называть, пучки изоглосс отграничивают некоторые территории, относительно единые по комплексу явлений, выделяемых изоглоссами данного пучка.

Таким образом, диалектные единства русского языка не имеют, как правило, четко очерченных границ, а определяются зонами пучков изоглосс. Только тогда, когда обязательным признаком наречия признается какое-либо одно явление, каковым, например, является оканье для севернорусского наречия, мы можем провести четкую границу наречия в соответствие с изоглоссой оканья. Аканье является признаком и южнорусского наречия и среднерусских говоров, а *г* взрывное (общий признак севернорусских говоров) характеризует также большинство среднерусских говоров.

Основные группировки говоров русского языка

В русском языке выделяют два основных наречия: севернорусское и южнорусское и полосу среднерусских говоров между ними [3].

Севернорусское наречие характерно для северных и восточных районов Европейской части СССР. Южная граница его проходит с запада на юго-восток по линии Псковское оз.— Порхов-Демянск; далее она отходит к северу от Вышнего Волочка, затем поворачивает на юг и на

---

[1] Изоглоссами называются границы распространения явлений или слов, составляющих диалектные различия.

[2] См. «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957.

[3] Группировка русских говоров (см. карту на стр. 149) и их характеристика даны в основном по работе «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков» («Труды Московской Диалектологической Комиссии», вып. 5, М., 1915), но с учетом некоторых существенных уточнений, которые дают современные материалы, собранные в связи с составлением атласов русских народных говоров.

восток и проходит через Калинин — Клин — Загорск — Егорьевск — Гусь-Хрустальный, между Меленками и Касимовом, южнее Мурома, Ардатова и Арзамаса, через Сергач и Курмыш, резко поворачивает к югу немного восточнее Пензы и выходит к Волге севернее Куйбышева. Южнорусское наречие граничит на юго-западе с украинским языком, на западе — с белорусским (примерно по границам УССР и БССР). Граница его распространения может быть намечена по северным пределам Смоленской обл.; восточнее Сычевки она поворачивает на юго-восток, проходит западнее Можайска и Вереи, далее через Боровск, Подольск и Коломну идет северо-восточнее Рязани, через Спасск-Рязанский, севернее Шацка, между Керенским (Вадинском) и Нижним Ломовом, восточнее Чембара и Сердобска, через Аткарск, на Камышин вдоль Волги, а затем на юг от Волгограда, заходя на Северный Кавказ.

В составе севернорусского наречия выделяются пять групп: архангельская, или поморская, олонецкая, западная, или новгородская, восточная, или вологодско-кировская, и владимирско-поволжская; в южнорусском наречии выделяются южная, или орловская, тульская, восточная, или рязанская, и западная группы. Среднерусские говоры делятся на подгруппы: псковскую (говоры переходные от севернорусского наречия к белорусскому языку), западную и восточную. Между южнорусским наречием русского языка и северо-восточным наречием белорусского языка диалектной границы практически нет, существует широкая зона, в говорах которой с востока на запад наблюдается постепенное нарастание особенностей, типичных для говоров белорусского языка.

Севернорусское наречие выделяется на основании оканья, *г* взрывного (как и в литературном языке), *т* твердого в окончаниях 3-го лица глаголов (*он идет*, *они слушают*, а не *идеть*, *слушають*, как в южнорусском наречии) и родительно-винительного падежа личных местоимений: *меня*, *тебя* и возвратного *себя* (а не *мене*, *тебе*, *себе*, как в южнорусском наречии). Особенностями севернорусского наречия являются также стяжение гласных в окончаниях глаголов и прилагательных: *быват*, *думат*, *красна*, *синя* (вместо *бывает*, *думает*, *красная*, *синяя*), употребление грамматически сочетающихся постпозитивных частиц (*дом-от*, *изба-та*, у *сестры-ти* и т. п.), окончание сравнительной степени прилагательных *-ае* (*громчае*, *черняе*) и т. д.

Поморская, или архангельская, группа севернорусского наречия, занимающая большую часть Архангельской обл. и некоторые районы Вологодской, характеризуется тем, что в тех словах, где (по дореволюционной орфографии) писалась буква *ѣ*, произносят гласный *ê* закрытый (нечто среднее между *е* и *и*) — *снêг*, *звêрь*. Там же *грезь* звучит вместо *грязь*, *дêдя* вместо *дядя*, *в шлêпе* вместо *в шляпе*, но при этом говорят *грязный*, *шляпа*, т. е. заменяют под ударением звук *а* звуком *е* только между мягкими согласными. Здесь говорят *цяй*, *цяшка*, *конець*, *овця*, т. е. распространено так называемое мягкое цоканье. Отсутствует сочетание *дн*, *бм* (*менный*, *ланно*, *омман*, вместо *медный*, *ладно*, *обман*). В этих говорах говорят: *пойду к жены*, *работал на стороны*, т. е. употребляют окончание *-ы* вместо *-е* для существительных жен. р. в дат. и предл. пад. ед. ч.; у существительных в твор. пад. мн. ч. распространены окончания *-амы* или *-ам* (*пахали плугамы* или *пахали плугам*), а у прилагательных *-ма*, *-м* (*сухима грибамы* или *сухим грибам* вместо *сухими грибами*). Здесь могут сказать *молодого*, *кого* или *молодоɣо*, *коɣо* (с *г* фрикативным) или даже вообще без согласного: *молодоо*, *коо*.

Олонецкая группа представлена говорами на территории Карельской АССР и к востоку от Онежского оз. Эти говоры отличаются от говоров поморской группы некоторыми особенностями: особый звук *ê* закрытое в тех словах, где раньше писалась буква *ѣ*, произнесут только перед твердыми согласными: *хлêб*, *вêра*, *мêра*; перед мягкими же согласными произносят звук *и*: *звирь*, *в хлиби*, *вирить*, *оммирить*. Здесь скажут *доўго*, *быў*

вместо *долго*, *был*, т. е. вместо *л* в конце слога произнесут звук *ў* неслоговое. Вместо *обман*, *обмазать* говорят *омман*, *оммазать*. Звук *ɣ* (*г*-фрикативный) отмечен здесь не только в окончании родительного падежа, но и в других словах на месте буквы *г*: *мноɣо*, *оɣород*, *ɣрабли*, *ɣнали*. В отличие от других говоров севернорусского наречия, в некоторых олонецких говорах употребляют окончание *-ть* в 3-м лице глаголов: *идуть*, *говорять*, *спить*. Сочетанию звуков *ой* в некоторых случаях соответствует сочетание *эй*: *к другэй*, *на золотэй*, *сестрэй*.

Западная, или новгородская, группа охватывает говоры большей части Ленинградской и Новгородской областей. На месте старого *ѣ* здесь произносится *и* или *ê*: *сниг*, *дид*, *хлиб*, *мира*, *вирить*, *звирь* или *снêг*, *дêд* и т. д. Здесь говорят *грязь*, *в шляпе*, то есть сохраняется звук *а*. Цоканье в большей части говоров в настоящее время отсутствует. В твор. пад. мн. ч. существительных и прилагательных употребляют окончание *-м*: *с чистым рукам*. В отличие от говоров поморской и олонецкой групп здесь не употребляют окончаний *-ого*, *-оɣо*, а только *-ово* (*ково*, *сухово*, *доброво* и т. д.). Остальные черты говоров новгородской группы в основном совпадают с особенностями поморской группы.

К восточной, или вологодско-кировской, группе севернорусских говоров относятся говоры Вологодской, Кировской, Пермской областей, северных частей Ярославской, Костромской и Горьковской областей, а также некоторых районов Новгородской и Архангельской. Следует отметить, что на востоке граница этой группы отодвинута за Урал. В говорах этой группы на месте старого *ѣ* произносятся различные звуки: в большинстве говоров *ê* или *и͡е* — только перед твердыми согласными, а *и* — перед мягкими: *хлêб* или *хли͡еб*, но *хлибець*, *звирь*. В некоторых говорах дифтонг *и͡е* произносится во всех случаях: *хли͡еб*, *хли͡ебець*, *зви͡ерь* и т. д. В части говоров этой группы имеется особый звук *ô* (звук, похожий на *у* и называемый *о* закрытым) или дифтонг *у͡о*: *вôля* или *ву͡оля*, *корôва* или *кору͡ова*, *сестрôй* или *сеструой*. Здесь говорят *грезь*, *в шлепе*, но *грязный*, *шляпа*, как и в архангельских говорах. Произносят *цяшка*, *цяй*, *овця* или *ц*[ш]*яшка*, *ц*[ш]*яй*, *овц*[ш]*я* и т. д., то есть наблюдается мягкое и шепелявое цоканье. Неслоговое *у* (*ў*) в части этих говоров произносится не только на месте *л* перед согласным и в конце слова, как в олонецких говорах, но и вместо *в* в тех же положениях: *доўго*, *быў*, *паўка*, *коў*, *домоў*, *праўда*, *деўка* и т. д. В этих говорах говорят *Федькя*, *цяйкю*, *конькём*, т. е. смягчают *к*, если оно находится после мягкого согласного. В большей части говоров этой группы произносят *омман*, *оммазал*, в некоторых также *менный*, *ланно*, *трунно* и т. д. Творительный падеж множественного числа оканчивается на *-м*: *горючим слезам плакала*. В восточной части вологодско-кировских говоров отмечены формы *он стерегот*, *ты пекошь* и т. п.

Владимирско-поволжская группа охватывает говоры на территории севера Калининской, Московской и Рязанской областей, Ярославской и Костромской областей к югу от Волги, Горьковской обл. (без Заветлужья), Владимирской обл. и окающие говоры Ульяновской, Пензенской, Саратовской и других областей Нижнего Поволжья. В говорах этой группы на месте старого *ѣ* произносят звук *е*, как в литературном языке: *дед*, *хлеб*, *белый*, *зверь* и т. д.

Оканье в них несколько иное, чем в остальных говорах севернорусского наречия — здесь произносят ясно *о* и *а* только в случаях типа *вода*, *косить*, *корова*, *трава*, *старик*, где эти звуки находятся в первом слоге перед ударением; во всех остальных случаях произносится тот же звук, что и в литературном языке (*мълокó*, *пъгъворúм гóръд*, *óкълъ*, под *пáръм* и т. д., *стърикú*, *пъгъворú*, *ýдъль*, *вы́пълъ* и т. д.). Особенностью рассматриваемых говоров является произношение: *утопрú*, *утпустúл*, *угорóд*, *убманýл* и т. д., т. е. во втором слоге перед ударением в начале слова вместо *о* произносят *у*.

Для владимирско-поволжских говоров характерно окончание *-ово* в родительном падеже: *доброво*, *худово*, *ково* и т. д. В большинстве говоров этой группы говорят *пахали плугами*; только в северных районах скажут *пахали плугам*, как и в вологодско-кировских говорах. В некоторых говорах отмечены формы *роднэи*, *сырэми дровами* у прилагательных во множественном числе. Распространены глагольные формы типа *он стерегот*, *мать пекот* и т. п.

Южнорусское наречие выделяется по комплексу таких особенностей, как аканье, фрикативное *г*, мягкое *т* в окончаниях 3-го лица глаголов (*он сидить*, *они слушають*), формы *мене*, *тебе*, *себе* в родительном—винительном падеже. В подавляющем большинстве южнорусских говоров отсутствует цоканье.

Для южнорусских говоров характерно окончание *-ми* в твор. пад. мн. ч. существительных (*пахали плугами*). Говоры южнорусского наречия делятся на четыре группы. В основу выделения групп положена самая сложная черта южнорусских говоров — тип яканья. Суть его заключается в том, что в первом предударном слоге звуки на месте букв *е* (в том числе и старого *ѣ*) и *я* не различаются, причем в определенных случаях на месте всех этих букв произносится звук *я*: *сяло*, *пятно*, *вярсты*, *лясок* и т. д.

Южная, или орловская, группа охватывает говоры юго-западной части Тульской обл., Орловской, восточной половины Брянской, Белгородской, Курской, запада Воронежской областей, а также говоры по нижнему течению Дона и на Северном Кавказе. Она характеризуется так называемым диссимилятивным яканьем — типом вокализма, в котором наблюдается замена гласных *е* и *я* в предударном слоге на гласный, противоположный по подъему тому гласному, который находится в слоге под ударением: *систра́*, но *сястру́*, *симья́*, но *сямью́*, *сямьи́*, *плиса́ть*, но *пляшу́*, *пляши́* и т. п.

Диссимилятивное яканье представлено многими подтипами, образовавшимися в результате того, что различные подударные гласные среднего подъема, которые произносятся на месте букв *о* и *е*, действуют на предударные гласные в одних случаях как гласные верхнего подъема, в других — как гласные нижнего подъема. Для этой группы характерно *ў* на месте *в* перед согласным и на конце слова: *лаўка*, *дроў*. Некоторым говорам свойственны звуки *ô* и *ê* (или дифтонги): *вôля*, *корôва*, *хлêб* и т. д.

Тульская группа представлена говорами большей части Тульской обл., некоторых районов Калужской, Московской и Рязанской областей. В тульских говорах распространено так называемое умеренное яканье. Там говорят — *сястра*, *бяда*, *сяло*, *пясок*, *вярсты* и т. п., но *симья*, *тритьяк*, в *силе*, *симью*, *рибина*, т. е. перед твердым согласным произносят всегда *а* на месте гласных *е* и *я*, а перед мягким на месте этих же букв произносят *и*. В большинстве говоров тульской группы *в* произносят всегда, как в литературном языке.

Восточная, или рязанская, группа говоров занимает территорию Рязанской обл. к югу от Оки, Тамбовскую и Воронежскую (без западных районов). К той же группе относятся южнорусские говоры Пензенской, Саратовской областей, а также некоторых районов Волгоградской обл. Говоры этой группы характеризуются так называемым ассимилятивно-диссимилятивным типом, который отличается от диссимилятивного яканья тем, что во всех словах с подударным *а* гласные на месте букв *е* и *я* в предударном слоге заменяются на гласный *а*. Таким образом, в предударном слоге на месте букв *е* и *я* в подавляющем большинстве случаев произносят гласный *а*, и только при наличии букв *е* или *о* в ударенном слоге может в предударном произноситься гласный *и*: *диревня*, *бирёза*, *силом* и т. д. В некоторой части рязанских говоров отмечены под ударением гласные *ô* и *ê* или *͡уо*, *͡ие*; во многих рязанских говорах говорят *овес*, *лен*, *принес*, а не *овёс*, *лён*. *принёс*.

Западная группа говоров южнорусского наречия занимает Смоленскую обл., западную половину Брянской и западные районы Калужской областей. Для нее характерно диссимилятивное аканье и яканье жиздринского, или белорусского, типа, при котором в слоге перед ударением на месте букв *е* и *я* произносится звук *и*, если под ударением стоит гласный *а*; во всех остальных случаях произносится звук *а* (*систра*, *прила*, *рика*, *тилят*, *звирят*, *глидят*, но *сястру*, *сястрой*, *к сястре*, *у сястры*, *пряду*, *у ряки*, *тялёнок*, *дяревня* и т. д.). На месте *в* перед согласным и на конце слова в этих говорах, так же как в говорах южной группы, произносится *ў*; тот же звук произносится на месте *л* в словах типа *долго*, *волк* и в глаголах прошедшего времени мужского рода (*доўго*, *воўк*, *даў* и т. п.). Эта группа характеризуется и некоторыми особенностями, объединяющими ее с частью западной группы севернорусского наречия и с псковскими говорами: таковы форма имен. пад. мн. ч. личных местоимений 3-го лица на *-ы* (*оны*, *йены*), формы глаголов *полоскаю*, *полоскаешь* вместо *полощу*, *полощешь* и т. д., форма *к сестры* вместо *к сестре*.

Для южнорусского наречия характерны еще некоторые особенности, не связанные с отдельными группами, а имеющиеся в разных частях говоров этого наречия: смягчение *к* после мягких согласных (*Ванькя*, *хозяйкю*), что свойственно и говорам вологодско-кировской группы; замена *ф* на *х* или *хв*: *сарахван*, *кохта*, окончание *-ово* в родительном падеже прилагательных и местоимений (особенность, встречающаяся также в некоторых говорах севернорусского наречия); согласование существительных среднего рода с прилагательным в женском: *моя платье*, *большая ведро*.

Среднерусские говоры, занимающие территорию между севернорусским и южнорусским наречиями, характеризуются сочетанием аканья с севернорусскими чертами. По происхождению это в основном севернорусские говоры, утратившие оканье и воспринявшие некоторые особенности южных говоров.

Среди среднерусских говоров выделяется массив псковских говоров (юго-западные районы Ленинградской обл., большая часть Псковской и западная часть Калининской), имеющих северную основу и белорусские наслоения. Он характеризуется сильным яканьем, при котором на месте букв *е* и *я* в слоге перед ударением всегда произносится *а* (*сястра*, *сяло*, *лясок*, *няси*, *тярять* и т. д.). В этих говорах произносят *злый*, *рыю*, *мыю* или *злэй*, *рэю*, *мэю* вместо *злой*, *рою*, *мою*. Распространено цоканье, *ў* вместо *в* (*лаўка*, *дроў*); твор пад. мн. ч. на *-м*: *пойдем за грибам*, *пахали плугам*. Вместо *леса́*, *дома́*, *глаза́* здесь скажут *ле́сы*, *до́мы*, *гла́зы* и т. д.

Остальные среднерусские говоры характеризуются различными сочетаниями севернорусских и южнорусских особенностей в зависимости от того, к каким говорам севернорусского или южнорусского наречия они примыкают.

Западная и восточная подгруппы не разграничены между собой вполне определенно, но все же некоторые диалектные особенности характеризуют каждую из них. Так, в части говоров западной подгруппы распространен особый тип яканья — так называемое ассимилятивно-умеренное, которое нигде больше не распространено на компактной территории. Здесь произносят *ланно*, *онна*, а также *омман*, *оммерил* вместо *ладно*, *одна*, *обман*, *обмерил* и т. п. Распространены формы *в шестым классе* вместо *в шестом* и т. п. Восточную подгруппу характеризуют еканье либо умеренное яканье, произношение *Ванькя*, *чайкём* и т. п., формы местоимений *тея́*, *сея́*, *тее́*, *сее́*.

Проникновение некоторых южнорусских явлений на север и севернорусских на юг происходит и за пределами собственно среднерусских говоров. В частности, во владимирско-поволжской группе наблюдается проникновение значительного числа южнорусских форм. С другой стороны, диалектные единства, выделяемые по одним явлениям, нередко нарушаются другими.

которые характеризуют только часть говоров данного диалекта и при этом могут объединить эти говоры с говорами каких-либо других наречий. Например, западная и отчасти олонецкая группы говоров севернорусского наречия по формам местоимений 3-го лица — *йон*, *йена* и *йено* объединяются с псковской подгруппой и частью других среднерусских говоров, с говорами западной и южной, или орловской, групп южнорусского наречия. Орловская и западная группы южнорусского наречия по признаку твердых губных согласных на конце слова в соответствии с мягкими губными в других говорах и в литературном языке (*сем*, *голуб* вместо *семь*, *голубь*) объединяются с псковской подгруппой и частью западной подгруппы среднерусских говоров и почти со всем севернорусским наречием, исключая владимирско-поволжские говоры и некоторые говоры вологодско-кировской группы.

Во многих случаях диалектные группировки, более обширные в территориальном отношении, заключают в себе мелкие, узко локальные группировки говоров. Одна из таких локальных группировок, так называемый «гдовский остров», находится в северной части распространения псковской группы говоров на территории, примыкающей с северо-востока к Чудскому озеру. Она характеризуется особым типом вокализма, переходного от оканья к аканью (гдовское аканье и яканье). Для «гдовского острова» характерны формы имен. пад. мн. ч. существительных жен. р. на *-йа* (*ямья́*, *постелья́*) и некоторые другие своеобразные особенности. На севере Рязанской обл., в Мещере, также имеется своеобразная группировка говоров.

На стыке западной, тульской и южной групп южнорусского наречия выделяется своеобразная и очень неоднородная территория. В ее пределах находятся говоры Калужского Полесья с закрытым *ô* и *ê* или дифтонгами на месте гласных *о* и *е* (*в͡уоля* или *вôля*, *м͡иера* или *мêра* и т. д.) и сильным растяжением различных безударных гласных. К северо-востоку и востоку от Калужского Полесья существуют говоры, в которых произносят *шяй* вместо *чай*, *куриса* вместо *курица*, как в значительной части говоров южной группы. Во всех этих говорах скажут *ходю*, а не *хожу*, *любю*, а не *люблю*, что также наблюдается в говорах южной группы.

Изучение географического распространения лексических различий показало, что и среди них есть такие, которые могут служить для характеристики наречий и групп говоров, описанных выше. Так, для всего севернорусского наречия характерны слова *зыбка* 'колыбель', *ковш*, *квашня*, *ухват*, *сковородник*, *молотило* или *молотилка* 'цеп', *озимь*, *суягная* и *ягнится* (об овце) и некоторые другие; для южнорусского — слова *ток* 'площадка для молотьбы', *люлька* 'колыбель', *дежа* 'квашня', *корец* 'ковш', *чапельник* или *цапельник*, *чапля*, *чепела* (и другие слова того же корня в значении 'сковородник'), *цеп*, *зелень* или *зеленя* в соответствии северному *озимь*, *котная* или *сукочая* и *окотилась* (об овце). Большое число диалектных различий проявляется в том, что одно и то же понятие передается разными словами, распространенными на множестве микротерриторий.

Большинство окраинных территорий, постепенно заселявшихся русским населением, характеризуется диалектной пестротой. Таковы русские говоры Мордовской АССР, восточной части Пензенской обл., частично Куйбышевской и Саратовской областей. В особых условиях складывались говоры различных групп казачества; в каждой из них более или менее однородный говор в течение веков формировался из разнородных элементов. Так, говоры донских и кубанских казаков явились результатом взаимодействия украинского и русского языков. У уральского казачества сформировался говор на севернорусской основе. Среди русских говоров Сибири, территории сравнительно позднего русского заселения, различаются говоры старожильческие и говоры новоселов. Старожильческие говоры — по типу севернорусские, так как колонизационные волны в Сибирь первоначально шли из

северных европейских областей России. Говоры этого типа распространены в западной, а также в северной части Сибири вдоль старых водных путей. Говоры новоселов, оседавших с середины XIX в. вдоль основного сибирского тракта и на юг от него, отличаются большой пестротой. Это южнорусские и среднерусские говоры, в значительной части сохранившие свои особенности. Особое место занимают говоры алтайских «поляков» (в районе Змеиногорска и Бийска) и «семейских» (в Забайкалье). Особенности заселения Сибири русскими привели к тесному взаимовлиянию как разных русских говоров между собой, так и русских говоров с различными языками местного населения. В результате взаимодействия с неславянскими языками русские говоры в Сибири приобрели некоторые черты, отсутствующие в говорах европейской части. В районах, где общение с неславянским населением было особенно тесным, русские говоры пополнились местными словами, например, *мергень* 'охотник' (в тобольских говорах), *торбаза* 'меховые сапоги' (в Якутской АССР), *шурган* 'метель в степи' (на юго-востоке Сибири) и т. п. Под воздействием остяцких, ненецких, тунгусских, юкагирских и других языков в говорах главным образом на северо-востоке Сибири развилось смешение свистящих и шипящих согласных звуков (*с* : *ш*, *з* : *ж*), «сладкоязычие», заключающееся в том, что вместо *р* и *л* произносится *й*: *гойова*, *йеветь*, а также произношение твердых губных согласных вместо мягких: *мэд. има*, *масо*, *быру*, *пырог*, *выжу* и т. п.

Изучение диалектных различий дает интересный и ценный материал для выяснения этнической истории русского народа, миграционных процессов и явлений, а также проблем культурных взаимовлияний между отдельными народами нашей страны.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве

В дореволюционной России земледелие было основной отраслью хозяйства у русского населения. С начала XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений крепостническое сельское хозяйство России вступает в полосу разложения. По ревизии 1859 г., в России числилось 23 млн. крепостных крестьян, которые находились в собственности 104 тыс. помещиков. В центральных нечерноземных губерниях — Смоленской, Тульской, Тверской— крепостные крестьяне составляли свыше 50% от общего числа населения. В центральных черноземных и южных губерниях — Орловской, Пензенской, Курской, Тамбовской — от 25 до 50%. Кроме того, два миллиона удельных крестьян, т. е. находившихся в собственности царской фамилии, было приписано к дворцовым имениям. Значительную категорию сельского населения составляли государственные, или казенные, крестьяне (16,5 млн. человек). Они преобладали в Сибири, на Севере и в Приуралье.

Для помещичьего хозяйства крепостной эпохи было характерным: наделение крестьян средствами производства и землей, прикрепление крестьян к земле, их личная зависимость от владельца как условие обеспечения помещика рабочими руками, натуральный строй хозяйства и низкое рутинное состояние техники.

В центральных и юго-восточных черноземных губерниях и Поволжье в четырех пятых всех имений крестьяне работали на барщине, так как наличие там плодородных земель, близость рынков сбыта побуждали помещиков

вести собственное хозяйство. В нечерноземной полосе, где помещикам было невыгодно его вести, преобладала оброчная форма повинностей. При обработке помещичьей земли крестьяне пользовались своим инвентарем, поэтому барщинное хозяйство помещиков целиком зависело от крестьянского и почти не отличалось от него по направлению и уровню техники.

Крестьянские наделы были различны по размерам: от 2,5—3 десятин[1] в барщинном черноземном центре[2] и до 5 десятин и более в нечерноземных губерниях, где помещики стремились закрепить за крестьянами больше земли для того, чтобы получить больший оброк. Однако неплодородные почвы нечерноземной полосы не обеспечивали уплаты неуклонно возраставших оброчных сумм. В поисках заработка многие крестьяне уходили в города, на фабрики или занимались кустарными промыслами на месте.

Крестьянские и помещичьи пахотные земли были расположены чересполосно, что обусловливало «принудительный севооборот», т. е. посев одних и тех же культур. В совместном пользовании крестьян и помещиков находились выгоны и луга (кроме заливных, которыми пользовались только помещики). Лесом обычно владел помещик.

Крестьянская земля, как правило, находилась в пользовании крестьянской общины и распределялась между хозяйствами по числу тягловых душ, поровну на каждую. Все крестьянские повинности определялись тяглом, которое несли мужчины с 17 до 55 лет и женщины от замужества до 50 лет. Чтобы увеличить «доходность» хозяйства, помещики часто записывали в тягло даже малолетних и стариков. Крестьяне несли повинности «всем миром» и отвечали за их выполнение круговой порукой. Поэтому общины в XIX в. стремились к тому, чтобы отдельные хозяйства находились на определенном экономическом уровне, и систематически проводили земельные переделы на началах «уравнительности». Обычно в эти переделы и переверстки вмешивался и помещик.

Рост товарно-денежных отношений в стране толкал помещиков на улучшение техники сельского хозяйства, повышение производительности крепостного труда. Помещики стремились к замене экстенсивного хозяйства своих имений интенсивным, вводили плодосменные системы, травосеяние и т. п. Пропаганде интенсивных методов ведения хозяйства уделяло внимание Вольное Экономическое общество в Петербурге и Московское Общество сельского хозяйства.

Однако подобные усовершенствования в условиях крепостного хозяйства были обречены, как правило, на неудачу.

Сельскохозяйственный всероссийский рынок втягивал крепостное хозяйство в товарное производство. «Производство хлеба помещиками на продажу,—писал В. И. Ленин,— особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима»[3]. В середине XIX в. 90% всего хлеба, поступавшего на рынок, поставляли помещики и около 10% — крестьяне.

Наиболее быстро капитализировались хозяйства южных черноземных губерний. С начала XIX в. они становятся основными районами зернового производства. Площади, занятые зерновыми культурами, за первую половину XIX в. увеличились здесь более чем в четыре-шесть раз, в то время как в старых земледельческих районах и нечерноземной полосе оставались стабильными.

Крепостное хозяйство, все более вовлекаемое в рыночный товарооборот, не могло по самой сущности своей приспособиться к рынку и превратиться в товарное хозяйство.

---

[1] Десятина равна 1,1 гектара.

[2] Здесь помещики иногда вовсе отбирали у крестьян землю и переводили их на «месячину» — натуральную оплату, превращая крепостных в рабов.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

Под давлением ширившегося революционного движения царское правительство, ослабленное вдобавок военным поражением в Крымской войне, вынуждено было в 1861 г. отменить крепостное право. При осуществлении этой реформы правительство прежде всего заботилось о соблюдении интересов помещичьего класса. Крестьяне получили нищенские наделы земли, за которые должны были выплачивать помещикам огромные суммы. Для нечерноземной и черноземной полос устанавливался высший надел от 2,75 до 8 десятин, размер которого был различным по разным губерниям и уездам, и низший, составляющий одну треть высшего. Для степной полосы «указной» надел равнялся 6—12 десятинам. Помещик мог отрезать у крестьян землю, если участок, которым они пользовались, превышал высший надел, или должен был прирезать землю, если эти участки были меньше. Однако он мог дать крестьянам и меньше указной нормы, если у него оставалось менее трети всех угодий, или выделить бесплатно одну четверть низшего надела, так называемый дарственный надел. В черноземных губерниях крестьянские наделы после реформы уменьшились более чем на 25%; в Саратовской и Самарской губерниях, где широко применялся дарственный надел,— более чем на 40%. Во многих нечерноземных губерниях крестьянские наделы увеличились, так как помещикам было выгоднее продать землю, чем вести на ней собственное хозяйство.

До окончательной уплаты всех выкупных платежей крестьяне оставались «временнообязанными» и за пользование землей должны были нести повинности в виде барщины или оброка; таким образом, крепостные отношения оставались в силе. По «добровольному» соглашению с помещиками крестьяне могли сразу выкупать землю (по цене, значительно выше продажной), и тогда они становились «крестьянами-собственниками». Далеко не все крестьяне имели средства, чтобы выкупить землю, поэтому и через 20 лет после реформы (в 1881 г.), когда переход на выкуп сделался обязательным, 15% крестьян еще оставались временнообязанными.

На основании Положения 19 февраля 1861 г. было проведено землеустройство и других категорий крестьян. Удельные крестьяне получили в собственность с обязательным выкупом по 4,2 десятины на душу, но и у них были произведены значительные отрезки [1]. Государственные крестьяне получили по 5,7 десятины земли на душу за оброчную подать, которая в 1886 г. была превращена в выкупные платежи.

Обманутые в своих ожиданиях, не получившие фактически ни «воли», ни земли крестьяне ответили на реформу массовыми выступлениями, которые жестоко подавлялись властями.

Реформа 1861 г. застала русское сельское хозяйство на низкой ступени развития; 97% посевной площади занимали зерновые хлеба (36% — рожь, 17% — пшеница, 18% — овес, 7% — ячмень, остальные — гречиха, просо и пр.). После реформы развитие земледелия по капиталистическому пути сочеталось с сохранявшимися крепостническими пережитками в деревне.

Развитие капитализма в деревне проходило неравномерно. Ускоренными темпами этот процесс проходил по-прежнему в южных и юго-восточных районах, где в помещичьих и крестьянских хозяйствах применялись вольнонаемный труд и машины и развивались отрасли товарного направления. Особенно увеличивались в этих хозяйствах посевы экспортных культур — пшеницы и ячменя; довольно быстро капиталистическое развитие сельского хозяйства проходило в промышленных губерниях (Московской, Ярославской и др.). Наиболее медленно указанный процесс шел в черноземном центре, Среднем Поволжье и некоторых нечерноземных губерниях, где сильнее сохранялись пережитки крепостничества в виде отработочной системы (особенно в Уфимской, Сим-

[1] Общей площадью более 100 тыс. десятин.

бирской, Самарской, Тамбовской, Пензенской, Орловской, Курской, Рязанской, Тульской, Казанской, Нижегородской, Псковской, Новгородской, Костромской, Тверской, Владимирской, Черниговской губерниях [1]. Эти губернии поставляли главным образом серые хлеба (рожь, овес) на внутренний рынок. Помещики здесь по-прежнему использовали в своем хозяйстве крестьянский труд, крестьянский сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот. Крестьяне, стесненные уменьшением наделов и «отрезками» земли, вынуждены были арендовать эти отрезки на кабальных условиях за отработку, что было по существу продолжением барщины. Постепенно отработки заменялись наймом рабочих, обрабатывавших землю инвентарем владельца. Отработки и наем рабочих часто переплетались и применялись одновременно в одних и тех же хозяйствах.

В конце XIX в. общая площадь арендуемой крестьянами земли по России составляла 20% их надела, а в некоторых губерниях, например в Саратовской и Самарской, доходила почти до 50%. «...Если в чисто русских губерниях,— отмечал В. И. Ленин,— преобладают отработки, то вообще по Евр. России капиталистическая система помещичьего хозяйства должна быть признана в настоящее время преобладающей» [2].

В результате развития капитализма к началу XX в. резко увеличилась сельскохозяйственная продукция и интенсификация производства, что, в частности, выразилось в росте посевных площадей, занятых техническими культурами, корнеплодами, травами, требующими значительно большего вложения капитала, чем зерновые хлеба. Возросла товарность сельского хозяйства и его «экспортность». Почти весь хлебный экспорт страны монополизировали крупные хлеботорговые компании. Развились специальные виды крестьянской кооперации по переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов. С 900-х годов экспортная торговля России (особенно хлебом, яйцами, маслом) стала подпадать под влияние банковского иностранного капитала. В XX в. иностранный капитал держал в своих руках экспорт многих сельскохозяйственных продуктов, особенно тех из них, которые требовали крупных капитальных вложений в оборудование складского хозяйства, транспорта и пр.

Важнейшим последствием развития капиталистических отношений в деревне было усиленное «раскрестьянивание», расслоение крестьян внутри общины. Принцип уравнительности становился все менее характерным для русской деревни, которая все более расслаивалась на кулаков — капитализирующуюся верхушку, и бедноту — класс наемных рабочих с наделом [3].

Анализируя земско-статистические данные по различным губерниям Европейской России, В. И. Ленин показал, что они говорят о разложении крестьян. В 80-х годах XIX в. 20% всех крестьянских дворов сосредоточивало в своих руках от 29 до 34,1% надельной земли, от 59,7 до 99% всей «купчей» земли и 49,2—83,7% арендованной, от 38 до 62% рабочего скота и от 70,1 до 86,1% улучшенных сельскохозяйственных орудий [4]. Разоряющиеся крестьяне, продавая свою рабочую силу, поступали в батраки на месте или шли в отход. В конце XIX в. более 6 млн. крестьян были заняты отхожими промыслами. В некоторых селениях нечерноземных губерний (Калужской, Костромской, Ярославской, Тверской и др.) взрослое мужское население уходило на заработки, а дома оставались только женщины, старики и дети. Отходники шли в промышленные районы, в Петербург, в Москву и в промышленные губернии,

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 133.
[2] Там же, т. 3, стр. 191.
[3] См. там же, стр. 165.
[4] См. там же, стр. 122—123. Выборка сделана из таблицы А (без Таврической губ.).

на сельскохозяйственные работы в районы, где в сельском хозяйстве интенсивно развивались капиталистические отношения, на портовые работы, на разработку торфа, рыбные промыслы, транспортные, главным образом железнодорожные работы, на вырубку и сплав леса и др.[1] Наибольшее число земледельческих рабочих шло на южные и восточные окраины страны. Здесь создались целые рынки рабочей силы, куда съезжались наниматели и собирались рабочие из числа наиболее бедных крестьян Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской губерний. В черноземные губернии приходили земледельческие рабочие из северных областей, так как плата за труд здесь была выше, чем в северных губерниях. Из среднечерноземных и отчасти северных губерний отходники шли в район торгового скотоводства: Московскую, Петербургскую, Ярославскую, Владимирскую и отчасти Новгородскую и Нижегородскую губернии. Многие крестьяне забрасывали наделы и уходили на постоянную работу в города, большое число крестьян переселялось в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Расслоение крестьянства обостряло борьбу в деревне, ярко проявившуюся в период революции 1905 г. После подавления революции царское правительство начинает проводить новую аграрную политику. Оно стремится разрешить аграрный вопрос, сущность которого состояла в остром противоречии между капиталистическим развитием сельского хозяйства и полуфеодальной формой помещичьего и крестьянско-надельного землевладения. Правительство переходит от политики сохранения полуфеодального строя деревни — общинного землевладения, сословной обособленности крестьян, неотчуждаемости надельных земель — к политике насильственной ломки общины, насаждению крепкого кулацкого хозяйства и частной собственности на землю, от стеснения крестьянских переселений — к их форсированию. Этим самым правительство рассчитывало расширить свою социальную базу (опора на «крепкого» мужика), оградить себя от дальнейших революционных выступлений, приспособиться к буржуазному развитию страны. Стремясь «успокоить» крестьян, требовавших земли, царское правительство принимает ряд «чрезвычайных» законов: были отменены выкупные платежи (1905 г.), фактически уже выплаченные крестьянами к этому времени, расширена деятельность Крестьянского банка, введены новые правила землеустройства и т. п. 9 ноября 1906 г. председатель совета министров П. А. Столыпин провел указ о свободном выходе крестьян из общины и закреплении в личную собственность надельной земли.

По столыпинскому указу, крестьяне единолично или целыми обществами могли выделиться из общины, которая должна была предоставить им землю в одном месте (хутор или отруб). «Третья Дума и столыпинская аграрная политика,— указывал В. И. Ленин,— есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками»[2]. Она была обусловлена тем, что деревня в России развивалась капиталистически, внутри ее складывались элементы, «...с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!»[3]

Сословное дворянское землевладение постепенно заменялось капиталистическим — купеческим и частно-кулацким. За 1861—1906 гг. дворяне продали 26 млн. десятин земли. В то же время экономически сильные группы дворян не продавали, а скупали землю и организовывали хозяйство на капиталистических началах. После 1906 г. процесс расслое-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 587—588.
[2] Там же, т. 20, стр. 178.
[3] Там же, т. 17, стр. 274.

ния крестьян пошел еще быстрее. За 1907—1915 гг. около 2,5 млн. крестьян вышли из общины и закрепили за собой почти 17 млн. десятин земли. За это же время около 1,2 млн. крестьян продали свою землю. Несмотря на все эти изменения, земля по-прежнему находилась в руках небольшого числа лиц: 30 тыс. владельцев имели 70 млн. десятин земли, а 10,5 млн. крестьян — 75 млн. десятин.

В ходе осуществления столыпинской реформы значительно увеличивается переселенческое движение в Сибирь, Степной край и Среднюю Азию, особенно из малоземельных центральных черноземных губерний [1].

«И эти «слабые» пасынки земельной политики,— отмечает В. И. Ленин,— ...целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах...» [2]. «Претерпевая такие мытарства по пути, «в землю обетованную», беднейшие переселенцы не находят счастья и в Сибири» [3]. Процент переселенцев, вернувшихся назад, все время увеличивался, и в голодный 1911 г. достиг 64%.

Переселенцы оседали главным образом в южных уездах Тобольской и Томской губерний, в Акмолинской и Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Уральской областях.

В Западной Сибири за 1906—1915 гг. было освоено около 30 млн. новых земель. Здесь были особенно сильно развиты кулацкие старожильческие хозяйства, которые широко применяли наемный труд и сельскохозяйственные машины. Потребление сельскохозяйственных машин и число лошадей в этих хозяйствах было бо́льшим, чем в Европейской России. На одно хозяйство в Сибири приходилось 2,25 сельскохозяйственного орудия, а в Европейской России — 1,8.

Февральская революция всколыхнула в крестьянстве давние надежды на получение помещичьей земли. Временное правительство, стремясь прекратить крестьянское движение, учредило 21 апреля 1917 г. Главный и местные земельные комитеты по разработке земельного закона для Учредительного собрания. Комитеты исходили из старых столыпинских законов и являлись органами защиты помещичьих интересов. К концу лета того же года, когда широкие слои крестьянства убедились в бесплодности своих надежд, начались открытые выступления крестьян против помещиков — разгром и поджоги усадеб, раздел скота, инвентаря, своз урожая.

Разложение общинного землепользования

После реформы 1861 г. в русской деревне были сохранены общинные порядки землепользования, с помощью которых царское правительство рассчитывало держать крестьян в повиновении. Сельские общины подразделялись на «простые», состоявшие из жителей одного селения, «составные», или «сложные», в которые входили крестьяне нескольких селений, и «раздельные». «Раздельными» назывались общины в том случае, если в одном селении находилось две или несколько общин, или миров [4].

Для поземельной общины великорусского типа были характерны: система открытых полей, принудительный севооборот, нераздельные леса и пастбища, общинный выпас скота и периодические уравнительные переделы земли. Пореформенная поземельная община сохраняла право распоряжения землей, право передела общинной земли и была связана круговой порукой в отбывании податей и повинностей (отмененной только в 1906 г.).

---

[1] Переселения крестьян по плану Столыпина должны были отвлечь безземельные массы от революционных выступлений и содействовать созданию на окраинах государства «крепкого» хуторского хозяйства.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 333.

[3] Там же.

[4] Существование «раздельных» общин объяснялось тем, что нередко крестьяне одного и того же селения принадлежали ранее разным помещикам или ведомствам.

11 Заказ № 888

Каждое крестьянское общество имело право заменить общинное пользование наследственно-подворным, а отдельный общинник мог после уплаты выкупных земельных платежей выйти из общины.

Бурное развитие капитализма в России разрушало общинный строй русской деревни. Во второй половине XIX — начале XX в. вокруг общины разгорелась острая политическая борьба. Буржуазные либералы отвергали общину как препятствие на пути капиталистического развития России. Народники идеализировали ее, рассматривая общину как зародыш социализма. Их взгляды были опровергнуты Г. В. Плехановым и В. И. Лениным, которые показали, что не формы землевладения определяют переход к тому или иному общественному способу производства, а способ производства создает соответствующие ему формы владения землей [1].

«Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения общины,— указывал В. И. Ленин,— которым всегда грешили народники» [2]. Народничество,— говорил В. И. Ленин,—«усматривает «главный пункт»— в таких не играющих коренной роли юридических институтах, как формы крестьянского земле*владения*...» [3] С формами землевладения крестьян непростительно смешивали «форму экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чисто буржуазное разложение крестьянства» [4].

Правящие круги России в это время еще считали политически важным предохранить общину от разложения. С этой целью в 1893 г. было отменено право свободного выхода из общины и ограничены сроки земельных переделов.

Между тем разложение общины сказалось прежде всего в затухании общинно-передельной практики. После 1861 г. промежутки между переделами земли в общинах все более удлинялись, а не менее половины всех общин вообще не производили переделов с 1861 по 1911 г.

Вопрос о переделе земли решался сельским сходом, состоявшим из глав семей или лиц их замещавших. Пахотную землю переделяли различным образом, в зависимости от экономических условий жизни крестьян. Там, где земля была плодородной, разверстка ее производилась по числу наличных душ мужского пола; там же, где земля не приносила необходимого дохода и становилась бременем, она распределялась по числу работников в семье (тяглам). Помимо тягольной и подушной систем разверстки, применялись также смешанные и дробные системы. На женщин обычно земли не давали, и только в редких случаях они получали часть надела.

При переделе каждое из полей принятого севооборота разбивалось на участки по качеству земли (*ярусы*, *коны*, *трети*, *загоны*, *лоскуты*). Затем участки делились на паи, соответствующие известному числу членов общины, которые разверстывались по жребию. При жеребьевке земли применялись *жеребья* — палочки, монеты, камушки с определенной метой домохозяина. Там, где во владении общины находился лес, ежегодно делился определенный участок его на тех же основаниях, что и земля. Поля и коны разделялись *межниками* — полосами невспаханной земли, а участки отдельных домохозяев — межами и бороздами. Эти пограничные линии отнимали до 15—20% пахотной земли.

В результате переделов и дробления участков (при семейных разделах) в крестьянских хозяйствах господствовала чересполосица, и земель-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 333, 380, 386; Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II. М., 1956, стр. 115—370.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 386.
[3] Там же, стр. 380.
[4] Там же, стр. 333.

ные полосы были сплошь и рядом карликовых размеров. Наибольшая раздробленность была характерна для северных районов, где в среднем на двор приходилось 40—60 полос, в то время как в центральных губерниях — 20—40 полос, а в южных — около 10. Некоторые общины при переделах «равняли» только качество земли, не меняя величины участка, приходящегося на каждый двор; в части общин практиковались только частичные переделы. «Передельная» община сильнее всего удерживалась в центральных земледельческих и средневолжских губерниях, где четыре пятых общин практиковали общие переделы.

По словам одного из исследователей, «Передельная община весьма хорошо уживается в районе наиболее экстенсивного крестьянского хозяйства. Наиболее жизненные ее формы географически совпадают с районом наиболее частых голодовок»[1]. Чем интенсивнее и доходнее было крестьянское хозяйство, чем ближе оно было к рынку, тем более замирала в этом районе общинно-передельная практика и развивалось землевладение на основе семейно-участкового права.

В ходе проведения столыпинской реформы в некоторых районах распространения подворного владения землей в рамках общины (Петербургская, Псковская, Смоленская, Самарская губернии) происходило разверстание целых общин на хутора. Наибольшее число выходов из общины наблюдалось в губерниях Самарской, Орловской, Курской, Московской, Псковской, Калужской, Смоленской. Выдел отдельных дворов был характерен также для губерний Пензенской, Симбирской, Саратовской, Ставропольской и др.

Столыпинская реформа еще более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Усилилась классовая борьба в деревне. Борясь против столыпинского землеустройства, крестьяне выступали не за общину, а против грабежа кулаками общинных земель. В конце XIX в. в общинном владении находилось 80%, в подворном — 20% всей надельной земли, а к 1911 г.— 38% крестьянского населения считались «общинниками» и 62%—«подворниками». Столыпинское землеустройство поколебало общинные устои и ускорило развитие капиталистических отношений в деревне. Однако эта реформа не обеспечила буржуазной эволюции деревни, так как сохранила экономическую основу крепостнических пережитков — помещичье землевладение. Малоземелье по-прежнему заставляло крестьян арендовать землю у помещиков и кулаков за отработки, что до крайности обостряло противоречия в деревне и расширяло фронт классовой борьбы в стране.

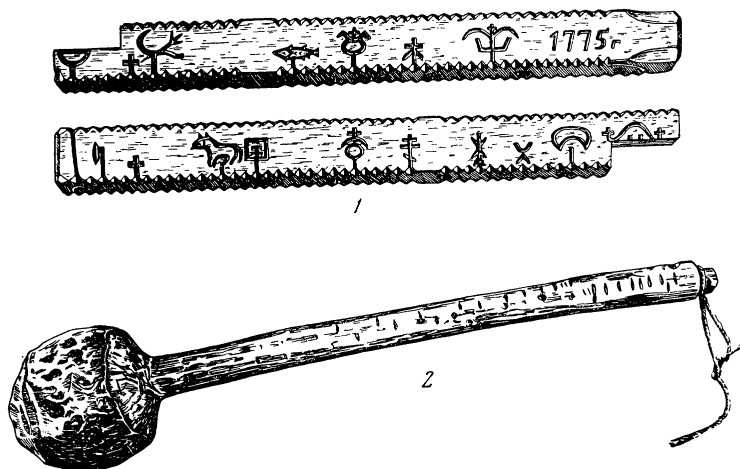
Последовательность сельскохозяйственных работ, народный календарь и народная метрология

Весь распорядок крестьянской жизни был определен земледельческими работами, длившимися с апреля по октябрь. В остальное время крестьяне обрабатывали сельскохозяйственные продукты и готовились к новому хозяйственному году, что обусловливало своего рода цикличность, «круговорот» крестьянской жизни. Эта последовательность для Тульской губернии, например, была следующей: в январе крестьяне молотили хлеб, выделывали пеньку, перевозили сено с лугов домой. В феврале эти работы заканчивались, и отходники отправлялись на промыслы. В марте осматривали и чинили сельскохозяйственные орудия и телеги. В апреле крестьяне молотили семенной яровой хлеб и пахали землю под яровое, а в конце месяца сеяли горох, пшеницу, овес. В мае они продолжали сев (овса, конопли, льна, проса, ячменя) и производили огородные работы; в июне сеяли гречиху и поздний ячмень, вывозили навоз на паровое поле, которое запахивалось. В конце месяца сеяли репу и готовились к сенокосу. В июле, после

[1] А. Е. Лосицкий. Распадение общины. СПб., 1912, стр. 10.

сенокоса, крестьяне начинали двоение и боронование парового клина и уборку ржи и льна. В августе молотили хлеб на семена, сеяли озимые, убирали ячмень, пшеницу, овес, гречиху. В сентябре завершали сев озимого, выбирали и обмолачивали коноплю, затопляли пеньку и начинали молотьбу хлеба, обработку льна и уборку огородных культур.

В октябре крестьяне сушили и обрабатывали пеньку, производили пахоту под зябь и заготовляли дрова. В ноябре и декабре главным образом молотили хлеб, перевозили дрова и заканчивали выделку пеньки.



Предметы крестьянского обихода XIX в.

1 — деревянный резной календарь (Тобольская губ.); 2 — деревянный безмен (Олонецкая губ., 1899 г.)

В декабре крестьяне изготовляли сельскохозяйственные орудия. Аналогичная цикличность работ, лишь несколько видоизмененная по климатическим зонам, была характерна и для крестьянского населения других губерний.

При ведении хозяйства крестьяне использовали вековой опыт многих поколений, благодаря чему они выработали целесообразные формы хозяйственной деятельности и вывели разнообразные сорта полевых и огородных культур, а также домашних животных и птицы. Этот опыт нашел свое отражение в пословицах и поговорках. Русский публицист А. Н. Энгельгардт писал: «Часто, слыша мужицкие поговорки, пословицы, относящиеся до земледелия и скотоводства, я думаю, какой бы великолепный курс агрономии вышел, если бы кто-нибудь, практически изучавший хозяйство, взяв пословицы за темы для глав, написал к ним научные физико-физиологохимические объяснения»[1].

Большое значение в жизни русских крестьян имел народный сельскохозяйственный календарь, который на основании наблюдений крестьян над ежегодно повторяющимися явлениями природы давал многочисленные практические указания относительно сроков различных работ, состояния погоды и видов на урожай. Народный календарь был устным. Знатоки его, главным образом старики, пользовались большим уважением крестьян. В календаре в основном правильно фиксировались факты, однако нередко они дополнялись советами, основанными на ошибочных и суеверных представлениях.

---

[1] А. Н. Энгельгардт. Из деревни. М., 1960, стр. 264.

Народные приметы и рекомендации были большей частью приурочены к датам христианского календаря. В средней России считалось, например, необходимым «До Петрова дня — взорать пары, до Ильина — заборонить, до Спаса — посеять». Чтобы легче было руководствоваться календарем в производственной жизни, крестьяне давали «святым» соответствующие прозвища. Например, 8 мая — день празднования «святого» Иоанна — назывался Иваном-пшеничником, так как к этому дню приурочивался сев пшеницы, 16 мая назывался Федором-житником (сев ячменя), а 18 мая — Федотом-овсяником (сев овса) и т. д. Для вычисления времени имелись деревянные резные календари, бытовавшие в XIX в. еще на севере и в Сибири. Они представляли собой длинный четырехгранный (реже трех или шестигранный) брусок, на который были нанесены месяцы и числа. Наиболее важные даты выделялись рисунком или условным знаком — крестом, буквой и пр. Например, 18 января — день Афанасия ломоноса («Пришел Афанасий ломонос — береги щеки и нос») — был изображен санями, так как к этому времени устанавливался хороший санный путь, 1 мая — день Еремы запрягальника, считавшийся началом пахоты — изображениями сохи, сошника или буквы «И»; 29 июня — день Петра и Павла, «покровителей» рыбаков — изображением рыбы, 18 августа — день Флора и Лавра — «покровителей» домашних животных, особенно лошадей — обозначался лошадью, а иногда и серпом, так как в некоторых местах к этому времени начинали жать хлеб, и т. д.

Крестьяне пристально следили за окружающей природой, стремясь по отдельным явлениям предугадать характер предстоящей погоды. О погоде судили, например, по изменению прозрачности и звукопроницаемости воздуха, что зависит от насыщенности его влагой. Отсюда возникали приметы — к ясной погоде видно много звезд на небе, а в лесу далеко слышно эхо. Благоприятное время для сева определяли по различным природным явлениям и состоянию животного и растительного мира. Если весною дружно таял снег, считали, что яровые хлеба нужно сеять рано. На основании прилета птиц, появления насекомых, времени цветения различных растений и т. д. устанавливали сначала время сева вообще, а затем и отдельных культур («Всяко семя знает свое время». «День упустишь, годом не наверстаешь» — говорит народная мудрость). Хорошо были изучены свойства ветров, от которых в значительной степени зависела погода; отсюда пошли специфические названия ветров, например: *мокрик* (западный и юго-западный), *заморозник* или *рекостав* (северо-восточный), *зимняк* (восточный).

Вековой опыт отразился также в том, что разные сельскохозяйственные работы были приурочены к определенным дням. Многие трудовые процессы сопровождались обрядами. Некоторые из них (например новогодние, масляничные, пасхальные, семицкие, троицкие, купальские и др.), по представлению крестьян, обеспечивали хороший урожай. Аграрная обрядность сохраняла много дохристианских элементов. В отдельных местах Сибири удерживался земледельческий характер масляничной обрядности. Так, у русского населения Приангарья масляничное катание на лошадях сопровождалось инсценировкой всех земледельческих работ (пахоты, сева, бороньбы, мятья льна и т. д.).

В процессе многовековой хозяйственной деятельности русским крестьянством была выработана целая метрологическая система, необходимая для вычисления земельных площадей, определения жидких и сыпучих тел и т. п. При определении и вычислении площадей крестьяне употребляли в различных районах свои собственные меры, которые потом уже переводили на общепринятые: мерную веревку различной длины (*вервие*), межевой кол, шест и ступню (*лапоть*).

Старой мерой определения земельных площадей была также *обжа* (сошные оглобли), равная площади, которую человек с лошадью мог вспахать

за один рабочий день[1]; *гоном* определялось расстояние, которое лошадь в сохе проходит без передышки, а также длина пашенной полосы или протяженность покоса, проходимого косцом без отдыха[2]. Помимо этого, земля измерялась *четвертями* (четверть — площадь, засеваемая четвертью зерна) и *десятинами* (2400 квадратных саженей).

Старыми русскими мерами длины были *пядь*, *локоть*, *сажень*. Упомянутые меры встречались и у других народов. В основе их лежал антропометрический принцип. Старыми мерами жидких и сыпучих тел были кадь, бочка, ведро, крынки, чаши. Кроме того, мерой зернового хлеба, соли и других продуктов служили мешок и рогожный куль.

В случаях необходимости вести счет часто употреблялись деревянные бирки (палки), на которых делались зарубки, соответствующие числу счетных единиц (линейная зарубка обозначала единицу, крест — десяток). Эти палки разрезались пополам таким образом, что, когда заинтересованные лица складывали половины вместе, зарубки на них совпадали.

Существенным отличием русской народной метрологии от древнегреческой, римской или византийской и западноевропейской является принцип последовательного деления на два, когда меньшие меры получаются путем деления большей на два, на четыре и на восемь. Даже более новая мера — аршин — подразделялась на четверти. Практически эта система мер была наиболее удобной, так как при измерении, например земли веревкой, ее последовательно складывали пополам. Народные меры частично вошли в официально принятую дореволюционную систему мер.

Системы земледелия

В середине XIX в. в России применялись паровая, лесопольная и залежная системы земледелия. Наиболее распространенной была паровая система, которую применяло две трети сельского населения страны. Чаще всего при этой системе употребляли трехпольный севооборот. Землю делили на три поля и в них соблюдали следующее чередование: пар, озимые хлеба (рожь, реже пшеница), яровые (овес, ячмень, реже просо, рожь-ярица, пшеница). В связи с развитием капитализма и ростом торгового земледелия происходила ломка паровой системы путем введения в севооборот огородных, масличных, кормовых культур и многолетних трав и применения вместо черного занятого пара, на котором сеяли травы — клевер, вико-овсяную смесь или рано созревающие культуры. Этот процесс быстрее проходил в крупных помещичьих и кулацких хозяйствах. Постепенно в него втягивались хозяйства крестьян, но в бедняцких хозяйствах из-за нехватки земли происходил упадок даже трехполья, нарушалось чередование культур, уменьшались площади под паром. Иногда попеременно паровали только два поля и на них сеяли озимь, а третье поле пахали из года в год под яровые. В некоторых местах землю делили не на три, а на два поля, а чередование посевов вели по трехпольной системе. Погоня за наибольшей прибылью способствовала распространению так называемой вольной системы, при которой выращивались одни и те же культуры, пользовавшиеся особым спросом, что приводило при отсутствии минеральных удобрений к истощению почвы.

Лесопольная, или подсечно-огневая система применялась в северных лесистых районах страны (в Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниях и отдельных уездах Новгородской, Костромской, Вятской и Пермской губерний). После вырубки и сжигания леса, чаще всего крупного, участки использовались под посев до полного истощения почвы, после чего они вновь запускались под лес. Такие пашни назывались *огнища*, *палы*, *новины*, *подсеки*. Лес вырубали обычно весной. На эту работу шли целыми

[1] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 581.
[2] Там же, т. I, стр. 374—375.

семьями. Следующей весной сжигали срубленный лес и сразу по гари сеяли в северных губерниях ячмень или репу, в более южных — рожь, озимую и ярицу и даже яровую пшеницу. С капитализацией сельского хозяйства эта система во многих местах заменялась паровой (двуполье и трехполье).

Залежная система применялась главным образом в Уфимской, Оренбургской, Самарской, Ставропольской, Астраханской, частично Екатеринославской губерниях, а также в областях Уральской, Терской, Кубанской и Войска Донского. Земля использовалась под посев несколько лет, а затем некоторое время служила пастбищем или сенокосом и называлась *перелогом*, а при более длительном сроке пустования — *залежью*. За это время под влиянием природных факторов восстанавливалось плодородие почвы, после чего на участке вновь сеяли хлеб.

После 1861 г. стала быстро возрастать распашка степных залежных земель. В 80-х годах XIX в. большинство помещиков в районе залежного хозяйства перешло к краткосрочной залежи (5—6 лет вместо 12—25). Залежная система превращалась в многопольно-травяную или в улучшенную зерновую. Наряду с залежной системой в некоторых местах стала применяться залежно-паровая, вводились органические удобрения, встречались опыты плодосмена (чередование культур). Травосеяние стимулировалось развитием в этих местах скотоводства, особенно тонкорунного овцеводства.

В Сибири преобладали различные виды залежной системы земледелия без правильного чередования культур и применения удобрений. В Западной Сибири в связи с развитием товарного животноводства большое значение приобрело травосеяние.

Обработка и удобрение пашни

Пахота под яровой хлеб начиналась раннею весною, как только сходил снег и земля немного просыхала. После посева яровых хлебов приступали к пахоте под озимые. Считали, что «когда рябина зацветает, тогда и пар пахать»; «когда рожь на колос выметывается — пар пахать время». Обычно под озимые пахали два раза — в июне производили взмет пара и боронование, а в начале августа снова пахали, сеяли и заделывали семена *бороной* или *сохой*.

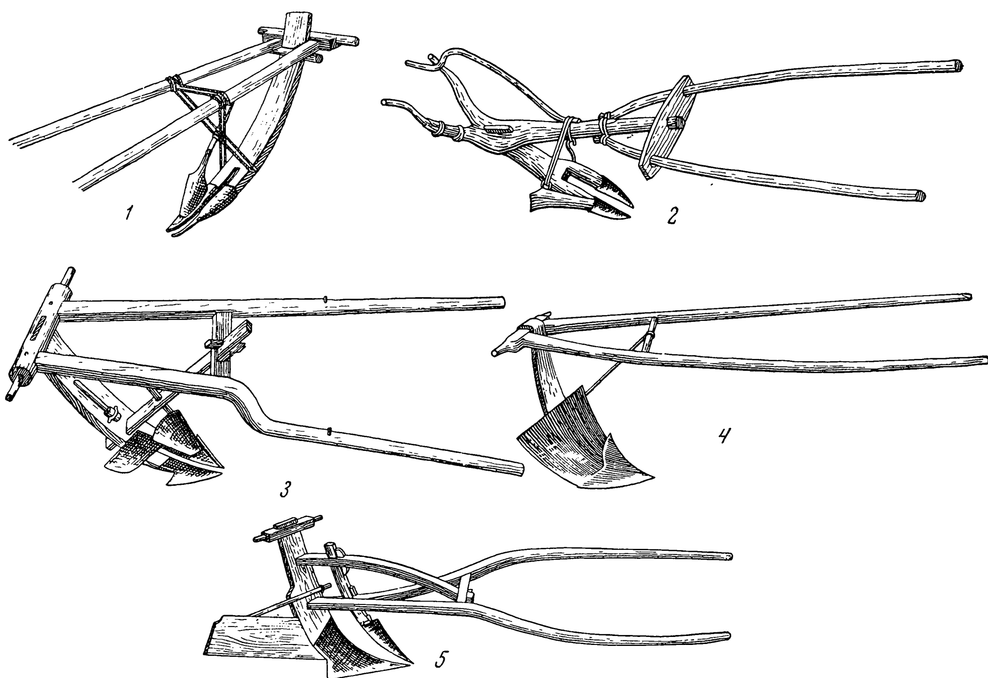
Основным пахотным орудием у русских крестьян в XIX в. была соха. Она преобладала во всей нечерноземной полосе, на севере и северо-востоке черноземной полосы; на всей остальной территории Европейской России бытовали плуги и рала. В зажиточных крестьянских хозяйствах встречались более усовершенствованные орудия заводского производства, а в помещичьих имениях — орудия заграничных фирм.

Соха — легкое орудие с высоким (на уровне рукояток) прикреплением тяговой силы[1]. Она неглубоко пахала землю и была удобна на узких крестьянских полосах, особенно в лесной зоне, на легких лесных почвах, покрытых валунами и содержащих (при подсечной системе) много пней и корней. Сохи, как, впрочем, и плуги, отличались большим разнообразием конструкций, что объяснялось различием природных, климатических и почвенных условий и этническими традициями населения. Эти традиции проявлялись главным образом в разнообразии отдельных деталей орудий, расположении их, материале и т. д.

В XVIII—XIX вв. у русских крестьян преобладала двузубая перовая соха-двухсторонка с перекладной *полицей*. Она «собиралась» из дерева самими крестьянами, а железные сошники и полицу (самая дорогая часть орудия) выковывали сельские кузнецы. Остов сохи состоял из *рогаля*, *рассохи* и *подвоя*. На *ноги* рассохи надевали железные сошники. Полица —железная или деревянная лопатка для отваливания земли — привязывалась

---

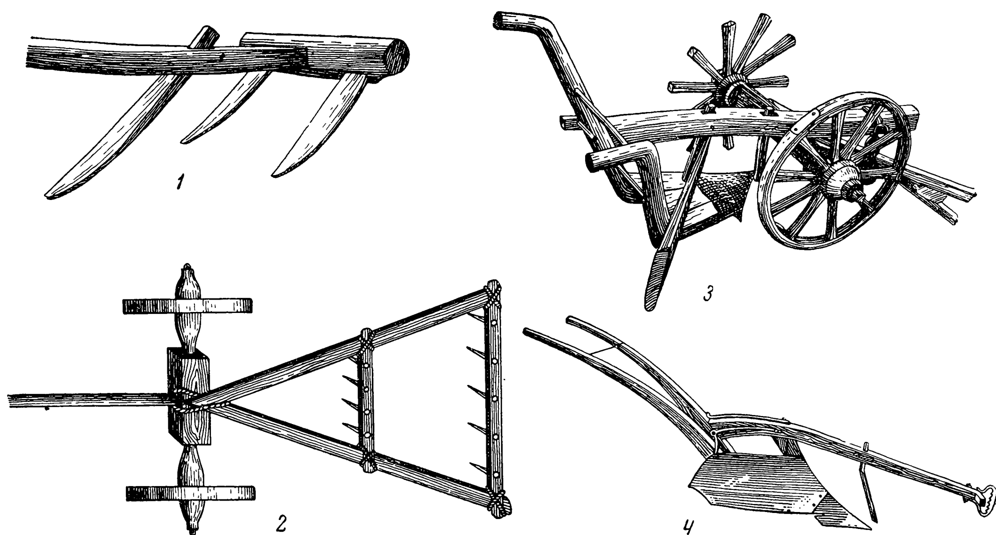
[1] Место (уровень) прикрепления тяговой силы является существенным признаком в классификации пахотных орудий.



Сохи и косули:

1 — соха-двухсторонка коловая, *2* — соха-двухсторонка коловая (западные губернии), *3*— соха-односторонка с брылой (Вятская губ., 1889 г.), *4* — «курашимка» — одноральная усовершенствованная соха (Пермская губ., 1884 г.), *5* — ярославская косуля (Ярославская губ., 1853 г.)

за ручку к подвою и свободно перекладывалась с одного сошника на другой. В северных областях бытовала коловая соха, у которой рассоха была поставлена более прямо, а перо у сошников было небольшим или отсутствовало совсем. При лесном перелоге и на каменистой почве с валунами применяли двузубые сохи без полицы. На северо-востоке Европейской России и в Сибири, кроме сохи-двухсторонки, была распространена соха односторонка (*косуля*) с неподвижной полицей. На сошнике такой сохи имелось перо с загибом — *брылой*, служащим резцом. Такая соха характерна для удмуртов, и бытование ее у русских говорит о культурных связях между соседними народами. Сохи с брылой (с некоторым видоизменением) получили широкое распространение и у русского населения Сибири. Более редкими у русских были однозубые сохи, с одним сошником, имевшие то же устройство, что и сохи двузубые. В конце XIX в. на Урале, в Пермской, Вятской и соседних губерниях распространились усовершенствованные однозубые сохи односторонки — *лемехи*, *чегандинки*, *курашимки* и др., созданные уральскими кузнецами (Ф. Липатов, Ф. Алипов и др.). Эти сохи пахали глубже двузубых, лучше уничтожали сорные травы, шире захватывали и мельче разрыхляли пласт и были более производительны. Во Владимирском ополье наряду с сохой существовал и плуг, что способствовало появлению здесь косули, получившей остов сохи, а резец, лемех и отвал — плуга. Косуля, как и плуг, отрезала пласт земли резцом, подрезала сошником и переворачивала отвалом. В конце XIX в. распространилась усовершенствованная кукарская косуля с железным лемехом, отвалом и подвоем (главным образом в Вятской и Пермской губерниях). Косули стоили дороже сох. Для работы с ними требовались более сильные лошади и бороны с железными зубьями, разрыхляющими пласт. Поэтому они имелись главным образом у зажиточных крестьян.



Рала и плуги:

1 — рало трехзубое, деревянное (Кубань, конец XIX в.), *2* — рало многозубое (Саратовская губ., 1853 г.), *3* — плуг деревянный тяжелый, «малороссийский» (Кубань, конец XIX в.), *4* — плуг любанский Денисова (Новгородской губ., 1884)

Плуг применялся в степной и лесостепной полосе при поднятии целины залежей и перелога. Для него характерно низкое прикрепление тяговой силы (ниже рукояток) и наличие полоза. В черноземных степях и в лесостепи имел распространение тяжелый деревянный плуг, состоящий из полоза с ручками, стойки, железного лемеха и ножа, деревянного отвала и грядиля. Последний прикреплялся к передку с двумя колесами. Названия плугов — степные, малороссийские, сабаны — указывают на связь с украинскими плугами и татарскими сабанами и тем самым на давние культурно-хозяйственные связи русских с соседними народами. При пахоте деревянными плугами требовалось до трех пар лошадей или шести пар валов. Поэтому бедняцкие хозяйства покупали такой плуг в складчину или устраивали супрягу и пахали землю по очереди.

На Дону, на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье, в Воронежской и Курской губерниях встречалось многозубое тяжелое рало, заменявшее иногда плуг. В рало запрягали от одной до пяти пар волов и применяли его для более мелкой пахоты, чем плужная. С конца XIX в. сохи, косули и тяжелые деревянные плуги стали вытесняться заводскими и кустарными плугами; «...Первобытные земледельческие орудия стали уступать место усовершенствованным орудиям и машинам...»[1] Зажиточные крестьяне повсеместно применяли беспередковые однолемешные (крестьянские) одноконные плуги, производства заводов Рязанского Товарищества, Центрального Товарищества в Туле, Воткинского завода и др., а также плуги кустарные, изготовление которых было особенно развито в Рязанской, Ярославской, Петербургской и Вятской губерниях. Заводские и кустарные плуги выполняли все работы на разнообразных почвах. Плуги требовали более сильных лошадей, чем те, которые были у массы крестьян.

В начале XX в. в 35 губерниях Европейской части России у крестьян имелось 5 450 847 сох, 3 850 424 плуга и 738 236 косуль. Более 80% усовершенствованных орудий для подъема почвы (железных плугов и др.) находилось в районах товарного производства пшеницы — в Нижнем Поволжье, на Дону и на Северном Кавказе, главным образом у помещиков и

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 311.

богатых казаков. Для разрыхления пластов земли после пахоты, очистки поля от сорных трав и заделки семян применялись разрыхляющие орудия— бороны. Беднейшие слои крестьян применяли деревянные бороны с деревянными зубьями, зажиточные — деревянные и железные бороны с железными зубьями, а помещики — железные бороны, культиваторы, экстирпаторы и другие усовершенствованные орудия.

Для увеличения плодородия почвы из органических удобрений применялся навоз. Навоз вывозили на поля в особых телегах (*наземницах*), часто с обшитым опрокидывавшимся кузовом. Навоз вывозили в междупарье, т. е. между весенними посевными и летними полевыми работами.

В ряде случаев разнообразные сельскохозяйственные работы (вывоз навоза, пахота, бороньба, жатва, молотьба, поднятие нови, расчистка земли из-под леса и т. д.) крестьяне осуществляли коллективно (*толоки*, *помочь*). Иногда выполняли работу для всех домов поочередно. Помочь безвозмездная применялась при чрезвычайных обстоятельствах: эпидемии, болезни или смерти кормильца, при стихийных бедствиях. Она собиралась по приговору мира или организовывалась самим заинтересованным лицом. Помочь за угощение устраивали главным образом зажиточные крестьяне и духовенство, которые привлекали к работе зависимых от них более бедных односельчан, но сами к ним на помочь не ходили. Помочи безвозмездные и за угощенье устраивались в воскресные или праздничные дни и каждый участник работал со своим инвентарем и рабочим скотом. С капитализацией деревни, с появлением сельского пролетариата помочь за угощение становилась невыгодной для помещичьих и кулацких хозяйств, которые все более переходили к наемному труду.

Сельскохозяйственные культуры

К исконным культурам, выращиваемым в русской деревне, относятся прежде всего зерновые — рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха, а также технические и кормовые культуры — лен, конопля, горох, вика, клевер и др. Из древних пришлых культур возделывали капусту, чечевицу, арбуз; из более поздних (XVII—XIX вв.) — кукурузу, картофель, подсолнечник, сахарную свеклу, табак, помидоры и махорку.

Основным зерновым растением в северной и средней полосе России была рожь. Ржаной хлеб был одним из основных продуктов питания. О его значении в жизни русского крестьянина говорят поговорки: « И год хорош, коль уродится рожь», «Не уродится рожь — по миру пойдешь» и др. По объему производства ржи в XIX в. Россия занимала первое место в мире. Возделывали больше всего озимую рожь, особенно пробштейскую (распространенную почти повсеместно), вазу (главным образом в Петербургской, Псковской, Новгородской губерниях), шампанскую, яренскую, кустовку, ивановскую. Потреблялась она почти вся внутри страны. Наибольшее количество ее давали центральные, средневолжские, приуральские губернии и Московский промышленный район. Возделывали больше всего озимую рожь. Яровую рожь — ярицу, дававшую бедное крахмалом зерно, сеяли в Европейской России редко. Ее возделывали большей частью в Сибири и в северных уездах Архангельской и Вологодской губерний.

Второе место среди зерновых культур России к концу XIX в. занимала пшеница. Пшеницу, более прихотливую чем рожь, обычно сеяли в южных и юго-восточных губерниях. Возделывали в основном мягкую (озимую и яровую) пшеницу и твердую (яровую). Лучшими сортами были саксонка, белотурка, арнаутка. В товарном производстве пшеницы значительное место занимало Поволжье.

Самой распространенной из яровых культур в России был овес. Взгляд на него как на лучшую фуражную культуру отражают поговорки: «Не лошадь везет, овес едет», «Не спеши кнутом, спеши овсом». Овес употреблялся и в пищу человека главным образом в виде крупы и муки. По объему производства овса до 80-х годов прошлого века Россия занимала первое место

в мире. Наиболее распространены были сорта обыкновенного, или метельчатого овса: пробштейский, канадский, австралийский, тульский. В большом количестве его вывозили за границу. Овес возделывали преимущественно в северо-восточных губерниях и в северной части черноземной полосы.

Самым «северным» из хлебных злаков был ячмень, по производству которого Россия также стояла на первом месте в мире. Для произрастания ячменя требовался сравнительно короткий вегетационный период, поэтому на Крайнем Севере он часто являлся единственным хлебным растением. Ячмень культивировался шестирядный, четырехрядный и двухрядный (по числу зерна в колосе). Ячмень являлся также фуражной культурой, применялся в пивоварении, а потому на него был огромный спрос не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. В 1909—1913 гг. экспорт его составлял 31,2% всего экспорта зерна из России.

Большое значение в питании русского народа имели также гречиха и просо. Гречиха культивировалась главным образом в крестьянских хозяйствах средней полосы России. Крупа, изготовляемая из нее, находила большой сбыт как в деревнях, так и в городах; в русской армии гречневая каша была ежедневным блюдом. Из гречневой соломы делали поташ, который в значительной степени вывозили за границу. Гречиха ценилась и пчеловодами как медоносная культура. В конце прошлого века посевы гречихи стали сильно сокращаться. В черноземных губерниях вместо нее стали производить пшеницу как более выгодную. Теплолюбивую культуру просо возделывали только в степных и черноземных губерниях.

Из технических растений в северных русских областях сеяли лен и коноплю. В конце прошлого века на Россию приходилось более половины мирового производства льна. Лен культивировался двух видов: лен-долгунец с длинными маловетвистыми стеблями и небольшим числом семенных коробочек (северные и северо-западные нечерноземные губернии, особенно Псковская) и лен-кудряш с короткими ветвистыми стеблями и большим количеством семян. Из долгунца изготовляли волокно; кудряш (семена) — шел для выделки масла. Первый из них возделывался почти исключительно в крестьянских хозяйствах для собственного употребления и на продажу, являясь иногда единственной статьей дохода крестьян. Помещикам эта культура была невыгодна из-за ее трудоемкости. Лен-кудряш возделывали больше в помещичьих хозяйствах, на залежных и целинных землях, каковых крестьяне почти не имели.

Русское льняное волокно считалось лучшим в мире. Уже в XIII—XVI вв. из Новгорода и Пскова, являвшихся центрами производства и торговли льна, оно вывозилось на Запад. В конце XIX в. 90% всего производства льна в России отправляли за границу. По продаже льняного семени Россия занимала второе место на международном рынке. Русские сорта льна, в частности псковские, можно считать родоначальниками большинства сортов льна в странах, возделывающих его на волокно.

Вторым по своему значению волокнистым растением была конопля, по производству которой Россия занимала первое место в мире. Коноплю разводили почти исключительно в крестьянских хозяйствах, так как она чрезвычайно трудоемка и в помещичьих хозяйствах была невыгодна. Бо́льшая часть посевов ее находилась на севере черноземной полосы, особенно в Орловской губ., где она была основной технической культурой и главным источником денежных доходов крестьян. Конопля, возделываемая здесь с промышленной целью, имела такое же большое значение, как лен для северной части России. Конопля требовательна к почве, поэтому крестьяне сеяли ее обычно на хорошо удобренных землях, около усадьбы (коноплянниках). В России возделывалась только так называемая обыкновенная конопля. Грубое волокно — *посконь* — шло большею частью для личного употребления, а пеньковое волокно продавалось. Из него изготовляли парусину,

канаты, веревки. Из семян конопли делали масло, которое шло в пищу, на изготовление олифы, а жмыхи — на корм скоту.

Со второй половины XIX в. в России появилась новая масличная культура — подсолнечник, попавший в Европу из Южной Америки. В Западной Европе он был декоративным растением. Первоначально в России подсолнечник возделывался только на огородах, и семена его употребляли как дешевое лакомство. В 40-х годах XIX в. крестьянин Бокарев из слободы Алексеевки, Бирюченского уезда Воронежской губ. обратил внимание на то, что семена подсолнечника содержат большое количество масличных частей и начал добывать масло, получившее название подсолнечного. Подсолнечник вскоре стал основной масличной культурой России.

В России выращивали и многие другие культуры, которые, однако, не были так широко распространены, как вышеуказанные. Кукуруза культивировалась главным образом в Бессарабии и на Кавказе, в том числе и проживавшим там русским населением, и использовалась для изготовления муки и крупы (маис), в винокурении и в качестве корма для скота и птицы. Кукуруза обогащала почву, и ее посевы постепенно стали увеличиваться в начале XX в. в среднерусских губерниях (Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Самарской и др.).

Сахарную свеклу русские начали выращивать с конца XVIII в. Она культивировалась главным образом в Курской губ., а также в Воронежской, Самарской, Тамбовской и Тульской.

Табак сеяли во многих губерниях России, но товарное производство его было сосредоточено в Кубанской обл. и в Самарской губ. Выращивали только низшие сорта табака: махорку и бакун. В конце XIX в. образовался новый промышленный табачный район в центральных черноземных губерниях.

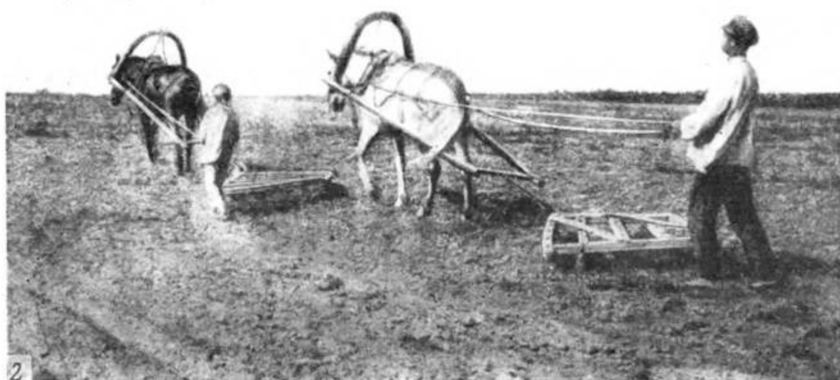
Из овощных культур выращивали огурцы, лук, свеклу, морковь, брюкву, редьку, репу, горох, чеснок, помидоры, перец, но особенно значительная площадь была занята капустой и картофелем. Картофель появился в России в XVIII в. К середине XIX в. картофель превратился в одну из важнейших культур. Он широко употреблялся в пищу и использовался для приготовления крахмала, патоки и др. Кроме того, картофель был важным сырьем для винокурения.

Сельскохозяйственные работы

Цикл полевых сельскохозяйственных работ складывался, помимо обработки почвы, из посева, сенокоса и уборки урожая.

Зерновые хлеба сеяли два раза в год: весной — яровые, осенью — озимые. В южной части России первым из хлебов сеяли яровую пшеницу (в конце марта — начале апреля старого стиля). Самый поздний посев пшеницы совпадал с самым ранним посевом овса. Обе эти культуры сеяли, пока земля была полна влаги. Овес неприхотлив в отношении климата и почвы, но требует влаги и должен оставаться дольше всех на корню, а потому его сеяли как можно раньше («Хоть грязь топчи, а овес мечи»).

Для ячменя нужна была сухая почва. Его сеяли, когда зацветали можжевельник и калина: на юге — в первой половине апреля, а в северных губерниях — во второй половине мая, большей частью приурочивая сев ко дню Федора-житника (16 мая). Просо требовало много тепла и хорошо переносило засуху, поэтому его сеяли в южных губерниях в конце апреля — начале мая, а в средних — в конце мая. Сев льна и конопли производили после окончания весенних заморозков. Коноплю сеяли на юге во второй половине апреля, в средней полосе — в первой половине мая. Сев льна большею частью производили в южных губерниях в конце апреля, в северных — в 20-х числах мая, приурочивая его ко дню Алены-льняницы (21 мая). Сев гречихи, очень чувствительной к весенним заморозкам, начинали довольно поздно и заканчивали к середине июня — обычно к дням Акулины-гречишницы (13 июня) и Елисея-гречкосея (14 июня).



Бороны деревянные:

1 — плетеная, или вязаная (Архангельская губ., 1910 г.), *2* — рамочная с деревянными зубьями (Владимирская губ., 1914 г.)

Сев озимых хлебов — ржи и пшеницы — производили в августе. Рожь старались высевать как можно раньше, так как тогда она, по мнению крестьян, лучше переносила суровую зиму.

Семена для посева употребляли лучшие, полновесные, подсушенные и очищенные (для очистки семян от примеси сорных трав семена опускали в воду).

В некоторых местностях России зерно закаляли, т. е. выставляли перед посевом «на семь утренних зорь». Для сева озимой ржи предпочитали семена последней уборки, считая их более морозостойкими.

Опыт подсказывал крестьянам целесообразность редких посевов, которые давали лучший урожай («Посеешь в крошечку, а вырастает в лукошечку», «Пересев хуже недосева»). Считалось, что ветер и сильный дождь мешали правильному рассеву; мелкий дождь, наоборот, был благоприятен.

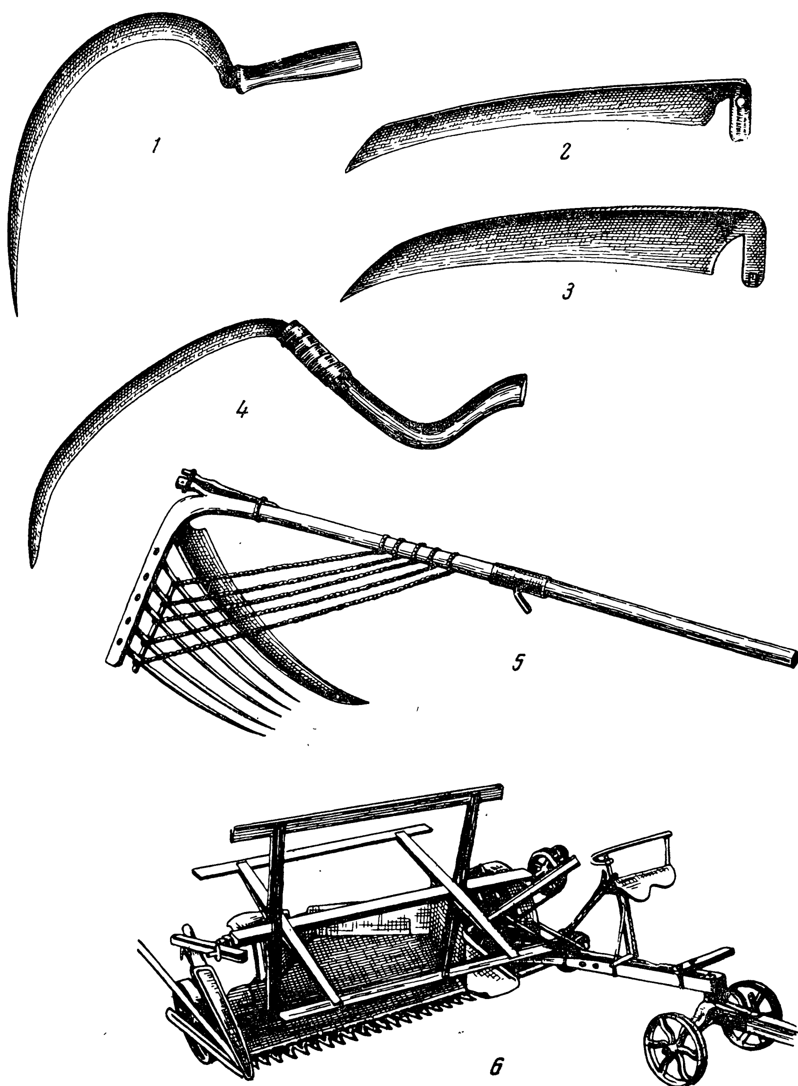
Сеял всегда большак, старший в доме мужчина, обычно вручную, из лукошка или мешка. Сеялки в крестьянских хозяйствах даже в начале XX в. встречались редко. При севе соблюдались различные магические приемы, связанные с древними фантастическими представлениями. Семена везли в поле в незавязанных мешках, чтобы «земля не завязалась» для зерен; чтобы не было во всходах сорной травы, сеятель надевал на себя чистую одежду и т. п.

Заготовка сена для скота была ежегодной заботой крестьянина. Бóльшая часть сенокосов после 1861 г. осталась у помещиков, часть лугов из-за малоземелья крестьяне сами распахали под зерновые культуры. Богатейшие природные сенокосы были сосредоточены в пойме Волги и ее притоков, а также в долинах северных рек. Прекрасные степные луга находились в Донской обл., Самарской и Оренбургской губерниях. Травосеяние (клевер, тимофеевка, люцерна) у помещиков начало практиковаться в XVIII в. В конце XIX в. оно было развито главным образом в капитализировавшихся помещичьих хозяйствах. У крестьян северных губерний (Вологодской, Вятской) травосеяние (тимофеевка) было известно раньше, чем оно появилось в Западной Европе, и особенно распространилось с начала XIX в.

Уборка трав начиналась с середины июня. Легче всего было косить мягкие сочные травы лугов, а суходольные жесткие травы косили только «по росе». Травы стремились убрать до «казанской» (8 июля), пока они еще не успели отцвести и потерять питательные соки. Косьбу производили мужчины косами различных типов. На севере обычно употреблялись косы с короткими ножами; в южных степных районах — с длинными и узкими. В северных губерниях на покосах, изобилующих камнями и пнями, употребляли также косу-*горбушу*, насаженную на короткую деревянную рукоятку. Ею косили как мужчины, так и женщины с поворотом на обе стороны (вправо и влево). Ворошили и сгребали в валы сено граблями женщины, а метали в копны — всей семьей. На севере, чтобы сено не подгнивало, стога устанавливали на помосте, на котором складывался вертикальный конус из жердей — *стожар*. В южных степных районах скирды или ометы ставили прямо на землю. Уборка урожая в южных губерниях начиналась со дня Прокопия (8 июля), названного поэтому жнецом, жатвенником. В северных же губерниях рожь обычно жали с Ильина дня (20 июля); ячмень—со второго Спасова дня (6 августа), а овес—с третьего Спасова дня (16 августа).

Жатва была самым тяжелым женским трудом, и период уборки хлебов назывался *страдой*. В некоторых центральных губерниях существовал старинный обычай — жатву и другие полевые работы начинать всем обществом — миром. По жребию выбирали семейство, которое должно было сделать «почин жнитва». Приступая к зажину первого снопа, приговаривали «стань, мой сноп, на тысячу коп». Жатва сопровождалась различными обрядами и магическими приемами. По окончании ее на последней полосе оставляли несжатой часть овса, которую дожинала вся семья. Несколько же стеблей не срезали, и старший в семье закручивал их, приговаривая: «Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего доброго коня», «Вот тебе, Илья, борода, а нам хлеба вороха». Один сноп сжатого овса приносили домой и для умилостивления «покровителей» скота держали его под иконой Флора и Лавра до Покрова дня (1 октября), после чего скармливали животным (Вологодская губ.).

Крестьяне убирали хлеб серпами, косами, жнейками. До 80-х годов прошлого века в большинстве губерний основным орудием при уборке урожая оставался серп. Формы серпов были очень устойчивы и мало отличались от серпов, употребляемых в X—XIII вв. С конца XIX в. уборка хлеба серпом преобладала только в северных губерниях. В остальной части России бытовала и косьба хлеба, которая в более южных губерниях даже преобладала. Косить хлеб русские стали с XVIII в., употребляя для этого обычную косу или косу с деревянными граблями (*крюк*).

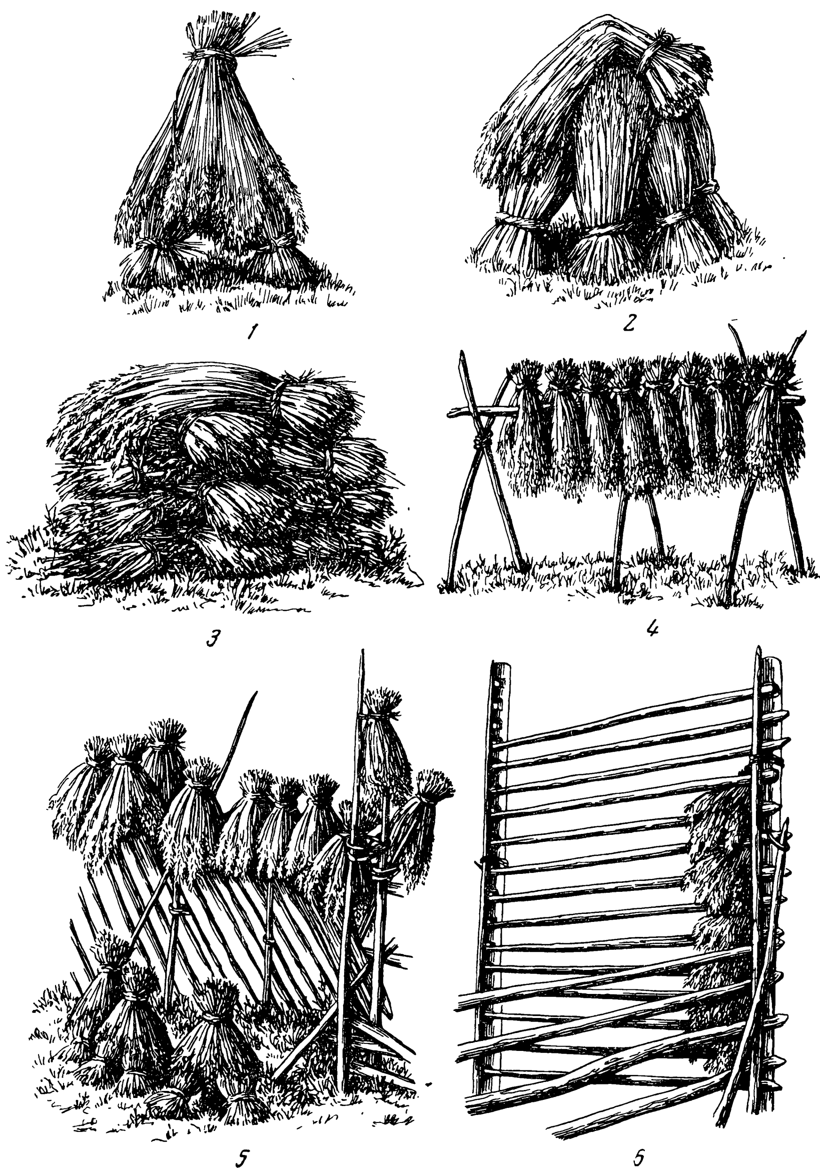


Орудия уборки:

1 — серп (Архангельская губ., 1923 г.), 2 — коса (Енисейская губ., 1904 г.), 3 — коса австрийская русской формы, 4 — горбуша (Архангельская губ., 1906 г.), 5 — коса с крюком (Тульская губ.), 6 — лобогрейка

Серпы и косы изготовлялись кустарями и заводами. Производство серпов особенно было распространено во Владимирской губ., а кос — на Урале (Артинский завод) и в Виленской губ. (заводы Посселя). Эти косы превосходили по качеству заграничные. Однако продукция русских заводов не удовлетворяла потребности сельского хозяйства, и большое количество кос привозилось из-за границы, главным образом из Австрии. Во второй половине XIX в. в некоторых помещичьих хозяйствах начали появляться жатвенные машины. В начале XX в. различные жнейки занимали уже значительное место в уборке хлеба у крестьян Северного Кавказа, Поволжья и некоторых южных губерний и областей. В более северных губерниях даже в начале XX в. жатвенные машины в крестьянских хозяйствах встречались редко.

На юге и в средних черноземных губерниях были широко распространены простейшие жатвенные машины, так называемые лобогрейки, или чубогрейки.

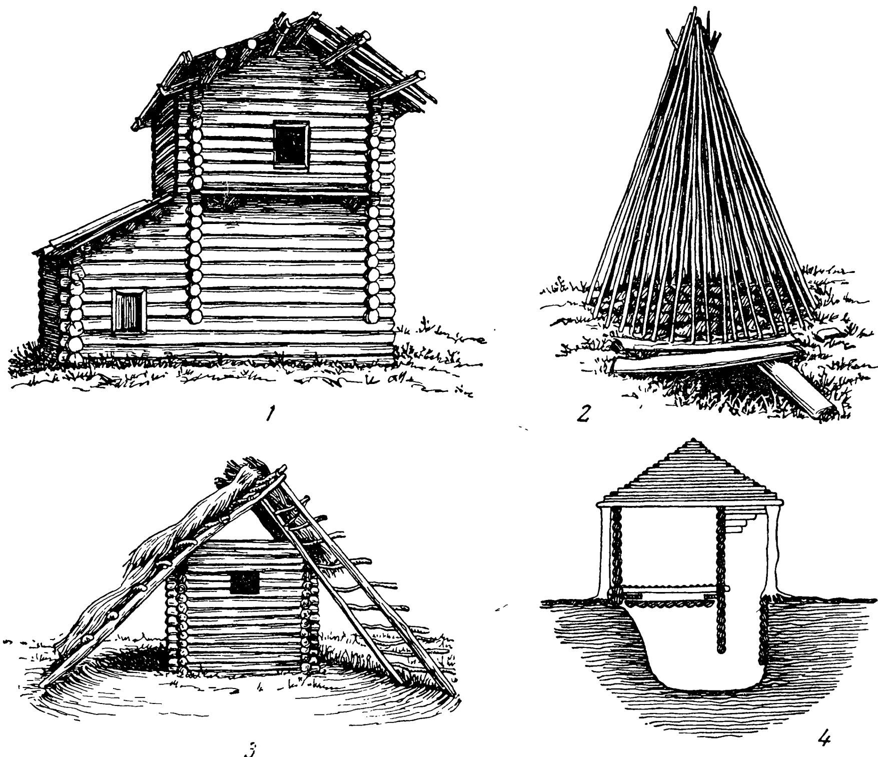


Способы укладки и безогневой сушки снопов:

1 — бабка (Олонецкая губ., 1927 г.), 2 — суслон (Олонецкая губ., 1927 г.), 3 — крестцы (Орловская губ., 1904 г.), 4 — сушка ячменя на косо поставленных жердях (Олонецкая губ., 1927 г.), 5 — сушка овса на плетне (Олонецкая губ., 1927 г.), 6 —сушка снопов на специальных приспособлениях (Олонецкая губ., 1927)

Сжатый хлеб связывали в снопы. Скошенный хлеб иногда оставляли в рядах для просушки, после чего сгребали в копны.

В северных губерниях для просушки снопы развешивали на плетнях, кольях и т. п. Обычно же снопы ставили в поле различными способами: вертикально в виде *суслона*, *бабки*, *скамейки*, *груды* (северная и средняя полоса России) или же складывали горизонтально в *крестцы*, *четырехугольники*, *кучки* (южная и частично средняя полоса России). Высушенный до наступления ненастья хлеб складывали в *зароды* в виде продолговатых четырехугольников или в круглые с островерхим верхом *одонья*. Коноплю выдер-



Овины и шиши:

1 — верховой овин (Костромская губ.), *2* — шиш (Московская обл., 1930 г.), *3* — ямный овин (Тверская губ., 1926 г.), *4* — разрез ямного овина (Московская обл., 1930 г.)

гивали и, срезав семенные верхушки, вымачивали; затем сушили, мяли, трепали и чесали. Лен, шедший на семена, косили, а на волокно выдергивали. Для отделения льняного волокна от древесины лен стлали, реже мочили в болотах, озерах, реках или в специально выкапываемых *мочилах*. В зависимости от этих способов различали лен — *стланец* и лен — *моченец*. После этого лен белили, раскладывая его на лугу, а затем мяли, трепали и чесали.

Убранный хлеб просушивали обычно на воздухе. Но из-за климатических условий в большинстве районов расселения русских[1] применяли и искусственную сушку снопов в специальных помещениях. В конце XIX в. бытовали три типа таких хлебосушилен: *овин*, *рига*, *шиш*.

Наиболее распространен был овин — самобытная и издавна известная у славян постройка. Овин состоял из двух помещений, разделенных пополам: нижнего — *подовина* и верхнего — *садила*. У русских было известно два типа овинов: ямный (с подовином, углубленным в землю) и верховой, в котором подовин находился на поверхности земли. Ямные овины встречались на всей территории расселения русских, но преобладали в южных и восточных районах. Верховые овины чаще бытовали в северных и западных губерниях. Обычно овин был срубным, но в южных губерниях в ямных овинах садило нередко делали из плетня, глины, камня, а подовин выкладывали камнем или просто обжигали. В подовине обычно делали печь-каменку, реже кирпичную, а в ямных овинах иногда лишь отводили место для костра — *теплыни*. В садиле устраивали колосники из жердей и на них ставили снопы для просушивания. Тепло из подовина поступало в садило через

[1] Кроме самой южной полосы (Северный Кавказ, Кубань, Астраханская губ., Донская обл.).

Молотьба:

1— молотьба-стернование, хлестание о стойку (Московская губ., 1901 г.), *2*—молотьба хлеба цепами (Орловская губ., 1904 г.), *3* — молотьба валом с кулаками-спицами (Владимирская губ., 1914 г.)

Веяние лопатой (Московская губ., 1901 г.)

специальные отверстия между полом и стенами овина — *пазухи* и высушивало снопы. Сушку хлеба в овинах производили в октябре — ноябре, обычно ночью, чтобы к утру подготовить снопы для молотьбы.

В конце XIX в. большое распространение получили риги — однокамерные сушильни с полом, потолком, колосниками и с печью в том же помещении, где ставили снопы. Встречались также снопосушильни, в которых сочетались принципы устройства овина и риги. Риги и овины использовались, кроме того, для сушки льна, конопли, рыбы, хмеля, лука, обмолоченного зерна. В качестве хлебосушильни использовался также шиш, имевший большое распространение у народов Поволжья. Шиш состоял из ямы, где разводили огонь, и конусообразно поставленных над ней жердей, на которые клали снопы для просушки. Хлебосушильни строили на гумнах, где также складывали хлеб в снопах.

Обмолачивание происходило на току. Токи были открытые и крытые. Открытый ток представлял собой утрамбованную земляную или глиняную площадку или помост из плотно сколоченных досок. Открытые токи были широко распространены на всей территории расселения русских. В средних и северных губерниях ток делали, как правило, прямоугольной формы, в южных — круглой. Закрытые токи сооружались внутри помещения — в крытых гумнах (на севере и в средней полосе) и клунях-ригах (в южных районах).

Для молотьбы русские в XIX — начале XX в. применяли ручные орудия, орудия, приводившиеся в движение скотом, и машины. Молотьба хлеба начиналась с последних чисел сентября и продолжалась до ноября-декабря, а иногда и до весны. Наиболее распространенным орудием молотьбы у русских был *цеп* (*молотило*, *приуз*). Он состоял из деревянных ручки и била, соединенных ремнем (*путцем*). В западных губерниях встречались цепы, напоминающие белорусские, а у южнорусского населения — украинские. При молотьбе цепами для правильного отбивания такта требовалось определенное число рабочих. При овинной сушке ускоренные сроки молотьбы были особенно необходимы, чтобы высушенные на овине снопы не успели

Гумна:

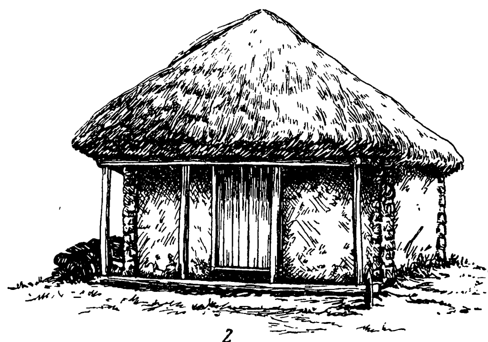
1 — гумно с овином (Ярославская губ., 1915 г.), *2* — гумно с ригой внутри (Ленинградская губ., 1926 г.), *3* — ток для молотьбы и некрытая половня (Рязанская губ., 1910 г.), *4* — клуня-рига (Воронежская губ., 1927 г.)

отсыреть. Поэтому в многосемейных домах молотили в четыре, шесть, восемь цепов. Работу эту выполняли мужчины, женщины и дети старше 12 лет. Малосемейные хозяйства производили молотьбу совместно.

Кроме цепов, при молотьбе применялись палки, *кичиги*, *лапы*. Кичига (молотилка, *чап*) представляла собой вырубленный из березы сук (по форме напоминающий человеческую ногу) с веткой, которая служила ручкой. Лапу делали из цельного дерева, вынутого с корнем. Из древнейших способов молотьбы до XX в. сохранилось также выколачивание снопов, или *хлыстание*. Этот способ применялся для получения соломы на свясла и крыши и, с другой стороны, посевного зерна: снопом ударяли о края бочки, куда падали лучшие, самые тяжелые зерна, или просто стегали о козлы, стойки, стены риги и т. д. Молотьба с применением тяговой силы скота осуществлялась деревянными и каменными *катками* (зубчатыми или рубчатыми). Этим способом пользовались в хозяйствах зажиточных крестьян. В северных и центральных губерниях применялись катки (*молотяги*, *молотильни*, *медведи*) с одним, двумя или тремя деревянными валами с продольными рядами деревянных зубьев. Над валами находилась площадка с сиденьем для молотильщика. В юго-восточных и южных губерниях применяли каменные рубчатые катки-*гарманы*, обычно вделанные в четырехугольную раму. Молотили также при помощи скота, гоняя лошадей или волов, запряженных в телегу или без нее, по разостланным на току снопам.

Все эти способы молотьбы в конце XIX в. с развитием капитализма начали вытесняться молотилками (ручными, конными и паровыми). Широкое распространение получил отхожий молотильный промысел, когда кустари со своими молотилками ездили по соседним селам и даже губерниям и за плату молотили хлеб. Развился кустарный промысел по производству молотилок. Большой известностью пользовались юрьевские молотилки (Владимирская губ.). По всей России славились *смыковки* и *рязанки* (Рязанская губ.). Ручные молотилки преобладали в северном и озерном районах, конные — в Нижнем Поволжье, паровые — на Кубани. С распространением молотилок в начале XX в. постепенно упразднялась сушка снопов в овинах и ригах, так как на молотилках молотили снопы, просушенные на воздухе.

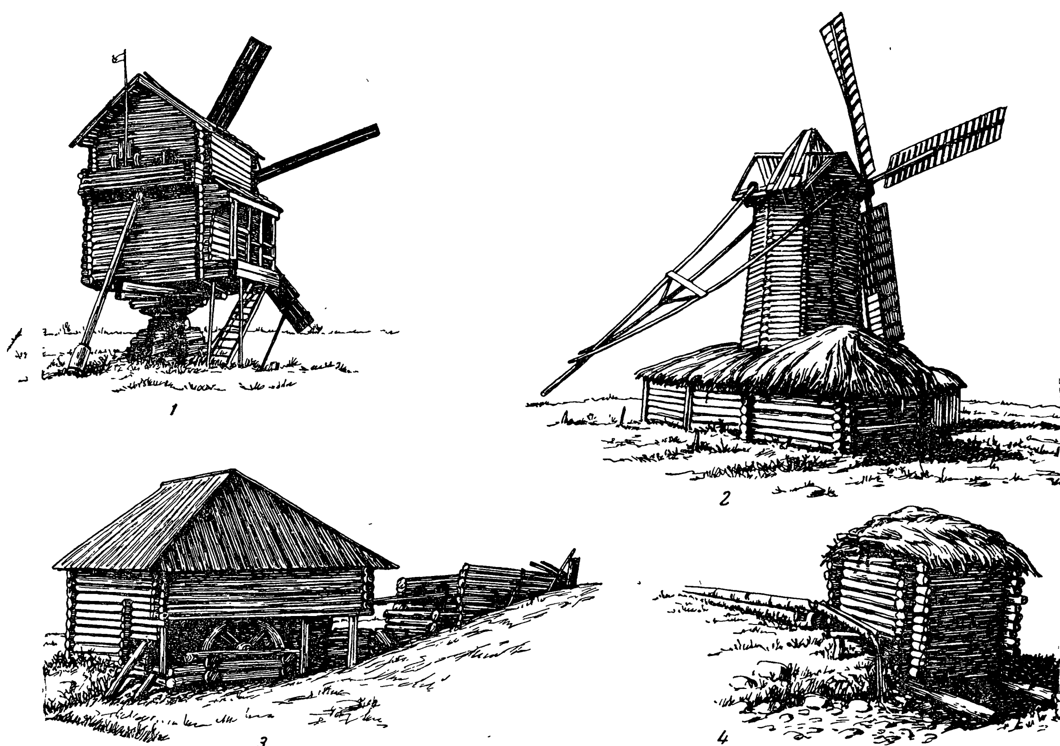
После молотьбы приступали к веянию зерна. Наиболее распространенным было веяние на ветру при помощи лопаты. Решета применяли для веяния главным образом в южнорусских губерниях. Обычно их употребляли для очистки хлеба после веяния. В некоторых районах для этого применяли проволочные решета, подвешенные на треногу (*грохоты*). В Тамбовской и Рязанской губерниях у крестьян в конце XIX в. очистка хлеба на грохотах была отхожим промыслом. Развитие капитализма в России вызвало во второй половине XIX в. появление ручных и конных веялок, производство которых было особенно развито в Вятской и Рязанской губерниях. Кустари-веялочники давали веялки на прокат менее состоятельным соседям, которые занимались веянием как промыслом.



Амбары:
1 — срубный (Вологодская губ., 1911 г.), 2 — срубный, обмазанный глиной (Курская губ.)

Для хранения обмолоченного зерна служили *житницы*, или амбары. Стены амбаров делали из бревен, а в безлесных местностях из плетня, камня, глины, самана, мелового известняка и даже соломы, в зажиточных хозяйствах — из кирпича. Амбары делали с полом, без окон и часто без потолка. Внутри вдоль стен отгораживали сусеки для хранения разного вида зерна. В северных заволжских районах амбары строили в два и даже в три этажа. В некоторых центральных и южных областях встречался древний способ хранения хлеба в земляных ямах, обожженных внутри.

Для размола зерна и выделки крупы на всей территории расселения русских были широко распространены водяные и особенно ветряные мельницы. Изредка строились мельницы, приводимые в движение животными (лошадьми, волами). Ветряные мельницы встречались двух видов — стержневые и шатровые. Разница между ними состояла в том, что у столбовок поворачивалась к ветру вся мельница, у шатровых — только крыша с крыльями. Первые были особенно широко распространены на севере. Вторые встречались главным образом в средней полосе, на юге и западе. Водяные колесчатые мельницы ставились на реках, при искусственных запрудах, устроенных с помощью плотин. По способу подведения воды к колесу различались два типа водяных мельниц: 1) с наливными колесами, на которые вода падала сверху; 2) с пошвенными (подливными) колесами, на которые вода била снизу. На полноводных реках строились также небольшие наплавные водяные мельницы, приводившиеся в движение не падением воды, а ее течением. В холмистых и горных местностях (Пермской губ., Средне-Русской возвышенности, на Южном Урале и других местах) было много небольших водяных мельниц с вертикальным колесом простейшего устройства (*мутовок*). Их ставили на быстрых ручьях без запруд и вода отводилась к ним по специальному каналу или деревянному лотку. В некоторых местах Восточной Сибири, например в Приангарье, имелись водяные мельницы — *ледянки*.



Мельницы;

1 — ветряная (стержневая) (Ярославская губ., 1912 г.), *2*— ветряная — шатровая (Орловская губ., 1907 г.); *3* — водяная — колесчатая (Костромская губ., 1915 г.), *4*— водяная—мутовка (Казахстан, 1927 г.)

Их ставили на льду речек на время ледостава, а весной убирали. Мельницы принадлежали как отдельным крестьянам, так и группе домохозяев. Строительство мельниц на артельных началах особенно было распространено в Сибири. Купцы и промышленники строили крупные мельницы — *крупчатки* и паровые, продукция которых шла на сбыт. Такие мельницы сосредоточивались вблизи железнодорожных и водных путей, особенно много их было в Поволжье.

Хозяйственные постройки русских крестьян, по своему устройству отражавшие этнические традиции населения, были приспособлены к потребностям мелкого крестьянского хозяйства.

Огородничество и бахчеводство

Огородничество, распространенное повсеместно, особенно в центральных нечерноземных губерниях, носило в крестьянских хозяйствах большей частью потребительский характер. Подсобное хозяйственное значение имело огородничество и для жителей многих небольших провинциальных городов России. Крестьяне и жители многих городов уже в конце мая или в июне начинали пользоваться молодой ботвой свеклы и зеленым луком. Устройство и обработка огородов зависели от климатических и природных условий, почвы и производимых культур. Почву под овощи, главным образом под капусту и огурцы, обильно удобряли навозом. При посеве овощей плодосменности не соблюдалось. Все разводимые овощи и травы были яровыми растениями, за исключением чеснока, который сажали также и осенью. Посев на огородах начинался с капусты; ее сеяли в середине апреля на грядах, обрабатываемых и удобряемых более тщательно, или предварительно в рассадниках. Часто под капусту отводились постоянные участки, расположенные обычно в сы-

рых низменных местах, около рек и болот, иногда обрабатывавшиеся «миром» совместно. Картофель сажали в поле в яровом клину, на ближайших к деревне полосах и в городах, где под него отводилось всегда одно и то же место. В поле картофель сажали «под соху», а в огородах — и «под соху» и «под лопату». Мужчины обычно перекапывали землю, делали гряды, сажали картофель под соху, вся дальнейшая работа лежала на обязанности женщин.

Промышленное направление огородничество получило в XIX в. главным образом около больших городов, а также в Ростовском уезде Ярославской губ., Галичском уезде Костромской губ., Боровском уезде Калужской губ. и Муромском уезде Владимирской губ. В окрестностях Петербурга огороды тянулись на расстоянии 20—25 верст. Арендаторами пригородных петербургских огородов были преимущественно крестьяне из Ростовского уезда Ярославской губ. Для работы на огородах нанимались крестьянки из ближних губерний, которых называли *копорками*[1]. Копорки приезжали в Петербург ранней весной. Их можно было видеть на улицах столицы в ярких сарафанах и белых платках, босиком.

Под Петербургом была сильно развита парниковая и тепличная выгонка овощей и шампиньонов; с успехом выращивали также спаржу и артишоки. В огромном количестве овощи привозились из соседних губерний (например, картофель из Ярославской и Новгородской губерний).

Благодаря лучшим климатическим условиям огородничество под Москвой получило гораздо большее развитие, чем под Петербургом. В самой Москве огородами была занята довольно значительная площадь. В середине XIX в. огороды располагались во дворах даже в центре города. Больше всего овощами снабжали Москву окрестные села и деревни, где хлебопашество заменялось более прибыльным производством овощей, фруктов и ягод.

Коренными московскими огородниками являлись жители с. Коломенского. На заливных лугах Москвы-реки они сажали картофель, огурцы и знаменитую коломенскую капусту. Производством овощей славились также села Кожухово, Воробьево и др. Торговые огороды были распространены во всех московских уездах, преимущественно поблизости городов и фабрик. Ногатинская волость, например, продавала около миллиона ведер кислой капусты на фабрики и в казармы, отправляла ее даже в Кронштадт. В Клинском уезде было сильно развито тепличное производство овощей: салата, фасоли и особенно огурцов. Сорт клинских тепличных огурцов до сих пор остался непревзойденным.

Больше всего с промышленной целью огородничество было развито в Ярославской губ., особенно в Ростовском уезде, по праву называемом колыбелью русского огородничества. Вся земля по берегам озера Неро, за исключением выгонов и лугов, была занята огородами. Мужчины с ранних лет занимались огородничеством как отхожим промыслом, а женщины вели огородное хозяйство дома. Возделывание цикория и сахарного горошка здесь началось еще в 20-х годах XVIII в. Годовое производство цикория в Ростовском уезде доходило до 400 тыс. пудов сухого продукта. Зеленый горошек, поспевавший ранее других овощей, отправляли в Москву, Петербург и на Нижегородскую ярмарку. По сведениям 1888 г., Ростовский уезд производил до 20 тыс. пудов зеленого горошка.

Ярославские крестьяне славились возделыванием и многих других овощей, часть из которых они сушили, а также душистых трав: мяты, тимьяна (богородская трава), шалфея, базилика, аниса, укропа, употребляемых преимущественно для изготовления эфирных масел[2].

---

[1] Это название произошло, возможно, от Копорской волости Петергофского уезда Петербургской губ., где огородничество было довольно сильно распространено.

[2] Около Казани возделывалось также много душистых трав, так как они требовались для казанских мыловаренных заводов.

Из других овощей широкой известностью по всей стране пользовались муромские огурцы (Владимирская губ.), бессоновский (Пензенская губ.), стригуновский (Курская губ.) и симбирский лук. Из более северных районов производством лука также славился Елабужский уезд Вятской губ., откуда крестьяне вывозили свой лук главным образом в Поволжье, Уфимскую и Оренбургскую губ., где меняли его на хлеб.

Бахчеводство появилось в южных губерниях России в конце 60— начале 70-х годов XIX в. и особенно распространилось с проведением железных дорог. Бахчи занимали лучшие целинные или залежные земли, на которых потом возделывались зерновые культуры. Эти участки, так же как у украинцев, получили название *бахчи*, *баштаны* (с персидского — сад, огород). Бахчеводство было больше всего развито в Нижнем Поволжье, в Воронежской, Оренбургской и Уфимской губерниях, в области Войска Донского и на Кавказе. Здесь возделывали главным образом арбузы, дыни, тыкву. Наиболее ценными сортами арбузов считались камышинские (крупные белокожие с полосами) и астраханские (зеленые). Дыни выращивались также различных сортов. В Хвалынском уезде Саратовской губ. сеяли коноплянки и скороспелки, а в Астраханской губ.— весенние, или замшу, и осенние, или бухарки. Для заготовления впрок арбузы и дыни солились, тыквы же обычно хранились в свежем виде в теплом помещении.

Садоводство

До реформы 1861 г. садоводство было сильно распространено в помещичьих хозяйствах. Почти в каждом поместье был сад, а часто и оранжерея. С 70-х годов XIX в., в ходе развития капитализма, садоводство из потребительской отрасли хозяйства стало превращаться в торговую, и площадь, занятая садами, быстро увеличивалась главным образом в северной части черноземной полосы, на средней Волге, в западных областях, вокруг крупных городов. В Орловской, Воронежской, Курской, Черниговской губерниях к концу XIX в. сады занимали около 50 тыс. десятин. Промышленное садоводство здесь сосредоточивалось в помещичьих хозяйствах; имелись крупные сады также у отдельных крестьян и горожан, особенно в Курской губ. и по левому берегу Дона. В садах преобладала яблоня, значительное место занимала вишня. В Поволжье (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская губернии) промышленное садоводство находилось в основном в руках крестьян и развивалось особенно быстро. При большом рыночном спросе на фрукты малоземельное поволжское крестьянство стремилось интенсивно использовать свои земли и широко занималось разведением садов. Внеусадебные сады занимали значительно большие площади, чем усадебные. Под сады использовались все неудобные земли: овраги, береговые склоны, обрывы. Значительное развитие получило садоводство также в Московской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Владимирской, Рязанской губерниях. Здесь всюду преобладала яблоня, в некоторых местах вишня (Вязники Владимирской губ.; Малоярославский уезд Калужской губ.).

Из плодовых деревьев наибольшее распространение у русских имела яблоня, сотни сортов которой выращивали всюду. Наибольшее промышленное значение имели такие сорта, как антоновка, апорт, боровинка, титовка, анисы и наливы. С 80-х годов XIX в. в промышленных садах стали преобладать осенние и зимние сорта яблок как более транспортабельные и дорогие. Груша была распространена к югу от Витебска, Смоленска, Калуги, Тулы, Тамбова, Симбирска и вдоль левого берега Волги до Каспийского моря. Наибольшее значение имели рано поспевающие сорта груш — бессемянка, дуля, лимонка, тонковетка и осенние — бергамоты, дюшесы, бере. Северная граница распространения вишни шла по линии Петрозаводск — Кадников — Вятка. В больших количествах вишню разводили в черноземной полосе и отдельных местностях Владимирской, Нижегородской, Калужской губерний. Слива встречалась в садах вплоть до С.-Петербургской губ. Плодовые кустарники (смородина, крыжовник, малина и др.) разводились

всюду, но главным образом в садах северной половины России и вблизи городов; земляника и клубника культивировались около Петербурга и Москвы.

Агротехнический уровень садоводства был низок. В садоводстве применялся исключительно ручной труд и простейшие инструменты. Промышленное садоводство отличалось высокой концентрацией производства. Так, 4—5% хозяйств, занимающихся садоводством в Самарской и Саратовской губерниях, сосредоточивали 38% всех плодовых насаждений в этих губерниях. В крупных садоводческих хозяйствах широко применялась наемная сила. Крестьяне часто сдавали сады в аренду состоятельным односельчанам или же мещанам и торговцам из близлежащих городов. В районах промышленного садоводства имелись и мелкие сезонные предприятия по технической переработке плодов и ягод.

Виноградарство было распространено у русских главным образом в Донской и Кубанской областях, Астраханской, Ставропольской и южных уездах Саратовской губ. Астраханский виноград уже в XVII в. стал товаром всероссийского рынка. Культивировались преимущественно местные, а с начала XVIII в. и заграничные сорта винограда, выписанные Петром I из Западной Европы. В конце XIX в. под Астраханью насчитывалась тысяча десятин виноградников, на Дону две с половиной тыс. десятин, на Кубани—более четырех тысяч, у гребенских казаков—свыше 470 десятин.

Хмелеводством крестьяне занимались повсеместно. Особенно много производили хмеля в Мисковской волости Костромской губ. и в так называемых Гуслицах — местности, включающей в себя Богородский и Бронницкий уезды Московской губ., Покровский уезд Владимирской губ., Егорьевский уезд Рязанской губ. Гуслицкий хмель считался лучшим, и производство его в середине XIX в. достигало 50 тыс. пудов. Он шел на приготовление пива, браги, меда и пр. Внедрение в производство в середине XIX в. новых сортов пива потребовало разведения и новых сортов хмеля. Новые сорта стали культивировать и помещики, отводя под них целые плантации (в Курской, Московской, Рязанской губерниях). При возделывании хмеля применялся в основном женский труд.

Животноводство и птицеводство

Животноводством русские крестьяне и в значительной степени жители провинциальных городов занимались повсеместно, чаще всего как подсобной отраслью хозяйства. В дореволюционной деревне оно имело потребительский, полунатуральный характер и было одной из самых отсталых отраслей. Крестьяне разводили преимущественно крупный рогатый скот, а также лошадей, овец, свиней и птицу. Среди крупного рогатого скота наибольшее распространение имел скот местных пород красной и пестрой масти. На севере, где развитию скотоводства способствовали обширные луга по Северной Двине и другим рекам, держали главным образом молочный скот холмогорской породы, выведенный в начале XVIII в. от смешения местного и голландского скота, в Олонецкой губ.— сюземской (от помеси местной и холмогорской), в центральных губерниях— ярославской, в Нижегородской — красной горбатовской породы (помесь местной и тирольской), в Среднем Поволжье — бестужевской мясо-молочной породы, выведенной в начале XIX в. в Симбирской губ. Имел распространение и скот мясных пород; на правом берегу Волги, в Среднем и Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе — калмыцкой красной породы, на левом берегу Волги — киргизской. В помещичьих хозяйствах обычно разводили породистый скот (симментальский, голландский, швицкий и др.).

Крестьянский скот отличался низкой удойностью, не превышавшей 220—420 л молока в год, поэтому крестьянские семьи молоком не обеспечивались полностью. Забота крестьян о размножении и улучшении породы рогатого скота выражалась в покупке всем обществом быка на племя. В некоторых местах крестьяне за деньги или отработки брали быков из помещичьих

имений. Кастрированных быков — волов применяли для сельскохозяйственных работ, особенно для пахоты тяжелым плугом в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и Дону, в Воронежской и других южных губерниях.

В северных губерниях для скота делали теплые бревенчатые хлевы, в южных губерниях хлевы были холодные и иногда полуоткрытые, часто без подстилки, особенно в бедняцких хозяйствах. Выкормка телят повсеместно производилась в избе.

Большинство крестьянских хозяйств из-за недостатка кормов содержало скот впроголодь. Основной корм — сено — не часто встречался в бедняцких хозяйствах; его заменяли соломой. В зажиточных хозяйствах зимой дополнительно к сену и соломе варили овощи и картофель, в который добавляли отруби, жмых и зерно. С весны до осени скот находился на подножном корму

Пастьба скота в ряде районов Европейского Севера и Сибири производилась без пастуха в лесу или в огороженном вокруг населенного пункта пастбище — *поскотине*. Городьба поскотины лежала на обязанности «общества». В остальных местах крестьянское общество нанимало несколько пастухов— отдельно для каждого вида скота (коров, овец, свиней) или при смешанном стаде — одного. В пастухи нанимались большею частью самые бедные из крестьян, в подпаски — сироты или мальчики из бедных семей. Плата пастухам начислялась по количеству голов скота и в разных местах была различна. Сверх того домохозяева одевали пастухов и по очереди кормили их. При выгоне скота в поле пастухи получали гостинцы — яйца, пироги или просто кусок хлеба; в Петров день — масло, творог, яйца, хлеб; осенью при расчете — определенное количество говядины, муки и шерсти.

23 апреля, в день Егория, который так же, как и Власий, считался покровителем домашнего скота, совершали обряд кропления скота; весь скот сгоняли к часовне, построенной на выгоне, служили молебен с водосвятием. В ряде мест справляли в этот день общий «скотский» или «коровий» праздник. 20 июля происходил жертвенный праздник в честь Ильи, имевший целью отблагодарить «святого» за охрану скота. Все жители собирались к церкви, где резали и разделывали жертвенных животных. Каждая часть жертвенного животного имела свое назначение: шла причту, нищим, на общий обед. Предназначенное для обеда мясо варили в больших чанах (купленных на общественный счет и сохраняемых при часовнях), раскладывали его на специально сколоченных длинных столах, и все взрослые члены «общества» стоя съедали «благословенное ильинское» мясо. После этого священник благословлял мирское «канунное пиво», специально приготовленное к этому дню; пиво увозили на луг, где устраивали мирской обед для служителей церкви, крестьяне компаниями угощались пивом и пирогами, пели песни, а молодежь водила хороводы.

С начала пастбищного сезона пастухи пасли скот на лугах, после заказа лугов скот выгоняли на паровое поле, а после поднятия паров — на выгоны. Под выгоны обычно отводили дальние пустопорожние земли, но часто для этого использовали и места возле селений, годные под пашни и сенокосы. Выгон находился в общем владении всех домохозяев. После снятия сена с лугов скот перегоняли с выгонов на отаву, а после уборки хлебов — последовательно на ржаное и яровое жнивье.

С развитием капитализма в России выделился один из важнейших районов земледельческого капитализма — район торгового скотоводства, который охватывал северные губернии (Ярославскую, Вологодскую, Псковскую, Новгородскую и др.), промышленные (Московскую, С.-Петербургскую и др.) и часть некоторых центральных губерний (Рязанской, Орловской, Тульской Нижегородской). «Продуктивность скота получает здесь молочнохозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных

рыночных продуктов этого рода»[1]. Возле Петербурга и Москвы развилось молочное хозяйство, продукция которого шла на столичные рынки. В Вологодской и Смоленской губерниях особое развитие получило маслоделие. Вологодское масло было известно не только в России, но и за границей. Маслоделие и сыроварение получили развитие вначале в помещичьих имениях. С середины XIX в. появляются многочисленные купеческие и кулацкие маслодельни и сыроварни, владельцы которых закабаляли крестьян — сдатчиков молока, широко предоставляя им мелкий кредит. Возле Петербурга и Москвы, в Новгородской, Тверской, Владимирской губерниях многие крестьяне занимались еще одним видом торгового скотоводства — выпаиванием телят молоком на продажу. Продажа молока на маслодельные заводы и выпаивание телят на продажу приводили к тому, что питание крестьянских семей ухудшалось; от этого особенно страдали дети. Промышленное скотоводство требовало большого числа рабочих (косарей, пастухов, доярок и других), которые приходили из среднечерноземных губерний и отчасти из северных.

Широко развит был пастушеский отхожий промысел в южные губернии. Отходники работали там чабанами, нанимались пасти крупный рогатый скот (чередники) и лошадиные табуны (табунщики), гнали скот в Москву и Петербург на бойни. С проведением Сибирской железной дороги быстрыми темпами развивалось маслоделие в Сибири. Кроме купцов-маслоторговцев, торговлю вели маслодельческие кооперативы, в которые объединялись кулацкие хозяйства. В 1894 г. в Сибири было всего три маслодельных завода, в 1900 — 240, а в 1913 — 4 тыс. В 1894 г. из Западной Сибири было вывезено 400 тыс. пудов, в 1912 — 4459 тыс. пудов масла. Стоимость экспорта масла из Сибири к 1913 г. составляла 40,9% стоимости всех вывозившихся из нее продуктов, включая золото.

Развитие торгового скотоводства усиливало классовое расслоение в деревнях. В конце XIX в. около половины крестьянских дворов было однокоровными и бескоровными. Эти хозяйства не могли принимать заметного участия в развитии торгового скотоводства. В то же время около 20% дворов с тремя и более коровами концентрировали в своих руках более половины всего молочного производства.

Лошадь в крестьянском хозяйстве была необходима как для сельскохозяйственных работ, так и для транспортных целей (извоз, ямщина и пр.). В 1888—1891 гг. в 48 губерниях Европейской России безлошадных и однолошадных крестьянских дворов было 55,8%, а в 1896—1900 гг. их число составляло уже 59,5%. Процент многолошадных дворов уменьшился за это время с 22 до 18,5, и «... все крестьянство в целом стало беднее лошадьми»[2]. У крестьян были обыкновенные лошади, выносливые, неприхотливые и приспособленные к разным условиям содержания; существовали также местные мелкие породы северных, или лесных, лошадей — мезенки, вятки, казанки, обвинки, печорки, тавдинки, нарымки. На севере, в Олонецкой губ., у крестьян водилась финская порода лошадей — шведки, в южных областях — степные лошади монгольской породы. В Оренбургской и Самарской губерниях разводили киргизскую, в Донской обл. и Саратовской губ. — калмыцкую, в Уфимской — башкирскую. В Самарской губ., кроме того, у крестьян встречалась порода «монастырских лошадей, более крупных, но менее выносливых, чем киргизские; у донских казаков — донская лошадь, быстрая и выносливая. На развитии крестьянских лошадей отрицательно сказывалось употребление их для работы с очень раннего возраста, непосильная нагрузка, плохие условия содержания и скудный корм. Зимой лошадей кормили обычно соломой, а сено и овес давали только во время извоза, вывозки дров из лесу и других тяжелых работ. Летом лошади находи-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 256.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 138—139.

лись на подножном корму и лишь при трудных полевых работах (подъеме пара, яровой пахоте) получали немного сена, овса или месива из ржаной соломы, посыпанной ржаной мукой. В северных губерниях они паслись круглые сутки на лугах и в лесу без охраны. В средней полосе и на юге в свободное от работы время лошадей пасли в огороженных выпусках, вблизи селений. Ночью они были в ночном, где их по очереди стерегли сами крестьяне или подростки. С наступлением холодов лошадей переводили в конюшни. 18 августа — день Флора и Лавра — считался лошадиным праздником. В этот день в северных губерниях лошадей пригоняли к часовне, где после молебна их кропили «святой» водой. В конюшнях вешали иконы с изображением этих святых, а еще чаще над стойлами подвешивали камни необычной формы с отверстием в центре — «лошадиных богов».

С XV в. в Москве были основаны «государевы конюшни», которые снабжали племенными производителями конюшни в государевых слободах и селах. В 1707 г. на берегу р. Битюг в с. Бобровском Воронежской губ. был основан первый государственный конный завод. Затем конные заводы открылись во Владимирской, Казанской, Астраханской губерниях и на Украине. Все они предназначались только для снабжения кавалерии и царской конюшни. Для улучшения породности заводского поголовья лошади ввозились из стран Ближнего Востока и Египта. С XIX в. лошадей для армии стали поставлять также помещичьи конные заводы, число которых в связи с этим быстро увеличивалось, особенно в центральных губерниях. К 1917 г. только в Воронежской губ. их было 249. Специальные лица из офицерского состава — ремонтеры — закупали лошадей для армии на частных заводах и конских ярмарках (Лебедянской и др.). Государственные заводы обслуживали также внутренние потребности, организуя случные заводские конюшни и пункты. Исключительно коннозаводским путем разводили рысистую породу — орловского рысака, русскую верховую лошадь — орлово-растопчинскую. С середины XIX в. из государственных конных заводов особенной известностью пользовался Хреновской (Воронежской губ.). Выращиванием племенных лошадей — тяжеловозов — занимались и крестьяне отдельных селений (например, битюгов в Воронежской губ., а также в Гавриловом посаде Владимирской губ. и др.).

Овец крестьяне держали для удовлетворения домашних нужд, на севере — короткохвостую породу, в центральных и южных губерниях — длиннохвостую. В южных районах (особенно у донских казаков) были распространены волошские, курдючные и жирнохвостые (чундук) овцы. Продукты овцеводства лишь частично шли на продажу. Овец стригли три раза в год (в марте, июне, сентябре), получая в общей сложности 2—2,4 кг шерсти с каждой. Овцы давали также овчины: поярок с молодой овцы, мерлушку, смушку — с ягнят, выvороток — с утробных ягнят. Высокими качествами отличались шерсть и овчины романовской овцы (Ярославская губ.). Помещики, купцы, зажиточные крестьяне, особенно в южных губерниях, разводили овец с промышленной целью. В их хозяйствах были распространены овцы улучшенных тонкорунных пород.

На севере овец держали в подызбицах — нижних этажах изб, на юге — в овчарнях или кошарах — специальных помещениях, в которых вместе с овцами часто помещали и другой скот. Зажиточные крестьяне зимой кормили овец сеном, но большей частью гуменным кормом — мякиной, соломой и пойлом из вареного картофеля, льняной избоины или ячной муки. Летом овцы находились на подножном корму. Их пасли или в одном стаде с коровами и свиньями, или в специальных овечьих стадах с отдельными пастухами — овчарами, или чабанами, особенно в южных степных губерниях, где в значительной степени было развито товарное скотоводство.

Русские крестьяне и мещане разводили также коз, которые давали пух и молоко. Молоко употреблялось в домашнем хозяйстве, а козий пух (под-

шерсток), самый тонкий и мягкий вид шерсти, шел на тканье и вязанье дорогих шалей, шедших на продажу. Их производством особенно славились Пензенская и Оренбургская губернии.

Свиноводство начало более усиленно развиваться с конца XIX в. в связи с увеличением экспорта свинины. В некоторых местах, например в Рязанской губ., наиболее богатые крестьяне стали заниматься скупкой поросят для экспорта. Свиней держали на свободе и кормили на мясо, а не на сало, как украинцы. Повсеместно была распространена древняя русская порода свиней — короткоухая. В северной и западной России разводили, кроме того, длинноухую породу, которая давала приплод два раза в год и была позднеспелой. Помещики и зажиточные крестьяне, кроме свиней местных пород, разводили породистых йоркширов, беркширов и др.

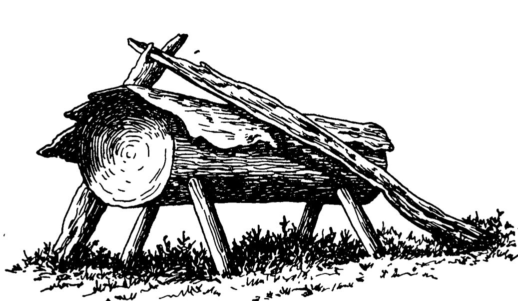
Птицеводство у русских крестьян было распространено повсюду и велось в основном для личного потребления. Ведущее место среди птиц занимали куры, затем гуси, реже разводились утки. Индейки встречались преимущественно в помещичьих имениях. Куры были мелкие, выносливые и не требовали особого ухода. Некоторые породы, как, например, юрловская, орловская, павловская, отличались высокой яйценосностью. Держали птиц в курятниках или же в хлевах вместе со скотом. Летом они находились на подножном корму, зимой их кормили льняной мякиной, просом, ячменем, дробленой кукурузой. Осенью, в день Кузьмы и Демьяна (1 ноября), считавшегося «курячим праздником», было принято резать кур. Наиболее распространены были беспородные гуси. Но встречались также гуси улучшенных пород: холмогорские, арзамасские, тульские. Забой гусей проводился в день Никиты гусятника (15 сентября). Продукты птицеводства частично сбывались на местных базарах. Пух, перо и яйца обычно скупали скупщики, в том числе для экспорта за границу. Большое количество яиц экспортировалось из Западной Сибири. В Ростовском уезде Ярославской губ. выкармливали сотни тысяч цыплят, которых продавали оптом или отвозили в Петербург и Москву.

При уходе за домашним скотом соблюдалось определенное половозрастное разделение труда. За лошадьми, рабочими волами и быками ухаживали мужчины, за остальным домашним скотом — женщины. Пастухами работали только мужчины.

Ветеринарная помощь в русской деревне была совершенно недостаточной. Большое количество скота погибало ежегодно от различных эпизоотий и болезней. В 1907 г. в стране имелось только 1620 ветеринарных лечебниц, которые обслуживали в основном помещичьи и кулацкие хозяйства. Крестьянство при лечении скота прибегало к услугам коновалов и знахарей. Дохристианские воззрения, стойко сохранявшиеся в русской деревне, особенно ярко проявлялись в магических обрядах, к которым прибегали крестьяне при заболеваниях скота. «Хозяином» скота по воззрению крестьян был домовой, которого повсеместно старались умилостивить, развешивая в хлевах разноцветные лоскутки, овечью шерсть, мишуру из блесток, горбушки хлеба, старинные монеты с изображением коня. При эпизоотиях был распространен обряд опахивания, проводившийся в полночь женщинами, которые сохой опахивали борозду вокруг деревни, и шумом, производимым сковородами, заслонками, чугунами, кольями и палками, и криком «отгоняли» от селения смерть. Иногда для этих же целей обносили вокруг села икону Власия.

Пчеловодство

Пчеловодство — одно из древнейших занятий восточнославянского населения. Наиболее старым видом его являлось бортевое пчеловодство. Мед и воск издавна служили в России для уплаты податей и налога; мед шел на изготовление напитков, широко распространенных у русских, применялся для приготовления праздничных и ритуальных блюд; воск служил для освещения и в



1

2

I

II

Типы ульев:
I. Колодные ульи (*1* — Алтайский край, 1914 г.; *2*—Южный Урал, 1914 г.); *II*. Рамочный улей (Ленинградская губ., 1925 г.)

большом количестве потреблялся церквами. Продукты русского пчеловодства составляли один из основных предметов вывоза за границу уже в XVI—XVII вв. В XIX в. русские занимались пчеловодством на всей территории расселения, за исключением наиболее северных губерний. Наибольшее развитие пасечное пчеловодство получило в Вятской, Уфимской, Воронежской, Екатеринославской губерниях, в Кубанской обл. и Томской губ. В ряде лесных мест Орловской, Витебской, Черниговской, Пермской губерний, в Вятской, Казанской, Уфимской губерниях встречалось и бортевое пчеловодство. Пасеки устраивались обычно в садах, огородах, лесах, на полях. Иногда ульи перевозились из леса в поле для лучшей взятки меда. Эти так называемые кочевые пасеки часто встречались в южных районах, где большие площади занимали посевы гречихи — ценного медоноса.

Для содержания пчел изготовляли ульи, на севере и в средней полосе России колодные — *пеньки*, выдолбленные из целого отрезка дерева. В южной части средней полосы и на юге России бытовали украинские ульи (*бочки*, или *ступы*) в виде выдолбленных липовых или ольховых кадок с одним дном или плетеных соломенных и ивовых конусовидных сосудов. У помещиков имелись более усовершенствованные разборные рамочные и линеечные ульи. С 60-х годов XIX в. такие ульи встречались и у крестьян. Их преимущество состояло в том, что каждый сот помещался в особой рамке или же был прикреплен к узкой дощечке-линейке и мог быть вынут с линейкой или рамкой. Сбор меда в таких ульях был в несколько раз выше, чем в колодных. По сведениям 1893 г., на пасеках всей страны применялось 87% колодных ульев и только 13% рамочных. В 1814 г. пчеловод П. Н. Прокопович изобрел втулочный, или переворотный улей, который получил широкое признание не только в России, но и за границей. Французское политехническое общество учредило особую мастерскую для его производства.

Крестьянское пчеловодство было малопродуктивным, техника разведения и содержания пчел низкая. Большие пасеки по 500—1000 ульев имелись лишь у помещиков. Крестьянское пчеловодство приобрело крупные размеры в Западной Сибири (особенно на Алтае) и у русского населения Киргизии и Восточного Казахстана. Мед вынимали два-три раза в лето, обычно 20 июля (Ильин день) и 1 и 6 августа (первый и второй Спас). Для зимовки пчел строились омшаники или оборудовались места в амбарах, ригах, клунях, подвалах.

Пчеловодство было окружено «таинственностью». Пасека считалась священным местом, во многих местностях в ее ограду не должна была вступать женщина. «Покровителям» пчел Зосиме и Савватию, Марку и Захарию приносили в жертву обнову — первый рой, закапывая его в землю и произнося при этом различные заклинанья.

* * *

В пореформенное время капиталистические отношения все активнее проникали в сельское хозяйстве. Говоря о значении этого процесса, В. И. Ленин отмечал, что «... земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда»[1]. «... Капитализм впервые создал в России крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих»[2]. Важнейшим следствием развития капиталистических отношений была специализация сельского хозяйства, выделение отраслей торгового земледелия, в том числе и сельскохозяйственных технических производств.

В России среди районов торгового земледелия выделялись районы зернового хозяйства (южные и восточные окраины Европейской России, Заволжье), скотоводства (северные губернии, часть центральных губерний), льноводства (северные губернии), технической переработки сельскохозяйственных продуктов — винокурения (среднечерноземные губернии), свеклосахарного (южно- и среднечерноземные губернии), картофеле-крахмального производства (нечерноземные и северные черноземные губернии), маслобойного (подсолнечного — Воронежская и другие южные губернии, сливочного — северные и частично западные губернии), табаководства, огородничества и садоводства (местами в различных зонах). В хозяйстве крепостнической России основные потребительские зерновые культуры — рожь, овес, гречиха — заменялись торговыми культурами — пшеницей и ячменем.

Развитие капитализма вело к разложению крестьян на сельскую буржуазию и пролетариат, к концентрации товарной продукции в руках небольшой группы сельской буржуазии и разорению широких масс крестьянства. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве России широко сочеталось с остатками крепостничества и крепостнических методов эксплуатации крестьян. Помещики и кулаки, используя труд закабаленных ими крестьян, производили в своих хозяйствах 50% получаемого в стране зерна и почти 75% всего товарного хлеба.

Таким образом, по агротехническому уровню помещичье хозяйство значительно превосходило крестьянское хозяйство. В 1912—1914 гг. четырехпольные и многопольные севообороты применялись в 64,1% помещичьих и в 19,2% крестьянских хозяйств. Эти приемы распространялись, как правило, на площади, которые обрабатывали сами помещики,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 311.
[2] Там же, стр. 312.

и составляли незначительную часть всех помещичьих земель. Основную часть земель помещики сдавали в аренду крестьянам. Поэтому мелкое крестьянское хозяйство преобладало в России, и сельское хозяйство в целом оставалось отсталым.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советская власть Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. решила основной вопрос, с которым было связано все пореформенное развитие деревни. Помещичье и крупнокапиталистическое землевладение были уничтожены, земля была передана в бесплатное пользование крестьян. Распределение земли между крестьянами проходило в обстановке острой классовой борьбы. Решающую роль в обеспечении победы пролетарских слоев деревни сыграли созданные в 1918 г. комитеты бедноты. Они принимали непосредственное участие в переделе земли, распределяли сельскохозяйственный инвентарь и другие средства производства, изъятые у помещиков и кулаков, при организации коллективных хозяйств разъясняли преимущества коллективной обработки земли. Землю делили главным образом по числу едоков и значительно реже по наличным мужским душам, иногда за единицу разверстки принимали двор, скот, рабочую силу и т. д.

Сельское хозяйство в первые годы Советской власти

В результате крестьяне получили более 150 млн. десятин земли (в том числе около 50 млн. десятин кулацких земель из 80 млн. десятин, имевшихся у кулаков к началу революции), освободились от помещичьей эксплуатации, от арендных платежей помещикам (в сумме 700 млн. руб.), от долгов Крестьянскому банку (в размере 1300 млн. руб.).

Национализация земли означала установление всенародной государственной собственности на одно из основных средств производства в сельском хозяйстве и поэтому явилась важным шагом на пути к социализму. Национализация земли создавала в стране земельный строй, облегчающий переход к социализму.

Национализация земли давала возможность Советскому государству ставить преграды росту капиталистического производства и способствовать возникновению и росту социалистических форм хозяйства.

Сразу же после революции в центральных районах страны, в основном на базе помещичьих имений, создаются первые совхозы. «Советское хозяйство,— отмечал В. И. Ленин,— ставит своей задачей постепенно научить сельское население самостоятельно вырабатывать новый порядок, порядок общего труда, при котором не может снова родиться кучка богатеньких и давить на массу бедноты, как это бывало всегда...»[1]

Этой же цели служили и возникшие в деревне в первые годы Советской власти коллективные хозяйства в виде коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли и т. д. Они объединяли в основном беднейших крестьян и часто создавались на базе конфискованных имений. Весной 1918 г. только в центральной части России было основано 950 коммун. Они вскоре распались, так как не было еще предпосылок для такой формы объединения, но они были первыми ростками, из которых вырос современный, прогрессивный общественно-экономический строй в деревне.

Советское государство оказывало первым советским коллективным хозяйствам всевозможную материальную и организационную помощь, принимало меры к тому, чтобы превратить их в образцовые хозяйства и на их примере убедить крестьян в необходимости перехода к общественной обработке земли.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 38, стр. 29.

Сельское хозяйство России в целом сильно пострадало от первой мировой войны, а затем интервенции и белогвардейщины. На войну было призвано более половины всего мужского населения деревни, реквизировано более 2 млн. лошадей. Все это поставило деревню на грань катастрофы.

В результате национализации земли и перераспределения средств производства крестьянство в послереволюционное время стало гораздо более средним, противоречия сгладились, «земля разделена в пользование гораздо более уравнительное, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован... Деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка» [1].

Однако основным производителем в земледелии оставался мелкий крестьянин. Малотоварность крестьянских хозяйств вела к снижению производства товарной продукции, к сокращению посевной площади и ухудшению отраслевой структуры земледелия. Военный коммунизм, необходимый в условиях войны, стал тормозом экономического развития страны, вызывал все большее недовольство крестьян и ставил под угрозу союз рабочего класса с крестьянством и существование пролетарского государства.

Необходимо было, отмечал В. И. Ленин, «...экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России... нельзя, экономически нельзя» [2].

X съезд ВКП(б) принял Постановление о переходе к новой экономической политике (нэпу), о замене продразверстки продналогом. Нэп призван был укрепить смычку между социалистической индустрией и крестьянским сельским хозяйством путем свободного товарооборота между городом и деревней с целью поднятия экономики страны, доведенной до почти катастрофического положения семью годами империалистической и гражданской войн.

Нэп был необходимым этапом. В условиях мелкокрестьянской страны, отсутствия развитой крупной промышленности и крупного земледелия прямой переход к коммунизму был невозможен экономически.

Смысл новой экономической политики, разработанной и принятой по инициативе В. И. Ленина, заключался в том, что она предоставляла возможность строить социализм, учитывая реальное положение и реальные интересы крестьянина как мелкого товаропроизводителя.

Наряду со значительным укреплением позиций социализма переход к нэпу вызвал оживление капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Усилилась кулацкая прослойка. Из-за недостатка скота и инвентаря беднейшая часть крестьян попадала в зависимость от кулачества.

Кулаки, пользуясь имевшимся тогда правом аренды, широко использовали землю малообеспеченной части крестьян. С помощью аренды кулаки вдвое и втрое расширяли свои посевы. Бедняцкие и середняцкие хозяйства, не имеющие средств производства, арендовали их на кабальных условиях у кулаков и зажиточных крестьян, преимущественно за натуральную оплату и отработки. Преобладание отработок обеспечивало зажиточно-кулацкие хозяйства почти даровой рабочей силой. Эти хозяйства прибегали также и к найму батраков.

В 1925 г. в деревне существовало следующее соотношение между социальными группами: сельскохозяйственный пролетариат — 11%, бедняки — 22%, середняки — свыше 60%, кулаки — 3—4%. В 1927 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 60.
[2] Там же, стр. 70.

13 Заказ № 888

1,4 млн. хозяйств нанимали рабочих на срок; кроме того в стране насчитывалось по неполным данным 2,5 млн. поденных рабочих. Сельская буржуазия систематически нарушала установленные советскими законами условия труда батраков, удлиняя их рабочий день до 12—14 часов, лишая дней отдыха и т. д. Существовала и замаскированная форма эксплуатации рабочей силы, когда односельчане эксплуатировались под видом родственников, приемных детей и пр.

Эксплуатация наемного труда была наиболее ярким проявлением капиталистических производственных отношений в доколхозной деревне.

Советское государство систематически принимало меры, ограничивающие рост кулацких хозяйств. Создание в 1924 г. Всесоюзного сельскохозяйственного банка для кредитования бедняцких и середняцких хозяйств препятствовало кулачеству использовать свои кредиты в кабальных целях. С 1926 г. была запрещена продажа тракторов кулакам, а другие сельскохозяйственные машины продавались им в последнюю очередь. Государство сокращало сроки аренды земли и увеличивало подоходное обложение зажиточных крестьян, усилился контроль над применением наемного труда. Наступление на кулачество привело к тому, что с 1928 г. число сезонных наемных рабочих в кулацких хозяйствах стало уменьшаться, хотя увеличилось число поденных.

Советское земельное законодательство предоставляло крестьянам право выбора следующих форм землепользования: а) общинная с уравнительными переделами между дворами, б) подворная с неизменным размером земли, в) товарищеская с коллективным пользованием землей.

В Декрете о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. указывалось: «Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках»[1]. В районах, где удерживалось общинное землепользование, в жизни крестьян сохраняла свое значение и община (земельное общество), причем в ряде мест (например Поволжье) община была сложной, она включала крестьян нескольких селений.

Советская власть уничтожила реакционные черты общины: ее фискальные функции, круговую поруку, прикрепление крестьянина к земле. Община сохранялась лишь как поземельная соседская организация, которая непосредственно управляла землепользованием и землеустройством. В этих вопросах ей были подчинены крестьянские общества взаимопомощи, мелкие колхозы (до 15 человек) и простейшие кооперативы (машинные, семеноводческие и т. д.). В состав схода — высшего распорядительного органа общины — входили теперь все члены крестьянского двора, в том числе и женщины. Сход решал все вопросы, касающиеся землепользования, общественных повинностей, избирал уполномоченных по земельным делам, осуществлявших представительство и защиту интересов общества в земельносудебных комиссиях и т. д. Кулачество в первые годы также пользовалось правом голоса на сходе и часто стремилось превратить земельные общества в фактические органы местного самоуправления, противопоставляя их сельским советам. Партийные организации проводили внутри земельных обществ массово-разъяснительную работу, способствовавшую уменьшению влияния кулацких элементов и их изоляции. На это было обращено внимание и XV съездом ВКП(б) (1927 г.), который поручил ЦК разработать вопрос «...об улучшении взаимоотношений между Советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли Советов и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей Советов»[2].

---

[1] «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 19.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. II. М., 1954, стр. 486—487

При разделе земли земельное общество разбивало землю на участки, учитывая качество почвы и отдаленность угодий от населенных пунктов, а участки — на загоны, которые делились с помощью жеребьевки. Неизбежным последствием этого были чересполосица и мелкополосица. Чересполосное владение обусловливало единую для всей общины систему севооборота, в основном трехполье, что тормозило введение улучшенных севооборотов и переход к многополью. В районах земледельческого центра крестьяне, кроме того, страдали от размещения пахотных земель вдалеке от селений, а в Среднем и Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — и от огромной протяженности отдельных узких полос, достигавших нескольких километров длины. Общинный порядок землепользования оказывал, таким образом, отрицательное влияние на развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Отдельные крестьяне, главным образом в районах тесно связанных с городским рынком (северо-запад, запад, центр), стремились выйти из общины на хутора и отруба. Рост хуторов в период нэпа явился отражением оживления капитализма в деревне и сопровождался острой борьбой между беднейшей частью крестьян и сельской буржуазией. Советское правительство принимало меры по ограничению выселений на хутора.

В восстановительный период в деревне вырабатывались новые формы землепользования. С целью сокращения числа полос у отдельных крестьян, уменьшения расстояния до полей, увеличения посевных площадей за счет залежей применялось расселение многодворных общин на несколько поселков. Большое значение имело землеустройство внутри отдельных селений. Широкие полосы и многополье распространялись на Северном Кавказе, в Сибири, Центральном промышленном районе, Ленинградской обл. От землеустройства больше всего выигрывали бедняцкие слои деревни.

Советское правительство оказывало постоянную помощь обобществленному сектору. В соответствии с разработанным В. И. Лениным кооперативным планом соблюдалась добровольность и постепенность внедрения кооперации. Поэтому вначале делался упор на развитие потребительской, снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации, которые не затрагивали основ мелкотоварного производства. Они давали крестьянам возможность использовать преимущества крупного сбыта и снабжения и дешевого кредита. Важное значение в развитии кооперации имела контрактация — заключение договора государства с крестьянами на поставку сельскохозяйственной продукции. В этих кооперативах обобществление еще не захватывало средств производства и труда крестьян, однако они вносили в их хозяйственную деятельность навыки коллективизма, экономически связывали личные интересы одного крестьянина с интересами других крестьян и всего общества, что подготавливало переход к развитию простейших производственных кооперативов — машинных, семеноводческих, животноводческих, мелиоративных и других товариществ.

С переходом в реконструктивный период число коллективных хозяйств стало увеличиваться. Значительно увеличился удельный вес простейших кооперативов и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ'ов) — первичной формы кооперативного хозяйства. Средства производства в ТОЗ'ах оставались в частной собственности крестьян и использовались совместно лишь в период сельскохозяйственных работ, но на отчисления от доходов приобретались сложные сельскохозяйственные машины, которые составляли общественную собственность товариществ. Рост общественной собственности и коллективного производства постепенно превращал простейшие производственные товарищества в колхозы. Эти мелкие коллективы, таким образом, многое изменяли в труде и быте крестьян и прокладывали дорогу к массовой коллективизации. XV съезд

ВКП(б) взял курс на коллективизацию сельского хозяйства, на воплощение в жизнь ленинского кооперативного плана.

В 1927—1928 гг. колхозное движение получило широкий размах. В товариществах по совместной отработке земли обобществлялась бо́льшая часть посевных площадей (58,6%) и инвентаря (81,1%); все остальные средства производства находились в частной собственности. По социальному составу колхозное движение 1928 г. оставалось бедняцко-батрацким.

В 1928 г. Советское государство начало создавать крупные зерновые совхозы. Эти совхозы, снабженные новой техникой, производили значительное количество товарного хлеба. Для оказания непосредственной помощи крестьянским хозяйствам совхозы открывали специальные прокатные, случные, зерноочистительные пункты и ремонтные мастерские, а для самих крестьян — библиотеки, читальни и сельскохозяйственные выставки. Крестьянство стало все больше сознавать необходимость перехода к коллективному труду. К этому времени в стране были созданы и материально-технические предпосылки для усиления темпов развития колхозного движения.

Сельское хозяйство в период сплошной коллективизации

Переход крестьян к коллективному хозяйству отвечал интересам развития советской страны, так как приводил в соответствие характер производства в городе и деревне. Коллективизация сельского хозяйства была объективной необходимостью, ибо нельзя было строить социализм на двух разных социально-экономических основах: на основе передовой социалистической промышленности и мелкого крестьянского хозяйства. Только коллективизация могла изменить производственные отношения в деревне.

С 1929 г. коллективизация деревни стала развиваться быстрым темпом, она охватила не только бедняцко-батрацкие слои, но и середняцкие. В отдельных районах и округах стала развертываться сплошная коллективизация, которая означала глубочайший переворот в сельском хозяйстве, преобразование частной собственности трудового крестьянства на средства производства в общественную собственность.

Кулачество активно выступило против коллективизации. Кулаки организовали террористические акты против коммунистов, комсомольцев, поджоги колхозных построек и домов колхозных активистов (в 1929 г. в РСФСР было зарегистрировано около 30 тыс. таких поджогов), агитировали за убой скота, разбазаривание семян и инвентаря. В этой борьбе кулачество и церковь использовали мелкособственническую психологию крестьян и ошибки, допущенные при проведении коллективизации. В ответ на это в деревне развернулась борьба против кулаков снизу. Раскулачивание сельской буржуазии проводилось самими бедняцко-середняцкими массами. Деревня переживала новую революцию.

Большую роль сыграл в период коллективизации рабочий класс, который послал своих лучших представителей в деревню. Двадцатипятитысячники, в основном русские рабочие, пришли на помощь не только русской деревне, но и крестьянам национальных республик. Они провели большую политико-воспитательную и организаторскую работу в колхозах, создали значительный крестьянский актив, ввели в практику производственные совещания и социалистическое соревнование. Серьезный ущерб делу коллективизации причинили ошибки и перегибы в ходе колхозного строительства: торопливость в осуществлении массовой коллективизации, нарушение ленинского принципа добровольности, ошибки и перегибы при раскулачивании, обобществление, кроме средств производства, мелкого скота и птицы, бытовых предметов, т. е. перескакивание через артельную форму хозяйства. В распространении этих ошибок основная вина падает на Сталина, который игнорировал сигналы с мест и в ряде выступлений настаивал на уско-

рении темпов коллективизации. Эти ошибки и перегибы вызывали недовольство бедняцко-середняцких слоев крестьянства, создавали почву для провокаций со стороны классового врага (участились диверсионные акты против партийного и советского актива, поджоги, в ряде мест вспыхнули антисоветские мятежи). В феврале-марте 1930 г., разобравшись в допущенных ошибках, ЦК КПСС принял меры, направленные на восстановление ленинских принципов в темпах и методах коллективизации.

К концу первой пятилетки колхозный строй одержал победу, оттеснив мелкотоварное производство на второстепенные позиции. Завершена была коллективизация сельского хозяйства во второй пятилетке. Переход к колхозному производству разрешал две проблемы: техническую реконструкцию сельского хозяйства и построение социализма в деревне. Колхозный строй открыл путь для широкого применения машин в сельском хозяйстве.

Важнейшую роль в утверждении колхозного строя сыграли созданные в 1929 г. машинно-тракторные станции, которым были переданы тракторы, принадлежавшие ранее коллективным хозяйствам и кооперативным объединениям. Техническое обслуживание при помощи МТС было лучшей в тех условиях формой механизации колхозного производства.

В итоге всех этих мероприятий в 1931 г. в РСФСР удельный вес работ, произведенных тракторами, составлял 30,7%. Роль МТС в колхозном строительстве не исчерпывалась только обработкой полей. МТС явились рычагами не только технической, но и социальной реконструкции сельского хозяйства.

Через МТС Советское государство, рабочий класс осуществляли организационно-производственное и политическое руководство колхозами. Всей системой своей работы они оказывали влияние на ход коллективизации, на организацию и укрепление колхозного производства. В руках государства МТС служили средством воспитания колхозников в духе коллективизма. Созданные в январе 1933 г. политотделы при МТС и совхозах провели большую работу по борьбе с кулачеством и организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

С 1931 г. колхозы стали основными производителями продовольствия и сельскохозяйственного сырья в стране.

За первые две пятилетки возросла товарность сельского хозяйства. В колхозах и совхозах повысился агротехнический уровень ведения хозяйства: стали применяться более рациональные севообороты, минеральные удобрения, посев высокосортными семенами, их яровизация и протравливание. Пахота, сев, уборка зерновых все более и более механизировались. Укреплялась материально-техническая база колхозов. Число МТС по РСФСР увеличилось с 2259 в 1934 г. до 3937 в 1937 г. В 1937 г. МТС обслуживали 77,1% всех колхозов. В мирные годы третьей пятилетки развернулось строительство новых МТС и большие работы по электрификации сельского хозяйства. Одной из важнейших задач сельского хозяйства в эти годы было повышение урожайности технических культур, производство которых отставало от потребностей страны.

Тяжелые испытания выпали на долю сельского хозяйства в период Отечественной войны. Снабжение деревни машинами почти прекратилось, значительная часть техники, имевшейся в колхозах, была отдана фронту. В армию ушли колхозники-мужчины наиболее работоспособных возрастов. Основной рабочей силой в сельском хозяйстве стали женщины. Чтобы справиться с возросшими задачами, нужно было срочно перестроить сельское хозяйство. Суть этой перестройки сводилась к мобилизации внутренних возможностей производства, к максимальному использованию людских и материальных ресурсов. К сельскохозяйственному производству были привлечены все, кто мог работать,— мужчины, женщины, подростки.

В помощь сельскому хозяйству по трудовой мобилизации партия направляла горожан.

Велась борьба за максимальное по продолжительности использование имеющихся механизмов, экономию горючего, использование местных видов топлива и в широких размерах — живой тягловой силы. Несмотря на огромные трудности, в годы Отечественной войны в центральных и восточных районах были расширены посевные площади под зерновыми, увеличены посевы озимых, что хотя бы частично компенсировало потери, вызванные оккупацией.

Красная Армия и население в годы войны бесперебойно снабжались продовольствием. Важным дополнительным источником увеличения сельскохозяйственной продукции в годы войны были подсобные хозяйства при предприятиях, а также коллективные и индивидуальные огороды рабочих и служащих.

Колхозный строй вышел победителем из тяжелого испытания войны. В 1941—1945 гг. было заготовлено хлеба в три с лишним раза больше, чем в 1914—1917 гг.

Сельское хозяйство в послевоенный период

Вся страна принимала участие в восстановлении колхозного производства в освобождаемых от фашистской оккупации районах. По почину ярославских и ивановских колхозников развернулось движение за сбор продовольствия и скота для этих районов. Широкие размеры приняло шефство над освобожденными областями.

В первую послевоенную пятилетку уровень сельскохозяйственного производства достиг довоенного. В 1950 г. началось укрупнение колхозов, так как наличие большого числа мелких хозяйств (в 10—20 дворов), где плохо использовалась техника и были велики расходы на административное управление, тормозило дальнейшее развитие сельского хозяйства.

Однако положение в сельском хозяйстве все еще оставалось неблагополучным. В стране не хватало необходимых сельскохозяйственных продуктов.

Объективные причины отставания сельского хозяйства заключались, во-первых, в том, что у страны не было возможности одновременно развивать высокими темпами и промышленность и сельское хозяйство, а, во-вторых, в ущербе, нанесенном сельскому хозяйству войной. Субъективные — коренились в недостатках партийного и государственного руководства.

Одним из самых серьезных недостатков было нарушение ленинского принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии общественного производства. Планирование сельскохозяйственного производства было излишне централизованным и не позволяло учитывать природные условия отдельных районов. Имела также отрицательное значение лакировка действительности.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК детально проанализировал состояние сельского хозяйства, смело вскрыл имеющиеся недостатки и наметил развернутую программу крутого подъема сельского хозяйства. Развитию сельского хозяйства партия уделяет повседневное внимание, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов на Пленумах ЦК, сессиях Верховного Совета, XX, XXI, XXII съездах КПСС.

Прежде всего был восстановлен принцип материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах их трудовой деятельности и развитии общественного производства, что способствовало увеличению трудовой активности колхозников и повышению производительности их труда. Были значительно повышены заготовительные и закупочные цены на важнейшие продукты сельского хозяйства, снижены размеры обязательных поставок колхозами зерна, овощей, картофеля.

Партия осудила по существу антиколхозную политику цен, которая проводилась при жизни Сталина. Установленные после сентябрьского Пленума (1953 г.) цены на сельскохозяйственную продукцию позволили вести хозяйство рентабельно, обеспечивать накопления для расширенного воспроизводства, достойно оплачивать труд колхозников. В 1958 г. были отменены обязательные поставки и натуроплата за работу МТС, установлен новый порядок заготовки сельскохозяйственных продуктов и новые заготовительные и закупочные цены. Был введен новый порядок планирования, позволяющий колхозникам планировать развитие своего хозяйства на основе учета местных условий производства. Колхозам было предоставлено право самим разрабатывать планы развития своего хозяйства, дополнять и изменять отдельные положения примерного устава сельхозартели. Правительство значительно увеличило ассигнования на неотложные нужды сельского хозяйства. На февральском Пленуме ЦК (1964 г.) вновь острой критике подверглись те руководители, которые сдерживали инициативу колхозов в области планирования, навязывали колхозам готовые решения по различным вопросам (структура площадей, соотношение культур и др.).

Реорганизация МТС и продажа техники колхозам укрепили экономику сельскохозяйственных артелей. Большое значение имело освоение целинных и залежных земель, которые дали стране миллионы пудов товарного хлеба.

Основную массу специалистов сельского хозяйства перевели на работы непосредственно в колхозы. Укрепили их и руководящими кадрами, в том числе передовыми производственниками, имеющими опыт организаторской работы. Специализированные научно-исследовательские институты были приближены к сельскохозяйственному производству.

Намеченная программа подъема сельского хозяйства реализуется в нашей стране. Происходит укрепление и расширение материально-технической базы сельского хозяйства, увеличение поставок сельскому хозяйству тракторов, автомобилей и других машин.

В истекшее с 1953 г. десятилетие задача увеличения производства сельскохозяйственной продукции решалась в основном путем расширения посевных площадей. Рост материально-технической оснащенности сельского хозяйства позволил поставить задачу интенсификации сельского хозяйства в широких масштабах.

Февральский (1964 г.) Пленум ЦК отметил, что интенсификация должна пойти по трем главным направлениям: по пути широкой химизации земледелия и животноводства, всемерного развития орошаемого земледелия, внедрения комплексной механизации [1].

На февральском Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что интенсификация производства — это прежде всего специализация хозяйства, широкое применение минеральных удобрений, комплексная механизация. В 1964 г. в сельское хозяйство вложены самые крупные капиталовложения за всю историю Советской власти. «Интенсификация сельскохозяйственного производства,— подчеркнул Пленум,— будет крупным шагом на пути создания материально-технической базы коммунизма, важным вкладом в осуществление Программы партии, принятой XXII съездом КПСС» [2].

Сельское хозяйство СССР является самым крупным в мире и отличается наивысшей концентрацией орудий и средств производства. Число колхозов за 1954—1961 гг. количественно уменьшилось более чем вдвое, одновременно значительно выросли их размеры. Если в 1940 г. в РСФСР 80%

---

[1] См.: «Об интенсификации сельскохозяйственного производства. Постановление Пленума ЦК КПСС 15 февраля 1964 г.». М., 1964, стр. 8—9.

[2] «Об интенсификации сельскохозяйственного производства...», стр. 31.

колхозов объединяли до 100 дворов колхозников, то в 1960 г. таких колхозов было всего 8,7%; происходила концентрация и посевной площади.

Укрупнение колхозов создало необходимые условия для высокопроизводительного использования современной техники, ускорения темпов расширенного воспроизводства, повышения материального и культурного уровня жизни колхозников.

Колхозы и совхозы. Землепользование, системы полеводства, организация труда

С объединением крестьян в колхозы изменились формы землепользования в сельском хозяйстве: основными пользователями земли стали колхозы и совхозы. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное бессрочное пользование.

Устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 г. II съездом колхозников-ударников, стал основным законом колхозной жизни. Он предусматривает обобществление основных средств производства, плановое ведение хозяйства, коллективный труд, распределение доходов по труду, демократические методы управления. Высший орган колхоза — общее собрание колхозников, оно призвано рассматривать наиболее важные вопросы (годовые и перспективные производственные планы, сметы, нормы выработки, расценки работ).

На основе опыта передовых колхозов, в результате длительных поисков была найдена наиболее удачная форма организации труда путем создания постоянных производственных бригад. Первоначально в колхозах преобладали территориальные и сезонные бригады, затем стали вводиться постоянные отраслевые (полеводческие, садоводческие, строительные, животноводческие и др.), а в настоящее время — комплексные, охватывающие несколько смежных отраслей. За бригадой закреплены все необходимые средства производства, за исключением тракторов, которые обслуживаются специальными бригадами. Новые формы организации труда и быта колхозников возникли опытным путем. Много удач в этом отношении было, например, у колхоза «Красный Октябрь» Кировской обл., который один из первых в стране ввел ежемесячное авансирование колхозников (в 1932 г.), ежегодные отпуска, там же организованы комплексные бригады, построен колхозный санаторий.

Коллективное хозяйство позволяет значительно сократить сезонность труда и находить более рациональные формы использования трудовых резервов.

В большинстве колхозов затраты труда колхозников в общественном производстве определяются трудоднями. В годы колхозного строительства преобладала натуральная оплата труда, наметилась натурализация отношений между городом и деревней. Была введена натуроплата за работу МТС и обязательные поставки сельскохозяйственной продукции государству. Это уменьшало денежную выручку колхозов. Колхозы могли платить своим членам натурой.

Основной недостаток учета труда в трудоднях заключался в том, что они начислялись независимо от фонда оплаты труда, а последний образуется независимо от числа трудодней. К началу 60-х годов многие колхозы перешли на денежную оплату труда и учет труда ведут в человекоднях на основе принятой тарифной системы. Кроме средств, непосредственно отчисляемых на оплату трудодней, колхозы оказывают своим членам значительную единовременную помощь (в виде аванса на постройку жилых домов, приобретение скота и другие нужды. При постройке домов колхозы также предоставляют колхозникам транспорт, а часто отпускают и строительные материалы).

Распределение доходов колхозного производства происходит следующим образом: вся полученная колхозом продукция, за вычетом сумм, идущих на возмещение израсходованных средств производства (закладка семенного

и фуражного фондов в размере годовой потребности), составляет валовой доход колхоза. Часть средств из валового дохода выделяется в личный доход колхозников (продукция, идущая на оплату трудодня), остальная сумма составляет чистый доход колхоза. Продукция колхоза распределяется между фондами, поступающими в централизованный доход государства (по закупкам), колхозными общественными фондами накопления (неделимый, страховой, фуражный фонды) и общественными фондами потребления (продовольствие на случай неурожая, фонд помощи инвалидам, административно-хозяйственные расходы, культурный фонд: строительство культурных учреждений, подготовка кадров и т. д.).

Неделимые фонды колхоза не подлежат разделу между членами артели. Они используются для строительства животноводческих помещений, электростанций и т. д. Рост неделимых фондов и укрупнение колхозов повышают уровень обобществления общеколхозной собственности.

Большую роль в сельскохозяйственном производстве играют совхозы, государственные предприятия социалистического типа. Помимо зерновых, в стране создавались специализированные совхозы: молочные, мясо-молочные, технических и плодовиноградных культур, картофеле-овощеводческих, эфиро-масличных, лекарственных, чайных культур и др. Вместе с ростом совхозов увеличивалось число рабочих в деревне. В 1959 г. в РСФСР (без автономных республик) насчитывалось 2902 специализированных совхозов. Первые совхозы были узкоспециализированными хозяйствами. Крупные размеры современных совхозов позволяют сочетать основные отрасли с дополнительными.

В настоящее время совхозы являются ведущими социалистическими предприятиями в деревне, работающими на хозрасчете. Отличаясь высоким уровнем обобществления, они в среднем в два-три раза крупнее колхозов. Поэтому совхозы имеют возможность полнее использовать средства производства и трудовые ресурсы. Затраты труда на единицу продукции и себестоимость ее в них ниже, чем в колхозах. Совхозы отличаются и большей товарностью. Они сдают государству более 70% производимого ими зерна, 85% молока, 97% шерсти, 95% мяса.

Основной формой организации труда земледельческих совхозов является тракторно-полеводческая бригада. Для ухода за пропашными культурами создаются звенья по выращиванию овощных, кормовых и других культур.

Тракторно-полеводческие и специализированные бригады возглавляются специалистами. Работа тракторно-полеводческих бригад осуществляется под руководством и контролем управляющих отделениями и фермами, специалистов, директоров.

В основу оплаты труда рабочих совхозов, как и рабочих промышленных предприятий, положена тарифная система, предусматривающая прямую зависимость их заработной платы от количества и качества произведенной продукции.

Наряду с крупным и развитым хозяйством колхозов и совхозов в настоящее время продолжает сохраняться и личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих, которое характеризуется небольшими, строго регламентированными размерами и носит потребительский характер.

Связи общественного и личного хозяйства многосторонни. Личное хозяйство колхозников, рабочих, служащих (скот, огород) поддерживается в значительной степени с помощью общественного хозяйства (предоставление выпаса, сенокосных угодий и т. д.). Рост продукции общественного сектора сельского хозяйства приводит к уменьшению роли подсобных хозяйств. За последние годы среди колхозников отдельных экономически сильных колхозов наблюдается стремление уменьшить размеры личного подсобного хозяйства.

В первые годы существования колхозов производственные процессы были механизированы лишь частично, и в общественном хозяйстве использовались преимущественно живая тягловая сила и ручной труд. Поэтому в значительной степени сохранялись традиционные навыки и приемы, выработанные в условиях индивидуального хозяйства. Внедрение механизации коренным образом изменило организацию и приемы труда. Наличие широких полей облегчило применение новой техники и агротехники. Ушли в прошлое примитивные орудия труда — соха, косуля, серп. На смену им пришел трактор, комбайн и другие машины.

Подготовка земли к посеву зерновых начинается после уборки хлебов или вместе с уборкой, лущением стерни и последующей вспашкой. Для пахоты применяются лемешные плуги, общего и специального назначения, прицепные, навесные и плуги для безотвальной пахоты по методу новатора, директора Шадринской опытной станции Т. С. Мальцева. Бороны употребляются дисковые, зубовые, проволочные и сетчатые. Молотьба хлеба производится прицепными или самоходными комбайнами. Послеуборочная обработка зерна состоит в очистке его от различных примесей и сортировке простыми и сложными зерноочистительными машинами общего и специального назначения.

При возделывании сахарной свеклы и других пропашных культур широко внедряется квадратно-гнездовой сев и поперечно-продольная обработка междурядий. Получает распространение опыт кубанского механизатора В. А. Светличного, возделывающего сахарную свеклу без применения ручного труда. Для уборки свеклы и картофеля применяются комбайны, прицепные и навесные машины. Обработка почвы под коноплю, посев и междурядная обработка, обмолот семян и обработка стеблей полностью механизированы. Применяемые машины в три-четыре раза сокращают затраты труда на производство этой культуры. Для уборки, обмолота и первичной обработки прядильных культур, льна-долгунца и конопли служат специальные уборочные машины, молотилки, мяльно-трепальные и куделеприготовительные машины.

При дальнейшей механизации сельского хозяйства получат распространение тракторы, работающие на повышенных рабочих скоростях, и навесные машины, заменяющие прицепные, самоходные шасси с набором различных навесных сельскохозяйственных орудий, зерногрузчики и уборочные машины-жатки, зерновые, кукурузоуборочные и силосоуборочные комбайны, а также электрические тракторы, тракторы с приспособлением для автоматического вождения и дистанционного управления, а также гусеничные тракторы с радиоуправлением. Колхозы и совхозы переходят на работу по технологическим картам, применяя комплексную механизацию возделывания и уборки сельскохозяйственных культур. Много ценного в использование механизмов вносит инициатива трудящихся. Так, например, в колхозе «Россия» Саратовской обл., по предложению механизаторов, был устроен уборочный агрегат из лафетной жатки и комбайна, который позволил сэкономить в уборочную кампанию значительные средства и высвободить механизмы, а также людей для культивации пара.

Уровень механизации различных отраслей сельского хозяйства пока еще не одинаков. Наиболее механизировано производство зерна. Так, в 1959 г. сев зерновых был механизирован на 97%, а уборка — на 93%. Более высоко механизировано производство в совхозах, в которых при производстве зерна и сахарной свеклы почти не применяется ручной труд.

Благодаря высокому организационному и техническому уровню колхозно-совхозного производства, использующему все достижения агрономической науки и сельскохозяйственной техники, повысились урожаи зерновых, технических и кормовых культур.

Система земледелия в нашей стране базируется на рациональном размещении и специализации сельского хозяйства.

Программа КПСС предусматривает внедрение во всех районах страны в соответствии с местными условиями и специализацией каждого хозяйства научно обоснованных систем земледелия и животноводства, обеспечивающих наиболее эффективное использование земли и экономически выгодное сочетание отраслей, наилучшую структуру посевных площадей с заменой малоурожайных и малоценных культур высокоурожайными и высокоценными.

Разрабатывается новая структура посевных площадей, которая предусматривает ликвидацию чистых паров в увлажненной зоне на площади девяти млн. гектар, сокращение малоценных культур и широкое внедрение высокопродуктивных пропашных и бобовых культур — кукурузы, сахарной свеклы, моркови, гороха, кормовых бобов. Это даст возможность лучше использовать землю, обеспечить обилие кормов и сельскохозяйственных продуктов.

Сельскохозяйственные культуры

В советское время исчезло разделение на чисто промышленные и чисто сельскохозяйственные районы. Каждая область имеет свою продовольственную базу. Экономические районы развиваются планомерно, а их специфика связана с климатическими и природными особенностями различных зон страны.

В Европейской части РСФСР выделяются следующие районы: Север, Северо-Запад, Центр, Волго-Вятский, Центрально-черноземный, Поволжье, Юг, Северный Кавказ.

Производство зерна продолжает оставаться важнейшей задачей сельского хозяйства. Больше половины всего зерна производит Российская Федерация, особенно район Юга. Так, в 1954—1958 гг. Юг дал 24,6% всего зерна в стране, Северный Кавказ — 10,7%, Поволжье — 8,6%, Центрально-черноземный район — 6,6, Север — 0,3, Северо-Запад — 0,5, Центр—3, Волго-Вятский — 2,9, всего — 57,2. Остальное зерно дают Сибирь, Казахстан и другие республики.

В отличие от дореволюционной России основной зерновой культурой стала пшеница. Возделывание пшеницы, ячменя и других зерновых культур продвинулось далеко на север и восток.

Яровая пшеница по посевным площадям и валовому сбору занимает первое место среди зерновых хлебов. Площади под яровой пшеницей уже к 1938 г. увеличились в восемь раз по сравнению с 1913 г. Основные районы ее возделывания: Сибирь, степные области Урала, Поволжье, Северный Кавказ.

В настоящее время яровая пшеница широко внедряется в колхозах и совхозах нечерноземной полосы (Архангельской, Вологодской, Кировской областях), в которых до революции она почти не возделывалась.

По качеству зерна советские твердые сорта пшеницы нигде не превзойдены и известны во всем мире. Они преобладают в Ростовской, Саратовской, Куйбышевской, Оренбургской, Кубанской областях и в Западной Сибири. Возделывается также свыше 100 сортов мягкой пшеницы. В РСФСР районировано около 160 сортов озимой пшеницы. Ее сеют на Северном Кавказе и в меньшей степени в центральных черноземных областях, в Поволжье и Московской обл.

Второе место после яровой пшеницы занимает рожь. Ее посевы сосредоточены в нечерноземной полосе (35%), черноземной лесостепной (25%). в бассейне Дона и Поволжья (25%). Из сортов ржи наибольшее значение сохраняют вятка, волжанка, казанская. Советскими учеными выведена многолетняя рожь, которую сеют в те же сроки, что и озимую; ее употребляют на силос и на зеленый корм скоту.

Химическая прополка кукурузы с самолета
(Саратовская обл., 1958 г.)

Посевы овса и ячменя уменьшаются. Основные площади, занятые этими культурами, сосредоточены в Российской Федерации, главным образом в Центре, Поволжье, на Северо-Западе.

В текущей семилетке возрастет производство гречихи, особенно в центральной черноземной зоне, в ряде районов нечерноземной полосы и Приуралья, а также проса — в Поволжье, Южном Урале.

Высокоурожайная и экономически выгодная культура — кукуруза — в царской России выращивалась только на зерно и главным образом в южных районах.

В настоящее время кукуруза занимает одно из основных мест среди зернофуражных культур. По содержанию кормовых единиц кукуруза превосходит все другие зерновые и зернобобовые, являясь прекрасным кормом для скота и давая (как и свекла) самый высокий выход кормовых единиц с гектара посева. В южных районах расширяются площади, занятые кукурузой.

В ближайшие годы значительно возрастут посевы бобовых. Их выращивание помогает увеличить производство зерна, так как бобовые дают высокие устойчивые урожаи (20—30 и более центнеров с гектара), обеспечивают животноводство белковыми кормами, повышают плодородие почвы.

Важное значение имеет производство технических культур. С первых лет Советской власти были приняты меры к подъему льноводства. Льноводческие районы бесперебойно снабжались хлебом, семенами, удобрением, машинами. Почти все крестьянские хозяйства здесь были объединены кооперацией.

В настоящее время производство льна-долгунца сосредоточено главным образом в центральных, западных, южных областях, Волго-Вятском районе и на Северо-Западе. В 1954—1958 гг. здесь было получено свыше 89% общего сбора льняного волокна. Большие посевы льна имеются в Калининской, Смоленской, Ленинградской, Кировской, Ярославской, Новгородской областях.

Льноводство продвигается и в восточные районы — Зауралье, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток.

Лен — трудоемкая культура, требующая большого количества рабочей силы. Полностью механизированы работы по вспашке и посеву, частично по уборке. Многие льноводы с успехом применяют передовые приемы возделывания льна.

За годы колхозного строительства произошло расширение площадей, занятых коноплей. В колхозах стали выращивать, помимо северного (среднерусского) и южный сорт конопли, раньше не культивировавшийся русскими крестьянами. Советские ученые вывели селекционные высокоурожайные сорта конопли для средней полосы, а также сорта, в которых одновременно созревают посконь и матерка, что позволяет механизировать уборку.

Обмолот льна в колхозе (Владимирская обл., 1961 г.)

Основная масса посевов среднерусской конопли сосредоточена в основном в Курской, Орловской, Брянской, Пензенской, Горьковской, Тюменской, Новосибирской областях, Алтайском и Красноярском краях.

На Севере — в Архангельской, Ленинградской областях — коноплю возделывают на небольших участках для нужд самих колхозов. Южная конопля производится в Краснодарском и Ставропольском краях.

Сахарная свекла культивируется как в старых районах производства (Курской и Воронежской областях), так и в новых — центральных черноземных областях, в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке. Создана мощная база свеклосеяния на Кубани. По площадям и сборам сахарной свеклы и производству семян СССР занимает первое место в мире. Сахарная свекла возделывается не только как техническая, но и как кормовая культура.

Советские семеноводы создали односемянную свеклу, которая дает один росток, а не несколько, как обычная. Возделывание этого сорта избавляет колхозников от такой трудоемкой работы, как прорывка. Затраты труда при возделывании ее квадратно-гнездовым способом снижаются в три-четыре раза.

Подсолнечник в небольших количествах выращивают в Саратовской, Куйбышевской, Волгоградской, Оренбургской, Воронежской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях. Советские селекционеры вывели новый сорт подсолнечника с повышенным содержанием масла в семенах (до 43—47% против 28—33% в 1913 г.).

В 1959 г. всеми кормовыми культурами было занято в Союзе 52,6 млн. гектар (в 1913 г.— 3,3, млн. гектар), особенно много их возделывают

в Поволжье, на Северном Кавказе, в центральных и центрально-черноземных областях, а также в Волго-Вятском и Северо-Западном районах. Долгое время слишком большое место по площади посева занимали травы, которые давали мало кормовых единиц. В ряде случаев непроизводительное использование земли тормозило дальнейшее развитие животноводства. В настоящее время расширяются фуражные посевы сахарной свеклы, картофеля, зернобобовых.

После Великой Октябрьской социалистической революции значительно увеличились как площади посева овощей, так и их производство.

Овощеводство и бахчеводство

В первые послереволюционные годы в единоличных крестьянских хозяйствах агротехника в овощеводстве оставалась прежней. С коллективизацией, и особенно после объединения мелких колхозов в крупные хозяйства, начинается заметное улучшение условий для развития овощеводства. Посадки овощей стали занимать значительные площади, благодаря чему появилась возможность механизировать их возделывание и улучшить агротехнику. Товарное производство овощей особенно развивалось в промышленных областях — в Московской, Горьковской, Свердловской, Пермской и др.

В настоящее время для полного удовлетворения потребностей городского населения в картофеле и овощах вокруг городов и промышленных центров создаются специализированные совхозы и колхозы. Партия и правительство Советского Союза уделяют большое внимание роли механизации в развитии овощеводства. На Пленуме ЦК КПСС в январе 1961 г. указывалось, что при развитии производства технических культур и повышении их урожайности следует обратить особое внимание на внедрение прогрессивных приемов возделывания и уборки этих культур, механизацию на посеве, обработке и уборке.

В южных районах нашей страны овощи выращивают в открытом грунте. В средней полосе и в более северных районах их выращивают как на грядах, так и в защищенном грунте (в теплицах, парниках и рассадниках), благодаря чему жители городов, даже на Крайнем Севере, где до революции овощеводство не существовало, могут получить ранней весной, в начале лета и нередко зимой свежие овощи.

В советское время получила большое развитие промышленность по переработке овощей (приготовление консервов, соков, пюре, замораживание и сушка овощей) особенно в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Саратовской, Ульяновской областях, в Грозненском и Краснодарском краях.

В овощеводстве используется все лучшее из агротехники дореволюционного крестьянства и применяются современные методы агротехники. Получение хороших сортов путем отбора лучших растений давно и широко практиковалось в народной агрономии. Этим путем были созданы в дореволюционное время высокие сорта многих овощей, которые до настоящего времени сохранили свою известность. Это ростовский, бессоновский, стригуновский, мстерский лук, муромские огурцы, московская капуста, считающаяся до настоящего времени лучшей для засолки. Славится по-прежнему петровская репа, широко распространенная в северной и средней полосе.

Первой селекционной станцией была Грибовская под Москвой, организованная в 1920 г. В дальнейшем работа по выведению более совершенных сортов овощей стала проводиться в целом ряде овощных станций, на которых выведено много новых высокоурожайных сортов для различных зон Союза. В 1940 г. по решению партии и правительства выращивание овощных семян было организовано в каждой республике, крае, области для обеспечения семенами собственного производства по основным культурам. Товарное семеноводство сохранилось и в районах, где занимались

Теплица для выращивания огурцов в гравийном грунте (Московская обл., 1960 г.)

выведением семян в дореволюционное время. Советские селекционеры улучшили старые сорта растений и вывели новые, главным образом холодостойкие, сорта теплолюбивых овощей. Например, помидоры, родиной которых является Южная и Центральная Америка, до революции возделывались только на юге нашей страны, а в настоящее время культивируются в центральных и даже в северных районах Союза. Если в царской России площадь, занятая помидорами, составляла всего 6 тыс. гектар, то в 1941 г. она превосходила 300 тыс. гектар. Для получения более ранних и более высоких урожаев разработаны различные агротехнические приемы. Так, например, семена овощных растений до посева яровизируют, т. е. увлажняют, проращивают и длительно охлаждают. В передовых колхозах и совхозах рассаду капусты, огурцов, помидоров и некоторых других овощей выращивают в земляных, и особенно в торфоземляных горшках, вместе с которыми рассаду высаживают. Сеют овощные культуры и высаживают рассаду квадратным и квадратно-гнездовым способом, причем более совершенным является последний, так как позволяет производить поперечную и продольную обработку междурядий механизмами.

По сравнению с дореволюционным временем площадь посевов картофеля увеличилась в СССР больше чем втрое. По производству картофеля Советский Союз занимает первое место в мире и дает 35—40% всей мировой продукции. Помимо непосредственного употребления в пищу, картофель используется как сырье для спиртовой, крахмало-паточной промышленности, синтетического каучука.

По площади бахчевых культур СССР занимает первое место в мире. Валовая продукция арбузов, дынь и тыквы в нашей стране составляет 70% всего мирового производства их. На долю РСФСР приходится 55,2% всей посевной площади, занятой этими культурами. Бахчеводство больше всего распространено в Саратовской, Волгоградской, Оренбургской, Астраханской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях. Благодаря применению передовых методов агробиологии советские селекционеры

Машинная сортировка картофеля (Ленинградская обл., 1961 г.)

вывели скороспелые и устойчивые к низким температурам сорта арбузов и дынь, которые могут созревать и в более северных районах нашей страны. Они культивируются в открытом грунте под Москвой, Горьким, Кировом, Ленинградом. Орошение бахчевых культур применяется главным образом в Нижнем Поволжье. В дельте Волги, кроме суходольного, существует ильменное бахчеводство.

Садоводство и виноградарство

В советское время садоводство расширялось в старых районах и продвигается в новые, главным образом на север, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Еще в довоенные годы площадь, занятая садами, в стране увеличилась более чем вдвое (по сравнению с 1913 г.).

Садоводство сильно пострадало во время Великой Отечественной войны. В 1945 г. в РСФСР было всего 432 тыс. гектар плодовых насаждений, на 223 тыс. гектар меньше чем в 1913 г.

В послевоенный период оно вновь стало быстро развиваться. В 1950 г. под плодовыми насаждениями находилось 1017 тыс. гектар. Российская Федерация специализируется на выращивании яблок осенних и зимних сортов, груш, вишни, сливы, а в пригородных районах — ягодных трав и кустарников (земляники, смородины, крыжовника). Наибольшее количество садов в настоящее время находится в центральных черноземных и нечерноземных областях и в Поволжье. В северо-восточной зоне садоводства (северные районы СССР, Урал, Сибирь, Дальний Восток) преобладают яблони местных зимостойких сортов. В Сибири садоводство наиболее развито в Алтайском крае, Омской обл., районе Минусинской котловины. В южной зоне садоводства за годы Советской власти получили распространение новые культуры, как, например, чайный куст и цитрусовые.

В советское время выведено много новых сортов плодовых деревьев Огромная роль в этом отношении принадлежит великому преобразователю природы И. В. Мичурину, деятельность которого началась задолго до революции. Вывеценные им сорта (более 300) отличаются высокими качества-

ми и нашли широкое применение в колхозных садах. Большое распространение имеют и сорта народной селекции. В Сибири культивируется яблоня как мелкоплодных сортов (ранетки, полукультурки), так и сортов крупноплодовых — среднерусские и мичуринские, которые характерны стелющейся приземленной формой дерева.

Садоводством в настоящее время занимаются как специализированные хозяйства, так и многоотраслевые колхозы и совхозы. В крупных специализированных хозяйствах сады обычно разбиваются на квадраты площадью от 4 до 15 гектаров, в каждом из которых сажается какая-либо одна порода деревьев и именно те сорта, которые начинают плодоносить в одно время. Основные тяжелые работы в садоводстве механизированы, применяются специальные почвообрабатывающие машины и орудия для обработки междурядий и приствольных кругов, ямкокопатели, лесопосадочные машины, выкопочный плуг, дождевальные установки, машины для сортировки и калибровки плодов, опрыскиватели и опылители и т. п. Крупные сады опрыскиваются и опыливаются с самолетов специальными химическими составами для предохранения их от вредителей и болезней. Много нового в уход за садовыми деревьями вносят колхозные садоводы-практики. Колхозный садовод Н. М. Смирнов (Московская обл.) добился блестящих результатов, применив новую систему в выращивании яблони — многократную подкормку на протяжении всего вегетационного периода.

Опыливание виноградников ядохимикатами с вертолета (Краснодарский край, 1962 г.)

В колхозах, имеющих крупные плодовые насаждения, создаются специальные садоводческие бригады, включающие разных квалифицированных работников.

Крупные специализированные хозяйства имеют предприятия по переработке плодов, изготавливающие варенье, повидло, джем, сок, вино.

Наряду с колхозными и совхозными садами увеличивается количество индивидуальных садов у колхозников, рабочих и служащих больших городов. В послевоенные годы рабочими и служащими многих городов были заложены коллективные сады.

В настоящее время в районе расселения русских виноградарство наиболее развито в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской обл. (на правом берегу Дона). Донской район относится к числу основных районов промышленного виноградарства. Здесь выращивают ценные сорта винограда, идущие на производство столовых вин. Разводят виноград также в Астраханской, Куйбышевской, Саратовской, Орловской областях. Благодаря применению выведенных И. В. Мичуриным морозостойких сортов

Культивация междурядий в саду (Краснодарский край, 1959 г.)

виноградарство продвинулось на север (в Тамбовскую, Ивановскую, Московскую, Смоленскую, Горьковскую области, Приморский край, на Южный Сахалин.).

Особенно широкого развития виноградарство достигло после победы колхозного строя. К 1940 г. площади, занятые виноградниками, значительно превысили уровень 1913 г. Коренным образом изменилось ведение виноградарства. Вместо мелких плантаций были созданы крупные массивы с виноградными насаждениями, образованы специализированные колхозы и совхозы, которые разводят высококачественные сорта, дают богатое сырье для винодельческой и консервной промышленности и поставляют виноград в свежем и сушеном виде в города и промышленные центры. Выведены новые сорта винограда и освоены высококачественные дореволюционные сорта.

В научно-исследовательских институтах, совхозах и колхозах ведется селекционная работа, направленная на улучшение старых и создание новых сортов винограда.

Развитию плодоводства в настоящее время уделяется большое внимание. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1953 г.) и последующие Пленумы ЦК предусматривали увеличение площадей, занятых плодово-ягодными насаждениями, и повышение урожайности садов и виноградников. Особенное внимание уделяется развитию товарного садоводства в районах, имеющих наиболее благоприятные условия для этого.

Животноводство, птицеводство и пчеловодство

Животноводство — одна из наиболее отсталых отраслей народного хозяйства России — было чрезвычайно подорвано империалистической и гражданской войнами. В первые же годы Советское правительство приняло меры к развитию животноводства. 19 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет о племенном животноводстве. В восстановительный период Советское государство предоставляло бедняцким и середняцким хозяйствам кредиты на приобретение скота, организовывало племенные рассадники, случные пункты, переработочные предприятия. Уже к 1923 г. был достигнут довоенный уровень по поголовью коров, а к 1924 г.— свиней.

Развивалась животноводческая сельскохозяйственная кооперация, которая способствовала включению продуктов животноводства в плановый товарооборот.

При переходе к коллективному хозяйству новой формой общественного животноводства явились крупные, наиболее товарные и высокодоходные колхозные животноводческие фермы.

За две предвоенные пятилетки было создано свыше двух тысяч животноводческих совхозов. Специализированные совхозы оказали большую помощь колхозам в развитии общественного животноводства. В широких размерах применялись и другие меры по улучшению качественного состава общественных стад. Огромный размах получило искусственное осеменение животных. На повестку дня был поставлен вопрос механизации трудоемких процессов в животноводстве. В этих целях (начиная с 1933 г.) в СССР было организовано производство сеноуборочных машин. Расширялась площадь под кормовыми культурами. Вместе с этим росла и сдача животноводческой продукции государству. Несмотря на быстрый рост животноводства, в предвоенный период оно было развито недостаточно, а за годы войны сильно сократилось. Перестройка всего сельского хозяйства после 1953 г. повела к развитию и этой отрасли хозяйства. Больше внимания стало уделяться созданию машин, которые позволили бы резко поднять производительность труда в животноводстве и тем самым ликвидировать его отставание по сравнению с зерновым хозяйством. Улучшилось зоотехническое и ветеринарное обслуживание животноводства, расширилась научно-исследовательская работа в этой области.

В результате осуществления намеченных партией и правительством мер достигнуты успехи в этой отрасли хозяйства.

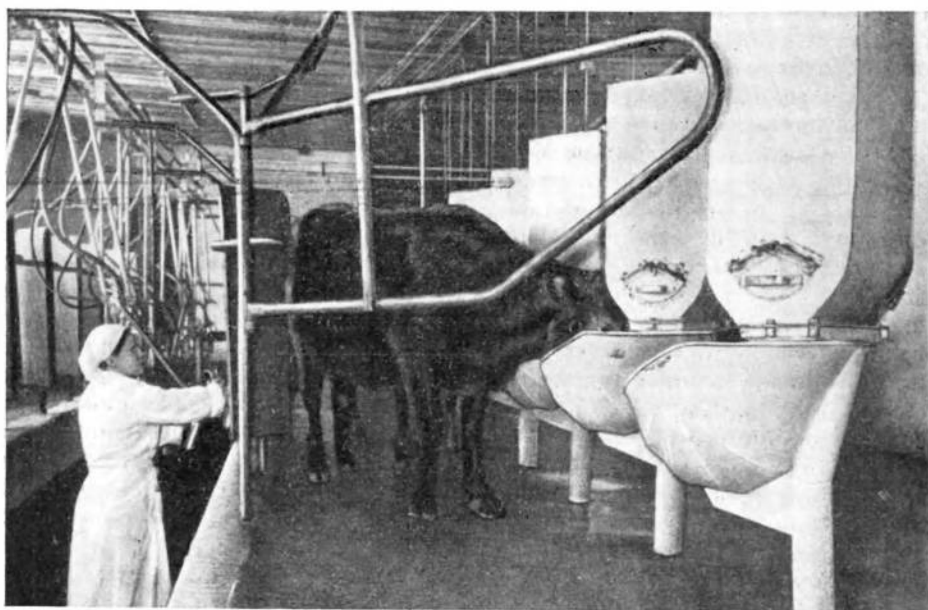
В РСФСР произошло численное увеличение всех видов скота и его продуктивности. Среди пород крупного рогатого скота в настоящее время основное место занимают продуктивные отечественные породы: молочные, мясо-молочные и мясные. Большая роль принадлежит старым русским породам, отличающимся высокой молочной продуктивностью и большим содержанием жира в молоке (холмогорская и ярославская, распространенные в северных и центральных областях, тагильская — на Урале, красная горбатовская — в центральных областях, красная степная — на Северном Кавказе, Южном Урале и на Дону и бестужевская молочно-мясная порода — в Нижнем Поволжье).

Советские ученые в содружестве с передовиками сельского хозяйства не только улучшили старые породы скота, но и вывели высокопродуктивные новые: черно-пеструю молочную породу, широко распространенную в Московской, Ленинградской, Рязанской, Калининской, Вологодской областях и на Урале, костромскую мясо-молочную, распространенную в северных и центральных областях, красную тамбовскую, курганскую — на Урале, мясную астраханскую породу — в Нижнем Поволжье, на Дону и на Северном Кавказе.

Животноводство молочного направления развито главным образом вблизи больших городов (Москвы, Ленинграда) и крупных промышленных центров. В большинстве же районов страны, в колхозах и совхозах преобладает молочно-мясное направление.

В многоземельных районах — Нижнем Поволжье, Южном Урале, Алтайском крае, Сибири, Дальнем Востоке, юго-восточных областях — развивается скотоводство мясного направления. Здесь организованы специализированные мясные совхозы, а также фермы мясного скота в зерновых колхозах и совхозах.

Улучшены старые отечественные породы овец (тонкорунных, грубошерстных, мясо-шерстных и каракулевых). Значительно распространилась романовская порода шубных овец; созданы новые породы. Наибольшее число овец имеется в районах Северного Кавказа, Сибири, Поволжья. Тонкорунное



Дойка коров на установке «елочка» (Ленинградская обл., 1962 г.)

овцеводство в настоящее время сосредоточивается на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, тонкорунное и полутонкорунное — в Среднем Поволжье, центральных и западных областях РСФСР.

Разводятся также козы молочных, шерстяных и пуховых пород (русская, горьковская, придонская, оренбургская), дающие продукцию для легкой и пищевой промышленности.

Улучшены старые породы лошадей, выведены новые породы верховых, рысистых, тяжеловозов (буденновская, терская, кустанайская, русский рысак, советский, русский и владимирский тяжеловозы). С конских заводов племенные производители передаются на племенные и коневодческие фермы совхозов и колхозов. Коневодство имеет до сих пор большое значение для народного хозяйства. В колхозах лошади используются для перевозки грузов, на вспомогательных работах, где невыгодно применение техники, и для обслуживания личных нужд колхозников.

Улучшаются старые породы свиней путем скрещивания местных с крупно-белой новой породой, более продуктивной, чем английская. Выведены новые породы: украинская степная белая, хорошо откармливающаяся и приспособленная к длительному пастбищному содержанию (Северный Кавказ, Дон и другие области); брейтовская (северные и центральные области), ливенская сального типа (Орловская, Воронежская, Курская и другие области), каликинская сального типа. Выведены также новые скороспелые породы: иевлевская, алабузинская, муромская, новочеркасская, лесогорная. Наиболее развито свиноводство в центрально-черноземной зоне, в Поволжье, на Северном Кавказе, Урале, Западной Сибири. Здесь сосредоточено 65,1% всего поголовья свиней.

Массовое применение метода искусственного осеменения в животноводстве, скрещивание малопродуктивного стада с производителями высокопродуктивных пород дало возможность за короткие сроки внедрить племенной скот во все районы страны. В результате колхозы РСФСР в последние годы продали мяса и молока государству значительно больше, чем в прежние годы. Для ухода за скотом в колхозах выделяются постоянные

Строительство механизированного доильного зала карусельного типа (Омская обл., 1962 г.)

работники, за которыми закрепляется продуктивный скот, инвентарь, постройки. На фермах крупного рогатого скота создаются специализированные группы для обслуживания коров, телят и молодняка, нагульного и откормочного скота. При слабой механизации и сохранявшихся традициях индивидуального хозяйства по уходу за животными производительность труда в мясо-молочном животноводстве, как и в других животноводческих отраслях, значительно отставала от уровня, достигнутого в растениеводстве. С введением беспривязного содержания скота, самокормления, машинного доения коров. разбрасывания подстилки и уборки навоза машинами производительность труда работников животноводства стала значительно повышаться. Уже с зимы 1960 г. беспривязное содержание скота применялось для более чем двух млн. голов скота в южных районах, в Поволжье, в центрально-черноземной и нечерноземной полосах, на Северном Кавказе, в Западной Сибири и др. Беспривязное содержание в корне меняет оборудование скотного двора: животных в этом случае держат в дешевых помещениях, а в южных районах — в помещениях полуоткрытого типа. При интенсификации земледелия и быстром росте поголовья скота в ряде хозяйств наметился переход к круглогодовому стойловому содержанию как более эффективному по сравнению со стойлово-пастбищным. В колхозах и совхозах распространяется вместо ручной выпойки прогрессивный подсосный метод выращивания телят под коровами-кормилицами. Молодняк для откорма на мясо переводят на круглогодовое стойловое содержание.

В ряде колхозов со значительным развитием овцеводства создаются укрупненные механизированные чабанские бригады, за которыми закрепляют машины, пахотные земли и естественные сенокосы. В состав бригад, помимо чабанов, входят трактористы, плотники, техники по искусственному осеменению животных, санитары. При стрижке применяются механические и электростригальные агрегаты. Организованы также укрупненные электростригальные пункты.

Во многих степных районах, особенно в Ставропольском крае, Астраханской и Ростовской областях, в Сибири, применяется также система

Электрокормораздатчик на птицеферме в целинном совхозе (1961 г.)

отгонного скотоводства, когда овцы, нагульный рогатый скот и лошади находятся на сезонных пастбищах (весенних, летних, осенних, зимних) бóльшую часть года. Так, колхозы Ставрополья имеют зимние естественные пастбища в Калмыцкой АССР. Здесь оборудованы поселки для животноводов, зооветеринарные участки, машинные станции для заготовки сена на случай непогоды. Летние пастбища находятся на прикумских и приманычских землях.

На крупных свиноводческих фермах создаются группы для ухода за свиноматками и откормочными свиньями. В пастбищный период производится вольная или загонная система пастьбы свиней по группам (матки, отъемыши и т. д.) с подкормкой концентрированными кормами. Для откорма создаются механизаторские звенья из свинарей и трактористов, которые производят зеленые и сочные корма и скармливают их на корню, что удешевляет откорм и облегчает труд. Распространяется применение бесстаночного крупногруппового свободно-выгульного содержания откормочных свиней в свинарниках с самокормушками, что увеличивает емкость свинарников в два с половиной-три раза и создает благоприятные условия для механизации трудоемких процессов.

Новой отраслью общественного животноводства является кролиководство. В царской России оно носило любительский характер. Первые кролиководческие совхозы были организованы в 1929—1930 гг. в целях снабжения кроликами колхозов и население городов. В последние годы в совхозах и колхозах внедряются прогрессивные методы ухода за кроликами, выращивание их в клетках, на открытом воздухе. В нашей стране созданы племенные кролиководческие совхозы, колхозные фермы и государственные племенные рассадники, занимающиеся улучшением местных пород кроликов. Кролиководство превратилось в одну из доходных отраслей хозяйства.

Птицеводство наиболее успешно развивается в зерновых районах страны и пригородных зонах. Птицеводство сосредоточено в специализированных совхозах и на крупных колхозных фермах. На 1 января 1960 г. в РСФСР насчитывалось 175 птицеводческих совхозов, расположенных равномерно по всей Федерации, за исключением районов Севера, где их нет совсем, а также Волго-Вятского района, Восточной Сибири и Дальнего Востока, где они имеются в незначительном количестве. Наибольшее количество кур разводится в районе Северного Кавказа, в Центральном и Центрально-черноземном районах, в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири: уток — на Северном Кавказе, в Центре, Поволжье, Сибири и на Дальнем

Пасека в совхозе (Ростовская обл., 1959 г)

Востоке. Наиболее распространены куры русской белой, московской, первомайской пород, утки пекинской, белой московской, зеркальной и гуси холмогорской, арзамасской, шадринской пород. Индеек разводят главным образом в Ставропольском и Краснодарском краях, Волгоградской и южных областях.

В некоторых областях созданы межколхозные птицефермы. Так, в Лысогорском районе Саратовской обл. такая птицеферма организована десятью колхозами. Ею руководит межколхозный совет. Каждый колхоз вносит вступительный взнос деньгами, выделяет рабочую силу, корма, денежные средства на строительство, покупку инвентаря и машин.

По развитию пчеловодства СССР занимает одно из первых мест в мире. Ведущее место принадлежит Российской Федерации. Особенное развитие получило пчеловодство на Северном Кавказе, в центральных и южных районах Европейской части РСФСР, в Алтайском крае и на Дальнем Востоке.

Пчеловодством занимаются колхозы; совхозы, а также отдельные колхозники, рабочие и служащие. В советское время увеличилось количество пчелиных семей и улучшилась техника пчеловодства.

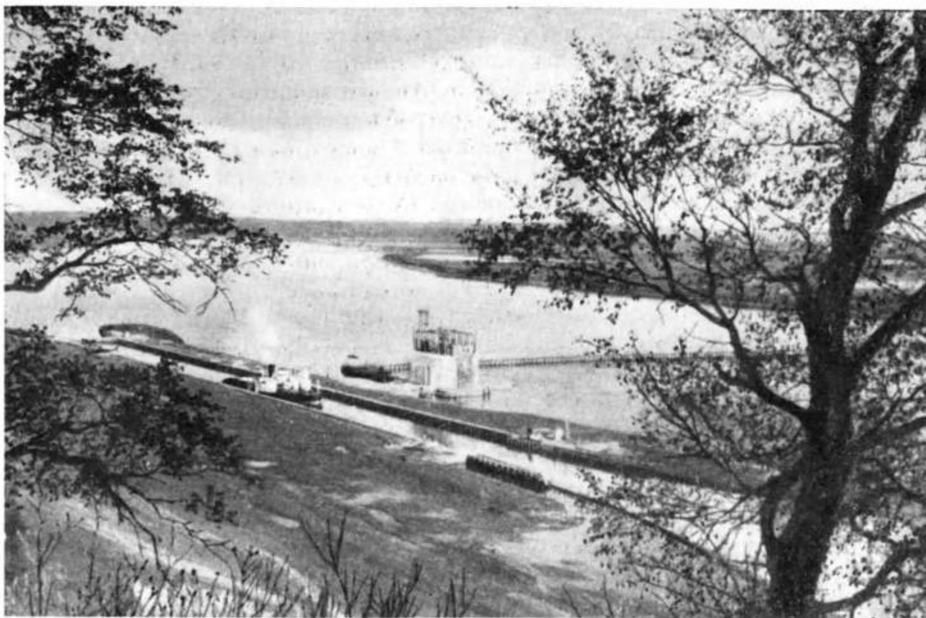
Во многих колхозах и совхозах имеются в настоящее время крупные высокотоварные пасеки, состоящие из 500—1000 и более пчелиных семей. В Краснодарском крае на каждый колхоз, занимающийся пчеловодством, приходилось в 1960 г. в среднем 400 пчелиных семей, в Ставропольском— 300. На передовых пасеках (Алтайского, Краснодарского, Ставропольского краев) собирают по 100 и более килограммов меда с каждого улья.

Для пасеки выбирают сухое, защищенное от ветра место, на котором устраивают специальную усадьбу с плодовыми деревьями, ягодными кустарниками и производственными помещениями, с живой изгородью из медоносных кустарников.

Широко применяется сейчас на крупных пасеках искусственное роение пчел. Во многих районах стационарное пчеловодство заменено «кочевым»: пчел вывозят к полям с цветущими медоносными растениями. При стационарном производстве пчелы все время содержатся на пасеке, при кочевом — лишь до вывоза на кочевку.

Таким образом, животноводство в советское время претерпело качественные изменения. Оно стало общественным (т. е. колхозным и совхозным), крупным и высокотоварным. За годы Советской власти произошли большие изменения в содержании и уходе за скотом. Непрерывно совершенствуются животноводческие помещения. В связи с комплексной механизацией эти помещения подвергаются коренной перестройке. В широких масштабах применяются теперь силосные и комбинированные корма. Все колхозы выращивают силосные культуры и заготовляют их механизированно. В пищевые рационы введены кормовые антибиотики и стимулирующие средства, которые способствуют увеличению количества мяса, молока, яиц. Труд животноводов все более становится разновидностью индустриального труда. Широко развернута научно-исследовательская работа в области животноводства.

Генеральной линией развития животноводства становится специализация и интенсификация организации производства животноводческих продуктов на промышленной основе. Уже сейчас те хозяйства, которые проводят строгую специализацию и комплексную механизацию, повышают доходность и экономят людские резервы. Например, бригада Г. П. Плотникова из совхоза «Пролетарская диктатура» (Ростовской обл.) специализируется на откорме свиней. Здесь механизированы процессы приготовления и раздачи кормов, очистки помещений. Это позволяет двум механизаторам откармливать несколько тысяч свиней. На межколхозной откормочной базе при Лабинском сахарном заводе (Краснодарский край) откармливают скот 16 колхозов.



Межколхозная гидроэлектростанция и шлюз (1960 г.)

* * *

За годы Советской власти сельское хозяйство в целом изменилось коренным образом. Быстро растет интенсивность сельского хозяйства, увеличивается количество посевных площадей и улучшается их структура, внедряются более урожайные сорта, происходит улучшение качественного состава стада; распространяются прогрессивные приемы в земледелии и животноводстве (квадратно-гнездовой способ посева, применение гербицидов, химических средств борьбы с сорняками, беспривязное содержание скота и т. д.).

Партия и правительство уделяют большое внимание дальнейшей химизации сельского хозяйства, о чем убедительно свидетельствуют материалы декабрьского (1963 г.) и февральского (1964 г.) Пленумов ЦК. В результате концентрации производства и специализации сельского хозяйства в Российской Федерации районы северо-запада, центральной нечерноземной зоны наряду с производством зерна все более специализируются на производстве молока, бекона, картофеля, овощей, льна-долгунца. Районы Северного Кавказа, центральной черноземной зоны увеличивают производство животноводческой продукции и технических культур. В пригородных районах промышленных центров, в центральной черноземной зоне, северо-западном районе происходит рост молочного животноводства; в степных районах Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Сибири — мясного скотоводства, на Северном Кавказе — тонкорунного и полутонкорунного овцеводства; поголовье свиней увеличивается в южных зерновых районах, центральных и западных районах.

В сельском хозяйстве все шире применяется электрическая энергия. Уже в первые годы Советской власти в сельской местности появились небольшие электростанции. Так, за 1917—1920 гг. во Владимирской губ. было построено 50 электростанций. В Тульской губ. к концу 1924 г. было 22 кооперативных товарищества по электрификации. В 1925 г. в РСФСР было 107 таких товариществ. В 1928 г. мощность всех сельских электро-

станций составляла 29 тыс. квт. Начиная с 1932 г. электричество все в большей степени используется в сельскохозяйственном производстве. К началу 1941 г. мощность сельских электростанций составляла 265 тыс. квт. К 1958 г. были электрифицированы почти все машинно-тракторные станции, 93% совхозов и 40% колхозов. Потребление электроэнергии сельским хозяйством СССР в 1957 г. по сравнению с довоенным 1940 г. увеличилось в 10 раз, а к 1965 г. увеличится в 44 раза по сравнению с 1940 г. Многие колхозы и совхозы получают теперь ток от государственных энергосистем, крупных промышленных и сельских электростанций. В 1961 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961—1965 гг.», в котором предусматривается более широкое использование для нужд сельского хозяйства государственных энергосистем и тяговых подстанций, электрифицированных участков железных дорог, строительство сельских районных и межрайонных крупных дизельных и гидроэлектростанций.

За годы коллективизации изменилось колхозное крестьянство. Появился новый тип активиста-производственника, передового человека, энтузиаста колхозного строительства. В короткий срок из среды крестьян выросли тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов колхозного строительства. Наиболее активных колхозников из старых колхозов партия посылала в новые колхозы для налаживания производства. В то же время колхозников из вновь организуемых колхозов направляли в старые колхозы для приобретения опыта. Еще до начала массовой коллективизации была проделана значительная работа по организации агрономической учебы среди крестьянства. В первые же годы коллективизации проводилось массовое агрономическое обучение колхозников и единоличников. К началу 1933 г. образовалась единая система подготовки руководящих колхозных кадров (высшие коммунистические сельскохозяйственные школы, районные колхозные школы, межрайонные школы заведующих фермами и вечерние школы колхозных бригадиров). Для подготовки колхозных кадров массовых профессий были открыты школы колхозной молодежи с политехническим обучением, колхозные университеты, школы сельскохозяйственного ученичества, широкая сеть краткосрочных курсов. Большую роль в этом отношении сыграли МТС. Огромное внимание уделялось повышению политической активности крестьянок, выдвижению женщин на руководящую работу в колхозе. Для работы среди женщин использовались женские производственные совещания, краевые и областные съезды и слеты колхозниц-ударниц, делегатские собрания, организация специальных курсов для колхозниц.

Высокий уровень развития колхозного сельскохозяйственного производства обусловил появление в сельском хозяйстве работников новых массовых профессий и специальностей (комбайнеров, трактористов, мотористов, машинистов, электриков и пр.). С течением времени все более четко вырисовывался облик механизаторов как наиболее передовой прослойки колхозного крестьянства. Начиная с 1930 г. механизаторами-трактористами, комбайнерами начинают работать и женщины.

Уже в первые годы колхозного строительства широко распространились колхозная взаимопомощь и соревнование как внутри колхозов, так и между колхозами. В каждом колхозе велась борьба за перевыполнение сроков сельскохозяйственных работ; бригады стремились выполнить свои обязательства и не отставать от других. В настоящее время социалистическое соревнование в сельском хозяйстве вступило в высшую фазу — борьбу за коммунистический труд. В колхозах и совхозах держат путь на маяки — на людей и коллективы, достигших высокой производительности труда, способствующих подъему сельского хозяйства.

Большое развитие получают межколхозные производственные связи: совместное строительство электростанций, дорог, оросительных систем,

Центральная ремонтная мастерская целинного зерносовхоза (1959г.)

промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и производству строительных материалов и т. д. На 1 января 1961 г. в Саратовской обл. имелось 104 межколхозных объединения, в Краснодарском крае — 70, в Воронежской обл.— 61, в Курской — 56, а всего по РСФСР—1178, объединяющих 10 517 колхозов. Наиболее распространены межколхозные строительные организации, которых насчитывалось в РСФСР в этот же период 720. В Саратовской обл. членами-пайщиками строительных объединений являлось 99% всех колхозов, в Воронежской — 89%. Строительные организации, как правило, не только строят, но и производят строительные материалы (кирпич, черепицу и пр.).

Распространены также межколхозные откормочные пункты, межколхозные нагульные гурты, птицефабрики, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья (консервные, овощные, плодоягодные заводы, мельницы и др.), имеются объединения универсального производственного снабженческо-сбытового профиля.

В колхозной деревне выросли замечательные мастера земледелия и животноводства, новаторы социалистического сельского хозяйства. Всей стране известна комплексная механизированная бригада Н. Ф. Мануковского из колхоза им. Кирова Новоусманского района Воронежской обл. С августа 1959 г. его бригада осуществляет комплексную механизацию не только в полеводстве, но и в животноводстве. Опыт работы этой бригады был широко применен во всех районах Воронежской обл., где в 1960 г. работало 3356 звеньев комплексной механизации. Блестящих результатов достиг кубанский механизатор В. Я. Первицкий, возделывающий кукурузу без затрат ручного труда. Звено В. И. Кузнецова из Солнечногорского района Московской обл., применяя механизацию при возделывании картофеля, показало своей работой огромные резервы снижения себестоимости и роста производительности труда. Свекловод К. И. Лукьянов из звена тов. Светличного выезжал в Целинный край и своим трудом доказал, что в условиях Целинного края также можно получать высокие урожаи сахарной свеклы при минимальных затратах труда.

В цехе ремонта двигателей Костромского межрайонного отделения «Сельхозтехники» (1962 г.)

Колхозный строй выдвинул талантливых руководителей сельскохозяйственного производства, которыми справедливо гордится народ. Многие из них прошли большой и славный трудовой путь, были зачинателями колхозного движения и социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Достаточно назвать такие известные в стране имена председателей колхозов, как П. Прозоров (он более 30 лет руководит колхозом «Красный Октябрь», который считается одним из передовых колхозов нашей страны), Ф. Генералов и др.

Опыт передовиков в короткие сроки становится достоянием всех тружеников сельского хозяйства. Большая роль в обобщении и распространении передового опыта принадлежит Выставке достижений народного хозяйства, за право участия в которой борются передовые хозяйства Российской Федерации и других республик страны.

Коллективный труд способствовал сближению вчерашнего крестьянина-собственника с индустриальным рабочим. Не случайно все начинания в промышленности—стахановское движение, создание коммунистических бригад, гагановское движение — находят живой отклик и поддержку среди колхозников. Труженики городов и сел совместно решают вопросы подъема и улучшения дел в сельском хозяйстве. Примером этого служит движение за освоение целины. Промышленные рабочие послали на целину тысячи передовых производственников, коммунистов и комсомольцев, инженерно-технических работников. Лучшие кадры для целины отбирали рабочие МТС и совхозов, а также колхозники. Одной из первых в целинные степи Казахстана изъявила желание поехать прославленная тракторная бригада из Жердевской МТС Тамбовской обл. В Московской, Воронежской, Тамбовской и других областях для целинных земель были полностью укомплектованы добровольцами десятки тракторных бригад. К концу апреля 1954 г. почти во всех целинных хозяйствах тракторные бригады приступили к полевым работам. Первый день выезда в поле был настоящим праздником. Прокладка первой борозды была поручена самому уважаемому в коллективе человеку.

Уже в первый год на целине был собран хороший урожай. Так, в районах Сибири хлеба было получено в два раза больше, чем в 1953 г., на Алтае — почти в четыре раза. Дальнейшее освоение целинных земель дало возможность в 1958 г. собрать небывалый урожай. Валовой сбор зерна за этот период в районах целинных земель увеличился в два с половиной раза. На очередь дня стала задача расширения других отраслей хозяйства и

прежде всего — животноводства. Партия выдвинула как одну из задач — улучшение производственных и жилищно-бытовых условий на целине, и сейчас здесь быстрыми темпами благоустраиваются поселки.

Принятая на XXII съезде Программа КПСС намечает грандиозные перспективы развития социалистического сельского хозяйства. «Борьба за неуклонный подъем сельского хозяйства—это важнейшее условие построения коммунистического общества...»[1]. Сельскохозяйственный труд превратится в разновидность промышленного труда. Как по технической вооруженности, так и по производительности труда сельское хозяйство все более будет приближаться к уровню промышленности. По мере развития производства в колхозах и совхозах, совершенствования общественных отношений, в них будут создаваться условия перехода к коммунистическим формам производства и распределения.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОМЫСЛОВ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По определению классиков марксизма-ленинизма развитию капитализма в промышленности свойственны три стадии: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия).

Первой стадией развития промышленности является производство ремесленных изделий по заказу потребителя. Ремесленник постепенно переходит к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем. С расширением ремесленного производства повышается роль наемного труда.

Укрупнение мастерских связано с процессом возникновения мануфактур как промежуточного звена между мелким товарным производством и крупной машинной индустрией. В процессе развития промышленного капитализма наиболее важным является переход от мануфактуры к фабрике, который характеризуется техническим переворотом, началом машинного производства.

После падения крепостного права и реформ 60-х годов XIX в. началось бурное развитие промышленного капитализма России.

Размещение промышленности дореволюционной России по территории страны ярко свидетельствовало о неравномерности и стихийности процесса промышленного развития, об анархии капиталистического производства, о хищническом разбазаривании природных ресурсов, вызванных основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения[2]. Почти вся промышленность была сосредоточена в Европейской части, где она была размещена также очень неравномерно. По данным 1908 г., на Азиатскую часть страны приходилось всего лишь 3,5% валовой продукции промышленности.

Картину развития и размещения промышленности в корне изменила Великая Октябрьская социалистическая революция. Она принесла с собою принципиально новую основу производственных отношений — общественную социалистическую собственность на средства производства. Социалистическая промышленность основывается на гармоническом планировании ее развития в целом по стране, в отдельных районах и областях в зависи-

---

[1] «Пленум ЦК КПСС 10—18 января 1961 г., Стенографический отчет», стр. 525.

[2] См.: «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 17—18.

мости от их природных ресурсов, на ускоренном техническом процессе, высоком уровне производства. Индустриальное развитие широко охватило все районы страны, в том числе и Азиатскую ее часть и прежде всего Сибирь. Общий рост производительных сил, производительности труда, развитие техники, формирование рабочих кадров — все эти факторы народного хозяйства качественно и принципиально отличаются от дореволюционного прошлого.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Распространение традиционных кустарных промыслов до Великой Октябрьской революции

В. И. Ленин отмечал, что «...разложение земледельческого крестьянства необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности; образование крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивало спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства»[1].

В целом процесс развития капитализма, стимулировавший на определенном этапе рост кустарной промышленности, в дальнейшем начинал тормозить ее развитие, а затем приводил промыслы к упадку. Одни из промыслов появлялись и втягивали все большее количество населения, другие перемещались, третьи исчезали. Например, с развитием пароходства быстро исчезает бурлачество; с развитием транспорта и расширением торговли в одних районах сокращается, а в других развивается извоз и крючничество.

С развитием промышленности и социальным расслоением деревни растет зимний отход на шахты и другие промышленные предприятия, летний отход на лесоразработки, рыбные промыслы и на сельскохозяйственные работы (в черноземные губернии).

Помимо известных исстари кустарных производств, развивались промыслы по частичной обработке сырья для фабрик и заводов (например, прядение или перемотка пряжи для ткацких фабрик), промыслы по переработке отходов промышленного производства, по изготовлению инструментов и некоторых видов оборудования для промышленности, по производству сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий и т. п.

Участие мужчин и женщин в кустарных промыслах было различным в отдельных районах и изменялось в зависимости от степени развития других занятий населения в тот или другой период. Традиция женских промыслов идет от половозрастного разделения труда в крестьянской семье на стадии домашней промышленности. Традиционно женскими промыслами были кружевной, золотошвейный, стеклярусный, бахромный, изготовление шляп, поясов, шнуров, вязание и шитье. Однако в зависимости от спроса на рабочие руки в некоторые из этих промыслов иногда включалось мужское население. Женщины участвовали и в мужских промыслах, выполняя отдельные операции в процессе производства изделий, например, в сукноваляльном. Наряду с женским трудом широко применялся и детский, частично заменявший женский.

Огромная масса кустарей была неоднородной. Среди них были владельцы крупных капиталистических предприятий и мелких кустарных мастерских, скупщики и наемные рабочие. В последней четверти XIX в. усили-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 341.

вается эксплуатация мелких кустарей и наемных рабочих хозяевами мастерских и скупщиками.

В целом во второй половине XIX в. число отраслей промыслов возросло. В кустарной промышленности была занята значительная часть сельского и городского населения[1]. Так, в Московской губ. в последней четверти XIX в. насчитывалось более 40 промыслов (не считая отхожих промыслов). В них было занято свыше 150 тыс. кустарей, общая численность которых превышала число фабрично-заводских рабочих.

Во многих губерниях и в уездах под влиянием социально-экономических особенностей и природных условий исторически сложились отдельные гнезда кустарной промышленности. Развитие капитализма изменило географическое размещение и социальную структуру промыслов.

В нечерноземных губерниях кустарные промыслы были развиты значительно шире и более специализированно, чем в черноземных, так как крестьянство там в большей степени нуждалось в неземледельческих заработках. Изделия кустарей нечерноземных губерний поступали на всероссийский рынок и частично шли на экспорт. Кустари черноземной полосы в основном обслуживали местные рынки.

Промыслы, связанные с обработкой дерева

Многочисленные промыслы по обработке дерева, бывшие одним из древнейших видов домашней промышленности, в XIX в. занимали первое место среди остальных промыслов по числу занятых мастеров и объему производимой продукции. Одни промыслы были распространены повсеместно (колесный, экипажный, бондарный, столярный, изготовление сох); другие — получили особое развитие в отдельных губерниях и уездах (токарный, сундучный, корзинный, бурачный, дегтярный, смолокуренный и игрушечный). Из отхожих промыслов по обработке дерева широко был распространен на всей территории расселения русских — плотничий. Особо славились плотники Владимирской и Вятской губерний, работавшие во многих губерниях России.

Смолодегтярный промысел, издавна известный на Руси, был широко распространен в районах, богатых лесом (в Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской, Нижегородской, Тверской губерниях). Смолокурни с самым примитивным оборудованием устраивались и в лесах, и вблизи деревень. Иногда кустари сами сбывали на базаре смолу и деготь, но чаще продавали продукты своего производства перекупщикам.

Экипажный и колесный промыслы, а также изготовление дуг и полозьев были широко распространены в связи с тем, что гужевой транспорт являлся в России господствующим. Крупные центры производства городских экипажей (карет, пролеток, саней различных размеров и видов) находились в Московской, Вятской, Пермской и Нижегородской губерниях. При изготовлении колес ступицы и спицы изготовлялись на верстаке в избе, а ободья — в парильнях, там же производили дуги и полозья.

Производство мебели, сундуков и предметов домашнего обихода было распространено в ряде губерний и уездов, но особенно в губерниях Московской (Звенигородский и Московский уезды), Вятской (Вятский уезд), Нижегородской (Семеновский и Арзамасский) и Саратовской (Кузнецкий уезд). Одни кустари специализировались на дешевой белодеревной некрашенной мебели, другие — крашеной, но простой, третьи — на дорогих сортах оклейной мебели, остов которой делался из дерева простых пород, а отделка и резьба — из дорогих. Такого рода мебель с мягкими и плетеными сиденьями производилась по модным для того времени городским образцам в основном в Московской и Саратовской губерниях.

---

[1] Статистика кустарной промышленности ввиду трудности классификации и учета мелкотоварных производителей не дает достоверных данных о численности кустарей.

Развитие бондарного промысла, с одной стороны, объяснялось натуральным хозяйством, при котором большое количество разнообразных продуктов питания заготовлялось впрок. Квашение капусты и соление огурцов на зиму, приготовление солонины, пива, кваса требовали большого числа кадок и бочек. С другой стороны, на изделия бондарного промысла предъявлялся огромный спрос предприятиями пищевой промышленности Оборудование мастерских бондарей было несложным. Бондари изготовляли на рынок и на заказ самые различные по размеру бочонки и кадки, начиная с небольших для меда и браги и кончая сорокаведерными для воды. По заказам предприятий, нуждавшихся в резервуарах для воды (рудников, металлургических и других заводов), изготовлялись даже огромные чаны в десятки тысяч ведер вместимостью. Например, в чане, поставленном бондарями Серовыми на Высокогорском руднике (Нижний Тагил), по словам жителей с. Горбунова, откуда происходили Серовы, можно было ездить на тройке.

В связи с потребностями домашнего хозяйства в утвари для хранения и переноса небольших количеств круп, кваса, молока, для сбора ягод широко было развито изготовление берестяных сосудов (туесовый, или бурачный промысел). Туеса расписывали, а также отделывали тиснением и чеканкой металлическими или деревянными штампами. Больше всего туесов изготовляли в Вологодской и Архангельской губерниях и на Урале.

Производство точеной деревянной посуды (блюд, чашек, тарелок, подносов, детской посуды, ложек) особенно сильное развитие получило в Костромской, Нижегородской и Вятской губерниях (токарный промысел). Небольшие токарни с ручными токарными станками располагались зачастую в жилых избах, водяные — в избах, поставленных на берегу речек. Эти изделия изготовлялись в основном из осины, реже из клена. Распиленные бревна раскалывались на заготовки — *баклуши* (эта работа считалась очень легкой; отсюда пошло выражение —«бить баклуши»), обтачивались на токарном станке, после чего вручную шлифовались и окрашивались. На отдельных процессах часто специализировались жители различных сел.

Корзинный промысел был распространен в Ярославской, Костромской, Тверской, Нижегородской, Казанской, Смоленской, Московской, Вятской и ряде других губерний. Наряду с разнообразными по размеру, форме и отделке корзинами кустари-корзинщики плели короба и мебель, ширмы, кузовы для саней и тарантасов. Сырьем для этого промысла служили большей частью ивовые прутья, а также камыш, прутья черемухи или вяза.

Еще более широко было развито производство одного из самых распространенных видов крестьянской традиционной обуви — лаптей. В северных губерниях они изготовлялись из бересты, в Московской, Тульской, Воронежской, Орловской, Курской и Калужской губерниях из липового лыка, в Нижегородской, Пензенской, Владимирской и части Рязанской — из вязового лыка.

Зимние лапти утеплялись *подковыркой* — утолщением подошвы слоем веревочного плетения. Близким по технике было плетение из соломы, выполнявшееся часто на деревянном каркасе (коробочки, настольные корзиночки, сухарницы и др.). Оно возникло как промысел во второй половине XIX в. в Вятской губ., в Среднем и Нижнем Поволжье (плетеные шляпы), Олонецкой губ. и в Можайске.

Помимо этого, существовало много промыслов по художественной обработке дерева. Крупнейшие центры росписи по бересте и дереву находились в Нижегородской, Вологодской и Архангельской губерниях, по художественной резьбе — в Московской и Вятской, по резьбе на бересте — в Вологодской губ.

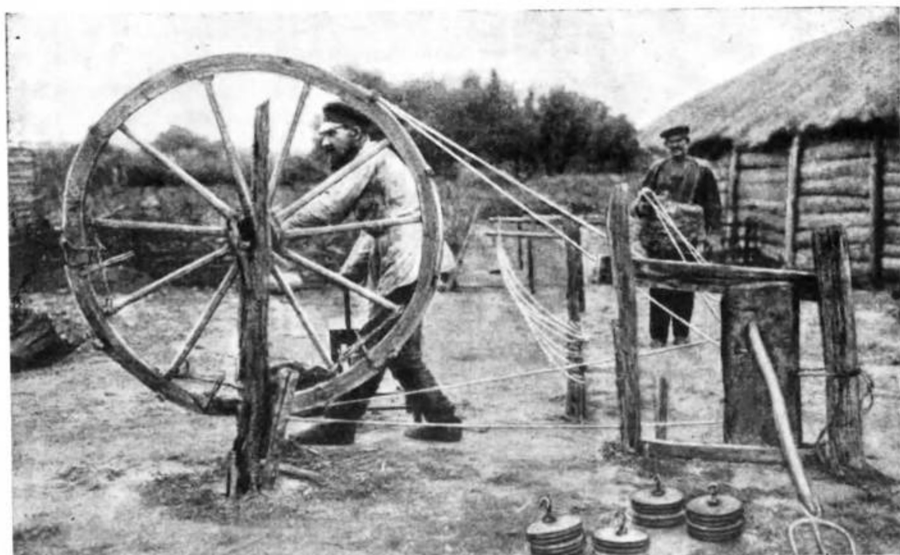
Мастерская кустаря-резчика (с. Боголюбово, Владимирская губ., начало XX в.)

Промыслы по обработке волокнистых веществ — шерсти, льна, конопли, шелка и хлопка — были очень многочисленны. Уже в первой половине XVIII в. на базе кустарной обработки льна выросли купеческие мануфактуры, в которых было сосредоточено производство широкого льняного холста, шедшего на экспорт. С середины XVIII в. в Московской, Ярославской, Владимирской и других губерниях, помимо производства льняных тканей, развернулось ткачество шелковых и хлопчатобумажных тканей из фабричной пряжи, а также набоечный (*набойка* — нанесение узора при помощи специальных досок-клише) и сукноваляльный промыслы, с конца XVIII в.— ситценабивной, а затем — пимокатный (изготовление зимней обуви — валенок).

Прядение, ткачество, ковроделие и др.

Во второй половине XIX в. основными районами кустарного прядения и ткачества были Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии. Прядильный и ткацкий промысел существовал в различных формах. Одни кустари из своего материала изготовляли ткани на рынок, другие приготовляли пряжу для скупщиков и хозяев мастерских, третьи, работая по найму на дому, ткали в избах-*светелках*. В мелких ткацких мастерских процесс изготовления льняной ткани разделялся следующим образом: шпульники (обычно дети) перематывали на шпульном колесе уток с тальки на катушку; ткачи работали на ткацких станках; отбелку холста производили в кадках-буках мастера в специальных белильных помещениях при помощи зольного раствора. После прополаскивания в реке холсты расстилали на берегу, чтобы их дополнительно отбелило солнце.

Наиболее распространен был горизонтальный ткацкий стан (*кросна*), имевшийся почти в каждом крестьянском хозяйстве. В конце XIX в. появлялся ткацкий стан *самолет с погонялкой*, пробрасывающий челнок. В отличие от кросна на нем ткали мужчины. Наибольшее распространение он получил в Ярославской губ. Ткани простейшего полотняного, т. е. крестообразного переплетения, изготовлялись одноцветные и двуцветные (полосатые, клетчатые), для их основы и утка брались нитки разного цвета. Техника выработки узорных тканей была различной (закладная, браная,



Витье веревок (Орловская губ., 1907 г.)

ремизная). Жаккардовое ткачество, развившееся позднее, позволяло выполнять сложные узоры и даже сюжетные композиции.

Кустари Владимирской и Московской губерний специализировались на изготовлении *пестряди* — клетчатой ткани из льна, а позже из хлопка. В Ярославской и Костромской губерниях производилось льняное полотно, а также декоративные ткани, скатерти, полотенца; в Саратовской — *сарпинка* (полосатый или клетчатый хлопчатобумажный холст). Во второй половине XIX в. кустари Московской, Владимирской, Костромской, Рязанской и Саратовской губерний в основном ткали уже не из самодельной, а из фабричной хлопчатобумажной пряжи. На изготовление тканей из этой пряжи перешла и часть кустарей Ярославской губ., особенно в старейшем центре промысла с. Великом. Многие ткацкие фабрики, особенно в Московской губ., где ткачество было распространено во всех уездах (им занималось до 10% населения), расширяли производство за счет раздачи пряжи кустарям-надомникам. Накануне Октябрьской революции ткачи-кустари в большинстве своем превратились в наемных рабочих, перерабатывающих на дому пряжу, получаемую с фабрик.

Также широко было развито у русских и крашение тканей. Во второй половине XIX в. крупные и мелкие мастерские *синельщиков* — мастеров по окраске — были распространены повсеместно. Набоечный промысел — украшение тканей разнообразными узорами — осуществлялся при помощи резных деревянных досок (*манер*). Существовало два приема работы с манерами. В одном случае с выпуклостей доски на ткань предварительно наносился состав, который предохранял узор на ткани от краски при последующем погружении в краситель, в другом случае составом покрывался только узор. Повсеместно был распространен веревочный промысел — витье канатов и веревок.

Ковроделие как промысел развилось у русских лишь в XIX в. и было распространено несравнимо меньше, чем изготовление тканей. Ковроделием, а также вышивкой и плетением кружев занимались женщины. Крупными центрами ковроделия во второй половине XIX в. были Курская, Воронежская и Саратовская губернии. Ковры ткались на горизонтальном и на вертикальном ткацком стане. Внутри промысла существовало разделение труда. Разборкой и пряжей шерсти занимались на дому беднейшие

кустари, обрабатывавшие в основном шерсть, получаемую от хозяек-мастериц. Мастерицы, имевшие иногда двух-трех помощниц, т. е. наемных рабочих, окрашивали шерсть и ткали ковры.

Кроме того, процесс ковроделия осуществлялся целыми семьями: девочки разбирали шерсть и пряли пряжу, женщины и девушки красили ее, сновали основу и ткали ковры.

Вертикальный ткацкий стан для ковроткачества

Во второй половине XIX— начале XX в. большое развитие имел и один из древнейших способов украшения тканей — вышивка. Широкой известностью пользовались владимирская гладевая вышивка на тонком полотне и батисте (с. Мстера); белая строчевая вышивка Нижегородской и Новгородской (крестецкая строчка) губерний, а также полихромные строчевышитые изделия Рязанской и Калужской губерний и золотошвейные изделия из Торжка. Во второй половине XIX в. широкое развитие получил еще один женский промысел — плетение кружев. Он был сосредоточен главным образом в Вологодской, Новгородской, Рязанской, Московской и Казанской губерниях.

Промыслы по обработке кожи и изготовлению кожаных изделий

Скорняжный промысел — выделка шкур зверей и овчин, известный издревле, был во второй половине XIX в. развит очень широко, так как меха не только широко употреблялись для зимней одежды всех слоев населения, но и служили одной из важнейших статей русского экспорта. Скорняжный промысел был развит в северных губерниях Европейской части России, на Урале и в Сибири. Основным центром по выделке овчин была Ярославская губ., где производилась обработка шкур овец романовской породы, из которых шили высоко ценившиеся романовские полушубки.

Кожевенный промысел был широко распространен в Вятской, Нижегородской, Казанской, Пермской, Тверской, Томской, Тобольской, Саратовской и Курской губерниях. Работа кустарей протекала в специальных помещениях — *кожевнях,*— которые строились обычно около рек за селом, так как производство кож требовало большого количества воды. Процесс выделки кож состоял из вымачивания шкур в чане с водой, а затем в растворе поташа и извести. Вымоченные шкуры мялись, очищались двуручными ножами (*стругами*) от волоса, потом дубились в чанах с ивовым или дубовым корьем и, наконец, сушились, разглаживались и лощились. Несмотря на тяжелейшие условия работы в тесных смрадных, плохо освещаемых мастерских, русские кожевенники производили первоклассный сафьян, юфть, шевро и другие сорта кожи, находившие внутри страны широкий рынок сбыта. Русская кожа составляла также существенную часть отечественного экспорта и высоко ценилась за рубежом.

Сапожный промысел в XIX в. существовал наряду с фабричным производством обуви. В городах и селах повсеместно распространены были сапожные мастерские полукустарного, полуремесленного типа: мастера с несколькими учениками, а иногда одним или двумя подмастерьями,

Странствующий жестянщик (Южный Урал, 1914 г.)

изготовляли обувь на заказ и поставляли на рынок. Мелкие кустари работали в жилых помещениях, более крупные строили специальные мастерские, при которых часто находилась обувная лавка.

В мелких кустарных мастерских выделывали грубую обувь (сапоги, башмаки), в крупных, имевших швейные машины для прострачивания легкой обуви,— туфли и штиблеты. Только иногда легкую обувь изготовляли и кустари-одиночки и хозяева мелких мастерских, не имевшие машин. Это было связано с развившимся во второй половине XIX в. разделением труда в сапожном промысле, при котором мелкие кустари получали простроченные заготовки от хозяев крупных мастерских. В крупных центрах промысла сложилось разделение труда между закройщиками, строчильщиками, посадчиками и собственно сапожниками. Самым крупным центром сапожного промысла было с. Кимры Тверской губ., которое объединяло кустарей трех уездов: Корчевского, Калязинского и Кашинского. Большое число сапожников Кимрского района (около 10 тыс.) работало постоянно в других городах, главным образом в Москве и Петербурге.

Во второй половине XIX в. огромные потребности в упряжи для рабочего скота в сельском хозяйстве и для гужевого транспорта, а также в кожно-галантерейных изделиях для широких слоев населения удовлетворялись кустарями-шорниками, изготовлявшими сбрую, ремни, чемоданы, а также отделывавшими кожей экипажи. Среди других промыслов по обработке животных продуктов наибольшее распространение имело производство костяных пуговиц, роговых изделий и щеток.

Гончарный и керамический промыслы

Гончарство во второй половине XIX — начале XX в. было развито повсеместно. Широко распространены в быту крестьян и значительной части городского населения были глиняные горшки, крынки, корчаги, миски и чашки. Недолговечность этих изделий естественно порождала большой спрос на продукцию гончаров. Кроме крупных гончарных мастерских — *горшечен*, в деревнях, селах, на окраинах городов около залежей гончарной глины возникали мелкие кустарные мастерские, где кустари изготовляли посуду, которую зачастую сбывали сами на ближайших

базарах. Кустари обычно работали на ножном гончарном круге. Обжиг посуды иногда производился в русской печи, но, как правило, в горнах.

Наряду с широко развитым производством глиняной бытовой посуды в отдельных центрах промысла возникло изготовление художественных керамических изделий, а также глиняной игрушки. Изготовление художественной керамики наибольшее развитие получило в районах Гжели (Московская губ.) и Скопина (Рязанская губ.). Гжельский промысел возник в конце XVII — первой половине XVIII в., Скопинский — во второй половине XIX в. Изготовление глиняных свистулек, фигурок людей, птиц, животных сложилось в кустарный промысел в Вятской, Тульской, Рязанской и Олонецкой губерниях.

Большой спрос на кирпич для строительства зданий и кладки печей обусловил появление массы мелких кирпичных заводиков, состоявших из горна и сарая — навеса для сушки кирпича. Менее распространены были черепичный и изразцовый промыслы.

Металлообрабатывающие промыслы

Крупнейшими центрами кустарной обработки металла во второй половине XIX в. были: Тула, Павловская волость (Нижегородской губ.), Подмосковье и Урал. В Туле было развито кустарное производство самоваров и многих других бытовых изделий, главным образом из меди, в Златоусте — ножей и холодного оружия с гравировкой, в Нижнем Тагиле — подносов, ведер и шкатулок, в Павлове — ножей и замков. Кузнечный промысел в связи с потребностями в ковке лошадей и изготовлении повседневных бытовых и хозяйственных предметов был распространен повсюду. Многочисленные кузницы находились в каждом городе; села и даже деревни имели своих кузнецов — полуремесленников, полукустарей. Кузницы всегда строились в стороне от жилища. Основным оборудованием их служили горны с мехами, наковальни, щипцы, молоты и молотки. Кузнец всегда работал с молотобойцем. Для поддержания огня к горну часто ставился еще один человек, иногда юноша или подросток.

Производство жестяной утвари — корыт, ведер, тазов, баков, чайников, кружек — было распространено в центральных губерниях России и на Урале. Мастерские жестянщиков не требовали особого оборудования. В летнее время кустари нередко работали во дворе, около своего дома, в зимнее время—в жилой избе. Наряду с кустарями, работавшими в мастерских и изготовлявшими изделия на рынок и по заказу, существовала большая группа жестянщиков-отходников. Переходя из села в село, они занимались выделкой и починкой утвари и покрытием крыш. Они же часто вырезали затейливые узоры, украшавшие карнизы, печные трубы, коньки. Ажурные жестяные узоры хорошо сочетались с резьбой и пропиловкой, украшавшей дома.

В связи с интенсификацией сельского хозяйства во второй половине XIX в. следует отметить появление кустарного производства сельскохозяйственных орудий — плугов, молотилок, веялок, просорушек, шерстечесалок. Оно было распространено в Рязанской, Тульской, Московской, Смоленской и Пермской губерниях.

Несравненно меньшее распространение имело литье металлов, в частности, художественное литье из меди и чугуна. Отливка икон, статуэток, решеток, утвари, известная на Руси с давних пор, во второй половине XIX в. сохранилась в Туле, на Урале и в других центрах металлообработки.

Центрами ювелирного мастерства считались Москва, Великий Устюг, Ростов-Ярославский,ряд сел Костромской (с. Красное), Московской (с. Бронницы) и Казанской (с. Рыбная слобода) губерний. Также мало распространенным, но характерным для русских металлообрабатывающих промыслов было производство сусального золота (золотых тонких до прозрачности пластинок). Сусальное золото шло на покрытие куполов храмов и других архи-

тектурных деталей, золочение деревянных и металлических изделий. Промысел был развит в Московской и Ярославской (Пошехонье) губерниях.

Промыслы по обработке камня, кости, производство изделий из папье-маше

Обработка камня (изготовление жерновов, надгробных памятников, облицовочных плит для внутренней и внешней отделки зданий, художественных изделий) сложилась в промысел относительно поздно — в XIX в. Распространение этого промысла было связано с естественными запасами поделочного камня. Основным районом камнеобрабатывающих промыслов являлся Урал, в частности, Екатеринбургская и Пермская губернии. Первоначально сложился гранильный промысел—обработка твердого камня, затем — камнерезный промысел по мягкому камню (в районе Екатеринбурга и Кунгура). Основная масса кустарей работала на дому, но почти в каждом из сел этого района были и небольшие мастерские.

Резчики по кости поставляли на рынок только декоративные или утилитарно-декоративные изделия: ларцы, шкатулки, гребни, рамки для зеркал, скульптуру. Старейший центр костерезного промысла — Архангельская губ. и, в частности, с. Холмогоры. Во второй половине XIX в. этот промысел начал развиваться в районе Тобольска. Материалом для выработки изделий служила моржовая и мамонтовая кость.

В первой половине XIX в. возник промысел по производству расписных лакированных изделий из папье-маше (с. Федоскино Московской губ.). Материалом для папье-маше служил картон, листы которого склеивались в несколько слоев клейстером, прессовались и сушились. После этого изделия пропитывались подогретым льняным маслом, сушились в печах, затем грунтовались составом из глины, растертой с сажей на масле, и после просушивания покрывались несколько раз лаком. Изделия промысла, в основном табакерки, находили сбыт среди разных слоев городского населения,а частично шли на экспорт.

Кустари производили не только массу товаров невысокого качества, сбываемых на ярмарках, сельских и городских базарах широким слоям населения, но и изделия, удовлетворявшие самым высоким требованиям, в том числе произведения народного искусства, поступавшие в крупные города и за границу и входившие в быт социальной верхушки городского населения. Кустари стремились усовершенствовать технику кустарного производства, улучшить качество изделий и повысить производительность труда. Однако из-за малограмотности, отсутствия обмена опытом в условиях конкуренции каждый из них бился в одиночку над решением технических задач, которые зачастую давно были решены. Поэтому, несмотря на инициативу талантливых и творчески одаренных кустарей, техника кустарного производства отличалась застойностью.

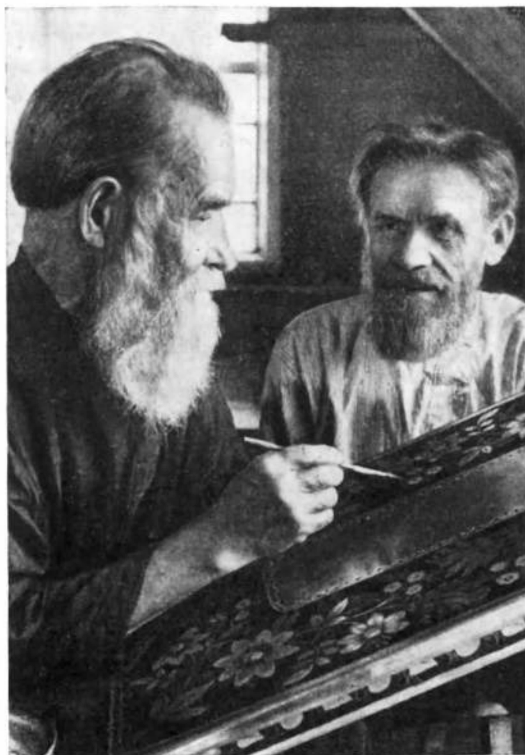
Современное состояние промыслов

В первые годы после Октябрьской революции, в обстановке гражданской войны и хозяйственной разрухи, промыслы играли большую роль в снабжении Красной Армии обувью, сбруей, средствами передвижения, а населения — необходимыми предметами быта, простейшими машинами и т. д. Промыслы сохраняли свое значение на протяжении 20-х годов. С 1921 г. кустарям, работавшим не только в артелях, но единолично и пользовавшихся трудом членов своей семьи и в незначительных размерах наемным трудом, были установлены налоговые льготы, дано право свободно распоряжаться изделиями своего производства. Расширялись существовавшие центры кустарного производства и возникали новые.

С начала 20-х годов сильно активизировался процесс объединения кустарей в артели и промысловые союзы.

В 1922 г. был организован Всероссийский центр кустарной кооперации. Развитию промкооперации способствовало заключение договоров с ее объединениями на поставку государству разных изделий. Несмотря на трудности с сырьем и оборудованием, на конкуренцию частных предприятий, в эти годы

промыслы переживали период подъема. Число крестьянских хозяйств, входивших в них на паевых артельных началах, с каждым годом возрастало. Отсутствие посредников и скупщиков делало работу в артелях несравненно более выгодной для рядового кустаря-производителя. Промысловое хозяйство развивалось в обстановке острой классовой борьбы. Некоторые кустарные заведения после революции возобновляли работу на старой социальной основе. Особенно это стало ощущаться в годы нэпа. Сложность борьбы за новые социалистические отношения в кустарной промышленности была вызвана пестротой социального состава кустарей.



Мастера хохломской росписи. Н. Г. Погодов и Ф. А. Бедин за работой. Фабрика «Хохломская роспись» (Горьковская обл., 1959 г.)

Огромную роль в развитии промкооперации сыграл кооперативный план В. И. Ленина, начертавший путь развития промыслов в эпоху строительства социализма. Государство поддерживало и субсидировало промысловые артели не только потому, что они снабжали население предметами первой необходимости, но и потому, что артели способствовали формированию новых общественных отношений, нового, основанного на принципах коллективизма, мировоззрения. Резолюция XIII конференции РКП(б) «Об очередных задачах экономической политики» в 1924 г. давала направление развитию кустарных промыслов: «В отношении кустарной промышленности партия считает необходимым оказать поддержку развитию промысловой кооперации в целях противодействия росту, на основе кустарной промышленности, частного капитала и установления необходимой связи кустарной промышленности с госпромышленностью» [1].

В связи с бурным развитием промышленности, начиная с 30-х годов, многие промыслы (прядение и ткачество, кирпичный и гвоздарный, промыслы по обработке продуктов животноводства и мн. др.) вливались в социалистическую промышленность, и на смену кустарной технике пришло машинное производство. Многие фабрики и заводы возникали в старых центрах промысла (например, в с. Богородском Горьковской обл.— скорняжные фабрики и кожевенные заводы; в Кимрах — обувная фабрика и т. д.).

Другие промыслы угасли или резко сократились, поскольку потребность в их изделиях исчезла (тележный и колесный, гончарный, бондарный, корзинный, туесовый и др.).

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I. М., 1953, стр. 791.

Цех резьбы по дереву фабрики «Богородский резчик» (Московская обл., 1958 г.)

В рамках промысловой кооперации продолжали развиваться художественные промыслы, промыслы по обслуживанию населения (портняжный, сапожный, сапожно-валяльный, шляпный и др.), по изготовлению некоторых видов товаров широкого потребления, еще не вошедших полностью в ассортимент государственной промышленности (производство трикотажных изделий, ряда строительных материалов, бытовых предметов — утюгов, посуды, скобяных изделий, музыкальных инструментов), промыслы по производству простых сельскохозяйственных машин, инструментов и оборудования для промышленных предприятий. В годы Отечественной войны эти артели переключились на выпуск продукции оборонного значения. В восстановлении народного хозяйства в послевоенное время они сыграли большую роль.

К 50-м годам промысловая кооперация выполнила свои экономические и политические задачи. Артели выросли в крупные промышленные предприятия, не уступающие по числу членов коллектива и объему продукции ряду государственных фабрик и заводов.

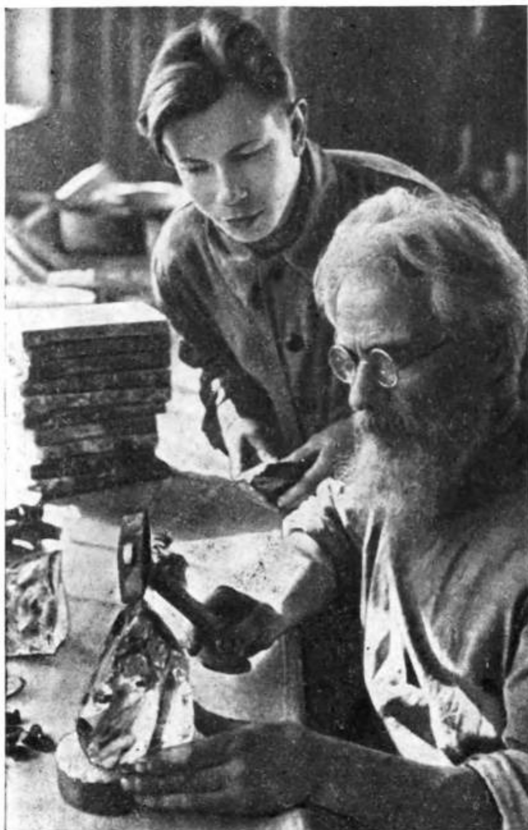
В конце 50-х годов промысловая кооперация была ликвидирована, а ее предприятия вошли в системы совнархозов, городских и сельских коммунальных хозяйств местных Советов депутатов трудящихся. Артели художественных промыслов выросли в фабрики художественных изделий. При ликвидации промысловой кооперации особое внимание к художественным промыслам выразилось в создании Государственного комитета по делам местной промышленности и художественных промыслов при Совете Министров СССР, который заботится о дальнейшем развитии традиционных народных производств.

В настоящее время из деревообрабатывающих промыслов развиваются промыслы художественной росписи и резьбы. Они сосредоточены, в основном, в исторически сложившихся районах художественной обработки дерева: Хохломе, Городце, Кирове, Загорске, Калинине, Богородске, Кудрине; появились и новые центры — Хотьково (резьба по самшиту), Бирск (обработка капокорня) и др.

Ковроделие и изготовление художественных тканей продолжают традиции дореволюционного ручного ткачества. Традиционными центрами

ковроделия являются Курск и Тюмень, новыми наиболее значительными—Курган,Пенза, Томск, Киров, Владимир, Тула, Калининград, Челябинск, Ставрополь. Фабрики художественного ткачества сосредоточены во Владимирской, Воронежской, Ивановской и Рязанской областях, а также в Череповце. Фабрики выпускают занавеси, покрывала, салфетки, диванные подушки, шарфы, пледы и другие изделия.

В молодом промысле художественной росписи тканей, сложившемся в 30-х годах, используются художественные традиции набойки и создаются новые по рисунку и колориту способы украшения ткани. Набоечный промысел исчез, хотя до 30-х годов он еще существовал, возродившись после Октябрьской революции.



Уральские огранщики. Старейший мастер Г. Д. Зверев обучает молодого огранщика первичной обработке хрусталя (1949 г.)

В Вологодской, Кировской, Липецкой, Рязанской областях успешно развивается плетение кружев. Молодые кружевницы, начинающие свою работу, как и вся молодежь, посвятившая себя работе в области народного искусства, получают очень серьезную профессиональную подготовку.

Вышивальный промысел развивается в Тарусе, Городце, Михайлове, Мстере, Новгороде и других центрах. Изделия вышивальщиц разнообразны — занавеси, накидки и покрывала, скатерти и декоративные полотенца, белье и одежда. Наряду с трудоемкой ручной вышивкой появляется и машинная вышивка, выполняемая в стиле ручной.

Основные центры художественной обработки металла по-прежнему традиционны: Великий Устюг (серебряные с чернью винные сервизы, кубки, браслеты, броши, салфеточные кольца, подстаканники), Ростов Ярославский (производство брошей, пудрениц, туалетных коробочек, украшенных росписью по эмали), Красное-на-Волге Костромской обл. (ювелирные украшения — кулоны, серьги, перстни; декоративные изделия — блюда, кубки, чаши; утилитарно-декоративные изделия — сухарницы, конфетницы, хлебницы и т. п.), Москва и Подмосковье (например, с. Синьково Бронницкого района и др., славящиеся портсигарами, подстаканниками, разнообразием высокохудожественных ювелирных украшений).

Гранильное мастерство и камнерезное искусство, как и резьба по кости, развиваются как в традиционных, так и во вновь сложившихся центрах промыслов; обработка камня сохраняется в Пермской и Свердловской областях. Центром, возникшим в послереволюционное время, является «Борнукова пещера» Горьковской обл. С мастерами издавна всемирно известных центров косторезного промысла — Холмогоров и Тобольска — успешно

Вологодские кружевницы (1958 г.)

Вышивание белой гладью по капроновой сетке
(Мстера, Владимирская обл., 1959 г.)

соперничают мастера новых центров резьбы по кости: Хотькова (Московская обл.) и Кисловодска. Мастера-косторезы производят кубки, броши, кулоны, серьги, ножи для разрезания бумаги, рамки, шкатулки, скульптуру и т. п.

Промысел художественной керамики развился необычайно широко. Помимо старинных центров промысла (Гжели и Скопина), многие фабрики занимаются изготовлением художественно-оформленных бытовых предметов и декоративной керамики, широко вошедшей в современный интерьер.

Производство лакированных изделий из папье-маше с росписью развивается не только в Федоскине, но и в новых центрах — Палехе, Мстере и Холуе, т. е. в районах распространения в дореволюционное время иконописного промысла.

Художники фабрики по изготовлению лаковых расписных изделий из папье-маше (Мстера, Владимирская обл., 1959)

В отличие от кустарных промыслов прошлого, игравших такую большую роль в народном хозяйстве, современные художественные промыслы занимают скромное место в экономике страны. Но роль изделий художественных промыслов в быту людей социалистической эпохи неизмеримо возросла. «Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека», — записано в Программе КПСС о роли искусства в повседневной жизни человека [1].

Художественные промыслы, выросшие на почве народного мастерства, хранящие традиции национальной культуры, вносят свой вклад в дело воспитания эстетических представлений строителей коммунизма, которые создают самую передовую общечеловеческую культуру.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

По уровню промышленного производства дореволюционная Россия намного отставала от передовых капиталистических стран. В 1913 г. в общей валовой продукции народного хозяйства на долю промышленности приходилось две пятых. При общем низком уровне развития промышленности преобладала текстильная и пищевая промышленность. Только около одной трети промышленной продукции приходилось на долю отраслей, производящих средства производства. В 1913 г. машиностроение дало продукции почти в четыре раза меньше, чем текстильная, и в шесть раз меньше, чем

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 130.

пищевая промышленность. Решающие отрасли промышленности были в руках иностранного капитала.

О слабости промышленного развития дореволюционной России свидетельствуют данные об ее внешней торговли — вывозились хлеб, лес, лен, ввозились машины, промышленные полуфабрикаты и готовые изделия. Несмотря на свою отсталость, промышленность дореволюционной России отличалась высокой концентрацией, более высокой, чем в Германии, Англии и даже США. На предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек работало 54% всех рабочих, тогда как в США на предприятиях такого масштаба было занято 33% от всех рабочих. Это имело большое значение для развития революционного движения в стране.

Уровень промышленного развития отдельных национальных районов царской России был очень различен. Некоторые из них по своему развитию были впереди многих коренных русских районов, например Прибалтика, украинский Донбасс, Приднепровье и др. Промышленность развивалась там под воздействием и влиянием иностранного капитала. На некоторых же национальных окраинах господствовали еще патриархально-родовые отношения.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что «развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Напр., одновременное существование самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия представляет из себя, несомненно, противоречие»[1]. И далее он пишет: «Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение»[2].

Неравномерность и противоречивость капиталистического развития России нашли отражение и в неравномерности размещения ее промышленности.

По данным 1912 г., например, на центральные промышленные губернии приходилось около одной трети всей валовой промышленной продукции, на Украину —18%, на Северо-Западный район — 10,5%, на Закавказье—6,4%, на Прибалтику — 6,0%, на Урал — 4,4%, на Центрально-черноземный район — 3,0%, Северо-Кавказский и Южный — 6,4%. Из 96% всей промышленной продукции Европейской части на территорию, занятую русским населением, приходилось свыше 60% промышленной продукции всей страны.

Центрально-промышленный район был колыбелью русской промышленности и средоточием национального русского капитала. Наряду с мелкими промыслами в нем развивались и промышленные предприятия. Особого расцвета в XVIII в. достигли крупные мануфактуры. К концу XVIII в. центральный район сложился как крупнейший в стране район текстильной промышленности: первоначально в нем развивалась льняная промышленность на местном сырье, а к середине XIX в. начался переход на производство хлопчатобумажных изделий. Волга, Ока и Клязьма издавна связывали район с другими районами. Превратившись затем в главный железнодорожный узел страны, Москва еще теснее связалась со всеми ее частями. В Центрально-промышленном районе в начале XX в. было сконцентрировано почти 60% текстильного производства России. Около одной десятой всего промышленного производства Центрально-промышленного района

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 596.
[2] Там же.

Производство кирпича (с акварели XVIII в.)

приходилось на металлопромышленность, которая первоначально возникла на скромных местных сырьевых и топливных ресурсах, а с 60—80-х годов XIX в. перешла на привозные металл и уголь. Железные дороги, проведенные из Центра, облегчали доставку донецкого угля, а водная волжская система с относительно дешевыми перевозками сделала кавказскую нефть местным топливом. Район поставлял стране значительную долю продукции общего машиностроения, котельного оборудования, паровозостроения и вагоностроения. Около одной шестой всей валовой продукции промышленности Центрального района падало на пищевую промышленность; некоторые ее виды получили значительное развитие (например, кондитерское, табачное производство).

Внутри Центрально-промышленного района основные промышленные предприятия были сосредоточены в Московской и Владимирской губерниях. На эти две губернии падало две трети промышленного производства всего района. Текстильная промышленность преобладала в Московской, Владимирской, Тверской и Костромской губерниях; текстильная и пищевая промышленность — на севере Московской и на юге Рязанской губ., и наконец, металлическая и пищевкусовая — в Тульской и Калужской губерниях.

Рассматривая размещение промышленности в России в конце XIX в., В. И. Ленин установил три главных типа фабричных центров: города, фабричные села и «кустарные» села[1]. Для промышленного центра было характерно наличие мелких фабрично-промышленных сел; «...фабричная промышленность,— писал В. И. Ленин,— имеет, по-видимому, тенденцию с особенной быстротой распространяться вне городов; ...забираться в глубь деревенских захолустий, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий»[2]. Главным образом это объяснялось тем, что сельские общины препятствовали уходу крестьян в города. «Мужика

---

[1] В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 3, стр. 519—520.
[2] Там же, стр. 523.

не пускают на фабрику,— фабрика идет к мужику»[1],— писал об этом В. И. Ленин. Для капиталиста это представляло существенную выгоду, так как в деревнях он находил более дешевую рабочую силу. Типичной формой промышленных предприятий Центрального района на заре его промышленного развития была маленькая «светелка» — ситценабивная, ткацкая, красильная. Обыкновенно эти производства сочетались с торговой деятельностью. Из «светелок» развились затем многие крупные мануфактуры. В Центрально-промышленном районе фабрично-заводское производство было территориально расчленено. Эта характерная особенность района сохранила свое значение и в последующее время. Центральный район давал огромное число «отхожих» рабочих, в частности разорявшихся кустарей, на фабрики и заводы. В некоторых местах сельское хозяйство играло лишь подсобную роль к промысловой работе. Существенное место среди местных промыслов занимали промыслы, развитие которых объяснялось потребностями населения такого большого города, как Москва (столярный, сапожный, корзинно-мебельный, щеточный, ювелирный, портняжный, игрушечный). Другая группа промыслов была связана с обработкой полуфабрикатов местной промышленности (ткацкие, трикотажные, сапожные, кузнечно-скобяные, сапого-валяльные). Часть промысловой продукции уходила на «всероссийские торжища», каким была, например, Нижегородская ярмарка, для последующего транзита в восточные и юго-восточные районы (например, валяные изделия Кинешемского и Семеновского районов и деревянные ложки Семеновского района).

Рабочие кадры самой Москвы и всего Центрально-промышленного района пополнялись в основном из крестьянского и промыслового населения губерний этого района. По статистическим данным 80-х годов XIX в., рабочие Московской губ. на две трети вышли из местных жителей и на одну треть были уроженцами других губерний того же центрального района. Фабрично-заводские рабочие Владимирской губ. в 1897 г. по своему происхождению были уроженцами той же губернии. В Костромской губ. в 1913 г. 75% фабрично-заводских рабочих состояло из уроженцев своей местности и соседних местностей своего уезда, 19% из уроженцев соседних уездов своей же губернии и только около 6% приходилось на рабочих, пришедших из других губерний.

Среди рабочих было много женщин, так как в центральном районе преобладала текстильная промышленность.

Санитарно-гигиенические условия на производстве и жилищные условия рабочих были очень плохими.

Фабричный инспектор И. Янжул так описывает казармы для рабочих Владимирской губ.: «Женатые и холостые, дети и взрослые девушки спят вповалку вместе, без всяких перегородок в крайне тесной и грязной обстановке»[2]. В спальнях делались в несколько рядов дощатые, большей частью голые нары. В большинстве случаев рабочие спали на собственных полушубках или кафтанах. В казармах нары располагались, как правило, в два ряда, так что при обычной высоте помещения в 2—2,5 *м* верхний ярус отстоял от потолка на полметра. На ряде фабрик для многих рабочих не было даже и таких спален. Этот же фабричный инспектор отмечает, что «ручные ткачи спали на тех же станках, на которых работали. В таких же условиях находились набойщики, которые почти всегда спали на столах в рабочих помещениях в крайне удушливой атмосфере, пропитанной ядовитыми испарениями красок. Столяры, как правило, спали на верстаках, на которых работали. На рогожных фабриках рабочие обоего пола и разного возраста спали вместе на тех же самых сырых мочалах и рогожах,

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 3, стр. 524.

[2] К. Пажитнов. Положение рабочего класса в России накануне революции 1905—1907 гг. «Вопросы экономики, 1955, № 5, стр. 40.

Чугунолитейная мастерская Коломенского завода, начало XX в.

которые обрабатывали, и ими же покрывались». В частных помещениях, сдававшихся внаем за плату, по данным обследования городской управы Москвы в 1899 г., из 16 140 квартир 70,2% были настолько переполнены, что на каждого человека приходилось меньше 1 куб. саж. (9,7 куб. м) воздуха. Еще хуже было положение рабочих в провинции.

Большое значение в промышленном развитии России имел Северо-Запад Европейской части страны. Петербург был одним из старых промышленных центров. Географическое положение его было очень благоприятно для развития крупной промышленности. Петербург был расположен на стыке внутренних речных путей с морскими путями, ведущими за границу. Озерный бассейн, тяготевший к Петербургу, связывал его с речными системами Днепра, Волги и Северной Двины, т. е. со всей Европейской частью страны. Приморское положение и связь с заграницей давали Петербургу возможность получать топливо, хлопок, машины, сырье для химической промышленности. Развитию петербургской промышленности содействовали также постоянные государственные и дворцовые заказы. В Петербурге впервые в России развилось механическое бумагопрядение. Первой бумагопрядильной фабрикой в Петербурге была Александровская мануфактура, где в 1805 г. была пущена первая паровая машина. В середине 30-х годов XIX в. там возникли еще три бумагопрядильные фабрики (Штиглица, Вильсона и Самсоньевская мануфактура). Накануне отмены крепостного права из общего числа (около 1,5 млн.) хлопчатобумажных веретен в России на Петербургскую губ. приходилось около 600 тыс. Заграничный привозной хлопок в значительной мере оседал в Северо-Западном районе. К концу XIX в. по мере увеличения в России значения среднеазиатского хлопкового сырья роль текстильной промышленности Северо-Запада по сравнению с Центральным районом при абсолютном росте относительно уменьшилась.

Петербург играл большую роль и в развитии машиностроения России. Еще в 1792 г. в Петербурге возник механический завод Берда. В 1815 г. на этом заводе был построен первый в России пароход. В 1825 г. в Петер-

бурге был построен Александровский завод, который, как и завод Берда, сочетал литейное дело с машиностроением. В 1863 г. известный русский металлург П. М. Обухов построил в Петербурге большой завод для производства стальных пушек. Накануне первой мировой войны на нем было занято 4,5 тыс. рабочих. Завод стал центром развития сталелитейного производства. В 1868 г. Н. И. Путилов в корне перестроил перешедший к нему старый основанный в 1801 г. литейный завод. На получившем затем большую известность Путиловском заводе сосредоточивалось производство железнодорожных рельсов, а затем производство паровозов и разнообразных машин. К 1900 г. на этом заводе было 12 тыс. рабочих. Петербург был родиной паровозостроения, а с 90-х годов XIX в. стал крупным центром электротехнической промышленности. Здесь были созданы электротехнические заводы германских фирм Сименс-Шуккерт и Сименс-Гальске. На петербургских электротехнических заводах работало около половины всех рабочих этой отрасли в стране. С момента своего возникновения Петербург стал центром морского судостроения. Необходимость высокого технического оборудования военных судов была стимулом к повышению техники общего машиностроения. Велика была роль Петербурга и в развитии русского дизелестроения. Петербургский завод «Русский дизель» был наиболее старым из русских заводов этой специализации, оказавшим большое влияние на техническую инициативу других заводов. Такая же роль принадлежала петербургскому машиностроению в деле производства турбин, генераторов и моторов.

Большое значение имела в Петербурге и химическая промышленность, особенно резиновая. Петербургский завод «Треугольник» вырабатывал ежегодно свыше 20 млн. пар галош и 400 тыс. пудов разных технических резиновых изделий.

Химические производства в Петербурге также находились в большой зависимости от заграницы; из Германии поступали не только краски и лаки, но и первичные продукты для производства красок. Даже серный колчедан для серно-кислотной промышленности, несмотря па большие его запасы в России, привозился морским путем из Испании, так как это было дешевле доставки его, например, с Урала.

Помимо ведущих отраслей промышленности — машиностроения, текстильной и химической, в значительной мере связанных по сырью, топливу и оборудованию с заграницей, некоторое значение в Северо-Западном районе имели отрасли, связанные и с местным сырьем — деревообрабатывающая промышленность и производство минеральных строительных материалов.

Приморское положение Петербурга и удобные связи его с заграницей повлияли на размещение промышленности района. Почти вся промышленность сосредоточивается в самом Петербурге. В этом отношении картина размещения промышленности Северо-Западного района резко отличалась от Центрально-промышленного, где промышленность была разбросана по всей территории. Также резко отличался Северо-Западный район от Центрального и в отношении формирования промышленного пролетариата.

Промышленные предприятия Центрального района черпали свою рабочую силу из местного населения — не занятых в сельском хозяйстве крестьян, ремесленников, кустарей. Пролетариат Петербурга формировался преимущественно из пришлого населения. По данным 1864 г., больше всего среди рабочих Петербурга было уроженцев Тверской губ. Много рабочих пришло из Ярославской, Смоленской, Псковской губерний. Данные, относящиеся к 1910 г., свидетельствуют о том, что в Петербург на фабрики шли крестьяне со всех концов России, преимущественно из малоземельных районов. Что касается местных промыслов, то они не получили большого развития в Северо-Западном районе.

Общий вид уральского Черноисточинского завода (с картины В. Е. Раева, 1837 г.)

Условия труда петербургского пролетариата, так же как и в Центральном районе, были очень тяжелые. Вот как описывает один из авторов обстановку работы женщин-галошниц на заводе «Треугольник»: «Рабочий день был для всех одинаков, как для взрослых, так и для детей,—11 $^1/_2$ часов (с 6 утра до 7 вечера с перерывами в полчаса на завтрак и час на обед). Работали в грязном помещении, насыщенном испарениями бензина; применялись тяжелые чугунные колодки; сборку резиновой обуви производили стоя. От такого непосильного труда галошницы быстро теряли силы и превращались через несколько лет в инвалидов»[1].

Формирование промышленного капитала в Петербургском промышленном районе происходило быстрыми темпами и сопровождалось большой концентрацией производства. Этим в значительной степени объясняется то значение, какое приобрел Петербург в политическом рабочем движении в царской России. Петербургский пролетариат встал в первые ряды революционного пролетариата всей страны и играл ведущую роль в политической борьбе. На всю Россию прогремела стачка путиловских рабочих в январе 1905 г., переросшая во всеобщую стачку рабочих столицы и явившаяся прологом первой русской революции.

Большую роль в развитии промышленности России играл Урал. Еще в конце XVII — начале XVIII в. на Урале начал складываться крупный горнопромышленный район. Урал был издавна районом кустарной обработки металла. Первые русские поселенцы на Урале в основном занимались землепашеством, но среди них были не только пахари, но и знатоки металлургической обработки из Тулы, Олонца, Нижнего Новгорода. Новые поселенцы Урала начали добывать железную руду и выплавлять из нее железо. То здесь, то там появлялись мелкие кустарные крестьянские «заводики» по добыче руды и выплавке металла, сыгравшие немалую роль в истории уральской промышленности. Именно на них работали первые «рудознатцы» и «умельцы», положившие начало прославленной уральской металлургии. Кустарные металлические промыслы на Урале продолжали

---

[1] Б. И. Шабалин. Фабрика на Обводном. Л., 1949, стр. 77.

16 Заказ № 888

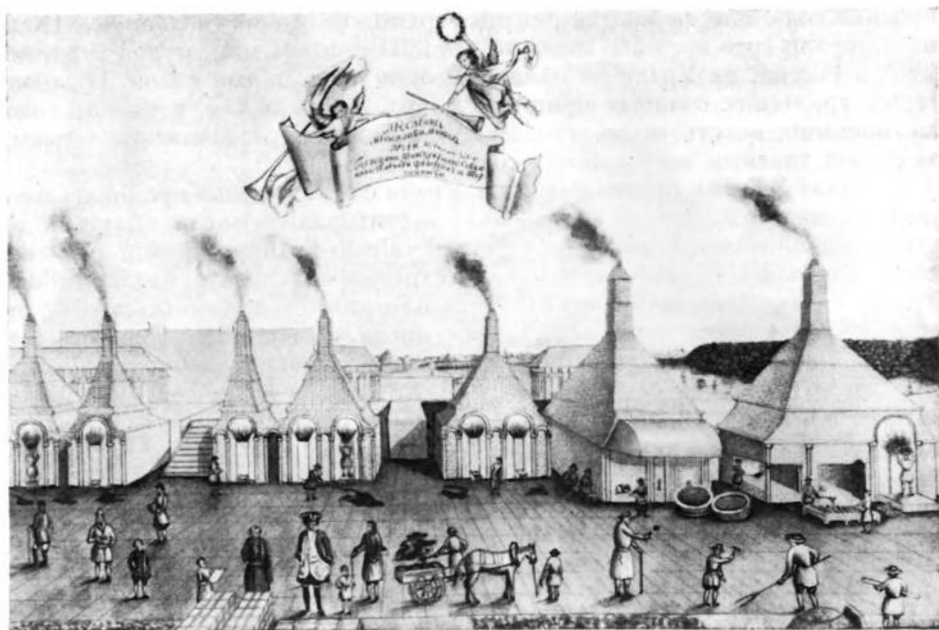
существовать и в пореформенное время, в период капиталистического развития Урала.

Исключительные богатства открытых здесь, высоких по качеству, железных руд, обилие необходимого для плавки руды древесноугольного топлива, наличие воды как источника двигательной силы на заводском предприятии — все это создавало благоприятные предпосылки для развития крупной промышленности. На заре своего промышленного развития Урал испытывал острый недостаток в рабочей силе, что и вызвало приписку крестьян к уральским заводам, закрепощение уральского населения. Разрешение использовать труд приписных крестьян на Урале давалось не только дворянам, но и «купецким людям». Основным костяком уральской промышленности были крупные предприятия, казенные и частные, основанные на крепостном труде и на феодально-крепостнических привилегиях их владельцев. XVIII в. был периодом большого строительства заводов на Урале. Урал, производивший тогда чугуна больше, чем Англия, Франция, Бельгия, занимал большое место не только в русской, но и в мировой металлургии. Сбыт продукции уральских железоделательных заводов шел по Каме и Волге. Эти реки связывали удаленный от центра Урал с основными районами страны. Россия вывозила металл и за границу, в частности в Англию. В конце XVIII — первой половине XIX в., когда в Западной Европе стали плавить чугун на минеральном топливе, значение уральского металла на мировом рынке резко снизилось.

В течение более чем полутораста лет Урал был важнейшим металлургическим районом России. Однако крепостной труд, который долгое время был источником рабочей силы Урала, к середине XIX в. стал тормозом его дальнейшего промышленного развития. Реформа 1861 г. проходила на Урале в своеобразных условиях. Частновладельческие и казенные крестьяне получили в 1861 г. очень малые земельные наделы. Уральский рабочий оставался полурабочим и полукрестьянином. Во второй половине XIX — начале XX в. для Урала были характерны остатки полукрепостных отношений. Пережитки крепостного права были одной из главных причин упадка промышленности Урала в эпоху развития капитализма в России. В. И. Ленин в конце XIX в. давал такую характеристику Урала: «...самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»[1]. В начале 90-х годов XIX в. Урал уступил свое первенство по производству металла новому — Южному району, развивавшемуся на основе каменного угля Донбасса и железных руд Приднепровья.

Малоземельное горнозаводское население на Урале в избытке поставляло на заводы рабочую силу. Ничтожные земельные наделы были малым подспорьем в его хозяйстве. Только в горнозаводской промышленности оно могло искать средства для покрытия своих нужд. Вследствие избытка рабочих рук работы выполнялись очередями. Из 81 завода Пермской губ. в конце 90-х годов XIX в. не было так называемых «гулевых» дней только на 22 заводах. На 20 заводах «гулевые дни» составили 25% всех дней, на 24 — 50% и на 13 заводах — даже 73%. На Урале сложилась такая обстановка, что «земля не кормит, а заводы не дают работы». В своей книге А. А. Радциг делает подсчеты, сколько было бы нужно рабочих для Урала по западноевропейским нормам производительности, если принять во внимание, что Урал произвел в 1893 г. 31 млн. пудов чугуна, 17 млн. пудов

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488.



Полевский медеплавильный завод (с. акварели XVIII в.)

железа и $4^1/_2$ млн. пудов стали. По его утверждению, для этой выработки было бы достаточно 11 тыс. человек. «Что касается Урала, то совершенно непонятно,— говорит он,— чем занимаются лишних 140 тыс. человек. Вероятно они заготовляют дрова и уголь и возят эти материалы и руду к заводам»[1]. Причиной этого был крайне дешевый рабочий труд, который мало стимулировал технический прогресс. Жизненный путь уральцев был тесно связан с заводом. Внук часто сменял деда и работал плечом к плечу с отцом. Уральские рабочие вместе со всем рабочим классом страны вписали много страниц в летопись революционного движения России. Постепенно росло и крепло их классовое самосознание.

Основной двигательной силой заводских установок Урала долгое время была вода. Она приводила в движение водяные колеса, а через них машины и молоты. Заводской пруд и заводская плотина оставались долгое время необходимой и очень характерной принадлежностью уральского заводского ландшафта. Необходимость использования в качестве двигательной силы водотоков была главнейшим фактором географического размещения уральских заводов на реках. Ввиду малой силы небольших речек Урала даже отдельные цеха одного завода иногда были разбросаны по рекам Урала.

Структура уральской промышленности в дореволюционном прошлом была очень отсталой. Машиностроение играло ничтожную роль и сводилось к производству несложных сельскохозяйственных орудий на небольших предприятиях. Исключение представляли заводы Мотовилихинский в Перми, производивший артиллерийское вооружение, Ижевский завод, изготовлявший ружья, и Коткинский завод, выпускавший паровые машины для судов. Около двух третей продукции промышленности Урала перед первой мировой войной приходилось на Пермскую губ. с ее горнорудными богатствами; около одной трети на Уфимскую и Оренбургскую губернии.

В южных районах Урала значительную роль играла пищевкусовая промышленность. Когда-то на Урале большое значение имело солеварение,

[1] А. А. Радциг. Железоделательная промышленность всего света. СПб., 1896, стр. 50.

пермская соль шла во многие районы страны. Во второй половине XIX в. оно потеряло свое прежнее значение. В 1899 г. из 91 млн. пудов соли, добытой в России, на Урале добывалось только около одной пятой. В районе старых уральских соляных приисков в 80-х годах XIX в. возникла содовая промышленность, и до середины 90-х годов Березняковский содовый завод был главным поставщиком соды в России.

В начале XX в. в промышленность Урала стал усиленно проникать иностранный капитал. В 1913 г. на Урале насчитывалось около полутора десятков акционерных обществ с участием англо-французского и бельгийского капиталов. В зависимость от иностранного капитала попали в значительной мере золото-платиновая, медеплавильная промышленность, отчасти и черная металлургия. Однако проникновение иностранного капитала не внесло каких-либо существенных перемен в картину общей отсталости промышленности Урала.

На территории Европейской части страны, населенной русским народом, помимо трех упомянутых ярких индустриальных районов—Центрально-промышленного, Северо-Западного и Уральского — представляют интерес менее развитые в промышленном отношении районы — Европейский Север и Вятский край, Центрально-черноземный район, Среднее и Нижнее Поволжье, Придонье и Предкавказье. Они имели свои характерные черты промышленного развития.

Промышленное развитие северных районов Европейской части страны началось с XVI в., когда старые города на северных и средневолжских речных путях (Вологда, Великий Устюг, Ярославль) начали превращаться в крупные торгово-ремесленные центры. Основание Петербурга в начале XVIII в. и создание «окна в Европу» через Балтийское море отрицательно сказалось на развитии Севера и резко уменьшило его роль в экономике страны.

Удельный вес Севера в промышленности России в 1912 г. был очень незначительный (около 1% всей промышленной продукции и 1% занятых в промышленности рабочих). В период развития капитализма Европейский Север оставался глухой окраиной. Основными отраслями хозяйства района были лесозаготовки и сплав леса в устье рек (Северная Двина, Онега и др.), откуда древесина шла на экспорт за границу преимущественно в сыром виде. Развитие лесного хозяйства значительно усилилось вместе с проведением в 1897—1898 гг. железной дороги от Вологды до Архангельска. Деревообрабатывающее производство, выросшее сравнительно незадолго до первой мировой войны, было мало развито и далеко не соответствовало сырьевым возможностям района. Оно было очень примитивно по своему оборудованию и по характеру выпускаемой продукции. Производились преимущественно полуфабрикаты лесопиления, дальнейшей их обработки почти не было совсем, не было и лесохимического производства. Лесные работы, как об этом писал В. И. Ленин, очень плохо оплачивались. «...Гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное...»[1] «Лесопромышленность означает самое примитивное состояние техники, эксплуатирующей первобытными способами природные богатства... Лесопромышленность оставляет почти в полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывая заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью»[2].

Лесная и деревообрабатывающая промышленность давала более двух третей всей местной валовой продукции. Около одной пятой приходилось на пищевую промышленность, преимущественно маслодельную в южной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 527.
[2] Там же, стр. 529—530.

Электрическая станция Сормовского завода, XIX в.

части района. Некоторое развитие получили там кустарные промыслы, главным образом деревообрабатывающие (колеса, сани, телеги, бондарные изделия, смола, деготь).

В промышленности Европейской России существенную роль играл Волго-Вятский район. Его западная часть (Нижнегородский край), тяготевшая к Центральному району, и восточная (Вятский край) значительно отличались одна от другой. Район Нижнего Новгорода с его важными водными путями издавна имел крупное промышленное значение. В 1849 г. в Нижнем Новгороде возник большой судостроительный завод, ставший одним из крупнейших центров русского речного судостроения (Сормово). Кроме того, там развилась крупная мукомольная промышленность, возникли механические и другие предприятия. В районе получили большое развитие кустарные промыслы — металлические (Павлово) и кожевенные (Богородск). В Приокском районе возникла и своя металлургия, использовавшая местные железные руды и древесное топливо.

Вятский район в основном был лесопромышленным районом. В отличие от Европейского Севера, он поставлял лес главным образом не на внешний, а на внутренний рынок и был в значительной мере сырьевой базой деревообрабатывающей промышленности низовьев Волги.

В конце XIX в. железная дорога Пермь — Вятка — Котлас усилила связи Вятки с Севером Европейской части страны и с Сибирью. В 1906 г. была построена железная дорога, связавшая Петербург с Уралом. Она прошла через Вятку, что имело для нее существенное значение.

Некоторую роль в экономике района играли железные руды Омутнинского уезда Вятской губ. На их базе были созданы Омутнинский и Холунинские металлургические заводы, однако господствующее положение в Вятском крае занимали кустарные промыслы (экипажный, щеточный, валяльный, сапожный и др.), по степени развития имевшие всероссийское значение. Изделия кустарной промышленности Вятской губ. широко расходились по России.

В Центрально-черноземном районе промышленность в дореволюционном прошлом была представлена отраслями по переработке сельскохозяйственных продуктов (винокуренной, мукомольной и крупяной, свеклосахарной,

маслобойной). Около 80% всей валовой продукции промышленности района падало на пищевкусовую промышленность. Винокуренное и мукомольное производства были распространены довольно равномерно в связи с тем, что по всему району возделывались сельскохозяйственные культуры, дававшие им сырье. Сахарная промышленность получила развитие преимущественно в Курской губ., где широко культивировалась сахарная свекла, а маслобойная — в Воронежской губ., где были обширные посевы подсолнечника. В Тамбовской губ. значительное развитие получила шерстяная промышленность. Только в Орловской губ., входившей в Центрально-черноземный район, был крупный машиностроительный центр (Брянск). Здесь были развиты паровозостроение и вагоностроение.

После реформы 1861 г. крестьяне Центрально-черноземного района получили очень малые земельные наделы. Они вынуждены были на тяжелых условиях арендовать землю у помещиков, часто из доли урожая и за отработку помещичьей земли. В результате «оскудения» крестьяне бросали землю и добывали средства к существованию отходничеством, которым за период 1885—1917 гг. было охвачено около 1 млн. человек. Значительное число уходивших крестьян пополняло в индустриальных районах страны кадры промышленного пролетариата.

Важнейшим фактором хозяйственного развития Поволжья была Волга. Она служила основной экономической осью района. Все важнейшие центры обрабатывающей промышленности Поволжья располагались вдоль водной магистрали, по которой в значительной мере поставлялось и сырье, и топливо.

Поволжье имело пестрый состав населения; в нем жили русские, татары, чуваши, мордва, марийцы, украинцы. В промышленности наиболее активной частью населения были русские. В Казанской губ. получили развитие кустарные промыслы — валяльно-войлочный, обувной, скорняжный. В 50-х годах XIX в. в Казани возникло мыловаренное и стеариновое производство на сале, поступавшем с салотопенных предприятий Поволжья. В полосе между Симбирском и Пензой на местном сырье возникла суконная промышленность в виде помещичьих вотчинных фабрик. После реформы 1861 г. в связи с ликвидацией крепостного труда из 30 суконных фабрик закрылось 10 вотчинных фабрик, 10 фабрик перешли в руки купцов и только прочие остались у помещиков.

Промышленность Поволжья начала развиваться с проведением к Волге железных дорог, в особенности мукомольное и маслобойное производство. Условия для развития мукомольной промышленности значительно улучшились после 1893 г., когда были уравнены тарифы на перевозку зерна и муки. Крупные капиталистические товарные мельницы были созданы в Саратове, Покровске, Самаре, т. е. в главных центрах сосредоточения зерна. В конце XIX — начале XX в. в Поволжье возникла крупная цементная промышленность. Особый характер получило развитие промышленности в Царицыне. Близость к Донбассу и водный путь на Урал побудили промышленников к созданию там металлургических предприятий. В 90-х годах в Царицыне был построен металлургический, а на его базе несколько позже машиностроительный заводы. Низовье Поволжья — Астраханский (Прикаспийский) район — имело свою специфику. Промышленность этого района была тесно связана с использованием местных рыбных и соляных ресурсов. В рыбной промышленности было занято свыше 100 тыс. человек. Она находилась на очень низком техническом уровне; господствовал ручной труд. Добыча соли сосредоточивалась на оз. Баскунчак. Она стала особенно развиваться после того, как в 1882 г. от озера к волжской пристани Владимировка была проведена железная дорога.

В целом до первой мировой войны в структуре промышленности Поволжья резко преобладала пищевая промышленность, на которую падало около двух третей валовой продукции всей промышленности района. Тем

Укладка рельсов на строительстве Восточно-Сибирской железной дороги, конец XIX в.

не менее в различных частях Поволжья структура промышленности была различной. Наибольшее развитие пищевая промышленность получила в Самарской губ. (около 90% всей продукции). В Симбирской же губ. она давала только немногим более половины продукции, ввиду наличия там суконной промышленности, а в Казанской губ.— только около двух пятых, так как там значительную роль играла обработка животных продуктов. В Царицыне, помимо металлургии и металлообработки, существенное значение имело лесопильное производство, откуда сплавляемая по Волге древесина передавалась уже в переработанном виде в малолесные районы — на Украину, на Северный Кавказ, в Закавказье. В Астраханской губ., кроме преобладавшей рыбной промышленности и добычи соли, получили развитие ремонт судов и связанное с рыбопромышленностью бондарное производство.

Поволжье примыкает к наиболее южному району Европейской части страны — Нижнему Дону и Предкавказью. Северный Кавказ в целом представляет пеструю картину по своему этническому составу, однако очень большая его территория занята русским населением, а именно: Ростовская обл., Краснодарский край, Ставропольский край. В пореформенное время усилилось переселение туда русского и украинского населения. Благоприятные почвенные и климатические условия способствовали развитию товарного сельского хозяйства с большей ролью пшеницы и таких технических культур, как подсолнечник и табак. Для удовлетворения местных нужд населения начали развиваться кустарные промыслы. С проведением во второй половине XIX в. железных дорог их стали вытеснять поступающие из других районов фабрично-заводские изделия. Возникла промышленность по переработке продуктов сельского хозяйства, в особенности маслобойная. До 90-х годов XIX в. основным районом маслобойной промышленности была Саратовская губ. Однако значительное расширение посевов подсолнечника на Кубани, с ее очень благоприятными для этого природными условиями, привело к развитию здесь крупной маслобойной промышленности на гораздо более высоком техническом уровне.

В структуре промышленности Придонья и Прикавказья, помимо пищевой промышленности, следует отметить угольную промышленность (восточная часть Донбасса), а также цементную промышленность Новороссийского района, развивавшуюся на основе местных богатых сырьевых ресурсов. Новороссийские мергели начали использовать в 1882 г., когда был построен первый завод «Звезда». В 1892 г. был пущен второй завод. Большое оживление в строительстве цементных заводов в Новороссийском районе происходило в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

В целом, по данным 1908 г., на губернии, населенные русскими, приходилось 1050 тыс. рабочих, т. е. почти половина рабочего класса Российской империи. Российский пролетариат был занят в важнейших отраслях промышленности, но в силу ее неравномерного развития концентрировался главным образом в Центральном промышленном районе (34% от общего числа рабочих; в частности, в Москве — 14,5%), а также на Урале (8%), в Петербурге (7,7%) и т. д.

* * *

В целом царская Россия оставалась в промышленном отношении отсталой по сравнению с Западной Европой страной. Эта отсталость быстро сказалась после начала первой империалистической войны, и уже в 1915 г. выяснилось, что русская промышленность не в состоянии удовлетворять нужды фронта и тыла. В ходе войны эвакуация промышленности из западных районов, несколько повлиявшая на ее общее географическое размещение, носила случайный характер. К 1916 г. из западных губерний было эвакуировано свыше тысячи крупных предприятий. Многие из них осели в районах Европейской части страны. Например, из 150 предприятий, эвакуированных из Риги, 47 были размещены в Москве, 20 — в Петрограде; из 160 предприятий, эвакуированных из литовских губерний, в Москве разместилось 47, в Петрограде — 25.

К 1917 г. в стране возник острый кризис в снабжении металлом, топливом и продовольствием. Февральская революция и Временное правительство не вывели страну из экономического кризиса. Коренной перелом принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Центральной задачей Советской власти после восстановления разрушенной в годы империалистической и гражданской войн и иностранной интервенции промышленности была борьба за социалистическую индустриализацию страны, которая обеспечила бы ее хозяйственную самостоятельность, укрепила бы обороноспособность и создала условия, необходимые для победы социализма и строительства коммунизма. Решение этой задачи превратило Советский Союз в могучую индустриальную державу.

В годы социалистической индустриализации в структуре советской промышленности в отличие от дореволюционной получила резкое преобладание тяжелая промышленность. В результате ее развития можно было перевести все отрасли хозяйства на новую высокую техническую базу, реорганизовать сельское хозяйство и транспорт и усилить производство продуктов потребления. Развитие легкой и пищевой промышленности стало резко отличаться от дореволюционного. В дореволюционной России легкая и пищевая промышленность вырабатывали преимущественно полуфабрикаты. Например, была крупная мукомольная промышленность, но не было промышленного хлебопечения; была кожевенная промышленность, но очень слабым было фабричное производство обуви и т. д.

В процессе индустриализации страны большое внимание уделялось формам организации промышленности — ее концентрации и специализа-

ции, кооперированию и комбинированию отдельных производств. Наряду с крупными предприятиями большое внимание, начиная с восстановительного периода, уделялось и местной промышленности, строительству предприятий средних и малых размеров, что имело большое значение для использования местного сырья и топлива и удовлетворения нужд местного населения. Местная промышленность перерабатывала отходы, которые давали предприятия крупной промышленности.

Автоматический разлив молока на молочном заводе (1963 г.)

В советский период в связи с индустриализацией страны резко возросло число рабочих. Индустриализация страны сопровождалась ростом городского населения. Строительство новых промышленных предприятий влекло за собой увеличение числа рабочих и служащих, расширение существующих и создание новых городов. В 1932 г. промышленных рабочих насчитывалось 6 млн. человек, в 1959 г.—16,7 млн. человек. Квалифицированные кадры рабочих пополнялись путем подготовки их на самих промышленных предприятиях и в профессионально-технических училищах. Численность рабочих увеличивалась также за счет молодежи, окончившей среднюю школу. В 1961—1962 гг. около 1 млн. учащихся 9—11 классов общеобразовательных школ проходило на предприятиях производственное обучение.

Рациональное и равномерное размещение производительных сил, соответствующее новым социалистическим отношениям, стало одной из основных проблем экономической политики Советского государства. В первые же месяцы Советской власти, в апреле 1918 г., В. И. Ленин в своем «Наброске плана научно-технических работ» писал: «В этот план должно входить: рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [1]. В основу нового размещения промышленности было положено: приближение промышленности к источникам сырья и энергии и к районам потребления готовой продукции, подъем хозяйства в отсталых в прошлом национальных районах страны, комплексное развитие районов страны, обеспечивающее более рациональное использование природных и трудовых ресурсов.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228.

Сновальщица Наро-Фоминской прядильно-ткацкой фабрики (1963 г.)

Наиболее ярко осуществление этих принципов в размещении производительных сил отразилось в усиленном развитии восточных районов.

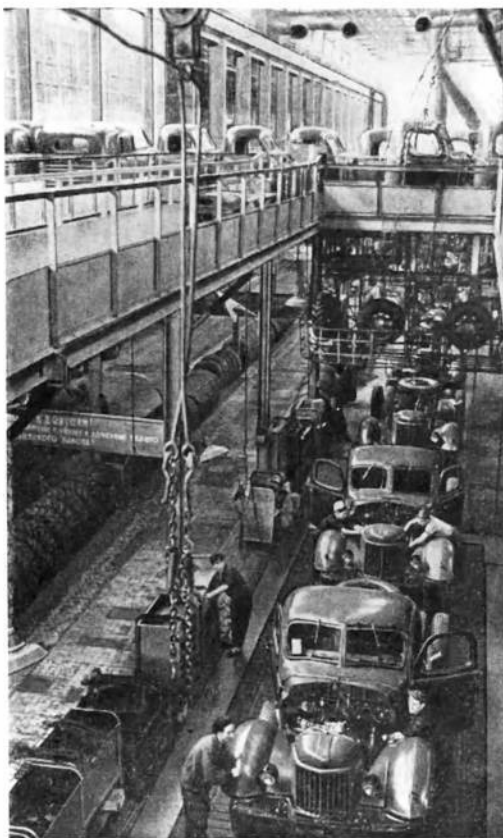
Основные природно-сырьевые и энергетические ресурсы страны находились в ее Азиатской части, между тем как в царской России промышленность была в основном сосредоточена в Европейской части страны. Политика Коммунистической партии и Советского правительства, направленная на всестороннее использование природных ресурсов Советского Союза, резко ускорила промышленное развитие национальных районов (в частности Сибири, Казахстана, Средней Азии и пр.), что в свою очередь содействовало общему культурному росту народов, населяющих эти прежде отсталые окраины царской России, их связям с русским рабочим классом и возникновению и укреплению под влиянием последнего местных рабочих кадров.

В начале 30-х годов, со строительством Урало-Кузнецкого комбината началось создание на востоке страны второй угольно-металлургической базы. Процесс индустриализации восточных районов продолжался в военные и послевоенные годы, когда были раскрыты и интенсивно осваивались богатейшие топливные и гидроэнергетические ресурсы Восточной Сибири. Промышленность Европейской части страны продолжает сохранять ведущую роль. Наличие основных фондов промышленности, большая плотность населения и, следовательно, наличие трудовых кадров, резерва рабочей силы, трудовые навыки населения — все эти факторы определяют преобладающее значение экономики Европейской части, т. е. районов Центра, Северо-Запада, Урала, Поволжья, Предкавказья. За годы существования Советского государства в Европейской части страны были открыты сырьевые ресурсы Кольского полуострова, богатства Печорского угольного бассейна, нефтяные запасы Урала и Приуралья, Поволжья, газовые ресурсы Предкавказья, колоссальные железо-рудные месторождения Курской магнитной аномалии.

Старые промышленные районы в течение всего советского периода играли и продолжают играть большую роль в индустриализации восточных районов. В значительной мере на основе их опыта происходила

индустриализация восточных районов [1].

Центральный промышленный район по сравнению с дореволюционным прошлым резко изменил специализацию и структуру промышленного производства. Первое место стало принадлежать машиностроению и в особенности тем его видам, которые характеризуются не металлоемкостью, а трудоемкостью и высокими требованиями к технической конструкторской базе. В машиностроении поэтому особое значение имеют станкостроение (например, завод «Красный пролетарий» в Москве), приборостроение и электротехника (завод «Динамо»). Большое развитие получило производство автоматических линий и агрегатных станков (завод им. Орджоникидзе), производство оборудования для легкой промышленности (заводы в Курске), транспортное машиностроение (автомобильное — ЗИЛ, Ярославский завод), вагоностроение (Мытищи).



Автомобильный завод им. Лихачева. Главный конвейер сборки грузовых автомобилей (Москва, 1959 г.)

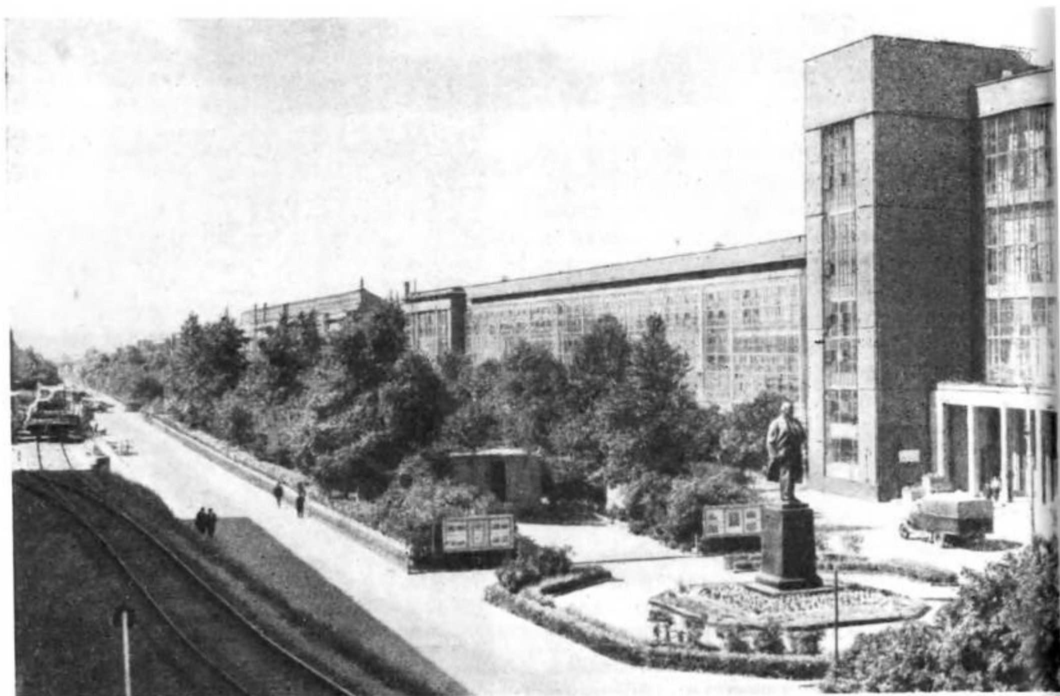
Большую роль в Центральном районе играет химическая промышленность. В прошлом она возникла главным образом из-за потребности текстильной промышленности в красках. В советское время облик химической промышленности резко изменился: развивается производство азотно-туковых (Новомосковск) и суперфосфатных удобрений (Воскресенск), синтетического каучука (Ярославль), искусственного волокна (Калинин, Клин), пластмасс (Владимир).

Район сохранил за собой значение главного текстильного центра страны, хотя удельный вес текстильной промышленности значительно снизился. Хлопчатобумажная промышленность в районе сочетается с шерстяной, шелковой, льняной, производством искусственного волокна и технических тканей (Москва, Иваново).

Существенную роль в Центральном районе играет производство строительных материалов, в особенности цементная промышленность (Подольск, Воскресенск, Коломна, Михайлов). В связи с большим размахом промышленного и жилищного строительства сильно развито производство стеновых и облицовочных материалов, сборного железобетона, сборных конструкций, крупных блоков.

Пищевая промышленность представлена мощными мясокомбинатами, высокомеханизированными хлебозаводами, кондитерскими фабриками, производством табачных изделий.

[1] В дальнейшем рассматриваются те же районы, экономико-географическая характеристика которых была дана в предыдущем разделе.



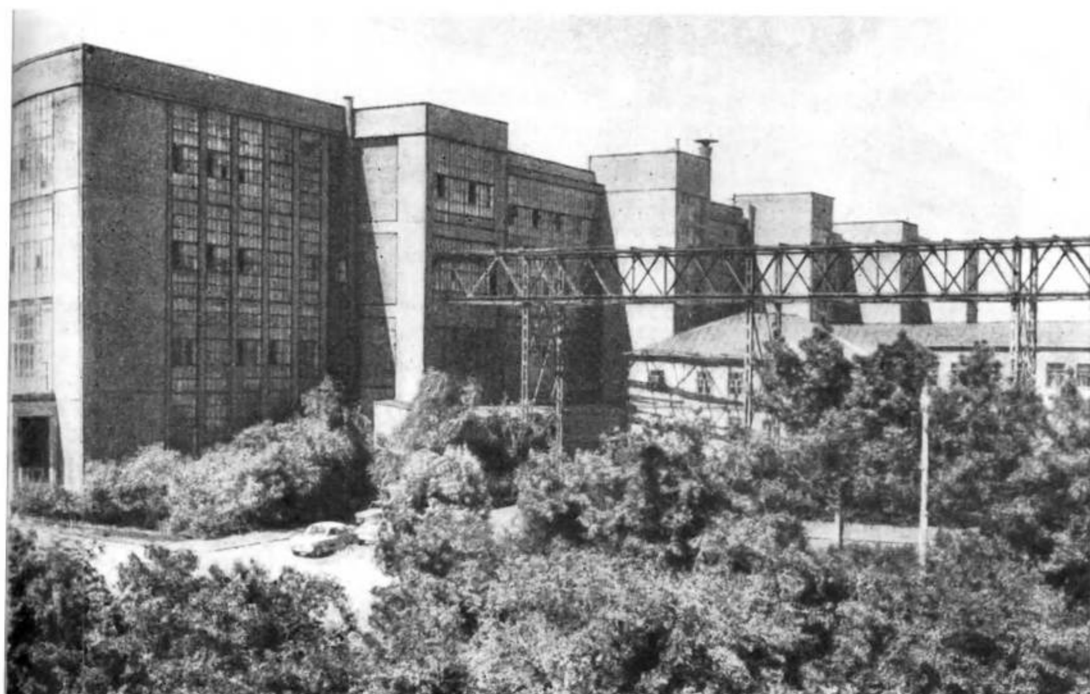
Автомобильный завод им. Лихачева.

Основной топливной базой района является Подмосковный угольный бассейн. За советское время добыча угля в нем резко возросла.

Центральный район располагает очень большими трудовыми ресурсами, в том числе высококвалифицированными кадрами. Район является крупнейшим в стране средоточием инженерно-технических кадров, исследовательских и проектировочных институтов, технических вузов. Многие заводы сами стали как бы опытными исследовательскими конструкторскими институтами (завод им. Орджоникидзе). Около двух третей всего населения составляет городское население, сосредоточенное преимущественно в крупных городах. Больше всего городов и рабочих поселков находится в Подмосковье. Средоточием городского населения являются также район Верхней Волги (Калинин, Рыбинск, Ярославль), Иваново-Кинешемский район текстильной промышленности и район Подмосковного угольного бассейна. Наряду со многими старыми городами близ угольных шахт. центров добычи строительных материалов возникли новые города, центры промышленного производства.

Ведущую роль в промышленности Северо-Западного района в советский период сохраняет Ленинград. Наиболее характерные черты его промышленного облика — высокий технический уровень и специализация на тонком машиностроении.

В процессе электрификации страны Ленинград стал основным поставщиком турбин и генераторов высокой мощности (например, целиком реконструированный завод «Электросила»). Станкостроение, приборостроение, судостроение — характерные отрасли ленинградского машиностроения. В Ленинграде построен первый в мире атомный ледокол «Ленин». Для снабжения ленинградской промышленности металлом создана собственная металлургическая база. В Череповце (Вологодской обл.) построен мощный металлургический завод, получающий железную руду из месторож-



Главная аллея (Москва, 1960 г.)

дений Кольского полуострова, а каменный уголь как техническое топливо из Печорского угольного бассейна.

В химической промышленности Ленинграда произошли также большие изменения. Ленинград стал перерабатывать апатитовые концентраты и выполнять важную роль в освоении новых химических производств.

В дореволюционном прошлом промышленность Ленинграда в значительной степени базировалась на привозном английском угле. После революции Ленинград освободился от этой зависимости. Он получает теперь уголь из Печорского бассейна, нефть с Поволжья, газ из Эстонии. Широко стали использоваться местные ресурсы — торф, горючие сланцы, гидроэнергия. Еще в 1926 г. была пущена одна из первых крупных районных гидростанций — Волховская, затем были построены гидростанции на р. Свири. Создана крупная энергосистема «Ленэнерго».

В отличие от капиталистического периода промышленность Северо-Западного района стала усиленно развиваться не только в Ленинграде, но и в других, новых центрах района.

На Волхове в связи с созданием Волховской ГЭС возникло алюминиевое производство. Сырьем для него служат глинозем из тихвинских бокситов и апатиты Кольского полуострова. В Новгородской обл. продолжают развиваться лесопильная, спичечная, фарфоро-фаянсовая, стекольная промышленность, в Псковской обл.— льняная, деревообрабатывающая, разработки торфа, производство строительных материалов. Особое значение в промышленном отношении приобрела Мурманская обл. после того, как в советское время в Хибинах, на Кольском полуострове, были разведаны разнообразные полезные ископаемые и началась разработка апатито-нефелиновых ресурсов, медно-никелевых и железных руд. Кроме того, в Мурманской обл. большое место занимает созданная в советское время рыбная промышленность, перерабатывающая около одной четверти улова всей страны. Рыбу

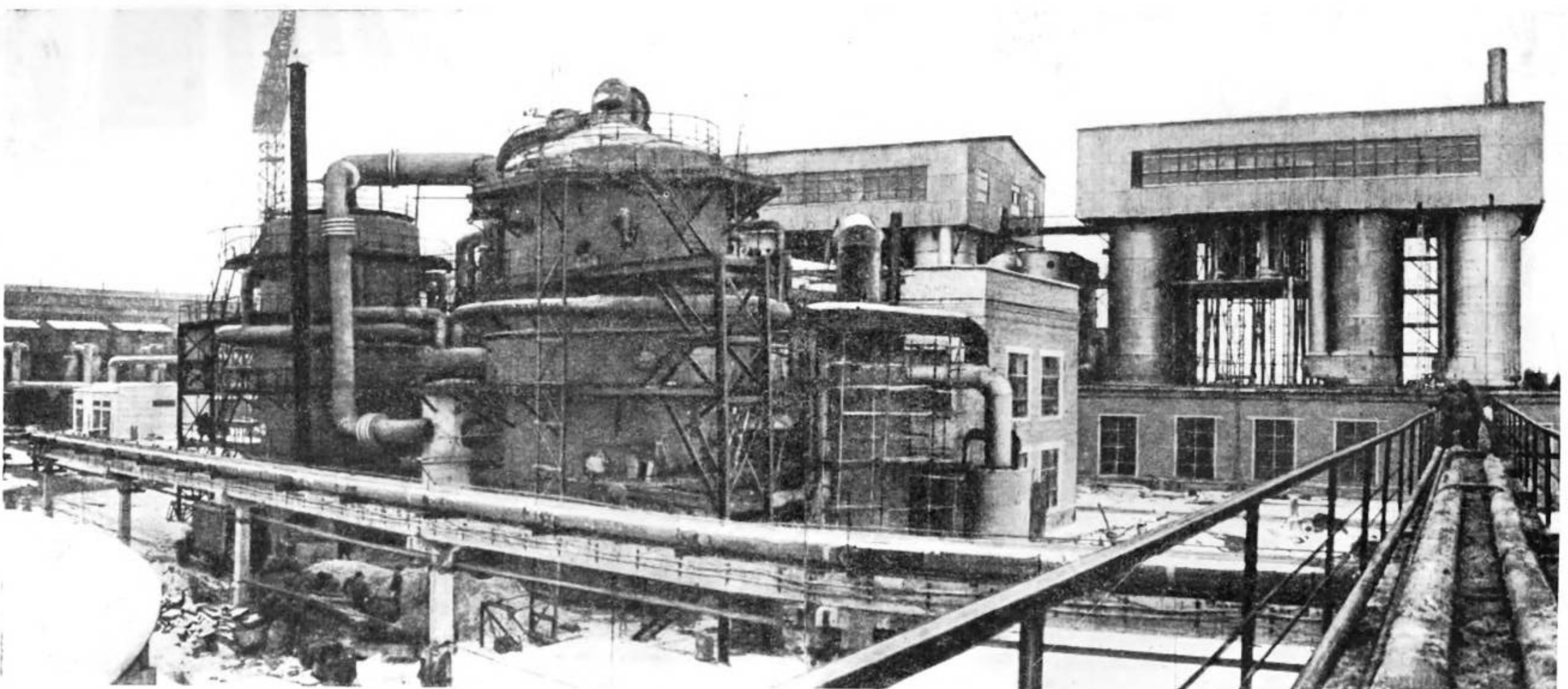
Общий вид новой ткацкой фабрики в Москве (1962 г.)

ловят круглый год как в прибрежных водах, так и в открытом океане, что стало возможным благодаря резкому повышению техники лова и созданию большого траулерового флота.

Северо-восток Европейской части страны, бывший в период капитализма ее промышленной окраиной, резко изменил свой облик. До революции лес из этого района в необработанном виде вывозился через Архангельск преимущественно за границу. В настоящее время экспортируется древесина, обработанная на новых мощных лесозаводах. В значительной мере лесные богатства севера направляются в Европейскую часть, почему многие лесопильные заводы были построены в глубинных транспортных пунктах (Котлас, Сыктывкар, Коноша, Вельск и др.). Большую роль в освоении лесных богатств района стала играть Северо-Печорская железнодорожная магистраль.

В этом же районе были созданы крупные угольная и нефтяная базы. Прекрасного качества коксующийся уголь Воркуты как технологическое металлургическое топливо используется Череповецким металлургическим заводом и как энергетическое топливо — Ленинградским и другими районами. В районе Ухты развилась нефтяная промышленность. Здесь же имеются ресурсы природного газа, который частично перерабатывается на техническую сажу на месте.

В общей картине развития и размещения промышленности страны разница между историческим прошлым и послереволюционным периодом особенно резко проявилась на Урале. В дореволюционном прошлом Урал был наиболее отдаленным и отсталым из крупных промышленных районов страны. В годы пятилеток он стал одним из передовых районов, срединной индустриальной базой Союза ССР, форпостом индустриального развития восточных районов. По отношению к восточным районам Урал играет роль «старого промышленного района». Он как бы «цементирует» Европейскую и Азиатскую части Союза. Урал и в прошлом славился своими природными ископаемыми богатствами. Две сотни лет Урал был преимущественно источником железа, меди, золота. В советское время по всему Уралу широко развернулись разведочные работы, и в изучении природы сделано больше, чем за два предыдущих столетия. На Урале открыт ряд новых неизвестных там раньше ископаемых (нефть, бокситы, магний, калий). Открыты также новые очень богатые месторождения цветных металлов, алюминиевого сырья, сырья для химической промышленности. Урал богат разнообразными



Балаковский химический комбинат по производству искусственного волокна из серной кислоты (1963 г.)

В офсетном цехе Калининского полиграфического комбината (1957 г.)

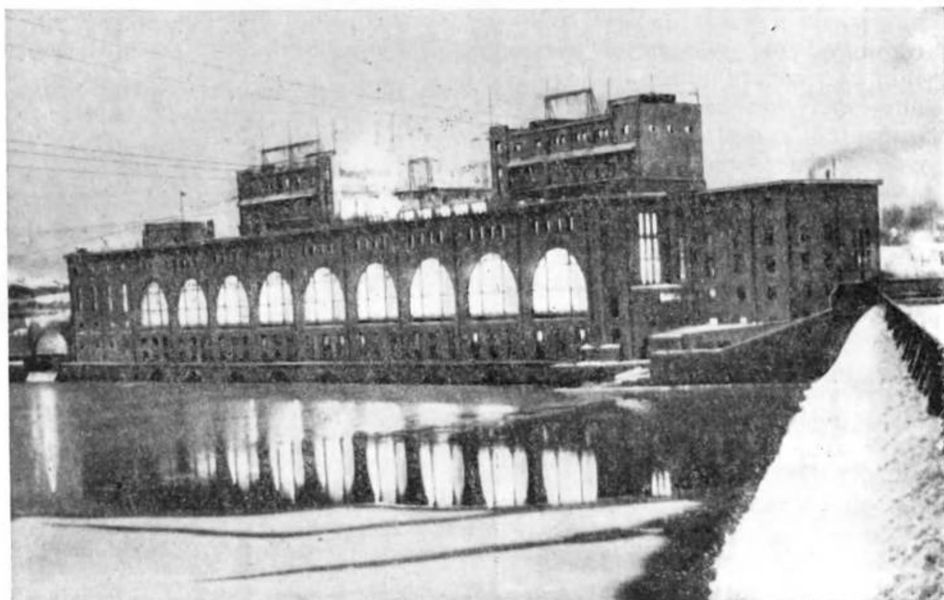
Новый производственный корпус редакции «Правда» в Москве (1963 г.)

железными рудами, характерная особенность которых заключается в комплексности их состава. До революции металлургическая техника предпочитала чистые однообразные руды и комплексность их состава рассматривалась скорее как отрицательное свойство. Теперь же такие примеси к уральским железным рудам, как никель, хром, титан, имеют чрезвычайно важное значение для повышения качества металла.

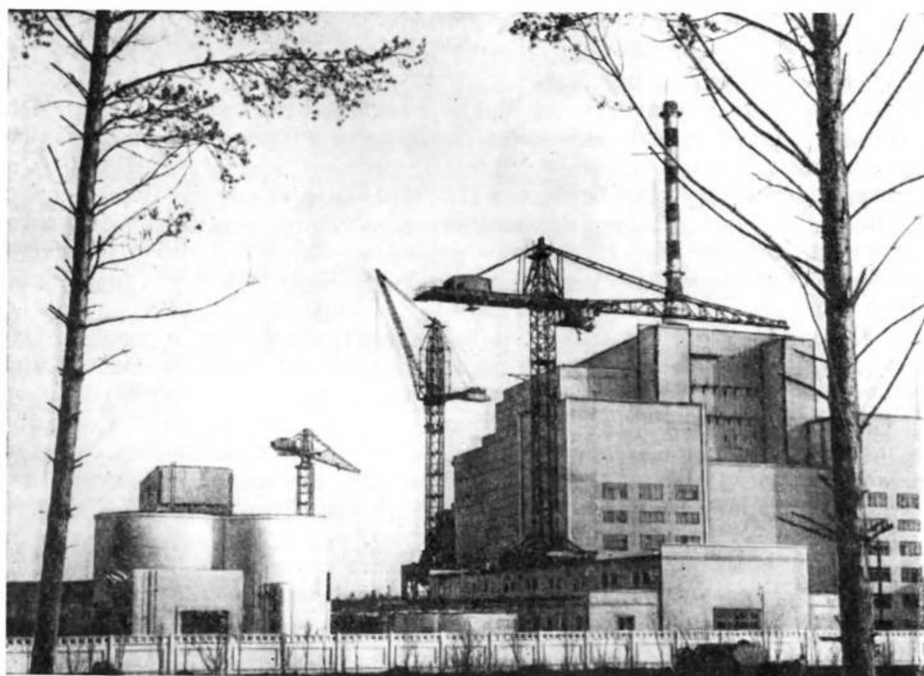
Разработка угольного пласта горным комбайном (Кузбасс, 1960 г.)

Урал после революции был первым районом, где было проведено административно-экономическое районирование (1923 г.), что содействовало плановому комплексному развитию его хозяйства. Урал ныне представляет собой единое хозяйственное целое, мощный хозяйственный комбинат. В начале 30-х годов на основе железных руд Урала и каменных углей Кузбасса была создана вторая угольно-металлургическая база страны. Тогда же началось развитие на Урале химической промышленности, использующей местные калийные соли, серные колчеданы, отходы сернистых газов, цветной металлургии, солевых растворов и т. п. В 30-х годах открываются нефтяные богатства Предуралья и создается новый нефтяной район — «Второе Баку». Велико было значение Урала в годы Великой Отечественной войны. На Урале работало 455 из 1360 крупных предприятий, эвакуированных в восточные районы. В эти годы Урал являлся одним из важнейших арсеналов страны.

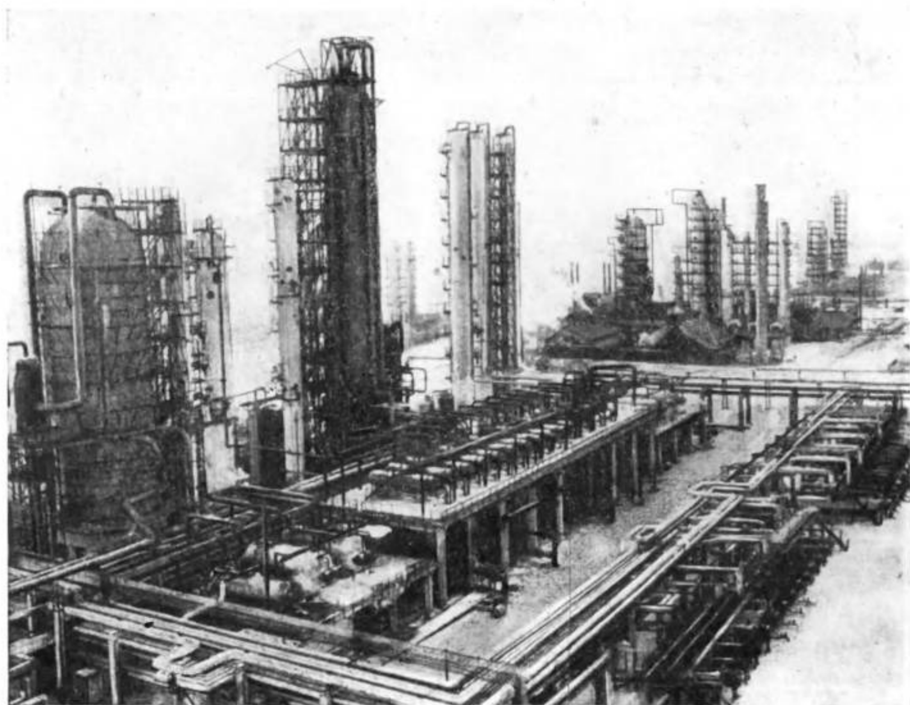
Промышленный комплекс Урала составляют черная и цветная металлургия, машиностроение, нефтяная, химическая, лесная промышленность, энергетика. Все эти отрасли тесно связаны между собой. Уральская металлургия дает около трети общесоюзного производства чугуна, а по выпуску стали она лишь немного уступает южной металлургической базе Союза. Цветная металлургия Урала представлена производством меди, цинка, никеля, алюминия, магния, а также производством цветного проката — труб, проволоки, кабелей, цветного литья, различных сплавов, частей машин. Черная и цветная металлургия Урала служат основой для машиностроения. В советское время Урал стал одним из наиболее крупных машиностроительных районов Союза. На Урале расположены такие крупнейшие центры советского машиностроения, как Уралмаш (Свердловск), Челябинский тракторный завод и др. В годы Великой Отечественной войны на базе многих уральских заводов возобновляли работу эвакуированные с запада предприятия. Например, Кировский завод, частично вывезенный из Ленинграда в Челябинск, работал совместно с Челябинским тракторным Машиностроение Урала очень разнообразно по своей структуре. Наибольшую роль играют металлоемкие отрасли.



Плотина Волховской гидроэлектростанции (1957 г.)



Строительство Белоярской атомной электростанции им. И. В. Курчатова (1962 г)



Общий вид нефтеперерабатывающего завода (Ярославль, 1962 г.)

Корпус Кочканарского горнодобывающего комбината (Свердловская обл., 1963 г.)

В обжимном цехе Магнитогорского металлургического комбината (1954 г.)

Очень важное звено во всем уральском комплексе тяжелой промышленности составляет химическая промышленность. Главная ее отрасль — основная химия. Урал дает около двух пятых общесоюзного производства кальцинированной соды и около одной четверти минеральных удобрений. В советское время в Пермской обл. было открыто богатейшее месторождение калийных солей. Они добываются в Соликамске и в Березниках. Урал — основной поставщик сырья для производства серной кислоты, серного колчедана. В связи с ростом нефтедобычи развивается нефтяная химия. Растут отрасли органического синтеза.

Урал производит около одной пятой всей заготовляемой древесины. Большую роль играет Камский бассейн, хорошо связанный водными путями с южными частями Союза. Около половины всей заготовляемой дешевой древесины перерабатывается на самом Урале (Краснокамский целлюлозно-бумажный комбинат). Урал очень богат минерально-строительными материалами. Там находится ряд крупных цементных заводов, производство асбеста, огнеупорных материалов.

В связи с бурным ростом промышленности на Урале росли требования к топливу и электроэнергетике. Уралу не хватает своего топлива; много угля привозится из Кузбасса, Караганды, Экибастуза. Значительное место в топливном балансе занимает нефть. Она добывается в Башкирии, в Пермской и Оренбургской областях. Значительное количество уральской нефти идет на восток по нефтепроводу Туймазы — Омск. Урал — один из передовых районов страны по электрификации. Преобладающую роль играют топливные электростанции; используются и гидроресурсы; были пущены Камская (около Перми) и Воткинская ГЭС. Значительную часть электроэнергии Урал получает с Волги.

К западной части Урала примыкает Волго-Вятский район (Горьковская, Кировская области, Чувашская, Марийская и Мордовская АССР). В прошлом в этом многонациональном районе промышленность была развита слабо; исключение составлял лишь Нижний Новгород (Горький) с его крупнейшим машиностроением. В настоящее время в нем по-прежнему развивается транспортное машиностроение, химическая, лесозаготовительная,

Пульт автоматического управления на алюминиевом заводе (Свердловская обл., 1963 г.)

деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Еще в 1932 г. вступил в строй Горьковский автомобильный завод. Реконструирован и расширен Сормовский судостроительный завод. Район занимает первое место по СССР в автомобильной промышленности и речном судостроении.

Выгодное географическое положение района благоприятствует заготовкам леса для снабжения Центрального района и Поволжья. В 1928 г. был создан один из крупнейших в стране — Балахнинский бумажный комбинат.

Химическая промышленность района в основном работает на привозном сырье (хибинские апатиты, уральский серный колчедан). С созданием Горьковского нефтеперегонного завода расширились возможности развития химии нефтяного синтеза.

Крупнейший промышленный узел района — Горький и его спутники: Дзержинск с химическим заводом и Балахна — центр целлюлозно-бумажного производства. К югу от Горького расположен Выксо-Кулебакский подрайон с инструментальным и металлургическим производством. В северной части Волго-Вятского района находится Кировско-Слободской промышленный узел. Здесь разместились машиностроительные заводы, обувные фабрики, деревообрабатывающая и спичечная промышленность. В северной части Кировской обл. на Омутнинском заводе по-прежнему развивается одно из старейших металлургических производств. Здесь же добываются фосфориты.

В Волго-Вятском крае в прошлом были очень развиты всякого рода кустарные мелкие промыслы. Они продолжают жить и в советское время. Некоторые из них имеют и теперь широкое распространение (металлические изделия Павловского района — ножи, ножницы, вилки, бритвы; изделия из дерева Семеновского района; глиняные игрушки Кировского района и др.). Волго-Вятский район — район высокой плотности населения, что особенно характерно для Чувашской, Мордовской, отчасти Марийской АССР. Рабочий класс крупных индустриальных узлов края формировался не только из русского населения, но и из населения национальных автономных республик. Столица Чувашской АССР — Чебоксары — стала

крупным промышленным центром машиностроения, хлопчатобумажной и кожевенно-обувной промышленности, а главный город Мордовской АССР — Саранск — электротехнической, пищевой и легкой (пеньковой) промышленности.

С юга к Центрально-промышленному району примыкает Центрально-черноземный район. Исторически эти районы развивались в тесной связи, но в разных направлениях. Черноземный центр был преимущественно сельскохозяйственным районом. В ходе индустриализации его хозяйственный облик стал резко изменяться, и район стал индустриально-аграрным. Переработка продуктов сельского хозяйства продолжает играть существенную роль, но, помимо пищевой промышленности, начала развиваться химия, металлургия, машиностроение. В годы первой пятилетки в Воронеже был создан один из крупнейших заводов синтетического каучука. Химическая промышленность представлена также предприятиями по добыче фосфоритов, по производству резиновых изделий, ацетилена и кислорода. Созданный после войны анилинокрасочный завод в Тамбове является одним из крупнейших в Союзе. Новую эпоху в развитии черной металлургии открыли разработки Курской магнитной аномалии. Железные руды в ее пределах были, по существу, обнаружены только в советское время геологическими разведками, осуществленными по указанию В. И. Ленина. Общие запасы богатейших железных руд КМА оцениваются приблизительно в 40 млрд. т и железных кварцитов до 10 млрд. т. В связи с разработкой курской железной руды в Липецке был построен новый металлургический завод.

Машиностроение представлено построенным в послевоенные годы Липецким тракторным заводом, заводом сельскохозяйственного машиностроения в Воронеже, заводом «Автотракторадеталь», заводом химического машиностроения в Тамбове и т. д.

Центрально-черноземный район очень богат разнообразным сырьем для промышленности строительных материалов — известняками, мелом, цементными и огнеупорными глинами. В районе построены крупные цементные заводы.

В структуре промышленности района существенную роль играет пищевая промышленность (мукомольная, маслобойная, свеклосахарная, мясная, табачно-махорочная и др.). Свеклосахарная промышленность наиболее развита в Курской, Белгородской и Воронежской областях, маслобойная — в Воронежской, табачно-махорочная — в Тамбовской и Липецкой областях. В Воронеже, Курске, Орле созданы заводы по производству оборудования для пищевой промышленности.

Промышленность Центрально-черноземного района размещается преимущественно в крупных городах — областных центрах.

Резко изменился в советский период промышленный облик Поволжья. До революции это был район преимущественного развития сельского хозяйства и связанной с ним пищевой промышленности. Волга являлась основным экономическим стержнем района. В советское время огромное транспортное значение Волги, конечно, сохранилось, но своим развитием промышленность района обязана другим факторам и прежде всего — открытию в советское время богатейших нефтяных ресурсов. В 1935 г. нефть обнаружили в районе Сызрани. В 1942 г. открывается Саратовский нефтегазовый район, в 1943 г.— новые месторождения на Самарской Луке. В 1944 г. на большой глубине девонских отложений был получен мощный поток нефти в Яблоновом овраге (Куйбышевский район). Ведущее место по запасам нефти заняла Татарская АССР. Поволжской нефтью снабжаются многие районы Европейской части СССР и страны социалистического лагеря Европы (нефтепровод «Дружба»). С нефтяной и газовой промышленностью Поволжья тесно связана химическая промышленность — производство продуктов органического синтеза искусственного спирта, пластиков (Ново-

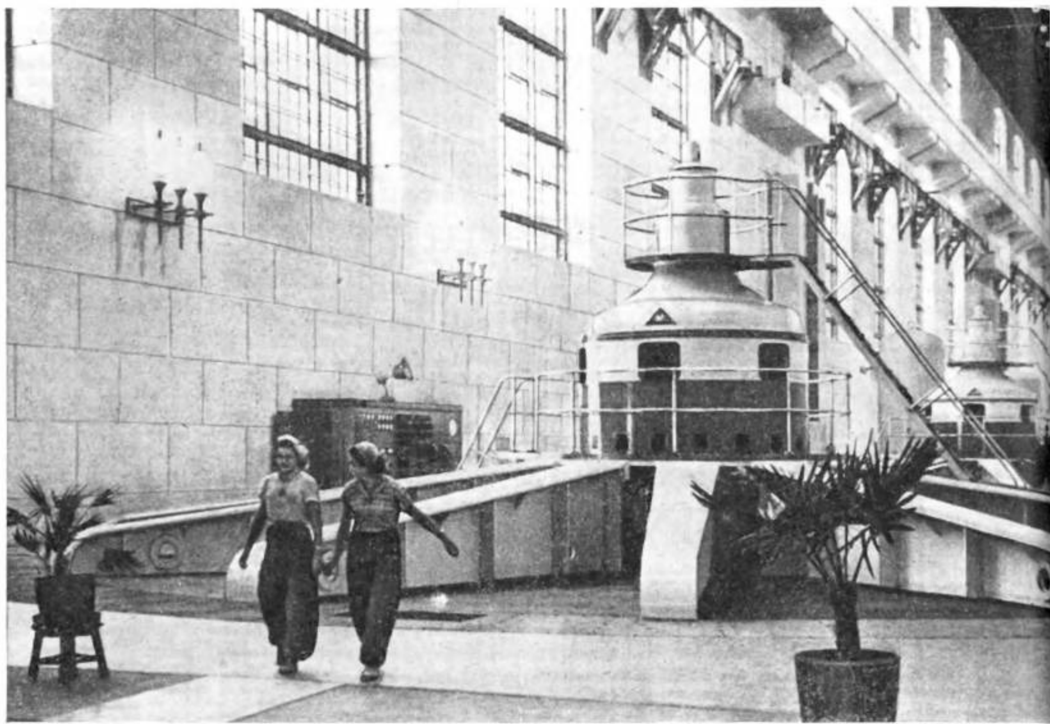
Волгоградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского (1963 г.)

Куйбышев, Тольятти). Предприятия этого профиля разместились в основном в местах нефтепереработки.

В структуре промышленности Поволжья большую роль играет машиностроение. Наиболее важные его отрасли — сельскохозяйственное и транспортное, приборостроение, производство нефтяного оборудования. В Волгограде находится один из крупнейших и известнейших тракторных заводов. В Сызрани и в Саратове — заводы сельскохозяйственных машин. В Поволжье много предприятий по производству запасных частей и по ремонту тракторов и сельскохозяйственных машин. Машиностроение обслуживает быстро развивающуюся нефтяную и газовую промышленность. Судоверфь Астрахани обеспечивает потребности развивающегося Волжского бассейна. Куйбышев стал одним из важных центров производства шарикоподшипников. Пенза специализируется на производстве часов, велосипедов, швейных машин. Машиностроение базируется на привозном металле, но значительную роль играет также и свой высококачественный металл Волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь».

На Волге как главной магистрали перевозок леса в южные районы страны возникли еще в дореволюционном прошлом крупные лесопильные предприятия. Волгоград до настоящего времени остается центром лесопильной промышленности. Начинают широко осваиваться запасы камыша в устье Волги как сырье для производства целлюлозы и бумаги. Поволжье богато строительными материалами. В правобережье Средней Волги залегают мощные меловые пласты, которые в сочетании с глинами дают сырье для цементной промышленности. Среднее Поволжье богато гудронированными песчаниками и асфальтами.

Пищевая промышленность Поволжья, являвшаяся основной в структуре промышленности дореволюционного времени, существенную роль играет и в настоящее время, уступая, однако, по своему удельному весу машиностроению. Помимо существовавшей ранее мукомольно-крупяной и рыбной промышленности, особенно большое развитие получила консервная промышленность, преимущественно в Нижнем Поволжье. Легкая промышленность значительно возросла в связи со строительством крупнейшего



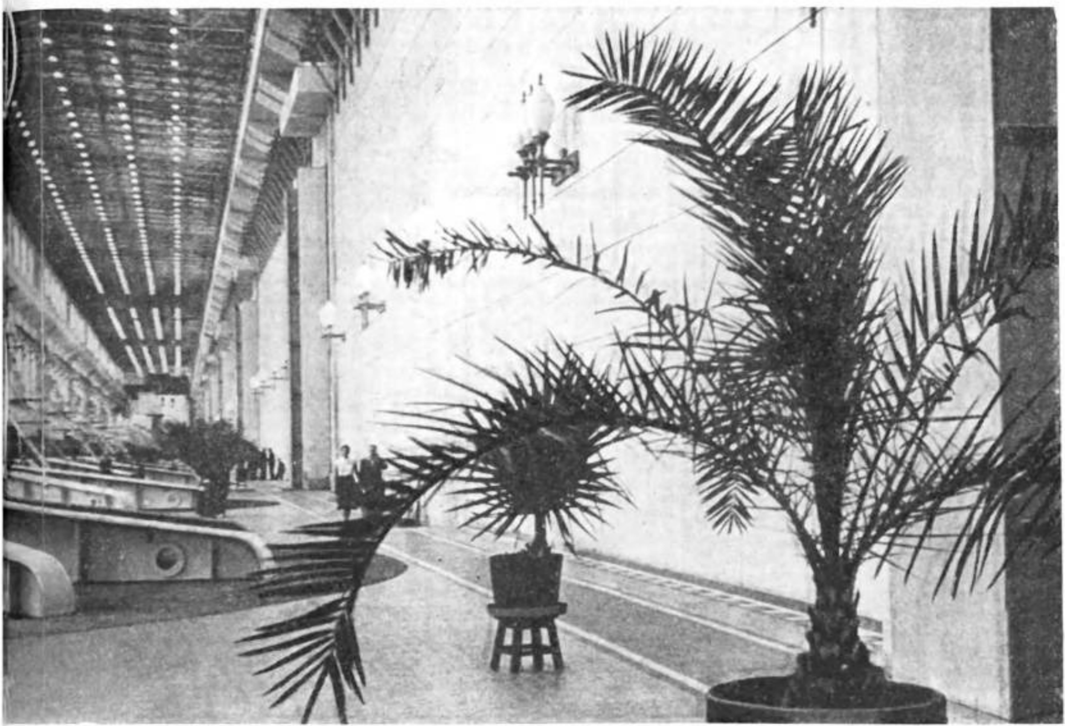
Машинный зал Волжской гидроэлек

в Европе Камышинского хлопчатобумажного комбината, а также созданием производства синтетического и искусственного волокна (Энгельс и др.).

Быстро развивающаяся промышленность Поволжья предъявляет растущие требования к топливу и электроэнергии. В Поволжье завозилось много угля из Донбасса, Кузбасса и Караганды. Создание в 1952 г. Волго-Донского канала обеспечило поступление в Поволжье донецкого угля. В настоящее время с вводом в эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений роль угля в топливно-энергетическом балансе Поволжья резко падает. Значение Волги в народном хозяйстве особенно возрастает в связи со строительством на ней системы гидроэнергостанций. В 1955 г. вошел в строй первый агрегат Куйбышевской ГЭС, а вся станция была пущена в эксплуатацию в 1958 г. с общей мощностью 2300 тыс. квт. В 1960 г. было закончено строительство второго гидроэнергетического гиганта в Поволжье — Волгоградской ГЭС мощностью 2450 тыс. квт. В настоящее время Поволжье поставляет энергию в другие районы и является очень важным звеном единой энергетической системы Европейской части Союза. Большая часть производимой в Поволжье электроэнергии направляется по высоковольтной линии передач в Центральный район и на Урал.

Поволжье хорошо обеспечено трудовыми ресурсами. Наиболее плотно заселены его северо-западные и северные территории, более благоприятные в историческом прошлом для хозяйственной деятельности.

Волго-Донское водное соединение и железнодорожные магистрали связывают Поволжье с Нижним Доном и Предкавказьем. Обширная территория юга и юго-востока России тяготеет к азово-черноморским портам и Ростову-на-Дону. За годы социалистического строительства промышленность Нижнего Дона и Предкавказья получила большое развитие. Наряду с добычей угля в промышленный комплекс района входит металлургия (Та-



тростанции им. В. И. Ленина (1958 г.)

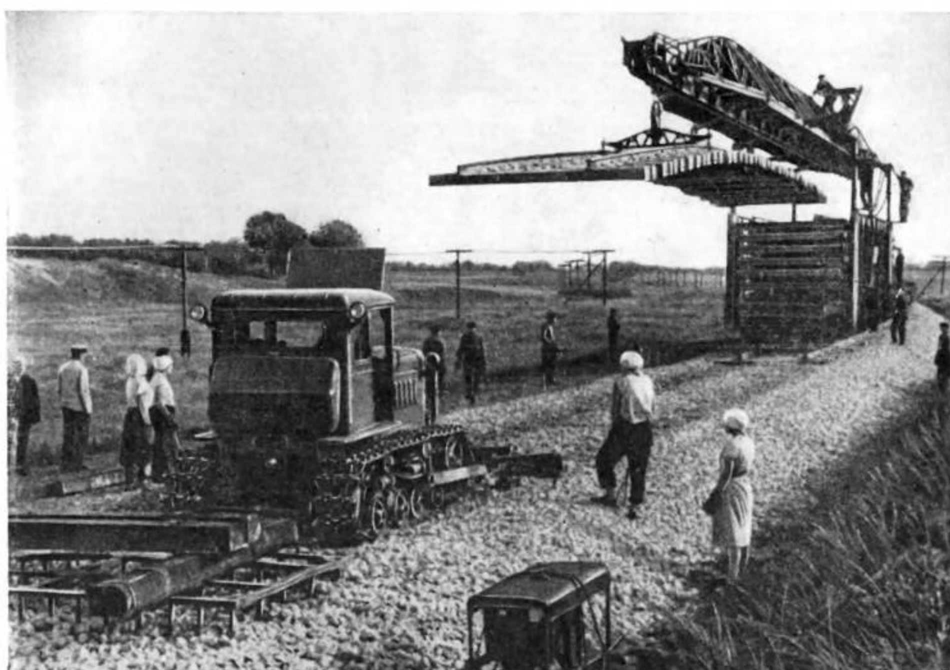
ганрогский и Сулинский завод) и машиностроение, представленное в основном Ростовским заводом сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону и заводом в Новочеркасске, выпускающим электровозы.

Предкавказье в советское время превратилось в один из районов газовой промышленности и стало одной из важнейших топливных баз страны. Первое газовое месторождение в Ставропольском крае обнаружено в 1937 г. В послевоенное время был открыт ряд газовых месторождений. Построен магистральный газопровод Ставрополь — Москва. Природный газ обнаружен также и в Краснодарском крае, газопровод от него идет на Ростов-на-Дону — Луганск — Серпухов — Ленинград. В прошлом Северный Кавказ играл существенную роль в нефтяной промышленности России. На долю Грозненского района приходилось около одной пятой общероссийской добычи нефти. В настоящее время его удельный вес в общей нефтяной добыче страны уменьшается. На базе газовой промышленности развивается химическая промышленность (например, в Невинномысске).

Предкавказье представляет собой один из важнейших районов пищевой промышленности. Благоприятные климатические и почвенные условия для ведения сельского хозяйства и разнообразие сельскохозяйственного сырья обеспечивают работу свеклосахарной, мукомольной, маслобойной, консервной отраслей промышленности. Среди других отраслей следует выделить кожевенно-обувное производство (Ростов-на-Дону, Краснодар) и производство строительных материалов, особенно цемента, в Новороссийске.

* * *

В принятой XXII съездом Программе КПСС основной экономической задачей советского народа является создание в течение двух десятилетий материально-технической базы коммунизма. В итоге осуществления этой



Механическая укладка железнодорожных путей (1963 г.)

задачи СССР будет располагать невиданными производительными силами и превысит технический уровень наиболее развитых капиталистических стран. Создание материально-технической базы коммунизма потребует огромных капитальных вложений. Вложения эти должны быть использованы наиболее разумно и экономно с максимальными результатами и теснейшим образом связаны с рациональным размещением промышленности, комплексным развитием районов страны и вместе с тем специализацией их хозяйства.

В условиях единства хозяйственной системы и общественного планового хозяйства рационально используются природные ресурсы отдельных частей территории страны. Географическое территориальное разделение труда делает возможным более полное развитие отдельных республик и районов. Все это способствует успехам технического прогресса и на базе новой техники осуществлению основного экономического закона социализма — обеспечению максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей населения.

В ходе индустриализации страны и ее дальнейшего роста происходило создание единого социалистического хозяйства и формирование многонационального рабочего класса страны.

Развитие промышленности на территории РСФСР осуществляется главным образом силами крупнейшей этнической части населения — русским народом. В этом процессе «возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза»[1].

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 405.

РЫБОЛОВСТВО И ОХОТА

РЫБОЛОВСТВО

Рыболовство и охота у русского населения всегда имели вспомогательное хозяйственное значение. Только в районах, прилегающих к побережью Белого моря и Северного Ледовитого океана, а также в северных таежных областях Сибири эти отрасли занимали ведущую роль в хозяйстве.

Развитию рыбного промысла способствовала большая протяженность морских границ, мощные речные системы и огромное количество озер, особенно на северо-западе Европейской части страны.

До Великой Октябрьской революции рыболовный промысел в России имел преимущественно кустарный характер. В приморских и приозерных районах, а также по берегам крупных рек крестьяне, не порывая с земледелием (кроме самого крайнего Севера), занимались также рыболовством, охотой и отхожими промыслами.

В царской России основным по объему продукции было рыболовство в бассейне Волги и на внутренних морях — Азовском и Каспийском. Озерное рыболовство (на озерах Ладожском, Онежском, Селигере, Ильмене и др.) давало меньшую продукцию; океанические же водоемы использовались крайне слабо.

В советское время удельный вес рыболовства в различных водоемах страны изменился. Наибольшую часть добычи дают открытые морские, особенно северные, водоемы, что прежде всего объясняется широким применением техники, созданием мощного, хорошо оснащенного рыболовного флота. Издавна в приморских устьях северных рек, а также на Дальнем Востоке преобладал лов лососевых рыб, на Волге, Оби, Урале — осетровых. Повсеместно был распространен лов частиковой рыбы (судак, лещ, сазан). С конца прошлого века в широких размерах стал производиться лов сельди, а затем и глубоководной морской рыбы тресковых и камбаловых пород, а в последнее время — морского окуня. С развитием экспедиционного лова в настоящее время стала вылавливаться также рыба атлантическая, средиземноморская и др.

При большом географическом разнообразии районов рыболовства для него была характерна локальная специфика, проявлявшаяся в видах снастей, организации лова и способах обработки пойманной добычи. Эта специфика отражает особенности этнической истории русского народа, свидетельствует о путях освоения русским населением различных областей, о взаимовлияниях и хозяйственных взаимосвязях с другими народами.

Веками выработанные способы обработки добычи имели свои зональные отличия: на севере — копченье и сушка рыбы в печах, мороженье на льду; на юге — вяленье (*ветряная рыба*), сушка на солнце. Засол в прошлом был связан с наличием поблизости соляного промысла и производился на Белом море, под Астраханью и т. д. В настоящее время при мощном развитии рыбообрабатывающей промышленности с множеством предприятий — засолочных, морозильных, коптильных, по выработке консервов и пр., природные условия в этом отношении в значительной степени утратили свое значение.

Техника и организация рыбного промысла до Октябрьской революции

В русском крестьянском рыболовстве XIX — начала XX в. широкое распространение имели ловушки и сети. Из ловушек чаще всего употреблялись конусовидные плетеные из прутьев (*морды*, *верши*), и сетяные на обручах (*рюжи*, *мережи*, *вентери*). Сетяные мережи на обручах (с крыльями или без них) достигали больших размеров. Системой таких ловушек иногда перегораживали реки целиком; нередко отдельные ловушки вставляли в специальные отверстия во всевозможных деревянных, каменных или камышовых заборах, заколах и т. п. Нередко рыбу, скоплявшуюся у проходов закола, били баграми или

вычерпывали *саками*. Менее распространенным типом стационарных орудий были всевозможные ловушки-лабиринты. Все эти заграждения, предназначавшиеся, чтобы перехватить рыбу, поднимавшуюся вверх по течению для икрометания, мешали нормальному размножению рыбы и вели к ее хищническому истреблению. Законодательные постановления царской России о том, чтобы определенная часть реки оставалась свободной для прохода рыбы, фактически не выполнялись. В южных мелководных морях и в реках был распространен лов *жаберными* сетями (*плавными* и *ставными*). Стоили они дешево и требовали для обслуживания одного — двух ловцов на сеть.

Из орудий, изготовленных из сетеснастных материалов, наиболее мощным являлся невод во всех его разновидностях. Длина невода составляла от нескольких сот метров до двух километров. Невод выметывали с берега (*закидной*), а на озерах с лодок (*обкидной*); тянули его десятки ловцов вручную или с помощью ворота. Невод был настолько громоздок и тяжел, что к месту промысла его нередко везли на нескольких подводах и там сшивали. Неводной лов производили как летом, так и зимой (*подледный*); последний имел наибольшее значение, так как зимой крестьяне были свободны от сельскохозяйственных работ.

В русском кустарном рыболовстве, как правило, применялись мелкоячейные сетные орудия, которыми вылавливались не только взрослые особи, но и мальки. Борьба с этим в царской России велась административным путем, но практически успеха не имела. Мелкоячейные орудия лова были так широко распространены потому, что ловцы получали за свой труд очень мало и стремились к максимальной интенсификации лова.

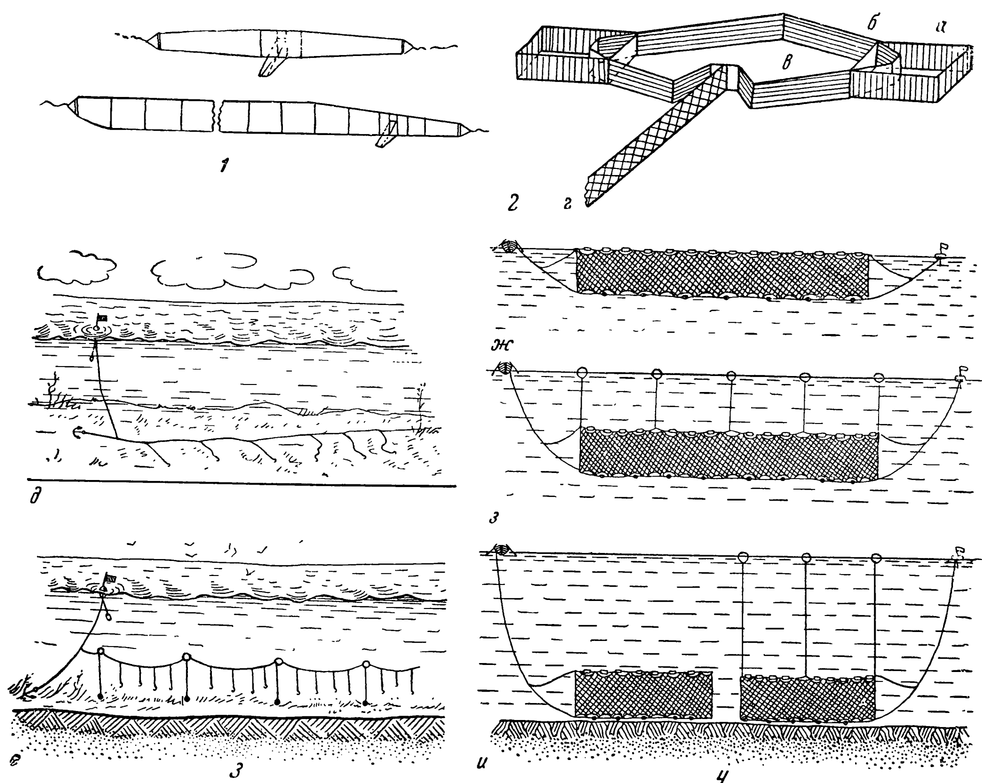
Лов разнообразными донными сетными орудиями в морских условиях давал рациональные результаты. Знаменитые осташковские ловцы с озера Селигер, издавна ездившие на промысел на Балтийское море, познакомили там ловцов не только с большими мережами усложненного типа, но с *мутниками* — неводами с короткими крыльями или только с *урезами* (на лове камбалы), представлявшими собой по существу движущуюся мережу. Оба этих типа орудий внедрились там в местном рыболовстве.

Крючковая снасть делилась на самоловную (без наживки) и наживную. Промысловое значение имели, конечно, не одиночные уды с разными приспособлениями, а их соединения — *переметы*, *яруса*, *шашковая* и *балберочная* снасть и пр. Эти соединения представляли бичеву длиною до нескольких километров, к которой через определенные промежутки подвязывались на лесках уды. Все сооружение при помощи крупных поплавков и якорей удерживалось в вертикальном положении. На мурманском тресковом лове в дореволюционный период наибольшее значение имел *ярус*. Выметка и выборка его были связаны со временем приливов и отливов; в ожидании нужного момента для выборки рыбаки находились на море в небольших лодках (*шняки*, *ёлы*) по нескольку часов, а затем гребли на веслах вдоль всего яруса, постепенно выбирая его в лодку, снимая с крючков рыбу и приводя в порядок снасть. В шторм ярусы спутывались, иногда их уносило, срывая с якорей. Нередко гибли и сами рыбаки. Самоловной снастью в XIX в. вылавливалась значительная часть наиболее ценных, осетровых рыб на реках Волге, Урале и др. Этим способом ловили обычно проходную рыбу, поднимающуюся вверх по течению реки из ее морского устья к нерестилищам. Крупным недостатком этого способа являлось то обстоятельство, что значительная часть рыбы калечилась крючьями, срывалась с них и затем погибала. Лов острогой применялся на мелководье — на реках и озерах, а также в морской прибрежной полосе, иногда вместе с *лученьем*.

Рыба входила в число основных продуктов питания широких масс населения, особенно во время постóв. Поэтому сушеная и соленая рыба развозилась по всей России. Особое значение имела рыба в питании населения приморских, приречных и приозерных районов. Архангельская пословица

Рыбацкое становище Гаврилово на Мурмане, конец XIX в.

Ильменские рыбаки с мережами



Схемы типов рыболовной снасти:

1 — равнокрылые и неравнокрылые закидные неводы морского типа; *2*— ставной невод: *а* — котел, *б* — открылки, *в* — двор, *г* — крыло; *3* — ярус: *д* — на дне, *е* — над дном; *4* — плавная сеть: *ж* — у поверхности, *з* — в полводы, *и* — у дна

«Без трески стол кривой» — перефразирует общерусскую пословицу «Без хлеба стол кривой».

Способы обработки продукции рыболовства в царской России были весьма архаичными, делалось все «на глазок», лишь на основе огромного практического опыта, передаваемого от поколения к поколению.

Засол, как правило, был грубым, и подготовка к нему рыбы производилась крайне небрежно. На рыбных промыслах не хватало даже простых ледников не говоря уже об отсутствии механических морозильных устройств. Квашение рыбы в особых ямах применялось не только у многих народов Европейского Севера, но местами и у русских. Этот способ был заимствован русскими вследствие дороговизны соли и трудности ее доставки к отдаленным местам промысла. На экспорт шла почти исключительно икра осетровых рыб, известная за границей под названием «русская икра».

В царской России рыболовный промысел, основывавшийся на отсталой технике, был малопродуктивным, физически тяжелым и крайне плохо вознаграждаемым. Мелкие артели ловцов закабалялись скупщиками, общинные нормы права и артельной организации постепенно разрушались капиталистическими отношениями. Капиталистический способ производства в XIX в., а в некоторых районах (на Мурмане и Волге) и ранее, занимал место старинных установлений, маскируясь под них. Сохранялась лишь видимость патриархальных отношений при самых беспощадных методах капиталистической эксплуатации, закабалявшей сотни ловцов не в одном поколении. Следствием этого была чрезвычайная пестрота в нормах владе-

ния и пользования рыбными угодьями, а также структуры артелей и форм расчета в них. Специфику остатков личной зависимости в производственных отношениях на русских рыбных промыслах отмечал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Он писал, что «...личная зависимость производителя существовала у нас (отчасти продолжает существовать и поднесь) не только в земледелии, но и в обрабатывающей промышленности («фабрики» с крепостным трудом), и в горнозаводской промышленности, и в рыбной промышленности, и пр.»[1]

В одном из центров русской рыбопромышленности, на Мурманском берегу, «освященной веками» формой экономических отношений был *покрут*, известный с XVII в. Покрученники находились в вечной экономической зависимости от своих хозяев[2].

Отношения, касающиеся промысла, как в пределах одного крестьянского общества, так и между соседними обществами, отличались в XIX — начале XX в. большим разнообразием. Крестьянская собственность на рыбные угодья была обычно коллективной. Часто угодья принадлежали удельному ведомству, монастырям и помещикам, у которых их, как правило, арендовали крестьянские общества. Владение богатыми промысловыми угодьями обеспечивало монастырям и церкви получение с ловцов средневековой десятины («богова пая») вплоть до Октябрьской революции. С обычаем выделения и в других случаях «богова пая» советской общественности пришлось выдерживать напряженную борьбу до 30-х годов. Семужьи тони в устьях приморских рек на Белом море, тони на Белом озере и других озерах были твердо закреплены за той или иной деревней, а иногда — волостью. Эти тони подвергались сложному переделу между односельчанами, так же как и земельные участки, причем учитывалась и величина уловов на каждой тоне и другие ее качества; тони делились на разные категории. Значительная часть тоней отдавалась их владельцами на известных условиях в аренду до нового передела местному богачу, но непременно — из крестьян, принадлежавших к определенному «обществу». Нередко передел тоней заменялся торгами, но также только внутри «общества». На Терском берегу Белого моря особенно утвердилась продажа с торгов семужьего забора; это грандиозное сооружение строила заранее вся деревня, а деньги, полученные от рыбопромышленника, шли обычно на уплату податей за всю деревню.

Жеребьевка широко применялась не только при переделах тоней, но и при определении очередности замета невода на самом месте лова и т. п. На р. Урал очередность лова определялась путем гонки на лодках к месту промысла, на Ильмене — скачек на лошадях и т. п. При покупке рыбы у ловцов жеребьевка производилась только среди определенной категории покупателей, принадлежащих или к данному сельскому обществу, или к горожанам того или иного города. В Астрахани этот факт зафиксирован еще в документах первой половины XVII в. Аналогичная форма торгов существовала и в конце XIX в.— начале XX в. на озере Ильмень, где сохранялись многие древние традиции, и организация промысла в целом была, видимо, связана с «братствами» средневекового Новгорода. Тот, кто по жребию получал право покупки рыбы, платил отступное всем остальным.

Между соседними деревнями, расположенными по течению реки, в царской России обычно существовали отношения, базировавшиеся, если можно так сказать, на конфликтной ситуации. Жители деревень при устье реки (*низовских* деревень) старались захватить всю проходную рыбу и не пропустить ее в верховья. Это вызывало протесты жителей *верховских* деревень, которым удавалось (иногда даже законодательным путем) добиваться

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 599—600.
[2] См. там же, стр. 600.

ограничения пользования рекой для жителей низовских деревень. Особенно напряженные отношения были между казачьими станицами и так называемым иногородним населением в областях казачьих войск (донского, уральского и т. п.). Казаки считали право на лов своей самой древней привилегией и поэтому ломали байды иногородних, отбирали у них сети и улов, устраивали дикие побоища.

Береговой морской лов по российскому законодательству был вольным, и землевладельцы не могли чинить препятствий не только лову на прибрежной полосе их земли, но и сооружению необходимых промысловых приспособлений и построек; однако на деле эти постановления нарушались.

К прибрежному лову на озерах и в приморских устьях рек жители более отдаленных от берега деревень обществами ближних деревень, как правило, не допускались («Чей берег, того и рыба»). Только в малообжитых местах промысел оставался «вольным»—«Кто где хочет, тот там и волочит (невод— *Р. Л.*)». Частная собственность на речные берега, стеснявшая традиционный промысел, вызывала иногда появление новых приемов лова. Так, неводные артели приезжих рыбаков издавна промышляли в устье Невы, но при разрастании Петербурга постепенно берега реки оказались для них недоступными. Рыбаки вышли из положения, выметывая и выбирая невод со специально устроенных на воде и укрепленных на месте плотов. Как пережиток этот способ лова наблюдается и в настоящее время.

В XIX — начале XX в. промысел производился артелями до нескольких десятков человек в зависимости от вида промысла. Участники небольших артелей были обычно связаны семейными или соседскими отношениями. В крупные артели входили, как правило, односельчане. Артель являлась замкнутым целым, противопоставлявшим себя другим артелям, особенно из других деревень. Это выражалось в борьбе артелей за очередность и место лова, в стремлении тайком выехать на промысел, в соблюдении всяческой «тайны промысла», в реальной и «колдовской» порче чужого промысла и т. п. Среди промысловых объединений в XIX — начале XX в. чрезвычайным своеобразием отличалась организация уральских казаков на р. Урал — «багреное войско» во главе с «багреным атаманом». Промысловые артели еще в XIX в., а частично и в начале XX в., сохраняли в своей организации многие пережитки отношений докапиталистического периода: выборность старшего артели, право всех взрослых членов артели обсуждать промысловые дела и поведение каждого члена артели, право суда над ним, распределение добычи по паям между участниками артели и т. п. Величина пая зависела не только от выполняемых на промысле функций и возраста ловца, но и от его вклада в артель (снастей, лодки и пр.).

На дальних морских промыслах, требовавших особо дорогого оборудования и больших запасов продовольствия (тресковый промысел на Баренцевом море, бой морского зверя во льдах Белого моря, лов красной рыбы на Каспии и др.), издавна преобладали артели, работавшие «от хозяина», который снабжал их всем полностью, но брал себе за это львиную долю улова. Обычно доли, попадавшие в распоряжение ловцов, также переходили в руки хозяина, нередко по заранее назначенным ценам, так как рыбаки еще до лова забирали в хозяйских лавках или на факториях необходимые для своих семей припасы. Система «забора» была главной причиной наследственного закабаления ловцов.

С развитием капиталистических отношений функции старшего артели становились все более сложными и противоречивыми. В последние десятилетия перед Октябрьской революцией старший артели чаще уже не выбирался членами артели, а назначался хозяином и сам подбирал себе артель из тех, «кто ему люб». Он уже редко работал безвозмездно «из чести» и обычно получал лишний пай. Сверх того, он получал иногда дополнительную доплату от хозяина и в какой-то степени заменял его приказчика. Ловцы

Лов неводами с плотов в Ленинграде у Университетской набережной

боялись возражать такому *ватаману*[1], чтобы он не отказался принять их к себе в артель на следующий год или возглавить их артель. Некоторые из ватаманов сами превращались в хозяев промыслов. Роль ватамана на промысле была очень велика. Известным запасом практических производственных знаний обладали, конечно, все ловцы, но совокупностью их владели лишь единицы — наиболее опытные промышленники, из числа которых и выходил обычно старший рыбацкой артели. Эти знания в ватаманских семьях хранились как величайший секрет и передавались от отцов и дедов.

Отсутствие профессионального образования в царской России вызывало необходимость длительной подготовки будущих ловцов-промышленников. Мальчики в промысловых селах проходили обычный в то время в России путь семейно-бытового ученичества. На Мурмане, например, на тресковый промысел вместе со взрослыми отправлялись и мальчики восьми-двенадцати лет. С испытанием их выносливости, закалки и мужества были связаны даже особые обычаи и инсценировки, в XIX—XX вв. принявшие уже шуточный характер. Детство М. В. Ломоносова, хорошо известное по его биографии, было обычным детством помора и в XIX в. и даже в начале XX в.

Участие женщин в промысле было довольно значительным, хотя, бесспорно, рыболовство было в основном мужским занятием. В Поморье женщины участвовали в береговом лове небольшими неводами, в подледном лове мережами и удочками. Они вместе с мужчинами обрабатывали

---

[1] Этот термин выбран условно из многих обозначений старшего артели: *большак*, *башлык*, *корщик*, *старший*, *сошевик*, *юровщик*, *атаман*, *ватаман* и др.

Притонение невода (1950 г.)

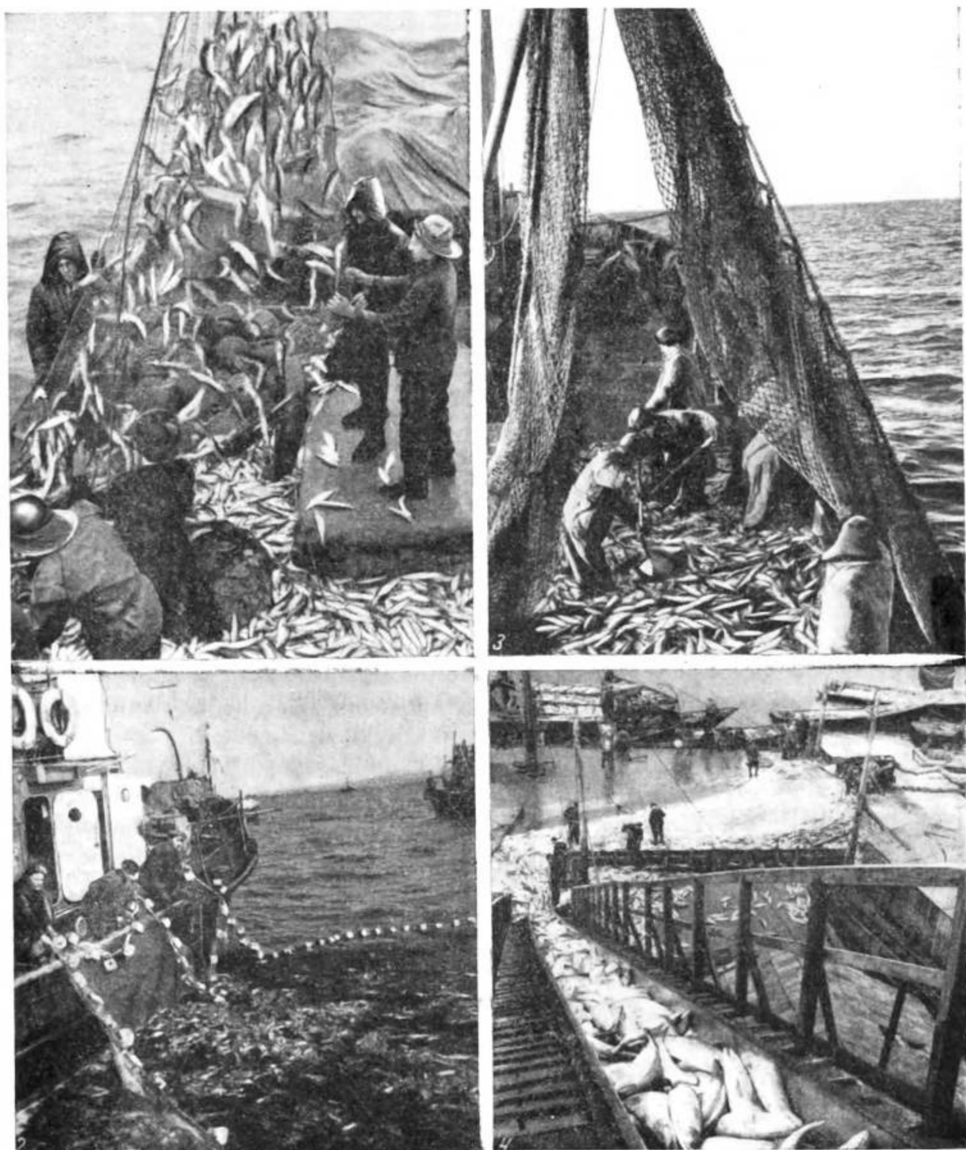
пойманную семгу на тонях Беломорья и Мурмана; на крупных каспийских промыслах они нанимались на обработку рыбы.

Верованья русских рыбаков представляли собой сплав самых архаичных дохристианских и православных воззрений. Они держались очень стойко, что объяснялось главным образом опасностями профессии и неуверенностью в результатах труда, зависевших от целого ряда обстоятельств и случайностей. Многие наблюдения, связанные с прогнозом погоды, кораблевождением, расчетом сроков и мест подхода рыбы и пр., отливались в форму народных примет, а иногда, переплетаясь с магическими представлениями, приобретали религиозную окраску.

Техника и организация современного рыболовства

В настоящее время рыболовство у русского населения в СССР из полукустарного промысла превратилось в мощную рыбную индустрию. Развитие ее характеризуется не только изменением географического размещения рыболовства и освоением новых водоемов, но и изменением удельного веса в этой индустрии различных как традиционных, так и новых способов и орудий лова. Наибольшее значение приобрели поиски рыбы в глубинах открытого моря с использованием аэроразведки, гидроакустических приборов и т. п. Народный опыт русских промышленников не пропал даром. При проектировании орудий специалисты опираются на этот опыт, берут за прототип имеющиеся наиболее подходящие орудия лова, рациональные в определенных условиях работы.

Лов закидными и обкидными неводами в настоящее время утратил свое главенствующее значение, но все же дает немалую часть вылавливаемой рыбы. Он значительно усовершенствован: применяются моторные суда для выметки и выборки невода; частично механизированы и отдельные процессы лова. Там, где имеются постоянные тони (особенно на Каспии), они оборудованы лебедками и тракторами для тяги невода, канатной дорогой, транспортерами и узкоколейкой, подведенными к лабазам для приемки рыбы, электрическим освещением и пр. На подледном неводном лове наиболее трудоемкая и тяжелая работа — пробивка лунок — осуществляется механическими льдобурами.



Современный индустриальный лов рыбы:

1 — подъем дрифтерных сетей на борт рыболовного сейнера, *2*—рыбаки-колхозники на кошельковом лове сельди, *3* — улов на рыболовном траулере, *4*—рыбообрабатывающий завод

Большое значение приобрел лов так называемыми дрифтерными плавными сетями. «Порядок» таких сетей (общей площадью в 6—7 га) прикрепляется к специально оборудованному судну — дрифтеру (а иногда к сейнеру). Судно снабжено сетеподъемными и сететрясными машинами, ускоряющими трудоемкий процесс подъема и выпутывания рыбы из ячей сети. Дрифтерный лов имеет наибольшее значение на обширных водных пространствах с неудобным для неводного или тралового лова рельефом дна и в случае, когда рыба не идет сплошным косяком. Из стационарных орудий, кроме различного типа ставных неводов — *тайников*, представляющих комбинации ловушек (лабиринтов и конусовидных), видное место

в настоящее время занял дальневосточный *заездок*, сетной ящик, состоящий из двух камер, идущих одна за другой, с конусовидным входом в каждую из них. Новые варианты стационарных орудий были сконструированы советскими рыбаками и внедрены в рыбную промышленность. Изменился также и ярусный лов — введено радиальное расположение более коротких, чем прежде, ярусов, что особенно удобно для выборки их в штормовую погоду.

Широко применяемый ныне лов на больших морских глубинах (преимущественно в Баренцевом море) вызвал развитие тралового лова с мощных паровых или дизельных мореходных судов — траулеров (тральщиков).

Все процессы лова механизированы; разнообразная обработка рыбы (тресковых пород и морского окуня) в морских условиях в основном производится на самом судне (изготовление филе и рыбной муки, вытопка жира, засол и т. п.). Большие запасы топлива, продовольствия, вместительные трюмы для рыбы позволяют судну находиться в плавании длительный срок. Для лова косяков рыбы, держащихся в верхних слоях воды, все большее значение приобретает кошельковый невод (главным образом на Каспии и Дальнем Востоке). Осваиваются также методы лова, основанные на новых принципах,— при помощи подводного или надводного электрического освещения, электротока и пр. Все чаще применяется подъем улова на судно (особенно мелкой рыбы — сельди, кильки и др.) рыбонасосом. Для наблюдения над жизнью рыб в естественных условиях используют достижения телевидения и водолазного дела.

В усовершенствовании лова сетными орудиями существенную роль сыграло внедрение в рыбную промышленность сетей из синтетического волокна — капрона, частично хлорвинила и др.

Промысел с более или менее крупных судов, паровых и дизельных, означает не только индустриализацию самого лова, но и возможность обеспечить ловцов на море нормальными бытовыми условиями. На берегах примитивные промысловые избушки, где в прошлом промышленники спали, ели, сушили одежду и готовились к промыслу, заменены теперь благоустроенными постройками.

Рыбную промышленность, помимо промыслового, приемно-транспортного индустриального флота и ряда предприятий по обработке рыбы, обслуживают верфи и судоремонтные заводы, механические заводы и мастерские, портовые устройства, сетевязальные фабрики, заводы искусственного льда, лесотарные и жестянобаночные предприятия и т. д. Обработка улова (морожение, засол) стала производиться в значительной части не только на промысловых, но и на вспомогательных судах (рефрижераторах, пловучих рыбозаводах и пр.). Сильно расширился и ассортимент изделий, получаемых в рыбной промышленности. Расширился ассортимент различных баночных консервов, свежемороженой рыбы, рыбы горячего копчения и т. п.

Несмотря на большие достижения и преобразования в рыболовстве в настоящее время, состояние рыбных запасов заставляет активно искать пути для их воспроизводства. Интенсивное промышленное строительство и связанное с ним засорение водоемов фабричными отходами, усиление судоходства приводит к уменьшению рыбных запасов во внутренних водоемах. Поэтому советское законодательство обращает особое внимание на охрану водоемов, на точное регулирование сроков и способов лова рыбы, а хозяйственные органы проводят широкую работу по очистке водоемов, по искусственному воспроизводству наиболее ценных рыбных ресурсов и обеспечению других мер, связанных с организацией рыбоводства. Развивается прудовое хозяйство, главным образом карповодческое. Разводятся мальки ценных пород рыб (осетровых, лососевых, судака, сазана и др.), которых помещают затем или в водоемы, где эти породы и раньше водились, или перевозят их для акклиматизации в новые водоемы. Созданы нерестово-

На рыбоконсервном комбинате (Калининград, 1962 г.)

выростные и нагульные хозяйства в речных водоемах и в новых водохранилищах.

В советских условиях характер объединения ловцов в корне изменился. Они являются или членами рыболовецких колхозов, или отдельных бригад в сельскохозяйственных колхозах, или работают на предприятиях государственного лова. Их деятельность регулируется плановыми государственными установками с учетом данных, вырыбатываемых научно-исследовательскими институтами. Ловцы стали получать профессиональное образование, тем более необходимое, что им приходится иметь дело на промысле с разнообразными механизмами.

ОХОТА

Охота у русских имела издавна товарно-пушное направление. В Древней Руси пушнина была одним из основных предметов вывоза в другие страны, ею же принимали дань.

Постепенное истощение промысловых пушных запасов в наиболее обжитых районах вынуждало русские охотничьи ватаги углубляться в неосвоенные еще лесные массивы северо-востока. Освоение Европейского Севера в XII—XV вв., а позднее Сибири (XVI—XVII вв.) было обусловлено в определенной степени промысловыми интересами. На месте сборных пунктов промышленников возникали ежегодные ярмарки и оседлые поселения, население которых, складывавшееся в значительной степени из пришлых промышленников, хозяйственно осваивало новые районы. Торговля пушниной существенно влияла также на расцвет городов в северо-двинском бассейне — Соли Вычегодской, Архангельска и др.

В XIX в. охота имела различное значение для населения тех или иных областей страны. Наибольшее промысловое значение имела и имеет до настоящего времени охота в таежной полосе.

Массовым объектом промысла в XIX в. стала белка; добыча наиболее ценного зверя – соболя уже к XVIII в. катастрофически упала. Степная

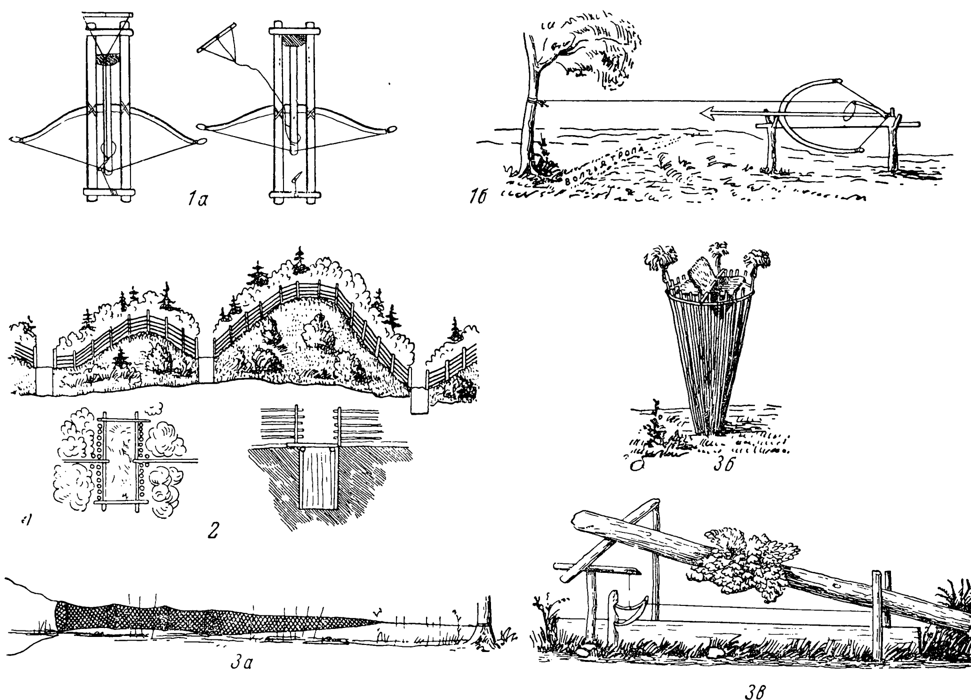
Лабаз на медвежьей охоте

конная охота на копытных, корсаков, крупных птиц и пр. с ловчими птицами и гончими не получила особого развития у русского населения, а с распашкой степей потеряла всякое значение.

В зависимости от географических условий и традиций различались и приемы охоты, и транспортные средства. В тундре к месту промысла добирались на оленях и собаках; по всему лесному Северу и в Сибири на охоту обычно шли с ручными санками пешком, на лыжах и брали с собой лайку; в Забайкалье — очевидно под влиянием местных народов — охотились на лошади, но тоже с лайкой. По большим рекам добирались до промысловых участков и водным путем. В течение многих веков практиковалась облавная охота с загонщиками и стрелками; в лесистых местностях устраивали городьбу (из поваленных деревьев, валежника, жердей) на десятки километров с проходами, в которых делали искусно замаскированные ловчие ямы, западни, петли, самострелы и пр. Распространено было и заганивание животных до изнеможения (лис, волков, лосей, козуль и пр.). При лесной охоте на птиц использовались сети — *перевесы*. Засады в специальных наземных шалашах (*сидьбах*) и на помостах (*лабазах*) на деревьях устраивали у нор, у водопоев и мест купания, у мест кормежки, на естественных или искусственных солонцах, на токовищах. Приманивали добычу, подражая призывному голосу зверя или птицы в брачный период или голосу матки, молодняка, обычно при помощи различных труб, *манков* и т. п.

Несмотря на то что уже с конца XVII в. в России начало вырабатываться законодательство об охоте, оно соблюдалось слабо, и хищническое истребление зверя и птицы подрывало восстановление промысловых запасов.

Из охотничьих снастей наиболее были распространены самоловы, главным образом деревянные. Большая часть этих самоловов была в общем однотипна на всей территории расселения русских; это свидетельствует о древности их основных типов и распространении с течением времени на новые места промыслов. Они были разнообразны по принципу действия — давящие (*пасти*, *кулёмы*, *плашки*, *слопцы* и пр.), ущемляющие (*кляпцы*, *щемихи*, *жомы*, *кряжи*, а также металлические капканы различных систем), колющие (*рожни* — заостренные палки, колья, вбитые под углом в дно ловчих ям, и др.), петли (волосяные, из растительного волокна, проволочные), укрепленные на земле или над землей. Некоторые категории охотничьих орудий и устройств едины по принципу с ры-



Охотничьи орудия и приспособления:

1 — орудия, в основу которых положен принцип лука: *а*—черкан, *б*—самострел; *2* — схема городьбы с ловчими ямами; *3* — ловушки: *а* — соболиная сетка, *б* — морда на птиц, *в* — пасть

боловными, что обусловлено, видимо, недифференцированностью тех и других в прошлом. Таковы, например: сухопутные заграждения с ловушками в проходах; сети, отгораживающие и объячеивающие; конусовидные ловушки, сетяные и прутяные, с крыльями и без них; крючковая снасть.

Охота с луком уступила место ружейной охоте еще в XVII в., но принцип лука сохранялся в различных самоловах XIX — начала XX в. для охоты на лосей, кабанов, волков, лис (со стрелой — *самострел*) и мелких зверьков (с ущемляющим устройством — *черкан*). Все эти способы охоты могли быть действенны только при знании биологии зверя, его образа жизни, привычек и поведения.

Промысловые знания русских промышленников, большей частью неграмотных, были очень тонки и разнообразны. Снасть натирали пахучими травами, окуривали, ставили ее в рукавицах, чтобы отбить запах человека; чтобы не выдать своего присутствия заметали следы на снегу и т. п. Опыт русских промышленников был доведен за многие века до большого совершенства; в современную науку вошла народная терминология; до настоящего времени в промысловом деле сохранились основные типы снастей, ловушек и пр.

В тайге самоловные приспособления размещались по проложенным поколениями охотников тропам, тянувшимся на десятки километров. Самоловы нередко были многолетними. Число ловушек у отдельного охотника доходило до нескольких сот. Каждый год это хозяйство нужно было ремонтировать, расчищать и пр. На обход «путиков» требовалось иногда не меньше недели; попавшаяся добыча нередко портилась и объедалась хищниками. Усиленное пользование самоловами было вызвано, до известной

Охотник в сибирской тайге с пойманной в черкан белкой

степени, недостатком и дороговизной охотничьих припасов и огнестрельного оружия.

Ружейная охота, имела очень отсталую техническую базу. Еще в конце XIX в. охотники употребляли, помимо ружей тульских и ижевских заводов, кустарные; даже кремневые. Тяжелые ружья требовали стрельбы с *подсох* (подставок). Пули охотники обычно отливали сами и экономили каждый заряд. При низких ценах на пушнину и удорожании необходимых бытовых товаров и съестных припасов, которые приходилось покупать по произвольным ценам зачастую у тех же скупщиков пушнины, охотникам оставалось лишь увеличивать число ловушек, чтобы свести как-то концы с концами.

Быт «промышленников» отличался большим своеобразием. Охотничьи участки в тайге по обычному праву считались собственностью или охотничьей артели, или отдельной семьи, в которой они могли передаваться по наследству или в дар (как и земельные заимки). Охотники, как рыболовы и морские зверобои, нуждались в кооперировании своих усилий. Но на лесной охоте объединения значительных групп промышленников были не нужны. Охотник должен был охотиться один или вдвоем-втроем. К объединению в небольшие артели побуждала главным образом необходимость совместного совершения пути на далекий промысел и обратно, с завозом провианта и охотничьих припасов. Организация промысла требовала немалых средств на транспорт, охотничье снаряжение и продовольствие. На самом промысле, совместно питаясь и складывая добычу в одно место, охотники расходились с утра по одиночке или с помощником и лишь к вечеру собирались снова в избушке. Только на морском зверобойном промысле (главным образом тюленя) объединялись зачастую многие артели, иногда прямо на месте промысла. Так, при «бое» морского зверя, залегавшего на льдинах громадными стадами, важно было не спугнуть стадо, окружить его и начать «бой», чтобы получился завал из убитых животных, препятствующий живым «слиться» в воду. На соболином промысле в Сибири уже в XVII в. господствовала *покрута* — одна из основных форм предпринимательства русского купечества. В таежных районах в XIX — начале XX в. наиболее распространена была ружейная охота на белку, ареал которой охватывал лесную полосу от северо-востока Европейской части страны до Дальнего Востока. Охотились с промысловой собакой — лайкой, охотничьи качества которой очень высоки и универсальны. «Белковье» было наиболее надежным источником дохода. Промысел начинался с осени после окончания сельскохозяйственных работ и продолжался до выпадения глубоких

Серебристо-черные лисы на звероводческой ферме (Свердловская обл.)

снегов. Промысел белки сильно колебался по годам; вследствие эпизоотий или неурожая кедровых шишек количество ее резко уменьшалось. Белка часто большими массами переселялась на далекие расстояния, и опытные охотники даже определяли, какая белка водится в данной местности в тот или иной год: местная или «кочевая». Сезонность охоты была обусловлена не только биологией животных и птиц и географическими условиями, но и комплексностью крестьянского хозяйства в таежных условиях. Кроме районов Крайнего Севера, крестьяне были вынуждены распределять свое время между земледелием и промыслами. Одни и те же «промышленники» переходили в разные сезоны года от рыболовства к охоте и обратно.

На промыслах, особенно в Сибири, русские охотники издавна входили в контакт с аборигенным населением, и это приводило с одной стороны, к усвоению русскими отдельных промысловых навыков, терминологии, а также целесообразных в местных условиях типов одежды и временного жилища, а с другой — к перениманию нерусскими народами более высокой техники промысла (некоторых типов ловушек, например пастей, огнестрельного оружия).

Мехообрабатывающая промышленность в царской России фактически не существовала. Россия в XIX — начале XX в. занимала почти монопольное место по пушнине на мировом рынке (с нею пыталась соперничать лишь Канада). Однако вывозилось за границу исключительно сырье, и даже в Россию ввозились обратно те же шкурки, но уже выделанные, за двойную цену. Большое количество мехов расходилось на внутреннем рынке; частично они использовались среди самих охотников. Шубы и меховую одежду шили, помимо овчин, из шкур копытных животных—лося, северного оленя, кабарги, косули. Из них же делали обувь, мешки, шкурами подбивали лыжи. На каждое изделие шла шкура животного определенного возраста (например, мех оленят-пыжиков шел на шапки, *камусы* с ног оленя — на меховые пимы и т. д.). Из рогов, костей, сухожилий, волоса изготавливали различные поделки. На шубы, сапоги, рукавицы шел и мех собаки-лайки.

В царской России существовали только зачатки звероводства. Первый маральник был устроен на Алтае крестьянином Авдеем Шараповым в 1871 г.,

Выпуск из клетки соболя для заселения угодий Хабаровского края (1953 г.)

Упаковка шкурок соболей на Международном пушном аукционе в Ленинграде (1956 г.)

однако из-за варварских способов поимки маралов и спиливания у них рогов животные в массе своей в то время погибали. Серьезной была только попытка разведения соболей, для чего были организованы научные экспедиции в 900-х годах и устроены Баргузинский и Алтайский заповедники.

Кроме промысловой охоты, в царской России была чрезвычайно популярна охота любительская и спортивная. К последней, по существу, следует отнести знаменитую псовую охоту с гончими и борзыми, культивировавшуюся в помещичьей среде. Русское дворянство презирало ружейную охоту (кроме охоты на болотную дичь). Своры охотничьих собак и содержание псарен стоило больших средств. По поводу такой охоты на зайцев в народе сложилась меткая, социально острая загадка — «Рубль скачет, тысяча догоняет». С «оскудением» дворянства псовая охота к началу XX в. почти сошла на нет.

В Советской России организации охотничьего хозяйства уделяется большое внимание.

Первые декреты, относящиеся к охоте, были изданы уже в 1919 и 1920 гг. Стали строго регулироваться сроки охоты, с учетом географических особенностей в отношении «созревания» меха, роста и размножения различных животных, на некоторые виды животных охота лимитирована, на другие запрещена вовсе. Нормируются и способы охоты: запрещены волчьи ямы, самострелы, отрава, режущие орудия и пр. Из само-

ловов, которые осматриваются чаще и регулярнее, чем раньше, на первое место выдвинулись ящичные западни — живоловки. Это дает возможность производить селекцию и разумно использовать промысловые запасы. Деревянные ловушки почти вытеснены металлическими капканами фабричного производства.

Охотники в плановом порядке снабжаются огнестрельным оружием новейших систем и «припасом» к ним, производственной одеждой, продовольствием и пр. Улучшились и условия жизни их в благоустроенных промысловых жилищах. В промысловых районах раскинута сеть заготовительных и снабженческих пунктов, государственных и кооперативных организаций.

Создана широкая сеть заказников и заповедников в различных климатических зонах; систематически проводится научно-исследовательская работа. Звероводство развилось только в советское время в тесной связи с рационализацией охотничьего хозяйства в целом. Почти полностью восстановлены запасы соболя соотносительно с периодом расцвета этого промысла в XVII в.; в питомниках разводятся песцы, черно-бурые и черно-серебристые лисы, маралы, фазаны и др. Акклиматизируются животные, новые для той или иной местности страны (бобр, марал, уссурийский енот и др.) или ввезенные в СССР (ондатра и др.). В заказниках и заповедниках животные подкармливаются. Кроме того, животным, живущим в естественных условиях, оказывается помощь при неблагоприятных климатических обстоятельствах (распашка наста, разгребание снега, улучшение или устройство водопоев и т. п.).

Развитие мехообрабатывающей и кожевенной промышленности, созданной в СССР, позволило повысить качество русской пушнины.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

ПОСЕЛЕНИЯ

Типы старых поселений, их расположение и планировка

Многие особенности современных русских поселений сложились в далеком прошлом. Многие старинные русские селения и сейчас располагаются на тех самых местах, где они отмечались еще в писцовых книгах XVI—XVII вв., а возникли, по-видимому, значительно раньше. Тысячи селений возникли в более поздние периоды, но в их местоположении, размерах, планировке можно увидеть много традиционных особенностей.

Разнообразный рельеф местности, развитая гидрогеографическая сеть страны, гужевые тракты и водные пути, а позднее — железнодорожные пути сообщения, развитие торговли, кустарной и заводской промышленности обусловили разнообразное местоположение русских селений — вблизи водных источников, на водоразделах, около дорог, вдоль гужевых и железнодорожных трактов, вблизи промышленных центров. Русские при основании поселений умело использовали природные и ландшафтные условия — рельеф местности, водоемы, леса, овраги, направление господствующих ветров. Большинство русских селений красиво вписано в окружающий их природный пейзаж.

В северной полосе России селения располагались в основном по берегам рек и озер на наиболее подходящих для земледелия почвах. Кроме того, реки и озера обеспечивали занятие населения рыбным промыслом и служили основными путями сообщений. В годы интенсивного развития капитализ-

ма, и особенно после Великой Октябрьской революции, происходило заселение водораздельных пространств. Однако и в настоящее время для северных лесных районов характерны сравнительно редкие поселения в долинах рек и озерных котловинах, где есть необходимые условия для развития молочного животноводства, земледелия, рыболовства, охоты и лесного хозяйства.

В северных районах в прошлом и в настоящее время чаще всего встречаются небольшие поселения, иногда в несколько дворов, расположенные группами или гнездами. Более крупные селения расположены в долинах больших рек — Северной Двины, Онеги, Мезени, Печоры.

В центральных нечерноземных районах, издавна значительно более плотно заселенных, поселения располагаются по территории гораздо более равномерно.

В лесных районах образованию плотного заселения, так же как и на севере, препятствовали болота и огромные массивы лесов. Так, например, в лесном Заволжье Костромской и Горьковской областей небольшие, сравнительно редкие селения располагаются по рекам Керженцу, Ветлуге, Унже и их притокам. Более возвышенный рельеф и благоприятные почвы средней полосы России, а также развитие в этих районах торговых связей, различных ремесел, кустарной, а позднее заводской промышленности способствовали гораздо более быстрому и плотному заселению водоразделов, чем это наблюдалось на севере. Старые селения в этих районах имеют сравнительно небольшие размеры — от 20 до 40—60 дворов. Наиболее крупные селения располагаются по берегам крупных судоходных рек, вдоль больших трактов, вблизи промышленных центров.

В северных, центральных нечерноземных районах и Сибири сельские поселения обычно называются «деревнями» и «селами». Современное значение этих терминов отличается от того, что подразумевалось под ними в XVI—XVII вв. В XVI—XVII вв. словом «деревня» обозначалось малодворное или однодворное поселение вместе с обработанной землей и расположенными вокруг них угодьями; с XVIII в. деревней называлось крестьянское поселение без церкви, состоящее из нескольких расположенных поблизости крестьянских усадеб. Под «селом» в этот период подразумевалось крестьянское поселение с церковью, которое обычно являлось религиозным, административным и торговым центром для близлежащих деревень. Деревня и село в XIX—начале XX в. были ячейками крестьянской земельной общины.

Села почти всегда значительно крупнее деревень. Как и прежде, села часто сохраняют центральное положение по отношению к окружающим деревням. Многие села превратились в районные центры.

В западных (Псковской, Смоленской, Витебской, Петербургской губерниях) и некоторых центральных губерниях, главным образом в начале XX в., в период действия столыпинского закона о выделении на хутора или отруба, распространилась хуторская система расселения. Хутором называлось обособленное, чаще однодворное, крестьянское хозяйство (участок земли и усадьба).

В южных, более засушливых лесостепных и степных черноземных районах в XIX в. селения располагались около источников питьевой воды — в долинах рек или на водоразделах по балкам и оврагам, где была ключевая вода.

Большую роль в заселении водоразделов сыграло развитие в этих районах с XVII—XVIII вв. крепостного хозяйства, осваивавшего значительные массивы земель. С другой стороны, в селения превращались основанные в XVI—XVII вв. сторожевые пограничные пункты. Произведенные в советское время большие работы по водоснабжению, в частности устройство артезианских колодцев, значительно ослабили зависимость расселения от естественных водных источников.

В южных районах, как и на Украине, старые селения называются селами вне зависимости от наличия в них церквей. Южные села имеют сравнительно крупные размеры (200—400 и более дворов). Они иногда стоят группами одно за другим, без заметных границ между собой, вытягиваясь по речной долине в одну улицу на десятки километров. В более северных районах степи и лесостепи, в отдельных районах Орловской, Курской, Рязанской областей, селения имеют значительно меньшие размеры (от 20 до 80 дворов).

Во всех районах бывшего расселения казачества — донского, кубанского, терского, уральского, сибирского — распространены поселения, которые называются «станицами» и «хуторами». Станицы в прошлом были центрами крупных казачьих земельных общин и являлись административными, хозяйственными и торговыми центрами. В настоящее время — это крупные населенные пункты, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч дворов. Казачьи хутора — также многодворные, иногда очень крупные населенные пункты, тяготеющие к близлежащим станицам.

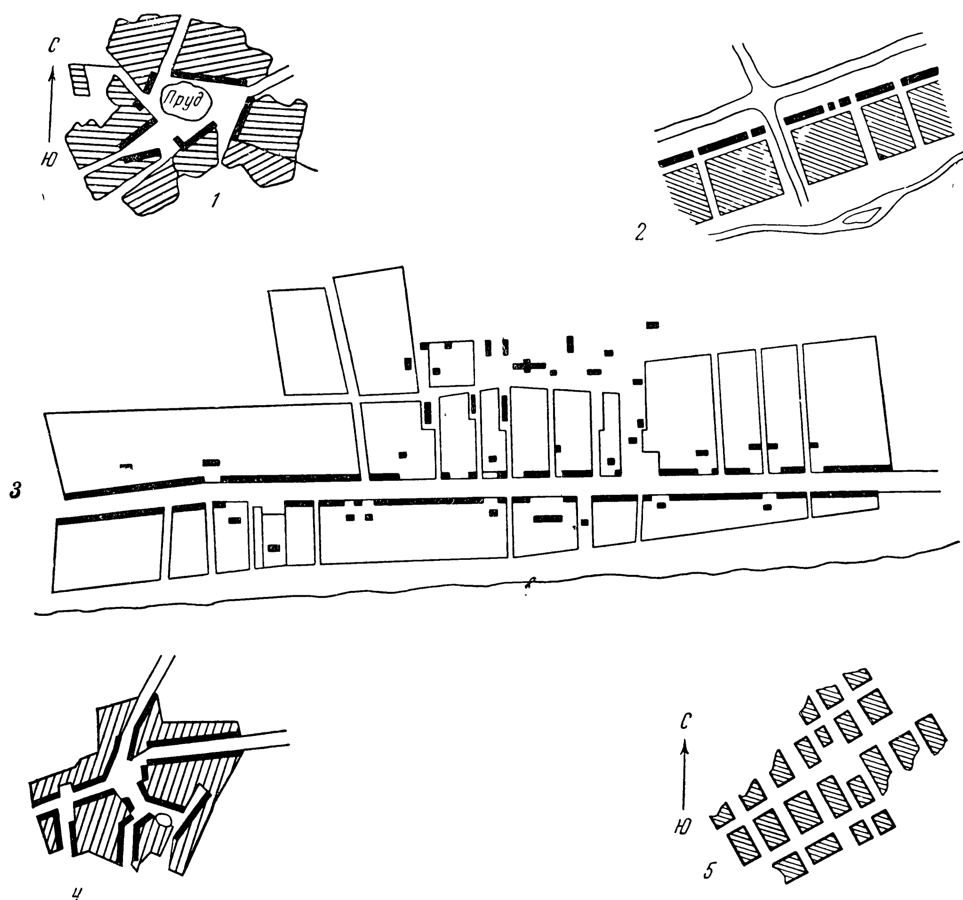
В районах более поздней русской колонизации — на Северном Кавказе, в Крыму, на Алтае, в некоторых районах Средней Азии — русские селения располагаются по долинам рек, в предгорьях, а также по склонам гор и на плоскогорьях, близ источников питьевой воды. Много селений с русским или смешанным по национальному составу населением возникло около крупных курортов (например, на южных горных склонах Крыма и Черноморского побережья Кавказа во второй половине XIX в.); создавались русские поселения и в районах развитого животноводства на Алтае, в Средней Азии, на Кавказе.

На огромных пространствах Сибири русские селения чаще всего расположены по берегам больших и малых рек, по озерам. Немало здесь встречается селений, расположенных по водоразделам вдоль гужевых и железнодорожных путей. В лесной таежной зоне, так же как и на Европейском Севере, небольшие селения жмутся к рекам, в степных районах Западной и Восточной Сибири преобладают крупные, сравнительно редко расположенные селения.

Планировка старых русских селений многообразна. Дома в селениях ставились в одну линию вдоль дороги, реки, по берегу озера, образовывали в плане круг, овал, прямоугольник вокруг церкви или пашни; разбрасывались кучками, гнездами или, наконец, составляли улицы. В большинстве старых селений прослеживается стремление к застройке домов в определенном линейном порядке, но изрезанность рельефа, мелкие реки и ручьи затрудняли регулярное расположение застройки четко по прямой линии и нередко приводили к свободной застройке; в одном и том же селении могло сочетаться разнообразное расположение домов. Сравнительно редко сейчас встречаются селения с наиболее древними формами планировки, которые исследователи называют: 1) «гнездовыми», или «кучевыми»; 2) «беспорядочными», или селениями со «свободной» застройкой; 3) «круговыми», или «замкнутыми» поселениями.

В гнездовых (или кучевых) селениях строения располагались группами, отдельными гнездами, часто без определенного порядка, что в далеком прошлом, по-видимому, было связано с родовыми отношениями славян; позднее обособленные группы дворов появлялись в результате разделов и возникновения гнезд родственных семей. На юге страны в отдельных селениях гнездами строились однодворцы и крестьяне, принадлежавшие разным помещикам; крестьянские дворы каждого помещика ставились обособленно.

Селения с беспорядочной, или свободной застройкой дворов, при которой постройки ставились разбросанно, с произвольной ориентацией, чаще встречаются на водоразделах и в районах, удаленных от больших дорог и рек, определявших постановку домов в одну линию.



Схематические планы старых русских селений:
1 — кругового плана, 2 — линейного (рядового) плана, 3 — уличного плана, 4 — улично-радиального плана, 5 — улично-квартального плана

В круговых, или замкнутых поселениях все постройки расположены вокруг какого-либо центра (озера, пашни, выгона, церкви, торговой площади). Они являются одним из древнейших типов поселений восточных славян и чаще всего встречаются на территории Ярославской, Владимирской, Рязанской областей. Жилые строения, расположенные вокруг площади, никогда не образуют правильного круга; ряды домов вытянуты по прямым линиям прямоугольника, иногда квадрата; нередко дома расположены лишь по трем сторонам прямоугольника. Выравнивание домов по прямой линии, вероятно, произошло в период перепланировки деревень на протяжении XVIII—XIX вв.

Наиболее характерными для русского населения, начиная с I тысячелетия н. э., были линейные (или рядовые) селения, когда дома ставились в один или несколько рядов вдоль реки, озера или дороги. Более старая форма рядового поселения — деревни, вытянутые вдоль рек или озер. В настоящее время больше распространены рядовые селения, расположенные вдоль дороги. По мере увеличения численности населения в результате разделов больших семей однорядные деревни разрастались путем возникновения новых рядов строений, располагавшихся параллельно или перпендикулярно друг к другу. Русские крестьяне стремились ориентировать фасады своих домов на юг, поэтому ряды домов, направленные на южную солнечную сторону, обычно длиннее других.

Уличное селение — это по существу многорядовое селение; в нем улица чаще всего образуется двумя рядами домов, обращенных фасадами друг к другу. Многие уличные поселения возникли из более древних селений рядовой, круговой, беспорядочной планировки. Сохранилось немало деревень со смешанной планировкой, в которой хорошо прослеживается процесс превращения рядовых и других форм поселений в уличные. Типичные уличные деревни, т. е. разбитые по определенному плану селения с улицей между домами и промежутками (переулками) между группами (гнездами) домов, стали появляться лишь в XVIII в., а массовое распространение их относится к XIX в. Скученность и теснота русских деревень, приводившие к опустошительным пожарам, вызвали издание специальных правительственных указов о более упорядоченной застройке селений. С 1722 по 1779 г. было издано свыше двух десятков правительственных указов о перестройке деревень, но строительные работы проводились крайне медленно. В первую очередь по планам застраивались выгоревшие деревни; в противопожарных целях перестраивали также свои деревни помещики; перестройка деревень государственных крестьян началась лишь после основания министерства государственных имуществ (1837 г.). Но планы упорядоченной застройки не охватывали всю территорию России, и многие деревни, расположенные вдалеке от торговых путей и в глухих районах (Заволжье, Север), вплоть до настоящего времени хранят следы древних форм застройки.

По мере разрастания уличные селения вытягивались в одну линию на значительные расстояния; чтобы сократить протяженность селений, новые улицы прокладывались в разных направлениях, возникали сложные запутанные планы селений — улично-квартальные, улично-радиальные и т. д.

Влияние правительственной регламентации в застройке значительно сильнее проявилось в окраинных районах государства, где русские поселения возникли сравнительно поздно (Северный Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Сибирь). Для этих селений характерны прямые широкие улицы, пересекаемые в определенном порядке прямыми переулками. Большинство станиц терского, кубанского и в меньшей степени донского казачества построено по улично-квартальному плану. Русские селения Сибири имели много общего с планировкой сел и деревень Европейской части России. Наиболее старые селения имели беспорядочную или линейную планировку вдоль берегов рек с ориентацией окон на солнце и на воду. Более же характерными для Сибири в XVIII—XIX вв., так же как и для Европейской части, были уличные деревни, которые вытягивались вдоль дорог и трактов или располагались по берегам рек.

В большинстве старых русских селений дома ставились близко друг к другу. Отделившиеся семьи, когда плотность застройки была еще небольшой, стремились получать новые наделы поблизости от родительской усадьбы. Позднее вновь возникавшие дворы должны были выселяться на концы селений, где общины выделяли участки для застройки. В конце XIX в., с увеличением семейных разделов, в условиях малоземелья новые дома ставились уже на родительской усадьбе (в одну линию со старыми или позади них).

Деревенская улица слагалась из вытянутых в линию крестьянских (прямоугольных в плане) усадеб, выходящих к улице узкой стороной и непосредственно примыкавших друг к другу. По линии улицы в начале усадьбы стояли в ряд жилые дома, непосредственно около них пристраивались дворовые постройки. В северных и центральных районах жилые дома выходили на улицу узкой торцовой стеной, в южнорусских районах дома вытягивались длинной стороной вдоль улицы. В казачьих станицах и хуторах дома ставили более свободно, несколько отступя от улицы, в глубине двора, а вся усадьба отгораживалась от улицы высоким забором.

За дворовыми постройками, на некотором расстоянии от них, на усадебной земле ставились хозяйственные постройки, не входящие в состав

Улицы в старых селениях

1 — дер. Большие Городища (Калининская обл.), Камышевка (Курская обл.), *4* — станица

различных районов страны:

2 — с. Винновка (Куйбышевская обл.), *3* — дер Михайловская (Краснодарский край)

19 Заказ № 888

двора. Недалеко от дома, сзади или сбоку его, строился амбар для хранения хлеба и наиболее ценного имущества; в Среднем Поволжье и южнорусских районах амбар входил в состав двора. Подальше от домов, на огородах ставились бани. Они были особенно характерны для Севера России; строили их также в центральных и западных губерниях, в среднем Поволжье. В ряде центральных губерний (Ярославской, Московской, Владимирской) бани имелись не во всех крестьянских хозяйствах, и чаще всего крестьяне мылись в русских печах. Сравнительно редко встречались бани и в южных районах.

В центре усадьбы строились сараи для сена. На самом конце усадьбы в противопожарных целях ставились овины или риги для сушки хлеба и рядом с ними гумно для обмолота. Овины и риги были почти во всех русских селениях за исключением южных окраин, где хлеб сушили прямо в снопах.

Во многих северных и среднерусских селениях наиболее ценные хозяйственные постройки (амбары, овины, риги) для большей сохранности от пожаров выносились на окраину деревни в одно место. Отдельной группой около реки нередко строились бани. Если в деревенской улице был один *порядок* (ряд) домов, то по другую сторону дороги, напротив жилых построек, располагались огороды с хозяйственными постройками. В среднем Поволжье и в некоторых южнорусских селениях амбары и «кладовые» ставились напротив окон, посредине улицы. Там, где население занималось промыслами, перед избами или сбоку их располагались подсобные рабочие помещения — столярные и токарные мастерские, валяльные заведения и др. На окраине села за домами ставили ветряную мельницу, оживляющую сельский пейзаж. При реках и прудах часто строили водяную мельницу.

Среди крестьянских построек выделялись общественные постройки, которые стояли в центре или на окраине селений,— маслодельни, смолокурни, пожарные сараи, хлебозапасные магазины (*магазеи*), лавки. Во многих русских деревнях в честь какого-либо «святого» строилась часовня. В селах центральное место занимали церковь, дома церковного причта, дом волостного правления, сельское училище, сельские лавки, избы сельской буржуазии. Поблизости от селений в наиболее живописных местах, в окружении парка или сада, располагались помещичьи усадьбы со службами.

Несмотря на то, что большая часть русских селений расположена вблизи рек, ручьев и ключей, почти в каждом крестьянском хозяйстве рыли колодец. Чаще их ставили на улице против домов, на юге — во дворе или на огороде. В селениях с глубоко лежащими грунтовыми водами колодцы были общественными. Кроме того, на улицах селений, если позволяла их ширина, рыли пруды. Иногда маленькие пруды были расположены в *заулках* между домами; они обрастали зеленью и придавали деревне живописность. Большие пруды для водопоя скота, стирки белья, купания часто устраивали на окраине селения. Ширина деревенских улиц была самой разнообразной; преобладали узкие и тесные улицы и переулки. Весной и осенью в распутицу улицы утопали в грязи. Благоустройством селений в прошлом занимались мало. На улицах большинства селений сажалось мало зелени. Обилием зелени выделялись лишь некоторые южнорусские селения, а также казачьи станицы и хутора, где население занималось садоводством.

Социалистическая реконструкция сельских поселений

Национализация земли, передача бывших помещичьих земель крестьянству и переделы земли сразу же после Октябрьской революции привели к изменению числа и размеров сельских населенных пунктов. С наделением землей всех слоев крестьянства была устранена одна из основных причин, сдерживавших семейные разделы. Образование новых крестьянских дворов вело к быстрому разрастанию селений, застройке окраин, образованию новых порядков домов и целых улиц. При крупных селениях появлялись выселки. В бывших крупных частновладельческих хозяйствах

возникали поселки сельскохозяйственных коммун и государственных опытных хозяйств.

Создание новых общественно-экономических отношений в деревне привело к изменениям типов поселений. После осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства началась ликвидация хуторов, жители которых переселялись в новые колхозные поселки. Уже в 20-х годах, с организацией в деревне первых коллективных хозяйств, с превращением бывших помещичьих имений в крупные советские хозяйства — совхозы, встал вопрос о необходимости строительства в деревне крупных общественных зданий производственного и культурного назначения, стали намечаться первые шаги по преобразованию застройки старой деревни. В 1919 г. было принято «Положение о землеустройстве», а впоследствии «Земельный кодекс РСФСР», в которых вопросам планировки, застройки и благоустройства деревни придавалось государственное значение. Проектированием селений специально занимались архитектурно-строительные, проектные организации и местные советы депутатов трудящихся. Многие новые селения строились по заранее разработанным проектам с правильными прямыми улицами; более крупные селения имели квартальную планировку.

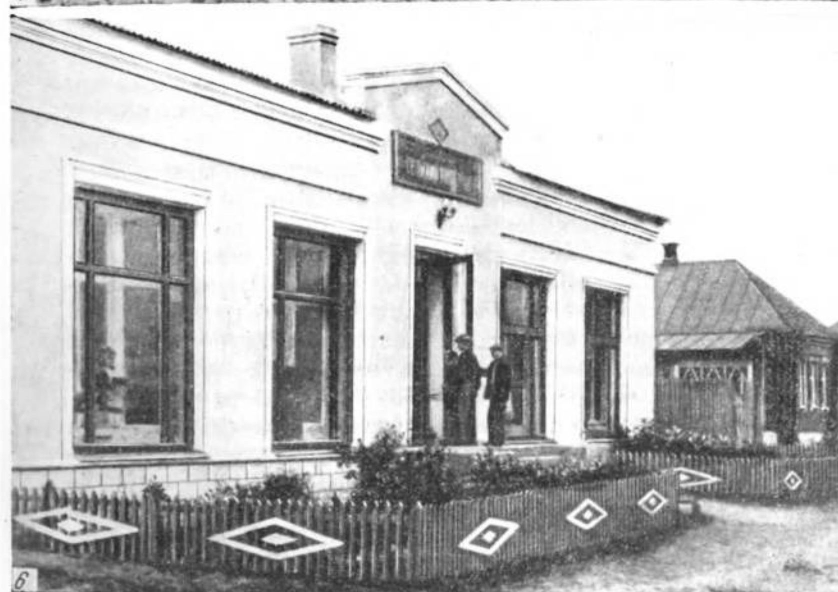
С коллективизацией сельского хозяйства потребовалось большое число общественных зданий для хозяйственных нужд вновь организованных колхозов, ферм для содержания животных и птицы, общественных складов для хранения сельскохозяйственной продукции, электростанций, водокачек. Нужны были также здания для новых школ, больниц, яслей, клубов и избчитален. В начале 30-х годов экономически еще не окрепшие колхозы пользовались главным образом домами и хозяйственными постройками бывших кулаков. Эти постройки не были приспособлены к нуждам общественного хозяйства, и, как правило, располагались в центре жилой зоны; нередко хозяйственные постройки свозились в одно место на окраину селения. С укреплением общественной собственности колхозов в селах и деревнях начинается массовое общественное строительство. В 30-х годах, когда преобладали мелкие колхозы, общественные здания располагали в центре или на окраине селения, обычно без учета дальнейшего развития колхоза. В те годы еще мало строилось капитальных типовых сооружений, в большинстве случаев возводили общественные постройки по собственным планам из местных строительных материалов. За десять лет с 1930 по 1940 г. в колхозах, совхозах, МТС было построено свыше трех миллионов различных общественных и производственных зданий; свыше 300 тыс. колхозных сел и деревень подверглись реконструкции.

Во время Великой Отечественной войны в районах РСФСР, подвергшихся временной оккупации, были уничтожены сотни тысяч жилых домов колхозников, животноводческих и производственных построек, огромное число сельских школ, больниц, детских учреждений и других зданий. После окончания войны государство выделило колхозам и колхозникам, пострадавшим во время войны, значительные кредиты; в среднем каждой семье колхозника было выдано 10 тыс. руб. (в тогдашнем исчислении). Семьям погибших колхозы строили дома на свои средства. К 1948 г. восстановительные работы были полностью завершены. Разрушенные селения в большинстве случаев восстанавливались на старых местах. Если старые селения располагались в нездоровой местности или там, где трудно было организовать колхозное производство, они переносились на новые, более удобные участки. В процессе восстановительного строительства в планировку и застройку селений вносились существенные исправления, большое значение придавалось благоустройству. Во многих случаях применялось типовое строительство, восстановление селений происходило по утвержденным проектам планировки.

В условиях социалистической действительности размещение селений определяется не только удобными физико-географическими условиями, но

Общественные постройки центральных

1 — дом культуры в колхозе имени Тимирязева (Горьковская обл.), *2* — здание пра школы-интерната в совхозе «Гигант» (Ростовская обл.), *4* — здание больницы на ху тор» (Горьковская обл.), *6* — сельский



селений колхозов и совхозов:

вления колхоза «Большевик» (Владимирская обл.), *3* — здание школы и общежития торе Трудобеликовском (Краснодарский край), *5* — детские ясли в колхозе «Прожек- магазин в с. Коршево (Воронежская обл.)

Центральная усадьба совхоза «Арженка» (Тамбовская обл., 1954 г.)

и необходимостью наиболее рациональной организации крупного колхозного производства.

Новый этап в планировке и застройке сельских населенных пунктов начался с 50-х годов, после укрупнения колхозов. После решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) и мероприятий партии и правительства, направленных на улучшение сельского хозяйства, большое внимание было уделено расширению сельскохозяйственного строительства, правильной застройке и планировке укрупненных колхозов и совхозов. Нет ни одного колхоза или совхоза, где бы не велось новое строительство, не проводились бы большие работы по благоустройству населенных пунктов. Облик сельских поселений быстро меняется. Исчезают старые ветхие дома и общественные постройки и прежняя тесная застройка между домами. В результате выделения хозяйств молодых семей происходит дальнейший рост селений, возникают новые хорошо спланированные улицы с добротными красивыми домами. В сельской местности создается большое число общественных построек; это — явление совершенно новое, обусловленное коллективным характером сельскохозяйственного производства, изменением условий материальной жизни и запросов сельского населения.

Современная русская колхозная деревня имеет более сложную планировку, чем дореволюционная. Застройка колхозных селений определяется рядом комплексов зданий и сооружений — жилых домов, общественных административно-культурных зданий, бригадных дворов, животноводческих ферм, механических мастерских, гаражей и других построек, связанных между собой в единое целое. Основным принципом планировки социалистических поселений явилось выделение отдельных зон застройки по их определенному назначению, разделение селений на жилую и производственную зону. В северной и средней полосе Европейской части страны, во многих районах Сибири, где в составе одного колхоза имеется несколько деревень, в наиболее крупном селении (чаще таким является село), находящемся в центре земельных угодий, располагается обыкновенно центральная усадьба колхоза. В южных черноземных областях (в Ростовской обл., на Кубани, в Ставрополье), для которых характерны крупные селения, население их объединяется в один колхоз, иногда в наиболее крупных селениях создано два-три колхоза.

Большинство совхозов, кроме центральной усадьбы, имеют поселки в отделениях совхоза. В центральных усадьбах колхозов и совхозов обычно сосредоточены все основные общественные, административные, культурно-

Улица с. Калиновки (Курская обл., 1960 г.)

просветительные и хозяйственные постройки. В центре жилой застройки на площади или главной улице селения расположены здания правления колхоза или управления совхоза, сельского совета, клуба, библиотеки, почты, магазинов.

Центр селений красиво оформляется зелеными насаждениями — скверами, парками, цветниками, а также лозунгами, стендами, досками почета; там же обычно ставятся монументальные скульптуры и обелиски. В центре сосредоточивается общественная жизнь населения, происходят праздничные демонстрации, митинги, народные гулянья, проводит свой досуг молодежь, устраиваются различные производственные собрания и совещания. В течение рабочего дня центр колхозного селения всегда бывает многолюдным. Много народа и транспорта собирается обычно около здания правления колхоза или управления совхоза; вечером особенно оживленно возле клуба. Важное место во внешнем облике современных селений занимают детские учреждения — школы, в том числе интернаты, детские сады, ясли. Во многих селениях размещаются больницы, амбулатории, аптеки. Въезд в центральное селение оформляется арками, обелисками, лозунгами.

При центральной усадьбе колхоза или совхоза находятся и основные производственные постройки. Ближе к жилым домам, а иногда между ними располагаются хозяйственные помещения, не особенно загрязняющие воздух — производственные мастерские, электростанция, пожарное депо, механическая мельница, гараж, склады, производственные предприятия по обработке и переработке сельскохозяйственной продукции, по производству строительных материалов и др. На более отдаленном расстоянии от селений располагаются животноводческие фермы, которые иногда отделяются от жилого массива зоной зеленых насаждений. В крупных колхозах имеется несколько хозяйственно-производственных центров, которые объединяют комплексы построек определенного производственного назначения.

Общественные, культурно-бытовые учреждения (школа, детский сад, клуб, магазин и др.) имеются и в других селениях, входящих в состав колхоза или совхоза. В колхозных селениях, являющихся центром бригады, находятся контора бригады, бригадный хозяйственный двор с необходимым хозяйственным инвентарем, транспортными средствами, машинами и рабочим скотом. В поселках отделений совхозов располагается значительная

Общий вид центральной **усадьбы**

часть хозяйственных построек, необходимых для производственной деятельности отделений.

В южных областях РСФСР — в Ростовской обл., на Кубани, в Ставрополье — в крупных колхозах, владеющих большими земельными массивами (от 10 до 30 тыс. га), населенные пункты удалены от полей на значительные расстояния. Поэтому многие хозяйственные постройки вынесены с территории населенных пунктов и сосредоточены на землях отдельных комплексных бригад. Каждая бригада располагает благоустроенным полевым станом, общежитием, столовой, красным уголком, нередко душевыми установками или банями. Отдельно от полевого стана на территории земель бригады расположены животноводческие фермы с общежитиями для животноводов, красным уголком и библиотекой.

Новые общественные постройки совершенно меняют архитектурный облик старых селений. Общественные постройки выделяются из общей массы жилой застройки крупными размерами и архитектурными формами. Они возводятся из прочных капитальных строительных материалов — камня, кирпича, шлакобетона. На юге при строительстве животноводческих помещений используются также местные строительные материалы — саман, глина, камыш, плетень. В лесной зоне на основе традиционных навыков срубного строительства строятся также срубные общественные здания на каменном фундаменте.

Многие сельские общественные здания теперь не уступают городским постройкам. В экономически крепких колхозах и совхозах появились учреждения, которые до недавнего времени были характерны лишь для городских поселений — дворцы культуры, летние кинотеатры, столовые, пекарни, универмаги, комбинаты бытового обслуживания, пошивочные мастерские, общественные бани, гостиницы, стадионы. Большинство селений электрифицировано и радиофицировано. Ведутся большие работы по озеленению улиц, разбивке скверов, парков, цветников, по строительству дорог и тротуаров. Улучшается водоснабжение, многие селения обеспечены водопроводами.

Выделяются по своим размерам, обилию общественных зданий и лучшему благоустройству сельские районные центры. Кроме административных, культурных, бытовых зданий районного значения здесь обычно имеются мелкие промышленные предприятия. Появление в сельских населенных пунктах специфически городских учреждений, водопровода, асфальти-

совхоза «Гигант» (Ростовская обл., 1957 г.)

рованных тротуаров, электрического освещения и многого другого свидетельствует о постепенном стирании граней между городом и деревней, о ликвидации прежней резкой разницы между ними.

Развитие современных сельских поселений в настоящее время планируется в связи с перспективами развития сельскохозяйственного производства. В соответствии с постановлением декабрьского Пленума ЦК КПСС (1959 г.) ведется большая работа по разработке схем районных и внутрихозяйственных планировок для всех районов страны, в которых предусматриваются перспективы развития сельскохозяйственного производства, рациональное размещение производственных и общественных зданий, жилых массивов, электрификация, водоснабжение, дорожное строительство и связь, дальнейшее развитие населенных пунктов колхозов и совхозов. Наиболее крупные и передовые колхозы уже приступили к новой застройке населенных пунктов.

Известный своими производственными успехами колхоз им. Тимирязева Городецкого района Горьковской обл., при земельной площади в 2600 га до недавнего времени имел 36 деревень с общим число 650 дворов. Генеральным планом колхоза предусмотрена новая застройка только в трех населенных пунктах.

Примером новой планировки, застройки и благоустройства социалистического села в более южных районах может служить колхоз Калиновка Курской обл. Застройка села производится крупными кварталами площадью до 7 га каждый. Колхозники застраивают основной массив Калиновки многоквартирными двух- и четырехэтажными домами с приусадебными участками, не превышающими 0,03 га. Благодаря этому площадь нового поселка сократится с существующих 119 га до 77 га. При создании общественного центра поселка учитывается прежняя планировка села. Почти четвертая часть площади поселка отводится под озеление.

Огромные проектно-планировочные и строительные работы по переносу старых селений на новые места осуществлены в связи с гидротехническим строительством Куйбышевской, Волгоградской, Горьковской, Камской, Братской, Воткинской и других гидроэлектростанций. На берегах Волги, Камы, Ангары и многих других рек возникли новые крупные, хорошо спланированные селения, большинство которых построены по генеральным планам и примерным схемам планировки.

Вместе с перестройкой и реконструкцией исторически сложившихся селений и переносом старых селений на новые места возникло и возникает много новых селений, связанных с организацией новых совхозов; особенно много возникло их за последние годы на целинных и залежных землях. Для правильной застройки новых совхозных поселков были разработаны и разрабатываются примерные схемы планировки, нашедшие в практике широкое применение. На целинных землях Казахстана и в крупных зерновых совхозах строятся большие поселки на 600—1000 жителей. Поселки обычно имеют правильную квартальную планировку, в них сооружаются все необходимые общественные, бытовые, культурные и производственные учреждения. Много новых совхозов организовано в последнее время на целинных землях Сибири, где построены новые крупные поселки с населением в 2—3 тыс. человек.

Таким образом, на всей территории расселения русского народа в настоящее время во внешнем облике сельских селений, их благоустройстве, планировке, составе общественных и жилых сооружений, в плотности заселения наблюдаются огромные изменения, связанные с размахом сельскохозяйственного строительства. Вместе с дальнейшим всесторонним экономическим прогрессом в повседневную жизнь сельского населения внедряются новые формы быта и культуры. Интенсивно протекает процесс устранения существенных различий между городом и деревней.

ЖИЛИЩЕ

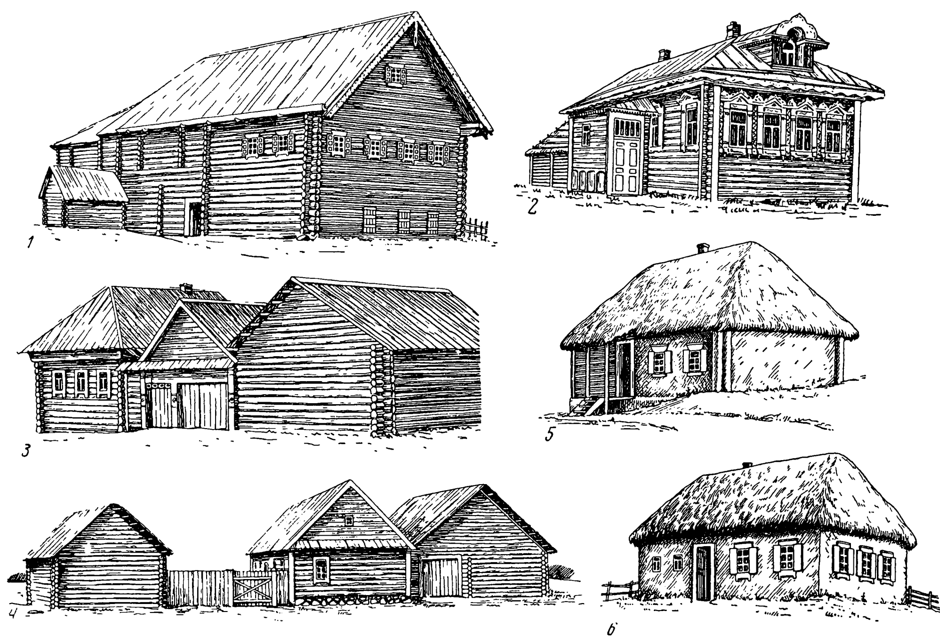
Жилой фонд современных русских селений складывался на протяжении длительного времени. В отдельных селах и деревнях еще встречаются жилища, построенные в конце и даже в середине XIX в.; сохранилось немало строений, возведенных в начале XX в. В целом же в большинстве русских селений дома, построенные до Великой Октябрьской революции, составляют сравнительно небольшой процент. Для того чтобы понять происходящие в настоящее время изменения в развитии традиционных форм жилища, а также процесс формирования новых особенностей жилищного строительства, необходимо дать представление об основных чертах русского сельского жилища, прослеживавшихся в XIX—начале XX в.

Характерные особенности традиционного русского жилища в различных районах страны

Разнообразная природа России, различные социальные, экономические и исторические условия способствовали созданию разных типов русского жилища, закрепляемых на той или иной территории определенной местной этнической традицией. Наряду с общими чертами, характерными для всех русских домов, в разных районах расселения русских имелись особенности, проявлявшиеся в положении дома по отношению к улице, в строительном материале, в покрытии, в высоте и внутренней планировке постройки, в формах застройки двора. Многие локальные особенности жилища сложились еще в феодальную эпоху и отражают культурные особенности определенных этнографических групп.

В середине XIX в. на огромной территории расселения русских выделялись крупные области, отличавшиеся особенностями сельских жилых построек. Существовали и более мелкие районы с менее значительным своеобразием жилища, а также зоны распространения смешанных форм жилища.

В северных селениях России — в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, а также в северных уездах Тверской, Ярославской губерний—возводились большие срубные постройки, включавшие в одно целое жилые и хозяйственные помещения, поставленные узким торцовым фасадом перпен-

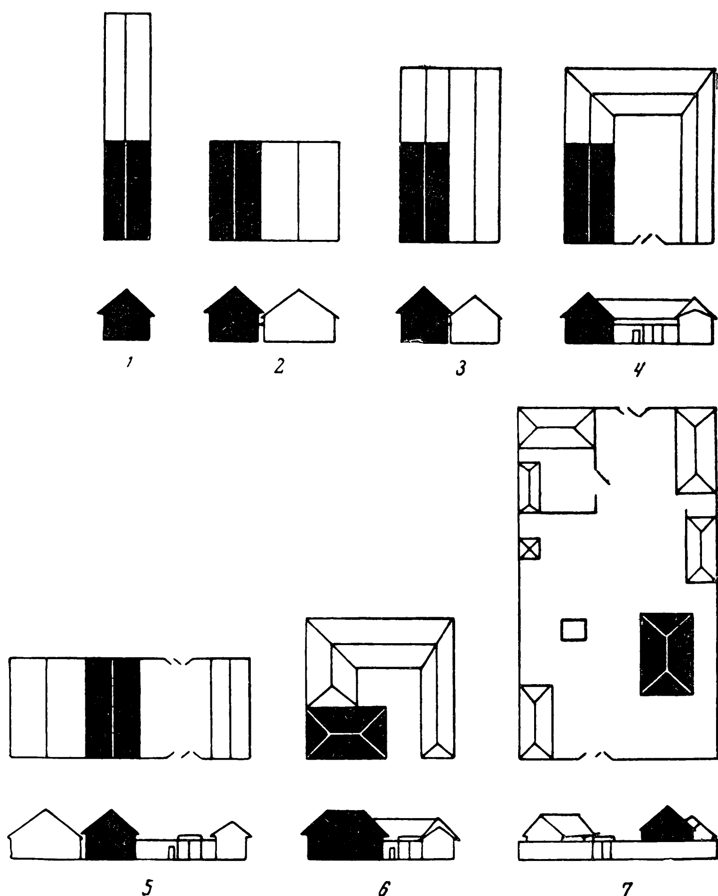


Типы жилища, распространенные в различных районах страны в конце XIX — начале XX в.:

1 — северные районы, *2* — центральные черноземные районы, *3* — Пермская обл., *4* — западные районы, *5* — южные черноземные районы, *6* — Кубань

дикулярно к улице. Характерной особенностью северного жилища была большая высота всей постройки. Пол жилых помещений из-за сурового северного климата приподнимали над землей на значительную высоту. *Перерубы* (балки) пола врубали в шестой-десятый венец в зависимости от толщины бревен. Пространство под полом называлось *подклет*, или *подызбица*; оно достигало значительной (1,5—3 м) высоты и использовалось для различных хозяйственных нужд: содержания птицы и молодняка скота, хранения овощей, продуктов, различной утвари. Нередко подклет делали жилым. Непосредственно к жилым помещениям примыкал двор, перекрытый той же крышей и составлявший единое целое с жильем («дом — двор»). В крытом дворе все хозяйственные помещения объединялись в одно целое под общей крышей и вплотную примыкали к жилью. Распространение крытого двора в северных и центральных нечерноземных губерниях России было обусловлено суровым климатом и длинными снежными зимами, вынуждавшими объединять жилые и хозяйственные постройки в одно целое.

Крытые дворы на севере, так же как и жилые помещения, строились высокими и устраивались в два этажа. В нижнем этаже помещались хлевы для скота, а в верхнем этаже (*повети*) держали корм для скота, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, разнообразные предметы домашнего обихода; там же строились небольшие неотапливаемые срубы — клети (*горенки*), в которых хранилось домашнее имущество семьи, а летом жили семейные пары. Снаружи к повети пристраивался наклонный бревенчатый настил — *взъезд* (*ввоз*). Крытый двор вплотную примыкал к задней стене дома, и вся постройка вытягивалась перпендикулярно улице, в одну линию, составляя «однорядную связь», или «однорядный тип застройки». В северных постройках встречался также тип «двухрядной» застройки, в котором дом и крытый двор ставились параллельно вплотную друг к другу. В Заонежье широко был распространен так называемый *дом кошелем*,



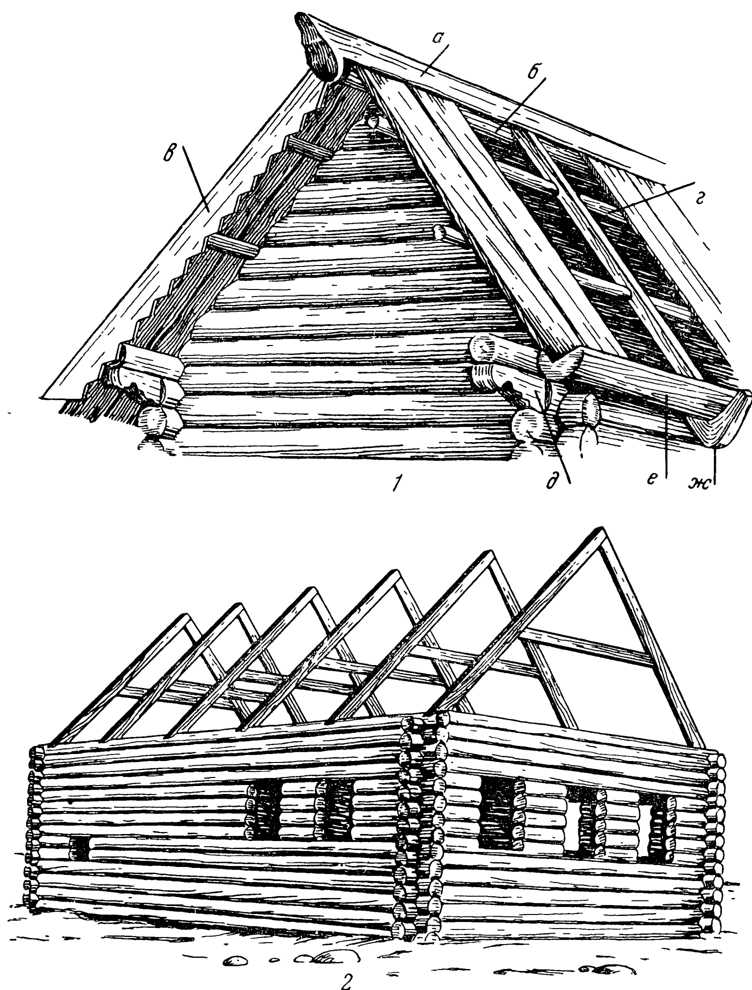
Схемы типов дворовой застройки жилища конца XIX—начала XX в.

1 — однорядная, 2 — двухрядная, 3 — глаголеобразная, 4 — покоеобразная, 5 — трехрядная, 6 — замкнутая, круглый двор, 7 — двор с несвязанными постройками

в котором двор, пристроенный сбоку, был шире избы и покрывался одним из удлиненных скатов ее кровли. Встречалась и «глаголеобразная» застройка, когда к задней и боковой стенам дома, поставленного перпендикулярно улице, пристраивался двор, как бы охватывая дом с двух сторон.

На огромной территории, включавшей все северные, западные, восточные и среднерусские губернии Европейской части России, а также в русских селениях Сибири жилище покрывалось двухскатной крышей. Материал покрытия крыши зависел от местных возможностей. В северных лесных губерниях избы крыли тесом, дранью, в начале XX в. также щепой.

Наиболее древней и характерной конструкцией двухскатной крыши, особенно долго сохранявшейся на севере, была самцовая (крыша *порубом*, *зарубом*, *на быках*, *на самцах*). В конструкции такой крыши немаловажное практическое назначение выполняли *курицы* — естественно загнутые корневища ели, поддерживающие *потоки*, или *водопуски*, т. е. водосточные желоба, в которые упирались концы тесин крыши. Важную конструктивную роль имели кронштейны (*повалы*, *помочи*, *пропуски*), устраиваемые из выпусков верхних бревен продольных стен и поддерживающие углы кровли, а также *охлупень* (*шелом*) — массивное бревно, пригнетающее своей тяжестью тесины кровли. Все эти детали придавали своеобразную красоту и



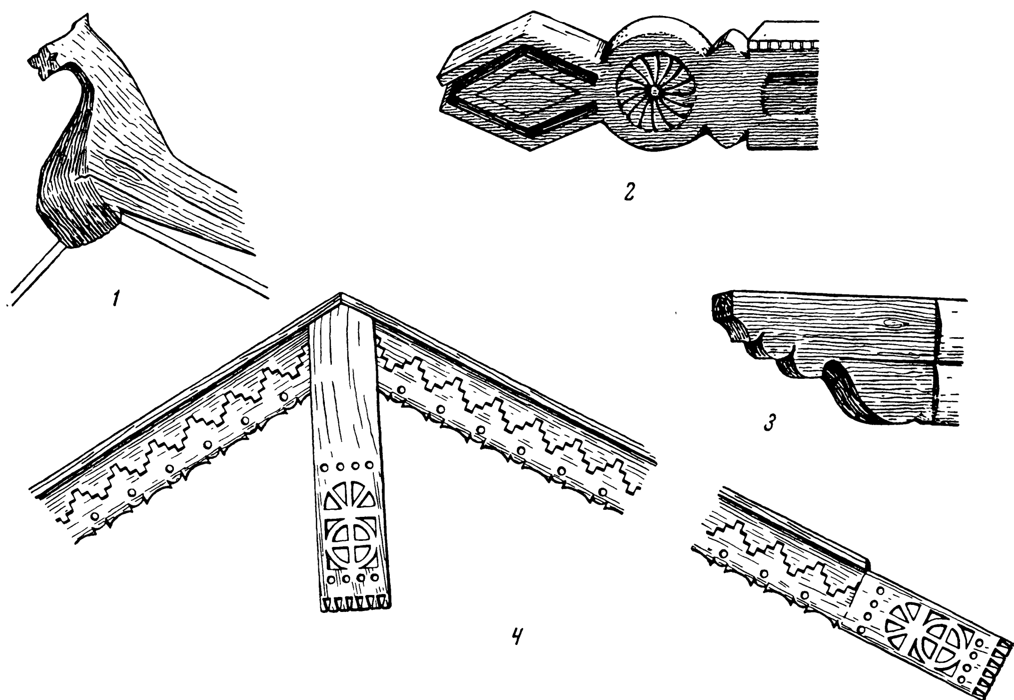
Конструкция крыши:

1 — самцовая конструкция: *а* — охлупень, *б* — князевая слега, *в* — причелина, *г* — обрешетка, *д* — пропуск, кронштейн, *е* — поток (застреха, водотечник), *ж* — курица; 2 — стропильная конструкция

живописность крестьянской постройке, благодаря чему в ряде мест сооружение их вызывалось не только практическими, но и декоративными соображениями. В конце XIX—начале XX в. конструкция самцовой кровли заменяется стропильной.

На фасаде высоких рубленых изб в северных селениях прорубалось несколько окон; постройку оживляли крыльцо при входе в дом, балкон на рубленом фронтоне и галерея, нередко опоясывающая весь дом на уровне окон. Округлым концам куриц, потоков, повалов, охлупня при помощи ножа и топора придавали пластичные скульптурные формы животных, птиц и разнообразных геометрических фигур; особенно характерным было изображение конской головы.

Архитектурный облик северной избы необычайно красив и живописен. Плоские дощатые поверхности наличников окон, *причелин* (доски, которыми зашивались выступающие торцы слег кровли), *подзоров* (доски, идущие по карнизу), *полотенец* (доски, прикрывающие стык кровли), крылец, балконных решеток украшались плоской геометрической резьбой (с невысоким рельефом) или прорезью. Затейливое чередование всевозможных



Украшения северного жилища:

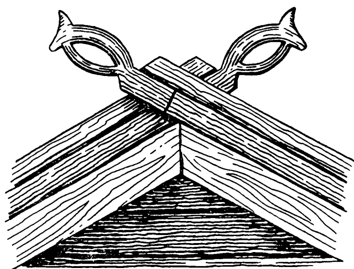
1 — скульптурная обработка охлупня, *2* — скульптурная обработка потоков, *3* — скульптурная обработка выпусков верхних бревен, *4* — плоская резьба на причелинах и на полотенце

вырезов с прямыми и циркульными линиями, ритмично следующими друг за другом, делало резные доски северных изб похожими то на кружево, то на концы полотенца, выполненного в русском народном стиле. Тесовые поверхности северной постройки нередко расписывались красками.

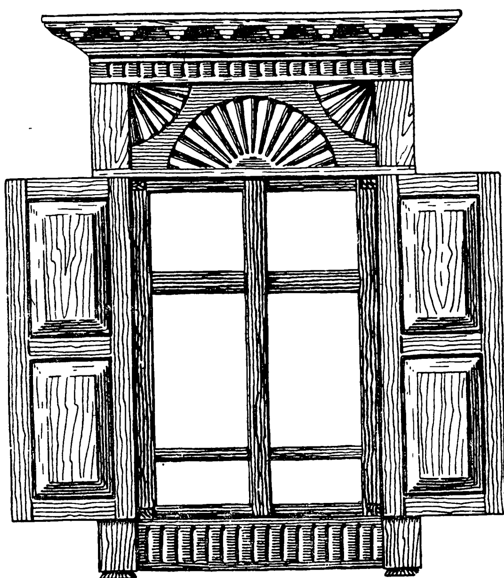
Значительно ниже и меньше по своим размерам строилось жилище в Верхнем и Среднем Поволжье, в Московской губ., южной части Новгородской, северных уездах Рязанской и Пензенской губерний, частично в Смоленской и Калужской губерниях. Для этих районов характерен срубный дом на среднем или низком подклете. В северной и центральной частях этой зоны перерубы пола врубались преимущественно в четвертый, шестой и даже седьмой венец; на юге Московской губ. и в Среднем Поволжье в жилище преобладал низкий подклет: перерубы для пола врубались во второй—четвертый венец. В некоторых домах Среднего Поволжья во второй половине XIX в. можно было встретить земляной пол, что, по всей вероятности, было следствием влияния жилищного строительства народов Поволжья, для которых в прошлом было характерно поземное жилище. В селениях Нижегородской губ. богатые крестьяне строили *полудомки* — деревянные дома на высоких кирпичных подклетах, которые использовались в качестве кладовой, магазина или мастерской.

В среднерусских селениях дома ставили преимущественно перпендикулярно к улице, на переднем фасаде прорубали два, три, а иногда и более окон. В качестве материала покрытия двухскатной крыши служили тес, дранка, солома. Непосредственно к дому, так же как и на Севере, пристраивался крытый двор, но он был ниже дома, состоял из одного этажа и не составлял с домом единого целого. В северных районах Верхнего Поволжья, особенно в Заволжье, строились и более высокие дворы, расположенные на одном уровне с домом.

В среднерусских деревнях дворы пристраивались сзади дома по типу однорядной застройки, в богатых хозяйствах нередко встречалась глаголеобразная застройка; особенно характерным для Верхнего и Среднего Поволжья был двухрядный тип застройки. В конце XIX в. двухрядный тип связи постепенно заменялся более рациональным однорядным. Это объяснялось неудобством и громоздкостью двухрядных дворов; из-за скопления влаги в месте соединения дома с хозяйственными постройками эти дворы были сырыми. В более южных районах, в Волго-Камском междуречье, в Среднем Поволжье, в Пензенской губ. был распространен так называемый «покоеобразный двор». Покоеобразная застройка представляет собой два параллельных ряда построек — дом, с пристроенными сзади него хозяйственными постройками, а напротив него ряд хозяйственных построек, которые в задней части двора загибались под прямым углом и смыкались с постройками первого ряда. В таком дворе имеется значительное открытое пространство; этот тип застройки относится к «открытому» или «полузакрытому» типу двора[1].



1



2

Украшения жилища центральных нечерноземных районов:

1—парные коньки (Ярославская губ., начало XX в.), 2 — плоская резьба на наличниках окон (Ярославская губ., конец XIX в.)

Полузакрытые дворы составляют как бы переходную зону от крытого двора к открытому (значительная часть Московской, Владимирской, Рязанской, Нижегородской, Калужской губерний, Среднее Поволжье). К югу от этой зоны преобладал открытый двор.

Для архитектурного облика среднерусских изб также характерно богатство и разнообразие украшений. Как и на севере, скульптурной резьбой обрабатывались округлые концы потоков, куриц, охлупня, но она не имела того причудливого художественного многообразия, как в северных избах, и встречалась реже. Своеобразным было украшение кровли крестьянской избы Ярославской, Костромской и отчасти Нижегородской губ. двумя скульптурными коньками, обращенными мордами в разные стороны. Фасады среднерусских изб украшались плоской трехгранно-выемчатой резьбой

[1] Открытыми дворами принято называть такие, которые имеют в своем составе значительное открытое незастроенное пространство. На открытом дворе, огороженном изгородью, размещается ряд хозяйственных построек, которые или вплотную примыкают друг к другу (как в покоеобразном дворе), или располагаются свободно. Выделяется также переходный тип полузакрытого двора, в котором открытое пространство невелико и на зиму нередко закрывается временной крышей.

Украшения жилища центрального нечерноземного района:

1 — рельефная резьба (Нижегородская губ., 1888 г.), 2 — пропильная резьба (Ярославская губ., 900-е годы)

с узором из розеток или отдельных частей круга, которым обычно сопутствовали узоры из параллельно расположенных удлиненных желобков. Если на севере основное внимание уделялось украшению кровли, то в средней полосе прежде всего украшались окна. В районах, прилегающих к Волге (Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Симбирская губернии), во второй половине XIX в. широко распространилась более сложная резьба с высоким рельефом и выпуклым сочным узором рисунка (*корабельная резь*, *глухая*, или *долотная* резьба). В орнаменте рельефной резьбы преобладали растительные узоры, а также изображения животных и фантастических существ. Резные узоры концентрировались на фронтоне избы, ими украшались также ставни окон, торцы выступающих угловых бревен, ворота. В конце XIX — начале XX в. трудоемкая рельефная и плоская резьба были вытеснены более легкой по исполнению пропильной резьбой, распространившейся вместе с новым инструментом — лобзиком, позволяющим легко и быстро выпиливать разнообразные сквозные узоры. Мотивы орнамента пропильной резьбы были очень разнообразны.

На северо-востоке России, в Пермской и Вятской губерниях в жилище было много черт, сходных с севернорусскими и среднерусскими постройками, что объясняется как заселением этих районов выходцами из Новгородской земли и тесными связями северо-востока с Поволжьем и центральными губерниями в XIV—XVII вв., так и сходными условиями развития этих районов. Вместе с тем в северо-восточном жилище прослеживаются и некоторые специфические особенности. Рубленое жилище Вятско-Пермского края стояло преимущественно перпендикулярно к улице и покрывалось тесовой двухскатной, реже четырехскатной крышей (в более развитых по своему плану домах). В северо-западных уездах края строились более высокие и крупные по своим размерам дома на высоком подклете и перерубы пола врубали в седьмой венец; в южных районах края высота подполья понижалась и перерубы пола чаще врубали в четвертый—пятый венцы. Для жилища Вятской и Пермской губерний наиболее характерной была своеобразная покоеобразная застройка двора. Эти дворы были

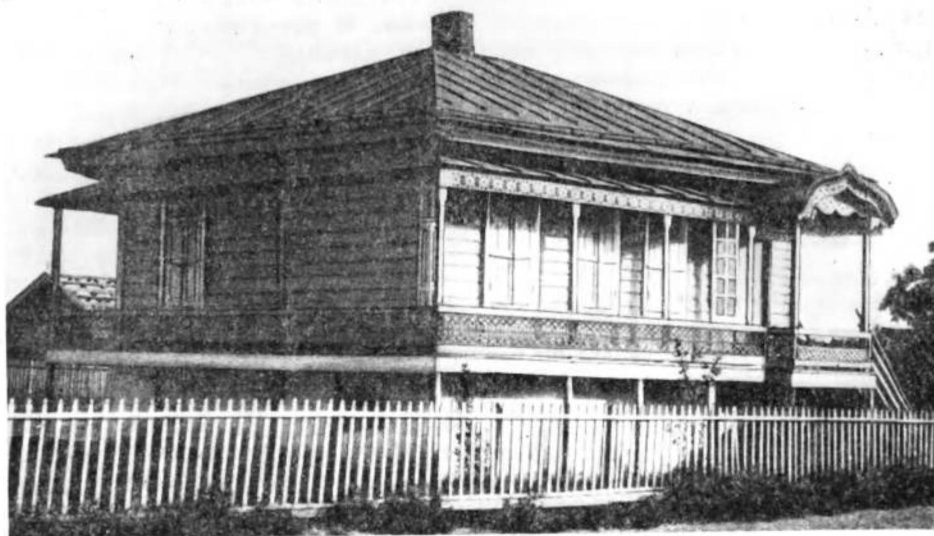
закрытыми, когда свободное пространство двора покрывалось односкатной крышей, полузакрытыми и открытыми. В некоторых районах Пермской губ. устраивали покоеобразный двор, называемый «на три коня», в котором дом, открытое пространство двора и следующий ряд дворовых построек перекрывали тремя двухскатными параллельными крышами. Внешние фасады северо-восточного жилища украшались сравнительно слабо.

В западных губерниях России — в Смоленской, Витебской, в южных уездах Псковской, в юго-западных уездах Новгородской губ.— срубные избы ставились на низкий (Смоленская, Витебская губ.) или средний (Псковская губ.) подклет и покрывались двухскатными соломенными, реже тесовыми кровлями. Отличительной особенностью внешнего вида западнорусской избы было наличие только одного окна на переднем фасаде дома, расположенного перпендикулярно к улице, и небогатое художественное оформление переднего фасада избы. Чаще встречались резные украшения в северо-западных районах (Псковская, северные уезды Новгородской губ.), где избы были выше и больше по своим размерам. В западных районах (Псковская и Витебская губернии) был распространен своеобразный тип трехрядной застройки усадьбы, который одновременно можно отнести к крытому и к открытому типу двора. В трехрядной застройке к глухой боковой стене дома вплотную примыкал крытый двор (подобно типу двухрядной связи), по другую же боковую сторону дома, на некотором расстоянии от него (6—8 м), строился ряд хозяйственных построек, параллельных дому. Открытое пространство между домом и надворными постройками огораживалось бревенчатым забором. В жилище западных губерний прослеживаются черты, сходные с жилищем белорусов и народов восточных районов Прибалтики (план избы, наличие подвесного котла у печи, строительство сруба из брусьев, терминология и пр.), что было следствием древних исторических и этнокультурных связей населения этих районов с западными соседями. В течение почти четырех столетий (XIV—XVII вв.) Смоленские земли находились под властью Литвы, а затем Речи Посполитой.

Своеобразный тип русского жилища сложился в южных черноземных губерниях — Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, в южных уездах Рязанской и Пензенской губерний. Здесь строились небольшие рубленые, нередко обмазанные снаружи глиной, а позднее саманные, турлучные и кирпичные низкие избы без подклета с деревянным, а чаще глинобитным или земляным полом. Дома ставились длинной стороной вдоль улицы и покрывались четырехскатной соломенной крышей стропильной конструкции. Низкие южнорусские избы были менее живописны и беднее архитектурной отделкой. На переднем фасаде избы прорубалось одно или два окна. Для предохранения от летнего зноя и сильных степных ветров у окон почти всегда устраивались ставни. Кирпичные дома нередко украшались сложными яркими узорами из окрашенных в разные цвета кирпичей, а также рельефными узорами, выложенными из точеного кирпича.

В южных губерниях России был распространен открытый тип двора. Дворовые постройки были расположены за домом и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. В Рязанской, Пензенской, Тульской, значительной части Орловской, Курской, Воронежской, а также в Смоленской губ. был распространен замкнутый «круглый» двор, который отличался от покоеобразного главным образом продольным положением дома к улице. В южной части степной зоны — в южных уездах Курской, Воронежской, частично Саратовской губ., а также в области Войска Донского, в Кубанской и Терской обл., в Ставропольской губ., у русских Средней Азии— был распространен открытый незамкнутый двор. Открытое пространство в этом дворе занимало значительную площадь, на которой без определенного порядка, не всегда примыкая друг к другу, отдельно от дома, располагались различные хозяйственные постройки. Все пространство двора обычно

20 Заказ № 888



«Круглый» дом низового донского казачества, конец XIX в.

огораживалось изгородью. Характерные черты жилища — низкие поземные избы, свободная застройка жилых и хозяйственных построек, обилие соломы в качестве строительного материала и значительно меньшее значение дерева — возникли в условиях лесостепной и степной полосы с сухими почвами и сравнительно теплым климатом.

Резкий контраст низкому южнорусскому жилищу представляли жилые постройки зажиточного низового донского казачества. Уже в середине XIX в. здесь были распространены двухэтажные многокомнатные на высоком подклете дома. В конце XIX—начале XX в. там строили дома двух типов — «круглый дом» (в плане близкий к квадрату), многокомнатный под четырехскатной крышей, и «флигель» — дом прямоугольной формы под двухскатной крышей. Дома рубились из четырехгранных брусьев, обшивались снаружи тесом и покрывались железными или тесовыми крышами. Для казачьих домов было характерно большое число окон крупных размеров с филенчатыми ставнями и разнообразие архитектурных деталей. Открытые галереи, крыльца, балконы и террасы, украшенные ажурной пропильной резьбой, придавали постройкам специфически южный колорит. В тех же станицах большая часть иногороднего населения и беднейшие слои казачества жили в небольших продолговатых глинобитных и турлучных домах под четырехскатными соломенными или камышевыми крышами.

У кубанского и терского казачества и у крестьян Ставрополья в середине XIX в. преобладали постройки, напоминающие низкие украинские хаты — глинобитные и турлучные, побеленные снаружи, продолговатые в плане, без подклета, с глинобитным полом, под четырехскатной соломенной или камышевой крышей. Подобный тип жилища, занесенный на Кубань в конце XVIII—начале XIX в. выходцами с Украины, оказал влияние на все народное строительство Кубани, Терека и Ставрополья. В конце XIX—начале XX в. в восточных и в меньшей степени в западных районах Кубани состоятельные казачьи хозяйства стали также строить «круглые», многокомнатные дома, которые были немного ниже и меньше домов низового казачества. Распространение более совершенного типа жилища происходило как под воздействием развивавшегося капитализма, так и под непосредственным влиянием донских традиций, поскольку восточные районы

Кубани были заселены в значительной степени донским казачеством. Жилище терского казачества развивалось под определенным влиянием соседних горских народов, например, в казачьих усадьбах возводились «горские сакли» —мазанки; в жилых помещениях бытовали ковры, войлоки и другие предметы горской домашней утвари.

Внутренняя планировка жилища

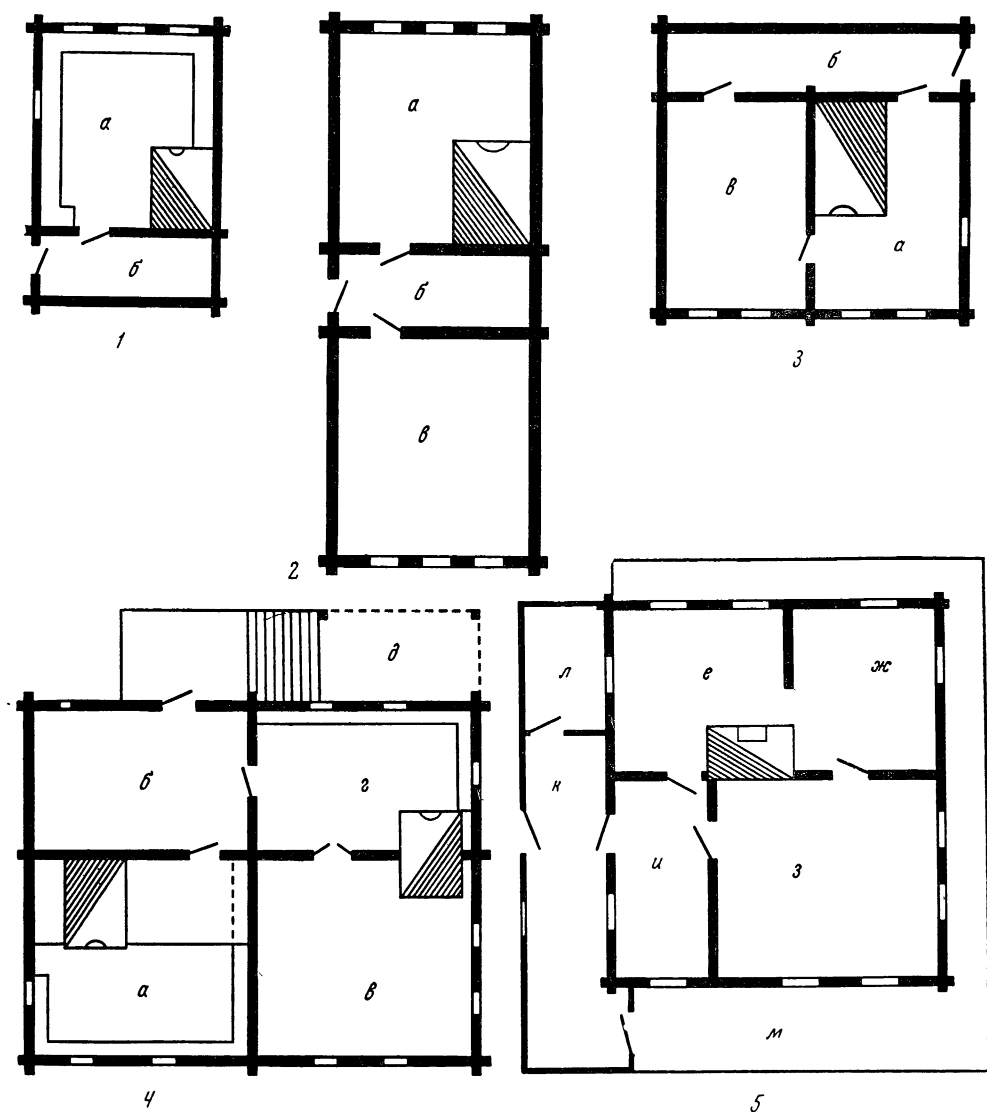
В XIX—начале XX в. наиболее характерным для русских был дом, состоящий из двух или трех основных частей — избы (*хаты*), сеней и клети (*горенки, сельника*) или второй жилой избы, связанных друг с другом в единое целое под общей крышей. Основной частью жилого дома была изба (в южнорусских районах, на Кубани, так же как и и на Украине, ее называют хатой) — отапливаемое жилое помещение прямоугольной или квадратной формы. Клеть — неотапливаемое помещение — служила летним жильем или складочным помещением. Клеть соединялась с избой посредством сеней. Сени в русском, как и вообще в восточнославянском, жилище были хозяйственным помещением. Они никогда не отапливались и только в жаркое время года в сенях иногда спали. Трехкамерное жилище (изба + сени + клеть) в большинстве русских районов было характерно для широкой массы середняцких хозяйств. Беднейшие слои строили обычно двухкамерное жилище (изба + сени). Вместе с тем в XIX в. встречались целые районы преобладания двухкамерного жилища (многие районы Смоленской, Витебской, Самарской, Тамбовской губ.). Крайне редко встречалось в XIX в. однокамерное жилище, состоявшее из одной избы. Тип двухкамерного и трехкамерного дома характерен для всего восточнославянского жилища. Он же широко распространен у западных славян и у финно-угорского населения Поволжья, карел, в значительной части Прибалтики.

В пределах двухкамерного и трехкамерного типа возникали многообразные варианты и переходные формы. В северных губерниях, богатых лесоматериалами и топливом, в больших домах нередко было несколько жилых отапливаемых помещений. Там уже в XVIII—XIX вв. было распространено более развитое жилище *пятистенок*, в котором сруб разделялся пятой рубленой стеной на два помещения. Часто строили *избы двойни* — два сруба, пристроенные вплотную друг к другу; встречались также *крестовики* — срубы, разделенные крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения. Жилища типа пятистенков, крестовиков и двойных изб были характерны и для русских Сибири.

Во второй половине XIX в. развитые формы жилища распространялись и в других районах России. Под влиянием развивающихся в деревне капиталистических отношений и городского влияния намечается тенденция к расширению жилой площади путем пристройки прирубов и дополнительных срубов. В конце XIX, и особенно в начале XX в., распространяются пятистенки, избы с прирубами, когда к одной из боковых стен избы прирубались еще три стены, и тем самым образовывалась вторая комната. Кулацкие семьи строили крестовики и большие многокомнатные дома городского типа.

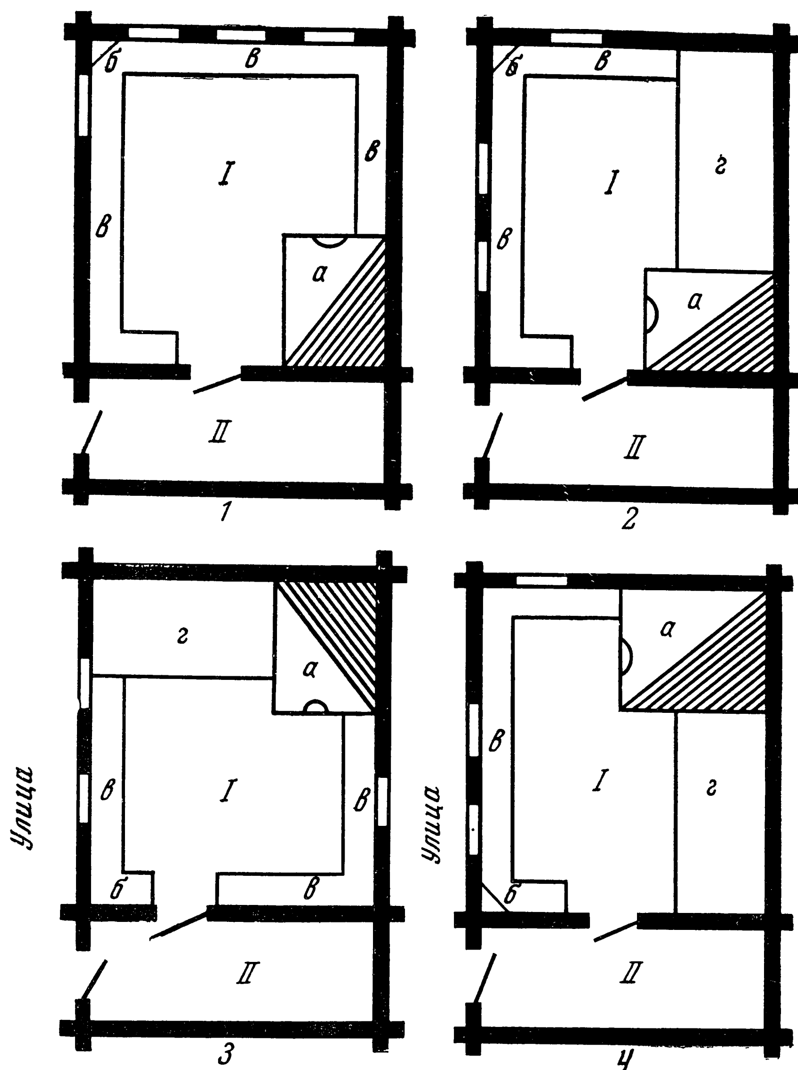
В целом процесс изменения внутренней планировки жилищ протекал по-разному в отдельных районах России. В экономически осталых районах, удаленных от городских и промышленных центров, например, в западных и во многих районах южнорусских черноземных губерний, строилось двух- и трехкамерное жилище, в промышленных районах с сильным развитием капиталистических отношений широко распространялись новые формы планировки.

Внутренний план избы (хаты) в отдельных районах России был неодинаков и являлся важным этническим признаком отдельных этнографических групп русского народа. Русская печь занимала примерно одну четверть — одну пятую часть избы. В печи варили пищу, пекли хлебы, готовили корм скоту, мылись, печью обогревали помещение, на печи спали,



Схемы внутреннего плана жилища, характерные для конца XIX — начала XX в.: 1 — двухкамерный дом; 2 — трехкамерный дом; 3 — пятистенок; 4— крестовик (а — изба, б — сени, в — горница, г — прихожая, д — крыльцо); 5—многокомнатный дом (е — кухня, ж — спальня, з — зал, и — прихожая, к — коридор, л — чулан, м — галерея)

сушили одежду, продукты, в подпечке (а иногда в *казенке* — деревянной пристройке сбоку печи) содержали кур или молодой скот. В первой половине XIX в. большинство русских печей было глинобитными, в конце XIX в. во многих селениях постепенно стали класть печи из обожженного кирпича. В старых крестьянских избах вплоть до конца XIX в. русские печи топились «по-черному» (*курные избы*), т. е. не имели вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь или специальное отверстие в стене. От положения печи в избе зависело расположение других элементов жилища. По диагонали от печи всегда был расположен *передний* (*красный*, *святой*) угол. В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в русском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы: северно-среднерусский, западнорусский, восточный южнорусский и западный южнорусский.

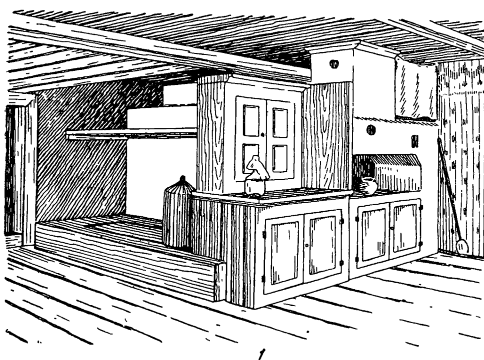


Схемы типов внутренней планировки избы (хаты):

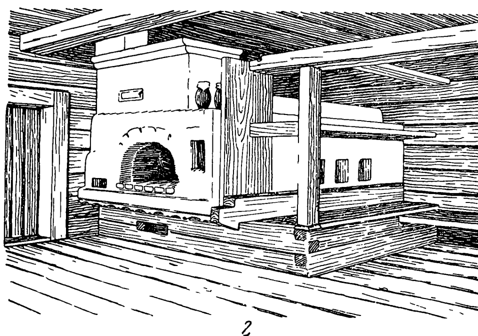
1 — северно-среднерусский план, *2* — западнорусский план, *3*— восточный южнорусский план, *4* — западный южнорусский план: *I*—изба (*а* — русская печь, *б* — передний угол, *в* — лавки, *г* — кровать, пол); *II* — сени

Северно-среднерусский план избы характерен для северных и среднерусских нечерноземных губерний Европейской части России, Сибири, встречался в отдельных районах поздней колонизации, например, в Медведицком, Усть-Хоперском округах области Войска Донского, в Пятигорском округе Терской обл. Во всех этих районах дом всегда ставился к улице торцовым фасадом. Русская печь расположена направо или налево от входа в одном из задних углов избы, устьем повернута к передней стене избы.

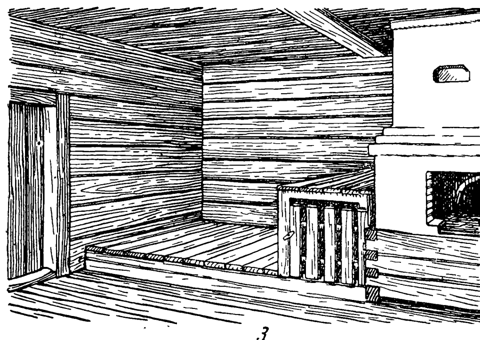
Каждый угол, каждое место в избах имели свое назначение. Передний, красный угол, где висели иконы и стоял обеденный стол, считался самым почетным в избе. Положение обеденного стола в переднем углу было постоянным и характерно для всех восточных славян. В переднем углу отмечались все важнейшие события в жизни семьи. Вдоль стен избы шли плотно прикрепленные к ним лавки. Параллельно лавкам выше окон делались полки —



1



2



3

Интерьер изб конца XIX — начала XX в.:

1—изба северно-среднерусского плана, 2— изба западнорусского плана, 3 — изба западного южнорусского плана

полавошники, на которые складывались мелкие вещи. Пространство избы от устья печи до передней стены (*упечь, середа, чулан, куть*) служило женской половиной; здесь приготовляли пищу и были сосредоточены все принадлежности для стряпни. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом или легкой досчатой перегородкой. На севере русская печь нередко отодвигалась от задней стены, а иногда и от боковой. Пространство между стеной и печью закрывалось дверцей (*шолныш, шомнуша*) и использовалось для хранения домашней утвари. В задней части избы от печи до боковой стены укрепляли под потолком деревянный настил — *полати*, а сбоку печи во всю ее длину пристраивали из досок ящик, в виде шкафа с дверцами (*голбец, казенка, каржина*), откуда лестница вела в подполье. От входной двери до боковой стены была устроена широкая лавка, забранная с боков досками. Широкая боковая доска ее нередко вырезалась сверху в форме конской головы, отчего и вся лавка называлась *коник* (*кутник*). На конике обычно спал хозяин дома, и мужчины занимались домашними хозяйственными работами. Поэтому эта лавка считалась мужской. Резьба в виде конской головы, завитков или розеток часто украшала и другие детали интерьера избы. Во многих северных селениях, а также на Алтае, в Сибири двери, печь, голбец, полати, а иногда и стены расписывались красками.

Вся задняя часть избы под полатями (*куть, подпорожье*) считалась прихожей. Зимой, в большие морозы в ней держали домашний скот (телят, овец, поросят); войти за полати незнакомому без приглашения считалось неудобным. Между обеденным столом и полатями обычно ставили ткацкий стан, а на «долгой» лавке, идущей по боковой стене, женщины пряли, ткали, шили и занимались рукоделием. В большинстве изб в XIX в. не было специальных кроватей, и многочисленные члены семьи спали на полатях, лавках, печи, голбце или просто на полу.

В западных русских губерниях (Смоленской, Витебской, Псковской, в юго-западных районах Новгородской и Петербургской) был распространен

иной план избы. Положение печи было таким же, как в вышеописанном жилище, но устье ее, как на Украине и в Белоруссии, было направлено к длинной боковой стене, т. е. находилось около входной двери. Направление устья меняло назначение и других мест в избе. Если передний угол (*перед*, *большой кут*, *кутный*, *божий* угол) в избах западных губерний находился, так же как и в жилищах северных и среднерусских губерний, в передней части избы, то угол, где происходило приготовление пищи (*посудный*), перемещался к двери, а полати устраивались за боковой стеной печи и шли до передней стены. Под полатями делали деревянный настил для спанья (*пол*, *нары*, *кровать*). Значительную часть передней стены занимало место для спанья; поэтому в ней прорубалось только одно окно. Эта планировка избы, которая называется западнорусской, охватывала в прошлом широкую территорию. Подобная планировка бытовала на Украине, в Белоруссии, во многих районах Прибалтики и Польши, что было следствием постоянных культурных взаимосвязей населения этих районов. Западнорусская планировка была распространена также в XIX в. на Кубани, среди большей части терских казаков, в старинных домах XVIII в., у донского казачества, в русских селениях Средней Азии. В эти районы описываемый план занесен в конце XVIII—XIX в. переселенцами с Украины.

Иное положение печи и переднего угла было в южной черноземной полосе России, где жилая постройка ставилась к улице длинной стороной. Вход прорубали в боковой торцовой стене. Русская печь располагалась в дальнем от входа углу, наискось от входной двери. По диагонали от печи, т. е. между дверью и передней длинной стеной, выходящей на улицу, был расположен передний угол, где висели иконы и стоял обеденный стол. В зависимости от того, куда было повернуто устье печи, выделяется восточный и западный южнорусский план хаты (избы). При восточном южнорусском плане устье печи повернуто к входной двери (Воронежская, Тамбовская, прилегающие к ним районы Пензенской губ., восточные районы Рязанской и Тульской губерний). В жилище с западным южнорусским планом устье печи направлено к длинной стене хаты, выходящей на улицу (Калужская, Орловская, Курская, западные районы Тульской и Рязанской губерний). От боковой стены печи до противоположной боковой стены хаты в западном южнорусском плане и до длинной передней стены в восточном южнорусском плане устраивали дощатый настил для спанья, над которым в восточных районах были расположены полати.

Благоустройство крестьянского жилища было на крайне низком уровне. В большинстве крестьянских изб было тесно и грязно, ощущался недостаток света и воздуха, избы освещались лучиной или *каганцем*, *жирником* (глиняная плошка с животным жиром и вставленным в него фитилем). Антигигиенические условия жизни способствовали распространению различных заболеваний.

В конце XIX—начале XX в. единое жилое помещение в экономически развитых районах стали разгораживать занавесами и перегородками, отодвигать печь от стен и изменять ее традиционное положение. Повсеместно распространялось керосиновое освещение. С постепенным проникновением в деревню элементов городской культуры в обиходе более состоятельных крестьянских семей стала появляться передвижная мебель; стены избы украшались различными предметами, распространенными в среде городского мещанства.

Таким образом, в традиционном русском жилище при всем разнообразии его типов можно установить наличие общих черт, многие из которых были свойственны жилищу всех восточных славян. Восточнославянское зодчество находилось также в постоянном взаимодействии со строительством соседних тюркских, финских, литовско-латышских народностей Восточной Европы и оказало огромное влияние на народную архитектуру многих народов России.

За годы существования Советского государства в сельском жилище русских, как и в жилище других народов страны, произошли огромные изменения. Значительная часть ныне существующих жилых домов была построена в русских селениях в середине и второй половине 20-х годов. В эти годы построили себе дома почти все крестьяне-бедняки и иногородние в казачьих станицах, улучшили жилищные условия многие середняцкие семьи. Усиленное жилищное строительство в эти годы было также связано с многочисленными разделами крестьянских семей. Сельские дома 20-х годов мало отличались от дореволюционных построек, но во внутреннюю планировку, в убранство жилых домов многие крестьянские семьи уже стремились внести изменения и усовершенствования; заметно повысились культурные потребности и запросы сельского населения, усилилась тенденция к разгораживанию жилого помещения на комнаты. Для центральных нечерноземных районов характерным стало строительство пятистенных домов и домов с прирубами.

Современное сельское жилище

Существенные изменения в жилых постройках произошли только после коллективизации сельского хозяйства, когда в деревне были созданы условия для подъема материального и культурного уровня жизни всего сельского населения нашей страны.

Изменения в жилищном строительстве особенно ярко сказались после исторических решений сентябрьского Пленума ЦК (1953 г.) и целого комплекса мероприятий партии и правительства, направленных на дальнейшее развитие сельского хозяйства. В наши дни перестраиваются почти все русские села, деревни, станицы, хутора, поселки городского типа. Возведение новых домов вызывается не только необходимостью устранить недостаток в жилой площади, но и ростом бытовых потребностей населения. Колхозники перестраивают не только обветшавшие дома, но даже и те, которые еще вполне пригодны для жилья, но не отвечают современным требованиям населения. Преобладающим типом жилого дома в сельской местности остается одноквартирный дом с дворовыми постройками и приусадебным участком, предназначенный для одной семьи.

В новом сельском жилищном строительстве стираются многие особенности, обусловленные в прошлом социальными условиями жизни различных групп сельского населения и отсталыми формами ведения мелкотоварного сельского хозяйства. Сильнее всего проявляются и дольше сохраняются общие особенности, свойственные северному и южному типу жилища, что объясняется природными условиями отдельных областей страны. Однако и они в связи с постепенным совершенствованием сельской строительной техники и повышением культурных запросов населения уже лишены таких резких различий, какие были свойственны им в прошлом. Специфические особенности современного жилища в южных и северных районах страны проявляются главным образом в строительном материале, в технических приемах возведения стен, а также частично в способах покрытия крыши и в формах дворовой застройки. Постепенно стираются резкие областные различия в формах крыши и материале покрытия, в высотности дома, во внутренней планировке, а также в постановке дома по отношению к улице. Новые дома почти повсюду ставят узким торцовым фасадом по направлению к улице. По правилам новой застройки селений для большей компактности населенных пунктов принято ставить новые дома узкой стороной по направлению к улице, на определенном расстоянии от красной линии улицы и от соседних домов. Строящиеся жилые дома обычно состоят из нескольких жилых комнат, имеют прочный фундамент, деревянный пол, приподнятый над землей. Двухскатные, трехскатные или четырехскатные крыши домов, большие окна, веранды, крыльца, крытые или открытые коридоры вместо сеней, яркая раскраска оштукатуренных или обшитых тесом наружных фасадов создают новый архитектурный облик сельских поселений.

В прошлом постройка индивидуального дома была личным делом отдельных крестьянских хозяйств. Во многих районах при строительстве дома помогали также родственники и соседи в порядке помочи. В условиях социалистической действительности при строительстве новых домов большую помощь сельским застройщикам оказывают колхозы и государство. Большинство колхозов и совхозов снабжают колхозников и рабочих строительными материалами, предоставляют денежные ссуды, обеспечивают транспортом, выделяют на индивидуальное строительство членов строительных бригад. Нередко колхозы строят за свой счет дома инвалидам Отечественной войны, престарелым колхозникам, многодетным семьям. Государство оказывает большую помощь пострадавшим от пожара[1].

При постройке нового дома до сих пор соблюдаются некоторые старинные обычаи. В частности, во многих русских селениях для заготовки строительных материалов, для возведения и отделки стен собирают помочь. Если раньше помочь осуществлялась узким кругом родственников и близких соседей, то теперь на строительство дома собирается до 30—50 человек соседей, родственников, товарищей по работе. В новых условиях обычай помочи приобретает по-настоящему общественный характер.

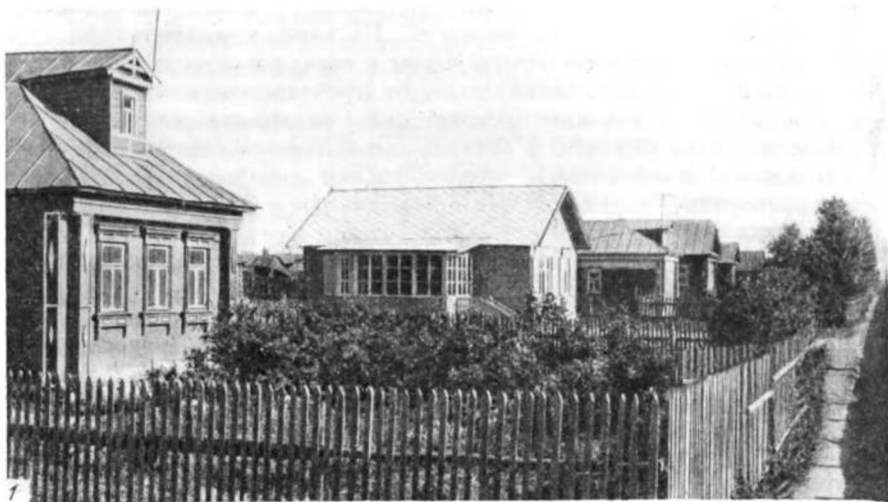
В северной и центральной нечерноземной полосе Европейской части СССР, во многих районах Сибири, богатых лесом, по-прежнему строят рубленые дома. В безлесных районах юга страны, в степях Дона, Кубани, Терека, Нижней Волги, в русских поселениях северного Казахстана и Средней Азии, у русских, так же как и у других народов южных районов, стены домов сооружают из местных строительных материалов.

В сельское жилое строительство, в частности в лесостепных и степных районах, постепенно внедряются более дешевые экономичные и прогрессивные строительные материалы, изготовляемые заводским способом на базе местного строительного сырья: камышит, прессованно-вязаные плиты из лозы и хвороста, различные смеси цемента, песка, извести, гипса, камыша, опилок, соломы, костры (отходов от льнопроизводства) и т. п. Во всех районах страны в сельском жилищном строительстве широко применяются прочные и огнестойкие материалы — кирпич, естественный камень (гипс, песчаник, известняк, ракушечник и туф), в последние годы — шлакобетон.

В современном жилищном строительстве используются лучшие традиционные строительные навыки русского народа. При постройке срубных домов применяются традиционные приемы обработки и возведения срубов, рубки углов, последовательность рубки и сборки сруба, способы крепления потолочных балок и перерубов для пола. Сруб рубят из круглых бревен, в южных лесостепных районах — часто из бревен, распиленных вдоль. В западных районах страны на строительство используются также бревна, обтесанные с четырех сторон (*брусья*, *пластины*), способ заимствованный, по-видимому, русскими плотниками в начале XX в. у народов Восточной Прибалтики. Пластины в прошлом были известны также донскому и кубанскому казачеству. Бревна в срубе соединяются друг с другом на углах посредством глубоких выемок. Издавна наиболее характерно было для русских, так же как и для всех восточных славян, врубание одного бревна в другое *с остатком*, т. е. на небольшом расстоянии от концов бревен (*в обло*, *в угол*, *в чашу*). Широкое применение в настоящее время имеет также рубка угла на концах бревен без остатка (*в лапу*), которая стала распространяться в сельском строительстве с конца XIX — начала XX в. Этот прием строительства позволяет при той же затрате леса увеличивать размер дома и облегчает обшивку его тесом. Реже применяются приемы более сложные и тоже давно известные русским (рубки угла — *в крюк*, *в замок*, также *в охряпку*, *в иглу*, *в погон*). Для плотного прилегания бревен

---

[1] Пожары давно перестали быть бичом русской деревни, благодаря принятым противопожарным мерам и хорошо организованной пожарной охране.


1

3

5

Сельское жилище, построенное в разных

1 — Московская обл., *2* — Рязанская обл., *3*, *4* — Курская обл.,

районах страны в послевоенные годы:

5 — Ростовская обл., *6* — Краснодарский край

друг к другу в верхнем бревне прорубают продольный паз, который для утепления сруба конопатят паклей или просушенным мхом. Желая построить более крупный сруб, применяют различные способы сращивания бревен между собой по длине (*в зуб*, *в закрой*, *в четверть*). Значительно реже используется столбовая техника сооружения стен (*закладная*, *по заборному*. *в паз*), когда стены выкладываются из горизонтально уложенных бревен, плах или досок, концы которых закрепляются в пазах вертикальных столбов. Эта техника частично применяется при строительстве жилища в южных районах, а также дворовых и хозяйственных построек. В южных районах в турлучных домах основу стен составляют вертикальные столбы, поставленные на равном расстоянии друг от друга; пространство между ними забивают кольями или расколотыми пополам тонкими бревнами и заполняют плетнем, досками, плахами, пучками камыша; сооруженные таким образом стены обмазывают с двух сторон толстым слоем глины. Стены саманных домов выкладываются из необожженных кирпичей, изготовленных из смеси глины с рубленой соломой и мякиной.

При строительстве сельских домов применяются усовершенствования, обусловленные общим ростом строительной техники и повышением квалификации и культуры строителей. Меняются способы кладки стен кирпичных и каменных домов. Большим новшеством в сельском жилищном строительстве последних лет явилось устройство фундамента из прочных материалов. Если в прошлом стены срубных, турлучных и саманных домов возводились прямо с земли или под углы домов подкладывались камни и толстые короткие столбы (*стулья*), то в послевоенные годы (а в отдельных местах и значительно раньше) под дома подводят ленточные фундаменты из кирпича и камня на цементном растворе, из бетона и шлакобетона или ставят кирпичные, или каменные столбы, заполняя пространство между ними шлакобетоном, битым камнем или деревянными столбиками (в более северных районах).

По мере улучшения техники сельского строительства и роста культурных потребностей населения намечается тенденция к стиранию прежней разницы в высоте между северным и южным жилищем. Во многих районах Севера в новых домах уже не устраивают прежних высоких подклетов, которые становятся ненужными в условиях коллективного сельского хозяйства. На юге же, наоборот, дома строят значительно более высокими, чем прежде, пол приподнимается над землей на высоту фундамента. В последние годы во многих южных домах под полом стали устраивать цементированный подвал для хранения продуктов питания. Исчезают характерные в прошлом для южных построек глинобитные и земляные полы.

Большие изменения произошли в конструкциях и материале покрытия. Теперь нельзя провести прежней границы между северной двухскатной и южной четырехскатной крышами; кроме того, повсюду появились различные по форме и материалу крыши, распространена стропильная конструкция, устраиваются карнизы, предохраняющие стены дома от действия осадков. Большинство домов покрывается прочными кровельными материалами (железом, шифером, черепицей), хотя распространены и традиционные местные кровельные материалы — дранка в северной и среднерусской полосе, камыш на юге страны, тес в лесных районах Сибири.

Большое внимание сельское население уделяет внешнему виду своих жилищ. Нередко в селениях существует своего рода соревнование; каждый застройщик стремится выбрать для своего дома лучшие конструкции, придать ему наиболее красивый и оригинальный внешний вид. В современной архитектурной отделке сельского дома творчески развиваются лучшие народные художественные традиции прошлого и создаются новые формы. Новые дома делают более светлыми, увеличивается число окон и их размеры. Деревянные дома снаружи часто обшиваются тесом. На Кубани в последние годы стали обшивать тесом также саманные, турлучные и глинобитные

Украшение современного сельского жилища:

1 — украшение пропильной резьбой фронтона и наличников окон (Пензенская обл.), *2* — украшение оштукатуренных фасадов лепными деталями (Рязанская обл.), *3* — украшение кирпичного дома (Краснодарский край)

дома для предохранения их от действия атмосферных осадков. Стены кирпичных, каменных, шлакоблочных, турлучных, глинобитных, саманных, камышитовых, а также нередко и срубных домов теперь принято штукатурить. Широко распространена раскраска фасадов жилища. Традиция раскрашивания жилых построек с успехом развивается в современном жилищном строительстве. Окрашивают стены рубленых домов и обшитых снаружи тесом, оштукатуренных и обмазанных глиной, выделяя другим цветом архитектурные детали — наличники окон, веранды, крыльца, карнизы, фронтоны, а также железные крыши. Излюбленными являются сочетания цветов синего с белым, зеленого с белым, желтого с синим, желтого с зеленым, красного с синим, красного с желтым и др. Для многих районов Среднего Поволжья характерна полихромная раскраска, воспринятая русскими у чувашей и татар. Деревянные детали домов — наличники, фронтоны, крыльца, террасы нередко украшаются резными пропильными узорами. В послевоенные годы пропильной резьбой стали украшать деревянные детали домов и в более южных районах, где в прошлом резьба применялась мало.

Однако в целом в результате изменения архитектурных форм украшению жилища резными узорами уделяется сейчас меньше внимания, чем это наблюдалось ранее. С заменой деревянных деталей в жилищном строительстве новыми, более индустриальными материалами, распространяются новые

приемы архитектурной отделки сельского жилища, более строгие по форме и простые по исполнению, соответствующие современной архитектуре города. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в новых домах, построенных по типовым проектам.

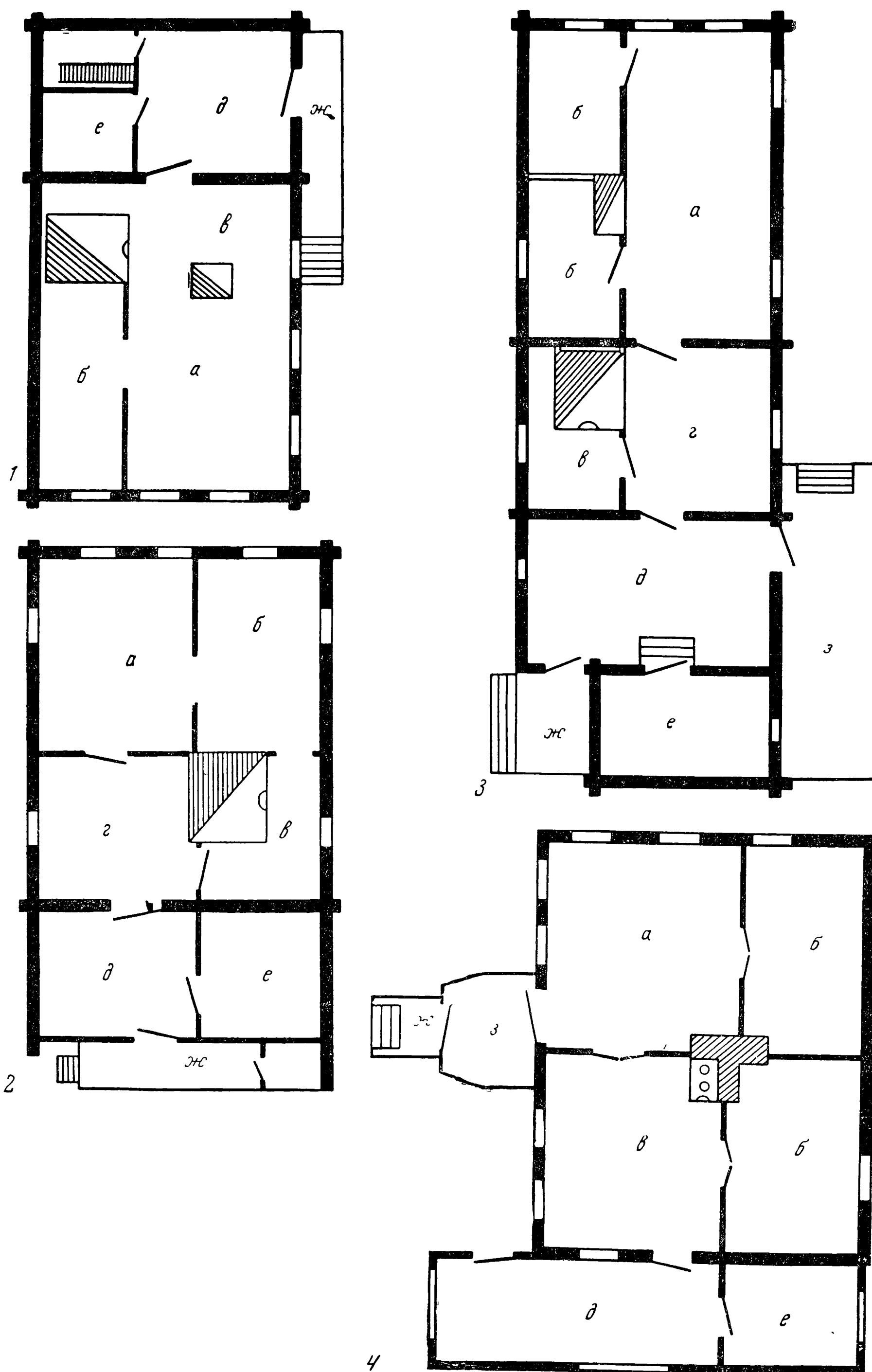
Все большее признание колхозников завоевывает пластическая обработка стен, сравнительно мало применявшаяся раньше. Оштукатуренные фасады домов украшаются около входной двери, в простенках окон, на пилястрах, по карнизу лепными строгими геометрическими гипсовыми деталями. В последнее время в некоторых станицах Кубани стало модным отделывать гладкую штукатурку наружных стен под крупные камни. Фасады многих современных кирпичных домов украшаются рельефными геометрическими узорами в виде колонок, треугольников, ромбов, волют и т. п., выкладываемых из фасонного кирпича.

В современном жилищном строительстве уже сравнительно редко применяются малоудобные сейчас старые планы жилых домов: трехкамерные «связи», избы-двойни, северные двухэтажные дома, волжские «полудомки» с кирпичными подвалами. Постепенное исчезновение этих типов домов объясняется уменьшением численного состава семей, изменением характера индивидуального хозяйства, совершенствованием строительной техники.

Наиболее распространенный вид современного сельского жилого дома — четырехстенное здание прямоугольной или квадратной формы, разгороженное перегородками на несколько комнат, с пристроенными небольшими сенями или коридорами, верандой, а иногда крыльцом. В районах бытования срубного жилища распространены также дома с прирубами, легкость и подвижность конструкций которых позволяет сравнительно легко, в зависимости от потребности семьи, увеличивать жилую площадь четырехстенки посредством прирубленного к ней добавочного трехстенного сруба. С коллективизацией сельского хозяйства стали ненужными многие подсобные помещения, входившие прежде в состав крестьянского дома — клети, горенки, сельники, большие сени. Во многих домах для увеличения полезной площади сени превращают в жилое помещение, иногда вместо них устраивают коридор и крыльцо или веранду.

В советское время произошли радикальные изменения во внутренней планировке жилого помещения сельского дома и в его убранстве. Дома, состоящие из одного жилого помещения с традиционным расположением печи и обстановки, теперь встречаются сравнительно редко. Традиционная обстановка в сельском жилище стала нарушаться уже в первые годы после Октябрьской революции. Этот процесс усилился в годы коллективизации и получил яркое развитие в послевоенном строительстве. Повышение культурного уровня сельского населения и рост его зажиточности порождают новые запросы колхозников и рабочих совхозов, которых не может удовлетворить традиционная планировка жилой площади. Изменились общие размеры жилого дома и главным образом количество жилой площади, приходящейся на одного человека. Характерная для современного русского населения малая семья в большинстве случаев обеспечивается жилой площадью гораздо лучше, чем в старое время. Жилая площадь в современных домах в среднем колеблется от 30 до 60 $м^2$.

До последнего времени наиболее распространенным было деление жилья на кухню и жилую комнату (*переднюю*, *зал*) или кухню, комнату и спальню. В последние годы много строится жилых домов, в которых выделяются четыре комнаты, каждая из которых имеет определенное назначение — «столовая» (*прихожая*), «передняя»(*зал*, *комната*), спальня и кухня. В некоторых наиболее культурных сельских семьях выделяется рабочий кабинет и детская комната. В результате самодеятельного творчества в современном массовом жилищном строительстве возникает самая разнообразная планировка жилого помещения, обусловленная вкусами, материальным



Внутренняя планировка современного сельского жилища:

1—40-е годы XX в. (Московская обл.), *2*—50-е годы XX в. (Калининская обл.), *3*—1945 г. (Московская обл.), *4* — 1957 г. (Краснодарский край): *а* — «зал», «передняя», *б* — спальня, *в* — кухня, *г* —столовая, *д* — сени, коридор, *е* — чулан, «клеть», *ж* — крыльцо, *з* — веранда

достатком, культурными запросами колхозников, рабочих совхозов, сельской интеллигенции.

Постоянные поиски удобных форм привели к созданию рационального плана дома, в котором печь ставится не в углу, а ближе к центру или в центре жилого помещения, благодаря чему теплоотдача печи одновременно используется для обогревания нескольких комнат. План дома с центральным положением печи и делением на ряд комнат, иногда встречавшийся в 900-х годах, стал широко применяться в отдельных районах в 20-х годах XX в., но повсеместное распространение приобрел в последнее время. В центральных нечерноземных областях (Ярославской, Калининской, Костромской, Горьковской, Ульяновской, Куйбышевской, Ивановской) печь чаще повернута устьем к боковой стене дома. Перегородками выделяются кухня, расположенная против устья печи, прихожая (или столовая) при входе в дом, передняя (зал) и спальня в передней половине дома. В более южных областях (Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Ростовской, в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Московской обл.) устье печи направляется к задней стене дома. В данном варианте, так же как и в предыдущем, перегородками выделяется кухня перед устьем печи, прихожая при входе в дом, передняя и спальня в передней половине дома.

Разнообразные положения печи, выделение в доме нескольких жилых помещений характерны для нового жилищного строительства всех сел и деревень страны и не связаны со старыми этническими традициями. Вместе с делением жилого помещения на комнаты исчезли традиционные места старой избы с их определенным назначением. Роль переднего, или красного угла отчасти выполняет отдельная комната — передняя (зал), в которой отмечают праздники, принимают гостей; в ней члены семьи проводят свой досуг, выполняют более «чистые» домашние работы. Изменили свое положение и непременные принадлежности переднего угла — обеденный стол и иконы. Стол редко ставят в определенном углу, а чаще в середине комнаты или у окон. В тех домах, где в силу традиции или по убеждению старших членов семьи сохраняются иконы, их вешают чаще всего только в кухне. Вместо прежней *середы* (*упечи*) теперь выделяется кухня. Обедает семья в будние дни чаще в кухне или в специально отгороженной около кухни столовой (прихожей). Здесь же производят многие домашние работы, а зимой, поскольку эта половина дома часто оказывается наиболее теплой, нередко сосредоточивается вся жизнь семьи. Спят обычно в спальне, в передней комнате.

Изменение культурно-бытовых запросов сельского населения особенно сильно проявляется в благоустройстве и обстановке жилых помещений. В редких домах главным образом там, где живут старики, можно встретить старое традиционное убранство избы, которое в большинстве русских сел стало нарушаться уже в 20—30-х годах. Отдельные элементы старой обстановки встречаются в сельских домах и сейчас (скамейки, лавки, деревянные диваны, сундуки, горки, посудные шкафчики — судницы, небольшие полати для просушки лука и др.), но обычной и более распространенной стала подвижная мебель фабричного производства — стол, часто раздвижной, венские стулья, мягкий диван, буфет, никелированные кровати на пружинной сетке; гардероб повсюду заменил традиционный сундук. Прочно вошло в сельский быт электричество. Во многих домах есть радиоприемники, а в последние годы появились и телевизоры.

Много внимания уделяется внутренней отделке жилого помещения. Полы в комнатах обычно красят масляной краской, стены и потолки часто штукатурят, а затем белят, иногда красят масляной краской или оклеивают обоями; на окна вешают тюлевые занавесы, на двери — гардины, а пол застилают фабричными и домоткаными дорожками. В украшении интерьера сельского жилища подчас еще чувствуется влияние мещанских вкусов, которые пустили здесь корни в начале XX в. В последние годы все сильнее

проявляется тенденция обставить комнаты хорошей мебелью, избежать аляповатости и мещанства в украшениях. Становится модным вешать на стены репродукции с картин известных художников, яркие бумажные абажуры заменять люстрами фабричного производства, украшать интерьер хорошими вышивками и т. д. Комнаты обычно содержатся в чистоте, проветриваются посредством форточек, которых не было прежде. В отдельных семьях можно видеть нововведения, которые в будущем, несомненно, будут распространяться в сельской местности: ванные комнаты, водопровод, теплые уборные и т. д.

Большие изменения в последние годы наблюдаются в отоплении жилища. Русская печь широко сохраняет свое значение в сельской местности до настоящего времени. Сохранение ее обусловлено спецификой сельского быта. Дополнительно к русской печи ставят *голландки*, *грубы*, *щиты*, *времянки*, в которых устраивают плиту для приготовления пищи, чтобы не всегда топить русскую печь, требующую много топлива. В последнее время широко распространилась русская печь, совмещенная с плитой, дымоходы от которой проходят через вертикальную стенку, выходящую в другую комнату. С постепенным сокращением личного подсобного хозяйства и расширением сети различных общественных учреждений (пекарен, столовых), совершенствованием строительной техники не только среди населения совхозов, но и в домах колхозников все более заметна тенденция замены громоздкой русской печи более усовершенствованным отоплением.

Для отопления жилых комнат кое-где стало применяться водяное отопление. Помимо печи для приготовления пищи служат керосинки, керогазы, электроплитки, широко вошедшие в быт. В последние два года в отдельных селениях, расположенных близ городов, стали появляться газовые плиты, работающие на газовых баллонах, которые население покупает в ближайших городах.

С коллективизацией сельского хозяйства отпала необходимость для колхозников и рабочих совхозов держать на дворах рабочий скот, корм для скота, сельскохозяйственный инвентарь, большие запасы продуктов питания, помещения для переработки сельскохозяйственной продукции. В связи с этим стали ненужными конюшни, хлевы и сараи, амбары, сенники, половники, риги, овины и пр. Колхозники и многие семьи рабочих совхозов имеют приусадебный участок, в котором выделяется двор, где расположены дом и хозяйственные постройки, за двором находятся огород и сад. Преобладает, как и прежде, прямоугольная форма усадьбы, или «плана». В современных дворах колхозники обычно устраивают один или два хлева для коровы, овец, свиньи, помещение для птицы и кроликов, сарай для хранения топлива и различных предметов домашнего обихода, баню, погреб, а в южных районах и летнюю кухню.

В северной и средней полосах Европейской части страны все хозяйственные помещения стремятся объединить в крытом дворе, пристраиваемом в большинстве случаев, как и раньше, вплотную к жилому дому; для южных районов, по-прежнему, характерен открытый двор. В связи с сокращением числа хозяйственных построек значительно уменьшается площадь двора, изменяются формы дворовой застройки, а следовательно, нарушается старое географическое распространение типов дворовой застройки. Старые формы дворов сохраняются лишь в домах, построенных до Октябрьской революции или в 20-х годах. При строительстве новых домов в северных районах страны вместо двухэтажных дворов с поветями и множеством подсобных помещений сзади дома пристраиваются небольшие одноэтажные крытые дворы. В более южных районах постепенно исчезают двухрядные, глаголеобразные, покоеобразные, замкнутые дворы, вместо которых небольшие крытые дворы пристраивают сзади жилого дома по типу однорядной застройки. Небольшие по размеру современные дворы часто покрывают односкатной крышей, которая является продолжением заднего

ската крыши дома (двор *с отполком*, двор *с отливом*). В последние годы в северных районах Рязанской обл. и в ряде селений Московской обл. в санитарных и противопожарных целях получила распространение постановка крытых хозяйственных помещений отдельно от жилого дома.

В русских колхозных селениях, и особенно часто в совхозных поселках, стали появляться новые типы жилых зданий — типовые одноквартирные, отчасти и многоквартирные дома, сооружаемые из стандартных заводских деталей. В последние годы в сельской местности осуществляется продажа стандартных одноквартирных домов заводского изготовления трех конструкций — щитовых, каркасных и брусковых, а также комплектов деревянных деталей для домов со стенами из местных строительных материалов. Такие дома обычно состоят из двух или трех комнат, кухни и веранды; в них предусматривается центральное или печное отопление, а иногда и необходимое санитарно-техническое оборудование (ванна, теплая уборная). Стандартные типовые дома пользуются большим спросом у сельского населения. Колхозники в соответствии со своими вкусами и привычками часто сами изменяют многие предлагаемые проектные решения строительства дома.

Новым типом сельского жилого дома, получившим распространение в последние годы в застройке поселков и совхозов, является двухквартирный дом. Двухквартирные дома более экономичны и намного сокращают протяженность сельских улиц. Поэтому их стали строить и в колхозных селениях. В связи с поставленной партией и правительством задачей превратить колхозные и совхозные селения в благоустроенные населенные пункты городского типа в сельской местности начал возникать другой новый тип жилища — многоквартирные дома. Их строительство обусловлено необходимостью сокращения территории населенных пунктов и снижения затрат на благоустройство селений и жилых домов, возможностью наиболее эффективного применения индустриальных методов строительства, а также процессом дальнейшего сокращения личного подсобного хозяйства рабочих совхозов и колхозников. Многоквартирные дома, возводимые в сельской местности в последние годы,— это благоустроенные большие дома городского типа, строящиеся из доброкачественных материалов по типовым проектам и с применением новейших индустриальных методов строительства. Они строятся в два, три, четыре, а иногда и пять этажей; в них устраиваются изолированные, благоустроенные квартиры, в каждой из которых — от двух до четырех комнат, кухня, кладовая, санузел. Ко многим новым домам подведены канализация, водопровод, газ. Многоквартирное строительство началось во многих совхозах Московской и Ленинградской областей еще в 1951—1956 гг., но особо большое распространение оно получило с 1959 г. В настоящее время многоквартирные дома строят многие совхозы Московской, Ленинградской, Волгоградской, Тульской и других областей страны, а также целинные совхозы Алтая и Казахстана.

В ряде колхозов строят четырех-восьмиквартирные дома для приезжающих в колхозы специалистов и интеллигенции. На современном этапе для колхозников наиболее удобными признаются разработанные архитектурными организациями проекты двухэтажных блокированных домов с расположением каждой квартиры в двух уровнях и отдельными входами. В таком доме хорошо сочетаются качество усадебного дома (непосредственная связь с приквартирным земельным участком) и высокая плотность застройки. Многие колхозы уже приступили к строительству многоквартирных типовых домов, в их числе колхозы Псковской, Курской, Смоленской, Кировской, Горьковской, Астраханской областей, Краснодарского края.

Таким образом, в настоящее время в русских селениях распространены разнообразные типы жилых домов, среди которых, однако, преобладающим пока остается тип индивидуального одноквартирного дома. Наличие при современном доме дворовых построек и приусадебного

Многоквартирные дома:

1 — многоквартирный дом рабочих совхоза «Ручьи» (Ленинградская обл.), 2 — дома с квартирами в двух уровнях в колхозе «Рассвет» (Смоленская обл.)

участка сближает его с традиционным русским жильем. Национальные черты русского сельского жилища прослеживаются также в применении местных строительных материалов, в сохранении многих традиционных приемов срубной строительной техники, способов возведения стен турлучных, саманных, глинобитных домов, в преемственности некоторых видов архитектурных украшений и отдельных форм дворовой застройки, в сохранении русской печи и др. Вместе с тем для современного сельского жилища характерно развитие новых особенностей, многие из которых наглядно свидетельствуют о постепенном приближении культурно-бытового уклада населения русских сел и деревень к культуре и быту городского населения. Сближение сельского жилища с городским идет по пути индустриализации сельского строительства, усвоения городских навыков строительства, усовершенствования конструкций домов, использования новых строительных материалов, развития многокомнатности, городского убранства, благоустройства жилых комнат и т. д. В будущем вместе с дальнейшим развитием общественного сельскохозяйственного производства, с повышением материального уровня сельского населения будут развиваться наиболее прогрессивные формы современного сельского жилищного строительства. Многие отмеченные новые особенности жилища характерны и для жилища других народов Советского Союза. Возникновение их обусловлено общими закономерностями развития социалистического общества.

ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОРОДА

Типы городов и состав их населения

Во второй половине XIX — начале XX в. в России проходил процесс быстрого роста и развития городов промышленно-капиталистического типа с их ярко выраженной противоположностью центра и окраин, отражавшей социальные противоречия, свойственные капиталистическому обществу. В. И. Ленин писал: «...рост индустриального населения за счет земледельческого есть явление, необходимое во всяком капиталистическом обществе... Самым наглядным выражением рассматриваемого процесса является рост городов» [1]. Многообразный городской быт был гораздо сложнее, чем быт деревни, в которой дольше сохранялись присущие ей патриархальные черты. Среди горожан можно проследить многочисленные социальные прослойки, уклад жизни которых был весьма различен в городах разного типа.

Города — крупные индустриальные и культурные центры, в жизни которых отражались основные черты общественного и культурного развития страны, имели свою специфику в зависимости от того района, к которому принадлежали. Москва, Иваново-Вознесенск, Ярославль и другие крупные города Центрально-промышленного района, где преобладали предприятия легкой промышленности, во многом отличались от Петербурга — столицы и крупного центра машиностроения. Особенности развития горнопромышленного Урала и прилегающих к нему областей наложили свой отпечаток на Пермь, Екатеринбург, Ижевск и другие города. Общим для этих городов было преобладание рабочего населения, что отражалось на внешнем облике города и на его общественном быте. Другой тип городов составляли крупные торговые центры, стоявшие на речных, железнодорожных и гужевых путях и не имевшие значительной промышленности (Нижний Нов-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 558.

Нижний Новгород. Большая Покровская улица (конец XIX в.)

город, Самара, Тамбов и др.). К ним же следует отнести и портовые города (Владивосток и др.) с их своеобразным составом населения, среди которого значительную роль играли крупные и мелкие торговцы и люмпен-пролетариат. Наиболее многочисленными, но не имевшими большого значения в экономической и социальной жизни, были города с некрупной торговлей и промышленностью, рассчитанной на обслуживание сравнительно небольшого района (Серпухов, Козлов, Калуга). Наконец, губернские города (Тверь, Рязань, Курск и др.) с незначительной промышленностью и торговлей имели преимущественно значение административных центров и отчасти — центров культуры и просвещения.

Еще в дореформенное время (до 1861 г.) в сельских местностях в результате развития фабрично-заводской промышленности сложился особый тип поселений — кустарные, фабричные и торгово-промышленные села, значение которых в процессе капиталистического развития подчеркивал В. И. Ленин[1]. Жители их, будучи рабочими, продолжали сохранять связь с сельским хозяйством. С течением времени промышленные и торговые занятия все более отвлекали жителей от хлебопашества. Такие поселения продолжали сохранять в значительной мере свой деревенский облик, но по характеру своей производственной деятельности и экономическому значению большинство из них являлось поселениями городского типа. Особенно они были распространены в центрально-промышленном районе Европейской части России (Московской, Тверской, Владимирской, Нижегородской, Ярославской губ.), а также в Вятской, Костромской губерниях и на Урале. Такие села, как Кимры (Тверской губ.), Орехово-Зуево (под Москвой), Павлово (под Нижним Новгородом) походили, по свидетельству современников, на небольшие города. В. И. Ленин писал, что жизнь в промышленных селах складывалась по-городскому и выработала «...несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных «серых» земледельцев»[2]. Правительство

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 567—569.
[2] Там же, стр. 415.

весьма медленно и неохотно переводило их на положение городов. Иваново-Вознесенск, например, лишь в 1871 г. был объявлен городом, хотя задолго до того он стал крупнейшим центром текстильной промышленности.

По своему темпу рост городского населения в конце XIX — начале XX в. опережал рост населения страны в целом. За 50 лет, с 1863 по 1914 г., городское население Европейской части России увеличилось с 6,1 до 18,6 млн. человек. Прирост населения отдельных городов был весьма неравномерным. Концентрация городского населения проходила в наиболее крупных промышленных и торговых центрах — Петербурге, Москве, Харькове, Нижнем Новгороде, Самаре. В 1897 г. четвертая часть всего городского населения России проживала в семи крупнейших городах, имевших каждый свыше 200 тыс. жителей; на 55 городов среднего размера (50—200 тыс. жителей) приходилось около половины населения, а в 314 мелких городах (менее 5 тыс. человек в каждом) жило всего пять процентов горожан России.

После реформы 1861 г. постепенно, особенно в крупных промышленных центрах, менялось социальное лицо города. Дворянство все более оттеснялось на второй план, а на первый выдвигалась торгово-промышленная буржуазия — фабриканты, банкиры, владельцы крупных торговых предприятий. Среди трудовых слоев все большее место стал занимать пролетариат. По данным переписи 1897 г., мещане составляли 44,3%, крестьяне — 38,8%, дворяне — 6,2% к общей численности населения городов. Таким образом, наиболее многочисленными городскими сословиями были мещане и «крестьяне». Остальное население составляли духовенство, купечество и пр. Данные правительственной статистики, в которых население группировалось по сословному принципу, недостаточны для определения подлинного социального облика городов. Среди мещан были торговцы, домовладельцы, ремесленники и рабочие. Крестьяне, которые жили в городе, также принадлежали к различным социальным группировкам. Прежде всего крестьяне были основным источником формирования кадров фабрично-заводских рабочих. Часто крестьянство, притекавшее в города, обосновывалось в пригородах и других ближних к городам селениях, по бо́льшей части не входивших официально в городскую черту.

Качественные изменения после реформы происходили и в социально-профессиональном составе городского населения. Основываясь на методике, примененной В. И. Лениным при обработке данных переписи 1897 г., можно заключить, что в промышленности было занято 30,9%, а в торговле — 17,0% от общей численности городского населения; поденщики, прислуга и другие лица, находившиеся в частном услужении, составляли 14,5%. Довольно высоким был удельный вес городских жителей, занятых в сельском хозяйстве — 9,4% [1]. Эта группа горожан была сосредоточена преимущественно в маленьких, не имевших развитой промышленности, городах.

По переписи 1897 г., среди горожан Европейской части России на 1000 мужчин приходилось 906 женщин, в то время как среди сельского населения — 1064, что объяснялось притоком значительной части мужского населения в города. По этой же причине в городах преобладали лица рабочего возраста, а процент детей и стариков был ниже, чем среди сельского населения. В дальнейшем, в ходе пролетаризации крестьяне все чаще оставались в городах с семьями, что приводило к постепенному уравниванию соотношения числа мужчин и женщин и соотношения различных возрастных групп.

Быстрое развитие капитализма во второй половине XIX в. вело к разрушению феодальных сословий и к замене их классами буржуазного общества. Незначительное меньшинство крестьянства, вливавшегося в среду городского населения, становилось мелкими и средними буржуа, а подавляю-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 501.

щее большинство пополняло ряды рабочего класса и постепенно теряло связь с деревней.

В пореформенное время быстро разлагалось и сословие мещан: частично мещане переходили в класс буржуазии (домовладельцы, фабриканты и заводчики), а основная их масса разорялась и пополняла ряды рабочего класса или промежуточные прослойки. Дворянство, сохраняя свои сословные привилегии, поставляло основные кадры для военно-бюрократического аппарата царской России, кроме того, оно вливалось в класс буржуазии, а некоторые его представители даже деклассировались и оказывались на дне капиталистического общества. В целом же основная часть дворян служила в государственных учреждениях или занималась интеллигентным трудом. Купечество начало завоевывать свои позиции еще в недрах феодального строя. В пореформенное время купцы составили ядро крупной буржуазии, являясь главным образом хозяевами фабрик, заводов и торговых заведений, а также крупными домовладельцами. Духовенство (а в Москве, например, оно было довольно многочисленно) также испытывало влияние капиталистического развития.

Зажиточная горожанка (фото XIX в.)

Таким образом, из элементов прежних классов-сословий феодального общества в городах складывались классы капиталистического общества — буржуазия и рабочий класс, прослойка интеллигенции, а также деклассированные элементы люмпен-пролетариата.

В процессе капиталистического развития городов происходила перестройка городского управления. В 1870 г. царское правительство вынуждено было провести буржуазную городскую реформу. По Городовому положению 1870 г. в городах выбирались бессословные органы местного управления городским хозяйством. Распорядительными органами являлись городские думы, которые избирали городские управы как исполнительные органы. Члены городских дум назывались «гласными». Срок полномочий «гласных» устанавливался в четыре года; число их колебалось от 30 до 72 в зависимости от числа жителей города. Исключение составляли Петербург (250 гласных) и Москва (180 гласных). Городские управы состояли из городского головы, который одновременно являлся председателем думы, и не менее, чем из двух членов. В основу избирательной системы был положен принцип имущественного ценза. Правом голоса пользовались только владельцы недвижимого имущества, платившие городские налоги, что обеспечивало господство в городском управлении домовладельцев и крупной буржуазии. Трудовое население городов было совершенно лишено избирательных прав. В Москве, например, 97% населения не имели избирательных прав.

Купец (фото 70-х годов)

Круг деятельности дум и городских управ был ограничен хозяйственными вопросами жизни города (благоустройство, рынки, городская торговля, «попечение» о промышленности, здравоохранение, народное образование, пожарная охрана и проч.). Городская реформа давала городам некоторое самоуправление и наряду с другими реформами 60—70-х годов содействовала капиталистическому развитию России. Никакой принудительной властью думы и управы не обладали. По существу они были подсобными органами правительства по вопросам городского хозяйства. Они подчинялись губернаторам и министру внутренних дел, которые осуществляли надзор за «законностью» их постановлений. Однако и в таком виде органы городского управления представлялись царизму опасными. В период контрреформ было принято новое Городовое положение (1892 г.), которое еще более урезало права городских учреждений. Избирательный ценз был повышен, и поэтому лишь около 1% жителей городов получили избирательное право.

Бюджеты городов носили ярко выраженный классовый характер. Через городские думы буржуазия проводила свою антинародную классовую политику.

Основные средства расходовались на благоустройство кварталов, населенных буржуазией и зажиточными элементами. В то же время рабочие кварталы и окраины тонули в грязи, были лишены света, воды, канализации, мостовых и самых элементарных удобств. В Москве, например, был введен так называемый «больничный сбор» — специальный налог на чернорабочих для обеспечения им права на лечение в городских больницах, но ни с каких других категорий населения он не взимался. Обязательные расходы на содержание полиции, тюрем, казарм и пожарной охраны в некоторых городах даже превышали городские доходы. На благоустройство, здравоохранение и народное образование оставались мизерные средства, так как только после покрытия обязательных расходов городские управления имели право тратить остающиеся средства на эти цели. В Петербурге в 70—80-х годах XIX в. обязательные расходы составляли одну треть городского бюджета.

Внешний облик городов и их благоустройство

С развитием капитализма менялся внешний облик русских городов. В результате строительства новых фабрик и заводов, создания железнодорожных узлов и пристаней, быстрого роста населения застраивались пустующие территории в черте города и происходило расширение границ городов за счет поглощения пригородов. В Москве, например, за 40 лет

Вид окраины Екатеринбурга (1887 г.)

Москва. Городская народная столовая на Хитровом рынке 1913 г.)

после отмены крепостного права общее количество жилых, торговых и промышленных строений увеличилось почти в пять раз. В первую очередь застраивалась монументальными зданиями центральная часть города. Тогда были построены здания Исторического и Политехнического музеев, Биржи, Городской думы, Верхних и Средних торговых рядов, Петровского пассажа, магазина Мюра и Мерилиза и др. Почти сплошной стеной каменных благоустроенных зданий был застроен ряд оживленных улиц между Бульварным и Садовым кольцом. Тихие окраины Москвы превращались в оживленные фабрично-заводские районы с многочисленным населением. Плотность населения повышалась от центра к окраинам. В конце XIX в. (1897 г.) за Садовым кольцом проживала бóльшая часть всего населения города — почти 700 тыс. из 1038,6 тыс. В центре, в пределах Бульварного кольца, проживало немногим более девяти процентов москвичей. В 1912 г. в пределах Садового кольца Москвы в благоустроенных кварталах проживало 395 412 человек, а на окраинах и в пригородах 1 258 288 человек, т. е. 76% всего населения города. Многие подмосковные села и слободы также превратились в фабрично-заводские районы. Они быстро расширялись и фактически сливались с городом (села Кожухово, Преображенское, Ростокино, Семеновское, Измайлово, Черкизово, Сущево, деревни Дубровка, Бутырки, Марьина и др., слободы Даниловская, Потылиха, Симоново и др.).

Большой отпечаток на внешний облик города и его застройку накладывало превращение Москвы в крупный железнодорожный узел. В пригородах возводились железнодорожные мастерские, склады, росли жилые кварталы. Бывшее Каланчевское поле превратилось в площадь трех вокзалов. Один из современников так описывал изменения, происшедшие в этом районе Москвы: «Теперь все это поле застроено станциями железных дорог и там, где почти беспрерывно, в продолжение суток, слышится адский визг локомотивов, тогда невозмутимая тишина ночей нарушалась только изредка протяжными криками часовых у Полевого двора, криком дергача в густой траве, да гармоническим кваканьем болотных лягушек».

Уходила в прошлое старая дворянская Москва. Только кое-где в кварталах Поварской улицы и в переулках Арбата и Пречистенки сохранялся облик начала XIX в. Сохранился и феодальный центр города — Кремль, но рядом с ним, на Красной площади, вместо выдержанного в стиле барокко здания Главной аптеки и построенного в классических канонах здания Торговых рядов выросли новые торговые ряды и здание Исторического музея, построенные в вошедшем тогда в моду ложно-русском стиле.

Значительные изменения происходили и в других городах. Развивавшийся железнодорожный и речной транспорт являлся одним из важнейших градообразующих факторов, в частности для Самары, которая начала бурно развиваться и во второй половине XIX в. стала крупнейшим пунктом хлебной торговли. Купеческие амбары, лабазы, лавки, магазины заняли весь берег Волги и р. Самары в пределах города. Одно за другим возникали промышленные предприятия (паровые мельницы, маслобойный завод, макаронная фабрика и др.). В 1916 г. на Новохлебной площади было закончено строительство второго по величине в России элеватора вместимостью 3,5 млн. пудов. Строились «доходные» дома, на окраинах вокруг фабрик стали возникать рабочие поселки. Развивался район города, прилегавший к железнодорожной станции, одной из крупнейшей для того времени в России.

Развитие Иванова-Вознесенска — пример начавшегося еще в дореформенное время превращения земледельческого населенного пункта в крупный промышленный центр. Хлопчатобумажная промышленность, пришедшая на смену рассеянной мануфактуре, притягивала ранее проживавших по деревням ткачей, которые интенсивно заселяли рабочие поселки, формально не вошедшие в черту города Иванова-Вознесенска. Поселки были ску-

ченными, густо застроенными маленькими домишками. Длинные корпуса фабрик и многочисленные фабричные трубы, дым из которых обволакивал весь город, стали характерными для внешнего облика этого крупнейшего центра русской хлопчатобумажной промышленности. «...Вознесенский посад, составляющий, так сказать, предместье русского Манчестера,— отмечал в начале 70-х годов писатель-народник Ф. Д. Нефедов,— ...поразительно походит на обыкновенное село... Самое Иваново еще больше поражает непривычный глаз жителя столицы: изрытое оврагами, оно состоит из множества кривых и неправильно расположенных улиц, пересекаемых узенькими переулками; постройки большей частью деревянные, целые улицы сплошь состоят из черных изб, и только местами, рядом с какой-нибудь разваленной хижиной крестьянина, встречается громадная фабрика с пыхтящими паровиками или большой каменный дом богача-фабриканта с штофными драпри на окнах. Прибавьте ко всему этому базарную площадь с торговыми лавками, трактиры и бесчисленное множество кабаков, попадающихся чуть ли не на каждом шагу,— и перед вами налицо весь русский Манчестер с его внешней стороны» [1].

Ту же картину представлял центр промышленного Урала — Екатеринбург. Только за 10 лет, с 1878 по 1887 г., число домов в городе увеличилось с 3755 до 5492. Возникли новые улицы и кварталы. Во второй половине XIX в. изменился и характер застройки города. Купцы и заводчики строили деревянные или полукаменные дома, часть которых приспосабливалась под склады, лавки и производственные помещения. Возникавшие поселки не увязывались с ранее сложившейся застройкой улиц города. Они резко отличались от центральной части города. В них строились одноэтажные бревенчатые или дощатые с засыпными наружными стенами дома. Писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о Екатеринбурге: «...на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ, и особенно Верх-Исетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц, заводов составляет отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десять верст по течению р. Исети. Не нужно особенной проницательности, чтобы сказать, что вся эта широко раскинувшаяся селитьба составляет одно органическое целое и что центром служит Екатеринбург в его настоящем виде» [2].

Частная собственность на землю и высокие цены на нее стимулировали строительство в центральных районах городов, где участки стоили дороже всего, многоэтажных жилых домов со множеством дорогих квартир со всеми удобствами. За такие квартиры в начале XX в. платили до тысячи рублей в год — примерно треть годового жалованья высокооплачиваемого чиновника. Дома эти приносили большие доходы, почему и назывались «доходными». Однако в целом в русских городах преобладали малоэтажные жилые здания. Даже в Москве в 1912 г. из всех жилых зданий (их было около 52 тыс.) одноэтажных был 51%, двухэтажных — 40%, в три и более этажей — только 9% [3]. В маленьких городках, вроде Каширы или Дмитрова, почти все дома были одноэтажными. «Доходные» дома в больших городах выстраивались в ряд вдоль улицы вплотную друг к другу. Одноэтажные домики маленьких городков, как правило, утопали в зелени садов. В рабочих поселках и на окраинах промышленных городов сады были непозволительной роскошью.

Стихийно возникавшие вокруг фабрик, заводов, угольных шахт и больших городов рабочие поселки влачили жалкое существование. В наскоро сколоченных хибарках или землянках, беспорядочно раскинутых на бросовых землях, без элементарных бытовых удобств ютились рабочие. Скученность людей, непролазная грязь, копоть, дым, антисанитарное состояние

[1] Ф. Д. Нефедов. Избранные произведения. Повести, рассказы, легенды. Иваново, 1959, стр. 4.
[2] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сочинения, т. 12. М., 1951, стр. 287.
[3] «История Москвы», т. 5. М., 1955, стр. 695.

Самара. Казанская улица (конец XIX — начало XX в.)

жилищ и улиц вызывали массовые заболевания и большую смертность среди жителей этих мрачных поселений.

В живописных окрестностях, за пределами городов, строились загородные дома наиболее богатых купцов и крупных чиновников, стремившихся не уступать в роскоши старым дворянским усадьбам. Среди городской интеллигенции и чиновничества распространился обычай снимать на лето загородные дачи. Благодаря этому вокруг больших городов возникли целые дачные поселки, жители которых сдавали дачи внаем.

Коммунальное хозяйство русских городов было развито слабо. Частные предпринимательство и владение препятствовали сосредоточению в руках городского управления местного хозяйства, что задерживало его развитие. Предприятий коммунального обслуживания до последних лет XIX в. почти не было. По всей России до 1917 г. водопровод имели только 35% городов, канализацию — 26%, трамвай — 5,5%. Водопровода не было даже в таких крупных городах, как Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Златоуст, Ижевск и др. Там, где водопровод был, пользовались им всего около 10% домовладений центральных частей городов. Канализация также отсутствовала в большинстве крупных городов, а если и была, то крайне примитивная. Даже в Петербурге примитивная канализация приводила к загрязнению нечистотами рек и каналов. В 1916 г. в Москве к канализации было присоединено всего 27% домовладений, расположенных в центре города. В начале XX в. судебный деятель Н. В. Давыдов писал о Москве: «Чистоты на улицах, и в настоящее время далеко не достигнутой, не было вовсе, мостовые были отвратительны, тротуарные столбы, кое-где даже деревянные, считались еще почему-то и кому-то нужными, зимой снег и накапливавшийся мерзлый навоз не свозились, и к весне Москва бывала вся в ухабах, которые, когда начиналось энергичное таяние, превращались в зажоры, и наступал момент, когда благоразумный обыватель сидел дома, ибо проезда не было ни на колясках, ни в санях» [1]. Во всех городах России было замо-

[1] Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1913, стр. 31.

Каток на Фонтанке в Петербурге (конец XIX в.)

щено менее одной пятой всех улиц. Окраины городов, заселенные в основном рабочими, не только утопали в грязи, но и тонули во тьме. Вся территория Москвы, например, между Садовым кольцом и границей города освещалась редкими керосиновыми фонарями. В центре газовое освещение лишь постепенно вытеснялось электрическим. В 1894 г. на улицах и площадях Москвы было 19 245 фонарей. В 1915 г., т. е. более чем через 20 лет, их насчитывалось 20 630. В 1912 г. во всем Нижнем Новгороде было лишь 2644 обыкновенных и 67 керосинокалильных ламп. Во второй половине XIX в. в ряде городов (Петербург, Москва, Самара, Нижний Новгород и др.) были построены конно-железные дороги. Конную платформу тянула по рельсам пара лошадей, а иногда и одна лошадь. Скорость движения не превышала 4—5 *км* в час, так что пассажиры часто сходили с конки на ходу и обгоняли ее. В начале XX в. в Москве, Петербурге, Казани вместо «конок» были пущены первые электрические трамваи. Самарские городские власти, собравшиеся пустить трамвай, натолкнулись на сопротивление бельгийских владельцев конки, которые имели пятидесятилетний контракт на ее эксплуатацию. В 1915 г. трамвай в Самаре был все же пущен.

В связи с устройством в 1896 г. Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставки некоторое благоустройство получил древний Нижний Новгород. В нем был пущен трамвай, устроены подъемники—лифты на возвышенную часть города, перевозно-пароходное сообщение через Оку, электрическое освещение на некоторых улицах. Нижегородец-старожил Д. Смирнов так описывал трамвай того времени: «Небольшие вагончики по узкому рельсовому пути «бегали» из Кремля по Большой и Малой Покровкам, Похвалинской улице до Смирновского сада, а в нижней части города — от начала Зеленского съезда до плашкоутного моста. Быстрота движения десять верст в час, но и эта «скорость» казалась горожанам опасной для проходящих по улицам... При начале функционирования электрички постоянно происходили недоразумения между кондукторами и публикой, которая требовала, чтобы вагон останавливался всякий раз там, где любому пассажиру нужно выйти... Вагоны часто соскакивали с рельсов.

Девичье поле в Москве «в Иванов день» (1903 г.)

Публика, вышедшая из вагона, дружно, общими силами, ставила вагон на место... На поворотах вагон частенько опрокидывался набок, но это, обыкновенно, обходилось без несчастных случаев» [1].

Здания высших учебных заведений и гимназий строились зачастую с большой роскошью и рассматривались как одно из лучших украшений городов. В большинстве городов появились постоянные или временные общественные здания для театральных представлений и концертов.

Почти в каждом городе, большом или малом, был городской сад — место гуляний, отдыха и увеселений горожан. В нем по вечерам молодежь танцевала под звуки духового оркестра, кружилась карусель, раздавался веселый смех посетителей сада у балаганов и различных аттракционов, городские модницы демонстрировали свои наряды. Часто,особенно в поволжских и приокских городах, городские сады разбивались на высоких берегах рек. В старых городах при устройстве городских садов использовались валы и рвы заброшенных древних укреплений. Основная масса горожан, проживавших в крупных центрах, была лишена зелени. В средних и малых городах с незначительной промышленностью зелени было больше. Жители в значительной мере занимались садоводством и огородничеством. Сады имелись почти при каждом доме. Это, естественно, придавало таким городам благоприятный внешний облик.

Общую характеристику облика Москвы, данную в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г., с полным основанием можно отнести к большинству городов дореволюционной России: «Стихийно развивавшаяся на протяжении многих веков Москва отражала даже в лучшие годы своего развития характер варварского российского капитализма. Узкие и кривые улицы, изрезанность кварталов множеством переулков и тупиков, неравномерная застройка центра и периферии, загроможденность центра складами и мелкими предприятиями, низкая этажность и ветхость домов

---

[1] Д. **Смирнов.** Картинки нижегородского быта XIX века. Горький, 1948, стр. 149—151.

при крайней их скученности, беспорядочное размещение промышленных предприятий, железнодорожного транспорта и других отраслей хозяйства и быта мешают нормальной жизни бурно развивающегося города, в особенности городскому движению, и требуют коренного и планомерного переустройства» [1].

Огромный приток населения в города после реформы 1861 г. вызвал рост плотности застройки и вместе с тем ухудшение жилищных условий трудящихся. Большие размеры приобрела спекуляция землей. В городах доживали свой век дворянские особняки, иногда выходившие фасадом на улицу и даже сохранявшие передний «парадный» двор и тенистый сад позади дома. Но все больше становилось в промышленных городах особняков буржуазных. Желая превзойти дворян, новые богатеи строили себе роскошные дома, обычно в два этажа. В них, как и в старых дворянских домах, можно было увидеть анфиладу парадных комнат. В конце XIX — начале XX в. стало модным отделывать каждую из них в разном стиле. Одна из зал могла быть отделана в мавританском стиле, другая — в готическом и т. п. В это время привился также и так называемый ложно-русский стиль, подражавший архитектуре XVI—XVII вв. с ее затейливыми кровлями, пузатыми колоннами, отделкой красным кирпичом, белым камнем и изразцами. Многие архитекторы, стремившиеся к развитию национальных архитектурных традиций и не опиравшиеся при этом на достаточно глубокое изучение народного искусства, достигали в своих работах лишь стилизации. Правда, иногда талантливые русские архитекторы, выполняя заказы фабрикантов и заводчиков, даже в ложно-русском стиле создавали прекрасные здания (например, в Москве дом Перцова, построенный по проекту и рисункам художника С. В. Малютина; дом Игумнова, построенный архитектором Н. И. Поздеевым).

Городское жилище

В начале XX в. в русскую архитектуру проникло влияние так называемого стиля модерн, эклектического и художественно обезличенного. Этот стиль культивировался представителями крупной промышленной и торговой буржуазии (например, в Москве особняк Рябушинского на б. Малой Никитской, ныне ул. Качалова, и Ярославский вокзал архитектора Ф. О. Шехтеля; гостиница «Метрополь» архитектора В. Валькота).

В больших городах с их развитой торговлей и транспортом при домовладениях, особенно при особняках, уже не требовались разнообразные хозяйственные постройки, которые существовали ранее. Далеко не везде можно было встретить конюшню или каретный сарай (даже не все владельцы особняков держали собственные «выезды»), а тем более — амбары и погреба. В малых городах, где дольше сохранялся замкнутый характер домашнего хозяйства, население по-прежнему держало домашних животных (коров, свиней, коз, птицу), имело на усадьбе для них помещения, а также погреба, где хранили всякие соленья и урожай, снятый с огородов и садов.

В результате возраставшей плотности городской застройки и дороговизны земельных участков в крупных городах распространялся тип жилых построек с двором-колодцем, который обстраивался с трех, а то и с четырех сторон высокими многоэтажными корпусами с подвалами, заменявшими хозяйственные постройки. В таких домах было множество квартир, сдаваемых владельцами внаем. Буржуазная интеллигенция (крупные инженеры, практикующие врачи, юристы и т. п.) обычно не имели своих домов, а нанимали либо небольшой домик, либо чаще всего благоустроенную квартиру в пять-шесть и более комнат. Там был и кабинет хозяина, и будуар хозяйки, и столовая, и гостиная, и детская, и комната для прислуги. Люди победнее, снимая квартиру, сдавали часть комнат жильцам (иногда со столом). В крупных городах широко была распространена сдача в наем мебли-

[1] «О генеральном плане реконструкции г. Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)». М., 1935, стр. 7.

рованных комнат. Обычно специально строившиеся дома с меблированными комнатами имели коридорную систему.

Типичной усадьбой городского мещанина — ремесленника — является сохранившаяся до наших дней как музей небольшая усадьба деда М. Горького Каширина в Горьком (Нижнем Новгороде). В довольно обширном деревянном на каменном фундаменте доме было несколько комнат и кухня с русской печью, в которых жила и большая хозяйская семья, и подмастерья, и прислуга. Производственные помещения, в данном случае — красильня, находились в надворных постройках. Мещане (в собственном смысле слова) жили в отдельных маленьких домиках или снимали квартиры в две-три комнаты без коммунальных удобств, как и наиболее квалифицированные рабочие.

Исключительно тяжелые жилищные условия были у рабочих — например, текстильщиков центральных губерний, рабочих городов горного Урала и др. Острота жилищного кризиса в крупных городах проявлялась в развитой системе сдачи коек и углов. Приходившие в город на заработки крестьяне заполняли ночлежные дома, коечно-каморочные квартиры. Чаще всего они приходили без семейства и искали даже не комнаты, а углы и каморки. Некоторые рабочие снимали квартиры у домовладельцев, кое-как обставляли их и в свою очередь сдавали комнаты, койки, углы. Такие квартиры были набиты жильцами. При этом многие из квартиронанимателей сами ютились на кухнях, в коридорах, а всю остальную часть квартир сдавали по комнатам. Это превратилось в своего рода промысел и, разумеется, вызывало перенаселенность и ухудшение жилищных условий. В Петербурге в 1899 г. насчитывалось 150 тыс. человек, снимавших углы и койки.

Трудящиеся не только жили в ужасающих жилищных условиях, но и оплачивали свои койки, углы, каморки, землянки и т. д. дороже, чем зажиточные классы благоустроенные квартиры. В Петербурге в 1912 г. площадь в рабочих кварталах без удобств оплачивалась почти в два раза дороже, чем в богатой квартире со всеми удобствами. Расходы на жилье (вместе с отоплением и освещением) составляли значительную часть бюджета дореволюционного рабочего — примерно 15—22% для семейных и 10—16% для одиноких. Часто, не имея возможности нанять квартиру, рабочие вынуждены были жить в казармах при фабриках.

«Покупка мебели и домашней утвари,— писал исследователь рабочего быта И. М. Шапошников,— встречается среди рабочих редко... обыкновенно картина обстановки жилища рабочего убога, особенно у лиц, живущих на вольных квартирах или в казармах; обычно расхода на улучшение ее нет, а встречается лишь покупка самых необходимых предметов обихода; это явление находит объяснение в недостатке средств» [1]. Еще более яркое свидетельство о жилищных условиях большинства московского трудового люда принадлежит Л. Н. Толстому, принимавшему участие в переписи населения Москвы 1882 г. Он писал: «Все квартиры были полны, все койки были заняты, и не одним, а часто двумя. Ужасно было зрелище по тесноте, в которой жался этот народ, и по смешению женщин с мужчинами... И, главное, ужасно по тому огромному количеству людей, которое было в этом положении...» [2]

Часть рабочего населения жила при фабричных помещениях, в рабочих казармах. В одной комнате в таких казармах ютились часто семь-восемь человек. В небольших семейных комнатах Прохоровской мануфактуры, например, помещалось по девять-десять человек с детьми. Часто в одной комнате проживало по два семейства. Койки завешивались материей. Но даже и эти отвратительные, но более или менее постоянные квартиры были доступны далеко не всем. В больших городах масса люмпен-пролетариев и разного

---

[1] «Условия быта рабочих в дореволюционной России». М., 1958, стр. 18.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 25. М., 1937, стр. 219.

рода пришлого люда, искавшего случайного заработка, вынуждена была пользоваться ночлежными домами, которые (в особенности московская трущоба «Хитровка») находились в ужасном состоянии.

В книге «Современное хозяйство города Москвы», изданной городским управлением в 1913 г., констатировалось, что «Вопреки всяким правилам, во всех ночлежных квартирах мужчины ночуют вместе с женщинами, и открытый разврат царит повсюду. Десятки тысяч работников ежегодно проходят через Хитров рынок, заражаясь здесь и физически и нравственно и унося эту заразу с собою. Множество честных работников утопает в раскинутых тенетах эксплуатирующей части Хитрова рынка, превращаясь в пропоиц и тунеядцев» [1]. Робкие попытки Московской думы бороться с этим злом не увенчались успехом. «Хитровка» была ликвидирована лишь после Октябрьской революции. В несколько лучшем состоянии, нежели частные, находились городские ночлежные дома. До 1906 г. в Москве был только один такой дом им. К. В. Морозова в Нижне-Гончарном переулке. До 1917 г. было открыто еще пять ночлежных домов. В них в этом году побывало 1 866 304 человек, в среднем 5 113 человек ежедневно. Всего же в то время в Москве насчитывалось до 13 тыс. ночлежников.

Думский врач М. И. Покровская писала, что в жилищах петербургской бедноты в конце XIX в. «...темнота, мрак и их неизбежный спутник — грязь. Очень часто у квартиранта нет кухни, где он мог бы приготовить себе горячую пищу... Очень часто в его квартире нет прихожей, где он мог бы оставить грязь, приносимую им с улицы; нет водопровода, который необходим для поддержания чистоты, нет ватер-клозета, составляющего необходимую принадлежность здорового жилища. Неудивительно поэтому, что в этих антигигиенических жилищах постоянно свирепствуют различные заразные болезни» [2]. Антисанитарные жилищные условия порождали высокую заболеваемость и смертность, разврат, алкоголизм и преступность. Смертность населения в Петербурге в конце XIX в., например, была семь-восемь человек на 1000 жителей в центральных аристократических кварталах и 29,3 человека — в рабочем Коломенском районе. Особенно высокой была смертность среди детей фабрично-заводских рабочих. Это явление, помимо жилищных условий, было результатом низкого уровня заработной платы, продолжительности рабочего дня, почти полного отсутствия охраны труда и общей тяжелой санитарной обстановки городских окраин. Несмотря на немалое количество земских врачей-энтузиастов, медицинское обслуживание было низким. Поэтому в первые десятилетия после реформы 1861 г. в городах наблюдался слабый естественный прирост населения, а в некоторых наиболее крупных городах была даже убыль населения. Такое положение сохранилось и во второй половине 80-х годов [3]. Рост населения городов шел в основном путем притока из деревни. В конце 90-х годов, например, в Москве было свыше 1 млн. жителей, причем 73% жителей состояло из пришлого, главным образом крестьянского, населения ближайших губерний.

Развитие капитализма, таким образом, способствовало развитию русских городов, вызвало громадные изменения в количественном и качественном составе городского населения. Еще более резко обозначилась противоположность между деловыми центрами и буржуазными жилыми районами, с одной стороны, и рабочими окраинами — с другой. На внешний облик городов накладывал заметный отпечаток упадок городской архитектуры. Все это являлось выражением противоречий развития городов в капиталистическую эпоху, противоречий, устранение которых стало возможным лишь с изменением всего общественного строя страны.

---

[1] «Современное хозяйство города Москвы», М., 1913, стр. 176.

[2] «Очерки истории Ленинграда», т. 2, М.— Л., 1957, стр. 202.

[3] В Москве, например, только в 90-х годах определился небольшой естественный прирост населения.

22 Заказ № 888

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОРОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в развитии городов нашей страны. Одно из основных завоеваний социалистической революции — ликвидация частной собственности на землю — позволило ввести невиданное до сих пор плановое начало в процесс развития и благоустройства городов. Их строительство отныне было подчинено целиком интересам трудящихся. С первых дней существования молодая Советская республика поставила в число важнейших государственных задач вопросы социального и планировочного преобразования города. Градостроительство было теснейшим образом связано с решением проблем: размещения промышленности, транспорта, общего строительства. К середине 20-х годов были разработаны и утверждены основные принципы определения городских поселений. В отличие от царской России, где многие города не выполняли никаких экономических функций, городом в нашей стране, по законодательству 1924—1927 гг., мог быть только населенный пункт, имевший определенную численность населения, основная часть которого работала в промышленности, на транспорте и не была связана с сельскохозяйственным производством.

Рост городов и состав городского населения

Советский Союз превратился из страны аграрной в мощную индустриальную державу, что обусловило значительный рост городского населения, начавшийся с конца 20-х годов текущего века. Если в предвоенном 1913 г. во всей стране было 666 городов, то в 1926 г.— уже 709, в 1939 г. — 1191, в 1940 г.— 1241, а в 1959 г.— 1679. Основная часть городов находится в РСФСР. Некоторые из них выросли из небольших поселков, другие — построены заново.

В 1913 г. в городах проживало 24,7 млн. человек, что составляло 18% от всего населения страны. За годы двух первых пятилеток население городов резко возросло, и в 1939 г. исчислялось в 56,1 млн. человек, что составило уже 33% от всего населения страны. Бурный рост продолжался и в послевоенные годы. По данным Всесоюзной переписи 1959 г., численность городского населения достигла 100 млн. человек, что составляет 48% от общего количества населения.

За 20 лет между двумя последними всесоюзными переписями (1939 и 1959 гг.) больше всего выросли крупные города. Так, число городов с населением в 500 тыс. человек и более увеличилось за эти годы с 11 до 25, от 100 до 500 тыс.— с 78 до 123, от 50 до 100 тыс.— с 99 до 156 и т. д.

На рост городов восточной части нашей страны — Поволжья, Урала и Сибири — оказала большое влияние также массовая эвакуация промышленных предприятий и населения из западных областей в годы Великой Отечественной войны. Если попытаться сгруппировать города по географическому признаку, то картина роста численности населения представляется следующим образом. В крупных городах центральной нечерноземной полосы с 1939 по 1959 г. население выросло в сравнительно небольших масштабах. В городах черноземной полосы, а также в Поволжье, где значительно сильнее проходило развитие промышленности, население возрастало интенсивно (в Воронеже — на 130%, в Курске — на 171%, в Орле — на 136%, в Саратове — на 156%, в Горьком — на 146%, в Куйбышеве — на 206%, в Ульяновске — на 210% и т. д.). Старые уральские города, которые за эти же годы испытали очень быстрый рост экономики, дали прирост населения вдвое или около этого (численность жителей Перми возросла на 206%, Свердловска — на 184%, Челябинска — на 252%, Нижнего Тагила — на 212%). Примерно такая же картина наблюдается и в старых городах Сибири (Омск вырос на 201%, Красноярск — на 217%, Иркутск — на 146%).

Воронеж. Административное здание на проспекте Революции (1953 г.)

Интересно отметить группу городов, переживших в указанные годы свое второе рождение благодаря значительному росту экономики, строительству новых мощных промышленных предприятий. Среди них можно выделить старые города центрального района, такие как Владимир и Липецк, население которых возросло соответственно на 230 и 235%. Однако основная часть городов этой группы расположена в восточных районах страны (Копейск, Златоуст, Бийск, Курган, Черемхово, Рубцовск, Березники, Усть-Каменогорск и др.)

Значительную группу составляют новые города, которых в недалеком прошлом вообще не было на карте страны и которые появились в результате осуществления гигантских планов гидротехнического строительства или открытия полезных ископаемых и их разработки. К числу подобных центров следует отнести Волжский, возникший при строительстве Волгоградской электростанции им. XXII съезда КПСС (67 тыс. человек), Новокуйбышевск (63 тыс.), Ангарск (56 тыс.), Воркута (56 тыс.), Братск (51 тыс.) и мн. др.

После ликвидации эксплуататорских классов социальный состав городского населения резко изменился, и уже в первые годы Советской власти хозяевами города стали трудящиеся — рабочие и служащие. К 30-м годам совершенно исчезает группа безработных. До середины 30-х годов в городах сохранялись такие группы населения, как кустари, нетрудовые элементы, но к концу 30-х годов их процент становится совершенно незначительным. В больших городах резко увеличилось число учащихся. На структуру населения в каждом из городов влияли также местные факторы, связанные с характером промышленности, географическим положением, наличием учебных заведений и т. д.

Разумеется, эти процессы не везде проходили равномерно. Большое число служащих, например, характерно для Москвы и Ленинграда.

Касаясь вопроса о национальной структуре советского русского города, следует сказать о непрекращающемся притоке в город населения

Березники (Пермская обл.). Улица Пятилетки (1954 г.)

различных национальностей, населяющих страну. Сложная многонациональная структура города получила свое дальнейшее развитие в результате роста его экономического, политического и культурного значения. Советская национальная политика равноправия способствовала развитию города как многонационального поселения. Среди рабочих, служащих, учащихся большого русского города встречаются люди разных наций. Однако основным населением города остаются русские (более 65 млн. человек в целом по стране). За ними следуют украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, евреи. На национальную структуру города влияет его географическое положение. Население города, расположенного вблизи от границ союзной республики, обычно включает значительный процент лиц той национальности, которая составляет большинство в этой республике.

Одновременно с изменением состава городского населения менялось размещение населения внутри городов. Уже в первые месяцы после Октябрьской революции в городах начинается переселение рабочих и их семей в благоустроенные дома буржуазии, расположенные в центральных городских кварталах.

Постановление ВЦИК от 20 августа 1918 г. отменяло частную собственность на все городские земли и на домостроения с доходом, превышающим сумму, установленную местными городскими Советами. Вопиющей несправедливости в расселении трудящихся и имущих классов в городах был положен конец. К 1917 г. в центральных районах Москвы, в пределах Садового кольца, жило только 5% всего рабочего населения города. В начале апреля 1918 г. Московский Совет издал постановление об обязательном уплотнении малонаселенных квартир. Московский Совет организовал снабжение рабочих мебелью, реквизированной из пустующих квартир и при выселении буржуазии. К концу 1920 г. в благоустроенные дома было переселено около 68 тыс. рабочих.

Ликвидация частного землевладения в городах позволила приступить к социалистическому переустройству города путем совершенствования его планировки, развертывания жилищного строительства, организации культурной жизни. Уже в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 г., предусматривалась важнейшая задача, направленная к «...улучшению жилищных условий трудящихся масс; уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся» [1]. В тяжелых условиях восстановления народного хозяйства, разрушенного империалистической войной, интервенцией и гражданской войной, восстанавливался жилой и общественный фонд городов, начинались работы по благоустройству. Еще в 1919 г. при Московском Совете была создана специальная мастерская для разработки плана социалистической реконструкции столицы. В Петрограде работал «Совет по урегулированию города», который в течение двух лет составил планы застройки Путиловского и Выборгского районов, Петроградской стороны, Васильевского острова и многих магистралей города.

Восстановление городског охозяйства и начало широкого жилищного строительства

В существовавших в тот период условиях прежде всего необходимо было взяться за элементарное приведение городов в порядок, очистку, благоустройство, организацию транспорта. Выступая на заседании Московского Совета в марте 1920 г., В. И. Ленин говорил: «Прежде всего здесь у нас стоит на очереди задача очистить Москву от той грязи и запущенности, в которую она попала. Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны... Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала» [2]. Начатые в Москве субботники трудящихся по благоустройству были проведены и в других городах. Развернулись работы по восстановлению жилого фонда, пришедшего в негодность в годы войны, по увеличению мощности коммунальных учреждений, ремонту мостовых, больниц, театров и ряда рабочих клубов.

Состоявшийся в 1925 г. XIV съезд партии отметил, что наиболее острым вопросом в области организации быта трудящихся является жилищное строительство. Сразу же после съезда жилищное строительство получило большое развитие в Москве, Ленинграде, городах Центра и Поволжья. В Москве в 1925—1927 гг., преимущественно в промышленных районах — Рогожско-Симоновском, Хамовническом, Бауманском,— начинается строительство крупных жилых массивов. В эти годы изменяли свой облик старые рабочие районы — Дангауэровка, Рогожский поселок, Усачевка. Новые дома обеспечивались газом, электричеством, водопроводом, канализацией и т. д. Это были здания от двух до шести этажей, построенные в очень простых архитектурных формах. Их строительство было первыми шагами по ликвидации жилищного кризиса. В большинстве случаев дома состояли из отдельных секций, каждая из которых имела на одном этаже двух-трехкомнатные квартиры. В каждой квартире старались поселить одну семью, но жилищный кризис вынуждал зачастую селить и по две семьи.

В дальнейшем начались поиски новых архитектурных форм самих зданий. Это привело к появлению большого числа домов, построенных в конструктивистском стиле. В эти годы было сооружено значительное количество домов-«ящиков».

Начинало уходить в прошлое понятие «окраина». Застройка бывших окраин многоэтажными благоустроенными кварталами означала создание новых микрорайонов с широкими асфальтированными магистралями, даже превосходящих по своим удобствам многие кварталы центра города.

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I. М., 1954, стр. 428.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 199.

Ленинград. Дом печати (1963 г.)

Социалистическая реконструкция городов

С начала 30-х годов началась новая эпоха в истории советского градостроительства. С ростом окрепшей индустриальной базы стала реальной постановка вопроса о кардинальном изменении облика советских городов, о развертывании в широких масштабах жилищного строительства, переустройства транспорта и об озеленении. Так, на очередь дня стала проблема реконструкции старых городов.

В июне 1931 г. Пленум Центрального Комитета ВКП(б) наметил конкретные мероприятия по развертыванию жилищного строительства, упорядочению планировки советских городов и принял решение о составлении Генерального плана реконструкции Москвы, который был утвержден в 1935 г. Принципиальные положения этого плана были использованы при составлении планов перестройки других городов. После утверждения Генерального плана реконструкции Москвы были разработаны проекты планировки и застройки Горького, Ростова-на-Дону, Ярославля, Челябинска, Ленинграда, Новосибирска и многих других городов. Время показало правильность решения целого ряда планировок. В разработке планировки и застройки городов принимали участие не только архитекторы, но и врачи, работники культуры, сотрудники бытовых и торговых учреждений, экономисты. Вводились новые комплексные решения, менявшие лицо города. В целях создания максимальных удобств для населения учитывались многочисленные бытовые и культурные потребности жителей города. При проектировании новых кварталов одновременно со строительством жилых домов предусматривалось введение в эксплуатацию новых школ, детских садов и яслей, кинотеатров, больниц, магазинов, комбинатов бытового обслуживания и т. п., чтобы трудящиеся получали не только жилье, но и все необходимое бытовое и культурное обслуживание. После XX съезда КПСС комплексный принцип становится законом для проектировщиков во вновь застраиваемых районах и одной из насущных задач при решении вопросов благоустройства старых районов.

Изменение облика русских городов осуществлялось по-разному и зависело от общих исторических и экономико-географических условий, специфических для отдельных городов или определенных групп городов.

Из расчета общей численности населения, которая должна была составить около 5 млн. человек, по плану реконструкции Москвы предусматривалось расширение территории города с 28,5 тыс. до 60 тыс. га. Расширение города намечалось в юго-западном направлении, на территории, наиболее выгодной в климатическом отношении для развертывания жилой застройки. Кроме того, под жилую застройку отводились свободные территории в районах Измайлова, Текстильщиков, Ногатино, Хорошево, Мневники, Тушино, Ховрино, Медведково и др. По плану предполагалось не только сохранить, но и развить радиально-кольцевую систему планировки города и реконструировать основные радиальные магистрали и центральные площади. Все крупные зеленые массивы, все парки столицы связывались в единое кольцо, от которого к центру города должны были пройти зеленые «клинья», для чего использовались имевшиеся в городе бульвары и скверы.

В годы довоенных пятилеток основные магистрали Москвы были значительно расширены и застроены многоэтажными жилыми и общественными зданиями. Коренная реконструкция Охотного ряда позволила проложить новую центральную магистраль. С 18 до 40—60 м были расширены улицы Горького, Б. Калужская, Дорогомиловская, Можайское шоссе и ряд др. Одновременно шла реконструкция Садового кольца — одной из основных магистралей. В юго-восточной части города, где были построены крупные предприятия, возникли широкие асфальтированные улицы с кварталами многоэтажных домов. Развернулась реконструкция набережных Москвы-реки и Яузы, которые также были превращены в проезжие асфальтированные магистрали. Были заново сооружены и реконструированы пять мостов через Москву-реку, три — через водоотводный канал и четыре — через Яузу. Построен ряд важных общественных зданий, в том числе гостиница «Москва», концертный зал им. П. И. Чайковского, дом Совета Министров СССР, клуб комбината «Правда», стадион «Динамо» и др. Особую роль в жизни города сыграло строительство метрополитена. В 1935—1938 гг. были уже сданы в эксплуатацию две линии. Канал им. Москвы соединил Москву-реку с Волгой и позволил значительно улучшить водоснабжение Москвы. В дальнейшем и вплоть до настоящего времени застройка и создание новых жилых районов в Москве проводится в соответствии с основными положениями Генерального плана.

Весьма характерным в классовом отношении является пример застройки дореволюционного Ленинграда. Рационально спланированная центральная часть города застроена фундаментальными каменными зданиями, многие из которых являются замечательными памятниками архитектуры. Прямые и широкие улицы, большое количество зелени, прямоугольное переплетение сетки магистралей — все это издавна отличало Ленинград. Однако гораздо реже говорили и писали о другой части города, где разместились рабочие поселки, примыкавшие к промышленным предприятиям. Утопавшие в грязи ветхие домишки Охты, всего 79 каменных зданий на всю Выборгскую сторону, кромешная тьма у Нарвской заставы — таковы отдельные стороны облика старого Петербурга.

После Октябрьской революции территория города росла очень быстро. Уже к 1930 г. она увеличилась в три раза сравнительно с 1915 г. С начала 30-х годов в Ленинграде было начато широкое жилищное строительство и реконструкция городского хозяйства. В короткие сроки были построены жилые массивы заводов «Красный Путиловец», жилые дома на Петровской набережной Невы и набережной реки Карповки, на улице Скороходова, на Лесном проспекте и в других районах. После утверждения Генерального плана развития Ленинграда в 1938 г. в городе выросли сотни новых многоэтажных зданий, школ, кинотеатров и т. д. Строительство проходило на бывших окраинах Ленинграда — в Автове, на Малой Охте, в Щемиловке. К началу Великой Отечественной войны ленинградцы получили свыше 3,5 млн. $м^2$ благоустроенной жилой площади.

Москва. Угол Ленинского и Университетского проспектов (1964 г.)

После окончания Великой Отечественной войны центральные районы города не подверглись реконструкции, но вообще жилищное строительство развернулось в грандиозных масштабах. Как и ранее, оно велось в основном на больших пространствах свободных территорий и за счет коренной реконструкции ветхой деревянной застройки бывших рабочих окраин. К январю 1958 г. Ленинград уже получил 10,5 млн. м^2 жилья, что составило около 40% от всего существующего жилого фонда города. Интенсивное строительство развернулось в южном направлении — вдоль Московского проспекта, в юго-западном— по проспекту Стачек и в районе Автова, в восточном — в районах Большой и Малой Охты, в юго-восточном — вдоль обоих берегов Невы и в северном — по Приморскому проспекту и проспекту Энгельса.

Генеральный план развития Ленинграда и план размещения жилищного и культурно-бытового строительства города предусматривает, в частности, оформление выхода города к морю. Новые ансамбли вырастают на берегах Невы, в районах Большой и Малой Охты и у Володарского моста, где заканчивается создание административного центра Невского района, на Васильевском острове — вдоль Большого проспекта и у взморья. Важным вкладом в советское градостроительство является осуществленный и здесь комплексный принцип застройки районов и микрорайонов. Он дает возможность рационально организовать культурно-бытовое и транспортное обслуживание населения. Это можно видеть на примере жилых кварталов Московского проспекта, Автова, Малой Охты.

Реконструкция одного из старейших центров Севера Европейской части страны — Архангельска — тесно связана с проблемой заболоченности почвы. Проблема осушения всегда оставалась основной при рассмотрении вопроса о застройке города. До революции осушение болот проводилось главным образом в центральной части, но совсем не касалось окраин, где проживала основная масса трудящихся. После Великой Октябрьской социалистической революции осушение началось во всех частях города, что дало возможность увеличить площадь города с 950 га (1917 г.) до 4 тыс га (1935 г.) и широко развернуть жилищное строительство. Многоэтажными жилыми и административными зданиями был застроен центральный про-

Архангельск. Проспект им. П. Виноградова. Дом Советов (1958 г.)

спект им. П. Виноградова. Целые новые районы возникли в связи со строительством и реконструкцией заводов лесопильной и деревообделочной промышленности. Наряду с жилыми домами возводились благоустроенные здания школ, клубов, больниц, столовых, детских садов и яслей, магазинов. Начатая во второй половине 30-х годов реконструкция Архангельска была возобновлена после Великой Отечественной войны. В 1950 г. Совет Министров СССР утвердил проект планировки и застройки Архангельска, по которому при максимальном сохранении сложившихся кварталов, основных улиц и коммуникаций упорядочилась планировка каждого района и путем создания стройной системы новых магистралей, мостов и водных связей эти районы объединялись с центром города.

Совершенно заново планировалась застройка новых городов.

За Полярным кругом, в условиях тундры и вечной мерзлоты, где 244 дня в году лежит глубокий снежный покров и морозы доходят до —50°, за 25 лет возник город, вполне современный, благоустроенный, с крупными промышленными предприятиями и широкими прямыми улицами — Норильск. В 1939 г. был разработан первый проект города. Первая очередь строительства была рассчитана на 32 тыс., а вторая — на 85 тыс. жителей. Очень сложной оказалась проблема укладки фундаментов в условиях вечной мерзлоты, и строителям пришлось добираться до монолитной скалы, расположенной на большой глубине. В городе складывается прямоугольная планировка улиц, возникают контуры основных и второстепенных магистралей. Главная улица — Советская — застраивается многоэтажными зданиями. Норильск — один из крупных центров Заполярья. В городе — четыре кинотеатра, 32 библиотеки, краеведческий музей, 18 школ с 9 тыс. учащихся, горнометаллургический техникум, 20 детских садов и 14 яслей, два стадиона и крупнейший в крае Дворец физкультуры. Население Норильска достигло в 1960 г. 100 тыс. человек.

Совершенно не значился во Всесоюзной переписи 1926 г. Магнитогорск. А уже в 1930 г., через год после того, как на строительную площадку Магнитогорского металлургического комбината пришли первые строители, в городе было 50 тыс. человек населения. Еще через четыре года, в 1934 г.,

эта цифра поднялась до 200 тыс. человек. Вместе с крупнейшим и самым совершенным в Европе металлургическим комбинатом вырос новый город. Магнитогорск удачно спланирован на основе сети прямоугольных пересекающихся магистралей. Все жилищное и культурно-бытовое строительство ведется в едином комплексе с инженерными сооружениями, благоустройством и озеленением всего района. Благодаря этому была осуществлена ансамблевая застройка района Комсомольской улицы и проспекта Металлургов с прилегающими к нему кварталами.

Более чем на 20 км вдоль Амура раскинулся один из крупнейших промышленных городов Хабаровского края — Комсомольск-на-Амуре. В 1932 г. на его месте были 14 крестьянских домов (селение Пермское) и два нанайских стойбища. В соответствии с планами индустриализации районов Дальнего Востока в начале 1932 г. здесь появились первые молодые строители из Москвы, Ростова, Ленинграда, Харькова. В момент образования города Комсомольска в нем жило около 6 тыс. человек. Они построили первый лесозавод, механический комбинат, электростанцию, больницу, кинотеатр, техникум. Это было начало большого города. На следующем этапе развернулось еще более широкое промышленное строительство, прежде всего, мощного металлургического комбината «Амурсталь». Город складывался вокруг промышленных предприятий. К своему пятилетию (в 1937 г.) город насчитывал уже 70 тыс. жителей. После окончания Великой Отечественной войны было обращено самое серьезное внимание на жилищное, культурно-бытовое строительство и благоустройство города. Если к началу войны жилой фонд Комсомольска составлял 136 тыс. м^2, то в 1950 г.— 361 тыс. м^2. Только за годы пятой пятилетки было построено 167 тыс. м^2. В довоенные годы строились преимущественно деревянные двухэтажные дома, снабженные электричеством и паровым отоплением. В послевоенный период строятся, как правило, многоэтажные каменные здания с водопроводом и канализацией, ванными и душевыми установками, холодной и горячей водой. Комсомольск имеет прямые широкие магистрали, значительная часть которых заасфальтирована. Он стал одним из больших культурных центров края. В 1953 г. в городе насчитывалось 53 школы, два института, несколько техникумов, более 60 библиотек. В городе имеется свой телецентр, городской краеведческий музей и т. п.

Рациональный метод сохранения зеленых массивов использован при застройке новых районов академического городка в Новосибирске. Планируя строительство среди сплошного леса, строители стремились расчищать площадку только под каждое отдельное здание и магистрали, оставляя вокруг широкие лесные полосы. Так возникает и растет целый город в лесу.

Громадное городское строительство развернулось в различных районах нашей страны в связи с небывалым размахом гидротехнических работ на Волге, Ангаре и других реках. Только за послевоенные годы появились такие современные благоустроенные города, как Ангарск, Братск, Дивногорск, Новокуйбышевск и мн. др. В подавляющем большинстве они имеют прямоугольную планировку кварталов с учетом, разумеется, местных естественных условий. Широкие прямые улицы застраиваются двух-пятиэтажными зданиями различного назначения. Комплексный принцип позволяет разместить среди жилой застройки культурно-бытовые учреждения.

Крупное промышленное строительство, предпринятое в старинном поселке Растяпино (на Оке) в 30-х годах, превратило его в большой город, названный Дзержинском. В эти годы вокруг новых предприятий выросли жилые поселки. Однако первые планы застройки Дзержинска не давали организующих принципов планировки. Каждый завод стремился создать свой поселок с коммунальными сооружениями и культурно-бытовыми учреждениями, в то время как центральный район города застраивался медленно и лишь отдельными зданиями. В 1940 г. было принято решение о застройке Дзержинска многоэтажными зданиями в центре и по магистралям

Астрахань. Проспект им. Ленина (1963 г.)

с широким применением типовых и повторных проектов. Появились законченные архитектурные ансамбли на четких прямых улицах с аллеями зеленых насаждений. Общий жилой фонд города увеличился с 109 тыс. $м^2$ в 1930 г. до 787 тыс. $м^2$ в 1957 г. Другие кварталы города застроены двухэтажными домами, строительство которых осуществлялось крупными предприятиями. Кроме того, в отдельных районах встречаются новые каменные одноэтажные коттеджи на две квартиры, выстроенные индивидуальными застройщиками.

В период Великой Отечественной войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа нашей страны, пострадали десятки тысяч зданий, архитектурных памятников и городских сооружений. По окончании войны ЦК партии и Советское правительство приняли решение о быстрейшем восстановлении городов, пострадавших от войны, прежде всего Воронежа, Калинина, Ростова-на-Дону, Краснодара, Смоленска, Брянска, Великих Лук, Курска, Орла, Новгорода, Пскова, Волгограда. Восстановление разрушенных городов не было механическим воспроизведением их старого облика. В ходе строительства создавались условия, обеспечивающие более высокий уровень жизни населения. Архитектурный облик улиц и площадей восстановленных городов отличен от довоенного. При восстановлении разрушенных городов советские градостроители шли двумя путями. В одном случае, как это было в Волгограде, город проектировался заново, ибо старого фактически не существовало. До разрушения города вся береговая полоса вдоль Волги была занята портовыми сооружениями, складами и промышленными предприятиями, возникшими еще в дореволюционные годы и отрезавшими город от реки. В современной планировке города Волга является главной композиционной основой. Градостроители расчистили прибрежные территории с тем, чтобы город был обращен к реке. Набережная Волги превращена в парадную парковую магистраль. Город, протянувшийся вдоль Волги, объединяется системой продольных магистралей и бульваров. Заново спланирован центр Волгограда. При застройке учитывались природные условия — открытые просторы Волги, живописные долины рек Царицы и Мечерки, господствующий над городом

Волгоград. Центральная

холм Мамаева кургана. Сильные ветры предопределили создание лесозащитных полос и особую планировку жилых кварталов. В каждом жилом районе разбиты сад или сквер.

Другим путем происходило восстановление Ростова-на-Дону. Из имевшихся в городе около 2,5 млн. $м^2$ жилья в годы войны около двух третей было разрушено полностью или частично повреждено. Тем не менее в Ростове была сохранена старая планировочная структура с широким применением реконструктивных работ. В городе восстанавливались отдельные полуразрушенные коробки и группы зданий, одновременно улучшалась планировка. Поэтому жилищное строительство целыми кварталами и крупными массивами на свободных территориях развернулось несколько позднее, чем в других городах. Были расчищены от складских и пристанских устройств набережные реки Дона, где создана зеленая полоса. Таким образом, был также достигнут «поворот» города к реке. Вокруг Ростова было создано кольцо зеленых насаждений. Несмотря на широкое жилищное строительство, осуществлявшееся в городах на протяжении 30-х годов, и огромную работу по восстановлению жилищного фонда, разрушенного в годы Великой Отечественной войны, систематический рост городского населения не позволил ликвидировать жилищный кризис.

Во многих старых городах, особенно после переселения большого числа трудящихся из окраинных районов в центр города, получили распространение так называемые «коммунальные» квартиры. Они образовались в большинстве случаев в результате заселения дома или квартиры, принадлежащих одному владельцу, несколькими семьями, а в больших зданиях — сотнями семей, каждая из которых получила одну-две комнаты, что было в то время единственно возможным улучшением условий жизни рабочих. В результате в одной квартире проживало от двух до семи-девяти

набережная (1959 г)

семей. Планировка таких квартир чрезвычайно разнообразна. Наиболее часто встречаются узкие коридоры, по обе стороны которых расположены двери в отдельные комнаты. В общей кухне поставлены столы для приготовления пищи — часто по числу семей в квартире. Непременным атрибутом кухни является газовая или простая плита, а в довоенные годы — множество примусов и керосинок.

В 1954 г. ЦК Коммунистической партии и Советское правительство обратили особо серьезное внимание на жилищное строительство. При ассигновании громадных средств было решено начать типовое проектирование, наладить выпуск готовых строительных деталей на заводах. В короткие сроки во многих городах стали появляться целые жилые массивы. Очень простые по своему архитектурному облику, эти здания снабжены всеми видами благоустройства (включая ванные, горячую воду, мусоропроводы). В планировке этажа ведущее место заняла отдельная квартира, рассчитанная на одну семью. Такие квартиры включают одну комнату (12—18 $м^2$), две комнаты (28—35 $м^2$), три комнаты (до 45 $м^2$), кухню, санузел, переднюю.

Опыт советских градостроителей показал, что высокий уровень комфорта и гигиены при наименьших затратах в эксплуатации городских сооружений наилучшим образом достигается в средних по численности населения городах. В связи с этим в послевоенные годы встала задача ограничения роста крупных городов. В этих городах воздерживаются от строительства новых промышленных предприятий и высших учебных заведений, определяющих рост населения. В настоящее время считается целесообразным размещать промышленные предприятия в малых и средних городах. С целью ограничения и уменьшения численности населения в крупных городах в непосредственной близости от них началось создание городов-спутников с необходимыми культурно-бытовыми, коммунальными, торговыми и другими

Станция «Маяковская» московского метрополитена

учреждениями, благоустроенными дорогами и хорошо налаженным транспортом, связывающим город-спутник с большим городом. Ряд таких городов-спутников, как, например, Жуковский и Дубна, уже построены под Москвой. В этих городах основная масса населения работает на местных предприятиях.

Советские архитекторы и строители уже с первых послереволюционных лет отказались от домов-колодцев, которыми так щедро наградил нас капиталистический город. Каждый современный дом строится как единый блок в четыре—девять этажей (а иногда даже до 14—16), между отдельными корпусами соблюдается определенное расстояние, допущенное санитарными нормами. Образовавшиеся, таким образом, открытые дворы обычно озеленяются. Перед домами по внешней стороне улицы также устраиваются зеленые газоны. Коренным образом меняется понятие о внутридворовом участке. С благоустройством квартир становятся ненужными многие хозяйственные дворовые постройки (например, дровяные сараи). Постепенно двор все больше и больше превращается в место отдыха взрослых и детей. Многочисленные спортивные площадки для игр (волейбол и городки), детские небольшие бассейны, уголки для игр в шахматы, шашки, домино, настольный теннис — все это часто можно встретить на дворовом участке. Для маленьких детей имеются огороженные площадки с песком.

Определенное число жилых корпусов составляет микрорайон со своей сетью обслуживания. Здесь одновременно с жилыми домами проектируются школы, которые строятся с таким расчетом, чтобы учащимся не приходилось пересекать улицы с напряженным движением транспорта. Вблизи жилых домов появляются детские учреждения — детские сады и ясли, которые в последнее время размещаются в здании, стоящем в центре квартала. В микрорайоне предусматриваются торговые центры. Они включают булочные, мясные и молочные магазины, павильоны по продаже галантереи и парфюмерии и т. п. Несколько микрорайонов объединяются в один жилой район, который имеет в составе культурно-бытовых учреждений кинотеатр, парикмахерские, магазины по продаже готового платья, тканей, обуви, ателье различного профиля, учреждения связи, поликлинику.

Организация городской жизни требует четкой работы большого числа бытовых учреждений. В городе имеются универсальные магазины, которые сочетают продажу продовольственных и промышленных товаров широкого потребления. Есть и универсальные магазины, где продаются только промышленные товары. В каждом, особенно большом, городе имеется широкая сеть специализированных продовольственных и промтоварных магазинов. Для удобства горожан с каждым годом появляется все больше магазинов, где продается какой-либо один из видов товаров — «мужские костюмы», «резиновая обувь», «белье», «консервы» и т. д. Возрастает количество ателье, где шьют и ремонтируют одежду и обувь. В последние годы появилось особенно много прачечных.

Город не может нормально существовать и развиваться без хорошо налаженного транспорта, четкого организованного сообщения между отдельными районами. В связи со значительным ростом территории и населения в подавляющем числе городов задача организации пассажирских перевозок приобрела актуальное значение. Уже к началу 30-х годов ушли в прошлое извозчики, имевшие существенное значение для городского транспорта дореволюционных городов. В течение долгих лет одно из ведущих мест в городском транспорте занимал трамвай. Число городов, оснащенных трамвайным движением, в предвоенном 1940 г. на 179% превышало 1928 г. В послевоенные годы с трамваем все более и более успешно конкурировали такие экономичные виды транспорта, как троллейбус и особенно автобус. Сравнительно с 1940 г. число пассажирских перевозок к 1956 г. в городах РСФСР выросло — троллейбусом в 5,3 раза, а автобусом — в 8,4 раза. Метрополитен теперь сооружен в Москве и Ленинграде.

Таблица 5

Пассажирские перевозки городским транспортом по РСФСР (в процентах к общему числу пассажиров в 1940 г.)

Виды транспорта	1940	1950	1961
Трамвай	100	70	104
Троллейбус	100	320	1060
Метрополитен	100	167	320

Таким образом, при неуклонном падении числа трамвайных перевозок повышается роль троллейбуса и автобуса, что связано с расширением сети усовершенствованных дорог. Однако трамвай еще очень долго будет сохранять ведущее место во многих городах. Даже в Москве трамвайные линии прокладываются и сейчас в новых районах жилой застройки, хотя в центральной части города их почти не остается. Наряду с этими видами общественного транспорта большую роль играют в городах такси и маршрутные такси.

В широко разветвленной сети городских поселений РСФСР значительное место занимают различные поселки городского типа, в которых проживает около одной пятой населения республики. В первые годы Советской власти были приняты законодательные меры для определения правового положения таких поселений. Часть их была переведена в разряд городов. Для того, чтобы выделить из огромной массы сел и деревень промышленные пункты, «недотянувшие» до ценза города, была установлена новая категория городских поселений — рабочий поселок, который имел те же

Поселки городского типа

права, что и город. Согласно постановлению правительства РСФСР от 1926 г., рабочим поселком считался населенный пункт, насчитывавший не менее 400 человек взрослого населения, 65% которого имеет основным источником существования заработную плату. Одновременно были выделены курортные поселки. В 1957—1958 гг. в РСФСР вместо категории рабочего поселка были введены поселки городского типа с населением не менее 3 тыс. человек.

По данным переписи населения 1926 г., в СССР насчитывалось 497 рабочих поселков, в том числе в РСФСР — 327, население которых составляло одну десятую часть городского населения республики [1].

За годы социалистического строительства население городских поселков сыграло большую роль в индустриализации страны, в хозяйственном освоении и заселении необжитых районов. Наряду со старыми рабочими поселками возле фабрик, заводов, рудников, железнодорожных станций и пристаней создалась широкая сеть новых промышленных поселений, число которых превосходило число городов. В глухих таежных лесах, на берегах полярных морей, в районах разработок полезных ископаемых, на строительстве новых железнодорожных магистралей, каналов, гидроузлов, заводов вырастали рабочие поселки — пионеры индустриального развития страны. Первоначально в самом поселке зачастую не было необходимых учреждений культурного и бытового обслуживания. Лишь после завершения стройки основного производственного объекта начиналось благоустройство самих поселков. Советское правительство провело огромную работу по реконструкции старых поселков и обеспечению новых необходимыми элементами инженерного благоустройства и культурно-бытового обслуживания. На них были распространены основные принципы планировки и организации социалистических городов.

Особенно быстро росли рабочие поселки в период Великой Отечественной войны в восточных районах страны, куда эвакуировались предприятия, на базе которых создавались новые промышленные очаги; также интенсивно протекал этот процесс и в годы послевоенных пятилеток.

Несмотря на то, что многие поселки ежегодно переходят в разряд городов, число их непрерывно возрастает. К 1962 г. в Российской Федерации их стало 1632, большая их часть насчитывает от 5 до 15 тыс. жителей. Постепенно изменились и усложнились функции поселков городского типа. Оставаясь в основном промышленными поселениями, многие поселки выполняют роль административных, культурных и организационных центров крупного промышленного, энергетического, транспортного строительства, служат местами расселения промышленных рабочих больших городов. Наиболее многочисленна в СССР группа промышленных поселков, которые имеют важное экономическое значение и являются по существу первой стадией развития индустриальных городов. Многие крупные промышленные города, возникшие в годы пятилеток, выросли из поселков городского типа (Прокопьевск, Киселевск, Новомосковск, Магадан, Воркута и др.). Во многих районах страны поселки городского типа являются преобладающей формой размещения промышленности и городского населения, особенно на Севере Европейской части РСФСР, в Сибири и на Дальнем Востоке, где они численно преобладают над городами, а в ряде случаев превосходят их по количеству населения.

По своему производственному профилю поселки городского типа очень разнообразны. Они отражают экономическое направление районов, в которых находятся, но в отличие от городов, для которых характерно комплексное развитие промышленности, обычно имеют более узкую специализацию. Темпы роста поселков зависят от характера промышленных предприятий,

---

[1] «Административно-территориальное деление Союза ССР». М., 1930, стр. 8.

Станция «Октябрьская» московского метрополитена (1963 г.)

которые в них размещаются. Если предприятия по своему профилю приобретают комплексный характер и притягивают большое число рабочих, то поселки быстро разрастаются и превращаются в города. Сравнительно мелкие предприятия, имеющие законченный цикл производства (текстильная фабрика, сахарный завод, рудник), не вызывают сосредоточения большого населения, поэтому поселки, в которых находятся такие предприятия, растут медленнее. Большое число поселков городского типа создается в районах освоения разнообразных полезных ископаемых. Некоторые из них имеют временный характер, например в Подмосковном угольном бассейне, где преобладают мелкие шахты с коротким сроком эксплуатации. Много мелких поселков, преимущественно временного типа, возникает на разработках торфа в Смоленской, Псковской, Новгородской областях и Мещере. Их население часто меняет свое местонахождение, переселяясь к новым выработкам. Постоянно существуют лишь наиболее крупные, являющиеся организационными центрами, базами механизации и материально-технического снабжения (Назия в Ленинградской обл., Гидроторф в Горьковской обл., Шатурторф в Подмосковье и др.). В нефтепромысловых и угольных районах поселки располагаются большими группами, образуя густозаселенные промышленные районы (Кузнецкий, Воркутинский и Подмосковные угольные бассейны, нефтяные районы Ухты и Поволжья). Типичными горнопромышленными поселками являются Полуночное, Марсяты, Гремячинский на Урале, Ирша и Бородино в Красноярском крае, Рудничный, Тельбесс, Таштагол в Кузбассе, Лебеди, Яковлево в районе освоения Курской магнитной аномалии.

На обширной территории лесной зоны широкое распространение имеют лесопромышленные поселки, являющиеся здесь основной формой размещения промышленности и расселения рабочих, которые ведут заготовку, транспортировку и переработку древесины. Они размещаются у лесосек, у пунктов сплава и перевалки древесины, вдоль лесовозных дорог. Густая цепочка поселков располагается на Севере РСФСР, вдоль железных дорог Архангельск — Вологда и Котлас — Воркута. Часть поселков, связанных с лесозаготовками, имеет сезонный или временный характер. Поселки,

23 Заказ № 888

в которых находятся предприятия по переработке древесины (лесозаводы, шпалорезки, гидролизные установки, небольшие бумажно-целлюлозные фабрики), существуют постоянно. По мере роста промышленности и населения они перерастают в города. Одновременно такие поселки являются организационными и культурными центрами больших лесопромышленных районов. Например, на правом берегу Енисея, ниже впадения в него р. Ангары, среди бескрайней сибирской тайги, располагалось старинное с. Маклаково. Перед Октябрьской революцией в нем был построен небольшой лесопильный завод. Рабочие жили в окрестных деревнях или неблагоустроенных бараках. После Великой Отечественной войны началась реконструкция завода. За короткий срок в селе был создан крупнейший в Сибири лесозавод с большим цехом, изготовляющим стандартные дома. В 1953 г. село было преобразовано в рабочий поселок, в котором, по данным 1959 г., проживало 16 тыс. человек. Поселок застраивается благоустроенными домами, в нем уже созданы Дом культуры, несколько клубов и стационарных киноустановок, библиотеки. Скоро Маклаково соединится железнодорожной линией с Ачинском. Вокруг Маклакова строятся новые лесозаводы и жилые поселки. Со временем они, несомненно, сольются в промышленный город.

В районах с развитой промышленностью поселки городского типа располагаются преимущественно вокруг индустриальных центров. В небольшом по территории районе Горький — Дзержинск — Павлово расположено 25 поселков, а вокруг Москвы их насчитывается несколько десятков. Производственная специализация промышленных предприятий в таких поселках тесно подчинена потребностям промышленности соседних крупных городов и районов. В Центральном промышленном районе РСФСР имеется много текстильных поселков (Пролетарский, Городищи, Старая Вичуга, Полотняный и др.), стекольных и фарфоро-фаянсовых (Вербилки, Стекольный, Курловский, Уршельский, Фаянсовый), бумажных (Правдинск, Кондрово). В районах, где развито интенсивное сельское хозяйство, производственная деятельность большинства поселков связана с переработкой сельскохозяйственного сырья (Центрально-черноземный район РСФСР). В таких поселках располагаются шерстомойки, маслобойки, сахарные, крахмало-паточные, спиртовые заводы, льнозаводы. Эти предприятия, как правило, не бывают большими, многие из них имеют сезонный характер, поэтому поселки, возникшие при них, развиваются медленно и превращаются в города лишь в том случае, если этому способствуют другие факторы.

Особое место среди промышленных поселков занимают поселки при электростанциях. Они возникают на строительстве крупных энергетических объектов, где фронт работ сильно растянут, и каждый отдельный участок должен иметь неподалеку базу для размещения механизмов, строительных материалов, инструментов, рабочей силы. Во время сооружения крупных гидростанций на Волге, на Ангаре и других реках было создано множество первоклассных благоустроенных поселков, получивших широкую известность по всей стране — Приволжск, Ангарск и др. После завершения строительства гидростанций они начали развиваться как центры энергетического производства и быстро превратились в промышленные города. О быстроте, с какой создаются такие города, можно судить на примере Дивногорска, названного так за необыкновенную красоту его окрестностей. В 1956 г. на правом берегу Енисея в 35 км от Красноярска возник рабочий поселок строителей Красноярской ГЭС. Над берегами величественного Енисея возвышаются огромные отвесные скалы, поросшие лесом. Улицы в поселке были проложены прямо в лесу, среди мощных кедров и пихт. Благоустроенные дома скрываются в зелени деревьев. В поселке открыт Дом техники, фабрика-кухня, гостиница и пр. С 1963 г. он стал уже городом.

Горняцкий поселок Шолоховский (Ростовская обл. 1956 г)

В старых промышленных районах России сохранились до сих пор старинные поселки, история которых связана с развитием кустарных промыслов. Мировую известность получили бывшие села, а теперь поселки городского типа — Мстера, Палех, Хохлома, Холуй, Красное (на Волге), где живут и работают создатели замечательного русского художественного промысла. Например, старинное русское село Палех в окрестностях Шуи (Ивановской обл.) стало поселком городского типа и административным центром района с 1947 г. Наряду с мастерскими здесь создано художественное училище, открыт богатейший музей палехского искусства. В своем внешнем облике Палех и сейчас сохраняет черты большого села Центральной России с его усадебной застройкой. Но в последние годы здесь идет большое строительство, сооружаются многоэтажные общественные здания и жилые дома. У железнодорожных станций, пристаней, затонов, на больших автомагистралях создаются транспортные поселки. В них размещаются элеваторы, холодильники, склады, торговые базы, дорожные мастерские. Как правило, благоприятные транспортные условия способствуют развитию в них промышленности; поселки этого типа быстро становятся городами.

Большое распространение в Европейской части СССР имеют курортные поселки и близкие к ним по своему назначению пригородные дачные пункты. Известностью, например, пользуются курорты Краинка в Тульской обл., Солотча в Рязанской, Серноводск в Куйбышевской.

Большинство поселков городского типа представляет собой местные экономические, административные и культурные центры по отношению к тяготеющим к ним сельским поселениям, т. е. выполняет роль, присущую городам. Примером может служить поселок Пролетарский, расположенный в 15 км от Серпухова (Московской обл.). Он возник еще в 1849 г. близ с. Городенки в связи с постройкой суконной фабрики. За годы социалистического строительства Пролетарский превратился в самостоятельный экономический центр, вовлекший в орбиту своего экономического и культурного влияния несколько сельских населенных пунктов. Суконная фабрика подверглась реконструкции и стала крупным предприятием, на котором работает более 2 тыс. человек; из них половина живет в самом поселке, а ос-

тальные — в близлежащих деревнях и селах. В поселке имеются средние школы, общеобразовательная вечерняя школа для рабочей молодежи, школа фабричного ученичества, заочный текстильный техникум и учебный пункт заочного текстильного института. Дети дошкольного возраста посещают ясли и детский сад. Хорошо поставлена медицинская помощь населению, ее осуществляют поликлиника, кустовая больница на 75 коек и костно-туберкулезный санаторий. Большую культурно-просветительную работу проводят клуб, имеющий зрительный зал на 500 мест, радио-узел, массовая и техническая библиотеки с книжным фондом более 500 тыс. экземпляров.

Поселки городского типа, независимо от их размеров, из года в год благоустраиваются, в них повышается культурно-бытовое обслуживание населения.

Существующие типы планировки и формы застройки поселков очень разнообразны и зависят от многих обстоятельств. Многие рабочие поселки, преобразованные из сел и деревень, до сих пор сохраняют во внешнем облике следы прошлого. Здесь преобладает индивидуальная застройка с усадьбами и избами тех же типов, что и в деревнях данной местности. Многоэтажные здания располагаются одиночно или небольшими группами. Улицы не имеют ясно выраженной планировочной системы. Примером могут служить поселки Нахабино, Тучково (Московской обл.), Костерево, Городищи и Мстера (Владимирской обл.). Новые поселки, особенно те, которые были созданы в годы послевоенных пятилеток, по характеру застройки и по уровню благоустройства мало отличаются от городов. Их планировка имеет по сравнению с большими городами более простую структуру. «Жизненным» центром поселков является обычно фабрика, завод, депо, мастерские, затон, пристань, около которых размещается жилая застройка. В средних по размерам поселках обычно бывает две или три основных уличных магистрали с примыкающими к ним короткими улицами. Обычно в таком поселке имеется одна или две площади, выполняющие роль «делового центра», где располагаются органы управления, магазины, столовые, культурные учреждения. В большом поселке создается несколько таких «центров», обслуживающих его отдельные части, иногда даже имеются больничные и учебные городки, где размещаются специальные учебные заведения, школы, интернаты.

Советская градостроительная наука разработала принципы планировки и застройки поселков. Размещение промышленных и жилых зон в пределах поселка осуществляется при соблюдении максимальных удобств для населения. В поселках, где имеются горнодобывающие, металлургические и химические предприятия, между производственной и жилой застройкой закладываются зеленые защитные полосы. Застройка производится индустриальными методами с применением типовых проектов, позволяющих осуществить единый архитектурный стиль. Воздвигаются многоэтажные крупнопанельные дома или дома типа коттеджей на две-четыре семьи. В крупных поселках с населением в 10—12 тыс. человек, более экономичных в эксплуатации, чем мелкие поселки, создаются все элементы городского благоустройства—водопровод, канализация, газо- и теплоснабжение. Во всех поселках большое внимание уделяется озеленению, как правило, производятся уличные и приусадебные посадки, создаются коллективные сады, огороды. Каждый поселок имеет комплекс учреждений культурно-бытового и медицинского обслуживания по нормам, предусмотренным для городов,— школы, детские сады, ясли, поликлиники, библиотеки, клубы, кинотеатры, стадионы, спортивные залы, магазины и предприятия общественного питания, гостиницы. Особенно высоким уровнем культурного обслуживания и благоустройства отличаются поселки, созданные в последние годы на Волго-Донском канале, на строительстве гидростанций на Волге и в Сибири. Большое внимание при проектировании новых поселков уде-

Москва. Школа-интернат на Ленинском проспекте (1961 г.)

ляется учету географических условий, что особенно важно в районах Севера. В них предусматривается обеспечение максимальных удобств и комфорта, которые помогут компенсировать суровые климатические условия

Города — культурные и административные центры. Городское управление

Социалистические города и поселки городского типа являются культурными центрами страны. Введение всеобщего обязательного обучения вызвало рост числа школ, для которых строятся специальные типовые здания. В последнее время распространяются школы-интернаты. Специальные средние учебные заведения (ремесленные училища, техникумы) обеспечивают подготовку квалифицированных кадров для промышленных предприятий. Во многих городах имеются разнообразные высшие учебные заведения. Их число значительно выросло за годы Советской власти. Если в 1914/15 учебном году на территории современной Российской Федерации насчитывалось 73 высших учебных заведения, то к 1960/61 г. их было 430, а число студентов выросло соответственно с 86,5 тыс. до 1496,7 тыс. человек. В наиболее крупных городах — Москве, Ленинграде, Ростове, Воронеже, Казани, Саратове, Свердловске, Перми, Новосибирске, Томске, Иркутске, Владивостоке работают университеты. В отличие от Западной Европы, где еще в средние века появились специальные университетские города без развитой промышленности и торговли, вся жизнь которых определялась жизнью университета (Геттинген, Саламанка, Оксфорд и др.), русские университеты еще до революции создавались преимущественно в крупных (большей частью губернских) городах. И в советское время новые университеты основывались в крупных культурных и промышленных центрах. Обычно они представляют собой целые научно-учебные городки. Наиболее крупными центрами советской науки являются Москва и Ленинград, где находятся основные учреждения Академии наук СССР и ряда отраслевых академий. В последнее время научно-исследовательские учреждения, лаборатории и конструкторские бюро, связанные с теми или иными отраслями хозяйства, размещаются ближе к центрам развития этих отраслей.

В каждом областном городе теперь есть свой областной театр. Число театров выросло со 106 в 1913 г. до 288 — в 1960 г. В подавляющем большинстве городов для них построены специальные здания. Крупные центры имеют

Новосибирск. Академическая улица (1961 г.)

несколько, а Москва и Ленинград — десятки театров. В большинстве крупных городов есть также своя филармония и концертный зал. Деятельность театров и филармоний тесно связана с работой новых учреждений культуры, возникших в советский период, дворцов культуры и клубов при предприятиях и крупных учреждениях. Помимо спектаклей, которые организуются театрами на сценах дворцов и клубов, профессиональные артисты руководят художественной самодеятельностью рабочих и служащих. В каждом городском районе имеется один или несколько кинотеатров. Их здания также обязательно входят в комплекс застройки жилого района. Почти в каждом городе можно найти музей (чаще всего—краеведческий), а в крупных городах есть множество разнообразных музеев (в Москве их около 70), а также другие культурно-просветительные учреждения (зоопарки, ботанические сады и т. п.).

Излюбленными местами отдыха в каждом городе являются парки и сады. Часть из них сохранилась от дореволюционного времени, но большинство организовано уже в советский период. По своему внешнему облику городские парки очень разнохарактерны. Некоторые из них созданы на базе больших нетронутых лесных массивов, другие являются искусственно насажденным зеленым массивом. Как правило, в них расположены здания летнего театра и кино-театра, размещены многочисленные аттракционы, комнаты для настольных игр, кафе и закусочные. Иногда в парках организуются народнохозяйственные или художественные выставки, проводятся летние и зимние праздники, карнавалы и балы.

В каждом городе в наши дни имеются свои стадионы и спортивные площадки, где тренируются и соревнуются спортсмены. Из года в год расширяется круг городского населения, занимающегося спортом. Основная задача спортивных организаций — добиться массовости спорта — решается на многочисленных футбольных полях, волейбольных площадках и теннисных кортах. В дни спортивных соревнований городские стадионы привлекают буквально толпы «болельщиков» — зрителей. Особенной популярностью пользуются футбольные матчи.

Москва. Кремлевский Дворец съездов (1963 г.)

В социалистическом городе, развивающемся также и как административный центр, размещаются учреждения союзного, республиканского, областного, городского и районного значения. В таком центре, как Москва, находятся, например, все виды этих учреждений. В Москве сосредоточены центральные органы Коммунистической партии Советского Союза.

Здания, занимаемые административными учреждениями, чрезвычайно разнообразны. В первые годы Советской власти эти учреждения занимали здания, доставшиеся городу еще от дореволюционного периода. Позднее начинается строительство специальных административных зданий. Эти здания, во многом определяющие архитектурный облик города, образуют обычно его административный центр.

В основу самоуправления социалистического города положены совершенно новые демократические начала. Каждые два года в городах проводятся выборы в городские и районные Советы депутатов трудящихся. Прямым тайным и всеобщим голосованием избирается высший орган городской власти — Городской Совет. На своей сессии депутаты Совета избирают исполнительный орган — Исполнительный Комитет Городского Совета. Депутаты избирают также председателя исполкома и его заместителей. Исполком Городского Совета имеет свои управления и отделы, во главе которых стоят депутаты. Из числа депутатов Городского Совета избираются постоянные комиссии Совета, которые рассматривают и подготавливают вопросы, касающиеся отдельных сторон городской жизни. Такие комиссии образуются по вопросам строительства, народного образования, здравоохранения, благоустройства и т. д. Предложения и выводы комиссий рассматриваются на общих сессиях Городского Совета, а между сессиями — на заседаниях Исполнительного Комитета. Наиболее важные вопросы городской жизни исполком также выносит на обсуждение всех депутатов Совета (бюджет, работа местной промышленности, планировка и застройка города и т. п.). По такому же принципу действуют в границах своего района районные Советы депутатов трудящихся. Городские и районные Советы в своей деятельности опираются на широкие массы населения города. В по-

следние годы особенно широкий размах приобрела работа общественных организаций — домовых комитетов, избираемых жильцами отдельного дома, дружинников, помогающих следить за сохранением общественного порядка, санитарных комиссий в отдельных домах, детских комиссий и т. п. Таким образом, к непосредственному управлению городом привлекается само население, его значение в общественном управлении все более и более расширяется.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Во второй половине XIX — начале XX в., несмотря на развитие пароходства и железнодорожного транспорта, средства передвижения, известные издревле, продолжали играть важную роль в народном хозяйстве и были распространены повсеместно. Разнообразные традиционные средства передвижения зависели от различных природных и экономических условий, характерных для отдельных областей обширной территории расселения русских; сказывались на них также культурные и бытовые особенности различных этнографических групп народа.

Водные средства передвижения

Для переездов по рекам, озерам и вдоль морского побережья пользовались долблеными и дощатыми лодками. Первые выдалбливались из стволов деревьев и по способу изготовления и форме подразделялись на колодообразные и пареные. Вторые сшивались из досок и были плоскодонными или с округленно-суживающимися книзу бортами.

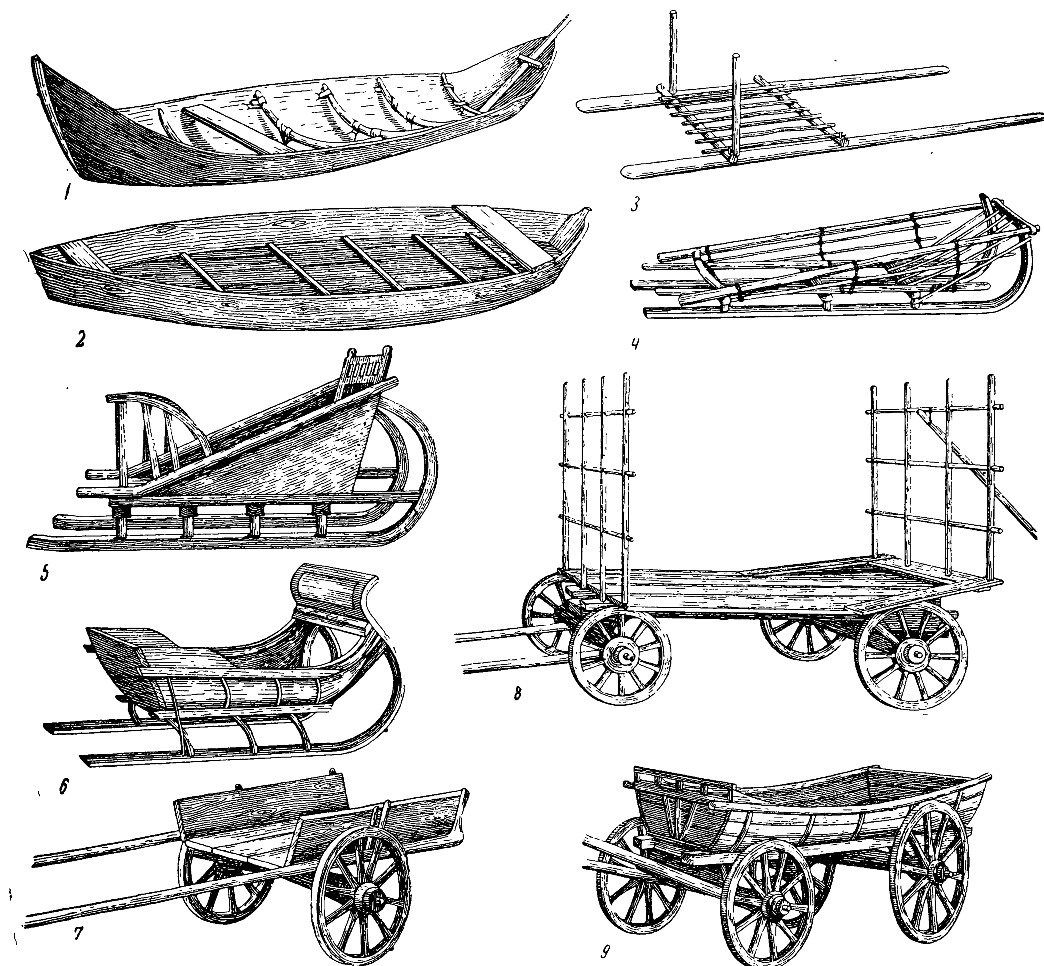
Среди колодообразных лодок встречались и неустойчивые на воде однодеревки со слегка закругленными краями бортов и малоподвижные, но устойчивые лодки, делавшиеся из двух соединенных бортами колод. Одной из разновидностей колодообразных лодок была *комяга* — соединение двух выдолбленных колод. Распространенные в основном в северных и северозападных губерниях и в верхнем течении Оки колодообразные лодки были удобны на мелких озерах, прудах и малых реках с медленным течением, при переездах на ближние расстояния, перевозках сена, хвороста и на рыбной ловле. Плавали на них, отталкиваясь шестом от дна, или же с одним веслом.

Пареные лодки (*челн*, *ботник*, *струг*) были более распространены, чем колодообразные. Чтобы придать долбленым лодкам устойчивость, их борта расширялись путем распаривания, а затем нередко на борта наращивались доски, отчего лодка становилась шире и с более глубокой осадкой. Длинные и узкие, подвижные и устойчивые они выгодно отличались от неустойчивой колоды — однодеревки или малоподвижной двойной лодки-долбленки из двух колод. Долбленые пареные лодки, широко бытовавшие у восточных славян, были распространены повсеместно, и особенно в северных, северозападных и центральных губерниях, по речным системам, озерам и морским побережьям. Плавали на них с одним веслом или несколькими непарными веслами при переездах на более дальние расстояния, чем на колодообразных лодках.

Дощатые лодки, известные также со времен Киевской Руси, более удобные в пользовании и более простые в изготовлении, были гораздо шире распространены во второй половине XIX в., чем долбленые и имели больше разновидностей[1]. Среди них встречались большие плоскодонные лодки с низкими бортами — *завозни*, на которых перевозилось сено, скот и груженые подводы.

---

[1] Преимущественное распространение дощатых лодок во второй половине XIX в. объяснялось, в частности, тем, что с уменьшением лесных массивов все труднее было доставать необходимые для изготовления долбленых лодок большие стволы деревьев.



Традиционные средства передвижения:

1 — долбленая пареная лодка, *2* — шитик-плоскодонка, *3* — волокуша, *4* — розвальни, *5* — возок, *6* — пошевни, *7* — телега-одноколка, *8* — телега-сноповозка, *9* — архангельская телега

Плоскодонные дощатые лодки употреблялись обычно на мелководье. На них плавали с помощью одного весла (на маленьких плоскодонках) или парных весел, закрепляемых в уключинах, а также под парусом. Огромные плоскодонки с тупым носом и кормой покрывались настилом из досок и служили паромами на переправах. Переправлялись на паромах при помощи шестов или при помощи перекинутых с берега на берег канатов.

Дощатые лодки с бортами закругленно-обтекаемой формы и с плоским, обычно узким дном имели различные формы (*набойница*, *карбас*, *дуб* и др.). Они были большими по размеру, имели несколько скамеек для гребцов, настил на дне и употреблялись на больших реках и озерах и даже в прибрежной полосе Белого моря. Плавали на них под парусом, с парными веслами в уключинах и кормовым веслом.

Русские реки, близко подходящие своими истоками и притоками друг к другу, с XVIII в. начали соединяться каналами. При Петре I был построен Ивановский канал с 20 каменными шлюзами между Ивановским озером — истоком Дона и р. Шатью, впадающей в Упу (приток Оки). Из-за мелководья верховьев рек с 1711 г. работы на канале были прекращены и практического

значения в дальнейшем он не имел. В это же время началось создание водно-транспортной вышневолоцкой системы, сыгравшей большую роль в развитии речного судоходства. Она соединяла Каспийское и Балтийское моря через Волгу и Неву с обводным Ладожским каналом. Строительство ее было закончено после смерти Петра I (1731 г.). Позже, в начале XIX в., Волгу и Балтийское море соединили Тихвинская и знаменитая Мариинская системы, последняя — наиболее крупная из водно-транспортных систем России. Мариинская система проходила по р. Шексне, Белому озеру, р. Ковже, водораздельному Мариинскому каналу, р. Вытегре, Онежскому оз., р. Свири, Ладожскому озеру и Неве. В систему входили обводные Белозерский и Онежский каналы. В 1825—1828 гг. была построена Северо-Двинская система.

Водно-транспортные системы объединяли водные пути России в единую сеть и увеличивали возможность транспортировки грузов, особенно леса, который шел из северных лесных губерний на юг и через Петербург на экспорт.

До развития парового судоходства на больших озерах и реках и в первую очередь на Волге, ее притоках Оке и Каме и по Северной Двине использовались различные грузовые дощатые суда, ходившие под парусами: огромные *барки* с плоским дном и отвесными бортами длиной более 50 м, поднимавшие по 150 тыс. пудов груза, большие *ладьи* с расширяющимися бортами и сложным такелажем, из которых некоторые были водоизмещением до 90 тыс. пудов, меньшие по размеру, но более быстроходные *расшивы* с закругленным дном, высоким носом и суженной кормой, *межеумки*, *мокшаны*, *карабасы*, *коломенки*, *дощаники*, *шитики* — средние и мелкие суда плоскодонные и с расширяющимися бортами. Нос и корма судов были, как правило, украшены деревянной скульптурой, верхушки мачт и борта — резьбой[1]. Многие из грузовых речных судов двигались против течения при помощи тяги бурлаков — *бечевой*. Бурлацкий артельный промысел привлекал значительную часть беднейшего населения губерний, примыкавших к крупным речным бассейнам. В морском судоходстве грузовой и промысловый флот был парусным. В XIX в. он состоял в основном из килевых шхун и баркасов.

Широко распространенное судоходство обусловило высокое развитие искусства судовождения. На русских реках, менявших фарватер, изобилующих отмелями и косами, было много искусных лоцманов, водивших суда. В морском судовождении издавна применялись рукописные лоции, использовались морские приборы (компасы, солнечные часы) и накоплялся бережно хранимый многовековой опыт мореплавателей, умевших по различным приметам определять направление и скорость течений, ветров и учитывать всю совокупность природных явлений для ориентировки в море.

На Волге — основном водном пути, игравшем большую роль в экономической и культурной жизни русских — в середине XIX в. ежегодно плавало не менее 20 тыс. грузовых судов. Волга была основным средоточием и речного судостроения, распространенного также и по другим побережьям речных систем и озер. Самое большое количество судов спускалось на воду по берегам Волги и Оки, где они строились местными жителями и плотниками-отходниками, приходившими сюда на заработки. Наиболее крупным центром судостроения был Нижний Новгород.

Названия судов и лодок были разнообразны и неустойчивы — *однодеревки*, *осиновки*, *колоды*, *душегубки*, *плоскодонки*, *паузки*, *ялики* и другие — для мелких судов; *бударки* (*будары*), *тихвинки*, *дубки*, *карабасы*, *расшивы*, *дощаники* — для средних судов; *ладьи*, *баркасы*, *мокшаны*, *гусяны*, *беляны*, *унженки*, *барки*, *баржи*, *коломенки*, *белозерки*, *межеумки*, *бархоты* (*бархаты*) — для крупных судов. Нередко суда получали названия от рек, где

[1] Обычай украшения судов резьбой и деревянной скульптурой сохранялся с древности до середины XIX в.

они строились или были наиболее распространены (белозерки, тихвинки, коломенки), иногда по названию материала (осиновки и т. п.). Одни и те же названия употреблялись в одних губерниях для названия одного, в других — для названия другого типа судов.

Во второй половине XIX в. паровое судоходство быстро вытеснило грузовые суда, ходившие бечевой или под парусом. Исчез бурлацкий промысел и традиционное судостроение, но в его центре — Нижнем Новгороде сложилось паровое судостроение (Сормовский завод), распространившееся затем на всех речных системах, морях и озерах.

Сухопутные средства передвижения

Вплоть до Октябрьской революции Россия с бескрайними просторами, огромными лесными массивами и большими заболоченными районами была известна своим бездорожьем.

Первые тракты, проложенные в Русском государстве в XV — XVI вв., соединяли Москву с западными, северо-западными, южными и восточными окраинами государства: Москва — Можайск — Литовский рубеж, Москва — Тверь — Торжок — Новгород — Немецкий рубеж, Москва — Рязань — Рясы — Дон, Москва — Муром — Казань. С XVII в. число трактов увеличилось: Москва — Калуга — Севск — Киев, Москва — Калуга — Севск — Ахтырка — Полтава — Запорожье, Москва — Тула — Мценск — Курск — Белгород, Москва — Тула — Новый Оскол — Азов, Москва — Коломна — Тамбов, Москва — Воронеж, Москва — Ефремов, Москва — Архангельск, Москва — Вильно и др. С XVI в. прокладывался тракт в Сибирь вслед за освоением сибирской земли. Отдельные тракты соединяли крупные города между собой: Великие Луки — Псков, Смоленск — Псков и др. По этим путям шло постоянное движение. Путем организации ямской гоньбы *на перекладных*, т. е. на сменных лошадях, осуществлялся перевоз казенных грузов, почты, гонцов и пассажиров из господствующих классов. Ямщики, жившие в ямских слободах, расположенных вдоль трактов, перевозили пассажиров от стана до стана[1]. По трактам же осуществлялись переезды *на долгих*, т. е. на своих лошадях с остановками для отдыха и корма лошадей. В отдельных районах, в основном в северных губерниях, из-за бездорожья были распространены верховая езда, вьючный транспорт и примитивные средства передвижения, например *волокуша* — историческая предшественница полозовых средств передвижения, олонецкая *люлька*, близкая *возилке* Киевской Руси. На вьючных лошадях грузы крепились при помощи *тороков* — длинных сыромятных ремней, расположенных по паре на каждой из боковин седла.

Полозовые средства передвижения (сани) более древние, чем колесные. Они были распространены повсеместно и имели много разновидностей. Простейшие сани без кузова — *дровни* — состояли из двух полозьев с вертикально вдолбленными в каждый из них толстыми короткими палками или брусками (*копылами*), на которых крепились параллельно полозьям два бруса. Эти брусья — *грядки* — были связаны между собой толстыми прутьями — *вязками*. На дровнях возили дрова, лес, сено, солому и т. п. Другим видом дровней были *розвальни*: они имели плетеный кузов и применялись для перевозки людей и малогабаритных грузов. Употреблялось также много выездных саней, удовлетворявших не столько хозяйственные, сколько бытовые нужды населения. Они имели высокие загнутые полозья, кузов с высокой спинкой для седоков, *облучок* — сиденье для возницы и *отводы* — две жерди,— расходящиеся в стороны от передка к концу саней и не дававшие саням перевернуться. Эти сани служили для дальних путешествий, различных поездок, для катаний и т. п. Разновидностью таких саней были сани-кибитки (*пошевни*, *возки* и пр.). Выездные сани и пошевни

---

[1] Ямские слободы отстояли друг от друга на различном расстоянии — от 30 до 100 верст.

украшались резьбой и росписью, обивались лубом, кожей, ковровой тканью. Полозовые средства передвижения в некоторых заболоченных районах использовались и летом для вывоза сена или дров.

Русские, жившие на крайнем севере, ездили на оленях и собаках, запряженных в *нарты*, не отличающиеся от нарт аборигенного населения.

В летнюю и осеннюю пору основным средством передвижения были приспособленные к определенным видам перевозок разнообразные двухколесные и четырехколесные телеги. Самой примитивной телегой являлись роспуски (*дроги*, *долгуши*), не имевшие кузова и служившие для перевозки бревен. Наибольшее распространение получила четырехколесная телега, которая имелась в каждом крестьянском хозяйстве; у такой телеги каждая пара колес сидела на оси. Крепкая жердь (*лисица*), укрепленная наглухо на задней оси, соединялась с передней при помощи *шкворня* — толстого железного прута, дававшего возможность передним колесам поворачивать влево и вправо. На концы передней оси надевались оглобли, затем колеса, а после них тяжи, укрепляемые чеками.

Крестьянские телеги были приспособлены для различных сельскохозяйственных работ. Так, для перевозки снопов служила телега с укрепленными на кузове лесенками — *грядками*, для перевозки навоза употреблялась телега без задней стенки кузова; для перевозки зерна *бестарка* — телега с кузовом в виде большого глубокого ящика и т. д.

Двухколесные одноосные телеги, двуколки и одноколки употреблялись повсеместно в период весеннего и осеннего бездорожья, а также летом в районах с песчаными почвами и в лесистых районах, где на них было легче ездить, чем на тяжелой четырехколесной телеге.

Названия телег зависели от их назначения (*сноповозка*, *навозница*), от области наибольшего бытования того или иного типа телег (владимирская, вологодская, пензенская), от характерных черт, связанных с конструкцией (*долгуша*, *чертопхайка* — тряская двуколка и т. д.).

Во второй половине XIX в. в городах и у зажиточных слоев сельского населения были распространены экипажи — пассажирские повозки (*тарантасы*, *кибитки*, *дроги*, *пролетки*, *линейки*, *кареты*). Экипажи были на железном ходу, большая часть их были крытыми (часто с откидным верхом) и имели рессоры, а позднее — и надувные шины (*дутики*). В городах извозчичьи пролетки летом и выездные сани зимой были основным транспортом. Появившиеся во второй половине XIX в. конки, а к 900-м годам трамваи не могли обеспечить значительных перевозок городского населения. Они были лишь в крупных городах, причем протяженность и разветвленность рельсовых путей была незначительной.

Во второй половине XIX в. средства передвижения были несколько усовершенствованы. Не только экипажи, но и большинство крестьянских телег было на железном ходу.

Характерной чертой русских сухопутных средств передвижения являлась хомутно-оглобельно-гужевая упряжка. Дышловая упряжка, характерная для Украины, бытовала лишь у незначительной части русского населения южных губерний.

Помимо самой распространенной запряжки одной лошади в экипаж применялась также запряжка пары лошадей, когда одна лошадь шла под дугой, а другая (*пристяжная*)— рядом на постромках; широко, особенно в ямской гоньбе, бытовала запряжка трех лошадей — знаменитая русская тройка, состоявшая из *коренника* — лошади под дугой и двух пристяжных. Кроме того, применялась запряжка двух или нескольких лошадей *цугом*, или *гусем*. В этом случае пристяжные лошади шли впереди коренника[1].

---

[1] Во второй половине XIX в. уже потеряли значение правила, регламентировавшие число лошадей в запряжке цугом у людей различного социального положения.

В конце 60 — начале 70-х годов XIX в. в России началось, а в 70—90-х годах интенсивно развернулось строительство железных дорог, в результате которого Россия к 1913 г. вышла на первое место в Европе и на второе в мире по протяженности железнодорожных путей. Тем не менее плотность их соотносительно с территорией расселения русских была невелика, и основным видом транспорта оставался гужевой.

Первой значительной железной дорогой была построенная в 1851 г. Николаевская, связавшая Петербург с Москвой и имевшая помимо стратегического и административного важное экономическое значение, увеличившееся с постройкой в последующие десятилетия железнодорожных веток, соединивших ее с другими железными дорогами, заводами и складами различных товаров. Так, в 1870 г. через ст.Тосно Николаевская железная дорога соединилась с Балтийской железной дорогой, через ст. Чудово — с Новгородской (узкоколейной линией Рыбинской железной дороги), через ст. Бологое — с Рыбинской железной дорогой, через Москву — с другими позже построенными дорогами.

Петербургско-Варшавская дорога с веткой к прусской границе, построенная в 1867 г. в основном в стратегических целях, сыграла огромную роль в развитии внутренних и внешних торговых связей.

Построенные позднее Московско-Нижегородская, Грязе-Царицынская (1872 г.), Московско-Брестская (1872 г.), Московско-Казанская (1865 г.), Московско-Курская (1871 г.), Курско-Харьково-Азовская и другие дороги связали глубинные районы с Москвой и с морскими портами. Размещение дорог было весьма неравномерным. Три железных дороги соединяли центр с нижним течением Волги, но железнодорожные связи с северными областями Европейской части России отсутствовали.

Дороги служили для вывоза за границу и подвоза в промышленные центры хлеба и других продуктов, леса, фабричного сырья, вывоза из-за границы и промышленных центров различных машин и промышленных изделий.

Развитие сети железных дорог влияло не только на развитие экономики, но и на рост населения, его занятия, на культурно-бытовой облик районов, где проходила «чугунка». Так, построенные в 1871—1877 гг. Тамбовско-Саратовская, Грязе-Царицынская и Сызрано-Вяземская дороги повлияли на жизнь населения всего черноземного края. Население начинало концентрироваться в районах, где проходили железные дороги; менялся тип сельских поселений. Пастбища, служившие основой экстенсивного животноводства, начинали распахивать под зерновые культуры, и происходил процесс вытеснения животноводства производством товарного зерна, шедшего по железным дорогам на вывоз, в частности за границу. В юго-восточных областях вместо экстенсивных форм животноводства — коневодства и овцеводства — развивалось продуктивное молочно-товарное животноводство.

Отдельные железные дороги способствовали развитию определенных отраслей промышленности и промышленных центров. Например, Шуйско-Ивановская и Иваново-Кинешемская дороги стимулировали развитие текстильного района Верхнего Поволжья; по ним осуществлялись перевозки хлопка с волжского пути на фабрики Костромской и Ярославской губерний и вывоз текстильных изделий вновь к Волге для дальнейшей транспортировки водными путями в Нижний Новгород, на ярмарки и через Астрахань в Среднюю Азию и Персию. Железные дороги влияли на сокращение или усиленное развитие кустарных промыслов.

Разнообразие средств передвижения у русского населения отражало многоукладность быта. Распространение в одних районах передовых для своего времени средств передвижения и сохранение самых примитивных в других районах являлось результатом неравномерного развития экономики, культуры и быта России в эпоху капитализма.

В целом за десятилетия буржуазного развития России, несмотря на известный рост технического прогресса, традиционные средства сообщения, прежде всего гужевой транспорт, сохраняли важнейшее значение в экономике страны.

Современные средства передвижения

Две войны — империалистическая и гражданская — совершенно расстроили транспорт России. Восстановление транспорта началось еще до окончания гражданской войны. Но технико-экономическая отсталость страны на десятилетие задержала развитие транспорта. Сеть железных дорог по-прежнему не обеспечивала транспортные нужды; грузовых автомобилей (полуторатонных, выпускаемых Московским автомобильным заводом, и трехтонных, выпускаемых с 1925 г. Ярославским автозаводом) было крайне мало, и для многочисленных хозяйственных перевозок грузов, особенно на короткие расстояния, а также в качестве средства передвижения в городах и селах по-прежнему в основном служил гужевой транспорт.

В 1926—1929 гг. в период борьбы партии за социалистическую индустриализацию страны началось строительство железных дорог, рост паровозного парка, улучшение водных путей, создание новых морских и речных судов, строительство автомобильных,авиационных и моторных заводов.

В период технического перевооружения народного хозяйства, укрепления и развития социалистической экономики (1929—1937 гг.) были построены Беломорско-Балтийский канал (1933 г.) и канал имени Москвы (1937 г.), сыгравшие огромную роль в развитии водного транспорта. С 1931 г. началась реконструкция железнодорожного транспорта и расширение сети железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке. Резко возрос выпуск автомобилей, особенно после постройки Горьковского автозавода и реконструкции Московского автозавода. Развилась авиационная промышленность и моторостроение. В сельской местности все большее значение начал приобретать автомобильный транспорт. В городах извозчиков и ломовых возчиков заменили автобусы, такси и грузовики. В Москве была построена первая очередь метрополитена. К концу 30-х годов в результате выполнения пятилетних планов развития народного хозяйства пути сообщения и средства передвижения изменились коренным образом.

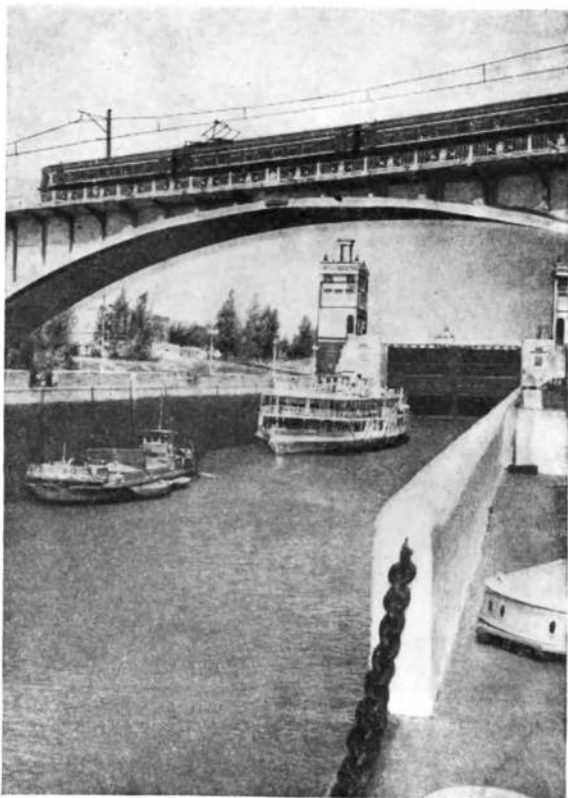
В годы Отечественной войны транспорт России сильно пострадал. На территории, оккупированной немецкими захватчиками, были разрушены автомобильные и железные дороги [1], взорваны мосты, налеты вражеской авиации нанесли урон транспортной сети в центральных районах, не подвергавшихся оккупации. Очень сильно пострадал водный транспорт и воднотранспортные системы. В частности, был выведен из строя Беломорско-Балтийский канал. Тем не менее развитие транспорта продолжалось даже в тяжелые военные годы. На заводах транспортного машиностроения, автомобильных и авиационных проектировались новые оригинальные конструкции средств передвижения.

После войны началось восстановление разрушенного транспорта и его дальнейшее интенсивное развитие. Строились новые автомобильные и железные дороги, создавался мощный парк паровозов, а затем тепловозов и электровозов, реконструировались и расширялись порты (Новороссийский, Ленинградский, Мурманский, Владивостокский, Петропавловск-Камчатский, Находка и др.), был восстановлен Беломорско-Балтийский и проложен Волго-Донской канал (1952 г.). К 1964 г. закончена реконструкция Мариинской системы, получившей название Волго-Балтийской, улучшились условия для транспортного движения по рекам, озерам и вновь созданным водохранилищам Волги и Камы; изготовлялись разнообразные речные и морские суда, в том числе лайнеры и речные суда на подводных

---

[1] Во время Отечественной войны было уничтожено 65 тыс. км железнодорожных путей.

крыльях; в автомобильной промышленности усиливался выпуск специализированных автомашин, в авиационной — оригинальных по конструкции, лучших в мире современных самолетов. В городах троллейбусы и автобусы постепенно сменяют трамваи. В Ленинграде был построен метрополитен, а в Москве значительно расширена его сеть. Многие горожане пользуются личными автомобилями, мотороллерами, велосипедами. Последние, как и мотоциклы, широко бытуют также в сельской местности.



В камере шлюза

Несмотря на полное господство в народном хозяйстве технических, из года в год совершенствуемых средств передвижения, в сельской местности в небольших размерах сохраняются и традиционные средства передвижения — сани и телеги для мелких внутриколхозных перевозок и для праздничных катаний (на свадьбах, при проводах «русской зимы» и т. д.). Верховая езда сохраняется главным образом как вид спорта и перестала быть средством передвижения. На побережьях рек, озер, морей бытуют разнообразные лодки, в основном моторные. Они применяются для внутриколхозных хозяйственных перевозок, используются для рыбной ловли, в том числе любительской и т. п.

Из видов транспорта в настоящее время ведущим по числу перевозок пассажиров и грузов остается железнодорожный. Перевозки на железных дорогах все более и более осуществляются путем электрической тяги (по протяженности линий, переведенных на электротягу, СССР занимает первое место в мире) и мощными тепловозами. Выпуск паровозов в СССР прекращен. Техническая вооруженность железнодорожного парка позволила увеличить вес поездов и скорости движения. Для обеспечения бесперебойного и безаварийного движения введена автоблокировка и диспетчерская централизация. Железные дороги располагают специализированными вагонами для различных грузов и комфортабельными пассажирскими цельнометаллическими вагонами. Железнодорожное строительство и транспортное машиностроение растут от года в год.

Резко возрастает значение автомобильного транспорта. Автомобилями перевозится больше грузов, чем по железным дорогам и водным путям, вместе взятыми, но грузооборот (в тонно-километрах) автомобильного транспорта неизмеримо меньше железнодорожного потому, что все перевозки производятся на относительно короткое расстояние. Автомобильный транспорт освобождает железные дороги от краткопробежных перевозок; он распространен как внутрипроизводственное и внутриколхозное средство сообщения, связывает мелкие населенные пункты и районные центры, областные города и

Курьерский поезд «Красная стрела» Ленинград — Москва

столицы республик. Прекрасные трассы связывают ныне Москву с Ленинградом, Горьким, Казанью, Куйбышевым, Ярославлем и другими русскими городами. От Москвы и Ленинграда дороги идут в союзные республики (шоссе Москва — Минск — Брест, Москва — Харьков — Симферополь — Ялта, Ленинград — Таллин — Рига, Ленинград — Киев — Одесса и др.). По новым бетонированным и асфальтированным автотрассам и гудроновым дорогам, протянувшимся на десятки тысяч километров, грузы и пассажиров перевозят автомобили отечественного производства разнообразных марок и различного назначения: гигантские сорокатонные грузовики и легкие грузовые машины, огромные автобусы дальнего следования с откидными креслами для пассажиров, легковые машины и малолитражные автомобили, рефрежераторы и молочные цистерны. В городах увеличивается число автомобилей, предназначенных для поливки и уборки улиц от мусора и снега.

Русские реки, связанные каналами, и моря, омывающие берега России, составляют единую систему водных путей сообщения. Речной флот состоит из самых различных по назначению судов — транспортных (сухогрузные и наливные, самоходные и буксируемые) и пассажирских (лайнеры-экспрессы для дальних рейсов, суда местного сообщения, курортные суда, представляющие собой плавучие дома отдыха), технического флота, спасательных, спортивных и т. п. Речные порты оборудованы новейшей мощной техникой для производства погрузочно-разгрузочных работ и имеют прекрасно оборудованные вокзалы для пассажиров. Значение водного транспорта особенно велико в перевозке леса и нефти.

В морском флоте в последние десятилетия увеличилось число судов с экономичными двигателями и повышенными скоростями движения. Освоенная еще в 30-х годах текущего столетия по Северному Ледовитому океану трасса — Северный морской путь — обеспечена новейшими типами судов, в том числе знаменитым атомным ледоколом «Ленин». Помимо транспортных и пассажирских судов, значительную часть морского флота составляют новейшие промысловые суда (рыболовные, китобойные, краболовные).

Автопоезд (Куйбышевская обл., 1961 г.)

Москва. Автобус ЗИЛ-158 на площади Свердлова

Теплоход на подводных крыльях на Волге (1961 г.)

За послевоенные годы особое распространение получил воздушный транспорт. На рейсовых авиалиниях летают мощные транспортные самолеты, в том числе всемирно известные реактивные лайнеры, обеспечивающие доставку грузов и пассажиров в кратчайшие сроки за тысячи километров. Авиация снабжена самым совершенным оборудованием. Помимо транспортной, повсюду появилась санитарная и сельскохозяйственная авиация. С самолетов ведется аэрогеологическая разведка, разведка косяков рыбы и лежбищ морского зверя. Широко вошел в быт отдаленных селений вертолет. Все большие круги молодежи привлекает спортивная авиация.

За годы Советской власти в результате реконструкции народного хозяйства, создания мощной индустрии и технического прогресса Россия покрылась густой сетью авиалиний, автомобильных и железных дорог. Возникшая в процессе культурной революции техническая интеллигенция и высококвалифицированный рабочий класс способствовали созданию автомобильной и авиационной промышленности, передового судостроения и грандиозного транспортного машиностроения, обеспечивших дальнейшее развитие социалистической экономики и создавших для населения возможности быстрых переездов по любым маршрутам в комфортабельных условиях. По объему пассажирского движения Россия занимает первое место в мире. С построением материально-технической базы коммунизма возрастает роль транспорта и открываются новые перспективы его дальнейшего развития.

«Рост народного хозяйства потребует ускоренного развития всех видов транспорта. Важнейшими задачами в области транспорта являются: расширение транспортно-дорожного строительства и полное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения во всех видах перевозок; дальнейшее техническое перевооружение железнодорожного и других видов транспорта; значительное повышение скоростей на железных дорогах, морских и речных путях; согласованное развитие всех видов транспорта как составных частей единой транспортной сети»[1].

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 71—72.

ОДЕЖДА

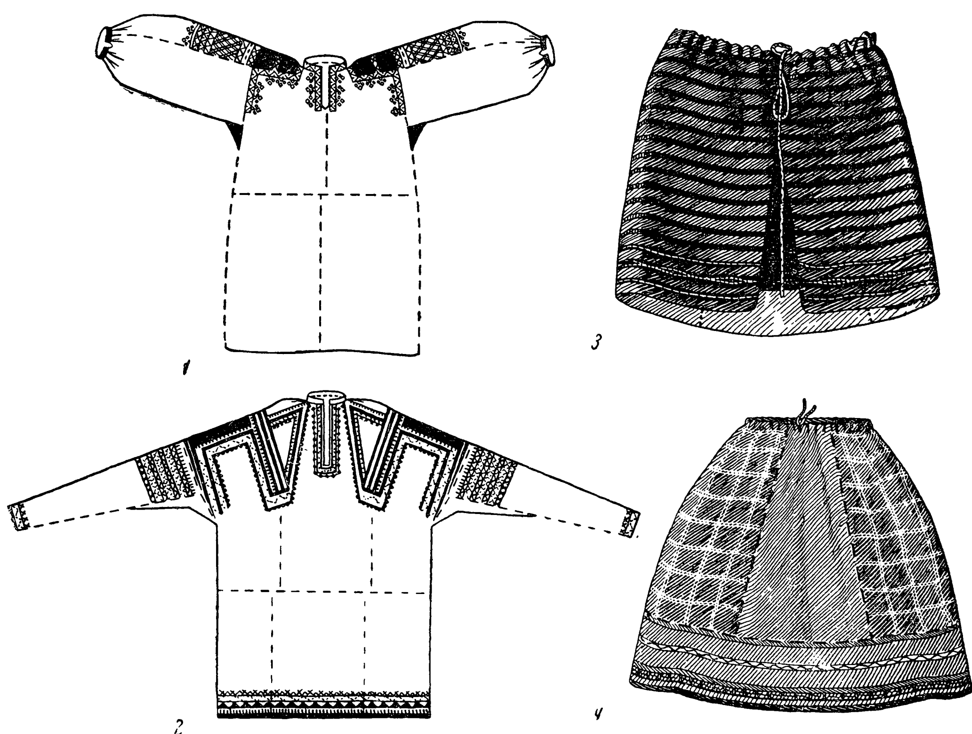
Русская традиционная одежда сложилась в основных чертах в докапиталистический период. Возникновение некоторых ее основных особенностей связано с формированием культуры еще древнерусской народности и восходит к очень отдаленным временам. В эпоху феодализма изменение традиционной народной одежды шло довольно медленно, но с развитием капиталистических отношений она подвергалась существенным изменениям. К XIX в. русская традиционная одежда, сохранявшаяся в основном в крестьянской среде, подверглась изменениям, в особенности с развитием отходничества, которое оказывало существенное влияние на быт деревни.

Традиционная одежда сельского населения

Значительнее всего различалась одежда крестьян Севера (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Костромская и другие губернии) и Юга (центральных черноземных губерний, а также Рязанской, Калужской и др.), хотя и в северных и в южных губерниях основные черты ее были общими.

Мужская одежда, более единообразная, чем женская, почти повсюду состояла из рубашки — *косоворотки* и нешироких штанов. Шили их из белого холста или крашенины — *пестряди*. Рубаха была прямого покроя с небольшим стоячим воротником или по-старинному — *голошейкой*, т. е. без воротника. В праздник молодые люди из более состоятельных крестьянских семей надевали косоворотки из ярких покупных тканей, плисовые шаровары, заправляли их в сапоги с голенищами, собранными «гармоникой». Иногда деревенские щеголи носили серебряную серьгу в одном ухе. Бороду в дореформенной деревне обычно не брили. Волосы подстригали *в кружок* и носили шапки, валяные из овечьей шерсти (коричневые *грешневики*, или *черепенники*, похожие на цилиндр). Зимой носили шапки на меху, иногда с ушами (*треух*, *малахай*). Верхняя одежда мужчины состояла из кафтана (*зипуна*, *сермяги*, *понитка*). Наиболее зажиточные крестьяне шили верхнюю одежду из покупной ткани. Эта одежда плотно запахивалась на левую сторону и застегивалась на крючки или пуговицы. Наряду со старинной цельнокроенной одеждой (с клиньями по бокам) стала распространяться одежда с отрезной спинкой и с *борами*, т. е. со сборками от талии. Кроме того, носили суконную одежду в виде длинного, расширяющегося книзу халата, имевшую различные названия — *армяк*, *азям*, *свита* (Орловская, Калужская губернии), *однорядка* (Сибирь). Зимой носили овчинные шубы, более короткие полушубки (шившиеся чаще отрезными в талии и с борами) и длинные, широкие, как халаты, овчинные тулупы, с цветным кушаком, обычно надевавшиеся в дорогу поверх шубы. Мужская одежда у разных групп казачества была сходна по покрою с украинской одеждой и одеждой соседних восточных народов. Рубаху шили с разрезом посредине груди и носили заправленной в широкие шаровары. Большое влияние на мужскую одежду оказала военная форма казаков, в которую в свою очередь вошли элементы местной народной одежды: черкеска, бурка, шапка-кубанка и др. Одежда русских в Сибири наряду с общерусскими чертами имела свою специфику, вызванную тем, что русское население Сибири пополнялось из разных областей России. В частности, своеобразие мужской одежды проявлялось в рубахе с прямыми *поликами* (плечевыми вставками), характерной для белорусов и украинцев, и широких штанах.

В женской одежде наиболее ярко выделялись два типа — северно- и южнорусский. Общей для всех областей была рубашка с поликами и воротом в сборку. В этом заключалось существенное отличие русской женской рубашки от туникообразной рубашки соседних финноязычных народов (мари, мордвы, удмуртов). В северных губерниях рубахи шили с прямоугольными вставками (с прямыми поликами) из холста, кумача, ситца. Рукава, плечи, ворот рубашки (т. е. части, которые не закрывались сарафаном)

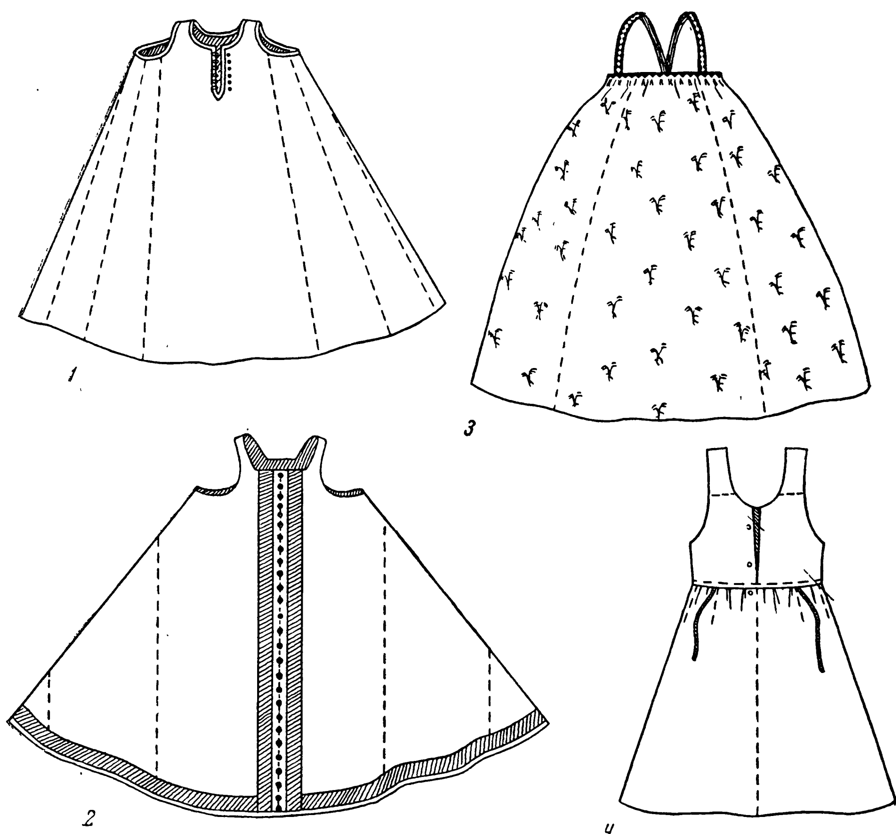


Типы женских рубах и понев:
рубахи: *1* — с прямыми поликами, *2* — с косыми поликами; поневы: *3* — распашная (Пензенская губ.), *4* — с прошвой (Тульская губ.)

украшались вышивкой или тканым узором. Часто украшался и подол рубахи, так как переднюю полу сарафана нередко поднимали и подтыкали у пояса. Особенно богаты и ярки были праздничные рубахи молодых женщин. Крестьянки северных губерний (Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и др.) поверх длинной холщовой рубашки надевали сарафан. Сарафан обязательно подпоясывался тканым поясом, высоко под грудью или низко под животом. Крестьянские сарафаны были нескольких типов. Наиболее древний тип с цельным передним полотнищем и широкими проймами, иногда с фальшивыми откидными рукавами, опускавшимися сзади у проймы, назывался *шушун*, *сушпан*, *сукман*. По покрою и названию он близок к болгарским *сукманам*, что свидетельствует о его древности. Шушун, сукман у русских шили преимущественно из красного или синего сукна. В середине XIX в. его носили в немногих местах (Псковской, Новгородской, Олонецкой губ.), главным образом старухи. Наиболее распространенным в это время был сарафан *клинник* — косоклинный сарафан, распашной, застегивавшийся спереди сверху до подола на металлические пуговицы. Шили его из кумача или китайки, из крашенины и сукна. Лишь в более богатых семьях, особенно на севере, в Поморье, в торговых поволжских городах и селах их шили из шелковой, а иногда из парчовой ткани. Сарафан прямого покроя на лямках под названием «круглый», «московский» был более поздней формой. В XIX в. он постепенно вытеснил клинник и другие более старые типы сарафана. Для «круглого» сарафана брали главным образом узорчатую ткань: ситец, набойку, пестрядь, а более богатые — атлас, штоф, кашемир. Поэтому в зависимости от материала сарафан называли *атласник*, *штофник*, *кашемирник*, *пестрядильник*, *клетовник*.

Крестьянская мужская и женская одежда начала XX в.:

1—2 — крестьяне (Московская губ.), *3* — помор (Архангельская губ.), *4* — женская одежда с сарафаном (Нижегородская губ.), *5* — с полосатой юбкой (Тульская губ.), *6* — с поневой (Воронежская губ.)



Типы сарафанов:

1 — «широколямошный» (Архангельская губ.), 2 — «китаешник» распашной (Владимирская губ.), 3 — прямой сарафан (Архангельская губ.), 4 — сарафан с «тальей» — лифом (Восточная Сибирь)

С сарафаном в праздничные дни замужние женщины на севере носили нарядные головные уборы — *кокошники*, *чёлки*, *венцы* и др. Наиболее богатые из крестьянок, а также купчихи в городах, шили кокошники из дорогих тканей (например, парчи) и украшали их настоящим жемчугом. Более бедные шили *бусовые* кокошники, украшенные поддельным жемчугом. Сравнительно дорого стоившие венцы и кокошники тщательно берегли и передавали по наследству из поколения в поколение.

На севере и на юге в одежде отражалось не только социальное, но и семейное положение крестьян. Особенно ярко это проявлялось в головных уборах и прическах женщин. Обычай требовал, чтобы у замужней женщины волосы были тщательно закрыты головным убором. Обычно замужние женщины носили *повойник*, или *кичку*, сверху которой надевали *сороку* — вышитый чехол из холста или кумача. Замужние женщины расчесывали волосы на пробор, заплетали две косы и укладывали на голове, тщательно пряча волосы под сороку или кокошник. Показаться «простоволосой», т. е. с непокрытой головой, считалось для русской крестьянской женщины позором, «грехом». Прическа девушек состояла из одной косы; в нее вплетались так называемые *косники* — цветные ленты, подвески из бисера. Более древним нужно считать ношение волос распущенными; этот обычай сохранялся в XIX — начале XX в. только в свадебном обряде, когда невеста отправлялась под венец с распущенными волосами. Девушки носили головной убор в виде обруча, круга или венца, в виде перевязки-ленты, при этом

Женские головные уборы конца XIX — начала XX в.:

1 — кокошники: *а* — Вологодской губ., *б* — Олонецкой губ., *2* — кичка рогатая (Рязанская губ.)

верх головы оставался открытым. Зимой они покрывали голову платком. В праздники на севере женщины носили ожерелья из янтаря и местного жемчуга, добывавшегося в северных реках.

В южнорусской деревне замужние женщины поверх рубахи с косыми поликами, перехваченной поясом, надевали *поневу* — своеобразную юбку из шерстяной клетчатой, большей частью, синей ткани, собранной у пояса на вздержку. Надевание на невесту поневы перед свадьбой сопровождалось известным обрядом. Южнорусская понева — *растополка* (Орловская, Калужская, Курская губернии) состояла из трех шерстяных полотнищ, полы которых не сшивались друг с другом и образовывали щель сбоку или спереди. Впоследствии в поневу стали вшивать четвертый кусок другой, однотонной холщовой или бумажной ткани (*прошву*). Такая понева называлась в народе *глухой* (Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская губ.). Спереди, поверх рубахи и поневы повязывался холщовый вышитый фартук (*занавеска*, *запон*), который укреплялся выше груди или надевался через голову. В большей части южнорусских губерний поверх рубахи носили *нагрудник* — короткую одежду прямого покроя с рукавами или без них из холщовой или тонкой шерстяной домотканой материи (*навершник*, *шушун*, *шушпан*, *касталан*, *сукман*).

Для южнорусских крестьянок характерным головным убором была *кичка*, имевшая часто форму рогов. В отличие от кокошника она была сложным убором, состоявшим из твердой части (*кичка*, *рога*), на которую надевали чехол из ткани (*сорока*), украшенный вышивкой; сзади подвязывали *позатыльник* из ткани с длинной бисерной поднизью.

Праздничный наряд молодой женщины в южнорусской деревне дополняли бисерные *гайтаны*, *жерёлки* и другие шейные и нагрудные украшения, а также низанные из разноцветного бисера подвески и украшения из птичьих перышек; пучки селезневых перьев (*кудри*) и павлиньи перья прикреплялись у висков, а шарики из белого гусиного пуха (*пушки*) — к ушам.

Женский русский костюм в XIX в. был очень красочен, особенно в южнорусских областях. Крестьянки украшали его вышивкой и ткаными узорами, умело сочетая их с кумачовыми вставками, с нашитыми полосками шнура, лент, позумента, блесток и пр. Женская верхняя одежда была сходна с мужской. Как на севере, так и на юге женщины одевались в сермяжные кафтаны, зипуны, овчинные полушубки, тулупы и т. п.

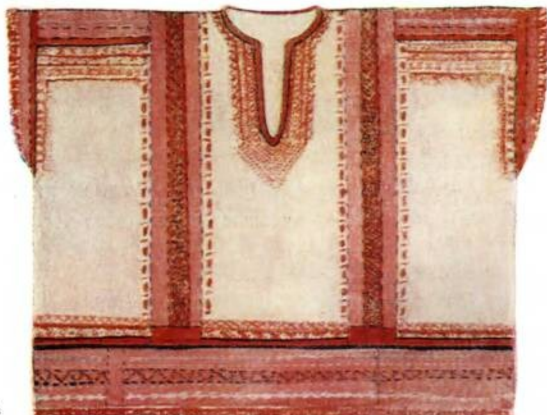
Распространенной обувью крестьян дореформенного периода, особенно в южных областях, были лапти, изготовлявшиеся преимущественно из липового лыка. От украинских и белорусских лаптей они отличались «косым» (диагональным) плетением и формой — их делали с закругленными носами (*головками*). Лапти носились с *онучами* из холста или сукна и привязывались к ноге веревочками или шнуром (*оборами*). Из коры березы плели, кроме того, *босовики*, *ступни* в виде башмаков, которые носили чаще на босу ногу и не привязывали к ногам. В некоторых районах, особенно в центральных черноземных губерниях, во второй половине XIX в. лапти составляли не только будничную, но и праздничную и обрядовую обувь; венчали и хоронили в лаптях. Праздничные лапти назывались *писаные* и отличались мелким плетением, покрывавшим головки лаптей. Местами (северо-западные губернии, Кубань, Поволжье) носили *поршни* — обувь, сделанную из одного куска кожи; их укрепляли на ноге при помощи веревки или ремешка. Праздничную обувь составляли сапоги с высокими голенищами (*русские* сапоги). Они были дороги и доступны не всем в деревне. Среди казачества была широко распространена кожаная обувь разных типов (в особенности сапоги). Крестьянские женщины по праздникам носили грубые кожаные туфли — *коты* с вязаными чулками своей работы. Валеная обувь без голенища или с суконным голенищем известна была издавна, но делать валяный сапог целиком (с голенищем) первыми научились кустари Семеновского у. (Нижегородской губ.) в начале XIX в. Затем производство валенок широко распространилось по России.

Кроме южно- и севернорусского комплексов женской крестьянской одежды, известен западнорусский традиционный комплекс. В Смоленской и некоторых соседних с ней губерниях вместо кички или кокошника женщины нередко носили полотенчатый головной убор (*ширинку*, *наметку*), поневу не из трех, а из двух полотнищ, по покрою сходную с белорусской поневой и украинской плахтой. Понева местами была вытеснена полосатой шерстяной юбкой, *андараком*. Андарак и белая суконная свита, которую носили в Смоленской губ., характерны и для белорусов.

В среднерусской полосе (Московская, Владимирская, Тверская и другие губернии) женская одежда была более близка к одежде северной деревни, так как там господствовал комплекс с сарафаном, хотя ранее, в XVIII — начале XIX в., там еще бытовала понева. В XIX в. сарафан (под названием *шубка*) стали носить и в южнорусских областях, где преобладала понева.

В результате перемещения служилых людей и переселений крепостных крестьян помещиками на юге образовывались более или менее значительные группы населения, сохранявшие долгое время традиционную одежду тех мест, откуда они были переселены. С переселением служилых людей из центральных областей на юге еще в XVI — XVII вв. распространились сарафан и кокошник, а из западных районов — тип женского костюма, состоявший из рубахи с большим отложным воротником, поверх которого одевалась полосатая юбка (андарак).

Подобные же явления наблюдались у казаков, сформировавшихся из русских выходцев из разных областей и включавших также неславянские элементы. У донских казаков бытовало несколько типов женского костюма: у верховых казачек можно было найти поневу и рогатую кичку, местами — сарафан и кокошник; на среднем и нижнем течении Дона широко бытовали распашное платье прямого покроя с широкими рукавами, надевавшееся поверх рубашки (*кубелек*), и головной убор в виде вязаного колпака, сходного с головным убором татарок. В одежде уральских казачек господствовал комплекс с сарафаном. У терских — было много общего с одеждой кавказских горцев, у кубанских казачек также были свои отличия в одежде (домотканная, иногда полосатая юбка и др.).



Русская народная одежда XX в.:

1 — праздничный девичий костюм — рубаха, передник, шушпан, *2* — сарафан с рубахой и полушубок «шубник на борах» (Тверская губ.), *3* — «кружевник»-навершник (Рязанская обл.), *4* — навершник-бральник (Рязанская обл.)

1

2

Русская народная одежда:
1 — рубашка (Архангельская обл.), *2* — передник (Вологодская обл.)

Среди старожильческого населения Западной Сибири бытовал сарафан; для Восточной Сибири более характерна была *юбка-сукманка*. Со второй половины XIX в. переселенцы из южных областей принесли туда свою специфику одежды. В Сибири экономический уровень жизни крестьянства был выше, чем в деревне Центральной России, что сказалось на всем бытовом укладе сибиряков, в частности и на одежде. В сибирской деревне уже с XVII в. стали распространяться покупные ткани (китайские и русские), и городской костюм вытеснял другие виды одежды. В Сибири не носили лаптей, и обувь как выходная, так и будничная шилась из кожи или меха (*ичиги*, *бродни*, *унты* и др.). Повседневные связи крестьянина-сибиряка с местным населением (бурятами, якутами, эвенками и др.) сильно отразились и на одежде. Русские крестьяне использовали местные виды одежды и обуви, хорошо приспособленные к сибирским условиям. Вместе с тем русская одежда оказала большое влияние на развитие одежды народов Сибири.

Костюмы дворян 20-х годов XIX в.

Вообще, русская одежда накладывала отпечаток на одежду других народов России. Русские кустарные и фабричные ткани, платки, кушаки, сапоги, полушубки, тулупы широко распространились по всем уголкам России и даже за ее пределами.

Одежда господствующих классов в России

Резкие различия в одежде разных классов русского общества особенно усилились с начала XVIII в. По указам Петра I дворяне стали носить западноевропейскую одежду. Старое русское платье разрешалось носить лишь духовенству и крестьянам. Взамен стрелецких кафтанов, колпаков и разнообразной одежды дворянской конницы Петр ввел новое обмундирование для регулярной армии и форменную одежду для гражданских чиновников по западноевропейским образцам. Каждому «чину» полагалась своя одежда, имевшая ярко выраженный сословный характер. Мундиры военных чиновников различных ведомств, учащихся (среди которых особо выделялись школы для привилегированных сословий), соответственно различавшиеся по цвету, покрою, отделке, пуговицам и т. п., являлись характерной принадлежностью быта царской России.

На протяжении XVIII — XIX вв. дворянский костюм менялся в соответствии с модой, особенно в высших аристократических кругах. Вычурные тяжелые костюмы и прически XVIII в. (с фижмами, турнюрами у женщин, бархатными и парчовыми камзолами и кафтанами у мужчин, пудреными париками и т. д.) к концу века и в первой четверти XIX в. вытеснялись более простыми (хотя и изысканными) платьем и прическами стиля «ампир», соответствующими общеевропейской моде, подражавшей античным образцам. Для женской одежды классического стиля характерна была высокая

Купеческая одежда второй половины XIX в. Супружеская пара из Галича (Костромская губ.)

талия и прямые линии юбки. В начале 30-х годов женский костюм господствующих классов видоизменяется — лиф удлиняется, а юбка становится пышной. В 60-х годах распространяется кринолин. У мужчин с начала XIX в. обычным становится фрак, затем его вытесняет из повседневного обихода длиннополый сюртук, а фрак остается парадной одеждой вплоть до XX в. Жилет был необходимой принадлежностью мужского костюма; короткие штаны, еще бытовавшие в первой половине века, в дальнейшем полностью вытесняются длинными панталонами.

Купцы и мещане начали постепенно переходить к ношению «немецкого платья» уже в петровское время, однако в их одежде (особенно в старообрядческих семьях) долго сохранялись черты, общие с крестьянской одеждой. В середине и даже во второй половине XIX в. «русский наряд» — сарафан и кокошник — носили еще женщины в некоторых городах России, хотя нередко и этот костюм подвергался сильному влиянию моды. Рубашку шили с открытым воротом (декольте), а юбку делали на кринолине и т. д. Мужчины носили рубахи-косоворотки навыпуск, иногда поверх рубахи — жилет и поддевку. В конце XIX — начале XX в. одежда буржуазии все более приближается к одежде дворян. В женской одежде преобладали различные моды с тугообтягивающим лифом и широкой юбкой (турнюр и т. д.), с буфами у плеча. В начале XX в. в моду входят узкие платья, и силуэт женского костюма резко меняется. В мужскую одежду все шире входит пиджак, смокинг, визитка; характерным головным убором становится котелок (вместо ранее распространенного цилиндра). Прочно удерживается также мягкая широкополая фетровая шляпа, появившаяся в России еще со времен А. С. Пушкина, под южноамериканским названием «боливар».

Одежда трудящихся города и ее влияние на одежду крестьян

Со второй половины XIX в. интенсивное развитие капиталистических отношений в России обусловило резкие изменения в быту города и деревни. Росло городское население, изменялся его социальный состав, начал формироваться новый класс — рабочих. В городах появляется тип «мастерового», «фабричного» человека с более высокими требованиями и культурными запросами по сравнению с чисто земледельческим населением, сохранявшим еще черты патриархального быта. Одежда населения крупных центров кустарной промышленности (Кимры, Гжель, Павлово, Ворсма) уже в середине XIX в. подверглась более значительным изменениям по сравнению с крестьянской. В конце XIX — начале XX в. эти изменения стали особенно заметными. В. И. Ленин, приводя данные о развитии пав-

Праздничная одежда сормовского рабочего конца XIX — начала XX в.:
1 — сюртук, 2 — вышитая рубашка-косоворотка

ловских металлообрабатывающих промыслов, писал: «Жизнь таких центров, как Павлово, сложилась совершенно по-городскому, выработав несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных «серых» земледельцев»[1]. В обиход рабочего все более входит костюм, состоящий из «пары» или «тройки»: пиджака, жилетки и брюк из фабричного материала, которую надевали с русской косовороткой из фабричной ткани, перехватывая ее узким поясом, иногда шнуром с кистями на концах. Праздничная косоворотка была вышита на груди, по подолу и рукавам. Брюки носили заправленными в русские сапоги. Обычным становится ношение белья. Верхняя одежда состояла из пальто городского покроя конца XIX в. или характерной «поддевки» из фабричной ткани со сборами вокруг талии. В начале XX в. входит в обиход короткая прямая одежда на вате — типа пиджака. Широко распространяется картуз.

Одежда разных групп рабочих в конце XIX — начале XX в. различалась в зависимости от большей или меньшей степени связи рабочих с деревней. Имели значение и профессии, условия производства и квалификация, а в связи с этим и уровень заработка рабочего, уровень его бытовых и культурных запросов. У кадровых рабочих Москвы, Петербурга и других крупных индустриальных центров таких профессий, как металлисты и печатники, в одежде сохранилось менее всего старых традиционных черт. Передовая часть — революционные рабочие, в частности молодежь,— по своему облику и одежде мало чем отличалась от демократической интеллигенции. Праздничная одежда квалифицированных рабочих, особенно

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 415.

Одежда женщин начала XX в.— группа дочерей шахтеров Донбасса, 900-е годы

Рабочие Коломенского машиностроительного завода, 1908 г.

у мастеров, значительно отличалась от одежды рядовых рабочих. Они надевали, например, «сорочку» с заложенной в складки «грудью», иногда — галстуки и даже щегольскую черную «пару» или «тройку».

В ряде других отраслей промышленности, где не требовалось особой квалификации рабочих, состав их не был постоянным. Они все время пополнялись за счет земледельческого населения, сохранявшего тесную связь с деревней. Это сказывалось на их быте, в частности и на одежде. На многих фабриках работали жители окружающих сел и деревень (в Павловом Посаде, Орехово-Зуеве, Егорьевске, Богородске, Иванове и др.).

Ф. Рыбников — литейщик Сормовского завода, участник революционного движения (Нижний Новгород, 1905 г.)

Одежда женщин-работниц, дочерей и жен рабочих в крупных промышленных центрах также существенно отличалась от крестьянской. Помимо белья, она состояла из юбки с кофтой (блузкой) или цельного платья, но их фасоны, отделка, расцветка менялись в зависимости от моды. Текстильщицы Орехово-Зуева (Московской губ.) в конце XIX — начале XX в. в праздник надевали ситцевые или более дорогие, например, кашемировые платья (шелковые были недоступны). Шили платья сами или отдавали портнихам, которые шили по журналам мод того времени. Прически носили также соответственно моде. На голову летом накидывали шарф из легкой ткани или плетеную кружевную косынку; зимой повязывались теплым платком или шалью. Молодые девушки обзаводились зонтиками, для вечеринок покупали перчатки, недорогие веера. Вновь прибывшие на фабрику крестьянки приносили с собой свое крестьянское платье, которое быстро меняли на костюм городского типа, принятый в рабочей среде. Приобрести новую одежду при низких заработках было трудно. Только наиболее квалифицированные рабочие могли позволить себе «лишнее» в костюме.

Особой спецификой отличался женский костюм рабочих Урала. Полукрестьянский характер хозяйства уральских рабочих в значительной мере определял бытовой уклад. Даже в конце XIX в. в среде уральских рабочих сохранялись старые черты быта, особенно у старообрядцев. В праздники женщины надевали традиционный костюм, состоявший из рубашки, косоклинного сарафана и парчового кокошника или *шамшуры* — своеобразного головного убора в виде шапочки с твердым дном. Сильная кержацкая прослойка (Нижний Тагил, Екатеринбург и др.) способствовала сохранению этих традиций, которые в других рабочих центрах давно исчезли.

Под влиянием городского быта традиционный крестьянский костюм

все более вытеснялся одеждой из фабричных тканей, сшитой по городской моде того времени. Женщины-крестьянки стали носить ситцевые сарафаны с лифом или шить так называемые «полуплатья» на кокетке, без рукавов, а во многих местах заменяли сарафан юбкой и кофтой, реже — платьем. Покрой одежды с кокеткой входит в быт деревни. Крестьянские женские и мужские рубашки из домотканины или фабричной ткани стали шить на кокетке. Тяжелые кички и кокошники заменялись легким *повойником* или *сборником* (чепцом из ситца), сверху повязанным платком. В деревне появились головные уборы, которые бытовали в рабочей и городской мещанской среде — *наколки* (род овальной шапочки на картонной основе, покрытой атласом или бархатом), *файшонки* (плетеные ажурные косынки). С распространением этих головных уборов волосы женщин закрывались уже не полностью. Городской костюм среди женщин-крестьянок распространялся, конечно, постепенно и далеко не везде. Изменения мужской одежды происходили быстрее и шире, особенно под влиянием отхода на промыслы. Вместо холщовых *портов* входили в обиход штаны из покупной ткани и плисовые (из бумажного бархата) шаровары; рубаху-косоворотку шили из покупной ткани; поверх нее надевали жилет. Большое распространение получил в деревне картуз, широко известный в городе. Зипуны и сермяги, кафтаны из домотканины стали заменяться *поддевкой*, *чуйкой*, *сибиркой* из фабричного материала.

Особенно стремилась в своей одежде подражать модам города в конце XIX — начале XX в. сельская буржуазия.

В связи с работой на фабрике, жизнью в городах в одежду беднейшей части крестьянства тоже интенсивно проникала городская одежда.

В целом накануне Октябрьской революции одежда крестьян разных областей России не была однородной. Наряду с городской одеждой, особенно распространявшейся в областях с интенсивным развитием капиталистических отношений, сохранялась традиционная одежда; существовало еще домашнее и кустарное ткачество, что было наиболее характерно для многих центральных черноземных и некоторых губерний нечерноземной полосы (Рязанской, Калужской и др.). Немалую роль в сохранении старинной одежды сыграли старообрядцы (Заволжья, Севера, Дона, Урала и Сибири), стойко придерживавшиеся своих старых обычаев, а также одежды.

Изменение в одежде после Великой Октябрьской революции

Октябрьская революция и последующая социалистическая перестройка разрушили остатки патриархального быта. Коренные изменения в укладе жизни отразились и на одежде. Постепенно исчезли резкие различия в одежде, обусловленные классовыми рамками, существовавшими в царской России. После революции были уничтожены сословные отличия, а с ними — старая форменная одежда.

В настоящее время горожане — рабочие и интеллигенция — не имеют заметных различий в одежде. Исчезла резкая разница в одежде между городскими и сельскими жителями, сглаживаются и локальные различия в костюме сельского населения разных областей.

С первых дней революции советская общественность уделяла немало внимания вопросам развития костюма и его роли в социалистической культуре. В этот период ярко проявилась тенденция противопоставить костюм советских людей костюму буржуазного Запада. В одежде рабочих и трудовой интеллигенции 20-х годов сказывалось стремление к простоте и удобству. Одежда делалась предельно строгой, без лишних украшений. Дело было не только в экономических трудностях гражданской войны. Общественное мнение решительно порицало франтовство. В быт городского населения под влиянием гражданской войны вошли полувоенные костюмы — брюки галифе, френч, гимнастерка, кожаная куртка. Несколько позже в мужском костюме широкое распространение получила свободная блуза с поясом из той же материи (*толстовка*). Пиджачные «пары», «тройки» (с жилетом)

носили реже. Наиболее распространенным головным убором стали «кепки». Женский костюм в 20-х годах состоял из платья или короткой юбки с блузой, позже носили жакет (английский костюм). Вообще в женском туалете 20-х годов появилось много общего с мужским: кожаная куртка, кепи, короткая стрижка волос. Весьма характерен был красный платочек, повязанный концами назад, без которого трудно представить себе образ комсомолки и работницы того времени. Тогда же среди молодежи распространилась, под влиянием немецкого союза красных фронтовиков, одежда из ткани защитного цвета: гимнастерка с отложным воротником, подпоясанная широким кожаным ремнем с портупеей — узеньким ремешком через плечо. Юноши носили при этом узкие брюки — «бриджи», заправленные в вязаные гетры, девушки — прямые, довольно короткие юбки. Дополнялась эта одежда фуражкой защитного цвета или платком и под названием «юнг штурм» стала своего рода комсомольской формой. Другой особенностью развития одежды в городе (а частью и деревни) в послереволюционный период было обращение к русской национальной одежде и дальнейшее развитие ее лучших традиций, в частности, использование фабричного льняного полотна и кустарных тканей (цветная рединка и др.), народных узоров и элементов покроя. В течение многих лет были модными в городе платья и блузки с русской вышивкой. Изготовляются и носятся они и в настоящее время. На основе сарафана были разработаны новые виды летней одежды. Повсеместное распространение получили в конце 20-х — начале 30-х годов сшитые из пестрой яркой ткани сарафаны с лифом. Были созданы модели платьев с использованием силуэта русского костюма с сарафаном. Южнорусский шушпан с характерным орнаментом на подоле и рукавах послужил основой для разработки модели верхней одежды. Как в городе, так и в деревне распространилась русская мужская рубашка косоворотка из фабричного полотна с гладьевой вышивкой стоячего воротника, краев рукавов и подола. Как и раньше, ее носили, а иногда носят и сейчас, навыпуск с поясом.

Женский костюм с использованием народной вышивки цветной перевитью. Тарусская фабрика «Вышивка» (худ. М. Н. Гумилевская, 1933 г.)

Значительное изменение крестьянской одежды началось еще в эпоху гражданской войны. Вернувшиеся в деревню фронтовики приносили с собой одежду военного образца: брюки-галифе, френч, «буденовку» — шлем, «чапаевку» — род папахи, некоторые части морской формы — полосатую «тельняшку», шапку — «бескозырку», брюки-клеш и т. д. Побывавшие на

фронте крестьяне вернулись с новыми представлениями о быте, одежде и оказывали большое влияние на женскую часть населения. Под их влиянием женщины отказывались от рогатых кичек и других тяжелых головных уборов, понев и сарафанов и переходили к более легкой городской одежде того времени. Вместе с тем в первые годы революции, в связи с недостатком промышленных товаров в стране, в селениях многих областей возродилось исчезнувшее было домашнее прядение и ткачество. Недостаток промышленных товаров в деревне задерживал исчезновение традиционного костюма. Одежда в деревнях сплошь и рядом изготовлялась из холста, домашней шерстяной ткани, однако очень часто ее шили городского покроя; женская, например, одежда состояла из домотканой юбки и кофты. Это было временное явление, и в дальнейшем происходил все больший отход от старинной одежды и распространение фабричных тканей. В быт деревни после революции входило много новых гигиенических навыков, шире распространялось но шение нижнего и употребление постельного белья и пр.

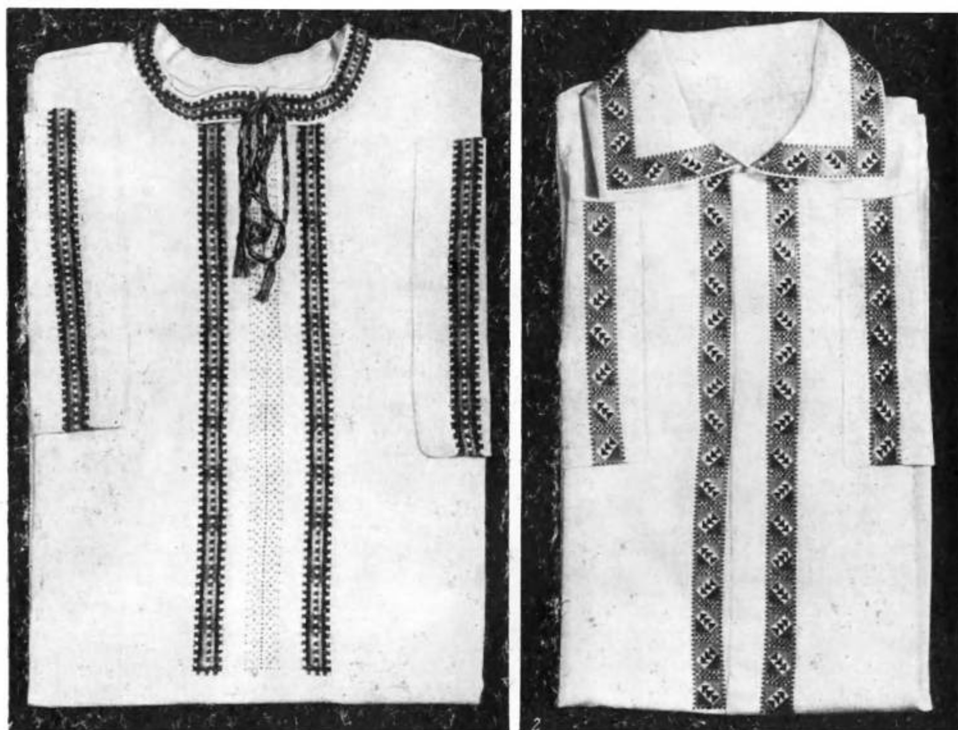
Разница в одежде разных поколений крестьянского населения, которая всегда наблюдалась в одежде, в этот период была особенно заметной. Старшее поколение больше придерживалось традиционной одежды или городской одежды моды конца XIX в. Этому способствовало и то, что в обычае старой деревни было запасать одежду и ткани. Пожилые женщины донашивали «полсапожки» с резинкой и коты, которые привыкли бережно сохранять и надевать только в церковь по большим праздникам. У молодых появились новые виды обуви: высокие ботинки со шнуровкой, гетры и пр. Старшее поколение не одобряло короткие платья и стриженые волосы.

Значительные возрастные различия проявлялись также в мужской одежде. У пожилых преобладала косоворотка, но у молодых мужчин распространялась рубашка с отложным воротником, которую носили уже не на выпуск, а как и в городе, заправив в брюки. Наряду с пиджаком появились френч, гимнастерка и толстовка, которые бытовали в городе. Если у стариков еще кое-где сохранялся картуз, то у молодежи и людей среднего возраста кепка стала основным головным убором. Верхнюю одежду составляли прямой «пиджак» на вате, овчинная шуба, тулуп, полушубок; распространен был «сак» — короткая женская одежда, сшитая в талию, и такая же, но длинная—«дипломат» (мода конца XIX—начала XX в.).

Классовое расслоение деревни продолжало еще сказываться на одежде, ее качестве, фасоне, степени обеспеченности ею разных групп крестьянства.

С середины 30-х годов костюм горожан становится разнообразнее, в нем наблюдается отход от преобладавших до этого предельно строгих форм. В развитии одежды огромное значение имело создание с конца 30-х годов кадров художников-модельеров, а затем организация домов моделей в ряде крупных городов РСФСР. Если до того моделированием одежды занимались лишь отдельные, подчас очень талантливые художники-одиночки, то с этого времени оно стало одной из отраслей художественной промышленности страны. На развитие моделирования в последнее время влиял также широкий международный обмен творческим опытом, который установился с зарубежными странами, особенно со странами народной демократии. Художники, обращаясь к русской национальной одежде, используют принципы декоративного решения, применявшиеся в народной одежде, некоторые особенности покроя народного костюма, элементы национального орнамента.

Народный орнамент широко используется в рисунках фабричных тканей, разработанных по мотивам русской набойки, вышивки, русской народной игрушки. Часто в основу рисунка кладется орнамент других народов Союза. Обращение к творческому опыту других народов Советского Союза обогатило современную русскую одежду. Повсюду вошла в быт «украинка» — мужская рубашка с отложным воротником, украшенная вышивкой, а в последнее время — западноукраинская «гуцулка» — мужская рубашка с многоцветной нагрудной вышивкой у прямого разреза ворота, с низким



Мужские рубахи:
1 — украинка, *2* — гуцулка, изготовленная Тарусской фабрикой «Вышивка» (худ. М. Н. Гумилевская, 1956 г.)

стоячим воротником и завязками спереди. Носят эти рубахи также по-украински — заправленными в брюки. Переработкой традиционной украинской женской сорочки является современная «украинка» — блузка из тонкой белой ткани с пышными вышитыми рукавами, доходящими до локтя, и с собранным воротом. Широкое применение получили среднеазиатские тюбетейки, ставшие у русских мужским, женским и, в особенности, детским летним головным убором. Меховую, особенно детскую, верхнюю одежду нередко украшают орнаментом, характерным для народов Севера. Многоцветные вязаные узорные изделия — рукавицы, перчатки, жакеты, которые распространены, особенно у горожан, нередко изготовляются на основе традиционной одежды и узоров народов Прибалтики. То же можно сказать и о ярких тканых головных платочках, характерных для горожанок, а также о металлических ювелирных и янтарных украшениях Прибалтики. Заколки, выполненные в стиле старинных народных фибул, броши и ожерелья из янтаря находят широкий спрос, особенно в городах. Отдельные детали прежней традиционной одежды придают своеобразие одежде горожан, которая в целом, однако, мало чем отличается от одежды населения зарубежных стран Европы.

В 30-х, и особенно в 40-х годах, было внесено немало изменений в военную форму; введена особая форма для служащих отдельных ведомств (водников, железнодорожников, гражданской авиации и некоторых других). В 40-х годах была введена единая форма для учащихся средней школы. Еще с 20-х годов широко известен по всей стране пионерский костюм с красным галстуком, распространившийся теперь также и в странах народной демократии. У девочек он состоит из белой блузки и синей юбочки, у мальчиков — из белой сорочки и темных брюк.

25 Заказ № 888

Модели современных платьев по мотивам народной одежды:
1 — с народным орнаментом, *2* — платье по мотивам сарафана (1960 г.)

Большое внимание в послереволюционный период уделялось и уделяется поныне разработке разных видов производственной одежды. Немало выдумки и изобретательности прилагается к тому, чтобы сделать ее удобной и вместе с тем красивой. Особая одежда, приспособленная к условиям труда, создана для строителей и рабочих других специальностей, для работников городского транспорта, продавцов магазинов, для медицинских работников и т. п.

За последние десятилетия ассортимент тканей для одежды стал особенно богатым, используются разнообразные по узорам и вышивке хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые, льняные ткани, а в настоящее время—ткани из синтетического волокна. Широко применяются различные отделочные материалы для одежды (тесьма, цветной шнур, бисер и мн. др.).

Сильно изменилась обувь горожан. В настоящее время в городе сапоги носят почти исключительно военнослужащие, ботинки (штиблеты) — преимущественно пожилые люди. Мужчины среднего возраста и молодежь носят в основном «полуботинки» — туфли различных фасонов, а летом — открытые сандалеты. Женщины также носят преимущественно открытую обувь — туфли и сандалеты на высоких или низких каблуках, сообразно моде и личным вкусам. Ботинки, которые делаются на теплой подкладке или на меху, сохраняются только как зимняя обувь.

Современная одежда рабочих:
1 — сельский механизатор, *2* — рабочие Коломенского завода

Девушка в школьной форме

Большие изменения в одежде сельского населения произошли в период победы колхозного строя. Исчезновение домашнего изготовления тканей для одежды привело к заметному сокращению районов бытования традиционной одежды. С ростом экономического благосостояния колхозников увеличивается спрос на фабричные товары — ткани, обувь, готовое платье, галантерею. Особенно заметно эти потребности проявились с 50-х годов, с укреплением экономической базы колхозного крестьянства, с переходом к денежной оплате труда процесс сближения одежды, бытующей в городе и в деревне, проходил все более интенсивно. Этому способствовало и развитие легкой промышленности в стране, увеличение сети сельских магазинов и разнообразия товаров широкого потребления. Во многих крупных селах за последние годы созданы мастерские для шитья легкого и верхнего платья, комбинаты бытового обслуживания для шитья и ремонта обуви. Распространение городских мод усилилось с широким проникновением в село журналов, книг по домоводству, под влиянием кино и телевидения. Из города воспринимается, как правило, лишь то, что наиболее отвечает вкусам и подходит к условиям колхозной жизни. Больше городских новшеств проникает в те колхозные семьи, где есть учащиеся техникумов и вузов, живущие в городах, в семьи квалифицированных работников, механизаторов сельского хозяйства или же в семьи сельской интеллигенции.

С развитием культурных потребностей колхозного крестьянства произошли изменения в отношении населения к той одежде, которая в прошлом считалась второстепенной или совсем отсутствовала (например, белье). Более равномерно распределяется одежда между членами колхозной семьи; особенно большое внимание уделяется детской одежде. В прошлом из-за скудности и недостатков детям приходилось нередко довольствоваться обносками или одеждой с чужого плеча. Сейчас детская одежда специально шьется или покупается готовой и стала обычной для детей всех возрастов, начиная с грудного. Особенно хорошо и опрятно одевают школьников. Для них нередко шьют школьное форменное платье, особенно для девочек, хотя в деревне ношение формы учащимися не обязательно.

В отличие от прошлого нижнее белье прочно вошло в быт деревни. В первые годы после революции в деревне белье у женщин обычно состояло лишь из рубашки с короткими рукавами или без рукавов, с круглым вырезом ворота и из нижней юбки; шили его частью из домотканины, а частью из миткаля или ситца с цветочками. В настоящее время состав нижнего белья значительно пополнился, другим стало оно по покрою и качеству. Белье шьют сами из покупной ткани. Девушки нередко украшают его вышивкой

Современная одежда деревни. «Ситцевый бал» в Рязанской обл. (1961 г.)

и кружевами своей работы. Для последних лет характерно распространение покупного трикотажного белья, шелкового или бумажного.

Новой для деревни является разнообразная одежда и обувь спортивного типа, получившая большое распространение.

Новые производственные условия сельского хозяйства, повышение культуры труда и санитарно-гигиенических требований вызвали большие изменения в рабочей, производственной одежде крестьян. Для работы необходима теплая, но вместе с тем легкая одежда, поэтому в ней обычно преобладают короткие формы, не стесняющие движения во время работы. На работе носят фартук, куртку и штаны из толстой непромокаемой ткани, прорезиненную одежду, плащи из брезента, резиновые или керзовые сапоги и т. д. Механизаторы имеют комбинезоны, в холодное время носят костюм, стеганный на вате. Для некоторых видов работ введены халаты. Они необходимы работникам животноводческих ферм (доярки надевают белые халаты, а голову повязывают платочком).

В таких промыслах, как охота, рыболовство используется издавна выработанная, хорошо приспособленная к местным условиям одежда и обувь. Охотники в Сибири, например, надевают на промысел легкую доху — *промышлёнку* — из козульих шкур, *качутки* — меховые чулки, *кокольды* — рукавицы из меха и т. п. Широко используются для работы мягкие сапоги —*ичиги*, или *бродни*, а также *унты*, *пимы*, сшитые из овчины или собачьей или оленьей шкуры.

По-прежнему в деревне на некоторые работы — сенокос и жатву — принято одеваться нарядно и празднично. Жатвенные и покосные рубахи заменены цельным платьем из ситца. Местами (например, в некоторых селах Архангельской и Вологодской обл.) надевают хранящиеся в сундуках рубахи из кумача с пестрядинным станом и узорным подолом. Сарафан — *кумашник*, который носят в некоторых местах, при этом снимают совсем или подтыкают его края за пояс, чтобы виден был узорный подол рубашки. Эти рубахи (*подольницы*) надевают также женщины-колхозницы весной в момент

первого выгона скота в поле. «Молодухи», т. е. недавно вышедшие замуж, надевают в этих случаях *подолы* — юбки, сплошь украшенные многоцветными узорами, искусно выполненными шерстью, и отороченные по краю *морхами* — бахромой из разноцветного гаруса.

Современная одежда сельского населения, хотя и не так резко, как в первые годы революции, все же различается по возрастам более, чем в городах. В ней выделяется также повседневная и праздничная одежда. Различается она и по сезонам, что обусловлено климатом. Наиболее отличается зимняя верхняя одежда, которую чаще всего покупают готовой в сельских магазинах или городах. Широко распространена мужская и женская одежда прямого пиджачного покроя (на вате или из меха). Длинное пальто на вате с меховым воротником или шуба на меху составляет главным образом выходную и праздничную одежду. Для весенне-летнего или осеннего времени характерны плащи из прорезиненной ткани. Новым для деревни является верхнее платье, сшитое из светлой ткани, что в прошлом не практиковалось.

В настоящее время русскую традиционную одежду, даже в качестве праздничной, носят в очень немногих областях РСФСР, преимущественно женщины. Традиционные виды русской верхней одежды употребляются главным образом в дорожных условиях. Для зимних переездов в деревне еще держат широкий овчинный тулуп с большим воротником, который надевают поверх шубы не подпоясывая, или одежду того же покроя, но из сукна (*халат*, *армяк*). В Сибири и на Урале для этих же целей имеют доху, сшитую мехом наружу, из собачьих, козульих или оленьих шкур.

Мужчины, как правило, одеваются в одежду современного городского покроя. Кроме пиджака, носят гимнастерку, куртку из бумажного бархата (вельветку) на застежке «молния», трикотажные вещи: джемпера, свитера и др. Молодежь, более тесно связанная с городом, особенно быстро воспринимает новшества. Фасоны рубашек у молодежи меняются в зависимости от моды. Летом носят рубашки с короткими рукавами; характерны клетчатые ковбойки; щеголи надевают клетчатую или с ярким рисунком распашную с застежкой спереди рубашку, выпущенную поверх суженных книзу брюк, как это носят сейчас в городе. Русскую косоворотку, сшитую дома или фабричной работы, носят главным образом мужчины старшего возраста, особенно из старообрядцев. Так, например, в Забайкалье мужчины «семейских» одеваются по-городски, но на стариках можно увидеть кумачевую косоворотку «навыпуск», иногда с тканым узорным поясом, и широкополую фетровую шляпу, которая заменила старую войлочную. Обычай заправлять брюки в сапоги по-прежнему широко распространен в деревне, так как сапоги там — основная рабочая и праздничная обувь мужчин. Во многих районах молодежь из щегольства носит их с отвернутыми вниз широкими голенищами. Кроме сапог, выходную обувь в теплое время года составляют штиблеты, ботинки и туфли, особенно у учащейся молодежи.

Бритье бороды и усов стало среди сельской молодежи почти обязательным. Волосы, сравнительно коротко подстриженные, носят «на косой пробор», зачесывают назад и т. д. Наиболее распространенный головной убор мужчин — кепка; в настоящее время входят в быт деревни распространенные в городах фетровые и соломенные мужские шляпы Носят также фуражку. Зимой, особенно на юге, носят *кубанку*, круглую шапку из мерлушки с расширяющимся кверху околышем и суконным дном, которая характерна для многих народов Кавказа. Повсеместным зимним головным убором является *ушанка* — меховая шапка с ушами.

Закономерный процесс исчезновения старого костюма и распространение новых форм одежды также значительно отражается на женской одежде. Распространенной женской одеждой повсюду являются юбка с блузкой — кофточкой или платья, покрои которых меняются. Шелковое или шерстяное платье, фабричные чулки (иногда — капрон), «модельные» туфли составляют

Женская традиционная одежда XX в.:
1 — девушки в лентах с пушками, в занавесках-фартуках (Рязанская губ , 20-е годы),
2 — женский самодеятельный хор в национальной одежде (Воронежская обл., 1952 г.)

праздничный наряд молодой девушки из колхоза. Широко распространены платья из штапельных и ситцевых тканей с набивным рисунком. Много из того, что считалось ранее предосудительным для женщины, в настоящее время не осуждается даже старухами (например, ношение длинных шаровар-штанов спортивного типа, которые колхозницы надевают на работу, или платьев с короткими рукавами и открытым воротом). Из различных женских украшений наиболее распространены ожерелья и серьги. Стало характерным для сельской молодежи обоего пола ношение часов-браслета. Значительные различия в прическе женщин и девушек сохранились лишь в немногих районах, в этих же местах обычно сохраняется и разница в головном уборе. Девушки-подростки носят косы. Прическа молодых женщин от прически девушек, как правило, ничем не отличается. Чаще всего волосы собирают в пучок; нередко подстригают волосы и завивают соответственно моде. Применяется и электрозавивка волос. Часто ходят с непокрытой головой. Обычай обязательного для замужней женщины покрывания головы, как правило, теперь никем не соблюдается. В летнюю, особенно рабочую пору, голову накрывают легким платком, завязывая его под подбородком или скалывая булавкой. В холодное время носят шерстяной или пуховый, вязаный теплый платок белого или серого цвета. Зимой, в морозы — большую суконную шаль, которую накидывают сверху вязаного платка, не завязывая, или же накидывая на плечи. Молодежь носит береты, но женские шляпы, какие носят в городах, до сих пор мало распространены в деревне.

Основной женской обувью являются фабричные туфли на низком каблуке, наиболее удобные в деревенских условиях, ботинки, тапочки, босоножки; сапоги носят и женщины и девушки на работу, особенно весной и осенью. Для этих же целей используются высокие резиновые ботики. Широкое распространение резиновой обуви характерно для деревни послеоктябрьского периода. Зимнюю обувь, как женскую, так и мужскую составляют сапоги, валяные из овечьей шерсти валенки (*катанки*) и более легкие *чесанки*, которые носят с галошами.

Одежда, надеваемая в особые моменты жизни семьи (на свадьбу, поминки, похороны), имеет свои особенности. На свадьбе и похоронах более, чем в других случаях, используется традиционная одежда и головные уборы. Одежде девушки-невесты в семье по-прежнему уделяется особое внимание, но в отличие от прошлого сейчас не заготовляют большого количества платья и тканей с расчетом на несколько поколений. Для невесты обычно шьют лишь несколько свадебных платьев, которые она меняет в течение свадебного празднества, продолжающегося несколько дней. Особым является головной убор невесты, который часто состоит из вуали и цветов. В некоторых селах Рязанской обл. девушки, одевающиеся по-городски до замужества и после него, на свадьбу «справляют» себе весь *снаряд* молодой вместе с поневой и повойником, и в дальнейшем хранят его. На севере в некоторых местах невеста надевает *атласник* — прямой сарафан на лямках, и жемчужный кокошник, в которых сидит за «столами»; в кокошниках сидят также многие из гостей (Архангельская обл.).

Сохраняется еще кое-где обычай, по которому старшее поколение при жизни готовит себе наряд на «умирало», т. е. на смерть, причем обычно заготовляется традиционная одежда, которая из быта давно уже исчезла.

Отдельные селения в областях РСФСР, в которых русское население продолжает носить традиционную одежду в качестве праздничной, а пожилые даже как повседневную, составляют своеобразные небольшие «островки». Они сохранились в южных областях (Воронежской, Курской, Брянской, Калужской и др.), кое-где на Севере и в Сибири.

В современной деревне с изменениями женской одежды изменился и характер украшений. На Севере, например, бытует многоцветная тамбурная вышивка, для многих других мест типична отделка одежды апликациями из полосок и кусочков ткани. Любовь к рукоделию проявляется в вязании

кружев для носильного и постельного белья. Прядением овечьей шерсти и вязанием из нее занимаются многие пожилые колхозницы. Из шерсти изготовляют прочные теплые чулки, носки, варежки или перчатки, особенно необходимые в сельских условиях. В некоторых областях с большим мастерством изготовляются пуховые или шерстяные платки и шарфы. Заслуженной славой пользуются и в городах пензенские пуховые и тончайшие шерстяные оренбургские платки.

При всем сходстве одежды современной деревни с одеждой в городе, в ней немало особенностей, придающих ей своеобразный характер. Эти особенности составляют те традиционные детали, которые бытуют в разной степени в разных областях и у разных возрастных групп колхозного крестьянства; к этим особенностям относится излюбленная цветовая гамма в одежде колхозников. Любовь к определенным расцветкам, узорам, сочетаниям тонов, иногда очень смелых и ярких, иногда же более приглушенных, придают локальный колорит одежде колхозников разных областей. Особенностью является и то, что воспринятые из города формы иногда перерабатываются, изменяются по своему. Сильнейшее влияние города вместе с тем не является односторонним, так как и в городе используется то лучшее в одежде, что было создано в крестьянской среде.

ПИЩА И УТВАРЬ

Традиционная русская кухня

Пища и способы ее приготовления — существенный показатель уровня культуры народа, специфики развития его хозяйства. Ведущей отраслью хозяйства русских в прошлом было зерновое земледелие; мучные изделия в разнообразных видах являлись основой питания народных масс. Значительную роль в пищевом рационе населения играли также продукты овощеводства и животноводства; заметное, но вспомогательное место в питании жителей лесных, центральных, северных и сибирских губерний занимали различные дары леса — грибы, ягоды и т. п., сохранявшиеся в сушеном виде, способом соления или мочения; для населения, обитавшего по берегам морей, рек и озер, такую же роль играло рыболовство.

Мучные изделия готовили на протяжении всего года. Основным видом был хлеб из кислого теста, заквашенного дрожжами, квасной или пивной гущей. Пекли хлеб в русской печи, чаще всего на чисто выметенном поду. В севернорусских областях, где сеяли рожь, пшеничный (белый) хлеб был мало доступен. В зависимости от качества муки хлеб назывался *пушной*, или *мякинный* (из плохо очищенного зерна и непросеянной муки), *решетный* (из муки, просеянной решетом) и *ситный* (из муки, просеянной ситом). В южных губерниях употребляли заварной хлеб, при выпечке которого муку предварительно заваривали кипятком. Среди других мучных изделий были распространены различные пироги. Большие круглые пироги пекли на юге средней России, на Дону и Кубани, они начинялись творогом, капустой, картофелем, ягодами; на севере пироги пекли разной формы с черникой и другими дикими ягодами и особенно с рыбой.

Наряду с кислым хлебом везде пекли и пресный — *сочни*, лепешки, оладьи, пироги, ватрушки, колобки. Различные пироги, калачи, *колобки*, *шаньги* (лепешки с разной начинкой), *кныши* (из раскатанного теста, переслоенного каймаком или творогом), *блинники* (блины, пересыпанные рублеными яйцами и запеченные), *вывертышки* (род хвороста) являлись традиционным праздничным угощением. Из обрядового печеного хлеба следует выделить свадебный каравай. Он выпекался по возможности из сдобного теста и лучших сортов муки, украшался цветами и фигурками птиц или зверей, сделанными из теста. В некоторых местах (в Самарской и Симбирской губ., на Севере) к свадьбе пекли *курник* (круглый пирог с курицей или говяди-

ной). В южных губерниях, смежных с Украиной, на Дону и Кубани выпекали круглые булочки *шишки*, которые раздавались всем приглашаемым на свадьбу. Обязательным поминальным блюдом почти по всей России были блины, а на севере — *шаньги*. Видную роль играли хлебные изделия во время праздников годового цикла. На пасху везде пекли *куличи* (*пасхи*). Пасхи пекли из лучшей муки, сдобными, иногда в высоких цилиндрических формах, но чаще в простой хлебной форме. В городах, а позднее и в сельских местностях близ городов, такого рода изделия из муки называли куличом в отличие от пасхи, приготовлявшейся из творога. На масляницу традиционным русским блюдом были блины с различными приправами; в районах, смежных с Украиной, и на Кубани на масленицу готовили вареники. В некоторых местах на крещенье выпекались *кресты* из теста; на четверг страстной недели (чистый четверг) пекли хлеб, который затем давали скоту при выгоне на летнее пастбище; на 9 марта (день закликания весны и прилета птиц — обряд дохристианский по происхождению) пекли печенье в виде птичек—*жаворонки*, и т. п.

Для беднейшей части крестьян праздничным угощеньем нередко служил простой пшеничный хлеб. В городах всевозможные хлебные изделия рабочие и представители других малоимущих слоев населения приготовляли только по большим семейным и церковным праздникам. Сплошь и рядом в эти дни они покупали только баранки и пряники.

Из муки также приготовлялись кушанья, отчасти заменявшие хлеб. На юге была обычной *саламата* — поджаренная и заваренная кипятком пшеничная мука, которую ели с подсолнечным маслом, *кваша* — запаренная мука из пророщенной пшеницы (солод пшеничный), смешанная с фруктами и запеченная. В средней полосе России (особенно в Смоленской и Калужской губерниях) готовили *кулагу*. При ее приготовлении ржаная мука и солод, заваренные кипятком и смешанные с ягодами калины, парились в печи. На севере из ржаной муки варили *заваруху* (в накаленной докрасна глиняный горшок наливали кипяток и, размешивая, подсыпали муку); ее ели с салом, маслом, сметаной. Из ржаной и овсяной муки или отрубей приготовляли также кисели, подквашивая их дрожжами. Кисели были традиционным русским блюдом, подававшимся на всех семейных торжествах (родинах, свадьбах и поминках). Их ели с различным маслом, жиром, салом, сметаной, медом, солодом. Как и у украинцев, белорусов, словенцев, литовцев, латышей и других народов, широко распространенным старинным блюдом у русских было толокно (овсяная мука смешивалась с водой, молоком, квасом, ягодным соком). В некоторых губерниях Приуралья толокно являлось одним из основных повседневных блюд.

Помимо хлебных изделий, огромное значение в питании имели крупы (овсяная, пшеничная, гречневая и т. п.). Из них приготовлялись каши, входившие в повседневный рацион крестьянского и широких кругов городского населения. Их варили на воде и молоке, жидкие и густые. На юге был распространен *кулеш* — жидкая пшенная каша, сваренная вместе с картофелем и заправленная луком, пережаренным с салом или растительным маслом. Каши были также ритуальной пищей. Ими кормили молодых на свадьбе; на крестины приглашали «на кашу». На поминки приготовлялась *кутья* — разварная пшеничная, ржаная, овсяная или рисовая каша, иногда на меду и с изюмом. Кутью варили и накануне рождества, а в некоторых местах и накануне крещенья.

Существенной частью русского стола являлись продукты овощеводства. Издавна из овощей главную роль играла капуста, в основном квашеная (шинкованная, рубленая или кочанная с яблоками). Капусту ели с картошкой, хлебом, приправленную растительным маслом или квасом, из нее варили *щи* — кушанье, ставшее национальным. В южных губерниях (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская, Пензенская и др.) распространена была свекла, которую употребляли больше всего для *борща*, зани-

мавшего там (как и у украинцев) такое же место в питании, как щи у населения более северных областей. В областях, смежных с Украиной, на Дону и Кубани, на юге Поволжья и Приуралья свеклу для борща квасили. Там, где капусту не выращивали (например, на Севере), название «щи» переносили на любую похлебку из картофеля или крупы. Также издавна большое место в пище населения северных губерний занимала репа. Из нее приготовляли суп — *репицу*, ее ели свежей, сушили, парили (отсюда пошли выражения: «дешевле пареной репы», или «проще пареной репы»). В этих местах репа отчасти играла роль заменителя хлеба. С XIX в., после распространения картофеля, значение репы утратилось, так как картофель во всех видах очень широко вошел в повседневное питание, особенно в семьях малоимущих. Из бобовых культур больше всего употребляли горох, который ели вареным (с салом, маслом), иногда варили из него похлебку или кисель.

Повсеместно (кроме наиболее северных губерний) сажали огурцы, которые с давних пор засаливали в бочках. Во многих губерниях была распространена редька, ее ели мелко нарезанную с растительным маслом и солью, сметаной и квасом. Лук употреблялся везде как приправа к кушаньям (его крошили, а на юге жарили). Другой любимой приправой у русских был хрен, его подавали к мясным блюдам, а также добавляли к *мурцовке* (*муре*, *тюре*) — похлебке из кваса и сухарей. Остальные овощи употреблялись только летом и осенью в сравнительно небольшом количестве, помидоры, например, были известны только в немногих южных уездах. В южных губерниях выращивали арбузы, меньше дыни, их ели свежими, а арбузы также солили; из сока варили арбузный и дынный мед. Очень широко применялось в пище растительное масло: на юге — конопляное и особенно подсолнечное, в центральных нечерноземных губерниях и на севере — льняное. Овощные похлебки и особенно окрошка, приготовлявшаяся из кваса и овощей, были широко распространены и часто летом заменяли горячее первое.

Фрукты и садовые ягоды не играли существенной роли в питании русских, но они скрашивали и разнообразили пищу, главным образом летом. Сохранились старые традиционные навыки приготовления фруктов и ягод в виде пастил и варенья. Кроме того, фрукты и ягоды на зиму сушили, а затем из них варили компоты — *узвары*, которые в южных районах России, на Дону и Кубани летом и осенью были повседневным питьем. В этих же местах узвар был также и обрядовым кушаньем (на рождество).

Известным подспорьем в питании служили грибы, лесные ягоды и орехи. В пищу шла большая часть съедобных грибов, в Сибири из грибов особенно предпочитали грузди. Свежие грибы ели вареными, их жарили на масле или тушили в сметане, из них варили *грибовницу* (в молоке с луком, заправив яйцом и сметаной). Соленые и сушеные грибы широко заготовлялись на зиму. Лесные ягоды ели в свежем виде, с ними пекли пироги и их сушили. Особенно старались запастись сухой малиной и черникой в лечебных целях. На Урале и в Сибири сушили ягоды черемухи, которые затем перемалывали на муку, разводили водой и употребляли как начинку или приправу к пирогам, блинам и оладьям. На Севере в больших количествах собирали клюкву, бруснику, морошку, голубику. Клюкву сохраняли в свежем виде, а бруснику мочили. В Сибири большим подспорьем в питании были кедровые орехи и дикий чеснок (*черемша*), который даже засаливали впрок. Из дикорастущих трав везде употреблялся щавель — из него варили щи.

Потребление фруктов и овощей в городе значительно различалось у разных социальных слоев населения. Картофель и капусту употребляли в пищу все, но у малообеспеченных слоев населения они нередко были наряду с хлебом единственной едой. Другие овощи и в особенности фрукты могла покупать только незначительная часть рабочих. В книге М. Давидовича[1]

[1] М. Давидович. Петербургский текстильный рабочий, ч. I. М., 1920, стр. 63.

о бюджете рабочих-текстильщиков приводится рассказ одной работницы, которая отмечала, как что-то из ряда вон выходящее, тот факт, что осенью 1908 г. она имела возможность покупать фрукты из-за их дешевизны. Более обеспеченные слои городского населения широко употребляли в пищу овощи и фрукты. Многие хозяйки с лета и до осени на целый год запасали всевозможные соленья, варенья и маринады.

Мясо у большинства крестьян на столе было лишь по праздникам, да и то не всегда. У рабочих мясо также являлось скорее приправой к кушаньям, поэтому в пище особенно ценился жир. Зажиточные слои населения города и деревни ели мясо почти ежедневно (за исключением постов и постных дней, которых было сравнительно много). В северных и центральных губерниях ели больше баранину, в южных — свинину и везде, но уже в меньшем количестве — говядину и телятину. Птицу даже зажиточные крестьяне и квалифицированные рабочие ели только по большим праздникам. С мясом приготовляли разнообразные первые и вторые блюда: лапшу, щи, борщ, рассольник, «жаркое» (жареное или тушеное мясо), холодец (студень), в городах — рубленые и отбивные котлеты, бефстроганов. Излюбленным угощеньем был жареный гусь с яблоками и поросенок с гречневой кашей. С мясом пекли пироги и шаньги; в Сибири и на Урале очень любили пельмени с мясом, которые зимой хозяйки даже заготовляли впрок и замораживали. В областях с сильно развитыми охотничьими промыслами (в Сибири и на европейском Севере) употреблялось в пищу мясо диких зверей и птиц.

Животные продукты питания играли немаловажную роль и в древних обрядовых традициях. Очень долго бытовал пережиток языческих верований — приношение кур в жертву богам; позднейшим следом этих верований было применение кур в качестве обрядовой пищи на свадьбах. Помимо пирога *курника* свадебное угощение иногда заканчивалось вареной курицей или куриной лапшой.

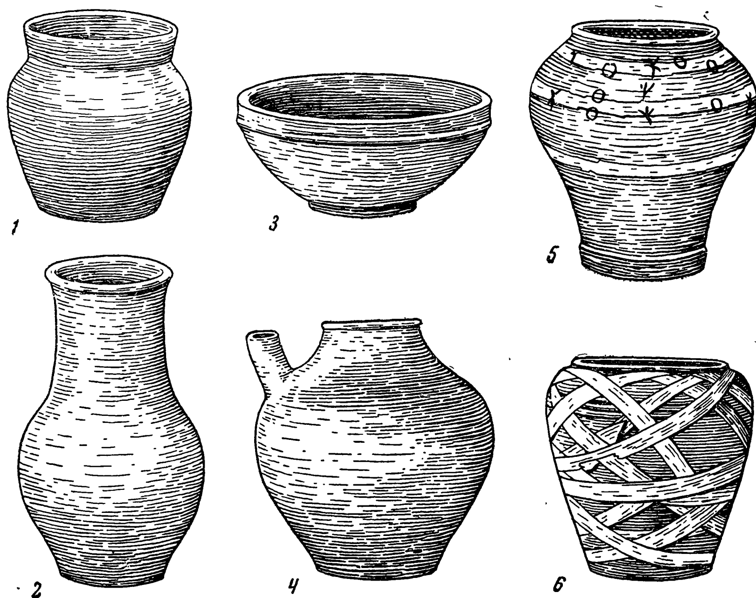
Животных и птицу, предназначавшихся в пищу в зимнее время, крестьяне забивали обычно поздней осенью, чтобы не тратить на них корма, или к большим религиозным и семейным праздникам. В Сибири и северных губерниях мясо хранили на морозе, в средней полосе и на юге засаливали, сало перетапливали, из свинины приготовляли копченые окорока. Птица обычно употреблялась в пищу сразу же после убоя. Мясо некоторых диких и домашних животных (медведя, зайца, лошади и т. п.) вообще не полагалось есть.

Молоко и молочные продукты употреблялись значительно больше, чем мясо. Молоко (свежее или кислое) ели с кашами, картофелем, киселями, ягодами и т. д. Кислое молоко приготовлялось по-разному. Почти повсеместно приготовляли топленое молоко, заквашенное еще теплым (*варенец*, или *ряженка*). На юге Поволжья и на Дону приготовляли *каймак* — заквашенные пенки и сливки топленого молока. В Сибири и на Урале молоко замораживали, затем его скоблили специальными круглыми ножами, взбивали деревянными мутовками и ели с блинами, оладьями, пирогами. Круги мороженого молока брали с собой в дорогу, на охоту и т. п. Из молока приготовляли творог (*сыр*). Ели его с молоком или с солью. В некоторых северных районах Европейской части России, Сибири и Урала русские заимствовали, по-видимому, у башкир или коми способ приготовления своеобразных лепешек из творога, для чего его чуть присаливали, добавляли яйца и подсушивали на солнце. Приготовленный таким образом творог долго сохранялся и был очень удобен для дороги. Из сладкого творога на пасху в городах и кое-где в сельских местностях приготовляли специальное ритуальное блюдо — *пасху*.

Коровье масло в народной среде употреблялось крайне ограниченно. Крестьяне, даже при наличии в хозяйстве коровы, ограничивали употребление молока и больше пользовались растительным маслом или салом

Деревянная утварь XIX—начала XX в.:

1 — квашенка для замешивания теста (Пермская обл.), *2*— старинная долбленая «сольница» (Пермская обл.), *3* — чашечка с пестиком (Пензенская обл.), *4* — рукомойник (Вологодская обл.), *5* — долбленый ковшик (Вологодская обл.), *6* — ступа для обрушивания зерна (Пермская обл.)



Глиняная посуда XIX—начала XX в.:

1 — кринка для молока (Пермская обл.), *2*— кринка для молока (Пензенская обл.), *3* — глиняная миска (Пензенская обл.), *4*—*5* — горшки (Вологодская обл.), *6* — корчага (Вологодская обл.)

Коровье масло приготовляли из сметаны, сбивая ее в каком-нибудь узком сосуде. Масло обязательно перетапливали, поэтому оно называлось «топленым», или «русским». На Дону коровье масло получали, вытапливая слегка подсоленный каймак. В Петербургской губ. его не перетапливали, а сбивали, как у соседних прибалтийско-финских народов, из свежих сливок или молока (сливочное, или «чухонское» масло). Сливочное масло входило в рацион питания только зажиточных слоев населения города и деревни. Городские рабочие покупали молоко преимущественно для грудных детей.

С давних времен занимала значительное место в питании русских различная рыба. У населения на побережьях морей, озер и больших рек она была одним из основных продуктов питания. Рыбу варили, жарили, для сохранения впрок — сушили, вялили, а на Севере (Архангельская губ.) и в Сибири — квасили. Традиционным русским блюдом из рыбы была уха. На Севере и в северных губерниях средней полосы России и в Сибири любимым праздничным блюдом были пироги с рыбой. При изготовлении этого блюда рыбу запекали в тесте целиком, и на стол пирог подавался без верхней корки. Рыба считалась полупостным блюдом и ее не ели только в дни особенно строгих постов. У малоимущих слоев городского населения и прежде всего у рабочих дешевая соленая сельдь и вяленая вобла с картофелем или хлебом сплошь и рядом составляли обед.

Самым распространенным напитком у русских был *квас*, приготовлявшийся из отрубей, солода, сухарей и муки, замешанных с водой. Все это парилось в печи, после чего процеживалось и заквашивалось. Хранили квас в больших глиняных корчагах и бочках. Во время постов хлеб с квасом и кислой капустой часто был единственной пищей бедноты. Другим очень распространенным напитком являлась *брага*. Ее обычно приготовляли из овса, редко из хлебных отрубей, но обязательно добавляли хмель и солод, приготовляемый из проросшего зерна ржи, ячменя или овса. К праздникам и во время «толок» приготовляли так называемую квасную «хмельную» брагу или пиво. Еще в начале XX в. в некоторых селениях к какому-либо большому празднику было принято устраивать общественную варку пива и справлять так называемые *кануны* (иногда и сами эти праздники получали название «пивных»). В этом сказались, по-видимому, пережитки старинных дохристианских традиций *братчин*. Обычай варить пиво удерживался дольше в Сибири, в северных губерниях и северных уездах средней полосы России. Другим старинным опьяняющим напитком, широко распространенным и в Северной Европе, был мед. Его варили с водой, добавляли хмель, потом давали перебродить и иногда настаивали на перце. К XVIII в. употребление меда как напитка исчезло из-за дефицитности самого меда и появления более дешевой водки. От меда-напитка осталось только воспоминание в фольклоре, да на улицах некоторых больших городов до начала XX в. торговали *сбитнем* — горячим напитком из подожженного меда с пряностями.

В южных губерниях России (на Кубани и на Дону), где выращивали виноград, приготовляли хорошие виноградные вина, которые шли на продажу. У дворянства, купечества и обеспеченных городских жителей на стол подавались дорогие вина и ликеры заграничного и отечественного производства, а также очень любимые русскими фруктовые, ягодные настойки и наливки, которые приготовлялись в зависимости от достатка во многих русских семьях.

С середины XVII в. из Китая в Россию стал поступать чай, употребление которого широко распространилось в XVIII в. среди широких слоев русского населения Сибири, а с XIX в.— всего государства. Чаепитие раньше всего привилось среди городского населения, но с 80—90 годов XIX в. в деревнях стали появляться самовары (иногда их ставили только для гостей и заваривали не покупной чай, а свой — травный, морковный, фруктовый, ягодный и т. п.). У рабочих чай с хлебом нередко заменял завтрак и

ужин. Сахар и конфеты к чаю покупали в ограниченных количествах, а в бедных семьях они бывали редкостью. Обычно чай пили с сухарями, баранками, а то и просто с хлебом и солью. Более зажиточные люди пили чай с разнообразными сластями, вареньями и кондитерскими изделиями.

Русские всегда славились своим хлебосольством и стремились сделать праздничный стол изобильным. В зажиточных семьях традиционным угощеньем были заливная рыба, холодец, разнообразные пироги, холодное мясо и птица, мясные щи или борщ и куриная лапша, жареное и тушеное мясо, гусь или утка с яблоками, поросенок с гречневой кашей, яичница, молочные каши, кисели и компоты, пастилы и варенья, водка, вино, наливки, настойки, пиво и квас.

Металлическая утварь XIX—начала XX в.:
1 — «кошик» для пельменей (Пермская обл.), *2*—чаша (Пермская обл.), *3* — кружка с крышкой (Пермская обл.), *4* — ковшик

Детское питание в крестьянской и рабочей среде не отличалось от питания взрослых. Только самым маленьким детям варили жидкие овсяные или мучные кашицы и приготовляли молочные яичницы.

До Октябрьской революции сравнительно строго соблюдались посты: филипповский — перед рождеством (шесть недель), великий пост — перед пасхой (семь недель) и петровский пост — перед Петровым днем (от трех до шести недель). Более религиозные люди постились еще по понедельникам, средам и пятницам. Существовали сезонные различия в пище. Самая обильная и наиболее питательная еда у русских была осенью, после снятия урожая.

В деревне ели обычно три-четыре раза в день. Рассаживались за столом, если вся семья была в сборе, в строго определенном порядке — по старшинству. Ели чаще всего из общей чашки деревянными ложками, аккуратно подставляя под ложку кусок хлеба; вилок в обиходе почти не было. В городе режим питания во многом определялся условиями работы и имущественным состоянием; обычно ели тоже три-четыре раза в день. Если завтрак и ужин большей части крестьянства и рабочих часто ограничивался хлебом и квасом или просто хлебом и водой (позже — чаем), то у более зажиточных людей в «мясоед» на завтрак готовили горячие мясные или рыбные кушанья, молоко, сметану, белый сдобный хлеб, оладьи и т. п. Таким же изобилием отличались обед и ужин. Обязательным являлся и прием пищи между обедом и ужином, когда пили молоко или чай с различными сладостями.

Пищу в семье готовили женщины. Как правило, ее приготовляли в русской печи, для чего у всех была необходимая утварь — чугуны, глиняные обливные плошки и миски, чугунные сковороды, ухваты, сковородники (*чаплики*), кочерги. Печь топили рано утром, приготовляя еду сразу на весь день и оставляя ее в печи. Оставаясь горячей в течение большей части дня, пища теряла многие питательные качества.

Магазин в с. Жуковка (Московская обл., 1931 г.)

Посуда и утварь малоимущих классов города и деревни почти не различалась. Употреблялись деревянные точеные и долбленые блюда, корытца, миски, гончарные изделия кустарного производства — кринки, плошки, корчаги, миски и пр.; обязательно имелись и очень ценились чугуны и чугунные сковороды. Из общераспространенной молочной посуды следует назвать глиняную кринку, подойник (деревянное или жестяное ведро) со специальным носком для слива молока. Для приготовления масла применялись кое-где специальные узкие кринки — *комошницы*, мутовки, деревянные маслобойки и, наконец, появившиеся и быстро распространившиеся в России с 90-х годов XIX в. сепараторы. У горожан раньше и шире, чем в деревне, вошла в быт металлическая (оловянная, позже — эмалированная и алюминиевая), фаянсовая и стеклянная посуда. В обиход материально обеспеченных классов с давних пор вошли разнообразные чайные и обеденные сервизы и приборы, специальная посуда для отдельных блюд и т. п. Очень интересна и разнообразна старинная русская утварь для питья — деревянные и металлические ковши разнообразной формы и емкости (*скопкари*, *ендовы*, *братины*, *чаши*, *чарки*). Всю эту посуду богато украшали художественной резьбой, росписью и надписями. К XIX в. эта утварь постепенно вышла из употребления.

Изменения в питании после Октябрьской революции

После Великой Октябрьской социалистической революции различие в пище разных слоев населения стало постепенно сглаживаться. С неизменным ростом доходов повышался уровень питания народа. Хлеб и хлебные изделия играют существенную роль в пище русских. Помимо всевозможных изделий из кислого теста (пирожки, пироги, кулебяки, калачи, сдоба) приготовляются разнообразные сдобные изделия из пресного теста—кексы, торты, пирожные. Эти изделия, доступные раньше небольшому кругу, широко вошли в быт. Стали доступны всем и пользуются большим спросом крупы (манная, рисовая, полтавская, гречневая, пшенная; овсяная и кукурузная больше употребляются в виде «хлопьев»). Толокно теперь едят мало. Картофель продолжает занимать большое место в пище русских, но теперь он обычно употребляется как гарнир к мясным и рыбным блюдам. Значительно увеличился ассортимент овощей, особенно в

северных областях. По-прежнему любимы квашеная капуста и соленые огурцы. Широкое распространение получили помидоры. Из фруктов и ягод варят варенье и джем, консервируют и приготовляют компоты, разнообразнее и больше, чем прежде. Собирают дикорастущие ягоды (клюкву, бруснику, землянику, чернику и т. д.) и различные грибы.

Заводская фабрика-кухня. Шеф-повар за приготовлением порционных блюд (1960 г.)

Мясо в настоящее время вошло в повседневную пищу; часто готовят птицу и дичь. Наряду со старинными русскими блюдами в меню вошли новые (антрекот, ромштекс, отбивные котлеты и др.); в русскую кухню прочно вошли также национальные блюда других народов СССР (*плов*, *чахохбили*, *харчо*, *шашлык*). Яйца перестали быть праздничным угощением и стали повседневным продуктом питания, особенно у детей. Для детей приготовляют более легкие блюда — куриные супы, отварную курицу, паровые котлеты и т. п. Как правило, в ежедневное меню включается молоко и молочные продукты. В отличие от прошлого, широко употребляется сливочное масло. Его едят с хлебом, с ним приготовляют кушанья.

В сельской местности едят по-прежнему три-четыре раза в день. На завтрак готовят горячее сытное блюдо: жареный или тушеный картофель с мясом, молочную кашу, яйца, оладьи со сметаной, вареники, молоко (во всех видах), чай. На обед: традиционные русские мясные щи, борщ или какой-либо суп, второе — из мяса или рыбы, а на третье — кисели из фруктов и ягод, компоты или молоко. Прочно вошло в быт чаепитие с сахаром (который теперь употребляется в несравненно больших количествах), с конфетами и другими кондитерскими изделиями. На ужин приготовляют то же, что и на завтрак и обед.

Совершенно новым является организация в сельских местностях широкой сети столовых и ресторанов, организация общественного питания в поле во время полевых работ и, наконец, специального питания для детей в яслях, детских садах и на детских площадках. Все учреждения общественного питания пользуются большой популярностью среди сельского населения. Как правило, в таких столовых и ресторанах можно выбрать на обед и диэтические блюда. Само понятие о диэтическом питании, о котором раньше даже представления не имели в сельской местности, распространяется главным образом через предприятия общественного питания. В пищевой режим ребенка в детских учреждениях входит все необходимое — овощи, фрукты, молоко и молочные продукты, птица, мясо. Новым явлением в быту сельского

26 Заказ № 888

Рабочая столовая № 1 (Дегтярск, 1958 г.)

В обеденном зале рабочей столовой № 9 (Волгоград, 1959 г.)

В закусочной самообслуживания комбината общественного питания в Черемушках (Москва, 1959 г.)

населения является также приготовление в семье специального детского питания. Для кормления детей, кроме молока, используются манная и рисовая крупа, толокно, всевозможные концентраты, молочные изделия (творог, сливки, сметана, сливочное масло), фруктовые и овощные пюре, соки и т. п.

Пища городского населения по сравнению с прошлым характеризуется тоже значительно большим разнообразием продуктов: мясо, рыба, молоко, макаронные изделия, крупы, различные овощи, ягоды и фрукты прочно вошли в ежедневный рацион. Режим питания у горожан правильный, трех- и четырехразовый: утром завтрак (молоко и молочные изделия, чай, кофе, какао с хлебом и сливочным маслом, сыром, колбасой, ветчиной или горячее блюдо: молочная каша, жареное мясо с картофелем, рыба и т. п.); среди дня — обед или второй завтрак (обед в столовой или кафе, у обедающих дома — второй плотный завтрак); по приходе домой обед или горячий ужин и чай со всякими хлебными и кондитерскими изделиями. Так же как и в селах, в городах любят старинные русские блюда (щи, борщ, лапша, окрошка, пельмени, пироги, ватрушки, оладьи, квашеная капуста, соленые огурцы и т. д.). Большим спросом, особенно у горожан, пользуются изделия, широко выпускаемые предприятиями пищевой промышленности, созданной за годы Советской власти (консервированные продукты, полуфабрикаты и кондитерские изделия). Буфеты, кафе, столовые и рестораны, а в последнее время еще и домовые столовые (отпускающие готовые обеды на дом) все больше входят в быт. Кроме того, большой популярностью у горожан пользуются специальные диэтические и кулинарные магазины, где можно купить не только продукты и полуфабрикаты, но и готовые блюда — салаты, некоторые закуски, котлеты, вареную или жареную птицу, рыбу, паштеты, желе и пр. Следует отметить также и «пункты детского питания», где продаются специально приготовленные в нужных смесях молоко, творог, соки, каши, кисели и т. п.

Центральный колхозный рынок в Москве (1962 г.)

Продолжает бытовать у русских традиция широкого русского праздничного хлебосольства. На праздники приготовляются, особенно в сельской местности, старинные традиционные кушанья (студень, пироги и пирожки, жареное мясо, всевозможные соленья и маринады); широко вошли в состав праздничного стола покупные вина и гастрономические изделия — колбасы, сыры, консервы, кондитерские изделия. Из первых блюд (если оно подается) приготовляют — борщ, щи, мясную лапшу, из горячих вторых — поросенка с кашей, жареное мясо всех сортов, птицу (гусь и утка с яблоками, картофелем или кашей), на сладкое — кисели, компоты и свежие фрукты. В сельской местности готовых гастрономических изделий употребляется меньше, чем в городе, так как там еще удерживается домашнее приготовление копченого и соленого сала, мяса, рыбы, колбас и окороков. У горожан основу праздничного угощения составляют разнообразные гастрономические и кондитерские изделия, но приготовляют или покупают готовыми старинные русские блюда, в особенности пироги и пирожки, студень, соленья и маринады. В городах также принято подавать к праздничному столу жареную птицу — индеек, гусей, уток с яблоками, поросенка с гречневой кашей и т. п. Вина, водка и свежие фрукты бывают непременным праздничным угощением. Большое внимание обращается на сервировку стола, который стараются украсить красивой посудой и цветами.

Сохраняются в быту некоторые традиционные праздничные блюда, идущие порой из далекой старины («жаворонки», масляничные и поминальные блины, пасхи и куличи, куры на свадьбах и т. п.). Большинство этих блюд потеряло обрядовое значение и вошло в ассортимент повседневно приготовляемых. Старое значение их совсем забыто или о нем помнят только пожилые люди. Так произошло, например, с изделиями из теста в виде птичек — «жаворонок», выпечка которых в старину была связана с обрядом закликания весны и птиц.

Блины прочно вошли в состав любимых русскими блюд — их пекут в любое время; то же можно сказать о куличах и пасхе (из теста и творога). Некоторые пожилые люди, особенно в сельской местности, приурочивают

Свадебные «гильце», «быки» и пироги (Краснодарский край, 1960 г.)

приготовление их к традиционным дням, но многие хозяйки приготовляют их их к 1 Мая. То же происходит с некоторыми традиционными блюдами, связанными с семейными обрядами; в некоторых сельских местностях сохранился обычай печь «свадебные пироги», «каравай», «калачи».

Посты теперь не соблюдаются. Даже подавляющее большинство старых людей, считающих себя верующими, отказывается от исключительно постной пищи во время постов.

Пища приготовляется в настоящее время чаще всего не в русской печи, а на плитах, керосинках, керогазах, электрических и газовых плитах, благодаря чему значительная часть питательных свойств продуктов сохраняется. Для хранения пищевых продуктов теперь пользуются не только погребами и подвалами (которых в больших городах нет), а холодильниками. Теперь уже почти все знают о питательных свойствах разных продуктов и стараются их сохранять.

С изменением характера приготовления пищи, изменилась и утварь. Глиняная и деревянная посуда, чугуны почти совсем исчезли из употребления даже в деревнях, уступив место алюминиевой, эмалированной, стеклянной и фарфоровой. Во многих семьях имеется несколько сервизов — для повседневного употребления и для гостей. Большим спросом у населения пользуются чайные и столовые приборы из нержавеющей стали, мельхиора и других металлов. Для многолюдных семейных праздников, например для свадьбы, хозяева стараются купить приборы и посуду на всех гостей. В сельском быту еще употребляется кое-какая старая утварь — наиболее стойко сохраняется посуда для молока и бондарные изделия; кое-где еще применяются всевозможные корзины, лукошки, туеса, берестяные коробки, деревянные коробки, деревянные расписные разливательные ложки и т. д. Однако из быта все эти вещи постепенно уходят и заменяются современной фабричной посудой.

В целом пища русского населения, сохраняя многие национальные черты, существенно изменилась. Если до Октябрьской революции больше половины всех продуктов питания составлял хлеб в различных его видах и пища фактически была «хлебной», то теперь в связи с расширением ассорти-

мента пищевых продуктов, повседневно потребляемых в быту, значение хлеба уменьшилось, и сами хлебные продукты качественно изменились. Раньше ржаные и пшеничные изделия потреблялись примерно в равных количествах, в настоящее время продукты из пшеницы потребляются гораздо больше, чем раньше. По потреблению сахара на душу населения русское население занимает одно из первых мест в мире. Значительно повысилась калорийность пищи у населения, которое с общим подъемом жизненного уровня получило возможность систематически употреблять в пищу высококалорийные продукты животноводства. Этому же сильно способствовал отход большей части населения от религии и несоблюдение постов. Советскими учеными проделана большая работа по созданию научных основ питания для разных групп населения. Созданы специальные институты питания лечебного и научного характера.

Пища сельских жителей тем не менее еще отличается от городской. В деревне потребляется больше молока и молочных продуктов, яиц, сала, домашних пирогов и других традиционных блюд. В пище горожан наряду с сохранением многих традиционных блюд наблюдается тенденция к более рациональным способам приготовления их и потреблению новых. Принципиально новым является выпуск пищевой промышленностью разнообразных полуфабрикатов и организация широкой сети предприятий общественного питания, что намного облегчает организацию домашнего питания, особенно в городах, и в значительной степени освобождает женщин от тяжелого домашнего труда. Партия и правительство обращают особое внимание на удовлетворение потребностей населения в предприятиях общественного питания. В Программе КПСС предусмотрено особое внимание дальнейшей организации сети общественного питания и постепенный «...переход к осуществлению бесплатного общественного питания (обедов) на предприятиях и в учреждениях и для занятых в производстве колхозников»[1].

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ БЫТ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Традиционно установившиеся формы общения людей, связанные с производственной деятельностью, с участием в управлении, с проведением досуга и праздников, сложившиеся на этой основе взгляды, представления и бытовые привычки в своей совокупности определяют черты общественного быта народа и степень его культурного уровня. Многие из этих форм находят отражение в главах, посвященных различным видам хозяйства, семье и т. п.

В настоящей главе в основном рассматриваются формы общественного, бытового и культурного общения людей.

Сельская община, ее пережитки, влияние на общественную жизнь деревни

Общественная жизнь основной части дореволюционного русского крестьянства протекала по установившемуся обычаю и редко выходила за рамки своей деревни. Значительное воздействие на все стороны крестьянской жизни оказывала сельская община (*мир*), которая имела не только хозяйственные функции, но была отчасти органом самоуправления, имела некоторые судебные права и фискальные функции. Общинные традиции стойко удерживались у русских в силу экономической отсталости деревни и сохранения в ней феодальных пережитков.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза» М., 1964, стр. 98.

К XIX в. община явно изживала себя, но Положение 19 февраля 1861 г. узаконило ее как сельскую административно-территориальную единицу. Сохраняя общину, правительство руководствовалось интересами помещиков. Об этом откровенно говорил первый председатель редакционной комиссии по выработке Положения 1861 г. Я. И. Ростовцев: «без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство — своих податей и повинностей»[1]. Для господствовавших классов община оказалась удобной формой, помогавшей эксплуатировать крестьян и держать их в повиновении от имени якобы самих же крестьян (мира), подавлять полицейскими мерами протесты против существующих порядков. При этом учитывались воззрения крестьян, считавших общинные порядки исконными и справедливыми. Пережитки общинного коллективизма сочетались с частнособственнической психологией крестьянства. Важнейшие дела в деревне решал сход, право голоса на котором имели главы семей, входивших в данную общину; женщина могла выступать на сходе только как заместительница мужчины (мужа или сына) в его отсутствии; правом голоса пользовались вдовы, имевшие самостоятельное хозяйство до тех пор, пока их сыновья не вырастали.

Голосование на сходе было голосованием в буквальном смысле этого слова — свои требования и решения участники схода выражали голосом — криками; подсчитать голоса при этом было невозможно, поэтому общее решение выносилось в пользу стороны, кричавшей громче своих противников. Это голосование заранее подготовлялось таким образом, чтобы решение отвечало интересам деревенской верхушки. Сход производил переделы пахотной земли, сенокосов и других угодий, отводил землю под новые усадьбы, распределял налоги и повинности, нанимал пастухов, утверждал семейные разделы и назначал опеку над малолетними и т. д. Своевременный взнос податей и выполнение всех повинностей в общине обеспечивался круговой порукой, отмененной только в 1907 г. За неуплату податей мир мог продать все имущество бедняка и отобрать землю. Иногда мир давал недоимщику отсрочку, уплачивая за него подать. Земельные наделы вдов, которые не могли нести всех повинностей, поступали временно в распоряжение общины; когда сын вдовы вырастал, он мог вернуть себе этот надел. Выход из общины был очень затруднен. Уехать на заработки или переселиться без согласия общества крестьянин не мог. При разделах, наследовании и пр. соблюдались нормы обычного права; тем же путем мир разбирал происшествия и ссоры, мирил враждующие стороны, старался усовестить или наказывал виновных. Он же следил за «нравственностью» крестьян.

Сход выбирал старосту, который наблюдал за выполнением решений сходов и за «порядком» в деревне. В помощь старосте выбирались сборщики податей, десятские и сотские. Выборы старост и других должностых лиц проходили порою в ожесточенной борьбе, во время которой в деревне особенно обнажались классовые противоречия. Обычно избирались лица, выставлявшиеся зажиточной частью деревни. Желая захватить власть в селе, кулаки использовали родственные связи, запугивали или подкупали обещаниями экономически зависящих от них неимущих крестьян, спаивали сход и т. п. Их ставленников поддерживала местная администрация, так как правительство видело в сельских старостах свою опору и стремилось превратить их в своего рода чиновников. Высшим органом сельского «самоуправления» было волостное правление. Волостной суд разбирал те проступки и тяжбы крестьян, которые не могли быть решены миром.

В 1889 г. для надзора за органами крестьянского управления был учрежден институт земских начальников. Земского начальника назначал

---

[1] А. Е. Лосицкий. Распадение общины. СПб., 1912, стр. 3.

министр внутренних дел из потомственных дворян, имевших землю в данном уезде. Он должен был контролировать решения волостных и сельских сходов, мог требовать их отмены, устранять от должности выборных лиц сельского и волостного управления, налагать на них взыскания.

После отмены крепостного права противоречия между общинными порядками и укреплявшимися капиталистическими отношениями в деревне проявлялись все более отчетливо. Община становилась тормозом экономического и общественного развития в деревне. Сельская же буржуазия не считалась с общинными порядками или же умело использовала их в своих интересах. В деревне сохранялись и некоторые формы трудовой взаимопомощи. Некоторые работы выполнялись коллективно, устраивались *помочи* (в некоторых местах они, как и на Украине, назывались *толоки*).

Свое начало помочи ведут от древних форм родственной и соседской взаимопомощи, и собирались они в случаях тяжелых и срочных работ; обычны были помочи при постройке дома. Хозяин, собравший помочь, обязан был вечером после работы поставить угощение. Женщины из нескольких соседних домов осенью поочередно в каждом доме рубили капусту, помогали обрабатывать лен и пр. Всем миром строили церкви, школы, рубили и возили в школу и учителю дрова и пр., строили дома погорельцам, убирали урожай вдовам и сиротам и т. п. Помочи устраивались обычно в воскресенье. Распространены были и *супряги*, когда два или несколько маломощных хозяйств совместно обрабатывали землю и собирали урожай. В конце XIX — начале XX в. помочи утеряли прежнее значение. При постройке дома и уборке урожая помогали обычно только близкие родственники. Кулаки, помещики и священники, собирая помочь, знали, что зависимые от них крестьяне не могут им отказать и получали, таким образом, даровую рабочую силу; в этих случаях древний обычай прикрывал беззастенчивую эксплуатацию.

В конце XIX — начале XX в. в деревне стали появляться некоторые виды кооперации капиталистического характера—товарищества для покупки земли, сельскохозяйственных машин, прокатные пункты сельскохозяйственного инвентаря, небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов (мельницы, сыроварни и пр.). Возникали кредитные товарищества, ссудные кассы, потребительские общества, кооперации по сбыту сельскохозяйственной продукции. Членами всех этих товариществ в большинстве были состоятельные крестьяне, которые могли внести пай. Встречались и мелкие объединения, когда два-три хозяина, чаще родственники, сообща покупали какой-нибудь сельскохозяйственный инвентарь или машину.

Общинный строй оказывал влияние на все стороны сельской жизни, которая шла по исстари заведенному порядку и до конца XIX в. изменялась очень медленно. В деревне действовал неписаный моральный кодекс, и правила поведения в семье и общественном быту внушались с раннего детства. От детей требовалось полное послушание, молодежь также должна была беспрекословно подчиняться старшим и не вступать с ними ни в какие пререкания. При встречах на улице даже с незнакомыми людьми в деревне обязательно здоровались, дети и молодежь должны были с более пожилыми здороваться первыми; первыми кланялись и богатому. Войдя в чужую избу, снимали шапку, крестились на «красный угол», в котором висели иконы, и затем здоровались с хозяевами. Нищим обязательно подавали хотя бы грош или кусок хлеба, так как считали, что без нужды «по миру не пойдут»; свято сохранялись традиции русского гостеприимства. За соблюдением этих правил строго следили. Общественное мнение, создававшееся пожилыми людьми, отмечало и осуждало все, даже мелкие отступления от установившихся обычаев; с нарушителями традиционной морали расправлялись порой жестоко и грубо. Так, например, распространен был позорящий деву-

Прощание рекрута (лубок, 1855 г.)

шек обычай мазать дегтем ворота ее дома; после этого девушку редко кто брал замуж. Женщину, изменившую мужу, подвергали публичному позору и издевательствам.

Новые явления в общественном быту деревни пробивались медленно, с трудом, но к началу XX в. они стали уже заметными.

Общественный характер имело в деревне проведение досуга, особенно молодежью. Население деревни делилось на половозрастные группы, и каждая группа проводила досуг по-своему. Как правило, в деревне девушки группировались примерно так: подростки в 14—15 лет, от 16 до 19—20 лет и старше 20 лет (эти девушки считались уже *перестарками*); в больших селах могло быть несколько групп одного возраста, объединявших улицу или конец. Парни составляли свои группы. Осенью, после уборки урожая, в деревне начинались *посиделки*. Девушки в складчину снимали на всю зиму избу (у одинокой женщины или стариков) и каждый вечер собирались в ней; в небольших деревнях собирались по очереди у каждой девушки. На посиделки они приходили с работой (пряли шерсть, вязали); матери давали дочерям «урок» и следили, чтобы заданная работа была выполнена. На посиделки приходили и парни. Они за избу не платили, но рубили дрова, нанимали гармониста и приносили угощение (орехи, семячки, пряники, дешевые конфеты). Посиделки заканчивались играми, песнями, плясками, а затем парни провожали девушек домой. На праздниках те же группы молодежи собирались на гулянья и игрища, водили хороводы.

По выходе замуж молодая женщина исключалась из девичьего круга, и уделом ее становилось домашнее хозяйство и воспитание детей. Изредка она забегала к соседке и к родным; у колодца или сидя на завалинке разговаривала с женщинами о деревенских новостях, ходила в церковь. Женатые мужчины чаще собирались своим кругом обсудить дела; молодые мужчины вместе с парнями играли в бабки, лапту, городки и другие игры.

Если в деревне был трактир, мужчины собирались в нем по вечерам, но чаще по воскресеньям и праздникам. Трактир был злом старой деревни, рассадником алкоголизма, и не случайно в старых русских песнях так часто говорится о муже-пьянице и несчастной женщине, поджидающей мужа у трактира. Но трактир был и своеобразным клубом, в него шли для того, чтобы узнать новости, поговорить не только о деревенских делах, но и о «политике», иногда здесь читали или пересказывали прочитанные газеты.

Событиями для всей деревни, особенно небольшой, были свадьба и смерть односельчанина, а также проводы рекрутов. Те, кто не были приглашены на свадьбу, обсуждали все происходящее и являлись активными зрителями. Во время похорон односельчане считали своим долгом побывать в доме умершего и попрощаться с ним, многие шли проводить покойника на кладбище. Поэтому свадебные и похоронные обряды являлись не только узкосемейными, а в значительной мере и общественными. Общественный характер имели поминовения умерших на кладбище в установленные дни.

Всем миром провожали новобранцев на военную службу. Обычай этот, возникший в XVIII в., с введением регулярной армии, сложился в своеобразный «рекрутский обряд». В нем и сопровождавших его песнях и причетах нашли выражения резко отрицательное отношение народа к «службе царской» и горе семьи, терявшей родного человека и работника. Рекрута, уходившего в армию на 25 лет (в 1862 г. этот срок был сокращен до 15 лет, а затем и до 5), оплакивали как покойника. В его дом собирались все родственники и соседи, на стол ставили угощение и выпивку и начинался «печальный пир»; мать и жена (если новобранец был женат) плакали. В северных губерниях в этих случаях приглашали вопленницу, которая причитала от имени матери, жены, сестер и всех собравшихся. До назначенного срока явки новобранцы со своими друзьями «гуляли»; пьяный разгул, дебоширство, обычно резко осуждавшиеся, в это время разрешались и даже считались обязательными. Новобранец обходил всех родственников и прощался с ними, его везде угощали, сожалели об его участи. В день ухода в армию собиралась вся семья и родственники; родители благословляли сына, давали ему последние наставления и затем в сопровождении большой толпы провожали новобранца до сборного пункта или за околицу. К прово́дам рекрутов были приурочены специальные песни (например, «Собирайтесь, бедны ребятушки, на зеленый луг»). Широкое распространение в конце XIX — начале XX в. получила песня «Последний нынешний денечек».

Культурный уровень деревни

Культурный уровень трудящихся масс дореволюционной России, и особенно крестьянства, был низок. Бо́льшая часть крестьян, главным образом женщин, были неграмотны. Образование мальчиков ограничивалось обычно одним-двумя классами начальной земской или церковно-приходской школы.

Царское правительство, особенно в начале XX в., довольно широко учреждало церковно-приходские школы, обучение в которых было подчинено политическому требованию «благонадежности» и строилось на основе церковной идеологии. Среднее, а тем более высшее образование из крестьян получали единицы, как правило, кулацкие сыновья. В 1913 г. среди новобранцев 27 % было неграмотных, причем грамотными считались и те, кто едва умел читать и подписывать свою фамилию. Для девочек грамоту считали ненужной и даже вредной. Книги крестьяне обычно не покупали, произведения классиков, общественно-политическая и научная литература встречалась в деревне в XIX в. редко; если читали, то преимущественно книги религиозно-духовного содержания или дешевые лубочные книжонки, которые покупали на ярмарках и у бродячих торговцев-офеней. Естественно, что кругозор крестьян, вращавшихся в замкнутом кругу своего хозяйства и сельского мира, был очень узок. В процессе многовековой трудовой деятельности и борь-

бы с суровой природой крестьяне накопили ценные практические знания и навыки, относившиеся прежде всего к земледелию и наблюдениям над природой, закрепленным в народном аграрном календаре. Некоторый рациональный опыт был в народной медицине, хотя преобладали представления о болезнях и их лечении совершенно нелепые. В сознании крестьян стойко коренилось невежество, сочетавшееся с религиозными предрассудками. Часто в деревнях по отношению к отдельным лицам укоренялось мнение, что они колдуны или колдуньи. Им приписывали возможность сверхестественных действий. Верили, что колдуны могут «испортить» человека и наслать на него болезнь. Поэтому их боялись и чтобы обезопасить себя, старались задобрить продуктами или вещами. К колдунам и ворожеям обращались, чтобы снять «порчу», вылечить болезнь или, наоборот, извести врага, соперницу.

Врачеванием в деревне занимались знахарки (ведуньи) и знахари. Четкого разграничения между колдунами и знахарями не было. По представлениям крестьян, знахари получали якобы свой «дар» не от «нечистого», как колдуны, а от «бога». Знахари в своей практике использовали некоторые рациональные методы лечения, основанные на вековом народном опыте. Основным средством от простуды считалась русская парная баня; применялись кровопускания и натирания. Широко использовались растения, имевшие лекарственные свойства. При желудочных заболеваниях почти повсеместно употребляли чернику; бородавки сводили соком чистотела и т. п.

В Сибири широко использовали черемшу, являющуюся эффективным противоцынготным средством. Тонкие слои бересты служили своеобразным пластырем при лечении ран, а жгучий красноватый сок медуницы своими дезинфицирующими свойствами заменял йод. Пух с кипрея (иван-чай) в Сибири применялся как вата, а пушистый жабник полевой—вместо корпии. Широко употреблялись для лечения растения, которые обладают сильными бактерицидными свойствами (чеснок, лук, хрен, редька). «Лук — от семи недуг» — говорили крестьяне. Целебные полевые растения собирали обычно под Иванов день (24 июня), в период цветения большинства трав, когда их и следует собирать для лекарственных целей.

Наряду с применением целебных трав невежественные знахари употребляли, конечно, растения, не имевшие никаких целебных свойств и даже вредные. Используя некоторые действенные средства и методы лечения болезней, знахари сопровождали их различными заговорами, нашептываниями, магическими действиями. Широко применяли в качестве лечебного средства «святую», или «наговорную» воду, от «сглазу» лечили «спрыскиванием с уголька», «заговаривали» кровь, зубную боль, рожу и т. п. Эти шарлатанские методы должны были внушить веру в искусство и особую силу знахарей, которым их профессия давала средства существования. К знахарям и колдунам обращались девушки, чтобы «приворожить к себе парня», «отсушить» его от соперницы и пр. Лечиться к знахарям шли не только по невежеству, но и за отсутствием врачей и средств для лечения. Врачебные пункты и больницы стали появляться в деревнях лишь к концу XIX в., в частности, в результате деятельности земств. Их было очень мало. В предреволюционной России на 1000 человек приходилось 1,4 больничных койки, а в сельских местностях — 0,5 койки. Среди земских врачей было немало настоящих подвижников; они лечили больных, старались привить крестьянам хотя бы минимальные гигиенические навыки, но много сделать в тех условиях не могли, и эпидемии различных заразных болезней были обычным явлением для русской деревни. Приемы на врачебных пунктах порою велись малоквалифицированными фельдшерами, которые сплошь и рядом отпугивали крестьян. Яркое представление о работе земских врачей и врачебных пунктов дает русская литература конца XIX в., особенно рассказы А. П. Чехова, который сам работал земским врачом.

В сознании крестьян стойко сохранялись некоторые древние верования и представления, связанные с почитанием предков и природы. Возникшие на общей основе, они имели много сходного у всех восточнославянских народов, но у каждого народа (и даже в отдельных областях) в различных природных и бытовых условиях они приобрели специфические черты.

Пережитки дохристианских верований и религиозно-обрядовая жизнь

У русских широко были распространены поверья о *домовом* (*хозяин*, *дедушка*, *суседко*, *сам*), генетически связанные с представлениями о духах — покровителях домашнего очага. Домовой часто рисовался в виде хозяина дома, а пребыванием его были места около печки. При переездах в новую избу домового «переносили» в горшке с углями, а затем на лопате, которой сажали в печь хлеб, его «бросали» под печку со словами: «Домовой, на тебе сани, поезжай с нами». На севере существовало представление о живущем в бане *баннике*. Необъятные русские леса породили образ хозяина леса — *лешего* (*лешак*, *лесовик*, *боровик* и др.), который пугает прохожих, особенно под вечер, смеется над ними, сбивает с пути, заводит в глушь или болото. Леший рисовался иногда великаном, ростом с высокое дерево, с треском шествующим по лесу, а иногда — в образе зверей; чаще всего он представлялся в виде простого мужика, только полы его верхней одежды были застегнуты на другую сторону, он не был подпоясан и, если внимательно приглядеться, у него чего-нибудь не хватало, например правого уха. Представления о хозяине воды олицетворялись в образе *водяного*, который обитал в омутах, обязательно около мельницы. Поверья о русалках, распространенные у украинцев, для русских были мало характерны и встречались главным образом в южных губерниях. Также почти не встречались у русских поверья, многочисленные у украинцев и южных славян, об *упырях* — вампирах, выходящих из могил и сосущих кровь у людей. Правда, страх перед мертвецами существовал в крестьянской среде и умершим, которых считали колдунами, а иногда и самоубийцам, вбивали в могилу осиновый кол, чтобы они не могли выйти и вредить живым. Были и многие другие приметы.

Значительное воздействие на мировоззрение и мораль крестьянства оказывала церковь. По вероисповеданию русские, как и украинцы и белорусы, были православными христианами. Большинство придерживалось обрядов официальной церкви, но много было и старообрядцев; значительное число их жило на Севере, в Заволжье, на Урале, в Сибири, в частности в Забайкалье (семейские), куда они бежали или были высланы во второй половине XVII—XVIII в. Старообрядчество было распространено и среди казачества (особенно уральского). Организационные нити старообрядцев стягивались к соборам на московских Преображенском и Рогожском кладбищах. Встречались и сектанты-баптисты, евангелисты, духоборы и др., но их было немного. В секты чаще всего шли в поисках справедливости и «правой веры», разуверившись в официальной церкви и продажном духовенстве, искали в них утешения от постигших несчастий и жизненных невзгод. Изуверские секты, вроде хлыстов и скопцов, приверженцев среди крестьянства почти не имели. Православие было воспринято широкими массами внешне; смысл церковных догматов их мало интересовал и был непонятен, но внешняя, обрядовая сторона исполнялась строго, за чем внимательно следило сельское духовенство, которому помогала полиция. По воскресеньям и в праздники обязательно полагалось ходить в церковь. Строго соблюдались посты, и особенно «великий пост», длившийся семь недель перед пасхой. Лиц, не бывших на исповеди, не венчали, а в случае смерти священник мог отказаться их отпевать; со своей стороны полиция могла не выдать «свидетельство о благонадежности», когда оно требовалось. Все это заставляло людей, даже скептически или отрицательно относившихся к церковным «таинствам», формально их выполнять. На рождество, пасху, пре-

стольные праздники священники с причтом обходили дома и служили краткие молебны, за что их угощали и давали деньги и продукты. В престольные праздники, когда духовенство объезжало округу с «чудотворной» иконой, устраивались крестные ходы, на которые сходились крестьяне из соседних деревень. Молебны и крестные ходы в поле устраивались в случае засухи и каких-либо бедствий.

В церковь и на молебны большинство крестьян, особенно молодых, шли не из глубокого религиозного чувства, а подчиняясь обычаю, и вместе с тем из стремления встретиться с родными и знакомыми, узнать новости, показать наряды. Ревностными блюстителями религиозных обрядов чаще всего были старые женщины. Их роль особенно велика была у старообрядцев, строго соблюдавших все запреты — брить бороды и усы, курить, общаться с «иноверцами» (с «никонианами»); у наиболее ортодоксальных староверов существовала даже особая посуда и т. п. Мужчины относились к религии более безразлично и во время отлучек и работы в городах порою совсем не соблюдали обряды и посты, но вернувшись в деревню обычно выполняли все, что требовалось.

Одной из особенностей русского дореволюционного быта были странствующие богомольцы, старики и старухи, бродившие по «святым» местам. Проходя через села и нередко побираясь «христа-ради», они рассказывали о виденном, о «чудесах», распространяли религиозные легенды и тем самым поддерживали веру в сверхъестественное. На годовые монастырские праздники (в честь праздника или святого, имя которого носил монастырь), особенно в известные монастыри, собиралось много народа. Около монастырей в это время нередко устраивались ярмарки. Знаменитая всероссийская Нижегородская ярмарка сначала была основана около Макарьевского монастыря.

Одним из наиболее ярких проявлений общественной жизни деревни были праздники. В русской дореволюционной деревне справлялись рождество, пасха (славянский великдень), так называемые двунадесятые праздники — двенадцать наиболее почитаемых церковью праздников — и дни некоторых наиболее почитавшихся «святых». В различных местностях чтились «свои» «святые», обычно те, во имя которых были построены церкви. Николин день, отмечавшийся дважды (Никола «зимний» — 6 декабря и «вешний» — 9 мая), праздновался особо широко. Проведение этих праздников во многом определялось древним аграрным культом, послужившим их основой. Воздействие христианства было в значительной мере внешним; в некоторые обрядовые формулы и песни вошли христианские мотивы. В обрядовых действиях использовались некоторые аксессуары христианского культа («святая» вода, свечи, принесенные из церкви, и пр.). Вместе с тем сохранялись магические обряды, призванные, например, обеспечить плодородие. Постепенно они забывались и изменялись. Особенно быстро календарная обрядность стала разрушаться с развитием в деревне капиталистических отношений. К концу XIX в. многие архаические обряды ушли из быта, но отдельные элементы старинных обрядов сохранялись довольно стойко, хотя смысл их был позабыт; они исполнялись по традиции или же воспринимались как простое развлечение молодежи.

Собственно праздник начинался, когда народ после богослужения и праздничного угощения выходил на улицу. Наиболее живое участие во всех праздничных действиях и развлечениях принимала молодежь. Пожилые крестьяне, выполнив полагающиеся обряды, выпивали по случаю праздника, собирались группами на завалинках или скамеечках и разговаривали, глядя на гуляющую молодежь. Веселым зимним праздником считались святки, длившиеся две недели (от сочельника — 24 декабря старого стиля до крещения — 6 января). Основу святочной обрядности составляли древние, общие для всех славян магические действия, имевшие целью обеспечить урожай и благополучие семьи в новом году. В канун рождества (сочельник)

происходила обрядовая трапеза, во время которой глава семьи бросал горсти зерна, приговаривая: «на человечье (здоровье), коровье, овечье», прятался за сноп соломы (чтобы рожь была выше человека), под скатертью на столе крестом раскладывались зерна всяких злаков и пр. На рождество или Новый год в семьях с достатком жарили и ели поросенка — символ изобилия и плодородия. Тогда же, как заклинания на урожай и на счастье, звучали многие колядки, певшиеся под рождество или под Новый год. Они были широко распространены у всех славянских народов. В конце XIX в. колядовали далеко не везде, и колядки воспринимались как веселый обычай. Колядовщики, обычно молодежь, собирались группой и с песнями и шутками обходили по очереди дома. Они спрашивали разрешения войти в избу, после чего величали хозяев. Хозяева благодарили за добрые пожелания и давали пришедшим приготовленное угощение, иногда — деньги. Наряду с близкими у всех славян песнями о коляде русские создали свои типы колядок — *овсень* (*таусень*) — в средней России, *виноградье* — на Севере. В русских колядках почти не было христианских мотивов; они содержали пожелание хорошего урожая, богатства и счастья.

Под влиянием церкви на рождество распространился обычай «славить Христа», когда «христославы», чаще дети, обученные в школе священником, обходили дома с пением рождественского тропаря.

На святки гадали. Чаще всего гадали девушки о суженых. На святках молодежь собиралась на вечеринки; здесь не работали, как на посиделках, а только веселились, играли (известны игры с песнями «Со вьюном я хожу», «А мы просо сеяли», «Я сижу горю-пылаю», «Утушка» и т. п.), пели, танцевали. Постепенно традиционные игры стали дополняться или вытесняться новыми песнями и танцами, из которых особенно широко распространилась кадриль, имевшая местные особенности. В святочные развлечения входило ряжение. Истоки его лежат также в древней магии. Сохранились некоторые традиционные маски, например, ряжение «козой» («где коза ходит, там жито родит»). Позже к ним добавлялись костюмы бытовые и сатирические (барин и барыня, цыган, доктор). Ряженые иногда представляли небольшие сценки, разыгрывали на святках народные драмы («Царь Максимилиан», «Лодка» и др.). Святки оканчивались на крещение (*водокрещи*). В этот день крестный ход шел на *иордань* — к проруби в реке; после «освящения» воды некоторые купались в проруби.

Шумно и весело праздновалась масленица, основой которой был древний земледельческий праздник в честь оживающего солнца. С солнцем связана и символика масляничных обрядов, иногда очень архаичных — зажигание костров, хождение с горящим колесом из соломы и т. п. На масленицу катались на санях с ледяных гор и на лошадях: в сани усаживалась большая группа, нередко ряженых, лошадей (если была возможность, то тройку) украшали, к дуге подвешивали бубенцы. Обязательным угощением на масленицу были блины. Веселье особенно разгоралось в последние дни недели («широкая масленица») и заканчивалось проводами масленицы, когда чучело, изображающее масленицу, на дровнях везли с пением соответствующих песен из деревни и сжигали, что символизировало конец зимы. На масленицу, так же как и на святки, ставились народные драмы; некоторые инсценировки песен были специально приурочены к масленице (например, в Тобольской губ. разыгрывали историческую песню «Кострюк»). В Сибири сохранялась специальная масленичная игра «взятие снежного городка». Красочная сторона насыщенного песнями, брызжущего народным юмором масленичного веселья привлекала русских писателей, художников и композиторов. Так, прекрасно изображена масленица в опере «Вражья сила» А. Серова; проводами масленицы начинается «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова; «Взятие снежного городка» изображено на известной картине В. И. Сурикова.

После масленицы наступал «великий пост». В это время готовились к весенним работам. Из весенних обрядов стойко сохранялся обычай печь из

Русская масленица (лубок, 1860 г.)

теста птичек — «жаворонков», символизирующих прилет грачей и наступление весны. В некоторых местах дети шли с этими жаворонками в поле и, подбрасывая их в воздух, приговаривали: «Летите в поле, несите здоровье: первое — коровье, второе — овечье, третье — человечье!». Так, в детской игре сохранилась древняя магическая формула. Кое-где сохранялся обычай «кликания весны», когда девушки в поле, на пригорке призывали весну скорее прийти «на жердочке, на бороздочке» и привести «лето хлебородное».

На пасху гуляли по улице, качались на качелях, катали крашеные яйца; молодые мужчины играли в городки, лапту, бабки и другие игры. Пасхальные обычаи сохранили элементы культа предков. В это время поминали умерших родственников, ходили на кладбище «христосоваться» с ними и оставляли на могиле крашеные яйца. Одной из основных частей весенней обрядности считались хороводы. Они были развлечением молодежи. Водили хороводы обычно за деревней. Начинался хоровод песнями, приглашающими прийти повеселиться. Потом следовали разные хороводные и игровые песни, в большинстве те же, что и на святочных игрищах; заканчивался хоровод песнями, гласившими, что пора расходиться по домам. К концу XIX в. хороводы стали исчезать, сохраняясь на севере и в некоторых местах южных губерний. Вместо них обычными стали гулянья на деревенской улице или за околицей. Собравшаяся молодежь пела песни, играла, танцевала кадриль и другие танцы; в начале XX в. стали плясать («выбивать дроби») под все более распространявшиеся частушки. Эти пляски в каждой местности имели свои особенности и назывались по-разному («елецкий», «сормовский», «семеновна» и др.). Заканчивался весенний обрядовый цикл на троицу («зеленые святки»). Обрядность этого праздника у русских получила значительное развитие, и отдельные ее элементы сохранялись долго. Большую роль в обрядах играла береза — символ ожившей весною родной природы. Зеленую кудрявую березу величали в песнях, под нею водили хороводы, березовыми ветками украшали избы и церкви.

Обрядность, связанная с праздником Ивана Купалы и отмечавшая летний солнцеворот (24 июня), у русских была скромнее нежели у украинцев, белорусов, литовцев и латышей. Однако и в ней сохранялись некоторые архаические обычаи—прыгание через горящий костер, купание в реке, обливание водой. С Ивановой ночью связаны многочисленные поверья, в частности о расцветающем папоротнике, с помощью которого можно найти зарытые клады. В купальскую обрядность входили «похороны Костромы», ставшие затем драматической игрой.

Осенью празднеств, продолжавшихся длительное время, подобных святкам и масленице, не было. Отмечались отдельные дни, например, «покров», после которого в деревнях начинались свадьбы («Пришел покров — девкам голову крыть»). На Николин день кое-где сохранились остатки старинной «братчины Микольщины» — обычая сообща варить пиво, закалывать предназначенного для этого случая бычка и устраивать общую трапезу, в которой участвовали только мужчины.

Особое место в деревенском быту занимали «престольные праздники» (день «святого», в честь которого была церковь в селе). На праздник приезжали родственники и стекалось население из окрестных сел. После молебна и крестного хода начиналось гулянье. На площади около церкви или на пустыре, где собирался народ, располагались торговцы дешевыми украшениями и лакомствами; в крупных селах в престольные праздники устраивались ярмарки с качелями, каруселью и т. п. Праздники вносили разнообразие в монотонную деревенскую жизнь, отвлекали от тяжелых забот, давали возможность передохнуть от тяжелой работы. В проведение праздников народ внес много выдумки и создал интересные игры, но темные стороны крестьянской жизни проявлялись и во время праздников. Среди сопровождавших праздники обычаев встречалось много нелепых и вредных; подвыпившие мужчины, случалось, затевали скандалы и драки; парни хулиганили, приставали к девушкам. Почти повсеместно праздничным «развлечением» были кулачные бои — «стенка на стенку» — между отдельными концами деревни или соседними селами, нередко кончавшиеся поножовщиной и серьезными увечьями.

В XX в. ритуал, свойственный каждому празднику, уже редко соблюдался полностью, и праздники проводились более или менее одинаково. Однако некоторые традиционные праздничные обычаи прочно вошли в быт не только деревни, но и города, разумеется, уже в сильно трансформированном виде (блины и катание на масленицу, крашение яиц и поминовение покойников на пасху, украшение домов березками на троицу и т. п.).

Изменения в мировоззрении и общественном быту крестьян в конце XIX — начале XX в.

После крестьянской реформы, и особенно в конце XIX — начале XX в., когда в деревне начали бурно развиваться капиталистические отношения, мировоззрение, общественный быт и нравы крестьян стали меняться, хотя и крайне медленно и неравномерно. Преодолевалась замкнутость деревенского мира. Под влиянием укреплявшихся связей с городом стал разрушаться традиционный, складывавшийся веками, общественный уклад. В деревне появлялись новые обычаи и развлечения. Молодежь старалась вести себя «по-городскому». Не так строго соблюдалось половозрастное деление на группы, на гуляньях и вечеринках молодежи стали появляться молодые замужние пары. Старинные игры и хороводы заменялись новыми песнями и танцами. Из пригородных сел крестьянская молодежь ходила по праздникам в городские сады и в приказчичьи клубы; из деревень, расположенных недалеко от железных дорог, выходили гулять на станции. В деревне прививалась городская мещанская культура, близкая мелкособственнической крестьянской психологии.

Некоторое оживление в общественный быт деревни вносила деятельность земства, развернувшаяся в 80—90-х годах прошлого века; открывались

школы, больницы, библиотеки. Их было немного, распределялись они по уездам неравномерно и существенного воздействия на жизнь деревни оказать не могли. Однако в деревне все же начали появляться газеты и книги различного содержания. Земства стали проводить лекции с туманными картинами, некоторую просветительную работу вели учителя, врачи, «общества трезвости». В крупных селах, где начала появляться интеллигенция (учителя, врачи и др.), иногда устраивали любительские спектакли.

Значительное влияние на общественное сознание деревни оказывало отходничество. Отходники, особенно работавшие на заводах, в шахтах и общавшиеся с кадровыми рабочими, отличались более широким кругозором, стремились к образованию, приносили в деревню новые привычки и культурные навыки. Проводниками городского влияния были и члены крестьянских семей, проживавшие и работавшие в городах, а также вернувшиеся после службы солдаты. С конца XIX в. начался заметный отход крестьянства от религии, появились в деревне и сознательные атеисты. Это были в основном молодые мужчины, пожившие в городах и испытавшие влияние пролетариата.

Под влиянием передовых рабочих в деревню стали проникать революционные идеи. Особенно заметно начали сказываться они перед революцией 1905 г. Большевистская печать отмечала большие изменения в мировоззрении крестьянства и рост его политической активности. В качестве одного из ярких свидетельств этого указывалось на массовое распространение революционных песен. «Вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня»,— писала «Искра» в 1902 г.[1] В другом номере за тот же год в разделе «Из деревни» сообщалось, что у крестьян Тверской губ. большим успехом пользуется изданный «Искрой» сборник «Песни борьбы». Автор корреспонденции отмечал, что революционная песня является могучим средством воздействия на массы и способствует росту их сознания и культуры. В качестве примера приводился крестьянин, который служил в Петербурге извозчиком и там пристрастился к чтению лубочной литературы. «Попались ему в руки «Песни борьбы» и некоторые другие вещи. Теперь он с презрением отзывается о своих прежних литературных вкусах и требует хорошей «заправской книжки»[2]. Такие примеры были, конечно, не единичны.

Сильно всколыхнулась общественная жизнь деревни в бурные революционные дни 1905—1907 гг. Под воздействием большой агитационной и организационной работы революционных организаций у крестьян стало вырабатываться революционное сознание; сильное влияние на деревню оказала борьба рабочих. В революционные 1905—1907 гг. крестьяне применяли свои старые методы борьбы: всем миром шли против помещиков, требовали раздела помещичьих земель, жгли помещичьи усадьбы. В этих выступлениях находила выход вековая ненависть крестьян к своим непосредственным эксплуататорам. Но крестьяне начинали понимать, что такие стихийные методы борьбы не дают сколько-нибудь ощутимых результатов, что добиться улучшения своего положения, получить столь желаемую землю при самодержавии они не смогут, что необходима организованная политическая борьба против царя. В деревне появилась политическая литература — книги, брошюры, листовки, газеты. Крестьяне, собравшись группами, обсуждали происходящие события; споры на политические темы возникали в трактирах и на сходках, превращавшихся порою в политические собрания. Иногда по примеру рабочих в деревнях организовывались митинги, проводились маевки. В деревнях стали появляться социал-демократы, а также эсеры, пользовавшиеся в те годы некоторым влиянием среди крестьян. В целом же

---

[1] «Искра», 1902, № 22, стр. 7.
[2] «Искра», 1902, № 29, стр. 7.

27 Заказ № 888

процесс выработки революционного сознания в крестьянских массах был более длительным и сложным, чем у рабочих. Шел этот процесс очень неравномерно; новые политические идеи и взгляды быстрее распространялись в деревнях, тесно связанных с крупными городами и промышленными центрами, а также среди отходников; по-разному воспринимали их и разные слои крестьянства.

Общественная и культурная жизнь в городах была более сложной и пестрой по сравнению с деревней. В деревне имущественное неравенство, классовая дифференциация прикрывалась иллюзорным единством деревенского мира, внешним соблюдением общих обычаев и норм поведения, хотя кулаки по существу с ними не считались. В городах же, особенно крупных, во всех областях жизни классово-сословные различия выступали обнаженно. По классовому принципу были построены органы городского самоуправления, и основой избирательного права в них служил имущественный ценз. Каждая группа населения отличалась своими обычаями и специфической общественной деятельностью, хотя сфера общественной деятельности до революции вообще была очень ограниченной. Жандармерия, полиция и цензура очень подозрительно относились ко всяким, даже далеким от политики общественным мероприятиям (например, проведению публичной научной лекции, любительскому спектаклю или концерту), и часто запрещали их.

Общественный быт дореволюционного города

Уровень образования городского населения в целом был выше сельского, но процент неграмотных, особенно женщин, был велик. По переписи 1897 г., в городах насчитывалось 44,8% грамотных (мужчин — 54%, женщин — 35,6%). В XX в. процент грамотных несколько повысился. Среди коренного городского населения грамотных было значительно больше, чем среди вновь прибывших, в подавляющей массе — выходцев из деревни. Так, в Петербурге в 1900 г. среди пришлого населения было в три раза больше неграмотных, чем среди родившихся в столице. Очень велики были различия в уровне образования разных слоев горожан. Выделялась сравнительно небольшая группа интеллигенции, происходившей из различных социальных слоев общества, среди которой были крупнейшие, с мировым именем ученые, писатели, деятели искусства; основная же масса трудового городского люда оставалась или малограмотной, или неграмотной.

В капиталистическую эпоху сильно возросло значение городов как культурных центров. Развивающийся капитализм требовал все большего числа квалифицированных специалистов для различных отраслей хозяйства, административного аппарата и пр. Поэтому правительство, земства и частные лица открывали в городах различные учебные заведения: гимназии, реальные училища, городские училища, различные технические и специальные училища и пр. Открывались университеты и другие высшие учебные заведения. В 1914—1916 гг. в России было 105 высших учебных заведений, в которых обучалось 127 423 студента, из них на территории РСФСР было 72 учебных заведения с 86 472 студентами. Учились в средних, а тем более в высших учебных заведениях только дети обеспеченных родителей, детям широких масс трудящихся из-за высокой платы за обучение доступ в гимназии и университеты был фактически закрыт; они оканчивали в лучшем случае высшие городские (пятиклассные) училища или профессиональные школы. В университеты и другие высшие учебные заведения до революции принимались только мужчины. Высшего женского образования в России до 70-х годов XIX в. не было. Под влиянием революционно-демократического движения 60-х годов правительство вынуждено было дать разрешение на открытие высших женских курсов. В 1872 г. в Петербурге открылись высшие женские медицинские курсы, а в 1878 г. по инициативе профессора А. Н. Бекетова открылись высшие женские курсы (так называемые Бестужевские), сыгравшие значительную роль в развитии женского образования.

В Москве были открыты двухгодичные курсы профессора В. И. Герье; высшие женские курсы появились также в Казани и Киеве. Но царское правительство всячески тормозило развитие высшего женского образования. С ростом реакции в 1886 г. прием на курсы был прекращен, а затем курсы были закрыты. Когда же в Петербурге они стали снова функционировать, был введен ряд ограничений (повышена плата за обучение, курсистки должны были жить только у родных или в общежитии). Приток на высшие женские курсы особенно усилился после революции 1905 г. Так, на Бестужевских курсах в 1905 г. насчитывалось 1600 слушательниц, а в 1909 г.— уже 5177. В 1905—1916 гг. открылись высшие женские курсы в ряде крупных городов.

В 1908 г. в Москве на средства, завещанные специально для этой цели А. Л. Шанявским, был открыт Народный университет. Он имел два отделения: научно-популяризаторское, дававшее среднее образование, и академическое (высшее). В университете училось около 4000 студентов, преподавали в нем лучшие педагоги, в том числе и крупнейшие профессора, изгнанные из университета «за неблагонадежность», поэтому некоторые лекции в нем посещали и студенты Московского университета. Университет Шанявского имел значение как первая в России попытка сделать высшее образование доступным более широким кругам.

Повышение интереса к политическим и общественным вопросам, определявшееся ростом революционного сознания широких слоев населения, вызывало увеличение числа газет и журналов и рост их тиражей. В XX в. газеты выходили не только в губернских, но и в некоторых уездных городах. В 1908 г. в России издавалось 794 газеты, а в 1913 г.— 856. Газеты разных направлений имели свой круг читателей. Газеты явно реакционного направления не пользовались спросом и почти не имели подписчиков. Так, например, среди не только демократических, но и либеральных кругов «неприличным» считалось читать «Московские губернские ведомости» (1838—1917 гг.) — газету официального характера, которую выписывали в основном учреждения. Среди интеллигенции популярны были «Русские ведомости» (1863—1918 гг.), «профессорская газета» либерального направления, которую правительство и черносотенцы считали крамольной. В газете принимали участие многие писатели демократического направления. В 1905 г. эта газета стала органом правых кадетов. Значительный тираж (в 1915 г.—650 тыс.) имело умеренно-либеральное «Русское слово», издателем которого с 1897 г. стал И. Д. Сытин; в нем широко давалась информация, внутренняя и зарубежная, хорошо был поставлен литературный отдел. Любимой газетой обывателя был «Московский листок» (1881—1918 гг.) Н. И. Пастухова; либеральные газеты называли его «Кабацкий листок». Он привлекал сенсационными сообщениями, фельетонами, а также систематически печатавшимися из номера в номер романами, рассчитанными на мещанский вкус. Приманками были бульварные романы, выходившие в качестве приложений, например роман самого Н. И. Пастухова «Разбойник Чуркин». Газета быстро нашла своего читателя. Как пишет в своих воспоминаниях В. А. Гиляровский: «...безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотнорядца, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя» [1]. Среди более отсталой части рабочих и ремесленников распространена была «Газета-Копейка», выходившая в 1906—1918 гг.

Передовые рабочие и революционно-настроенная интеллигенция читали большевистскую «Правду», которая была создана по инициативе В. И. Ленина. «Правда» начала издаваться в 1912 г. (первый номер вышел 5 мая) в обстановке нового революционного подъема. Она неоднократно запреща-

---

[1] В. А. Гиляровский. Избранное, т. 2. М., 1960, стр. 96.

лась царским правительством, но каждый раз, вплоть до войны 1914 г., она выходила под новым названием («Рабочая Правда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды» и др.). В июне 1917 г., в период наступившей реакции, редакция «Правды» была разгромлена, и газета до Октябрьской революции опять стала выходить под разными названиями, не изменяя своей программе и боевому революционному духу. К участию в газете В. И. Ленин привлек лучшие партийные силы и сам активно сотрудничал в ней. Несмотря на постоянные преследования и жестокую цензуру, «Правде» удавалось освещать истинное положение рабочих, обличать произвол капиталистов и царской администрации. В этом помогали сами рабочие, не только покупавшие и внимательно читавшие свою, как они признавали, газету, но и писавшие в нее со всех краев России. Так, уже в первый год в «Правде» было опубликовано свыше 11 тыс. разнообразных корреспонденций рабочих. Роль «Правды» в пропаганде революционных идей, в сплочении рабочего класса и мобилизации его на политическую борьбу была исключительно велика.

Из иллюстрированных общественно-политических и литературных журналов особенно популярна была «Нива», дававшая в приложении полные собрания сочинений классиков и современных русских и западноевропейских писателей. Массовыми тиражами стали выходить некоторые книги, в том числе и классические произведения.

Еще в 1862 г. в Москве было создано кооперативное издательство, возглавлявшееся К. Т. Солдатенковым, участниками которого были многие крупные писатели и ученые. Направление этого издательства было либеральное (чем дальше, тем все более умеренное). Наиболее прогрессивным являлось издательство Ф. Ф. Павленкова, который неоднократно подвергался репрессиям за революционную деятельность. Павленковым были изданы сочинения В. Г. Белинского, труд Ф. Энгельса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др. Всего это издательство, просуществовавшее до Октябрьской революции, издало свыше 600 названий общим тиражом около 3 млн. экземпляров. Самую же большую издательскую деятельность развернул И. Д. Сытин, который издавал дешевые книги и старался широко их распространять.

В популяризации знаний значительную роль играли библиотеки и читальни, сеть которых постепенно росла. Наряду с крупнейшими публичными библиотеками в Петербурге (основана в 1814 г.) и в Москве (при Румянцевском музее, основана в 1862 г.) и университетскими в городах открывались губернские и городские библиотеки, при некоторых заводах и пр. Библиотеки находились в ведении городских органов самоуправления, отчасти земств, клубов и пр., были и частные библиотеки-читальни. Всего в России в 1914 г. насчитывалось 12 600 библиотек, большинство которых располагало все же весьма незначительным книжным фондом. Большевистская партия придавала очень большое значение пропаганде политических и научных знаний и распространению художественной литературы, отражающей положение широких народных масс. В связи с этим местные организации социал-демократической партии, используя легальные возможности, создавали библиотеки, которые распространяли и нелегальные издания.

Росло число театров. Правда, даже во многих крупных городах постоянных драматических трупп не было, и театральные помещения снимали на сезон отдельные антрепренеры; бывали и «пустые» сезоны; порою на гастроли приезжали крупные артисты столичных театров, выступавшие в спектаклях и дававшие концерты. Публика, посещавшая театр, резко делилась по занимаемым местам. Партер, амфитеатр, ложи бенуара заполняла знать, богачи, семьи крупных чиновников и высокооплачиваемой буржуазной интеллигенции, блиставшие нарядами и драгоценностями. Ярусами выше располагалась публика «попроще». Самые дешевые места наверху — «на галёрке» — занимали учащаяся молодежь, молодые рабочие, ремесленники. Характер-

но, что во многих театрах галёрка имела особый ход и не сообщалась с другими ярусами и центральным фойэ. За билетами, особенно за дешевыми, на спектакли Художественного театра, на оперы с участием Ф. И. Шаляпина устанавливалась очередь; студенты дежурили ночами и разыгрывали билеты. В XX в. в городах стали появляться кинематографы, быстро завоевавшие популярность.

Наиболее демократическим, доступным для широких кругов трудящихся зрелищем являлся цирк. Постоянные цирки существовали только в самых крупных городах; в большинстве же городов заезжие цирковые труппы давали представления во временных летних помещениях (шапито); бродячие акробаты, фокусники, клоуны выступали и на площадках, собирая после представления деньги у зрителей. Особенным успехом пользовались остроты клоунов, иногда выступавших с политической сатирой. Мировой известностью пользовались дрессировщики и клоуны Анатолий и Владимир Дуровы.

Культурные учреждения — библиотеки, музеи, театры и т. п. открывались, как правило, по общественной и частной инициативе, без правительственной поддержки, а нередко и несмотря на противодействие властей. Так, П. М. Третьяков создал в Москве и передал затем городу знаменитую картинную галерею. В развитии театра огромное значение имел Московский Художественный театр, возникший в 1898 г. по инициативе К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. По их мысли, театр должен был отвечать запросам широких демократических кругов, однако название «общедоступный» не было разрешено властями. Крупным художественным явлением была опера, организованная меценатом С. И. Мамонтовым, где впервые увидели свет рампы некоторые оперы Н. А. Римского-Корсакова и других русских композиторов, а в качестве декораторов выступали такие художники, как В. А. Васнецов, М. А. Врубель и др.; отсюда пошла и слава Ф. И. Шаляпина.

Некоторую культурно-просветительную работу вели клубы, число которых в XX в. увеличилось и существенно изменился их характер. В XIX в. клубы организовывались по сословному принципу. Это были прежде всего дворянские клубы («благородные собрания», известный с конца XVIII в. аристократический московский «Английский клуб» и т. п.), затем появились купеческие собрания. К концу XIX в. сословный принцип уже перестал выдерживаться — балы и концерты в «благородном собрании» посещали те, кто мог заплатить за билет и имел соответствующие туалеты; богатые купцы стали приниматься и в «Английский клуб» и т. п. В начале 900-х годов в Москве был популярен «Литературно-художественный кружок», открытый в 1899 г. Здесь бывали по вечерам крупные писатели, художники, артисты; выступали А. Н. Скрябин, К. Н. Игумнов, Л. В. Собинов, Ф. И. Шаляпин и др. Это был единственный в Москве клуб, членами которого могли быть женщины. Все больше стало появляться демократических клубов (рабочих, служащих). Они чаще организовывались по профессиональному и социальному принципу (железнодорожников, печатников, банковских служащих, приказчиков и т. п.). В клубы чаще приходили, чтобы провести вечер в ресторане, поиграть в карты; устраивались здесь банкеты, танцы, семейные вечера. В клубах иногда давались спектакли и концерты, читались лекции; при них были библиотеки и читальни, работали некоторые кружки.

С развитием спорта стали появляться спортивные клубы и общества (охотников, яхт-клубы, беговые общества и др.). В начале XX в. русские спортсмены выходят на мировую арену и начинают завоевывать первенство в международных соревнованиях. Так, первенство мира по конькам два раза (в 1910 и 1911 гг.) завоевывал Н. Струнников, позже прославились братья-конькобежцы В. и П. Ипполитовы. Широкой известностью пользовался русский борец И. Поддубный. М. И. Чигорин, явившийся основоположником русской шахматной школы, неоднократно занимал первые места на между-

народных турнирах. Раньше, чем в других странах, в России стала развиваться спортивная авиация, начало которой положил С. И. Уточкин.

Прогрессивная общественность устраивала спектакли, концерты, лотереи-аллегри с благотворительной целью в пользу неимущих студентов, больных и престарелых рабочих и т. п. Собирались таким путем и средства на революционную работу, для помощи семьям арестованных рабочих, уволенных за забастовки; конечно, в таких случаях сборы официально осуществлялись под вымышленными предлогами.

Общественная инициатива находила свое проявление и в организации различных обществ — научных, спортивных и пр. Организация и деятельность их сильно затруднялась и ограничивалась правительством; несмотря на это, некоторые из них имели всероссийское значение, охватывая довольно широкие круги членов и корреспондентов. Общества объединяли представителей одной профессии или лиц, имевших общие интересы. Так, например, крупным было Общество русских врачей (Пироговское общество), основанное в 1883 г. и проводившее довольно широкую общественную деятельность. Были общества художников, артистов, литераторов и др. Достаточно широко развернули деятельность некоторые научные общества, которые проводили регулярно доклады и лекции, организовывали экспедиции, устраивали выставки, выпускали периодические издания и отдельные сборники. Наиболее массовым было основанное в Петербурге в 1845 г. по инициативе Ф. П. Литке Русское географическое общество, которое имело отделения на местах. Оно проводило географические, этнографические и статистические исследования, привлекая для этого местных корреспондентов; ответы на рассылавшиеся обществом анкеты приходили из разных, в том числе и отдаленных уголков, и не только из городов, но и из деревень; корреспондентами были учителя, врачи, священники, иногда грамотные крестьяне. Активную научную деятельность развертывали на местах, особенно в Сибири, политические ссыльные (И. А. Худяков, В. Г. Богораз-Тан и др.). На средства Географического общества были проведены крупнейшие экспедиции: Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского, А. П. Северцева, Г.Н. Потанина, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, В.А. Обручева и многих др. Общество и его отделы издавали «Известия», «Труды» и сборники. Значительное число информаторов имело Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, созданное в 1863 г. при Московском университете. Непосредственно в работе Общества принимали участие крупнейшие ученые: Д. Н. Анучин, В. Ф. Миллер, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, Н. Е. Жуковский и др. Общество организовало в 1867 г. этнографическую выставку, легшую в основу Румянцевского этнографического музея, и в 1872 г. политехническую выставку, преобразованную в Московский политехнический музей. Научные общества существовали и в некоторых крупных городах (общества археологии и этнографии, естествоиспытателей, любителей природы, археографические комиссии).

Со второй половины XIX в. как в городах, так и селах начали возникать общества трезвости. Состав их был самый демократический, членами их были крестьяне, рабочие, ремесленники, мелкие служащие и пр. Наиболее широкое развитие сельские (церковно-приходские) общества трезвости получили в Тверской, Владимирской, Тульской, Пензенской, Саратовской, Екатеринославской и некоторых других губерниях. Общества открывали чайные и столовые (без алкогольных напитков), лечебницы, читальни, библиотеки, организовывали кружки, проводили чтения, лекции, иногда ставили спектакли. Понятно, что деятельность обществ, находившихся под контролем местных властей и церкви, имела весьма ограниченный, порою филантропический характер; своих членов они старались воспитывать в религиозно-правительственном духе, однако эти общества распространяли и подлинно научные знания, расширяли кругозор, а некоторые из них имели и ярко выраженный демократический характер.

Особого, общеобязательного праздничного ритуала бытового и религиозного, подобно сельскому, в городах не было. Посещение церкви по воскресеньям и праздникам в городах не носило такого общеобязательного характера, как в деревне, но мещанами и мелкой буржуазией обычай этот соблюдался довольно строго. Некоторые ходили в церковь, чтобы послушать хор; отдельные хоры пользовались широкой известностью, из церковных хоров выходили порою выдающиеся певцы. Разумеется, для трудящихся горожан воскресенья и праздники были прежде всего днями отдыха. В эти дни ходили в гости или принимали гостей, устраивали вечеринки, на которых танцевали, пели, играли в карты и разные игры, разыгрывали шарады, иногда ставили спектакли. Студенческие вечеринки нередко превращались в горячие политические диспуты.

Досуг и праздники в городах

Летом организовывались поездки за город, пикники на лоне природы, гулянье по вечерам в городских садах, где играла музыка. Например, излюбленным местом летних прогулок москвичей были Сокольники, куда отправлялись семьями на целый день; здесь можно было за небольшую плату получить кипящий самовар и напиться чаю, закусывая принесенным с собою завтраком. По вечерам на Сокольническом кругу давались концерты с участием лучших артистов. Под Петербургом летом концерты давались в курзалах Павловска, Стрельны и др.

Традиционные русские обряды и обычаи более полно сохранялись у тех групп городского населения, которые недавно пришли из деревни, имели с нею связь, и в маленьких городках, уклад жизни которых имел черты, сходные с сельским. Некоторые традиционные обычаи в видоизмененном виде прочно вошли в быт разных слоев города. Так, на масленицу обязательно пекли блины, которые входили и в меню трактиров и ресторанов. Во всех городах, в частности и в Москве, сохранялись масленичные катания на лошадях. На пасху пекли куличи, делали пасху, красили яйца, ходили на кладбище поминать родных. На рождество и пасху церковный причт обходил своих прихожан, хотя принимали их далеко не все. На крещение был крестный ход на «иордань» (к «пролуби» в реке, где служили молебен и «святили» воду).

Устраивались в городах и массовые праздничные гулянья; чаще всего они были на святках и на масленицу. Такие гулянья «под горами» — специфически русская форма гуляний — устраивались в Петербурге. С середины XVIII в. «горы» сооружали на Царицыном лугу (Марсово поле), а с конца 20-х годов XIX в.— на Дворцовой и Адмиралтейской площадях. Здесь устраивались деревянные двусторонние «горы» с изгибами; одна — с вышкой у Александровской колонны; с нее можно было докатиться до Адмиралтейства, где находилась вышка второй «горы», оканчивавшейся на Дворцовой площади. Зимой «горы» покрывались льдом; катались с них на санях (летом с деревянных гор катались на лубках и ковриках). В Москве такие горы строились на Новинском бульваре, а затем у Новодевичьего монастыря. Под «горами» располагались торговые ларьки, устраивались балаганы, где выступали на злобу дня «деды-раёшники». В XIX в. в Петербурге под «горами» стали выступать и профессиональные артисты — цирковые и драматические, ставились пьесы исторического содержания, инсценировки произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, «Князя Серебряного» А. К. Толстого и т. п. В конце XIX в. правительство, обеспокоенное ростом революционных настроений петербургских рабочих, запретило в столицах традиционные народные гулянья.

К праздникам приурочивались базары. Своеобразным гуляньем в Москве был предпасхальный «Вербный базар» на Красной площади, где торговцы с разнообразными прибаутками продавали мелочь — забавные игрушки, сласти; купеческая Москва считала обязательным выезжать туда целыми семействами в своих экипажах и щеголять невестами, нарядами,

лошадьми. На первой неделе великого поста на льду Москвы-реки устраивался «Грибной базар», на котором продавали сушеные и соленые грибы и разные овощи. Возникали и укоренялись новые обычаи — например, встреча Нового года, рождественская елка для детей. Отмечались дни рождения и именин, когда поздравить именинника собирались родные, друзья, сослуживцы. Дореволюционная деревня этих обычаев не знала.

Формы общественного быта рабочих

В выработке новых прогрессивных форм общественного быта ведущая роль принадлежала русским рабочим, оказывавшим значительное влияние и на рабочих других национальностей. В 90-е —900-е годы происходил активный процесс изменения рабочего быта, обусловленный возросшим политическим и культурным уровнем рабочих. У разных групп рабочих он проходил с разной степенью интенсивности. Рабочий класс до революции не был однородным, что сказывалось как в семейном укладе, так и в общественной жизни разных групп рабочих. Часть высокооплачиваемых рабочих старалась во всем подражать мелкой буржуазии и перенимала нравы и обычаи мещанства. У отсталой части рабочих, недавно прибывших из деревни и сохранявших с нею связь, бытовали многие традиционные обычаи. Политический кругозор этой части рабочих был еще узок, и досуг их не выходил за рамки трактира. Гулянья рабочей молодежи (в Москве они проводились на «Трехгорке», у Прохоровских казарм и в Анненгофской роще) немногим отличались от деревенских. Работницы-текстильщицы вплоть до революции водили в Москве хороводы.

Совсем иной круг интересов и общественный быт были у передовых рабочих. Отчетливо раскрывает существенную разницу в быту, в образе жизни и даже во внешнем облике между передовыми квалифицированными рабочими и массой неквалифицированных, более тесно связанных с деревней, высказывание известного революционера И. В. Бабушкина, посетившего фабрики в Петербурге, чтобы ознакомиться с фабричным бытом. Его внимание привлекла толпа молодежи, одетая в яркие, отличные от городских, костюмы, напоминавшая Бабушкину «село какой-нибудь губернии»; развлечения молодежи (игра в орлянку, в карты) и весь быт фабричных казарм произвели на него очень тягостное впечатление: «Все это было слишком ужасно, пишет он в своих «Воспоминаниях»,— и подавляло меня, заводского рабочего, живущего более культурной жизнью, с более широкими потребностями»[1]. Самая профессия металлистов, печатников, требовавшая от рабочих грамотности, высокой производственной выучки, не могла не оказывать своего преобразующего воздействия на все стороны жизни рабочих. Наиболее передовым считался петербургский пролетариат, основной костяк которого составляли рабочие-машиностроители.

Качественно новые черты в культурном облике рабочих и в их общественном быту особенно отчетливо проявились в период первой русской революции 1905 г. и в последующие годы. В этот период из числа передовых кадровых рабочих выделилась прослойка политически развитой рабочей интеллигенции.

По свидетельству самих рабочих, большую роль в их образовании играли вечерние и воскресные школы и курсы (общеобразовательные и технические). На этих курсах рабочая молодежь общалась с передовой интеллигенцией и студенчеством, оказывавшими на нее большое влияние. Если раньше книги читали почти исключительно в семьях высококвалифицированных рабочих, то в конце XIX — начале XX в. к книгам жадно потянулась передовая рабочая молодежь. Рабочие охотно читали произведения Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского; многие зачитывались И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым; особой любовью пользовались произведения А. М. Горького. Книги брались

---

[1] И. В. Бабушкин. Воспоминания (1893—1900). М., 1955, стр. 31—32.

обычно из заводских библиотек и городских читален. У передовых рабочих огромной популярностью пользовалась политическая литература (легальная и нелегальная), особенно ленинская «Искра» и позже «Правда». По рукам ходили революционные листовки и прокламации.

Живой интерес зарождался в передовой рабочей среде к различным видам искусства, особенно к театру и кинематографу. Ведущие театры столиц по ценам на места были мало доступны рабочим. Их изредка посещали наиболее высокооплачиваемые рабочие. Однако тяга к драматическому искусству была настолько велика, что почти везде при народных домах и клубах образовывались самодеятельные драматические кружки. Ставились большей частью пьесы М. Горького («Мещане» и «На дне»), А. П. Чехова («Дядя Ваня»), Л. Н. Толстого («Власть тьмы» и «Плоды просвещения»). Так, в Москве на школьной сцене прохоровского профессионального училища и в организованном в 1896 г. при прохоровской фабрике театре рабочая молодежь при участии и под руководством артистов Малого театра ставила пьесы Л. Н. Толстого и А. Н. Островского, постановкой которых интересовался сам Л. Н. Толстой.

Рост политической сознательности и культуры приводил к ослаблению и постепенному изживанию религиозной идеологии. Правительство всячески старалось поддерживать у рабочих веру в бога, не скупились на постройку церквей и содержание служителей культа и капиталисты. Так, например, на Путиловском заводе один священник приходился на 2 тыс. рабочих, а врач — на 4 тыс. Но для рабочих, особенно мужчин, было характерно равнодушие к религии, хотя внешне религиозные обряды соблюдались. В 900-е годы и особенно после первой русской революции, начался массовый и уже сознательный отход рабочих, в частности молодежи, от религии.

В среде передовых рабочих возникали новые формы отношений и товарищеской взаимопомощи. Большую роль в объединении рабочих и выработке у них чувства пролетарской солидарности и классовой сознательности сыграли профессиональные союзы. Они в России стали возникать в период первой революции 1905—1907 гг. сначала нелегально. К началу 1907 г. в России насчитывалось уже 652 профсоюза, в которых состояло свыше 245 тыс. членов. В период столыпинской реакции число профсоюзов сильно сократилось, часть их перешла на нелегальное положение. Большевики через профсоюзные организации проводили массовую политическую работу среди рабочих и служащих. Самые передовые рабочие вступали в социал-демократическую партию и вели организационную и агитационно-пропагандистскую работу, часть их становилась профессиональными революционерами. Все чаще и в более широком масштабе (особенно в 1905—1907 гг.) проводились политические собрания, митинги, демонстрации. Важнейшей формой рабочего движения стали политические забастовки, а в период 1905—1907 гг. — вооруженная борьба. В рабочее движение втягивались все более широкие слои пролетариата, в том числе и женщины.

Уже до революции в среде рабочих и демократической интеллигенции традицией стало празднование 1 Мая — дня международной солидарности трудящихся. В этот день рабочие поодиночке или небольшими группами собирались в условное место, обычно в лес, и там под видом пикника проводили митинг. Маевки выливались порою в организованные демонстрации. Так была организована, например, одна из первых крупных первомайских демонстраций в Сормове в 1902 г., получившая всероссийский отклик. Демонстрация была заранее подготовлена, возглавил ее рабочий Петр Заломов, послуживший прототипом героя романа М. Горького «Мать». 1 Мая тысячи людей вышли на центральную Большую улицу с пением «Марсельезы» и красными знаменами, на которых были написаны лозунги: «Долой самодержавие» и др. Состоявшийся потом суд над руководителями

демонстрации Петр Заломов и его товарищи использовали для обличения самодержавия. В политические демонстрации выливались и похороны жертв революции, например похороны Н. Э. Баумана в Москве.

События 9 января 1905 г. оказали огромное революционизирующее влияние на разные слои русского общества и прежде всего на рабочих; это был переломный момент в общественной жизни. После расстрела мирной демонстрации даже отсталые слои рабочих стали понимать, что на царя надеяться нечего, и под руководством большевиков пролетариат начал вооруженную борьбу с самодержавием. Влияние социал-демократической партии и в первую очередь большевиков в эти годы исключительно выросло. Вместе с ростом политического сознания рабочих росла их сплоченность и организованность, вырабатывались и совершенствовались новые формы общественной жизни и революционной деятельности.

Новые формы общественной жизни и борьбы ярко проявились в период 1905—1907 гг., когда рабочий класс поднялся на вооруженную борьбу с царизмом и капиталистами. Они оказывали воздействие на крестьянство и другие группы трудящихся. Особенно велико и плодотворно было влияние русского пролетариата, и прежде всего его ведущего отряда — питерских рабочих, на нарождавшийся пролетариат других национальностей. Охватывая различные стороны жизни, эти формы способствовали вовлечению широких народных масс в активную революционную борьбу, приведшую к свержению самодержавия и победе Великой Октябрьской социалистической революции. После революции, когда трудящиеся стали хозяевами своей страны, новые прогрессивные черты общественного быта получили свое полное развитие.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ И КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для современного образа жизни русского, как и всего советского народа чрезвычайно характерна общественная активность трудовых масс в разных сферах производственной, общественной и культурной деятельности. В Программе КПСС записано, что в период развернутого строительства коммунизма повышается роль общественных организаций, происходит дальнейший рост творческой активности всех слоев населения страны[1]. Вместе с тем неуклонно развивается и такая чрезвычайно важная сторона духовных запросов людей, как стремление к непрерывному повышению своего культурного уровня, все более полному удовлетворению разнообразных культурных потребностей. В условиях развернутого строительства коммунизма значение этих факторов все более возрастает.

В результате социалистического переустройства страны, огромных хозяйственных и культурных достижений создались условия, благодаря которым уже в наши дни в общественном и культурном быту города и деревни зарождается то новое, что найдет свое полное развитие в коммунистическом обществе.

Черты нового быта формируются на основе современных обычаев, традиций, общественных институтов, форм культуры, которые в свою очередь складывались в различные периоды истории советского народа. В этом процессе использовались прогрессивные бытовые традиции и формы, выработанные народом в результате его исторического опыта и в процессе революционной борьбы трудящихся.

Общественный быт эпохи построения социализма формировался первоначально в значительной степени в условиях сохранявшихся элементов

---

[1] См.: «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 107, 109.

старого бытового уклада, и новые революционные формы его рождались в острой непримиримой борьбе с отжившими и отживавшими, ставшими помехой на пути прогрессивного развития.

Общественный быт периода построения коммунизма развивается непосредственно из быта социалистического, на основе его опыта и заложенных в нем коммунистических форм и принципов. Для общественной жизни исключительное значение имеет руководящая роль партии, политика которой направлена к неуклонному повышению массовой активности народа.

Развитие общественной активности и культурное строительство после Великой Октябрьской социалистической революции и до Великой Отечественной войны

Великая Октябрьская социалистическая революция, сломавшая старый социальный строй, а вместе с ним и старые общественные институты, призвала к управлению государством широкие народные массы. Основы новой общественной жизни начали формироваться сразу же после свержения самодержавия, что выразилось прежде всего в огромной волне многочисленных митингов, собраний, демонстраций народных масс. Особенно яркой и многообразной стала общественная жизнь в городах и промышленных центрах. С 1917 г., в обстановке революционного подъема начали возникать многочисленные массовые организации, товарищества, объединения, вовлекшие в общественную деятельность миллионы трудового населения. Как в проведении самой революции, так и в последующем развитии советской демократии, в выработке соответствующих общественных форм руководящая роль принадлежала русскому народу и прежде всего его рабочему классу.

Общественная жизнь первого десятилетия Советской власти определялась важнейшими задачами республики — защитой социалистического отечества от интервенции и контрреволюции, восстановлением, а позднее перестройкой народного хозяйства.

В первые послереволюционные годы основными центрами, вокруг которых развивалась общественная жизнь в городе и в деревне, стали органы Советской власти — Советы депутатов трудящихся, руководимые партийными органами. Впервые Советы возникли еще в 1905 г. в ходе революционной борьбы народных масс. После Октября депутатами Советов стали представители рабочих, крестьян и красноармейцев, непосредственно участвовавшие в революции и пользовавшиеся доверием трудящихся. Первые депутаты не имели достаточного хозяйственного и организационного опыта, но именно им пришлось на своих плечах выносить все трудности становления Советской власти и учиться управлять государством.

Советы решали многочисленные политические, хозяйственные и культурные задачи, связанные прежде всего с наделением крестьян землей, борьбой с контрреволюцией, со спекуляцией, организацией контроля над промышленными и торговыми предприятиями, над распределением продовольствия, помощью возникающим кооперативам, товариществам, коммунам, организацией культурных учреждений (клубов, народных домов, библиотек), привлечением к обучению детей школьного возраста, ликвидацией неграмотности взрослого населения, борьбой с детской беспризорностью и многое другое.

Вокруг Советов группировались передовые силы города и деревни, на которые Советы и опирались в решении всех этих задач и в своей повседневной практической деятельности.

В деревне, в условиях ожесточенной классовой борьбы опорой Советской власти были комитеты бедноты, осуществлявшие диктатуру пролетариата.

Перед отправкой рабочего продовольственного отряда в деревню за хлебом (1918 г.)

Вокруг комбедов образовывался большой бедняцкий актив, что обеспечивало успех проведения правильной классовой политики среди крестьянства. Уже в 1917—1920 гг. при Советах возникли различные общественные организации. Деятельность многих из них была направлена на переустройство быта. Таким образом, уже в те годы зарождалось характерное для Советов как выборных массовых органов управления государством сочетание деятельности депутатов — выборных представителей трудящихся — и деятельности актива, входившего в различные общественные организации. Этот принцип в последующее время получал все большее развитие.

Особенно многогранной и напряженной была общественная жизнь рабочего класса, которому принадлежала ведущая роль в революционном переустройстве страны. Заводские коллективы выдвигали своих рабочих на многие ответственные посты в государственный аппарат, в органы по охране общественного порядка, посылали их на работу в деревню и пр. Являясь выразителями и защитниками интересов рабочих на предприятиях, фабзавкомы сразу же после свержения самодержавия развернули кипучую хозяйственную и общественную деятельность, несмотря на то, что Временное правительство в законе об учреждении этих организаций пыталось сузить их полномочия.

После Октябрьской революции на фабриках и заводах управление производством было передано в руки рабочего контроля, которому предоставлялись самые широкие права.

Совершенно новым общественным явлением, инициатором которого выступили московские рабочие, были коммунистические субботники, впервые возникшие в 1919 г. Под руководством партийных ячеек и завкомов рабочие на собраниях выносили решения о проведении субботника или «недели трудового фронта». Работали бесплатно, сверх всяких норм, задерживались на заводе на несколько часов после смены, приводили в порядок городское хозяйство и т. д. Это движение распространялось и на деревни, хотя размах его там был меньшим. Первые коммунистические субботники показали, что в массах зародилось новое сознательное отношение к труду, проникнутое чувством патриотизма и общественного долга. Не случайно, как говорят оче-

Крестьяне подают заявления о приеме в колхоз (конец 20-х годов)

видцы, субботники всегда проходили в приподнято-праздничной атмосфере. В условиях хозяйственной разрухи они принесли стране огромную пользу.

Новой формой общественно-производственной жизни, впервые проявившейся в 1923 г. среди ленинградских рабочих, были производственные совещания, которые широко бытуют и в наши дни. На этих совещаниях проявлялась производственная и политическая активность рабочего класса, приобщавшегося к участию в организации производства.

Одним из важнейших направлений общественной жизни того времени было строительство и укрепление нового быта, борьба со старыми патриархальными устоями. Октябрьская революция уравняла в правах женщину с мужчиной, однако женский вопрос в первые годы Советской власти продолжал стоять в центре внимания общественности. Необходимо было бороться за привлечение женщины к деятельному участию в построении нового быта, на деле защищать ее права в обществе и в семье. Женотделы, созданные при партийных организациях в 1919 г., занимались политическим просвещением, следили за работой ликбеза, посылали женщин на различные курсы, заботились об их трудоустройстве, помогали разрешать семейные конфликты и пр. Вместе с женотделами на промышленных предприятиях работу среди женщин проводили фабзавкомы. Они привлекали работниц к работе в комиссиях по охране труда, культпросвета, заботились о повышении их производственной квалификации. Все это сыграло определенную роль в пробуждении общественных интересов женщин, в формировании кадров активисток. Такими активистками-жencделегатками были передовые работницы и крестьянки, участницы конференций и делегатских собраний, проводимых женотделами. Наиболее активных женделегаток выдвигали на выборные должности в партийные и советские органы. Многие женщины, бывшие женделегатками в 20-е и 30-е годы, впоследствии стали крупными партийными и советскими руководителями.

Женделегаток в деревнях по сравнению с городом было значительно меньше и до коллективизации работать им было труднее. Это чаще всего были жены активистов или молодые вдовы-солдатки.

Размах общественной жизни в стране стоял в прямой связи с развитием культурной революции. Мероприятия партии и правительства в области культуры, культурное строительство, начавшееся еще в первые годы гражданской войны (создание клубов, библиотек, изб-читален, внедрение в быт газет, книг и т. п.), находили живой отклик и поддержку среди широких слоев трудящихся. У народа чрезвычайно ярко проявилась огромная жажда знаний, стремление к просвещению, к участию в культурной работе. Тяга к культуре побуждала людей горячо браться за устройство культурных учреждений, заниматься в ликбезе, записываться в кружки. В деревне, как и в городе, население охотно участвовало в общественных работах по оборудованию школ, клубов и пр., «чтобы скорее увидеть будущий свет знания», как часто говорилось тогда в резолюциях крестьянских собраний[1]. На собственные средства, собиравшиеся в порядке самообложения или отчисления из доходов кооперативов и других организаций, население открывало избы-читальни, клубы, красные чайные. В первой половине 20-х годов культурных учреждений, содержавшихся на общественные средства, было намного больше, чем тех, которые находились на государственном бюджете. Например, в 1925—1926 гг. в Калужской губ. из 462 изб-читален на общественные средства было организовано 334, а в Самарской губ.— из 318 — 249.

Начало культурной революции и ее влияние на быт

Типичным явлением культурной жизни 20—30-х годов было движение за ликвидацию неграмотности. Еще в 1919 г. Советское правительство издало декрет, призывавший к обучению всех неграмотных в возрасте от 8 до 50 лет. С 1923 г. работу по внешкольному образованию населения возглавило общество «Долой неграмотность». Ликвидация неграмотности проходила успешно при поддержке трудового населения города и деревни. Кружки ликбеза возникали на всех предприятиях и во всех деревнях. Так, например, на 1 октября 1921 г. в 41 губернии Европейской части РСФСР насчитывалось 25 572 пункта ликвидации безграмотности и школ грамоты для взрослых, которые охватывали более 600 тыс. человек. Главными посетителями кружков была молодежь, но охотно учились также и многие люди среднего и даже пожилого возраста, которым нелегко было найти время для занятий. Большинство учащихся составляли женщины. В 1920 г., по имеющимся сведениям, в 19 губерниях из 164 466 учащихся в системе ликбеза женщины составляли 133 077 человек. Женщины вспоминают, что учились они с большим желанием. Особенно много самоотверженного труда вложили в это дело учителя, которые были не только преподавателями, но и организаторами кружков, воспитателями их участников, проводниками всего нового. Кроме кружков ликбеза, уже в 20-х годах кое-где работали так называемые народные университеты, которые давали трудящимся, помимо начатков грамотности, основные сведения в различных областях знания.

Одним из ярких проявлений массовой общественно-культурной деятельности явились культурно-просветительные кружки. Культурно-просветительные кружки вели большую пропагандистскую и просветительную работу, часто были организаторами ликбезов, читален, «народных домов» и «домов крестьянина»[2]. Размах этого движения был значителен; созывались специальные съезды, на которых обсуждались общие задачи и методы работы кружков и т. п. В городах, кроме того, сразу же после революции начали возникать народные театры, быстро завоевавшие популярность у населения. Нередко театры организовывались прямо на предприятиях, в воинских ча-

---

[1] «Труды 1-го губернского съезда сельских драматических кружков Тверской губернии». Тверь, 1919, стр. 13—14.

[2] Народные дома и дома крестьянина — культурно-просветительные учреждения клубного типа, с читальней, залом для спектаклей, с чайными, гостиницей (дом крестьянина).

стях. Основное внимание обращалось на драматическую и хоровую самодеятельность.

Сначала чаще всего ставились пьесы классического репертуара (например, «Гроза» А. Н. Островского, «Коварство и любовь» и «Разбойники» Ф. Шиллера, «Овод» Э. Войнич, «Сорока-воровка» А. И. Герцена и др.); несколько позже появились современные драматические произведения самодеятельных и профессиональных авторов на исторические, революционно-героические и злободневные бытовые темы. Исключительной популярностью, особенно в деревне, пользовалось творчество Демьяна Бедного. Его басни инсценировались или разыгрывались как массовые игры, в которые вовлекались зрители. С успехом на самодеятельной сцене шли, например, пьесы В. Масса, посвященные актуальным вопросам.

В городах со второй половины 20-х годов выступали коллективы «Синей блузы» (типа агитбригад), а в деревнях — «Красной рубахи», которые в форме «живой газеты» по-боевому откликались на самые разнообразные современные события. Желание — у одних выступать, а у других смотреть — было так велико, что пьесы ставили не взирая ни на какие трудности. В сельской местности, например, спектакли из-за отсутствия помещения часто проходили в ригах и в сараях, при свете керосиновых ламп или даже коптилок. В 1918—1920 гг. во многих городах, на улицах и площадях, в дни революционных праздников организовывали большие массовые инсценировки с тысячами участников и десятками тысяч зрителей — так называемые массовые действа. Например, «Свержение самодержавия» (1919 г., Петроград), «К мировой коммуне» (1920 г., Петроград), «Праздник труда» (1926 г., Москва). Большие уличные представления организовывались также и в сельской местности.

В 20-е годы с развитием печати вырастали многочисленные кадры рабкоров и селькоров, являвшихся проводниками нового, на производстве и в быту. Нередко их деятельность вызывала акты мести со стороны кулацких, нэпманских и других враждебных элементов. Злободневным боевым и конкретно-бытовым материалом печать того времени во многом была обязана активности местных корреспондентов. Среди сельского населения самыми популярными газетами были «Беднота» и «Крестьянская газета».

В целом о развитии культурного строительства можно судить, например, по данным 1921 г., когда в Европейской части РСФСР в системе политико-просветительных учреждений насчитывалось свыше 33 тыс. изб-читален, свыше 13 тыс. постоянных и около 6 тыс. передвижных библиотек, более 5 тыс. клубов и народных домов, свыше 6400 музыкальных и драматических кружков и т. д.

Уже в 20-е годы большое значение для проведения культурной революции в деревне имела развивавшаяся шефская помощь фабрично-заводских предприятий. Шефство осуществлялось главным образом через сельскую избу-читальню, являвшуюся основной базой всей политической и культурной работы в деревне. Руководили работой шефские комиссии, заводские парткомы.

Чрезвычайно характерным явлением общественной жизни с первых дней революции становятся митинги, в которых выражалась реакция народа на события внутренней и международной жизни. Очень популярными стали народные демонстрации, связанные с важными политическими событиями и революционными праздниками, превратившиеся в традиционные. Например, в 1923 г. по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций протеста против ультиматума Керзона — наглой провокации британского империализма.

В 20-е годы начинается процесс формирования советских традиций в быту; помимо установившихся праздников (1 Мая, 7 Ноября), возникали новые, складывался определенный церемониал в их проведении. В Москве 2 августа 1923 г. впервые был отпразднован день авиации, а в ноябре

того же года на Всероссийской сельскохозяйственной выставке состоялся первый физкультурный парад. Многое из того, что возникло в общественной жизни в то время, получило дальнейшее развитие в последующие периоды советской истории. Другие формы, сыграв определенную историческую роль, прекратили свое существование. Например, со временем перестали проводиться антирелигиозные диспуты, «суды» над церковью и богом, похороны атрибутов старого мира (сохи, ремня и т. п.).

Ломка старых форм общественной жизни и формирование новых советских традиций

Общественная жизнь 20-х годов характеризовалась острой борьбой нарождающегося нового со старым. Мелкобуржуазная стихия всячески мешала развитию ростков нового советского быта. Например, кулацкие элементы, используя свое влияние на отсталые и темные слои деревенского населения, распространяли всевозможные нелепые слухи об активистах, порочили общественные и культурные мероприятия и открыто выступали против них.

Большое внимание в эти годы общественность города и деревни уделяла атеистической пропаганде. Борьба с религией носила острый характер, что частично определялось той открыто враждебной позицией, которую занимали церковь и духовенство в отношении к новому строю в первые годы Советской власти.

Самое активное участие в атеистической и антицерковной пропаганде и агитации принимала молодежь, вносившая во все проводимые мероприятия боевой задор и выбиравшая наиболее действенные методы борьбы. В городских и деревенских клубах, в красных уголках и избах-читальнях проводились антирелигиозные диспуты и беседы, выпускались «живые» газеты, ставились спектакли с острым сатирическим содержанием. В начале 20-х годов во время религиозных праздников организовывались антирелигиозные кампании комсомольской «пасхи» и комсомольского «рождества».

После XIII съезда партии (1924 г.), на котором стоял вопрос об антирелигиозной пропаганде, характер ее в значительной степени изменился. Атеистическая пропаганда стала более планомерной и глубокой.

Октябрьская революция способствовала бурному развитию атеистического мировоззрения, издавна подспудно существовавшего в сознании трудового народа. Отход населения от религии начался уже в первые годы революции. У разных групп городского и сельского населения он протекал неодинаково, более интенсивно — среди городских индустриальных рабочих и бедняцких слоев деревни. В первую очередь становились атеистами бывшие солдаты, матросы, рабочие и сельские активисты, передовая молодежь (особенно мужчины), входившая в комсомол или группировавшаяся вокруг него. О росте атеизма в 20-е годы свидетельствовал отчетливо наметившийся отказ значительных кругов населения от внешней религиозной обрядности, что во многом определялось успехами культурной революции.

Как в борьбе с религией, так и в работе по оздоровлению быта в целом застрельщиком была передовая рабоче-крестьянская молодежь, коммунисты и комсомольцы, которые объявили беспощадную войну патриархальным обычаям, косным нравам, вытравляли такие антиобщественные явления, как, например, самогоноварение и хулиганство, сильно развившееся в период нэпа. Не менее энергично обрушивалась молодежь на мещанские взгляды и понятия, доходя в этом иногда до крайностей (например, получали одобрение упрощенные формы одежды, принципиально отрицались всякие украшения, ношение женщинами длинных волос и т. п.).

Преодоление косности, патриархальщины и становление советского быта труднее проходили в деревне, где в крестьянской среде, значительно сильнее чем в рабочей, проявлялись частно-собственнические интересы.

В авангарде строителей социализма находились коммунисты. С неменьшей энергией, чем за политику и хозяйство, они брались за перестройку культуры и быта. Бывали, например, случаи, когда ячейка коммунистов

вся целиком вступала в культурно-просветительный кружок[1] с таким же сознанием своей ответственности, как несколько ранее записывалась в вооруженный добровольческий отряд. Особенно велика заслуга коммунистов в воспитании первых советских общественников, что сказалось и в последующих периодах строительства социализма.

Общественная жизнь в период индустриализации и коллективизации. Движение за новое отношение к труду. Укрепление советских традиций

В годы индустриализации страны и колхозного строительства общественная жизнь города и деревни вступила в новый этап развития. Она сосредоточивалась главным образом вокруг вопросов повышения производительности труда, воспитания в людях новых коллективистских принципов, развертывания соцсоревнования и ударничества.

Общественная жизнь в деревне определялась глубочайшими революционными преобразованиями, которые происходили в связи с коллективизацией сельского хозяйства.

Создание колхозов сопровождалось ожесточенной классовой борьбой, в нее втягивалось все крестьянство. В ликвидации кулачества как класса большую роль сыграла бедняцко-середняцкая общественность, которая давала открытый бой своему давнему врагу, активизировавшемуся за годы нэпа.

Организация колхозов сопровождалась бурными собраниями. На этих собраниях горячо обсуждались преимущества коллективного хозяйства перед единоличным, возникали ожесточенные споры, продолжавшиеся на улицах, дома, в семье, на посиделках; нередко вспыхивали стычки на почве непримиримости классовых интересов.

В процессе коллективизации были найдены новые пути развития общественности, не только в деревне, но и в городе. В это время по инициативе партии возникло движение двадцатипятитысячников — посланцев рабочего класса в деревню; их выдвигали на предприятиях партийные и профсоюзные организации. Вооруженные передовой идеологией, эти люди помогали местным активистам в организации колхозов. Из города на помощь деревне (на сев или уборку урожая) по призыву партии шли и рабочие бригады — комсомольцы, студенты и молодые специалисты. Таким образом, городская общественность, организованная партией, приняла самое непосредственное участие в перестройке деревни. Шефское движение было одним из видов смычки города с деревней. Шефство над деревней или над целым районом брали отдельные заводы, фабрики или вузы. Оно выражалось в том, что рабочие или студенты выезжали на места, где налаживали общественную и культурную работу, помогали в уборке урожая и т. д. До 1939 г. эту деятельность возглавляло шефское общество, возникшее еще в 1925 г.

С организацией колхозов начала складываться колхозная демократия; различные формы ее (общее собрание колхозников, выборность правления, контроль работы артели через ревизионную комиссию, подотчетность выборных лиц коллективу и т. д.) давали возможность всем членам артели участвовать в управлении хозяйством, что имело большое значение не только для решения хозяйственных вопросов, но и для дальнейшего развития общественной активности, для выработки принципов коллективизма в сознании колхозников. Преодоление вековых частнособственнических понятий было сложным и длительным процессом. Огромную роль в утверждении новых понятий играли МТС и совхозы, которые на практике убеждали крестьянство в преимуществах новых форм хозяйства.

Индустриализация страны отмечена многочисленными трудовыми и общественными подвигами советских людей, которые, откликаясь на призыв партии и советского правительства, одиночками и семьями, уезжали на

[1] См.: «Труды 1-го губернского съезда сельских драматических кружков Тверской губернии», стр. 11.

28 Заказ № 888

стройки. Возглавляла это общественное движение комсомольская молодежь. Так росли гиганты Волховстроя, Кузбасса, Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре и т. д. Многие, закончив работу на одном объекте, переезжали на новую стройку.

Одним из характерных новых явлений общественной жизни 30-х годов было движение за высокую производительность труда, которое выразилось в соревновании и ударничестве, развившихся во всех отраслях народного хозяйства. Соревнование, руководимое партийными и профсоюзными организациями, принимало различные формы. Самым распространенным и массовым было ударничество, начавшееся еще в конце 20-х годов. С 1935 г. родилось движение новаторов и передовиков социалистического производства, известное под названием стахановского движения. В конце 30-х годов большое значение для повышения производительности труда имело движение многостаночников и рационализаторов, свидетельствовавшее о росте технической оснащенности промышленности и повышении культурно-технического уровня рабочего класса.

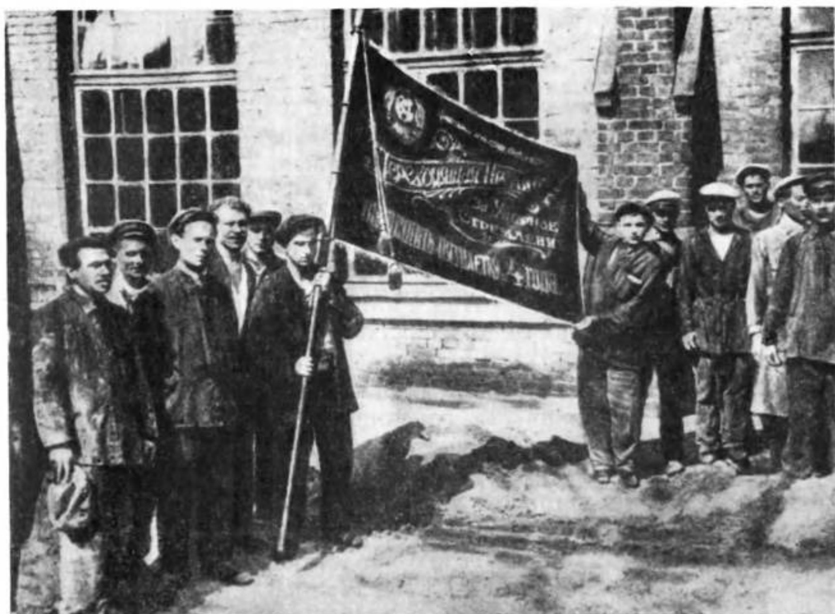
Досрочное выполнение пятилеток было самым популярным лозунгом того времени. Повышение производительности труда достигалось различными способами: выискивали новые формы организации работы, брали на буксир отстающих, широко применялись трудовые вахты, ударные дни, недели, декады, месяцы. Ход соревнования широко освещался в печати и по радио, он отражался также в красочных и выразительных плакатах, диаграммах, каррикатурах, в которых общественность давала оценку положительным и отрицательным фактам из жизни коллектива, пропагандировала методы новаторов и пр.

К середине 30-х годов соцсоревнование широко захватило колхозы, которые к этому времени экономически окрепли и окончательно сложились как социалистический тип крестьянского хозяйства. Колхозники боролись за высокие урожаи, женщины стремились овладеть специальностями трактористов и комбайнеров; в льноводческих районах, в частности, развернулось движение звеньев за высокие урожаи льна и т. д. Один из председателей колхоза того времени рассказывает, что приходилось уговаривать бригады не оставаться в поле до ночи. Каждая их них желала уйти последней, и правлению пришлось вынести постановление о том, чтобы одновременно кончать работу и ехать по домам.

Трудовые подвиги вселяли в людей уверенность в себе, повышали общественную значимость достигнутого, заставляли другими глазами смотреть на работу и на самих себя. Большое значение для воспитания нового отношения к труду имели слеты ударников и стахановцев, различные формы обмена опытом, награды и другие поощрения, которые получали рабочие и колхозники за работу. Передовые коллективы награждались вымпелами, переходящим красным знаменем, передовики производства получали премии и путевки в дома отдыха, санатории. Самой высокой наградой стало присвоение звания Героя Социалистического Труда, которое в 1938 г. было учреждено советским правительством [1]. Особенно важным все это было для женщин, большинство из которых впервые получило общественную оценку своих трудовых усилий. В активную общественную жизнь, связанную с трудовым подъемом , по существу вовлекалось все работающее население, что имело большое значение для развития духовного облика советского человека в целом.

В ходе социалистического строительства проходил интенсивный процесс роста и укрепления трудовых кадров. Это время дало целую плеяду талантливых, высокоидейных и преданных делу руководителей-выдви-

[1] До этого времени существовало звание Героя Труда, присваивавшееся Президиумами ЦИКов союзных республик.



Вручение переходящего Красного знамени передовой бригаде завода им. Карла Маркса (Ленинград, 1929 г.)

женцев. Например, за годы двух довоенных пятилеток на государственную и общественную работу только с одного московского завода «Серп и молот» было выдвинуто 300 рабочих.

В 30-е годы увеличивается число добровольческих обществ, вовлекавших в свои ряды десятки миллионов трудящихся и способствовавших развитию их политической сознательности и активной самодеятельности в различных областях общественной жизни. Широкую деятельность развернуло общество, укреплявшее международные революционные связи трудящихся — МОПР, добровольные объединения, содействовавшие укреплению обороны страны, развитию санитарного дела и спорта (Осоавиахим, Общество Красного креста и Красного полумесяца, спортивные общества «Спартак», «Динамо, «Труд») и др. Среди городского населения успешно работало общество «Друг детей», которое шефствовало над детскими учреждениями и оказывало немалую помощь семьям в воспитании подрастающего поколения.

В период построения социализма в связи с ростом рабочего класса сильно расширились ряды профсоюзов, которые были призваны играть большую роль в государственной, хозяйственной и общественной жизни страны.

Однако эти годы уже были отмечены нарастанием культа личности Сталина, что оказывало отрицательное влияние на всю общественную жизнь советских людей. В это время были нарушены ленинские нормы партийной и советской жизни. Развитию инициативы и самодеятельности масс мешали администрирование, формализм и бюрократизм, боязнь нового и следование определенным установленным образцам и примерам. Все это приводило к окостенению многих форм общественной жизни. Несмотря на зажим демократических принципов, рабочие и колхозники самоотверженно боролись за построение социализма, проявляя верность партии и стойко сохраняя морально-политическое единство всего советского народа.

Новые советские общественные обычаи и традиции возникали и развивались под влиянием событий общественной, производственной и политической жизни страны (выборы в органы власти, подведение итогов соревнова-

ния, чествование героев страны и т. п.). В быту колхозного населения закрепляются новые праздники, возникшие в советской деревне еще в 20-е годы (например, праздник урожая). Получили также развитие спортивные праздники — спартакиады с физкультурным парадом и соревнованиями по различным видам спорта. В основном они проводились в городах и районных центрах. В 30-е годы получил широкое распространение детский праздник елки, приурочивавшийся к Новому году и зимним школьным каникулам. Новогодняя елка в сельской местности сначала устраивалась в школах; в домах колхозников она появилась несколько позже.

Общенародным торжеством стали важнейшие советские праздники — 7 Ноября и 1 Мая, главным моментом в которых является народная демонстрация — символ солидарности трудящихся и смотр достижений страны. Широко отмечались и в городе, и в деревне Международный женский день и День Конституции. В общественной жизни находили свое отражение и идеи интернациональной солидарности трудящихся. Горячую поддержку всего советского народа вызывала героическая борьба испанского народа с фашизмом (проводились митинги солидарности, сбор средств в пользу испанских бойцов, движение широкой общественности, направленное на заботу о детях, эвакуированных из Испании).

Достижения культурной революции. Стойкость традиций в годы Великой Отечественной войны

В 30-х годах нарастали темпы культурной революции. Идет борьба за всеобуч, вводится обязательное семилетнее образование детей, продолжается работа по ликвидации неграмотности взрослого населения, расширяется сеть учреждений культуры, газета и книга все шире и шире входят в повседневный быт широких народных масс, рабочих и колхозных семей. О размахе культурной революции говорят следующие цифры. В 1934 г., например, число учащихся в школах ликвидации неграмотности и в школах малограмотных в РСФСР превышало 4,5 млн. человек; число массовых библиотек достигло 23 831 (с 63 787 передвижками в них); число клубных учреждений по сравнению с 1928 г. резко увеличилось.

Уровень образования молодежи по сравнению с 20-ми годами заметно повысился (в среднем 5—6 классов). В деревне развитие культурной революции в начале 30-х годов несколько отставало по сравнению с городом. Деревня, испытавшая многие экономические затруднения в период становления колхозного строя, не имела еще достаточной материальной базы для развития культуры своими силами.

В повышении культурного уровня большую роль сыграло развитие профессионального обучения. Массовый характер приняло движение рабочих за овладение техническим минимумом. На промышленных предприятиях очень популярными становились школы техминимума, школы новаторов производства, различные технические курсы и кружки.

О широком охвате техническим обучением рабочих свидетельствует, например, тот факт, что в середине 30-х годов на московском заводе «Серп и молот», который был заводом-вузом, обучалось 90% всех рабочих; малограмотные рабочие здесь превращались в квалифицированных металлургов, а грамотные получали высшее образование. Для подготовки кадров средних и высших технических специалистов из рабочих при многих промышленных предприятиях организовывались рабочие университеты, вечерние техникумы; еще с конца 20-х годов большое значение в подготовке кадров приобрели рабочие факультеты — рабфаки. Они сыграли большую роль в создании новой интеллигенции, подготовив сотни тысяч рабочих для поступления в вузы. Например, на Урале, где проблема инженерно-технических кадров стояла особенно остро, в 1929/30 учебном году в рабфаках училось 1200 человек, а в 1930/31 — 6500.

В 30-е годы было положено начало профессиональному обучению и в деревне. В колхозах возникали кружки, в которых работники животновод-

ства и полеводства получали первые систематические знания по основам сельского хозяйства. В условиях социалистического строительства проявлялись новые возможности для развития культуры. Например, к концу 30-х годов некоторые колхозы, достигшие высокого экономического уровня, на свои средства начинали строить электростанции, радиофицировали селения, открывали клубы и т. п.

В повседневной жизни городского и сельского населения значительно повышается роль клуба и библиотеки. Если в 20-е годы еще во многих деревнях крестьяне приходили в избы-читальни и клубы главным образом на собрания, спектакли или киносеансы, бывшие тогда редкостью, а в остальное время проводили свой досуг на посиделках или дома, то теперь клуб, работа которого значительно расширилась, больше стал привлекать к себе не только молодежь, но и людей среднего возраста.

Массового развития достигает художественная самодеятельность. Многие любительские хоровые коллективы с годами превратились в профессиональные. Хоры народной песни зачастую являлись собирателями и хранителями местного народного творчества. Некоторые из этих коллективов отличались ярко выраженной индивидуальностью и получили широкую известность. Таким был, например, хор пожилых женщин под руководством А. Лебедевой из слободы Александровской Воронежской обл., не раз показывавший свое искусство на смотрах художественной самодеятельности.

Много внимания уделялось политическому воспитанию масс и пропаганде научных знаний. Широкий размах получило издание политической и художественной литературы для массового чтения.

В условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. общественная и культурная жизнь даже в районах, значительно отдаленных от линии фронта, не могла оставаться такой, какой она была в мирное время. Все подчинялось требованиям войны, обеспечению нужд армии, достижению победы над врагом. Широко развернулось общественное движение помощи фронту. Заводы и колхозы давали дополнительную продукцию в фонд армии, разгоралось соревнование, заводились личные счета выработки (например, у сталеваров Урала), по инициативе рабочих практиковались сверхурочные трудовые вахты. Проводились общественные кампании по сбору денежных средств на постройку танковых колонн, самолетов, посылались индивидуальные и коллективные подарки бойцам. О размахе этого движения можно судить, например, по такому факту: только в 1942 г. из Нижнего Тагила было отправлено фронтовикам 132 тыс. продуктовых посылок и свыше 136 тыс. штук теплых вещей. Нередко общественность выделяла своих представителей, которые отвозили подарки на фронт. Волнующие встречи работников тыла с фронтовиками отражали нерушимое единство всего советского народа.

Большим общественным делом была многообразная помощь эвакуированным из районов военных действий. Нередко эвакуированные жили в продолжении нескольких лет фактически одной семьей с местными жителями, материально и морально поддерживая друг друга.

Во время войны особенно сильно возросла роль женщин в производстве и в общественной жизни. Широкий размах приняло движение женщин за овладение мужскими профессиями. В условиях военного времени быстро росли кадры женщин — руководителей производства. Очень велика была роль женщины в сельском хозяйстве, где на ней целиком лежала вся работа, от тяжелого физического труда до обязанностей организаторов и руководителей.

В тяжелые годы войны сократилась культурно-массовая работа клубов, изб-читален, библиотек; среди некоторой части населения стало наблюдаться некоторое оживление бытовых пережитков прошлого, в том числе и тех, которые были связаны с религиозной идеологией. Это было явлением временным и ни в коей мере не означало отступления от советских тради-

ций, успевших за годы социалистического строительства прочно войти в быт советского народа. Во время войны получила дальнейшее развитие такая характерная для советского человека черта, как дружеская солидарность, желание быть в коллективе. Общения друг с другом люди искали не только на работе, оно было необходимо им и в минуты отдыха, и в минуты душевных волнений, — вместе слушали по радио и читали в газетах сводки Совинформбюро, читали письма близких, приходившие с фронта, делились радостью и горем. Война, нарушившая мирное строительство, показала не только душевную стойкость советских людей и их преданность идеям социализма, но и крепость советских общественных традиций с их коллективистической основой, незыблемость советских принципов быта. Об этом красноречиво свидетельствуют бесчисленные примеры героической деятельности партизан и участников подпольных организаций во временно оккупированных городах и селах нашей страны, легендарное мужество простых советских людей в грозные дни блокады Ленинграда, беспримерный героизм в труде и в быту десятков тысяч рабочих и колхозников, ковавших в тылу победу над врагом.

Новый этап в развитии общественной жизни русского народа в годы развернутого строительства коммунизма

Развитие общественной активности населения города и деревни и руководящая роль в этом процессе партийных организаций

В послевоенный период, особенно с середины 50-х годов, когда советский народ приступил к развернутому строительству коммунистического общества, начинается новый этап развития общественной и культурной жизни города и деревни. Укреплению демократизма и повышению роли общественности в жизни советских людей способствовало решительное преодоление последствий культа личности Сталина, в течение многих лет отрицательно влиявшего на деятельность общественных организаций и общественную жизнь в целом. Перелом в общественной жизни наступил после XX съезда КПСС, когда в результате борьбы с культом личности Сталина партия открыла самые широкие возможности для расцвета народной инициативы, для развития общественной энергии во всех областях жизни.

Особенно много нового в производственной, общественной и культурной деятельности народа возникло после XXII съезда КПСС, принявшего новую Программу партии и взявшего курс на строительство коммунизма.

Отличительной чертой современной общественной жизни русского народа, как и всех народов многонационального советского государства, является участие в ней огромного числа рядовых рабочих, колхозников и представителей интеллигенции, людей разного возраста, уровня образования, различных профессий, партийных и беспартийных. В условиях советской действительности для очень многих участие в общественной работе сделалось насущной потребностью, превратилось в своего рода жизненный принцип. В настоящее время можно говорить уже не об общественном активе, а о целой армии общественников. Их деятельность охватывает самые разнообразные стороны современной многогранной общественной жизни.

Типичным примером развития общественности в РСФСР может служить Калининская обл., где работает свыше 20 тыс. депутатов местных советов и 200 тыс. членов различных общественных самодеятельных организаций, число которых доходит до 16 тыс. Помимо этого, свыше 10 тыс. человек в области активно участвуют в работе советов клубов, домов культуры, изб-читален и т. д.

Направляющей и руководящей силой во всей общественной жизни города и деревни являются партийные организации. Они выступают обычно инициаторами различных начинаний и в то же время всегда готовы оказать

поддержку новому и передовому, возникающему в самих народных массах. В этом проявляется морально-политическое единство советского народа и его Коммунистической партии — характернейшая черта нового социалистического общества. Парторганизации пользуются огромным авторитетом у народа. Сюда обращаются по самым различным вопросам трудовой, общественной и личной жизни. Очень важной стороной деятельности парторганизаций является забота о политическом воспитании масс, о повышении общей культуры народа. Исключительное значение в дальнейшем укреплении единства Коммунистической партии и советского народа имеет принятие новой Программы КПСС, свидетельствующей о колоссальных достижениях, завоеванных трудящимися нашей страны под руководством партии, и об огромной исторической задаче построения светлого коммунистического будущего.

В жизни молодежи большая роль принадлежит комсомолу. Комсомольцы являются верными помощниками партии, активными проводниками ее идей. Комсомольцы вместе с членами партии ведут агитационную работу. Часто в производственных коллективах новые ответственные дела поручаются молодежи. Комсомол явился застрельщиком в соревновании за коммунистический труд, за освоение целины и т. п. Действенную силу представляет комсомол и возглавляемая им молодежь в общественной жизни и в борьбе за повышение культуры населения. Комсомольцы являются главными организаторами университетов культуры, системы заочного обучения, по собственной инициативе организуют различные общеобразовательные и художественные кружки. В борьбе за здоровый быт комсомольцы и молодежь создают народные дружины по охране общественного порядка, беспощадно пресекают хулиганские выходки. Силами молодежи проводятся воскресники по очистке и озеленению улиц, городов, поселков, деревень, по сооружению стадионов, спортивных площадок.

В ходе развернутого строительства коммунизма большое значение в коммунистическом воспитании трудящихся и в первую очередь молодежи имеет моральный кодекс строителя коммунизма, в котором сформулированы основные нравственные принципы — преданность делу коммунизма, любовь к родине, добросовестный труд на благо общества, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, братская солидарность и дружба со всеми народами и т. п.

Все политические, хозяйственные и культурные начинания партии и комсомола всегда встречают сочувствие и горячую поддержку трудящихся.

В рабочих коллективах, на стройках и промышленных предприятиях большую и разнообразную общественную работу ведут профсоюзы. Профсоюзы являются самой массовой общественной организацией, которая воспитывает многочисленные кадры опытных общественников постоянно пополняющихся в связи с ежегодным значительным обновлением профсоюзного актива. Помимо дел, связанных с бытовым и культурным обслуживанием своих членов, профсоюзные организации осуществляют участие рабочих в руководстве производством, в контроле над ним, способствуют развитию соревнования и всех видов творческой инициативы трудовых коллективов. Особенно возросла роль профсоюзов в сфере производства за последние годы в связи с преодолением последствий культа личности Сталина и сильной демократизацией общественных институтов. Поднялось значение производственных совещаний, в том числе постоянных, на которых общественность подвергает всестороннему обсуждению вопросы повышения производительности труда, рационализации производственных процессов, планирования работ и многое др. Постепенно к профсоюзам переходят и некоторые функции государственных учреждений.

Одним из главнейших центров, вокруг которого в настоящее время развертывается разнообразная общественная жизнь советских граждан, являются городские и сельские Советы депутатов трудящихся. В многогранную

деятельность Советов все прочнее входит общественное начало. В постоянно действующие при Советах комиссии с каждым годом привлекается все большее число активистов, работающих среди масс и помогающих практически осуществлять принятые решения. Многими проблемами, связанными с бытом, занимаются уличные, квартальные, домовые комитеты, за общественным порядком наблюдают добровольческие народные дружины и товарищеские суды. Большую помощь различным общественным организациям оказывают пенсионеры, многие из которых энергично работают общественными контролерами, членами домовых и уличных комитетов и т. д. Политико-воспитательную работу среди женского населения ведут женсоветы и т. д. Таким образом, Советы все более и более превращаются в школу государственной деятельности, которую проходят многие сотни тысяч советских людей.

Сильно повысилась роль общественности в решении различных вопросов морали и быта. Большое воспитательное значение приобретают товарищеские суды, являющиеся выразителями советского общественного мнения. Они существуют во всех населенных пунктах, на многих крупных предприятиях, в отдельных колхозах, при больших городских домоуправлениях. В члены суда выбирают обычно уважаемых, авторитетных граждан, чаще среднего и пожилого возраста. Товарищеские суды рассматривают главным образом дела, связанные с нарушением правил социалистического общежития (скандалы и драки, пьянство, мелкие кражи, разбирают конфликты, возникающие при имущественных разделах, вмешиваются в семейные дела в случае ущемления интересов детей и т. п.). Как правило, товарищеские суды справляются с нарушителями своими мерами, не обращаясь в Народный суд. Самым распространенным и весьма действенным наказанием является вынесение общественного порицания, которое предается огласке на собраниях, в местной печати, по местному радиовещанию. Многие бывшие нарушители считают, что морально им было бы легче, если бы их судил народный, а не общественный суд, состоящий из их товарищей по работе, соседей, односельчан.

Среди общественников-активистов имеется большое число женщин. Женщины-депутаты в Верховном Совете РСФСР и в Верховных Советах автономных республик в 1959—1961 гг. составляли 33%, а в местных Советах депутатов трудящихся — 42% от всех избранных. Еще больший процент женщины составляют в таких общественных организациях, как школьные, библиотечные, клубные советы, комиссии по проверке торговли и пр.

Программа КПСС предусматривает полное устранение остатков неравного положения женщины в быту, создание всех социально-бытовых условий для сочетания счастливого материнства со «все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством». Партия считает необходимым «...обеспечить условия для сокращения и облегчения женского труда в домашнем хозяйстве, а затем создать возможности для замены этого труда общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи» [1]. Все это позволит в недалеком будущем каждой женщине, независимо от ее возраста и семейного положения, принимать еще бóльшее участие в общественной жизни.

Яркой и всеобъемлющей формой современной общественной жизни как в городе, так и в деревне является социалистическое соревнование, которое в наши дни по сравнению с 30—40-ми годами поднялось на новую, более высокую ступень. Социалистическое соревнование предусматривает не только борьбу за трудовые достижения, но и воспитание высоких духовных качеств, постоянный культурный рост и непрерывное совершенствование профессиональных знаний.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 97.

Книжный магазин на общественных началах на Владимирском тракторном заводе (1961 г.)

Примером коммунистического отношения к труду является гагановское движение, получившее широкое развитие и на промышленных предприятиях, и в колхозах. Вслед за прядильщицей, Героем Социалистического Труда В. Гагановой многие рабочие и колхозники, добившись высоких производственных показателей на своих участках работы, перешли в слабые бригады, в отстающие колхозы, чтобы поднять их до уровня передовых.

Накануне XXI съезда КПСС по инициативе трудящихся возникло и за последние годы повсеместно широко развернулось соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда. Жизнь бригады коммунистического труда как единого коллектива не замыкается в рамках производственных интересов. Члены этих бригад ставят перед собой задачу не только сознательного и творческого отношения к труду, овладения современной техникой и профессиональным мастерством, но и воспитания в себе высоких моральных качеств (дружеской взаимопомощи, неукоснительного соблюдения принципов социалистического общежития, борьбы с пережитками прошлого), приобщения к достижениям культуры и знаний. Все это выражается в девизе — «Жить и работать по-коммунистически».

Кроме соревнования, советская действительность постоянно порождает и другие общественные движения, которые отражают процесс коммунистического строительства. В настоящее время, например, зародилось и успешно развивается движение по обслуживанию культурных и бытовых нужд населения на общественных началах. Появляются учреждения культуры (клубы, библиотеки и т. п.), которые целиком обслуживаются на общественных началах. Общественники бесплатно работают в клубах, университетах культуры, в детских учреждениях, даже в больницах. Целая армия инструкторов-общественников проводит спортивную работу.

Примером общественного движения могут также служить походы за культуру села, поселка, улицы, производства и т. п. Так, например, в 1960 г. общественность с. Кардаилово (Илекский район Оренбургской обл.) положила почин похода за культуру села, в который включились многие колхозы РСФСР. В селе, каждый трудоспособный житель которого принимал непосредственное участие в народной стройке, выполнили намеченный двухлетний план развития культуры, построили важнейшие культурные и бытовые учреждения, соорудили водопровод, провели озеленение и пр.

Это движение коснулось и производства. На заводах и фабриках появились бригадиры и мастера-общественники, которые безвозмездно несут дополнительную нагрузку.

За годы колхозного строительства общественное начало прочно вошло в хозяйственный быт русской деревни, на новой основе объединив крестьян в сплоченный трудовой коллектив. Навсегда преодолена социальная и психологическая разобщенность русского крестьянства. Сама природа колхоза как коллективной хозяйственной организации требует активности от своих членов. Наиболее ярким выражением колхозной демократии является общее собрание членов артели, имеющее законодательные полномочия. Оно утверждает и изменяет устав артели, принимает в нее новых членов, выбирает председателя колхоза, правление и ревизионную комиссию, дает оценку их деятельности, утверждает годовые отчеты и т. д. На колхозное собрание приходят не только главы семей, а все взрослые члены колхоза, независимо от их семейного положения и пола. Большой активностью отличается женское население. Женщины-колхозницы, выступают не оглядываясь на своих мужей, как это случалось еще в 30-е годы. В колхозных собраниях наряду с колхозниками принимают активное участие как члены одного общественного коллектива представители местной интеллигенции, в большинстве случаев не состоящие формально членами артели. В крупных колхозах, где практически собрать всех колхозников невозможно, на общие собрания, посылаются уполномоченные производственных бригад, на собраниях которых обсуждаются общеколхозные дела и вырабатываются предложения правлению. К общеколхозным собраниям население относится всегда с сознанием важности этого общественного события. Отсюда праздничный вид, который имеют колхозники, особенно женщины и молодежь, оживление на улицах, в правлении, в домах.

На заседания правления колхоза обычно приходят не только члены правления и приглашенные лица, но и многие другие колхозники, свободные от работы.

Чрезвычайно распространенной формой общественной деятельности трудящихся являются многочисленные добровольные общества, объединяющие многие миллионы людей. Работа одних связывается с большими политическими, государственными и международными задачами страны, с укреплением ее обороноспособности, с повышением культурного уровня населения, с развитием спорта и т. п. (Общество Красного креста и Красного полумесяца, общества культурной связи с зарубежными странами, многочисленные спортивные общества и др.); другие организуются для проведения досуга и отвечают многообразным запросам, вкусам и склонностям людей (общества охотников, рыболовов, цветоводов и пр.). За годы Советской власти поистине массовой народной организацией стало старое Российское общество Красного креста, созданное еще в 1867 г. К концу 50-х годов оно объединяло более 27 млн. членов. На его счету много заслуг в организации здравоохранения, в борьбе с эпидемическими заболеваниями за рубежом, в помощи другим странам во время бедствий. Общество ведет активную борьбу за мир, против атомного вооружения; оно имеет широкий актив, который выступает в качестве лекторов, инструкторов-общественников санитарии и гигиены, занимается распространением научно-популярной литературы и т. п.

Пансионат на Клязьминском водохранилище (1963 г.)

Современный общественный досуг и советские праздничные традиции

Общественное начало приобретает все большее значение в повседневном и праздничном досуге населения. Эта область общественной жизни отличается наибольшим своеобразием, так как она тесно переплетается с местными обычаями, с бытом людей, с их личными и семейными привычками, вкусами и т. п. Общественный досуг в широком смысле слова включает в себя множество разнообразных видов проведения свободного от работы времени. Можно выделить собственно общественный досуг, когда люди одного производственного, учебного или бытового коллектива (например, завода, колхоза, учебного заведения, общежития, одного дома, селения) в дружеском общении коллективно посещают кино, театры, музеи, лектории, очень часто с последующим обменом впечатлений, участвуют в прогулках, в туристских походах и т. д. Наряду с этим чрезвычайно распространены и другие формы общественного досуга, когда свободное время проводится индивидуально, с семьей или с ближайшими друзьями вне дома, в общественных местах, согласно личным вкусам и интересам. Для такого досуга в нашей стране имеются большие возможности: постоянно расширяется сеть культурных учреждений, спортивных залов, стадионов, туристических баз, пансионатов, все более разносторонней становится работа кружков, разнообразных любительских обществ, которые удовлетворяют самые различные склонности людей. Таким образом, все формы общественного досуга гармонически сочетают в себе общественное начало с индивидуальными потребностями различных категорий населения.

Общественные формы досуга особенно развиты в рабочей городской среде, но они все более упорно проникают и в быт сельского населения. Во многих колхозах за последние годы утвердился, например, обычай совместно проводить летом выходной день. В такой день колхозники с семьями на автомашинах с утра выезжают куда-нибудь к реке, в лес, в луга, где гуляют, веселятся и тут же на кострах готовят еду. Общественное начало особенно свойственно досугу молодежи, которая часто выступает как организатор многих интересных мероприятий, особенно спортивных (фестивали, праздники песни, спортивные праздники, дружеские встречи спортивных коллек-

тивов и т. п.). В городах новым видом общественного развлечения стало посещение молодежных кафе, большинство из которых создается на общественных началах. Исключительное место в быту советского города в настоящее время приобретает туризм в самых различных его видах. Туризмом занимаются люди разного возраста, входящие в спортивные общества, индивидуально или самодеятельными группами, производственными коллективами, семьями. Всеобщее признание приобрели туристские походы выходного дня.

Современные праздничные обряды, обычаи, торжественные церемонии очень различны по происхождению и по своим формам. Одни из них представляют собой старую народную или революционную традицию, зачастую переосмысленную и видоизмененную, другие сложились или продолжают складываться в наши дни. Этот процесс сложения новых общественных традиций, начавшийся еще в первые годы существования Советской власти, особенно активно протекает теперь, когда у трудящихся возросла потребность сделать жизнь более разнообразной и красочной. Сейчас общественность принимает самое непосредственное участие в создании новых праздничных традиций, сознательно и творчески отбирая из старого или создавая заново то, что лучше всего выражает настроение народа. Жизнь русского народа, как и других народов нашей страны, в настоящее время богата различными общественными праздниками. Многие праздники являются общесоветскими с единым церемониалом. Национальные или местные праздники в большей степени несут в себе этническую специфику. Элементы этой специфики имеются, конечно, и в проведении основных общесоветских праздников. Их, ставший привычным теперь торжественный церемониал вырабатывался, в первую очередь в русской среде. Одни из существующих праздников являются частью не только общественного, но и семейного быта всего народа или определенной группы людей (по профессиям, по роду занятий и пр.), другие же отражают более или менее установившуюся традицию общественного быта.

К общественным праздникам, имеющим общенародное значение, относятся прежде всего революционные праздники: 7 Ноября — день Великой Октябрьской социалистической революции, 1 Мая — день Международной солидарности трудящихся, а также многие общеполитические памятные даты — День Конституции СССР (5 декабря), 8 марта — Международный женский День, день Советской армии и военно-морского флота, день рождения В. И. Ленина, день защиты детей и др. Многочисленные праздники, связанные с определенными профессиями и занятиями—день шахтера, день железнодорожника, день строителя, всесоюзный день физкультурника и т. д., отмечаются главным образом в городах и поселках. Имеется немало торжеств, носящих местный или эпизодический характер (праздники песен, юбилеи городов и отдельных населенных пунктов). Праздниками, тесно связанными с русскими традициями, являются праздник встречи Нового года, Праздник Урожая и праздник Русской зимы. Они сопровождаются особенно красочной обрядностью.

Годовщины Великой Октябрьской революции и празднование 1 Мая воспринимаются и как памятные даты важнейших революционных событий, и как смотр трудовых достижений народа, и как заслуженный отдых. Подготовка к ним начинается задолго до их наступления. На предприятиях, в учреждениях, в колхозах заранее продумывается программа проведения праздничного торжества, готовится оформление для демонстраций и праздничных вечеров, выступления художественной самодеятельности. На торжественных заседаниях подводятся итоги работы и результаты предпраздничного соревнования, вручаются премии лучшим работникам; общественность выпускает праздничный номер стенной газеты. В городах праздник начинается народной демонстрацией, за которой следуют массовые народные гулянья на площадях, на улицах, в парках, на стадионах, сопровождающиеся музыкой, песнями, танцами, эстрадными выступлениями артистов.

Здравница-профилакторий Коломенского тепловозостроительного завода им. В. В. Куйбышева (1963 г.)

Торжественный парад участников II Спартакиады народов СССР на Центральном стадионе им. В. И. Ленина в Москве (1959 г.)

и т. п. Повышению праздничного настроения способствует украшение улиц и общественных зданий флагами, плакатами, портретами, гирляндами из электрических лампочек и зелени. Очень эффектно выглядит иллюминация в больших городах. Орудийные салюты в честь праздника сопровождаются красочными фейерверками. Много удовольствий получают в праздничные дни дети, для которых в школах и в детских садах устраиваются утренники с подарками. Старшие школьники весело проводят время на школьных вечерах. В сельских местностях в проведение этих праздников обязательно входит посещение родственников, живущих в поселках районного центра или близлежащих городах, куда отправляются всей семьей. Эта традиция особенно характерна для деревень центральной Европейской части РСФСР.

Праздники, сложившиеся за годы Советской власти и прочно и органически вошедшие в жизнь народа, тесно связаны с семейным бытом. Готовясь к празднику, в семьях проводят уборку квартир и домов, закупают подарки, придумывают сюрпризы. Весьма оживленно бывает накануне праздников в магазинах: покупатели много внимания уделяют подбору закусок и вин для праздничного стола. Хозяйки ревниво соблюдают обычай печь пироги и всевозможные печенья. В деревнях центральных областей РСФСР сохраняется старый русский обычай варить квас и домашнее пиво. В эти дни почта и телеграф бывают завалены поздравительными телеграммами, письмами и открытками. На праздник собираются компании близких друзей, принимают гостей, посещают родных и знакомых. Все шире в праздничные дни распространяются туристские поездки и походы.

Большой популярностью пользуется повсюду праздник 8-го марта. В обычаях этого праздника находит свое выражение любовь, уважение и почет, которыми окружена женщина в нашей стране. Этот праздник стал днем «всесоюзных женских именин»: женщин поздравляют и на производстве, и дома; им преподносят подарки, цветы, стараются сделать что-нибудь приятное. Особенно трогательна в этот день забота детей о своих мамах.

Как к общенародным праздникам относится население города и деревни и к выборам в органы государственной власти. Торжественной частью

Митинг в Москве, посвященный Дню советской молодежи (1962 г.)

На первомайской демонстрации в станице Динской
(Краснодарский край, 1962 г.)

Праздничное народное гулянье

праздника является голосование на избирательных пунктах, куда избиратели стараются прийти пораньше; после голосования на избирательных пунктах смотрят кино, концерт, молодежь танцует, поет. К обеду или к вечеру по домам собираются небольшими компаниями, чтобы «проводить праздник», или отправляются в клуб, в кино, в театр.

Ярко выраженный общественный характер носит и праздник Нового года, который отмечает каждая семья. Новогодние празднества отличаются особенно веселым, развлекательным характером. Повсюду устраиваются нарядные елки, у которых веселится не только детвора и молодежь, но и люди солидного возраста. Елку можно встретить в каждой семье, в каждом клубе и театре, на площадях, во дворах и в магазинах.

В семейном кругу, в дружеской компании, на молодежном балу, за столиком ресторана, в вагоне поезда — всюду в 12 часов поднимаются бокалы за Новый год, за здоровье, за счастье, за мир и труд, за будущее. Распространено новогоднее ряжение на балах и уличных гуляньях. Любимым персонажем при этом бывает традиционный дед-мороз. Он приносит мешок с подарками и поздравлениями, часто шуточного характера. Много подарков получают дети дома и на общественных елках.

Для русской деревни новогодний праздник — явление новое. До Октябрьской революции крестьяне не знали ни «елки», ни обычая встречать Новый год, ни веселых новогодних компаний и балов. Это имело место лишь в уездных городах и больших селах среди интеллигенции, чиновничества, купечества. В крестьянской же среде было принято отмечать святки (время от рождества до крещенья), большинство обрядов которых, носивших магический характер, приурочивалось собственно к рождеству. В настоящее время Новый год стал одним из любимейших праздников колхозного кре-

на Красной площади в Москве (1960 г.)

стьянства. Из старых новогодних и святочных обрядов в некоторых русских селах и деревнях еще сохраняется обычай «колядования», или «кликанья овсеня» (например, в областях Тамбовской, Воронежской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Калининской). Обычай состоит в том, что молодежь, а иногда и люди пожилого возраста, нарядившись «дедом», «бабкой», «цыганом», «барыней» и пр., традиционными для русского ряжения персонажами, обходят все дома, желая хозяевам всяческого благополучия, и поздравляют их с Новым годом. При этом поют шуточные песни, «колядки» или «овсеньки», пляшут, разыгрывают короткие шутливые сценки и требуют вознаграждения. Первоначальный аграрно-магический смысл этих обрядов давно забыт, и они всеми воспринимаются как веселые народные развлечения.

За последние годы общественность создает новое народное увеселение — праздник Русской зимы. В основу его положены некоторые традиционные масленичные обряды. В городах, больших селах или станицах, на стадионах, в парках, на площадях и на улицах проводятся спортивные соревнования (по лыжам, конькам, городкам, по хоккею и пр.) и зимние игры (в снежки, в снежную крепость), лепят снежных «баб», катаются с гор, устраиваются массовые традиционные катания на лошадях. В деревнях можно видеть знаменитые русские тройки, впряженные в расписные сани, с бубенцами под дугой, на которых катается разряженная молодежь.

В послевоенные годы, по примеру прибалтийских республик, в РСФСР стали устраиваться «праздники песен», которые бывают обычно летом в городах и районных центрах и сопровождаются смотром коллективов художественной самодеятельности и народным гуляньем. Эти праздники отличаются большой красочностью, потому что многочисленные участники

Новогодняя елка

эстрадных выступлений одеваются в традиционные национальные костюмы.

За последние годы в деревнях возникло много местных колхозных праздников, в организации и оформлении которых принимает самое живейшее участие районная и сельская общественность. Таковы, например, праздник весны или окончания весенних полевых работ, Праздник Урожая или завершения хозяйственного года. По характеру проведения эти праздники повсюду имеют много общего (подведение итогов работы, награждение лучших тружеников, выступление коллективов художественной самодеятельности, спортивные соревнования, массовые народные гулянья и т. п.). Летние праздники проводятся всегда на свежем воздухе. Каждый праздник в том или ином месте имеет и свои особенности, которые определяются его характером, изобретательностью устроителей, а также местными народными традициями. Например, в центральных областях Европейской России широко распространены такие весенние обычаи, как украшение помещений, где проводится праздник, ветками молодой зелени, плетение молодежью венков (север Калининской области, Вологодская обл.). Праздничное торжество часто включает в себя вынесение традиционной хлеб-соли, повязывание расшитыми полотенцами почетных гостей. Конные соревнования с казачьей джигитовкой обычно являются праздничной забавой молодежи на Кубани. Повсеместно распространены обычаи «последнего снопа», сопровождающие Праздник Урожая. Они по своему характеру

Праздник Русской зимы

Праздник песни в Москве (1961 г.)

Праздник урожая в Краснодаре (1960 г.)

перекликаются со старыми «дожинками», но иногда приобретают и новую форму, когда торжественно выносятся на сцену снопы, корзины с яблоками, початками кукурузы, кочанами капусты и т. д.

В общественной жизни русского населения старые религиозные праздники в настоящее время занимают очень небольшое место. Окончательно исчезли различные религиозные обряды и действия, требовавшие совместного участия массы верующих. Отошло в прошлое повсеместное массовое хождение людей в церковь в праздники и в воскресные дни. Празднование дат религиозного календаря не сопровождается теперь, как это было раньше, массовым гуляньем. Небольшая часть населения, в основном в деревне, отмечает лишь главные христианские праздники (рождество, крещение, пасха, троица, покров), при этом празднование проводится исключительно в семье. Празднование «престольных дней» удерживается в быту колхозного крестьянства более стойко, особенно в тех районах, где преобладающим типом сельского поселения является небольшая деревня (например, Вологодская, Владимирская, Калининская, Ивановская, Костромская область). В прошлом каждое селение имело два-три таких праздника, приходившиеся на различные времена года. Там, где эти праздники соблюдаются, никто, конечно, не вникает в их религиозное существо, и они воспринимаются как традиционное деревенское гулянье, продолжающееся два-три дня и сопровождающееся приемом многочисленных гостей из соседних деревень (*гощение*). Сельская общественность проводит активную борьбу с этим вредным пережитком прошлого. Внедрение новых обычаев в быт способствует отходу населения от празднования «престольных дней».

Из других старых форм общественного досуга до сих пор кое-где еще сохраняются деревенские молодежные сборища — «посиделки», «светлые вечера», «свозы» и т. п. Посиделки встречаются главным образом там, где еще мало культурных учреждений или где они недостаточно хорошо работают. С развитием культуры все эти архаические примитивные развлечения быстро исчезают из быта колхозной молодежи и ее досуг все теснее связывается с клубом, библиотекой, университетом культуры и пр.

Действительность постоянно порождает новые формы общественной деятельности, в которых проявляется потребность советского человека служить социалистическому обществу и удовлетворять возрастающие культурные запросы. Общественная жизнь города и деревни в целом развивается по одним и тем же законам. Единое содержание советского общественного быта во многом определяет и единство его форм, распространенных как у отдельных групп русского населения, так и у разных народов Советского Союза.

Развитие культуры и культурных потребностей в период развернутого строительства коммунизма

Современное состояние культуры. Участие в культурной жизни городского и сельского населения

Культурная жизнь русского города и деревни на современном этапе своего развития так же многогранна и содержательна, как и общественный быт. Меры Коммунистической партии и Советского правительства по обеспечению небывалого расцвета всех областей культуры направлены к тому, чтобы культурное развитие в период развернутого строительства коммунистического общества явилось завершающим этапом великой культурной революции и создания всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма [1].

Политика партии и правительства по развертыванию культурного строительства получает надежную поддержку со стороны советской общественности. В сельской местности, например, оживленное строительство школ, клубов, библиотек ведут сами колхозы, имеющие возможность делать значительные отчисления средств из своих доходов на культурные нужды. Свои культурные учреждения (клубы, дома культуры и др.) открывают также многие крупные промышленные предприятия.

Главным источником просвещения и приобретения знаний является, разумеется, школа. Ее функции распространяются не только на детей школьного возраста, но и на взрослое население; к ним относятся и занятия с малограмотными, еще встречающимися среди людей пожилого возраста, и, что особенно важно, с молодежью, по каким-либо причинам не получившей законченного неполного среднего или среднего образования и желающей продолжить обучение без отрыва от работы. Молодежь прежде всего обучается в вечерних и заочных учебных заведениях. Число общеобразовательных вечерних школ с 1945/46 по 1961/62 г. увеличилось в республике почти в два раза (с 6,7 тыс. до 12,08 тыс.). У рабочей и колхозной молодежи наблюдается большое стремление к получению специального среднего и высшего образования в техникумах, училищах, специальных школах и вузах. Почти половина учащихся средних специальных заведений занимается заочно или после работы. Бóльшая часть этих студентов — рабочие. Чтобы облегчить им получение специального образования без отрыва от производства, на многих крупных предприятиях создана широкая сеть вечерних учебных заведений, в том числе техникумов и даже вузов.

Коллективы многих передовых предприятий сейчас добиваются, чтобы рабочие ведущих профессий получили среднее техническое образование.

На помощь рабочим и колхозникам, желающим учиться, приходят также народные университеты культуры, которые сравнительно недавно стали открываться в городах, районных центрах, непосредственно на предприятиях и в колхозах. Они пользуются большой популярностью среди городского и сельского населения, и число их непрерывно растет. Среди слушателей значительный процент составляют люди пожилого возраста, стремящиеся

---

[1] См.: «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 129.

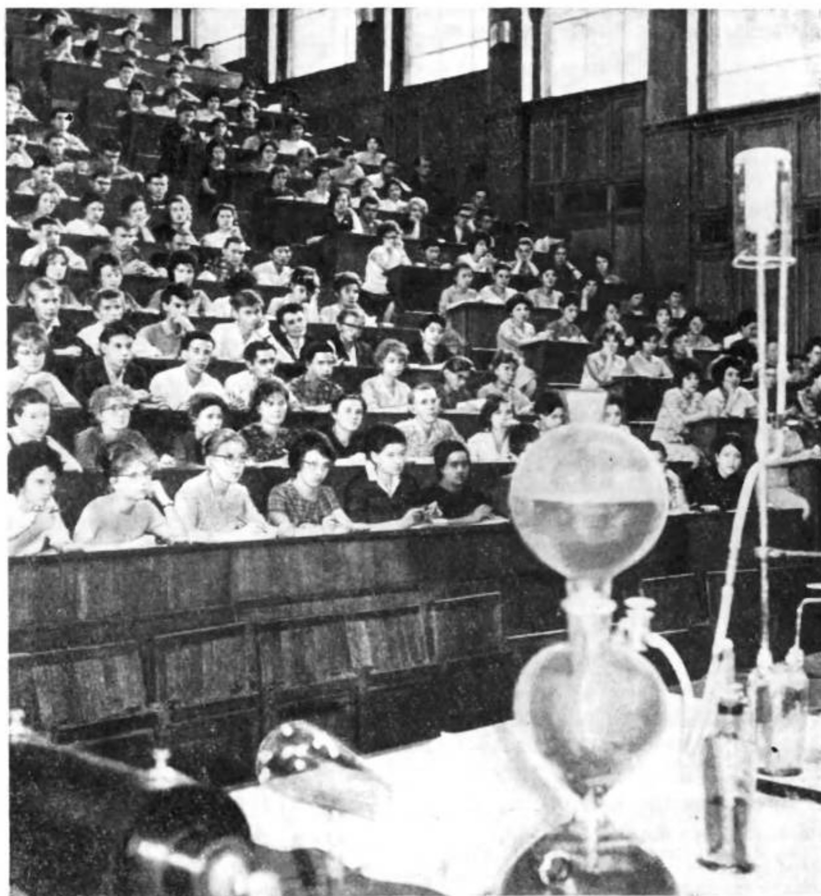
Урок в первом классе новой школы в Москве (1963 г.)

пополнить свои знания. Задача народных университетов заключается в том, чтобы дать населению общие сведения, касающиеся различных областей науки, техники, литературы и искусства. Рабочие и колхозники различных возрастов имеют возможность пополнять свои знания также в школах и кружках сети партийного просвещения, где изучаются история КПСС, основы марксизма-ленинизма, политэкономия, конкретная экономика промышленности или сельского хозяйства. В республике, пожалуй, нет ни одного промышленного предприятия, колхоза или учреждения, где не работали бы эти кружки. Во многих колхозах в последние два-три года стали организовываться вместо простейшей сельскохозяйственной учебы начальные экономические школы.

Одну из самых распространенных форм политического воспитания масс составляет агитационная работа.

Агитаторы ведут беседы прежде всего на актуальные политические темы, касающиеся международного положения и внутренней жизни нашей страны. Не меньшее место в работе агитколлективов занимают беседы с населением на темы производства, трудовых достижений бригад и новых задач, стоящих перед ними. Лекционную работу проводят местные лекторские группы, входящие в широкую сеть общества «Знание». Лекторская группа имеется на каждом предприятии, в каждом колхозе; в ряде случаев для чтения лекций приглашают лекторов и специалистов из районных и областных центров, из других городов.

Могучим источником культуры является радио, вошедшее в бытовой обиход почти каждой семьи. Развитие радиофикации идет быстрыми темпами: в 1940 г. в РСФСР насчитывалось 4231 тыс. радиотрансляционных точек, а в 1960 г. их было 19 021 тыс., т. е. примерно в 4,5 раза больше.



На лекции химического факультета Московского государственного университета (1963 г.)

Особенно быстро развивается радиофикация сельской местности. Так, с 1950 по 1960 г. число радиоточек возросло более чем в 5,5 раз. В большинстве областей Европейской части РСФСР радиофикацией в настояшее время охвачена основная часть всех селений. В селениях, где имеется радиотрансляция, радио можно встретить почти в каждой семье. Помимо трансляционных точек, городское и сельское население широко пользуется радиоприемниками. Нередко молодожены, обзаводясь вещами первой необходимости, считают обязательным приобретение радиоприемника. За последние годы в городах и в сельской местности очень быстро стало развиваться телевидение, которое дает громадные возможности для культурного роста населения. Чтобы ускорить внедрение телевидения в быт, в сельской местности часто на паевых началах колхозы и городские организации сооружают телеусилительные мачты и радиорелейные линии.

Одним из самых действенных и массовых средств развития культуры является периодическая печать. На 1961 г. по РСФСР выпускалось 4330 названий газет с разовым тиражом в 48 229 тыс. экземпляров, 2702 журналов и других периодических изданий, тираж которых равнялся 722 183 тыс. экземпляров. По сравнению с 1950 г. разовый тираж газет увеличился почти в два раза, а общий тираж периодики — почти в четыре раза. Потребность в этих изданиях велика. Почти в любом населенном пункте ежегодно подпис-

кой на газеты и журналы охватывается не менее 80—90% всех семей. Нередко встречаются колхозы, в которых все хозяйства имеют не менее одной, а иногда и две-три газеты. Кроме личной подписки, потребности населения в периодической печати широко удовлетворяются через библиотеки, различные общественные организации и советские учреждения. Очень часто колхозные библиотеки выписывают журналы и газеты 50—60 названий.

Большие успехи достигнуты также в распространении среди населения книг. Основная заслуга в этом принадлежит массовым библиотекам, число которых год от года увеличивается. Число этих библиотек в РСФСР с 56 119 в 1940 г. увеличилось к 1961 г. до 67 496, а книжный фонд в них возрос почти в три раза (с 124 480 тыс. до 512 442 тыс. экземпляров). По сравнению с 1913 г. книжный фонд библиотек увеличился более чем в 72 раза.

Библиотеки пользуются заслуженной популярностью среди населения. Для сельской местности стало обычным явлением, когда 80—90% семей читает библиотечные книги. Подсчитано, например, что в Калининской обл. каждый третий житель имеет свой абонемент в библиотеке и берет книги не только для себя, но часто для всей семьи.

Чтобы сделать книгу более доступной для широкого читателя, стационарные библиотеки организуют передвижные фонды, которые через читателей-активистов направляются в заводские цеха, на колхозные фермы, на полевые станы, в отдаленные селения и т. п. Особенно большую роль передвижки играют в сельской местности, где библиотеки часто обслуживают по несколько деревень. В весенне-летний период библиотекари сельских библиотек сами отправляются на фермы, полевые станы, в дома, предлагая колхозникам интересную литературу, выполняют их заявки, подготовляют специальные выставки, подбирают и распространяют литературу о передовом опыте различных специалистов сельского хозяйства. Такая же работа осуществляется библиотеками на заводах и фабриках. Они организуют специальные тематические вечера, посвященные конкретным вопросам производства, а также обсуждают специальную литературу. Распространенной формой массовой работы библиотеки с населением являются читательские конференции, посвященные разбору творчества отдельных писателей и различных художественных произведений, отражающих острые вопросы современности. В деревне часто, например, обращаются к произведениям В. Овечкина и В. Тендрякова, посвященных современной деревне, близких и хорошо понятных колхозному читателю. В настоящее время во многих семьях имеются собственные библиотеки в первую очередь там, где есть молодежь и школьники. На покупку книг выделяются деньги из семейного бюджета, и эта статья расхода год от года возрастает. За последние годы большую работу по распространению книги проводит общественность. На многих предприятиях и в колхозах продажей литературы занимаются общественные продавцы, активно пропагандирующие книгу.

Помимо библиотек, из культурно-просветительных учреждений повсеместно развита широкая сеть клубов, домов культуры и других учреждений клубного типа (изб-читален, красных уголков, домов агитаторов). По РСФСР их насчитывалось к 1961 г. около 74 тыс., в том числе более 7 тыс. в городе и более 66 тыс. в сельской местности.

Формы клубной работы очень разнообразны, и их содержание во многом определяется общественными и производственными задачами, которые стоят перед заводом, колхозом, районом и т. д. Клуб принимает активное участие в политико-воспитательной работе, помогая партийным организациям и лекторским группам в проведении лекций, бесед, в организации университетов культуры, агитбригад, совещаний передовиков производства, теоретических конференций, производственной учебы. В клубной работе за последние годы широкое распространение получили тематические вечера и устные журналы, посвященные различным вопросам политики, производства,

Выступление хора «семейских» Забайкалья (Москва, 1961 г.)

искусства, литературы, взаимоотношений молодежи, культуры быта. Публике нравится и непринужденная форма беседы, и элементы некоторой театрализации в оформлении, и сама форма, позволяющая за короткое время узнать о многом.

Одной из главных форм клубной работы является деятельность кружков. В любом городском и колхозном клубе можно встретить художественную самодеятельность, драматическую и хоровую. Среди многочисленных кружков самодеятельности немало коллективов, творчество которых приближается к профессиональному. Только в Ленинграде в настоящее время более 20 самодеятельных театров за свое мастерство заслужили право называться народными театрами. Далеко за пределами своих домов культуры и городов известны, например, хор завода им. Лихачева (Москва), хор строителей (Воронеж), хореографический коллектив фабрики «Пролетарка» (Калинин) и т. д.; подобные коллективы имеются и среди колхозного населения (колхозный духовой оркестр с. Кардаилово Оренбургской обл.). Все более широкое распространение получают сейчас самодеятельные симфонические оркестры, хореографические и оперные студии (например, народный театр оперы и балета Дворца культуры им. С. М. Кирова и народный театр балета Дворца культуры им. А. М. Горького в Ленинграде), что свидетельствует о высокой ступени развития художественной самодеятельности. Художественная самодеятельность, регулярные общественные смотры, конкурсы, фестивали помогают выявлять народные таланты и в значительной степени удовлетворять эстетические потребности населения. Особенно важно это для сельской местности, куда еще сравнительно мало доходит живое профессиональное искусство. Поэтому самодеятельность наряду с радио, кино, а в некоторых местах и телевидением остается одним из проводников художественной культуры в деревне.

Из всех средств культуры самым массовым и доходчивым является кино. В наши дни оно играет огромную роль в расширении политического и культурного кругозора населения, в укреплении норм советской морали и формировании художественных вкусов, в ознакомлении с передовым производственным опытом, с достижениями науки, техники, искусства и т. д. Практически в республике нет населенных пунктов, жители которых не могли бы смотреть кинофильмы. Число стационарных и передвижных киноустановок очень быстро растет. В РСФСР оно выросло с 1959 по 1962 г. с 50,7 тыс. до 70,3 тыс. Кино является также хорошим помощником в учебных заведениях.

Особенно большие возможности в демонстрировании кинофильмов имеются в городах, где есть специальные кинотеатры с простыми, широкими, панорамными или стереоскопическими экранами, а в клубах, домах культуры, красных уголках и непосредственно на промышленных предприятиях — свои киноустановки. В сельской местности основная роль в распространении кино принадлежит пока что кинопередвижкам. В среднем одна киноустановка обслуживает население в радиусе трех-четырех км. В деревнях, обслуживаемых передвижкой, киносеансы обычно бывают восемь-девять раз в месяц, а при постоянной киноустановке — 18—20 раз. Молодежь, как правило, и в городе, и в деревне ходит в кино два-три раза в неделю, семейные люди среднего возраста — три-четыре раза в месяц.

Между городом и сельской местностью существует органическая культурная связь. Очень важным результатом культурной революции в нашей стране является стирание грани между городом и деревней в культурном отношении, создание в основном одинаковых условий для подъема культурного уровня городского и сельского населения. В сельской местности еще наблюдается определенное отставание культурной работы, но это не имеет ничего общего с былой деревенской изолированностью, косностью и духовной отсталостью. Русское колхозное крестьянство и, в еще большей степени, современный рабочий класс располагают такими возможностями приобщения к высотам человеческой культуры, о каких в прошлом труженики не могли и мечтать. В каждом, даже небольшом, городе и районном центре любой области есть дом культуры, несколько кинотеатров; в областном городе, как правило, — театр, филармония, краеведческий музей, иногда картинная галерея, музыкальное училище и т. д.

Городская культура играет чрезвычайно важную роль в развитии у сельского населения художественных вкусов и правильных эстетических представлений. Шефство районных домов культуры и домов народного творчества над сельскими культурно-просветительными учреждениями и коллективами самодеятельности способствует знакомству колхозников с образцами классической музыки и литературы, с лучшими произведениями советских авторов, помогает развитию понятия о культуре исполнения, о значении художественных выразительных средств различных видов и жанров искусства и т. д. Шефские концерты облегчают колхозникам восприятие произведений литературы и искусства.

Основой духовных устремлений советских людей является глубокий патриотизм, сознательное отношение к труду, чувство интернациональной солидарности с другими народами, проявляющееся особенно ярко в настоящее время.

В целом для быта русского населения на современном этапе развития советского общества характерно единство основных общественных и культурных интересов различных поколений. Наибольшим разнообразием отличаются культурные запросы и духовные устремления молодежи. Для рабочей и сельской молодежи в настоящее время самой ярко выраженной потребностью является стремление к знаниям, к учебе, чтобы производительно работать, в совершенстве овладевать новой техникой, теоретически осмысливать свой трудовой опыт. Отсюда и та тяга к среднему техническому

Встреча мастера спорта СССР по шахматам А. И. Константинова с шахматистами станицы Кореновской Краснодарского края (1958 г.)

образованию, к повышению квалификации и другим видам специального обучения, которая присуща работающей молодежи. Молодежь на пути к знаниям не останавливается перед трудностями, возникающими при сочетании напряженной работы с учебой. У молодежи ярко выражено также стремление к самостоятельности в работе. Юноши и девушки хотят нести личную ответственность за дело и воочию видеть результаты своих усилий. В этом находит выражение романтика труда, столь свойственная современной советской молодежи — наследнице революционных традиций своих отцов.

Большое место в запросах молодежи занимают в настоящее время и проблемы эстетики и этики. Юноши и девушки в городе и, что особенно важно, в деревне хотят разбираться в эстетических и этических нормах, принятых в советском обществе, хотят правильно воспринимать и оценивать произведения литературы и искусства, видеть положительные и отрицательные стороны в поведении людей, в манере одеваться, в манере благоустраивать и украшать быт. Не случайно поэтому, среди молодежи чрезвычайно популярны лекции и тематические вечера, посвященные вопросам советской морали и нравственности (о любви, дружбе и товариществе, о браке и семье, о правилах поведения, о подлинной красоте и т. д.). Вопросы эстетики вошли в круг духовных интересов широких рабочих и крестьянских масс, что является важным достижением культурной революции в нашей стране. Многомиллионные массы молодежи занимаются физкультурой и увлекаются различными видами спорта.

Степень активного участия в культурной жизни людей средних возрастов определяется тем, что их духовные запросы формировались на различных этапах культурной революции. Рабочие и колхозники этих возрастов регулярно читают газеты, слушают радио, с интересом ходят на лекции о

Команда советских боксеров — обладателей кубка Европы, 1964 г.

международном положении и т. д. Они расширяют свой кругозор чтением специальной и научно-популярной литературы довольно широкого профиля. В их художественных запросах преобладает интерес к советской тематике, к герою-современнику.

Старшее поколение не отстает от стремительных темпов современной жизни. Многие из них принимают еще активное участие в производственной и общественной деятельности предприятий. Те из стариков, которые ушли на пенсию, выступают в роли советчиков и критиков производственной, общественной и культурной жизни любого города или села. Новые книги, только что выпущенные кинофильмы, посвященные советской действительности, образам советских людей, привлекают их внимание и получают строгую оценку. Для старшего поколения, особенно женщин, наиболее доступным источником культуры является радио; состояние здоровья и обязанности по домашнему хозяйству не позволяют часто пожилым людям регулярно ходить в кино, много читать и пр. Не случайно, что в разговоре с ними можно услышать: «Радио для нас — второй хлеб». Не меньшее значение сейчас имеет и телевидение.

Преодоление пережитков прошлого в сознании и быту людей

Советская действительность обрекает пережитки прошлого на отмирание и они, конечно, в настоящее время не представляют сколько-нибудь заметного социального явления. Это лишь пережитки прошлого, с которыми успешно борется советская общественность.

Причина относительной живучести отдельных антиобщественных явлений кроется часто в том разрыве, который еще существует между возрастающими материальными возможностями людей и некоторым отставанием их культурного роста в морально-бытовой области. За последние годы, особенно после XX и XXII съездов КПСС, когда культурная и воспитательная работа значительно усилилась, этот разрыв преодолевается все успешнее.

Вреднейшими пережитками прошлого, которые еще продолжают отравлять сознание и быт некоторой части населения, являются представления и

традиционные обычаи, связанные с религией. Но в наше время атеистические взгляды разделяет уже подавляющее большинство населения не только города, но и деревни. Кроме того, надо иметь в виду, что даже для основной части верующих характерны весьма расплывчатые представления о содержании их веры; соблюдение традиционных форм и обрядов даже среди верующих нередко считается обременительным, устаревшим и ненужным. Отход от религии, который уже в 20-е, и особенно в 30-е годы, принял массовый характер, на современном этапе протекает еще более интенсивно.

Показателем того, что религиозные пережитки уходят из жизни, является и тот факт, что к верующим относятся в основном представители старшего поколения. Приверженность к религии больше свойственна пожилым женщинам, не сумевшим до сих пор преодолеть привычки, усвоенные еще в старой дореволюционной семье. Лишь они и образуют ту среду, в которой находит себе поддержку церковь. Их религиозность основывается также на унаследованной от прошлого малограмотности, отсутствии достаточного запаса общих знаний, что тормозит формирование материалистического мировоззрения.

Это не значит вместе с тем, что религиозные пережитки свойственны старшему поколению вообще. Многие нынешние старики — бывшие участники борьбы с царизмом, революции и гражданской войны, комсомольцы 20-х годов — застрельщики преобразования сельского и городского быта.

Относительно стойко сохраняются те религиозные представления и обряды, которые переплелись с обычаями и до сих пор воспринимаются некоторыми людьми (особенно в крестьянской среде) как неотъемлемая часть быта. Например, в сельской местности иногда еще сохраняется крещение детей, обычай отмечать престольные праздники и т. п., причем эти пережитки утратили свое былое религиозно-идеологическое содержание, превратившись в значительной степени в простую бытовую традицию. Тем не менее нельзя не видеть реакционного идеологического значения, которое имеют эти традиции.

Наиболее упорно держатся обычаи и предрассудки, связанные с религиозной идеологией, там, где до сих пор имеет распространение старообрядчество или действуют различные религиозные секты.

Грандиозные задачи построения коммунистического общества настоятельно требуют быстрейшего искоренения вредных пережитков прошлого, в том числе и религиозных, в сознании и в быту людей. Как сказано в Программе КПСС, одной из важнейших задач, стоящих перед партией, является воспитание всего населения в духе научного коммунизма, вооружение всех трудящихся идеями марксистско-ленинского учения, чтобы они «... глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически» [1].

В настоящее время партийные и общественные организации, следуя указаниям Программы и Устава КПСС и решениям июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г., значительно усилили борьбу против религии. Идут поиски новых, наиболее эффективных методов и форм пропаганды атеистического мировоззрения.

Одним из все более широко применяемых методов становится индивидуальная воспитательная работа с населением. Пропагандисты и агитаторы проводят живые беседы с отдельными людьми или с небольшими группами на работе в обеденный перерыв, вечером в домашней обстановке и т. п. Наряду с этим повсеместно расширяется и углубляется лекционная работа в клубах, в домах культуры, в агитпунктах. На службу атеистической про-

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 118.

паганды поставлена большая научно-популярная литература о достижениях науки и техники, специальные кинофильмы и некоторые художественные произведения. Широкое распространение за последние годы как в городе, так и в деревне получили клубы и дома атеистов, объединяющие лекторов-атеистов различных специальностей, работников культурно-просветительных учреждений, активистов-общественников, участников художественной самодеятельности. Выступления, организованные клубами атеистов, пользуются среди населения большой популярностью. Для формирования атеистического мировоззрения большое значение имеют и народные университеты культуры, призванные расширять общий кругозор населения и повышать его культурный уровень. В учебную программу многих дисциплин, которые преподаются в народных университетах культуры, обязательно включаются вопросы происхождения религии и борьбы с нею, нередко также организуются и специальные отделения научного атеизма. Искоренению религиозно-бытовых пережитков способствует распространение новых советских праздников и торжеств, впитавших в себя лучшие традиции народа и наполненных глубоким смыслом, соответствующим нашей советской действительности.

В искоренении пережиточных буржуазных взглядов и нравов также исключительное значение приобретает трудовой коллектив, где складывается общественное мнение, товарищеское осуждение антиобщественных поступков и проявлений чуждой нам идеологии. Как указывалось на Пленуме ЦК КПСС по идеологическим вопросам (июнь 1963 г.), коллектив является основным воспитателем не только на производстве, но и в быту, ему принадлежит ответственная роль в борьбе за нового человека, за торжество марксистско-ленинской идеологии.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ И РАБОЧАЯ СЕМЬЯ

Характерной особенностью русского народного быта в прошлом являлось длительное существование так называемой большой семьи[1]. Русская большая семья в тех ее формах, в которых она бытовала у сельского населения еще в XIX в., представляла собой соединение нескольких близко родственных брачных пар, как правило, различных поколений, объединенных общим имуществом и хозяйством. Во главе такой семьи стоял *большак, набольший хозяин*, обычно старший по возрасту и положению в семье мужчина. Он обладал патриархальной властью над другими членами семьи; по отношению к семейному имуществу власть его носила ограниченный характер. После смерти большака имущество, являвшееся общей собственностью семьи, обыкновенно не делилось, а переходило в распоряжение его преемника. Преемником бывал либо брат умершего, либо старший из его сыновей. При разделе между дядей и детьми покойного имущество делилось, причем

---

[1] Интересные соображения были высказаны в свое время известной исследовательницей А. Я. Ефименко. Характеризуя особенности землевладения на русском Севере (Архангельская губ.) и исследуя так называемое *печище*, А. Я. Ефименко считала происхождение этой архаической формы результатом дробления первоначального двора, т. е. большой семьи, именовавшейся в старину печище (что значит кровный союз, группировавшийся вокруг одного очага). Большая семья (близкая, по мнению Ефименко, сербской задруге) была, таким образом, «начальной общественной формой русских колонистов Севера». (А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. 1, Обычное право, XIV. М., 1884. Критику этой работы см.: М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, гл. V. М., 1963).

на долю сыновей умершего приходилась половина, составлявшая часть их отца.

Степень изученности источников не позволяет судить о русской большой семье на раннем этапе ее развития. Слабо прослежен и общий ход развития крестьянской семьи в период феодально-крепостнического строя.

Подворные описи крестьянских хозяйств XVIII — первой половины XIXв., содержащие материал о структуре и численности крестьянской семьи, свидетельствуют о глубоких изменениях, происходивших в крестьянской семье в связи с развитием товарно-денежных отношений. В земледельческих районах, где преобладала барщинная система хозяйства и крайне низкий технический уровень его ведения, большая семья еще накануне реформы была широко распространена; в промышленно более развитых районах преобладали малые семьи. Так, в с. Калитееве Владимирского уезда, где крестьяне Голицыных находились на оброке и постоянно уходили на заработки, в 1808 г. малые семьи (родители и дети, родители с женатым сыном и неженатыми детьми) составляли около 70% всех семей и наполовину состояли только из двух поколений. По численному составу они были невелики: преобладали семьи в три-семь человек, численность наиболее крупных не превышала 15 человек. В том же селе на протяжении 1808—1827 гг. малые семьи с течением времени вновь разрастались: братья, сколько бы их ни было, женившись, не отделялись и продолжали жить общим хозяйством, что вызывалось экономическим преимуществом неразделенной семьи. В целом среди крестьянства нечерноземной промышленной полосы процесс разложения большой семьи начался задолго до реформы 1861 г. Он был вызван разорением и обнищанием крестьянских масс. Большие неразделенные семьи сохранялись там у зажиточных крестьян, а также в середняцких слоях, вынужденных сочетать сельское хозяйство с побочными заработками на стороне.

Однако большая семья в этих районах численно и, что особенно важно, по своей структуре принципиально отличалась от большой семьи в чисто земледельческих районах.

Большие семьи центральной промышленной полосы, как правило, состояли из родителей с несколькими женатыми сыновьями или из нескольких женатых братьев с их семьями. Структура же больших семей черноземных районов была более сложна. Еще накануне реформы 1861 г. здесь решительно преобладали семьи, включавшие, помимо родственников по прямой нисходящей и родственников по боковой линии: двоюродных (в некоторых случаях троюродных) братьев, племянников и т. п. Типичными были случаи принятия в дом зятя (иногда и двух) при наличии женатых сыновей и племянников. После смерти родителей нередко женатый брат продолжал жить с семьей замужней или овдовевшей сестры. Нередки были также случаи принятия в дом посторонних лиц, приемышей, а также целых семей, не связанных узами родства с принявшей их семьей. Можно полагать, что большие семьи сложного типа были распространены в первой половине XVIII в. территориально значительно шире, чем в последующее время. Так, например, в деревнях Касимовского уезда Уланова гора, Ермолово и сельцо Селище, по данным 1723 г., большие семьи сложного типа составляли 100%.

Разложение большой семьи, начавшееся задолго до реформы, сопровождалось глубокими внутренними противоречиями в крестьянских семьях. Вотчинная переписка крепостной эпохи содержит немало указаний на крайнюю обостренность семейных взаимоотношений. Из числа наиболее обездоленных членов семей (родственников-сирот по боковой линии) и бедняцких крестьянских дворов формировался на первых порах пролетариат. Из подворной описи с. Голунь Тульской губ. 1819 г. видно, что семьи «выбрасывали» на местную суконную фабрику солдаток, которые и жили при ней, в то время, как их дети оставались в семье. Не случайно горькая участь вдов и

солдаток в больших семьях явилась центральной темой одного из жанров народного поэтического творчества — причитаний. В причетах знаменитой олонецкой вопленицы И. Федосовой изображается типичная вдовья доля того времени. Со смертью мужа вдова становилась в семье братьев мужа «подворницей», т. е. батрачкой, которую кормили из милости. Так же изображает Федосова и участь солдатки, а судьба рекрута осмысливается ею как история вытеснения его братьями из общей семейной доли.

Тот же порядок отчетливо раскрывался практикой обычного права: солдаты по возвращении со службы обычно не получали доли наследства и выделение им части зависело от доброй воли родственников.

Процесс распада патриархальной семьи искусственно задерживался специальными мерами феодального государства и часто самими помещиками, препятствовавшими дроблению больших семей в целях сохранения их платежеспособности. С отменой крепостного права и устранением искусственных преград разделы больших семей приняли массовый характер. Однако крестьянский мир — община — препятствовал разделу, если этого не хотел большак. Крестьянский мир в условиях капитализировавшейся деревни охранял большую семью не только как источник и гарантию хозяйственной целостности семьи, но защищал и поддерживал большака как представителя социально близкой ему классовой прослойки [1].

К концу XIX в. малая семья становится типичной формой семьи. Совместное проживание родителей с несколькими женатыми сыновьями было, как правило, кратковременным, длилось не более трех-пяти, реже — до восьми лет и обусловливалось главным образом отсутствием средств для образования отдельных хозяйств. Почти повсюду редким явлением стало и совместное проживание женатых братьев. Распад большой семьи происходил даже в старообрядческом Заволжье (Нижегородская губ.), что объяснялось развитием там ремесла как основного источника существования населения.

Тем не менее большая неразделенная семья просуществовала в ряде районов России вплоть до Октябрьской революции. Длительно держались большесемейные традиции в губерниях средне-черноземной полосы, где тормозящее влияние пережитков крепостничества сказывалось во всех областях жизни (Рязанская и Тамбовская губ.). То же было отмечено и в северных лесных уездах Тверской губ. и в Белозерском крае (Новгородской губ.), где еще в начале XX в. крестьяне нередко жили большими семьями (родители с тремя, четырьмя женатыми сыновьями). И даже отходничество, которое в целом подрывало патриархальные устои крестьянской большой семьи, играло известную роль в замедлении темпов ее распада, так как неразделенная семья давала возможность сочетать сельское хозяйство с отходом и использовать заработанные на стороне средства для укрепления своего хозяйства. Особенно стойко держался патриархальный семейный строй на окраинах страны (в Сибири, на юго-востоке Европейской России, среди различных групп казачества). Большие семьи в ряде селений Приангарья и Забайкалья (особенно в среде «семейских») сохранились до 30-х годов текущего века и распались уже в связи с коллективизацией сельского хозяйства. У казачества процесс распада большой семьи начался с 80-х годов XIX в. главным образом после введения уравнительного распределения земли и сокращения сроков строевой службы, но его сдерживала трудность обработки больших казачьих наделов силами небольшой по составу семьи. Большая семья просуществовала в ряде казачьих районов (в верховых районах

---

[1] Роль большой семьи как «лаборатории», в которой «сквозь горнило ежовых рукавиц вырабатываются предприимчивые перворазрядные кулаки», очень ярко раскрыта С. Пономаревым в работе «Семейная община на Урале». («Северный вестник», 1, 1887, стр. 8—9).

области Войска Донского, среди казачества Кубани) вплоть до революции, а в отдельных случаях распалась, как и в Сибири, в ходе коллективизации сельского хозяйства.

Семейный строй у русского крестьянства в условиях развития капиталистических отношений

С развитием капитализма во внутреннем строе крестьянской семьи произошли существенные сдвиги. Большую роль в этом играл отход крестьян в города и промышленные центры. Влияние города, общение крестьянина-отходника с кадровыми рабочими расширяли кругозор крестьянина, способствовали повышению общего уровня его культуры, что особенно ярко проявилось у представителей младшего поколения. Все это изменяло взаимоотношения в семье и ослабляло патриархальные устои и наиболее ярко сказывалось на укладе малой семьи, где женщина становилась более самостоятельной. Это обстоятельство отмечено многими бытописателями прошлого века. «Привыкшая обходиться одна, без мужской власти и помощи, — писал один из них, — солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима и самостоятельна, полная хозяйка в доме не только без мужа, но и при нем... Побои и истязания жен — здесь редкие исключения»[1]. Однако в целом в крестьянской среде господствовало убеждение, что жена — раба мужа и что он властен над нею. Этот взгляд находил опору в юридическом неравноправии женщины в царской России и поддерживался авторитетом церкви. Продолжали оказывать отрицательное действие и укоренившиеся в крестьянском быту традиции и нравы большой семьи.

Большая семья в России вплоть до революции продолжала сохранять характерные черты своего уклада. Семье принадлежало все крестьянское имущество: двор, хозяйство и разная движимость, как перешедшая по наследству, так и нажитая общими силами. В общую кассу поступали и все заработки членов семьи от отхода и различных промыслов; исключение составляли лишь «бабьи» заработки. Общее семейное хозяйство числилось за главой семьи, и он как домохозяин отвечал за все повинности и руководил хозяйством. За ним признавалось право приобретения и отчуждения имущества, но с согласия остальных взрослых членов семьи мужского пола. Во всех этих особенностях большой семьи отчетливо выступало ее общинное начало. Как ни было велико право главы семьи распоряжаться имуществом, оно «всегда оставалось ограниченным требованием общего согласия или хотя бы соображениями пользы для семьи; семейное имущество продолжало признаваться семейной собственностью. На этой позиции стояла как сама семья, так и «мир», так и практика волостного суда»[2]. Дети (сыновья) при жизни отца не могли распоряжаться общесемейным имуществом; выдел, точно так же как и размер выделяемой доли, зависел всецело от воли отца. Однако к концу XIX в. во многих, особенно промышленно развитых областях выдел женатых сыновей стал обычным явлением, и родители редко препятствовали этому. Особенно распространен был полный раздел, который происходил по преимуществу со смертью главы семьи (деда или отца).

Внутренние взаимоотношения, права и обязанности членов семьи были строго регламентированы. Глава семьи (отец, дед, брат-большак) являлся блюстителем ее бытового уклада. Он руководил полевыми работами, распределял обязанности между членами семьи, главным образом мужчинами, в частности, устанавливал очередность отхода сыновей и внуков на сторонние заработки. Положение в семье взрослых (в том числе и женатых) сыновей было зависимым, особенно в зажиточных семьях. В случае неповинове-

---

[1] Д. И. Жбанков. О городских отхожих заработках в Солигаличском уезде, Костромской губ. «Юридический Вестник», т. VI, 1890. № 9, стр. 142.

[2] М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 25.

30 Заказ № 888

ния отец мог лишить сына права на выдел и получение имущества. К концу XIX в. власть старшего в семье значительно ослабла. Заработки молодежи делали ее более самостоятельной. Большаку зачастую приходилось идти на значительные уступки молодежи. Предвидя в будущем выдел и подготавливая для этого почву, сыновья начинали вмешиваться в хозяйственную деятельность отца (покупка и аренда земли, продажа продуктов и т. п.), стали чаще сами выбирать невест.

Всеми домашними делами распоряжалась хозяйка, обычно жена главы семьи или, в случае ее смерти или дряхлости, старшая из снох.

Для крестьянских семей было характерно устойчивое половозрастное разделение труда в семье, связанное с патриархальным укладом. Специально мужской работой по домашнему хозяйству была подвозка топлива и кормов для скотины, уборка хлевов, уход за лошадьми, а также основные сельско-хозяйственные работы: сев, пахота, сенокос и т. д. В обязанности женщин входил, кроме полевых работ, уход за «избяной» скотиной, корм для которой шел из избы (телята, коровы, овцы, свиньи и домашняя птица). Помимо ухода за скотиной и изрядной части полевых работ, на женщинах лежала вся работа по дому: приготовление пищи, уборка, стирка, уход за детьми, подноска воды; последнее почти повсеместно считалось делом зазорным для мужчин. В осенне-зимний сезон женщины все свободное от другой работы время пряли и ткали. Основные работы по дому падали на замужних женщин, но и девушкам приходилось много работать, особенно прясть. Более самостоятельным было положение в семье женщины-хозяйки. При хороших отношениях с мужем она была его советчицей во всех делах. Свекровь (*большуха*) была относительно свободной и в хозяйствовании: кое-что из продуктов она могла продавать без ведома мужа (яйца, излишки пряжи, а в некоторых местах молочные продукты). Под ее контролем находились хлеб и съестные припасы. По народному выражению: «У кого квашня в руках, та и хозяйка в доме». Этим и объясняется, почему свекровь так держалась обычно за свое право «стоять у печи». Иным было положение снох. Они находились в зависимости не только от свекра и свекрови, но и от других старших членов семьи. При распределении обязанностей между замужними женщинами учитывалась и необходимость удовлетворения нужд личной семьи (детей, мужа). В выполнении основных домашних работ между невестками и свекровью устанавливалась строгая очередность. Каждой женщине выделялся определенный день, когда она в качестве стряпухи выполняла все работы по дому.

В условиях большесемейного уклада положение женщины в семье было связано с ее имущественными правами. Повсеместно существовало отдельное женское имущество, на которое семья могла претендовать лишь в исключительных случаях. В первую очередь оно состояло из приданого, которое было одним из источников ее личных доходов (например продажа шерсти и приплод овцы, данной в приданое). Личной собственностью снохи были также имущество и денежные средства, полученные по наследству. На свои средства сноха должна была удовлетворять все потребности свои и своих детей, так как по традиции из общесемейных средств, находившихся в ведении главы семьи, на них не тратилось ни копейки. Ей выделяли лишь пай из общего семейного запаса шерсти и конопли (или льна). В некоторых льноводческих районах (например в Тверской губ.) снохам выделяли из общих посевов по полоске льна. Часто в семьях само приданое дочери в основном изготовлялось на «бабьи заработки»; общесемейные средства тратились только на свадьбу. С развитием товарно-денежных отношений и с появлением новых потребностей (в частности покупного приданого) эта традиция ложилась тяжелым бременем на плечи женщин, вынуждая их к поиску различных сторонних заработков. После смерти жены приданое возвращалось ее родителям или поступало в собственность дочери. Особенно тяжелым было положение овдовевшей снохи. По обычному праву жена не

наследовала имущества мужа. Исключение делалось только для старой вдовы. Размер вдовьей части в разных местностях колебался. В тех случаях, когда вдова оставалась с детьми (сыновьями), пай покойного мужа переходил его семье, и вдова обычно продолжала жить в мужниной семье. При общем семейном разделе ее дети (сыновья) получали пай на равных началах с братьями покойного мужа. Если же у вдовы к моменту раздела не было детей, ей оставалось либо вторично выйти замуж, либо возвратиться в родительский дом. При уходе она могла взять свое личное имущество и одежду покойного мужа. Если у вдовы были лишь незамужние дочери, ей полагался пай, однако его размер зависел от отношения к ней свекра, а случаи произвола были очень часты. При возникавших конфликтах жалобы женщин в волостные суды почти всегда кончались неудачей. Как правило, подобные дела передавались на рассмотрение сельского схода, а тот неизменно решал их в пользу свекра. Положение женщины в малой семье было иным. После смерти мужа она оставалась полной хозяйкой дома. В случае притязания на ее имущество со стороны деверей, она могла через волостной суд отстоять свое право.

Широко распространенным в русском семейном быту было примачество. Большею частью зять (*приймак*) принимался в семью, где не было сыновей. При переходе в дом тестя земельный пай зятя оставался у его родителей. В некоторых местностях зятя-примака шутливо называли «молодухой», за ним давалось «приданое». Если зять принимался в семью, то соответственно менялся и порядок свадебного ритуала, в частности, свататься шли родители невесты. В зятья обычно шли бедняки или сироты. При вступлении в дом тестя, зять заключал обычно письменное условие, которое состояло в определении его прав на имущество тестя. «Без письменного вида, на одну совесть, — как говорили крестьяне, — никто жить не пойдет». Наиболее распространено было наследование зятем на правах сына, т. е. на равных с ним долях. При жизни тестя зять получал половину дома, но всем хозяйством и имуществом распоряжался тесть, что делало положение зятя крайне зависимым. После смерти тестя зять становился главой дома. Положение приймака в большой семье, особенно в зажиточной, было приниженным. Недаром в народе сложились пословицы: «Зятьева шуба всегда под лавкой»; по поводу бесхвостой собаки говорили — «Должно быть в зятьях была, что хвост сбыла» и т. д.

Все эти черты семейного быта и патриархальных нравов с наибольшей силой проявлялись и дольше сохранялись в семьях, экономически сильных. В кулацких семьях, где вся жизнь подчинялась умножению семейного богатства, семейные нравы были подчас крайне жестоки. В семьях хозяйственно слабых традиционный порядок ослаблялся быстрее. Весь строй семейных взаимоотношений в 90—900-е годы стал значительно проще, свободнее, без тех проявлений забитости и робости младшего поколения, которые были так характерны ранее для крестьянской семьи. Домашний уклад крестьянской семьи, ее обычаи и обряды были подчинены общим принципам и нормам жизни деревенского коллектива. Сила общественного мнения играла огромную роль в консервации быта, сохранении в нем ряда пережиточных моментов. Чередование работ, характер проведения досуга, формы питания определялись датами народного, аграрного по своей сути, календаря.

Воспитание детей, заключение браков и похоронный обряд в дореволюционной крестьянской семье

Для характеристики семьи и ее моральных устоев много дает отношение к воспитанию детей. Детей рождалось много, искусственное прекращение беременности считалось «грехом». Крестьяне больше радовались появлению на свет мальчика, когорому полагался надел, однако позднее особого различия в отношении к мальчикам и девочкам не делалось. Роды происходили в бане, на полке́, на разостланной и покрытой *постилкой* соломе, а если случалось в избе, то на полу, на каком-нибудь старом тряпье. Удаление роженицы из дому объ-

яснялось не только теснотой и многолюдностью в помещении, но и исстари державшимися представлениями об ее нечистоте, а также о необходимости оберегать ее и особенно младенца от чужого взгляда, от «сглаза». В некоторых районах в 900-х годах женщины стали уже рожать в избе, в более гигиенических условиях, на кровати, застланной дерюжкой. Рожали с помощью повитухи (*бабки*). В случае трудных родов применялись магические средства: развязывание узлов, отпирание замков, ящиков и пр. По широко распространенному обычаю новорожденного полагалось класть на мягкую постель, чтобы впоследствии его жизнь была легкой. В тех же целях его обносили вокруг избы и в первую купель клали дары: зерно, соль, деньги и т. д. Бабка играла почетную роль в обряде *крестин* или *родин*, устраиваемых обычно на второй или третий день после родов. Крестины (христианский обряд) носили ярко выраженный общественный характер: не только родственники, но и односельчане принимали в них участие, приходили с угощением и подарками (*на зубок*) младенцу. Обязательным кушаньем на крестинах была так называемая *крестильная каша*. На третий-четвертый день после родов мать уже вставала и принималась за домашнюю работу, а через неделю работала в поле, что часто приводило к тяжелым женским заболеваниям. Ребенка клали в *зыбку*, сделанную из лубка. Зыбка подвешивалась на веревке к крюку потолочины и завешивалась пологом. В 900-х годах стали употреблять дощатые зыбки с дном, плетеным из веревок, а в зажиточных семьях — из точеных палок, скрепленных в виде рамы с дном, натянутым из полотна. Кормили ребенка грудью до одного-полутора лет. Повсеместно употребляли так называемые хлебные и кашные соски. Смертность, особенно новорожденных детей, была велика. Любое инфекционное заболевание разрасталось в эпидемию. Это объяснялось общими антисанитарными условиями, отсутствием присмотра, лечением младенцев у местных знахарок и бабок. В летнюю страдную пору ребенка вместе с зыбкой брали в поле или оставляли дома под присмотром старухи или девочки постарше, а иногда и одного. В больших семьях, где детей было много, наблюдала за ними обычно одна из женщин семьи.

От детей требовали безусловного послушания, уважения к старшим, честности. За серьезные проступки наказывали, прибегали и к битью. С раннего детства детей приобщали к труду. Девочку с малолетства приучали к домашним работам (прясть, мять лен и коноплю); мальчик семи-восьми лет начинал помогать отцу, выезжая с ним в поле, в восемь-девять лет его могли отдать в подпаски, а лет с тринадцати мальчик оказывал помощь отцу во всех работах. На Севере, в рыболовецких районах, мальчики уже с семи лет бывали *зуйками*, т. е. младшими членами промысловой артели. В суровых жизненных условиях вырабатывались положительные стороны характера: честность, смелость, твердость духа, выносливость, уважение к труду и практическая сноровка.

Очень тяжелым было положение детей в бедняцких семьях неземледельческих районов, население которых с давних пор было связано с отходом в промышленность. Семья отправляла ребенка 12—13 лет в город, причем не столько из-за заработка, сколько из стремления избавиться от лишнего едока. Девочки шли «в услужение» (в няньки, прислуги), мальчики отдавались в «ученики», в мелкие ремесленные мастерские (сапожные, портняжные, булочные и т. д.), где работали с 5 ч. утра до ночи. В дальнейшем подростки (с 15—16 лет) устраивались обычно на работу на фабрики и заводы и жили либо в общих казармах, либо снимали «углы» или устраивались у кого-нибудь из ранее приехавших в город старших родственников. Об образовании детей в крестьянских семьях мало заботились. Отсев детей, особенно девочек, из школы (трехклассной земской или церковно-приходской) был очень велик. «Девке на военную службу не идти, а ткать и прясть может и так»,— было повсеместное обывательское мнение деревни.

Характер брачных отношений в огромной степени был обусловлен внутренним строем патриархальной крестьянской семьи. Обычный брачный возраст для женщин был 16—18, для мужчин 18—19 лет. Ранние и неравные по возрасту браки, широко распространенные в крепостное время, во второй половине XIX в. уже почти не встречались. Обычно жених был на один-два года старше невесты. Невесту брали, как правило, из своего же села или ближайшей округи. Еще в конце прошлого века браки заключались преимущественно по выбору родителей, руководствовавшихся экономическими соображениями. С чувствами молодых людей мало считались и на этой почве разыгрывались иногда тяжелые трагедии. Поэтому были распространены браки *самоходкой*, *самокруткой*, *убегом*, когда молодые люди тайно венчались, а спустя некоторое время возвращались к родителям с повинной. Широко распространены были браки убегом в старообрядческой среде главным образом из-за запрета браков с «иноверцами». К началу XX в. браки повсеместно стали чаще заключаться по взаимной склонности молодых людей, и в этом быть может наиболее ярко проявилась возросшая самостоятельность молодежи. Заключение брака сопровождалось традиционным свадебным обрядом, представлявшим сложный комплекс с напластованиями различных эпох. Он испытал на себе воздействия различных социальных слоев, видоизменялся под влиянием менявшихся культурно-бытовых условий. Значительные различия наблюдались в свадебной обрядности отдельных местностей. Наиболее существенные из них связаны с основными этническими группами русского народа — севернорусской и южнорусской.

Многие элементы обряда имеют глубокие корни в первобытнообщинном строе. Таков прежде всего коллективный характер свадебного ритуала, широкий круг его участников, и не только в качестве гостей, но и в активных ролях: *сватов*, *свах*, *дружек*, *подружьев*, *тысяцких*, *дружины*, *поезжан* и т. д. Основными действующими лицами были *дружка* и *сваха*. Дружка — главный распорядитель свадьбы; он предводительствовал «поездом» жениха. Дружка выбирался из числа женатых родственников, иногда им был и профессионал этого дела, знаток традиционных приговоров. Атрибутами дружки были — плеть, полотенце через плечо, ружье. В качестве свахи выступал кто-либо из замужних родственниц жениха. В функции свахи входило участие в сватовстве и в дальнейших церемониях свадьбы (в договоре о *кладке*, в *посаде* жениха и невесты, в уводе молодых на постель, в свадебных играх). Сюда же относится и сохранившийся в некоторых местностях обычай общественной помощи, одаривания и др. Пережитки матриархата прослеживались в сохранении значительной роли, по сравнению с отцом, матери невесты, ее тетки со стороны матери, а также ее брата. Сохранились также и другие отголоски древних форм брака (брак — умыкание, брак — купля-продажа). Обряд сопровождался разными магическими действиями, призванными охранять новобрачных от влияния злых сил, равно как и гарантировать им плодовитость и благополучие.

При всем многообразии вариантов и существенных локальных различиях свадебный обряд в своих основных моментах отличался единством. Он разделялся на три последовательных этапа: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный. Свадьбы устраивались в осенне-зимний сезон (после покрова или во время рождественских святок) и весной на Красную горку. Предсвадебный цикл начинался со сватовства. Сваты (кто-либо из близких родственников жениха, чаще всего дядя или старший брат — оба с женами, крестный отец или крестная мать), одетые в лучшие одежды, отправлялись сватать обязательно вечером, чтобы никто не видел. В случае утвердительного ответа через несколько дней назначался сговор (*малый запой*), на котором определялись условия и время предстоящего брака. Почти повсеместно в России была распространена так называемая *клад-*

ка — предсвадебный взнос жениха на свадебные расходы и на наряды невесты (в которой нельзя не видеть отголоска древнего обычая свадебного выкупа (*вена*). Размер кладки зависел от достатка семьи и внешних данных невесты. Тут же оговаривалось и приданое невесты (одежда, скотина, постель, иногда и денежные суммы). С проникновением в деревню денежных отношений приданое-рукоделье стало быстро заменяться приданым из покупных предметов (покупная одежда, мебель, зеркала, граммофоны и прочие предметы городской культуры). В большинстве местностей (особенно, если жених был не из своего села) после сватовства устраивался осмотр дома жениха. Через некоторое время в доме невесты устраивалось *рукобитье* (*большой запой*, *запиванье*, *пропиванье* и т. д.), окончательно закреплявшее сватовство. После него отказаться от соглашения было уже нельзя, кроме какого-либо исключительного случая, когда нарушившая сторона должна была возместить все убытки, «заплатить за бесчестье».

После просватания девушку освобождали от домашних работ. Она занималась шитьем приданого, в чем ей помогали подруги. *Сговоренка* ходила в особой, *печальной* одежде. Для севернорусской свадьбы был характерен объезд невестой (обычно с братом) своей родни, начиная с крестной матери. Невеста прощалась с ними и причитала. В южнорусских районах был широко распространен обычай *отбивания зорь*. Исключительный интерес представляет зафиксированный в Заонежье обычай плачей невесты при собирании помочей, восходящий своими корнями к тому времени, когда обеспечение девушки, вступающей в брак, было делом не только семьи, но и родовой общины. Общераспространен был *девичник*, устраиваемый накануне свадьбы в доме невесты. Одновременно происходило гулянье и в доме жениха (*мальчишник*, *парнёвик*). Смысл этих обычаев заключался в прощании с молодостью и товарищами. В этот день жених приезжал с дарами к невесте; к вечеру у невесты оставались лишь ее подруги и разыгрывался один из наиболее драматичных моментов свадьбы — прощание девушки с *красной красотой*, символизирующей девичью волю. Наибольшее развитие этот обычай получил в севернорусской свадьбе, где символом *красной красоты* была обычно лента (головной девичий убор). В южнорусском обряде, как и в обряде украинской свадьбы, девичью волю олицетворяло украшенное лентами деревцо (елка, сосна, вишня). Канун свадьбы в северных и южнорусских областях проводился различно. В южнорусском свадебном обряде очень полно сохранился так называемый каравайный ритуал: изготовление в домах жениха и невесты *каравая*, сопровождавшееся при отдельных его процедурах (замешивании теста, сажании каравая в печь, высаживания из печи) обрядовыми действиями и обычаями, специальными песнями, *скоками* и т. д. В некоторых вариантах севернорусского обряда сохранились лишь отдельные детали, указывающие на то, что некогда каравайный ритуал бытовал и в этих районах. О том же свидетельствует и историческая традиция, прослеживавшаяся в великокняжеских и царских свадьбах XVI—XVII вв.

Центральным моментом свадебного обряда являлась собственно свадьба. В день свадьбы (в некоторых местах накануне) невеста шла с подружками в баню. Там, где обрядовое значение этого обычая сохранялось (особенно на Севере), он сопровождался соответствующими причитаниями и песнями. В южнорусской свадьбе девушки, сопровождавшие невесту, несли разукрашенную елку. Если невеста была сиротой, то после бани она шла на погост и там причитала на могилах родителей. Под венец невесту убирали подруги. Особенно драматичным был момент последнего заплетения косы, сопровождавшийся причетами невесты и ее подруг и специальными обрядовыми песнями. После этого родители и крестные отец с матерью благословляли невесту и усаживали вместе с подружками за стол. В доме жениха в это время шли приготовления к отъезду за невестой. Родители благославляли его иконой. Жених выезжал из дому в сопровож-

дении *поезжан*: *дружки*, *подружья*, *свахи* и других свадебных чинов, которых особенно много было в севернорусской свадьбе. По дороге поезду устраивались преграды (клались жерди и т. п.), от которых дружка откупался (вином, гостинцами). То же повторялось и перед воротами дома невесты. По приезде жениха разыгрывалась (понимавшаяся уже всюду как шутка) сцена выкупа места подле невесты: выкупал дружка, продавал невесту ее младший брат. В некоторых местностях сцена эта предварялась выкупом невесты у подружек, сопровождавшемся шуточной церемонией показа мнимой невесты (подмены ее подружками). Затем начиналось обильное угощение. Жениху и невесте до венца есть не полагалось. Перед отъездом к венцу жениха и невесту выводили на середину избы, ставили на шубу, положенную шерстью кверху, и родители их благословляли. Отъезд к венцу всегда сопровождался магическими действиями (стрельбой из ружья, троекратным обходом свадебного поезда с иконой, щелканьем кнута, шумом и криком и т. п.). Тотчас после венчания невесте заплетали две косы и надевали женский головной убор (*повойник*, *кичку*). С конца 90-х годов почти повсеместно волосы стали свертывать в пучок и надевать шелковую или кружевную *наколку*. При выходе из церкви на невесту накидывали платок, надвинув его низко на лоб, чтобы предохранить ее от «злых сил». Из церкви жених и невеста ехали вместе, в севернорусских районах — в дом жениха, в южнорусских сначала заезжали в дом невесты, откуда вечером после пиршества молодые с *поезжанами* отправлялись в дом молодого. В первый же день свадьбы перевозили обычно приданое. В ряде местностей была распространена шуточная сценка выкупа у невестиной стороны приданого.

По приезде домой молодых встречали родители с хлебом и солью, благословляли и осыпали хмелем или житом. Молодых усаживали за передний стол и поздравляли. В старину, видимо повсеместно, был распространен обычай увода молодых в сопровождении свахи и дружки в начале пира на постель (в клеть, чулан), откуда уже к концу свадебного пиршества выводили на *золочение*. Позже во многих местностях этот обычай был изжит; остался лишь обычай отдельного кормления молодых (за занавесью, в чулане), откуда их выводили к общему столу. Но увод молодых на постель в конце свадебного пира продержался почти до самой революции. Молодая должна была в знак покорности разуть мужа. Этот обряд отмечен еще в Повести временных лет [1]. Невеста на свадебном пире сидела, закутанная платком или шалью, но не принимала участия в общем веселье. Свадебный пир сопровождался песнями, плясками, величаниями гостей, дружки, свахи. Во время пира молодая одаривала свою новую родню гостинцами, а те отдаривали ее деньгами. В южнорусском свадебном обряде, удержавшем каравайный ритуал, золочение сопровождалось раздачей *сыр-каравая*. На утро дружка и сваха поднимали молодых с сопутствующими этому моменту обычаями: показом рубахи молодой как доказательства ее добрачного целомудрия, битьем при этом горшков и т. д. Эти унижающие женщину обычаи во многих местах продержались до революции. В доме жениха вновь собирались гости. Молодые и поезжане шли приглашать родителей невесты, в доме которых устраивалась *гульба*. Первым блюдом подавалась яичница; от нее отведывал молодой, после чего клал в рюмку с вином деньги и подавал ее теще, давая этим понять, что жена его честна. Потом переходили в дом молодого, где продолжалось пиршество, во время которого молодых золотили. В других местностях (Тверская губ.) из дома невесты к жениху являлись ряженые (молодые женщины), которые плясали и били горшки. Вслед за ними шли родные невесты с яичницей и пирогом-*именинником*. Жених, как и в первом случае,

---

[1] «Повесть временных лет», т. I. М.— Л., 1950, стр 54.

должен был первым отведать яичницу. На пирог клали деньги (*серебрили невесту*). На третий день молодую «раскрывали», т. е. скидывали с нее платок, после чего она могла уже плясать и веселиться вместе с другими гостями. В тот же день разыгрывались принявшие уже шуточный характер испытания умения и ловкости молодой, символизировавшие вместе с тем ее покорность семье мужа: заставляли молодую мять коноплю, мести, бросая под ноги сначала сор, а затем уже в виде вознаграждения деньги, и т. п. Для послесвадебного цикла характерны были *отводины*, т. е. празднества, устраиваемые в определенные дни в честь молодых по очереди всеми родственниками, гулявшими на свадьбе. Обязательным считалось посещение молодыми родителей невесты на масляницу, а также в воскресные и праздничные дни. Таков общий ход и состав русской свадебной обрядности в конце XIX — начале XX в.

В южнорусской свадьбе конца XIX в. встречается ряд черт, сближающих ее с украинским и белорусским свадебным обрядом. По своему колориту южнорусская и северная свадьбы отличны. Северный обряд — тяжелая драма, насыщенная плачами невесты, ее матери, подружек, нередко исполняемыми профессиональными вопленицами. Дружка в северной свадьбе, помимо своей основной функции — главного распорядителя свадьбы,— играл роль ведуна, ограждавшего молодых от враждебных сил. Южный обряд — веселый, игровой. В нем над причетами преобладают песни, что также сближает его с украинской свадьбой. Вместе с тем наличие в северном свадебном ритуале отголосков некоторых специфичных для южнорусской свадьбы моментов указывает на их общую первооснову, единую с украинской и белорусской.

К концу XIX — началу XX в. в силу определенных сдвигов в социальных отношениях и быту деревни в свадебном обряде происходят существенные изменения. Обряд упрощался; сокращались сроки празднования, которые ранее бывали очень длительны (одна только свадьба справлялась до шести дней). В ряде случаев стали сливаться или же совсем опускаться отдельные моменты традиционного обряда. Так, вместо малого и большого запоев ограничивались одним малым запоем (сговором); в некоторых случаях большой запой устраивался совместно со свадьбой. В ряде районов, наиболее тесно связанных с промышленными центрами, девишник превратился в обычную вечеринку, утратив свои обрядовые моменты. Во многих местностях был изжит обычай укладывания и бужения молодых свахой и дружкой как шедший вразрез с новыми понятиями молодежи. Значительно ослабели элементы магии.

Особыми обрядами обставлялось также погребение. Похороны были церковные, но в них сохранились в пережиточной форме многие дохристианские верования и архаические элементы быта. Так, в погребальной одежде стариков удерживались старые покрои и формы одежды. Покойника клали на скамьях в передний угол головой к иконам. Во многих местах над покойником всю ночь старые люди или монашки читали псалтырь. Древним способом было погребение в долбленой колоде, расколотой вдоль на две половины (этого обычая строго придерживались старообрядцы). Покойника выносили ногами вперед, иногда через заднюю дверь или через окно, за ним выметали пол и лили воду. Все эти обычаи представляют собой остатки древних магических обрядов, которые должны были помешать покойнику вернуться и вредить живым. На кладбище обычно ходили лишь самые близкие родственники; женщины *кричали* (причитали). Традиция причета наиболее сильной была на русском Севере. Гроб обычно несли открытым на руках. В глухих районах Олонецкой и Вологодской губ. еще в конце XIX в. держался архаический обычай перевоза покойника и в летнее время на санях. По возвращении домой устраивались поминки. Непременным поминальным блюдом были блины, кисель и *кутья* из разваренных зерен пшеницы (позднее риса) с медом; предпола-

галось, что умерший участвует в трапезе. Умершего поминали также в девятый, двадцатый и сороковой день. Отмечали также полгода и годовщину смерти. Поминали умерших и в *помянущие*, т. е. в специально установленные церковью дни, имевшие древнюю дохристианскую основу. Особенно почитались так называемая Дмитровская суббота (последняя суббота перед масленицей), вторник на Фоминой неделе (*радуница*) и суббота перед Троицыным днем. В эти дни родственники шли на кладбище, и на могилах устраивалось угощение (пироги, блины, кутья, кисель с медом и молоком, брага или пиво). Часть пищи оставлялась на могилах, часть раздавалась нищим.

Скрепленный традициями и религиозными воззрениями застойный быт крестьянской семьи эволюционировал крайне медленно. В начале XX в. под прогрессивным влиянием города и промышленных центров начинают складываться новые черты семейного быта, значительно ослабевают его патриархальные устои.

Строй дореволюционной рабочей семьи

С развитием капиталистического производства и формированием промышленного пролетариата постепенно складывается рабочая семья с характерным для нее укладом и бытом, во многих отношениях отличными от крестьянского. Формирование пролетарской семьи стоит в тесной связи с образованием постоянных кадров рабочих, в своем большинстве порвавших связи с деревней. В 80-х годах XIX в. складывался многочисленный слой потомственных рабочих, что было особенно характерным для технически наиболее развитых отраслей промышленности.

Новые черты семейного быта наиболее отчетливо обозначились у рабочих крупных городов. Этот процесс протекал в отдельных районах России разными темпами, в зависимости от связей рабочих с крестьянским хозяйством. При всем различии темпов этого процесса в разных районах к концу XIX — началу XX в. уже вполне сложился тип семьи кадрового пролетария. По своей структуре рабочая семья в капиталистический период представляла семью малую. Она состояла по преимуществу из двух поколений — родителей и их неженатых детей. В промышленных центрах сельского типа, особенно среди населения прифабричных деревень, стойко держалась традиция, по которой один из сыновей (обычно младший) оставался при стариках-родителях, в связи с чем большой процент семей в таких центрах состоял из трех поколений. Несколько своеобразно развивалась рабочая семья на промышленных окраинах страны, в частности на Урале, где рабочие кадры сложились еще в крепостное время. В одном из его центров — Нижне-Тагильском заводском округе — на всем протяжении крепостной эпохи прочно удерживались большесемейные традиции, что объяснялось значительной прослойкой старообрядцев среди населения. С отменой крепостного права семейные отношения и там стали быстро изменяться. Значительно дольше большесемейные отношения удерживались в Подмосковном угольном бассейне, где в ряде коренных шахтерских сел рабочие вплоть до Октябрьской революции жили большими семьями (в 20—30 человек). Это объяснялось, видимо, низким техническим уровнем производства, малым заработком шахтеров, вынуждавшим их сочетать работу в промышленности с сельским хозяйством.

Средняя численность рабочей семьи была различна. Судя по имеющимся данным, малочисленнее других были семьи городских рабочих. В Петербурге в 1908 г. среди рабочих-металлистов около половины рабочих семей имели одного-двух детей, и лишь в пятой части семей было трое или более. В Москве в 1897 г. рабочие семьи, состоявшие из двух — четырех человек, составляли 62%, семьи в пять человек и свыше — 38%. Более многодетными были семьи на Урале. В Нижнем Тагиле (по данным частичной описи 189 семей) в 1895—1896 гг. около 60% семей рабочих-горняков имели трех—пятерых детей и 15,9%—шесть детей и более. Семьи с одним—

двумя детьми составляли 25,9%. В этом, в частности, сказались более благоприятные жилищные условия уральских рабочих. Одним из существенных факторов, влиявших на численный состав рабочей семьи, являлась исключительно высокая смертность населения, особенно детского. По данным земской статистики, из ста родившихся детей рабочих более половины (59—64%) умирали в возрасте до 10 лет. Эта смертность, превышавшая средний уровень высокой в целом смертности в России, была результатом тяжелых жизненных условий, в которых находились рабочие семьи.

Рабочая семья складывалась на иной экономической основе, чем крестьянская. Она могла сколько-нибудь сносно существовать, если работали все ее трудоспособные члены, и целиком зависела от работы на производстве. Это повышало чувство солидарности в семье, создавало почву для более равноправных семейных взаимоотношений. В ряде промышленных отраслей женщина-мать работала наряду с мужчиной. Семья «с матерью на фабрике» была особенно типична для текстильных рабочих.

В семьях машиностроителей и металлургов, где женский труд почти не применялся и заработки были выше, жены рабочих, как правило, на производстве не работали, но и они вынуждены были прибегать к дополнительному заработку (готовка пищи, стирка, уборка, няньченье детей и т. п.). Все это накладывало свой отпечаток и на семейные отношения и особенно на положение женщины. Промышленность,— на что неоднократно указывал В. И. Ленин,— уничтожала зависимость женщины от семьи и мужчины[1]. Авторитет женщины-матери в рабочей семье был значительно выше, чем в крестьянской. Муж отдавал жене свой заработок, равно как и дети, все закупки делались ею самой или совместно с мужем, все наиболее существенные дела в семье решались по взаимному совету супругов. Несколько иным было положение в рабочей семье и невестки (снохи). Она была более тесно связана с семьей мужа, заботилась о всех членах семьи, на нее не распространялось имущественное ограничение, характерное для крестьянской традиции.

Рабочая семья отличалась простотой отношений, взаимной заботой друг о друге. Старые рабочие отмечают как характерную черту принцип коллективизма и взаимопомощи, который с детства прививался в рабочих семьях. Однако созданию новых отношений мешал ряд причин. Одной из них было пьянство, имевшее глубокие социальные корни; оно не только подрывало и без того слабую экономику семьи, но зачастую и разрушало семью морально. В семьях, где мужья пьянствовали, драки, избиения жен и детей были обычными. Сказывались и пережитки старых патриархальных отношений, особенно в семьях рабочих — недавних выходцев из крестьян. Отрицательно влияли на семью и тяжелые условия труда. При продолжительном рабочем дне отец семейства был слабым помощником в семье. Все основные работы по домашнему хозяйству падали на мать, загрузка которой, особенно если она работала на производстве, была огромной. До 1912 г. отсутствовала специальная охрана труда беременной женщины и женщины-матери. Женщины работали до самых родов, иногда рожали у станков, что приводило к преждевременным родам, выкидышам, тяжелым женским заболеваниям. Медико-санитарные учреждения (родильные дома, амбулатории, детские приюты, открывшиеся на некоторых предприятиях в 900-х годах) могли обслужить лишь незначительную часть рабочих. Только в 1912 г., под напором революционного движения, был издан страховой закон, по которому работнице предоставлялся двухнедельный отпуск до родов и четырехнедельный после родов. Подавляющее большинство ра-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547—548.

ботниц рожало на дому с бабками-повитухами. Если мать работала, то часто из деревни привозили малолетних нянек (обычно кого-нибудь из родственниц), оставляли ребенка на попечение квартирной хозяйки или на детей постарше. Как и в деревне, в ходу были подвесные люльки, хлебные и кашные соски, грудных детей усыпляли маковым отваром, при заболевании их лечили «от сглаза», вспрыскивали с уголька и т. д.

Детей сызмальства включали в трудовую жизнь семьи. В семь—восемь лет ребенок был уже помощником матери, нянчился с младшими детьми, посильно помогал по хозяйству. Девочек учили шить, вязать, приучали к хозяйству, старались дать им профессию; принято было отдавать девочек в ученицы в швейные мастерские. Сыновьям отцы старались привить любовь к своей профессии, передавали навыки в мастерстве. Прежде чем попасть на работу в промышленность (15—17 лет), дети проходили с ранних лет суровую жизненную школу через «ученичество» в мелких ремесленных предприятиях. До 1882 г. труд малолетних, даже семи-восьмилетних детей, применялся в чудовищных размерах, особенно в текстильной промышленности. В этих условиях образование, даже при желании родителей, могли получить очень немногие дети. В среде малоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих большей частью учили только мальчиков; девочек редко отдавали в школу. После революции 1905 г. образованию девочек стало уделяться большее внимание: многие девочки обучались грамоте в воскресных школах, что не отвлекало их от повседневных домашних обязанностей. В семьях высококвалифицированных кадровых рабочих девочек отдавали в школу наравне с мальчиками. Дети этой категории рабочих имели некоторые возможности в получении профессионального образования. Они в первую очередь принимались в организованные с конца 90-х годов при некоторых фабрично-заводских школах ремесленные классы, выпускавшие высококвалифицированных рабочих. Уровень грамотности рабочих России в конце XIX в. был намного выше общего уровня грамотности населения всей страны, прежде всего крестьянства [1].

Культурно-бытовой уклад рабочих семей был далеко не одинаков, что объяснялось неоднородностью состава русского рабочего класса, наличием в нем, с одной стороны, квалифицированного слоя грамотных, политически развитых рабочих, с большим процентом среди них потомственных пролетариев, с другой — количественно преобладавшей массы неквалифицированных, связанных с деревней, отсталых рабочих. Поэтому процесс складывания новых черт, специфичных для быта рабочих, протекал далеко неравномерно. Для всех прослоек рабочих был характерен процесс усвоения городских форм жизни. Особенно ярко это проявлялось в материальной культуре, одежде, пище там, где позволял заработок, и в убранстве жилищ. Во многом это сказывалось в социальной и духовной жизни рабочих; отражалось и на браке и на сопровождавшей его обрядности. Существенно изменилось само отношение к браку. Крестьянская семья старалась скорее женить работавшего на производстве сына, чтобы получить в лице невестки нужную в деревенском хозяйстве рабочую силу; это встречало подчас резкое противодействие молодежи, стремившейся создать собственную семью, и приводило иногда к полному разрыву с отцовской семьей. Брак по принуждению, из материальных соображений, не был характерен для рабочих. Рабочая молодежь женилась большей частью по собственному выбору. Даже в тех нередких случаях, когда женитьба происходила по

---

[1] По данным переписи 1897 г., в России было грамотных мужчин 29,3%, женщин — 13,1%; в это же время грамотных мужчин-рабочих было 59,9%, женщин-работниц 34,9%. (Э. Э. Крузе. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.— Л., 1961, стр. 86, 87).

сватовству, за молодежью оставалось право окончательного решения. Знакомство и сближение молодежи происходило на работе, на вечеринках и особенно на народных гуляньях, составлявших характерную черту городского быта.

Совместные занятия передовой рабочей молодежи в кружках и воскресных школах, участие в революционной борьбе (в демонстрациях, маевках и т. д.) идейно сближали молодежь, способствовали возникновению товарищества и дружбы, на почве чего складывались более глубокие отношения, приводившие к браку. Брачный возраст в рабочей среде был несколько выше, чем в крестьянской. Так, по данным московской губернской статистики, охватившей 35 890 работниц, 34,4 % из них вышло замуж в возрасте до 20 лет и 42,6 % — от 20 до 24 лет[1]. Мужчины женились, смотря по обстоятельствам, или в 18—19 лет, или, что бывало чаще, после отбытия воинской повинности — в 25—26 лет.

Случаи гражданского брака встречались редко, главным образом, когда один из супругов был ранее женат и не разведен. В передовой рабочей среде он не встречал осуждения; в общей же массе рабочих, особенно женщин, отношение к нему было резко отрицательным. В среде городских потомственных пролетариев церковный обряд сочетался большею частью с простой семейной вечеринкой. Вышедшие из деревни молодые рабочие в большинстве случаев брали невест из родного села, где и справлялась свадьба по местным народным обычаям. Точно так же и в городской рабочей среде, более тесно связанной с деревней, в той или иной мере сохранялся народный обряд. Так, в среде московских текстильщиков свадебный обряд по ряду деталей может быть отнесен к южнорусской обрядности, что объяснялось большим числом выходцев из южнорусских губерний (Рязанской, Тульской, Калужской). В свадебном обряде у рабочих сократились сроки его до двух-трех дней, выпали многие моменты народного ритуала. Так, по сообщениям московских текстильщиц, свадьба у них сводилась в основном к трем моментам: сватовству, девичнику и собственно свадьбе. Официальный сговор (сватовство) считался обязательным при заключении брака. В качестве сватов выступал кто-либо из проживавших в городе старших родственников жениха и невесты, при отсутствии же таковых — товарищи по работе; обычно это были пожилые женщины, часто — профессиональные свахи, что было характерно для купечества и мещанства. При сватовстве обязательно оговаривалось приданое невесты. В свою очередь жених должен был купить невесте все для ее венчального наряда (материю на платье, которое делалось со шлейфом, фату с цветами и пр).

Свадьба справлялась обычно через неделю-полторы после сговора, в воскресенье. В предсвадебное время подруги невесты собирались у нее по вечерам и помогали шить приданое. Накануне свадьбы справлялся девичник, на котором подруги украшали лентами елку и с нею вели невесту в баню; при этом пелись «протяжные» песни. После возвращения домой убранная лентами елка устанавливалась на столе, за который усаживалась невеста с подругами. Затем приходил в сопровождении товарищей жених с гостинцами и разыгрывались сцены выкупа невесты; продавала — невестина сваха, покупала — сваха женихова, после чего жених занимал место подле невесты. Гулянье сопровождалось песнями и плясками; подружки невесты оставались у нее ночевать. Утром, в день свадьбы, подружки убирали невесту к венцу, иногда ее причесывали, пели «заунывные» песни, а невеста «плакала в голос» (причитала). До 900-х годов держался обычай, по которому невесту везли под венец (и от венца) накрытою до глаз шалью. После венца невесте делали (обычно в церковной сторожке) причес-

---

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики», т. IV, ч. I. М., 1890, стр. 273.

ку замужней женщины. В дом, где происходила свадьба, жених и невеста ехали по обычаю вместе. С 900-х годов молодые по приезде от венца, в отличие от крестьянской традиции, принимали участие в общем пиршестве, во время которого пелись песни; гости кричали «горько». По окончании угощения жених и невеста «открывали бал», после чего шли танцевать (плясать) и остальные. Обычая одаривания не было. Однако обычай отвода на постель и бужения молодых сохранялся в массе рабочих вплоть до революции. В последующие после свадьбы дни молодые ездили по родственникам. Обычай этот, видимо заменивший под влиянием городской среды традиционные отводины, носил название «приема с визитом» и никаких ритуальных моментов не заключал. Большой интерес представляет запись свадьбы, сделанная среди московских металлургов — рабочих бывшего завода Гужона. Она отчетливо свидетельствует об отсутствии единого свадебного ритуала среди городских рабочих. При наличии тех же основных моментов, как и в вышеприведенном варианте, данный обряд отличался рядом характерных деталей. Так, в день свадьбы (перед венцом) разыгрывалась сцена выкупа невесты у подружек и продажи младшим братом косы невесты, после чего жениха и невесту усаживали за стол (возле каждого усаживалась своя родня) и крепко связывали. Этот обычай, широко распространенный в Белоруссии (*злучэння*), попал сюда через уроженцев Смоленской губ.

Таким образом, новые условия труда и быта наложили резкий отпечаток на рабочую свадьбу. Она значительно упростилась. Кроме сговора, она утеряла все прочие моменты подготовительного этапа. Более стойко сохранялся лишь девичник, быть может в силу его драматизма. В праздновании собственно свадьбы коллективное, прежде всего родственное начало, пронизывавшее крестьянский свадебный ритуал, в рабочей среде значительно стерлось. Круг участников свадьбы стал у́же. Изменились функции действующих лиц, особенно дружки, роль которого по существу сводилась к участию в церковной церемонии в качестве шафера. Этот термин почти вытеснил наименование «дружка». Выпало большинство магических действий, исчезала обрядовая пища. Рабочая свадьба все более сближалась с городской и испытывала известное влияние мещанских слоев города. В промышленных центрах сельского типа народный обряд сохранялся, видимо, более полно. Среди шахтеров Московского угольного бассейна (Скопинский район Рязанской обл.) свадьба справлялась по всем традициям южнорусской свадебной обрядности, даже с некоторыми элементами каравайного ритуала. Точно так же на Урале (Нижний Тагил) вплоть до революции свадебный обряд бытовал во всей полноте народного, в основе своей севернорусского ритуала. В частности, великолепно сохранялась свадебная поэзия — песни и причеты. Вместе с тем в том же обряде довольно ярко отразилось городское влияние (в костюме и приданом невесты, в характере свадебного угощения, особенно, в новом выработавшемся этикете его подачи, в смешении народных и городских наименований свадебных чинов и т. д.).

В семейном быту рабочих удержались и родильные обряды, которые также значительно упростились. Из них выпали все архаические моменты, связанные с пережитками древних магических представлений. Ребенка крестили на третий-четвертый день после рождения. Имя ему давалось не по имени святого, приходившегося на третий день по рождении ребенка, а по выбору родителей. По возвращении из церкви устраивалось небольшое угощение, на котором, кроме крестных и небольшого круга родственников, обязательно присутствовала бабка-повитуха (если роды проходили на дому с ее участием). Бабку одаривали, но других связанных с ней обычаев, как это наблюдалось в крестьянском быту, не соблюдали. Дни рождения ребенка, точно так же как и его именины, в рабочих семьях, как в крестьянских, не отмечали. Именины справлялись, видимо уже под влиянием го-

родских традиций, только взрослых членов семьи (главным образом родителей). Это было новой по сравнению с крестьянством чертой семейного быта.

Похороны были церковными; по приходе из церкви устраивались поминки (с традиционным для этого случая блюдом —кутьей). Умершие поминались также в обычные, принятые церковью поминальные дни.

Новый общественный характер носили похороны борцов революции. Они совершались без церковных обрядов и выливались подчас в грандиозные революционные манифестации (например, похороны Н. Баумана в Москве).

Анализ обрядности, распространенной в рабочей среде, свидетельствует о том, что в первую очередь уходили из быта те обряды и обычаи, которые были связаны с земледельческим трудом (календарная обрядность), с общинным и большесемейным укладом; обычаи же семейные держались в рабочем быту более стойко. Соблюдались церковные праздники, однако церковь посещали главным образом представители старшего поколения, особенно женщины. Мужская рабочая молодежь в церковь почти не ходила. В массе рабочих — недавних выходцев из деревни соблюдались посты, причем не только главные, но и еженедельные (среда и пятница). В семьях высококвалифицированных рабочих посты почти не соблюдались, постились большей частью лишь в последние дни страстной недели. Одинокие рабочие-мужчины, питавшиеся артелью, постов, как правило, не соблюдали. В жилищах рабочих обычно висели иконы. Это, тем не менее, отнюдь не определяло еще духовного облика рабочего. Для рабочих-мужчин характерен был почти полный религиозный индиферентизм, который, уживался с традиционным укладом, поддерживавшимся в основном женщинами. Как свидетельствуют автобиографии многих передовых рабочих, среди них активно шел процесс отхода от религии, особенно среди молодежи, вступавшей в 900-х годах на путь революционной борьбы. В этом отношении весьма характерны ответы рабочих на вопрос о вероисповедании во время переписи, произведенной незадолго до революции в Петрограде: «никакого», «уже бросил всякую веру», «живу мыслью» или — «по паспорту православный» и т. п. Однако личные воззрения отдельных передовых людей не оказывали большого влияния на изменения в домашнем быту. Традиционные устои его еще были крепки.

Качественно новые черты в культурном облике рабочего особенно отчетливо проявились в период первой русской революции и в последующие годы в связи с развернувшейся повсеместно в России массовой политической работой. В этот период из передовых кадровых рабочих выделилась уже значительная прослойка рабочей интеллигенции. Пробуждение общественных интересов идейно сплачивало семью, способствовало ее моральному укреплению, что ярко раскрыто М. Горьким в романе «Мать».

ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало перестройке основ семейного быта. Прежде всего произошло юридическое раскрепощение женщины, уравнение ее в правах с мужчиной во всех областях жизни. Советское законодательство, начиная с первых своих декретов, исходило из понимания брака как свободного и равноправного союза мужчины и женщины, образующего семью, со всеми вытекающими отсюда обязательствами. Первые декреты Советской власти от 1917 г., а затем «Кодекс об актах гражданского состояния», принятый в 1918 г., признали правовое значение только за браком гражданским, зарегистрированным

в соответствующем государственном органе (загсе). Тем самым был лишен юридического значения церковный брак, который в первой половине 20-х годов оставался все же преобладающим не только в деревне, но и в пролетарских центрах. Была также введена свобода расторжения брака по инициативе любой из сторон. Существенные изменения в брачное законодательство были внесены Кодексом 1926 г., когда жизнью был поставлен вопрос о незарегистрированных брачных отношениях, тягостно отражавшихся на положении женщины. Фактический брак был полностью приравнен по своему правовому значению к браку зарегистрированному. В 20-х годах, и особенно 30-х годах, получили значительное распространение незарегистрированные браки. В первые годы Советской власти стремление к свободному брачному союзу в какой-то мере было вызвано общим революционным духом эпохи, ярко выраженным протестом против консерватизма бытовых устоев; в частности, это было очень характерно для рабочей среды. Такие браки были большею частью устойчивы; позже, когда в связи с законом от 8 июля 1944 г. они были фактически оформлены, многие из них имели давность более 10—20 лет. Юридическая простота оформления браков у менее сознательной части населения повлекла за собой безответственное отношение к брачным обязательствам. С победой социализма и упрочением материальной базы семьи в сознании масс все более крепло нетерпимое отношение к мелкобуржуазной распущенности в брачных отношениях. В целях дальнейшего укрепления семьи в 1944 г. юридические права были признаны только за зарегистрированными браками, одновременно был усложнен развод.

Складывание новых семейных отношений — процесс длительный и сложный, развивавшийся под влиянием всего комплекса политических, социально-экономических и культурных преобразований. Середина 20-х годов характеризуется ломкой традиционно-бытового уклада, резким ослаблением влияния церкви, что было особенно характерным для рабочей семьи. Перестали соблюдаться посты, участились случаи гражданских обрядов при рождении детей. Типичным явлением были поиски новых бытовых и обрядовых форм: стали устраиваться комсомольские свадьбы, октябрины (праздник по поводу рождения ребенка). Однако в целом семейный быт был еще очень противоречив. Резко сказывались культурные различия в рабочей среде, постоянно пополнявшейся из отсталых элементов деревни.

С ослаблением патриархальных устоев деревни большие сдвиги произошли и во внутреннем укладе крестьянской семьи, что в первую очередь сказалось на характере семейных отношений и, в особенности, на взаимоотношении поколений. Декрет о земле и распределение ее на новых началах (по числу членов семьи) устранили одну из основных причин, задерживавших семейные разделы. Первые годы советского периода характеризуются массовым распадом больших семей в тех районах, где неразделенная семья продолжала существовать. Процесс этот окончательно завершился в период коллективизации.

Значительно бо́льшую самостоятельность получила молодежь, которая стала играть активную роль в формировании новых элементов семейного быта. В отдельных случаях молодежь полностью порывала с традиционно-бытовым укладом (по отношению к браку, образованию и т. д.). Однако, пока экономической базой крестьянской семьи оставалось единоличное хозяйство, внутри семьи сохранялось в той или иной степени фактическое неравенство ее членов. Лишь победа колхозного строя создала основу для развития в семье социалистических отношений.

На современном этапе развитие прогрессивных сторон семейного быта стоит в теснейшей связи с характерными для современности процессами стирания национальных и социальных перегородок. В значительной мере этому способствуют смешанные (в национальном и социальном отношениях)

браки. Процесс национального сближения протекает с особой активностью в связи с изменениями в расселении больших людских массивов (освоение целинных земель, возникновение новых промышленных районов, бурное развитие старых промышленных центров и т. д.). На развитие новых черт семейного быта огромное влияние оказало и продолжает оказывать постепенное увеличение в составе семей прослойки интеллигенции. Этот процесс, начавшийся с первых лет Советской власти, при современных масштабах индустриализации страны и техническом перевооружении промышленности стал особенно интенсивным. Большое значение имеет и пополнение рабочего коллектива молодежью с законченным средним образованием. В большом числе современных семей подчас бывает трудно определить, к какой социальной категории их следует отнести. Обычными стали браки между представителями умственного труда (педагоги, врачи, инженеры и т. п.) и рабочими и колхозниками. Весьма значительна прослойка интеллигенции и в колхозных семьях. За последние годы получившая образование молодежь все чаше стала оседать в своих колхозах, еще больше содействуя развитию прогрессивных сторон семейного быта.

Все это не означает, что процесс социалистической перестройки семьи и семейного быта завершился. Отставание сознания, наличие буржуазных предрассудков в сознании отдельных людей, а в ряде случаев и недостаточное развитие культуры вызывают различные отступления от социалистической морали, проявления мещанства в быту и т. д. Значительная разница сохраняется еще в хозяйственном и культурно-бытовом укладе сельской и городской, в частности рабочей, семьи, что определяется не только существующими еще различиями между городом и деревней, но в значительной мере и семейно-бытовыми традициями.

Современная русская семья — городская и сельская — семья малая; чаще всего она состоит из двух поколений, т. е. из родителей (или одного из них) и их неженатых (незамужних) детей. Теперь сыновья, женившись, стремятся выделиться из родительской семьи. Несмотря на эту общую тенденцию, большую группу, особенно в сельских местностях, составляют семьи, состоящие из трех поколений, когда молодая супружеская пара проживает совместно с родителями (или с одним из них). Традиция, по которой один из сыновей обязательно оставался с родителями, поддерживается деревенским общественным мнением. Как правило, в первую очередь отделяются те молодые пары, у которых имеются младшие братья и сестры.

Наблюдения над жизнью современной деревни показывают, что стремление молодежи к личному и хозяйственному обособлению все более нарастает. За последние годы в ряде районов, где процесс сближения городского и сельского населения во всех областях жизни идет особенно интенсивно, все более растространенным становится отделение молодой супружеской пары от родителей и в тех случаях, когда у последних нет других детей.

Выдел в настоящее время не представляет больших трудностей. Колхозный трудодень дает возможность молодой супружеской паре быть не зависимой от родительской семьи. Вновь образующаяся семья получает поддержку со стороны колхоза: ей нарезается новый приусадебный участок, оказывается помощь в строительстве дома. Отделяющийся имеет право на свою долю в общесемейном имуществе. В соответствии со старой крестьянской традицией родители и другие взрослые члены оказывают ему посильную помощь (денежную и трудовую), выделяют из семейного имущества хозяйственный инвентарь, скотину и т. п. Связи между стариками-родителями и живущими отдельно детьми (особенно замужними дочерьми) остаются очень тесными; они сохраняются и тогда, когда молодая пара живет и работает вне родной деревни. Молодые помогают родителям, а старики родители нередко воспитывают малолетних внуков. Очень распростра-

нено совместное проживание со стариками-родителями (или с одним из них) овдовевшей дочери с детьми. Совместная жизнь вдовы-снохи с семьей покойного мужа в настоящее время почти не встречается, и в этом сказываются отчасти отрицательные традиции прошлого. Ей либо выделяется отдельное помещение в том же доме, либо она уходит в родительский дом, если там нет женатого сына. Как явление новое следует отметить случаи, когда семейная пара принимает на свое иждивение овдовевшую мать жены (тещу). Во многих станицах Кубани широко распространены семьи, в которых молодые супруги живут с родителями жены, причем переход молодой пары зачастую бывает и в тех случаях, когда сын оставляет одинокую мать или зять входит в многочисленную семью тестя. В Рязанской обл. (с. Кораблино), по наблюдению этнографов, зять-приймак в семьях такое же заурядное явление, как невестка. Все это — яркое проявление того, как рушатся традиционные представления, унаследованные от патриархального семейного уклада.

Структура городской семьи, в частности рабочей, более гибка и подвижна, менее стеснена традициями, вытекавшими из имущественных отношений. Более характерно совместное проживание родителей с замужней дочерью и ее семьей, чем с женатым сыном. В большинстве же случаев женатые (и замужние) дети живут отдельно. Это в значительной степени связано с введенным в 1956 г. новым законом о пенсиях по старости и потери трудоспособности, материально и морально упрочившим положение престарелых людей. В городских семьях, связанных родственными узами с деревней, часто проживают побочные родственники (со стороны мужа и жены), получающие в городе образование.

Значительные изменения по сравнению с прошлым произошли в численном составе семьи. Как показали данные всесоюзной переписи 1959 г., а также этнографические обследования, проведенные в различных областях РСФСР, наиболее значительную группу среди русского сельского населения составляют семьи в три—четыре человека (в среднем — 44,6% от общего числа семей; по отдельным областям этот процент колеблется от 41,6 до 51,3). Семьи из пяти человек и выше составляют 27,7%; по отдельным областям — от 19,9% до 33,8%. Это по преимуществу многодетные семьи или же семьи из трех поколений.

В Сибири в среднем семьи крупнее. Судя по данным выборочных обследований в некоторых районах Приангарья и Забайкалья, в этих районах семьи в три — шесть человек (в Приангарье — три-семь человек) составляют более 70%.

В городах и в селах одиночки в преобладающем большинстве — женщины, по преимуществу вдовы. Существование этой категории населения объясняется последствиями войны.

Городская семья, в частности рабочая, несколько меньше сельской (колхозной). Основную ее часть также составляют семьи в три—четыре человека. Семьи численностью в пять человек и выше в среднем составляют 20,2%; по отдельным областям этот процент колеблется от 14,1 до 24,7. В сельских промышленных районах рабочая семья как по своей структуре, так и по численному составу приближается к колхозной.

Основой перестройки быта и семейного уклада явилась социалистическая экономика, на почве которой сложились принципиально новые семейные взаимоотношения. Огромное значение имел и общий рост культуры деревни, проникновение в крестьянскую среду новых взглядов, нового общественного мировоззрения.

Материальная база современной колхозной семьи — доходы, получаемые членами семьи от общественного хозяйства. Значительную, хотя и дополнительную, роль в бюджете семьи продолжает играть личное подсобное хозяйство. Недвижимое имущество колхозного двора, равно как и скот, составляют коллективную собственность семьи, что до настоящего

31 Заказ № 888

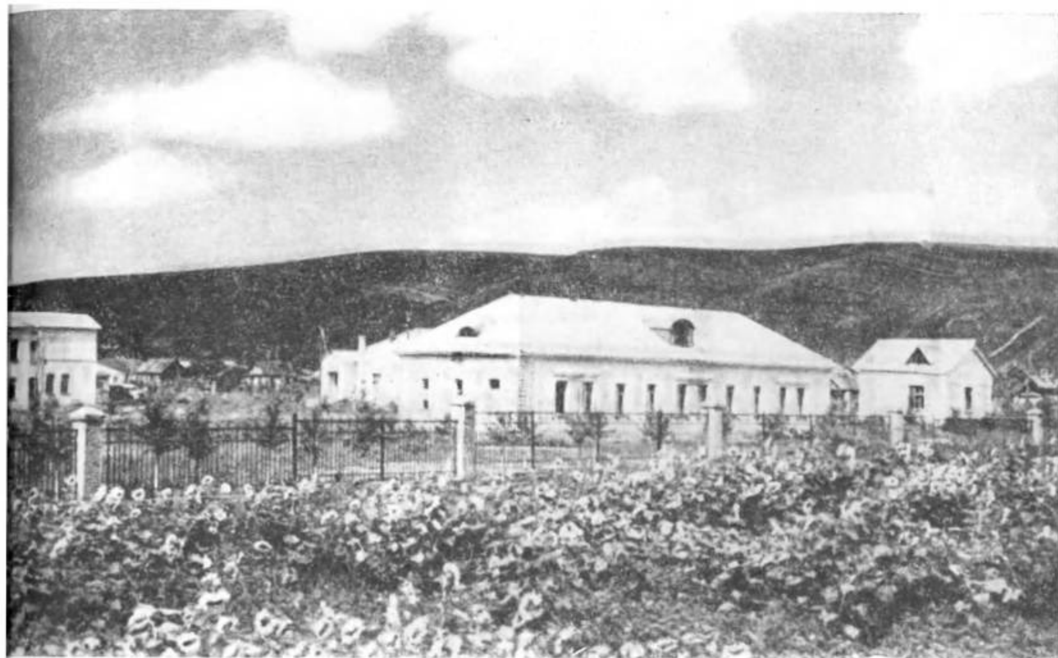
Больничный городок в поселке

времени определяет некоторые особенности имущественных отношений в колхозной семье и в известной мере внутрисемейные порядки.

В противоположность старой, построенной на патриархальных началах, семье внутренние взаимоотношения в современной колхозной семье строятся на правилах социалистического общежития и равноправия всех взрослых членов.

Экономическая независимость женщины, ее новое общественное лицо обусловили и новую роль в семье. Женский труд играет большую роль в колхозном производстве, и заработки женщин составляют большую часть семейного бюджета. Огромное значение имеет также та забота, которой окружена в советском обществе женщина-мать. В настоящее время все более крепнет ее авторитет как хозяйки и воспитательницы детей, как организатора бытового уклада семьи. В большинстве случаев трудно бывает определить, кто из супругов играет в семье ведущую роль. Теперь официальный глава семьи — лишь представитель семейного коллектива по хозяйственным делам, юридически ответственный перед государством за своевременный взнос платежей и налогов. Все важнейшие дела в семье решаются по взаимной договоренности супругов и совместно с другими взрослыми членами семьи. В настоящее время дети обычно отдают заработок родителям, обычно «казначеем» в семье бывает мать, и общесемейные средства расходуются в соответствии с потребностями хозяйства и нуждами отдельных членов семьи.

Более сложно и противоречиво складываются взаимоотношения в семьях, где молодая пара живет со стариками-родителями. Как и раньше, все доходы (не только натуральные, но и денежные), получаемые молодой семьей, поступают в общий бюджет. Молодая пара, как правило, участвует в распределении общесемейных средств, но такой порядок все же ограничивает ее возможности устраивать свою жизнь соответственно своим вкусам; разница поколений в привычках подчас еще бывает значительной, что приводит нередко к трениям. Меньше разногласий возникает в семьях,

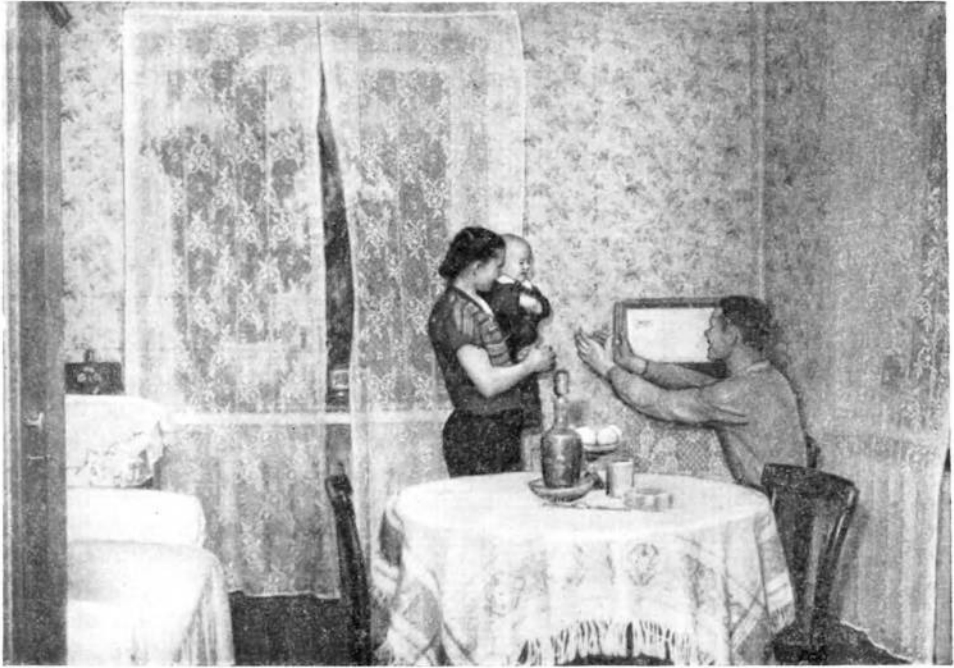


Калтан (Кемеровская обл., 1955 г.)

где представители старшего поколения — люди с более широким кругозором и передовым мировоззрением, активные участники колхозного строительства. Особенно разительны те изменения, которые произошли в положении невестки (снохи) и прежде всего во взаимоотношениях ее со свекровью. В распределении труда между ними сохраняются некоторые традиции — готовит пищу обычно свекровь, а невестка ей помогает. Однако суть взаимоотношений уже другая, и от прежнего беспрекословного подчинения и полной зависимости от свекрови не осталось и следа. В период летних наиболее напряженных работ в колхозе свекровь обычно полностью освобождает невестку от домашнего хозяйства. Те же черты взаимоуважения и взаимопомощи отличают семейный коллектив в целом. Молодые супружеские пары не придерживаются уже традиционного разграничения в работах. Молодые мужья зачастую помогают женам в прополке огорода, в уборке урожая и во многих других работах. В семьях, где имеются трудоспособные старики, основные работы по подсобному хозяйству ведутся ими, при некоторой помощи других членов семьи. Кое-какие моменты в разделении труда между членами семьи остались от старых традиций: например, в уходе за скотиной во многих местах еще сохраняется традиционное деление на мужские и женские работы.

Решающее значение для развития прогрессивных сторон семейного быта в условиях колхозной деревни имеют новые явления, которые возникают в деревне в ходе дальнейшего развития колхозного строя, что в конечном счете ведет к ликвидации социально-экономических и культурных различий между городом и деревней. Эти изменения, которые особенно заметны во многих экономически развитых колхозах, в значительной мере определили развитие многих новых черт в хозяйственном и семейно-бытовом укладе населения.

Принципиально новый характер семейных взаимоотношений еще в большей степени присущ рабочей семье. Многие лучшие черты современного семейного уклада идут еще от традиций потомственной рабочей среды:



В квартире каменщика (Хорошово-Мневники, Москва, 1959 г.)

взаимоуважение и дружба между ее членами, большой авторитет женщины в семье. Как это исстари повелось в рабочих семьях, заработанные деньги хранятся у матери семейства, которая является и главной распорядительницей средств. Понятие о главенстве в семье здесь не только почти совершенно стерто, но зачастую и принципиально отрицается, что особенно характерно для молодых семей. Несмотря на неуклонный рост культурно-бытового обслуживания, наличия в городах коммунальных удобств, все большую механизацию домашнего труда, повседневная трудовая нагрузка городской женщины в домашнем хозяйстве остается большой, что оставляет ей по сравнению с мужчиной меньше свободного времени для культурного отдыха и повышения своего образования. Тем не менее, как показали выборочные обследования бюджетов времени трудящихся, проведенные в 1958—1960 гг. в ряде городов и промышленных пунктов Сибири, за последние годы не только сократилась разница в свободном времени мужчин и женщин, но и в характере его использования. В этом сказываются не только современные условия труда и быта семьи и ее общий культурный уровень, но и новый характер семейных взаимоотношений, взаимопомощь и забота членов семьи друг о друге. Особенно ярко это проявляется в семьях, где женщина работает. Характерно, например, что при невозможности совместного проведения досуга при работе в разные смены, один из супругов всегда дает возможность другому посмотреть хорошую кинокартину или принять участие в каком-либо культурном или общественном мероприятии. Большой заботой окружает один из супругов другого, когда тот учится и т. д.

Несколько иначе, чем в колхозной семье, строятся в рабочих семьях и взаимоотношения при совместном проживании молодых супругов с родителями. В рабочей среде довольно часто встречаются семьи, где молодая пара живет единым бюджетом с родителями. Однако чаще молодая пара отчисляет лишь часть своего заработка на общее питание семьи, остальные же средства расходует по собственному усмотрению на себя и на детей

Празднование «золотой» свадьбы в семье пенсионера (Москва, 1961 г.)

(на одежду, приобретение мебели, культурные расходы и т. д.). Если родители (или один из них) работают или получают пенсию, то часть их заработка также идет на общее питание. Такой порядок не стесняет самостоятельность молодежи и не ущемляет интересы родителей.

Современную семью (и рабочую, и колхозную) отличает неизмеримо выросший культурный уровень. В прошлое ушла былая социально-культурная замкнутость.

Теперь передовая рабочая семья по своему укладу, характеру интересов и духовных запросов, уровню материального быта сближается с семьей интеллигентской.

Наиболее распространенными видами культурного отдыха рабочих, особенно крупных городских центров, является посещение кино и театров, просмотр телевизионных передач. Молодежь (особенно учащаяся в высших учебных заведениях) охотно посещает концерты. Излюбленные места отдыха — рабочие клубы и дворцы культуры. Молодежь принимает активное участие в художественной самодеятельности, занимается различными видами спорта. Семьи обязательно выписывают на дом газеты и журналы. Почти в каждой семье имеются собственные книги, а иногда и довольно значительные библиотеки. Так, например, по данным обследования, проведенного в Свердловске, каждый третий рабочий-машиностроитель имеет домашнюю техническую библиотеку. Все чаще молодые рабочие пополняют свои библиотеки подписными изданиями классиков отечественной и мировой литературы.

Точно так же и в быт колхозной семьи широко вошло слушание радиопередач (особенно концертов народной песни, лекций по сельскому хозяйству, о воспитании детей и т. п.), посещение клуба и кино, выписывание на дом и чтение газет, книг. Все шире распространяется и телевидение. За последние годы все более стирается резкая разница, которая наблюдалась в использовании досуга представителями разных поколений в семье.

В пионерском лагере (Саратовская обл., 1958 г.)

В крупных общественных хозяйствах, где культурная жизнь более разнообразна и богата, культурные мероприятия посещают сейчас не только молодежь, но и люди среднего и пожилого возраста. На Кубани, например, абонементы в университеты культуры покупаются по несколько штук на семью. Все это способствует идейному сближению членов семьи.

В настоящее время уже вполне утвердился образ жизни, характерный в общих чертах для всех слоев советского общества. В быт современной семьи прочно вошли новые обычаи. Общей традицией стало отмечать в семье такие праздники, как годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, день 1 Мая, День Конституции (5 декабря), празднование Международного женского дня (8 марта) с установившимся обычаем поздравлений и подарков. За последние годы повсеместно вошел обычай празднования Нового года всей семьей, с торжественным ужином и тостами, в то время как еще совсем недавно в сельских местностях Новый год справлялся лишь в молодежных компаниях. Широко принято устраивать новогоднюю елку для детей. Празднуются также и дни рождения; они почти совсем вытеснили празднование именин. В городской среде торжественно отмечаются годовщины бракосочетания, особенно «серебряные» и «золотые» свадьбы.

Летом детей обычно вывозят за город, что раньше было доступно лишь обеспеченным классам. Многие рабочие семьи отправляют детей на все лето к родственникам в деревню. Огромное число детей отдыхает в пионерлагерях, в детских садах, расположенных в дачных местностях. Работающие члены семьи проводят свои отпуска в домах отдыха, в санаториях.

Детский санаторий в Анапе (1962 г.)

Посещение фельдшером ребенка (Свердловская обл., 1957 г.)

Охотники у костра на Московском море (1958 г.)

За последние годы распространение получил, особенно среди молодежи, туризм. В некоторых местностях (в частности, эта традиция сильна на Урале) рабочие предпочитают во время отпуска самодеятельный отдых, в частности, выезды на рыбалку, на охоту и т. п. Характерны также выезды всей семьей в воскресные дни за город — за ягодами, за грибами, на пляжи и т. д.

Ни в чем, быть может, так ярко не сказались черты нового в современной семье, как в методах воспитания ребенка. Это один из наиболее ярких показателей общего культурного роста населения. Большую роль здесь сыграли широкая пропаганда педагогических и медицинских знаний и хорошо налаженный патронаж детей младенческого возраста. Обращение к бабкам, к различным суеверным способам лечения, столь распространенные в прошлом, в настоящее время почти изжиты. Роды происходят в родильных домах, а если, как это иногда случается в сельских условиях, на дому, то всегда с фельдшерицей, а не с бабками-повитухами. Систематически проводимые патронажные мероприятия дали свои положительные результаты. В большинстве семей и в городе и в деревне ребенка кормят по часам; в рацион грудных детей вошел рекомендуемый прикорм — соки, витамины; для более старших готовится специальная пища. В ежедневный режим ребенка с самого раннего возраста введены систематические прогулки на свежем воздухе, о чем не было и речи в старых крестьянской и рабочей семьях. Дети содержатся чисто, их регулярно купают, меняют белье; в повседневный быт, а не на показ, как то было раньше, вошли детские простыни, наволочки; в любой семье имеется достаточный комплект детского белья. Немалые суммы из семейных бюджетов расходуются на приобретение детской одежды, обуви, головных уборов и т. д. В повседневный обиход вошли детские коляски, кровати, специальная детская мебель, детская посуда. С раннего возраста детям покупаются игрушки, детям постарше — коньки, лыжи, велосипеды; в редкой семье в настоящее время нет детских книжек; ребенку сызмальства читаются сказки, расска-

Дети колхозников отправляются в школу на велосипедах
(Московская обл., 1959 г.)

зы, стихи. Сельский ребенок по кругу своих представлений не уступит сейчас городскому ребенку. Детям школьного возраста по возможности отводят в доме определенное рабочее место, а если позволяют жилищные условия, отдельную комнату. В большинстве случаев родители внимательно следят за учебой детей, проверяют выполнение домашних заданий, посещают родительские собрания. Школьники всегда обеспечены учебниками, книгами, тетрадями. Большое внимание уделяется в семьях выработке с детства трудовых навыков у ребенка, что является общей чертой современного воспитания. На принципе сочетания общего образования с производственным трудом построена в настоящее время вся советская школа. Сельские дети проходят хорошую трудовую подготовку и в колхозе, где они работают обычно в летнее время. При некоторых сельских школах организованы ученические бригады, за которыми в колхозном поле закреплены определенные участки. Производственная практика организована сейчас и в городских школах.

Родители проявляют большое внимание и к культурным запросам детей. Условия города позволяют шире приобщать детей к культуре, заботиться о их всестороннем развитии и эстетическом воспитании. Родители посещают с детьми детские спектакли, цирк, зоопарк, зачастую музеи и картинные галереи, поощряют участие детей в хореографических, музыкальных, спортивных кружках. Наиболее способные дети учатся в музыкальных и других художественных школах; во многих рабочих семьях, где дети учатся музыке, уже не редкость пианино.

Всестороннему внешкольному воспитанию детей способствует широкое развитие в СССР сети упомянутых культурных учреждений: детских библиотек, спортивных, музыкальных, и других школ и училищ; огромная воспитательная работа проводится в Дворцах пионеров, имеющихся во многих городах страны. В стенах Дворцов пионеров было заложено начало деятельности большого числа прославленных специалистов в самых различных отраслях науки и искусства, шахматистов и т. п.

Пионеры-школьники работают в колхозном саду (1959 г.)

Наряду со всем тем новым и положительным, что прочно вошло в семейный быт, сохраняются еще отрицательные явления, препятствующие нормальному воспитанию детей. Несмотря на значительный рост сети детских учреждений (яслей, садов), потребность в них и в городе и в деревне еще очень велика. Не всегда достаточен присмотр за детьми, отсюда отрицательное влияние улицы на ребенка; в ряде случаев сказывается и невысокий культурный уровень самих родителей. Вполне очевидно поэтому огромное значение, которое приобретает наряду с воспитательной ролью семьи общественное воспитание детей.

Социалистические преобразования глубоко затронули и брачные отношения. За послереволюционные годы коренным образом изменилось отношение к церковному обряду. Перелом в этом отношении произошел уже в 30-е годы, когда среди рабочего и сельского населения число церковных браков резко упало. В настоящее время церковный брак встречается в единичных случаях. Повсеместно на территории Советского Союза производится гражданская регистрация брака. Во многих сельских местностях в силу традиции оформление брака считается завершенным лишь после того, как «сыграна» народная свадьба. Теперь уже вошло в обычай регистрировать брак одновременно с проведением свадьбы, но во многих районах (на Кубани, в Прибайкалье, Приангарском крае) имеют значительное распространение случаи регистрации брака спустя некоторое время после проведения свадьбы, иногда с появлением первого ребенка.

Весь духовный облик молодежи, ее образ жизни, способствует живому взаимоотношению, дружбе. И если для передовой части рабочей молодежи подобный склад взаимоотношений был в какой-то мере характерен и для прошлого, то для крестьянина это явилось результатом коренной ломки традиционного уклада жизни.

Отдельные обследования, проведенные главным образом в колхозной среде, указывают на известное повышение брачного возраста по сравнению с дореволюционным временем. В настоящее время отсутствуют те экономические причины, которые побуждали крестьянство к ранним бракам. Теперь, как правило, мужчины женятся уже по возвращении из армии, т. е. в возрасте 22—25 лет. Девушки выходят замуж большею частью в 18—22 года. Понятие «перестарка», когда девушка свыше 20 лет, по традициям старой деревни, не могла рассчитывать на брак, отпало. Особенно замет-

ный перелом в этих воззрениях наблюдается у сельской молодежи, учащейся в высших учебных заведениях; девушки в таких случаях не спешат с замужеством. Средний брачный возраст городской молодежи, видимо, менее устойчив и несколько выше, чем в сельской среде.

Заключение браков в сельских местностях происходит главным образом, как и в старину, в осенне-зимний и весенний сезоны, что объясняется спецификой хозяйственной жизни деревни. В городах браки заключаются в течение всего года, но особенно принято их приурочивать к октябрьским и майским праздникам. Существенные изменения произошли и в народном свадебном обряде, который сохраняется в колхозной среде. Он сократился в своих сроках и упростился. Если раньше народная свадьба представляла собой сложный комплекс взаимосвязанных обрядов, то теперь большая часть их совсем отпала. Резко сократился предсвадебный период. Наиболее устойчивым оказался обычай сватовства. Официальный сговор между родителями обеих сторон считается и сейчас повсюду обязательным. Однако поскольку о вступлении в брак договариваются сами молодые люди, роль сговора сводится по существу лишь к решению связанных со свадьбой хозяйственных вопросов (о предстоящих расходах, дне свадьбы, числе ее участников). Приданое теперь не имеет экономического значения, и в тех случаях, когда девушка не может его приобрести, это не является препятствием к заключению брака. В некоторых местностях, особенно с давними пролетарскими традициями, о размерах приданого даже не договариваются. В некоторых районах от старых традиций сохранился обычай «гляденья дома жениха» (Калининская обл.), или «смотреть стены» (на Кубани). Теперь этот обычай выполняется лишь в тех случаях, когда жених и невеста из разных селений, и сводится к более близкому знакомству будущих родственников. Из предсвадебного цикла почти повсеместно выпало рукобитье (запой). Там, где этот обряд еще соблюдается, он сохранился в старом своем значении, и ни одна из сторон после него не может отступиться от согласия на брак. В таких случаях (Тамбовская обл.) рукобитие закрепляется регистрацией в загсе непосредственно после запоя, и молодая пара большей частью фактически вступает в супружеские отношения. Однако, пока не сыграна свадьба, молодая продолжает оставаться в родительском доме. По понятиям населения, традиционный свадебный обряд и нужен для того, чтобы молодая могла перейти в дом мужа.

Новое крепко упрочившееся положение женщины в семье и коллективе наложило свой отпечаток на весь свадебный обряд. Из него исчезли моменты, обусловленные подчиненным положением женщины в прошлом (например, оплакивание невестой своей девичьей воли). Изменилось поведение просватанной девушки. Теперь молодежь и после сговора продолжает по-прежнему встречаться друг с другом (в клубе, кино, у себя дома) Поэтому совершенно отпали традиционные свадебные посидки с посещением невесты женихом. В большинстве местностей отпал и девичник. Там, где он сохранился (например на Кубани, на Дону), он принял характер молодежной вечеринки с соблюдением некоторых традиционных моментов (величание гостей, одаривание и т. д.).

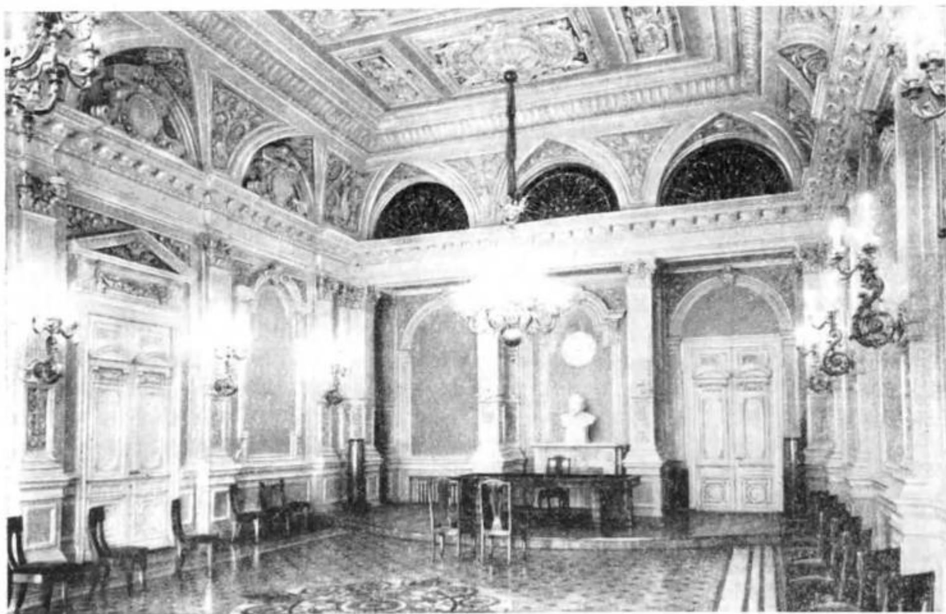
Повсеместно наиболее стойкой оказалась собственно свадьба, которой, как и раньше, придается большое значение. Свадьба длится теперь большею частью два-три дня. На нее собирается не менее 30—40 человек; если раньше это были многочисленные родственники и свойственники, то теперь принято приглашать друзей по работе, представителей колхозной и сельской общественности. В свадьбе сохраняются ее основные традиционные моменты в их обычной последовательности: одевание невесты, приезд за ней жениха и разыгрываемая при этом сценка выкупа места подле невесты. В некоторых местностях сохранился игровой обычай «продажи косы невесты», символичность которого подчеркивается тем, что у невест

теперь большею частью короткая стрижка. Соблюдается благословение родителями жениха и невесты перед их отъездом в дом жениха. К этому моменту приурочивается поездка молодой пары в сельсовет для регистрации брака, причем этот акт органически вошел в народный свадебный церемониал.

Сохраняется также обычай устройства «преград» по пути следования свадебного поезда, украшения его цветами и лентами (борта автомашины «бантят»). В день свадьбы утром или накануне ее перевозится приданое невесты, чему предшествует шутливый торг («выкуп приданого»). Свадебный пир в доме молодого, являющийся центральной частью торжества, сопровождается песнями и плясками. В отличие от прошлого, в общем веселье принимает участие и молодая. Удерживаются и обычаи второго дня свадьбы — посещение молодыми родителей невесты и заключительный свадебный пир в доме молодого с «золочением» молодой и разыгрыванием ряда шуточных сценок. Весь этот комплекс обрядов в разных местностях чрезвычайно разнообразен. В ряде районов народный свадебный обряд бытует в настоящее время и в более полной форме (Кубань). С другой стороны, часто заключение брака сопровождается простой семейной вечеринкой.

Традиционный свадебный обряд бытует до сих пор и среди некоторой части рабочих. Особенно это характерно для старейших промышленных центров с их издавна сложившимся рабочим населением, продолжающим большею частью жить на старых дедовских усадьбах, в тесных родственных и соседских связях, что видимо, и является главной причиной устойчивости традиционного быта. Одним из ярких примеров может служить Нижний Тагил, среди коренного населения которого до сих пор бытует старинная уральская свадьба. В городах молодежь, недавно вышедшая из деревни, уже не исполняет народного свадебного обряда. Оторванная от своей среды, она быстрее порывает с традиционными формами быта. В среде городской молодежи в настоящее время всеобщее распространение получила простая свадебная вечеринка, сводящаяся к торжественному ужину, песням и танцам. Как попытку создания нового свадебного церемониала можно рассматривать так называемые комсомольские свадьбы, возникшие по инициативе городской молодежи и за последние годы проникшие в сельскую среду. Характерно, что в сельской среде они включают в себя элементы народной свадебной традиции. Таковы, например, комсомольские свадьбы, устраиваемые на Кубани. В передовой рабочей среде традиция комсомольской свадьбы все более крепнет. Чаще всего ее устраивают передовики производства, и в таких случаях свадьба принимает широкий общественный характер. Она устраивается всем цехом (или обоими цехами, в которых работают молодые), и гостей набирается иногда более 100 человек. Свадьба происходит в этих случаях в клубе или дворце культуры. В торжественной обстановке происходит и регистрация брака (в районном загсе или во дворце бракосочетаний). По приезде молодых из загса их встречают родители с хлебом и солью. За свадебным столом поются свадебные песни, но не традиционные народные, а новые, созданные советскими композиторами. Во всем этом церемониале сказывается желание придать торжественность, подчеркнуть социальное значение брака, приводящего к образованию новой семьи.

Наряду с тем новым, что составляет основное содержание жизни современной семьи, в семейном быту продолжают удерживаться некоторые косные традиции. В семье дольше, чем в общественной жизни, удерживаются различного рода пережитки — бытовые и религиозные. Более стойко они держатся в сельской среде, что в значительной мере объясняется спецификой деревенского коллектива, тесно спаянного родственными и соседскими отношениями, в силу чего моральное давление окружающих, боязнь их осуждения продолжает сказываться на многих сторонах сельско-



Дворец бракосочетаний (Ленинград, 1959 г.)

го быта, в частности, и в бытовании некоторых элементов религиозно-обрядовой жизни.

Однако это не имеет ничего общего с той религиозной регламентацией быта, которая была столь характерна для дореволюционного времени, особенно в деревне.

Повсеместно устраивают празднества по случаю рождения ребенка. Они, как и раньше, носят название «родины» (в некоторых районах по традиции их продолжают называть «крестины») и устраиваются тотчас же после выхода матери из больницы. Если ранее эти празднества были связаны с крещением ребенка, то теперь их устраивают независимо от того, крещен ребенок или нет. Обычный в таких случаях обед сопровождается обильным угощением, но без традиционной «крестильной каши». Кроме родственников, приглашаются соседи и товарищи по работе. Ребенку кладут «на зубок» — подарки и деньги. Отсутствие бабки-повитухи, запретов в отношении родильницы, а главное, само устройство родин до того, как ребенок крещен, лишает современное празднество традиционного обрядового значения. В настоящее время это просто семейный праздник по случаю рождения ребенка, наречения ему имени и придерживаются его буквально все. Праздник по случаю рождения ребенка у кого-либо из членов бригады коммунистического труда отмечается обычно при участии всего коллектива бригады.

Относительно стойко удерживаются в сельских местностях традиционные обряды, связанные с погребением умерших. По приходе с кладбища устраиваются поминки. Продолжает соблюдаться также обычай поминовения умерших в особо установленные традицией дни (с посещением кладбища). Такие старые элементы похоронного обряда, как причитания и плачи по покойнику в большинстве районов расселения русских исчезли.

В случае смерти членов партии или комсомола, представителей общественности, а сплошь и рядом и рядовых тружеников, теперь и в селах уже устраивают гражданские похороны по установленному для таких случаев ритуалу: с установлением гроба в клубе или сельском дворце

культуры, проведением гражданской панихиды, с траурной процессией в сопровождении духового оркестра и т. д.

Отход от религиозных устоев более глубок и последователен в потомственных рабочих семьях, что и естественно, так как он явился логическим завершением процесса формирования атеистического мировоззрения, начавшегося в передовых рабочих слоях еще задолго до революции. Погребение умерших по церковному ритуалу совершается еще среди некоторой части рабочих, особенно, если есть пожилые родственники умершего. Очень стойко держатся обычаи поминок, устраиваемых семьей после прихода с кладбища, а также посещение кладбища, однако это уже не столько религиозная, сколько бытовая традиция.

* * *

В условиях экономического и культурного роста страны происходит изживание культурно-бытовых перегородок между различными социальными слоями населения. Теперь подчас бывает трудно определить, к какой социальной категории может быть отнесена та или другая семья (особенно рабочая), чему в значительной мере способствует распространение смешанных в социальном отношении браков. Образование прослойки интеллигенции внутри семьи (рабочей и колхозной) играет важную роль в перестройке ее быта, в складывании новых его форм.

Наметившиеся за последние годы качественные изменения в быту колхозной семьи в большой степени связаны с новой организацией сельскохозяйственного производства, приближением его к труду в промышленности, что явилось важнейшим фактором все большего сближения сельской семьи по ее культурно-бытовому укладу, по характеру семейных взаимоотношений с семьей городской.

В быту советской семьи (всех социальных прослоек) все большую роль играет последовательно проводимое обобществление форм удовлетворения ее материально-бытовых нужд. Это уже сейчас приводит к значительному высвобождению женщины от домашнего труда и к более интенсивному включению ее в производство, в общественную и культурную жизнь.

Складывается единый тип советской семьи, в корне отличной от буржуазной. Наиболее характерной чертой советской семьи является все более возрастающая ее связь с обществом и его жизнью. Само возникновение супружеского союза на основе взаимной склонности мужчины и женщины меняет положение женщины в семье, укрепляет ее авторитет. В ходе построения коммунистического общества создаются необходимые условия для окончательной ликвидации пережитков неравенства женщин, в частности, «для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством»[1]. Участие мужа и жены в трудовой и общественной жизни активно связывает семью с коллективом. Семья теряет черты прежней замкнутости и изолированности. Воздействие передовой общественности на семью способствует быстрейшему изживанию вредных и косных традиций семейного быта. Складывающийся в этих условиях домашний уклад, основанный на душевной близости и живом общении членов семьи, оказывает положительное влияние на подрастающее поколение и содействует росту здоровой в физическом и моральном отношении молодежи.

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 393.

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ И ЕЕ ОБЛАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

На протяжении многовековой истории русский народ создал богатое и разнообразное устное поэтическое творчество — песни, былины и исторические песни, предания и легенды, сказки разных типов, частушки, пословицы и поговорки, игры и драматические сценки, обрядовый фольклор — календарный и семейный, причеты и другие жанры.

В процессе формирования русской народности на основе общего для всех восточных славян фольклора в Киевской Руси складывалась устная поэзия со своеобразным содержанием и стилем. Она развивалась с изменением общественно-политических и бытовых условий, пополняясь все время новыми произведениями. Произведения и даже целые жанры, не соответствовавшие новой обстановке и воззрениям, забывались или существенно перерабатывались. Уменьшался постепенно удельный вес обрядовой поэзии, но она все же долго сохранялась как обязательная принадлежность быта; в некоторых местностях обряды сохранялись и в XIX— начале XX в., но они утратили свою цельность и смысл, а песни, сопровождавшие их порою, отрывались от обряда и исполнялись в любое время как лирические. Все большее значение получали произведения на общественно-политические и бытовые темы, число которых неуклонно возрастало. В связи с новыми потребностями возникали новые жанры. Так, в XVI в. ведущим историческим жанром стали исторические песни; позже особое развитие и значение приобрела острая социальная сатира.

С углублением социальных противоречий коренным образом изменились условия бытования устной поэзии и отношение к ней разных социальных групп, а вместе с этим изменялась и ее сущность. С начала XVIII в. углубляется разрыв между культурой господствовавших классов и народных масс. Это привело к тому, что устная поэзия стала искусством только трудящихся масс, главным образом крестьян; отчасти сохранилась она в средних и низших слоях городского населения.

Бытование устной поэзии в крестьянской среде определило ее сущность. Она стала выразительницей крестьянского мировоззрения, отражала семейный и общественный быт русской деревни; ярко отразилось в ней классовое расслоение крестьянства, усилившееся с развитием капитализма.

На огромной территории, заселенной русскими, развитие фольклора шло не одинаково. Условия формирования населения, его исторические судьбы, различие в занятиях и бытовом укладе привели к образованию областных особенностей, границы распространения которых в большинстве случаев совпадают с областями, выделяемыми и по другим этнографическим признакам. Отчетливо прослеживается различие между устной поэзией русского Севера и центральных и южных областей. Различие это можно видеть на наиболее устойчивом обрядовом фольклоре. Так, например, в Центральной России, на территории бывшего Великого Московского княжества, и в Поволжье пелись колядки с припевом «овсень» («туасень» и т. п.). На севере был создан особый тип величальных рождественских песен с припевом «виноградье красно-зелено мое». Существенно различался и свадебный обряд[1]. Для севера характерны эпические жанры. Там выработался своеобразный эпический стиль, были свои любимые сюжеты и образы; дольше всего сохранялся эпос и рассказывались длинные сказки; эпический характер приобрели исторические песни XVI—XVII вв. и даже причеты — жанр по своей сущности лирический.

Для южных и центральных губерний характерны были короткие лири-

[1] См. главу, посвященную семье и семейному быту.

ческие и сатирические произведения. Жестокий крепостной гнет, которого крестьяне Крайнего Севера не знали, и нищета населения усиливали интерес к социальной проблематике, к произведениям, раскрывающим классовые противоречия. Широко распространены были здесь антибарские и антиклерикальные сказки, песни и пословицы, предания и песни о разбойниках — народных мстителях. Фольклор южных районов, пограничных с Украиной, связан и с украинским.

Значительным своеобразием отличался фольклор Среднего и Нижнего Поволжья. Пестрота состава русского населения — выходцев из разных губерний, бежавшего от притеснений, переселенного или пришедшего сюда в поисках заработка,— большие передвижения по основной русской водной артерии привели к скрещению здесь разных областных стилей. В Поволжье можно было услышать и севернорусскую былину, и южнорусскую сатирическую песню, и типично казацкую песню. Характерны для Поволжья песни о кормилице Волге-матушке, песни бурлаков и грузчиков и, особенно, песни о вольной-волюшке, об удалых молодцах, «гулявших» по Волге и расправляющихся с купцами и губернаторами, песни и предания о Степане Разине.

На Урале были распространены предания об Ермаке, с памятью о котором здесь, как на Волге с Разиным, связаны многие места, о первых русских переселенцах, о жизни и работе в суровых природных условиях. Здесь также скрещивались разные областные традиции; на южном Урале распространена была казацкая традиция, в некоторых районах — украинское влияние. На Урале — старейшем центре горнозаводской промышленности — сформировался и рабочий фольклор с его своеобразными жанрами: «тайные сказы», предания, песни.

Специфические черты имеет казачий фольклор. В быту казаков, в мирной жизни и во время походов, особенное значение имели песни — исторические, походные, беседные. В них поется о жизни казака дома, в походе, во время службы на границе, о боевых подвигах, о верном коне (в более старых песнях казаки рисовались плывущими на корабле или лодке). Казацкие песни отличаются своеобразным распевом. Для песенного фольклора и преданий казаков XVI—XVIII вв. характерны идеализация казацкой общины, подчеркивание особого положения казачества (Дон, Терек, Яик пожалованы казакам царем, чаще Иваном Грозным, в вечное владение, и они могут здесь жить, как хотят), ненависть к боярам и чиновникам. Любимый герой всех казаков — Ермак, а донских также и Степан Разин; у уральских казаков широкое распространение получили легенды о Пугачеве — царе Петре III.

Разнообразен, но, к сожалению, еще далеко недостаточно изучен фольклор русского населения Сибири, переселившегося сюда вольно или невольно в разное время и из разных губерний. На северо-востоке Сибири сохранялись произведения, принесенные первыми поселенцами — поморами, промышленниками. В 1946 г. Т. А. Шуб записал в Русском Устье ряд былин и исторических песен, сохранивших архаические черты. Значительное место занимал в Сибири казачий фольклор, в котором встречались и местные песни. В Сибири были сделаны записи наиболее раннего рабочего фольклора (песня конца XVIII в.— «О, се горные работы», созданная крепостными рабочими Змеиногорских рудников на Алтае). Характерны для Сибири песни о каторге, о ссыльных, пострадавших «не за пьянство и буянство и не за разбой», а «за крестьянский мир честной», о бродягах, бежавших с каторги и скрывающихся в суровой сибирской тайге. Заметное влияние на сибирский фольклор оказали политические ссыльные, приносившие сюда революционные песни. Известное воздействие на поэтическое творчество русских сибиряков оказал и фольклор тех сибирских народов, с которым они долго жили вместе, так же как и русские оказали сильное влияние на все стороны жизни местного населения.

С развитием капитализма местные особенности фольклора стирались, однако культурная отсталость деревни и неравномерность развития капитализма способствовали в ряде мест их долгому сохранению.

Отмирание традиционного фольклора шло неравномерно. Особенно интенсивно этот процесс протекал в центральных районах и около крупных промышленных и торговых центров; на Севере же и в отдаленных районах он долго оставался основой устно-поэтического репертуара; сохраняли свой фольклор и казаки.

УСТНАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Развитие капитализма, особенно интенсивное в деревне после отмены крепостного права, вызвало серьезные изменения традиционного народного творчества. Закономерно отмирали некоторые жанры, игравшие в прошлом большую роль, но в новых условиях не имевшие почвы для своего развития (в числе их был и героический эпос). Устная поэзия перестала быть единственной формой литературного творчества и не удовлетворяла уже всех потребностей; в быт деревни постепенно входили книги, газеты, рассказы и песни литературного происхождения. Усиливались и крепли разнообразные связи с городом, приводившие к распространению в деревне городской культуры. Крестьяне в какой-то степени знакомились с творчеством великих русских писателей, часть произведений которых переходила в фольклор. Революционизирующее влияние на деревню оказывали рабочие песни. Вместе с тем в деревню широко проникала мещанская культура. Все это отражалось в фольклорном репертуаре.

Обрядовая поэзия

Одним из наиболее древних видов народной поэзии является обрядовый фольклор — календарный и семейный. Он составлял неотъемлемую часть обрядов, и это определило его содержание и форму. Ряд песен звучал как заклинание («Приди весна с милостью» и т. п.); такой же характер имели и различные приговоры. В песнях, сопровождавших календарные обряды, говорилось о хлебе, скоте, зажиточной жизни. Назначение песен обусловило и подбор художественных образов, сравнений, эпитетов. В конце XIX в. календарная обрядность уже нигде не сохранилась в целостном виде, а песни были частью забыты, частью же пелись на праздниках как развлекательные, игровые. Дольше сохранялись семейные обряды и связанные с ними песни.

Песни сопровождали весь свадебный обряд. Они различались по назначению и относились к отдельным моментам свадьбы. Ряд песен прямо или иносказательно, в художественных образах, как бы пояснял смысл происходящего. Так, когда невесту перед венцом причесывали «по-бабьи», пели «Трубоньку» — о прощании с девичьей косой; при приезде поезда жениха — «Не было ветров, ветры повеяли, не было гостей — гости наехали»; невесту из родительского дома провожали песней «Отставала лебедушка прочь от стада лебединого» и т. д. Богата брачная символика песен: новобрачная сопоставляется с виноградной лозой, обвившейся вокруг тына или мощного дерева; с жемчужинкой, прикатившейся к яхонту, и т. п. Жених рисуется охотником, пришедшим по куньему следу, рыболовом, а также соколом, напавшим на лебедь белую. В свадебной символике порою можно вскрыть следы древнейших форм брака и связанных с ним представлений: например, перевоз девушки через реку или переход через «мост калиновый», символизировавший переход женщины в род мужа, увоз невесты «чуж-чужанином» — завоевание ее вооруженной дружиной князя и пр.

Значительное место в свадебном обряде занимали величальные песни, певшиеся после венца, в которых «величали» молодых, их родных и гостей. Они должны были создать праздничное настроение. Первоначально им,

как и колядкам, приписывалось магическое значение. Тот, кого величали, должен был одарить спевших песню девушек; если же он скупился, ему пели «корильную» песню.

Тяжелая семейная жизнь женщины служила темой причитаний невесты, которые исполнялись, начиная со сватовства до венца.

Причеты (плачи)

Причеты (*плачи*) — лирические импровизации, не имевшие устойчивого текста. В них использовались традиционные образы, формулы, композиционные приемы, но содержание всегда конкретно и связано с теми обстоятельствами, по поводу которых плач создан. Древнейшие плачи — похоронные; они есть у всех народов. По образцу похоронных плачей создавались свадебные (древнейшее уподобление смерть — свадьба как переход в новую жизнь сохранилось в поэзии почти всех славянских народов).

Возникшие как обрядовые произведения, плачи по содержанию очень рано вышли за рамки обряда. Судя по летописи, уже в Киевской Руси плачи об умерших князьях были не только принадлежностью ритуала, но и давали описание их подвигов и оценку деятельности. В дальнейшем плачи все более наполнялись бытовыми подробностями и исполнялись не только в связи с обрядом (хотя они и оставались обязательными при свадьбе и похоронах), но и в минуту тяжелого горя и бедствий. В начале XVIII в., когда была введена регулярная воинская повинность, очень тяжелая для крестьян, возникли рекрутские плачи. В них с большой силой выразилось резко отрицательное отношение к «злодейной службе царской», изливалось горе родных, рисовалась тяжелая солдатская жизнь. И не случайно первое упоминание о рекрутских плачах встречается у А. Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву». Значение рекрутских плачей для понимания жизни и настроений русского крестьянства отметил В. И. Ленин. Просмотрев сборник Е. В. Барсова, он сказал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничижающую человека. Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение»[1].

Обычай причитать был распространен повсеместно, но северные и южнорусские плачи различаются очень сильно. В центральных и южных губерниях плачи — короткие лирические импровизации, иногда отдельные фразы и выкрики, исполнявшиеся преимущественно на похоронах, свадебные причеты для юга не характерны. На севере плачи — своего рода эпические поэмы, в которых рассказывалось о жизни покойного, ярко рисовалось положение семьи, потерявшей кормильца и т. п. В свадебных причетах характеризовались взаимоотношения в большой семье и положение невестки.

Среди исполнительниц причетов выделялись талантливые вопленицы, которых приглашали на свадьбу, похороны, проводы рекрутов. Широкую известность получила олонецкая вопленица И. А. Федосова, от которой записал плачи Е. В. Барсов. В плачах И. А. Федосовой отражены пореформенная жизнь и думы северного крестьянства; некоторые ее плачи (например, знаменитый «Плач о старосте») — острые обличительные произведения. Плачи И. А. Федосовой использовал в своем творчестве Н. А. Некрасов, а А. М. Горький описал ее выступления в очерке «Вопленица» и в «Климе Самгине».

Во время Великой Отечественной войны в некоторых районах, где традиция плача была ранее более развита и лучше сохранялась, создавались плачи о погибших на фронте, плачи девушек, увезенных в фашистскую Германию, и т. п.

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. III. Воспоминания о Ленине. 1917—1930. М., 1963, стр. 352.

Русские — один из немногих европейских народов, донесший почти до нашего времени в живом бытовании героический эпос — былины, представляющий огромную историко-познавательную и художественную ценность.

Былины

Былины (по терминологии северных сказителей *старины*) — специфически русская форма эпоса. К концу XIX в. они сохранились только на Европейском Севере; отдельные былины встречались иногда в Поволжье и в Сибири; у казаков сохранились хоровые лиро-эпические песни о богатырях.

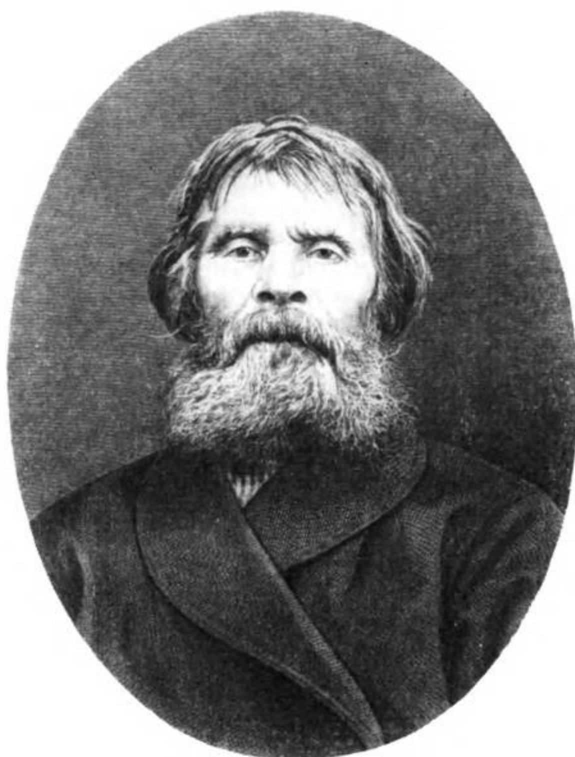
Былины — стихотворные произведения (особого рода песни) с ярко выраженным своеобразием. Это произведения исторические, но в них события с их специфическими деталями изображаются в виде широких обобщений, с условным временем и местом действия (в стольном Киеве при князе Владимире; в новгородских былинах — в славном Новогороде). Основной прием построения былинных образов — гипербола. Начинаются былины с *зачина* (которому может предшествовать *запев*), действие развертывается с замедлениями и повторениями, часто используются «общие места» (loci communes); кончается былина заключением (*исходом*). Над художественной отделкой былин, по-видимому, поработали скоморохи — древнерусские бродячие, народные артисты — певцы, музыканцы, танцоры, исполнявшие и различные сценки. О творчестве их говорят некоторые концовки с просьбой угостить веселых молодцов за сказывание былин и идеализация скоморохов в уникальной былине «Вавило и скоморохи». Былины исполнялись отдельными сказителями, которые пели (*сказывали*) их особым речитативным напевом; на один напев могло исполняться несколько былин. Среди северных сказителей было много талантливых мастеров — Т. Г. и И. Т. Рябинины, В. П. Щеголенок, М. Д. Кривополенова, А. М. Крюкова и др.

В основе былины сложились в Древней Руси. В них повествуется о многовековой борьбе с набегами кочевников-печенегов и половцев (большая часть героических былин — об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Сухмане и др.), о жизни древнего Киева и связях его с другими русскими и иноземными княжествами («Дюк Степанович», «Соловей Будимирович»), о своеобразном быте торгового Новгорода («Садко», «Василий Буслаевич», «Хотен Блудович»); отражен в них и труд народа-земледельца («Микула Селянинович»). Прототипами некоторых былинных персонажей послужили исторические лица — князь Владимир Святославович, его дядя Добрыня, ростовский «храбр» Александр Попович и др.

В Киевской Руси эпос был широко распространен (о богатырях князя Владимира говорится в летописных памятниках Руси); знали их и другие народы — в немецкой поэме «Ортнит» (начала XIII в.) упоминается Илья Русский — Ilias von Riuzen, а в норвежской саге о Тидреке (середины XIII в.) — Илья Ярл Греции — Ilias Jarl of Graeca.

В период монгольского нашествия былины получили новый смысл и зазвучали как призыв к борьбе с поработителями. В них исчезли прежние этнические наименования врагов, замененные «татарами». Возможно, в это время были сложены новые былины («Василий Пьяница и Батыга», «Камское побоище»).

К XVI в. былинные циклы сложились в основном в том виде, в каком они дошли до нас. От XVII в. дошел ряд повестей, или «гисторий», излагающих былинные сюжеты («Илья и Соловей Разбойник», «Ставр Годинович», «Сухан», «Сказание о семи русских богатырях» и др.), но былины уже воспринимались как повествования о старине. Новых сюжетов былин, возникших в XVI в. и позже, немного, они заимствованы были из исторических преданий (северные былины о Бутмане и Рахте Рагнозерском), сказок, легенд, позже из лубочных повестей; более поздние исторические



Сказитель былин Т. Г. Рябинин (Кижи, Заонежье, 1871 г.)

события изображались уже не в былинах, а в исторических песнях. Тем не менее былины продолжали изменяться, в них включались новые детали, усиливалась социальная проблематика, заострялись классовые конфликты. Крестьянские восстания XVII в. вызвали, вероятно, появление образа бедноты — «голи кабацкой» (былина «Илья Муромец и голи» и др.). В крестьянской среде особую популярность приобрел крестьянский сын Илья Муромец, образ которого стал выразителем народных идеалов, образцом беззаветного служения родине и народу, ему были приписаны и подвиги некоторых других богатырей. Богатыри стали противопоставляться не только «боярам-кособрюхим», но и князю Владимиру, которому были приданы черты самодержца-деспота. Северные сказители внесли в былины черты своего быта и свое миропонимание. К XX в. былины уже явно забывались и разрушались, число знающих их сильно сокращалось.

На севере былины сохранялись и после революции. Экспедиции конца 20 — начала 30-х годов записали в Архангельской обл. и Карельской АССР значительное число текстов былин, среди которых есть высокохудожественные, хорошей сохранности. Встречались и тогда талантливые сказители — Ф. А. Конашков, Г. Я. Якушов, Н. С. Зиновьева-Богданова, М. С. Крюкова и др. Позднее былины в живом бытовании почти исчезли, только в некоторых местах их еще можно услышать от стариков (по большей части — это полузабытые тексты или отрывки).

Исторические песни

Со второй половины XVI в. широко развиваются исторические песни. В них запечатлены многие важные события и образы деятелей русской истории, показано отношение к ним народа. В исторических песнях изображаются конкретные факты и лица; герои их не богатыри, наделенные необыкновенной силой, а простые люди, часто целый коллектив: солдаты, казаки. Песни проще и лаконичнее былин; в них нет детальных описаний и эпической «обрядности»; изображается в них, как правило, один эпизод. По художественным особенностям и манере исполнения они близки к лирическим песням; ранние исторические песни (XVI — начало XVII в.) используют и некоторые художественные особенности былин (особенно северных вариантов).

В песнях XVI — начала XVII в. отражены внешняя и внутренняя политика Ивана Грозного («Взятие Казани», «Кострюк», «Гнев на сына» и др.) и борьба со шведско-польской интервенцией (песни о Скопине и

Илья Муромец и Соловей Разбойник (лубок, XVIII в.)

Лжедимитрии); характерна для песен этого времени ярко выраженная антибоярская направленность. Особенно много песен о крестьянской войне под предводительством С. Разина, в которых отражены основные этапы восстания (персидский поход, казнь астраханского воеводы и движение по Волге, разгром повстанцев и смерть С. Разина). Самая популярная песня цикла — о «Сынке» Разина — говорила об ожидании народом нового восстания, о вере в победу. С XVII в. выделяются идейными и художественными особенностями казацкие песни (о Ермаке, о борьбе с турками и крымскими татарами, образующие цикл песен об Азове, многие разинские песни).

Песни начала XVIII в. связаны с эпизодами Северной войны (взятие Орешка, Ревеля, Риги, Полтавская баталия и др.) и социальными движениями (бунт стрельцов, восстание Булавина); сатирические обличительные песни направлены против высших сановников (песни о князьях Гагарине, Меньшикове и др.). Основными создателями и исполнителями исторических песен с этого времени становятся солдаты, и это сказалось на их содержании и стиле.

Форма песен, сложившаяся в начале XVIII в., развивалась в XVIII — начале XIX в. В песнях усиливалась социальная проблематика, ярче выступали классовые противоречия, более острой становилась политическая сатира (например, песни об Аракчееве), а образ царя снижался и отступал на задний план. Последний крупный цикл исторических песен относится к Отечественной войне 1812 г.

В XIX в. с историческими песнями происходило то же, что и с песнями лирическими — они начинали вытесняться песнями, созданными русскими поэтами («Ермак» К. Ф. Рылеева, песни о Разине А. А. Навроцкого, Д. Н. Садовникова, З. И. Сурикова и др.).

В целом крестьянские и казацкие исторические песни, выражавшие ограниченное мировоззрение их создателей, мельчают тематически и идейно, утрачивают прежнее значение. Новое осмысление и художественное

изображение текущих событий появилось уже в песнях, создаваемых рабочими.

Исторические песни дольше всего сохранялись на Севере (песни XVI — начала XVII в.), в Поволжье и у казаков. Некоторые песни поют иногда и сейчас (например о «Сынке» Разина и «Взятие Казани») в Поволжье и на Урале. Во время Великой Отечественной войны интерес к героико-патриотическим песням повысился; некоторые песни стали петь вновь (например, об Ермаке, об атамане Платове).

Сказки, предания и легенды

Самым распространенным прозаическим жанром были сказки: о животных, волшебные, авантюрные, бытовые, сатирические. Сказки особенно любили слушать в долгие осенние и зимние вечера, занимаясь при этом какой-нибудь работой. Рассказывали их и в артелях (лесорубов, рыболовов и др.). Хорошего сказочника знали не только в своей деревне, но и в округе; в артелях сказочник иногда получал пай за рассказывание сказок. Сказки рассказывали также ходившие из деревни в деревню портные и сапожники, валяльщики валенок и шляп, бондари и др.; новые сказки приносили солдаты, приходившие на побывку или отслужившие свой срок. Сказками восхищались многие русские писатели. «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» [1] — писал А. С. Пушкин брату из Михайловского в ноябре 1824 г. Значение сказок и смысл их образов хорошо охарактеризовал А. М. Горький.

Все виды сказок воспринимались как вымысел, что отличало их от других видов устной прозы — легенд, преданий, *быличек*, к которым относились, как к правде. Но сказки содержали определенную мораль, жизненное поучение, и это их значение прекрасно выразил А. С. Пушкин: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

Ряд сказочных сюжетов (особенно волшебных сказок) — общие для многих народов, но у русских (как и у других народов) они приобрели свой национальный колорит; герои их живут и действуют в типичной русской обстановке, наделены крестьянской психологией.

В сказках о животных наиболее часто встречаются Лиса Патрикеевна, серый волк, медведь, заяц, кот, петух; образы эти стали типическими. Происхождение некоторых из них (в частности, образа медведя) связано с тотемистическими представлениями, но уже давно сказки о животных воспринимаются как своеобразное изображение человеческих характеров и отношений. Среди сказок о животных есть сатирические, обличавшие систему судопроизводства Московской Руси (сказка об Ерше Ершовиче), духовенство («Лиса-исповедница») и др. Но эта линия в русском фольклоре развита значительно меньше, чем в фольклоре ряда европейских народов или в сказках украинских. Большинство сказок о животных стало детскими, и в этой функции сохраняются и сейчас. Занимательные, простые по композиции (часто коммулятивные) и языку, с повторениями, звукоподражаниями и вставными песенками, сказки эти легко запоминаются маленькими слушателями и любимы ими. Распространяются они сейчас главным образом посредством детских книг, издаваемых огромными тиражами.

Многочисленны и разнообразны по сюжетам были сказки волшебные, которые утверждали победу добра и справедливости над злом и насилием. Ряд образов волшебных сказок восходит к мифам (например, солнце, месяц, ветер, многоглавые змеи, Баба-Яга, Кащей Бессмертный и др.); в дальнейшем они стали художественными обобщениями. С обострением классовых противоречий образам волшебных сказок стал придаваться социальный смысл. Героями стали бедняк, Иванушка-дурачок, Иван — крестьянский или солдатский сын, а в роли отрицательных персонажей высту-

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.— Л., 1937, стр. 121.

Иван-царевич и Елена Прекрасная (лубок, XVIII в.)

пали генералы, министры, жестокий царь, мучающий подданных. Победа бедняка, ставшего царем, выражала утопическую веру крестьян в возможность доброго, понимающего народные нужды царя.

К волшебным сказкам близки авантюрные. В них также рассказывается о необыкновенных приключениях героя, но фантастика в них совсем отсутствует или играет подчиненную роль; герой выходит с честью из трудных положений благодаря уму, ловкости, смелости и находчивости. Большая часть авантюрных сказок, создана в XVIII—XIX вв., а сюжеты ряда их заимствованы из лубочной литературы. Действие в них нередко происходит в городе; среди действующих лиц есть солдаты, купцы, генералы, министры, графы.

В XIX в. границы между волшебной и авантюрной сказкой стирались, роль фантастики в волшебных сказках ослаблялась, а увеличение в них бытовых деталей приближало их к сказкам бытовым и сатирическим, которые занимали в сказочном репертуаре все большее место.

Бытовые и сатирические сказки особенно своеобразны. В них выведена целая галерея типов русской деревни XIX в. и представителей других слоев общества. Особенно зло высмеивались в них жестокие барин и барыня и жадный поп (сказки о попе и работнике, похороны козла и т. п.). В сказках высмеивались и бытовые пороки (например, сказки о ленивой жене, которую учит муж). Герои бытовых сказок — мужик, батрак, иногда солдат — ловкий, бывалый, он помогает мужикам (учит, как исправить барыню или наказать жену за измену), а порою пользуется глупостью встретившихся ему людей. Классовое расслоение деревни нашло яркое выражение в сказках о двух братьях — богатом и бедном. К бытовым и сатирическим сказкам близки анекдоты.

Известен ряд замечательных сказочников XIX в.— няня А. С. Пушкина Арина Родионовна, сказочник из Самарской губ. Абрам Новопольцев, от которого записывал сказки Д. Н. Садовников и др. Они не просто передавали услышанную сказку, а художественно отделывали ее, изме-

няли соответственно своему замыслу, объединяли разные сюжеты и т. д. У сказочников был свой излюбленный репертуар: одни спокойно, с соблюдением всей сказочной «обрядности», рассказывали длинные волшебные и авантюрные сказки, другие мастерски передавали короткие сатирические сказки и анекдоты. Рассказывание сказки включало и элементы театральности: сказочник передавал диалог на разные голоса, порою пел, дополнял рассказ мимикой и жестами. Хороший сказочник всегда учитывал аудиторию и соответственно ей изменял текст, акцентировал те или другие места.

Широко бытовали также предания и легенды. Среди их сюжетов много международных, но они обязательно приурочиваются к определенным местам и лицам и передаются как рассказ о действительно бывшем. Много было преданий о разбойниках, грабивших богатых и помогавших бедноте, о зарытых ими кладах (эти предания связывались также с С. Разиным, Е. Пугачевым и др.), о провалившихся или затонувших городах (знаменитая легенда о Китеже), о далеких обетованных землях (Беловодье, город Игната и т. д.) и др. В исторических преданиях воспоминания о действительных случаях причудливо переплетаются с традиционными сюжетами и мотивами. Исторические предания чаще связываются с Иваном Грозным, Ермаком, с Разиным, Петром I. Даже сейчас возникают предания, в которых иногда используются традиционные мотивы (например в преданиях о партизанах Ковпаке и Заслонове).

Пословицы, поговорки, загадки

Из малых жанров русского фольклора особенно ценны пословицы и поговорки. В них великолепно отражены различные стороны народной жизни, например русский сельскохозяйственный календарь или нормы морали, сатирически охарактеризованы общественные отношения и порядки старой России, обличаются представители господствовавших классов.

Фонд пословиц непрерывно пополнялся. В XIX в. одним из источников его обогащения была классическая литература (пословицами стали многие стихи из «Горе от ума» А. С. Грибоедова, афоризмы из басен И. А. Крылова, стихи из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и др.). Процесс пополнения пословиц из литературы продолжается и сейчас, создаются новые советские пословицы. Живут и многие старые пословицы; они звучат в разговорах, докладах, выступлениях. Среди детей и молодежи распространены были загадки, в старину имевшие более широкое значение (испытание мудрости); в этой функции они вошли и в сказки.

Народный театр

В XIX в. значительное распространение получил народный театр, известный у русских в разных формах,— театр с живыми актерами и театр кукол. Элементы драматической игры имелись уже в обрядовых действиях, в свадебных и святочных ряжениях, в играх и хороводах. Не случайно даже в советское время коллективы художественной самодеятельности разыгрывали как пьесы старинную русскую свадьбу (коллектив «Гдовская старина»), «Кострому» (колхозники брянских сел Домашево и Доважево) и т. п. В XIX в. вошло в обычай на праздники, особенно на святки и на масленицу, давать представления; актерами выступали солдаты (они нередко были организаторами спектаклей в деревне), крестьяне, рабочие, казаки.

Пьесы народного театра несложны, основой их нередко были инсценировки песен.

Наиболее сложная пьеса «Царь Максимилиан», основой которой послужила, по-видимому, какая-то школьная драма начала XVIII в.; пьеса эта распространилась довольно широко и нередко включала в себя (как составные части) другие народные пьесы («Шайка разбойников», «Голый барин» и др.).

Отличительная черта всех народных представлений — острая сатиричность и злободневность. Пьесы не имели строгого текста, значительное

место в них занимала импровизация, включались в них разные песни и стихотворения русских поэтов. Актеры вносили в текст намеки на современные политические события, на местные дела и знакомых зрителям лиц, поэтому зрители всегда очень живо реагировали во время представления. В пьесах, как и в других видах народной сатиры, высмеивались паразитические классы, а «Царь Максимилиан» с образом царя-деспота звучал порою как сатира на самодержавие; поэтому представления нередко запрещались. Реквизит и приемы игры в народном театре несложны, но выразительны. Для костюма брали одну-две выразительные детали (так, у разбойника обязательно была сабля или кистень, у барина — котелок и тросточка, поп надевал рогожную ризу), чтобы изобразить плывущую лодку, садились на пол и размахивали руками, как гребцы, и т. п.

Песня «Вниз по матушке по Волге» (лубок, 1854 г.)

Любимцем народа был Петрушка — герой кукольного театра — веселый, смелый, находчивый, побеждавший своих врагов (полицейского, капрала и др.), персонаж, родственный героям кукольного театра европейских народов — немецкому Гансу Вурсту, итальянскому Полишинелю, чешскому Кашпареку и др.

Кукольным театром является также *вертеп* — рождественское представление, изображавшее рождение Христа, поклонение волхвов и избиение младенцев царем Иродом; в представление включались народные бытовые и сатирические интермедии. Вертеп был заимствован русскими в XVIII в. с Украины, но не получил значительного распространения.

На ярмарках и празднествах выступали также *деды-раёшники*, показывавшие картинки (часто виды городов) с сатирическими стихотворными пояснениями. Раешный стих получил довольно широкое применение в народной сатире, используется он иногда и сейчас. Во время Великой Отечественной войны фронтовики создавали *райки*, направленные против гитлеровцев.

Самым же распространенным массовым видом устной поэзии были и остаются лирические песни. Песня не отделима от русского быта — прошлого и современного, сельского и городского.

Лирические песни

В дореволюционной деревне песня сопровождала человека от колыбели до могилы. Пели все — молодежь и старики, пели в любое время года, дома, на работе, на гулянье, пели хором и в одиночку. Были в деревнях и певцы, обладавшие прекрасными голосами и большим репертуаром; в компании они нередко

выступали запевалами. Образы таких народных певцов прекрасно нарисовал И. С. Тургенев в рассказе «Певцы».

Русские традиционные песни разнообразны по тематике, стилю и напевам. Значительная часть песен — бытового содержания: любовные, семейные и др. В любовных песнях выражались переживания девушки (реже молодца), рассказывалось о любви — счастливой и несчастной. В семейных женских песнях раскрывалась тяжелая доля замужней крестьянки, ее положение в патриархальной семье, отношения с мужем, свекром и свекровью, деверьями и золовками. Песни эти очень много дают для понимания строя и взаимоотношений в большой крестьянской семье и общественных отношений в старой деревне. По существу семейными песнями являются и колыбельные.

Крепостное право в крестьянских песнях упоминается редко, ярче в них выступают отношения капитализирующейся деревни. Сохранилось лишь несколько песен о тяжелой жизни крепостных (о барине, разорившем Обозерску слободу, и др.). В песне «Калинушку с малинушкой водой залило» рассказано о крестьянской семье, гибнущей по произволу барина:

Как батюшку с матушкой за Волгу везуть,
Большого-то брата в солдаты кують,
А среднего-то брата в лакеи стригуть,
А меньшаго-то брата в прикащики [1].

Крепостное право породило и особые песни —молодецкие, или «разбойничьи», создававшиеся крестьянами, бежавшими от помещиков. В них воспевались «вольные люди», удалые добрые молодцы «разбойнички», «гулявшие» по Волге и дремучим лесам, где они молотят не цепом, а «слегою по дворянским по головушкам, да по спинушкам купеческим». Песни эти очень близки к историческим песням о крестьянских восстаниях, особенно к песням о Разине. Ярко выраженный в них протест против социальной несправедливости и вольнолюбивый пафос привлекли к этим песням внимание В. И. Ленина, который противопоставлял их рекрутским плачам: «Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов» [2].

Были свои песни у представителей ряда профессий. Издавна существовавшая на Руси ямская повинность породила ямщицкие песни, в которых ямщики изливали тоску по дому и семье, пели о долгой зимней дороге, об умирающем в степи ямщике и т. п. («Степь Моздокская» и др.). Образ тройки с колокольчиком — «даром Валдая» и заунывно поющим ямщиком прочно вошел в русскую лирическую поэзию XIX в.

Из песен, созданных отходниками, наиболее известны песни волжских бурлаков. Эти песни, по меткому выражению Н. А. Некрасова, «подобные стону», рассказывали о подневольном каторжном труде бурлаков, из последних сил тянущих лямку.

Среди профессиональных песен были песни, связанные непосредственно с трудовым процессом, организовывавшие его. Таковы песни волжских бурлаков и грузчиков с припевом «Эй, ухнем» и «Дубинушка», созданная, вероятно, в артелях лесорубов, а затем получившая широкое распространение. В годы первой русской революции «Дубинушка» (с текстом В. Богданова и переделками его) была одной из популярнейших песен, а в гениальном исполнении Ф. И. Шаляпина она получила мировую известность.

---

[1] П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. I. СПб., 1898, № 852, стр. 227.
[2] В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 353.

Песня «Ты, Настасья, ты Настасья, отворяй-ка ворота» (лубок, 1857 г.)

С введением в начале XVIII в. регулярной воинской повинности появились рекрутские и солдатские песни — о проводах рекрута и прощании его с семьей, о горькой жизни солдат. По содержанию они были близки к рекрутским причетам. Среди солдатских песен были также строевые, походные — маршевого характера и исторические.

Очень популярны были песни шуточные и сатирические — веселые, с быстрым живым ритмом. В них высмеивались разные недостатки и пороки (неумелая Дунька-тонкопряха, жена-модница и др.). В юмористическом и чаще сатирическом плане изображалось в песнях духовенство.

Каждая группа песен имела свои особенности, но есть художественные образы и приемы, характерные для большей части традиционной народной лирики.

В центре песни стоит один образ. Характеристика его дается не сразу; нередко песня начинается описанием обстановки, в которой находится герой (ступенчатое сужение образа) или картиной природы, вводящей в состояние героя (психологический параллелизм). Переживания героя часто выражаются в лирическом монологе; есть в песнях и диалог, а некоторые песни (особенно шуточные) представляют собой небольшие сценки. Устойчива символика песен (счастью разделенной любви соответствует весна, расцвет природы; горю и разлуке — засохший сад, облетевшие листья и т. п.; туман и помутившаяся вода — символы печали; кольцо— символ связи и пр.). Устойчивы многие образы и эпитеты (герой — сокол ясный, разлучница — змея подколодная, свекровь — злая, лютая, гусыня шипучая и т. д.).

Большая часть старинных лирических песен протяжные (в народе их называют также долгими, голосовыми). Они обычно не делятся на строфы (куплеты); припевы в протяжных песнях очень редки, но разного рода повторения слов, строк, конца строки в начале следующей и т. п.— для них обычны.

Иной характер и строение имеют песни игровые, хороводные и плясовые. Они сопровождают движения, поэтому в них особое значение имеет ритм — четкий и повторяющийся. Песни имеют припевы, разделяющие их на куплеты. По происхождению некоторые из этих песен связаны с весенней обрядностью (магия плодородия). Изображались в песнях также трудовые процессы (например, посев и обработка льна в песне-игре «Уж мы сеяли ленок») и бытовые сценки (теща и зятья, старый монах в девичьем хороводе и т. п.). Хороводы водили весною и летом. Начинался хоровод песнями, приглашающими прийти повеселиться, а заканчивался разборными. Пляска под песню была одним из излюбленных народных развлечений. Наиболее известные плясовые песни — «Во саду ли в огороде», «Уж вы сени мои сени», «Камаринская», «Барыня» и др. Танцевали и под короткие шуточные припевки.

К концу XIX в. традиционные песни в русской деревне все больше вытеснялись новыми — на слова русских поэтов. Подлинно народными песнями стали «Узник» А. С. Пушкина, известный во многих переделках, «Коробушка» — начальные строки поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники», многие стихи А. В. Кольцова и др. Вместе с этим широко распространялся и мещанский романс. Песни литературного происхождения оказали влияние на стиль вновь создаваемых в деревне песен: в них появляются силлабо-тонический стих, рифмовка, строфы.

Лучшие старинные песни сейчас сохраняются как ценное культурное наследие. Их исполняют народные хоры и профессиональные артисты; очень часто поют их и в быту.

Частушки

С конца XIX в. широко распространяются в деревне и среди рабочих *частушки* — рифмованные четверостишные (реже двух- или восьмистишные) песенки. Исключительно широкие по содержанию (от глубоко интимных переживаний до политических событий) частушки стали очень популярными. Дореволюционные частушки по содержанию близки к песням. Использовалась в них и традиционная символика; многие частушки построены в форме психологического параллелизма. Частушка чутко реагировала на перемены в деревенской жизни, отмечала все новое, что появлялось. Создавались частушки и на актуальные политические темы, например, в них отразились революционные события 1905—1907 гг.:

Ах, туки, туки, туки,
Взбунтовались мужики,
Леса рубят, гумна жгут
Все свободы себе ждут.

После Октябрьской революции популярность частушек особенно возросла.

Важнейшим явлением в истории русского народного творчества XIX—XX вв. было развитие рабочего фольклора, существенно отличного от крестьянского. Устное поэтическое рабочее творчество показывает, как формировалось у рабочих классовое сознание, распространялась революционная идеология.

Рабочий фольклор

Рабочий фольклор не сразу приобрел свои характерные идейно-художественные особенности. Первые рабочие — крепостные и государственные крестьяне, приписанные к заводам, сосланные «навечно в работу» или от-

пущенные на оброк, сохраняли крестьянское мировоззрение, пели песни и рассказывали сказки, принесенные из деревни, и лишь вносили в эти произведения черты нового заводского быта или создавали новые произведения, используя традиционную поэтику. Постепенно рабочие выработали свой поэтический стиль. Рабочий фольклор отличается точностью и детальностью описаний производства и быта, более простым лаконичным языком, в него входит производственная терминология. С самого начала устное народное поэтическое творчество рабочих было связано с письменной литературой, и в дальнейшем его развитии эта связь все усиливалась.

Основные жанры рабочего фольклора — песни и прозаические сказы, а со второй половины XIX в.— частушки.

К сожалению, большинство дореволюционных фольклористов не обращало внимания на рабочий фольклор. Запись его — заслуга советских фольклористов. Их работы дают возможность наметить линию развития рабочего фольклора, его основную проблематику, темы и образы.

Творчеству рабочих XVIII — первой половины XIX в. свойственны два мотива — гордость рабочего человека своим мастерством и проклятие подневольному, каторжному труду. Последний мотив звучит особенно сильно. Образы рабочих-мастеров есть уже в фольклоре XVIII в. «Фабричные ребята — люди мудреные»,— поется в песне; ярославский «фабричный молодец — ковры ткать мастерок, ковры точет — вытыкает и наборы набирает»; ткачи — «ткут платки — салфетки на разные клетки». Чудесные образы народных умельцев, делавших прекрасные вещи из уральских самоцветов и металла, созданы в сказах уральских горнозаводских рабочих. В этих сказах показано также, в каких ужасающих условиях жили и творили народные таланты, как гибли они от нужды и хозяйского произвола.

Правдивое изображение условий труда и быта рабочих характерно для большинства произведений, созданных рабочими. В песне «О, се горные работы», возникшей в конце XVIII или начале XIX в. на Змеиногорских рудниках Алтая, очень точно и детально описаны условия труда в «Змеевской плавильне» — распорядок работ, рабочий инвентарь, изнурительный каторжный труд под кнутом надсмотрщика с раннего утра («как ударят часов в пять») до ночи. Рабочие проклинают тех, кто заставляет мучиться их, чтобы богатели другие («постарайся, друг и брат, чтобы Правдин был богат»). Уральские рабочие сложили сказку о молотобойце и черте: молотобоец не испугался показанного чертом ада, так как он знает и худшее, а черт убежал, когда молотобоец привел его на завод.

Рабочее творчество носило ярко выраженный бунтарский характер, но протест рабочих был направлен против жестоких и ненавистных хозяев, приказчиков, надсмотрщиков; сознания необходимости изменить существующий строй у них еще не было. Незрелость сознания рабочих порождала сказы о чудесных избавителях, о воле, спрятанной господами, и т. п., родственные крестьянским легендам. Таков атаман Рыжанка (или Золотой) в уральских сказах; его прототип — беглый рабочий А. П. Плотников, возглавивший отряд беглых людей и убивший в 1771 г. заводчика Ширяева. Сказы эти имеют много общего с преданиями о разбойниках и С. Разине. В рабочих сказах есть и образы чудесных помощников и избавителей. У горнозаводских рабочих это — Великий полоз, Хозяйка Медной горы, Девка Азовка и другие хозяева гор и земных недр.

Рабочие пореформенной поры сохраняли многие произведения, созданные в крепостную эпоху, так как условия труда мало изменились. Но во второй половине XIX в. в рабочем фольклоре все более отчетливо начинает звучать мысль о необходимости изменить существующий порядок, об освобождении путем совместной революционной борьбы. Так, «Морозовская камаринская» («Уж и прост же ты, рабочий человек»), созданная в связи

со стачкой орехово-зуевских ткачей, заканчивается призывом к «ребятушкам-фабричным»:

. . . покажите молодечество,
Выходите на купечество.
Подымайся как единый человек,
Дайте клятву нерушимую вовек:
Дружно, крепко за товарищей стоять,
Ни на шаг, ни на один не отступать.

Появляется в песнях образ передового рабочего-революционера, разъясняющего рабочим их положение, призывающего к организованной борьбе. Такой образ смелого молодого бедняка дан, например, в уральской песне «На Нижне-Тагильском заводе».

Новым высшим этапом в развитии дореволюционного рабочего фольклора явились рабочие песни и частушки периода массового рабочего движения и революции 1905—1906 гг., формировавшиеся под воздействием песен и стихотворений революционеров-профессионалов. В творчестве передовой части рабочих в это время выражается ясное понимание своего положения и происходящих событий, все отчетливее звучат призывы к борьбе с самодержавным строем. Широко распространяются «Марсельеза», «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны» Г. М. Кржижановского, «Смело, товарищи, в ногу» Л. П. Радина и др. Дух интернационализма, пронизывающий эти песни, способствовал распространению лучших из них среди рабочих разных стран. Русские рабочие пели, как свои, песни «Марсельезу», «Интернационал», созданный Эженом Потье, польские революционные песни в переработке Г. М. Кржижановского. В то же время русские революционные песни усваивались рабочими других стран и оказывали воздействие на их песенное творчество (так, например, они оказали сильное влияние на песни рабочих Чехословакии).

Под влиянием профессиональной революционной поэзии изменилось и песенное творчество самих рабочих. В нем появились и выдвинулись на первый план новые жанры — призывные гимны и марши; стихотворная форма рабочих песен сближалась с литературной.

Широко отражены в песнях события первой русской революции («Мы мирно стояли пред Зимним дворцом», «На девятой версте от столицы», «Очаков — борец за свободу» и др.). Много появилось в эти годы сатирических песен и частушек, направленных против палачей народа, душителей революции («Вздумал наш Трепов народ удивить» и др.). В сатирических песнях резко и обличительно нарисован образ последнего Романова («чучела в короне»), раскрывается классовая сущность самодержавия.

Творчество рабочих не было однородным. Среди части рабочих, особенно более высоко оплачиваемых, тянувшихся к мелкой буржуазии, бытовала мещанская поэзия, рабочие, связанные с деревней, сохраняли и крестьянский фольклор. Однако творчество передовой части рабочих становилось в рабочем фольклоре ведущим.

Революционные рабочие песни распространялись в деревне и в городе среди прогрессивной интеллигенции, оказывали революционизирующее влияние на все трудящиеся слои общества. На значение поэтического творчества рабочих не раз указывала дореволюционная «Правда». Оно явилось одним из важнейших источников современного советского фольклора.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Великая Октябрьская революция пробудила широкий размах поэтического творчества. Последовательно, шаг за шагом, народное поэтическое творчество отражало весь пройденный советским народом путь борьбы

и побед, все этапы построения социалистического общества. Революция приобщила широкие народные массы к высотам науки и культуры. Массовое поэтическое творчество в условиях советской действительности — творчество всего народа, органическая часть общесоветской культуры. Разумеется, творчество и устный поэтический репертуар разных групп населения различен; сказываются различия в быту, профессии, возрасте, культурном уровне, художественных вкусах и традициях. Современному народному поэтическому творчеству, разнообразному по содержанию и форме, присуще идейное единство. В целом в нем рисуется многогранный образ русского советского человека.

Русский советский фольклор развивался в тесном взаимодействии с фольклором других советских народов. Ликвидация былой национальной разобщенности, дружба и взаимопомощь народов, идущих к одной цели, привели к тому, что во взаимно обогащаемом поэтическом творчестве народов развиваются общие идеи, темы, близкие образы. Роль русского фольклора в этом процессе особенно велика; русские массовые песни, как фольклорные, так и профессиональные по происхождению, и частушки поются по всей стране. Некоторые из них получили мировое признание. Во время Великой Отечественной войны, широко распространилась «Катюша», позднее приобрели популярность «Подмосковные вечера» и др. С другой стороны, в устно-поэтический репертуар русских входят произведения советских народов и всего мира; песни разных народов передаются по радио, исполняются профессиональными и самодеятельными коллективами, распространяются посредством граммофонных пластинок; охотно поет их молодежь, особенно студенты.

Роль и значение устного поэтического творчества по сравнению с прошлым изменились; место, занимаемое им в быту, сузилось. Возрастающие культурные и эстетические потребности народа удовлетворяют книги, театр, кино, радио, телевидение и пр. Начавшийся еще в XIX в. процесс отмирания ряда традиционных фольклорных жанров после революции пошел особенно интенсивно. С распространением научного мировоззрения исчезли из быта и забылись произведения, связанные с религиозными представлениями и многими обрядами. Только некоторые элементы и песни, входившие в календарную обрядность, исполняются иногда ради забавы (так, например, экспедиция Института этнографии АН СССР наблюдала в 1954 г. в с. Вирятино Тамбовской обл. колядование под Новый год). Сейчас уже нельзя (за очень редкими исключениями на Севере) услышать былины; медленнее, но все же уходят из быта сказки, их рассказывают преимущественно детям; не поются многие традиционные лирические и исторические песни. Однако многое из старого фольклора продолжает активно бытовать и составляет важную часть современного фольклора. И, что особенно важно — изменилось отношение к традиционному фольклору: широкие массы понимают его большое художественное и историческое значение и относятся к нему как к ценному культурному наследию. С ним знакомятся из книг, по радио, его изучают в школах и вузах, широко используют в концертах. Основными бытующими и развивающимися сейчас устнопоэтическими жанрами являются песни, частушки, устные рассказы и пословицы.

Более тесными и органическими стали связи между профессиональным и непрофессиональным искусством. Широко вошедшие в быт произведения советской и классической — русской и мировой — литературы оказывают сильное влияние на массовое поэтическое творчество; основой современного песенного репертуара являются песни советских поэтов и композиторов, в которых творчески используются и фольклорные традиции. В свою очередь лучшие мастера народного искусства становятся писателями-профессионалами: примером может служить творчество сказительницы из Архангельской обл. М. Р. Голубковой, написавшей в содру-

жестве с писателем Н. П. Леонтьевым две книги: «Два века в полвека» и «Оленьи края», имевшие успех у читателей и высоко оцененные критикой.

Одной из важнейших форм идейного и художественного воспитания трудящихся и привлечения их к активному творчеству явилась самодеятельность. Развитию ее Коммунистическая партия и общественность всегда уделяли значительное внимание. В 1925 г. Дом театрального искусства им. В. Д. Поленова в Москве был преобразован в Дом искусства в деревне, а затем во Всесоюзный Дом народного творчества им. Н. К. Крупской; дома народного творчества есть во всех республиках и областях; в их задачи входит руководство всеми видами художественной самодеятельности. Развитию самодеятельности способствуют регулярно проводимые смотры (районные, областные, республиканские и всесоюзные), конкурсы на лучшую песню, спектакль и пр. Новым для русских явились праздники песни (они заимствованы из Прибалтики, где имеют давнюю народную традицию). В самодеятельных коллективах выросло много талантливых исполнителей, а также поэтов и композиторов; песни в хорах создаются и коллективно; некоторые из них получили массовое распространение.

Новые качества советского фольклора вырабатывались и развивались не сразу. Перестройка быта и сознания, культурная революция — процесс длительный и сложный, протекавший в разных бытовых условиях разными темпами, что, естественно, сказывалось на характере народного творчества. В первые годы после революции основой народного поэтического репертуара оставался традиционный фольклор; количественно удельный вес новых произведений был невелик, но роль их в формировании нового сознания и нового поэтического творчества была очень значительна.

Народное творчество периода гражданской войны

Народное творчество первых послереволюционных лет и периода гражданской войны проникнуто революционным пафосом, пафосом отрицания старого мира — мира насилия и нужды и построения нового общества. В первые же дни революции широко зазвучали старые революционные гимны и песни. В период гражданской войны новые песни складывались и распевались в Красной Армии и партизанских отрядах. Ядром Красной Армии послужила наиболее сознательная часть пролетариата и крестьянства; большую работу в армии проводили политорганы и не случайно именно в красноармейском творчестве наиболее явственно зазвучали новые мотивы. Значительное место в нем занимали песни — гимны и марши, продолжавшие традицию дооктябрьской революционной поэзии, которая в ряде случаев определяла и образность песни (например, заря свободы, пламя или пожар революции и т. п.).

Песни звали на борьбу за власть Советов, за мировую революцию. Создавались и песни об отдельных боевых эпизодах. Героями этих песен были молодой красноармеец, красный командир, комиссар, любимый командарм. Основная черта их образов — беззаветная преданность революции и народу, стойкость, сознание своего долга. «Ничего я не скажу, Красной Армии служу»,— отвечает попавший в плен красноармеец на попытки выведать у него военную тайну. В острых сатирических песенках бичевались белогвардейцы, Деникин, Колчак — «презренный царь Сибири» и пр. Пели красноармейцы и старые песни, обычно изменяя слова, припев, вставляя новые куплеты и т. п.

Развернувшееся партизанское движение породило партизанский фольклор. Песни партизан по идейному звучанию и образам близки к красноармейским, но имеют и некоторое своеобразие. У партизан было больше традиционных крестьянских песен, и новые песни нередко создавались в их стиле. В них запечатлелась обстановка, в которой велась борьба и отдельные ее эпизоды. Широкую известность получила песня дальневосточных партизан «По долинам и по взгорьям». На вооружении бойцов революции была и частушка, которая с первых же дней революции живо

откликалась на все новое. Исключительно популярно было «Яблочко», возникшее на революционном Черноморском флоте, эта песня обошла все фронты гражданской войны.

Гражданская война получила отражение и в различных устных рассказах (*сказах*). Бывшие красноармейцы и партизаны рассказывали их и после войны, вспоминая боевое прошлое, товарищей и командиров. Очень популярен в русском фольклоре стал образ Чапаева, предания о котором продолжали возникать и после войны. В годы гражданской войны начали создаваться советскими поэтами массовые песни, составившие позже основу народного песенного репертуара. Первой такой песней, подхваченной народом, были «Проводы» Демьяна Бедного. В начале 20-х годов А. Безыменский написал комсомольский гимн «Молодая Гвардия» («Вперед заре навстречу»), ставший одной из любимых песен молодежи.

Народная поэзия 20—30-х годов

Устно-поэтические традиции гражданской войны были продолжены в новом качестве в годы восстановительного периода. Их подхватили прежде всего комсомольцы, которых привлекала героика и революционная романтика. Первые комсомольцы ощущали себя солдатами революции, призванными разрушить старый мир и построить новый. В их песнях порою используются те же образы, что и в песнях гражданской войны:

Наш паровоз вперед лети,
в коммуне остановка,—

пелось в песне, которую сложили «дети тех, кто наступал на белые отряды»— комсомольцы железнодорожной мастерской под Киевом.

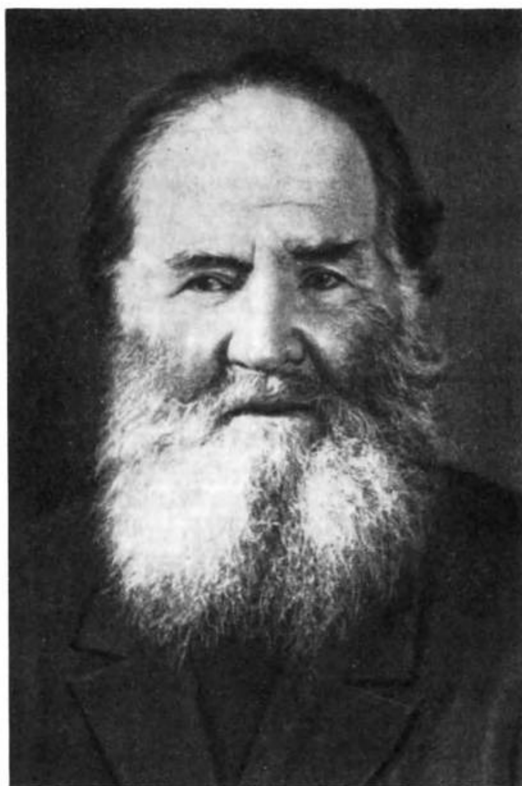
Основная же тема молодежного творчества 20-х годов — борьба за новый быт, новые семейные отношения, за культуру, против религии и всего косного. С юношеским задором пели комсомольцы частушки вроде:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов,
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.

Песни и частушки отразили нередкие в те годе конфликты между молодежью и старшим поколением, придерживавшимся еще во многом старых устоев. «Уж и била меня мать и ругала, с комсомольцами гулять не пускала»,— пели девушки.

С конца 20-х годов основной темой устного поэтического творчества деревни стало колхозное строительство. Многочисленные песни, частушки сказы и пословицы показывают, как шла борьба за колхозы, как колхозы росли и крепли и как вместе с этим изменялись быт и духовный облик колхозника. Устно-поэтические произведения о колхозной жизни в 30-е годы нередко строились в форме контрастного противопоставления «раньше — теперь». Такой прием давал возможность ярче показать происшедшие перемены и современную действительность.

Укрепившиеся связи между городом и деревней приводили к тому, что творчество колхозников идейно и по форме все более сближалось с творчеством рабочих. Это сказалось в том, что для всего народного поэтического творчества (городского и сельского) в годы первых пятилеток ведущей явилась тема ударного труда на заводах, новостройках, колхозных полях. Положительные образы народной поэзии этих лет — передовики производства, которыми гордятся заводы и колхозы. Эти образы являются основными и для лирической поэзии молодежи — любовных песен и частушек; девушки поют о милом, выполняющем несколько норм, парень с гордостью заявляет: «Моя милка по колхозу первая ударница». Народное



Ф. А. Конашков. Сказитель былин и сказочник из с. Семенова Пудожского района Карельской АССР (1936 г.)

творчество показывает, что новое, сознательное отношение к труду вошло в плоть и кровь советских людей, стало критерием при оценке человека.

Народное поэтическое творчество отмечало также отрицательные явления и пережитки, помогало бороться с ними. В острых сатирических песенках, частушках, раешниках бичевались лодыри, пьяницы, расхитители государственного и общественного добра, отмечались недостатки. Такие произведения пелись в клубах, на улицах, в цеху, помещались в заводских и колхозных стенгазетах.

С середины 30-х годов все больше входили в быт массовые русские песни, создававшиеся советскими поэтами и композиторами, например: «Полюшко, поле» (слова В. Гусева, музыка Л. Книппера), «Партизан Железняк» (слова А. Суркова), песни И. Дунаевского: «Широка страна моя родная» (слова В. Лебедева-Кумача), «Каховка» (слова М. Светлова) и др. В конце 30-х годов большую популярность завоевали песни на слова И. Исаковского: «Вдоль деревни заиграли провода», «И кто его знает» (музыка Захарова) и, особенно, «Катюша» (музыка М. Блантера). Постепенно массовые песни стали основой песенного репертуара города и деревни; распространению их способствовали радио, кинофильмы, исполнение профессиональными и самодеятельными хорами, публикация в песенниках.

Сказка из быта постепенно исчезает, ее заменяет книга, кино, радио. И в настоящее время в селах можно услышать сказки, но молодежь узнает их обычно из книг. В устной передаче больше сохраняются бытовые и сатирические сказки и анекдоты.

Своеобразным явлением фольклора 20-х годов было развитие индивидуального сказительства. Лучшие мастера традиционного фольклора хотели отразить в своем творчестве грандиозные перемены в жизни народа, ответить на заботу и уважение, которым их окружили. Делали они это в той форме, которая была им привычна, — в форме былины, сказки, сказа. Так возникли былины М. С. Крюковой (сказительница называла их «новины»), плач о Ленине «Каменна Москва вся проплакала», о Чапаеве, челюскинцах, былина П. И. Андреева-Рябинина о Чапаеве и др. Прекрасные сказочники А. К. Барышникова, Ф. А. Конашков, И. Ф. Ковалев, М. М. Коргуев, Е. И. Сороковиков и др. создавали новые сказки, в которых советская действительность рисовалась как воплощение вековой сказочной мечты. В большинстве произведений этого типа новое содержание резко диссонировало со старой формой, воспроизводимой очень

скрупулезно. Исполнялись эти произведения только их создателями и распространения не получили, но они явились закономерным этапом в развитии творчества старшего поколения мастеров фольклора.

Характеризуя фольклор 30-х годов, нельзя не отметить, что на его развитии отрицательно сказался укоренившийся тогда культ личности Сталина. Народные певцы, сказители и поэты наряду с произведениями, правдиво отражавшими разные стороны нашей жизни, создали и немало слабых, в которых художественное изображение отдельных сторон нашей действительности подменялось декларацией, а образ Сталина порою заслонял все другие; ему одному приписывалось то, что достигнуто усилиями всего народа.

Народное поэтическое творчество в период Великой Отечественной войны

Война, нарушившая мирную жизнь и труд советского народа, внесла в народное поэтическое творчество новые идеи, темы и образы; изменились и условия его создания и бытования. В воинских частях и партизанских отрядах распространялись разного рода рассказы, иногда и сказки, пословицы, меткие слова и особенно песни, о которых бывшие фронтовики вспоминают как о своих неизменных боевых спутницах.

В воинские части и госпитали выезжали бригады артистов и самодеятельные коллективы, выступали перед бойцами со своими новыми произведениями и народные сказители и сказочники — А. Е. Суховерхова, А. Е. Волкова, И. Ф. Ковалев и др.

Песенный репертуар фронтовиков был обширен и разнообразен. Бойцы пели песни, которые полюбили раньше и которые напоминали им о доме, семье, любимой — популярные массовые песни, романсы, традиционные народные песни. Вспоминались и некоторые песни гражданской войны, старые солдатские, казачьи и исторические героико-патриотические песни (например, «Ермак», «Платов»). Очень много возникало новых песен, их создавали поэты-песенники (так, любимыми фронтовыми песнями стали «Землянка» А. Суркова, музыка К. Листова; «Огонек» М. Исаковского, музыка народная, и др.) и сами фронтовики. Песенники и поэты были почти в каждой части. Армейские ансамбли и фронтовая печать способствовали быстрому распространению понравившихся песен по фронту. Солдаты, усваивая песню, нередко изменяли ее, применяли к своей части, вставляли другие имена и географические названия. Это было возможно потому, что героические события и подвиги, изображавшиеся в песнях, были массовым явлением.

Новые песни складывались и на мелодии популярных песен. При этом сохранялась структура стиха и ведущий образ песни, получивший новую интерпретацию. Известно много песен на мотив «Раскинулось море широко», множество разнообразных песен породила «Катюша». Исключительная популярность «Катюши» была обусловлена тем, что образ советской «девушки простой» полюбился бойцам. Особую группу составляли песни о «Катюше» — миномете, пришедшем на фронт «с песнею, смертельной для врагов».

Пламенный патриотизм, готовность сделать все для победы, в которую всегда верили, — идейный пафос песен Великой Отечественной войны. Но в песнях разного типа и в разные периоды войны общие для всего советского народа чувства получали разное художественное воплощение. Для начала войны характерны песни маршевого типа, песни — призывы, с обобщенными образами: «Идет война народная, священная война». Затем в песни начинают вноситься конкретные детали. Песни запечатлели бои 1941 г. под Москвой и подвиг гвардейцев-памфиловцев, не пропустивших в столицу фашистские танки:

Велика ты страна, но нельзя отступать
За спиною — родная Москва.

Москва как символ Родины характерна для всех песен военного времени. Творчество фронтовиков последовательно отразило великую битву на Волге, разгром фашистов под Курском и многие другие героические эпизоды вплоть до полной победы. Созданы были песни о городах-героях: Ленинграде и «дороге жизни» по льду Ладожского озера, о Севастополе, Одессе и др.

Героями песен были сами участники войны, порою их образы конкретизировались,— парень молодой с Васильевского острова, моряк черноморского флота, москвичи — «слесарь с винтовкой» и «профессор с Волхонки», шагающие в одном строю в московском ополчении и т. п. Воспеты были и подвиги героев: Матросова, Доватора и др. Воспоминания о близких и ожидание скорого свидания с ними особенно характерны для фронтовой лирики последнего периода войны. Тесная связь фронта и тыла породила особый песенный и стихотворный жанр — письма на фронт или с фронта и ответы на них.

Партизанскому фольклору были свойственны те же темы и образы, что и фронтовому, но особенности партизанской борьбы и быта определили их известное своеобразие; больше здесь сказалось воздействие традиционного фольклора. В песнях воссоздавались образы партизан и обстановка, в которой они действовали («Шумел сурово брянский лес», «На опушке леса старый дуб стоит» и др.), воспевались герои партизанской борьбы, например, Заслонов — «дядя Костя». О Заслонове и Ковпаке ходило также много устных рассказов, в которых частично использовались и традиционные мотивы преданий.

Большинство фронтовых песен распространялось и в тылу. Для собственно же тылового творчества, в основном женского, характерны темы помощи фронту и ожидания находящихся в армии родных. Эти произведения нередко имели форму письма или обращения к любимому: в них давался наказ смелее бить врага и скорее возвращаться с победой, рассказывалось о жизни и работе в тылу.

Взятый в целом, фольклор периода Великой Отечественной войны является своеобразной художественной летописью, отразившей дела и чувства советских людей в годы тяжелых испытаний.

Народное поэтическое творчество в период развернутого строительства коммунизма

По окончании войны в народном творчестве зазвучали темы мира и созидательного труда. В песнях и частушках рисовались образы вчерашних фронтовиков, вернувшихся на фабрики и колхозы. Типичны и образы молодежи, самоотверженно восстанавливающей хозяйство, разрушенное войной. Такой обобщенный образ дан, например, в песне «Каменщик», созданной молодыми строителями, восстанавливавшими Воронеж.

Развернулась деятельность хоров народной песни, к ранее существовавшим хорам прибавилось много новых (Уральский, Омский и др.).

Возрастающий культурный уровень народа приводит все к большему сближению профессионального и самодеятельного художественного творчества. Сейчас, когда наш народ вплотную приступил к развернутому построению коммунистического общества, народное массовое поэтическое творчество вступает в новый этап. Перед ним стоит благородная задача — украсить жизнь, воспитывать у людей лучшие моральные качества и любовь к прекрасному. Чрезвычайно благотворно сказалась на развитии народного творчества развернутая Коммунистической партией борьба по искоренению последствий культа личности; народные таланты получили теперь возможность художественно изображать современность во всем ее многообразии.

Одна из основных форм современного развития народного поэтического творчества — художественная самодеятельность. О значении ее и связях с профессиональным искусством отмечалось на XXII съезде

Концерт коллектива художественной самодеятельности (Пензенская обл., 1960 г.)

КПСС в докладе о Программе Коммунистической партии Советского Союза: «Широкую арену выявления и развития народных талантов и дарований представляет собой художественная самодеятельность, которая приобретает все больший размах. Это, однако, не снимает необходимости развития профессионального искусства. В творческой деятельности профессиональных коллективов и выдающихся мастеров искусств художественная самодеятельность будет и впредь находить для себя образцы, на которые следует равняться. В свою очередь народное творчество послужит неиссякаемым источником обогащения и расцвета профессиональной литературы и искусства»[1].

Устная поэзия продолжает и сейчас бытовать во всех слоях русского народа. Трудовые процессы она, как правило, теперь не сопровождает. Основные виды современного русского фольклора — песни и частушки — живут полной жизнью в сфере домашнего и общественного быта. Без них не проходят праздники, гулянья, свадьбы, встречи друзей и родственников, проводы в армию и пр.

Как показывают наблюдения исследователей, на улице и дома репертуар песен и частушек иной, чем в самодеятельности. В различных группах населения и при разных случаях поются разные песни, но, как правило, репертуар их всегда смешанный. Поют старинные песни и романсы, массовые советские песни, песни военных лет, а также песни, созданные местными поэтами и самодеятельностью.

Еще более разнообразны частушки, большая часть которых является местным творчеством, а нередко и импровизацией. Сами певцы выделяют разные виды частушек, отличающиеся по содержанию, ритмике, мелодии, форме исполнения и назначению. Частушки могут исполняться хором (смешанным, мужским или женским), двумя девушками поочередно,

---

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1962, стр. 223.

Выступление колхозного хора (Алтайский край, 1957 г.)

девушкой и парнем и т. п.; поются они без сопровождения или под аккомпанемент гармонии или аккордеона. Очень часто частушки сопровождают танцы колхозной молодежи: *кадриль*, *барыню* («русского»), *елецкого*, *сормача* и др.

Народная поэзия в русской литературе и искусстве

Традиционное устное поэтическое творчество явилось одним из источников русской художественной литературы, в своих лучших образцах всегда находившейся в тесном взаимодействии с народной поэзией. Когда в XVII в. появились сатирические и бытовые повести, то сюжеты и образы многих из них заимствовались из фольклора (повести об Ерше Ершовиче, о Куре и Лисице, Карпе Сутулове, о Горе-Злочастии). Передовые деятели русской культуры XVIII—XIX вв. хорошо понимали историческое и художественное значение народной поэзии. Особенно большое внимание уделили ей писатели демократического направления — Н. И. Новиков, М. Д. Чулков, М. Попов и др.; А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» использовал фольклор, чтобы показать отношение народа к различным явлениям, в частности к рекрутчине. Народные песни, обряды, пословицы и пр. заполняли комические оперы; образы былин и сказок получили отражение в поэмах и пьесах конца XVIII — начала XIX в. («Добрыня» Г. Р. Державина, «Илья Богатырь» И. А. Крылова, «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, «Бова» А. Н. Радищева, «Алеша Попович» и «Чурила Пленкович» Н. А. Радищева и др.).

Основоположник новой русской литературы А. С. Пушкин обращался к писателям с призывом: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтобы видеть свойства русского языка» [1]. С такими же примерно словами обращался к молодым советским писателям основоположник пролетарской литературы А. М. Горький. Сказки самого А. С. Пушкина — блестящий образец творческого использования народной поэзии.

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. М.— Л., 1949, стр. 72.

Поэты-декабристы А. А. Бестужев (Марлинский) и К. Ф. Рылеев на основе народных песен создали первые в России революционные агитационные песни (например, «подблюдные» — «Идет кузнец из кузницы» и др.).

Для А. С. Пушкина и декабристов устное поэтическое творчество было важнейшим проявлением национальной культуры, источником для познания психологии, воззрений и культуры народа. Эту линию продолжили и углубили революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.

Творчество большинства русских писателей в той или иной форме связано с фольклором. В первой половине XIX в. популярным жанром лирической поэзии была «русская песня». Из народной песни выросло творчество А. В. Кольцова, И. С. Никитина, И. З. Сурикова и др. Разнообразно и широко использовал устное поэтическое творчество Н. А. Некрасов. Л. Н. Толстой включил в свои произведения песни, писал сказки и легенды, в которых он использовал и сюжеты легенд, записанные от В. П. Щеголенка, когда последний гостил в Ясной Поляне. В свою очередь в устную поэзию входили произведения, сюжеты и образы художественной литературы.

После революции связи между художественной литературой и массовым поэтическим творчеством стали органичными. Советская литература — народная по своему существу, и все сколько-нибудь значительные ее произведения получают самый широкий отклик и служат образцом для массового творчества. Напротив, фольклор широко и разнообразно входит в литературные произведения. Своеобразно использовал разные фольклорные жанры В. В. Маяковский. Донской фольклор органически входит в романы М. А. Шолохова; на основе уральских горнозаводских сказов выросло творчество П. П. Бажова. Народно-поэтическая стихия пронизывает поэму А. Т. Твардовского «Василий Теркин», которая в свою очередь вызвала много поэтических откликов. С народной песней связано творчество поэтов, создающих массовые песни. Образность и художественные приемы традиционной крестьянской лирики широко использует М. Исаковский, и в этом одна из причин широчайшей популярности его песен. В повести С. Антонова «Поддубенские частушки» приведены не только образцы современного народного творчества, но и содержатся живые зарисовки процесса создания частушек и их роли в жизни колхозной деревни.

Образы былин, сказок и песен вдохновляли русских художников и композиторов. Достаточно вспомнить картины В. И. Сурикова «Покорение Ермаком Сибири» и «Степан Разин»; картины В. М. Васнецова «Три богатыря», «Витязь на распутье», «Аленушка», «Иван царевич на сером волке» и др.; «Садко» и «Бурлаки» И. Е. Репина; многие оперы Н. А. Римского-Корсакова, «Добрыню Никитича» А. Г. Гречанинова, «Богатырскую симфонию» А. П. Бородина и другие произведения. Советские композиторы продолжают эту традицию. Можно назвать, например, балет С. С. Прокофьева «Каменный цветок», оперу М. И. Красева «Морозко», кинофильмы на сюжеты сказок и былин. Народно-поэтические образы воплотились в скульптурах С. Т. Коненкова, который создал и замечательный скульптурный портрет сказительницы М. Д. Кривополеновой, в скульптуре из фарфора С. М. Орлова и других произведениях русских советских художников.

НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ

МУЗЫКА

Русская народная музыка (в первую очередь песня) записывается уже более двух столетий. Тысячи записей отдельных песен и инструментальных наигрышей, произведенных за это время, выявили одновременное существование в народном быту самых разных «пластов» фольклора, созданных в разные эпохи и дошедших до новых времен в большей или меньшей сохранности. Наиболее архаические жанры песен, главным образом обрядовые (календарного цикла), в мелосе своем сохранили отчетливые следы «архаического примитивизма» — крайне ограниченные, бедные по составу звукоряды (всего четыре или даже три разных по высоте звука), весьма слабые признаки ладовой организованности, полное или почти полное отсутствие полутонов, однообразная ритмика. Еще более архаичны наигрыши, исполняющиеся на некоторых явно реликтовых инструментах; если напевы древнейших песен идут из глубины веков, то архаичнейшие из наигрышей, возможно, — из глубины тысячелетий.

Ладовый строй большинства русских народных песен, даже старинных жанров — диатоничен. Только в очень немногих мелодиях можно заметить следы старинной ладовой структуры, так называемой пентатоники и поныне обычной у ряда народов. Видимо, стадия пентатонной музыки была пройдена у нас много столетий тому назад. Более отчетлива пентатоничность в напевах донских казаков, но это, возможно, результат влияния музыки соседних тюркских народностей. Древнейшие русские напевы просты, четки, довольно однотипны и очень слабо индивидуализированы. От подлинной песенной архаики следует отличать примитивные мелодии некоторых жанров, например детских игровых песен, а с другой стороны — явно редуцированные напевы. Таковы, очевидно, мелодии многих былин в их нынешнем звучании — аморфные, порой речитативного типа. Есть основания предполагать, что в давние века былинные напевы были более развиты; об этом свидетельствуют редкие записи старинных эпических песен былинного типа, сделанные в XVIII в.

Напевы большинства русских народных песен, в том числе и старинных (но не архаичных) жанров, весьма сложны, развернуты и своеобразны. Даже в таком традиционном жанре, как девичьи хороводные песни, много ярко индивидуализированных, цельных и изящных мелодий. Наиболее сложны, видимо, мелодии самого «молодого» жанра — лирических песен («протяжных»), часто широко распевные, узорные, прихотливо самобытные, чуждые всяким схемам. Общеизвестно весьма точное образное определение «старинных» песен, принадлежащее самим крестьянам: «Старинная песня — как река льется,— с извилинами да затонами...»

Русская народно-песенная классика

Уже в первых «песенниках» с нотами XVIII в. (сборники Кирши Данилова, И. Прача и Н. Львова, К. Трутовского и др.) в пестром переплетении песен самого разного качества, происхождения, стиля были замечены отдельные мелодии удивительной самобытности, резко индивидуализированные и высокохудожественные. Мелодии эти стали переходить из сборника в сборник; наиболее тщательно отбирали и собирали их, пополняя собственными записями равноценных напевов, русские композиторы второй половины XIX в.: Римский-Корсаков, Чайковский, Балакирев, Лядов. Так, постепенно накапливался «золотой фонд» русской народной музыки, в наши дни получивший название «народно-песенной классики». Для песенной классики русского народа характерно господство строгой диатоники. Можно отметить в ней и много случаев «хроматизма», хотя часто и слабо выраженного. Другие формальные признаки русского народного мелоса менее специфичны.

Для музыкального содержания русских народных мелодий характерен удивительно широкий диапазон, огромное разнообразие воплощенных в них эмоций, волевых усилий, психических порывов, стремлений, обобщенных и сжатых до уровня коротких формул. Общая характерная черта русской традиционной крестьянской песни — удивительная сдержанность, правдивость выражения чувств — своего рода «строгость стиля», которая являлась особо примечательным свойством песен, создававшихся крепостными крестьянами; в них никогда нельзя найти вычурного подчеркивания, преувеличения эмоций. Русские крестьянские мелодии в своих лучших образцах логичны, естественно «органичны» и не схематизированы. Сдержанность, «собранность» эмоций народного мелоса — следствие большой душевной глубины и искренности, которые исключают все пошлое, говорят о строгом, взыскательном вкусе.

Мелодии волевого целеустремленного характера, иногда мрачного тона, иногда торжествующего, типичны для песен волжских, бурлацких (например, «Эй, ухнем», «Вниз по матушке, по Волге», «Ты взойди, взойди, солнце красное»), некоторых плясовых («Ах вы сени, мои сени», «Я вечор млада»), хороводных, даже отдельных, относительно новых лирических («Не белы снеги» и др.). Мелодии таких песен чаще всего широки, неторопливы (за исключением, конечно, стремительных плясовых), непринужденны, широко напевны, порою горделивы. К этой группе примыкают бойкие, часто озорные напевы типа «Камаринский», а с другой стороны — мрачные, сурово-лаконичные напевы древних «лирико-эпических» песен («Песня о татарском полоне» или «Уж ты поле мое»), отчеканенные до последнего звука и вместе с тем своеобразные, строгие.

Напевы женских бытовых русских песен печальны, часто тоскливы. Тяжелая доля крепостной крестьянки сказалась на них со всею отчетливостью и силой. В то же время они лишены жалостливости, томности, сентиментального нытья; горе выражено в них сильно, но сдержанно («Лучинушка», «Ой да ты, калинушка» и т. п.). Совершенно иную по мироощущению группу песен составляют девичьи, в основном хороводные: изящные, мягкие, порою нежно ласковые («Липынька», «Как во городе царевна», «Катенька веселая», «Не спасибо те, игумну», «Стой, мой милый хоровод» и т. п.); по мягкости и нежности к ним примыкают некоторые свадебные песни («Приданые-удалые, ладу-ладу», «Утушка» и пр.). Даже в старинных эпических песнях можно найти богатое разнообразие и тонкость эмоционального тона, в задушевных («То не белая береза к земле клонится»), ярких, торжествующих («Высота ль, высота поднебесная»), записанных еще в XVIII в. Наконец, есть мелодии, исполненные мрачной задумчивости (разбойничья «Не шуми ты, мать сыра дубрава»), попевки надрывных плачей-голошений. Танцевальность в крестьянском мелосе выражена довольно слабо; танцевальны только относительно немногие плясовые песни: крестьянская песня в общем предельно напевна даже в четких игровых песнях, например, хороводных.

Мелодия и слово в русской народной песне

Соотношение мелодии и слова в русской народной песне разнообразно. Самый элементарный тип — простое повторение и усиление эмоционального содержания слов при помощи мелодии. Во многих песнях мелодия «перекрывает» текст песни. Смысл слов таких песен не может быть осознан без учета выразительной мелодии, представляющей своего рода подтекст, по-разному, порою даже совсем неожиданно комментирующий слова, дополняющий их значение, раскрывающий то, что словам недоступно. Так, например, нередко предельная сдержанность слов компенсируется эмоциональной мелодией, передающей смену разных состояний, их развитие или затухание. В песнях эпических, повествовательных (кроме былин), мелодия обычно осмысляется только в совокупности всех строф песни: она как бы резюмирует весь рассказ. В ряде случаев несовпадение эмоционального смысла

слов и мелодии вызывалось, вероятнее всего, социальными условиями. Особенно очевидно это в песнях социального протеста, тексты которых поневоле искажались, и только эмоции, сохраненные в свободных мелодиях, позволяют судить о полном содержании подобных песен.

Расчленение текста русской народной песни на стихи (строфы), примерно равные по объему, с одинаковым расположением главных ритмических акцентов, несомненно, обусловлено относительной краткостью мелодии и многократным (куплетным) повторением ее с новыми словами. Логическое и эмоциональное соотношение отдельных частей мелодии (музыкальных фраз), повторяемое в каждом новом куплете, определяет аналогичное грамматическое и синтаксическое построение каждого стиха. Структура мелодии, проявляя себя как мощный «организатор» песенных текстов, вела к частому повторению сходно построенных стихов, к непрерывным поискам сравнений, синонимов, аналогий и т. п. Такие типичные для русской народной песни приемы, как разрывы слова с последующим полным повторением прерванного слова (например, «по Вол..., по Волге»), тесно связаны с ладовым изложением мелодии, с ее структурой; они подчеркивают соответствующие ладовые (и иные) разрывы и связи отдельных звуков. С другой стороны, характерные интонации, типические национальные обороты речи также отражались на интонационном складе мелоса. Наконец, общая синтетическая форма русских народных песен в ряде случаев основана именно на разном соотношении мелодии и слова в разных куплетах, на изменении этого соотношения. В частности, например, следует указать на характерный для ряда песен принцип постепенного «приведения к параллелизму», когда в первых куплетах имеется глубокий подтекст выразительной мелодии к еще нейтральному эмоциональному тексту первых строф и лишь в последних строфах разъясняется идейный и эмоциональный смысл всего изложения; мелодия, таким образом, раскрывается словами и в конце песни достигается их параллелизм.

Городская песня

В самых первых песенниках XVIII в. наряду с записями крестьянских песен встречаются совсем иные песни, выражающие вкусы и настроения горожан, в частности, мещанства. Городские влияния сказались прежде всего в энергичном воздействии приемов европейской музыки — гармонического стиля. Ладовая свобода и часто нечеткость ладовых функций (характерные для крестьянского мелоса) стали заменяться четкими схемами натурального мажора и гармонического минора (с обязательным повышением VII ступени). Ритмическая свобода протяжной крестьянской песни, частые смены размера, сложные размеры стали уступать место четкой метро-ритмике танцевального или маршевого характера. Так, например, впервые появилась четкая трехдольность. Городские песни отличались от крестьянских и в текстах, и в мелодиях. Со временем эти различия углублялись. Сдержанность, «строгость стиля» крестьянской песни уступили место более открытому лиризму, пышному развитию любовной лирики, дешевой ходульной романтике. Так постепенно выявлялись черты мещанской песни, распространявшейся в XIX в. все шире и шире. Во многих районах распространение таких песен сопровождалось исчезновением традиционных крестьянских песен. Позднее, во второй половине XIX в., в городах появилась студенческая, рабочая, революционная песня, романс и, наконец, частушка, постепенно получавшая массовое распространение.

Первые революционные песни пелись порою на напевы крестьянских песен (например «Дубинушки», «Вниз по матушке по Волге»). Позднее стали использоваться мелодии зарубежных революционных песен: польских («Варшавянка»), французских («Марсельеза», «Интернационал») и др. Стали возникать новые революционные мелодии. По складу своему это были городские песни. Мелодраматизма в них не было; их отличали энергичные темпы, мужественный колорит, маршевые метры и ритмы, яркие,

глубоко искренние, прочувствованные эмоции, целеустремленность. Революционная русская песня наряду со старой крестьянской была одной из основ, из которой возникла после Октября советская массовая песня.

Частушка

До Великой Октябрьской революции частушки музыкантами почти не изучались и не собирались. Первые шаги этого нового песенного жанра остались почти неизвестными. Характерной чертой, отличающей частушку от песни, является возможность исполнения на тот же напев множества разных двустиший и четверостиший. Частушка исполняется под переборы гармони, и ладо-мелодическая структура ее нередко отражает эти переборы. Считать частушку «немузыкальным» жанром — в корне ошибочно. Записи частушечных наигрышей на гармони, произведенные советскими исследователями, доказали, что музыкальная одаренность народа проявила себя именно в этих наигрышах; многие из них оказались удивительно самобытными, выразительными и неистощимо-разнообразными. Правда, до лучших мелодий народно-песенной классики частушка, конечно, не подымается. К тому же широко популярные частушечные напевы часто низкого художественного достоинства.

Русское народное многоголосие

Первые свидетельства о многоголосном хоровом пении русских крестьян относятся к концу XVIII в. Еще драматург В. Капнист отмечал восторженный отзыв композитора Сарти, услыхавшего хор русских гребцов. Однако почти все записи народных песен, в том числе и явно хоровых, опубликованные в XVIII—XIX вв., были одноголосными. Мнение об одноголосном характере народного пения господствовало до конца XIX в. Проблема эта была решена только в начале XX в., когда Е. Линева впервые использовала для фиксации песен точную и неопровержимую механическую запись (фонограф). Ее записи доказали широкую распространенность народного многоголосного пения в самых разных областях, его неожиданно высокий уровень и поразительную самобытность. Многочисленные послереволюционные записи доказали, что в ряде областей многоголосное пение имеет местные особенности. Число реальных голосов и регистр их звучания, манера использования подголосков существенно отличаются, например, в северных областях (Архангельской, Вологодской) и в южных (Курской, Воронежской и др.). При первой же публикации Е. Линевой достоверных образцов русского народного многоголосия передовые музыканты, в частности В. В. Стасов, один из идеологов «могучей кучки», поняли огромное значение многоголосия и увидали в нем залог новых возможностей хорового искусства.

Русское народное многоголосие — полифонично, все исполнители поют относительно равноправные варианты того же музыкального образа. В отличие от западноевропейской имитационной полифонии в русских народных хорах отдельные голоса (*подголоски*), исполняя варианты мелодии, в то же время стремятся к обогащению, углублению ее. Они как бы соревнуются друг с другом в творческом развитии одной исходной попевки — «зерна» мелодии. В русском народном многоголосии сочетаются две противоречивые тенденции: стремление по традиции к точному сохранению знакомого музыкального образа и живое творческое обновление его при каждом исполнении. При творческом варьировании мелодия непрерывно развивалась, нередко «шлифовалась» и совершенствовалась. Таким образом, высокий художественный уровень русских народных мелодий и народные методы хорового творческого исполнения их — явления взаимосвязанные, взаимодействующие.

Народная инструментальная музыка

Сведения об инструментальной музыке до XX в. были крайне скудны; сводились они в основном к описанию народных инструментов. Наигрыши начали публиковаться только в текущем столетии. Наиболее архаичным типом народных инструментов, бытовавшим еще в XIX—XX вв., следует

Игра на «кувиклах»

считать *кувиклы* (или *кугиклы*)—русскую разновидность «флейты Пана». Считалось, что инструмент этот давно исчез из быта, но в последнее время он снова найден в отдельных селах Курской и Орловской областей. Кувиклы—примитивнейший набор двух —пяти дудочек с крайне малыми возможностями звукоизвлечения, пережиток отдаленных времен. Гораздо большее распространение и значение имела игра на пастушеских *рожках* — деревянных трубах с пятью—шестью отверстиями разной величины и, соответственно этому, разного диапазона звучания (*басы*, *полубасы*, *визгунки*); по типу своему они весьма сходны со старинными, известными по рисункам военными трубами Древней Руси. Игра пастухов-рожечников летом в поле была, естественно, сольной; зимой рожечники играли и небольшими ансамблями; многоголосие их было по своим принципам близко народному пению. «Хор рожечников» (ансамбль), организованный в конце XIX в. Н. Кондратьевым, приобрел широкую известность, выступая в крупных городах России и за границей. К духовым народным инструментам относятся также *жалейка*, или *брелка* — дудочка с *пищиком*, язычковый сольный инструмент, по тембру напоминающий гобой в его верхнем регистре; распространены были разные *дудки*; в Смоленской обл. сохранилась двойная дудка (*двойчатка*), нечто вроде двойной флейты.

Из струнных инструментов древнейшими были, видимо, *гусли*, упоминаемые в летописях и во многих старинных песнях; из широкого употребления они вышли, вероятно, только в прошлом столетии. Игра на гуслях сохранилась ныне только кое-где в Псковской и Архангельской областях. Гусли—щипковый инструмент типа маленькой горизонтальной арфы, укрепленной на плоском ящике—резонаторе. Другим древним щипковым инструментом была *домра*, упоминания о которой часты примерно с XV в.

Древнейший смычковый инструмент — *гудок*, как и домра, был любимым инструментом скоморохов. Гудок, возможно, один из предков современной виолончели (держат его во время игры у колена; струн — три, смычок лукообразный). Из употребления он также вышел, видимо, в

Русские народные музыкальные инструменты:

1 — гусли звончатые, *2* — гудок (реконструкция Фомина), *3* — домра, *4* — старинная балалайка, *5*—пастушья труба, *6* — рожок, *7* — свирель двойная, *8* — сопелка, *9* — парная жалейка

Ансамбль владимирских рожечников

прошлом столетии, хотя единичные гудошники существовали вплоть до самого последнего времени. Скрипка также, видимо, была одним из древнейших русских народных инструментов (*скрипица*); судя по сохранившимся изображениям, на скрипке, держа ее по-современному, играли уже лет 800 тому назад. В наши дни народные скрипки, вполне тождественные с профессиональными, сохраняют во многих местах популярность. Из наиболее новых народных инструментов следует назвать балалайку, усовершенствованную в конце XIX в. В. В. Андреевым. Его домрово-балалаечный ансамбль сумел завоевать большую популярность.

Из ударных русских инструментов можно назвать деревянные *трещотки*, употреблявшиеся на свадьбах и имевшие, видимо, в далеком прошлом обрядово-заклинательное значение; использовались также *бубны* и даже деревянные ложки.

С середины XIX в. началось победное шествие *гармони*. Завезенная из-за границы (губная гармонь, *тальянка*, *венка*) гармонь была быстро освоена и скоро появились ее русские варианты, строй которых более подходил к ладовому изложению русской песни (*ливенка*, *вятка* и др.). В конце XIX в. были созданы хроматические гармонии (*хромка*) и, наконец, *баян*. Усовершенствование и широкое распространение баяна относится к самым последним десятилетиям XIX в. и началу XX в. В послевоенные годы некоторое распространение получил *аккордеон*.

Воздействие народной музыки на формирование русской музыкальной классики

Стремительный расцвет русской музыки в XIX в. был связан с высоким художественным уровнем народного искусства. Во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. композиторы еще не отличали крестьянской песни от ее городской переработки и сами платили более или менее явственную дань сентиментализму и псевдоромантике. Они использовали не столько шедевры крестьянского искусства, сколько популярные «городские песни». Историческое значение творчества М. И. Глинки состояло в том, что он

первый осознал самобытность и высокую художественность лучших образцов крестьянской песни. Особо значительную роль сыграла его симфоническая фантазия «Камаринская». Основанная на творческом развитии двух русских мелодий, эта фантазия, по известному выражению П. И. Чайковского, стала «желудем», из которого позднее вырос могучий дуб русского симфонизма. В равной мере основополагающее значение для развития русского оперного искусства имели обе оперы М. И. Глинки, «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Преемники М. И. Глинки — П. И. Чайковский и «кучкисты» — энергично развили его принципы, использовав в своем оперном и инструментальном творчестве лучшие образцы народно-песенной классики и создав национальное музыкальное искусство, завоевавшее мировое признание. Народные мелодии они использовали и как темы своих произведений, и для создания целых опер, и, наконец, как образцы для подражания. При этом они смело шли на реконструкцию народных мелодий, дошедших до них в явно искаженном виде (яркий пример — «Высота» в опере «Садко» Н. А. Римского-Корсакова).

Основываясь прежде всего на народной музыке, русские композиторы использовали нередко и тексты песен, стремясь глубоко осознать их темы и идеи. Н. А. Римский-Корсаков говорил: «Народная песня для меня — целая программа». Опережая исследователей-фольклористов, которые тогда либо вовсе не знали о народном многоголосии, либо робко и неумело пытались привести его образцы, композиторы дали уже в последние десятилетия XIX в. образцы художественно верной интерпретации народных хоров (наиболее известный пример — хор поселян из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь»). Используя крестьянский мелос, композиторы, особенно П. И. Чайковский, не пренебрегали и интонациями городских песен, песен-романсов. В то же время они непримиримо боролись с дурным вкусом «псевдонародной» песни, как называли они мещанские песни. Борьба за строгий музыкальный вкус сыграла огромную роль в пышном развитии русской музыкальной классики.

С начала XX в. богатство русской народной музыки использовалось более редко и поверхностно, хотя именно тогда были найдены и зафиксированы неведомые ранее формы ее, в частности народное многоголосие. Это зависело от распространения модернистских направлений, как правило, пренебрежительно относившихся к народному творчеству, которое огульно зачислялось в «архаику». Вне поля зрения дореволюционных композиторов остались новые типы песен, начавшие развиваться с конца XIX в. (запретная тогда революционная песня, частушка).

Разработка наследия старой революционной песни была начата только советскими композиторами, что ярко сказалось в стиле многих советских массовых песен. Они же дали удачные образцы использования напевов частушки. Параллельно идет интенсивное собирание и изучение русской народной музыки.

Судьбы и перспективы народной русской музыки в советские годы

Принципиально новый взгляд на художественное творчество народных масс привел к радикальному и все более углубляющемуся сдвигу в судьбах музыкального фольклора. В его развитии и расцвете сказались многочисленные и разнообразные формы содействия народному искусству (интенсификация сбора и изучения образцов народной музыки, публикация новых сборников народных песен и наигрышей, широкое использование новых записей советскими композиторами, введение курса музыкального фольклора в музыкальных учебных заведениях, организация народных хоров — любительских и профессиональных, реконструкция народных инструментов и др.).

В результате коренных изменений в крестьянском колхозном быту стали исчезать старинные обрядовые и «исторические» песни, тоскливые

Пастух играет на рожке

песни о бабьей доле, причитания, «духовные стихи» и т. п. Вместо них в селах зазвучали новые частушки и песни советских композиторов самых разных жанров, услышанные по радио, в кино. В разных областях процессы, происходящие в песенном репертуаре, сложны, местами противоречивы и мало еще изучены. Старинные народные инструменты продолжают вытесняться гармонью, баяном, а также целыми комплектами инструментов современного оркестра (духовыми, иногда «оркестрами народных инструментов», главным образом домрово-балалаечными). Дальнейшие судьбы народной музыкальной культуры определяются интенсивностью развития музыкальной самодеятельности, в том числе хоров народной песни, которые имеют большое значение в укреплении и даже возрождении местных песенных традиций. Создаваемые в таких коллективах новые песни развивают местные музыкальные традиции, а по структуре стиха ориентируются на стихотворные размеры, утвердившиеся в русской поэзии. Новая народная песня развивается не интуитивно, а на основе широкого развития музыкальных знаний, музыкальной грамотности.

ТАНЦЫ

В настоящее время среди русского народа бытуют хороводы, бытовые и сюжетные танцы. Древней формой русского народного танцевального искусства были хороводы. Исполнение их, как правило, приурочивалось к определенному времени года. Поэтому хороводы принято называть обрядовыми, или календарными танцами. Хороводы среди других русских танцевальных жанров тематически наиболее богаты и разнообразны. В них нашли отражение многие стороны жизни русского народа. Наиболее древними следует считать те хороводы, в которых отражается труд народа («Просо», «Кто с нами пашенку пахати», «Как же мне, матушка, белый ленок сеять», «Посеяли девки лен» и мн. др.). Обычно текст этих хороводов излагается в форме диалога между отдельными группами исполнителей или участниками и солистом. В большинстве случаев тексты хороводов на трудовую тематику иллюстрируются соответствующими содержанию дви-

жениями, жестами и мимикой. Хороводы на трудовую тематику легли в основу сюжетных танцев. В хороводах на бытовую тематику первое место занимают сюжеты, отражающие отношения в патриархальной семье. В текстах этих хороводов образ женщины рисуется в двух планах: счастливой и беззаботной — в семье родителей и, наоборот, несчастной и горькой — в семье мужа. Девичье гулянье заменил тяжелый труд, а отца и мать — суровый и требовательный свекор и злая и придирчивая свекровь («Выходили красные девушки», «Вдоль да по улице», «Кабы знала, возвестила, я б повыше подмостила» и др.). В других хороводах изображается неравный брак, когда родители, преследуя материальные выгоды, отдавали свою дочь за богатого старика или «малого» недоростка. В текстах этих хороводов передана мечта девушки о любимом муже-ровне («Во поле береза стояла», «Ай, во поле липонька», «Он не ровня мне» и др.). Выбор невесты или жениха в текстах хороводов часто рассматривается сквозь призму отношения человека к труду. Девушка обычно мотивирует отказ жениху-неровне тем, что он не сможет работать так, как она, а «недоросток» еще может и расплакаться. Тема отношения к труду нашла свое развитие в хороводах, в которых высмеиваются лодыри и лентяи («То-то горе мое, горевание»). Особое место занимают хороводы, в которых нашли отражение социальные мотивы. Обычно в них высмеиваются попы, монахи, баре и т. д. В них народ высказывал свою ненависть к крепостному строю.

На основании хороводов с социальным содержанием в народе возник целый ряд шуточных и сатирических песен («Во саду ли, в огороде», «По улице мостовой», «Камаринская», «Барыня» и др.). Особенно остро сатирическим содержанием отличается танцевальная песня «Барыня».

Хороводы бытовой тематики отличаются разнообразием и красочностью композиционных элементов и хореографических рисунков. Тут можно увидеть круги, ряды, зигзаго-спирале-подковообразные линии, «шестеры», «восьмеры» и т. д. В них встречаются и пантомима, и элементы народной драмы. Этими особенностями в большинстве случаев отличаются игровые хороводы. Многие танцевальные движения, вошедшие в золотой фонд русской народной хореографической классики, сформировались в хороводах. Среди хороводов русского и других славянских народов встречаются и такие, в которых отражались первобытные формы религиозных представлений и верований. Мелодии хороводов жизнерадостны, оптимистичны, эмоционально выразительны. Отличаются они ладовым богатством и ритмическим разнообразием.

Мелодии хороводов использованы в творчестве классиков и советских композиторов, особенно Даргомыжского, Римского-Корсакова, Чайковского и др. Хороводы занимают большое место в репертуаре современных народных самодеятельных и профессиональных танцевальных коллективов. Народная артистка РСФСР Н. Надеждина создала всемирно известный ансамбль «Березка», в основу репертуара которого легли хороводы.

Тематика и стилистические особенности хороводов имеют общеславянскую основу; бытовые танцы (трепак, камаринская, барыня, перепляс, частушка и кадриль) отличаются от них русским национальным колоритом, который прослеживается и в хореографии, и в музыке. Жанр бытовых танцев имеет свои специфические стилистические черты.

Бытовые танцы развивают, расширяют и углубляют основы орнаментальной хореографии, свойственной хороводам на бытовую тематику. Сохраняя общие композиционные элементы хореографии хороводов, народ широко развил и обогатил хореографическую лексику, определяющую национальную основу русского народного танцевального искусства. В бытовых танцах раскрывается характер человека, его находчивость, изобретательность, ловкость и безудержное веселье. В хороводах ведущая роль принадлежала женщинам, а в бытовых танцах — мужчинам, исполнявшим присядки, верчения, прыжки, «беги» и т. д. Среди бытовых танцев

34 Заказ № 888

русского народа наиболее своеобразный и оригинальный танец — *переплясе*. Его исполнение носит импровизационный характер. Основой в нем является соревнование участников. Показывая свое исполнительское мастерство, в переплясе соревнуются не только мужчина с мужчиной или женщина с женщиной, но и мужчина с женщиной или целые группы танцоров. Принцип перепляса имеет большое значение в танцах, созданных в наше время. Исполнение частушек, состоящих из чередования песни и танца, как и перепляс, часто носит импровизационный характер. В частушке-танце в основном используются всевозможные *дробушки*.

В быту русского, украинского и белорусского народов привился французский танец *кадриль*, который, сохранив первоначальное название, приобрел черты национального танцевального искусства этих народов. Позже кадриль начали называть *ланцы* («лансье»). Русская кадриль отличается яркой самобытностью и имеет множество самых разнообразных вариантов. Характерной особенностью русской, а также украинской кадрили является наличие в них элементов сюжетности. В русской кадрили это настолько ярко выражено, что она имела значительное влияние на формирование многих сюжетных танцев.

Не менее интересна музыка бытовых танцев. На основании танцевальных песен «Камаринской», «Барыни», «По улице мостовой», «Под яблоней зеленой», «Березы», многочисленных мелодий частушек и т. д. создано множество вариантов инструментальных наигрышей. Мелодии бытовых танцев нашли широкое использование в произведениях классиков и советских композиторов. Некоторые из русских бытовых танцев стали неотъемлемой частью культурной жизни народов других республик нашей страны.

Сюжетные танцы отличаются от хороводов и бытовых танцев тем, что имеют определенный сюжет, который раскрывается хореографическими и музыкальными средствами художественной выразительности без текста. В хореографическом отношении они наиболее совершенны и представляют собой высшую ступень народного танцевального искусства. В них показана работа в поле, вышивание, повадки животных, птиц, рыб и т. д. («Ленок», «Капустка», «Утушка» и многие др.).

Кадриль имела влияние на формирование многих сюжетных танцев. В них нашли широкое применение композиционные элементы и танцевальная лексика, характерная для хороводов и бытовых танцев. Большое значение имеет также принцип перепляса.

Хороводы, бытовые и сюжетные танцы, созданные народом в течение веков, стали классическим наследием советского народа и составляют основу современной русской танцевальной культуры. Многие танцы претерпели ряд изменений. Трепак теперь не бытует, но он стал основой для создания многих вариантов дробушек, используемых во всех жанрах танцев. Русский перепляс до настоящего времени сохранился в народе как самостоятельный танец. Элементы перепляса нашли широкое применение во всех других танцах. Очень развилось и усовершенствовалось музыкальное сопровождение частушек. Многие народные танцы обрабатываются хореографами-профессионалами и входят в репертуар многочисленных самодеятельных и профессиональных танцевальных коллективов, в частности всемирно известного ансамбля, руководимого народным артистом СССР И. Моисеевым (варианты камаринской, барыни, частушек, сценические обработки хороводов и сюжетных танцев).

На основе классического наследия народных танцев в самодеятельных и профессиональных коллективах создаются хореографические произведения, отражающие жизнь русского народа в прошлом и настоящем. В наше время развивается в основном жанр сюжетных танцев. Тематика их исключительно широка. Их творцами являются народные исполнители, хореографы-профессионалы и отдельные коллективы, хорошо знающие жизнь народа и его художественные запросы.

НАРОДНОЕ ДЕКОРАТИВНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Русское народное декоративно-изобразительное искусство, отражающее художественные вкусы и традиции народа, богато и разнообразно. Оно формировалось веками и неразрывно связано с бытом и эстетическими запросами народа. Все его виды и локальные типы имеют между собой много общего — простоту и рациональность форм, органическую связь между формой и отделкой предметов, яркую жизнерадостную, часто контрастную гамму. Много общего и в характере национальной орнаментики и в манере подачи сюжетных сцен — двух основных видов изображений, которые как бы дополняются одно другим. Наиболее широкое распространение в русской орнаментике имеет геометрический и растительный орнамент, а также изображение животных и птиц. Сюжетная линия в народном искусстве представлена символической, сказочной и жанровой тематикой.

Резное дерево

В художественной отделке жилища первое место как по древности происхождения, так и по массовости распространения занимает резное дерево.

Скульптурная обработка дерева богаче всего была представлена в Архангельской, Вологодской, Пермской, Ярославской и Нижегородской губерниях. Объемные изображения здесь применялись в XIX — начале XX в. чаще всего для украшения коньков, венчающих крышу, повалов и «куриц», поддерживающих кровлю. По примитивной технике выполнения (вытесывание топором) и характеру орнаментации (различные, большей частью условные варианты головы и верхней части туловища коня и птицы) большая часть исследователей относит возникновение этого вида скульптуры к периоду бытования у восточных славян дохристианских культов, среди которых видное место занимал культ коня, непременно сопровождавший культ солнца. Скульптура из дерева применялась также для украшения амбаров, ворот, ставень, некоторых деталей интерьера (дверных и печных коников) и утвари, но последняя выполнялась уже более совершенным инструментом — ложчатым долотом. Ковшам и солонкам, вырезаемым из одного куска дерева, чаще всего придавали форму птицы, туловище которой служило резервуаром, а хвост и голова — ручками. Сосуды в виде уток, гусей, лебедей, бытовавшие в XVII—XIX вв., отличаются лаконичностью и точностью изображения и исключительной пластичностью формы.

Весьма многогранное применение деревянная скульптура малых форм нашла в детской игрушке. Домашнее производство игрушки было особенно распространено в среднерусских и северных губерниях. Уже в XVIII в оно приобрело товарный характер. Во второй половине XIX в. крупнейшими центрами этого ремесла были районы Троице-Сергиева посада Московской губ. и соседнего с ним с. Богородского. Богородские резные игрушки пользовались большим успехом внутри страны и служили предметом вывоза за границу. Большим спросом за рубежом пользовались также изделия из капокорешка, которыми славилась Вятская губ. Наряду с массовым производством игрушек, изображающих животных, птиц и сказочные персонажи, в деревянной скульптуре реалистически отражались бытовые злободневные сюжеты. Жизненность жанровых сценок подчеркивалась юмором, переходящим в сатиру при изображении купцов-мироедов и надменных бар.

Помимо бытовой скульптуры, в северных и среднерусских губерниях вплоть до начала XX в. была распространена скульптура религиозного характера, изображавшая «святых», а чаще — «страсти Христовы»

Резьба по дереву XIX в.:

1 — швейка (Вологодская губ.), *2* — ларец (Архангельская губ.), *3* — донце прялки (Нижегородская губ.), *4* —бердо для тканья поясов (Архангельская губ.), *5*— валек (Архангельская губ.)

(бичевание, распятие). Она была обычно больших размеров (в рост человека) и часто раскрашивалась [1].

Еще более широкое распространение, чем скульптура по дереву, в народном быту имела плоско-рельефная резьба больших и малых форм. Она украшала, особенно в северных губерниях, в Верхнем и Среднем Поволжье, фасады домов, а внутри их — дверные проемы, лавки, полки и божницы. Первоначально эту резьбу выполняли топором путем стесывания, затем появляется долбленая резьба, сделанная при помощи топора, ножа и долота, а также контурная и ногтевидная, наносимая при помощи ложчатого долота.

С введением ложчатого долота плоско-рельефная резьба приобрела более плавные контуры. Резьба этого вида повсеместно применялась для украшения утвари — прялок, коромысел, вальков и др., а также дуг, телег и саней.

Наибольшего развития она достигла в Поволжье, где ею украшались речные суда и жилые строения. Поволжская резьба имела ряд отличительных особенностей (большую высоту рельефа, разнообразие орнамента, сложную композицию). Любимыми мотивами ее являлись растительная гирлянда и парные фигуры симметрично расположенных животных или мифологических существ. Наряду с исконными геометрическими орнаментальными мотивами широкое распространение в ней получали разнообразные жанровые сценки. В 70—80 годах XIX в. в связи с изобретением лобзика плоско-рельефная резьба повсеместно была вытеснена более дешевой и менее трудоемкой пропиловкой.

Живопись, графика, роспись

Первые известные нам образцы живописи и бытовой росписи относятся к XI в. Особое развитие они получили в монастырях и городских центрах, где непосредственно вслед за принятием христианства как государственной религии появляются фрески и иконы. Иконопись и монументальная живопись выполнялись профессиональными художниками по византийским канонам и первоначально существенного влияния на народное изобразительное искусство не имели, однако под влиянием окружающего быта и народной орнаментики эти виды вскоре приобрели своеобразные, чисто русские черты. В XVII—XVIII вв. в процессе формирования всероссийского рынка в ряде районов, в частности в Московской и Владимирской губерниях, иконопись приобрела характер промысла, однако сохраняла традиционные формы и стилистические особенности (схематизм композиции, упрощенная манера изображения форм и ограниченный набор красок). Одной из особенностей композиции иконы была многоярусность, центрирование основного образа и окружение его как рамкой рядом сцен, выполненных в более мелком масштабе. В центре иконы чаще всего находилось изображение святого, по бокам которого помещались его «деяния».

Одним из интереснейших видов народного изобразительного искусства был лубок, развившийся в России параллельно с книгопечатанием и к концу XVIII в. завоевавший широкую популярность. Красочные занимательные дешевые листы его можно было встретить в красном углу любой крестьянской избы. Лубки, как правило, сопровождались текстом и по своему сюжету были очень разнообразны. Среди них имелись лубки лирические (являвшиеся часто иллюстрациями народных песен), исторические (изображавшие главным образом битвы), сказочные (изображавшие различные моменты из жизни героев русских былин и сказок — Бовы Королевича, Алеши Поповича, Ильи Муромца, Ивана Царевича, Василисы Прекрасной и др.), религиозные, назидательные и нравоучительные. Большой популярностью пользовались бытовые и сатирические

---

[1] См., например, коллекции Отдела народного творчества Гос. Русского музея.

лубки. На них изображались различные моменты производственного и домашнего быта (пахота, посиделки, народные гулянья) и резко высмеивались пороки — лень, пьянство, щегольство. Большой популярностью пользовался лубок-памфлет «Как мыши кота хоронили», а в период Отечественной войны 1812 г.— сатирические листки, высмеивающие французов. В связи с острой социальной направленностью многих народных картинок в 1839 г. для них ввели правительственную цензуру, в результате чего лубок вскоре прекратил свое существование, но впоследствии возродился в виде хромолитографии и олеографии. По технике исполнения лубок представлял собой примитивную одноцветную гравюру, которая от руки раскрашивалась тремя-четырьмя яркими красками. В художественной манере лубок отражал традиции народного изобразительного искусства; для него было характерно силуэтное решение композиции и условная многоярусная передача пространства. Лубки оказали большое влияние на фольклор и на многие виды крестьянского изобразительного искусства, в частности на искусство бытовой росписи.

Раскраска и роспись русского народного жилища масляными красками широко вошла в быт в XVII в. Простейшими видами ее была раскраска, выполнявшаяся чаще всего двумя контрастными цветами, а также орнаментальная роспись, имитирующая кирпичную или белокаменную кладку. Характерной особенностью этого вида народной росписи была красочность и лаконичность. На ставнях и фронтонах дома в XIX — начале XX в. поверх фонового тона часто изображались яркие цветы, львы, птицы или сказочные звери. В большей части северных и поволжских губерний двери, подпечье, голбцы, полати, заборки, залавки и шкафы также раскрашивались яркой масляной краской, причем геометрический центр украшался растительной ветвью или розеткой. Сюжетная роспись была более характерна для утвари. Так, при раскопках древнего Новгорода в слоях XIII—XIV вв. был обнаружен ряд предметов, покрытых орнаментальной и сюжетной росписью. Роспись на прялках, коробах, сундуках и мелкой утвари с ее традиционными стилистическими особенностями сохранялась вплоть до 20-х годов XX в.

К древнейшему типу русской бытовой живописи относилась роспись мезенского и северодвинского типа, которой свойственна довольно блеклая красно-черная гамма красок, геометрический и стилизованный орнамент в виде животных, а также линейная многоярусная композиция. Вологодская, северодвинская и архангельская роспись отличалась более сложной композицией, в которой нередко основное внимание сосредоточивалось на центральном мотиве. Основу орнамента этих росписей составляли растительные элементы, а центральные сценки чаще всего носили жанровый характер (скачущие всадники, мчащиеся тройки, изображения пирушек, чаепитий и др.).

Роспись на утвари по своим стилистическим особенностям резко отличалась от настенной. Она была также ярко декоративна, но это достигалось иными средствами и приемами — графичностью изображений и композиционной насыщенностью. Жанровые сценки и орнамент подчинялись единому декоративному замыслу и густо, иногда в несколько ярусов, заполняли плоскость расписываемого предмета. Все изображения были подчеркнуты контрастной обводкой и, как и в лубке, покрыты заливкой ярких тонов. Особое место в бытовой росписи занимали нижегородские изделия. Старейшие дошедшие до нас росписи этого края по своему стилю близки к вологодским. В XIX в., видимо под влиянием ремесленников-иконописцев, а может быть, непосредственно ими самими, техника росписи была видоизменена. Она стала менее графичной и более близкой к живописи. В XVIII в. в Нижегородском крае, в районе с. Хохломы, возник специальный промысел по изготовлению и росписи деревянной посуды; со второй половины XIX в. роспись стала дополняться лакиров-

Роспись по бересте (Вологодская губ., вторая половина XIX в.)

кой. В течение XIX в. хохломские изделия подвергались влиянию ряда модных городских стилей, однако в основе своей сохраняли традиционное орнаментальное древнерусское травное письмо, графическую его трактовку и золотисто-красную с черным гамму. Деревянная росписная посуда производилась также в районах Твери, Калуги, Дорогобужа, в Вологодско-Белозерском крае и в Подмосковье.

Еще большее влияние городских вкусов сказалось на оформлении бытовых изделий из папье-маше, производство которых возникло в конце XVIII в. в подмосковном с. Федоскине[1]. Главным потребителем этих изделий (шкатулок, табакерок, подносов) были дворяне и зажиточные горожане, и роспись была рассчитана на их вкусы, однако по рисунку и подбору цветов сохраняла национально русский характер благодаря использованию народных традиций. Роспись выполнялась на черном фоне, в сочетании с которыми яркие тона выглядели особенно сочно; рисунок и композиции, отличавшиеся примитивностью, обладали тем не менее большой декоративной выразительностью. В XIX в. мастера стали копировать произведения профессиональных художников того времени. Однако они настолько перерабатывали и стилизовали оригинал, что заимствованное произведение приобретало иные, свойственные лишь федоскинским миниатюристам, стиль и композицию.

Интересной разновидностью росписи на черно-лаковом фоне являлась роспись на железных подносах, возникшая невдалеке от с. Федоскино, в с. Жестове, в первой трети XIX в. По своим техническим и стилистическим особенностям она была близка федоскинской и отличалась столь яркой декоративностью, что вскоре завоевала себе широкий рынок сбыта, вытеснив продукцию более старых уральских подносных промыслов (Нижне-Тагильских, Невьянских и др.).

Одной из своеобразных разновидностей русской декоративной росписи была роспись *писанок* — праздничных (особенно «пасхальных») яиц. Искусство это сложилось еще в глубокой древности. Писанки изготовлялись «восковым способом», т. е. заливкой или накапыванием воском

---

[1] Изделия эти по фамилии владельца фабрики — купца В. П. Лукутина, в дореволюционное время носили название «лукутинских».

орнамента (*капанки*), выскабливанием (*скобленки*) и реже росписью кистью (*рисованки*). К концу XIX в. в центральной и северной России они были вытеснены крашеными яйцами (*крашенками*). Большая часть писанок очень красочна, исполнена в красно-желто-черной расцветке и украшена геометрическим или растительным орнаментом.

Ювелирные изделия

Особое место среди росписи занимает роспись по эмали. Эмаль как отделочный материал использовалась в русском бытовом искусстве издревле. Перегородчатой эмалью украшались ювелирные изделия, оружие и церковная утварь. Исчезнувшее в результате татаро-монгольского нашествия почти повсеместно, это искусство в XVI—XVII вв. возродилось в виде перегородчатой эмали, и в виде росписи эмалевыми красками достигло пышного расцвета в Москве и в ряде северных городов —Сольвычегодске, Великом Устюге, а в XVIII в.— в Петербурге и Ростове Ярославском. Сольвычегодская и великоустюжская роспись по эмали носили, в основном, орнаментально-графический характер, близкий к местным народным традициям росписи. В других же центрах изготовлялись главным образом портретные или тематические миниатюры, чаще всего на религиозные темы. Особой популярностью пользовались ростовские росписи, отличавшиеся выразительностью рисунка. В них преобладала не графическая, а живописная манера, характеризовавшаяся объемным, светотеневым рисунком. Изделия, украшенные эмалью, были довольно дороги и предназначались для церковного обихода; выделывались и бытовые предметы для зажиточных слоев общества. Еще менее распространены в народе были другие виды ювелирного искусства — художественная обработка золота и серебра, развитая в тех же пунктах. Искусство украшения золотых и серебряных изделий чернью было известно еще мастерам Киевской Руси. Гравированное изделие посыпалось порошком черни, прокаливалось (благодаря чему чернь заполняла все нанесенные резцом штрихи и линии), а затем полировалось. Предметы, выполненные в этой технике, украшались орнаментом и чаще всего сюжетными композициями: охотничьими или галантными сценками, сценками, иллюстрирующими русские приключенческие повести и былины, а также нередко видами городов. Черненые и гравированные изделия русских мастеров были широко известны за пределами России и неоднократно получали почетные дипломы на международных выставках.

В Великом Устюге производились различные бытовые предметы с эмалью, серебряными и золотыми накладками, предметы, сделанные или частично украшенные *сканью* (*филигранью*) — венцы и оклады к иконам, коробочки, брошки, браслеты, которые также часто украшались перегородчатой эмалью. К концу XIX в. наряду со старыми центрами ювелирное производство налаживается в с. Красном Костромской губ. и с. Рыбной Слободе Казанской губ., где народные мастера выпускали для широких слоев населения вещи из меди, белого металла и серебра (серьги, броши, перстни, браслеты и т. д.). Они выполнялись в различной технике — литьем, гравировкой, филигранью и отделывались чернью и эмалью. Среди них были прекрасные по форме предметы, но выпускалось и много безвкусных изделий, рассчитанных на городское мещанство.

Художественная обработка металла

В начале XIX в. особенно крупным центром художественной обработки металла был Урал, где кустари выковывали светцы, фигурные дверные ручки и щеколды, замки, ключи, жуковины и др. Светцы выковывались чаще всего на витом стержне, ритмично обрамленном завитками различной длины, в которых и закреплялась лучина. Плавные закругленные контуры были характерны также для дверных колец, ручек и щеколд, нередко украшенных завитками или стилизованными крутошеими головками птиц и коней. В богатых избах замки делались с рельефными украше-

1

2

Северодвинская роспись по дереву (XIX в.):

1 — донце прялки, 2 — фрагмент лукошка

Роспись по дереву и бересте (конец XIX — начало XX в.):

1 — **рубель (Архангельская губ.),** *2, 3* — **туесы (Архангельская губ.),** *4* — **солонка-курочка (Архангельская губ.),** *5* — **миска деревянная (Нижегородская губ.)**

Ларец, облицованный просечным железом (XVIII в.)

ниями, а петли входных дверей укреплялись на фигурных накладных пластинах, выкованных или высеченных из толстого листового железа. Просечное железо применялось также для обкладки деревянных ларцов и подголовников и для украшения фасадов жилых зданий богатых крестьян и мещан (бордюры и подзоры крыш, навершия водосточных труб).

Резьба по кости

Техника ажура имела широкое распространение и в ряде других видов народного декоративного искусства, в частности, в резьбе по кости.

Изделия из моржовой (или мамонтовой) кости или, как говорили в старину, из «рыбьего зуба» имели распространение в северных районах расселения русских. В XVII—XVIII вв. центром костерезного искусства становятся Холмогоры. Ввиду дороговизны материала и крайне трудоемкой работы резчиков эти изделия были доступны лишь очень богатым людям. В аристократической среде того времени особенно были в моде драгоценные иконы из резной кости, изящные ларцы и секретеры, облицованные пластинками из нее, туалетные приборы, веера и другие предметы роскоши. Туалетные коробочки, декоративные вазы и кубки сплошь покрывались легчайшим кружевным орнаментом, в котором причудливо сливались элементы городских стилей с местной народной орнаментикой. Завитки в стиле рококо великолепно компоновались с близкими им по трактовке растительными завитками, а фантастические животные, заимствованные с запада,— с мифическими существами русских сказок. Получившийся в результате этих слияний орнаментальный стиль получил широкую известность под названием «холмогорского», или «северного барокко». В XIX в. большое влияние на холмогорскую резьбу оказал русский ампир, как и барокко, обогащенный местной народной орнаментикой. Многие холмогорские мастера-резчики передавали свое искусство из поколения в поколение. Из их среды вышел ряд скульпторов, известнейшим из которых был Ф. И. Шубин.

Керамика

Одним из древнейших видов русского художественного ремесла является художественная керамика, производство которой было распространено повсеместно. Высокие узкогорлые кринки, кумганы и квасники, приземистые горшки и миски, кружки и рукомойники были непременной принадлежностью русского

быта как в деревне, так и в городе. Сосуды изготовлялись из глин различных оттенков на гончарном круге, обжигались и затем для прочности томились, обваривались или покрывались глазурью. По совершенству и отработанности форм многие из этих сосудов уже сами по себе часто были предметами искусства. Помимо этого, посуду часто украшали тисненым орнаментом и росписью в виде простейших геометрических мотивов, сложной растительной орнаментикой или жанровыми сценками. Крупными центрами русского керамического промысла в конце XVII—XVIII вв. были Ярославль, Ростов, Москва, Гжельская волость Московской губ. и примыкающие к ней районы. Ростов и Ярославль производили главным образом декоративные изразцы с рельефом и росписью. Роспись в виде трав и фигур наносилась по белой эмали одним или несколькими тонами и часто сопровождалась пояснительными надписями. В гжельском промысле первоначально было налажено производство майоликовой посуды и игрушек, а с начала XIX в.— посуды и игрушек, скульптур из фаянса и фарфора. Тарелки, блюда, миски, кувшины и квасники из майолики расходились в громадном количестве по всей стране. По своим стилистическим особенностям гжельская керамика являлась органическим слиянием народной техники (контурный абрис, условность и обобщенность изображения, цвет) и орнаментации (растительная и животная орнаментика, жанр) с новыми городскими стилями. Наряду с росписью фарфоровые изделия украшались и скульптурой. Тематика скульптурных изображений была разнообразна — птицы, животные, крестьяне, занятые различной работой, сатирические статуэтки в манере, аналогичной сатирическим изображениям в других жанрах народного искусства. Одной из популярнейших скульптур этой группы были штофы в виде монаха или монаха-сластолюбца, несущего на спине спрятанную в снопе женщину.

Интереснейшие декоративные сосуды выпускались и в другом керамическом центре — Скопине Рязанской губ. Скопинская керамика по своим формам и характеру орнаментации отличалась ярким своеобразием. Излюбленнейшими мотивами ее были змеи, медведи, хищные птицы, фантастические драконы, туловища которых составляли корпус сосуда, уста — горло, а конечности — его ручки. Изображения на этих сосудах решались в довольно экспрессивной динамической манере. Иногда они дополнительно сопровождались простейшим орнаментом и покрывались цветной свинцовой глазурью, чаще всего зеленого или коричневого цвета. Богато была представлена в Скопине жанровая тематика с сатирическим изображением военных, чиновников и других представителей господствующих классов. Скульптурные сатирические изображения особо характерны для липецкой керамики (Тамбовская губ.), среди которой встречались даже портретные шаржи на представителей царской династии. В Липецке, Скопине, Гжели, а также в курской и тульской керамике существенное место занимала игрушка. Крупнейшим центром ее производства была также Дымковская слобода близ Вятки, где производилась всемирно известная вятская игрушка. Образование там игрушечного промысла было связано со старинным обрядовым весенним праздником — *свистуньей*, бытовавшим вплоть до XIX в., во время которого на ярмарке тысячами распродавались свистульки и другие игрушки (фигурки крестьянок, птиц, коней, оленей и других животных, куклы-барыни, куклы-няньки, штатские и военные франты и т. п.). Яркая цветистая роспись (круги, полосы и зигзаги ярких тонов) придавали вятской игрушке особенную праздничность.

Вышивка

Одна из прекраснейших страниц русского народного изобразительного искусства связана с искусством украшения тканей, издавна используемых в быту как для одежды, так и для украшения жилища. В убранстве жилого помещения широкое

Керамика Гжели, XVIII в.

1 — квасник, *2* — кувшин

распространение имели декоративные полотенца. Они служили для обрамления божниц (*набожники*) и украшения горницы (*накрючники*). Особенно большое количество их развешивалось вдоль стен во время свадьбы. Вышитыми полотенцами, но попроще, перевязывали сватов, дружек и других ведущих участников свадьбы.

В женской одежде вышивка обрамляла ворот рубах, оплечье, запястья, вырез сарафана, а также украшала нарядные передники, подолы рубах и юбок. Более тщательно вышивались девичьи и женские головные уборы. Мужская праздничная одежда также украшалась вышивкой (ворот, грудь, подол и рукава рубах). Швы и нитки, которыми выполнялась вышивка, были очень разнообразны. Для украшения одежды и декоративных полотенец первоначально применялся шов набором стежков различной длины, называемый в ряде мест швом *по мелкому*, характерный также для белорусов (шитье *процягом*) и украинцев (шитье *нызью*). Широкое распространение имели также двухстороннее шитье различных видов, бытовавшее в ряде районов вплоть до 30-х годов XX в., гладь по счету ниток, мелкий крестик (Рязанская, Тамбовская, Вологодская губернии), а кое-где и шов тамбуром, попавший на Русь издревле с Востока, но вошедший в быт только во второй половине XIX в. Для украшения одежды использовались главным образом геометрические мотивы — квадраты, ромбы, «крючья», звездчатые фигуры и различные комбинации из них. В первой половине XIX в. вышивка по холсту выполнялась преимущественно красной нитью, и только в отдельных районах (например в Олонецкой, Тверской и еще некоторых губерниях) была многоцветной. В целом для многих районов оставалась характерной излюбленная гамма (в северных губерниях до конца XIX в.— красно-белая; в южных губерниях — преимущественно красно-зеленая). Интересную локальную разновидность южнорусской вышивки представляет вышивка Шацкого у. Тамбовской губ. Она выполнялась плотным двухсторонним крестом или гладью столь густо, что холщевая основа делалась совершенно незаметной. Эта вышивка по своеобразной технике и красно-коричнево-черной

гамме, расцвечиваемой отдельными нитями серебряного, голубого, красного и желтого цветов, имеет много общего с вышивкой проживающей поблизости мордвы.

Севернорусская вышивка на полотенцах и подзорах в значительной степени сохраняла вплоть до XIX в. швы и мотивы, восходившие к глубокой древности. На холсте, вышитом преимущественно двухсторонним швом, красной нитью изображались геометрические орнаменты, а также сценки, фигуры людей, птиц и животных. Тематические композиции чаще всего имели трехчастное построение. Центром их обычно являлась женская фигура, по бокам которой изображались всадники. Эти сюжеты, по предположению некоторых ученых, отразили дохристианский культ женского божества плодородия — образ языческой богини-матери. В северной вышивке часто встречается также мотив дерева с конями или птицами, расположенными по его сторонам, изображения льва, барса, единорога, птицы-сирина, известных еще в искусстве раннефеодального периода. В ярославской и новгородской строчевой вышивке по выдерганному холсту, выполняемой белой ниткой по белому сетчатому фону, преобладают сюжеты жанрового характера, нередко отражающие сцены из помещичьего быта XVIII—XIX вв., народно-бытовые мотивы (женские фигуры в сарафанах и кокошниках), а также изображения различных зверей, птиц и рыб. Геометрический орнамент в северной строчевой вышивке широко применялся для украшения скатертей, покрывал и женских рубах, дополнял сложные многофигурные сцены вышивок на полотенцах.

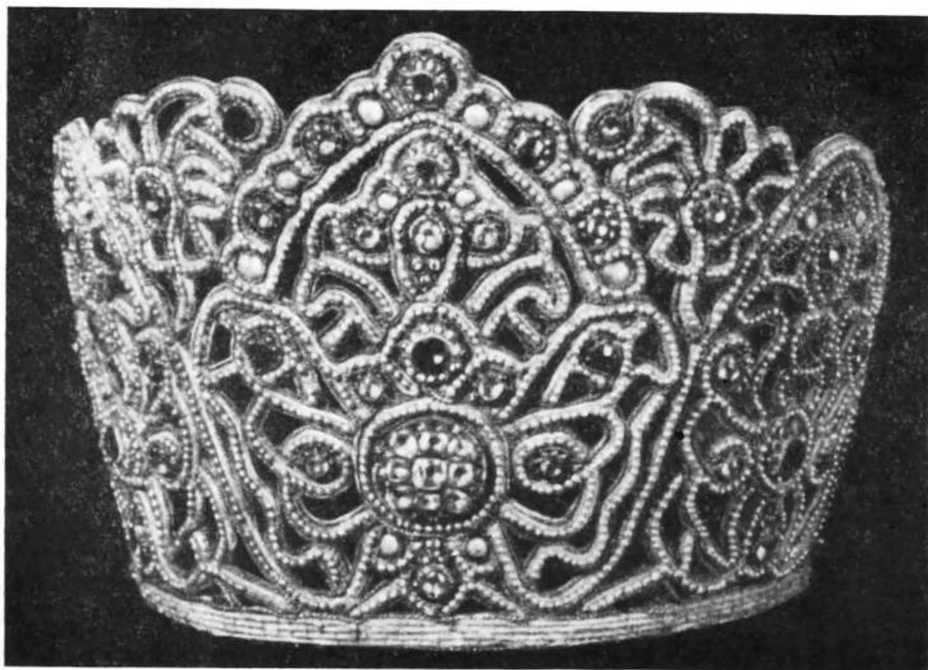
В конце XIX в. в вышивку одежды и декоративных полотенец проникает ряд городских мотивов и, в частности, получивший повсеместное распространение узор розы, выполнявшийся строчкой или крестом (крестецкая, владимирская строчка).

Для центральных и южнорусских областей более типичны геометрические узоры, отличающиеся большей яркостью и многоцветностью, чем узоры северной вышивки. Одной из наиболее интересных по орнаментальному решению вышивок среднерусской полосы является красочно-декоративная цветная перевить, получившая особенное развитие в Смоленской, Калужской, Орловской и Тульской губерниях.

Золотое и жемчужное шитье

Большое развитие у русских получило золотое шитье, которое применялось не только для церковных облачений, в дворянском и купеческом костюме, но и в народной среде в качестве украшения праздничной, свадебной одежды и главным образом головных уборов (очелья сорок, позатыльники, полики рубах, платки, безрукавки и т. д.). Во многих узорах золотого шитья использовались народные рисунки—дерево, птицы, коньки, розетки, кроме того, изображались вазоны, растительные завитки, гирлянды, заимствованные из московского городского искусства XVI—XVII вв. Очагами золотошвейного дела являлись монастыри и отдельные промысловые центры (например в Торжке Тверской губ.).

По запасам речного жемчуга в XVI—XVII вв. Россия была самой богатой страной в Европе. Больше всего его вылавливали в северных реках, благодаря чему жемчуг как отделочный материал широко использовался в одежде всех слоев общества. Особенно богато и нарядно были расшиты жемчугом парадные головные уборы женщин северных губерний — кики, кокошники, девичьи челки, повязки, коруны. Шитье жемчугом применялось для отделки парадной одежды духовенства и церковной утвари. В XVIII в. в связи с падением добычи жумчуга широкое распространение получили его заменители — колотый перламутр, белый бисер и стеклярус, а в южных губерниях, где носили многоцветные головные уборы из тканей, парчи и галунов,— цветной бисер.

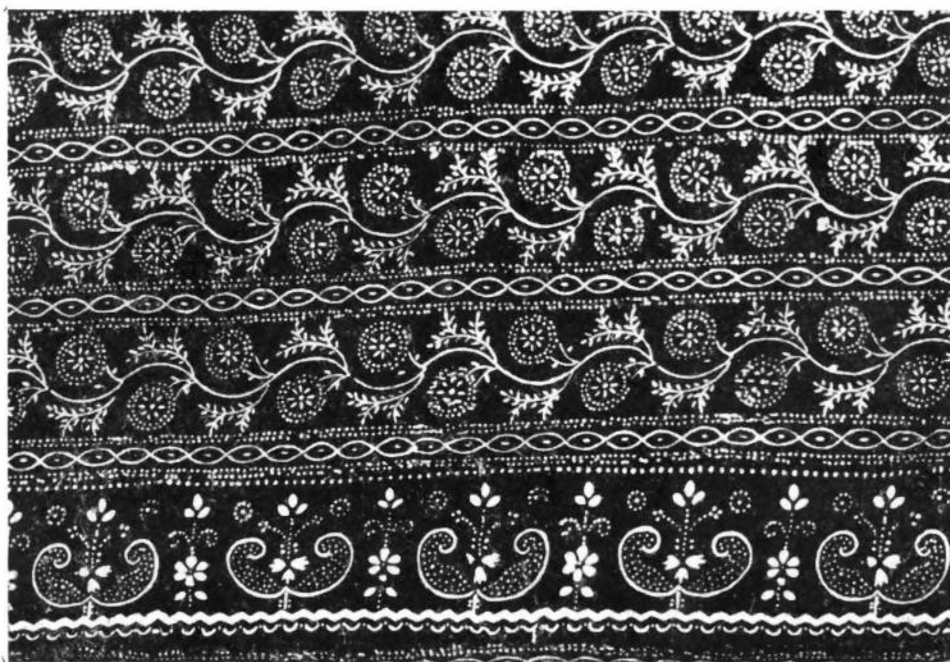


Женский головной убор, украшенный жемчужным шитьем (Вологодская губ.)

Использовались бисер и жемчуг также и в кружевном деле — особенность, характерная только для русского металлического кружева. Кружево, сплетенное из злато-серебряных нитей, входило как отделочный материал в одежду высших классов России в XV —XVII вв. В это же время, по всей вероятности в народном быту, имело распространение нитяное кружево, вязавшееся по счету петель (*численное* кружево). Оно употреблялось для обрамления полотенец, подзоров, передников и других предметов одежды и обихода. В XIX в. появилось кружево *сцепное*, выполнявшееся по специальным узорам — *сколкам*. Особенно широко его плетение было развито в Туле, Балахне, Вологде, Белозерске, Ростове и в ряде районов Московской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Тверской и Орловской губерний. Товарное кружевоплетение первоначально было сосредоточено в помещичьих мастерских и находилось под сильным влиянием Запада; западноевропейские образцы (типа валансьен, брюссельских, брабантских) копировались и воспроизводились русскими кружевницами.

Кружево

Наибольшее развитие этот художественный промысел получил во второй половине XIX в. Особую известность приобрели вологодские кружева, которые повсеместно стали известны в России и неоднократно получали почетные дипломы и премии на международных выставках. Благодаря своей красоте и своеобразию вологодское кружево становится предметом вывоза даже в страны с таким развитым кружевным производством, как Франция и Бельгия. Плели вологодское кружево чаще всего из одноцветных белых ниток. По легкому сетчатому фону многопарного кружева выводили причудливый узор геометрического или растительного характера, выполненный более плотно сдвинутыми нитями. В орнаментации рязанского кружева преобладали геометрические мотивы. Многоцветность и красочность, характерная для южнорусской орнаментации в целом, отразилась и на расцветке кружев, часто исполняемых в два или даже три цвета.



Набойка (вторая половина XIX в., Вологодская губ.)

Существование набойки на Руси отмечается еще в XII в. Узорные набойные ткани первоначально стоили очень дорого и употреблялись главным образом в быту высших слоев, для изготовления церковного облачения, знамен и шатров; в народном костюме они использовались только в качестве отделки.

Набойка

У набоек XVII—XVIII вв. чаще всего окрашивался (в серый и коричнево-красный тон) фон ткани, узор же благодаря нанесению на ткань состава, препятствующего осаждению краски, оставался не закрашенным. В XIX в. получила распространение синяя (*кубовая*) краска, по которой набойные мастерские получили название *синильни*. В это время набойка дешевеет и широко входит в народный быт. Узоры набивных тканей XVIII, и особенно XIX в., разнообразны. Среди них можно было встретить орнаменты геометрического типа, развитую растительную орнаментику, а также изображения птиц, зверей и всадников. Постепенно обогащается и цветовая гамма. Особой нарядностью отличались ткани для сарафанов, расцвечиваемые поверх кубовой набойки *ягодками* ярких, чаще всего красных и желтых цветов.

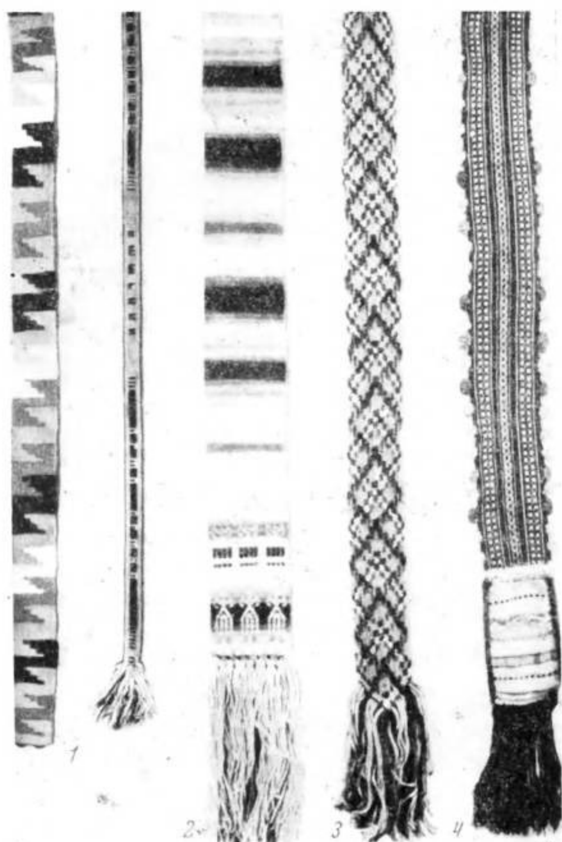
Ткачество

Домашнее ткачество было развито вплоть до Великой Октябрьской революции повсеместно, за исключением районов, расположенных близ крупных городов и промышленных центров. Простейшие пониточные ткани и продукция различных видов сложного ткачества (*бранье*, *выборы*) украшались геометрическим орнаментом, чаще всего в виде клеток или шашечек, ромбов и крестообразного орнамента. Сочетание тонов в них обычно было контрастное: синий с желтым, красный с зеленым и т. п. Особой красотой отличались узорные ткани, применявшиеся для понев, юбок, запонов молодых женщин, а также для декоративных полотенец. Узор полотенец. служивших для украшения божниц и горниц, подбирался особенно тщательно. Он состоял из ряда параллельных, тонко подобранных по цвету

Художественное ткачество второй половины XIX в.:
1 —браная техника — ткань для передника (Вологодская губ.), *2* — закладная техника — ткань для подзора (Архангельская губ)

и орнаменту полос, часто дополнялся ручной вышивкой и кружевом. В орнаментации тканых полотенец (на севере — белых, а в южной полосе — многоцветных) вплоть до начала XX в. сохранился ряд геометрических мотивов, идущих от глубокой древности,— ромбов, квадратов и крестообразных фигур различной сложности. Эти орнаменты в одинаковой мере были распространены в ткачестве, плетении (например в плетеных поясах) и в вышивке.

Существенную роль в украшении интерьера сельского жилища играли домотканые половики и коврики. Материалом для них служила грубая льняная или конопляная пряжа и лоскутки, а на юге России — шерсть. В Курской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерниях искусство ковроделия достигло высокого уровня и превратилось в подсобный промысел. Особой известностью пользовались курские безворсовые ковры (*попонки*, *постилки*), а также махровые ковры, употреблявшиеся как покрывала и насундучники. В XVIII — первой половине XIX в. пре-



Художественное плетение и ткачество (вторая половина XIX в.). Пояса:
1 — Тульская губ., *2*, *3* — Архангельская губ., *4* — Вологодская губ.

обладали безворсовые ковры типа мерных дорожек, украшенные геометрическим орнаментом, ковры с круговыми каймами и симметрично расположенным орнаментом геометрического типа и более сложные по композиции ковры с несимметричным орнаментом. К концу XIX в. становится господствующим растительный тип орнаментики. Трактовка значительно изменилась. Под влиянием фабричных тканей и, в частности, изделий ситценабивных фабрик, побеждала более натуралистическая тенденция в передаче растительных мотивов, что сказывалось, особенно в трактовке отдельных элементов узора («розы», «тюльпаны», «маки»). В начале XX в. спрос на ковровые изделия упал, товарное производство их сократилось, но домашнее ковроделие в упомянутых областях сохранилось.

* * *

Богатейшая сокровищница русского народного искусства послужила почвой, на которой выросло профессиональное искусство во всех его разновидностях — живопись, графика и так называемое прикладное искусство. Архитекторы, художники и скульпторы не только черпали из народного искусства отдельные мотивы; на него опирались целые направления русского искусства. Характерные черты русской жанровой живописи складывались не без влияния народной живописи и, в частности, лубка. Народная бытовая тематика находила отражение и в других видах профессионального искусства, например в скульптуре, среди каслинских изделий из чугуна, в продукции ряда фарфоровых заводов (например изделия завода Гарднера). Несомненен также и факт обратного влияния профессионального искусства на народное.

В конце XIX — начале XX в. народные мастера в ожесточенной борьбе за существование были зачастую не в силах творчески перерабатывать городские образцы, слепо копировали их, не согласуя с материалом, его фактурой и формой предмета. В результате этого в народное искусство, и особенно в его товарную продукцию, вошло много безвкусных образцов в аляповатом псевдорусском стиле и стиле модерн. Народные приемы и орнаментика продолжали господствовать в традиционных, в том числе и связанных с крестьянским бытом изделиях.

Позатыльник. Часть женского головного убора (начало XX в.)

1

2

3

4

5

Дымковская глиняная игрушка (20-е — 30 е годы XX в.):

1 — цыганка, 2 — Руслан и голова, 3 — свистулька, 4 — доярка, 5 — репка

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская революция открыла новую страницу в истории народного декоративного изобразительного искусства.

Ряд художественных ремесел (набойка, ткачество) в связи с развитием промышленности доживали свои последние дни, другие (производство икон и прочего церковного реквизита) обречены были на гибель по идеологическим причинам. Однако художественный опыт, накопленный в этих ремеслах, необходимо было сохранить с тем, чтобы в дальнейшем он мог быть положен в основу индустриального производства предметов декоративно-прикладного искусства. Народная художественно-изобразительная культура расценивалась в молодом советском государстве как проводник и носитель высоких эстетических традиций народа, на основе которых могли складываться новые декоративно-изобразительные формы.

Первой стадией в этом процессе было восстановление промыслов, пришедших в упадок. Поддержка талантливых людей из ремесленной среды, прочная экономическая база, пришедшая с новым социальным строем, и идеологические сдвиги, порожденные им, привели к тому, что многие ремесленники превратились в подлинных народных художников. Повсеместно на базе традиционных народных производств возникли промысловые артели. При них организуются курсы, производственные школы, а позже в некоторых городах страны открываются техникумы и училища (курсы и школы кружевниц в Вологде, школа резчиков в Загорске, школа миниатюристов в Палехе, техникум мастеров-ювелиров в с. Красном, техникум кустарной промышленности в Москве и т. д). Большую помощь в перестройке работы художественных промыслов оказывали музеи. В фондах кустарных и этнографических музеев Москвы и Ленинграда имелись богатейшие коллекции образцов декоративного искусства. Широкая сеть центральных, областных и районных краеведческих музеев способствовала популяризации лучших художественных традиций народа, воспитанию хорошего вкуса, помогла бороться с безвкусицей, в частности, с декадентскими стилями, господствовавшими в предреволюционную эпоху в большинстве отраслей народного декоративного искусства. Особенно большую работу в этом направлении вели в Москве Исторический и Кустарный музеи, а с 1932 г. Научно-исследовательский институт кустарной (впоследствии художественной) промышленности.

В результате плодотворной совместной работы научных работников и художников с народными мастерами на новой идейной основе развилась миниатюрная лаковая живопись. Первые успехи в этой области были достигнуты Федоскинской артелью, имевшей еще в дореволюционный период опыт производства изделий из папье-маше. Творческие поиски мастеров-новаторов опирались на лучшие традиции миниатюрной декоративной росписи. Особенно сильное развитие у федоскинцев получил жанр пейзажа. В числе ведущих мастеров-пейзажистов можно назвать Н. Петрова, В. Бородкина, И. Страхова, С. Рогатова, В. Лунева, Г. Точенова. Много удач было у федоскинцев и в области многофигурных композиций, лучшими мастерами которых стали И. Семенов, М. Чижов, Н. Балашов, С. Рогатов.

Роспись, живопись, графика

Еще более яркой иллюстрацией возрождения народных живописных традиций на новой основе являет собой история миниатюрного промысла в с. Палех. В связи с вырождением с конца XIX в. иконописного промысла немногочисленные остававшиеся в селе мастера перешли на расписывание игрушек. В 1923 г. палешане организовали артель и начали развивать декоративную роспись на папье-маше. Заимствовав этот промысел

от соседей федоскинцев, они использовали оригинальную технику росписи и выработали самостоятельный стиль. В соответствии с традиционной техникой палешане пишут не масляными красками, как это делают федоскинцы, а яичной темперой, чаще всего ярких цветов по черному фону, что придает миниатюрам особенно праздничное звучание. Эта праздничность также часто подчеркивается легким кружевом золотой или серебряной рамки, обрамляющей миниатюры. Композиционные приемы палешан традиционны, их изобразительные средства идут от русской иконописи (плоскостность, декоративность композиции, тщательная отделка мелочей). Приподнятость и помпезность традиционного стиля определяют тематику произведений палешан, преобладает батальная и сказочная тематика. Большое отражение в творчестве палешан находят образы и сюжеты из произведений А. С. Пушкина (работа И. Голикова «Бесы», Д. Буторина «Лукоморье», И. Баканова «Бахчисарайский фонтан», А. Дыдыкина «Руслан и Людмила») и А. М. Горького (композиции Д. Буторина и И. Бакурова на темы «Буревестника», «Данко» и др.). Из современного быта палешан привлекает тематика драматическая или праздничная (композиция «Битва красных с белыми» И. Голикова, «Праздник урожая» и «Москва-порт» Н. Зиновьева и др.). Палехские мастера предприняли также ряд попыток использовать миниатюрную технику в других видах искусства, в частности на фарфоре и в книжной графике (иллюстрации И. Голикова к «Сказке о царе Салтане» и к «Слову о полку Игореве» и др.). В монументальной росписи наибольшего успеха палешане достигли в прекрасной стенописи, украшающей Дворец пионеров в Ленинграде и школу-интернат в Шуе. Многим палешанам присвоены почетные звания народных мастеров РСФСР и заслуженных деятелей искусства.

Под влиянием искусства миниатюры палешан к 30-м годам стала развиваться роспись в Мстере, где живописцы, в отличие от палешан, строят сюжет не на нейтральном фоне, а на фоне пейзажа, густо заполненного деревьями и архитектурными деталями, данными в перспективе, причем даже небо они покрывают облаками и закатными рефлексами. Пейзаж, выполненный в приглушенных тонах, служит контрастным фоном для сюжетных сценок, написанных яркими, преимущественно красно-оранжевыми тонами. Кроме сюжетного направления, имеется в Мстере также орнаментальное и портретное. Помимо колористических достоинств, изделия, выполненные в Мстере, примечательны органической связью между росписью и формой предмета. Эта особенность характерна для многих видов народного искусства прошлого, в частности росписных северодвинских изделий, с которыми у миниатюристов Мстеры имеется много общего.

Миниатюристы Холуя — еще более молодой коллектив, возникший в середине 30-х годов. В годы Великой Отечественной войны мастерами его был выполнен ряд удачных работ на патриотические темы («Поединок перед Куликовой битвой», «Призыв Минина в Ярославле» В. Пузанова-Молева, работы А. Костерина и С. Мокина). В послевоенные годы мастера Холуя достигли успехов в сказочной и пейзажной тематике.

Декоративная роспись по дереву сосредоточена в настоящее время в Семенове и Городце (Горьковской обл).

В результате повсеместного вытеснения из быта деревянной посуды и утвари изделиями из фарфора и металла продукция, выпускаемая артелями, стала носить чисто декоративный характер. У хохломских мастеров (г. Семенов) появились новые мотивы орнамента (главным образом растительного, реже животного характера), а в последние годы обновилась и расцветка росписи, обогащенная синими, зелеными, белыми и розовыми тонами. Обращают на себя внимание работы хохломских мастеров по росписи детской мебели. Лучшие результаты в этой области достигну-

Современная роспись по дереву (городецкие мастера)

ты мастерами городецкой росписи. Радующая глаз цветовая гамма, орнамент простых, но изящных форм как нельзя лучше соответствует детскому художественному мышлению и поэтому подходит для отделки предметов детского обихода. Мебель, украшенная городецкой росписью, развивает у детей декоративные представления, способствуя развитию у них чувства прекрасного.

Развивается художественная роспись и некоторых других видов. Широкое применение в быту имеют по-прежнему цветистые жестовские подносы, техника росписи которых за советские годы существенно обогатилась.

Ростовские мастера росписи по финифти в корне изменили ассортимент изделий и тематику. Вместо образков и церковной утвари росписью украшаются разнообразные предметы обихода — пудреницы, броши, шкатулки и портсигары. Ведущие мастера промысла (В. Горский, А. Кокин,

И. Солдатов) создали ряд интересных натюрмортов (главным образом цветы), портретов и пейзажей. Нежно-прозрачные росписи ростовских мастеров экспонировались на отечественных и зарубежных выставках, а на Всемирной выставке 1958 г. в Брюсселе были награждены золотой медалью.

Ювелирные изделия

Среди ювелирных изделий других районов преобладают черневые и филигранные изделия. Артель «Северная чернь», созданная в 1929 г. в Великом Устюге на базе соответственного народного промысла, работает главным образом в технике чернения. Выпускаемые ею ларцы, кубки, стопки, перстни, стаканы и портсигары украшаются обычно растительными орнаментами, а также видами городов. За последние годы черневой орнамент часто помещается на фоне золотой гравировки. Филигранные изделия из металла производятся как в старых центрах (Красное село; с. Мстера Владимирской обл.), так и в ряде новых (с. Казаково Горьковской обл., а также на ювелирных фабриках Москвы и Ленинграда). В послевоенные годы мастера Красного села сочетают филигрань с зернью и полированным металлом, красиво контрастирующим с матовым филигранным узором. Наиболее распространенным приемом мстерских ювелиров является чеканка и сочетание филиграни с полированным металлом.

Художественная обработка камня

На Урале и Алтае еще в дореволюционное время получило развитие камнерезное искусство. Многочисленные ремесленники Урала занимались огранкой, шлифовкой и миниатюрной резьбой по камню, который шел для ювелирных изделий, для изготовления ларцев, шкатулок, горок и наборных картин. Повсеместной известностью пользовались ларцы и шкатулки, облицованные малахитом, и со вкусом подобранные «горки»—своеобразные коллекции уральских самоцветов и минералов. Большое распространение в конце XIX — начале XX в. получили «наборные картины», представлявшие собой панорамы уральских гор, сделанных из уральских самоцветов обычно на фоне живописного, выполненного масляными красками, пейзажа. Эти панорамы исполнялись в большом количестве и далеко не всегда отличались хорошим вкусом.

Начало обработки мягких пород камня относится ко второй половине XIX в., когда на Урале обнаружили залежи гипса и селенита. Формы для изделий заимствовались главным образом с деревянных поделок, но фактура, характерная для дерева, была утрачена, а вместе с ней исчезла и декоративность. Специфика же, присущая новому материалу, не была еще раскрыта. Поэтому основная масса изделий из гипса не отличалась тем тонким художественным вкусом, который свойствен народному искусству.

Подлинное развитие камнерезного искусства относится к послереволюционной эпохе. Помимо старых центров (с. Мраморное и Кунгур Пермской обл., Свердловск), возник ряд новых центров обработки (в Пермской обл. и на Алтае, объединенных в начале 30-х годов в трест «Русские самоцветы», близ Арзамаса — артель «Борнукова пещера»). Мастера-камнерезы, получив возможность работать творчески, стали создавать шедевры, созвучные возросшим эстетическим вкусам советского человека. Ими были созданы рубиновые кремлевские звезды и герб СССР из русских самоцветов. Особенно много заказов камнерезы Урала получили в связи с постройкой московского метрополитена (облицовочные работы и мозаики станкового типа). Развивается на Урале и резьба по камню. Один из лучших скульпторов по яшме Н. Татауров с большим искусством выполняет изделия, украшенные фигурами животных, рыб и птиц. Сочетание камней разных расцветок — новое достижение камнерезного искусства. Потомственный камнерез К. С. Аверкиев работает главным образом по мрамору и серпентину, из которых он выполнил немало ваз и письменных приборов, покрытых резными рельефами. Умело подбирая тона и рисунки

Лаковая миниатюра, шкатулка «Вещий Олег» (с. Холуй, художник В Д. Пузанов, 1958 г.)

Поднос (с. Жестово, художник В. Анашкина)

камня, он создает красивые изделия в черно-серо-зеленой гамме. В последнее время намечаются тенденции к соединению двух исконных искусств Урала — камнерезного дела с чугунным литьем. Не менее интересны попытки соединения камнерезного искусства с златоустовской гравюрой по стали.

Резьба по камню мягких пород в первые же десятилетия после Великой Октябрьской революции резко изменила свой характер. Благодаря дружным усилиям местных мастеров и профессиональных художников постепенно было освоено производство мелкой скульптуры (фигурки животных и жанровые статуэтки), выполненной по новым эскизам. По моделям резчика И. К. Стулова камнерезы стали выпускать фигурки — образы советских людей — «Партизан», «Краснофлотец», «Юный планерист», «Парашютистки» и ряд других выразительных статуэток, форма которых прекрасно сочеталась со своеобразной фактурой мягких уральских пород. В послевоенный период камнерезный промысел обогатился большим числом молодых мастеров, получивших хорошую профессиональную подготовку. Скульптуры удачно передают образы советских тружеников, молодежи и, особенно живо,— детей. В настоящее время среди выпускаемой продукции преобладают модели художников-анималистов и любителей жанра.

Другие виды резьбы, а именно резьба по кости и резьба по дереву, имеют иную судьбу.

Резьба по дереву

Резьба по дереву, являвшаяся некогда наиболее распространенным из художественных ремесел русского народа, в настоящее время утеряла свое ведущее положение, хотя в архитектурном оформлении сельского жилища она продолжает занимать значительное место. Выполняется резьба главным образом пропильной техникой и имеет упрощенные лаконичные формы. Только в районе Поволжья до сих пор можно встретить новую резьбу, выполненную в плоскорельефной технике. Под влиянием массового внедрения в быт фабричной мебели уменьшается количество резных украшений в интерьере дома. Что же касается декоративной резьбы малых форм, то очаги ее любовно сохраняются советским народом. Крупнейшие из них сосредоточены в Подмосковье, где Ахтырская артель резных изделий (район Загорска и Хотькова) выпускает в основном мебель и декоративные мелочи, а Богородская артель — игрушки и мелкую скульптуру из дерева.

Мебель, вазы, шкатулки и полочки Ахтырской (иначе Абрамцево-Кудринской) артели очень эффектны. Их густо покрывает резьба традиционного трехгранно-выемчатого типа или заоваленная резьба, введенная в конце XIX в. резчиком В. П. Ворносковым. Мотивы ее — чаще всего растительного характера. Богородские резчики особенно много разработали игрушек подвижного типа. Кроме старых традиционных форм («кузнецы», «курочка клюющая»), появляется и ряд новых («Медведь, говорящий по телефону», «Мишка, фотографирующий луну», «Рыбак с осетром», «Ракета», «Спутник» и т. д.). Наряду с игрушкой большое развитие получила мелкая скульптура из дерева. Некоторые ее виды («Маша и медведи», «Дедушка Мазай и зайцы» и др.) могут использоваться для игры, другие представляют собой настоящую декоративную скульптуру («Мчащаяся тройка», «Сокольничий», «Сказка о Коньке-Горбунке» и др.). Большая часть скульптур выполнена на хорошо известные и всеми любимые сюжеты русских сказок и басен, в которых основное место занимают образы зверей, поданные образно, лаконично, с присущим богородским резчикам мягким юмором. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы богородские резчики создали ряд скульптур на патриотические темы (А. Пронин — подвижную игрушку «Партизан гонит пленного», И. Стулов — многофигурную композицию «Защитники Москвы»), на высокоидейную тематику, отражающую пафос труда,

Богородская деревянная скульптура:
1 — «Вершки и корешки» (И. К. Стулов, 1954 г.), 2 — «Золотой петушок» (Н. И. Максимов, 50-е годы), 3 — «Битва» (деталь; В. Пузанов, 1936 г.), 4 — «Первый трофей» (В. Г. Пучков, 1959 г.)

борьбу за мир («Женщина с голубем мира», «Колхозница»), а также мелкую скульптуру, метко высмеивающую пороки («Бюрократ», «Дама с собачкой»).

Старейший народный костерезный промысел в Холмогорах, заглохший к началу XX в., в годы Советской власти возродился. Организованная в 1921 г. школа резчиков воспитала ряд талантливых мастеров, которые составили основной штат артели им. М. В. Ломоносова. Институт художественной промышленности и, в частности, художники М. Л. Раков и С. Евангулов помогли холмогорским мастерам разработать первые образцы. Опираясь на лучшие традиции прошлого, резчики выполнили ряд изделий, характерными особенностями которых являются уравновешенность орнаментальных и фигурных деталей и лаконичная законченность форм.

Резьба по кости и рогу

Возникли и новые центры резьбы по кости. В Кисловодске костерезная артель «1 Мая», организованная в 30-х годах, приобрела своеобразный профиль. Большая часть выпускаемых здесь изделий (рамки, броши, кулоны) украшена розами, выполненными в горельефной технике.

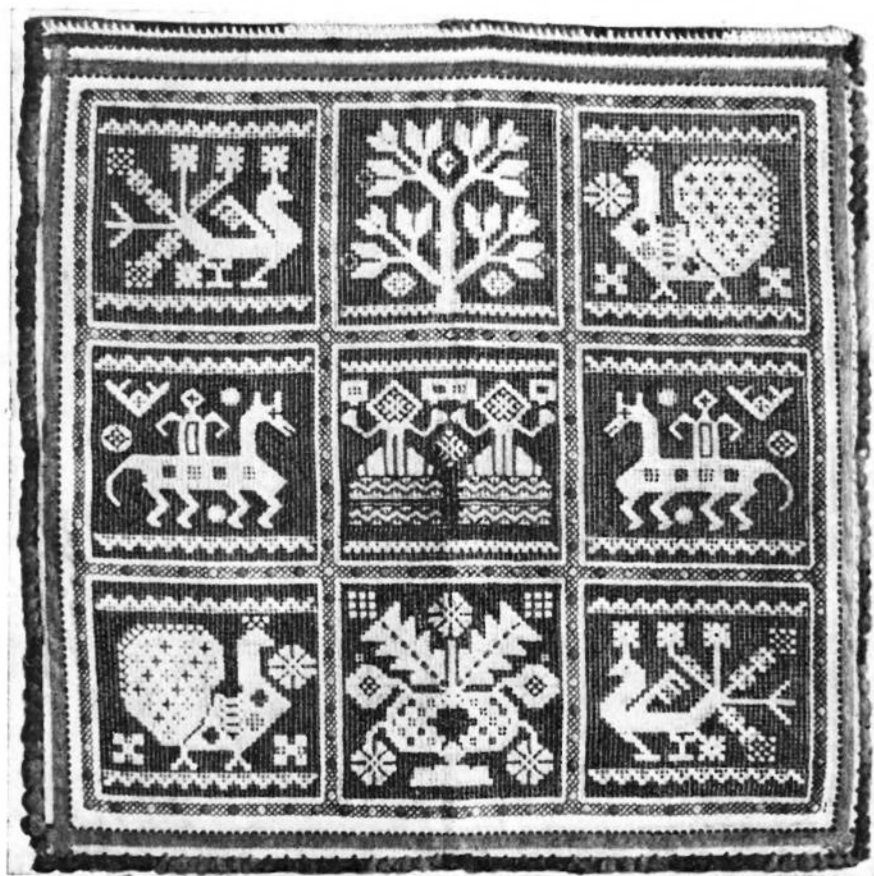
Основанная в конце 40-х годов костерезная артель в Хотькове (Московская обл.) первоначально специализировалась на изготовлении брошей, пудрениц и шкатулок, облицованных рельефными и ажурными пластинками из кости. В последние годы она освоила выпуск объемной сульптуры из цевки, а также скульптуры из комбинированных материалов — кости с деревом, с металлом, с эбонитом и особенно эффектные изделия и из кости с рогом например, темные, лоснящиеся моржи, сделанные из рога, на белоснежной костяной льдине). Интересную работу в этом направлении ведут и анималисты Москвы: А. Зюзина, В. Филатова, Ю. Слувис и др.

Кубок. Холмогорская резная кость

Художественное ткачество, вышивка, кружево

В первые годы Великой Октябрьской революции в связи с войной и хозяйственной разрухой страна ощущала острую нехватку тканей. Поэтому в сельских местностях временно возродилось домашнее, в том числе и узорное, ткачество, которое, впрочем, вскоре пошло на убыль. К началу 30-х годов оно сосредоточивалось лишь в нескольких артелях (Рязанской, Воронежской, Ивановской, Вологодской и др. областей). В послевоенные годы эти артели (ныне фабрики) специализировались на выпуске скатертей, диванных подушек, покрывал, настенных ковриков, дорожек. Используя богатейший опыт и народную орнаментику, фабрики ручного ткачества восполняют ассортимент декоративных тканей и изделий и тем самым завоевывают право на дальнейшее существование. Их продукция пользуется любовью потребителей и имеет хороший сбыт.

Ковровые изделия 20-х — начала 30-х годов мало отличались по своей орнаментации от ковров дореволюционного времени. Русское ковровое производство вскоре восстановило былую славу. Используя традиционную цветочную орнаментику, курские ковровщицы создали много новых прекрасных образцов. Наиболее старинные центры ковроделия Курской обл.— дер. Щигры и Касторная —начинают производить безворсовые ковры (паласы) с темными (синими, вишневыми и черными) фонами, но разные по характеру и цветовой гамме узора. В коврах, выпускаемых в Касторной, преобладают крупные узоры сиреневого и красного цветов, в сочетании с изумрудной зеленью, в щигровских — мелкий растительный узор, густо рассыпанный по темному фону. Излюбленными тонами их является розовый, голубой и желтый в окружении блеклой зелени. Наряду с традиционными узорами — цветами, чаще всего розами, в коврах



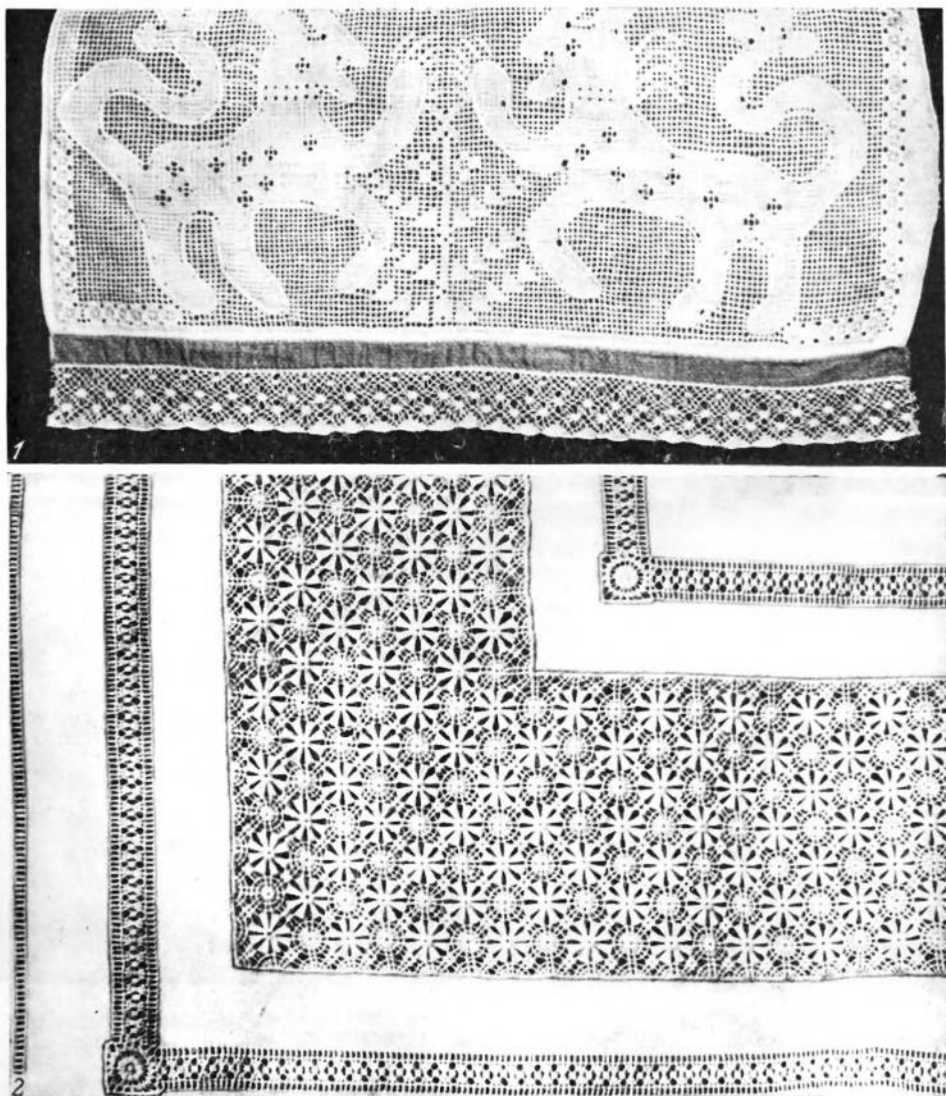
Вышивка для подушки по эскизу М. Н. Гумилевской. Тарусская фабрика «Вышивка» (Калужская обл.)

появляются и новые мотивы — астры, мальвы, пионы, георгины, повилика, васильки, ромашки и другие садовые и полевые цветы. Ручное производство ворсовых ковров развивается также в Курганской, Пензенской, Калининградской областях и в Ставропольском крае. Стилистические особенности этих производств только еще складываются. В основе декорума выпускаемых ими изделий лежит русский орнамент геометрического типа. Паласные ковры нового типа, созданные по народным мотивам, прекрасно сочетаются с современным интерьером.

За последние годы в связи с повышением благосостояния трудящихся и большим размахом жилого строительства на развитие ковроделия обращено особое внимание. В настоящее время основную массу ковровой продукции дает фабричное производство — Обуховская фабрика (Московской обл.) и Люберецкий ковровый комбинат.

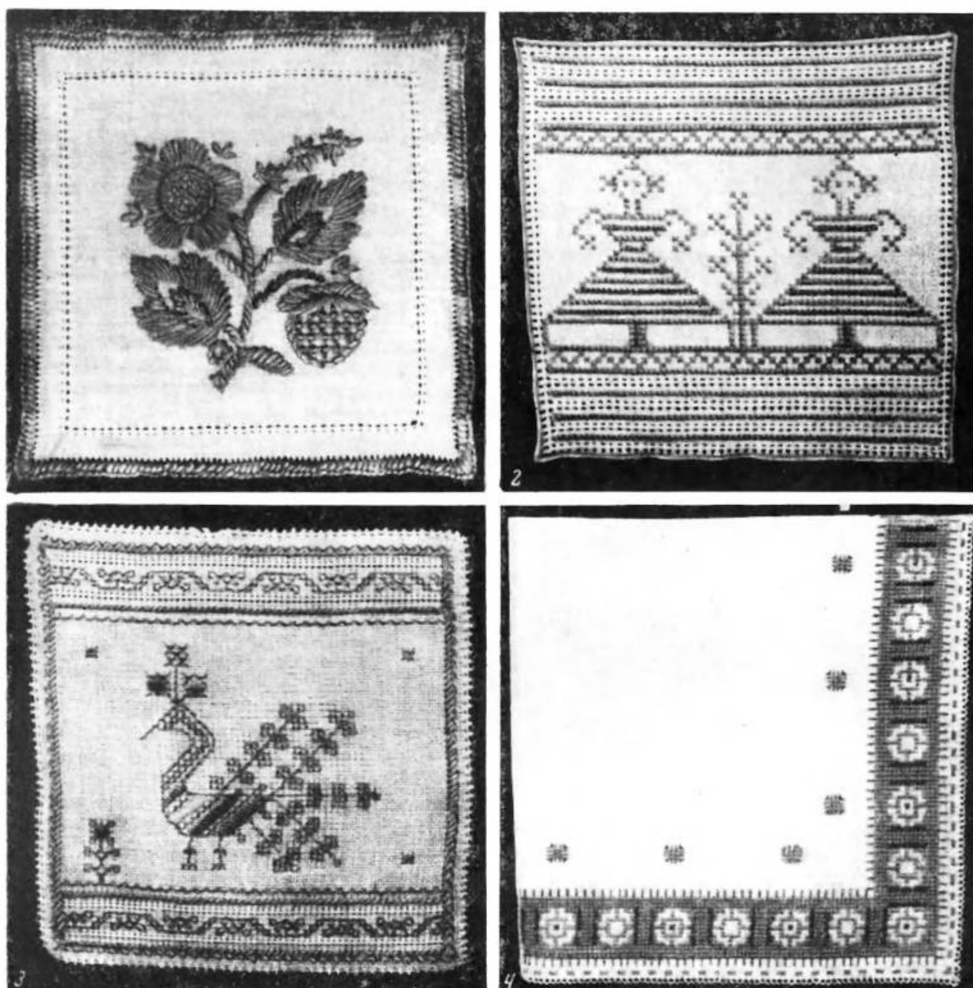
Вышивка как домашнее рукоделие русских женщин имеет широкое распространение и в наши дни как в городах, так и в сельских местах. Применение вышивки в верхней одежде в связи с изменением ее форм резко сократилось. Вышивка применяется лишь для отделки дамских блузок, мужских рубах типа гуцулок, а также для украшения белья и верхнего платья детей. Старые женщины кое-где продолжают вышивать праздничные фартуки.

Использование декоративной вышивки в интерьере в наши дни увеличилось, и ассортимент украшаемых изделий видоизменился. Если ранее



Строчевая вышивка. Крестецкая строчка (Новгородская обл., 50-е годы XX в.)

ею украшали главным образом декоративные полотенца, то теперь вышиваются занавеси, портьеры, скатерти, дорожки и декоративные подушки. Вышивка исполняется чаще всего гладью, двойным крестом и строчкой различного вида. Промысловое развитие вышивки и строчки в советское время происходило в традиционных районах. Новгородские, горьковские, владимирские, тарусские, калужские и рязанские вышивальщицы объединялись в артели, которые в 1960 г. были реорганизованы в строчевышивальные фабрики. С помощью Научно-исследовательского института художественной промышленности артели освоили новые виды вышивок — декоративные композиции и новый ассортимент изделий. Крестецкий район Новгородской обл. издавна известен своими вышивальщицами. Белоснежные вышивки, украшенные самобытными орнаментами геометрического типа, знаменитым *вологодским стеклом*, *настилом по мелкой сетке*, *тарлатой*, *гипюрами* различного вида, не устаревают и служат прекрасным украшением современного интерьера. В некоторых



Современная русская вышивка:

1 — салфетка, выполненная владимирским швом; *2* — салфетка, вышитая крестом по мотивам Рязанской обл.; *3* — салфетка, вышитая двухсторонним швом по мотивам северных областей; *4* — фрагмент вышитой салфетки

изделиях мастерицы-художницы умело сочетают эти узоры с гладкой фактурой нерасшитого полотна, в других — заполняют ими всю плоскость. Художницы-мастерицы А. Тихонова, Н. Жигунова сами создают сюжетные и орнаментальные рисунки для вышивки. Новые узоры, созданные ими, насчитываются сотнями. Крестецкие вышивальщицы и их изделия многократно были отмечены медалями и почетными дипломами на отечественных и международных выставках.

Близкими по технике и орнаментации являются художественные изделия артелей Горьковской обл., выпускающих не только декоративные скатерти, занавеси, накидки, но и вышитую одежду. Преобладают изделия, вышитые разнообразными, напоминающими тонкое кружево, гипюрами. В основе узора лежат ромбические фигуры, расположенные в шахматном порядке. Заполняются ромбы цветками — «розетками» всевозможных форм. Наивысшего развития вышивка гладью (правда, уже не счетная, а по рисункам) получила в Мстере (Владимирская обл.). Здесь наряду с росписью по лаку и филигранным промыслом производится

Вышивка гладью (Владимирская обл., Мстера)

вышивка своеобразного, присущего только этому району, типа. Элементы геометрического орнамента имеют здесь подчиненное значение, а основу составляют мотивы растений, плодов, ягод, животных, птиц, бабочек и стрекоз. Вышивки отличаются богатством и разнообразием композиции. Широкую известность получили такие сюжетные произведения мстерских вышивальщиц, как «Салют» В. Носковой, «Басни Крылова» Т. Дмитриевой-Шульгиной и ряд др. Мстерские мастерицы, кроме белой глади, выпускают декоративные изделия, украшенные цветной гладью или так называемым владимирским швом. Портьеры, диванные подушки и скатерти с большим вкусом украшаются цветочным орнаментом, выполненным в жизнерадостной ярко красочной гамме.

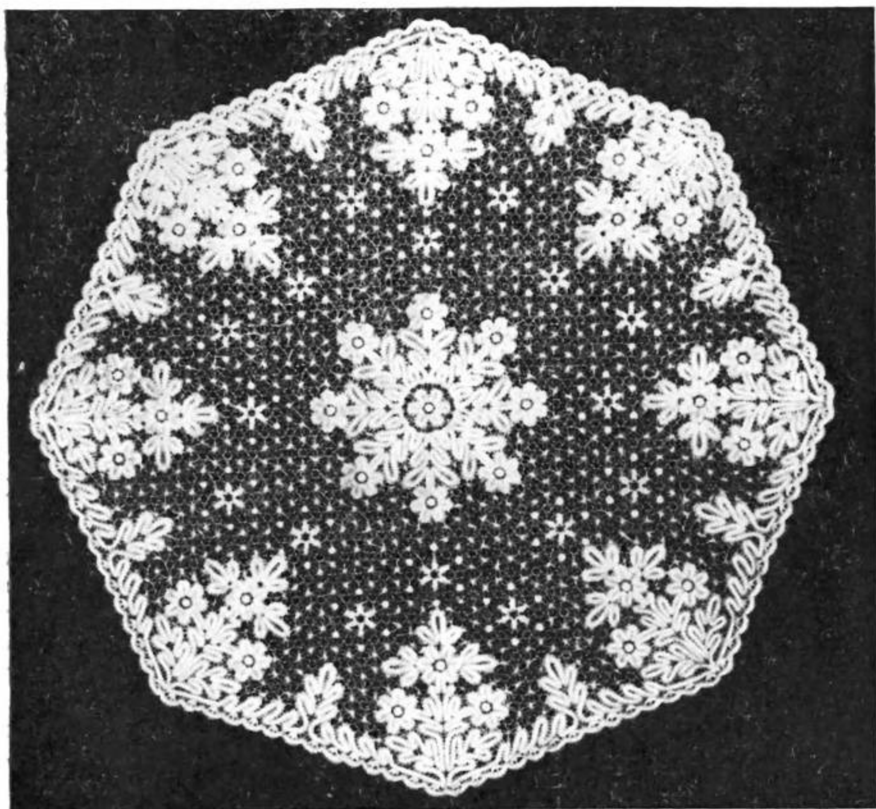
Развитие многоцветной вышивки в ее исконных центрах — Калужской, Рязанской и Смоленской областях — шло теми же путями, как и другие виды народного искусства: сперва обогащение орнаментики, появление крупных панно и других юбилейных изделий, совершенных по орнаментации и композиции, а затем разработка нового ассортимента изделий для современного интерьера. Используются как старые, так и новые швы — крест, роспись, цветная перевить, строчка и гладь. Особенностью композиции современной южнорусской вышивки является ее линейность, многоярусность и симметричность. В разработке новых моделей большая роль принадлежит художницам М. Гумилевской (Калужская обл.), В. Грумковой (Рязанская обл.), Т. Дмитриевой-Шульгиной, В. Носковой (Мстера). Интересной разновидностью декоративной вышивки является вышивка шерстью по плетеной сетке. Она получила широкое распространение в России в первом десятилетии XX в. и употреблялась главным образом при изготовлении декоративных скатертей и занавесок. Промысловое развитие она получила лишь в наши дни.

Центром золотого шитья в настоящее время является Торжок (Калининская обл.). Изделия из бархата, шелка, замши и сукна, изящно украшенные золотыми орнаментами, нашли применение и в современном быту.

Бювар, украшенный золотым шитьем. (Калининская обл., Торжок, 50-е годы XX в.)

Центры производства кружева находятся в Вологодской, Кировской, Липецкой и Рязанской областях. Кружевное дело в Вологде продолжает развиваться. Число мастериц, получивших хорошую подготовку в профессиональных школах, с каждым годом возрастает. Художники-профессионалы и самородки, вышедшие из среды кружевниц, значительно расширили и обновили ассортимент узоров. Помимо мерных кружев, артели производят сцепным способом всевозможные штучные изделия, в том числе и уникальные панно, посвященные крупным событиям и памятным датам («Победа», «300-летие воссоединения Украины с Россией», «Спутник»), в которых органически слиты орнаменты и сюжетные сценки, с разнообразным, дополняющим основной узор фоном — *решеткой.*

В настоящее время в кружевных артелях осуществляют комбинирование кружев с полотном, вводят цветную нить, а изредка и бисер для подчеркивания элементов орнамента. Однако использование цвета в кружевном деле по-прежнему наблюдается больше всего в Рязанской обл. Полотенца, скатерти, дорожки, помимо традиционных бело-красных кружев, отделывают кружевами, для плетения которых использованы зеленые, голубые, синие и желтые нити.



Вологодское кружево. Салфетка (1959 г.)

* * *

После Великой Октябрьской революции изделия художественных промыслов, созданные на основе изучения лучших образцов и стилистических особенностей народного искусства, в массе своей несут следы исторической преемственности. Вместе с тем они имеют ряд специфических черт, свойственных только советскому искусству, обогащенному современной тематикой и новыми стилистическими особенностями. В них ярко прослеживается возврат к реализму — важнейшему изобразительному принципу народного искусства, частично утерянному в предреволюционные годы. Это касается как сюжетных форм искусства (богородская резьба), так и орнаментики (хохломская роспись), в которой отвлеченные декоративные мотивы сменяются жизненными декоративными формами. Созвучна нашему времени и яркая жизнерадостная красочность изделий.

Строительство коммунистического общества выдвигает перед советской художественной культурой все новые и новые задачи. Растущее благосостояние народных масс и развивающиеся у них эстетические вкусы требуют обновления как ассортимента, так и стиля всех видов прикладного искусства. В поисках новых художественных форм выработались отдельные стилистические особенности прикладного искусства: лаконизм, простота формы и цвета, использование свойств материала в художественно-образном решении изделий. За советское время было выращено немало ярких народных талантов. Большую роль в этом процессе играет и расцвет художественной самодеятельности. Именно поэтому в Программе КПСС,

принятой XXII съездом КПСС, говорится: «Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства»[1]. Дома народного творчества способствуют выявлению талантов и повышению их мастерства путем самообразования. В профессиональном прикладном искусстве с каждым годом вместе с армией художников из народа все большее участие принимают художники-профессионалы. Слияние профессионального и самодеятельного народного искусства, взаимодействие этих творческих начал, дополняющих друг друга, приносит исключительно плодотворные результаты, способствует дальнейшему расцвету декоративно-изобразительного искусства русского народа и всестороннему удовлетворению художественных запросов трудящихся.

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX—XX ВВ. НАУКА И ЛИТЕРАТУРА. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Русская культура XIX—XX вв. по значительности своих достижений, влиянию, которое она оказывает на культуру многих народов, по многообразию своих форм и проявлений — явление мировое. Как и культура всякой высокоразвитой нации, она включает составные части, давно уже ставшие предметом специальных наук — общей истории культуры, истории общественного движения и общественной мысли, искусствоведения, литературоведения, театроведения, истории науки, истории техники и т. п. Вместе с тем целостный облик культуры и быта какого-либо народа, даже и в специально этнографическом смысле, не может быть охарактеризован без учета соотношения массовых и профессиональных форм культуры в их историческом развитии. Духовная культура русской нации XIX — начала XX в. характеризуется не только специфическими национальными формами или определенными достижениями в отдельных областях, но и исторически сложившимися особенностями ее структуры — общей направленностью и характером развития, степенью классовой дифференциации, соотношением профессиональных и массовых форм. Эти особенности прослеживаются в сфере общественного движения и общественной мысли, в своеобразном взаимоотношении фольклора и литературы, профессиональной музыки, изобразительного искусства, театра и народной музыки, народных художественных ремесел и народного театра, в состоянии народного образования и науки.

Немногим более, чем за два столетия (с XVII до середины XX в.) русский народ в своем общественном развитии прошел огромный путь от феодализма к социализму. К концу XVII — началу XVIII в. многие профессиональные формы русской культуры (литература, живопись, архитектура и пр.) имели многовековые традиции, но в целом искусство, литература, научные сведения сохраняли средневековый характер. Примечательно, что литература и некоторые виды искусства, как идеологические явления, более непосредственно отражающие общественное сознание эпохи, несколько раньше, чем многие отрасли научных знаний, начинают освобождаться от пут средневековых представлений и традиций, прежде всего от гнета церковной идеологии.

В середине и во второй половине XVII в. начали возникать первые литературные произведения, непосредственно не связанные с письменностью религиозной, исторической или деловой. Появляется стихотворство, которого не знала старая Русь; делаются первые попытки создания театра.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 130.

М. В. Ломоносов

В начале XVIII в. геологи начинают приходить на смену «рудознатцам», географы — составителям «скасок» и «чертежей», историки — летописцам. Появляются русские математики, физики, химики, астрономы и т. д., возникают первые научные учреждения и организации, и М. В. Ломоносов пишет с уверенностью, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Возникнув на два-три века позже, чем в некоторых западноевропейских странах, русская наука в дальнейшем своем развитии за 100—120 лет проходит путь от начатков систематических знаний до блестящих успехов середины XIX — начала XX в.

К середине XIX в. сложились и развились основные направления и школы, представители которых осуществили ряд выдающихся открытий и прославили русскую науку во всем мире. М. В. Остроградский, В. Я. Буняковский, П. Л. Чебышев создали «петербургскую школу» математики, работы которой составили целую эпоху в развитии математической науки. В области химии выдающихся успехов достигла «казанская школа» (Н. Н. Зинин, А. М. Бутлеров) и петербургские химики во главе с Д. И. Менделеевым, открывшим периодический закон химических элементов. Физики «московской школы» (П. Н. Лебедев, А. Г. Столетов

и др.) совершили ряд открытий в области магнетизма, движения энергии в упругих телах, а работы А. А. Эйхенвальда способствовали обоснованию электронной теории. Выдающиеся успехи были достигнуты и в области астрономии (А. А. Белопольский, Ф. А. Бредихин), биологии (К. М. Бэр, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев), гуманитарных наук (С. М. Соловьев, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, М. М. Ковалевский) и т. д. Во второй половине XIX в. русская прогрессивная философия шла уже по пути, намеченному В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским. Большой вклад в развитие материалистического мировоззрения внесли видные естествоиспытатели — В. О. Ковалевский, И. И. Мечников, Д. И. Менделеев и др.

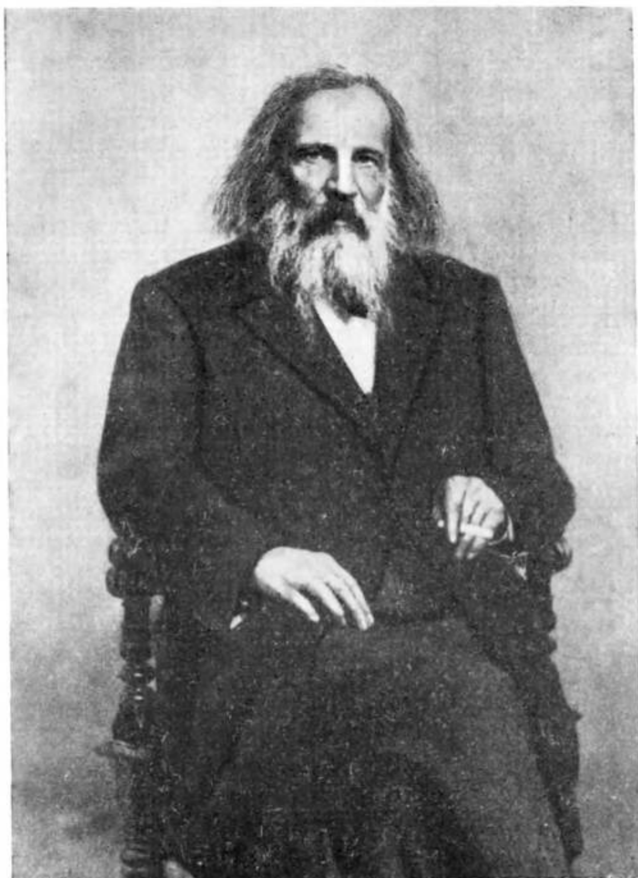
К концу XIX—началу XX в. марксистская философия прочно завоевала ведущее место в русской философской науке. Марксистские труды Г. В. Плеханова, опубликованные в 80—90-х годах XIX в., и особенно работы В. И. Ленина, посвященные закономерностям развития общества, роли пролетариата в социалистической революции, теории государства и национальному вопросу, знаменитая книга «Материализм и эмпириокритицизм», составили эпоху в развитии марксистской мысли и мировой философии и легли в основу современного развития общественных наук.

Для русской литературы XVIII—XIX вв. при столь же необычайном темпе развития характерны кратковременность и одновременность существования литературных направлений, каждое из которых составляло в большинстве европейских литератур целые эпохи, длившиеся нередко по нескольку десятилетий. В творчестве М. В. Ломоносова исследователи не случайно находят элементы и ренессанса, и барокко, и прежде всего классицизма и просветительства; один из виднейших классицистов М. М. Херасков к концу XVIII в. становится сентименталистом, классицист Д. И. Фонвизин — реалистом, в творчестве А. Н. Радищева сочетаются элементы просветительства и сентиментализма. В пору расцвета пушкинского реализма в русской литературе одновременно творят и революционный романтик К. Ф. Рылеев и сторонники прогрессивного классицизма В. К. Кюхельбеккер и А. С. Грибоедов; Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов за несколько лет совершают эволюцию от романтизма к реализму. Если русский классицизм сложился почти на столетие позже французского и на полвека позже английского, то Россия была одной из первых стран Европы, в которой возник реализм как литературное направление (И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов). Теснейшая связь с русским освободительным движением обеспечила русской литературе середины и второй половины XIX в. ведущее и влиятельнейшее положение среди европейских литератур. Творчество Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. М. Горького оказало сильнейшее влияние на литературу многих народов мира. Стремительным было и развитие русской музыки, театра, живописи, скульптуры.

Борьба правительства и церкви со старинной традицией бродячего народного театра привела в XVII в. к объявлению скоморохов вне закона; этим объясняется сравнительно позднее возникновение профессионального и замедленное развитие большинства форм народного театра. Тем не менее со второй половины XVIII в. и на протяжении последующих полутора столетий профессиональные театр и драматургия развивались чрезвычайно быстро. Пьесы Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, высокая театральная культура Малого и Художественного театров, русского балета и русской оперы, деятельность замечательных русских актеров Ф. Г. Волкова, П. С. Мочалова, М. С. Щепкина, П. М. Садовского, М. Н. Ермоловой,

А. С. Пушкин, портрет О. А. Кипренского, 1827 г.

А. С. Пушкин, портрет О. А. Кипренского, 1827 г.



Д. И. Менделеев

К. С. Станиславского, Ф. И. Шаляпина ввели русский театр в число сильнейших национальных театров мира.

Русская профессиональная музыка в XVIII в. совершала свои первые шаги. Однако, начиная с творчества М. И. Глинки, в 30—40-х годах XIX в., и особенно во второй половине XIX — начале XX в., русские композиторы (А. П. Бородин, А. С. Даргомыжский, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Н. Скрябин, С. В. Рахманинов и др.) создали национальную классическую музыку и завоевали международное признание. Русская живопись и скульптура нового времени, возникнув столь же поздно, достигли вершин своего развития во второй половине XIX — начале XX в. в творчестве И. Е. Репина, В. М. и А. М. Васнецовых, В. И. Сурикова, И. И. Левитана, М. А. Врубеля, Н. К. Рериха, П. П. Трубецкого, М. М. Антокольского, С. Т. Коненкова.

Бурное развитие русского профессионального искусства, литературы и науки в XVIII — начале XX в. совершалось в своеобразных исторических условиях. Несмотря на довольно раннее воссоединение всего русского народа в едином государстве, сопровождавшееся выработкой общерусских черт в материальной и духовной народной культуре, длительность периода феодализма, сохранение многочисленных феодальных пережитков в ходе развития капитализма в России обусловили сохранение локальных вариантов и разновидностей общерусских форм, областных различий и «школ» в народной поэзии и народном искусстве. Как и диалектные раз-

М. П. Мусоргский (с портрета И. Е. Репина, 1881 г.)

личия, они продолжали в какой-то мере существовать до 30-х годов XX в., т. е. до времени ликвидации культурной и хозяйственной обособленности отдельных областей в ходе индустриализации и коллективизации страны и осуществления культурной революции. В отличие от этого профессиональные формы культуры — искусство, литература, наука,— возникшие сравнительно поздно, развивались в условиях завершавшейся национальной консолидации и складывавшихся капиталистических отношений.

Поэтому «областной период» русской литературы завершился еще в пору ликвидации феодальной раздробленности Руси, и позднее Россия не знала областных литератур в системе национального литературного движения, как это было в Германии, Италии, даже Англии и, отчасти, во Франции. М. В. Ломоносов пришел из Архангельска, В. К. Тредиаковский — из Астрахани, А. Д. Кантемир — из Молдавии, А. П. Сумароков воспитывался в Петербурге, но это не сказалось на общем облике их литературного языка. Они сошлись в Петербурге — столице тогдашней России — и участвовали в создании новой общенациональной литературы. Позже для России конца XVIII —первой половины XIX в. было характерно одновременное существование столичных (петербургских и московских) научных и литературных обществ и кружков, рассеянных по стране (за исключением Сибири и русского Севера).

Формирование русской национальной культуры было одновременно процессом ее резкой социальной дифференциации. В России в конце XVII в.

Н. А. Некрасов (с рисунка А. Лебедева, 1877 г.)

феодальные отношения уже не могли укрепляться путем консервации экономики, социальных отношений, культуры и религии, как это было, например, во многих восточных государствах. Огромную роль в расшатывании феодально-крепостнических отношений играла классовая борьба широких народных масс и прежде всего крестьянские войны XVII—XVIII вв. В XVIII в. происходило частичное сращивание буржуазных и дворянских элементов. Реформы начала XVIII в. и дальнейшая эволюция дворянства и вместе с тем усиление крепостного рабства вели к образованию существенных культурных, бытовых и психологических отличий между господствующим классом и широкими народными массами, что породило глубочайшее расслоение национальной культуры и быта. Под знаком этих различий развивалась вся русская культура XVIII—XIX вв. как в ее профессиональных, так и в массовых формах. Преодоление их было одной из важнейших задач русского освободительного движения, русской науки, искусства и литературы от М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева до К. А. Тимирязева, Д. И. Менделеева, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и А. М. Горького.

Наука, литература, искусство, общественная мысль приходили в явное противоречие с политическим строем общества и феодальной природой государства.

Важнейшей линией русской литературы и русского искусства становится, по терминологии В. Г. Белинского, «критическое направление», антифеодальное по своей сути.

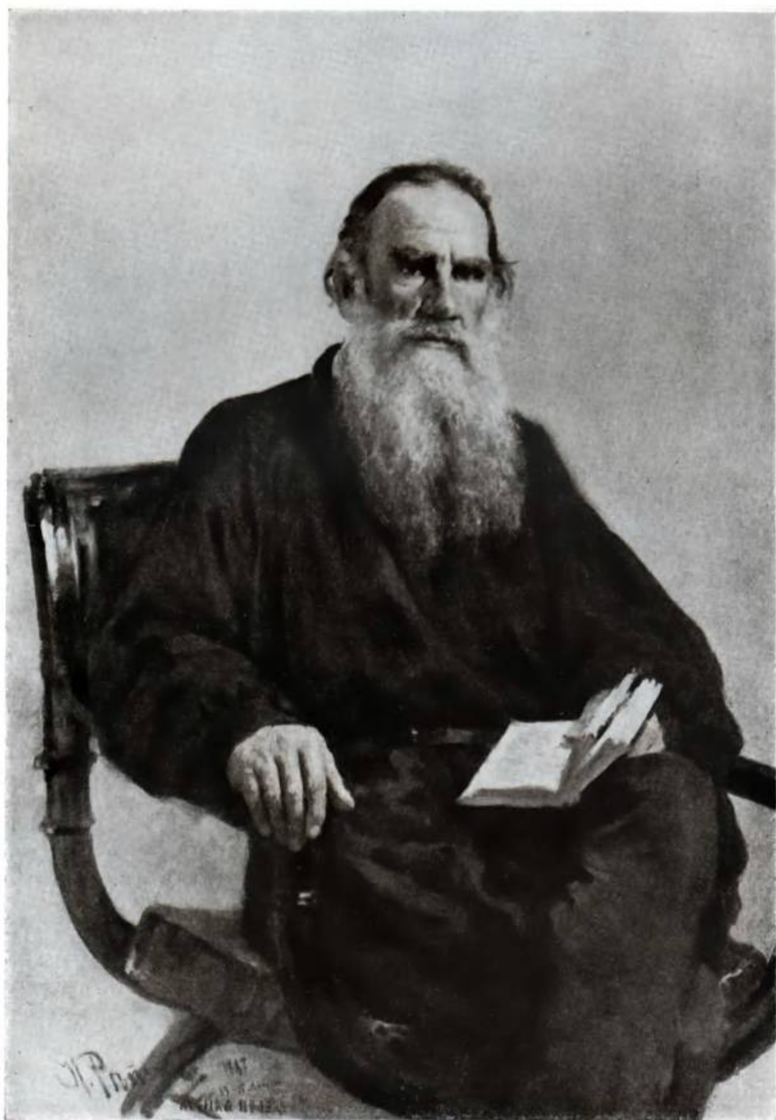
Начиная с 40-х годов, XIX в., организационные формы, в которых развивалась русская наука, отличались сосуществованием официальных научных учреждений и организаций с большим числом более широких и демократичных местных и общероссийских обществ — филиалов Географического общества, археографических комиссий, комиссий при губернских статистических комитетах, широкой сети краеведческих кружков. Примечательна роль, которую играли в них политические ссыльные (А. И. Герцен, П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко, Н. И. Иваницкий, Л. Д. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан и др.).

Во второй половине XIX в. противоречия в этой области отчетливо приобрели специфическую форму антагонизма между так называемыми академической и университетской науками. Университетские преподаватели постоянно находились в окружении студенчества, в значительной степени вышедшего из разночинных слоев. Это общение способствовало тому, что наука, развивавшаяся в университетах, по своему духу и направлению была более демократична, чем та, которая разрабатывалась в официально-консервативной академической среде. С образованием и ростом круга ученых-разночинцев эти столкновения обострялись.

Развитие научной и технической мысли приходило в то же время в противоречие с состоянием экономики, развитием промышленности и транспорта. Если в конце XVIII — начале XIX вв. не могли быть реализованы открытия талантливого изобретателя И. П. Кулибина, то в конце XIX в. такая же участь постигла великие изобретения П. Н. Яблочкина, А. С. Попова, К. Э. Циолковского и др.

Высокие достижения русской науки и технической мысли в условиях царской России не могли оказывать непосредственное влияние на жизнь народа, в основной своей части неграмотного или малограмотного. Петербург, Москва и еще несколько городов, во многом не уступавшие крупнейшим и передовым городам тогдашней Европы, были окружены тысячами деревень, в которых еще в 80—90-е годы XIX в. продолжали существовать курные избы и применялись примитивные орудия труда.

С 80-х годов XVIII в. основной политической и социальной проблемой русского общественного движения, русской литературы и искусства становится крепостное право. Реализм русской литературы и искусства выделялся на общеевропейском фоне своим демократизмом, заинтересованностью в судьбах трудового народа. В 60-е годы XIX в. Н. А. Добролюбов называл передовых русских писателей своего времени «партией народа в русской литературе». Русская литература в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко и А. П. Чехова достигает высочайших вершин художественного творчества. В это же время миллионы русских крестьян и рабочих продолжали оставаться отрешенными от благ современной им науки и книжной культуры, профессиональной музыки, изобразительного искусства, театра. Печатная продукция проникала в народную среду главным образом в виде лубка и низкопробных изданий «для народа». Культурная и эстетическая отгороженность народа от достижений книжной литературы, профессионального искусства и страстное стремление преодолеть ее составляли суть философской, творческой и личной трагедии Л. Н. Толстого, предопределившей колоссальную взрывчатую силу его творчества. Необходимость при обращении к народу говорить особым традиционным языком ощущается во многих произведениях русской литературы XIX—XX в. Характерно вместе с тем длительное существование особой «крестьянской литературы» (А. В. Кольцов, И. С. Никитин, И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин и др.) и возникновение в начале XX в. пролетарской (А. М. Горький, Демьян Бедный, поэты-правдисты и пролетарские поэты), окончательно слившихся только к концу 20-х годов XX в. в единой русской советской литературе.



Л. Н. Толстой, портрет И. Е. Репина, 1887 г.

В. Суриков. Автопортрет (1879 г.)

В процессе формирования русской нации развитие профессиональной культуры происходило в условиях сближения русской национальной культуры с культурами других народов России и, особенно, родственных восточнославянских народов — украинцев и белорусов. Этническая близость трех народов благоприятствовала не только их постоянному плодотворному взаимовлиянию, но и объединению усилий в ходе развития общественной мысли, науки, литературы, театра, музыки, живописи. У истоков русской национальной культуры нового времени рядом с именем первопечатника Ивана Федорова стоит имя его соратника белоруса Петра Мстиславца и его замечательного современника Г. Скорины. Деятельность Киево-Могилянской академии, сыгравшей огромную роль в развитии раннего русского, украинского и белорусского просвещения, связана с именами белоруса Симеона Полоцкого, украинца Феофана Прокоповича, русского Стефана Яворского. Русские ученые конца XVII— начала XVIII в., включая М. В. Ломоносова, учились по «Грамматике», составленной украинцем М. Смотрицким, хорошо знали изданный в 1627 г. в Киеве «Словарь славяно-российский» П. Берынды и первую в России учебную книгу по истории, так называемый «Киевский синопсис» (1674 г.), много раз издававшийся и популярный до середины XIX в. В XVIII—XIX вв. многие украинские и белорусские ученые жили, творили и печатались в Петербурге и Москве, русские ученые — в Киеве, Харькове и Минске. Можно назвать целую плеяду русских писателей — выходцев из Украины (от Н. В. Гоголя до Э. Г. Багрицкого

и К. Г. Паустовского). Украинские писатели—Т. Г. Шевченко, Е. П. Гребенка, Г. Ф. Квитко-Основьяненко, Марко Вовчок — писали и по-украински, и по-русски. Белорусский революционный демократ К. С. Калиновский, классики белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас теснейшим образом связаны с традициями русского общественного движения и русской литературы XIX—XX вв.

В XVIII—XX вв. русская культура чрезвычайно активно усваивала и перерабатывала лучшие достижения мировой культуры и, со своей стороны, оказывала на нее все возраставшее влияние. Выдающиеся русские ученые, писатели, художники, архитекторы XVIII в. (М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, В. И. Баженов) по уровню своих достижений стояли в одном ряду с лучшими представителями западноевропейской культуры своего времени или превосходили их. С середины XIX в. русская наука, литература, искусство обретают международное признание и мировой авторитет. Художественная деятельность Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова, И. Е. Репина и Ф. И. Шаляпина, деятельность русских ученых этого времени, наконец, рост международного авторитета русской общественной мысли — все это явилось отражением роста международного влияния русского освободительного движения и, в конечном счете, русской революции[1].

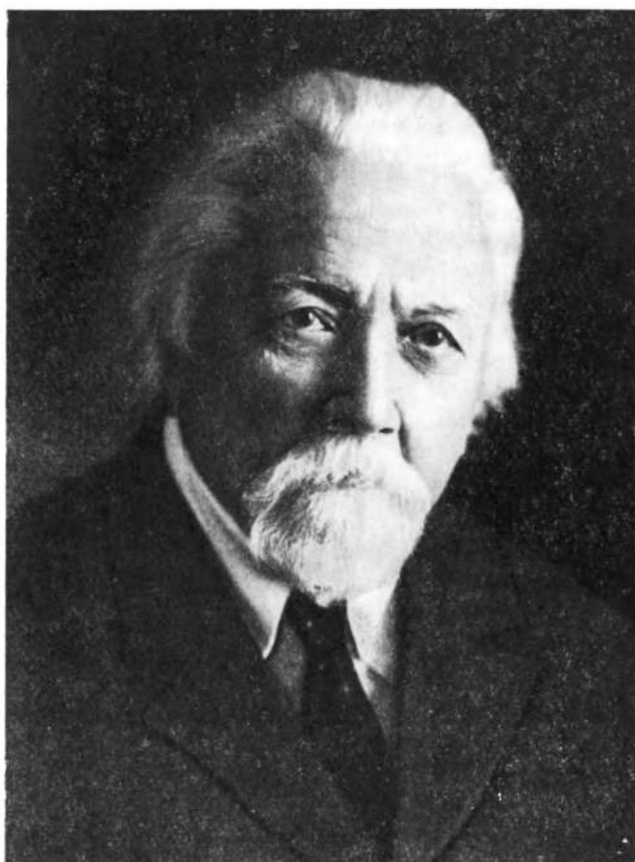
Итак во второй половине XIX — начале XX в. Россия была одновременно страной крупнейших достижений в области науки, литературы и искусства и одной из немногих европейских стран, сохранивших богатую и вместе с тем архаичную фольклорную традицию, развитые народные художественные промыслы и ремесла. Традиционное народное искусство было для России того времени не только великим художественным наследием, но и живым фактором народного быта.

К концу XIX и в начале XX в. традициям народного искусства начинает угрожать гибель под напором капиталистических отношений, пагубного влияния рынка, модернизма и т. п. Это не означало, разумеется, что фольклорные богатства и достижения народного искусства не сыграли своей роли в истории русской национальной культуры, (в XVIII в., и особенно с середины XIX в., начинается запись и публикация русского фольклора и русской народной музыки, собирание и издание образцов народного искусства и т. п.). Вместе с тем в условиях царской России нельзя было и думать о массовом приобщении народа к образованию, науке, литературе и искусству. Уничтожить этот трагический для национальной культуры разрыв могла только социалистическая революция и последовавшие за ней социальные, экономические и культурно-бытовые преобразования, создавшие почву для формирования общенародной социалистической культуры, впитавшей высшие достижения мирового искусства и литературы и вместе с тем богатейший опыт народной традиции. Массовый читатель, зритель и слушатель мог возникнуть только в ходе культурной революции, после массового приобщения народа к профессиональному искусству и литературе.

Социальные и экономические преобразования, последовавшие за Великой Октябрьской социалистической революцией, ликвидировали разрыв между развитием научной и технической мысли и реализацией ее достижений. На этой почве возникло новое взаимоотношение теории и практики, науки и народного хозяйства, начался процесс систематиче-

---

[1] В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» писал: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции» (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19).



А. П. Карпинский

ского и нарастающего проникновения науки во все области жизни советского народа (планирование, экономика, быт и т. д.). С другой стороны, государственное финансирование и планирование научных исследований, постоянная поддержка широких масс трудящихся обеспечили широту исследований и их высокие результаты. Расширение и полная перестройка старой Академии наук, преобразование ее в Академию наук СССР превратили ее в штаб научных исследований в стране. Кроме того, был создан ряд отраслевых академий (сельскохозяйственная, медицинская, педагогическая, архитектуры и строительства и др.) и академий союзных республик, областных и краевых академических институтов, а также огромное число научных институтов и университетских лабораторий. В научных учреждениях и высших учебных заведениях СССР в 1962 г. работало 524,5 тыс. научных работников — в 52 раза больше, чем в 1914 г.

Представители советской науки — физики (И. В. Курчатов, В. И. Векслер, Л. Д. Ландау, Н. Н. Боголюбов, И. Е. Тамм и др.), химики (Н. Д. Зелинский, А. Е. Фаворский, Н. Н. Семенов, Н. С. Курнаков и др.), математики и механики (И. М. Виноградов, М. В. Келдыш, С. А. Лебедев, А. Н. Колмогоров и др.), биологи (И. П. Павлов, Л. А. Орбели, А. А. Ухтомский, К. М. Быков и др.), геологи (И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, А. П. Карпинский, Д. И. Щербаков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и др.), экономисты (Е. С. Варга, С. Г. Струмилин и др.), историки и филологи (М. Н. Покровский, В. П. Волгин, А. В. Луначарский, Е. В. Тарле,

Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, И. Ю. Крачковский, В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев, В. В. Виноградов и др.) завоевали ведущее место в ряде важнейших отраслей знания. Ученые всего мира с величайшим вниманием изучают теперь русскую научную литературу, как и научную литературу других народов Советского Союза. Традиционное в прошлом правило «rossika non leguntur» («русское не читается») следует признать окончательно отмененным.

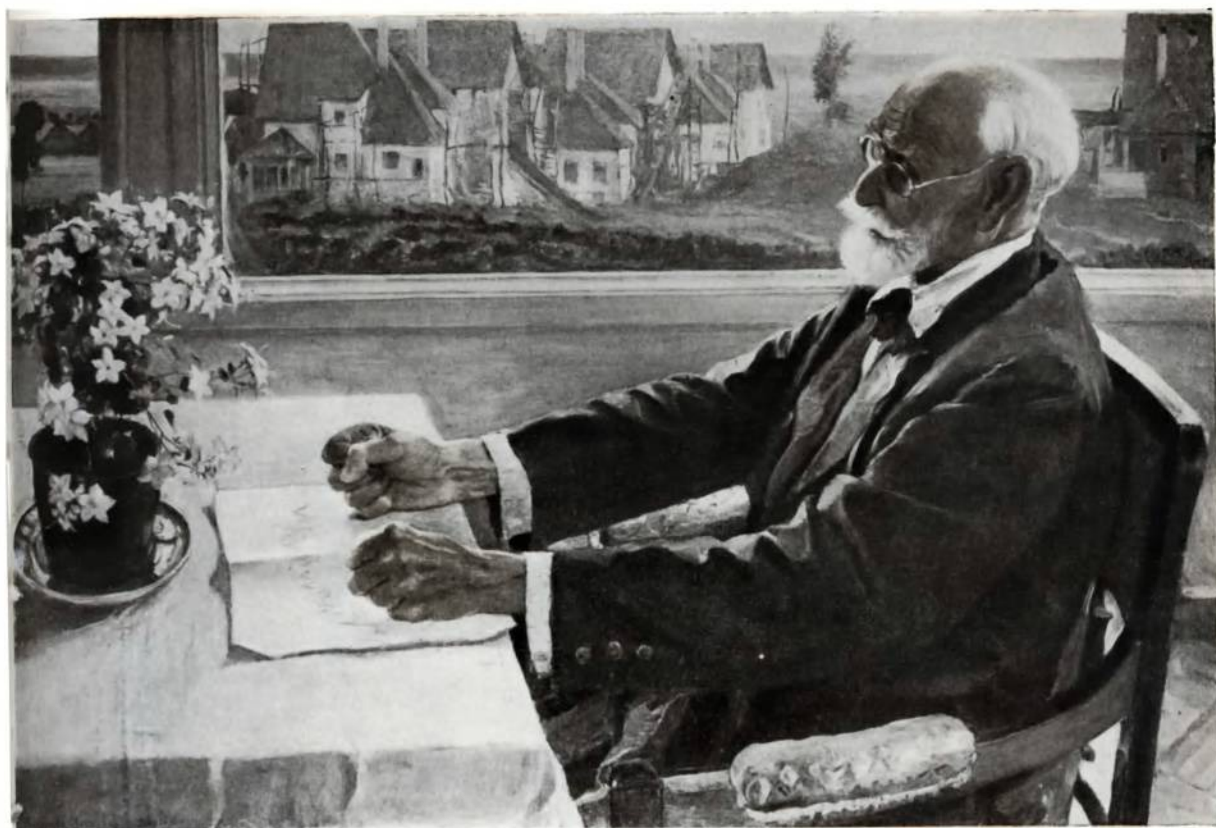
Не случайно советские ученые, среди которых русские ученые играют столь значительную роль, первыми в мире разработали, а советские инженеры, техники и рабочие первыми в мире осуществили запуск искусственных спутников Земли, а затем космических ракет.

Плодотворно работают русские ученые в содружестве с учеными других республик, стран народной демократии над важнейшими для современности проблемами мирного использования атомной энергии. Развитие советской науки, как и всей мировой науки в послевоенное время, отмечено дальнейшим усилением специализации и дифференциации отдельных отраслей, возникновением новых научных направлений и активизацией взаимодействия отдельных наук.

Характерная черта русской советской науки — активный и постоянный контакт с учеными других народов Советского Союза и в послевоенные годы с учеными стран народной демократии. Русские ученые, особенно в первые десятилетия существования советской науки, оказали значительную помощь научным учреждениям и организациям союзных и автономных республик, всемерно содействовали воспитанию национальных научных кадров и их сплочению в единой коллективной работе. В годы Советской власти по мере экономического и культурного развития отдельных краев и областей постепенно преодолевалась характерная для старой России сосредоточенность научных и культурных сил в нескольких крупнейших городах. Развертывание широкой сети периферийных научных учреждений и учебных заведений, театров, библиотек, книжных издательств, воспитание большой армии ученых, писателей, артистов, художников, работающих во многих городах и областях, содействовало более равномерному распределению культурных центров на территории России и Советского Союза в целом. Слово «провинция» стало исчезать из повседневного речевого употребления. Русский язык стал многонациональным средством общения в Советском Союзе. Русский язык, русская книга, кинофильм, песня вошли в обиход всех народов СССР. С другой стороны, ежегодно на русский язык переводятся сотни книг, созданных учеными и писателями на языках других республик страны.

Развитие русской литературы и искусства в советское время сопровождалось выдающимися успехами, дальнейшим укреплением и расширением международного влияния. Ведущая из советских литератур — русская — становится первой литературой мира, овладевшей методом социалистического реализма. Творчество А. М. Горького, В. В. Маяковского, А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, С. А. Есенина, А. А. Фадеева, А. Т. Твардовского, К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина и др. приобрело всенародную популярность. Книги русских советских писателей издаются огромными тиражами, переводятся на языки народов Советского Союза и других народов мира, включая страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Социалистический реализм как художественный метод, основным принципом которого является правдивое исторически-конкретное изображение действительности в ее революционном развитии, а важнейшей задачей — коммунистическое воспитание масс, нашел свое отражение и в лучших произведениях русской советской живописи, музыки, скульптуры, в успехах театров и кинематографии. В развитие советской живописи внесли свой вклад такие художники, как И. И. Бродский, Б. М. Кустодиев,



И. П. Павлов, портрет М. В. Нестерова, 1935 г.

М. Горький (фото 1898—1899 г., Нижний Новгород)

И. Э. Грабарь, П. П. Кончаловский, К. Ф. Юон, В. В. Фаворский, В. В. Мешков, Б. И. Пророков и др. Всемирную известность получили произведения русских композиторов С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, Н. Я. Мясковского, Р. М. Глиэра, Т. Н. Хренникова, Д. Б. Кабалевского и др. Первоклассные произведения созданы русскими скульпторами Н. А. Андреевым, И. Д. Шадром, В. И. Мухиной, С. Д. Меркуровым, Е. В. Вучетичем, М. Г. Манизером и др. Завоевали мировую славу русский советский драматический и музыкальный театры и балет, а также множество музыкальных коллективов и солистов-исполнителей, добившихся первых мест на многих международных конкурсах. Московский художественный театр, Малый театр, Большой театр Союза ССР, ленинградские театры им. А. С. Пушкина и им. М. Горького, ансамбли Советской Армии, «Березка», ансамбль И. А. Моисеева и кукольный театр Образцова — гордость советского искусства.

Новым явлением в культуре русского народа стало искусство кино, которое до революции только еще возникало. Огромную важность этого вида искусства, обладающего возможностями сильнейшего воздействия на зрителей и широчайшего распространения, отмечал В. И. Ленин[1]. Русская советская школа в кинематографии дала таких представителей, как С. М. Эйзенштейн, Я. А. Протазанов, С. И. Юткевич, В. И. Пудовкин,

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 432; там же, т. 42, стр. 16.

Первые космонавты (1963 г.)

Г. В. Александров, С. А. Герасимов, Г. Л. Рошаль, братья Васильевы, Г. Н. Чухрай и др. Не раз русские кинокартины завоевывали первые места на международных кинофестивалях. В СССР создана мощная кинопромышленность, обеспечивающая прочную техническую базу для этого, самого массового, вида искусства.

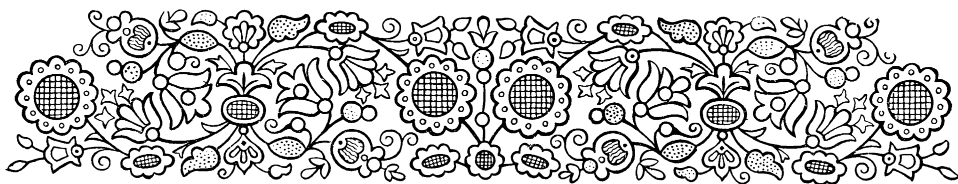
В развитии различных отраслей русского искусства немалую роль, особенно в последние десятилетия, играют радио и телевидение. Они все больше входят в быт широких слоев населения. Уже сейчас в крупных городах и окружающих их районах нет ни одного дома без телевизора.

Народность советской литературы и искусства, широта и степень их влияния на массы читателей объясняется не только стремлением писателей сделать свое творчество необходимым народу, содействовать процессу коммунистического воспитания трудящихся, но и общими процессами культурного развития страны. Культурная революция, начавшаяся еще в 20-е годы, в значительной мере приобщила массы русского народа и других народов нашей страны к лучшим достижениям профессионального искусства и литературы. Эстетическая жизнь народа в настоящее время органически связана с книгой, кино, театром, радио, журналами. Фольклорные формы (песня, частушка, пословицы и поговорки и т. д.) сосуществуют с полуфольклорными, полулитературными и просто литературными формами и художественной самодеятельностью.

Таким образом, после Великой Октябрьской революции и в ходе дальнейших экономических, социальных и культурных преобразований национальная культура русского народа не только развивала прогрессивные традиции прошлого, но и во многом изменила свою структуру. В значительной мере ушли в прошлое культурная изолированность отдельных областей, сосредоточенность культурных учреждений, ученых, писателей, художников, артистов в ограниченном числе городов, резкая неравномерность

распределения культурных благ между отдельными классами и социальными слоями, наконец, типичное для старой России сочетание высоких достижений науки и культуры и архаичности форм массовой эстетической жизни народа. Наука и культура во всех своих проявлениях обрели черты подлинной народности. Разумеется, все эти процессы еще далеко не завершены, как не завершена еще культурная революция, происходящая в нашей стране. Как указывается в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, в ходе строительства коммунизма советскому народу предстоит завершить культурные и бытовые преобразования, осуществлявшиеся в послереволюционные годы, завершить создание всенародной культуры коммунистического общества[1].

[1] См.: «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 116—132.



УКРАИНЦЫ

ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЦЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОСТИ

Украинский и русский народы, столь близкие, по определению В. И. Ленина, «по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории[1]», связаны между собой не только единством происхождения, но и близостью и общностью всего исторического и культурного развития. Советской наукой доказано, что в образовании Киевской Руси принимало участие все восточное славянство, и Киевское государство было колыбелью русского, украинского и белорусского народов, сложившихся на основе единой древнерусской народности. Культура Киевской Руси стала общим источником культурного развития русских, украинцев и белорусов. Эта общность в дальнейшем прослеживалась в различных областях культуры восточнославянских народов.

Социально-экономическое развитие Руси в период феодальной раздробленности (XII—XIV вв.), в тяжелое время монголо-татарского нашествия, обрушившегося на Русь в XIII в., привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности, определило процесс образования на основе единой древнерусской народности трех родственных восточнославянских народностей, с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Важнейшей предпосылкой формирования восточнославянских народностей был рост экономических связей между отдельными землями. Уже в XII в. выделяются четыре группы древнерусских земель, между которыми прослеживались экономические связи: 1) Новгород, Смоленск, Псков, Полоцк, Витебск; 2) Владимир, Рязань, Устюг, Ростов, Муром; 3) Киев, Чернигов, Новгород-Северский; 4) Галич, Владимир-Волынский, Луцк. Две первые группы объединяют северные земли, две последние — южные. В этой группировке уже намечается выделение территорий русской, украинской и менее четко белорусской народностей.

Исследованиями советских ученых опровергнуты домыслы украинских буржуазных националистов, которые, извращая исторические факты, утверждали, что восточные славяне якобы никогда не составляли единого этнического целого, и Киевская Русь (IX—XII вв.) с ее культурой была государством украинской народности, существовавшей будто бы с древнейших времен. С другой стороны, русские дворянско-буржуазные историки, отказывавшиеся признавать за украинским и белорусским народа-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 342.

ми право на самостоятельное существование, освещали историю Киевской Руси лишь как историю великорусского народа.

Обособление отдельных частей единой во времена Киевской Руси древнерусской народности, которое явилось в значительной степени последствием татаро-монгольских завоеваний, усиливалось в результате агрессии других иноземных феодалов. Литовские князья в XIV в. захватили бо́льшую часть Украины — Волынь и Подолию, которая до XIV в. входила в состав Галицкой земли, Киевскую и Чернигово-Северскую земли. Польские феодалы захватили в 1387 г. Галицию с Западной Волынью, а в 1431 г.— Западную Подолию (Каменец), находившуюся перед тем под властью Литовского княжества. Закарпатье, входившее в состав Киевской Руси, еще в XI—XII вв. было захвачено венгерскими королями. Все это, однако, не привело к ассимиляции местного восточнославянского населения, ставшего частью формирующейся украинской народности. В то же время угорские племена, основавшие в конце IX в. свое государство в тиссо-дунайской равнине, испытали значительное влияние восточнославянской культуры, особенно в области земледелия. Часть украинской территории, известная под названием Буковины, была включена в состав Молдавского княжества, возникшего в XIV в. на землях между Днестром и Дунаем, входивших ранее в состав Киевского государства, а в период феодальной раздробленности — Галицкого княжества. В состав Молдавии вошло, таким образом, Галицкое Понизовье вплоть до Дуная.

В процессе формирования украинской народности, чтобы отстоять свою этническую и культурно-историческую самобытность, пришлось выдержать длительную борьбу против татарских захватчиков, литовской, польской и венгерской феодально-католической агрессии. Главной силой в этой борьбе являлись народные массы и прежде всего феодально-зависимое крестьянство, составлявшее преобладающую часть украинской народности. Украинские феодалы, преследуя в первую очередь свои узкоклассовые интересы, занимали в этой борьбе нерешительную, компромиссную позицию. Стремясь усилить закрепощение крестьян, они объединялись с иноземными феодалами в борьбе против антифеодальных движений народных масс, направленных против местных и иноземных эксплуататоров. Во второй половине XV в. Украине начала угрожать новая страшная опасность со стороны Турции и Крымского ханства, выделившегося из Золотой Орды и в 70-х годах XV в. оказавшегося в вассальной зависимости от турецкого султана. К. Маркс писал, что турецкое нашествие на Европу в XV—XVI вв., как и монгольское нашествие XIII в., являлось опасностью, угрожавшей всему европейскому развитию[1]. В конце XV в. начались нападения турок на Галицию и Подолию. В то же время крымские феодалы систематически совершали набеги на украинские земли по Днепру, Южному Бугу и далее, сжигали и опустошали города и села, уводили тысячи людей в плен, продавая их в рабство на восточных рынках или используя как крепостных и рабов в своем хозяйстве.

В борьбе против иноземной агрессии население разных земель Украины все более сплачивалось, консолидировалось в единую народность. Ее образование было обусловлено главным образом развитием производительных сил в недрах феодального общества и ростом экономических связей внутри обособившейся группы юго-западных древнерусских земель. Украинская народность, так же как русская и белорусская, формировалась на значительно высшем по сравнению с древнерусской народностью уровне экономического развития, который предопределял постепенное преодоление феодальной раздробленности. Несмотря на чрезвычайно тяжелые внешнеполитические условия и господство иноземных феодалов, в XIV—XVI вв. в украинских землях продолжало развиваться земледе-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 180.

лие, совершенствовались ремесла, разрастались старые и появлялись новые города, развивались товарно-денежные отношения. Трехполье, появившееся в период Древней Руси, становится на значительной части Украины основной формой обработки земли, прежде всего в хозяйстве феодалов. Развитие трехпольной системы было связано с дальнейшим распространением и некоторым усовершенствованием плуга и сохи с железными наконечниками (лемехами и сошниками). Тягловой силой при обработке земли были волы и лошади. В феодальных имениях в этот период увеличивалось число ремесленников разных специальностей — сапожников, портных, бондарей, плотников, кузнецов, гончаров и др.

Ремесленники составляли значительную часть городского населения и объединялись в цехи. Дальнейшее развитие общественного разделения труда, выразившееся в процессе отделения ремесла от сельского хозяйства, способствовало увеличению численности неземледельческого городского населения и росту в городах спроса на продукты сельского хозяйства, а в деревне — на ремесленные изделия. Поэтому на Украине в конце XIV—XV и еще больше в XVI вв. при сохранявшейся в целом феодальной разобщенности развивалась торговля, постепенно расширялся внутренний рынок, росли торги и ярмарки, усиливались экономические связи между отдельными городами и землями. Так, в города среднего Поднепровья привозили хлеб с Волыни и Подолии. Шляхта Луцкого повета везла хлеб в Киев, Канев, Черкассы. В Остроге бывали купцы из Киева, Львова, Каменца и др.

Рост экономических связей между отдельными землями Украины, их политическое общение, связанное с борьбой против иноземных захватчиков, было основой формирования украинской народности, образования ее этнической территории и присущих ей особенностей хозяйственной жизни, языка, культуры и быта.

Украинская народность формировалась и консолидировалась вокруг Киева, Переяслава, в Чернигово-Северской, Волынской, Подольской и Галицкой землях, Закарпатье и Буковине. В Приднепровье образовалось этническое ядро, к которому тяготело население других украинских земель. Эта территория приобрела ведущее значение в общественно-политической и культурной жизни украинского народа, в его борьбе против иноземных захватчиков за свою независимость. Поэтому за средним Приднепровьем прежде всего укрепилось название «Украина», ставшее позднее наименованием национальной территории украинского народа[1]. Здесь же сложились среднеднепровские говоры, ставшие основой украинского национального языка, расцвело высокохудожественное самобытное устное творчество украинского народа, наиболее характерными образцами которого являются лиро-эпические произведения — думы и исторические песни, дошедшие до нас с XVI—XVIII вв.

Примерно с XIV—XV вв. украинская народность наряду с русской и белорусской уже выступает как определенная этническая общность. В XVI — первой половине XVII в. она продолжала развиваться и консо-

---

[1] Название «Украина» (в смысле «окраины» — территории, граничившей со степью, откуда нападали на Русь кочевые племена — половцы и др.) впервые употреблено в Киевской летописи под 1187 г. в связи с событиями в Переяславской земле. Под 1189 г. тот же киевский летописец называет Украиной понизовье Галицкой земли по Днестру. В XII в. Галицко-Волынская летопись прилагала это имя к пограничной с Польшей территории Галицко-Волынского княжества по Западному Бугу. В последующие столетия в связи с формированием украинского народа название «Украина» приобретает новое значение, сохранявшееся в дальнейшем. С XIV в. появляется также понятие «Малая Русь», которое сначала относилось к Галицко-Волынской земле, а позднее и к Приднепровью. Это название употреблялось главным образом в официальных документах и литературе. В XVI—XVII вв. название «Украина» становится все более популярным в народе. Наряду с этим древнее понятие «Русь», свидетельствовавшее об исторической общности трех братских восточнославянских народов, продолжало употребляться для обозначения как всего украинского народа, так и отдельных его групп.

лидироваться. Наиболее ярко процесс формирования этих народностей проявлялся в развитии их языков, этого, по определению В. И. Ленина, важнейшего средства человеческого общения[1]. Раздробление Киевского государства на ряд отдельных феодальных княжеств повело к дальнейшему развитию и углублению местных культурно-бытовых особенностей, в частности, диалектных различий, причем некоторые из них затем стали характерными чертами отдельных современных восточнославянских языков. Среди новых диалектных черт, отразившихся в письменных памятниках Юго-Западной Руси XI—XIII вв., заметны и черты будущего украинского языка, весьма проявлявшиеся, например, уже во второй половине XIV в. в актовой письменности. Древнейшая грамота, которой открывается ряд письменных документов с достаточно выразительными чертами украинского языка, датируется 1341 г. По мнению В. В. Виноградова и П. С. Кузнецова, «современные восточнославянские языки — русский в его теперешнем объеме, белорусский и украинский, как языки особых народностей, впоследствии наций — сложились позднее, примерно в XIV—XV вв., на основе определенной перегруппировки древнерусских или древневосточнославянских наречий»[2]. К концу XV в. относятся первые попытки приблизить книжный церковнославянский язык к сложившемуся живому общенародному украинскому языку.

Родство с близкими культурами русского и белорусского народов ярко отразилось и в украинском книгопечатании. Основоположником книгопечатания на Украине явился русский первопечатник Иван Федоров, основавший первую на Украине типографию во Львове (1573 г.). Возникновение книгопечатания способствовало росту культурной общности украинского народа, укрепляло его языковое единство.

Начиная с XIV—XVI вв., самобытная культурная общность украинской народности проявилась в различных отраслях материальной и духовной культуры, в частности, в архитектуре. В памятниках каменного зодчества XIV—XVI вв. в значительной мере сохранились предшествующие древнерусские формы. Однако архитектура этого периода отличается от архитектуры Древней Руси. Это выразилось не только в типах и назначениях сооружений, но и в их художественном оформлении. Строились многочисленные дворцы феодалов, оборонные и культовые сооружения, а также торговые и складские помещения, ратуши, жилые дома купеческо-ремесленной верхушки; вырабатывались самобытные приемы объемно-пространственных композиций и декора. В ряде памятников архитектуры Украины этого периода проявлялись новые черты, которые развивались в украинской архитектуре XVII—XVIII вв. Ярким образцом украинской каменной архитектуры XV—XVI вв. является церковь-крепость в Сутковцах на Подолии. В деталях внутренних украшений церкви использованы творчески переработанные формы итальянского Возрождения. Одним из типичных феодальных замков Украины XIV—XVI вв. является замок в Луцке. Манера выполнения его декоративных деталей напоминает приемы древнерусского зодчества, однако они отличаются самобытной трактовкой. В западноукраинских землях одним из крупнейших центров архитектуры был Львов. Характерная особенность львовских сооружений — сочетание элементов архитектуры итальянского Возрождения с самобытными формами национального зодчества.

Культура украинской народности, как и всякая надстройка в классовом обществе, имела классовый характер: в ней следует различать культуру угнетенных масс и культуру угнетателей; «...класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

[2] В. Виноградов, П. Кузнецов. Языковое родство славянских народов. «Славяне», 1951, № 2, стр. 48.

время и его господствующая *духовная* сила»[1]. Как и в предшествующий период, литература, церковная живопись, каменная (церковная и замковая) архитектура отражали прежде всего идеологию, интересы и вкусы господствующего класса феодалов. Наряду с этим развивалось народное творчество, отражавшее идеологию, вкусы, интересы, антифеодальные тенденции народных масс. Это творчество проявлялось в народном жилищном строительстве, одежде, резьбе по дереву, вышивках, в устной поэзии, народной музыке и т. п. и в свою очередь находило свое отражение в феодальной культуре.

Гнет иноземных феодалов задерживал развитие украинской культуры, но не мог его остановить. Иноземным поработителям не удалось ассимилировать язык и культуру украинской народности. Она не только сохранила свой язык и национальную самобытность, но и оказала огромное культурное влияние на Литовское княжество, в котором государственным языком был признан «русский язык» (письменный язык украинцев и белорусов) и была использована для законодательства Русская Правда, а также на Молдавию, где распространилась греко-православная религия и славянорусская письменность. На этой письменности сильно сказалось влияние украинского языка.

В XV—XVI — первой половине XVII в. в Западной Европе украинцы были известны как народ со своим языком, характерным бытовым укладом, территорией, подразделявшийся на ряд этнографических групп (волыняне, подоляне и др.), и вместе с тем как народ родственный и очень близкий по культуре русскому народу.

Среди трех восточнославянских народностей с самого начала их возникновения главную роль играла наиболее сильная из них — русская народность. Русский народ в длительной борьбе с татаро-монгольскими и другими иноземными поработителями преодолел феодальную раздробленность и создал централизованное государство, явившееся центром притяжения и опорой в борьбе против иноземной агрессии для всех восточнославянских народов. В состав Русского государства вошла Слободская Украина (современная территория Харьковской, Сумской, частично Белгородской и Воронежской областей), заселявшаяся украинцами и русскими. В начале XVI в. в состав Русского государства вошла также Чернигово-Северская земля, находившаяся с XIV в. под властью литовских князей.

Во второй половине XVI в. польские феодалы усилили свою экспансию на украинские земли, используя для этого украинскую, белорусскую и литовскую шляхту, стремившуюся уравняться в правах с польской шляхтой. В 1569 г. на совместном сейме польских и литовских феодалов в Люблине было заключено соглашение об унии, согласно которому Литва объединялась с Польшей в одно государство — Речь Посполитую, сохраняя в ее рамках известную автономию. Украинские земли были отторгнуты от Литовского княжества и включены в состав шляхетской Польши. В начале XVII в. Польша захватила также Чернигово-Северскую землю, находившуюся с начала XVI в. в составе Русского государства. После Люблинской унии верхушка польских феодалов — магнаты — захватила на Украине огромные земельные владения, в которых насчитывались сотни сел, местечек и городов с многочисленным населением. Установление польско-шляхетского господства на Украине особенно тяжело отразилось на положении крестьянства. Крестьяне выполняли тяжелую, почти ежедневную барщину, были лишены всех прав и окончательно закрепощены. Власть шляхтича над крестьянином была неограниченной, шляхтич мог не только продать или купить крестьянина, но и приговорить его к смерти.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45.

Под властью шляхетской Польши украинские народные массы терпели не только жесточайший социальный, но и религиозный, и национальный гнет. Польские магнаты, шляхта и католическое духовенство насаждали католицизм, проводили политику насильственного ополячивания украинцев. При помощи кучки изменников украинского и белорусского народов — православных епископов — они добились провозглашения Брестской церковной унии в 1596 г., согласно которой православная церковь Украины и Белоруссии должна была подчиниться римскому папе. Уния насаждалась силой. Украинские и белорусские народные массы упорно боролись против унии, справедливо оценивая ее как орудие усиления социального и национально-религиозного гнета и уничтожения обеих народностей.

В ходе борьбы украинских народных масс — крестьян и городской бедноты — против феодально-крепостнического и национального гнета, а также против турецко-татарских нападений, на Украине в XV—XVI вв. сформировалась военная сила — казачество. Центром украинского казачества в XVI в. стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории Украины. В то время, как часть зажиточной казацко-старшинской верхушки (формировавшейся из мелких феодалов, зажиточных мещан и зажиточных крестьян) шла иногда на соглашение с польской шляхтой, казацкие массы вместе с крестьянством и городской беднотой вели непримиримую борьбу против феодально-крепостнического и национального гнета. Одновременно внутри самого казачества происходила острая классовая борьба между казацко-старшинской верхушкой и казацкими массами. Казачество создало оригинальную культуру и быт, сыгравшие важную роль в развитии украинской национальной культуры. Героическая история казачества, его яркий своеобразный быт нашли широкое отражение в украинской народной поэзии, в произведениях украинских и русских писателей, художников и композиторов — Т. Г. Шевченко, Н. В. Гоголя, И. Е. Репина, С. С. Гулак-Артемовского, Н. В. Лысенко, П. И. Чайковского и др.

ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Крестьянско-казацкие восстания, усилившиеся с конца XVI в., сыграли выдающуюся роль в истории длительной героической борьбы украинских народных масс против господства польской шляхты и местных эксплуататоров. Эти восстания, охватывая огромные территории и объединяя широкие массы сельского и городского населения Украины, содействовали сплочению, консолидации украинской народности, укреплению ее этнической общности, росту ее национального самосознания и патриотизма. Восстания конца XVI в. явились началом освободительной борьбы украинского народа, которая особенно широко развернулась во второй четверти XVII в. и была связана с новым этапом в его историко-этническом развитии — началом превращения его в буржуазную нацию.

Украинская народность в этот период, несмотря на захват ее земель иноземными феодалами, переживала в основном тот же этап историко-экономического развития, что и русская народность. На Украине также примерно с XVII в. в связи с дальнейшим ростом товарно-денежных отношений и обмена между отдельными землями начали складываться национальные связи. Феодально-крепостнический и национально-религиозный гнет шляхетской Польши, который основной тяжестью лег на крестьянство и массу городских жителей, был сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины. Несмотря на это, на Украине продолжали развиваться города — центры ремесла и торговли, происходил процесс превращения ремесла в товарное производство.

Усиливались рыночные связи в сельском хозяйстве, зарождались предпосылки мануфактуры, возрастали экономические связи между отдельными украинскими землями, расширялся внутренний рынок, росло зажиточное мещанство (купечество, цеховые мастера), более заметным становилось социальное расслоение не только среди городского населения, но и (хотя в меньшей мере) среди крестьян, увеличивалась прослойка наемных неимущих работников как в городах, так и в селах, обострялись классовые противоречия в городах и т. д. Зажиточное мещанство стало создавать особые национально-религиозные организации — братства (Львовское, Киевское и др.), имевшие большое значение в борьбе против гнета шляхетско-католической Польши, за культурно-национальное развитие украинского народа. В 30-х годах XVII в. возникла Киево-Могилянская Коллегия (переименованная в 1701 г. указом царя Петра I в Академию), сыгравшая большую роль в развитии не только украинской, но и русской культуры.

Зарождение национальных связей активизировало борьбу украинского народа против гнета шляхетской Польши за воссоединение с Россией. Особенно большого размаха и остроты эта борьба достигла в годы освободительной войны 1648—1654 гг. под руководством выдающегося государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого. Главной и решающей силой освободительной войны было угнетенное крестьянство, боровшееся прежде всего за уничтожение крепостнического гнета польских и украинских феодалов. При исторически сложившихся неблагоприятных условиях процесс формирования украинской национальной государственности не мог завершиться созданием суверенного государства. Это хорошо понимал Богдан Хмельницкий. Отражая интересы украинского народа, он с самого начала войны стремился к воссоединению Украины с Россией, которое и было провозглашено на исторической Переяславской раде 8(18) января 1654 г. Богдан Хмельницкий был выразителем социальных интересов украинской феодальной верхушки (казацкой старшины), которая стремилась сохранить и укрепить феодально-крепостнические отношения на Украине. Однако, поддерживая развитие городов, промыслов, торговли, купечества, он способствовал зарождению национальных связей на Украине в XVII в.

Борьба украинского народа против шляхетской Польши, требовавшая сплочения народных сил различных земель Украины, в свою очередь усиливала начавшийся процесс формирования украинской нации. Этому процессу способствовало, в частности, смешение населения разных областей, в результате чего укреплялась языковая и культурная общность украинского народа. Весьма характерно, что во время освободительной войны 1648—1654 гг. в войско, возглавляемое Богданом Хмельницким, вливались народные массы из разных местностей Украины как восточных, так и западных вплоть до Буковины и Закарпатья. Спасаясь от жестокого социального и национального гнета, многие крестьяне и городские жители бежали с запада и севера Украины на юго-восток, на среднее Приднепровье, где гнет был слабее. Это содействовало нивелировке диалектных расхождений, возникновению большой группы более или менее однотипных юго-восточных говоров. Важным фактором в процессе превращения украинской народности в нацию было создание национальной этнической территории. В первой половине XVII в., одновременно с укреплением экономических связей между отдельными украинскими землями, происходил интенсивный прилив населения на менее заселенную территорию среднего Приднепровья, которое в конце XV — начале XVI в. сильно пострадало от татарских нападений. Вместе с тем усиливалась борьба за освоение низовьев Днепра, чему содействовало возникновение здесь в XVI в. центра украинского казачества — Запорожской Сечи; усиливалось также заселение Слободской Украины, вхо-

Памятник Богдану Хмельницкому в Киеве (скульптор М. О. Микешин, 1888 г.)

дившей в состав Русского государства, где к 50-м годам XVII в. возник ряд новых городов (Острогожск, Сумы, Лебедин, Ахтырка, Харьков) и много слобод.

Название «Украина» в XVII в. распространилось на все земли, заселенные украинским народом, от Карпат до границ Русского государства в связи с формированием украинской этнической территории. Так, в постановлении польского сейма 1580 г. по поводу антифеодальных выступлений крестьян говорится, что эти выступления охватили «Украину Русскую (Галицию), Киевскую, Волынскую, Подольскую и Брацлавскую». Французский инженер Г. Боплан (середина XVII в.) в своем «Описании Украины» называет Украиной всю территорию, «простиравшуюся между Московией и Трансильванией»[1].

Зарождение национальных связей на Украине в XVII в. нашло свое отражение в развитии языка, устного народного творчества, литературы, искусства. Богатый, живой язык украинской народности, ставший основой национального языка, постепенно закреплялся в литературе, в деловой переписке, что весьма заметно проявилось, в частности, в языке документов канцелярии Богдана Хмельницкого.

Крестьянско-казацкие восстания первой половины XVII в., и особенно освободительная война 1648—1654 гг., дали толчок к дальнейшему развитию многогранного устного народного творчества украинского народа. В связи с событиями освободительной войны появляется много новых дум и исторических песен, вошедших в сокровищницу национальной культуры, созданной гением украинского народа. Во время войны еще ярче проявилось значение дум и исторических песен как боевой общественно-политической поэзии, воспевавшей освободительную борьбу украинского народа. Думы и песни передавались из поколения в поколение и служили

[1] «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. II. Киев, 1896, стр. 294.

социальному и национальному освобождению украинского народа. В историческом эпосе освободительной войны 1648—1654 гг. отразился подъем национальных чувств и национального самосознания украинского народа. Этот подъем был вызван не только остротой и напряженностью народно-освободительной борьбы. Он был обусловлен прежде всего началом процесса превращения украинской народности в нацию. Об этом, в частности, свидетельствуют имеющиеся в думах и исторических песнях данные о социально-экономическом развитии Украины в XVII в.

Развитие литературы на Украине в конце XVI — первой половине XVII в. характеризовалось, прежде всего, появлением большого числа произведений полемической литературы, направленной против унии и католицизма, против гнета шляхетско-католической Польши — «Апокрисис», «Пересторога», «Тренос» («Плач») Мелетия Смотрицкого, «Палинодия» Захария Копыстенского и др. Многие из авторов этих произведений показали широту политических взглядов, высокое национальное сознание, патриотизм, понимание взаимоотношений между Украиной и Польшей и положительной роли России в исторических судьбах Украины. В произведениях выдающегося украинского писателя-полемиста конца XVI — начала XVII в. И. Вышенского отражено глубокое своеобразие украинской культуры, а народный быт с его этнографическими особенностями ярко противопоставляется быту и моде верхов — шляхты.

В это же время на Украине развивалось летописание. Появляются новые летописи, содержащие данные о борьбе украинского народа против шляхетской Польши и турецко-татарской агрессии (так называемая Львовская русская летопись, Острожская летопись и др.).

Новые явления наблюдались и в развитии художественной литературы. Появляются новые литературные жанры — школьные вирши и школьная драма. К этому же периоду относятся и первые попытки создания драматического театра, в частности зарождение украинской бытовой комедии в форме интермедий — комедийных веселых сценок из жизни народа, написанных народным разговорным языком. Со школьной драмой связано также появление на Украине в этот период *вертепа* (кукольного театра), вертепной драмы.

В области музыкального творчества XVI—XVII векá также ознаменовались важными явлениями, характеризующими процесс зарождения украинской нации. В народной музыке возникали новые жанры — о которых шла речь выше — думы и исторические песни, появились новые музыкальные инструменты: *кобза* (*бандура*) и *лира*, новые народные музыканты и певцы — кобзари, бандуристы и лирники. Под влиянием народной песни в культовой музыке возник так называемый киевский распев. Одновременно в ней утверждались многоголосие, партесное пение (распространившееся затем и в России), сменившие одноголосие; осуществляется реформа нотного письма — крюковая система была заменена линейной нотацией. Музыкальное творчество украинского народа в XVII в. приобретало те своеобразные национальные черты, которые оказались присущими дальнейшему развитию украинской музыки

Новые явления проявились и в украинском изобразительном искусстве, главным образом в живописи. Сохраняя и в этот период в значительной мере церковный характер (фрески, иконы), она все больше проявляла интерес к живому человеку: в ней все более заметными становятся элементы реализма, воспроизведение местного быта и пейзажа, появляются портреты казацких гетманов, изображения военных походов и т. д.

Новые явления можно отметить в первой половине XVII в. и в развитии архитектуры. С распространением в архитектуре стилей, связанных с ренессансом (например, интересным памятником является сооруженная в середине XVII в. церковь Богдана Хмельницкого в Субботове), начи-

нает развиваться на Украине стиль барокко. Тем не менее традиционный народный украинский стиль, отразившийся во многих памятниках деревянной архитектуры (пятикупольные церкви и др.), остается преобладающим.

Можно утверждать, что примерно с середины XVII в. в недрах феодально-крепостнического общества на Украине начался процесс создания буржуазных национальных связей. Он усилился после воссоединения Украины с Россией в 1654 г., которое, несмотря на царскую политику жестокого национального угнетения украинского народа, имело прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского народа.

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. украинские земли продолжали оставаться политически расчлененными, находясь под властью нескольких государств — России (Левобережная Украина, Киев с прилегающей к нему небольшой территорией, Слободская Украина и Запорожье), шляхетской Польши (Правобережная Украина, бо̀льшая часть Киевщины, Подолия, Волынь, а также Галиция), Венгрии и Австрии (Закарпатье) и зависимой от Турции Молдавии (Буковина). Это тормозило процесс дальнейшей консолидации украинской народности и превращения ее в нацию, но не могло его приостановить. Более интенсивно этот процесс развернулся на Левобережной Украине, тесно связанной с русскими землями. В экономическом отношении Правобережная Украина, остававшаяся после Андрусовского перемирия 1667 г. и «Вечного мира» 1686 г. в составе шляхетской Польши, сильно отставала от Левобережной Украины. На Правобережной Украине удержалось крупное магнатское землевладение, феодальное право на города представителей польской аристократии, тягчайшая крепостническая эксплуатация и национальный гнет.

Иным было положение в левобережной части Украины, которая до второй половины XVIII в. сохраняла местное самоуправление. Казацкой старшине понадобилось целое столетие для того, чтобы с помощью царского правительства, подавляя крестьянские восстания, довести крепостническую эксплуатацию крестьян до трех-четырех дней барщины в неделю. Кроме того, часть крестьян, включенная в состав казаков, вообще не была закрепощена. Феодальная зависимость городов Левобережной Украины была значительно ослаблена, что создавало более благоприятные условия для развития городского ремесла и торговли. Эти обстоятельства явились причиной того, что развитие производительных сил и буржуазных связей на Левобережной Украине, несмотря на гнет царизма, протекали интенсивнее и быстрее, чем на Правобережье и в западноукраинских землях. Во второй половине XVII, и особенно в первой половине и в начале второй половины XVIII в., на Левобережной и в Слободской Украине продолжали развиваться крестьянские промыслы и ремесло, возникали мануфактуры. На мануфактурах, собственниками которых были помещики, использовался преимущественно труд крепостных крестьян. Наряду с помещичьей мануфактурой появлялись купеческие мануфактуры, основанные на наемной рабочей силе. Одновременно развивались торговые связи между украинскими землями — Левобережьем, Слободской Украиной, Запорожьем, Правобережьем, а также Галицией, Буковиной и Закарпатьем, что способствовало дальнейшему формированию экономической и территориальной общности украинского народа. Значительную роль в торговле Украины играла Запорожская Сечь. Украинские земли все более втягивались во всероссийский рынок, чему содействовала отмена царским правительством внутренних пошлин в 1754 г.

В XVIII в. царское правительство усилило национально-колониальное угнетение украинского народа. Оно ограничило, а в 1764 г. ликвидировало автономию Украины; в 1775 г. была уничтожена и Запорожская

Сечь. В 1781 г. на Левобережной Украине было введено «Положение о губерниях». В 1785 г. царское правительство уравняло казацкую старшину в правах с русским дворянством. Земли Запорожской Сечи были включены в состав Екатеринославского наместничества, и большую их часть получили дворяне. Часть запорожских казаков под влиянием агитации старшины бежала в турецкие владения за Дунай, где образовали Задунайскую Сечь. Из запорожских казаков, оставшихся на территории России, было организовано Черноморское казачество. После русско-турецкой войны 1787—1791 гг. царское правительство переселило черноморских казаков на Кубань. Туда же переселили и бывших запорожских казаков, возвратившихся из-за Дуная во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Усиливая колонизаторскую политику на Украине, царизм проводил насильственную русификацию, подавлял украинский язык и культуру. На Правобережье и в западноукраинских землях политику национального угнетения проводили польские, венгерские и другие иноземные захватчики. Несмотря на это, украинский народ продолжал развивать свою богатую и самобытную национальную культуру. Развиваясь в тесной взаимосвязи с русской литературой, обогащаясь ее ценностями, украинская культура в свою очередь содействовала развитию русской культуры. Из среды украинского народа в XVIII в. вышли такие выдающиеся деятели русской культуры, как композиторы Д. Бортнянский и М. Березовский, художники Д. Левицкий, В. Боровиковский и А. Лысенко, ученые-медики П. Загурский, А. Шумлянский, Н. Максимович-Амбодик, естествоиспытатель-анатом, ботаник и химик М. Тереховский, социолог и юрист С. Десницкий, философ Я. Козельский, ученый и поэт, церковный и выдающийся общественный деятель Феофан Прокопович и др. Их творчество и деятельность являются приобретением как русской, так и украинской культуры. Ведущее значение в развитии культуры всей Украины принадлежало Киеву и Левобережной Украине. С Киевом, Левобережной Украиной и Россией поддерживали связи Правобережье, Галиция, Буковина и Закарпатская Украина. Выходцы из Правобережья и западноукраинских земель учились в Киево-Могилянской Академии. На Левобережной Украине жил и работал выдающийся деятель украинской культуры того времени — философ и поэт, гуманист и просветитель Григорий Саввич Сковорода (1722—1794), творчество которого было значительным явлением на пути становления новой украинской литературы.

Продолжала развиваться устная народная поэзия — исторические и лирические песни. Для фольклора характерно усиление антикрепостнических мотивов. Наряду с песнями о семейных отношениях и любви возникали песни батрацкие, чумацкие, песни, связанные с рекрутчиной, солдатской дружбой. Язык, стиль, образы фольклора оказали значительное влияние на развитие литературы.

На более высокую ступень поднимается искусство украинского народа, в частности музыкальное. В имениях казацкой старшины, помещиков создавались хоры, духовые и симфонические оркестры. Издавались нотные книги. В Глухове существовало музыкальное училище. Украинские певцы и музыканты пользовались большой популярностью в России.

В архитектуре народное творчество особенно ярко выразилось в деревянном строительстве (пятисрубная церковь в Ромнах — 1764 г., знаменитый девятиглавый Запорожский собор в Новомосковске, построенный народным зодчим Якимом Погребняком в 1772—1779 гг. и др.). На Украине работали выдающиеся русские архитекторы — Г. И. Шедель, который построил колокольню Киево-Печерской лавры и дом Академии на Подоле, А. В. Квасов, построивший в Козельце собор, в архитектуре которого творчески сочетались приемы русского и украинского зодчества,

знаменитый В. В. Растрелли разработал проект Андреевской церкви в Киеве, сооруженной в живописной местности, на высокой горе над Днепром и расписанной внутри художниками Г. и Д. Левицкими под руководством русского художника А. П. Антропова. Одновременно развивалось и творчество местных украинских мастеров, из которых следует отметить Ивана Григоровича-Барского, соорудившего немало жилых зданий в Киеве и других городах и работавшего вместе с А. В. Квасовым над строительством Козелецкого собора; крепостного Киево-Печерской лавры С. Д. Ковнира, который создал ряд сооружений в лавре. Ряд памятников архитектуры Украины второй половины XVII — первой половины XVIII в. построен в стиле барокко (Всехсвятская церковь над вратами Киево-Печерской лавры, собор Братского монастыря на Подоле, Никольский собор на Печерске и др.), в котором, однако, отразились мотивы украинского народного творчества. Огромное влияние на развитие архитектуры Украины в стиле классицизма оказало творчество великих русских зодчих В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, И. Е. Старова, Дж. Кваренги. Чудесное произведение архитектуры — дворец последнего гетмана Левобережной Украины К. Разумовского в Батурине — был построен Ч. Камероном.

Высокого уровня развития достигла на Украине в XVIII в. также живопись. В середине XVIII в. в Киеве насчитывалось около 50 граверов, из которых наиболее известным был Г. К. Левицкий (отец выдающегося художника Д. Г. Левицкого). При Киево-Могилянской Академии и Киево-Печерской лавре существовали художественные школы. Живопись была распространена в быту украинского народа. Стены домов украшались картинами; наиболее популярные из них: «Козак Мамай» (в разных вариантах), «Чайки», сцены из жизни запорожцев и т. д. Разнообразной росписью украшались печи, потолки, ставни, кафель, посуда.

В процессе превращения украинской народности в нацию во второй половине XVII—XVIII в. важными факторами были крестьянско-казацкие антифеодальные восстания, охватывавшие все части Украины и отличавшиеся наибольшим размахом на Правобережной Украине, где они получили название гайдаматчины. Эти восстания, как и восстания XVI — первой половины XVII в., содействовали развитию освободительных традиций украинского народа и его национального самосознания. Объективное социально-экономическое значение антифеодальных движений заключалось в том, что они расшатывали феодально-крепостнический строй и содействовали подготовке условий для буржуазно-капиталистического развития страны.

Важным этапом в формировании украинской нации явился период разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистического уклада в конце XVIII — первой половине XIX в. В конце XVIII в. правобережные украинские земли, находившиеся до того времени под гнетом шляхетской Польши, были воссоединены с Россией. Воссоединение способствовало дальнейшему росту производительных сил Украины, укреплению экономических и культурных связей между левобережной и правобережной ее частями, ускоряло процесс формирования украинской нации. Тогда были освобождены от господства Турции Крым и южные украинские земли от Южного Буга до Днестра, что сыграло большую роль в развитии производительных сил России, обеспечившей выход к Черному морю. В 1812 г. к России была присоединена Бессарабия, а в 1828 г.— устье Дуная.

Отвоеванные южноукраинские земли царское правительство раздавало русским, украинским и другим помещикам. Одновременно шло заселение края украинскими и русскими крестьянами. Вместе с тем здесь поселялись колонисты из других стран и земель — болгары, греки, сербы, молдаване, немцы, армяне и др. Во второй половине XVIII в.

были основаны города Херсон, Александровск (ныне Запорожье), Мариуполь (ныне Жданов), Екатеринослав (современный Днепропетровск), Николаев и др. В результате заселения Причерноморья завершилось в основном образование украинской национальной этнической территории.

Иными были исторические судьбы западноукраинских земель. Закарпатье, захваченное венгерскими королями еще во времена Киевской Руси, вошло позднее в состав Австро-Венгерской монархии. В связи с первым разделом Польши (1772 г.) Австрия захватила Галицию, а затем Буковину.

К концу XVIII, и особенно в первой половине XIX в., развитие капитализма на Украине происходило и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Характерной чертой роста внутренней торговли на Украине в первой половине XIX в. было дальнейшее укрепление экономических связей между ее отдельными районами.

В связи с развитием капиталистических отношений формировалась украинская буржуазия, создавались предпосылки к зарождению рабочего класса; обострялись классовые противоречия в стране. Отражением этих процессов в России в целом и на Украине в частности явилось движение декабристов, ставивших своей целью ликвидировать самодержавие и крепостнические общественные отношения.

Подавив восстание декабристов, самодержавная реакция перешла в контрнаступление, жестоко расправляясь с малейшим проявлением освободительного движения. Особенно угрожающим для царизма и помещиков-крепостников был рост массового крестьянского движения, развернувшегося в 30—50-х годах XIX в. В эти же годы среди передовой части интеллигенции росли революционные настроения. На борьбу против царизма и крепостничества выступили русские революционные демократы В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Великим украинским революционером-демократом был Т. Г. Шевченко (1814—1861), единомышленник и друг русских революционных демократов, сыгравший выдающуюся роль в развитии национального и социального самосознания украинского народа. Одновременно зарождалось и либерально-буржуазное течение. В 40-х годах XIX в. в Киеве возникла первая украинская тайная антикрепостническая политическая организация — Кирилло-Мефодиевское братство. Основателями ее были представители буржуазно-реформистских кругов — Н. Костомаров и В. Белозерский, но к ней примкнули и революционные демократы — Т. Шевченко и др. В программных документах Кирилло-Мефодиевского братства проводилась прогрессивная идея освобождения и равноправия славянских народов, в том числе украинского народа. Эта идея отражала возникновение украинского национального движения против царизма, что было обусловлено развитием капитализма в недрах феодально-крепостнической системы. В. И. Ленин говорит, что первой исторической тенденцией развивающегося капитализма в национальном вопросе является «...пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»[1]. В деятельности Кирилло-Мефодиевского братства выразилась впервые эта тенденция, обусловленная развивавшимися на Украине капиталистическими отношениями.

Пробуждение украинской национальной жизни в конце XVIII — первой половине XIX в. ознаменовалось появлением новой украинской литературы на основе народного разговорного языка. В становлении украинского национального литературного языка большую роль сыграл

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

И. П. Котляревский (1769—1838), но особенно важным фактором дальнейшего развития многогранного литературного языка украинской нации стало творчество гениального украинского поэта Т. Шевченко — родоначальника революционно-демократического направления и критического реализма в украинской литературе.

Классики новой украинской литературы — представители передовой дворянской, зарождавшейся буржуазной и разночинной интеллигенции, и особенно выходец из крепостных крестьян Шевченко,— проявляли большой интерес к устному народному творчеству и быту украинского народа. Они начинают издавать сборники украинского народного творчества; устную народную поэзию и быт народных масс осознают как важнейшую часть национальной культуры; появляются исследования в области фольклористики и этнографии. В этот же период зарождается украинская буржуазная историография (Н. Костомаров и др.), в которой наряду со взглядами, выражающими поступательное движение общества, была выдвинута антинаучная националистическая идея о бесклассовости украинской нации, ставшая исходным пунктом для буржуазно-националистических концепций истории Украины. Большую роль в развитии науки, просвещения, в пробуждении национальной жизни на Украине сыграли университеты — Харьковский (с 1805 г.) и Киевский (с 1834 г.). Вопреки великодержавно-крепостническим целям царизма, университеты становились центрами, где работали передовые ученые, прославлявшие отечественную науку выдающимися достижениями во многих отраслях знания. Первым ректором Киевского университета был известный украинский прогрессивный ученый-ботаник, фольклорист, языковед, историк и этнограф М. Максимович (1804—1873).

В западноукраинских землях австрийское правительство проводило политику онемечивания. Эта задача возлагалась в частности на университет во Львове. Несмотря на это, из Львовского университета вышел ряд крупных деятелей украинской культуры.

В развитии украинской культуры в первой половине XIX в. значительную роль играли Петербург и Москва, где было опубликовано много произведений украинской научной и художественной литературы, в частности, первые издания «Кобзаря» и поэмы «Гайдамаки» Т. Шевченко. В 1818 г. в Петербурге была издана первая грамматика украинского языка О. Павловского.

Происходило становление украинской национальной музыкальной школы. К 50-м—началу 60-х годов XIX в. относится расцвет деятельности выдающегося украинского композитора и певца — друга Т. Шевченко и ученика гениального русского композитора М. Глинки — С. Гулак-Артемовского, который своей оперой «Запорожец за Дунаем», поставленной впервые в Петербурге в 1863 г., заложил основы украинской национальной оперы. В тот же период зарождается украинский профессиональный театр реалистического направления, возникает украинская драматургия («Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівник» И. Котляревского, «Шельменко-денщик» и «Сватання на Гончарівці» Г. Квитко-Основьяненко, «Назар Стодоля» Т. Шевченко), появляются такие выдающиеся украинские актеры, как К. Соленик, И. Дрейсиг и др.

Украинское национальное изобразительное искусство также нашло свое яркое выражение в творчестве великого поэта и художника Т. Шевченко.

Источники конца XVIII — первой половины XIX в. свидетельствуют о том, что ряд важных элементов материальной и духовной культуры украинцев этого времени отличался в основном теми же этнографическими особенностями, что и в конце XIX — начале XX в.

Таким образом, к середине XIX в., в условиях активного развития капиталистических отношений, украинская нация в значительной

степени сложилась, и процесс ее формирования приближался к концу. Ведущая роль в этом процессе принадлежала украинским землям, воссоединенным с Россией. Пробуждение национальной жизни в Приднепровской Украине оказывало большое влияние на западноукраинские земли — Восточную Галицию, Буковину и Закарпатье, находившиеся под гнетом австрийской монархии, где в первой половине XIX в. также происходило разложение феодально-крепостнической системы, развивалась мануфактурная стадия капитализма с постепенным переходом к фабричному производству, пробуждалась национальная жизнь. В 30-х годах XIX в. во Львове развертывает свою деятельность кружок передовой украинской интеллигенции во главе с М. Шашкевичем, И. Вагилевичем и Я. Головацким (так называемая «Руська трійця»). В 1847 г. они под влиянием национально-культурного движения в Приднепровской Украине издали сборник украинских народных песен и своих оригинальных стихов под названием «Русалка Дністровая», который, знаменуя рождение новой украинской литературы в западноукраинских землях, содействовал укреплению их культурных связей с Приднепровской Украиной и Россией, отражал тяготение западноукраинских народных масс к воссоединению с Приднепровской Украиной. Предисловие к сборнику, написанное Шашкевичем, пронизано идеей воссоединения украинского народа. Тяготение к Приднепровской Украине и России росло во всех западноукраинских землях, в том числе и в Закарпатье. В первой половине XIX в. в Россию переехали закарпатские украинцы — П. Лодий, И. Орлай, В. Кукольник, М. Балудянский, Ю. Гуца-Венелин, ставшие деятелями русской науки и культуры.

Буржуазно-демократическая революция 1848—1849 гг. в Австрии и Венгрии способствовала оживлению украинского национального движения в Западной Украине. В результате революции крепостничество в Западной Украине, как и в других землях австрийской империи, было ликвидировано, однако пережитки крепостничества и национальный гнет со стороны австрийских, венгерских и польских помещиков и буржуазии продолжали тяготеть над западноукраинскими народными массами.

Обострение революционной борьбы против царского самодержавия в России усилило стремление западноукраинских народных масс к воссоединению со всем украинским народом, что нашло свое яркое выражение в творчестве великого сына украинского народа Ивана Франко. «Мы не забываем, — писал он, — и не смеем забывать, что главная сила, главное ядро нашего народа — в России, что там работали да и работают самые крупные таланты нашей литературы, самые лучшие работники нашей науки»[1].

Царское самодержавие, русские помещики и буржуазия, опираясь на реакционную верхушку местных помещиков и буржуазии, своей политикой жестокого национально-колониального угнетения тормозили процесс формирования украинской нации. Царизм даже запрещал самое имя «Украина» и насаждал название «Малороссия». В противовес этой реакционной политике передовые деятели русского народа выступали против колонизаторской политики царизма, давившего все народы России, поднимали свой мужественный голос в защиту украинского народа. Среди этих деятелей необходимо отметить прежде всего великих русских революционеров-демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Наряду с передовой русской интеллигенцией развитие украинской культуры поддерживали выдающиеся прогрессивные деятели Польши, в частности, писатели А. Мицкевич, Ю. Словацкий и др. Многие из них в своем твор-

---

[1] «Іван Якович Франко. Життя і творчість в портретах, ілюстраціях, документах». Київ, 1956, стр. 76.

Т. Г. Шевченко (фото, 1860 г.)

честве стремились правдиво нарисовать жизнь украинского народа и его освободительную борьбу против польского панства.

Процесс образования украинской нации периода капитализма завершается после отмены крепостного права в России в 1861 г., когда окончательно сформировались два антагонистических класса капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. В этот же период на базе бурного развития капитализма оживилось и украинское национальное движение. В. И. Ленин дал классическое определение экономических основ и задач национальных движений как движений, связанных с развитием капитализма. Он писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»[1].

Борьба за беспрепятственное развитие украинского языка была одной из характерных черт украинского национального движения. После циркуляра царского министра внутренних дел Валуева (1863) и указа Александра II (1876) царская цензура всячески ограничивала выпуск

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

литературы на украинском языке. До революции 1905 г. на Приднепровской Украине не было ни одного периодического издания на украинском языке. Несмотря на все репрессии, украинское национально-освободительное движение, по мере вовлечения в него народных масс, росло и ширилось, проявившись наиболее интенсивно в период империализма, названный В. И. Лениным кануном социалистической революции. Выступая против феодально-крепостнических пережитков, крестьянство в союзе с пролетариатом боролось одновременно и за национальную свободу. В. И. Ленин в 1916 г. писал: «Для украинцев и белорусов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) — здесь *еще* совершается»[1]. В том же году В. И. Ленин писал, что украинское движение — это «...движение многомиллионного, исторически еще спавшего доныне, народа к свободе и к родному языку...»[2].

Украинские буржуазные националисты, стремясь укрепить эксплуататорские позиции украинской буржуазии и помещиков, привить украинскому народу чувство вражды к русскому народу, пропагандировали антинаучные, реакционные теории бесклассовости, «безбуржуазности» украинского народа. Фальсифицируя историю, они отрицали наличие украинского пролетариата, его руководящую роль по отношению к крестьянству, старались доказать невозможность социалистической революции и диктатуры пролетариата на Украине. Однако трудящиеся Украины вместе с героическим русским пролетариатом, под руководством большевиков в начале XX в. развернули решительную борьбу против царизма, русских и украинских помещиков и капиталистов за свое социальное и национальное освобождение.

В. И. Ленин разработал программу партии по национальному вопросу и в ряде работ показал, что национальный вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата. Партия большевиков вела последовательную борьбу как против великодержавного русского шовинизма, так и против украинского буржуазного национализма, за союз и полное равенство всех народов России.

Большую роль в оживлении национально-освободительного движения украинского народа, в процессе завершения формирования украинской нации периода капитализма сыграла первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., гегемоном которой выступил рабочий класс, руководимый большевиками. Поддерживая национально-освободительную борьбу украинского народа, большевики разоблачали украинских буржуазных националистов, которые, прикрываясь национальными лозунгами, выступали против революции. В. И. Ленин писал, что буржуазия всех наций России принесла в жертву интересам капитализма свободу наций и демократизм вообще[3].

Единство революционно-освободительной борьбы содействовало укреплению связей русской и украинской культуры. Продолжая испытывать благотворное влияние русской культуры, украинская культура в свою очередь обогащала культуру русского народа и внесла свой достойный вклад в развитие мировой культуры. Для развития русской науки XIX — начала XX в. много сделали крупнейшие ученые — выходцы из украинского народа: минеролог и геохимик В. И. Вернадский (позднее первый президент Академии наук Украинской ССР), микробио-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 89.
[2] Там же, стр. 190.
[3] См. там же, т. 27, стр. 67.

«Ярмарка в Полтаве» (с картины В. А. Маковского, 1883 г.)

лог Н. Гамалея, математики М. Остроградский, В. Буняковский, Г. Вороной, лингвист А. Потебня и др. Из недр украинского народа вышли также выдающиеся русские писатели Н. Гоголь, В. Короленко, творчество которых является символом неразрывной связи двух братских народов, их духовной общности.

В период капитализма из среды украинского народа вышли такие замечательные деятели национальной культуры, как писатели И. Франко, Панас Мирный, М. Коцюбинский, Леся Украинка, И. Карпенко-Карый (Тобилевич), О. Кобылянская, В. Стефаник, П. Грабовский, М. Старицкий, М. Кропивницкий, композиторы Н. Лысенко, К. Стеценко, Я. Степовой, П. Сокальский, актеры М. Заньковецкая, Н. Садовский, П. Саксаганский, художники Н. Пимоненко, А. Мурашко, С. Васильковский, П. Мартынович, Н. Самокиш, И. Труш и многие др. В творчестве этих выдающихся деятелей отражалось завершение процесса формирования украинской национальной культуры. В ней, органически связанной с интересами и идеологией народных масс, в противовес буржуазно-националистической культуре формировались демократические, а частично и социалистические элементы (И. Франко, П. Грабовский, М. Коцюбинский, Леся Украинка).

Творчество народных масс, общее в своей основе для всех этнографических районов Украины, отличалось многообразием местных оттенков, обусловленных особенностями исторического развития районов, их хозяйственно-географическими условиями и этническими взаимовлияниями.

Несмотря на развитие капитализма, постепенно стиравшего эти особенности, они все же ярко проявлялись в материальном и духовном быте крестьянства (орудия труда, типы поселений, жилище, одежда, пища, семейный и общественный быт, словесный и музыкальный фольклор, народное изобразительное искусство и т. д.).

Тормозом культурного развития украинского народа в период феодализма и капитализма была православная церковь — идеологическое орудие государства и эксплуататорских классов.

Церквам и монастырям издавна принадлежало большое количество пахотной земли, пастбищ-угодий, а также сел, городов и местечек с крепостными и зависимыми крестьянами. Киево-Печерскому монастырю в конце XVIII в. принадлежали сотни тысяч десятин земли, лесов, сенокосов, около 200 сел, хуторов и местечек. Его владения, на которых работали десятки тысяч крепостных крестьян, а потом батраков, были размещены не только на Украине, но и в Белоруссии и в России. Крупными феодалами на Украине были Густынский монастырь (около г. Прилуки), Почаевская лавра (на Волыни) и др. Церковь и монастыри пользовались широкой поддержкой царского правительства, они верой и правдой служили самодержавию, помещикам, капиталистам. Церковь стремилась контролировать духовную жизнь общества и личную жизнь каждого человека от его рождения до смерти. Церкви был предоставлен контроль над школьным образованием. Немало усилий она прилагала к тому, чтобы отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы против помещиков и капиталистов.

В западноукраинских землях, особенно в Галиции и частично на Волыни, существовала униатская церковь — объединение православной церкви Украины и Белоруссии с католической, провозглашенное на церковном соборе в Бресте в 1596 г. При помощи Брестской церковной унии польские паны и католическое духовенство пытались подчинить католицизму и ополячить украинский и белорусский народы, разорвать их братские связи с русским народом. Уния была поддержана лишь верхушкой украинских духовных и светских феодалов, которые пытались добиться одинакового политического положения с польскими магнатами, укрепить свои классовые позиции в борьбе против антифеодальных народных движений. Опасаясь народного гнева, организаторы унии, несмотря на то, что приняли основные догмы католической церкви, вынуждены были сохранять богослужение на церковнославянском языке, а также обряды и праздники православной церкви.

Украинские народные массы боролись против унии, видя в ней орудие шляхетско-католической Польши для усиления социального и национально-религиозного гнета на Украине. Большую роль в борьбе против унии на Украине сыграли братства. С особенной силой развернулась борьба против унии в 1648—1654 гг. Уния была ликвидирована на Левобережной и Правобережной Украине после воссоединения с Россией. В Западной Украине и в Закарпатье униатская церковь существовала до 1946 г., когда церковный собор во Львове официально провозгласил ликвидацию Брестской церковной унии.

В эпоху феодализма и капитализма протест против христианской церкви рождал множество сект. Возникновение сектантства на Украине, как и в России, имело свои глубокие социально-экономические корни. В. И. Ленин отмечал: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,—а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»[1].

Сектантство возникло как особая форма социального протеста крестьянских и мелкобуржуазных масс против крепостническо-феодального гнета и православной церкви. Восставшие крестьяне в ту пору не могли окончательно порвать с верой в бога. Выступая против церкви — прислужницы помещичьего государства — сектанты отвергали сложную

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

церковную службу; внешнее фальшивое благочестие они стремились заменить «внутренней верой».

Первые сектантские организации, проявлявшиеся в виде ересей, появились на Украине во второй половине XVI в. В период падения крепостного права распространилась секта штундистов. В конце XIX — начале XX в. распространились секты баптистов, евангелистов, адвентистов. Накануне первой мировой войны появилась секта пятидесятников. Кроме того, существовали секты менонитов, малеванцев, методистов и т. д. Все религиозные секты, как и христианская церковь, исповедовали реакционную идеологию — веру в бога, в нечистую силу, в потустороннюю жизнь. Они затемняли сознание человека, обрекая его на пассивность и покорность, прививая ему страх перед силами природы, сковывали ум и творческую активность. Церковь и религиозные секты способствовали распространению мракобесия и разных суеверий, пытались привить трудящимся неверие в силу науки и держать их в плену темноты и невежества. «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса»[1].

В условиях капиталистического развития Украины, светской культуры, и особенно материалистических взглядов, наиболее ярко отразившихся в деятельности передовых представителей украинского народа, исчезали некоторые, наиболее архаические, консервативные обычаи и обряды, развивались новые элементы как в материальном быту (появление элементов городской одежды и новых типов жилища и т. д.), так и в духовной жизни крестьянства (исчезновение религиозного содержания в календарной и свадебной обрядности, рост атеизма и т. д.). Большое значение во всем этом имело появление на исторической арене самой передовой общественной силы — рабочего класса, что содействовало зарождению социалистических элементов в культуре и новых черт в национальном характере украинского народа. Эти элементы и черты стали ведущими для украинской социалистической нации, сформировавшейся после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА И ДИАЛЕКТЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Социалистическая по содержанию культура украинского народа характеризуется единой в своей основе общенациональной формой. Процесс социалистических преобразований, охвативший все украинское население, все украинские земли, углубил, расширил и усилил это единство. Однако, как это наблюдается и у других социалистических наций, у украинцев, живущих в разных частях республики, еще и сейчас существуют локальные особенности в культуре и быте, которые являются результатом многообразных условий развития отдельных районов Украины, особенностей их заселения, а также этнических взаимосвязей с соседними народами. С зарождением и развитием буржуазных связей, по мере экономического сближения отдельных территорий, местные культурно-бытовые особенности постепенно сглаживались, хотя отдельные из них возникали и при капитализме.

По сохранившимся до наших дней локальным культурно-бытовым признакам Украину можно разделить на три крупных этнографических района: центральный — восточный (точнее, юго-восточный), северный (полесский) и западный (юго-западный), имеющие свои локальные

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416.

подрайоны. К центральному — восточному району относится Киевская (кроме северных районов), Полтавская, Черниговская (южные районы) области, Харьковская, южные районы Сумской, северные районы Донецкой и большая часть Луганской обл., вся южная степная часть Украины (Луганская, Донецкая, Запорожская, Днепропетровская, Херсонская, Николаевская, Кировоградская, Одесская области), частично Подолия (юго-восточные районы) и Волынь (южные районы). В составе этого этнографического района выделяются три подрайона: среднее Приднепровье (Киевская, Полтавская и южная часть Черниговской обл.) — территория наиболее интенсивного формирования украинской народности и нации; Слободская Украина, заселенная украинцами и русскими в XVI—XVIII вв.; южная степная часть, заселенная украинцами, русскими, а также молдаванами, болгарами, сербами, гагаузами, греками и другими народами с конца XVIII начала XIX вв.

К северному (полесскому) этнографическому району относятся северные районы нынешней Сумской обл., центральные и северные районы Черниговской обл., северные районы Киевской обл., северная часть Житомирской обл., северная часть Ровенской обл. и северо-западная часть Волыни. В составе этого района по некоторым культурно-бытовым признакам и диалекту выделяются «поліщуки» (от слова Полесье). Этнографическая группа с таким же названием имеется и у белорусов.

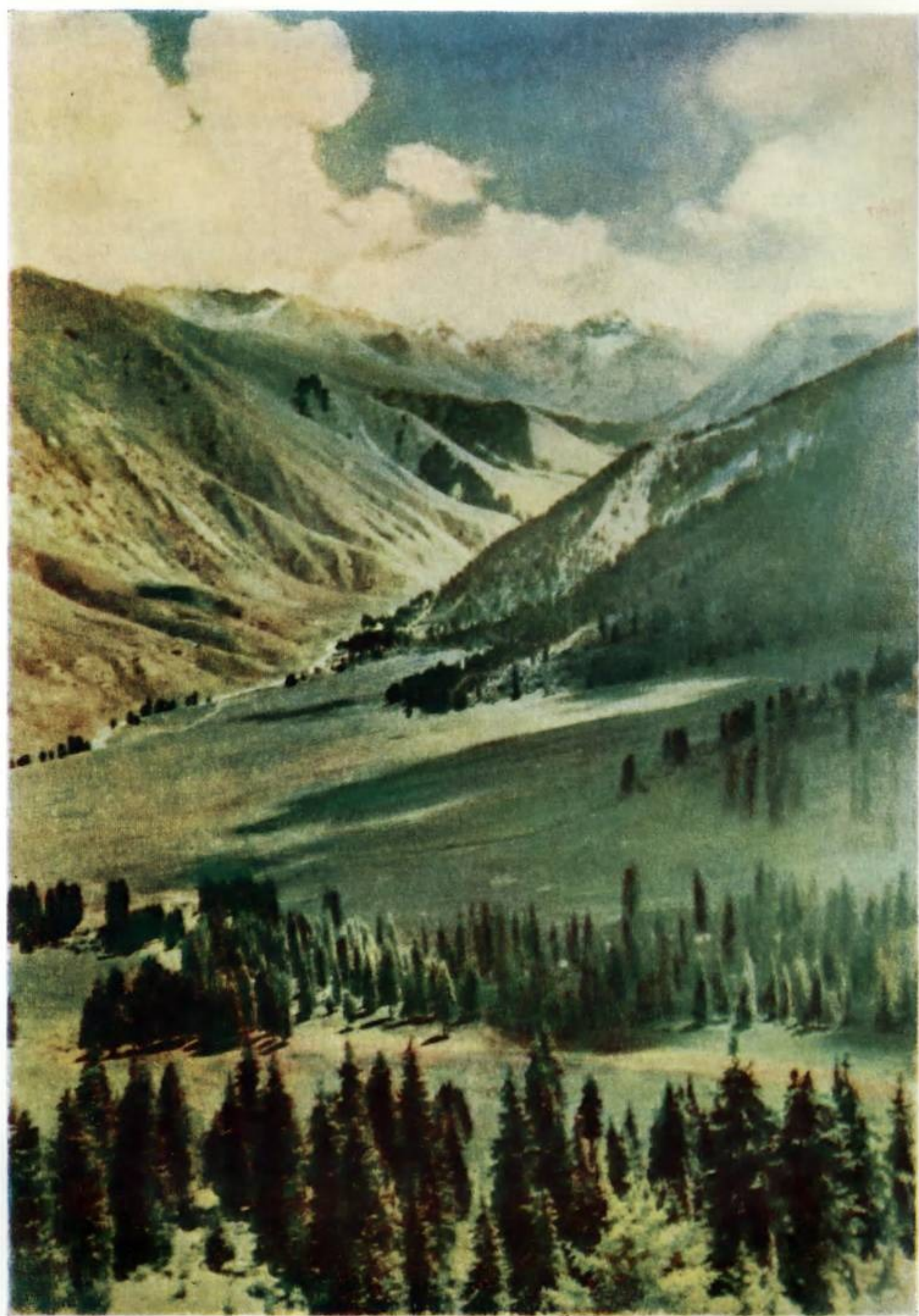
К западному этнографическому району относятся Восточная Галиция, Буковина, Закарпатская Украина, Западная Волынь, почти вся Подолия. В составе этого района выделяется население горной части Карпат — гуцулы, бойки, лемки.

Гуцулы заселяют горные районы Ивано-Франковской и Черновицкой обл. и Раховский район Закарпатской обл. Материальная и духовная культура гуцулов еще в начале XX в. отличалась многими особенностями, в частности в поселениях, в одежде, в народном поэтическом и музыкальном творчестве.

Бойками называют этнографическую группу украинцев, заселяющую горные районы Львовской и Ивано-Франковской областей между реками Саном и Ломницей, а также Закарпатской обл., между реками Ужем и Торцем. Культура и быт бойков, как и гуцулов, до воссоединения западноукраинских земель и Закарпатья с Украинской ССР отличалась архаичностью и имела свои особенности. В результате социалистических преобразований в хозяйственной жизни, культуре и быту гуцулов и бойков произошли коренные изменения. Некоторые особенности в их культуре и быту сохраняются и сейчас.

Часть украинского населения, проживавшая издавна на крайнем западе, по обоим склонам Бескидов, между реками Саном и Попрадом, а также на запад от Ужа, известна под названием лемков. В прошлом их социально-экономическое положение было особенно тяжелым. После образования Польской Народной Республики между польским и советским правительствами было подписано соглашение, по которому многие лемки переселились на территорию Львовской, Тернопольской, Николаевской, Ивано-Франковской, Херсонской, Кировоградской областей. Поэтому в настоящее время границы этнографического района лемков претерпели изменения и четко не выделяются. Некоторые особенности в культуре и быту сохраняет население равнинной части Закарпатья —закарпатцы, население равнинной части Черновицкой обл.— буковинцы и др.

Все перечисленные группы украинского народа по основным чертам своей культуры и быта почти не отличаются от украинцев других районов республики и входят в состав единой украинской социалистической нации. Поэтому попытки украинских буржуазных националистов преувеличить особенности отдельных этнографических районов и групп украинского народа в первую очередь на западе Украины, противопоставить их



Зеленые долины (высокогорное пастбище)

одну другой, а также украинцев в целом — русским и белорусам являются антинаучными и реакционными.

В ходе развернутого строительства коммунизма, создания материально-технической базы коммунистического общества и формирования нового человека с коммунистическими чертами характера, этнографические особенности отдельных районов и групп украинского народа постепенно стираются, хотя специфика самобытного народного творчества и отдельных элементов культуры сохраняет свое значение и способствует развитию многообразной народной культуры в целом. Усиливается культурно-бытовая общность народа, происходит дальнейшее сближение украинской социалистической нации с другими нациями и народностями СССР. «С победой коммунизма в СССР,— говорится в Программе КПСС,— произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий,—значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»[1].

* * *

Современный украинский литературный язык является общенациональным языком украинского народа. Новый украинский литературный язык возник в конце XVIII — начале XIX в. на основе среднеподнепровских говоров. Западноукраинский, т. е. галицкий, вариант украинского литературного языка зародился в 30-х годах XIX в. и развивался главным образом на базе юго-западных диалектов. Во второй половине XIX — начале XX в. происходит формирование общенационального литературного языка на основе восточноукраинского варианта.

После Великой Октябрьской социалистической революции украинский литературный язык получил все возможности для своего свободного развития, он стал языком государственных актов, школы, науки, печати, театра, кино.

Современный украинский народно-разговорный язык имеет значительное диалектное дробление; его говоры делятся на три основные группы: северную, юго-западную и юго-восточную. Северная группа состоит в основном из следующих говоров: восточнополешские, среднеполешские, западнополешские. Юго-западная диалектная группа содержит говоры: волынский, поднестровский, подольский, посанский, бойковский, лемковский, закарпатский, гуцульский, буковинский. Юго-восточная группа еще мало изучена; в ее составе определяют говоры: среднеднепровские (южнокиевский, полтавский), слободские, степные.

Северные говоры в области фонетики имеют несколько характерных особенностей. Соответственно древнему ѧ в неударных слогах отмечается *е*: *пети́*, *па́мет'*, *хо́дет'*. На месте древних *о*, *е* в новых закрытых слогах под ударением возникли дифтонги *уо́*, *уе́*, *уи́*, *уі*: *ку͡о́н'*, *ву͡е́л*, *дву͡и́р*, *сту͡іл*, *жу͡о́нка*; монофтонги *о*, *у*, *е*, и (*и*ⁱ): *кун'*, *стил* и т. д. Древнему *е* в так называемых новых закрытых словах под ударением перед бывшим слогом с *ь* соответствует дифтонг *і͡е́*: *ш'і͡е́ст'*, *п'і͡е́ч*. Соответственно древнему *ѣ* в ударяемых слогах имеется дифтонг *іе* (*ие*): *д'і͡е́д*, *л'і͡е́с*, *с'і͡е́но*, *ри͡е́чка*. В неударяемых положениях наблюдаются звуки *е*, *и*: *лесо́к*, *песо́к*, *дидо́к*. Отмечается последовательное различение гласных *е* : *и*, *о* : *у* в неударяемых слогах: *мене́*, *силе́ний*, *кора́*, *бур'а́к*. Для консонантизма северных говоров характерным является отвердение *р* (*бу́ра*, *пра́сти*), *ц* (*оте́ц*, *молоди́ца*).

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1964, стр. 113.

38 Заказ № 888

Грамматический строй северных диалектов имеет меньше отличительных черт. Окончания им. пад. ед. ч. прилагательных муж. р. имеют сокращенную форму без конечного *й*: *гáрни хлóпец*. Имена прилагательные жен. и сред. р. в им. пад. ед. ч. в большей части северных говоров имеют полные формы: *дорогáйа*, *тúхейе*. Эти особенности присущи и местоимениям: *нáшайа*, *тáйа*. В говорах северной Украины господствуют инфинитивные формы на *-т'*, реже — *-ти*, *-тiи*, *-тиi*: *стойá'т'*, *рад'íтиi*.

Юго-западные говоры по сравнению с северными и юго-восточными сохраняют некоторые архаические черты в грамматическом строе, лексике и отчасти в фонетической системе. Кроме того, они имеют специфические особенности, возникшие в процессе их развития в своеобразных исторических условиях. На этих говорах отразилось также некоторое влияние диалектов соседних славянских и неславянских языков.

В юго-восточных и в юго-западных говорах соответственно древних *ъ* и *о*, *е* в закрытых слогах независимо от ударения возник звук *і*: *к'ін'*, *ш'іст'*, *ж'íнка*, *д'ід*, *л'ісй*. В части говоров (преимущественно в карпатских) отмечается переход *о*, *е* в новых закрытых слогах в монофтонги: *у*, *ӯ*, *ы*, *и*, *і*: *кун'*, *нӯс*, *вин*, *хвыст*, *віз* и др.

В части юго-западных говоров *а* после мягких согласных переходит в *е*, *и*, *і*: *ш'éпка*, *ч'іс'* час', *з'ет'*, *з'ит'*, *з'іт'*.

Звонкие согласные в конце слога в части говоров оглушаются: *дуп*, *міт'* мед', *ніш*, *вáшко* и др. В ряде рассматриваемых говоров этимологически мягкий согласный *р* встречается в твердом варианте, как в северных диалектах: *зорá* (*зорйá*), *порáдок* (*порйáдок*), *говорý* (*говорйý*). Нередко отмечается альвеолярный звук *л*: *булá*, *хадúли*, *гóлка*, *палтó*.

В грамматическом строе юго-западные говоры имеют много существенных особенностей. Так, например, здесь наблюдается множество параллельных падежных окончаний. Существительные I склонения в твор. пад. ед. ч. в части говоров имеют фонетически измененные окончания — *-оў*, *-еў*, (*-ойу*, *-ейу*): *хáтоў*, *мрíйоў*, *грýшоў*. Существительные сред. р. II склонения — старое окончание *-ьје*: *жит'é*, *знан'é*, *пíрйе*. Существительные муж. и сред. р. II склонения в дат. пад. ед. ч. имеют унифицированные формы окончания *-ови* и *-еви*: *кон'óви*, *сарáйеви*. В пред. пад. ед. ч. преобладает окончание твердой основы: *сéрдц'ом*, *хлóпц'ом*, *лúст'ом*.

В отличие от других украинских диалектов юго-западные говоры имеют наряду с литературными формами и разными модифицированными фонетическими вариантами падежных местоименных окончаний энклитические и редуплицированные формы: *м'і*'мне'; *йі* 'ее' и др.; *сес'*, *сес'á*, *сесé*, *цес'*, *цес'á*, *цесé* и др.

Система глагольных форм этих говоров отличается значительной архаичностью. Так, например, сохраняются формы инфинитива на *-ти* реже *-чи*: *косúти*, *водúти*, *б'íгчи*, *могчú*, *стерегчú*; выступает древнее чередование шипящих гласных с зубными в 1-м лице ед. ч. II спряжения (*ходúти —ходжý*, *верт'íти—верчу*); значительно распространены формы перфекта, фонетически и морфологически преобразованного (*зробúў—йем*, *зробúла—м*, *зробúлис—мо*, *зробúли—с'те*); формы древнепрошедшего времени (*сказáў буў*, *сходúли булú*) и др. Будущее время в юго-западных говорах имеет, как и литературный язык, две формы — аналитическую и синтаксическую, но со многими отклонениями (*ти бýдеш ходúла*, *йа му ходúти*).

Юго-восточная группа говоров своими особенностями в основном совпадает с соответствующими чертами украинского литературного языка. Фонетическая система юго-восточных диалектов в отличие от литературной формы имеет некоторые своеобразные особенности. В некоторой

части этих говоров переднеязычные согласные перед *і* (из древнего *о*) произносятся полупалатально: *діл*, *тік*, *ніс*, *ріг*, *лій* и др. Гласные *о—е*, *о—у* в безударных позициях попадают под влияние так называемой гармонийной ассимиляции гласных, как и в большинстве юго-западных говоров, и произносятся, как промежуточные звуки *е^и* или *и^е*, *о^у* или *у^о* в зависимости от фонетических условий и темпа речи: *ме^{и}н'і* и *ми^{е}н'і*, *ко^{у}жýх* и *ку^{о}жýх*.

В большинстве юго-восточных говоров вместо *ф* произносятся различные звуки и звукосочетания *хв*, *х*, *к*, *кв*, *в*, *т* и др. (*кохвáйка*, *хóрма*, *квартух*, *Вéкла*, *Тéкл'а*). В части говоров распространен альвеолярный *л*: *булúй*, *робúли*, *болнúц'а*, *млин*. Произношение *р* в основном имеет две диалектные разновидности: этимологически мягкий *р* произносится твердо (*з'ір*, *те^{и}пéр*, *зв'ір*), а твердый — мягко: *гр'ад*, *р'áма*, *комóр'а*, *кýр'і* и др.

Из характерных морфологических черт следует отметить употребление различных параллельных диалектных и литературных форм. Так, во многих говорах в существительных исчезают различия в формах окончаний основ. Преимущественно выступают окончания твердых основ (*грýшойу*, *кон'óм*).

Большое разнообразие представляет употребление глагольных форм. Так, инфинитив после гласных приобретает суффикс *-ти* и *-т'*; после согласных только *-ти*: *ходúти—ходúт'*, *пектú*, *могтú*; 1-е лицо ед. ч. II спряжения настоящего времени в основном имеет две формы: *водúти—воджý*, *вож^{ж}ý* и *вод'ý*, *крутúти—кручý* и *крут'ý*; 3-е лицо ед. ч. II спряжения наст. времени в позиции после безударного слова во многих говорах теряет в окончании *-т*: (*в* і *н*) *хóде*, *нóсе*, *вóзе*; наблюдается выравнивание основ причастий: *квáс'аний*, *вóд'аний* и др. Основные особенности синтаксических конструкций восточной группы тоже почти совпадают с соответствующими чертами синтаксиса литературного языка. Значительно больше местных синтаксических отличий встречается в западноукраинских говорах. Во многих говорах этой группы часто употребляются следующие особенности: 1) выступают конструкции составного сказуемого с числительными, существительными или местоимениями в форме род. падежа: *йіхало трох солдáт'іў*, *було соб'і двох брат'іў*; 2) наличие конструкции с вин. пад. мн. ч. для одушевленных существительных: *шукáйу л'ýди*, *годýйу д'іти*, *мáйу хлóпц'і*; 3) характерное использование беспредложных конструкций: *одному ч^{у}ол^{у}ов'іку здóхла кобúла* и др.

В словарном составе территориальных диалектов активно бытуют целые группы архаических слов, относящихся к разным эпохам истории развития украинского языка (*вепр* 'кабан', *вúвірка* 'белка', *ратáй* 'пахарь', *рéт'аз* 'цепь'), а также слова, заимствованные из соседних языков: русского (*избá*, *навéрно*, *совéц'кий*), белорусского (*бýл'ба* 'картофель'); польского (*г'рéчний* 'любезный', *куб'éта* 'женщина'), немецкого (*тpáфити* 'встретить', *гендл'увати* 'торговать', *фáйний* 'хороший'); венгерского (*гáзда* 'хозяин'), словацкого (*мáндра* 'хворост', *гýслі* 'скрипка'), чешского (*ходáк* 'ботинок', *пал'інка* 'водка'); румынского (*вакáр* 'пастух коров', *плай* 'горная тропа'), турецкого (*кабáт* 'жакет', *лéг'ін'* 'парень') и др.

Таким образом, украинские территориальные говоры имеют много устойчивых особенностей, которые медленно поддаются процессу нивелирования и сближению их с нормами литературного языка. Унифицирующие тенденции в области лексики и синтаксиса ярче всего проявляются в языке учащихся и интеллигенции сельской местности и особенно заметно происходят в юго-восточных говорах.

ОСНОВНЫЕ ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1913 г. на Украине сельское население составляло 81 % всего населения. Реформа 1861 г. ликвидировала крепостное право, но пережитки феодально-крепостнических отношений на Украине продолжали существовать вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В частности, сельское население, объединявшееся в *громады* (община на Украине), отвечало на основе круговой поруки за уплату каждым крестьянином податей, недоимок, за отбывание повинностей. Волостной суд мог присудить крестьянина к аресту, штрафу или телесному наказанию. При проведении реформы помещики оставляли за собой лучшие земли. В то же время крестьяне страдали от малоземелья. Крестьяне должны были за свои наделы платить выкуп, который превышал рыночную стоимость земли. После реформы в помещичьем хозяйстве, переходящем к капиталистическим методам, сохранялись отдельные черты барщины (отработочная рента).

Положение крестьян и состояние крестьянского сельского хозяйства после ликвидации крепостного права

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Украины проходило в разных губерниях неодинаково. В Черниговской губ. дольше всего господствовала отработочная система. В помещичьем хозяйстве Полтавской и Харьковской губерний применялась преимущественно смешанная система, а на Правобережье и в южных губерниях Украины активно развивались капиталистические методы ведения сельского хозяйства.

Бурное развитие капиталистической системы ведения сельского хозяйства на юге Украины объясняется несколькими причинами. Хозяйственное освоение южноукраинских земель началось еще в XVI в., но даже во второй половине XIX в. они были еще слабо заселены. Процесс интенсивного освоения этих земель начался с развитием капитализма, особенно со второй половины XIX в., когда начал расти спрос на сельскохозяйственную продукцию, главным образом на пшеницу, и перед Россией открылись новые торговые пути через Черное и Средиземное моря. Из-за острой нехватки рабочей силы сельское хозяйство юга Украины сразу же вынуждено было перейти на вольнонаемный труд, т. е. стать на капиталистический путь развития. Товарное развитие сельского хозяйства юга Украины вело ко все более широкому применению сельскохозяйственной техники. Именно поэтому там начало быстро развиваться сельскохозяйственное машиностроение. Во второй половине XIX в. юг Украины превратился в один из основных районов производства зерна в России; Украина стала снабжать хлебом не только центральные губернии, но и давала половину всего экспортного зерна России.

В украинской деревне после реформы преобладало подворное землевладение, но продолжала сохранять свое значение и крестьянская община. Царское правительство и помещики всячески поддерживали ее, запрещая крестьянам выходить из общины. С развитием капитализма на Украине, как и в России, шел процесс разложения земельной общины. Развитие капиталистических отношений сопровождалось ростом сельской буржуазии и одновременно увеличением числа обедневших крестьян, которые пополняли ряды сельскохозяйственного и промышленного пролетариата. В. И. Ленин говорил: «Это — второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это — вторая *помещичья* «чистка земель» для капитализма»[1]. Будучи не в силах хозяй-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 254.

Крым. Весна в Гурзуфе

ничать на своих клочках земли, крестьяне вынуждены были продавать их кулакам.

Малоземелье было одной из главных причин ухода крестьян на заработки в разные губернии, в частности, на юг Украины. Во второй половине XIX — начале XX в. усилилось переселение крестьян, особенно из Правобережной Украины, в Сибирь и на Дальний Восток.

Тяжелое социально-экономическое положение и политическое бесправие украинского крестьянства усиливалось национальным гнетом. Особо тяжелым было положение крестьян западных земель Украины, входивших до 1918 г. в состав Австро-Венгрии, а затем — панской Польши (с 1919 г.), боярской Румынии (с 1918 г.) и буржуазной Чехословакии (с 1919 г.). Безземелье, политическое бесправие приводили к массовой эмиграции крестьян в Америку и иные страны.

В конце XIX — начале XX в. на Украине учащались выступления крестьян против помещиков, обострялись противоречия между сельской беднотой и сельской буржуазией. Когда в 1905—1907 гг. развернулась революционная борьба пролетариата, вместе с ним выступило крестьянство, которое требовало уничтожения помещичьего землевладения. По размаху крестьянского движения Украина занимала одно из первых мест в царской России. Подавив вооруженной силой выступления рабочих и крестьян, царское правительство искало опоры в борьбе против революционного движения в сельской буржуазии. Однако аграрные законы Столыпина только обострили классовые противоречия в украинской

деревне, усилили крестьянское движение против помещиков. Еще большего размаха оно достигло в годы первой мировой империалистической войны, которая привела к хозяйственной разрухе и ухудшению и без того тяжелого экономического положения крестьянства.

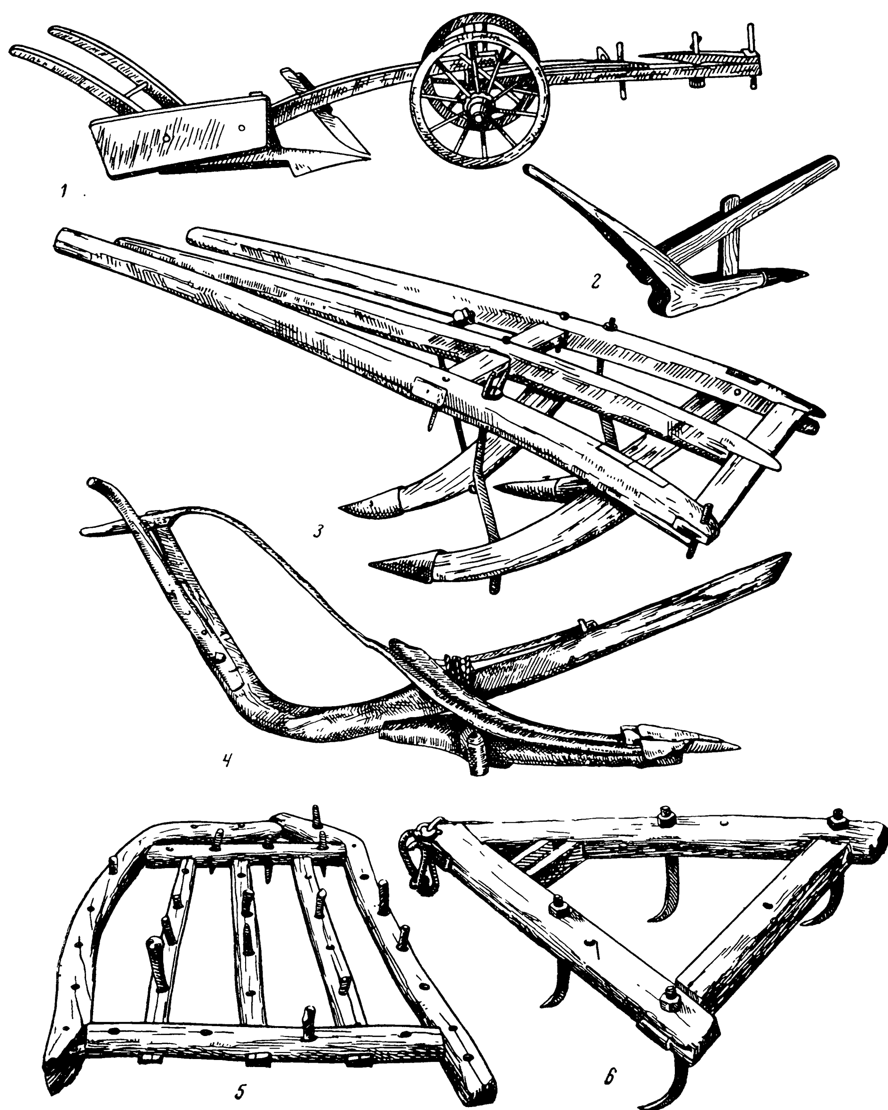
Тем не менее даже в условиях жесточайшего социального и национального угнетения, а также все ухудшавшегося экономического положения украинские крестьяне совершенствовали орудия и способы обработки почвы, выращивали новые и улучшали старые сорта полевых, огородных и садовых культур, выводили новые породы домашнего скота, обогащая своими достижениями мировое сельское хозяйство. Так, во второй половине XIX в. в Англии были выпущены известные «плуги Ренсома», созданные по образцу украинского народного плуга. Многочисленные сорта украинской пшеницы стали исходными для различных сортов этой культуры в США, Канаде, Англии, Франции и других странах.

Украинское крестьянство в меру своих возможностей использовало некоторые достижения мирового сельского хозяйства. Особенно благотворно сказывалась на развитии сельскохозяйственной культуры украинцев тесная взаимосвязь ее с культурой русского и белорусского народов, которая способствовала их взаимообогащению. Например, украинская пшеница «полтавская» была исходным сортом при выведении русской «саратовской»; из России на Украину распространился метод добывания масла из подсолнечника; на Украине разводили русские породы лошадей и молочного рогатого скота, а в некоторых губерниях России и Белоруссии — серую украинскую породу крупного рогатого скота и т. д. Многовековый народный опыт и народная техника русских, украинцев и белорусов использовались в развитии сельскохозяйственной науки и машиностроения в России.

Орудия, системы и приемы обработки почвы

Земледелие как одна из основных форм хозяйственной деятельности человека на территории Украины ведет свое начало с IV—III тысячелетий до н. э. Вначале оно было ручным, мотыжным, а затем и пахотным. Как известно, на Украине преобладают чрезвычайно плодородные, но очень тяжелые для обработки черноземные почвы. Поэтому наиболее распространенными пахотными орудиями здесь издавна были плуг и рало. Известны три типа украинского плуга. Повсеместно бытовал тяжелый двухколесный плуг, реже встречался более легкий одноколесный (в некоторых районах Черниговской губ. и Подолья) и, наконец, в бедняцких хозяйствах Правобережья, Буковины и юга Украины нередко применялся плуг бесколесный. Основные составные части украинского плуга: подошва с железным лемехом, отвал (*полиця*), две рукоятки (*чепіги*), грядиль и вертикальный нож, отрезающий пласт (*чересло*). Отдельной составной частью двухколесного плуга была двухколесная тележка (*колішня*). Она придавала плугу устойчивость, обеспечивала правильность и равномерность его работы. В одноколесном плуге вместо нее ставили одно колесико в деревянной развилке. Если в XVIII в. украинский плуг был почти весь деревянный, то в XIX — начале XX в. деревянные части все более вытеснялись железными, а их конструкция и форма совершенствовались: плуг облегчался, повышалась продуктивность его работы. В помещичьих и кулацких хозяйствах появлялись плуги паровые, бук-керы, плужницы и иные усовершенствованные сельскохозяйственные орудия промышленного производства, нередко созданные по типу народных орудий (например, плуги «колонистские», «англо-болгарские», запашник Менцеля и пр.).

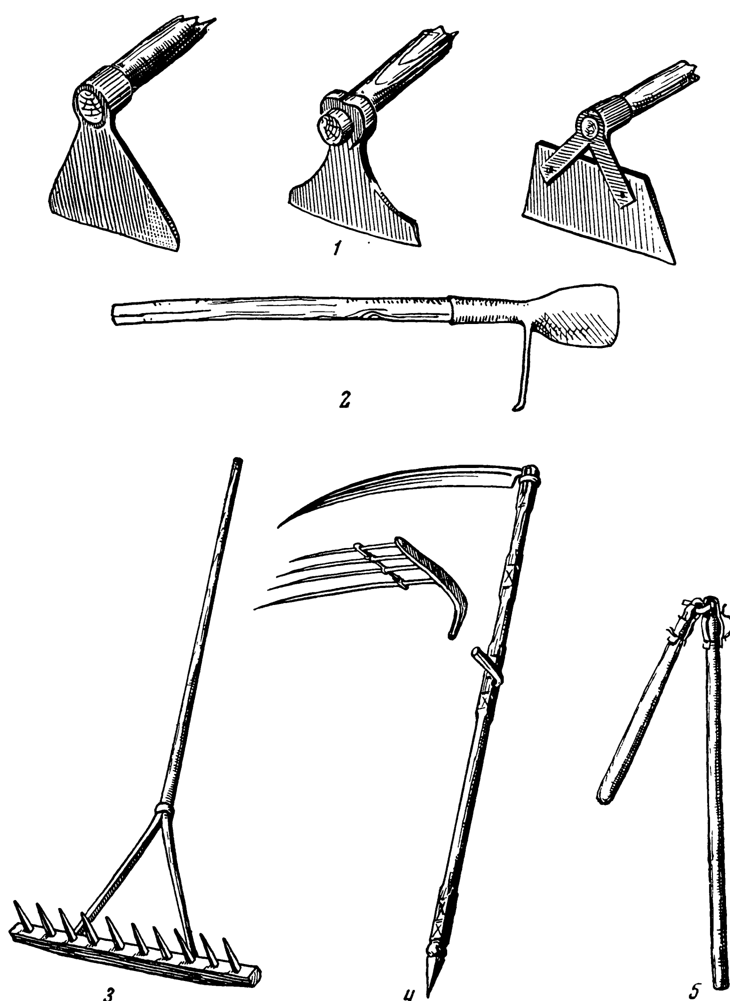
Наряду с плугом на Украине бытовали однозубые и многозубые рала. Их было несколько типов. Однозубое *рало з полозом* (ральником) состояло из горизонтального ральника, грядиля, одной или двух рукоятей и соединяющих грядиль с полозом деревянных распорок. Однозубое *рало*



Украинские пахотные и разрыхляющие орудия XIX — начала XX в.:
1 — двухколесный плуг, *2* — однозубое рало, *3* — рало-троян, *4* — соха с двумя полицами, *5* — борона деревянная, *6* — дряпак

з копистью отличалось от предыдущего тем, что ральник (*копистъ*) крепился не горизонтально, а под углом к грядилю. Многозубые рала имели преимущественно три или пять зубьев. В XIX — начале XX в. рало использовалось для поперечного разрыхления вспаханной почвы, запахивания посевов и междурядной обработки пропашных культур. В бедняцких хозяйствах оно часто было единственным пахотным орудием. В украинском Полесье так же, как и в России и Белоруссии, параллельно с плугом применялась и более легкая соха, приспособленная к обработке лесных почв.

Разрыхление комьев, выравнивание пахоты, очистка ее от корневищ сорняков, запахивание посева производилось украинской трапециевидной бороной, а также *драпаком*, представляющим собой треугольную

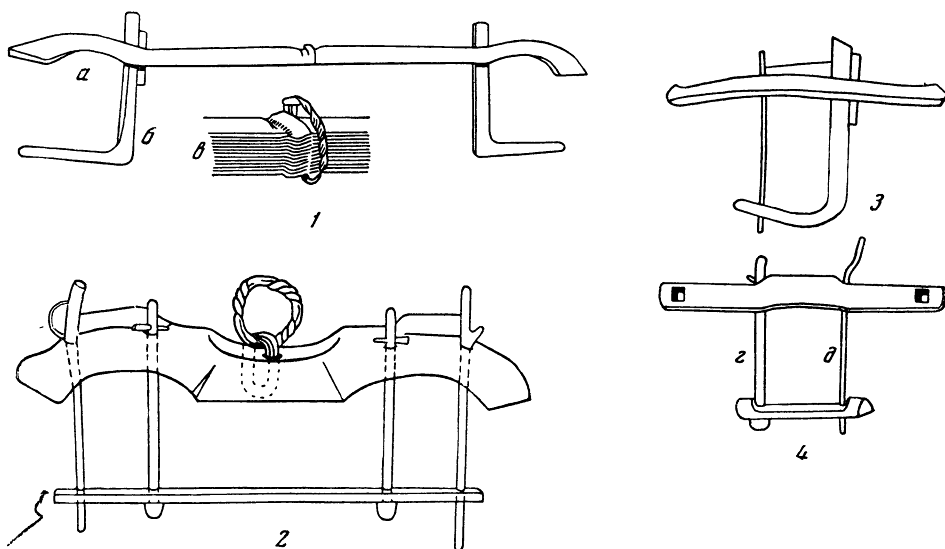


Орудия ручного земледельческого труда конца XIX—начала XX в.:
1 — железные сапы, *2* — копачка для выкапывания свеклы, *3* — деревянные грабли, *4* — коса с *грабками*, *5* — цеп

деревянную раму с железными зубьями. Изредка встречалась и борона квадратной формы, как у русских.

Из орудий ручной обработки почвы на Украине были распространены, как и у русских и белорусов, *заступы* и *сапы* (мотыги), которыми вскапывали огороды, разрыхляли почву между рядами, окучивали, пропалывали сорняки. Кое-где на приусадебных участках и виноградниках западных районов Украины для разрыхления почвы пользовались *рогачками*, т. е. кирками с раздвоенным концом, а в Полесье и в Карпатах — деревянными мотыгами.

Тяговой силой в крестьянском хозяйстве украинцев были волы и лошади, причем в XIX в. в связи с расширением посева зерновых, сокращением пастбищ и интенсификацией сельскохозяйственных работ лошади все более вытесняли волов. Лошадь стоила дешевле и в среднем использовалась в работе вдвое дольше, чем волы (соответственно 12 и 6 лет). По подсчетам специалистов, лошадь увеличила производительность труда хлебопашцев в два раза.



Упряжь для волов, конец XIX — начало XX в.:
1 — сошное ярмо: *а* — *чаика*, *б* — *кульбака*, *в* — *гужовка*; *2* — ярмо обычное, *3* — ярмо для одного вола, *4* — ярмо для одного вола (*бовкунськое*): *г* — *сноза*, *д* — *заноза*

Волов ставили в упряжь, как правило, попарно, но встречалась и одноволовая упряжка. Попарно волов запрягали посредством *звичайного* (обычного) и *сошного* ярма, а одного вола — посредством так называемого *бовкунського* ярма. В плуг обычно впрягали три-четыре пары волов.

Господствующей системой украинского земледелия в досоветский период была паровая с трехпольным севооборотом. В крупных помещичьих хозяйствах уже в первой половине XIX в. появляется многополье. Но кое-где в Полтавской, Черниговской губерниях и в Закарпатье до революции сохранялось и двухполье. На юге Украины широко применялась также переложная система. На украинском Полесье и в Закарпатье до начала XX в. наблюдались остатки подсечноогневой системы. В Полесье крестьяне на расчищенном участке вначале сеяли просо, а затем несколько лет подряд — рожь. На четвертый или пятый год участку давали отдохнуть и включали его в обычный трехпольный севооборот. В Закарпатье, собрав с подсеки урожай ржи, корчевали пни, удобряли почву, сажали картофель, а позже включали участок в двухпольный севооборот.

Обработка полевых участков на Украине считалась мужским делом, огородов — женским. Пахать шли обычно мужчины — *плугатар* и один-два мальчика — *погонича*. Зерновые сеяли вручную чаще из мешка, реже из лыкового или соломенного лукошка, как у русских.

Бедняки иногда сеяли без предварительной вспашки — *наволоком*, заволакивая посев бороной.

Запахивание и засев у украинцев, как и у русских и белорусов, были всегда связаны с рядом торжественных обычаев и приемов, которые должны были «обеспечить» хороший урожай. Например, пахать и сеять в первый день крестьянин всегда выходил в праздничной белой рубахе, в этот день больше ничем не занимались. Начало и конец пахоты всегда отмечались в семье угощением и т. д. После весенних полевых работ начинался сенокос, а в конце июня — начале июля — жатва. Яровые хлеба косили косой с пристроенными к ней зубьями — *грабками*. Озимые до XX в чаще жали серпами. В помещичьих и кулацких хозяйствах сев и уборка хлебов производились машинным способом.

Главной отраслью земледелия восточнославянских народов издавна было полеводство. С IV тысячелетия до н. э. на территории современной Украины известна пшеница. Наиболее известными сортами украинской пшеницы в дооктябрьское время были: яровая — *полтавка* и озимые — *банатка*, *льодянка*, *гірка*. По почвенно-климатическим условиям Украина делится на три резко выраженные зоны: степную, лесостепную и полесскую. Их почвенные и климатические особенности определили комплексы хозяйственных культур. Степная зона (включающая южные области Украины) занимала почти половину пахотных земель и характеризовалась наиболее высоким производством зерновых культур, особенно озимой пшеницы. Здесь же большие площади отводились под технические культуры, главным образом под подсолнечник и сахарную свеклу. Сельское хозяйство лесостепной зоны (на которую приходилось немногим более трети пашни) специализировалось на выращивании пшеницы, кукурузы на зерно и гороха, а также на производстве сахарной свеклы. В полесской зоне наряду с зерновыми культивировались лен, картофель, сахарная свекла, хмель и другие технические культуры.

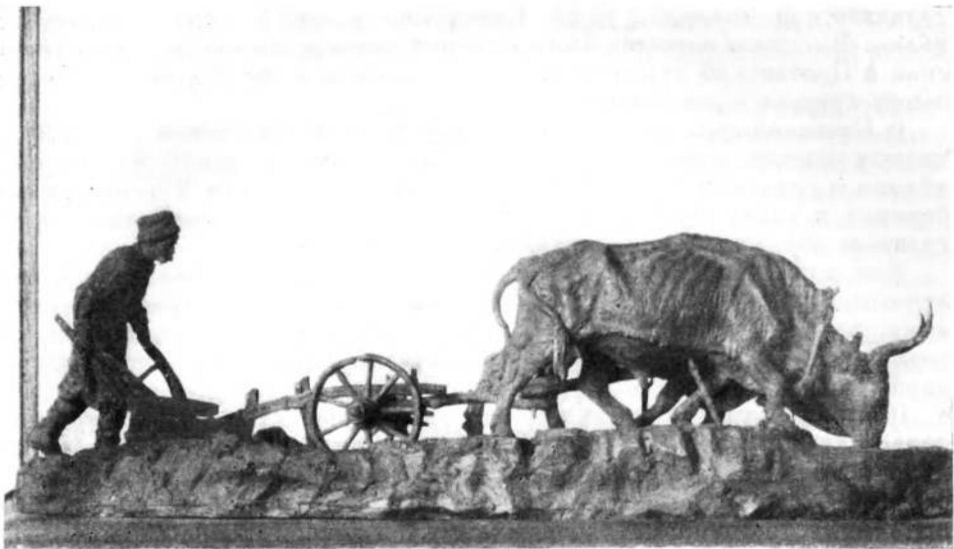
Основные отрасли земледелия и сельскохозяйственные культуры

Пшеница занимала главное место среди посевов зерновых в южных степных районах, в Закарпатской низменности и частично в лесостепной полосе, на богатых черноземных землях. В бывшей Новороссии, а также в Полтавской и Харьковской губерниях в основном сеяли яровую пшеницу, в Киевской, Подольской и Волынской губерниях — озимую.

Второй по важности полевой культурой являлась рожь. Это была основная зерновая культура Полесья и некоторых районов Карпат; она также преобладала в Киевской губ. и на Волыни; на юге ее посевы были незначительны. Рожь везде сеяли преимущественно как озимую культуру на худших или наиболее истощенных почвах. Она считалась культурой, обогащающей почву и повышающей ее урожайность.

Значительное место в посевах занимал ячмень, особенно на юге Украины. Украинцы выращивали около 20 сортов проса (больше всего в Киевской губ.), гречиху (особенно много в Херсонской губ. и Волыни), коноплю, лен, рыжей (Camelina Crantz), сахарную свеклу. В конце XVII в. на Украине впервые появилась завезенная в Европу из Америки кукуруза, в 60-х годах XVIII в.— картофель, с конца XVIII в.— подсолнечник. В незначительном количестве сеяли горох, овес, чечевицу, рапс, кользу, бобы. Волынь славилась выращиванием хмеля, Полтавская и Черниговская губернии — табака (примерно с XVI в.).

Огородничество на Украине носило преимущественно приусадебный характер. Украинский огород делился на отдельные участки, которые назывались *плеса*, *грядки*, *капустники*. Плесо — широкий продолговатый участок, грядка — узкий, длинный и несколько приподнятый, капустник — наиболее низкий и влажный участок огорода. На плесах выращивали преимущественно огурцы, свеклу, картошку, а по краям — кукурузу и тыквы, на грядках — лук, чеснок, на капустниках — капусту. Часто в низком месте огорода нарезался и *підмет* — хорошо унавоженный и вспаханный участок, на котором сеяли коноплю. Кроме того, на огородах выращивали горох, чечевицу, репу, морковь и пр. С 50-х годов XIX в. среди огородных культур появились помидоры и перец. Огородные участки, как правило, хорошо унаваживались, отделялись один от другого межами и, что особенно характерно для украинцев, обсаживались подсолнухами, маком, цветами. Обрабатывали огород почти исключительно женщины; «Город (огород) — бабин доход»,— говорит украинская поговорка. Мужчины только иногда сеяли свеклу или помогали сажать огурцы и картошку.



«Пашня в Малороссии» (Л. В. Позен. Воск, 1897 г.)

Украинские женщины прежде всего заботились о заготовке отборного посадочного материала. Ранней весной хозяйка на лучшем участке огорода высаживала капусту, лук, свеклу, редьку, морковь и пр. на семена. Семена всех культур высушивали и аккуратно завязывали в отдельные узелки, которые хранились в сухом месте. По обычаю, если кто-нибудь из членов семьи умирал, то эти узелки в некоторых местностях обязательно выносили из хаты, чтобы семена не потеряли плодовитости.

Развитым было на Украине, особенно на юге и в Полтавской губ., также бахчеводство. Например, еще в первой половине XIX в. далеко за пределами Полтавской губ. славились арбузы и дыни Кобеляцкого уезда, херсонские арбузы вывозились даже в Варшаву. Арбузы и дыни выращивали в основном на отдельных участках в поле — *баштанах*, где за ними все лето присматривал дед, живший в шалаше.

В глубокую древность уходит своими корнями украинское садоводство. Оно возникло на базе освоения восточными славянами местных дикорастущих пород фруктовых деревьев. Сады были распространены издавна, уже в Киевской Руси. Многие иностранцы, посетившие Украину в XVI—XVII вв., говорят о них, как о характернейшей черте страны. Эта особенность сохранилась в украинской деревне и в XIX — начале XX в. На Украине было много крупных монастырских и помещичьих садов. Большинство крестьянских садов носило приусадебный характер. В них преобладали местные породы яблонь, груш, слив и вишен, а также росли: черешни, орех, терн, шелковица, абрикосы, персики, виноград, смородина, малина и пр. Некоторые украинские породы фруктовых деревьев и методы их культуры заимствовались в начале XX в. американскими садоводами.

История выведения большинства этих пород не изучена, но можно привести многочисленные примеры, свидетельствующие об определенных традициях и высоком уровне культуры садоводства у украинцев. Неприхотливым в культуре, долголетним, плодоносным и не боящимся заморозков было известное киевское яблоко — *сорока*; подольское яблоко — *книш* — поражало своим весом (до 1,5 фунтов), способностью сохраниться до нового урожая и вкусовыми данными, так же как и подольское яблоко — *гусак*. Выносливостью и морозоустойчивостью отличались

черниговская *волошка*, ранет Симиренко и другие сорта украинских яблок. Высокого качества были и груши, такие, как *глива* и *дуля* в Киевской и Полтавской губерниях, *глек* и *іллінка* — на Подолье, *бабка* и *лісова красуня* — на Волыни.

В Киевской губ., на Подолье и Волыни, в Черниговской губ. и в западных землях Украины сады состояли преимущественно из деревьев яблони и груши; в Полтавской, Харьковской и отчасти Херсонской губерниях в садах преобладали фруктовые деревья косточковых пород, главным образом вишни и сливы.

Для выращивания фруктовых деревьев украинцы пользовались различными народными приемами. В лесных местностях практиковалось выкапывание и пересадка в сад дичков лесных пород яблонь и груш, которые позже облагораживались прививками. Крестьяне часто сами выращивали дички яблонь и груш из семян.

Помимо различных видов прививок, в Киевской губ. довольно успешно пользовались таким народным способом выращивания молодых деревьев яблони и груши, как отсадка. Заключался он в том, что молодые ветви старого дерева, которые часто лежат на земле, прикапывали и после того, как они пускали корни, отделяли от старой яблони и пересаживали. Косточковые породы выращивали из поросли, которой всегда было достаточное количество в садах. В Полтавской губ., кроме того, бытовал народный способ разведения молодых деревьев сливы, вишни и чернослива *з пня* — поздней осенью в саду вырубали самые старые деревья, пни которых весной пускали молодую поросль. В связи с древностью украинских садов и наличием в них деревьев разных пород, сортов и возрастов рядовая посадка почти не встречалась.

У малоземельных бедняков сад часто служил одновременно огородом, сенокосом или пастбищем. В украинских садах, как и в центральных черноземных губерниях России, часто рядом с фруктовыми деревьями росли деревья лесных пород — ясеня, клена, дуба и пр., которые защищали сад летом от суховеев и жаркого солнца.

При широком развитии садоводства на Украине крестьяне не всегда пользовались его плодами. Часто в голодное время они еще весной продавали за бесценок весь будущий урожай своего сада кулаку или перекупщику.

Хозяйственные постройки

Для хранения и обработки продуктов полеводства и животноводства украинцы пользовались различными, преимущественно дворовыми постройками и сооружениями. Для хранения снопов, а также отходов зернового хозяйства, шедших на корм скоту, устраивали большой закрытый сарай с соломенной крышей (*клуня*, *стодола*). В клуне часто устраивался и *ток* для обмолота снопов; на юге Украины, а также в бедняцких хозяйствах токи чаще устраивались под открытым небом. Одним из необходимых надворных строений украинца был деревянный *вінбарь* или *комора* — помещение для хранения обмолоченного и провеянного зерна. В Черниговской и Полтавской губерниях зерно иногда хранили и в больших ямах с тщательно обмазанными глиной и обожженными или обитыми берестой стенками. На севере Украины для сушки снопов сооружали аналогичные с русскими овинами *осіті*, *сушні*. Разновидностью этих сооружений были гуцульские *озниці* — невысокие срубы для сушки льна, конопли и фруктов, отапливаемые из ямы и устраивавшиеся на склонах или у обрывов.

В западных землях Украины для хранения сена возле домов сооружались подвижные четырехскатые крыши на столбах — *обороги*.

Необходимой принадлежностью украинского села был *вітряк* — ветряная мельница, стоящая где-нибудь на пригорке или просто на открытом месте. В ней не только размалывали зерно, но часто устраивали три-четыре ступы для изготовления различных круп.

Скот украинцы содержали в *повітках*, свиней откармливали в специальных приподнятых над землей срубах — *сажах*, для домашней птицы сооружали *курники* и т. д.

Животноводство, пчеловодство, охота и рыболовство

Важное место в сельском хозяйстве Украины занимало скотоводство. Оно было органически связано с земледелием, обеспечивало его тяговой силой и удобрениями. Украинцы разводили преимущественно крупный рогатый скот серой степной породы, известный на территории Украины еще с начала II тысячелетия до н. э. В XIX в. также была распространена карловская улучшенная порода украинского скота, молочные (украинская белоголовая, холмогорская, ярославская, красная немецкая и пр.) и мясные (так называемый черкасский скот) породы. Большое внимание уделялось разведению породистых лошадей. Еще в конце XVII — начале XVIII в., в Запорожской Сечи была выведена степная украинская порода. Кроме того, в XIX в. на Украине разводились русские рысистые породы — орловская, нарышкинская, мальцевская, а также лошади английской породы. Довольно развитым было украинское овцеводство. Особенно распространены были овцы украинской породы — решетиловские (черные) и сокольские (серые). Разводили овец русской и волошской пород, а также мериносовых и каракулевых. Повсеместно крестьяне держали свиней для откорма на сало, занимающее важное место в национальной кухне, во многих местностях — коз, разводили также домашнюю птицу — кур, гусей, уток, индеек.

В процессе развития украинского скотоводства выработались три основные его локальные формы: скотоводство лесостепи и степи, скотоводство Полесья и горное скотоводство. Крупный рогатый скот в степной и лесостепной полосе бóльшую часть года выпасали стадами (*череда*) в степи, в Полесье — в лесах. В Карпатах почти весь скот пасли на горных пастбищах — *полонинах*.

Начинался выпас примерно с 25 марта (старого стиля — благовіщення) и кончался около 1 октября (покров). На юге Украины выпас иногда продолжался круглый год. Зимой скот содержали в специальных помещениях.

Существенную роль в хозяйстве украинцев играло пчеловодство. Пчел разводили в ульях — дуплянках, соломенниках, мазанках, а с XIX в.— также в рамочных ульях, изобретенных П. И. Прокоповичем. Ранней весной ульи расставляли в садах и рощах, в апреле-мае, когда отцветали сады,— в лесу или в поле. В первой половине октября ульи ставили в погреба (*омшаники*). Мед снимали два-три раза в год.

Охота как источник добывания продуктов питания и меха в хозяйстве украинцев XIX — начала XX в. не имела большого значения. Основными объектами охотничьего промысла на Украине повсеместно были: заяц-русак, лиса, хорек, волк, куница и выдра. В лесах Карпат и Полесья охотились также на оленей, медведей, косуль и диких свиней. Была распространена охота на диких уток, гусей, куропаток, перепелок и других пернатых. Основные традиционные орудия охоты у украинцев были сходны с русскими и белорусскими. На звериных тропах и в волчьих ямах на крупного зверя ставили *рожни* (острые колья). На медведя ходили с деревянной *рогатицею*. При охоте на волка и других животных с коня применяли копья, а в пешем ходу — большие ножи. Широко распространены были *тенета* и *перевісища*, т. е. ловчие сети на мелких зверей и птицу, а также разнообразные капканы, ловушки и силки. На волков сооружали круговые лабиринты. Широко пользовались отравленными приманками. С распространением на Украине огнестрельного оружия оно стало применяться и для охоты.

Довольно развитым являлось на Украине рыболовство, особенно в нижнем течении Днепра и устьях южных рек, а также на морском

побережье. Рыбу ловили плетенными из лозы кошелями — *вершами*, сетями, *ятерями*, гарпуновидными копьями и *остями*, переметами, *кормаками*, удочками, бреднями, *хватками*, *саками* и пр.

Народный сельскохозяйственный календарь

На основе векового опыта возник народный сельскохозяйственный календарь, определявший время хозяйственных работ. Сходные формы ведения хозяйства приводили к созданию сходных календарных понятий у украинцев, русских и белорусов. Географические условия вносили лишь небольшие отклонения. Обобщение практической деятельности земледельцев в дальнейшем послужило основой для развития агротехнической науки и сельскохозяйственной метеорологии. Народный календарь делился на два цикла: 1) от начала сева озимых до уборки урожая; 2) уборка урожая. Каждый цикл имел свои сезоны (пахота, сев озимых, яровых, пахота на зябь, всходы, созревание хлебов, сенокос и т. д.), им соответствовали определенные правила, приметы и обряды, многие из которых были рациональными. Например, перед посевом яровых зерно смачивали, чтобы оно быстрее прорастало; это правило впоследствии легло в основу научно разработанного метода яровизации. Начало народного календаря не случайно было приурочено к севу озимых. Если осенью озимые покрывались толстым слоем снега, хлебопашец считал, что «буде багатий урожай хлібів»; если снег выпадал на гололедицу — «жди неурожаю» и т. д.

* * *

В тяжелых социально-экономических условиях украинское крестьянство развивало и совершенствовало свои орудия труда, создавало разнообразные приемы обработки почвы, обогащало сельское хозяйство новыми сортами и видами полевых, огородных и садовых культур, поднимало на более высокий уровень скотоводство. В условиях капиталистического общества лучшими достижениями науки, техники и передового опыта в сельском хозяйстве могли пользоваться только помещики и кулаки. Основная масса трудового крестьянства вынуждена была пользоваться традиционными отсталыми орудиями и приемами обработки почвы, постепенно разоряясь и пополняя ряды сельскохозяйственного пролетариата. «Мужик,— писал в 1902 г. В. И. Ленин,— de facto остается крепостным, работая по-прежнему своим исконным инвентарем, по исконной рутине трехпольного хозяйства, на исконного своего «государя-вотчинника.»[1]

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Коренные изменения в жизни крестьянства после Великой Октябрьской социалистической революции

Декретом о земле, принятым 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, Советская власть передала крестьянам в бесплатное пользование земли (на Украине свыше 15 млн. десятин), а также скот и инвентарь помещичьих, удельных и других конфискованных хозяйств. Крестьянство было освобождено от долгов помещикам и банкам, от арендных платежей. В. И. Ленин подчеркивал, что в крестьянской стране первыми и сразу же выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне: «Впервые крестьянин увидал свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 328.
[2] Там же, т. 39, стр. 276.

Начало социалистических преобразований в украинской деревне содействовало сплочению пролетарских и полупролетарских масс деревни вокруг рабочего класса для дальнейшей общей борьбы против буржуазии, за углубление завоеваний социалистической революции.

Отмена частной собственности на землю, ее национализация оказала большое революционизирующее влияние на широкие крестьянские массы и в то же время дала возможность приступить под руководством Коммунистической партии к строительству первых коллективных хозяйств и совхозов как образцов социалистического хозяйствования в деревне.

Большую роль в социалистической революции на селе, в частности в национализации земли, в политическом и экономическом подавлении кулачества, сыграли *комнезамы* (комитеты незаможных селян), созданные на Украине в 1920 г. В период гражданской войны они были основной опорой Советской власти в украинских деревнях и активными проводниками политики партии и правительства. Они в тот период имели административные функции, являясь фактическими органами Советской власти в деревне. С укреплением советского строя комнезамы были преобразованы в добровольные общественные организации по защите интересов сельской бедноты и середняков, а в 1933 г., когда с победой колхозного строя необходимость в них отпала, они ликвидировались.

Кооперативный план был составной частью разработанной В. И. Лениным программы строительства социализма в нашей стране. С первых лет существования Советской власти в украинской деревне начали закладываться основы коллективизма. Образовывавшиеся на основе кооперативного плана объединения крестьян убеждали сельское население в преимуществах коллективных форм хозяйства. Первые коллективные хозяйства возникли на Украине сразу же после Октябрьской революции, чаще всего на базе бывших помещичьих владений. Простейшей формой производственной кооперации в этот период были товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ), отличавшиеся друг от друга уровнем обобществления земли, сельскохозяйственного инвентаря, а также способами разделения доходов. В одних ТОЗ'ах обобществлялся только труд, в других — земля и труд. Члены ТОЗ'ов обязательно принимали личное участие в общественной обработке земли. При разделе продуктов учитывались личный труд, участие рабочего скота и инвентаря, во многих случаях — размеры обобществленного участка. Распространенной формой являлись сельскохозяйственные коммуны, в которых полностью обобществлялись земля, средства производства, весь скот и даже жилые помещения. Наиболее распространенными в первые годы Советской власти были сельскохозяйственные артели; в них обобществлялась земля и основные средства производства. Члены сельскохозяйственных артелей сохраняли в личном владении подсобные хозяйства, дома, усадьбы. Продукты делились по едокам или по труду. В 1918 г. на Украине были созданы 251 коммуна и 260 артелей, в 1922 г. существовало 1339 коллективных хозяйств, а в 1924 г.— 3094. В 1925 г. артели стали основной формой коллективных хозяйств на Украине.

Производственное кооперирование крестьянства в первые годы Советской власти

Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая значение коллективных хозяйств как ростков социалистических форм в сельском хозяйстве, оказывали им всемерную поддержку (льготы в налогообложении, кредиты, финансовая помощь, предоставление в первую очередь машин и инвентаря, выделение организаторских кадров). Первые колхозы состояли главным образом из беднейших крестьян (80,5% всех колхозников). Поворот трудового крестьянства в сторону колхозов

подготавливался путем укрепления кооперации, всеми видами которой на Украине к 1929 г. было охвачено 85% крестьянских хозяйств. Переход крестьян на путь коллективизации был подготовлен успехами колхозного производства, а также сетью совхозов — образцовых сельскохозяйственных предприятий, опыт которых наглядно убеждал в преимуществах крупного социалистического хозяйства.

Социалистическая индустриализация создала техническую базу для коллективизации сельского хозяйства. На Украине в 1927 г. в сельском хозяйстве уже работало 8105 тракторов (в 1925 — менее 300); были созданы прокатные пункты, которые оказывали помощь колхозам и сельской бедноте. В 1925—1926 гг. на Украине насчитывалось 1529 прокатных пунктов. Однако мелкое индивидуальное хозяйство не могло продуктивно использовать новую технику. Практика выдвинула наиболее совершенную в то время форму использования машинной техники — машинно-тракторные станции. Первая в СССР МТС была создана в 1928 г. на Украине, в Березовском районе Одесской обл. Она была организована на основе тракторной колонны совхоза им. Т. Г. Шевченко. В 1934 г. в УССР было уже 154 МТС.

Социалистическая коллективизация сельского хозяйства

Сплошная коллективизация сельского хозяйства началась на Украине во второй половине 1929 г. В 1934 г. процент коллективизированных хозяйств достиг 88%. Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства требовало кадров. Поэтому в сельское хозяйство были призваны передовые рабочие, возникло движение двадцатипятитысячников. На призыв партии только на Украине откликнулось 46 тыс. рабочих вместо намеченных планом 7500 человек. Из среды двадцатипятитысячников выросло много талантливых колхозных организаторов. Двадцатипятитысячники, имея высокую политическую подготовку и опыт организаторской работы, быстро овладели порученным делом, проявили себя способными руководителями и многое сделали для укрепления колхозов.

Основным фактором коренного улучшения материального положения крестьянства явился «охват колхозным строительством почти всей бедноты, подрыв на этой основе расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожение в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне»[1]. После коллективизации перестали существовать наемные сельскохозяйственные рабочие — батраки.

Социалистическое соревнование выдвинуло много героев труда из среды колхозников. М. Демченко, А. Кошевая, М. Гнатенко, П. Ангелина и другие стали зачинателями движения новаторов-ударников.

В предвоенные годы сельское хозяйство УССР достигло мощного подъема. Значительно повысилась урожайность всех сельскохозяйственных культур, развилось многоотраслевое общественное хозяйство колхозов, был достигнут высокий уровень механизации полевых работ.

Натуральные доходы колхозников от общественного хозяйства увеличились с 1934 по 1940 гг. в 2,2 раза, а денежные доходы по трудодням — в 6,5 раз. Возрос спрос на промышленные товары, увеличились покупки культтоваров — книг, музыкальных инструментов, патефонов, радиоприемников, а также велосипедов, мотоциклов и т. п.

Большой ущерб сельскому хозяйству УССР, как и всему народному хозяйству, принесла война, навязанная Советскому Союзу гитлеровской Германией; на Украине, временно оккупированной фашистами, было разрушено 26 тыс. колхозов, 1300 МТС и 900 совхозов; 56 тыс. тракторов и 24 тыс. комбайнов было вывезено в Германию. Только часть колхоз-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II. М., 1953, стр. 723.

ного имущества и скота была эвакуирована в восточные районы СССР. Многие колхозники ушли сражаться на фронт и в партизанские отряды. Самоотверженный труд колхозников, в частности женщин, помогал Советской Армии громить врага. Колхозный строй успешно выдержал испытания войны. Колхозное крестьянство ярко продемонстрировало свой советский патриотизм и верность социализму. Сразу же после освобождения Украины от фашистских захватчиков началось восстановление сельского хозяйства республики, возвращение в освобожденные районы эвакуированного на восток скота, обновление посевных площадей, восстановление МТС, строительство жилищ колхозников, рабочих и служащих. Большую помощь сельскому хозяйству Украины оказали братские республики СССР.

Развитие основных отраслей сельского хозяйства

Современное сельское хозяйство Советской Украины — высокоразвитое многоотраслевое. Главными его направлениями являются земледелие и животноводство. В колхозах и особенно в совхозах развивается производственная специализация. Есть, например, много совхозов и колхозов, которые специализируются на выращивании технических культур, овощей, фруктов и винограда, сырья для парфюмерной промышленности и т. д. Хозяйственная направленность того или иного хозяйства определяется по зональному принципу.

Основные отрасли украинского земледелия — зерновые и технические культуры, овощеводство, садоводство и виноградарство. Зерновое хозяйство УССР занимает одно из ведущих мест в СССР (свыше 15% всех площадей зерновых в стране; в частности, по культурам: посевы озимой пшеницы — около 40%, кукурузы и зернобобовых — 44%). Украина занимала второе, а после освоения целинных и залежных земель в восточных районах страны занимает третье место по товарной продукции зерна среди союзных республик СССР.

В процессе преобразования сельского хозяйства коренным образом изменилась структура посевных площадей на Украине. Если в 1913 г. все зерновые культуры занимали 88,4% всей посевной площади, то в 1960 г.— лишь 50,6%; технические культуры соответственно — 3,2% и 10,7%; кормовые культуры — 3,2% и 30,3%. Особенно возросла посевная площадь таких ценнейших зерновых и кормовых культур, как кукуруза (более чем в шесть раз) и зернобобовые (более чем в два раза). Новой злаковой культурой на Украине является рис. Обводнение земель в засушливых южных районах республики дало возможность использовать под рисосеяние бросовые земли. Несмотря на уменьшение площади посевов зерновых, валовой сбор их в 1961 г. превысил 2,1 млрд. пудов. На Украине значительно повысилась урожайность зерновых и технических культур. Благодаря комплексной механизации и применению передовой агротехники высокие урожаи выращивают теперь не только отдельные бригады или колхозы, но и многие районы и даже области.

За годы Советской власти обновлены сорта большинства сельскохозяйственных культур. Селекционеры республики только за последние несколько лет передали производству 68 новых сортов полевых культур, которые отличаются высокой урожайностью, скороспелостью и другими качествами. Замечательные сорта зерновых и технических культур вывели академики В. Л. Юрьев, В. С. Пустовойт, Ф. Г. Кириченко, О. К. Коломиец и др. Возросла производительность труда в сельском хозяйстве Украины. В 1961 и 1962 гг. бригада А. В. Гиталова (колхоз им. XX съезда КПСС, Кировоградской обл.), известного всей стране энтузиаста, возглавившего движение по внедрению комплексной механизации при возделывании кукурузы, выращивала эту культуру без затрат ручного труда на площади 1103 гектара и собрала со всей площади высокий урожай.

39 Заказ № 888

О современном уровне механизации украинских колхозов свидетельствуют такие цифры: на 1 января 1963 г. тракторный парк насчитывал 213 тыс. машин (в пересчете на 15-сильные — 339 161 трактор). В сельском хозяйстве Украины использовалось: в колхозах — 169 967 электродвигателей, в совхозах — 58 232 электродвигателя. Особенно показательны данные о механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах Украины: 99,6% всех основных работ механизировано, причем в ряде областей (Днепропетровской, Кировоградской, Николаевской, Одесской, Полтавской и др.) основные сельскохозяйственные работы выполняются полностью при помощи машин. Преданы забвению многие сельскохозяйственные орудия (деревянные плуги и бороны, сохи, рала и др.), широко бытовавшие до начала социалистической реконструкции сельского хозяйства, а в западных областях — вплоть до воссоединения с УССР.

Украина — республика высокоразвитого животноводства. Благодаря механизации многих процессов в животноводстве значительно уменьшились затраты труда на выращивание животных. В 1960 г. на Украине в среднем на один колхоз приходилось 1200 голов крупного рогатого скота, 1100 свиней, 6000 голов птицы. Украинские ученые успешно трудятся над усовершенствованием существующих и выведением новых пород сельскохозяйственных животных. В республике создано, кроме специальных научно-исследовательских институтов и опытных станций животноводства, много племенных заводов по выведению крупного рогатого скота, породистых лошадей, свиноводческих, овцеводческих, птицеводческих. В украинских колхозах развивается также пчеловодство; 92% колхозов республики имеют пчелофермы. Много пасек находится также у колхозников, рабочих и служащих.

Украина богата не только хлебом, но и садами. В 1963 г. садами и виноградниками было занято 1,2 млн. гектаров (3% обрабатываемых земель). Передовые колхозы собирают урожай в орошаемых садах до 170 центнеров, а в неорошаемых — до 80 центнеров с гектара. Новой отраслью сельского хозяйства является шелководство, развивающееся преимущественно в южных районах Украины.

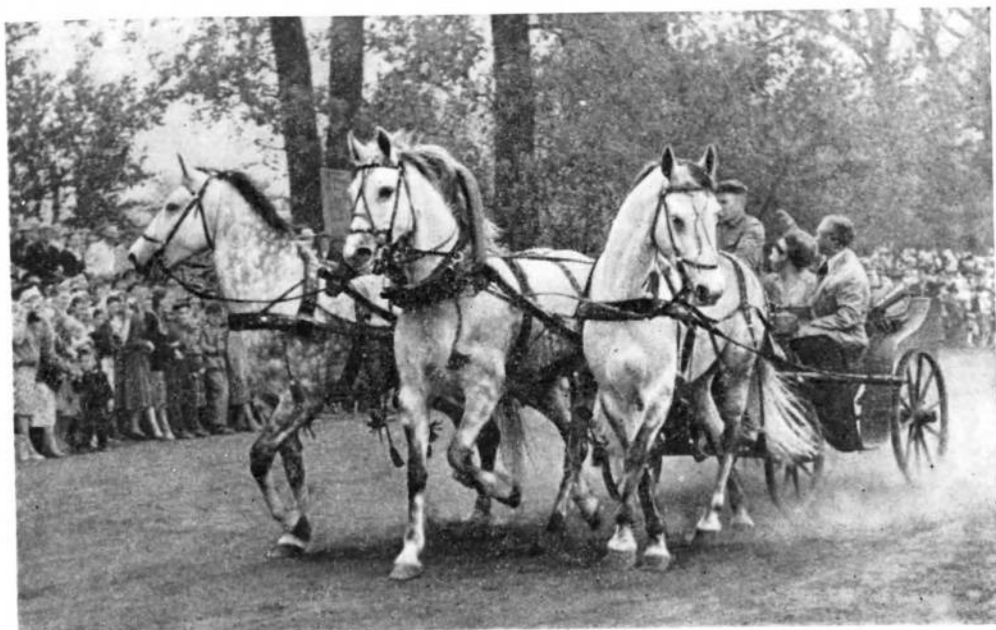
Украина богата своими естественными и искусственными водоемами, которые используются для разведения рыбы. Кроме того, очень популярным и массовым стал на Украине спортивный лов рыбы. Многие любители рыболовства и охоты объединены в республиканском обществе, которое имеет свои заповедники, охотничьи и рыболовецкие хозяйства. Охота и рыболовство на Украине почти утратили характер подсобного занятия сельского населения и являются одним из массовых видов отдыха трудящихся.

Социалистические производственные отношения создали труженикам сельского хозяйства благоприятные условия для роста их профессионального уровня и постоянного совершенствования технических навыков Колхозный строй вырастил немало крупных мастеров высоких урожаев, мастеров животноводства и организаторов колхозного производства Украины.

Коммунистическая партия и правительство постоянно заботятся о подготовке специалистов сельского хозяйства всех квалификаций. Например, в 1934 г. 10 тыс. лучших колхозников и колхозниц поступили в сельскохозяйственные вузы и техникумы Украины. К концу 1937 г. в Украинской ССР работала большая армия получивших квалификацию сельских механизаторов: 139,9 тыс. трактористов, 19,6 тыс. комбайнеров, 18,4 тыс. шоферов, 5,7 тыс. механиков, 8,5 тыс. машинистов молотилок и много других специалистов. В 1955 и 1959 гг. колхозы УССР были укреплены кадрами в результате направления в деревню большого числа руководящих партийных, советских работников и специалистов сельского

«Колхоз в цвету» (с картины Г. П. Светлицкого, 1935 г.)

Животноводческий городок в колхозе (Одесская обл., 1958 г.)



Парад на ипподроме Дубровского конного завода (1963 г.)

хозяйства (среди них в 1959 г. было 220 секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов).

Ныне в колхозах УССР работает около 6 тыс. инженеров и техников. В целом в сельском хозяйстве Украины занято более 126 тыс. специалистов с высшим и средним образованием. В 1959 г. 69% председателей колхозов имели высшее и среднее образование.

Большую роль в подъеме производительности труда, в развертывании соревнования за досрочное выполнение задач, намеченных Программой КПСС, играют новаторы и передовики колхозного производства, справедливо называемые народом маяками. Заслуженные мастера высоких урожаев и молодежь — Е. Долинюк, С. Виштак, А. Ладани, О. Диптан, М. Савченко, В. Сидора, Л. Лукашевский и многие другие — вскрыли большие резервы в сельскохозяйственном производстве, имеющие огромное значение для дальнейшего развития всех отраслей сельского хозяйства республики. Маяками стали не только отдельные колхозники, но и целые звенья, бригады, колхозы. Подхвачен на Украине и в других республиках СССР патриотический почин председателей колхозов, дважды Героев Социалистического Труда, М. А. Посмитного и П. П. Ведуты (Одесская обл.), которые взяли шефство над отстающими хозяйствами с целью поднять их до уровня передовых. Широкий отклик среди колхозного крестьянства страны нашло обращение украинской колхозницы Н. Т. Заглады (звеньевой колхоза «Перше травня» Житомирской обл.), призвавшей воспитывать коммунистическое отношение к труду и социалистической собственности, к повышению личной ответственности каждого колхозника за дальнейший рост сельскохозяйственной продукции. Все большую роль в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства республики играет молодежь, быстро овладевающая новой техникой, передовым опытом новаторов производства.

Наиболее массовыми формами подготовки колхозников и рабочих совхозов являются трехгодичные агротехнические курсы и специальные постоянно действующие школы. Особенно эффективным средством про-

паганды сельскохозяйственных знаний являются школы передового опыта, которыми руководят мастера высоких урожаев. На Украине в настоящее время ежегодно обучается в школах передового опыта 60—70 тыс. юношей и девушек. Это яркое практическое выражение основного принципа социалистического соревнования, заключающегося в товарищеской помощи отстающим со стороны передовиков с целью достижения общего подъема. Кроме того, имеется широкая сеть постоянно действующих межрайонных и областных школ, в которых с отрывом от производства обучаются председатели колхозов, колхозные бригадиры, заведующие фермами и другой руководящий состав колхозов. Ежегодно десятки тысяч колхозников Украины посещают Всесоюзную и республиканскую выставки достижений народного хозяйства, изучают опыт лучших мастеров сельскохозяйственного производства страны. Широко ведется пропаганда сельскохозяйственных знаний — в сельских школах, посредством печати, радио, телевидения и кино. Многие колхозники повышают свой общеобразовательный и культурный уровень в вечерних школах и народных университетах культуры. В украинской деревне учится каждый третий или четвертый труженик сельского хозяйства. Это одно из наибольших культурных достижений социалистического строя.

Дальнейший подъем сельского хозяйства, связанный с созданием мощной материально-технической базы, всесторонней механизации и последовательной интенсификации, в значительной степени определяется и уровнем его химизации. Исторические решения декабрьского Пленума ЦК КПСС (1963 г.) о развитии химической промышленности наметили пути дальнейшего развития сельского хозяйства. К 1970 г. благодаря резкому увеличению производства минеральных удобрений, гербицидов, а также орошению больших площадей земель предполагается удвоить в республике производство продуктов сельского хозяйства.

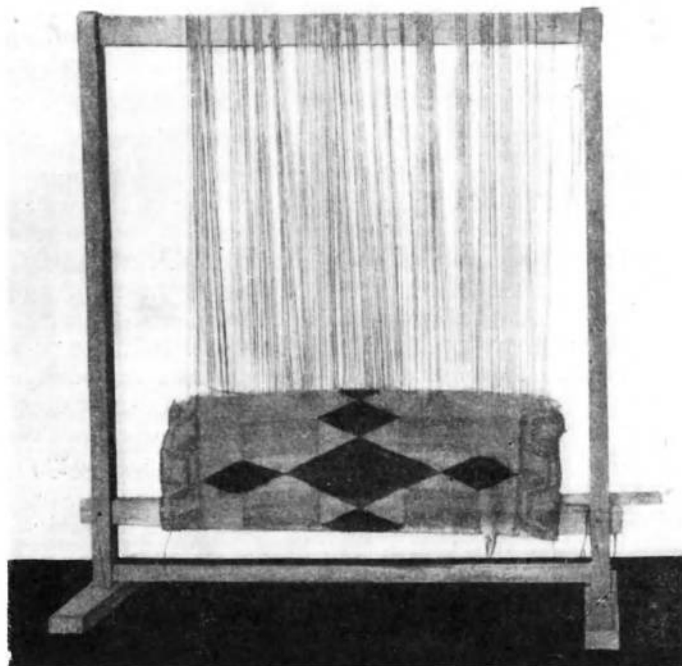
ПРОМЫСЛЫ

Домашняя промышленность, неразрывно связанная с земледелием и характеризовавшаяся переработкой сырьевых материалов, получаемых в крестьянском хозяйстве самой крестьянской семьей, широко была распространена на Украине в период феодализма и капитализма. Крестьянские промыслы отличались большим разнообразием — было развито ткачество, гончарное дело, обработка дерева и металла, переработка пищевых продуктов.

Крестьянские промыслы в прошлом. Их виды и особенности

Тяжелое экономическое положение крестьянства вынуждало его в домашнем обиходе и хозяйстве пользоваться своими собственными изделиями из дерева, глины, соломы, камыша. Часть этой продукции шла на рынок. В крестьянских промыслах вплоть до Октябрьской революции сохранялись в основном примитивные способы добычи и переработки сырья, та же рутинная техника, которая была и в период феодализма. В западных областях Украины это сохранялось вплоть до воссоединения их в УССР.

Благодаря постепенно крепнувшим торговым связям с Россией изделия украинских ремесленников все чаще стали проникать в русские города. Прежде всего это относится к кафелям, изделиям из гутного стекла и коврам. Одним из наиболее распространенных домашних промыслов была обработка растительного волокна (лен, конопля), шерсти. Процесс обработки растительного волокна был трудоемким: коноплю мочили в водоемах, лен для вымачивания стлали тонким слоем на мокром лугу, а потом просушивали и «трепали», т. е. с помощью специальных приспособлений (характерных для всех славян) — *мялок* — отделяли волокно от *кострицi*, а затем чесали. Пряли с помощью самодельного веретена. Для окраски



Вертикальный ткацкий станок *кросна* (конец XIX — начало XX в.)

пряжи крестьяне пользовались растительными красителями, которые сами изготовляли. Со второй половины XIX в. для окраски стали применять химические красители.

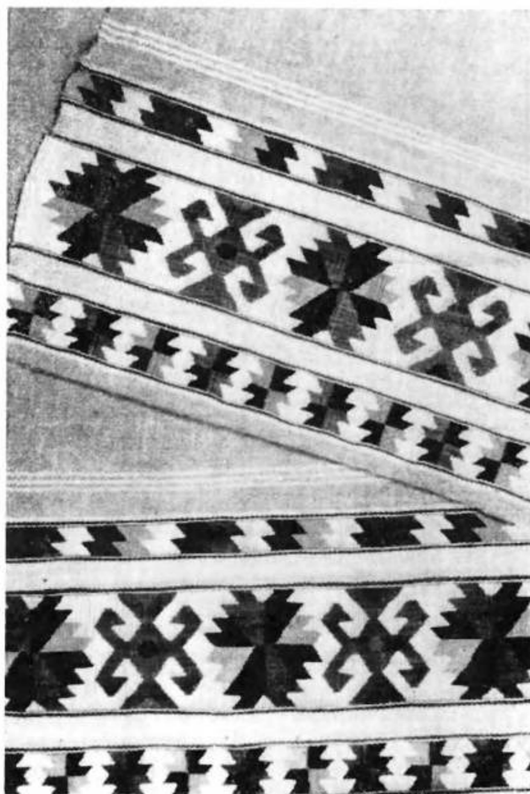
Обработка шерсти была менее сложной. Овец стригли металлическими ножницами (*стисками*). Затем шерсть мыли в щелочи, перебирали и расчесывали проволочными щетками на специальных досках с гвоздями (*гремплях*). Пряжа из шерсти грубошерстных овец делилась в зависимости от длины волосков на тонкую (*довгу волосінь*) и грубую (*шпинь*). Из первой преимущественно изготовляли декоративные ткани (ковры, скатерти и т. д.), из второй — сукно. Пряли шерсть с помощью веретена.

На Украине были широко распространены горизонтальные и вертикальные ткацкие станки. Основной частью вертикального (более древнего) станка была рама, состоящая из двух столбов, соединенных вверху и внизу двумя перекладинами. Вертикальные станки были двух подтипов: для тканья ковров (в Восточной Украине эти станки назывались *кросна*, в Западной Украине — *разбої*) и для тканья рогож. Наиболее простым видом горизонтальных станков на Украине были кросна или *верстат*. Этот тип ткацкого станка был широко распространен в Черниговской и Киевской губерниях и волынском Полесье. В некоторых районах Украины (Полесье) были распространены станки — *стави*, лишь немного отличающиеся от кросен.

Техника тканья у украинцев была разнообразна. Самым простым считалось тканье на двух подножках, когда получали белые гладкие полотна. Традиционным узорным тканьем у украинцев, русских и белорусов было тканье на четырех подножках. При таком способе получался узор *сосонка* (елочка). Известна еще была техника тканья под закладку (так изготовлялись на Волыни женская поясная одежда — *запаски* и ковры). На станках ткали полотна, рушники, скатерти, ковры, мешковину и рогожу. Ткацкая продукция потреблялась в основном внутри крестьянского хозяйства и лишь незначительная часть (ковры) шла на рынок.

Обработка шкур была распространенным промыслом в различных частях Украины. Она делилась на четыре самостоятельных ремесла: выделка овчины (*кушнірство*), выделка кожи (*чинбарство*), сапожничество (*шевство*), изготовление конской сбруи (*лимарство*). Из овечьих шкур крестьяне делали кожухи и шапки. Обувь, сбрую и другие хозяйственные изделия изготовляли из кожи волов, лошадей и свиней. Шкуры домашних животных обрабатывались различными способами (с помощью хлебного кваса, мела, извести, пепла, соли, дубовой коры, глины) в зависимости от того, какой вид кожи изготовлялся.

Обработка дерева считалась одним из самых важных домашних промыслов на Украине. Особенно она была развита в лесных и лесостепных районах Украины.

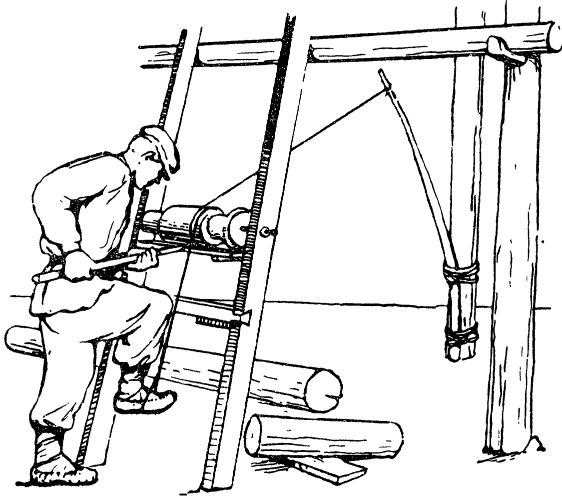


Полотенце тканое *завеска*
(Житомирская обл., конец XIX в.)

Важным деревообрабатывающим промыслом являлось изготовление возов, колес, полозьев для саней и др. (*стельмашество*). Широко было распространено бондарство. Самой сложной технической операцией при изготовлении бочек была прорезка *уторів* — кривых пазов в клепках, в которые входит днище. Бондари имели несложный инструментарий — деревянный циркуль (*розміряч*), кривой струг (*уторник*) и клинья, используемые при надевании обручей. Иногда изделия выдалбливали из цельных кусков дерева. Так делали ульи, лодки, ступы, корыта, ковши, солонки, ложки и т. д. На Украине было также распространено изготовление деревянных гребней, а также сундуков (*скрынь*), нередко декорированных росписью либо резьбой (гуцульские скрыни).

Помимо этих промыслов, широкое распространение имело плетение изделий из лозы, коры, соломы. Из этих материалов делали коробки, корзины, плетенки для зерна (*солом'яники*), шляпы (*брилі*) и др.

Гончарное дело также занимало одно из ведущих мест среди крестьянских промыслов. Керамическая продукция потреблялась частично в самом крестьянском хозяйстве, частично шла на продажу. В разнообразных формах украинской керамики было много общего с посудой русского и белорусского народов. Свои изделия гончары производили в основном на ножных гончарных кругах. На Украине были распространены два типа гончарных кругов: волошские и шленские. Волошский состоял из двух деревянных дисков — большего нижнего (*спідняка*) и меньшего верхнего (*верхняка*). Диски были насажены на общую ось и приводились в движение ногой. В шленском, более древнем гончарном круге, верхняк и спідняк соединялись при помощи шести спиц. После просушки посуду обжигали в специальной печи (*горні*). Глазурованную посуду обжигали



Токарный станок для обработки «ступицы» колеса при помощи прута, конец XIX в.

дважды. Все виды керамических изделий могут быть разделены на четыре группы: бытовая посуда, бытовая декоративная посуда, керамическая декоративная скульптура и техническая декоративная и строительная керамика. К первой группе относилась посуда для хранения, приготовления и подачи пищи: *миски*, *полумиски*, различные горшки (*борщівники*, *кашники*, *близнята*), *глечики*, *тикви* и т. д. Бытовая декоративная посуда, покрытая изнутри разноцветной поливой и украшенная снаружи растительным и животным орнаментом, и фигурная посуда (*куманці*, *баранці*, *плесканці*) в крестьянских жилищах постоянно находилась на открытых полках — *мисниках*. Ею пользовались только в праздники, а в остальные дни она служила украшением. Керамическая скульптура представляет интерес как разновидность украинского изобразительного искусства. Наиболее распространенными видами ее являлись разного рода *свистунці*, *курочки*, *півники*, *уточки*, *баранчики*, *собачки*. Из технической декоративной керамики наиболее интересным было производство глазурованного кафеля, которым облицовывались печи. Для строительных нужд производились кирпичи, черепица, облицовочные плитки. Главными гончарными центрами на Украине в XIX в. считались в Полтавской губ.— с. Опошня, с. Хомутец; в Киевской — с. Дибинцы, с. Межигорье, Васильков; в Черниговской — Ичня, Нежин; на Подолии — с. Бубновка, с. Кришинцы, с. Бар; в Галиции — с. Пистынь, с. Косов; в Закарпатье — Ужгород, Хуст. Известными мастерами керамических изделий, которые создали свои школы, были Д. Забила, Ф. Червинка (Полтавская губ.), К. Масюк (Киевская губ.), Т. Гончар и И. Гончар (Подолия) и мн. др. При общности форм украинской народной керамики, каждый гончарный центр изготовлял продукцию, отличавшуюся теми или иными локальными особенностями.

Выработка стекла была известна на территории Украины со времен Киевской Руси. В XVI—XIX вв. на Волыни, в Черниговской, Сумской, Харьковской и Киевской губерниях, на Подолии, в Галиции, Закарпатье и Буковине стекло производилось на небольших предприятиях — *гутах*. Гуты были разной мощности — на одну, две и три печи. Каждая печь имела несколько огнеупорных керамических сосудов (*дойниць*) для выплавки простого, зеленого, синего, дымчатого стекла, а также хрусталя. Гуты выпускали преимущественно оконное стекло и посуду: бокалы, штофы, баклаги, тарелки. Очень своеобразным изделием была фигурная посуда для напитков в виде медведей, зайцев и т. д. Гутные изделия часто раскрашивались масляными красками. Гутное производство прекратило свое существование во второй половине XIX в. с развитием капиталистического производства.

На Украине издавна была известна добыча селитры, которую использовали при изготовлении стекла, консервировании продуктов, для производства пороха (с начала XV в.).

Глиняная утварь:

1 — дзбанок (Галиция, 1884 г.), *2* — чайник, глазурь (Киевская губ., начало XX в.), *3* — расписной кувшин в форме тыквы (Киевская губ., начало XX в.), *4* — кувшин (Галиция, конец XIX в.)

Подсолнухи и горох. Декоративная роспись М. Примаченко (1962 г.)

Гончарные изделия начала XX в :

1 — *ринка*, 2 — кувшин, 3 — миска, 4 — горшок, 5 — *макитра*, 6 — кувшин, 7 — *дзбанок* чернолощеный, 8 — *гладишка*, 9 — банка, 10 — горшок, 11 — *полумисок*, 12 — миска, 13 — *ринка*, 14— *гладущик*, 15 —*довжанка*, 16 — фигурная посуда

Широкое распространение также получила обработка металлов: железа, меди, олова, свинца, а также золота и серебра. Сельские кузнецы изготовляли орудия для обработки дерева (топоры, струги, долота); сельскохозяйственные орудия (наральники, лемеха, лопаты), хозяйственно-бытовые предметы (рогачи, ножи и т. д.). Кузнецы также оковывали возы. Главными кузнечными инструментами были: наковальня, щипцы, молот, молоток-пробойник; в конце XIX в. стали употреблять пилы-ножовки, ключи для нарезки винтов, расточки для копыт, инструменты для производства гвоздей. Ковку применяли и холодную и горячую. Последняя была распространена на Украине в XIX в. шире.

Переработка пищевых продуктов у украинцев очень своеобразна. Вплоть до начала XX в. на Украине были распространены ручные и ножные ступы, а также ручные мельницы — *жорна*, которые состояли из двух жерновых камней, соединенных железным веретеном.

Помол большого количества муки производился на водяных и ветряных мельницах — *вітряках*. В XIV—XV вв. на Украине существовали только водяные мельницы. Они были стационарные, с плотиной, а на больших реках — наплавные, на пароме. Стационарные мельницы приводились в движение водой, которая падала с плотины на ковши, закрепленные на колесе, наплавные — текучей водой. Водяные мельницы имели не только устройство для размола зерна, но и крупорушки, а также использовались как двигательная сила при обработке дерева (лесопильни), переработке масличных культур, валянии сукна, изготовлении пороха, в железорудном деле (с XV в.), в производстве бумаги (с XVI в). Ветряные мельницы получили широкое распространение с XVII—XVIII в. по всей территории Украины — от Слободской Украины до Буковины и от северных границ до Черного моря.

Конструктивных вариантов ветряных мельниц было очень много (восьмигранная башня с вертикальными стенами, усеченная пирамида, квадратная, переходящая в восьмигранную, просто квадратная и др.), но все они делились на три основных типа. Первый, наиболее древний тип, не имел устройства для поворота крыльев к ветру и поэтому со временем исчез. Второй тип, с вращающейся основой, был распространен преимущественно в лесостепных и степных районах Харьковской, Полтавской, Киевской губерний и в южных районах Украины. Третий — с вращающейся крышей, наиболее часто встречался в Черниговской губ. Мельницы принадлежали обычно помещикам или кулакам. Многие же бедняки пользовались примитивными ручными мельницами.

Для выдавливания растительных масел применяли ручные маслобойки. Основой маслобойки служили два столба — *лапки*, укрепленные *вязю*,— горизонтальной колодой. Посредине столбов помещались две плахи — *мачухи*. Они давили на мешок с зерном, помещенный в выемке каждой мачухи, при помощи клиньев, вставленных в отверстия на лапках.

При общности в технологии изготовления и орудиях производства изделия домашних промыслов украинцев отличались значительным разнообразием. Локальные отличия проявлялись довольно ярко в украинских домашних промыслах и в период капитализма. Так, особенностью черниговской керамики было своеобразие древнеславянских форм и орнаментации. Черниговские мастера на сырой фон одного тона поливы наносили другой цвет, что придавало поверхности посуды мраморный оттенок. Они же вкладывали много художественной находчивости и таланта в разработку орнамента на кафелях, которыми облицовывали стены и печи. Характерной особенностью черниговских кафелей был синий растительный орнамент на белом фоне. Оригинальной тональностью отличалась волынская и полесская керамика так называемая чернолощеная посуда (*сиваки* с вертикальными блестящими полосами). Этот тип посуды широко бытовал в районах Тернополя, Львова и Станислава. Подольская керамическая продукция славилась своей полихромной яркой расцветкой и оригинальными формами. Миски, изготовлявшиеся в Полтавской губ., разрисовывались растительным орнаментом на темно-коричневом, желтом, зеленом и серо-голубом фоне. Среди керамических изделий гуцулов преобладала посуда, покрытая белой поливой, с гравировкой и орнаментом. Локальные особенности существовали и в расцветках ковров. Так, в центральной Украине был распространен «полтавский тип» с волнистым узором из больших цветов. Подольские ковры украшались сплошным геометрическим и растительным орнаментом без общего фона.

Разнообразие и отличие многих видов продукции домашних промыслов украинцев при единстве их главных, общих черт, свидетельствовало о том, что развитие промыслов было своеобразным в каждом из локальных райо-

нов Украины. Во второй половине XIX — начале XX в. с развитием капитализма народные промыслы стали постепенно приходить в упадок; снижались художественные достоинства изделий. Домашние промыслы существовали более продолжительное время только в экономически отсталых районах Украины (Полесье, Волынь, Карпаты).

Развитие мелких крестьянских промыслов способствовало подготовке рабочих кадров, привлекавшихся на работу в мануфактуру и крупную машинную индустрию. В. И. Ленин отмечал: «Крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой»[1].

После Великой Октябрьской социалистической революции начался новый период в истории народных промыслов. Народные умельцы освободились от гнета и эксплуатации скупщиков и ростовщиков.

Состояние промыслов и художественная промышленность в советское время

В условиях разрухи, причиненной гражданской войной, промыслы играли важную роль в снабжении населения предметами бытового назначения (гончарное дело, ткачество и др.).

Советское государство оказало большую поддержку трудящимся, занятым в промыслах. В 1919 г. был издан декрет о содействии кустарной промышленности. На Украине в 1922 г. кустарные промыслы были объединены в Союз кустарно-промысловой кооперации республики. Кооперирование привело к развитию коллективных форм кустарного производства. Промысловые кооперативы народных ткачей возникали, например, в старых центрах ткачества — Дегтярах, Переяславе, Кролевце, Решетиловке и некоторых др., гончарные артели — в Опошне, Межигорье. В Василькове на базе нескольких сел с давними гончарными традициями был создан майоликовый завод. В распоряжение кооперативов государство предоставило помещения, оборудование и сырье. Народные промыслы начинали механизироваться.

Для популяризации лучших достижений народных мастеров на Украине, как и в других советских республиках, начали организовываться художественно-промышленные выставки. Первые достижения украинских мастеров были представлены на Всеукраинской выставке в Харькове (1921 г.).

В период индустриализации начинает сокращаться производство хозяйственных и бытовых изделий из дерева, кожи, рогов, камня и др., так как промышленность стала полнее удовлетворять запросы населения. Производство телег, бочек, сырой кожи (для упряжи) и других видов продукции, которые нужны для колхозного производства, было налажено в колхозных мастерских или на предприятиях местной промышленности, оснащенных современной техникой.

В то же время происходило бурное развитие художественных промыслов. В ходе этого процесса ряд важных народных промыслов преобразовался в отрасли местной или художественной промышленности. Так, например, изготовление бытовой и строительной керамики стало основой для развития керамической промышленности в УССР. Расцвет художественной промышленности на Украине начался с 30-х годов. Художественная промышленность включила в себя широкую сеть художественно-промышленных артелей, художественных школ, училищ и техникумов. Специалистов с высшим образованием для художественной промышленности готовит Институт декоративного и прикладного искусства (во Львове). При фабриках и крупных артелях, многие из которых имеют характер фабричных предприятий, существуют экспериментальные

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 429.

мастерские, в которых народные мастера готовят к внедрению в массовое производство лучшие образцы своего творчества.

В условиях нового, социалистического строя замечательное мастерство, лучшие технические навыки народа, оставшиеся от старых домашних промыслов, получили свое дальнейшее развитие уже в художественной промышленности. Например, в художественном текстиле, выпускаемом украинскими фабриками, широко используются мотивы народных декоративных росписей (из с. Петриковки в Днепропетровской обл.), орнаментика украинских плахт и т. д. Очень широко использует старые формы и керамическая промышленность. Второе по существу рождение получили *куманці*, *барильця* и другие декоративные сосуды.

В советское время стали более заметны взаимовлияния и крепнущие взаимосвязи между художественными промыслами народов СССР (техника и приемы обработки материала, сюжеты из народного творчества других народов и т. д.). Творчески используя лучшие народные традиции украинского прикладного и декоративного искусства, художественная промышленность производит изделия, которые украшают быт трудящихся и играют большую роль в их эстетическом воспитании.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Промышленное развитие до реформы 1861 г.

Развитие промышленности на Украине началось, как и в России в целом, задолго до реформы 1861 г. Уже во второй половине XVI — первой половине XVII в. происходил процесс превращения ремесла в товарное производство и зарождения предпосылок мануфактуры, росли элементы товарности в сельском хозяйстве. Значительное влияние на дальнейшее развитие промышленности в условиях феодально-крепостнических производственных отношений оказало воссоединение Украины с Россией (1654 г.). На Левобережной и Слободской Украине развивались сельские промыслы и ремесла, росли города, расширялся внутренний рынок, возникали мануфактуры. На существовавших в то время помещичьих мануфактурных предприятиях, охватывающих в первую очередь такие отрасли, как суконная, стекольная, бумажная, табачная, кожевенная, применялся преимущественно ручной труд крепостных крестьян. Наиболее крупными из них были Ахтырская табачная фабрика (1718), Почепская парусо-полотняная (1726), Путивльская и Таганчанская суконные (20-е годы XVIII в.). Наряду с промышленными предприятиями, принадлежавшими помещикам, все чаще появлялись казенные (Шосткинский пороховой завод в 30-х годах и в конце XVIII в.— Кременчугский оружейный и Луганский литейные заводы, Екатеринославская суконная мануфактура, Киевский арсенал, верфи в Херсоне и Николаеве и др.). Несмотря на крепостническую систему, нарождавшаяся буржуазия, используя вольнонаемный труд, постепенно укрепляла свои позиции в тех отраслях промышленности, которые раньше принадлежали помещикам; происходило постепенное вытеснение помещичьей мануфактуры капиталистической. В конце XVIII — первой половине XIX в. в недрах еще господствующей феодально-крепостнической системы в промышленности и сельском хозяйстве Украины наблюдалось заметное развитие нового капиталистического уклада. Применение на фабриках паровых двигателей и машин вытесняло мануфактуру, в первую очередь помещичью с ее малопроизводительным крепостным трудом. Так, с 1828 до начала 1861 г. помещичьи мануфактуры, по своей численности до того составлявшие 53,8% всех промышленных предприятий, уменьшились почти в 10 раз; в то же время число фабрик с воль-

нонаемным трудом соответственно увеличилось с 46,2% до 94,2%. Если наемные рабочие в 1828 г. составляли 25,6% общего числа рабочих, то к началу 1861 г. их было уже 73,7%.

Развитие основных отраслей промышленности в конце XIX — начале XX в.

После реформы 1861 г. на Украине создались условия для быстрого развития капиталистической промышленности, особенно угольной и металлургической. В необычайно короткие сроки образовались специализированные экономические районы, возникали новые отрасли промышленности, быстрыми темпами росли города и промышленные центры.

К концу XIX в. угольная и металлургическая промышленность Украины вышла на первое место по объему производства, числу рабочих и своему экономическому значению в общей хозяйственной жизни страны. Добыча каменного угля в Донбассе составляла почти три четверти всей добычи угля в России. Украине принадлежало более половины всей выплавки чугуна. Темпы развития промышленности Украины были значительно выше, чем в целом по России. Громадное значение для развития тяжелой промышленности Украины имела разработка железорудных копей в Кривом Роге. К началу XX в. добыча железной руды достигла почти 157 млн. пудов в год, увеличившись по сравнению с пореформенным периодом почти в 156 раз. Быстрому развитию горнорудной и металлургической промышленности содействовало усиленное железнодорожное строительство. Особенно важное значение имела Екатерининская железная дорога, построенная в 1884 г. и соединившая в единый капиталистически развитый район Донбасс и Кривой Рог. На Украине до 1865 г. не было ни одной железной дороги, а к 1880 г. железнодорожная сеть уже составляла 4834 версты. Плотность железнодорожной сети Украины была одной из самых высоких по Российской империи. Важную роль в укреплении экономических связей Украины играли ее морские порты. К началу XX в. по размерам грузооборота Одесса занимала второе место в России.

В необычайно короткие сроки в богатых углем и металлом южных украинских губерниях возникли крупнейшие металлургические заводы: Александровский (1887), Днепровский (1889), Гданцевский (1892), Дружковский (1894), Донецко-Юрьевский (1895—1896).

В конце 90-х годов началась выплавка металла на Петровском, Макеевском, Краматорском, «Русском Провидансе», Никополь-Мариупольском и других заводах. К концу XIX в. на Украине насчитывалось 15 крупных металлургических предприятий. Один за другим вступали в строй также машиностроительные (в первую очередь транспортные и сельскохозяйственные), металлообрабатывающие, паровозостроительные (в Харькове, Луганске), вагоностроительные (Екатеринослав), судостроительные (Николаев), трубопрокатные и другие заводы.

С развитием капитализма исключительно быстрыми темпами развивалась промышленность, занятая переработкой сельскохозяйственного сырья; всероссийское значение приобрели сахарная, мукомольная, маслобойная, винокуренная, спирто-водочная промышленность и т. д. Сахарная промышленность после металлургии была на Украине важнейшей исторически сложившейся отраслью. Она концентрировалась на Правобережье и отчасти на Левобережье. Первый сахарный завод на Украине (в Каневском уезде) возник в 1822 г., а к началу 90-х годов сахарные заводы, используя усовершенствованную технику, повысили производство сахара с 1,6 млн. пудов до 20,7 млн. пудов, что составляло свыше 85% выработки сахара во всей России.

Бурно развивавшаяся промышленность Украины своими высокими прибылями привлекала не только русскую буржуазию, но и иностранных капиталистов. К началу XX в. из 15 крупных металлургических заводов Украины девять принадлежало франко-бельгийским, два — немецким,

В дореволюционной шахте Донбасса

один — английским и только три — отечественным капиталистам. По уровню концентрации промышленности к началу XX в. Украина вышла на одно из первых мест в России. В 1913 г. девять крупнейших металлургических заводов Украины, составлявшие всего лишь 5% от общего числа металлургических заводов России, давали свыше половины всей общерусской выплавки чугуна и 80% всей выплавки Южного района. Высокая концентрация промышленности приводила к образованию монополистических объединений. Первым из них был синдикат сахарозаводчиков (1887). Монополистическое объединение предпринимателей металлургических заводов «Продамет» (1902) сосредоточивало в своих руках контроль над двумя третями производства и сбыта железа и стали всей страны. Каменноугольный синдикат «Продуголь» (1906) контролировал 60% добычи донецкого каменного угля.

В эпоху империализма подъем производства сменялся промышленными кризисами, когда закрывались заводы, фабрики, росло число безработных; промышленные кризисы приводили к разорению мелких промышленников и усилению крупных. Так, число предприятий на Украине сократилось с 4368 в 1879 г. до 3776 в 1890 г., т. е. на 13,5%, а численность рабочих увеличилась за то же время на 26,6%. В начале XX в. на Украине ярко проявились характерные особенности всего империализма России, обусловленные существованием наряду с крупнейшими монополиями и высокой степенью концентрации промышленности и рабочего класса, сильнейших пережитков крепостничества в социально-экономическом строе страны. В целом вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Украина продолжала оставаться аграрной, отсталой по сравнению с Западной Европой страной.

Источники формирования промышленного пролетариата, его положение и революционная борьба

Промышленный капитализм создал новый класс промышленных рабочих, связанных с передовым производством, объединенных общим трудом на крупных капиталистических предприятиях.

Украине для обеспечения бесперебойной работы многочисленных крупных предприятий в течение короткого срока по-

требовались значительные людские ресурсы. С 1860 г. до начала XX в. число промышленных рабочих на Украине выросло с 86 тыс. до 360,2 тыс. человек. К началу первой мировой войны численность рабочих на Украине еще более возросла. В 1913 г. в фабрично-заводской промышленности Украины насчитывалось 631,6 тыс. рабочих. Быстрые темпы развития промышленности обусловили своеобразие формирования рабочего класса Украины. Главным источником формирования рабочего класса было разоряющееся крестьянство густонаселенных украинских губерний (Харьковской, Полтавской, Киевской и др.) и центрального земледельческого района России, снабжавшее рабочими руками индустриальные центры Юга, пищевую промышленность Правобережья, порты, рыбные промыслы и железные дороги. Таким образом, рабочий класс Украины формировался в основном за счет двух братских народов — украинского и русского и развивался как составная и неотъемлемая часть всего пролетариата России. Украинские рабочие численно преобладали в тех отраслях промышленности (пищевая, железорудная, керамическая и пр.), которые развивались на Украине на протяжении десятилетий и имели давние традиции. Установившееся еще в процессе формирования рабочего класса интернациональное единство украинского и русского пролетариата способствовало взаимному обогащению культуры и быта братских народов.

Положение рабочего класса Украины, как и России в целом, в период капитализма, и особенно империализма, было очень тяжелым. Рабочий день на капиталистических предприятиях достигал 13—16 часов; все чаще эксплуатировался женский и детский труд, оплачиваемый капиталистами значительно дешевле.

В 1897 г. в промышленности Украины работало 25 157 женщин (7,6%) и 49 942 подростка (15,1%). На капиталистических предприятиях почти полностью отсутствовала техника безопасности, что приводило к катастрофам, пожарам, увечьям, профессиональным заболеваниям. На шахтах часто происходили обвалы.

Тяжелое социально-экономическое положение рабочих усугублялось политическим и национальным угнетением. Царизм и буржуазия препятствовали объединению рабочих разных национальностей, их классовой консолидации.

Тяжелое экономическое положение и политический гнет толкали рабочих на борьбу с эксплуататорами. Первые крупные выступления рабочих состоялись еще в начале XIX в. (на Луганском литейном заводе в 1818 г.). С преобразованием рабочего класса в наиболее революционный класс общества эта борьба приобретала более решительный и организованный характер. В 90-е годы XIX в. на Украине наблюдался подъем рабочего движения. Всеобщая стачка охватила крунейшие города. Еще в 70-х годах в процессе роста стачечной борьбы создались первые революционные рабочие организации (из них наиболее крупная была создана Е. О. Заславским в Одессе — «Южнороссийский союз рабочих» — в 1875 г. В 80—90-х годах в Харькове и Киеве появились первые марксистские кружки (В. Перазича, Ю. Мельникова и др.). Среди рабочих грамотность была в целом выше, чем среди сельского населения. К концу XIX в. на Украине насчитывалось всего лишь около половины грамотных рабочих.

Ленинские идеи и революционная практика способствовали росту классового и политического сознания украинского пролетариата. Большое значение для политического просвещения рабочего класса Украины имела работа на Украине соратников В. И. Ленина: И. В. Бабушкина, И. Х. Лалаянца, В. А. Шелгунова, Г. И. Петровского и др. В организованной борьбе рабочих, в повышении их сознательности важную роль играла большевистская пресса, в частности, ленинская «Искра».

На Украине рабочее движение развивалось как составная часть общероссийского социалистического рабочего движения, что наглядно проявилось в революционных событиях 1905—1907 гг.

Под влиянием революционного движения в России ширилась борьба западных украинцев, находившихся под гнетом Австро-Венгерской монархии, за свои политические и национальные права.

В годы столыпинской реакции и мировой войны, в период Февральской буржуазно-демократической революции и подготовки Октябрьской революции рабочий класс Украины, как и всей России, под руководством Коммунистической партии неизменно возглавлял борьбу трудящихся. Партия со всей силой подчеркивала необходимость единства действий пролетариата всех наций и объединения их с российским пролетариатом. «При едином действии пролетариев великорусских и украинских,— писал В. И. Ленин,— свободная Украина *возможна*, без такого единства о ней не может быть и речи»[1].

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Осуществление ленинского плана индустриализации страны и превращение УССР в индустриальную державу

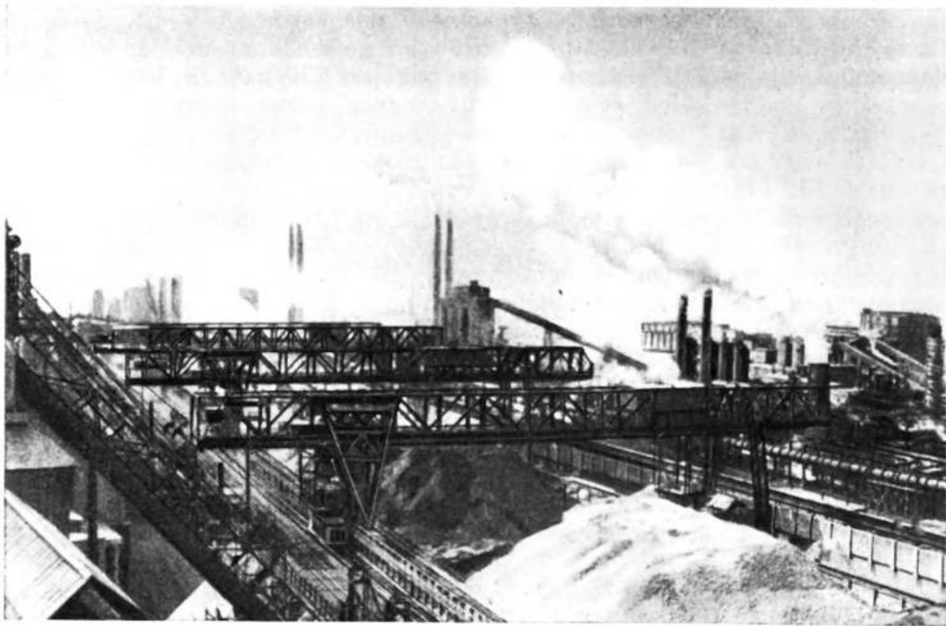
Первая мировая война и иностранная интервенция привели экономику Украины к разрухе и упадку. С первых дней своего существования Советская власть, национализировав крупную промышленность, приступила к ее восстановлению, в чем неоценимую материальную и организаторскую помощь оказали Украине братские советские народы. Особенное внимание уделялось восстановлению разрушенной промышленности Донбасса, по определению В. И. Ленина, центра, настоящей основы нашей экономики[2]. Проведенные Коммунистической партией и Советским правительством мероприятия по восстановлению народного хозяйства привели к тому, что крупная промышленность Украины к концу восстановительного периода (1925—1926 гг.) достигла 99% довоенного уровня производства, а объем промышленной продукции достиг довоенного уровня. Успешное завершение восстановления народного хозяйства в 1926 г. позволило приступить к осуществлению ленинского плана индустриализации и электрификации страны. На Украине была построена Днепровская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина (1932 г.). На базе Приднепровской и Донецкой энергосистем была создана единая Южная энергосистема, а также созданы энергосистемы Киевская, Харьковская, Одесская.

За годы довоенных пятилеток УССР превратилась в мощную индустриальную державу. Были построены крупнейшие заводы, оборудованные современной техникой («Запорожсталь» в Запорожье, «Азовсталь» в Жданове, Криворожский металлургический в Кривом Роге, Харьковский тракторный, Никопольский трубный, жестекатальный в Новомосковске), много шахт и других предприятий. Значительно расширились и подверглись коренной реконструкции старые металлургические заводы в Донецке, Макеевке, Жданове, Енакиеве, Днепродзержинске и др. Был введен в строй один из самых крупных в мире Ново-Краматорский машиностроительный завод, а также другие машиностроительные заводы в Донбассе, Харькове, Одессе и других городах. Заново на новой технической базе создались химическая, машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли промышленности. Построены такие гиганты химической промышленности, как Рубежанский и Лисичанский химкомбинаты, Горловский и Днепродзержинский азотнотуковые заводы, коксохимические заводы в Донецкой, Днепропетровской, Луганской, Запорожской и других областях.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 128.

[2] См. там же, т. 45, стр. 105.



Завод «Запорожсталь» (1958 г.)

Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 г., вся промышленная продукция республики составляла около 18% общесоюзной, и увеличилась по сравнению с 1913 г. в 7,3 раза, а производство тяжелой промышленности более чем в 10 раз, причем 92% всей продукции Украины было получено на предприятиях, построенных и реконструированных за годы Советской власти.

Таким образом, Украина стала индустриальной державой с многоотраслевой промышленностью и крупнейшей союзной базой не только угольной, металлургической и пищевой промышленности, но и машиностроения, химии, электроэнергии.

За годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики на территории Советской Украины разрушили и сожгли 714 городов и поселков городского типа, около 28 тыс. сел, 16 150 промышленных предприятий. Ущерб от войны в УССР составлял 285 млрд. руб. (в старом исчислении).

Примерно за два года после окончания войны страна восстановила уровень промышленного производства довоенного 1940 г.

Большую помощь оказали Украине братские республики в период восстановления разрушенного немецкими фашистами хозяйства. Помощь эта проявлялась не только в экономическом отношении, но и в посылке на Украину кадров инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих.

В послевоенные годы шел дальнейший процесс индустриализации страны и наращивание темпов производства. Быстрыми темпами развивается топливно-энергетическая промышленность Украины. Расширяется территория Донецкого угольного бассейна (Западный Донбасс), осваивается новый Львовско-Волынский бассейн, а также производится добыча бурых углей в Черкасской и Кировоградской областях. В настоящее время на Украине угля добывается больше, чем во Франции, Бельгии, Голландии, Австрии и Японии, вместе взятых. Дальнейшее развитие получили нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленности (Львовская, Ивано-Франков-

ская, Полтавская и Крымская области). Газовая промышленность на Украине начала развиваться в основном в послевоенные годы, особенно после XX съезда КПСС. Природный газ добывается в Харьковском, Львовском, Донецком экономических районах. К началу 1963 г. природный газ получили сотни городов и поселков, сотни крупных предприятий, тысячи коммунально-бытовых предприятий, миллионы квартир. Только а городах республики от газовых сетей к началу 1963 г. газифицирована 812 171 квартира. Кроме того, в городах республики газифицировано с помощью газобаллонных установок 297 тыс. квартир.

Большое развитие в последние годы получила химическая промышленность. Основные виды продукции (синтетический каучук и спирт, азот, сода, серная кислота, хлор, шинное производство, производство минеральных удобрений) возникли там, где раньше их не было (Донбасс, Винницкая, Днепропетровская, Львовская, Одесская и Сумская области). Особенное развитие получило производство химического волокна.

Еще в довоенные годы Украина достигла наивысших в мире показателей использования производственных мощностей в металлургической промышленности, особенно в доменном производстве. В 1958 г. по выплавке чугуна Украина опередила все страны Европы, а по производству его на душу населения еще в 1957 г. превзошла все капиталистические страны мира, в том числе и США. Стали в настоящее время Украина дает столько, сколько Франция и Италия, вместе взятые.

За годы Советской власти качественно изменилась структура украинской промышленности. Если в дореволюционное время преобладание тяжелой промышленности объяснялось главным образом развитием горнозаводской (производство металла) и горнорудной (добыча угля, руды и др.), то сейчас ведущее место в ней заняли различные отрасли машиностроения и металлообработки, в основном сосредоточенные в Харькове, Донбассе, Киеве, Львове, Запорожье, Николаеве, Кременчуге и других городах. За послевоенные годы на Украине создана мощная строительная индустрия. В районах Полесья, в Карпатах развиты лесная и деревообрабатывающая промышленности, а также бумажная и мебельная.

На новой технической основе началось развитие легкой промышленности, представленной отраслями: кожевенно-обувной, швейной, хлопчатобумажной, шерстяной, трикотажной. В пищевой промышленности Украины ведущую роль по-прежнему играет сахарная промышленность. По производству сахара Украина занимает первое место в мире. Развиты также такие отрасли пищевой промышленности, как мукомольная, консервная, табачная, винокуренная и др.

Промышленность Украины формировалась и развивалась в тесной органической связи с хозяйством других районов и республик Советского Союза. Отправляя значительную часть своей промышленной продукции за пределы республики (изделия машиностроения, металлообработки, уголь, руда, продукты легкой и пищевой промышленности и др.), Украина в свою очередь получает большое количество изделий из других районов и республик СССР (машины, лес, сырье для химической, алюминиевой, цинковой, текстильной промышленности, черной металлургии, нефть; продукты питания — рыба, рис, чай, цитрусовые и др.).

УССР поддерживает широкие экономические связи со многими странами мира и оказывает техническую помощь социалистическим и слаборазвитым странам. Экспорт республики растет из года в год и составляет теперь 23% общесоюзного. На предприятиях Украины проходят обучение студенты и рабочие из многих стран. Это способствует не только обмену производственным опытом, но играет большую роль в культурно-бытовом единении трудящихся. Украина принимает участие во многих меж-

Днепровская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина (1957 г.)

дународных выставках и ярмарках, на которых промышленная продукция республики пользуется заслуженной славой.

В соответствии с принятым XXI съездом КПСС семилетним планом, являющимся важнейшей частью общей программы построения коммунизма в нашей стране, за семилетие (1959—1965) промышленная продукция УССР значительно возрастет. За первые четыре года семилетки в республике введены в действие более 600 крупных промышленных предприятий, в том числе крупнейшие горнообогатительные комбинаты, доменные и мартеновские печи, прокатные станы, Днепровский шинный завод, Черкасский и Черниговский заводы искусственного и синтетического волокна, новые угольные и железорудные шахты и обогатительные фабрики и т. д.

Трудящиеся Украины к началу 1964 г. добились значительной трудовой победы—опережения на два года уровня, предусмотренного контрольными цифрами семилетки, по производству стали, проката, природного газа, серы, больших электромашин и др.

В настоящее время с помощью угольных комбайнов в республике добывается около 60% угля. В 1958 г. построен ряд мощных нефтеперерабатывающих заводов; получают дальнейшее развитие газовая и химическая промышленности.

Большие задачи перед химической промышленностью поставил декабрьский Пленум ЦК КПСС и декабрьский Пленум ЦК КПУ 1963 г. Развитие химической промышленности позволит в ближайшее время резко увеличить производство химических продуктов, прежде всего минеральных удобрений и товаров народного потребления.

Коммунистическая партия настойчиво работает над дальнейшим увеличением производства предметов народного потребления, необходимых для всестороннего удовлетворения потребностей советских людей.

Успехи в развитии промышленности и всего народного хозяйства невозможны без опережающего развития электрификации — стержня экономики коммунистического общества. Расширяются Луганская,

Приднепровская и на западе республики Добротворская электростанции. На Днепре построена Каховская гидроэлектростанция, а в 1960 г. на два года раньше срока вступила в действие Кременчугская ГЭС. Заканчивается строительство Киевской и Днепродзержинской ГЭС. Таким образом, на Днепре создан мощный каскад электростанций. За семилетку все электростанции республики будут объединены в единую энергосистему как составную часть единой энергетической системы Советского Союза.

Уже в 1961 г. Советская Украина выпускала промышленной продукции столько, сколько ее давал весь Советский Союз в довоенном 1940 г.

В 1962 г. удельный вес УССР в общесоюзном производстве отдельных видов промышленной продукции составлял: чугуна — 51%, стали — 40%, проката — 41%, железной руды — 55%, кокса — 53%, газа — 34%, электроэнергии — 35%, тепловозов магистральных — 90%. Среди ведущих отраслей промышленности республики наиболее высокими темпами растет машиностроение и металлообработка, производство электроэнергии.

За четыре года семилетки создано и введено около 3000 новых типов машин, механизмов и промышленных материалов; введено в действие более 3700 автоматических, полуавтоматических и механизированных потоковых и конвейерных линий. Изготовленные на Украине приборы высокой точности, радиоаппаратура, счетно-вычислительные машины находят свое применение в народном хозяйстве всего Союза. В подготовку полетов наших славных космонавтов вложен труд ученых, инженеров, рабочих Украины.

В 1961 г. темпы роста промышленного производства в УССР были выше по сравнению с США в 6 раз. Украина опередила США также по ежегодному приросту в производстве чугуна, стали, железной руды, шерстяных тканей, сахарного песка.

Темпы роста национального дохода в УССР значительно выше, чем в капиталистических странах. Добиться такого высокого экономического развития республика смогла благодаря помощи всех народов нашей страны, и особенно русского народа, что свидетельствует о торжестве ленинской национальной политики. Например, в сооружении Кременчугской ГЭС принимали участие представители 41 национальности, а оборудование для нее поставили 220 предприятий из двенадцати союзных и автономных республик.

В процессе индустриализации произошли значительные изменения в географическом размещении промышленности на территории республики. Возник ряд новых промышленных центров, что привело к повсеместному распространению промышленного производства.

По существу были созданы заново новые отрасли промышленности: химическая, текстильная, производство цветных металлов и электроэнергии, газовая промышленность, производство различной аппаратуры.

Большое развитие получили технически переоборудованные, а также возникшие в новых местах традиционные отрасли промышленности Украины — угольная, металлургическая, сахарная.

Новые промышленные центры размещаются также в западных районах Украины, где процесс индустриализации начался после воссоединения украинских земель в едином Украинском Советском Социалистическом государстве. До этого они были аграрно-сырьевой окраиной буржуазных государств. За послевоенные годы западноукраинские земли превратились в крупный индустриальный район республики, где ведущее место занимает машиностроение. Основные машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия сосредоточены во Львове (автобусный завод, крупнейший в СССР завод автопогрузочных машин, «Львовсельмаш»,

Шахта им. Ленина (Горловка, Донецкая обл., 1960 г.)

электроламповый, телевизионный заводы, телеграфно-телефонной аппаратуры и др.), а также в других городах (Черновицы, Ужгород, Коломыя, Луцк, Дрогобыч, Ивано-Франковск). Быстро развивается топливная промышленность в Львовско-Волынском угольном бассейне, нефтяная и нефтеперерабатывающая (Борислав, Долина, Львов, Дрогобыч), газовая и химическая, стройматериалов, мебельная и легкая, сахарная промышленность.

На северо-востоке республики, где до революции в промышленном отношении выделялся только Харьков, возник ряд новых промышленных центров (Полтава, Сумы, Кременчуг, Чернигов и др.) с отраслями промышленности: машиностроительной, химической, приборостроением, газовой, легкой и т. п.

Старые районы — Донбасс, Приднепровье и Приазовье — превратились в районы всесторонне развитой промышленности. Наряду с горной промышленностью в них развилось машиностроение, химия, легкая и пищевая промышленность. На юге выросло транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, легкая промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции (Одесса, Николаев, Херсон, Кировоград). Лесостепное Правобережье в прошлом было главным районом сахарной промышленности. В настоящее время там представлены машиностроение, химия, буроугольная промышленность, стройиндустрия, значительно возросла легкая промышленность (Киев, Винница, Житомир, Умань и др.).

В Крыму развивается железорудная промышленность, машиностроение, производство строительных материалов, пищевая промышленность.

Советская Украина стала высокоразвитой индустриально-аграрной республикой. По своему экономическому значению она занимает второе после РСФСР место среди союзных республик Советского Союза.

Рабочий класс Украины — составная и неотъемлемая часть рабочего класса СССР. В результате неуклонного развития социалистического производства численность рабочих и служащих в республике все более возрастает.

В первые годы Советской власти бóльшую часть прироста рабочих республики составляли крестьяне, служившие основным источником увеличения национальных кадров. Уже во второй пятилетке национальные кадры среди рабочих тяжелой промышленности составляли 62%. Быстро возрастала численность женщин в составе индустриальных рабочих, что свидетельствовало, в частности, о процессе ликвидации фактического неравенства женщин. По сравнению с 1913 г. число рабочих в промышленности в 1940 г. выросло в 2,1 раза, а в тяжелой промышленности — в 2,8 раза. В дальнейшем, с 1940 по 1962 г., число рабочих и служащих в народном хозяйстве республики возросло с 6202 тыс. человек до 11 692 тыс. Численность рабочих в 1962 г. в общей численности промышленно-производственного персонала составляла 84%.

Рост рабочего класса и повышение его культурно-технического уровня

В результате роста механизации и автоматизации производственных процессов, высокого развития техники и успехов культурной революции происходят также глубокие качественные изменения в составе рабочего класса.

За период с 1941 по 1962 г. в республике подготовлено училищами и школами профтехнического обучения 2 млн. 547 тыс. рабочих, а непосредственно на производстве через систему курсов и путем индивидуального бригадного обучения 4 млн. 404 тыс. чел., кроме того, повысили квалификацию за период с 1946 по 1962 г. 7 млн. 346 тыс. рабочих.

Рабочие Советской Украины были инициаторами таких форм технического обучения, как изотовское движение, общественно-технический инструктаж, стахановские школы (результат стахановского движения, зародившегося среди шахтеров Донбасса) и других, распространившихся на предприятиях всего Советского Союза. Не менее важное значение имеет повышение общей культуры рабочего класса, в частности, общеобразовательной подготовки. На промышленных предприятиях Украины большая часть трудящихся имеет законченное среднее и высшее образование. Среди рабочих горняков, например, она составляет 445 на 1000 человек, химиков — 561, металлургов — 592 человека.

Изменения качественного состава рабочих, улучшение его материально-бытовых условий расширило творческую инициативу рабочих, что нашло свое выражение в увеличении числа рационализаторских предложений на предприятиях, в росте массового изобретательства, в дальнейшем техническом прогрессе всех отраслей народного хозяйства. Только за 1961 г. на предприятиях Украины было внедрено в практику около 439,3 тыс. рационализаторских изобретений и предложений, давших экономию 301,8 млн. руб. в год.

Рабочий класс был и является инициатором социалистического соревнования. Один из знаменательных ростков коммунизма на современном этапе — движение за звание коллективов, бригад и ударников коммунистического труда. В республике имеются целые заводы, фабрики, шахты, завоевавшие это высокое звание.

Максимальное ускорение научно-технического прогресса в СССР, в том числе и в УССР, автоматизация и механизация производственных процессов привели к исчезновению связанных с тяжелым физическим трудом, профессий, таких, как саночники, грабари, катали, крючники, тортальщики. Появились новые профессии — станочники-автоматчики, автокарщики и другие; из года в год увеличивается число высококвалифицированных рабочих, что свидетельствует о бурном процессе развития и освоения техники, об изменениях условий труда. Бурное развитие рабочего класса республики, как и во всей нашей стране, привело к глубоким социальным последствиям, изменило не только экономический облик республики, но и состав ее населения. Рабочему классу принадлежит

также руководящая роль в ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней.

Революционное рабочее движение на Украине выдвинуло из своих рядов славную когорту борцов за дело рабочего класса. В борьбе за социалистическую революцию, строительство социализма и коммунизма на Украине выросли крупные деятели партии и Советского государства — Д. З. Мануильский, Г. И. Петровский, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, А. Г. Шлихтер, Н. А. Скрыпник, В. П. Затонский, Я. Б. Гамарник, Ю. М. Коцюбинский, Ф. А. Артем, и др., талантливые полководцы гражданской войны — В. А. Антонов-Овсеенко, В. М. Примаков, И. Э. Якир, Н. Г. Кропивянский, Н. А. Щорс, А. Я. Пархоменко, В. И. Боженко и др. Рабочий класс дал стране прекрасные кадры государственных деятелей нового типа, хозяйственников, организаторов масс.

В среде рабочего класса Советской Украины выросли тысячи новых передовиков, которые наследуют традиции известных новаторов производства — шахтеров Н. Я. Мамая и А. А. Кольчика, сталевара П. С. Махоты, токарей К. С. Кислякова и В. И. Гургаля, экскаваторщика И. О. Галенко, строителя П. О. Степанчука, горняка А. А. Ростального и многих других. Рабочий класс Советской Украины идет в первых рядах строителей коммунизма.

Авангардом рабочего класса Украины является Коммунистическая партия Украины, неотъемлемая часть Коммунистической партии Советского Союза, всего советского народа.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

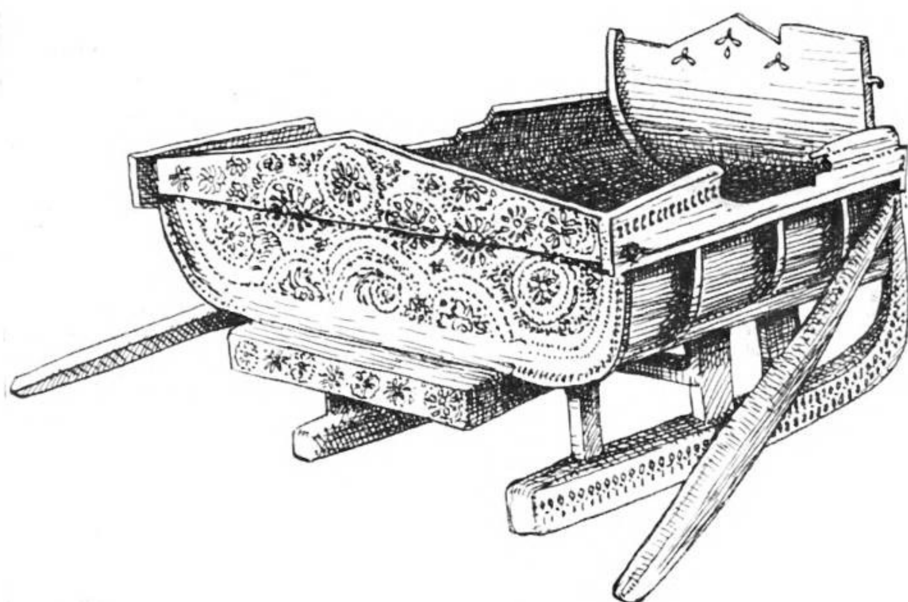
СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ПРОШЛОМ

Сухопутный транспорт и пути сообщения

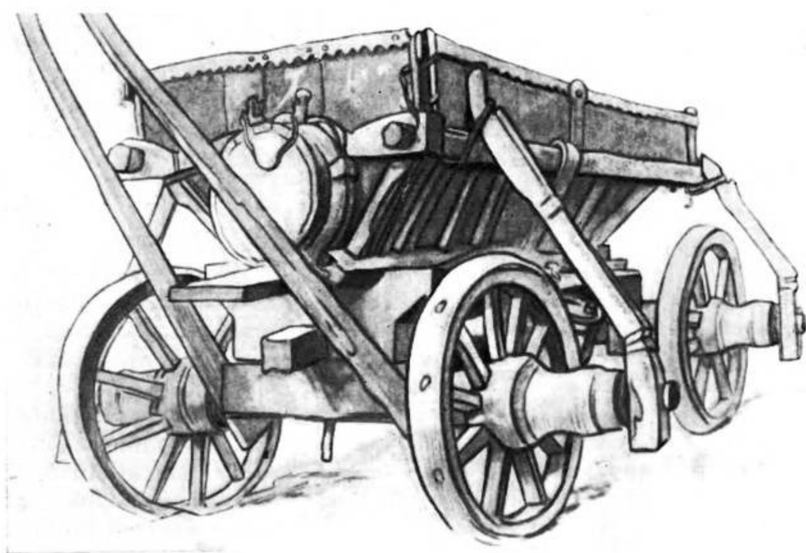
Почти до XIX в. сухопутные дороги на Украине проходили по водоразделам больших рек: Днепра, Днестра, Буга, Дона. В XVI—XVIII вв. среди густой сети таких дорог — *шляхів* — наиболее значительными были — Муравський, Ромодан, Черний, Шпаків и др. Многие из них к концу XIX в. были забыты или изменили свои направления. Народ называл их *широкі*, *биті*, *довгі*, *безкраї*. В ходе развития экономических, политических и культурных связей в XVII в. возникла постоянная почтовая связь между Украиной и Русским государством.

Мощеных дорог до Октябрьской революции почти не было. В преобладающем большинстве украинские шляхи были грунтовыми, весной и осенью превращавшимися в непроходимую грязь. Многие села Полесья большую часть года из-за бездорожья не имели связи с центрами, а в некоторых районах Карпат совсем отсутствовали дороги, за исключением местных тропинок — *стежек* (*плаїчка*).

Сухопутными средствами передвижения в прошлом у украинцев были сани и воз. На Украине в конце XIX — начале XX в. волокуши сохранились в Карпатах (*влаки*) и на Покутье (*копаниці*). В зависимости от целевого назначения существовали сани различных форм и размеров, которые назывались по-разному. Простейшим типом хозяйственных саней были сани — *рожні ріжнаті*, *гринджоли*, состоявшие из двух естественно загнутых полозьев, связанных между собой двумя деревянными брусьями (*оплінів*) и насаженных на вертикально вдолбленные в полозья *копили*. Богатые крестьяне имели выездные сани легкого типа (сани-*козирки*, сани-*глабці* и др.) со спинкой и загнутым передком, часто сложно орнаментированные. Вариантом их были сани с загнутым передком, но без спинки (сани-*розвальні*), представлявшие собой переходную форму от больших



Сани *глабці* (Полтавская обл., начало XX в.)



Чумацкий воз (*мажа*) (с акварели Н. С. Самокиша, 1930 г.)

хозяйственных саней к легким саням бытового назначения. Для транспортировки леса употреблялись сани четырехполозные, состоящие из двух полусаней.

Из колесных средств передвижения наиболее распространенным был четырехколесный воз, известный на территории Украины с V в. до н. э. Название его сохранилось со времен Киевской Руси. Первоначально у возов были вращающиеся оси.

Первые возы имели сплошные, выпиленные из колоды колеса (как это наблюдалось у скифских возов). Такие колеса сохранялись в Карпатах до начала XX в. у небольших возов, с помощью которых вывозили с гор сено. Не позднее XIV в. появились колеса, сделанные из отдельных частей (*маточини*, *обода*, *спиці*).

Наибольшее распространение на Украине имел воз, у которого передняя и задняя колесные части соединялись деревянным брусом — *підтокою*. Последняя прикреплялась наглухо к задней оси и соединялась с передней при помощи *шворня*. Бытовал также воз — *розворовий*, у которого передняя и задняя части могли раздвигаться на нужное расстояние, например, для перевозки длинных бревен. Устройство воза и название его частей по всей территории Украины были одинаковы, но формы его весьма разнообразны в зависимости от хозяйственного назначения и местных географических условий·

В Полтавской, Харьковской и Киевской губерниях наиболее типичным был воз средних размеров, по форме напоминающий не особенно глубокий и неширокий ящик. В районах, граничащих с Россией, возы по типу напоминали русские; в лесистой местности (Полесье), где не было широких дорог, возы употреблялись длинные и очень узкие. В степной Украине возы были больших размеров и служили для перевозки снопов, соломы и сена (*гарба*, *мажара*, *бричка*, *ходи*). Для транспортировки земли и угля употреблялся воз — *грабарка*. Ящики и бочки перевозились на возах — *биндюгах*, употреблявшихся преимущественно в городах; зерно перевозилось в *безтарках*. Характерным для Украины являлся чумацкий воз — *мажа*. По своей конструкции он не отличался от обыкновенного воза, но его назначение — транспортировка грузов на далекое расстояние — требовало большей величины и прочности, тщательной отделки глубокого ящика. До начала XX в. на Украине сохранялся воз простейшей формы — *біда* (*бідка*, *бідарка*, *палубці*), т. е. одноосевый двухколесный воз.

Возы были конские и воловьи. Воловий воз отличался бóльшими размерами и вместо оглобель, употреблявшихся в конском возе, имел *війя* (*дишель*), развиленное в своем заднем конце и соответственно прикрепленное к передней оси.

На Правобережной Украине конские возы были преимущественно с дышлами, которые отличались от війя воловьего воза тем, что не имели развилин и иначе крепились.

На Левобережной Украине возы употреблялись, как правило, с оглоблями; тип упряжки конского воза был хомутно-оглобельно-дужный, встречавшийся и на Правобережной Украине (Волынь, Покутье). Этот тип упряжки распространился под влиянием русских. На Правобережной Украине преобладал тип конской упряжки постромочно-шлеечный.

Возы с оглоблями запрягали преимущественно одной лошадью, а возы с дышлом—парою лошадей в шлеях. Упряжка лошадей тройкой, цугом (*встяж*) на Украине была распространена только среди помещиков. Воловьей упряжью по всей территории Украины была *яремно-війова*. Особый тип упряжки составляла упряжь из одного вола (*бовкуном*).

Для быстрой езды наиболее зажиточная часть населения Украины пользовалась средствами передвижения легкого типа: бричками,

Воловья упряжь (Полтавская губ., 1912 г.)

линейками, тачанками, которые снабжались рессорами. Тачанка, впервые появившаяся на юге Украины, впоследствии распространилась по всей степной части России и широко применялась в период гражданской войны (пулеметная тачанка).

Известен был на Украине и вьючный транспорт, сохранившийся в Карпатах до начала XX в.

Основная водная система Украины — Днепровская — имела особенно большое значение в истории восточного славянства. По Днепру проходил великий путь «из варяг в греки», соединявший Балтийское и Черное моря. По этому торговому пути размещались древнерусские города. Меньшими водными системами на Украине являются Днестровская и Бугская; Северный Донец связывает Украину с Доном. Почти все реки Украины текут на юг и естественным образом связывают ее с Черным и Азовским морями.

Водный транспорт

С глубокой древности на территории современной Украины существовали самобытные, совершенной конструкции челны (*човни*). Запорожцы на своих челнах (*чайка, байдак*) плавали по рекам и переплывали даже Черное море, наводя страх на турецких султанов. К бортам чайки прикреплялись камышовые «подушки», предохранявшие судно от потопления во время шторма и военных действий. Запорожские чайки были аналогичны челнам донских казаков. Челны бывали выдолбленными из сплошных круглых бревен разных размеров или плоскодонными, корпус которых состоял из отдельных частей. По данным источников XVI в., на Украине употреблялись суда самых разнообразных типов, долбленые или плоскодонные (*дубаси*, *шкути*, *ком'яги*, *півкомяжки*, *струги*; позже — *байдаки*, *липи*, *дуби*, *шаланди*, *обшиванки*, *литвини*, *берлини*, *гиляри*, *барки*, *баркаси*, *люзи*, *гончаки*, *будари*, *трембаки*, *галери* и др.). Некоторые из них (например, гончаки) могли поднимать груз в несколько десятков тысяч пудов.

На украинских реках часто встречались пороги, перекаты, мели. Особенно известными были Днепровские пороги. Со времен Древней

«Чайка» запорожцев (макет)

Руси челны и грузы через пороги перетягивали волоком. С XVIII в. и до постройки Днепрогэса (1932 г.) переправой грузов занимались специальные люди — лоцманы, отличавшиеся смелостью и мужеством, хорошо знакомые со страшными порогами.

В XIX в. на Украине появляется пароходство. Первый пароход был построен в 1823—1825 гг. в с. Мошны возле Киева. Одновременно с речным пароходством развивалось морское пароходство, особенно на Черном море, способствовавшее более интенсивным и широким связям Украины с Ближним Востоком, странами Средиземноморья. Уже в XVIII в. строились порты Черного и Азовского морей: Одесса, Николаев, Херсон, Мариуполь, Бердянск и другие, сыгравшие большую роль в развитии торговых связей с соседними народами.

Появление и развитие железнодорожного транспорта. Его влияние на культуру и быт народа

Строительство железных дорог было вызвано потребностями экономического развития страны, ростом внутреннего и внешнего рынков. Оно началось на Украине со второй половины XIX в. и сыграло большую роль в развитии капиталистического хозяйства России. В 1865 г. была построена первая на Украине Одесско-Балтская железная дорога, продленная в 1869 г. до Кременчуга; в 1870—1871 гг. железная дорога Киев — Одесса, продленная позже через Курск до Москвы; в 1873 г. —Полтава—Киев — Брест — Граево; в 1874—1875 гг.— Знамянка — Николаев, а также Ромны — Либава. Большое экономическое значение имела дорога Курск — Харьков — Ростов (через Донбасс). Тогда же началось строительство железных дорог в Донбассе, Приднепровье и Криворожье, содействовавшее развитию промышленности юга России. В некоторых случаях направление железных дорог совпадало с направлением старых исторически сложившихся шляхов. Например, Муравский шлях использовался при строительстве железной дороги Курск — Харьков — Симферополь, Бакаев шлях — Киево-Воронежской железной дороги и т. п.

Строительство железных дорог изменяло географию страны, способствовало передвижению населения из одного района в другой, изменяло

его сложившееся традиционное размещение. Вблизи железных дорог возникали новые поселки, строились промышленные предприятия. Благодаря железным дорогам одни районы (Донбасс, Поднепровье, Криворожье) бурно развивались, а старые торгово-ремесленные местечки, не связанные железными дорогами и процветавшие при феодализме (Умань, Лохвица и др.), в период капитализма приходили в упадок.

Благодаря развитию железнодорожного транспорта в быт народа, особенно жителей села, быстрее входили изделия фабричной промышленности. Развитие железнодорожного транспорта уничтожило *чумачество*[1] с его характерными бытовыми традициями, подорвало значение ярмарок, способствовало окончательному созданию одного из важнейших признаков украинской буржуазной нации — ее устойчивой экономической общности. Несмотря на относительно быстрое развитие железнодорожного транспорта Украины, как и всей России, этот вид транспорта не обеспечивал все потребности хозяйства. Многие районы Украины не связывались железными дорогами (Полесье); их хозяйство и быт были отсталыми по сравнению с другими районами.

С конца XIX в. механизированные средства передвижения стали появляться в украинских городах. В 1890 г. в Киеве был проложен конный трамвай — конка, а в 1892 г. появился первый в России электротрамвай, связавший Подол с Крещатиком. В дореволюционное время трамваи также появились в Харькове, Николаеве, Одессе и других городах.

СОВРЕМЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

Уже в первые годы Советской власти транспорт, национализированный в своих основных отраслях, начал преобразовываться соответственно потребностям социалистического строительства. За годы Советской власти была осуществлена коренная реконструкция железнодорожного транспорта Украины, выразившаяся в строительстве новых железнодорожных путей, в создании мощных паровозов, тепловозов, электровозов, грузовых и цельнометаллических пассажирских вагонов и т. д., что позволило намного увеличить объем перевозок. По плотности железнодорожной сети Украина занимает одно из первых мест в Советском Союзе. За годы довоенных пятилеток были расширены и реконструированы железнодорожные узлы, например, в Донбассе, Днепропетровске, Харькове, Киеве. Построены железные дороги Харьков — Днепропетровск — Херсон, Чернигов — Овруч, Житомир — Коростень. Реконструирована одна из важнейших магистралей Москва — Донбасс (1930—1934 гг.) и др. В послевоенные годы построена железная дорога Федоровка—Каховка, разгрузившая напряженную магистраль Донбасс — Днепропетровск. Началось серийное производство тепловозов Харьковским и Луганским машиностроительными заводами. Наиболее грузонапряженные дороги переведены на электротягу (Донбасс, Поднепровский промышленный узел, а также горный участок Львовской железной дороги, пригородные сообщения Киева, Харькова, Днепропетровска и др.).

Крупнейший промышленный центр Украины — Донбасс — в северном направлении связывается тремя мощными магистралями через Курск, Елец и Воронеж с центром Европейской части СССР. В южном направлении стальные магистрали соединяют Донбасс с портами Черного и Азовского морей и через Ростов с Кавказом, в северо-западном направлении — с Киевом и Полесьем. Железные дороги Правобережья связывают Украину с Белоруссией, Прибалтикой и северо-западными районами РСФСР. Через правобережные и западные районы Украины проходят

---

[1] Чумачество издавна было распространено на Украине и сыграло большую роль в ее экономике. Чумаки занимались перевозкой и торговлей разными товарами, прежде всего солью и соленой рыбой.

На Луганском тепловозостроительном заводе (1961 г.)

важнейшие железнодорожные магистрали Москва — Чоп, Москва — Унгены, соединяющие столицу СССР со странами социализма и капиталистическими государствами. На 1962 г. железнодорожная сеть Украины составляла более 21 тыс. км. В 1962 г. грузооборот железных дорог Украины составил 260,4 млрд. тоннокилометров и возрос, по сравнению с 1953 г., более чем в 2 раза. Объем пассажирских перевозок в 1962 г. вырос по сравнению с 1913 г. более чем в 10 раз.

Во многих городах республики создана широкая сеть троллейбусного и трамвайного сообщения. В 1962 г. трамвайное сообщение существовало в 30, а троллейбусное в 17 городах республики. В 1959 г. была введена в действие междугородняя троллейбусная линия Симферополь — Алушта, а в 1961 г. она была продолжена до Ялты. В столице УССР, Киеве, в 1960 г. стала функционировать первая, а в 1963 г. вторая очередь метрополитена.

За годы Советской власти далеко вперед шагнул морской и речной транспорт УССР. Крупные реки — Днепр, Днестр, Южный Буг, Северный Донец, Дунай — служат для транспортировки леса, нефти, угля, хлеба и т. д. Огромное значение для республики и всей Европейской части СССР имеет самая крупная река Украины — Днепр. Она связывает в единое целое важные природные и хозяйственные зоны Украины, дает выход к морю, а в северном направлении связывает Украину с Белоруссией и Европейской частью РСФСР.

В довоенное время постройка Днепровской ГЭС позволила открыть сквозное судоходство по Днепру. Перестроенный старинный Днепровско-Бугский канал в Белоруссии явился важным звеном единой сети речных путей Европейской части СССР. Благодаря гидротехническому строительству — постройке каналов, соединяющих между собой речные пути, сооружению плотин гидроэлектростанций — улучшились условия судоходства. На Украине построен ряд механизированных речных портов (в Киеве, Днепропетровске и др.) До революции речной флот принадлежал отдельным лицам и монополиям и был крайне разнотипным. За годы Советской власти на Украине создана высокоразвитая судостроительная

Подземный вестибюль станции «Университет» киевского метрополитена

Станция киевского метрополитена «Университет»

Пассажирский теплоход на подводных крыльях «Ракета» на Днепре (1960 г.)

промышленность, выпускающая современные типы речных, морских и океанских судов, среди них такие, как китобойная база «Советская Украина» вместительностью 45 тыс.т брутто и др. Большое развитие получил пассажирский речной транспорт. Построены комфортабельные трех- и двухпалубные теплоходы дальнего сообщения, красивые речные трамваи местного значения. Курсируют скоростные суда — теплоходы на подводных крыльях. Кроме того, существует много судов — домов отдыха, принадлежащих отдельным предприятиям, на которых рабочие совершают прогулки, проводят свой отдых. К услугам трудящихся — всевозможные типы моторных лодок, катеров, глиссеров и т. д. Широко развит водный спорт (парусный, весельный).

УССР является одной из крупных морских стран. На ее черноморские и азовские порты — Одессу, Николаев, Херсон, Жданов, Керчь, Бердянск и др.— приходится большая часть морских перевозок СССР, как экспортно-импортных, так и внутрисоюзных.

Автомобильный транспорт в нашей стране целиком создан за годы Советской власти.

В дореволюционную Россию автомобили ввозились из-за границы; в 1913 г. в России их насчитывалось всего лишь 8 тыс. Массовое производство автомобилей в СССР началось еще в годы довоенных пятилеток. В настоящее время автомобильная промышленность выпускает самые различные марки грузовых, легковых автомобилей и автобусов. На Украине (в Запорожье) создан завод малолитражных легковых автомобилей и грузовых в Кременчуге. Комфортабельные автобусы выпускает Львовский завод, самосвалы и автоприцепы — Одесский завод.

Дореволюционная Украина, как и Россия, была страной с отсталыми средствами передвижения, страной «классического» бездорожья. Если до революции на Украине было 4,6 тыс. км дорог с твердым покрытием, то

Вид порта завода «Азовсталь» (1957 г.)

к 1962 г. в республике имелось 54,8 тыс. км асфальтированных и мощеных дорог. Проведены главные асфальтированные автомобильные магистрали, пересекающие Украину с востока на запад и с севера на юг: Москва — Харьков — Симферополь, Киев — Харьков — Ростов и далее через Минводы к Орджоникидзе, Киев — Минск, Ленинград — Киев, Днепропетровск — Донецк, Киев — Сумы, Киев — Одесса и др. В 1958 г. методом народной стройки были построены автомобильные дороги Полтава — Кременчуг и Черкассы — Умань. Кроме того, создано много дорог с твердым покрытием местного значения, вливающихся в центральные магистрали. Столица Советской Украины, город Киев, связан автодорогами со всеми областными центрами республики, а областные центры — со всеми районами. Автодороги на Украине, как правило, озеленены — по их краям посажены различные породы кустарников и деревьев, в том числе фруктовых. Автомобильный транспорт играет важную роль в народном хозяйстве, осуществляя перевозки всевозможных грузов и пассажиров как во всесоюзном масштабе, так и внутриреспубликанском. Благодаря ему стала возможной массовая доставка разнообразных грузов и пассажиров в самые отдаленные уголки республики. Так, в 1962 г. автомобильным транспортом общего пользования перевезено на Украине пассажиров почти в 6 раз больше, чем по железным дорогам. В 1953 г. в 119 городах и поселках городского типа республики осуществлялись регулярные перевозки пассажиров автобусным транспортом; в 1962 г. число таких городов и поселков возросло до 235. Соответственно расширилось использование грузовых (в 63 и 305 городах) и легковых (в 94 и 215 городах) таксомоторов. Повсеместно вошли в быт трудящихся Советской Украины велосипеды, мотоциклы и мотороллеры, многие имеют автомобили; для трудящихся создаются станции проката автомобилей.

За годы Советской власти в республике созданы авиационная промышленность и самолетостроение. Первый пассажирский самолет, пущенный

«АН-10А» на аэродроме (1961 г.)

в серийное производство, был создан в 1926 г. конструктором К. О. Калининым. Так, в небольшой ремонтной мастерской было положено начало украинской авиационной промышленности. Советская авиация завоевала славу наиболее передовой в мире. Достойный вклад в ее развитие вносят украинские конструкторы.

Гражданская авиация обслуживает нужды народного хозяйства и населения, с каждым годом повышая свой удельный вес в пассажирских, грузовых и других перевозках.

По сравнению с 1940 г. перевозки пассажиров самолетами возросли в 1962 г. почти в 100 раз. Непрерывно увеличивается обслуживание самолетами нужд сельского хозяйства, здравоохранения и т. д. На Украине существует более 26 санитарных авиастанций.

Непрерывно возрастает в республике сеть авиалиний. Украина соединена воздушными трассами со всеми столицами союзных республик и крупными городами. В 1961 г. открыто прямое воздушное сообщение Одесса — Владивосток. Кроме линий союзного и республиканского значения, организована широкая сеть внутриобластных авиалиний для перевозки пассажиров, почты и т. д. Половина районов республики также связана с крупными центрами авиатранспортными линиями. Большинство воздушных трасс Украины обслуживается современными скоростными лайнерами.

Традиционный конный и воловий транспорт, игравший еще в первые годы Советской власти значительную роль в народном хозяйстве и быту народа, постепенно сокращается. Сейчас лошади в городе как вид транспорта — редчайшее явление, в колхозном производстве они играют подсобную роль и, кроме того, используются для конного спорта.

Все виды транспорта Украины, как и каждой советской республики, обеспечивают работу единой транспортной системы СССР.

Высокое развитие всех видов транспорта оказывает серьезное влияние на культуру и быт украинского народа, способствует ликвидации былой

41 Заказ № 888

разобщенности между городом и деревней, дальнейшему стиранию существенных различий между ними.

Развитие транспорта способствует передвижению населения, содействует расширению взаимосвязей населения республики с другими народами Советского Союза, сближению социалистических наций и интенсивному обмену материальными и духовными богатствами, способствует быстрейшему внедрению в быт села лучших достижений городской культуры. Высокоразвитый транспорт содействовал ликвидации оставшейся в наследство от дореволюционного времени культурно-бытовой отсталости отдельных районов республики (Полесье, Карпаты), изживанию их замкнутости. Городской коммунальный и пригородный транспорт, доставляя трудящихся к месту работы, значительно сокращает время на передвижение, сохраняет силу и здоровье трудящихся. Это тем более очевидно, если учесть, что, например, многие шахтеры Донбасса в дореволюционное время ходили к месту работы пешком за 10—15 км.

Обеспечивая экономические, политические, трудовые и культурно-бытовые связи, высокоразвитый транспорт всех видов играет видную роль в деле быстрейшего строительства коммунизма в нашей стране.

ПОСЕЛЕНИЯ, ТИПЫ ЗАСТРОЕК И ЖИЛИЩЕ

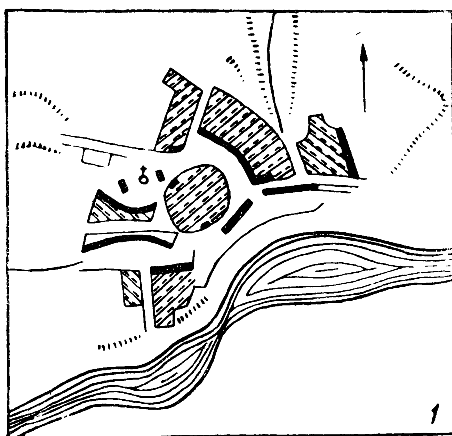
ТРАДИЦИОННЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ЗАСТРОЙКИ И ЖИЛИЩЕ

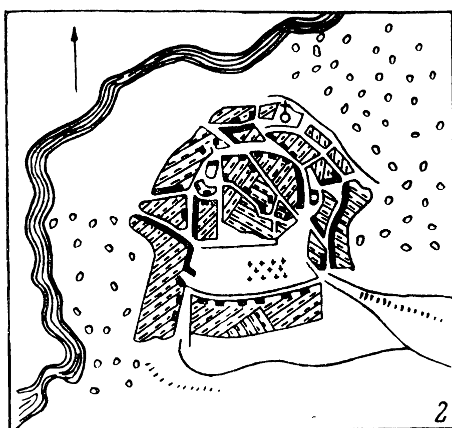
Типы поселений и особенности застроек

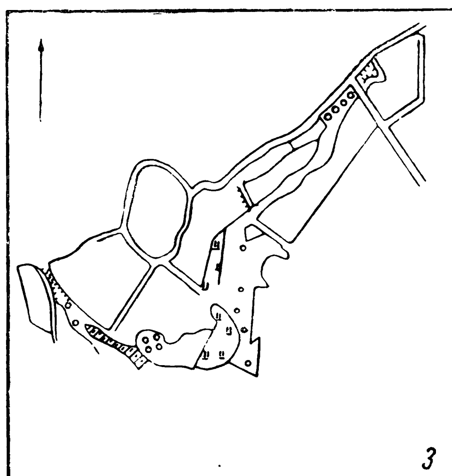
Некоторые формы, свойственные старым поселениям Украины, уже встречались в Киевской Руси, например рядовые (один ряд застроек, размещенный в долине возле реки, а позже и вдоль дороги с фасадами домов, повернутыми к реке или улице), а также бессистемные. С течением времени, по мере усовершенствования орудий земледельческого труда и в связи с этим с исчезновением коллективных трудовых процессов сельские поселения постепенно распадались на заимки (3—7 дворов). К XV в. такие поселения под названиями *дворище*, *кутор* (хутор) и др. были преобладающими. Селами еще со времен Киевской Руси назывались возникшие в процессе отчуждения крестьянской земли феодалами поселки с господской усадьбой. С XV—XVI вв. на Украине под названием села выступает подавляющее большинство многодворных сельских населенных пунктов. Малодворные поселения, условия возникновения которых в это время были разнообразны, обычно назывались хуторами. На основе дворищ в XV—XVI вв. начали возникать многодворные компактные села.

По планировке поселений на Украине исторически сложилось несколько зон. В первую зону входила низинная Галиция и Полесье, во вторую — горные районы, в третью — предстепье, в четвертую — степная Украина. Во всех зонах поселения, возникшие в феодальную эпоху в процессе народной колонизации, размещались в долинах рек, в оврагах, около озер. Природные условия в определенной степени влияли на тип планировки поселения.

В первой зоне преобладали поселения уличные (одна или несколько параллельных улиц, часто пересекаемых боковыми). С увеличением населения вновь возникавшие дворы размещались в глубине усадьбы, куда вели от улиц проезды. Застроенные проезды, отходившие от главных улиц, придавали плану села вид гребня, что было особенно характерно для районов этой зоны, находившихся западнее линии Снятин — Тернополь — Горохов. Уличные поселения возникали в XV—XVI вв. в связи







Планы сел с двухсторонней уличной застройкой:

1 — закрытый вариант кругового села, которое преобразуется в вариант улично-кольцевой, *2* — открыто-закрытый вариант кругового села, развивающегося в радиальной форме, *3* — бессистемно-уличная планировка

с усилением закрепощения крестьян и захватом их земель помещиками; феодалы переводили разбросанные до того дворища и отдельные дворы (*дими*) на ограниченные площади земли, которые затем четко делились на мелкие участки (*ниви*). В первой зоне частично сохранялись также кучевые поселения (на территориях Житомирской, Черниговской и других губерний). В кучевых поселениях, через которые проходила дорога, что было частым явлением, с увеличением численности дворов от центральных улиц к глубинным застройкам устраивались подъезды — переулки. В результате кучевое поселение по плану также приобретало вид гребня. Такие поселения возникали главным образом в XIX — начале XX в.

В горных районах Карпат преобладали разбросанные поселения. В предстепье (юго-восточная часть Подолии, южные районы Киевской, Полтавской губерний, а также западная часть Слободской Украины) в силу сложившихся исторических условий долгое время преобладали поселения кучевые. Со второй половины XVIII в. такие поселения обычно приобретали кучево-уличный вид. В этой зоне распространены были и круговые поселения, возникновение которых объяснялось требованиями обороны от набегов крымских татар. В ходе дальнейшей застройки в таких поселениях появлялись отдельные части, имевшие уличную планировку или бессистемные.

Церковь в местечке Зиньков (XVIII в.)

В степной зоне большинство селений возникло вследствие правительственной и помещичьей колонизации (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Они строились по проектам и имели квартальную и гнездовую планировку, с четко спланированными улицами и частыми разрывами — проездами. По проектам в разное время планировались поселения и в других зонах (в связи с земельной реформой в Литовском государстве в XVI в., с военными поселениями в XVIII и начале XIX в.).

Кроме того, во всех зонах существовали и поселения с улично-радиальной планировкой. Они возникали в тех случаях, когда в поселениях имелся торгово-ремесленный центр, а также на основе круговых поселений.

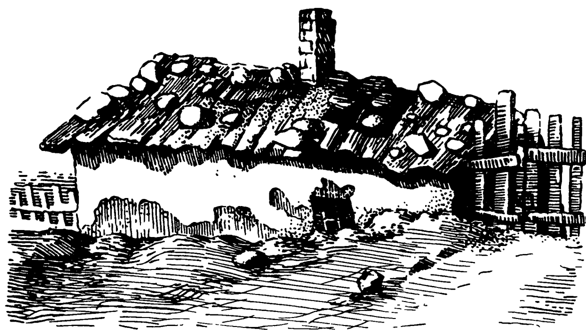
В эпоху капитализма поселения на Украине развивались в основном в формах, сложившихся в эпоху феодализма. На образование форм поселений влиял и рельеф местности. Наблюдаются случаи, когда улица в одной части застраивалась только с одной стороны, потому что эта часть располагалась в узкой долине возле реки. Иногда бессистемность поселения объясняется его расположением в ярах и т. п. Однако в целом формы поселений определялись историческими факторами.

Таким образом, на Украине до Октябрьской революции существовали поселения кучевые, уличные, кучево-уличные, круговые, кругово-уличные, кругово-кучевые, кругово-улично-кучевые, радиальные, бессистемно-радиальные и т. п.

В XIX — начале XX в. на Украине бытовало несколько типов двора. Один из них представлял собой замкнутое каре хозяйственных построек и жилья, объединенных общей крышей. У менее зажиточного населения дворы были меньшие по размерам, и постройки образовывали фигуру, похожую на букву «Г» (двор «глаголем»), или размещались в одну линию.

У лемков и бойков широко был распространен двор, в котором все постройки размещались в одну линию. Во второй половине XIX — начале XX в. замкнутый и глаголеобразный дворы были характерными

в районах, где преобладало скотоводческое направление в хозяйстве (Карпаты, Полесье). В районах зернового хозяйства (главным образом степная Украина, частично лесостепь) характерным стал двор незамкнутый. Источники XVIII — середины XIX в. позволяют утверждать, что незамкнутый двор был распространен и на Полесье. Можно предположить, что замкнутый двор появился, по крайней мере на Полесье, во второй половине XIX в.



Внешний вид полуземлянки в Донбассе (конец XIX в.)

В скотоводческо-зерновых районах, в основном в лесостепи, наблюдался переходный тип двора; в таких дворах отдельные группы построек объединялись одним перекрытием (хата и конюшня, хлевы и пр.). *Клуня* всегда ставилась отдельно. В некоторых дворах группы построек, каждая из которых имела общую крышу, бывали разбросаны, в других случаях они размещались двумя параллельными рядами (тип русской двухрядной связи), в третьих — хата отделялась от объединенных крышей хозяйственных построек (*двір з підварком*).

Характерной особенностью украинского двора являлось то, что хата в нем никогда не выходила непосредственно на улицу, а находилась от нее на довольно значительном расстоянии.

Народное жилище

Украинское народное жилище XIX—XX вв. было результатом длительного развития народного домостроительства. Срубное жилище, состоящее из хаты, сеней и коморы, с потолком и двухскатной крышей, было известно уже в эпоху Киевской Руси; оно принадлежало, как правило, зажиточным слоям населения. Трехкамерное жилище типа хата+сени+комора стало господствующим примерно в первой половине XVIII в. Встречалось и двухкамерное жилище типа хата + сени; однокамерное жилище встречалось редко. Об этом свидетельствует «Генеральное описание Малороссии 1765—1769 гг». Значительная часть жилищ на Левобережье строилась из лозы, что объясняется захватом крестьянских лесов помещиками. Хаты в XVIII в. имели двухскатную крышу. Такая форма крыши сохранялась на Полесье и в степной части как древняя традиция еще в конце XIX в.

Вплоть до XVIII в. феодальные дворцы-хоромы в основе своей представляли трехчленное народное жилище (хата + сени + комора), с подклетями, башнями над сенями (*терем*) и клетью (*повалуша*). Начиная со второй половины XVIII в. крупные феодалы строили дворцы и дома по планам архитекторов. Однако и в этих сооружениях, а также в городских домах прослеживались влияния местных народных мастеров.

На основе народного жилищного строительства развивалось на Украине и церковное строительство.

В Древнерусском государстве имелся и другой тип жилища. В южных областях бедное городское и сельское население жило в полуземлянках, в которых над четырехугольной ямой глубиной в 1—1,5 м возводились обычно каркасные стены, заплетенные лозой и обмазанные глиной; крыша у них была остроконечная. Отапливались полуземлянки главным образом глинобитными печами разных форм, в частности, типа каменки. Временные жилища XIX — начала XX в. были аналогичны таким полуземлянкам. В подобных жилищах (*бурдюги*) проживали вне Сечи запорожцы.

Печь с «мисником» в избе крестьянина-галичанина в конце XIX — начале XX в.

Жилищами запорожцев служили еще и *курені*, представлявшие собой постройки на сохах, немного углубленные в землю. Похожие жилища на сохах без потолка под названием *землянки* строило беднейшее население степной части Украины вплоть до самой революции.

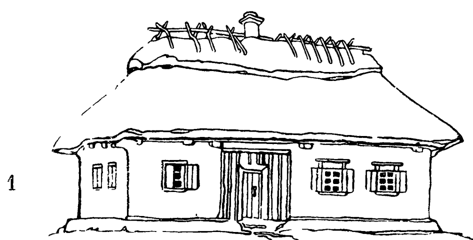
Строительные материалы для жилищ на Украине употреблялись различные, в зависимости от социально-экономических и географических условий того или иного района.

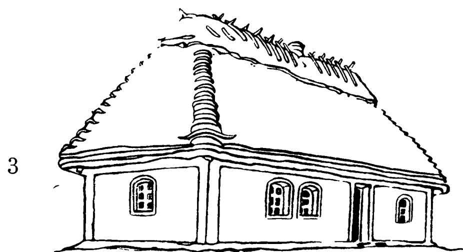
В Полесье, Карпатах и частично в лесостепной полосе строились срубные хаты; в средней полосе преобладала каркасная конструкция из дерева, лозы, камыша или соломы (техника *турлучная*); на юге и частично в средней полосе стены были глинобитными или возводились из *самана*, *вальков* (сырой саман), из камня. В лесостепной полосе в XX в. в связи с обнищанием массы крестьян широкое распространение также получила турлучная техника.

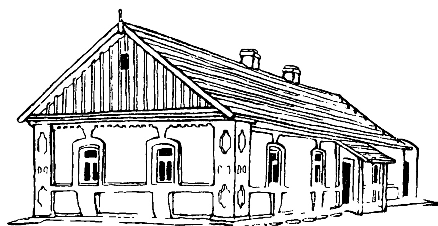
Пол в украинской хате был глинобитный. Потолок (*стеля*) поддерживался *сволоками* (матицами). Укладывались они по длине и по ширине в различных комбинациях. Встречались хаты с одной матицей, поддерживаемой столбом (Карпаты), а также с двумя или тремя поперечными и одной продольной, подведенной под них.

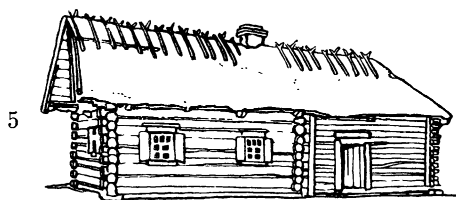
В степной части и на Полесье сохранилась до начала XX в. очень старая форма потолка — *горбата стеля*, — в сечении образующего простой или со срезанной вершиной треугольник. На Украине также встречался потолок из плетня, положенный на матицы и обмазанный с обеих сторон.

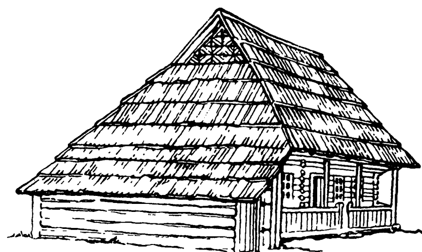
Господствующей конструкцией крыши на Украине была крыша на стропилах (*кроквах*), врубленных в верхний венец сруба. В эпоху капитализма под влиянием города распространилась врубка стропил в поперечные, заменяющие матицы, балки, число которых соответствовало числу стропил, или в продольные балки. В Карпатах и частично на По-











Внешний вид украинских хат начала XX в.:

1 — с. Красная Слобода Киевской губ.; *2* — с. Шишаки Полтавской губ.; *3* — с. Рахновка Подольской губ.; *4* — с. Привольное Херсонской губ.; *5* — с. Грезля Киевской губ.; *6*—с. Соколовка (гуцулы)

лесье употреблялись разные варианты конструкции на полусошках (гуцульские *кобилиці*), поставленных на торцовые стены. В Полесье еще во второй половине XIX в. встречались крыши на сохах, поставленных с внешней стороны стен. На Полесье существовала конструкция и на самцах (*сволоках*).

Основным самым доступным материалом кровли для крестьян служила солома, которую связывали в снопики. Кровельными материалами из дерева были *гонт* (маленькие дощечки) и *драниці* (тесины), распространенные на Полесье. Драницы внизу чаще всего упирались в доску (*закрилина*), поставленную на ребро, как и у белорусов, которая поддерживалась *крюччями* (русские «курицы»). Кровля сверху придавливалась жердями, скрепленными по образцу стропил (*кізлини*). Кроме того, на Украине гребень — весьма характерная деталь украинской крыши — укреплялся еще и связанными между собой снопиками соломы, а в западных областях — рамой из жердей (*ярмо*). Крыша на Украине преобладала четырехскатная. Однако наиболее ранней формой была двухскатная крыша, которая в XIX—XX вв. часто встречалась в северных и степных районах.

Распространенная в Карпатах галерея (*піддашок*) в XVII в. занесена была оттуда переселенцами на левый берег Днепра вместе с другими особенностями архитектуры (необмазанный сруб хаты и пр.).

Печь на Украине в XX в. складывалась главным образом из кирпича-сырца, а у гуцулов обкладывалась кафелем. Над шестком выкладывался удлиненно-призматической формы патрубок (*комін*), в котором собирался дым, выходивший в сени через круглое отверстие в стене (*кагла*) в вертикальный дымоход-трубу (*димар*, *бовдур*), выведенную за крышу. На запад от Днепра в жилищах типа хата+сени+хата дым из обеих хат проходит через один очень широкий в основании дымар.

Еще во второй половине XIX в. на Полесье, а в Карпатах до воссоединения западных областей с УССР сохранялись хаты без труб (*курні хати*). Дым выходил через каглу в сени или на чердак через отверстие в потолке. Открытый очаг на Украине оставался до последнего времени только на гуцульских полонинах.

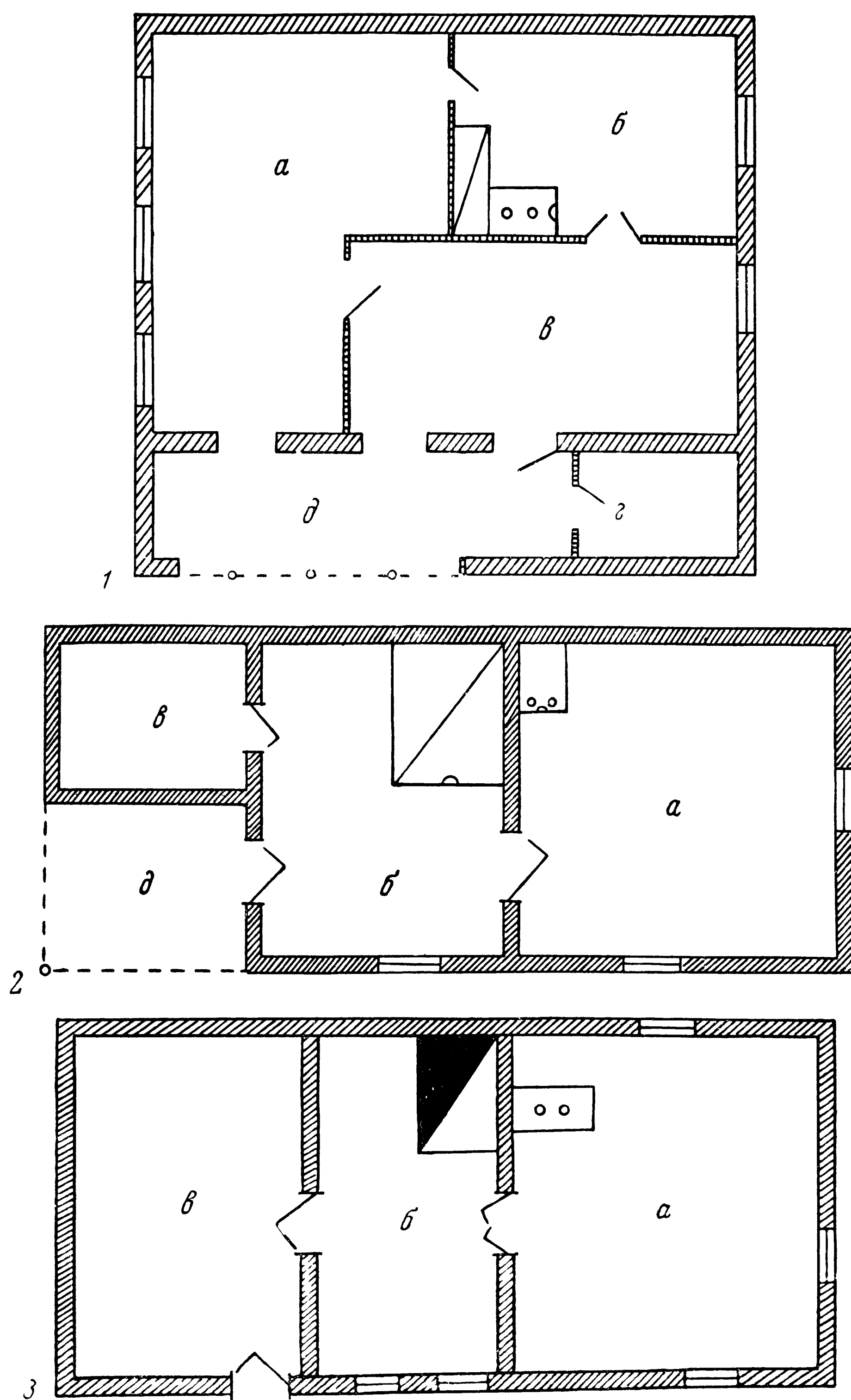
Характерной особенностью украинской хаты XIX — начала XX в. была побелка и специфические приемы покрытия крыши. Локальные отличия хат прослеживаются в ряде областей. В Карпатах бытовал необмазанный глиной, иногда побеленный сруб (на Буковине встречалось обмазывание полосами), покрытый четырехскатной деревянной крышей; по фасаду устраивалась галерея; в Полесье был распространен также необмазанный, иногда побеленный сруб, чаще всего под двухскатной деревянной крышей; на Левобережье и в Слободской Украине хата обмазывалась и белилась, накрывалась низкой четырехскатной соломенной крышей, имела выпуски крыш, галереи и ставни на окнах (*віконниці*); на Правобережье на глиносоломенных стенах было принято выдавливать узоры и окрашивать их; соломенная четырехскатная крыша устраивалась высокой, с высоким гребнем и уступами (*острішки*), которые образовывались в результате того, что снопики соломы, покрывавшие хату, клались комлями вниз. В степной Украине бытовала также пластическая обработка обмазанных стен и фронтонов, разноцветная окраска стен и двухскатная черепичная крыша.

Украинские чисто выбеленные хаты, утопающие в зелени, придают особенную живописность украинскому селу. Она привлекала многих художников, ею увлекались писатели и поэты. Писатель Иван Нечуй-Левицкий так рисует панораму украинского села: «Между двумя рядочками разложистых гор тихо течет по Васильковщине небольшая речка Роставица. Среди долины зеленеют роскошные густые и высокие вербы, там будто бы потонуло в вербах село Вербовка. Между вербами очень выразительно и ясно блестит против солнца высокая белая церковь с тремя куполами, а около нее небольшая колокольня будто запуталась в зеленых ветвях старых груш. Кое-где среди верб и садочков виднеются белые хаты и чернеют крыши высоких клунь»[1].

В XX в. в среде беднейшего крестьянства двухкамерный тип жилища (хата + сени) стал господствующим в большинстве районов Украины. Трехкамерный тип (хата + сени + комора) был характерен для богатых и середняцких дворов; все его клети рубились из дерева. Комора все чаще заменялась второй хатой. На западных границах Украины встречались хаты с сенями, у которых комора размещалась сзади, параллельно хате, со входом из сеней. Повсюду в коморе отгораживалась маленькая комнатка. У гуцулов к хате или иногда к обеим хатам, если это было двухстороннее жилище (хата + сени + хата), пристраивалась комора, отделенная или не отделенная от хаты сенями. В Екатеринославской и Херсонской губерниях в двухстороннем жилище часто сени не полностью разделяли

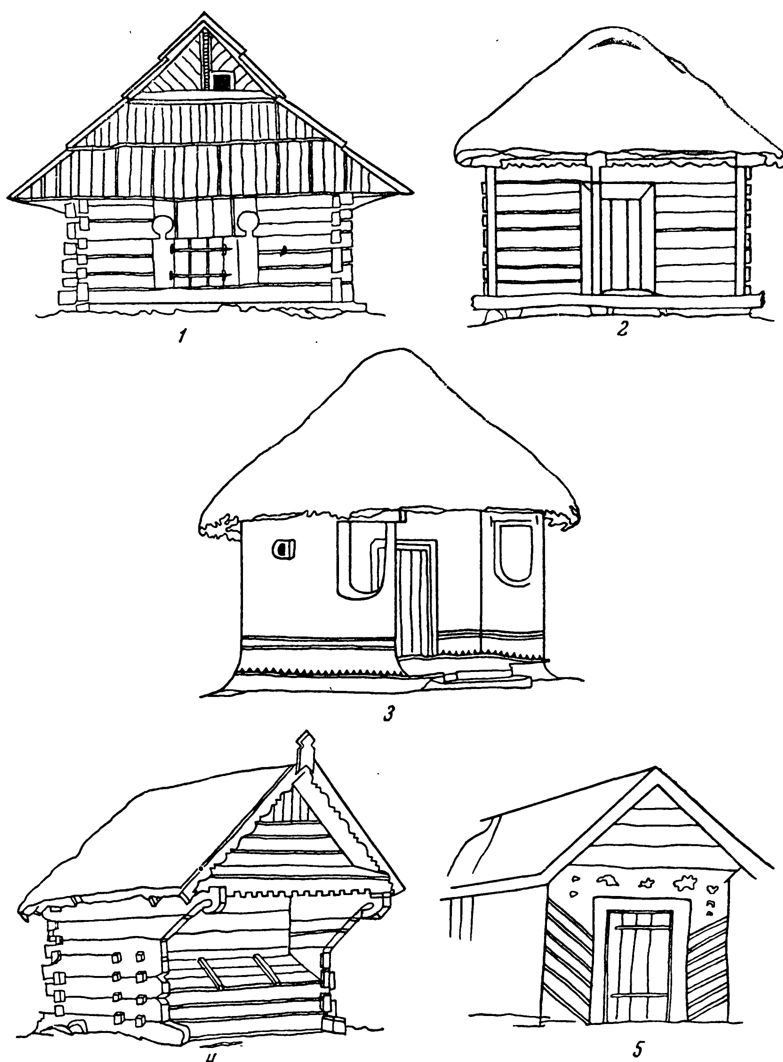
---

[1] І. Нечуй-Левицький. Микола Джеря. Вибрані твари. Київ, 1957, стр. 112.



Планы построек:

1 — хата двойная, *2* — одностороннее жилище с входом с узкой стороны, *3* — одностороннее жилище (*а* — комната, *б* — кухня, *в* — прихожая, *г* — кладовая, *д* — галерея)

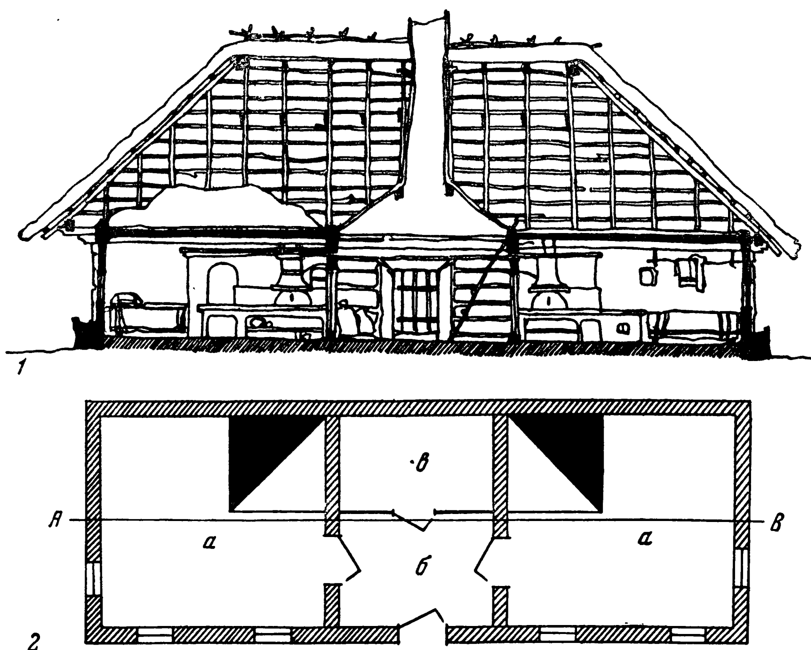


Хозяйственные постройки начала XX в.:

1—3 — комори, 4 — саж, 5 — погрібниця

хаты, которые сообщались между собой узким проходом. Этот тип жилища широко известен у молдаван. Издавна существовало жилище типа хата + хата + сени (одностороннее жилище), которое возникло в городах на усадьбах, узкой своей частью обращенных к улице. В таких жилищах, выходивших короткой стороной на улицу, вход устраивался с торца, где пристраивалась еще и галерея. Такое жилище со входом с фасада приобрело широкое распространение на селе в начале XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. в жилищах всех указанных типов под городским влиянием в сенях стала отгораживаться кухня. В восточной части Полтавской губ., на Слободской и в степной Украине, частично на Полесье и в Закарпатье сени превращались в кухню. В таком случае на основе типа хата + сени возникло жилище типа русской пятистенки (двойное жилище). При отгораживании части сеней под кухню в лесостепной зоне образовался свой вариант двойного жилища. На Подолии кухня выделилась частично за счет сеней, частич-



Разрез и план хаты:

1 — разрез по линии *АБ*; 2 — план: *а* — хата, *б* — сени, *в* — кладовая (Киевская обл.)

но — за счет хаты. В двойном жилище появилась плита, которая соединялась с печью и помещалась часто посреди хаты.

В холмистых местностях (Киевская губ., Закарпатье) наблюдалось вертикальное развитие жилища, когда под хатой строились хозяйственные помещения.

Внутренняя традиционная планировка украинской хаты однообразна: при входе — печь, по диагонали — нарадный угол (*покуть*), где стоял стол; возле тыльной стены — настил для спанья (*піл*), а у гуцулов — кровать, вдоль фасадной (*чільна*) и торцовой (*причілкова*) стен — *лави* для сидения и, наконец, у входа — лавка (*коник*) с украшением, напоминающим конскую голову. Ниже матиц врубались брусья (*гряди*), служившие полками. На них ставили корзинки с крупой, клали кудель, пряжу и прочие вещи.

Украинское жилище имело не меньше трех окон: два из них обязательно устраивалось в фасадной стене (против печи и против стола), а третье — в торцовой.

Специфической особенностью украинского жилища являлась настенная роспись (Киевская, Херсонская, Полтавская губернии, Подолия, Западные Карпаты). Кроме того, стены окрашивались в разные цвета, особенно на Правобережье, причем тыльные очень часто в желтый цвет. Так же отделывались и стены хозяйственных построек.

Хозяйственные постройки

Хозяйственными постройками в украинских дворах были *повітки* для содержания скота, *сінники* для хранения сена, *клуні* для складывания снопов, половы и пр. В зависимости от социально-экономических, а также географических условий стены у этих построек возводились из дерева, самана или выплетались из лозы, а крыша поддерживалась сохами.

В отдельно стоявших коморах, где хранилась одежда, зерно и пр., материал, из которого сооружали стены, также был разнообразный. Они имели галерею. Постройки типа коморы часто возводились над погребами (*погрібниця*), они кое-где отапливались.

Для откармливания свиней существовал срубный, как правило, с конической крышей *саж*.

В северных и горных районах у беднейшего населения ограды были из жердей; в богатых дворах строились заборы (*паркани*), которые встречались и в лесостепи. По всей Украине был широко распространен плетень (*ліса*). В южных районах преобладали ограды из глины, соломы и камня. У бедняцко-середняцкого населения ворота были *решітчасті*, состоявшие из двух столбов, соединенных параллельными жердями или досками, не прилегающими одна к другой.

Самым распространенным типом колодца была *криниця* с четырехугольным срубом. Шестиугольный сруб встречался главным образом в степных и лесных районах.

ГОРОДА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ПОСЕЛКИ И ЖИЛИЩЕ РАБОЧИХ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Рост городов и фабричных поселков

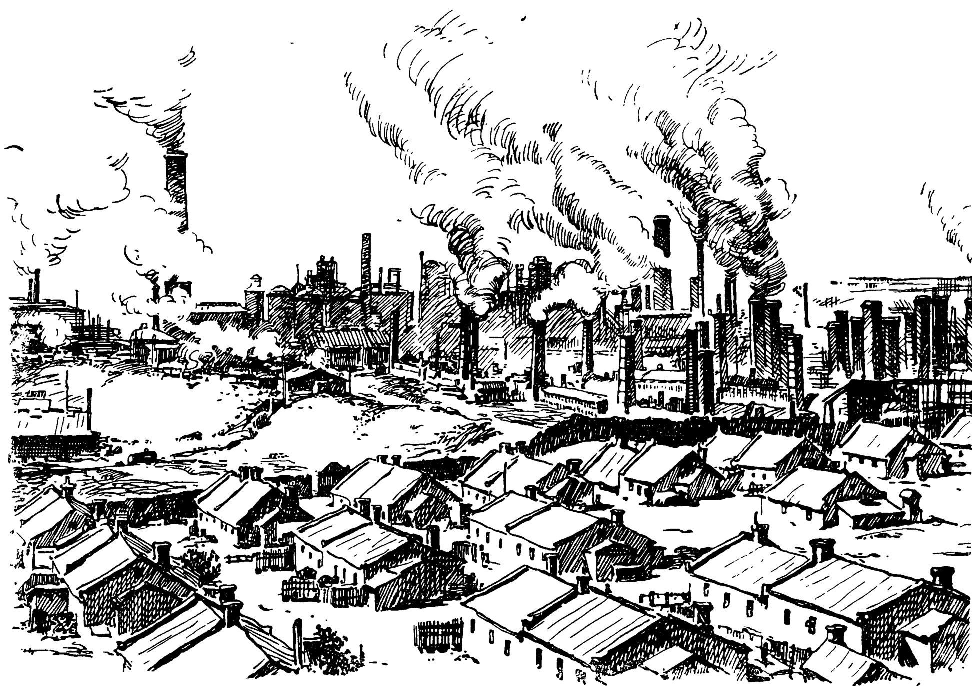
Многие города Украины имеют древнюю и славную историю. В центральных, северных и западноукраинских землях немало городов ведут свою историю со времен Киевской Руси, а некоторые — с еще более раннего времени (Киев, Чернигов). Значительная часть городов южной Украины была основана в XVIII в. на месте бывших запорожских поселений, промыслов и т. п. (Екатеринослав, Новомосковск, Славянск, позже Кривой Рог, Краматорск и др.). Немало промышленных городов выросло в период капитализма в связи с развитием ремесла и торговли, в ходе развития промышленных районов (Донбасс, Криворожье и на западе).

В годы интенсивного развития капитализма росло население промышленно-торговых городов. Они быстро застраивались, причем хаотичность застройки становилась чуть ли не основным характерным признаком городских поселений того времени. Углубляющаяся классовая дифференциация общества создавала резкие жилищно-бытовые контрасты между аристократически-капиталистическими кварталами и пролетарскими поселками.

Влияние архитектуры Западной Европы в городских строениях Украины было незначительным. В старых городах — Чернигове, Прилуках, Нежине, Белой Церкви, Житомире и др.— городское жилище и дворы по своему типу сохраняли близкое сходство с жилищем окрестного крестьянства. В новых промышленных центрах они более приспособлялись к условиям жизни городов капиталистической эпохи.

В западных землях Украины памятники архитектуры характеризовались также признаками древнерусских традиций. Иностранцев жило там немало, но иностранные типы жилища не закрепились.

С появлением фабрично-заводских корпусов, оттеснивших на второй план колокольни и купола церквей, шпили и фасады древних дворцов, архитектурный облик городов менялся. Наиболее привлекательный вид имели города, расположенные в выгодных естественных условиях: на живописных склонах речных берегов, на морских берегах и т. п. (Киев на Днепре, Чернигов на Десне, Святогорск на Северском Донце; Львов и Черновицы, располагавшиеся на пересеченной местности). В таких городах сохранялась старая радиально-концентрическая планировка. Яркие национальные черты (связь с народной, главным образом сельской архитектурой) особенно проявлялись в городах Левобережья, возникших в XVII—XVIII вв. В сравнительно новых крупных городах (в Одессе, Екатеринославе, Харькове), в поселках Донбасса архитектурные ансамбли появлялись как исключение. Планировка в капиталистических поселениях преобладала линейно-квартальная. В Донбассе городские улицы даже назывались линиями.



Рабочий поселок у Юзовского завода (рисунок с фото 80-х годов XIX в.)

В 70-х годах XIX в. значительное оживление городского строительства на Украине связано было с бурным развитием капитализма. Появились сотни новых поселков и десятки городов. Старые города расширялись; многие деревни и промышленные поселки фактически превращались в города, хотя официально таковыми признавались царским правительством очень медленно (Макеевка, Юзовка, Каменское и другие пригороды крупных центров). Поселок Луганского завода, формировавшийся начиная с конца XVIII в., только через столетие был официально признан городом Луганском.

Оживление градостроительства в меньшей степени сказалось на росте крупных (по дореволюционным масштабам) городов с населением свыше 100 тыс. человек. В начале XX в. их насчитывалось только пять (Киев, Харьков, Одесса, Екатеринослав, Львов). В Донбассе крупных городов не было; там вообще официально считалось только шесть городов. Многие населенные пункты образовали новый тип поселений, средний между городом и деревней. Это, по определению В. И. Ленина, были фабричные поселки [1]. В Донбассе они именовались «шахтерскими хуторами» (в степи) или «земляными городками» (возле предприятий).

Санитарно-гигиеническое состояние городских поселений оставалось неудовлетворительным. На Днепровском заводе в с. Каменском «нижняя колония» (для рабочих) и «верхняя колония» на возвышенности (для привилегированных служащих) являлись примером резкого контраста в жилищном устройстве различных категорий населения. Множество рабочих вынуждено было жить в сельской местности, на значительном расстоянии от предприятий.

Жилищное строительство в городах резко отставало от роста городского населения. Наплыв населения обострял и без того тяжелые жилищные условия рабочих, вызывал значительное повышение квартирной

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 567—568.

Село Каменское (ныне Днепродзержинск), конец XIX в.

платы; в городах возникали трущобы. Условия жизни вынуждали рабочих пользоваться самыми худшими видами жилья. Нищенское жилище пролетариата по своему виду резко отличалось от крестьянского, остававшегося в массе хотя и бедным, но сравнительно привлекательным и живописным. С целью сокращения расстояния между работой и жильем часть рабочих сооружала недалеко от предприятий собственные примитивные жилища, по планировке, размерам и внутреннему устройству сходные с крестьянскими хатами. В пролетарских селениях Донбасса почти 80% жилищ составляли мазанки (более половины их — землянки) с земляными или каменными стенами, обмазанными глиной. Около половины шахтеров теснились в однокомнатных мазанках, имевших земляной пол (*долівка*); многие из них не имели потолка. Некоторые жилища совсем не имели окон. Часто в одной комнате помещалось по 10—17 человек. Рабочие жаловались, что им «тесно, как в гробу». Частично пролетариат использовал под жилье заброшенные шахтные выработки, каменоломни, даже пещеры и катакомбы (например, вблизи Одессы). Многие сельскохозяйственные рабочие обитали под открытым небом.

Городское жилище рабочих

Типичным пролетарским жилищем того времени являлась заводская казарма или переоборудованный под общежитие сарай, где семейные отгораживали себе углы занавесками из ситца. Заводские казармы для рабочих, создаваемые предпринимателями, известны на Украине с XVIII в. Обогревались казармы громоздкими печами. Нары сооружались в два-три яруса; часто и в казарме не хватало места, поэтому рабочие нередко пользовались постелью посменно. Более удобным, но реже встречавшимся групповым жилищем позже явился барак, разделенный на семейные или артельные помещения, состоявшие из кухни и комнаты. По свидетельству очевидцев, казармы и землянки представляли подобие «звериных логовищ». Из-за тяжелых бытовых условий в казармах Криворожья в 90-х годах XIX в. жили главным образом несемейные рабочие, сезонно нанимавшиеся предпринимателями.

Наиболее распространенным типом собственного рабочего жилища являлась землянка, строившаяся по схеме «хата + сени», с одним-двумя

окнами, под одно- или двухскатной глинобитной кровлей, которая одновременно являлась и потолком. Жилая площадь в такой землянке составляла 8—15 м². Высота ее внутри достигала двух метров, а извне — одного метра над грунтом. Разновидностью ее была более просторная шахтерская мазанка, удлиненной формы, менее углубленная в землю и состоявшая из кухни и комнаты с пристройками. По месту происхождения она называлась *горловкой*.

Встречалась также мазанка с потолком и деревянным полом, которая именовалась *флигельком* и была своеобразным вариантом одинарной крестьянской хаты (сени с одной или двумя комнатами). В нем размещались печь, нары (*піл*), стол и др. Фасад его выходил чаще во двор и ориентировался на солнечную сторону.

В жилище рабочих наблюдались местные особенности. В районе Харькова и частично в Донбассе распространен был широкий цоколь с *піддашшям* (крыльцом по фасаду) и галереей вдоль фасадных стен. В районе Никополя бытовала удлиненная хата с рядом помещений, где жилая часть и хозяйственная (*конюшня*) разделялись сенями, в которых с тыльной части выделялся чулан (превращаемый в кухню). Все помещения находились под общей четырехскатной крышей. В Екатеринославе бытовали две хаты, разделенные сенями, под высокой крышей, подобно сельскому жилищу лесостепной части Полесья (двухсторонняя хата). В Одессе получила распространение односкатная крыша, оказавшаяся выгодной в хозяйственном отношении. Лесорубы в Карпатах пользовались в качестве временного жилья шалашом или полуземлянкой под названием *колиба*.

Некоторые типы рабочего жилища оказались оригинальными, относительно благоустроенными, экономически выгодными и удобными. Размещение отопительного очага не у внешней стены, а в центре жилой площади, на стыке простенков, разделявших кухню, спальню и комнату (например, в Лисичанске), обеспечивало равномерное обогревание всего жилища. Крышу возводили пирамидально-четырехскатной формы. В плане жилище приближалось к квадрату; во всех четырех стенах прорубались окна. Наряду с «хатой» такое жилище начало называться также домом. Даже в Полесье деревянное срубное рабочее жилье своими некоторыми чертами напоминало относительно благоустроенные рабочие жилища индустриального Донбасса [1].

Приемы строительства рабочего жилища

Строительство индивидуального жилища требовало относительно больших материальных средств. Доброкачественные строительные материалы рабочим были малодоступны. Рабочие пользовались мелким камнем и даже на кровлю вместо черепицы нередко употребляли плоский камень — песчаник (например, в центре Донбасса). В лесостепи и в Полесье основным материалом оставались дерево и глина (в Чернигове в конце XIX в. почти все дома — 95% были деревянные), в степной части—глина, камень, лоза, камыш, солома. Одноэтажные дома составляли свыше 88% всех жилых построек; постройки с жилыми подвалами или мезонинами составляли 7,5%. Свыше 41% всех жилищ составляли однокомнатные квартиры; около 24% — двухкомнатные (кухня тоже считалась комнатой). В Киеве в начале XX в. кирпичные дома составляли меньше третьей части. Одноэтажные деревянные жилища в городе преобладали до самой Октябрьской революции. В южных городах (Одессе, Николаеве, Бердянске, Мариуполе, Луганске и др., а также в Крыму) на строительство шел естественный камень (ракушечник, мергель, песчаник). Такое жилище по своим теплоизоляционным качествам уступало деревянному и

---

[1] Примером может служить дом А. Н. Щорса (отца героя гражданской войны) в Сновске Черниговской губ.

Проспект им. В. И. Ленина в Харькове (1959 г.)

саманному. Поэтому на юге Украины лучшим жильем считалось глинобитное, со стенами толщиной 50—60 см, построенное на небольшой насыпи. Оно получило одобрительный эпитет «звонкая хата». Во внешней отделке жилища рабочие ограничивались побелкой мазанок, а также обмазкой цокольной части (*призьба*) глиной. Мебель у большинства рабочих оставалась типично крестьянской.

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩА И ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Рост социалистических городов и поселков

После победы социалистической революции появилась возможность приступить к ликвидации социальной несправедливости в распределении жилищ, что осуществлялось путем экспроприации жилищ крупных домовладельцев, переселения рабочих из трущоб и подвалов в центры городов, в благоустроенные квартиры. Советская власть передала жилищный фонд в ведение местных властей и кооперативов. В 1926 г. в Донбассе в казармах жило всего 17% трудящихся (против 44% в 1913 г.), тогда как в семейных квартирах — 60% (против 41%); остальные пользовались жильем вдали от предприятий. В 30-х годах казарма как вид рабочего жилья и трущобы исчезли.

На Украине в 20-х годах исчезли «города чистого торгового типа» с многочисленным непроизводительным населением. Индустриализация страны вызвала рост новых рабочих поселков и городов в промышленных районах; широко развернулось жилищное строительство и работа по коммунально-бытовому благоустройству городов и поселков.

С середины 20-х годов на Украине появились первые социалистические поселки около заводов (соцгородки), застраивавшиеся вначале бараками и двухквартирными домами, а затем трех-пятиэтажными домами,

Проспект им. В. И. Ленина во Львове (1956 г.)

первоначально со скромным архитектурным оформлением. Для молодежи создавались общежития с отдельными комнатами, красными уголками, столовыми, прачечными и другими бытовыми помещениями. Квартальные комплексы жилых домов и других коммунальных и культурно-бытовых зданий, широкие улицы и площади с 30-х годов распространяются все шире. Этот комплексный метод обеспечил развитие поселений нового типа. В годы Великой Отечественной войны в ходе освобождения территории Украины от врага и восстановительных послевоенных работ строительно-архитектурные организации продолжали строить дома и жилищные массивы, сообразуясь с требованиями бытового удобства трудящихся и используя лучшие местные традиции градостроительства. Особенно ярко заботы Коммунистической партии и правительства о жилищном строительстве проявились в годы развернутого строительства коммунизма.

Строительство и реконструкция советских городов и поселков отличаются от дореволюционного градостроительства своей плановостью. Жилищные массивы отличаются чистотой, простором улиц и площадей, отсутствием подсобных хозяйственных предприятий, вынесенных за черту жилых кварталов. Сейчас своими зелеными насаждениями множество городов и поселков не уступает сельским поселениям. В ходе строительства заботливо используются лучшие народные приемы оформления (светлые тона окраски или облицовки, окружение жилища скверами, садами, цветниками и т. п.).

Города Украины, как правило, в настоящее время образуются из бывших фабрично-заводских сел, из поселков городского типа, возникших в советское время (Докучаевск, Новый Донбасс, в западных областях — Червоноград, Долина и др.). Появляются новые города вблизи индустриально-энергетических центров (Шахтерское, Комсомольск на Днепре, Новая Каховка, Северо-Донецк, Нововолынск, Днепроград, а также множество поселков).

Площадь им. Калинина в Киеве (1961 г.)

В процессе роста городов и окружающих их поселков в районах тяжелой индустрии образуются на десятки километров сплошь заселенные массивы (Днепропетровск — Днепродзержинск, Макеевка — Донецк — Горловка, Кадиевка — Ирмино и др.). Число поселков городского типа увеличивается с каждым годом. В 1923 г. их было 454, к 1959 г., согласно переписи, число их возросло в 3,4 раза. Часть старых городов, разрушенных оккупантами, после Великой Отечественной войны была совершенно перепланирована и отстроена заново с учетом современных требований, предъявляемых к градостроительству (Севастополь, в значительной степени Одесса, Киев, Полтава, Харьков, Чернигов, Тернополь и др.). После восстановления эти города сделались намного лучше, чем были до войны; появились в центре новые площади, улицы, обновлено общее благоустройство.

Удвоилось и число городов с 1923 по 1959 г. Среди 335 городов преобладают пункты с населением в среднем 45 тыс. человек. Если до революции, как указывалось, на Украине было пять городов с населением свыше 100 тыс. человек, то в 1959 г. таковых насчитывалось 24. Население некоторых из них приближается к миллиону, а в Киеве и Харькове превышает миллион человек. Всего городского населения на Украине в 1923 г. было немногим более 5 млн. человек, а по переписи 1959 г.— свыше 19 млн. человек.

Жилищный фонд республики, как и всего Советского Союза, расширяется значительно быстрее, чем в самых передовых капиталистических странах. На Украине за последние десять лет в городах и рабочих поселках построено жилых домов общей площадью 106 млн. м². Это в 1,3 раза больше, чем вся жилая площадь Киева и всех областных центров республики, вместе взятых [1]. За один 1962 г. на Украине получили новые кварти-

[1] См.: П. Е. Шелест. Об итогах декабрьского Пленума ЦК КПСС и задачах Коммунистической партии Украины по ускоренному развитию химической промышленности — важнейшего условия подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа. «Правда Украины», 27 декабря 1963 г.

Жилищное строительство в Луганске (1959 г.)

ры или улучшили свои жилищные условия свыше 2 млн. человек, а всего за шесть последних лет — 13 млн. человек, т. е. приблизительно около 4 млн. семей. Семейные рабочие получают в благоустроенных больших домах преимущественно отдельные квартиры из двух — четырех комнат.

Немалое место в решении жилищной проблемы занимало групповое и индивидуальное строительство жилищ. Трудящиеся сами добывали в карьерах камень, глину, мел, песок, использовали шлак, кирпич, цемент, известь, камышит, саман и другие строительные материалы. В северных и лесостепных неиндустриальных районах продолжало употребляться дерево.

Перспективы дальнейшего бытования индивидуального жилища в ходе развития современного градостроительства сужаются, но пока в собственных домах живет значительная часть трудящихся. Получает дальнейшее развитие кооперативное строительство. В ряде мест Украины в 20-х годах были созданы кооперативы, которым оказывали помощь профсоюзы и другие общественные организации. В дальнейшем на предприятиях и в учреждениях создавались советы содействия строительству жилищ. Трудящиеся объединялись в коллективы самодеятельного строительства больших домов, развернувшегося особенно активно с 1956 г. (в Кадиевке, Харькове, Киеве, Львове). Рабочие в ходе кооперативного строительства овладевали профессиями строителей и в свободное от основной работы время помогали государству в решении жилищной проблемы. В Харькове, например, таким образом создан крупный поселок на пустовавшем Павловом Поле. Характерной чертой архитектурного оформления в государственном строительстве является широкое применение народных приемов обработки плоскостей цветным геометрическим или стилизованным растительным орнаментом без громоздких объемных украшений; основание дома (цоколь) делается темного цвета, карнизы, окна и двери — светлых тонов, розовые в сочетании с голубым или зеленым. Светлые стены и народный орнамент свойственны украинскому жилищу.

В последние годы с традиционными приемами строительства хорошо согласуются здания совершенно нового типа, с преобладанием стекла и бетона,— гостиницы, кафе, магазины, дворцы спорта и здания различного бытового назначения. Индустриализация позволила улучшить технику, ускорить и удешевить жилищное строительство. Сейчас нередко применяются крупные блоки и панели для стен, плиты для пола и перекрытий, обеспечивающие монтирование на заводе целых комнат для будущих домов. В районах разработки естественного строительного камня (восток Донбасса, Крым) изготовляются блоки-кирпичи крупных размеров, используемые в жилищном строительстве.

Традиционные жилища в городах и поселках

В начальный период индивидуального жилищного городского строительства преобладали различные типы хат, которые и в настоящее время зачастую бытуют в неиндустриальных городах. Обычно они продолговатые в плане, имеют печи с духовкой и некоторые другие характерные черты [1]. В дальнейшем, особенно в 50-е годы, распространяется жилище, отличающееся почти квадратным планом (50—60 м²), высокими стенами (без цоколя до 3,5 м), большими окнами, архитектурным оформлением главного (с улицы) и хозяйственного (со двора) фасадов, высокой крышей. Такое жилище практично, компактно, красиво и экономично. Жилище имеет вход со стороны двора, где размещены крыльцо, веранда и кладовка. Обогреваемыми помещениями являются: зал (или столовая), спальня, комната (детская), кухня. Отопление осуществляется преимущественно одним очагом, поставленным на перекрестке простенков и равномерно обогревающим все жилые помещения.

Основной тип индивидуального жилища в городе и поселке трудящиеся называют *круглым* домом (на востоке), *кресчатым* (в центре Донбасса — по размещению основных простенков в виде крестовины) или просто «домом» в отличие от «хаты» сельского типа. Начинает распространяться также экономичное в эксплуатации жилище, по плану идентичное с вышеописанным, но двухэтажное, рассчитанное на две семьи.

Внешняя обработка индивидуального дома отличается сочетанием светлых цветов. Стены облицовываются белым кирпичом или штукатурятся и белятся известью. Пилястры и карнизы оформляются светло-голубым или светло-зеленым цветами разных оттенков, окна (наличники) — голубыми и красными. Закрывающие окна ставни (*віконниці*) встречаются ныне редко, очевидно потому, что между домом и красной линией улицы, где ставится каменный (на юге) или деревянный забор, разбивается просторный цветник — палисадник. Крыша над домом преобладает четырехскатная, в том числе пирамидальная, особенно на юго-востоке Украины, но значительное распространение имеет двухскатная с некоторыми вариантами; на юго-западе Украины бытует изредка и односкатная (в районе Одессы). Двор у такого жилища небольшой, открытого типа. В нем размещаются, кроме жилища, летняя кухня, погреб, сарай и иные мелкие постройки.

Оборудование и обстановка внутри жилища типично городская, мебель преимущественно фабричная. В связи с быстро распространяющейся газификацией жилищ уголь и дрова постепенно исчезают как виды топлива, это влечет за собой изменения во внутренней планировке. В главном помещении — зале — нет бывшего «красного угла». Его исчезновение объясняется, между прочим, тем, что в связи с увеличением жилой площади жилища стол ставится в центре, а не в углу комнаты. Комнаты украшены разнообразными вышивками, изделиями художе-

---

[1] Такие жилища распространены в средних городах полесской и лесостепной зон (например, в Нежине, Белой Церкви, Житомире, Луцке и др.), а также во множестве поселков.

ственного ремесла и семейными реликвиями. Художественное рукоделие и живопись в быту трудящихся очень популярны; такие навыки приобретаются в массовых кружках при дворцах культуры, клубах, передаются от одного к другому.

В строительной индивидуальной практике сохраняется немало традиционных обычаев коллективизма, дружбы, взаимопомощи трудящихся. По традиции на помощь застройщикам (*толока*) сходятся товарищи по бригаде и соседи по поселку; работа «громадою» (сообща) идет споро, весело, с песнями и шутками. Новоселье везде отмечается как большой праздник трудового коллектива. Такими обычаями сопровождается самодеятельное строительство и многоквартирных домов. Многие коллективы жильцов борятся за коммунистический быт в домах, общежитиях, дворах, кварталах.

Государственное многоквартирное жилище во всех отношениях оказывается удобнее и выгоднее индивидуального. Квартира в современном доме со всеми бытовыми удобствами имеет несравненные преимущества перед «своим» отдельным домом. Не случайно уже сейчас на Украине часть рабочих добровольно передает собственный дом с усадьбой в пользу общественных, особенно детских, учреждений и переселяется в многоквартирные дома.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЛИЩЕ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

После Великой Октябрьской социалистической революции в сельских поселениях произошли большие изменения. Уже в 20-е годы внедрялось в практику строительства планирование поселений соответственно разрабатываемым органами Советской власти нормативам и проектам, в которых преобладали прямоугольные формы, в то время как самодеятельное планирование сохраняло традиционные формы. Коренным образом украинские села изменили свой вид начиная с 1929 г. после коллективизации сельского хозяйства, когда колхозы развернули строительство новых хозяйственных и жилых построек, что существенно повлияло на реконструкцию сел в целом. Этот процесс особенно стал заметен во второй половине 30-х годов, когда колхозы экономически окрепли. После окончания Великой Отечественной войны в связи с мероприятиями Коммунистической партии, направленными на восстановление и развитие сельского хозяйства, вопросам планировки поселений уделялось большое внимание.

В совхозах с 30-х годов стала внедряться зональная планировка с выделением производственной и жилищной зон. После Отечественной войны в связи с развитием индивидуального строительства в поселках совхозов возникли новые ряды, улицы и кварталы. Существуют поселки, в которых отразились различные этапы строительства, нередки случаи, когда в силу разных причин та или иная из планировочных структур оставалась неизменной. С 50-х годов в широких масштабах началась перепланировка многих поселков на основе возникших улиц и кварталов. В результате взаимодействия самодеятельного и профессионального начал поселки совхозов и колхозные села стали походить друг на друга.

Еще в 20-х годах строительными нормами предусматривалось отнесение хозяйственных построек от улицы в глубь усадьбы. В связи с коллективизацией сельского хозяйства уменьшилось число построек во дворах колхозников; были снесены, в частности, конюшни, ранее размещавшиеся около улицы. Освободившиеся места засаживались деревьями; иногда на них разбивался огород. Эти изменения привели к тому, что стал образовываться двор, близкий к традиционному двору с проездом. Этот тип двора лег в основу почти всех типовых проектов усадеб колхоз-

Общий вид с. Клембовка (Винницкая обл., 1962 г.)

ников. В замкнутом дворе также уменьшилось число хозяйственных построек, вследствие чего он приобретал вид открытого двора.

Таким образом, социалистические преобразования села сразу же сказались на планировке поселений и усадеб.

Особенности развития сельского жилища

Рост благосостояния и культуры крестьянства обусловил широкий размах жилищного строительства на селе. С 1945 г. строительство жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах и культурно-бытовых сооружений в селе по типовым проектам было введено как система. Это решение Коммунистической партии и Советского правительства было направлено к тому, чтобы развитие сельского жилища соответствовало задачам сельского строительства. За основу типовых проектов жилищ колхозников, разработанных различными организациями, были взяты народные типы жилища. Поэтому типы самодеятельного жилища и жилища, построенного по проектам, в своей основе соответствуют друг другу. Например, разработанный впервые в 40-х годах проект почти не отличался от южного варианта двойного жилища. Внедрение в практику строительства проектов облегчается также тем, что они реализуются в тех местностях, где распространены их прототипы. Использование в проектах жилищ народных планировок свидетельствует об их совершенстве, выработанном на протяжении веков народными зодчими.

В юго-восточных районах, где преобладают двойные жилища южного варианта, приобрело распространение строительство по проектам 40-х годов, почти не отличающимся от местного жилища. На юге реализуются проекты, возникшие на основе преобладающих там односторонних, двойных и двухсторонних жилищ. В Полесье, где господствует в самодеятельном строительстве одностороннее жилище, приобрел самое широкое распространение проект, основанный именно на этом типе жилища. Происходят изменения и в существующих жилищах. Чаще всего оно

Хата колхозника (с. Рацево, Черкасская обл., 1960 г.)

приобретает вид одностороннего, в котором отделяется перегородкой спальня.

Типовые проекты в свою очередь влияют на самодеятельное строительство; наблюдается, например, приближение жилища к квадрату, галерея под влиянием проектов преобразуется в веранду. Некоторые усовершенствования жилища возникают и вне влияния проектов (приближение отопительных установок к центру; отступая от проектов, колхозники выделяют большую парадную комнату для проведения торжеств за счет площади хозяйственных помещений и пр.). В целом в связи с возросшими культурными требованиями увеличивается число комнат, в частности, за счет тех же хозяйственных помещений. Образуются новые варианты тех или иных старых типов жилищ. Увеличилось число окон, которые размещаются по всем стенам.

Таким образом, наблюдается взаимодействие типовых проектов и самодеятельного строительства, т. е. проявляется закономерность развития советской культуры — взаимообогащение, взаимодействие народного и профессионального творчества.

Индивидуальное строительство в совхозах ничем ныне не отличается от такого строительства в колхозном селе.

Отдельные комнаты колхозники используют следующим образом: кухня служит и столовой. В праздники обедают в парадной комнате. Здесь же спят дети. Для взрослых детей и для школьников, по возможности, выделяется комната.

Традиционная внутренняя планировка жилища заметно изменяется; эти изменения меньше всего сказались на кухне. В других комнатах сохраняются лишь отдельные традиционные элементы (особое украшение бывшего *покутя*, размещение портретов на фасадной и торцовой стенах). Мебель преобладает фабричного производства (диваны, шифоньеры и пр.). Жилище тружеников социалистических полей характеризуется богатым

убранством: рушники и ковры, развешенные на стенах (часто кавказские и среднеазиатские) и пр. В советское время все более широкое распространение получают настенные росписи (Днепропетровская, Одесская, Винницкая, Хмельницкая, Черкасская обл. и Карпаты), цветная штукатурка и пр.

В сельских районах преобладает строительство индивидуальных домов. Однако достижения техники для бытового обслуживания населения могут быть использованы только в многоквартирных и многоэтажных домах. Строительство таких домов (преимущественно типовых двухэтажных) распространяется в настоящее время в ряде колхозов («Дружба народов» Крымской обл., в совхозах «Яготинский» и «Рубежовский» Киевской обл. и пр.). При планировке квартир в многоэтажных и двухэтажных домах в основу кладутся народные типы жилищ (например, двойное жилище в селах Шпитьки и Белгородка Киево-Святошинского района Киевской обл.; одностороннее жилище в поселке совхоза «Бортничи» Киевской обл.). Колхозники, реализуя эти проекты, увеличивали одну из комнат. В селах Шпитьки и Белгородка по проекту одна из комнат двойного жилища переделялась на две. Колхозники перегородку ликвидировали, тем самым приблизив план квартиры к традиционной хате.

Пути развития сельских населенных пунктов в период развернутого строительства коммунизма

Практика современной планировки селений показала, что возможно сооружение больших домов (например, с. Ксаверовка Киевской обл.), без нарушения старой живописной планировочной структуры села, но с использованием опыта современной городской внутриквартальной планировки. В таких случаях иногда возникают дополнительные улицы, параллельные существующим. В случае необходимости приусадебные участки прирезаются за селом.

В ходе строительства коммунистического общества сельские поселения будут все более приближаться к поселкам городского типа и соединят в себе все лучшее, что накоплено вековым развитием городской цивилизации, со всем лучшим, что есть в сельской местности,— обилием зелени, воды, свежего воздуха.

ОДЕЖДА

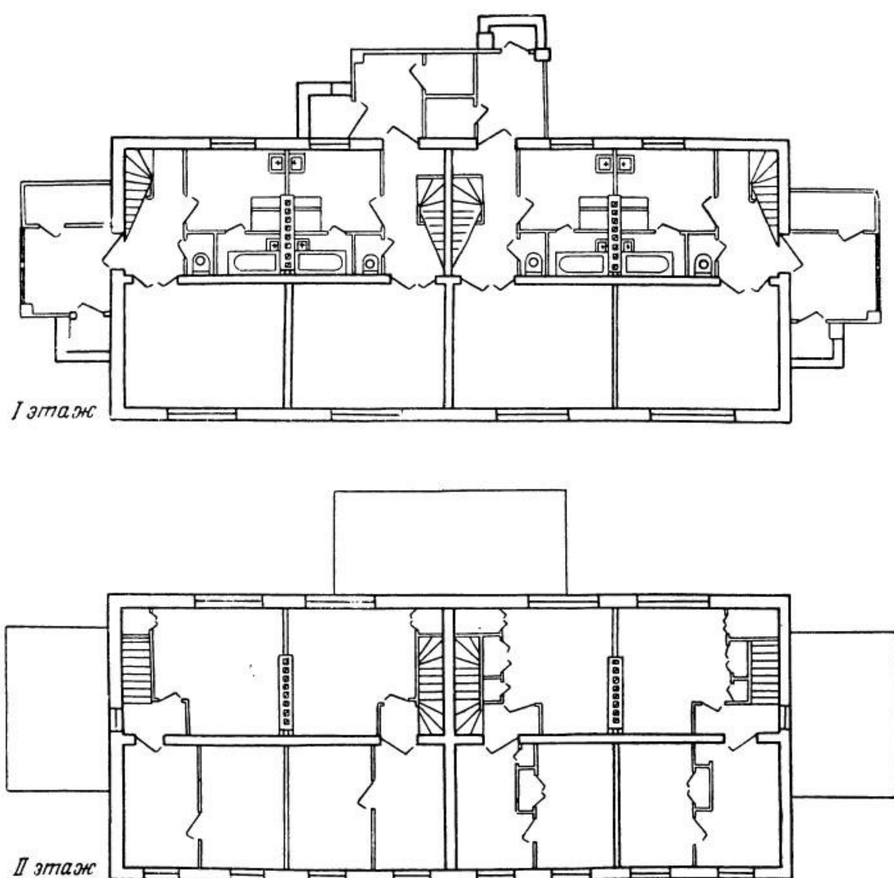
ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Основные комплексы традиционной крестьянской одежды

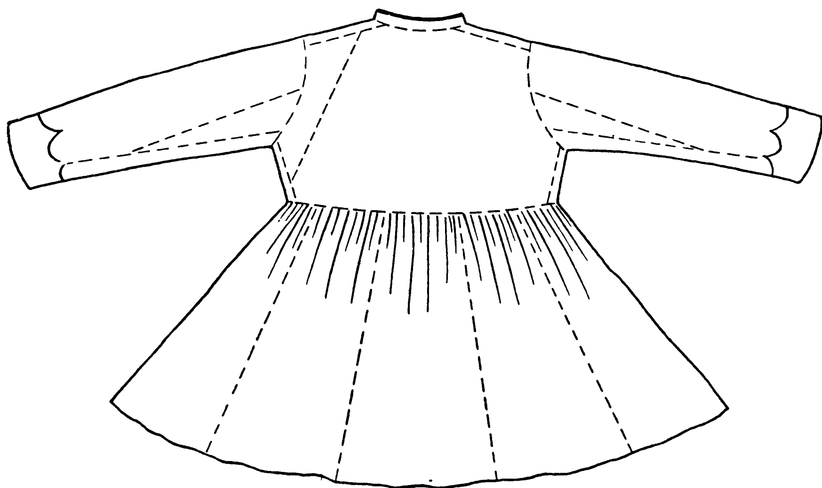
Развитие украинского национального костюма генетически связано с одеждой населения Киевской Руси. Так, мужские сорочки с широкой нагрудной вышивкой и широкие шаровары были известны в эпоху Киевской Руси. Пережитком древнерусской верхней плащеподобной одежды—*корзно*—является гуцульская плащ-накидка—*гугля* (сшитые по длине три полотнища сукна, со срезанными крайними углами так, что образуется зародыш капюшона). Разнообразные венкообразные женские уборы, а также многие украшения (гуцульские *згарди*, нанизанные на шнурок крестики, разделяемые трубочками из латуни и пр.) также известны были в эпоху Киевской Руси.

Начиная с XVI в. в разных источниках встречаются указания на существование отдельных элементов костюма, бытовавшего в XVIII в. и позднее, во второй половине XIX — начале XX в. Например, с XVI в. прослеживается *плахта*, а с XVII в.— вышитая женская сорочка и кожух.

Общий вид двухэтажных жилищ совхоза Бортничи (Киевская обл., 1962 г.)



Планы дома с квартирами в двух уровнях (с. Шпитьки, Киевская обл., 1962 г.)



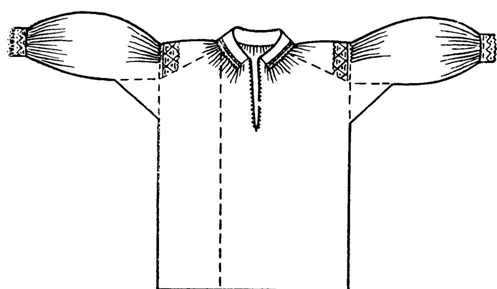
Мужская свита из с. Цесарская слобода (Киевская губ.)

Костюм украинских феодалов указанного времени был иным; он состоял из отдельных элементов народной одежды, но во многом сложился под иноземным влиянием.

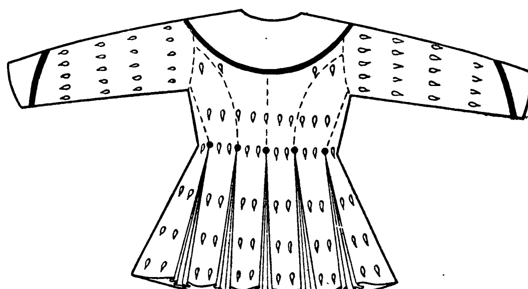
Основными элементами мужского костюма феодалов были: широкие брюки, полукафтан, *кунтуш* (его особенностью были рукава с прорезями), шуба без рукавов, шапка из соболя, сафьяновые сапоги.

Женщины носили юбки, плахты, короткие безрукавки, жупаны, кунтуши, шапочки, *намітки* (длинное домотканное полотнище белого цвета), также сафьяновые сапоги. Материалы, из которых шились одежды, были местными и привозными. Праздничная одежда зажиточных казаков мало чем отличалась от одежды феодалов.

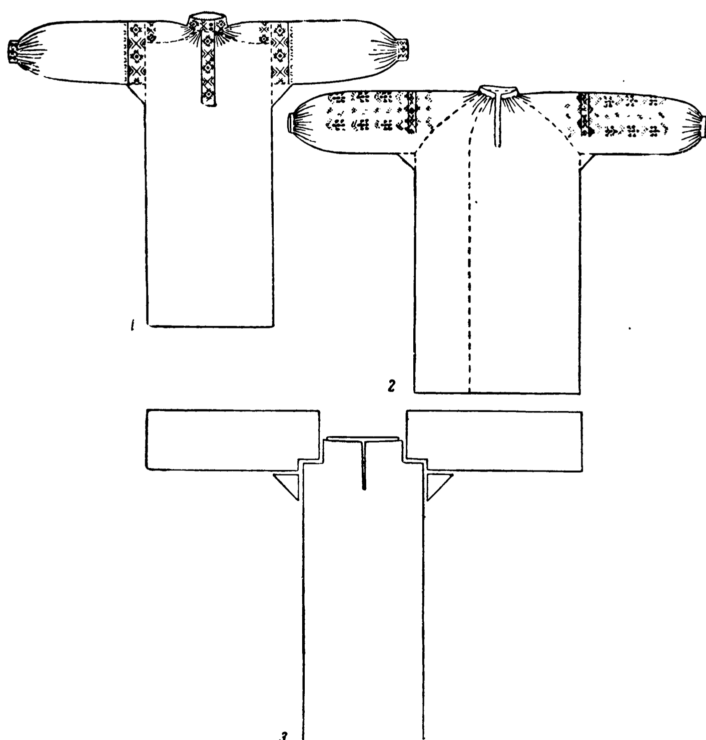
Особенности, которыми характеризовался костюм украинского крестьянства XIX — начала XX в., ярче всего выразились в том его комплексе, который бытовал на Левобережье, Правобережье, в Слободской Украине, частично на Подолии и в Екатеринославской губ. Другие комплексы были его вариантами. Мужская сорочка была туникообразной или с прямоугольными вставочками на плечах (*полики*), со сборками у ворота. Сорочки богато украшались вышивкой на поликах, вороте, нагрудной части и на рукавах. Они заправлялись в полотняные шаровары. До конца XIX в. они шились широкими; с конца XIX — начала XX в. получили распространение узкие штаны. Для зимнего времени они изготовлялись из серого сукна. В широком употреблении была безрукавка; в конце XIX — начале XX в. под влиянием города вместо нее стали носить жилеты. Верхней одеждой была *свита*, которая шилась из домотканного сукна белого, черного или коричневого цвета. Во второй половине XIX в. белые мужские свиты встречались редко. Сзади по талии в них делались сборки, а в районах Полтавы и Харькова — иногда клинья (*вуси*). Зажиточное население носило однотипную со свитой одежду: зимой из овчины — кожух (желтого цвета, а в XIX в. белого), летом из покупной материи — *жупан*. Свиты и кожухи часто украшались вышивкой, аппликацией и пр. Сверху свиты или кожуха зимой или в непогоду надевали *кирею* — одежду с капюшоном типа халата, сшитую из грубого домотканного сукна. Мужчины обязательно подпоясывались поясом: шерстяным, шелковым или бумажным. Шапки шились из барашка или из овчины. Летом мужчины носили соломенные шляпы (*брилі*). Волосы подрезались «под горшок» (*під макітру*). Бороды носили только старшие по



Мужская сорочка с поликами (Полтавская губ.)



Женская *юпка* — верхняя одежда (Екатеринославская губ.)



Женские сорочки:

1 —с поликами, пришитыми к рукаву (Киевская губ.), *2* — полтавская бесполиковая, *3* — киевская бесполиковая

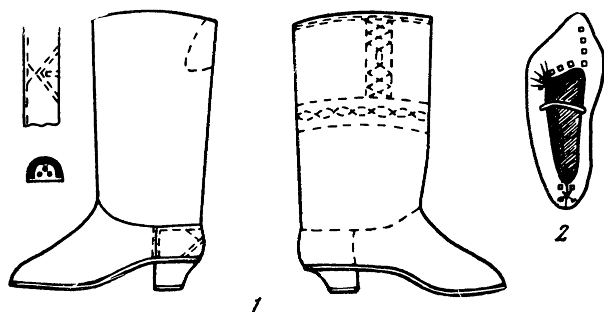
возрасту. Молодые люди их сбривали, оставляя усы. Преобладающей летней обувью служили *постоли* (русские поршни), а у богатых — *черевики* (вид туфель). Кое-где в Полтавской губ. носили лапти (*личаки*). Зимней обувью были сапоги, которые летом надевались только по праздникам.

Женская сорочка была двух типов. К наиболее распространенному типу принадлежала сорочка с поликом, слитым с рукавом; такой полик сшивался со станом сорочки. У сорочек второго типа полик пришит к рукаву. Такая сорочка имела распространение главным образом в районе Полтавы. На Правобережье сорочки носили с отложным или высоким стоячим воротником. Сорочки украшались вышивкой на рукавах, поликах, вороте, нагрудной части и на подоле. В районе Полтавы узкий воротничок,

концы рукавов и нагрудная часть не вышивались. Поясная одежда состояла из двух кусков шерстяной ткани (однотонной или в полоску), называвшихся *запасками*. Реже запаски заменялись одним куском шерстяной материи (*дерга*). Дерга иногда сшивалась из нескольких кусков материи, часто цветной. Широко была распространена плахта, сшитая из двух полотнищ ткани, которая спереди дополнялась шерстяным или полотняным фартуком. Ткань на плахты вырабатывалась узорная. В XX в. стала распространяться юбка. Сверху сорочки надевалась безрукавка — *керсет*. Верхней одеждой считалась свита. Еще в конце XIX в. ее шили из белого домотканного сукна. Женская свита на Левобережье была с клиньями (*вуси*) или со складками сзади (*ряси*); на Правобережье — только со сборками, которые часто делались лишь по бокам (*свита з прохідкою*). Верхней одеждой служила еще и *юпка*, т. е. разновидность свиты. Она шилась из легких материалов (например, набойки или покупных фабричных тканей). Ее разновидностью был *халат* (Харьковская и Воронежская губ.). Кожух часто не отличался от мужского. В том случае, когда кожух по покрою отличался от мужского, он назывался *кожушанкой* и иногда покрывался тканью.

Девушки заплетали волосы в одну или две косы, а женщины скручивали в жгуты и укладывали их вокруг головы. Девушки летом ходили с непокрытой головой, обвязанной лентой, а по праздникам надевали венки. Кроме того, на Левобережье они складывали шелковый платок в узкую полоску шириной почти по высоте лба и ею обвивали голову так, что повязка напоминала венок. На Правобережье платок складывали не полностью, а закрывали его концами темя. Сверху такой повязки в сильные морозы накидывался теплый платок (*хустка*). В будни носили только хустку, завязывая ее концы на шее. Летом носили платки, завязывая концы под подбородком. До появления фабричных платков они были полотняные вышитые. Замужние женщины носили (чепец) *очіпок*, а поверх его платок (хустка). Широко распространенные в старину *намитки* уже в XIX в. вышли из употребления. Намитка представляла собой длинный кусок полотна (украшенный вышивкой, тканым орнаментом) или кисеи. Ее завивали на обруче, надетом на голову. Основным украшением являлись ленты, серьги, *намисто* и *дукачі* (ожерелье из монет). Обувью служили сапоги. Они были в употреблении в праздники и летом. Праздничной летней обувью были еще *черевики*, рабочей — *постоли*.

Определенным своеобразием отличался костюм Полесья. В этом слаборазвитом в экономическом отношении районе одежда сохраняла много архаических элементов. Здесь была распространена мужская сорочка с узким поликом. Бытовала сорочка и с обычными поликами. Сорочки шились из сурового или полуотбеленного полотна и носились поверх узких полотняных штанов; подпоясывались они узким ремнем с медной пряжкой. Бытовали суконные безрукавки. Свиты и кожухи шились с двумя клиньями, которые на кожухах иногда вышивались. Свиты преобладали серого цвета, кожухи — белого. Старые и молодые мужчины носили бороды. Головными уборами служили шапки из войлока (*шоломки*, *магерки*). В Полесье летом и зимой были в употреблении постолы и личаки (прямого плетения).



Женская обувь (начало XX в.)

1 — сапоги и их детали (Екатеринославская губ.), 2—постолы (Закарпатье)

Чепцы (конец XIX — начало XX в):
1 — Киевская губ., *2—3* — Полтавская губ.

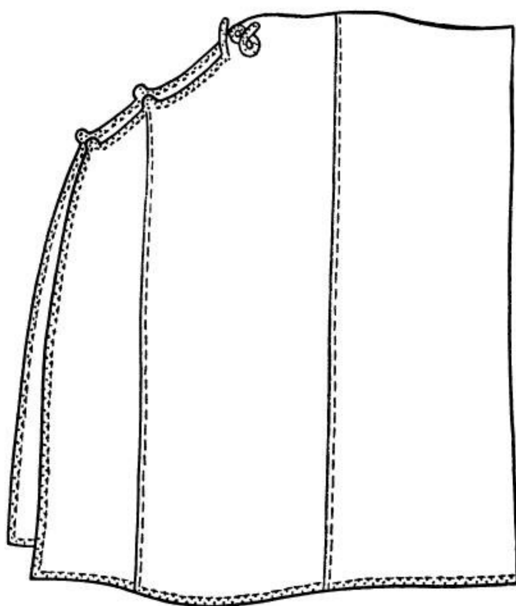
Женская сорочка в Полесье шилась, как и мужская, из полотна с прямым поликом и отложным воротником. Украшались сорочки тканьем или вышивкой. Широко бытовала здесь юбка — *літник* — из шерстяной цветной материи в полоску, имевшая спереди вставку из другой ткани (*притичка*), с иным орнаментом. Литник на подоле имел цветное обрамление. Шилась юбка и из льняных домотканных материалов (*фартух*). Кроме того, на Полесье носили еще и белорусский андарак. Был в употреблении также керсет. Верхняя одежда женщин, а также обувь не отличались от мужской. Длительное время бытовали полотняные белые платки, а также намитка, которая сохранялась до самой революции.

Левобережное Полесье имело свою специфику. Там бытовала плахта. Белые из домашнего сукна безрукавки носили не только женщины, но и мужчины.

Специфическими особенностями отличалась одежда, которую носило население низинной части Галиции, Западной Подолии и частично Волыни. Длительный гнет польской шляхты задержал в этом районе развитие украинской народной культуры, что сказалось и на одежде. Комплекс местной одежды был близок к центральному комплексу, но в нем сохранялись архаизмы. Штаны для зимы шились из белого сукна (на Волыни — из цветного). Свита была с капюшоном (*опанча*). Верхняя одежда украшалась шнурами, вышивкой и пр. Поверх надевалась кафтаноподобная архаическая *полотнянка*, сшитая из холста. Шапки делались из барашка или овчины. Они имели цилиндрическую форму и суконный верх. Сверху мех разрезался и стягивался лентами. В широком употреблении были шляпы. Мужской обувью служили сапоги без каблуков с круглыми носками, а также личаки. Через плечо носилась плетенная из лыка сумка — *кошель*.

Женская сорочка была с широким отложным воротом, часто плиссированная, юбка — полотняная с цветными полосами (*димка*). Кроме кожуха, носили еще коротенький кожушок, полотнянку, безрукавку, сшитую в талию (*камізелька*). Девушки делали разнообразные прически и носили также венчик, прикрытый сверху кисеей, складки которой образовывали шишечку, украшенную воткнутыми цветными булавками; платок они надевали так, что темя оставалось открытым. У замужних женщин бытовал чепец.

В отдельный комплекс может быть выделена одежда населения горной части Украины, хотя костюмы отдельных групп местного населения



Гугля

Чуганя

имели свои особенности. Наибольшим своеобразием отличался костюм гуцулов, в котором имелось много архаических элементов. Мужская сорочка гуцулов была туникообразная, с характерной вышивкой на соединениях рукавов со станом. Носили ее поверх штанов, которые шились из белого (*поркиниці*) или цветного (*крашениці*) полотна, а также из белого или красного сукна (*гачі*). Штанины внизу вышивались. Сорочка подпоясывалась кожаным поясом. Характерными элементами костюма гуцулов являются меховые безрукавки (*киптар*) и прямоспинный короткий из домашнего сукна *сердак* (тип свиты). Верхней одеждой служила еще и прямоспинная длинная *манта* с пелериной. Гуцулы повязывали шею платком. Волосы подрезали только спереди. Наиболее распространенной была меховая шапка-ушанка, бытовали также шапки — *шлик* и шляпы (*кресаня*). Характерной для гуцулов обувью были постолы, портянки или чулки из красного домотканного сукна (*капці*). Молодежь часто носила сапоги. Не разлучались гуцулы с кожаной богато украшенной сумкой (*тобівка*), надевавшейся через плечо, и пороховницей (*перехресниця*).

Сорочка гуцулок была с отрезным поликом и с узенькой обшивкой по шее. Гуцулки носили или две запаски, или одну с полотняным передником; девушки — юбку (*сукня*). Киптар и сердак женщин не отличались от мужских. Кроме того, женщины носили еще сердак на меху (*підбіяка*), а также короткий кожушок. Архаической являлась праздничная одежда типа накидки (*гугля*), которая являлась обязательной одеждой невест. Девушки и женщины заплетали волосы в косы. Кроме того, девушки плели еще и искусственные косы (из гаруса, конопляного волокна). Преоб-

Гуцул и гуцулка в традиционных костюмах

ладающими головными уборами у девушек были венкообразные. Замужние женщины носили намитку (*перемітка*); иногда поверх ее надевался платок. В праздники девушки и женщины надевали многочисленные шейные и ручные украшения (*згарди*, *ретязі* — браслеты из медной цепочки). Обувью всех женщин служили постолы и онучи, вместо которых в праздники надевались чулки (*капчури*). Девушки носили также сапоги. Женщины носили *ногавиці* — *доколінниці* (несоединенные между собой штанины).

В одежде бойков, лемков, буковинцев и покутян наблюдалось много общего с костюмом гуцулов. Мужчины всех указанных групп носили короткую верхнюю одежду типа сердака и пиджака, меховые безрукавки типа киптаря: *мунтян* у буковинцев и покутян и безрукавки из тканей — у остальных групп (*катанка*, *лейбик*). Распространена была под разными названиями одежда типа опанчи, но с пелериной. Буковинцы, покутяне и частично бойки сорочку носили поверх брюк; через плечо надевали сумки; подрезали волосы только спереди; носили шапки, шляпы, постолы.

Особенностью лемковского мужского костюма были сорочка с разрезом на спине, заправлявшаяся в брюки, и верхняя одежда — *чуганя* — плащеподобная с длинной пелериной и ложными рукавами. Сорочка бойков также имела разрез на спине; их сердак и сердак лемков напоминали свиту. На Буковине преобладала туникообразная сорочка и узкие длинные со сборками внизу брюки. У буковинцев и покутян сердак шился в талию; у них же бытовал тулуп (кожух).

Общими элементами женского костюма бойков, лемков, буковинцев и покутян являлись безрукавки и сердаки, почти не отличавшиеся от мужских, и постолы. Отличительные черты женского костюма бойков заключались в составной сорочке с разрезом на плече и юбке из белого полотна. Замужние женщины из-под чепцов выпускали по бокам локоны волос или закручивали волосы в жгуты, а в праздники волосы распускали совсем и набрасывали на голову убор из белого платка (*півка*), которым обычно повязывали голову. Женщины-лемки носили тоже составные сорочки с разрезом на плече; юбки у них были цветные. Замужние женщины

Мужская традиционная одежда
(с рисунка А. Г. Сластиона, вторая половина XIX в.)

волосы разделяли на две половины и затем, свернув каждую из них в жгут, наматывали на лубяной или веревочный обруч, который покрывался чепцом, а сверху набрасывался *обрус* (тип рушника).

Значительно больше выделялась женская одежда буковинцев и покутян. Здесь бытовало два типа женской сорочки: туникоподобная с рукавами без сборок и сорочка с поликами. Набедренной одеждой была *горбатка* — кусок полосатой или однотонной черной или красной шерстяной ткани, один конец которой подвертывался под пояс. Носили здесь и юпки, а также киптари, сердаки и кожухи. Если кожух покрывался фабричным сукном, то он назывался кунтушом. Бытовала также одежда типа пальто — *бурнус*. У девушек были распространены, кроме платков, венкообразные головные уборы, в частности, с торчащим сверху пучком травы (*кода*); такие уборы закреплялись на темени, а волосы распускались. Замужние женщины делали фигурную повязку, укладывая волосы также на темени. В широком употреблении были монисты. Кроме поршней, зимой и летом носили сапоги.

Своеобразным являлся костюм населения Закарпатья. Он был насыщен городскими элементами, однако в нем сохранились и древние элементы, общие для восточных славян, а также для других славянских народов. Мужскими одеждами были: короткая или длинная с нашивками на плечах сорочка, узкие брюки (типа словацких или венгерских), подпоясываемые широким кожаным поясом, пиджакоподобный сиряк, кожушок без сборок, безрукавный прямоспинный с широким воротником тулуп (*губа*), шляпы, постолы, а также сапоги.

Женщины Закарпатья часто носили плиссированную сорочку с разрезом у плеча или сзади, полотняную юбку со вставкой впереди (*попередниця*); бытовал в качестве набедренной одежды *плат* — фартук. Безрукавка была городского типа (*камизелька*). Сиряк и кожушок не отличались от мужских. Внакидку носилась из длинноворсистого серого или белого сукна короткая *гуня* с ложными рукавами. Девушки заплетали волосы в мелкие косички (*дрібушки*). Обувью служили летом и зимой постолы и сапоги.

Женщина в традиционном костюме (начало XX в., Полтавская губ.)

Девушка в традиционном костюме (1960 г.)

Восточноподольский комплекс представлял собой переходный тип между буковинско-покутским костюмом, с одной стороны, и комплексом, характерным для низинной части Галиции, западной Подолии и частично Волыни — с другой. Его мужскую разновидность составляли: тунико-подобная со свободными рукавами и высоким воротником сорочка, носившаяся на выпуск, узкий тканый пояс или ремешок, свита с шалевым воротником и прохидкою, надевавшаяся часто внакидку, опанча, полотнянка. В широком употреблении были шляпы и постолы. У женщин сорочка была со стоячим или отложным воротником и имела вышивку из продольных полос на груди и на спине. Носили горботку, а также однотипную с мужской свиту и постолы.

Костюм в степной части Украины образовался в результате слияния отдельных элементов русской, украинской и иной одежды, принесенной туда из разных районов. Кроме того, на нем сказывалось сильное городское влияние.

Мужчины часто носили верхние городские сорочки, косоворотки, пальто, прямоспинные свиты (пальто со стоячим воротником, как у свиты), полушубки, картузы, ботинки, сапоги. Женщины носили сорочки и керсеты с четырехугольным вырезом, на возникновение которых повлияли русский сарафан, молдавские сорочки, городские платья и пр. Сорочку часто шили с отрезным поликом, на кокетке, к ней пришивался станок, а к нему нижняя часть — *підтичка*. Широко бытовали также сарафан, городские юбки и блузки, пальто, прямоспинные свиты со стоячим воротником. Головными уборами служили платки, зимой — шали. Замужние женщины носили чепцы городского типа. Девушки зачесывали волосы на городской манер. Широко были распространены ботинки, зимой — сапоги.

Существовали и профессиональные различия в дореволюционной крестьянской одежде (например, чумаки носили летом не шляпы, а шапки, надевали кожаный пояс, к которому подвешивались карманчики; то же наблюдалось и у чабанов).

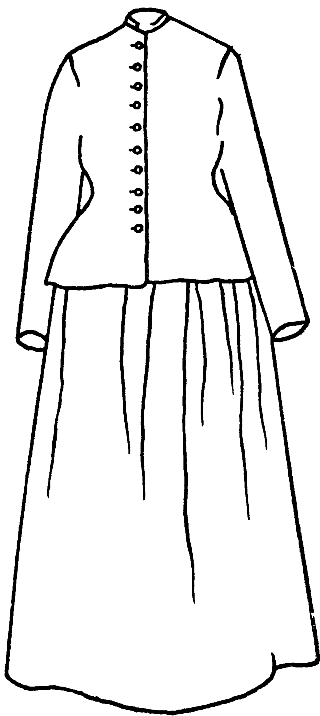
Дореволюционная одежда рабочих и влияние ее на крестьянскую одежду

Своеобразные черты одежды рабочих Украины прослеживаются со второй половины XIX в. Рабочие, вышедшие из села, приносили в город свои сельские костюмы — русские, украинские, белорусские. Традиционные сельские элементы одежды объединялись с городскими. В некоторых местах отдельные элементы традиционного украинского костюма сохранились неизменными почти до самой революции. Из быта рабочих не выходили мужские сорочки с нагрудной вышивкой. Большое распространение среди них имела русская косоворотка, которая носилась поверх брюк и подпоясывалась шнурочком с кисточками. Другие виды верхних сорочек носились также поверх брюк, иногда даже без пояса. Вместо верхней сорочки встречались куртки. Появились модифицированные покрои женской сорочки, а также верхней одежды. У сорочки исчезли полики, приставлялись короткие рукава, но оставались ластовицы; у пальто сохранялся невысокий воротник, как у свиты и пр. Распространена была *чемерка*.

Во второй половине XIX в. в первую очередь на предприятиях, где имелись кадровые рабочие, традиционная сельская одежда заменялась городской. Мужчины носили «тройку» (пиджак, жилет, брюки), пальто и полупальто, а также верхний пиджак на вате. Материалы употреблялись фабричные в зависимости от возраста и заработка (на пальто — бобрик, сукно; на брюки — сукно, шерсть, сатин, бархат и пр.). В качестве обуви преобладали сапоги.

Характерным костюмом женщин была «парочка» (юбка и кофта в талию или прямая), сарафан. Верхней одеждой также были пальто и полупальто. Традиционные прически совсем исчезли; они были заменены модными

43 Заказ № 888



Парочка (Донбасс, 80-е годы XIX в.)

городскими. Головными уборами стали только платки. Из видов обуви были распространены ботинки.

Предприниматели не обеспечивали трудящихся специальной рабочей одеждой. Поэтому рабочие сами приспосабливали отдельные элементы одежды для производственной деятельности. В шахтах на ноги надевались плетеные из веревок *чуни*. На брюки горняки нашивали наколенники из кожи. Лучшим вариантом были брезентовые сорочка и брюки, защищавшие от воды.

Под влиянием городских мод, в частности одежды рабочего класса, на селе стала распространяться прямоспинная одежда (суконные свиты, кожухи, в которых сохранялись традиционные элементы покроя). У рабочих сельские жители заимствовали чисто городские формы одежды (пальто, пиджаки, картузы и пр.), а также элементы русского народного костюма (например сарафан).

Господствующие классы одевались по модам, имевшим распространение в Западной Европе, но в костюме торгово-ремесленной буржуазии сохранялись элементы крестьянской одежды. У этой группы населения долго бытовали элементы казачьей одежды и ее покроя (брюк, жупанов и др.).

Украинский народ создал оригинальную национальную одежду, родственную одежде русского и белорусского народов и вместе с тем отличающуюся только ему присущими особенностями (бытование плахты, преобладание бесполиковой женской сорочки, опанчи и пр.).

ИЗМЕНЕНИЯ В КОСТЮМЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Социалистические преобразования в СССР обусловили и изменения в костюме советских людей. После разгрома иностранной интервенции и окончания гражданской войны в первой половине 20-х годов в быту рабочих сохранялись многие старые образцы одежды: верхняя рабочая сорочка, которая носилась навыпуск, чемерки, полушубки, женские парочки. Вскоре промышленность начала снабжать население фабричной одеждой, а мастерские брали ее за образец. В условиях нэпа главным образом в среде капиталистических элементов имело место влияние буржуазных мод, которое шло из-за границы.

Одежда городского населения

В 30-х годах в ходе грандиозных социально-экономических преобразований в стране, вызывавших изменения в культуре и быте населения, к проблеме костюма проявлялся большой интерес. В печати, в частности, обсуждались вопросы мод костюма, его функциональности, гигиеничности и др. Поиски новых форм одежды не всегда были удачны. В первой половине 30-х годов на моделировании сказались формалистические течения в искусстве. Широко были распространены, особенно в женских платьях, мужских и женских пальто, покрои геометрических форм. Со второй половины 30-х годов приобретает широкое распространение одежда по старым народным образцам, в особенности расклешенные женские платья и пальто, юбки в густую сборку. Тогда же широко начали входить в быт блузки в народном стиле, платья, разработанные на основе народ-

ной одежды, а также платья городских покроев с использованием народной вышивки и пр. Во второй половине 40-х годов попытки использовать народные элементы в моделях одежды еще более участились. Появились женские верхние зимние пальто с перехватом в талии и с опушкой, характерной для кожушанок. Разнообразно использовались традиционные орнаменты вышивки и пр.

Преобладающим костюмом в 40-х годах, как и в последующее время, является развивающийся на основе городской одежды костюм, который отличается в первую очередь практичностью. В настоящее время по-прежнему сохраняются в моде ткани с рисунком, построенным на традиционных орнаментах. На фабриках вырабатываются и традиционные ткани, главным образом плахтовые, хлопчатобумажные и шерстяные, в цветную полоску, из которых шьется различная женская одежда (юбки, платья и другие изделия). Внедрены в производство фабрик художественной промышленности широко бытующие в городе блузки в народном стиле и традиционные мужские вышитые сорочки.

Народные мотивы используются и при моделировании одежды. Чаще всего применяется народный орнамент. Например, рукава женского жакета, сшитого из тяжелой шелковой ткани, расшиваются по образцу рукавов традиционной украинской женской сорочки. Иногда используются отдельные элементы покроев (например, в женском пальто имитируются клинья сзади по образцу народной свиты; цельнокроенные платья с вышитым рукавом, как у сорочки).

Наблюдаются попытки стилизовать отдельные элементы костюма в целом; например, во Львове производятся жакеты типа сердака и пр. Степень стилизации костюма зависит от силуэта, который определяется требованиями моды.

В целом в настоящее время в быт всех слоев городского населения широко входят народные украинские формы одежды и в их числе мужские вышитые сорочки и женские блузки с традиционной вышивкой, распространившиеся по всему Советскому Союзу.

Одежда советского крестьянства

Коренные изменения в одежде советского крестьянства начались уже на первом этапе развития советского общества. Успехи советской экономики в восстановительный период, а затем в период индустриализации страны обеспечили снабжение населения мануфактурой и в значительной степени готовой одеждой. На селе уже в 20-х годах широко распространились городские элементы одежды: костюмы, пальто, обувь и пр. Зародившиеся в дореволюционном селе под влиянием города, главным образом рабочей среды, предметы одежды (женские блузки, сарафаны, прямоспинная женская и мужская верхняя одежда, мужские чемерки и пр.) приобрели еще большее распространение.

Решающее влияние на замену традиционного костюма городским имела индустриализация страны и расширение производства товаров широкого потребления. В 30-х годах прекратилось домашнее производство материалов для одежды. В преобладающем большинстве крестьяне стали шить одежду из фабричных материалов или покупать одежду фабричного производства.

В настоящее время костюм сельского населения в основе является городским, но имеет свои особенности, вызванные условиями труда и быта, а также влиянием традиций. Особенностью мужского костюма сельских районов является сорочка, которую шьют по традиции туникообразной и вышивают. Из традиционных форм костюма широко бытует в западных областях безрукавка, которая служит удобной одеждой в условиях горного климата. Под влиянием украинской народной традиции гимнастерка, которая широко распространена, иногда заправляется в брюки.

Народное гулянье 1 Мая в с. Решетиловка (Полтавская обл., 1959 г.)

В качестве верхней мужской одежды, кроме пальто, распространены полупальто. Сшитые дома без мехового воротника полупальто называются курткой, сукманом, свитой и пр. По своему происхождению полупальто ведет свое начало от свиты, на основе которой в рабочей среде еще до революции возникла прямоспинная свита со стоячим невысоким воротником, как и у традиционной свиты, а также с рукавами, обшитыми по краям кожей.

В качестве головных уборов преобладают летом кепи, зимой — шапка-ушанка. Одежда детей — в основном городская.

В среде девушек в качестве праздничного костюма бытуют традиционные сорочка, плахта, керсет, безрукавка, запаски (западные области). Их производят фабрики художественной промышленности. Верхняя сорочка бывает на кокетке, ее украшают традиционной вышивкой (Львовская обл.). Будничная сорочка домашнего производства, став одеждой нательной, под влиянием городских мод приобрела иной вид (обычно без вышивки, туникообразная; как правило, она не имеет воротника, бывает иногда без рукавов или с короткими рукавами). В качестве праздничных сорочек преобладают фабричные. Традиционные сорочки шире бытуют в Карпатах в связи с распространением там безрукавки, из-под которой видна вышивка.

На основе женских традиционных сорочек сформировалась блузка. Шьются в селах блузки и городских покроев, но они украшаются вышивкой, свойственной сорочкам. Блузки такого типа впервые появились в городах и были там широко распространены уже в 20-х годах. Народные типы блузок берутся народными мастерами и профессиональными художниками за основу при разработке новых вариантов, что служит ярким примером взаимовлияния и взаимообогащения профессионального и народного творчества.

Несмотря на широкое распространение женских пальто, в сельских местностях среди женского населения в значительной мере бытует в качестве и рабочей и праздничной верхней одежды так называемый *сачок* городского покроя, который аналогичен мужскому полупальто. Мужская

куртка служит только рабочей одеждой. В качестве головных уборов преобладают платки. Шляпы встречаются редко. Рабочей обувью зимой служат сапоги и валенки.

Женский костюм характеризуется и возрастными особенностями. Например, старухи почти не носят платья, а вместо него носят кофточки, блузки, юбки темных цветов. В целом в женском костюме объединяются городские его элементы с традиционными (сорочка с юбкой, безрукавки в степной части Украины надеваются сверху блузки, платья и даже жакета).

С повышением благосостояния населения из года в год все шире и разнообразнее удовлетворяются его потребности в высококачественных товарах широкого потребления, в частности, в добротной и красивой одежде, обуви и головных уборах.

Особое внимание в настоящее время партия уделяет производству материалов для одежды и обуви химическим путем. В свете новых требований декабрьский Пленум ЦК КПСС 1963 г. разработал грандиозную программу развития химии, в частности, в производстве товаров широкого потребления. Этим вопросам также был посвящен и Пленум ЦК КПУ.

ПИЩА И УТВАРЬ

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛИНАРИЯ И УТВАРЬ

Богатая и оригинальная украинская народная кулинария создавалась в течение длительного времени. Для нее характерно большое разнообразие продуктов и изготовленных из них блюд. Питание различных слоев населения было крайне неодинаковым.

Основные блюда, их состав и приготовление

Хлеб и мучные изделия составляли основу питания украинского крестьянина, а другие продукты являлись, скорее, приправой. Украинский народ сложил много ярких пословиц и поговорок о хлебе («Хліб над усім пануе», «Що не їж, а хліба хочеться», «Хліб випечений, як сонце», «Без хліба нема обіду» и т. п.).

В Черниговской, Полтавской, Волынской, Киевской губерниях и на севере Екатеринославской преобладал ржаной хлеб, на юге Екатеринославской, а также в Херсонской и Таврической губерниях—пшеничный; в равнинной части Закарпатья был распространен и ржаной и пшеничный; в горных районах Закарпатья — ржаной, овсяный, ячменный. Хлеб пекли из кислого теста, специально оставленного от предыдущей выпечки. Замешивали дрожжевое тесто в деревянной кадке (*діжа*) или в глиняной посуде. На Левобережье из того же хлебного теста пекли на сковороде лепешки (*перепічки*), а в западных областях — тонкие лепешки (*підпалки*). Везде пекли круглые булочки (*пампушки*) и большие овальные буханки хлеба из пшеничной муки, которые носили название *паляниці*. Из дрожжевого теста пекли также пирожки с печенкой, с калиной и сахарной свеклой. Из пресного теста делали тонкие лепешки (*коржі*), которые чаще всего служили как обрядовое печенье; их ели с медом и маком. Из муки приготовляли галушки, вареники, комочки теста, сваренные в воде (*затірку*), и лапшу (*локшину*); из гречневой муки пекли лепешки (*гречаники*) и т. д.

Для большей части населения повседневной пищей служила растительная. Огурцы, помидоры, капуста, чеснок и другие овощи употреблялись в большом количестве как в сыром виде, так и в виде различных солений, маринадов. Наиболее распространенным блюдом, без которого не обходилась ни одна семья, был овощной *борщ*. Для приготовления борща использовалось до 20 разных продуктов. Сочетание их вкусовых особенностей образует питательное и приятное на вкус блюдо. Борщ

приготовлялся из свежих овощей: капусты, свеклы, помидоров и свекловичного кваса; он редко готовился на мясном отваре, а, как правило, заправлялся сырым салом с луком или пережаренным луком и растительным маслом. Борщ часто заменялся картофельным супом — *юшкой*. В качестве вторых блюд больше всего были распространены отварной или тушеный картофель и каши: пшенная, гречневая или ячменная.

Любимыми кушаньями украинского крестьянина были: галушки, молочная лапша, вареники с начинкой из творога, картофеля, гороха, тушеной капусты, летом — из ягод. Молоко и молочные продукты — творог, сметана, варенец (*ряжанка*) — в повседневном меню малоимущих крестьян играли незначительную роль. Молочные блюда подавались в праздничные дни, а в будничные дни молоко употреблялось только в качестве приправы к овощным и мучным блюдам. Основная масса крестьян употребляла мясо только по большим праздникам (рождество, пасха) или в особо торжественные семейные дни. Значительная часть мяса шла на продажу. Украинские крестьяне из мяса больше всего употребляли в еде свинину. Из свиного мяса делали различных сортов колбасы, коптили окорока. Сало ели в сыром виде с чесноком, луком, ржаным хлебом, а также в качестве приправы к различным блюдам. Не менее распространенным блюдом у украинских крестьян было тушеное мясо с картофелем — жаркое (*печеня*). Рыба в пищевом рационе украинцев занимала значительное место. В центральных губерниях Украины употреблялась рыба дешевых сортов — селедка, соленая чехонь, килька, вяленая тарань. В южных губерниях (прилегающих к морю) — более дорогая рыба: красная, копченая разных видов и т. п.

Праздничные обрядовые блюда

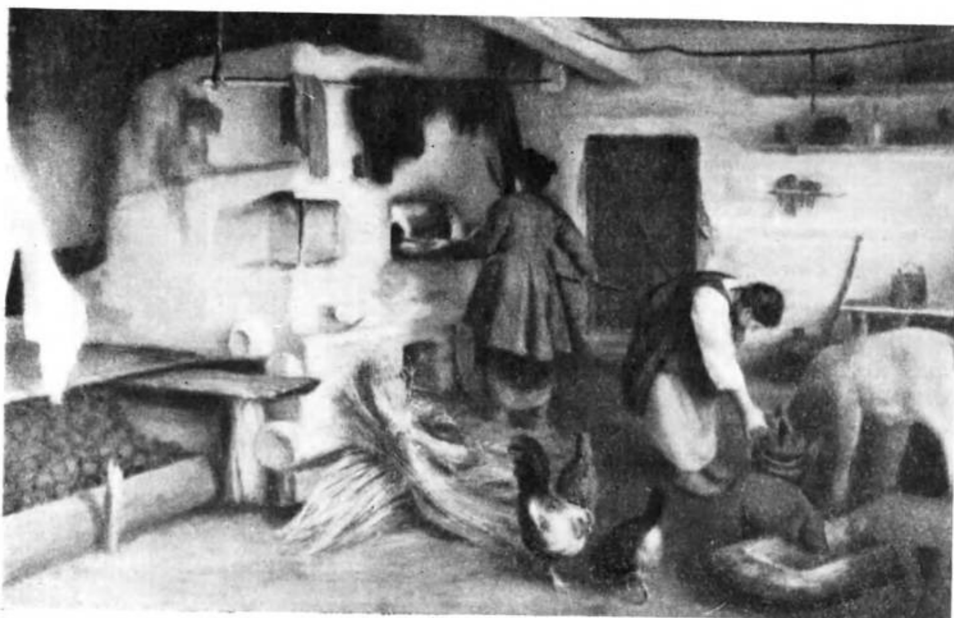
В праздничные дни меню заметно разнообразилось. Вот как описывает И. Котляревский в поэме «Энеида» украинскую праздничную кухню.

«Тут їли разнії потрави. . .
З нових кленових тарілок:
Свинячу голову до хріну
І локшину на переміну,
Потім з підливою індик;
На закуску куліш і кашу,
Лемішку, зубці, путрю, квашу
І з маком медовий шулик.
. . . .
Там лакомини різні їли,
Буханчики пшеничні білі
. . . .
Горілку пили
Настояную на базян,
В ній був і перець і шапран [1].

Праздничный стол был далеко, конечно, не одинаковым у различных слоев сельского населения: у бедняков и в семьях среднего достатка добавляли к обычной пище молочные блюда (молочную кашу, лапшу), галушки, вареники. Зажиточные крестьяне готовили пироги с мясной начинкой, жарили мясо, пекли калачи и булки из пшеничной муки. Особенно любимым праздничным кушаньем были свиные колбасы, холодец, жареное и тушеное мясо. Из праздничной кухни следует отметить большой круглый хлеб из пшеничной муки (*коровай*). В качестве свадебного хлеба известны небольшие булочки (*шишки*). На пасху выпекали из лучшей

---

[1] І. Котляревський. Повне зібрання творів у двох томах, т. І. Київ, 1952, стр. 72—73, 91, 95—96, 174 и др.



«Приготовление обеда» (с картины И. Г. Рашевского, 1849 г.)

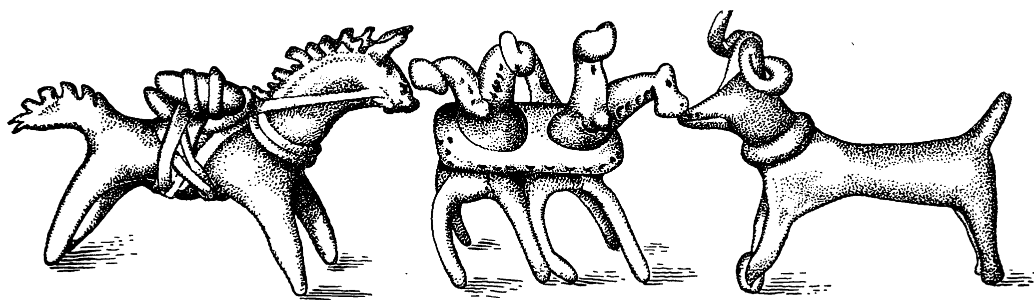
муки сдобный фигурный хлеб (*паску*). Блины из пшеничной и гречневой муки, а также вареники являлись обязательным блюдом на масляницу.

В день весеннего прилета птиц готовились вареники с толченым конопляным семенем и выпекались жаворонки из пресного теста. Из обрядовых блюд был распространен компот из сухих фруктов (*узвар*); на рождество — *кутя* (у бедняков — из толченой пшеницы или ячменя, у зажиточных — из риса с изюмом, маком, медом и орехами). На первый день рождества и пасхи пекли также пироги с мясом, печенкой и другими начинками.

В пище украинцев довольно ярко проявлялись локальные особенности, тесно связанные с хозяйственными условиями тех или иных районов. Жители Карпат —бойки,— например, употребляли ржаной и пшеничный хлеб в ограниченном количестве, так как рожь и пшеница почти не выращивались ими. Хлеб заменяли ячменные лепешки из кислого теста (*ощiпки*) и суп из овсяной муки (*киселиця*). У лемков, бойков и гуцулов приготовлялись также ячменные пресные лепешки. На Подолии наряду с ржаным хлебом употребляли кукурузную мамалыгу. В горных и степных районах из овечьего молока готовили брынзу. К праздничным дням закарпатские украинцы коптили сало, приготовляли мясные блюда; у них же большой круглый хлеб — *карачун* (*керечу* или *крачун*)— играл значительную роль в рождественских и новогодних обрядах. В Полесье в основном употребляли картофель и ржаной хлеб; варили борщ из кислой капусты, подобный русским щам; варили грибной суп и черничный кисель.

Напитки

В качестве повседневного напитка украинцы употребляли хлебный квас без заварки (*сирiвець*). Медовые напитки различных способов приготовления и ячменное пиво пользовались большой популярностью у населения. Чай или кофе были достоянием только зажиточных семей. Водка с перцем (*горiлка*) была известна на Украине уже к XVII в. Зажиточные крестьяне и помещики приготовляли знаменитые украинские настойки, наливки и напитки из фруктов, спирта или водки (*запiканки*). Медовые напитки в крестьянских



Детское печенье из творога у гуцулов (начало XX в.)

семьях в конце XIX — начале XX в. приготовлялись только к самым большим праздникам — к пасхе, рождеству, Новому году. С развитием капитализма все эти напитки все более заменялись покупной водкой.

Утварь

В быту украинских крестьян широко была рася пространена глиняная посуда. Для приготовлени пищи служили глиняные горшки, сосуды для толчения продуктов и за пекания мучных блюд (*макітра*), молочные кувшины (*глечики*), миски и т. п. Необходимую принадлежность кухни составляли густые и редкие сита (*решета*), кочерга, деревянные ухваты (*рогачі*), лопаты для сажания хлеба в печь, ведра, бочки для воды, бочонки для кваса и т. д. В качестве столовой посуды обычно употреблялись глиняные миски и деревянные ложки. Из чугунной посуды были распространены котлы (*казани*), сковороды. Посуда подвергалась тщательной ежедневной чистке; деревянную посуду кипятили, затем высушивали, летом на солнце, зимой — на печи. Посуда хранилась на специальных полках — *мисниках*, которые были расположены под потолком, над входной дверью у печи. Пищу принимали два-три раза в день. Ели всей семьей из одной миски.

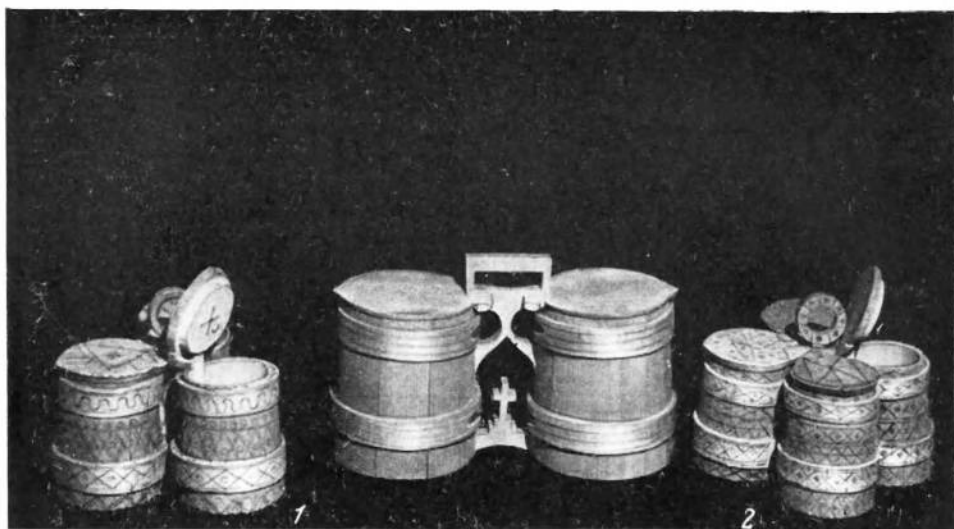
Пища рабочих

Низкая заработная плата, длительный рабочий день, отсутствие общественного питания обусловливали несистематическое питание рабочих на предприятиях и дома.

В домашней кулинарии украинских рабочих сохранялось много черт, свойственных традиционной кулинарии украинских крестьян. Обычной пищей рабочих были почти те же продукты и блюда, которые характерны для крестьянского стола. Летом пищу разнообразили употреблением овощей, фруктов и др. В ежедневный рацион основной массы низкооплачиваемых рабочих входили: ржаной хлеб, постный борщ, картофель, пшенная каша, квас. Пища высокооплачиваемых рабочих была более калорийной. В таких семьях в повседневном быту были молочные продукты, мясные блюда, различные компоты. Накануне рождества в рабочей семье обычно варили постный борщ с грибами и фасолью, гороховый суп, жарили рыбу, приготовляли вареники с различными начинками, пекли ржаной и пшеничный круглый хлеб (*паляниця*), а также готовили традиционную кутью. На пасхальном столе у рабочих, как и у крестьян, были паска, калач, крашеные яйца (*крашанки*, *писанки*).

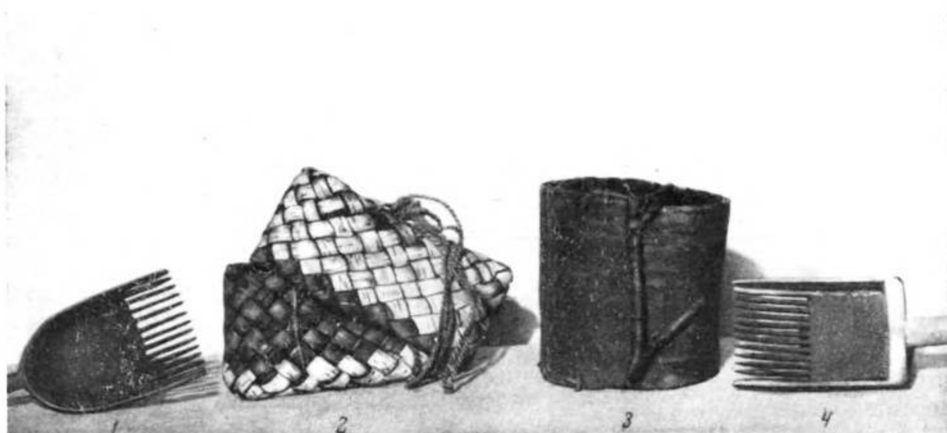
ИЗМЕНЕНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛИНАРИИ И В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В настоящее время питание населения коренным образом изменилось. Хлеб и печеные изделия в украинской деревне по традиции являются основой питания. Вместе с тем неотъемлемую часть повседневного питания украинских колхозников составляют молочные и мясные продукты. Сох-



Деревянная посуда гуцулов для жидкостей (начало XX в.)

1 — трийняк и двийняк, *2* — четверняк



Утварь для сбора ягод (начало XX в.)

1 — гребенка полукруглая, *2* — лубянки, *3* — *нависка* (*веренька*), плетенная из липового или березового лыка, *4* — гребенка прямоугольной формы.

раняются в качестве первого блюда за обедом почти все виды борща, стали широко распространяться мясные и овощные супы. В значительной мере увеличилось количество жареных блюд. Повседневными блюдами являются тушеный картофель с мясом, салом, сметаной, вареники с различными начинками, блины. На завтрак и ужин часто подается винегрет, различные овощные салаты, блины со сметаной. В достаточном количестве употребляется сливочное масло, яйца, сахар. Напитки как хмельные, так и нехмельные сохраняются полностью; большим спросом пользуются различные сорта минеральных вод. Чаще стали применяться различные специи к кушаньям: горчица, перец консервированный красный и т. д. Появились ароматические вещества — гвоздика, лавровый лист, корица и т. п.

На колхозном рынке в Киеве (1962 г.)

Благодаря расширению и укреплению государственной и кооперативной торговли в быт колхозников вошел ряд гастрономических изделий, из которых большим спросом пользуются сыры различных сортов, рыба, из кондитерских изделий — печенье, пирожные и т. д. Расширился ассортимент мясных продуктов в сельских магазинах.

Многие колхозы в период сельскохозяйственных работ организуют общественное питание не только для работающих, но и для их семей. Для приготовления кушаний выделяются соответствующие продукты и создаются специальные бригады, во главе которых стоят повара. Во многих колхозах Украины организованы общественные столовые с широким выбором блюд. Для своих столовых колхозы выделяют лучшие продукты — мясо, жиры, овощи, молоко. Обеды развозятся на наиболее отдаленные от столовой участки, например, свиноферму, в полеводческие бригады. В колхозах многое также сделано для того, чтобы освободить женщин от домашних забот: организована общественная выпечка хлеба, немало семей берут обеды из столовой на дом. В передовых колхозах, где нормирование и оплата трудодня достигли высокого уровня, сложились условия для удовлетворения потребностей трудящихся за счет ресурсов колхоза. В таких хозяйствах колхозники продают коров колхозу и покупают молоко в местных магазинах, а также — хлеб, испеченный в колхозной пекарне.

В настоящее время кухонный инвентарь и инвентарь для хранения продуктов значительно изменился. К старому инвентарю прибавилось много эмалированной и алюминиевой посуды, а также стеклянной посуды для хранения жидкостей, например, четверти для молока, стеклянные крынки, кувшины и т. п. Различные принадлежности городской кухни стали появляться все чаще и чаще в быту украинских крестьян.

Питание городского населения основывается главным образом на продуктах, приобретенных в магазинах и на рынке. В пищевом рационе украинских рабочих увеличилось количество мясных и молочных блюд, они стали повседневным явлением в питании.

Блюда, подаваемые к столу в будни и праздники, отличаются теперь не по составу продуктов, а по степени сложности их приготовления. Меню каждой рабочей семьи изобилует различными высококалорийными блюдами (традиционные украинский борщ и вареники с мясом, творогом и другими начинками, свиное мясо различных способов приготовления, баранина, говядина, молочные блюда, мучные изделия: пироги с мясной, яблочной, капустной, творожной начинкой). Наиболее употребляемыми гастрономическими изделиями являются колбасы, ветчина, буженина, корейка, грудинка, сыры, различных сортов рыба, консервы.

Гости в семье колхозника (Одесская обл., 1957 г.)

Обед в колхозной чайной (Волынская обл., 1962 г.)

В столовой пансионата для отдыхающих на южном берегу Крыма (1960 г.)

Современный свадебный стол (Полтавская обл., с акварели М. М. Маловского, 1962 г.)

Из кондитерских изделий — конфеты, печенье, пряники, торты, пирожные, варенье. К чаю пекут сдобные слоеные пироги. Из крепких напитков употребляются водки, настойки, различные вина.

Виноделие на Украине особенно развилось в послевоенные годы. Значительно изменился ассортимент виноградных вин. Приятные на вкус ароматные украинские вина «Перлина степу», «Золотой початок» (вино из кукурузы) широко известны за пределами Украины.

Широко вошло в быт специальное детское высококалорийное питание, в состав которого входят различные витаминизированные блюда, соки и т. п. Для маленьких детей созданы детские кухни.

Трудящимся предоставлена большая сеть комбинатов общественного питания. В меню столовых вошли украинские традиционные блюда. Вкусовые особенности украинских блюд достигаются комбинированными способами тепловой обработки продуктов. Употребляются различные подливы, которые придают блюдам сочность и приятный вкус. В ряде городов Украины открыты специализированные продовольственные магазины: «Українська ряжанка», «Українська ковбаса», «Українська паляниця», «Бублики», многочисленные вареничные, где можно отведать украинских вареников, галушек с творогом и коржей с маком.

Высококалорийные и вкусовые блюда украинской кухни пользуются спросом в ресторанах и столовых Москвы, Ленинграда, Тбилиси и за границей — в Праге, Софии, Будапеште. В свою очередь в меню пищевых предприятий Украины входят блюда, заимствованные у других народов. В состав украинской кухни вошли русские щи, окрошка; из грузинских блюд широко бытует суп-харчо и т. д.

Предприятия общественного питания значительно облегчают труд домашней хозяйки, освобождают ее от излишней затраты времени для приготовления пищи. Работница или домашняя хозяйка имеет возможность купить в буфетах, столовых или магазинах полуфабрикатов готовые расфасованные порции мяса, готовые котлеты и т. д. В столовых, ресторанах отпускаются на дом горячие обеды, завтраки, ужины. Общественное питание, которое в ближайшее время должно занять преобладающее место по сравнению с домашним приготовлением пищи, имеет большое значение в разрешении важной задачи — повышения материального благосостояния и перестройки быта советских людей в период построения коммунистического общества.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В конце XIX в. в связи с интенсивным развитием капиталистических отношений, обезземеливанием, усилением классовой дифференциации, пролетаризацией крестьянства, особенно в центральных районах Украины, значительно усилился процесс окончательного раздела остатков больших и неразделенных семей. Под влиянием развития товарно-денежных отношений и раннего распада общинных отношений большая семья на Украине в основном распадалась еще в XVI—XVIII вв.

В XIX и начале XX в. большая патриархальная семья встречалась как исключение только в таких местностях, как Полесье, горные районы Закарпатья, а господствующей формой семьи на Украине была семья малая. Численность ее была неодинакова в разных губерниях и, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., колебалась от 5 до 6 человек.

Наряду с малой на территории Украины встречались неразделенные семьи, где вместе с отцовской семьей проживало несколько женатых сыновей со своими семьями. В отличие от большой семьи, неразделенные семьи

не были устойчивыми и, как правило, сохранялись лишь до смерти отца, после чего распадались на отдельные малые семьи. В семье существовало половозрастное разделение труда, по которому регламентировались обязанности каждого из ее членов. Это разделение накладывало отпечаток на существующие в семье взаимоотношения.

Взаимоотношения между членами крестьянской семьи

Главой семьи и распорядителем всех хозяйственных работ в семье был отец. Иногда старший сын еще при жизни отца получал право вести хозяйство. Распорядок дня зависел от хозяйственного состояния семьи, от размера хозяйства, наличия трудоспособных в семье и, разумеется, от времени года. Наследниками имущества после отца, как правило, являлись сыновья, получавшие равные доли, за исключением младшего. Он получал больше, если с ним оставались жить старики-родители после раздела. Женщине принадлежало только имущество, входящее в приданое. Оно составляло ее личную собственность (иногда даже с земельным наделом) и носило название *материзна*. Материзна никогда не включалась в общесемейное имущество, не делилась между членами семьи, а передавалась по наследству по женской линии. Отстранение женщин от права наследования общесемейным имуществом свидетельствовало о ее неравенстве и зависимом положении в семье. Дочери в семье занимали подчиненное положение; после замужества они переходили в чужой род, в чужую семью и поэтому им не полагалось доли в общесемейном имуществе.

Взаимоотношения между членами семьи и положение женщины были неодинаковыми в разных по своему составу и форме крестьянских семьях. Малая семья существенно отличалась от неразделенной не только формой, но и внутренним строем и характером. В малой семье, часто состоящей из родителей, неженатых детей и одного женатого сына, еще довольно сильной была зависимость и подчинение членов семьи их главе, в быте сохранялось немало патриархальных пережитков, а взаимоотношения во многом напоминали взаимоотношения в большой или неразделенной семьях. В зажиточных крестьянских семьях патриархальная власть главы семьи была наиболее деспотической. Воля и распоряжения его являлись законом для всех членов семьи. Борьба за наследство воспитывала у сыновей покорность отцу, желание угодить ему, исполнять его прихоти, что часто заслоняло чувство любви и уважения.

Молодым супругам в таких семьях приходилось подчиняться воле родителей, быть зависимыми от отца, как главы семьи, а невестка целиком подчинялась свекрови, распоряжавшейся домашним хозяйством и продуктами и распределявшей работу по дому между младшими женщинами. Перегруженная работой по дому, хозяйству, уходом за детьми невестка терпела немало обид от свекрови, стремившейся переложить на нее большинство домашних работ. В молодых семьях, состоящих преимущественно из родителей и детей, взаимоотношения между мужем и женой строились на более равноправных началах. Женщина даже имела свое «бабское хозяйство», доходы с которого были в ее распоряжении.

Характеризуя положение разных членов семьи, следует сказать и о положении зятя-*приймака*. В крестьянские семьи зятя-приймака брали тогда, когда в них отсутствовали сыновья. Приймака обычно принимали к младшей дочери, чтобы она со своим мужем заботилась о родителях. Положение приймака в разных семьях было не одинаковым. Особенно тягостной доля приймака была в богатых кулацких семьях, где он фактически являлся батраком.

Вообще же более теплые родственные и равноправные взаимоотношения складывались в бедняцких семьях, где главенство в семье утверждалось и поддерживалось не столько экономическим положением отца, сколько его моральными качествами. Именно в этих семьях были более развиты чувства взаимопомощи, взаимопонимания и сильнее давали себя чув-

ствовать родственные связи. Некоторыми особенностями характеризовались и семьи отходников. Капитализм, ломая патриархальные основы крестьянской семьи, способствовал в известной степени сближению условий их жизни, быта и взаимоотношений с условиями жизни и быта рабочего класса.

В. И. Ленин подчеркивал, что «...неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности» [1]. Уходя на заработки, отходники поселялись на квартирах у пригородных крестьян или у семейных рабочих квартирантами и столовниками, но чаще жили артелями в заводских казармах (*балаганах*, или *цюпках*). Заработок отходников не мог удовлетворить потребности семьи тем более, что значительная его часть шла на уплату многочисленных налогов. Благодаря работе в новых условиях, содружеству с кадровыми рабочими отходники приобретали передовые навыки и традиции, знания и опыт, что содействовало расширению их кругозора и росту сознательности. Это особенно было характерно для молодежи, которая чувствовала себя более самостоятельной и независимой. Длительное пребывание на заработках главы семьи, а часто и взрослых детей влияло на взаимоотношения в семье, и особенно на положение женщины. В связи с отходом главы семьи она одна вела хозяйство и воспитывала детей. В. И. Ленин подчеркивал, что «Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной» [2].

Среди сезонных отходников большую часть составляли девушки, которые с ранней весны и до поздней осени нанимались в помещичьи экономии для работы на свекловичных плантациях, чтобы заработать себе хотя бы на наряды. Рабочие свекловичных плантаций, жестоко эксплуатируемые помещиками, жили в ужасных бытовых условиях, и такие экономии превращались в очаги заразных заболеваний. Многие девушки возвращались домой калеками.

Воспитание детей

В первые годы жизни воспитание и уход за ребенком являлись обязанностью матери, однако ей часто приходилось на весь день оставлять малышей на старших детей или совсем без присмотра. Ребенка рано начинали прикармливать, причем одинаковой со взрослыми пищей. Любовь и ласка в воспитании сочеталась с требовательностью, с прививанием бытовых привычек и трудовых навыков. Дети в семье росли в духе послушания и уважения к родным и старшим. Воспитывать рекомендовалось не наказанием, а словом и примером «учи детей не страшкою, а ласкою»,— говорилось в народной пословице. Особенно осуждались лень, нежелание помогать семье, нерадивое отношение к труду. «Будеш трудитись — будеш кормитись»,— учила народная мудрость. Большое внимание в крестьянской семье уделялось поощрению. Хвалить детей считалось нескромным, но родные старались подарить что-либо ребенку, и это было для него настоящим праздником. Семья воспитывала высокие моральные и этические качества у своих членов. Кроме любви к труду, воспитывалась честность, правдивость, уважение к старшим вообще, а не только к родным и близким. Дети воспринимали веками сложившиеся в семье традиции, обычаи, взгляды, отношение к различным событиям жизни и быта и обычно, как и всюду, воспроизводили это в своих играх. Для развлечений у детей, особенно бедноты, было очень мало времени. Приучаясь с ранних лет

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576—577.
[2] Там же, стр. 578.

к труду, они часто вынуждены были исполнять даже непосильную для них работу. Они помогали по хозяйству, нянчили младших братьев и сестер, пасли скот и т. д. Материальная необеспеченность вынуждала родителей посылать на заработки детей-подростков.

Семейные обычаи и обряды. Свадьба

Родители стремились рано выдать замуж дочь или женить сына (для девушки брачный возраст начинался с 16 лет, для парня — с 18 лет). Это объяснялось прежде всего хозяйственными причинами: семья мужа получала дополнительные рабочие руки; девушку отдавали пораньше из боязни, чтобы она не осталась незамужней, что в народе считалось зазорным.

В брак в большинстве случаев вступали равные по своему материальному положению стороны. Зажиточные семьи почти никогда не роднились с беднотой и вынуждены были мириться разве только с принятием затя (приймака). Иногда стремясь как-нибудь поправить материальное положение, бедные родители, не считаясь с желанием сына или дочери, насильно отдавали их в зажиточные семьи. По поводу таких браков очень справедливо говорилось в украинской народной песне:

Літав орел через море
Почав воду пити;
Не впадае нам убогим
Багатих любити.

Не те щастя, не та доля,
Де багаті люди.
Де беруться по любові,
Щастя там прибуде [1].

По обычному праву украинского народа, согласие тех, кто вступал в брак, было не обязательным, но фактически с ним считались. Согласие же родителей было обязательным. Брак всегда сопровождался свадьбой с ее богатой обрядностью. Решающее значение народ придавал именно традиционному свадебному обряду; без него, хотя венчание было совершено, совместная жизнь молодых не допускалась.

Из всех обычаев и обрядов наиболее ярким и цельным являлся свадебный обряд. Он возник на основе древнерусского свадебного обряда и состоял из нескольких основных частей, каждая из которых имела свое определенное значение и содержание (*сватання*, *гільце*, *коровай*). Свадьбы на Украине справлялись обычно в определенное время весны, осени и зимы, свободное от полевых работ. Весной — обычно после пасхи и до троицы, осенью — с октября до середины ноября, а зимой в так называемые *м'ясниці* (мясоед), т. е. после рождества, на протяжении января и февраля.

Свадьба обычно начиналась *сватанням*, когда послы жениха — *старости* — непременно пожилые находчивые люди (один из них обязательно родственник жениха, чаще всего дядя) в традиционной форме как представители *князя*, *охотника*, *ловця-молодця* предварительно договаривались о браке с родителями невесты. Если предложение принималось, старосты обменивались хлебом с родителями невесты, пили *могорич*, а девушка-невеста перевязывала их вышитыми полотенцами — *рушниками*. Если же предложение не принималось, девушка выносила *гарбуз* (тыкву), что означало отказ и считалось для жениха и его родни большим позором. Через две недели после сватанья устраивали так называемые *заручини*, которые по сути повторяли сватанье, но в более торжественной обстановке, в присутствии всех родственников и с исполнением многих обычаев и обрядов: пением ритуальных песен, повязыванием рушниками и т. д. Отказ от свадьбы после заручин был невозможен, а если же он совершался, то с вознаграждением пострадавшей стороны за расходы и «за обиду».

[1] П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел, материалы и исследования, т. V. СПБ., 1874, стр. 287.

«Свадьба» (с акварели худ. И. Соколова, вторая половина XIX в.)

На заручинах договаривались о времени свадьбы. Поэтическим и красивым был следующий обряд украинской свадьбы — *гільце*; *«завивати гільце»* собирались девушки—подружки невесты обычно в пятницу. Они убирали деревцо сосны, вишни или какое-нибудь другое дерево разноцветными лентами, пучками ржи или пшеницы, цветами. Этот обряд символизировал целомудрие, красоту, свободу, молодость и вместе с тем прощание девушки-невесты с девичьей свободой, с прекрасной порой девичества вообще. В субботу вечером в сопровождении многих обрядов и песен изготовляли *коровай* — свадебный хлеб, имевший первоначально магическое значение; а в XIX в. и позднее он символизировал богатство и обеспеченность семьи; в него клали деньги «на счастье», и в конце свадьбы делили, одаривая каждого из присутствовавших на свадьбе с тем, чтобы они приняли участие в пожелании благосостояния и счастья молодой семье.

Главным во всем свадебном действе было исполнение основных свадебных обрядов, составлявших именно *весілля* и происходивших, как правило, в воскресенье. В этот день совершалось расплетение косы у невесты, покрывание ее головы, выкуп, *посад*, прощание с родственниками, раздел каравая и венчание в церкви. Из всех этих обрядов центральным считался обряд *посада* жениха и невесты на *діжу*. Он означал их обрядовое соединение. Свадьба заканчивалась циклом архаических так называемых *перезвяних* обрядов, связанных с сохранением невестой девичьей чести. В свадьбе принимали участие не только родственники, и она по сути была не только семейным, но и общественным торжеством, так как большинство односельчан так или иначе принимало в ней участие, хотя бы в качестве активных зрителей.

Целым рядом обычаев и обрядов сопровождалось и такое семейное торжество, как рождение ребенка. В семье отмечали *родини* сразу же после

рождения ребенка, и *хрестини* — после его крещения в церкви. На родинах большую роль играла бабка-повитуха — распорядительница родильными обрядами, которые символизировали пожелание здоровья, счастья и хорошей жизни новорожденному. На крещении такая роль принадлежала *кумам*. В традиционной части крестин основным обрядом считалось заворачивание младенца в вывернутый шерстью наверх кожух и укладывание его *на покуті* (красный угол). После церковного крещения в доме новорожденного устраивалось угощение, обязательно с одариванием матери новорожденного и бабки и приготовлением традиционных блюд (*бабина каша*, *узвар* — «*виноград*» и др.). Через год в каждой крестьянской семье отмечались *пострижини* — годовщина со дня рождения ребенка. Суть обряда состояла в том, что крестный отец выстригал у ребенка на голове крест.

Кроме свадьбы, рождения детей и других семейных событий, каждая семья отмечала проводы новобранца. Проводы сопровождались песнями-плачами, которые походили на причитания по покойнику, так как семья лишалась одного из своих кормильцев.

Немало обычаев и обрядов сопровождали похороны. В Карпатах и в некоторых других местах Украины, например, бытовал древний, известный со времени Киевской Руси обряд похорон на санях. Особый интерес представляли разнообразные и многочисленные игры при покойнике, сохранявшиеся в Подолии, Карпатах и Закарпатье и являвшиеся, по-видимому, пережитками магических действий, сопровождавших похоронный обряд в древности. Среди них различаются игры спортивные, «свадебные» и социально-бытовые. В отличие от людей старшего поколения молодых неженатых людей хоронили в свадебном и праздничном наряде. В прощании с ними, особенно в причитаниях, использовались поэтические приемы, свойственные свадебным песням.

В целом вплоть до XX в. в свадебном обряде, родинах, крестинах, похоронах сохранялись пережитки дохристианской религии. Так, в украинской свадьбе выполняли ряд магических действий, направленных на то, чтобы уберечь жениха и невесту от влияния злых сил, обеспечить новой семье счастье, плодовитость, здоровье, материальный достаток и т. д. Значительная часть магических действий исполнялась во время приготовления каравая. Многие свадебные обряды сопровождались пением ритуальных песен. Православная церковь внедрила в народный свадебный ритуал свои обряды. Одним из таких обрядов было венчание, ставшее составной частью весілля.

Пережитки дохристианской религии сохранялись и в родильных обрядах украинцев. Ряд магических действий исполнялся во время родов, при перерезании пуповины. Считалось, что ребенок от рождения до крещения легко мог попасть под опасное влияние темных сил, поэтому в доме перед иконами в этот период должна была гореть свеча. Гуцулы, кроме этого, еще обкуривали дом ладаном. Корыто или лохань, в которой баба-повитуха впервые купала ребенка, обязательно окропляли «святой водой».

Народный обряд крестин хотя и был связан с христианским обрядом крещения, но в основе его лежало представление о магическом очищении водой от злых духов. Кроме того, крестины были пережитком древних посвятительных обрядов — принятия ребенка в общину.

Народный похоронный обряд, бытовавший среди украинцев в эпоху феодализма и капитализма, также сохранял некоторые характерные пережитки дохристианских религиозных представлений.

Большим праздником в каждой крестьянской семье был Новый год. К нему заранее готовились, старались завершить оставшиеся хозяйственные работы, убирали жилище. 31 декабря совершали целый ряд обрядов, символизировавших урожайность, плодовитость, изобилие. На праздничный ужин выпекали в большом количестве мучные изделия — пироги,

кныши, калачи, варили вареники, приготовляли много блюд, веря в то, что изобилие праздничного стола в этот день обеспечит его на весь год. Дети, девушки и парни накануне Нового года ходили по селу *щедрувать*, т. е. специальными песнями (*щедрівками*) поздравлять своих односельчан. Парни, переодевшись медведем, козой или просто в вывернутый шерстью наверх кожух, водили Меланку [1].

Зарождение новых семейных отношений. Рабочая семья

В ходе развития капитализма и роста пролетаризации города и деревни возникла ранняя форма рабочей семьи, постепенно порывавшей связь с деревней и собственным хозяйством. Для членов такой семьи работа в промышленности была не временной и сезонной (как у отходников), а постоянной. Эти семьи часто жили еще в селах и имели даже небольшие хозяйства и приусадебные участки. Но и в этом случае основную часть бюджета семьи составлял заработок в промышленности. Формой рабочей семьи была семья малая. Развитие капиталистических отношений приводило к переселению крестьян поближе к промышленным центрам, в города и рабочие поселки и к пополнению рядов рабочего класса. Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. на Украине складывается уже новая форма рабочей семьи — семья кадрового рабочего пролетария. В. И. Ленин писал, что создается «...особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных»[2]. Экономической основой такой семьи был заработок всех трудоспособных членов семьи в промышленности, что вело к возникновению равноправных отношений между мужем и женой, родителями и взрослыми детьми. Передовая рабочая семья характеризовалась складывающимся материалистическим и атеистическим мировоззрением, более высоким культурным уровнем, политическим сознанием и классовой солидарностью, умением сочетать личные интересы с общественными.

В семейном быту рабочих разных районов наряду с украинским знали и говорили на русском, польском, румынском и других языках, знали и исполняли украинские, русские, польские и другие обычаи и обряды, поговорки, песни. В смешанных по национальному составу семьях бытовали и смешанные обычаи и традиции. Семейный быт и культура рабочих больше подвергались влиянию городской жизни. Рождались новые вкусы и привычки, прививались новые обычаи и традиции.

В основе семейных отношений между мужем и женой в большинстве случаев лежали взаимная любовь и уважение, более заметно проявлялись взаимопомощь, уважение к женщине-матери. Женщина-мать в рабочих семьях распоряжалась семейным бюджетом; муж и взрослые дети отдавали ей заработок. Глава семьи — отец — в условиях капиталистической эксплуатации часто не мог своим заработком в полной мере обеспечить потребности семьи. Основная масса рабочих должна была на свою нищенскую заработную плату содержать семью, прежде всего оплачивать дорогостоящую квартиру и закупать необходимые продукты питания. Материальные недостатки заставляли работать в промышленности женщин, что, с одной стороны, было основой для более равноправных отношений в семье между мужем и женой, а с другой, усугубляло и без того тяжелое положение последней. Часто за одинаковый с мужчиной труд женщина получала значительно меньшую зарплату. Дома на ее плечи ложилась значительная часть работы по обслуживанию семьи. Тяжелым было для женщины-работницы и материнство. Отпусков до и после

---

[1] Действующее лицо новогодних театрализованных представлений.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547.

родов, медицинской помощи и детских учреждений не было. Приходилось часто оставлять малышей на попечение старших детей.

Наравне с экономической независимостью в семье росла грамотность и общественно-политическая активность женщин-работниц. В. И. Ленин писал, что «...привлечение к производству женщин и подростков есть явление в основе своей прогрессивное» [1]. С привлечением женщин к непосредственному участию в общественном производстве «...крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, т. е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений» [2].

На семейные отношения рабочих влияло также участие их в общественных событиях. Революционная борьба пролетариата порождала и воспитывала высокую сознательность, новые товарищеские отношения между мужем и женой, родителями и старшими детьми.

В рабочих семьях, как и в крестьянских, детей с раннего возраста приучали к труду, они помогали в домашнем хозяйстве, смотрели за малышами, покупали продукты. Тяга к учебе детей в рабочих семьях была больше, нежели в крестьянских; рабочие стремились посылать детей в школу, причем как мальчиков, так и девочек. Однако из-за тяжелых материальных условий большое число детей не имело возможности учиться. Обучение в средних и высших учебных заведениях, как и во всей Российской империи, было почти недоступно из-за высокой платы и сословных ограничений.

Многие черты, свойственные семейным и брачным отношениям у крестьян, стирались в рабочей среде. Все чаще брак освобождался от материальных соображений и строился на новых принципах. Решающим условием для вступления в брак было, как правило, взаимное чувство молодых. Ф. Энгельс пишет, что только с уничтожением капиталистического производства не останется другого мотива при заключении брака, кроме взаимной склонности [3]. В рабочей семье брачный возраст мужчин был значительно выше брачного возраста крестьянской молодежи. Это объяснялось отсутствием материальной базы для создания семьи, безработицей, длительным услужением мастеру для получения специальности, а зачастую и необходимостью в течение долгого времени содержать малолетних сестер и братьев. Брак в рабочей семье в большинстве случаев сопровождался очень сокращенным обрядом традиционного весілля. Более полно он отмечался в семьях, которые не утратили связь с крестьянским бытом. Передовые украинские рабочие с атеистическим мировоззрением иногда отказывались даже от венчания в церкви и вступали в гражданский брак. В отличие от традиционного весілля такие браки сопровождались свадьбой — вечеринкой для узкого круга родственников жениха и невесты, а также близких товарищей по работе. Приданому в рабочей свадьбе не придавали такого существенного значения в создании материальной базы новой семьи, как в крестьянском быту, но его по возможности готовили. Если жених и невеста были разных национальностей, то за основу обычно брался свадебный обряд национальности невесты. Это объяснялось, очевидно, влиянием традиций, по которым основные свадебные обряды происходили в доме невесты.

Как и в крестьянской семье, в рабочих семьях также отмечались день рождения ребенка, проводы в армию, свадьба и др., сохранявшие немало традиционных элементов. В рабочих семьях отмечали и некоторые праздники, не праздновавшиеся в крестьянской среде, например, именины и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547—548.
[2] Там же, стр. 548.
[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 84.

день рождения кого-либо из членов семьи [1]. На именины приглашались гости, устраивали угощение, пекли специальный пирог, дарили имениннику подарки. В похоронах рабочих складывались новые традиции, характерные для революционной части населения (траурная процессия с флагами часто под звуки духового оркестра, произнесение речей, пение революционных песен).

Праздник пролетарской солидарности — 1 Мая — рабочая семья отмечала, кроме участия в демонстрации, еще за городом в лесу, на лугу, на берегу реки с песнями, музыкой и приготовлением традиционной каши. Революционная борьба, в которой принимали участие члены рабочих семей, способствовала формированию черт нового быта, новых общесемейных отношений и высокой сознательности.

В своем развитии украинская семья прошла одинаковый путь с семьей у русского и белорусского народов. Но особенности истории Украины определили некоторые особенности ее развития. Здесь раньше, чем в России и Белоруссии, началось разложение большой патриархальной семьи, и господствующей формой семьи стала семья малая, индивидуальная. Это отразилось на семейном укладе, взаимоотношениях и в целом на быте крестьянской семьи. Некоторые особенности существовали и в семейной обрядности, но ее близость в целом к обрядности русских и белорусов, наличие в них общих составных элементов свидетельствует о единстве происхождения, формирования и развития семьи и семейной обрядности трех братских народов.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО БЫТА

Начало формирования советской семьи и взаимоотношения между ее членами

После победы Великой Октябрьской социалистической революции началось социалистическое преобразование семейного быта, тесно связанное с общими социально-экономическими изменениями в стране и мероприятиями партии и Советского правительства, помогавшими созданию семьи нового типа. На пути этих преобразований было немало трудностей, вызванных тяжелыми последствиями войн, борьбы с иностранными интервентами и различными контрреволюционными украинскими буржуазно-националистическими бандами.

Введение восьмичасового рабочего дня, социального страхования, улучшение коммунального обслуживания заметно сказывалось на условиях быта рабочей семьи.

Огромное значение для формирования социалистической семьи имел подъем жизненного уровня трудящихся. Было много сделано для улучшения жилищных условий рабочих, многие семьи получили новые квартиры в бывших буржуазных кварталах, для несемейных строились общежития; позднее широко развернулось коммунальное строительство.

Формирование нового семейного быта было неразрывно связано с культурной революцией в стране. Мероприятия по ликвидации неграмотности, обязательное бесплатное обучение детей в школах, организация профессионального обучения содействовали поднятию культурного уровня рабочих, формированию советской интеллигенции в среде рабочих семей, созиданию нового культурного облика советской семьи. Создание новых семейных отношений было невозможно без ликвидации отсталости женщин, без вовлечения их в борьбу за новую жизнь.

---

[1] Отличие этого торжества в рабочей семье, как правило, заключалось в том, что оно отмечалось ежегодно, в то время как в крестьянской семье только один раз в момент рождения ребенка.

Отдых в семье рабочего (Луганская обл., 1959 г.)

Используя разные формы и методы работы среди женщин (делегатские собрания, женсоветы, шефство рабочих коллективов над крестьянскими, чествование передовиков труда, лекции, красные вечерницы и др.), партия и правительство поднимали отсталые массы работниц и крестьянок до уровня сознательных строителей социализма.

Деятельность комнезамов и женотделов, проводивших большую работу по вовлечению женщин в общественную деятельность, по ликвидации неграмотности, по организации трудовой помощи школам, больницам, избам-читальням, по пропаганде и созданию детских ясель, детских садов и площадок и т. д., по внедрению в жизнь новых обычаев и обрядов, ломала замкнутость и ограниченность старого семейного строя украинской деревни, подрывала вековые традиции ее патриархального быта и уклада крестьянской семьи. В то же время закладывались основы для новых равноправных взаимоотношений, в частности, для более независимого положения женщины и молодежи в семье. Большую роль здесь сыграли комсомольцы и передовая молодежь, решительно боровшиеся против еще крепких в то время пережитков прошлого, в частности религиозных. Уже в первые годы Советской власти, особенно в начале 20-х годов, среди рабочих Украины широко бытовало «червоне весілля». К середине 20-х годов число церковных браков в среде рабочих резко сократилось. Распространенным явлением стали «октябрини» или «звіздини», вытеснявшие обряд крещения детей. Славные традиции в борьбе за новый быт комсомол Украины продолжает и в наши дни.

С победой коллективизации, когда было уничтожено единоличное хозяйство, порождавшее в силу своей экономической основы неравнопра-

вие в семье, создались условия для развития колхозной семьи на основе равноправия, взаимопомощи и взаимоуважения.

Структура современной семьи

Современная колхозная и рабочая семья — малая; состоит чаще из двух, реже из трех поколений. Семьи, насчитывающие в своем составе два поколения, преимущественно состоят из родителей и малолетних детей; семьи в три поколения — из мужа, жены, детей и одного или двух родителей жены или мужа. Численность современной семьи в разных местностях Украины неодинакова. Чаще всего встречаются семьи, состоящие из трех-четырех человек, т. е. семьи, насчитывающие в своем составе родителей с одним или двумя детьми. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. и выборочным этнографическим обследованиям, проведенным в различных областях УССР (Киевская, Полтавская, Винницкая, Житомирская, Сумская, Волынская, Харьковская, Львовская и др.), такие семьи составляют от 42 до 50,1%; семьи, насчитывающие пять и более человек, — от 12,8 до 21,9%. В эту группу входят преимущественно семьи многодетные или же семьи, состоящие из трех поколений. Семьи из двух человек, процент которых колеблется от 17 до 28, представляют собой бездетных супругов, одиноких матерей с ребенком, либо стариков, дети которых живут самостоятельными семьями. Наиболее многочисленные семьи распространены в Волынской, Закарпатской и Ровенской областях.

Общность интересов и взглядов, взаимоуважение и поддержка, совместная забота о воспитании детей являются основой взаимоотношений между супругами.

В колхозных семьях часто главенство в семье связано либо с юридической ответственностью (правом на собственность — дом, скот), либо с традицией передавать это право старшему в семье хотя бы и формально. Однако все важные семейные вопросы решаются семьей сообща в отличие от дореволюционного времени, когда слово главы семьи было законом. В рабочих семьях главенство в семье менее выражено, особенно в молодежных семьях, где супруги считают, что они в равной мере являются ответственными за семью и ее быт.

Сложнее взаимоотношения в семьях, состоящих из трех поколений, когда молодым супругам приходится считаться с требованиями и вкусами представителей старшего поколения и в связи с этим в какой-то степени ограничивать свои интересы.

Новые социалистические взаимоотношения ведут к новому распределению обязанностей в семье. В частности, все трудоемкие работы исполняются сообща, женщины освобождаются от непосильной работы. Женщина стала свободным и равноправным членом семьи. Участие в общественно-полезном труде обеспечило ей экономическую независимость и самостоятельность. Возрос и укрепился ее авторитет в воспитании детей, в организации всего семейного быта. Единство взглядов, одинаковые культурные запросы, дружеские взаимоотношения, совместное выполнение семейно-бытовых обязанностей особенно характерно для молодежных семей. Помогая друг другу, супруги сберегают время для отдыха, развлечений, для занятий любимым делом. Об изменениях в семейных взаимоотношениях особенно ярко свидетельствует положение женщины-невестки. Она теперь не чужая в семье мужа, а уважаемый и равноправный ее член.

За годы Советской власти много сделано для улучшения семейного быта и облегчения положения женщины; однако в силу значительной загрузки домашним хозяйством у нее до сих пор остается меньше, нежели у мужчины, свободного времени для отдыха и участия в производственной и общественной деятельности. Это особенно характерно для колхозной семьи, в которой еще сохраняются некоторые отличительные черты, связанные с особенностями кооперативно-колхозного производства и все

Колхозница готовит обед на газовой плите
(колхоз «Родина» Киево-Святошинского района, Киевской обл., 1960 г.)

еще существующим отставанием села от города в бытовом и культурном отношениях. Рост благосостояния каждой советской семьи увеличивается за счет все возрастающих общественных фондов. Бесплатное обучение и медицинское обслуживание увеличивает бюджет семьи и оказывает существенное влияние на переустройство быта. В настоящее время быстрые темпы электрификации дают возможность семье пользоваться различными бытовыми электроприборами (плитками, духовками, утюгами, стиральными машинами). С газификацией колхозных сел с каждым годом увеличивается использование газа в быту, что намного облегчает ведение домашнего хозяйства.

Значительную помощь семье не только в городе, но и в деревне оказывают предприятия бытового обслуживания (пекарни, столовые, швейные ателье, ремонтные мастерские и т. д.). Все это облегчает быт колхозной семьи, повышает культуру ее быта, способствует сближению быта села с бытом социалистического города.

Воспитание детей

Социалистические преобразования в быте, повышение материального и культурного уровня семьи отразились и на воспитании детей, которое осуществляется в тесном содружестве семьи и общественности. Общественное и семейное воспитание не противостоят друг другу, воспитательное влияние семьи на детей должно сочетаться с их общественным воспитанием [1].

Давно и твердо вошли в быт семьи гигиеническое содержание детей, режим кормления младенцев. Родители большое внимание уделяют физическому и духовному развитию детей. Покупают различные игрушки, книжки, много читают им. В каждой семье для детей отводится комната, либо специальное место для игр, приготовления уроков. Взрослые члены семьи большое внимание уделяют учебе детей, интересуются событиями

[1] См.: «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 196.

Первый урок в первом классе 1 сентября 1955 г. (Киев)

Детский сад «Запорожстали» на прогулке (1958 г.)

У телевизора. Колхозники смотрят телевизионную передачу (Киевская обл., 1953 г.)

в школе, проверяют исполнение заданий, стремятся поддерживать наклонности детей к музыке, рисованию, рукоделию. В семье дети воспринимают навыки, вкус, привычки, традиции и обычаи. Это прежде всего — чувства патриотизма, любви к Родине, уважение к труду, внимательное и вежливое отношение к старшим, уважение к лучшим народным традициям.

С каждым годом увеличивается строительство дошкольных детских учреждений. Только в одной Черкасской обл. за последние три года введено в строй 565 детских садов и яслей. В Крымской обл. в 1962 г. построено 450 дошкольных учреждений. На территории Украины для отдыха детворы существует немало пионерских лагерей, площадок и санаториев.

Трудовое воспитание осуществляется не только дома, но и в школе; особенно успешно протекает оно в последнее время в связи с приближением всей системы народного образования к практике, к жизни.

В период развернутого строительства коммунизма повышается роль общественности в воспитании молодого поколения, возникает много новых форм, содействующих воспитанию всесторонне развитого высоко культурного человека коммунистического общества. Одно из первых мест среди этих форм принадлежит школам-интернатам, школам с продленным днем, где успешно объединяются учеба и практика, эстетическое воспитание и спорт, овладение основами наук и культурный отдых. Правда, в селах школ-интернатов еще существует мало. Действенной помощью семье в воспитании является также шефство производственного коллектива над школой. Эти мероприятия содействуют формированию духовного облика человека коммунистического общества.

Культурный облик современной семьи

Формирование нового культурного облика семьи тесно связано с культурной революцией, которая произошла в стране. Ярким показателем нового культурного уровня семьи является грамотность. Если до революции среди рабочих и крестьян почти не было людей со средним и высшим образованием, то сейчас, по данным переписи населения 1959 г., более трети трудящихся, занятых преимущественно физическим трудом, имеют высшее, среднее и неполное среднее образование.

На каждую тысячу человек, занятых в сельском хозяйстве, приблизительно одна четверть приходится на людей с высшим, средним и не-

полным средним образованием. Это является свидетельством того, как успешно происходит в нашей стране процесс постепенной ликвидации существенных отличий между физическим и умственным трудом.

Большие изменения произошли в проведении досуга. Книга, радио, кино, телевидение твердо вошли в быт семьи. Это особенно заметно в быту колхозной семьи, в которой прошлую замкнутость и ограниченность сменила тесная связь с жизнью производства, колхоза, страны в целом. В частности, это проявляется также в заключении браков между людьми, занятыми умственным трудом, и людьми физического труда.

В повышении культурного уровня семьи определенную роль играет обогащение его путем усвоения лучших прогрессивных элементов культуры и быта других национальностей, что в свою очередь содействует «размыванию» национальных перегородок. Этот процесс происходит в значительной степени и благодаря смешанным бракам. На Украине смешанные браки встречаются между украинцами и русскими, а в районах, граничащих с другими республиками, между украинцами и белорусами, молдаванами, болгарами, гагаузами и др.

Брак, семейные обычаи и обряды

За годы Советской власти произошли большие изменения в брачных отношениях. Важную роль в этом сыграло советское законодательство, которое уже первыми своими декретами провозгласило брак свободным и равноправным союзом мужчины и женщины. На разных этапах строительства социализма в нашей стране советское законодательство в вопросах брачных отношений строилось в зависимости от условий развития общества[1]. Но всегда оно было направлено на укрепление семьи, на защиту прав матери и ребенка, на борьбу с легкомысленным отношением к браку и семье.

Был отменен церковный брак и установлен гражданский. Определен брачный возраст с учетом национальных и местных особенностей. По официальным законам брачный возраст на Украине установлен для мужчин в 18 лет, а для женщин в 16, но такие ранние браки в отличие от дореволюционного времени не являются преобладающими. Это объясняется улучшившимися материальными условиями, которые дают возможность молодежи учиться, овладевать профессиями.

Молодые мужчины предпочитают создавать семью после службы в Советской Армии. Как правило, брак сейчас регистрируется в загсе или сельсовете. В последнее время во многих городах возникли дворцы бракосочетания или, как их называют, «Дворцы счастья», где браки оформляются в торжественной обстановке, в присутствии родных и друзей. В сельских местностях еще сохраняется традиция считать брак «законным» после совершения народного свадебного обряда. На Украине, особенно в сельских местностях, свадьба широко бытует. Сохранились почти все ее основные составные части: сватанне, гільце, коровай, весілля.

Для современной традиционной свадьбы характерно переплетение старых народных традиций с новыми, переосмысливание многих важных для дореволюционного времени обрядов и обычаев и, главное, новое отношение к ним и новое их толкование. Исчезли из свадебного действия многие старинные обряды, которые свидетельствовали о зависимом и подчиненном положении женщины: комора, перезва, продажа и выкуп невесты. Все увереннее входит в быт новая форма свадьбы — комсомольская свадьба. В ней различаются три основные составные части: праздничная подготовка, регистрация брака в загсе или сельсовете, торжественное празднование в клубе и продолжение его в семье. Характерная

---

[1] См.: Г. М. Свердлов. Советское законодательство о браке и семье. М., 1961.

новая черта комсомольской свадьбы заключается в том, что бо́льшая роль в ее организации и проведении принадлежит общественности, в частности комсомольской, которая решает, где и как будет проходить свадьба, кто будет руководить торжеством, вручать подарки, организовывать художественную самодеятельность. Активное участие общественности в свадебном торжестве является средством широкого признания брака и тем самым способствует укреплению новой семьи.

Большим семейным торжеством являются «серебряные» и «золотые свадьбы», отмечающие двадцатипятилетие и пятидесятилетие супружеской жизни. На этот праздник собираются взрослые дети со своими семьями, родственники и друзья. Много хороших и теплых слов, приветствий, пожеланий произносятся по адресу юбиляров. Много разнообразных подарков вручают им с пожеланиями здоровья и многолетия. Самый трогательный момент — поздравление от младших внуков и правнуков, дарящих дедушке и бабушке цветы.

Явления, свойственные комсомольской свадьбе, характерны и для таких семейных обычаев и традиций, как родины, дни рождения, проводы в Советскую Армию и др. В них также наблюдается стремление значительно расширить и обогатить старые традиции, придать большое значение этим событиям путем участия в них общественности. Например, большой праздник в каждой семье — рождение ребенка. «Красные крестины», «звездины», «октябрины» появились в первые годы существования Советской власти, когда под влиянием большой разъяснительной работы молодежь начинала строить свою жизнь и быт на новых началах, освобождаясь от религиозных обрядов, а порой и от влияния родных, придерживавшихся этих обрядов.

Поэтому в первые годы Советской власти часто общественность, с согласия родителей, день рождения ребенка отмечала сначала в клубе. В театре или в клубе празднично украшалась сцена, на ней раскладывались подарки — детская кроватка, белье, одеяло и др. Представители общественности поздравляли родных. Комсомольцы и пионеры дарили новорожденному подарки и предлагали имя для новорожденного. Заканчивался праздник художественной самодеятельностью. «Октябрины» имели большое значение в борьбе с религиозными пережитками, они подчеркивали роль общественности в формировании советского семейного быта. В современном быте трудящихся Украины постепенно возрождается забытое в предвоенные годы коллективное торжество по поводу рождения ребенка. Во многих городах Украины открыты Дворцы новорожденных, где в торжественной обстановке при участии общественности происходит регистрация имени ребенка.

В проводах в Советскую Армию также сохраняются некоторые традиционные черты, заключающиеся в проведении торжества семьей и общественностью, в размещении гостей за столом, в одежде призывника (традиционное украшение его пиджака цветком), в формах и в самом обычае одаривания и т. д.

Революционные праздники — 1 Мая, годовщина Великого Октября, День Конституции, Советской Армии, Международный женский день (8 марта) и другие праздники семья отмечает, участвуя в общественных мероприятиях и у себя дома. К праздникам готовятся, убирают жилище, готовят праздничный стол. Стараются купить обновки, особенно детям. В эти дни собираются в гости целыми семьями. В современном, как и в дореволюционном семейном быте трудящихся Украины очень популярным является зимний праздник — Новый год. Особенно большую радость и веселье он приносит детям. Для них устраиваются елки, карнавалы, гулянья, выступления лучших артистических сил. Новогодние праздники для детей продолжаются на протяжении всех школьных каникул. Елки устраивают в каждой семье, иногда даже там, где нет детей.

Народный обычай — *родини*. Почетные кумовья с родителями новорожденного (Черновицкая обл., 1959 г.)

Характерной чертой современных семейных праздников и событий является сочетание в них новых советских обычаев и торжеств с многими лучшими народными традициями и обычаями. Празднование этих торжеств в кругу не только родных и близких, но и товарищей по работе с участием общественности, коллектива — коммунистическая черта быта.

Советские и лучшие прогрессивные народные традиции и обычаи, украшая быт и содействуя образованию новых советских праздников, служат благородному делу воспитания молодого поколения. Они играют также важную роль в борьбе с еще бытующими в семье отдельными религиозными обычаями и обрядами.

* * *

Период развернутого строительства коммунизма накладывает свои особенности на семью и семейный быт. Характерные ее черты — бурный процесс обобществления быта, переход значительной части хозяйственных функций семьи (ведение домашнего хозяйства, обслуживание семьи) к общественным формам, увеличению роли и помощи общественности и государства в воспитании и обучении детей, забота о престарелых нетрудоспособных членах семьи.

Повышается роль и влияние общественности на семейные взаимоотношения, формирование семейных обычаев и традиций. Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяет дальнейшему укреплению советской семьи, улучшению семейного быта и положения женщины.

Благодаря проведению большой воспитательной работы, пропаганде всего лучшего, передового, действительно революционного в быту, во взаимоотношениях и взглядах людей исчезнут все еще встречающиеся и окончательно не преодоленные отрицательные пережитки, например, грубое

пренебрежительное отношение к женщине, пренебрежение родительскими обязанностями. Канут в вечность легкомысленное отношение к браку, эгоистические мещанские интересы, связанные с накоплением, приспособленчеством, дешевым вкусом в быту.

В ходе строительства коммунизма будут полностью ликвидированы остатки неравноправного положения женщины в быту, «...семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов, достигнут высокой чистоты и прочности»; [1] возрастет роль семьи в воспитании, ибо именно в ней закладываются основы воспитания высококультурного, всесторонне развитого человека коммунистического общества.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕРЕВНИ

Общественный быт дореволюционного села характеризовался тесным переплетением пережитков общественных явлений докапиталистической эпохи с общественными явлениями, порождаемыми капитализмом. Довольно значительными пережитками в общественной жизни крестьян были остатки общинных отношений. Феодальное хозяйство на Украине в XIV—XV вв. базировалось на эксплуатации главным образом общинного крестьянства. В процессе дальнейшего развития феодализма на Украине сельская поземельная община разрушается. Ф. Энгельс писал, что сельская община «...погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, ...произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии территориальной власти» [2]. На значительной части Украины община исчезла уже в XVI — первой половине XVII в. Сохранению остатков сельской общины в XIX в. способствовало крепостничество, при котором общинные отношения служили интересам помещиков. После отмены крепостного права царское правительство узаконило общину как сельскую административно-территориальную единицу и тем самым способствовало ее сохранению до начала XX в.

Пережитки сельской общины в дореволюционной деревне

В 1905 г. в целом по Украине почти у 45% крестьянских дворов сохранялась общинная форма землевладения. Исключение составляли Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, где в общину входило от 91 до 96% всех дворов.

Земля, принадлежавшая общине, называлась на Украине *громадською* землею, а сама община — *громадою*. Как правило, в состав сельской общины входили жители одного-двух сел, хотя существовали и такие села, в которых имелось по две, а то и по три общины. В своих обязательствах перед государством выступала вся община в целом. Все подати, платежи и повинности община выполняла по принципу круговой поруки. Внутри же самой общины земля распределялась по существующим обычаям, чаще всего по душам или по дворам. Обычное право разрешало общинникам сдавать свой надел в аренду, закладывать, обменивать, но все это без права отчуждения от общины и только до следующего передела. Общественные сенокосы распределялись так же, как и пахотная земля. Пастбищами, как правило, пользовались сообща все члены общества. Общинный лес использовался главным образом на общественные нужды (строительство, ремонт и отопление школ, больниц, церквей, строительство мостов и т. д.). Юридически каждый член общества обладал одинаковыми правами на все общественные владения, но фактически дело обстояло далеко не так.

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 196.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 337.

В сельской общине второй половины XIX в. существовали острые социальные противоречия. Ф. Энгельс, изучая социальные отношения в России того времени, писал, что «общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению» [1]. Это положение Энгельса нашло свою дальнейшую разработку в трудах В. И. Ленина. Полемизируя с народниками, считавшими, что община охраняет крестьян от капиталистических отношений и что именно через общину Россия придет к социализму, В. И. Ленин на огромном фактическом материале показал разложение общины. Характеризуя общину того времени, В. И. Ленин писал: «Пресловутая община..., не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян...»[2]. В.И.Ленин подчеркивал, что «община (т. е. круговая порука и отсутствие права отказа от земли) становится все более и более *вредной* для крестьянской бедноты»[3].

Пережитки правовых функций общинной организации сохранялись и в крестьянских органах самоуправления. Административной единицей села являлось сельское общество — *сільська громада*. Распорядительным ее органом был сельский сход (*копа*), представителями на котором были прежде всего главы семей (их могли заменять старшие совершеннолетние сыновья или жены). На сельском сходе избирались должностные лица. Исполнительная власть принадлежала старосте.

В период капитализма сельское общество представляло собой жалкую пародию на народное самоуправление. На деле права общества были ограничены, а вся деятельность поставлена под контроль земских начальников. Всей жизнью громады заправляла зажиточная верхушка села: кулаки, торговцы, ростовщики. Поставив в экономическую зависимость своих односельчан, сельская верхушка подчинила своим интересам всю деятельность сельского общества.

Общественная жизнь крестьян регулировалась целой системой правовых обычаев, часть из которых представляла собой остатки древнего общинного так называемого копного права. Еще в XV—XVI и даже в XVII в. на территории Украины существовали народные — копные суды, деятельность которых основывалась на обычном праве. Копный суд — это суд сельского общества, действовавший при сельском сходе. В компетенцию такого суда входило расследование дел о земельных спорах, о потравах, воровстве, присвоении чужих бортей, об обидах, драках и т. п. По мере развития феодальных отношений права копных судов ограничивались, а обычное право вытеснялось государственным правом. Но корни обычного права в жизни народа были так глубоки, что царское правительство и впредь вынуждено было считаться с его пережитками. Даже согласно установлениям судебной реформы 1864 г. волостным судам разрешалось при рассмотрении крестьянских дел руководствоваться также нормами обычного права. Обычаями регламентировались почти все стороны правовой жизни народа. Но в эпоху капитализма многие из них, возникшие еще в доклассовое время, уже не только не удовлетворяли, но и противоречили условиям жизни крестьян. К тому же местные власти становились на путь фальсификации обычаев, извращая их в своих интересах. Царское правительство по существу открывало дорогу беззаконию и самочинству местных властей и сельской верхушки.

Пережитки общинной организации сохранялись и в традиционных обычаях взаимопомощи и в разных формах коллективного труда. Самым распространенным обычаем взаимопомощи на Украине была *толока* (у русских — помочь) — бескорыстная взаимопомощь одних хозяйств

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 47.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 65.
[3] Там же, т. 3, стр. 149.

другим во время проведения трудоемких и спешных работ. Не менее распространенной формой взаимопомощи была *супряга* — традиционный обычай объединения рабочего скота и необходимого инвентаря для поочередной обработки поля. На Украине, где обработка почвы производилась тяжелым плугом, требовавшим две-три пары рабочего скота, супряга оказывала существенную помощь крестьянам и в первую очередь, конечно, беднякам. Крестьяне охотно объединяли свой труд и в других случаях. На юге Украины очень распространенной была, например, коллективная форма молотьбы, когда пять — семь хозяев сообща нанимали у помещика или кулака молотилку и целыми семьями молотили у каждого пайщика по очереди. В условиях капитализма народные обычаи товарищеской взаимопомощи стали использоваться местными богачами в интересах наживы. Прикрываясь бескорыстностью этих обычаев, эксплуататоры присваивали себе труд бедняков.

Особое место в общественной жизни села занимала молодежь. Она объединялась в самостоятельные группы — *парубоцькі і дівочі громади*. В формах организации этих громад сохранялись следы древнего коллективизма; в громадах имелись свои обычаи приема и исключения, места собраний, общие кассы, выборность «атамана». К концу XIX в. существовавшие ранее самостоятельно, «парубочі і дівочі» громади слились воедино, образовав *молодіжні* громади. Их постоянными местами сборищ были *вулиці*, *вечорниці*. В теплое время года на открытом воздухе собирались «вулиці», куда в будние дни молодежь приходила вечерами исключительно для развлечений и свиданий. По воскресным и праздничным дням «вулиці» собирались и днем и были общественным развлечением для всех жителей села. Поздней осенью и зимой молодежь собиралась в специально нанятых хатах на «вечорниці». В будние дни девушки приходили сюда с работой: пряжей, шитьем, вышиванием. По большим праздникам на вечерницах устраивались танцы, молодежные пирушки в складчину.

Народные праздники, обычаи и пережитки дохристианских представлений

В быту украинского народа дореволюционного периода сохранялось немало верований дохристианского происхождения, в которых было много общих черт с верованиями русского, белорусского, а также других славянских народов. Среди украинцев распространенными были, в частности, поверья, приписывающие отдельным людям сверхъестественные свойства.

Наиболее распространенной была вера в ведьму, т. е. женщину, продавшую душу черту и причинявшую вред людям и животным. Чтобы защитить себя и скот от ведьм, люди выполняли различные магические действия: кропили животных и жилье «святой» водой, ставили у входа в хлев свечку и т. д. Для того, чтобы распознать ведьму, в народе пользовались различными методами, подчас крайне жестокими. Еще в XVIII в. на Подолье и Волыни женщин, подозреваемых в общении с нечистой силой, бросали в воду. Если женщина не тонула, ее признавали ведьмой и над ней учиняли жестокую расправу. В народе существовало также поверье о *вурдалаках*, т. е. колдунах, умеющих превращаться в волков. По этим верованиям, вурдалаки, как и волки, живут в лесу, нападают на скотину, но не поедают ее, а только душат. По гуцульским поверьям, вурдалаки, как и все люди, живут в селах с женами и детьми и только по воле колдунов превращаются в волков.

Распространенными среди украинцев были поверья, связанные с колдунами-чародеями, знахарями и знахарками. Считалось, что колдуны так же, как и ведьмы, связаны с «нечистой силой» и причиняют людям зло, напускают на людей «порчу», превращают их в животных, вредят урожаю и т. д. В противоположность колдунам и ведьмам «деятельность» знахарей, по народным представлениям, не свя-

занных с «нечистой силой», была направлена не во [вред людям, а на пользу; некоторые люди верили в то, что с помощью различных магических действий и заговоров знахари и знахарки могут лечить людей и скотину от болезней, освобождать от колдовских заговоров и т. д. Кое-что из этого имело под собой реальную основу; знахари и знахарки были до известной степени знакомы с приемами народной медицины и из-за отсутствия врачей в дореволюционном украинском селе часто заменяли их. Особенно распространенной была вера в то, что знахарки с помощью магических действий могут приворожить любимого или любимую. В целом большинство знахарок применяло просто разные шарлатанские приемы, не имеющие никакого отношения к народной медицине.

Наряду с этим в народе бытовали поверья, связанные с людьми, умершими неестественной смертью (утопленники, самоубийцы), а также некрещенными детьми. По народным поверьям, утопившаяся молодая девушка или умершие до крещения маленькие дети (*потерчата*) превращались в *мавок* и *русалок*. Русалки, по мифологическим представлениям украинцев, жили в воде, а ночью, при свете луны, выходили на берег, чтобы заманивать в воду людей (большей частью мужчин). С образами русалок у украинцев и меньше у белорусов связаны были русальские обряды (*русалии*), которые свершались за неделю до или после троицы. У украинцев русальские обряды приобретали формы поминок по утопленницам, некрещеным или мертворожденным детям. С самоубийцами были связаны поверья об *упырях*, которые будто бы выходят из могил и высасывают кровь из людей. Поэтому всех умерших не своей смертью, а также некрещенных детей запрещалось хоронить на кладбище, так как они считались «нечистыми» и могли вызвать, кроме того, неурожай или засуху.

Своеобразное место в украинской демонологии занимали верования, связанные с фантастическим образом черта. Однако черт в восточнославянской демонологии — это не могучий и трагический образ сатаны или демона, характерный для верований некоторых западноевропейских народов; черт не мог причинить людям большого зла, его можно было обмануть; его нередко изображали в комическом виде. Существовало также множество поверий в водяного, в домового, верований о воде, земле, огне, фантастически-религиозных космогонических представлений, суеверных примет (счастливые и несчастливые дни, встреча с разными людьми, животными и др.).

Наряду с суеверными приметами существовало немало примет, основанных на практической деятельности людей, на их стихийно-материалистическом мировоззрении, т. е. таких, которые носили рациональный характер. Такими были народные приметы, касающиеся урожая, погоды и т. д., явившиеся результатом многовековых наблюдений народа над явлениями природы.

Различные верования и суеверия своими корнями уходили в глубокую древность. Их бытование объяснялось тем, что крестьянство не понимало закономерностей развития природы и общества и объясняло многие явления окружающей жизни вмешательством мнимых сверхъестественных сил. Отдельные верования или приметы на протяжении веков часто изменялись, но в целом все они тормозили развитие сознательности трудящихся масс.

Корни народных праздников и относящихся к ним обрядов в значительной степени также связаны с древними, дохристианскими представлениями. В значительной мере они носили светский характер, хотя христианская религия, используя различные пути и формы своего укрепления, активно проникала во многие из них. С принятием христианства в Древней Руси православная церковь многое заимствовала из старых языческих праздников и обрядов и стремилась поставить их на службу своим интересам.

Среди традиционных праздников и обычаев сельского быта особо выделяются праздники и обычаи календарного цикла.

Ранней весной сельская молодежь собиралась группами на весенних проталинках *закликати весну*, распевать специальные, приуроченные к весне песни — *веснянки* (в Западной Украине — *гаïвки*, *гагілки*), в которых славили приход весны со всеми ее щедрыми дарами. Позднее, когда уже вся земля освобождалась от снега и покрывалась травой, к веснянкам присоединялись различные хороводные игры — *танки*. В отличие от русских хороводов украинские танки исполнялись, во-первых, только в определенное время года — от пасхи до «зелених свят»—и, во-вторых, только девушками. Замужним женщинам водить танок не полагалось. Живописность хороводов, мелодичность и глубокая поэтичность сопровождающих их песен делают веснянки одними из прекраснейших образцов народного творчества.

В это время года главным праздником христианской религии, который широко бытовал среди украинцев, считалась пасха (*паска*, *велик день*). Многодневный весенний праздник древних славян в честь начала сельскохозяйственных работ и выгона скота на пастбища после принятия христианства слился с пасхой. Славяне-язычники во время этих праздников исполняли разные обряды, в частности, приносили «духам» растительности в жертву продукты своего хозяйства: хлеб, молочные продукты, яйца и т. д. Православная церковь придавала этим обрядам и обычаям, имевшим до некоторой степени стихийно-материалистическую направленность, церковно-ритуальный характер, установила определенное богослужение и обязательное освящение *пасок* (куличей), *сирной паски* (пасхи), *крашанок* и *писанок* (раскрашенных и разрисованных яиц), ввела в употребление магические обряды так называемого очищения от «злых духов» жилья, хозяйственных построек, скота и т. д. В таком виде эти обряды сохранялись среди украинского населения в период феодализма и капитализма. Христианские обряды, связанные с днем «святого» Юрия (23 апреля), были приспособлены к условиям скотоводческо-земледельческого хозяйства. В этот день духовенство обходило поля и окропляло их «святой» водой, а также служило там молебны. В то же время в некоторых местностях на засеянных полях исполнялись магические действия, своими корнями уходившие в дохристианскую эпоху.

Цикл весенних праздников заканчивался зелеными святками, продолжавшимися целую неделю. Еще до принятия христианства у восточных славян существовал посвященный подготовке к жатве праздник — *семик*. Бессильные в борьбе с природой люди выполняли различные обряды, веря, что это поможет им собрать хороший урожай. Обряды на троицу, которые сохранились в быту украинцев в XIX — начале XX в., включали элементы древнеславянского семика. Эти обряды относились ко времени расцвета природы. На троицу, как и в древности, пол устилали зеленой травой, жилье и хозяйственные сооружения украшали ветками березы, клена, липы, душистыми травами, цветами. В селах Левобережья девушки рядили одну из своих подружек *тополею*, украшали ее зеленью, венками, лентами, платками и водили по селу. В полесских селах девушки ходили в лес *завивати березу*.

Весенне-летние обряды заканчивались народным гуляньем в ночь под Ивана Купала (*Купайла*), который отмечался на 24 июня по старому стилю и был одним из самых поэтических праздников. Девушки с утра уходили в лес, в поле и луга собирать цветы и душистые травы, из которых вили себе купальские венки. Вечером на улицу парни приносили молодое срубленное деревцо, называемое в одних местах *купалом*, в других — *мареною*; его вкапывали где-нибудь в землю — на выгоне за селом или на берегу реки и украшали венками, цветами, лентами. Вокруг такого деревца водили хороводы, устраивали веселые развлечения. Рядом зажигали

большой костер, через который парами и в одиночку прыгала молодежь. После игр купалу топили в воде или сжигали на костре.

С Иваном Купалой были связаны различные поверья. Так, например, считалось, что в ночь под Ивана Купала расцветает папоротник, приносящий счастье. Собранные в этот день лекарственные растения будто бы обладали особой целительной силой, а воде и огню на Ивана Купала придавали большую очистительную силу. Поэтому в этот день обливались водой, скакали через огонь и т. д. Уже в XIX — начале XX в. такие обрядовые действия, как прыжки через огонь, купание, гадание на венках и др., приобрели характер народных игр и развлечений молодежи. Церковь сначала пыталась бороться с языческими купальскими обрядами, но безуспешно. Со временем она использовала отдельные обряды этого праздника, который совпал с христианским праздником Иоанна Крестителя.

Торжественным событием на селе было окончание жатвы, в честь чего устраивались *обжинки*: на поле вязали обжиночный венок, украшали им голову избранной девушки — *царівни*, и целой процессией, со специальными песнями, ходили по селу поздравлять хозяев с окончанием жатвы.

Не менее интересно и весело проходили на селе зимние праздники. Массовыми развлечениями сопровождался цикл новогодних празднеств. Среди христианских праздников, которые бытовали у украинцев, значительное место занимает церковный праздник рождество. Так же как и другие праздники, рождество сопровождалось многими аграрными обрядами и увеселениями, дохристианскими по своему происхождению.

Рождественские и новогодние праздники сопровождались гаданиями, заклинаниями и другими магическими действиями, которые, по народным представлениям, должны были обеспечить хороший урожай, принести счастье, предотвратить несчастье и т. д. На рождество готовили разные ритуальные блюда (*кутю*, *узвар*), которыми хотели «задобрить» своих умерших предков. С этой же целью оставляли пищу на столе вместе с ложками на ночь. В рождественский вечер ходили по селу колядовать, распевать под окнами соседей поздравительные песни — *колядки*. В ночь под Новый год *щедровали*. *Колядування* и *щедрування* сопровождались музыкой, театрализованными сценками, разыгрываемыми ряжеными («Коза», «Меланка»), потешными забавами. Сопровождалась магическими обрядовыми действиями и торжественная семейная трапеза на *щедрий вечір* (в канун Нового года). Эти обряды также были направлены на то, чтобы обеспечить в новом году урожай и материальный достаток семьи. Уже в XIX в., и особенно в начале XX в., рождественские, новогодние и другие обряды заметно утратили свою религиозную окраску и магическое значение и превращались в праздничные развлечения, с песнями, танцами и другими драматическими элементами. Зимние праздники заканчивались веселой масленицей. На масленицу (*масляну*) молодежь и взрослые устраивали катания на лошадях, организовывали складчины, ходили в гости на *вареники*.

В традиционных праздниках и обычаях, их сопровождавших, сохранялось также многое от векового рабства, темноты и невежества (пьяный разгул, азартные игры, суеверные обряды). Насаждаемые церковью многочисленные христианские праздники и обряды играли социально вредную роль, воспитывали в народе чувства бессилия, покорности, призывали пассивно ждать помощи от «небесного спасителя», отвлекали трудящихся от революционной борьбы с эксплуататорами.

Церковь широко отмечала и так называемые храмовые, или престольные праздники, установленные в честь того или иного «святого», во имя которого была построена местная церковь.

Постепенно, с пробуждением политического сознания и повышением культурного уровня народных масс влияние церкви стало ослабевать. Но окончательно освободиться от всего реакционного в тех социально-экономических условиях трудящиеся, конечно, не могли.

Своеобразными местами проявления общественной жизни деревни являлись базары, ярмарки, куда крестьяне шли не только для купли или продажи, но и для встреч с родственниками и приятелями, обмена новостями, устройства своих хозяйственных и семейных дел. *Заробітчани* (наемные сельскохозяйственные рабочие) выходили на ярмарки наниматься на работу, а молодежь часто собиралась для развлечений, которые здесь устраивались (карусели, цирковые и театральные балаганы и т. д.). Целый ряд явлений общественного быта украинского дореволюционного села был связан с *корчмой*. Украинский этнограф П. П. Чубинский, несколько, правда, идеализируя корчму 70—80-х годов XIX в., писал: «Корчма — это народный клуб: сюда сходятся в часы досуга мужчины и женщины и заводят дружеские беседы с приятелями. В корчму приходят музыканты, собираются *парубки і дівчата*, для которых в праздничные дни музыка — единственная забава» [1]. Корчма была не только местом для развлечений и товарищеских бесед, но и своеобразной нотариальной конторой на селе, а также центром ростовщической кабалы. Владельцы корчмы, спаивая крестьян, опутывали их долговыми обязательствами, разорившими не одно крестьянское хозяйство.

Стихийно-материалистическое мировоззрение народных масс. Зарождение атеизма

В массе своей украинский народ никогда не был фанатически религиозным и всегда относился к служителям культа и религии с некоторым недоверием.

В период феодализма крепостное крестьянство и городская беднота, борясь против феодально-крепостнического строя, выступали и против церковных феодалов. В. И. Ленин писал, что уже во времена крепостничества «...крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом...» [2] Антикрепостнические выступления русских и украинских крестьян в XVII—XVIII вв. часто сопровождались выступлениями против церкви, захватом церковных, монастырских земель, разгромом монастырей, например Густынского монастыря и др. Можно привести немало примеров выступлений крестьян и горожан против духовенства в первой половине XIX в. Довольно распространенной формой борьбы украинского крестьянства против духовенства, которое эксплуатировало трудящиеся массы и издевалось над ними, было недопущение священников в церковь или закрытие церквей. Так, горожане и крестьяне местечка Голованевска Подольской губ. в 1801 г. выгнали из своего прихода попа Федора Коцюбинского. Крестьяне с. Твердыни Владимирского уезда Волынской губ. в 1880 г. отобрали ключи у старосты и также выгнали попа из села и т. д.

Выступления крестьян Украины против церкви и духовенства еще более усилились в период проведения реформы 1861 г. Так, каневский уездный предводитель дворянства сообщал 25 июля 1861 г. киевскому губернскому предводителю о распространении после провозглашения реформы среди крестьян уезда слухов о том, что «в скором времени настанет час, в который по-прежнему народ будет резать помещиков (панов) и при том не пощадит и духовенства, которое держит заодно с панами» [3].

---

[1] П. П. Чубинский. Указ. соч., т. VII, вып. 2. СПб., 1872, стр. 448.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.
[3] «Т. Г. Шевченко в документах и материалах». Киев, 1950, стр. 279.

Антиклерикальные взгляды украинских народных масс, их недоверие к церкви и духовенству ярко отражены в народном поэтическом творчестве, в многочисленных пословицах, поговорках, сказках, анекдотах и т. д.

Революционное движение и зарождение новых явлений в общественном быте села

В общественном быту украинской деревни конца XIX — начала XX в. зарождались элементы совершенно новых явлений. Возникали они на почве массового отходничества крестьян на заработки, все возрастающего революционного движения в стране. Малоземелье, постоянная нужда заставляли десятки и сотни тысяч тружеников украинского села подниматься со своих вековых мест и уходить на поиски работы. Там, на стороне они пополняли ряды рабочего класса, познавали силу единения, коллективизма, бескорыстной дружбы. Еще В.И. Ленин отмечал прогрессивное влияние отходничества на быт села[1].

Особенно большие изменения в общественный быт деревни вносило революционное движение. Развиваясь под влиянием революционного движения городского пролетариата, руководимого партией большевиков, крестьянское революционное движение на Украине достигло особой силы в 1900—1903 гг. и в период революции 1905—1907 гг. Целые села, волости, уезды поднимались на борьбу против помещиков. Наряду с поджогами, потравами, вырубанием помещичьих лесов крестьяне проводили собрания, митинги, манифестации, организованно отказывались подчиняться местным властям, выдвигали на сельских сходах свои экономические и политические требования. Так, волостной сход Елизаветинской волости Полтавского уезда 23 ноября 1905 г. принял решение, в котором выдвигалось требование «свободы личности, свободы слова, печати, верований, собраний, союзов, забастовок»[2].

В крестьянскую жизнь начинают входить политическая литература, революционная песня, пламенные слова агитаторов-большевиков. В донесениях полтавского губернатора департаменту полиции сообщалось, что только с апреля по август 1903 г. в селах губернии было выявлено 2345 экземпляров прокламаций и нелегальных брошюр. Нелегальная литература распространялась среди крестьян на ярмарках, в церквах, в местах общественных увеселений. Газета «Искра», например, сообщала, что в пасхальную ночь 1903 г. в селе Вознесенском Екатеринославской губ. было разбросано более 150 прокламаций около церкви, куда собрались крестьяне из окрестных сел святить пасху. А вот что писалось в журнале «Рідний край»: «...в последнее время городские базары стали похожими на митинги. Крестьяне теперь больше интересуются политикой, нежели торговлей. Многие из них приезжают в город специально для того, чтобы поговорить с людьми о теперешних делах. Больше всего разговоры ведутся о земле»[3].

В ряде сел существовали революционные кружки и группы, проводившие большую агитационную работу среди крестьян и готовившие их к борьбе против царского самодержавия.

О непосредственном влиянии всех этих событий на общественный быт свидетельствуют многие факты. Так, например, заместитель прокурора Каменец-Подольского окружного суда в одном из своих донесений на имя прокурора Одесской судебной палаты писал: «Теперь по селам даже дети и девушки поют «Вы жертвою пали», «Вставай, поднимайся, рабочий народ» и другие революционные песни»[4].

Уже в 1905 г. во многих селах Украины были проведены первомайские демонстрации. Вот как описывается очевидцем одна из них, состояв-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576.
[2] «Рідний край», 1905, № 1, стр. 14.
[3] «Рідний край», 1906, № 26, стр. 13.
[4] М. М. Лещенко. Селянський рух на Правобережній Україні в період революції 1905—1907 рр. Київ, 1955, стр. 201.

Дружинники 1905 г. (В овале руководитель и организатор дружины рабочий паровозостроительного завода Луганска тов. Бондарев)

шаяся в Якимовской волости Херсонской губ.: «На демонстрацию собрались крестьяне со всех близких и далеких сел волости. В яркий солнечный день на фоне зеленых полей взметнулось красное полотнище революционного знамени. Как крыло вольной птицы реяло оно гордо над нашими головами, а за ним торжественно и спокойно шли крестьяне и крестьянки, парни и девушки. Это было невиданное ранее зрелище. Впервые в наших краях прозвучали слова о борьбе, о 1-м Мае — празднике трудящихся»[1].

С подъемом революционной борьбы среди широких слоев украинского народа особенно усилилось распространение атеистических взглядов. С неслыханной быстротой ширились выступления трудящихся масс против религии, церкви и духовенства в период русской революции 1905—1907 гг. Так, во время восстания в 1905 г. в с. Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губ. крестьяне судили народным судом попа Петровского, который всячески издевался над ними и «читал книги против народа». Крестьяне отказывались содержать местное духовенство и требовали передачи в свои руки не только помещичьей, но и монастырской, и церковной земель. Крестьяне слободы Барвинково Изюмского уезда Харьковской губ., слободы Линевки и села Западинки (Змеевского уезда), жители хутора Заброды Богодуховского уезда Харьковской губ. и др. на сходках постановляли отобрать церковную землю в пользу общины.

Немало крестьян не только отказывалось посещать церковь, но и вело среди населения антирелигиозную пропаганду.

В ходе всех этих событий формировалось политическое мировоззрение трудового крестьянства, рушились старые, обветшалые устои патриархального быта. Рука об руку с рабочим классом трудящееся крестьянство Украины выходило на широкую дорогу революционной борьбы.

---

[1] М. Гончаров. Минуле Якимівської волості. Харків, 1931, стр. 19.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ РАБОЧИХ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Формирование общественного быта рабочих

Рабочий класс внес в народный быт, особенно в общественную жизнь, освежающую струю, направившую развитие духовных интересов народа в русло революционного преобразования всего жизненного уклада. Рабочий «...гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа...»[1]. Преодолевая мещанские бытовые нормы и вкусы, передовой пролетариат Украины в условиях социального и национального бесправия вырабатывал свои взгляды на общество.

Уже в первой половине XIX в. Правобережье и частично Левобережье Украины являлись крупными центрами сахарной промышленности Российской империи. В этой отрасли работали главным образом окрестные крестьяне. Быстрое развитие металлургии, каменноугольной и машиностроительной промышленности, особенно на юге Украины, во второй половине XIX в. вызвали отходничество, массовый приток рабочих как с самой Украины, так и из других областей России, что содействовало активизации общественной жизни, переплетению интересов трудящихся разных национальностей, ломке патриархальных обычаев. Общественный быт рабочих Украины в начале второй половины XIX в. еще мало чем отличался от крестьянского. Но на фабриках и заводах среди рабочих уже проявлялись элементы классовой солидарности. На многих сахарных заводах вспыхивали забастовки, перераставшие иногда в открытые выступления против сахарозаводчиков.

Тесная связь с крестьянским бытом у рабочего класса сохранялась и позже, так как большой процент рабочих составляли выходцы из окружающих сел. Развитие передовых форм общественной жизни рабочих на Украине шло иными путями, чем это утверждали буржуазные идеологи, в том числе националисты. Даже в начале XX в. буржуазные идеологи заявляли, что украинский пролетариат как социальный класс мало способен «воспринимать назревшие общественные идеалы и политические задачи».

Рабочий класс, ломая устаревшие обычаи и существовавшие предрассудки, одновременно обогащал национальную культуру передовыми революционными традициями. Передовая роль рабочего класса соответствовала новым требованиям социального развития, содействовала формированию новых этнических качеств нации.

С другой стороны, буржуазия старалась затормозить культурное развитие трудящихся, поставить их в положение послушных рабов капитала, не заботилась о повышении уровня образования. В рабочих поселениях Украины строилось очень мало школ, сооружались прежде всего церкви и питейные заведения. Этнограф В. Харузина в очерке «Новороссийские степи», описывая быт рудокопов Кривого Рога, отразила многие его мрачные стороны[2]. Опираясь на «добрый хозяйский обычай», буржуазия культивировала среди рабочих пьянство. Часть рабочих следовала этому «обычаю» — «гуляла полуйку», т. е. пьянствовала после получки. К отрицательным обычаям относились также уличные «войны» и кулачные бои. В рабочую среду переходили некоторые старые обычаи от крестьян и ремесленников. Некоторые из этих обычаев сохраняли традиционное значение. Один из них, ведущий свою историю со времен феодализма,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 357.

[2] В. Харузина. Новороссийские степи. «Естествознание и география», 1906, сентябрь.

был *весілля свічки* (по-русски это звучит и как веселье, и как «бракосочетание» свечи). Этот обычай был связан с началом осени (темных вечеров), когда жилище украшалось веткой, завершаемой свечой, символизировавшей борьбу с темнотой и гнетом.

Мелкобуржуазные идеологи предлагали меры по «улучшению» бытовых условий рабочих (обзаведение земельной собственностью), но такая «забота» была особенно вредной, так как по своей идее она была направлена к тому, чтобы привить рабочим чуждую им буржуазную идеологию.

Новые обычаи рабочего класса и интернациональное сплочение, атеизм

В конце XIX в. среди растущего пролетариата Украины под влиянием марксистского учения активизировалось стремление к различным объединениям. Рабочие все чаще стали собираться, употребляя выражение И. Франко, на *робітницькі ради*, т. е. на совещания для обсуждения бытовых и особенно общественных вопросов. В таких собраниях переплетались давние традиции побратимства с традициями артельного объединения. По мере преодоления старых форм родственных, земляческих и национальных взаимоотношений побратимство у рабочих обогащалось принципами классового, интернационального единения. В общественном быту сельскохозяйственных рабочих, среди которых артель была очень распространена, несмотря на тяжелый груз некоторых крестьянских традиций, сформировался ряд черт, свойственных промышленным рабочим.

В сахарной промышленности рабочие артели объединяли иногда до 150 человек каждая и носили наименования своих губерний: Черниговская, Курская и т. д. Аналогичные артели возникали также и в городах (в Киеве среди них в 70—80-х годах XIX в. вели пропаганду революционные народники). Позже артели создавались по чисто производственному и классовому принципу. Передовой формой общественной организации рабочих в тот период являлись политические кружки. На их основе в 70-х годах развертывали деятельность революционные союзы в Одессе и Киеве. В 80—90-х годах марксистские кружки действовали среди рабочих Киева, Харькова, Екатеринослава, Одессы, в ряде городов Донбасса и других районов. Число их возрастало по мере роста влияния Союза борьбы за освобождение рабочего класса, расширения деятельности социал-демократической партии и распространения ее печатных органов. Собрания этих кружков проходили за городом или нелегально в городе, под видом молодежных и праздничных вечеринок, занятий в мастерских и т. п. Например, нелегальная школа, созданная в 90-х годах опытным пропагандистом-марксистом Ю. Мельниковым в Киеве, привлекала десятки рабочих. Занятия в этих школах нередко приурочивались к праздникам.

В начале XX в. активизировалось участие рабочих Украины в самодеятельных художественно-литературных кружках. Успешно действовали некоторые драматические кружки в Донбассе. Кружки выступали в различных общественных местах, в садах и на площадях. На Днепровском металлургическом заводе в с. Каменском начал работу оркестр музыкантов из рабочих, но администрация вскоре объявила его «непрактичным» и ликвидировала. Деятельность рабочих драматических, музыкальных и других кружков свидетельствовала о том, что пролетариат, несмотря на отсутствие свободного времени, старался найти возможности для культурного роста и для получения образования. Не случайно выручку от своих спектаклей некоторые кружки в Донбассе даже жертвовали на нужды просвещения.

В начале XX в. улучшилась деятельность рабочих касс взаимопомощи при профсоюзах (например, в Екатеринославе и Луганске), особенно руководимых комитетами партии большевиков.

Особенно быстро среди рабочих распространялись антирелигиозные настроения. Пролетариат как самый передовой класс решительно выступил против всех форм угнетения, в том числе и против религии. Передовая часть украинского пролетариата, как и рабочего класса всей России, уже в условиях буржуазно-помещичьего общества порывала с религией и становилась ее непримиримым врагом. В. И. Ленин в 1905 г. писал об атеизме рабочих: «Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь»[1].

Задачи партии по отношению к религии четко сформулированы в статье В. И. Ленина «Социализм и религия»: «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом»[2].

Во многих городах в годы первой революции были организованы профсоюзы, народные дома (аудитории), больничные кассы, школы, библиотеки, читальни, кассы взаимопомощи. Восстанавливались воскресные школы. Создавались библиотечные комитеты. Чтение книг, революционных газет и журналов втягивало рабочих в активную общественную работу. По свидетельству ветерана пролетарского движения П. Моисеенко, работавшего в Донбассе, трудящиеся охотно и уверенно брались за выполнение заданий по распространению литературы[3].

Ярким проявлением интернационального сплочения были рабочие массовки, особенно при праздновании 1 Мая. В 1900 г. в Харькове состоялась многотысячная демонстрация, о которой В. И. Ленин писал: «Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника...»[4]. Первомайский праздник отмечался также в виде товарищеских и семейных собраний, выходов в лес, в поле. Одним из наиболее замечательных проявлений майского праздника было водружение красного знамени на самой высокой заводской трубе в городе. Знамя иногда реяло над городом в продолжении нескольких дней.

В общественном быту украинских рабочих заметно было сильное влияние революционного русского пролетариата. В Донбассе и других районах сплотились дружные пролетарские коллективы. Это отразил в свое время шахтерский поэт:

Там, под угрозой, под вопли, проклятья
Русский, татарин, украинец — братья
Дружно сплотились в борьбе. . .[5]

Организация рабочих боевых дружин знаменовала новый этап развития общественной жизни пролетариата Украины. Рабочие сами изготовляли, сохраняли и берегли оружие, накапливали опыт ведения вооруженной борьбы. Занятия боевых дружин проходили напряженно, однако дружно, с остроумными выдумками. В 1917 г. из пролетариата создавались первые отряды Красной Гвардии. Рабочие выступали уверенно, как настоящие хозяева не только в общественной, но и в производственной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 143.
[2] Там же, стр. 145.
[3] П. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 151.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 363.
[5] В. Хмара. Песни шахтерские. Харьков, 1927, стр. 10.

жизни. Они налаживали дисциплину труда, находили сырье, устанавливали связь между заводами, охраняли общественный порядок. По воспоминаниям старейшего большевика Г. И. Петровского, рабочие Донбасса смело брали на себя все функции управления. В ходе революционной борьбы рабочие сумели создать монолитную общественную силу, разрушившую устои несправедливого социального строя и буржуазного быта.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И РОСТКИ КОММУНИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ

Победа пролетарской революции и установление новых производственных отношений стали основой для глубоких революционных преобразований в общественном быту советских людей. Носителем передовых черт социалистического общественного быта выступил рабочий класс — наиболее передовая, организованная сила советского общества. Под руководством Коммунистической партии рабочие Украины возглавили борьбу за проведение культурной революции в республике. Уже к концу первой пятилетки Украинская ССР превратилась в республику сплошной грамотности. Особенно большие успехи были достигнуты в основных промышленных центрах. Только в Донбассе за пять лет (1928—1932 гг.) через школы ликбеза прошла 351 тыс. человек, а через школы малограмотных — 445,8 тыс.

Формирование нового общественного быта трудящихся после победы Великой Октябрьской социалистической революции

По инициативе рабочих Украины в середине 20-х годов было организовано добровольное общество «Шефство над селом», которое очень много сделало для вовлечения тружеников сельского хозяйства в общественную жизнь страны. Например, предприятия Киева осуществляли шефство над 25 селами области.

Советская власть пробудила к общественной жизни творческую инициативу женщин. Получив равные права с мужчиной и широкий доступ к общественной деятельности, украинские женщины проходили великую школу политического и гражданского воспитания. Уже в 1920 г. ЦК КП(б)У принял в ряды партии 263 активнейших борца за социалистическое преобразование жизни общества — делегаток I Всеукраинского съезда работниц, крестьянок и казачек.

Советские женщины выступают активной силой во всенародном движении за коммунистический труд, показывают примеры добросовестного выполнения общественных обязанностей, высокие моральные качества человека нового общества. Далеко за пределами Украинской ССР известны имена тружениц колхозных полей Героев Социалистического Труда — Н. Заглады, Е. Долинюк, М. Савченко, С. Виштак, А. Ладани, О. Диптан и др. Активное участие в производственной и общественной жизни принимают Герои Социалистического Труда электросварщица В. Гурмаза, токарь М. Павленко.

В результате индустриализации и социальной революции в сельском хозяйстве — коллективизации — перед советским народом открылись широчайшие возможности для всестороннего подъема материально-культурного уровня жизни и общественной инициативы.

Общественная активность породила социалистическое соревнование, которое приобрело всенародный характер. Советская Украина стала родиной могучего стахановского движения, всколыхнувшего всю страну, на ее полях родилось знаменитое движение пятисотниц. Имена украинских тружеников — шахтера Алексея Стаханова, металлурга Макара Мазая, машиниста Петра Кривоноса, колхозниц Паши Ангелиной, Марии Демченко, Ганны Кошевой и многих других — стали символом беззаветного служения обществу.

Ликвидация неграмотности (Днепропетровская обл., 30-е годы)

По мере укрепления социалистического строя возникали новые общественные взаимоотношения между людьми, основывавшиеся на коллективизме, дружбе, товариществе и взаимопомощи, стало формироваться единство личных и общественных интересов. Именно эти черты помогли украинскому народу выстоять в годы Великой Отечественной войны и возродить из пепла разоренные дотла города и села Украины.

Общественная активность трудящихся особенно ярко проявляется в социалистических формах местного управления — Советах депутатов трудящихся. В Программе КПСС отмечается, что «сочетая в себе черты государственной и общественной организации, Советы все более выступают как общественные организации при широком и непосредственном участии масс в их деятельности»[1].

Испытанной формой привлечения широких масс населения к практической деятельности местных Советов, как и по всему Союзу, являются их постоянные комиссии. Они организуют вокруг себя широкий актив, который принимает деятельное участие в общественном контроле предприятий общественного питания, торговли, школ и детских дошкольных учреждений, бытовых комбинатов, в создании квартальных и уличных комитетов, привлекает население к озеленению и благоустройству городов и сел, к борьбе с нарушителями общественных норм поведения. По инициативе постоянных комиссий и их широкого актива в республике сооружаются клубы и библиотеки, школы-интернаты и дома для престарелых, больницы и родильные дома, дома отдыха и пионерские лагеря. Активное непосредственное участие широких масс в деятельности Советов свидетельствует, во-первых, о том, что государственные функции культурно-бытового строительства берет в свои руки общественность и, во-вторых, что строительство нового коммунистического общества — это результат сознательного участия народа в создании нового быта, в повышении своей культуры, в управлении государственными и общественными делами.

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 102.

Почетное место в общественной жизни трудящихся, в приобщении их к политической и трудовой активности принадлежит общим собраниям трудовых коллективов. Именно здесь создается общественное мнение коллектива. Все его члены обсуждают итоги выполнения производственных планов, принимают новые обязательства, подвергают критике недостатки, обсуждают важные вопросы воспитательного и культурно-бытового значения. Огромные права предоставлены общему собранию сельскохозяйственной артели. Колхозники сами разрабатывают вопросы планирования производства и распределения доходов, устанавливают обязательный минимум трудодней, порядок наделения и размеры приусадебных участков, численность находящегося в личном пользовании скота, принимают решения о создании специальных фондов для выплаты пособий колхозникам по временной нетрудоспособности, инвалидности, старости, устанавливают ежегодные отпуска, оплачиваемые трудоднями, пенсии. В 1961 г. колхозы Украины на свои средства содержали 749,3 тыс. человек престарелого возраста.

Повышению творческой инициативы трудящихся УССР в значительной мере способствуют массовые общественные организации.

Вся работа этих организаций строится на основе инициативы и самодеятельности населения. В ходе исторического развития Советской Украины общественные организации меняли формы работы, но на всех этапах в их деятельности большое место уделялось вовлечению широких масс трудящихся в общественную жизнь страны, мобилизации на борьбу за улучшение материально-бытовых условий жизни, повышению культурного уровня общества. Большая роль принадлежит профессиональным союзам, которые являются самой массовой общественной организацией. Профсоюзы Украины проводят ценную организаторскую и воспитательную работу в массах, мобилизуют усилия и энергию трудящихся на борьбу за дальнейшее развитие производительных сил, за создание материально-технической базы коммунизма. Профсоюзные организации предприятий осуществляют контроль над выполнением законов по охране труда, технике безопасности, организуют отдых трудящихся, контролируют работу столовых, детских садов и яслей, лечебных учреждений. Особенно повышается роль профсоюзных организаций в период строительства коммунизма. Они являются надежным помощником партийных организаций в борьбе за коммунистическое преобразование быта трудящихся.

Большой популярностью среди населения пользуются также добровольные спортивные организации, Общество Красного креста и целый ряд др.

В борьбе за здоровый и культурный быт, за воспитание нового человека и торжество морального кодекса строителей коммунизма значительна роль Коммунистического союза молодежи Украины, самодеятельной общественной организации, объединяющей передовую молодежь. Комсомольцы, лучшие молодые производственники и колхозники выступили инициаторами движения за звание бригад коммунистического труда.

В республике введено в действие много новых ударных комсомольских строек (доменная печь на заводе «Криворожсталь» им. В. И. Ленина, нефтепровод «Дружба», Днепропетровский шинный завод и пр.). На счету комсомольской молодежи много новых начинаний в общественном быту. По инициативе донецких комсомольцев, в Донецкой области созданы в 1959 г. штабы «легкой кавалерии», которые стали проверять работу предприятий культурно-бытового назначения, возглавлять борьбу с бюрократизмом и бесхозяйственностью. На Украине во многих промышленных центрах, в селах были созданы молодежные комсомольские отряды по охране насаждений, парков, озер и т. п.

Митинг в бригаде колхоза (Луганская обл., 1958 г.)

Высшей формой общественной организации республики является Коммунистическая партия Украины, которой принадлежит основная направляющая роль на всех участках общественной жизни страны. Под ее непосредственным руководством проводится большая общественная работа по повышению политического, технического и общеобразовательного уровня трудящихся.

На Украине сейчас существует много заводов, фабрик, шахт, совхозов и колхозов, где каждый второй человек учится. Из года в год увеличивается число рабочей и крестьянской молодежи не только с семилетним, но и с десятилетним образованием. После трудового дня тысячи рабочих и тружеников сельского хозяйства посещают вечерние школы, техникумы, вузы. В 1962/63 учебном году в школах рабочей молодежи обучалось 579 200 человек. На Одесском заводе им. Январского восстания обучается без отрыва от производства половина всех рабочих. Многие одаренные юноши и девушки, имеющие двухлетний стаж практической работы, учатся в вузах и техникумах на стипендии предприятий и колхозов. В 1960 г. по командировкам предприятий и колхозов в вузы Украины было зачислено 8206 человек — 19,8% всех принятых на первый курс.

В Криворожском горнорудном институте 55,7%, а в Ждановском металлургическом институте 50,3% общего числа студентов принято в 1960 г. по путевкам предприятий. Больше 500 рабочих и служащих Донецкого металлургического завода обучаются в вечернем металлургическом техникуме на стипендии предприятия. В Днепродзержинске, на заводе им. Дзержинского организован на базе вечернего металлургического института завод-втуз. Это один из пяти в нашей стране заводов-втузов, где без отрыва от производства обучается больше 2 тыс. студентов — в основном рабочие завода. На заводах, фабриках, шахтах, стройках, в совхозах, колхозах существует широкая сеть производственных кружков, курсов, школ мастеров, институтов передовых достижений, где сотни тысяч людей повышают свою квалификацию и овладевают несколькими профессиями. На многих промышленных предприятиях Украины

Политкружок при Горловском машиностроительном заводе им. Кирова (1958 г.)

родился чудесный почин — общественные конструкторские бюро — как одна из новых форм борьбы рабочей общественности за технический прогресс. На промышленных предприятиях созданы и успешно действуют 3400 общественных конструкторских бюро; они объединяют свыше 35 тыс. инженеров, техников и рабочих-новаторов.

По всей Украине разрастается мощное движение за массовое овладение техникой тружениками сельского хозяйства. Если раньше подготовка механизаторских кадров для сельского хозяйства осуществлялась государственным путем, то в последнее время эту задачу выполняют сами колхозы республики на общественных началах.

В колхозе им. Калинина Ичнянского района Черниговской обл., например, на протяжении 1961—1962 гг. таким путем было подготовлено 300 механизаторов.

Партийные организации республики большое внимание уделяют экономической учебе рабочих и колхозников, используя такие формы массового просвещения, как кружки и семинары конкретной экономики, школы и университеты передового опыта. Большое внимание уделяется политобразованию трудящихся. На каждом заводе, шахте, фабрике, стройке, в каждом совхозе, колхозе есть многочисленные кружки по изучению истории Коммунистической партии Советского Союза, политэкономии, текущей политики. Многие рабочие, инженерно-технические работники, служащие обучаются в вечерних университетах марксизма-ленинизма. На каждом промышленном предприятии, в каждом селе есть свои лекторские группы.

Большую роль в повышении культурного уровня трудящихся Украины играет постоянно расширяющаяся сеть библиотек. В 1962 г. в республике насчитывалось 33 289 массовых библиотек, в которых имелось 208 784 тыс. экземпляров книг, что составляет в среднем около пяти книг на каждого жителя Украины. Кроме распространения книг среди населения, библиотеки организуют читательские конференции, литературные вечера, диспуты, устраивают встречи с писателями, книжные выставки, базары.

Значительное место в повышении культурного и идеологического уровня трудящихся отводится периодической прессе. Кроме центральной и республиканской прессы, на многих предприятиях и в колхозах выпускаются многотиражные газеты и десятки тысяч стенных газет. В работе низовой прессы принимают участие сотни тысяч рабкоров и селькоров, вокруг которых создаются корреспондентские посты, бригады. О духовном росте тружеников Советской Украины свидетельствует тот факт, что почти каждая семья выписывает одну или несколько газет и журналов. В Дружбовском почтовом отделении Нижнесерогозского района Херсонской обл., например, на 1000 жителей в 1962 г. выписывалось 1075 экземпляров газет и журналов.

Прочное место в повседневной жизни народа заняли радио и кино, которым трудящиеся в значительной мере обязаны повышением своего идейно-политического уровня и культурно-эстетического воспитания. По данным Центрального статистического управления УССР, число посещений киносеансов в 1962 г. составило 747 млн., в том числе по городу — 450 млн., а в деревне — 297 млн.

Организация общественных форм досуга и отдыха

Коренные преобразования, происшедшие в материальной и культурной жизни трудящихся, полностью изменили и характер проведения отдыха, досуга и развлечений. На Украине создана широкая сеть культурно-просветительных, спортивных учреждений и других общественных организаций, сочетающих в своей деятельности организацию культурного отдыха с политико-просветительной и воспитательной работой. Среди этих организаций на первом месте стоят дворцы культуры, клубы и библиотеки, ставшие очагами культуры и пропагандистами социалистических форм быта с первых дней Советской власти. В 1963 г. в распоряжении профсоюзов республики насчитывалось свыше 27 000 клубов, домов и дворцов культуры, почти 30 тыс. красных уголков; на территории каждого сельского Совета республики сейчас имеется два-три клуба. Клубы стали центрами всей общественной жизни трудящихся, местом товарищеских встреч, культурного отдыха и полезных занятий.

Важное место в общественной жизни отводится художественной самодеятельности. Уже в первые годы Советской власти самодеятельные рабочие театры появились в таких промышленных центрах, как Харьков, Донецк, Киев, Днепропетровск и др. В наше время драматические кружки существуют на каждом заводе, шахте, фабрике, стройке, колхозе. Самым любимым видом самодеятельного искусства украинцев является хоровое пение. Далеко за пределами республики известны такие самодеятельные хоровые коллективы, как хоровые капеллы донецких железнодорожников и киевского завода «Большевик», хоры Черниговской фабрики первичной обработки шерсти и Иршавского деревообделочного комбината в Закарпатье, Печорский сельский хор в Винницкой обл., который недавно отпраздновал свое пятидесятилетие, народный хор с. Кирдани в Житомирской обл. и многие другие. Новым видом хорового коллектива в сельской художественной самодеятельности является *хор-ланка* (хор-звено) — небольшой хоровой коллектив, образовавшийся на производственной основе. В его состав входят члены (десять—двенадцать человек) производственной единицы колхоза-звена. Хоровые коллективы не только популяризируют лучшие образцы искусства, но и сами выступают творцами песен, частушек, коломиек (жанр украинских народных песен). Значительное место в художественной самодеятельности занимает танцевальное искусство.

Лучшими самодеятельными танцевальными коллективами республики являются Заслуженный ансамбль танца УССР «Дніпро», ансамбли Дворца культуры Днепродзержинского металлургического завода, шахты «Кочегарка» Горловского Дворца культуры, районный ансамбль «Полісся» Житомирской обл., танцевальные коллективы Харьковского Дворца

Ансамбль бандуристок Полтавского дворца культуры (1960 г.)

культуры железнодорожников, киевского завода «Большевик», Вижницкого районного клуба на Буковине и многие другие. Большой популярностью среди трудящихся республики пользуются кружки народных инструментов: *бандуристов*, *сопилкаров* и т. д. На каждом заводе, шахте, фабрике, колхозе имеются художники, скульпторы, мастера народного прикладного искусства, которые свой досуг проводят в студиях изобразительного искусства.

Участники художественной самодеятельности постоянно работают над повышением своего культурного уровня: слушают лекции и беседы по истории отечественного искусства, о деятельности выдающихся его мастеров, изучают теорию и технику художественного мастерства. Все это позволяет самодеятельным коллективам овладевать самыми сложными жанрами искусства. Так, самодеятельный театральный коллектив Дворца культуры им. Ленина Луганского тепловозостроительного завода осуществил постановку оперы М. Глинки «Иван Сусанин», коллектив художественной самодеятельности завода «Запорожсталь» поставил оперы М. Аркаса «Катерина» и В. Кирейко «Лісова пісня». Оперные спектакли идут на самодеятельных сценах Дворца культуры им. И. Франко в Донецке, на Запорожском коксохимическом заводе, Краматорском заводе им. Орджоникидзе и многих других. От городских самодеятельных коллективов не отстают и сельские. В сельском клубе колхоза им. Калинина с. Волковцы Хмельницкой обл. поставлены оперы «Майская ночь», «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка».

Молодежь охотно отдает свое свободное время спорту. Почти на каждом предприятии, учреждении, в каждом селе есть площадки, стадионы, залы, где проводятся регулярные занятия спортом. Между спортсменами УССР, других республик и зарубежными командами устраиваются встречи, соревнования, фестивали.

В воскресный день (Полтавская обл., 1958 г.)

Весна на Волыни (1962 г.)

 Заказ № 888

Шахтеры в выходной день на берегу р. Северский Донец (1960 г.)

Во многих районах Украины сложилась хорошая традиция коллективно проводить выходной день. Жители городов часто устраивают совместные выезды за город, на лоно природы (на массовки), по грибы, на рыбалку, лыжную прогулку и т. д. В ряде деревень Николаевской, Закарпатской и Сумской областей в воскресенье труженики сельского хозяйства со всего района целыми семьями съезжаются в один из колхозов, где организуются народные гулянья, выступают коллективы художественной самодеятельности, проводятся спортивные соревнования.

В последние годы на общественных началах возникли такие новые формы клубной работы с населением, как клубы любителей природы, охотников и рыболовов, клубы интересных встреч, клубы девушек, клубы родителей, клубы кукурузоводов, клубы механизаторов и многие др. При Дворце культуры им. Ильича Харьковского канатного завода работает десять таких самодеятельных клубов, в которых за любимым занятием проводят свое свободное время свыше 10 тыс. человек. В начале 1962 г. в Одесской обл. насчитывалось 137 таких клубов. Они не только организуют свободное время людей, но и способствуют повышению их профессионального и общекультурного уровня, содействуют развитию в массах организаторских способностей, развивают общественно-полезную инициативу. Так, самодеятельный Городской клуб по охране природы в Харькове, насчитывающий 700 членов, проводит большую практическую работу по озеленению своего города. Интересно проходит работа самодеятельного клуба, который объединил вокруг себя любителей истории и этнографии края, в с. Визирка Коминтерновского района Одесской обл. Члены этого клуба проводят большую работу по воспитанию населения в славных традициях своего края. Широкой популярностью среди жителей этого села пользуются проводимые клубом вечера — встречи со знатными земляками, участниками революционных событий 1905—1907 гг.,

Уголок парка отдыха в Трускавце (Львовская обл. 1957 г.)

зачинателями колхозного движения, воинами и партизанами Великой Отечественной войны. Собрав немало исторических и этнографических материалов, члены клуба открыли в селе историко-этнографический музей, который стал опорным пунктом всей массово-политической и краеведческой работы села. Много нового и полезного в общественный быт с. Николаевки Новороссийской Одесской обл. внесла деятельность клуба девушек, созданного комсомольской организацией колхоза «Прогресс». При этом клубе работают кружки художественной самодеятельности, проводятся специальные занятия по домоводству, личной гигиене, культуре быта. Члены клуба — неутомимые инициаторы интересных общественных мероприятий: они провели выставку художественной вышивки, организовали конкурс на лучшее озеленение двора, своими руками насадили десятки клумб, живописных аллей, украсили сельский клуб

Очень популярными в селах стали «недільні читання» — важные мероприятия культурной и массово-политической работы с населением в выходные дни. В Запорожье, Днепропетровске, Донецке, Горловке и других городах по инициативе рабочих в парках, скверах, в поселках, во многих дворах больших домов созданы агитплощадки, где жители коллективно проводят досуг. Здесь организуются беседы агитаторов, выступления коллективов художественной самодеятельности, демонстрируются кинофильмы, устраиваются встречи с депутатами Советов, руководителями предприятий. В одном только г. Запорожье работает свыше 300 таких площадок.

Общественные организации промышленных предприятий Киева, Черкасс, Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Херсона устраивают в летние месяцы массовые выезды трудящихся на Днепр. Ежегодно сотни тысяч трудящихся республики отдыхают в санаториях, пансиона-

тах, домах отдыха, многие производственники и колхозники получают бесплатные или льготные путевки. В 1962 г. лишь по соцстраховским путевкам в санаториях и домах отдыха лечились и отдыхали 687 тыс. рабочих и служащих, а в 1963 г.— около 1100 тыс. трудящихся.

Многие рабочие и колхозники проводят свой отпуск в туристских походах. Наиболее распространенные туристские маршруты — по Днепру, Закарпатью, Крыму, по Черному морю.

Новые общественные праздники и обычаи трудящихся

Новые формы общественной жизни нашли свое яркое проявление в праздниках.

Порожденные в обществе, свободном от эксплуатации, праздники советских людей украшают быт, являются источником радости и вдохновения, могучим фактором единения и воспитания людей.

Наряду с общегосударственными праздниками в жизни трудящихся Советской Украины существует много местных народных праздников, прославляющих героику трудовых будней.

Современные праздники и обычаи складываются на основе прогрессивного национального духовного наследия украинского народа.

Как и у многих народов мира, на Украине существует праздник встречи Нового года. Кроме традиционной елки, новогодних вечеров, бал-маскарадов, в новогоднем празднике украинского народа бытует старый народный обычай новогодних поздравлений. Традиционные щедривки стали очень популярной формой новогодних поздравлений. Вот, например, какими щедривками поздравляют сейчас в украинском селе с Новым годом:

Хто в цьому домі
Живе поживає,
Того з роком Новим
Поздоровляєм!
Щастя бажаєм
Всім в цьому домі.
Успіхів, радості,
В році новому!
Дітонькам добре
Щоденно вчитись,
Щоб з похвалою,
Школу скінчити.
Щастя дорослим,
Втіхи малечі,
Всім добрий вечір,
Всім щедрий вечір [1]

Своеобразно проходит на Украине и календарно-бытовой Праздник весны, в котором продолжают жить и творчески развиваться традиционные украинские девичьи песни и хороводы, прославляющие приход весны.

Купальские обряды в календарном празднике молодежи наполнились новым содержанием. Многие из веснянок творчески вплетаются в современное торжество без изменений, но значительная их часть, сохраняя эмоциональную выразительность танцев и чарующую мелодию песни, полностью меняют свою словесную ткань, так как старая не соответствует духу времени. В целом ряде городов и сел Украины (Львовская, Волынская, Хмельницкая, Винницкая, Житомирская и другие области) праздники весны проводятся как большие театрализованные представления,

---

[1] «Народна творчість та етнографія», 1962, № 4, стр. 121.

устраиваемые на открытом месте, по заранее разработанному сценарию. Главными действующими лицами, вокруг которых разворачивается действие, выступают Зима, Весна и сопровождающая ее свита: Космонавты, Королева полей, Царь-Горох и др. Выступления коллективов художественной самодеятельности, спортивные соревнования, многочисленные игровые аттракционы и массовые развлечения дополняют этот праздник. В некоторых местах (Луганская, Кировоградская, Киевская области) к Празднику весны приурочивают Праздник песни и танца.

Широкой популярностью на Украине пользуются праздники: День металлурга, День шахтера, День строителя, День железнодорожника, Праздник урожая, День животновода, День механизатора, День виноградаря. Одним из старейших производственных праздников республики является Праздник урожая, который проводится с 1923 г. и имеет свою историю, отразившую основные этапы развития сельского хозяйства, социалистические преобразования культуры и быта села, формирование советских общественных празднеств. Праздник урожая вобрал в себя отдельные элементы традиционного обычая украинских хлеборобов — *обжинок*. Переосмысленные и наполненные новым содержанием, они украсили праздник, сохраняя его национальное своеобразие. Украинскими колхозниками создано немало новых обжинковых песен, прославляющих светлую радость свободного труда на социалистических полях, зажиточную и счастливую жизнь людей в условиях советского общества. Вот одна из таких обжинковых песен, родившаяся в Хмельницкой обл.:

Ой, снопе, снопе,
Снопе вусатий,
Несеш достаток
У нашу хату.
Несеш достаток
Кожній родині,
Несеш ти славу
Нашій країні [1].

Вошло в традицию отмечать трудовые подвиги производственных коллективов, колхозов, совхозов и отдельных передовиков днями трудовой славы. Существуют праздники производственных коллективов, связанные с завершением выпуска важного вида продукции (на Николаевском судостроительном заводе им. Носенко, на Харьковском тракторном заводе, на Луганском тепловозостроительном заводе им. Октябрьской революции, на Киевском заводе «Ленинская кузница»). В колхозе им. XXI съезда КПСС Березовского района Одесской обл. ежегодно отмечают большим производственным праздником дату вступления колхоза в борьбу за завоевание почетного звания коллектива коммунистического труда.

Приобрели своеобразные черты всенародные торжества в городах-героях — Севастополе, Киеве, Одессе — в ознаменование славной годовщины их освобождения от фашистского нашествия, а также День обороны Луганска, связанный с героической обороной города в 1919 г. от деникинских банд; 19 июня отмечается в с. Турбаи в Полтавской обл., где в 1789 г. произошло восстание крестьян; в декабре с. Великие Сорочинцы—дата крестьянского восстания 1905 г. На родине матросов П. Матюшенко и Г. Вакуленчука отмечают день восстания на «Броненосце Потемкине»; на берегу Днепра, в с. Триполье, чествуют память героев-комсомольцев гражданской войны, а в Краснодоне — комсомольской организации «Молодая гвардия». Происходят ежегодные

[1] «Народна творчість та етнографія», 1963, № 2, стр. 113.

Проводы в армию (Винницкая обл., 1961 г.)

торжества в с. Шевченково, на родине Тараса Шевченко, и в Каневе — у его могилы; 6 июня в Каменке в Кировоградской обл. отмечаются пушкинские дни 18 июня — в с. Мануйловка Полтавской обл., где проживал пролетарский писатель, М. Горький, — «горьковское свято»; 1 августа в Миргороде и Зубовке, где жил грузинский писатель Давид Гурамишвили, проходят встречи представителей Грузии, России и Украины: в Остерском районе вместе с посланцами Чувашии организуются торжества у могилы основоположника чувашской советской поэзии М. Сеспеля, в Херсонской обл.— дни Косты Хетагурова, который был сослан сюда царским правительством. На родине Ивана Франко, М. Коцюбинского, И. Карпенко-Карого, Ольги Кобылянской и Ю. Федьковича происходят праздничные встречи местных жителей с многочисленными гостями.

Интересно проходят на Украине общественные проводы в Советскую Армию, дни совершеннолетия, ставшие для многих юношей светлым и радостным событием в жизни. У девушек с. Цекиновка в районе Ямполя в Винницкой обл. существует чудесный обычай: в торжественной обстановке дарить парню, отъезжающему в армию, любовно вышитое полотенце как символ родного края.

Общественный характер приобретают многие семейные торжества, например свадьбы. Председатель колхоза им. XXI съезда КПСС (Одесская обл.) М. Посмитный в своей речи на XXII съезде КПУ сказал: «Каждая свадьба у нас — это большой колхозный праздник»[1].

В праздновании семейных торжеств коллективом отражается новая, коммунистическая черта быта. Сегодня она характерна прежде всего для тех, кто носит почетное звание членов коммунистических бригад и кого народ образно назвал разведчиками будущего общества. Именно в этих коллективах родилась традиция совместно отмечать день рождения каждого члена, подхваченная общественностью. Например, члены

[1] «Радянська Україна», 30 сентября 1961 г.

сельскохозяйственной артели им. Шевченко Жидачовского района Львовской обл. все вместе отмечают на площади села дни рождения своих тружеников.

Из обычаев коллективной взаимопомощи среди украинского населения продолжает бытовать *толока*. В деревне толока еще и сегодня сохраняет большую роль в индивидуальном строительстве. Там, где созданы строительные бригады, которые выполняют заказы трудящихся, толока забывается.

Видоизмененной формой традиционной толоки между колхозниками является так называемое ланкове (от слова *ланка* — звено). Суть этого обычая заключается в том, что члены звена оказывают друг другу трудовую помощь при выполнении тяжелых работ в личном хозяйстве (уходе за приусадебным участком, заготовке топлива, овощей и т. п.)

Роль праздников и обычаев в общественной жизни народа исключительно велика. Праздники и обычаи — это одна из форм проявления общественных отношений между людьми. В них находят выражение лучшие стремления и чаяния народа, традиции коллективизма, стремление к красоте. Идейно насыщенные по содержанию, художественные по форме, они служат могучим средством воспитания трудящихся.

Победа атеизма

С победой социалистической революции и построением социалистического общества в нашей стране создались все условия для активного преодоления религиозных взглядов, превратившихся в пережиток идеологии прошлого. Отход от религии значительной части трудящихся начался с первых лет Советской власти. Большую роль в деле антирелигиозного воспитания трудящихся сыграл декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятый еще в 1918 г. Особенно массовый характер атеистическое движение в СССР, в частности на Украине, приобрело в 30-е годы, когда были окончательно ликвидированы капиталистические элементы в городе и деревне. Широкий отход верующих от религии обусловлен не только социально-экономическими изменениями, но и глубочайшей культурной революцией, развернувшейся в годы социалистического строительства и неустанной борьбой Коммунистической партии и Советского государства за всемерное развитие культуры широчайших слоев трудящихся. Навсегда победило и утвердилось марксистское мировоззрение; преобладающее большинство населения освободилось от религиозных предрассудков. Религиозные пережитки больше сохраняются в деревне, причем среди старшего поколения, главным образом женского населения. Их интересы порой не выходят за рамки семейного круга; они менее вовлечены в общественно-культурную жизнь своей деревни. В результате забот Коммунистической партии по улучшению материального благосостояния колхозников, поднятию культурного уровня тружеников колхозной деревни происходит неуклонный процесс сокращения религиозных организаций и успешного преодоления пережитков религиозной идеологии.

Особенно много внимания уделяется преодолению религиозных пережитков и внедрению в быт новых советских традиций и обрядов в западных областях Украины, где Советская власть установлена лишь в 1939 г. В с. Боблы Волынской обл. уже пять лет как никто из жителей не посещает церковь. Неудивительно, что священник обратился в правление колхоза, чтобы ему дали работу в артели. Лишь некоторые трудящиеся еще отмечают религиозные праздники, придерживаются религиозных обрядов, посещают церковь, крестят детей и т. д. Имеются на Украине сектантские организации. С целью сохранения своего влияния церковники и сектанты применяют разнообразные формы религиозной пропаганды. Но и среди старшего поколения верующих с каждым годом становится все меньше. Некоторые верующие продолжают посещать церковь и исполнять

Комсомольская свадьба (Черновицкая обл., 1962 г.)

религиозные обряды скорее по привычке, чем по убеждению; многие не имеют понятия о религиозном учении.

За последнее время резко усилился разрыв с религией не только среди верующих, но и среди самих служителей культа. За последние десять лет на Украине число православных церквей, монастырей, молитвенных домов сектантов уменьшилось. Во многих церквах служба отправляется несистематически.

Партийные организации промышленных предприятий, совхозов и колхозов в последние годы значительно усилили борьбу против религиозных пережитков. Антирелигиозная пропаганда приобрела широкий размах. Увеличилось число лекций, диспутов и вечеров, посвященных вопросам атеизма. В республике созданы дома атеистов и многочисленные советы и кабинеты атеистов на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. Проводится индивидуальная разъяснительная работа с верующими и т. п.

«Престольные» праздники вытесняются советскими праздниками (урожая, новыми обжинками, днями основания колхозов и т. п.). Активное внедрение в жизнь новых советских праздников, обычаев и обрядов, а также обычаев, в которых сохраняются лучшие народные традиции,— одна из своеобразных форм пропаганды материалистического мировоззрения и борьбы с религиозными пережитками. На Украине широко практикуется торжественная регистрация брака в клубах, дворцах культуры, дворцах бракосочетания, новые формы свадебной обрядности (комсомольские свадьбы). Во многих областях число венчавшихся составляет всего лишь один-два процента от общего числа вступающих в брак. В 1960 г. в Таращанском, Богуславском и Рокитнянском районах Киевской обл. было зафиксировано, например, 1352 гражданских брака, а во всех церквах этих же районов — всего 12. Например, в с. Боблы Волынской обл., где ежегодно празднуют в среднем 10—20 свадеб, за последнее десятилетие венчались в церкви всего три пары. В городе нефтяников, Дрого-

быче, в 1961—1962 гг. во Дворце счастья зарегистрировано 1253 брака, а в церквах города венчалось всего 34 пары. В Ровенской обл. в селах Богуши и Князивка в 1962 г. родилось 59 детей, из них крестили лишь пятерых.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза четко сформулированы задачи партии в борьбе против религиозных предрассудков: «Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»[1].

В период развернутого строительства коммунизма, с повышением материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, в процессе ликвидации существенных культурно-бытовых различий между городом и деревней, улучшения условий домашнего труда женщин и привлечения их к общественной деятельности влияние религиозной идеологии будет все больше слабеть, религиозные пережитки окончательно потеряют почву.

Развитие коммунистических начал в общественной жизни трудящихся

В период развернутого строительства коммунизма развитие общественного быта идет по линии дальнейшего совершенствования форм, созданных при социализме, формирования новых явлений, стирания различия между общественным бытом города и села. Носителями нового, коммунистического как на производстве, так и в общественной жизни выступают в первую очередь коллективы, бригады и ударники коммунистического труда.

Характерной особенностью движения бригад коммунистического труда является воспитание коммунистического отношения к труду, к новым нормам поведения в коллективе, в семье.

Принцип взаимопомощи является основным не только в производственной жизни, но и в общественном быту. Во многих коллективах и бригадах коммунистического труда создаются бригадные денежные фонды, которые используются для коллективного посещения театров, кино, проведения досуга, приобретения книг. Члены коллективов и бригад коммунистического труда активно борются против пережитков прошлого, в частности против пренебрежительного отношения к труду, недостойных поступков, против религиозных пережитков и т. д. Инициаторы всего нового, передового в труде и в быту стали «маяками», своим примером освещающими дорогу в коммунистическое завтра.

К росткам нового, коммунистического в общественном быту относятся народные университеты — одна из форм распространения знаний, — которые играют важную роль в деле коммунистического воспитания трудящихся. Хорошо зарекомендовали себя народные университеты при Дворце культуры завода «Азовсталь» в Жданове, при Дворце культуры Харьковского электромеханического завода, сельские народные университеты, например, с. Боривка Винницкой обл., с. Протопоповка Александрийского района Кировоградской обл. и многие др. Сейчас в республике

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 121—122.

Картинная галерея на Ново-Краматорском машиностроительном заводе (1961 г.)

насчитывается несколько тысяч народных университетов. Вся их работа осуществляется на общественных началах. В роли лекторов, наряду с учеными, деятелями литературы и искусства, выступают лучшие производственники — новаторы производства, члены бригад коммунистического труда.

Творческая активность трудящихся проявляется и в такой области общественного быта, как организация музеев на предприятиях, при дворцах культуры, клубах, колхозах. Рабочие музеи функционируют на Запорожском электрометаллургическом заводе «Днепроспецсталь», Харьковском заводе им. Малышева, Днепропетровском трубопрокатном заводе им. Ленина и многих др. Много музеев создано тружениками сельского хозяйства по истории сел, колхозов. Сейчас в республике насчитывается 428 народных музеев. Трудящиеся сами собирают материалы, строят экспозиции, выступают в роли экскурсоводов, лекторов.

К новым массовым явлениям общественного быта относится соревнование трудящихся за высокое звание дома, общежития, улицы, квартала или города коммунистического быта. Первыми на Украине в борьбу за высокую культуру населенных пунктов включились трудящиеся города-героя Севастополя. Их почин подхватили жители городов Одессы, Дрогобыча, Краматорска, Полтавы, Кадиевки, Чистякова, Северодонецка, Винницы и ряда других городов. В этих городах созданы общественные художественные советы, которые заботятся об архитектуре, благоустройстве городов, чистоте, озеленении, украшении и освещении улиц. На общественных началах в городах созданы общегородские бюро добрых услуг, которые помогают населению в ремонте квартир, мебели, в обслуживании больных и пр. Это движение превращается в неотъемлемую часть повседневного быта трудящихся. В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти называл ростками коммунизма образцовые столовые, образцовую чистоту

В комбинате бытового обслуживания (Хмельницкая обл., 1961 г.)

в рабочих домах, кварталах. «Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность»[1].

В период развернутого строительства коммунизма новые формы приобретают шефские связи рабочего класса с колхозным крестьянством. Особенный размах приобрела шефская помощь в активном проведении массово-политической и культурно-воспитательной работы. Стало славной традицией проводить совместные вечера отдыха рабочих и колхозников. В результате дружеских связей рабочего класса и колхозного крестьянства родился Праздник серпа и молота.

Рабочие несут в село передовую городскую культуру. Тесные взаимоотношения между трудящимися города и села свидетельствуют о дальнейшем укреплении союза рабочего класса и колхозного крестьянства, о постепенном стирании разницы в их быте и культуре.

Среди украинских трудящихся все больше углубляется и укрепляется чувство интернационализма и братской дружбы народов. Новые формы и содержание приобретает социалистическое соревнование украинского рабочего класса с рабочими других республик нашей многонациональной отчизны. Так, движение бригад коммунистического труда, инициатива В. Гагановой сразу же распространились среди украинских рабочих. Почин лучших представителей рабочего класса Украины — Н. Мамая и А. Кольчика — был подхвачен русскими рабочими и производственниками других республик. Стали традиционными соревнования Приднепровского экономического района со Свердловским, Луганским и Карагандинским, трудящихся Буковины с рязанцами, колхозников Херсонской обл. с колхозниками Грузии, Переяслав-Хмельницкого района с Можайским и многие др. На промышленных предприятиях Украины работают представители многих национальностей. Для обслуживания культурных потребностей рабочих созданы клубы, где часто устраи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 25.

Киевские дружинники направляются на дежурство, (1962 г.)

ваются вечера дружбы. Братская дружба украинских трудящихся с трудящимися других стран, в первую очередь стран народной демократии, проявляется в обмене делегациями, коллективами художественной самодеятельности.

На всех этапах развития социалистического общества возникали разные формы участия общественности в укреплении правопорядка. На Украине уже в 20—30-х годах функционировали такие добровольные организации, как народная милиция, сельские *виконавцi*, штабы по охране общественного порядка, комсомольские патрули, отряды «легкой кавалерии» и товарищеские суды. Многие из этих форм получили свое дальнейшее развитие в период развернутого строительства коммунизма; появились и новые формы борьбы за формирование коммунистической морали, против пережитков прошлого. Значительное место в борьбе за культурный и здоровый быт трудящихся принадлежит товарищеским судам, народным добровольным дружинам. В Винницкой обл., например, создано 1300 народных добровольческих дружин, в которых принимает участие более 32 тыс. человек, в том числе 4 тыс. женщин (1962 г.). Борясь с нарушителями общественного порядка, народные добровольные дружины проводят большую воспитательную работу среди населения. При штабах добровольных народных дружин организуют лектории, читают лекции, проводят беседы, выпускают стенгазеты, оформляют окна сатиры, фотовитрины. В агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работе широко используется и радиовещание.

Таким образом, общественный быт трудящихся УССР в настоящий период отражает дальнейший этап развития советского общества, характеризующийся углублением социалистических взаимоотношений между людьми, формированием новых форм коммунистического общежития, рождающихся на почве возрастающей роли общественности в

хозяйственной, политической и культурной жизни страны, переходом на коммунальное обслуживание индивидуальных бытовых потребностей населения, стиранием еще существующих культурно-бытовых различий между городом и деревней, утверждением морального кодекса человека нового светлого будущего. Этот этап органически связывается с творческим использованием и дальнейшим развитием в новых исторических условиях прогрессивных традиций национального наследия и всего того лучшего, что создается у других народов нашей страны в борьбе за общий для всех наций Советского государства коммунистический общественный быт.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ И РАЗВИТИЕ НАУКИ

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ И НАУКА ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Известная часть народных знаний украинцев является общей для всего славянства, значительная часть — для восточных славян.

Народные знания

Народные знания украинцев, основывавшиеся на вековых наблюдениях и опыте многих поколений, были органически связаны с многообразной хозяйственной деятельностью народа. На их основе строился сельскохозяйственный календарь, различные приемы ведения хозяйства, возникала и развивалась народная медицина и т. п. Эти сведения охватывали ряд отраслей знания; они касались астрономии, метеорологии, математики, ботаники, зоологии и т. п.

Издавна наблюдая за звездным небом, украинские крестьяне различали созвездия, имевшие у украинского народа свои названия: Большую Медведицу (*Великий віз*, или *Віз*), Малую Медведицу (*Малий віз*, или *Пасіка*), Лебедя (*Хрест*), Орла (*Дівка воду несе*), кроме того, отдельные группы звезд (например, Плеяды — *Квочка*, *Квочка з курчатами*), планету Венеру (в зависимости от поры суток она называлась *Вечірньою Зіркою*, *Вечорницею*, или *Вранішньою Зіркою*, *Світовою зорею*, *Денницею*); известны были некоторые закономерности движения отдельных созвездий, Солнца, Луны (*Місяця*), по которым издревле определялись дни летнего и зимнего солнцестояния, времена суток и года.

Важное место в ориентации ночью отводилось Млечному Пути (*Чумацький шлях*), который рассматривался как дорога в теплые страны, куда улетают на зиму птицы. В среде крестьянства бытовали отдельные догадки материалистического характера о строении Вселенной («Світ круглий, як яблуко, йому нема ні початку, ні кінця»).

На протяжении веков украинским народом была создана своя метеорологическая терминология. Украинские названия месяцев — *січень*, *лютий*, *березень*, *квітень* и т. д. соответствуют климатическим условиям Украины и зависимым от них явлениям в определенное время года. Много примет, базирующихся на многовековых наблюдениях за атмосферными явлениями (вид неба, облаков, звезд, Луны, Солнца, тепловые явления, направление ветра и др.), а также на ощущениях человека, поведении животных и растений, совпадает с научным методом определения погоды. Так, крестьяне Харьковской губ. замечали, что западный ветер (*плаксій*)— дождевой, а *зпід сонця* (восточный) — приносит засуху. Гуцулы различали ветры — *горішній* — с вершин гор, *долішній* — с горных долин, *северний* и *підсонячний* — восточный.

На Украине широко бытовали народные приемы измерения площадей земельных участков. Крестьяне издавна употребляли оригинальные единицы измерения земли (*день*, *опруг*, *різа*, *піщак* и др.), сыпучих тел (*хура*,

мірка, *корець* и др.), жидких (*кварта*, *гарець* и др.). Существовало, кроме того, немало народных мер, общих с народными мерами других славянских народов. Оригинальны были приемы измерения высот больших объектов, расстояний до недоступного предмета и т. д.

Широки были познания украинского крестьянства в области ботаники и зоологии. С давних времен на Украине применялись оригинальные способы лечения. Народ хорошо знал лечебные свойства многих культур (чеснок, лук, редька, мак, картофель и др.) и дикорастущих растений (горицвет, крапива, валериана, подорожник, ландыш, молочай, зверобой, полынь, мята и др.). Лечебное «зелье» собиралось обычно в мае (10 мая старого стиля — на Семена Зилота или 23 июня — на Иванов день). Относительно многих деревьев (дуб, тополь, береза, липа, ель) известны были химические и фармакологические свойства коры, листьев, цветов.

В быту украинского крестьянства из многочисленных кустарниковых и травянистых растений особенно популярны были калина, терн, *барвінок* (могильница, vinca minor), мак, роза, мальва и др. Как и у других народов, на Украине широко применялись также лекарства животного и минерального происхождения (сало домашних животных и диких зверей, различные минералы и пр.), а также массаж, ванны и др. Известны были хирургические приемы лечения, в частности, при травмах (даже ампутация).

Украинский народ издавна знал и способы лечения животных. Люди издавна классифицировали заболевания животных и птиц, дали названия болезням, нашли эффективные средства их лечения. Распространено было лечение путем «пускания крови», искусно применялось и хирургическое вмешательство.

Особой любовью пользуется в народе на Украине *лелека* (аист). Существовало поверье, что аист — «птица солнца», приносящая в дом человека счастье.

Развитие науки

Украинская наука на всех этапах своей истории была тесно связана с наукой многих народов, находившихся в культурном общении с украинцами, в первую очередь с русской и белорусской. Истоки украинской науки восходят к знаниям, общим для древнерусской народности. Украинская наука имеет свои богатые и давние традиции. Еще в братских школах (XVI—XVII вв.), в коллегиях (XVII—XVIII вв.) преподавались основы математики, геометрии, астрономии, греческого, латинского и ряда славянских языков, истории и других наук. К XVI в., как известно, относится начало книгопечатания на Украине. Главными центрами развития научной мысли на Украине являлись в это время Киев и Львов. В 1661 г. во Львове был открыт университет, один из старейших и важнейших центров европейской науки.

Большое значение в укреплении украинско-русско-белорусских научных связей XVII — первой половины XVIII в. принадлежит Киево-Могилянской коллегии. Преобразованная в 1701 г. в Академию, она явилась одним из наиболее важных высших учебных заведений всего Русского государства. Из стен ее вышли выдающиеся для своего времени ученые—философ и поэт Г. Сковорода, медики П. Загорский, Н. Амбодик-Максимович, А. Шумлянский. Уроженцем Украины были первый отечественный микробиолог М. М. Тереховский.

Со второй половины XVIII в. развитие науки на Украине протекало под значительным воздействием Российской Академии наук. В последней трети XVIII в. заметно развивались на Украине гуманитарные науки. Выдающимся представителем передовой философской мысли являлся в то время Г. С. Сковорода, просветитель, находившийся под влиянием передовой русской культуры XVIII в., продолжавший материалистические традиции М. В. Ломоносова. Большой вклад в развитие передовой отече-

ственной науки внес выходец из Украины, выдающийся социолог и юрист С. Е. Десницкий. Родился на Украине также Я. П. Козельский — видный представитель передовой отечественной философской и общественно-политической мысли. Наряду с обобщающими трудами, например, «Черниговского наместничества топографическое описание» А. Шафонского, появляются специальные работы в области истории, этнографии («Краткое описание о козацком Малороссийском народе и его военных делах» П. Симоновского, «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» Г. Калиновского и другие сочинения). Развивались и технические науки. С 1768 г. в Харьковской коллегии вводится преподавание инженерных наук, военного дела. С 1770 г. в Киеве устанавливается систематическое инструментальное наблюдение за погодой, закладываются основы научной метеорологии.

XIX — начало XX в., несмотря на самодержавный гнет и преследования передовых материалистических взглядов, явились временем большого научного прогресса на Украине. Главными центрами развития науки стали Харьковский (1805), Киевский (1834), Новороссийский (Одесский—1865) университеты. При них создавались различные научные общества, где сосредоточивалась исследовательская работа в области математики и физики, астрономии, геологии, физиологии и медицины, истории, юриспруденции, этнографии, языкознания и других наук.

Развитие науки на Украине протекало в это время в едином русле передовой общероссийской науки, завоевавшей приоритет во многих областях знаний. Многое сделали ученые Украины для развития естественных наук. Украинский народ выдвинул из своей среды ряд выдающихся математиков — М. В. Остроградского, В. Я. Буняковского, Г. Ф. Вороного; в развитии астрономии большой вклад в науку представляли теоретические исследования и наблюдения, осуществленные сотрудниками Киевской обсерватории. В 1869 г. в ней работал один из крупнейших в мире астрономов Ф. А. Бредихин. В Киевской, а также Харьковской, Одесской, Николаевской обсерваториях работали видные астрономы (В. Ф. Федоров, А. П. Шидловский, И. И. Федоренко, А. К. Кононович, Б. П. Остащенко-Кудрявцев, Г. В. Левицкий).

Значительное место в развитии отечественной ботаники принадлежит украинскому ученому М. А. Максимовичу, развивавшему в науке материалистические взгляды. М. А. Максимович был вместе с тем и крупным историком, этнографом, фольклористом.

Работавший долгие годы на Украине А. О. Ковалевский совместно с И. И. Мечниковым заложили основы научной эмбриологии. Выдающиеся для своего времени открытия в области анатомии коры головного мозга сделал профессор Киевского университета В. А. Бец (1834—1894). Всемирную известность приобрели также работы физиолога В. Я. Данилевского (Харьковский университет), научная деятельность которого особенно широко развернулась в советское время. Большой вклад в развитие отечественной хирургии внес Н. В. Склифосовский, акушерства — И. П. Лазаревич. Всемирную известность уже в дореволюционное время получили работы уроженцев Украины — микробиологов и иммунологов Л. С. Ценковского, Н. Ф. Гамалеи, Д. К. Заболотного и др.

В XIX — начале XX в. на Украине успешно развивались гуманитарные науки. Вышли в свет фундаментальные работы украинских ученых в области украинской и зарубежной истории, экономики, этнографии, славянской филологии и прочих наук. В 1893 г. во Львове возникло Научное общество им. Шевченко. В 1907 г. в Киеве было основано также Украинское научное общество им. Шевченко. Оба общества оставили значительный след в научно-исследовательской работе на Украине, несмотря на националистические тенденции, проявлявшиеся в деятельности ряда их членов. При обоих обществах работали этнографические комиссии.

Особенно плодотворной была деятельность Львовской этнографической комиссии, ведущая роль в которой принадлежала выдающемуся украинскому ученому и писателю И. Франко.

Развитие передовой украинской историко-философской мысли в середине XIX — начале XX в. было связано с деятельностью революционеров-демократов Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, П. А. Грабовского, Л. Украинки, М. М. Коцюбинского. Значительное место в развитии общественных наук занимали в это время историки (А. М. Лазаревский, Д. И. Эварницкий, Д. И. Багалей, А. Я. Ефименко), экономисты (Д. П. Журавский, Н. И. Зибер), археологи (В. В. Хвойко), этнографы (Я. Ф. Головацкий, П. П. Чубинский, Н. Ф. Сумцов, М. П. Драгоманов), слависты (О. М. Бодянский) и др. Отдельные из них, например Н. И. Зибер, находились под влиянием марксизма. Мировое признание получили работы в области славянской филологии А. А. Потебни.

К началу XX в. в развитии общественных наук на Украине наметились упадок и кризис, выразившийся в усилении реакционных националистических тенденций в области истории (М. Грушевский), антропологии и этнографии (Ф. Вовк) и других наук. Эти тенденции проявлялись в деятельности ряда буржуазных ученых (историка Н. Костомарова, этнографа П. Кулиша) еще с середины XIX в.

Вместе с тем усиливается влияние марксизма-ленинизма на представителей передовой украинской науки (И. Франко, Л. Украинка, П. Грабовский и др.). В целом накануне Великой Октябрьской социалистической революции наука на Украине, как и во всей России, стояла на уровне развития науки передовых европейских государств.

РАСЦВЕТ НАУКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

С победой Октября в развитии науки на Украине начинается качественно новый период. Он характеризуется грандиозным размахом научно-исследовательской работы во всех направлениях науки, принципиально новыми чертами, иным назначением и организацией этой работы. Наука в Украинской ССР развивается как неотъемлемая часть советской науки. В 1919 г. на Украине создается Академия наук (с центром в г. Киеве), которая с тех пор непрерывно расширяет круг изучаемых проблем. К 1964 г. число научно-исследовательских учреждений Академии выросло до 53. В области технических и естественных наук создано также большое число отраслевых научно-исследовательских учреждений. Научная работа проводится, кроме того, в многочисленных вузах, в различных союзных, республиканских и местных научных обществах. На Украине подготовлены многочисленные кадры молодых советских ученых. Накануне Отечественной войны в более чем 200 научно-исследовательских учреждениях работало свыше 20 тыс. научных работников.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный развитию науки на Украине немецко-фашистскими оккупантами во время Отечественной войны, в послевоенное время украинская советская наука развивалась еще более бурными темпами. К 1962 г. число научных учреждений выросло до 600, а научных работников (вместе с научными работниками вузов) — до 50 тыс.

Небывалый размах приобрело издание научной литературы. Выдающимся событием в развитии науки в Украинской ССР является начатое в 1958 г. издание 17-томной Украинской Советской Энциклопедии.

Принципиально новым явлением, возможным только в условиях советской действительности, стало планирование научных исследований, координация научно-исследовательской работы в масштабах всего Советского Союза. Работа украинских ученых протекает в тесном контакте

с учеными РСФСР, БССР и других советских республик. В послевоенные годы благотворно развивается сотрудничество украинских ученых с учеными стран социалистического лагеря. Научные исследования советских ученых тесно увязываются с запросами жизни.

Грандиозными достижениями ознаменовалось в СССР развитие естественных наук. Многим ученым Украины присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ряд ученых удостоен звания лауреата Ленинской премии.

На Украине ведутся исследования во многих новейших отраслях физики, химии, биологии и других наук. Физики широким фронтом развернули работы в области физики атомного ядра, управляемых термоядерных реакций, физики твердых тел и низких температур, радиофизики и физической электроники и т. п. Из достижений украинских физиков в последние годы особенно ценными являются новые данные о свойствах и строении ядра, о ядерных преобразованиях, полученные в результате завершения цикла работ по ядерной физике средних энергий; создание новых полупроводниковых приборов для автоматики и вычислительной техники; разработка физических методов получения сверхчистых металлов и пр. Значительны достижения украинских физиков в области использования атомной энергии в мирных целях.

Существенный вклад в развитие советской математической науки внесли украинские математики. Результаты исследований украинских ученых (Н. Н. Боголюбов, Н. М. Крылов) в области нелинейных дифференциальных уравнений признаны во всем мире как крупнейшее достижение. Заметными успехами характеризуется работа математиков Украины в области кибернетики, в частности в разработке теории электронных вычислительных и управляющих машин. Малая электронная счетная машина впервые была создана в Институте электротехники АН УССР. Украинские математики осуществили управление производственным процессом на большом расстоянии. В разработке теории алгоритмичных структур концевых автоматов и математических цифровых машин, особенно в теории синтеза автоматов, украинские ученые занимают одно из ведущих мест в СССР.

В ряде академических и отраслевых институтов, в многочисленных заводских и вузовских лабораториях на Украине ведутся исследования в области органической, неорганической, аналитической и коллоидной химии.

Украинские химики одними из первых в СССР использовали фотоэлектрические методы колориметрии, впервые в СССР получили тяжелую воду и т. п. В Институте органической химии АН УССР создан высокоэффективный антибиотик саназин, получивший широкое применение при лечении костного туберкулеза и других заболеваний. Химики Украины ведут успешные исследования по разработке более совершенных методов химической переработки нефти и природного газа, по созданию химических веществ для борьбы с вредителями сельского хозяйства и т. п. В связи с задачами, поставленными перед советской химической наукой декабрьским Пленумом ЦК КПСС (1963 г.), украинские химики сосредоточивают внимание на проблемах, связанных с созданием биоминеральных удобрений, ядов для обезвреживания вредителей сельскохозяйственных культур и т. п.

Советские биологи Украины осуществили ряд исследований мирового значения. Так, разработаны эффективные методы противочумной вакцинации (Д. К. Заболотный), получена и нашла широкое применение в лечебной практике антиретикулярная цитотоксичная сыворотка (А. А. Богомолец). Непревзойденными остаются работы В. П. Филатова по пересадке трупной роговицы и восстановлению зрения. Исследования А. В. Палладина в области мышечной деятельности витамина $К_3$ и викасола, а также

новейшие данные по биохимии нервной системы в обмене веществ в мозгу являются крупным достижением мировой науки. Сотрудники лаборатории общей физиологии Института физиологии им. акад. А. А. Богомольца АН УССР первыми в СССР проникли в нейрон—одиночную клетку и записали на пленку процессы жизнедеятельности, происходящие в ней. Микробиологи, физиологи, зоологи успешно решили ряд сложных научных проблем, имеющих важное значение для развития сельского хозяйства. Получены, в частности, витамин D_3, применяемый в птицеводстве как стимулятор роста яйценоскости, новый штамм азотобактерина, значительно повышающий урожайность пшеницы. Крупные заслуги в области селекционирования принадлежат Н. Ф. Кащенко, В. Я. Юрьеву. Последний, в частности, вывел ряд высокопродуктивных сортов пшеницы, получивших широкое внедрение в колхозном хозяйстве.

Украинские астрономы в содружестве с астрономами других советских республик провели серию важных астрономических и гравиметрических исследований. Крупных успехов добились советские ученые в такой новейшей отрасли науки, как астрофизика. На Украине впервые в СССР построен спектрогелиоскоп (Н. П. Барабашов и др.), что позволило широко развернуть работы по изучению Солнца, Луны, Марса. Большой интерес мировой научной общественности вызвали выводы Н. П. Барабашова, сделанные им на основе исследования фотографий противоположной стороны Луны, полученных советской автоматической межпланетной станцией.

Геологи Украины на основе разработки общетеоретических вопросов геологической науки открыли многочисленные месторождения цветных и редких металлов, каменного угля, природного газа и нефти. Основоположником геофизики и геохимии был выдающийся отечественный ученый, первый президент АН УССР В. И. Вернадский.

В создании мощных современных механизмов в СССР немалая заслуга украинских ученых, инженеров, техников. Украинский ученый Е. О. Патон значительно обогатил технику советского и мирового мостостроения и электросварки, разработал новый метод и аппаратуру автоматической сварки. В последние годы в Институте электросварки им. Е. О. Патона АН УССР, руководимом президентом АН УССР Б. Е. Патоном, создана новая высокопроизводительная аппаратура для автоматизации электросварки и, в частности, электронно-лучевой сварки, проведена серия важных исследований физических основ электродуговой плавки и сварки тугоплавких металлов.

В советское время на Украине проводились в широких масштабах исследования в области теплотехники, механики, машиностроения, металлургии. Ученые-металлурги успешно решили вопросы перехода на новую технологию плавки с применением природного газа доменных и мартеновских печей и укрепили ведущее положение советской металлургии в мире.

Коренной переворот произошел с победой Октября в развитии гуманитарных наук на Украине. Украинский язык, литература, украинское искусство, а в известной мере и история, экономика, археология, этнография Украины только в советское время стали объектом глубокого изучения. После Великой Октябрьской социалистической революции на Украине впервые были созданы специальные государственные научно-исследовательские учреждения в области гуманитарных наук. Не считая вузовских кафедр и специальных учебных заведений, в системе АН УССР созданы институты: философии, экономики, истории, археологии, языкознания, украинской литературы, искусствоведения, фольклора и этнографии и др., а также ряд музеев, в которых ведется научная работа. Широкие полевые исследования на территории Украинской ССР в послевоенное время провели археологи, этнографы и антропологи.

Ученые Украины опубликовали много ценных работ по вопросам истории, экономики, философии, языкознания, этнографии, фольклористики, искусствоведения и другим отраслям науки. Широко известна деятельность таких ученых, как экономисты (например, К. Г. Воблый, М. В. Птуха, П. Н. Першин), археологи (П. П. Ефименко, Н. Ф. Беляшевский и др.), историки (Н. Н. Петровский и др.), фольклористы и этнографы (например, Ф. М. Колесса, А.М.Лобода), филологи (А. Е. Крымский, М. Ф. Рыльский, Л. А. Булаховский, А. И. Белецкий и др.). Огромными тиражами изданы на Украине произведения классиков украинской литературы: Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, М. Коцюбинского и др.

В последние годы ученые в области общественных наук развернули широким фронтом работу над исследованием закономерностей развития общества в период перехода от социализма к коммунизму.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

ФОЛЬКЛОР

На протяжении всей истории Украины народные массы создали множество глубоко идейных и высокохудожественных песен, сказок, дум, частушек и коломыек, пословиц и поговорок, загадок, легенд и преданий, анекдотов и рассказов. Украинский фольклор справедливо считается выдающимся явлением не только славянской, но и мировой культуры.

«Народная поэзия Украины — апофеоз красоты». «Я не могу оторваться от игры кобзарей, бандуристов, лирников — этой жемчужины народного творчества» [1], — говорил А. М. Горький. Он же на встрече с украинскими советскими писателями сказал: «Ваши народные песни и думы, ваши сказки и пословицы — это настоящие жемчужины, сколько в них души, мудрости, красоты. Народ — большой художник, очень большой» [2].

Древнейшие виды украинской народной поэзии

Народная поэзия Украины использовала и развила фольклорное наследие древнерусской народности. Возникновение и развитие украинского фольклора связано с формированием украинской народности, которое происходило в условиях развитого феодализма. Этим объясняется классовое содержание украинского фольклора, его антифеодальные, антикрепостнические мотивы.

В украинской народной поэзии XV—XVI и последующих веков, как и в русской и белорусской, встречаются многие ранние виды народного поэтического творчества — трудовые песни, древняя календарная, похоронная и свадебная обрядовая поэзия, заговоры, сказки о животных и героико-фантастические (в последних отражены и образы былинных богатырей эпохи Киевской Руси). Украинский фольклор связан с трудовой деятельностью народа; в нем содержатся элементы стихийно-материалистического мышления народа.

Трудовая украинская народная песня «Залога» (песня при забивании свай, запись конца XIX в.) родственна русской «Дубинушке»; своеобразными трудовыми песнями были песни косарей (*косарські*), жнецов (*жнивні*), гребцов (*гребовецькі*), полольщиц (*полільницькі*), исполнявшиеся как в процессе работы, так и во время отдыха. Отзвуки трудовых процессов встречаются во всех видах украинской календарно-обрядовой

---

[1] «Братерство культур. Збірник матеріалів з історії російсько-українського культурного єднання». Київ, 1954, стр. 232.

[2] О. Корнійчук. Разом із життям. Публіцистика Київ, 1950, стр. 58.

«Вечорниці» (с картины И. Е. Репина, 1881 г.)

поэзии, в которой наиболее богаты и красочны песни и игровые действа весенне-летней группы — *веснянки* (на Правобережье) и *гаївки* (*гай* — роща, небольшой лес в западных областях Украины), русальные и царинные (*царина* — место на околице села), купальские, петровские (*петрівчанські*), зажнивные, жнивные и дожиночные (*зажинкові, жнивні, обжинкові*).

Зимняя группа народной календарно-обрядовой поэзии была представлена новогодними *колядками* и *щедрівками*, *посіваннями* (*засівання*), играми ряженых («Коза», «Меланка»).

Основные мотивы всех этих песен весенней и зимней группы и игровых развлечений (например, «А ми просо сіяли», «Мак»), помимо любовных и шуточных, связаны с призывом весны, встречей и проводами ее, с пожеланиями счастливой жизни, хорошего лета и обильного урожая, изображением тяжелого труда.

Древние по своему происхождению заговоры (*заговори*, *замовляння*, *закляття*) также частично примыкали к календарно-обрядовой поэзии (заговоры «на урожай», «на скотину», «на зверя» и т. п.), а частично к обрядово-семейной (заговоры «від очей» — от сглаза, «на чоловіка», любовные и т. п.). В дальнейшем, особенно в XIX—XX вв., заговоры и связанные с ними поверья и приметы стали отмирать и почти полностью исчезли в советское время.

Семейно-обрядовая поэзия — песни и обрядовые игровые действия — свадебные (*весільні*), на крестинах и похоронах (*похоронні голосіння*, *плачі*) — в ранние периоды истории Украины была очень развита. Как и календарно-обрядовая поэзия, она преследовала цель воздействовать на враждебные человеку-труженику явления природы и обеспечить ему благополучие в хозяйственной и личной жизни. Украинские свадебные песни и игровые действа, так же как русские и белорусские, составляют единое высокопоэтическое художественное целое; они представляют собой народную драму, развивающуюся соответственно основным составным частям свадьбы.

Древними жанрами украинской народной поэзии являются загадки (*загадкú*), пословицы (*прислів'я, приповідки*) и поговорки (*приказки*). Классовый характер пословиц и поговорок, социальные идеалы и устремления трудящихся особенно ярко сказались в тех из них, которые были направлены против феодалов-крепостников, церкви и религии, царизма и царя, помещиков, капиталистов и кулаков.

Исключительно богат украинский сказочный эпос, включающий в себя как собственно сказки (о животных — *звіриний епос, байкú*, фантастическо-героические, новеллистические), так и различные виды легенд, преданий, анекдотов и небылиц. Главные действующие лица сказок, их одежда, орудия труда, образ жизни дают много познавательного материала об украинском обществе эпохи феодализма и капитализма. Герои фантастических сказок — богатыри («Іван — мужичий син», «Чабанець», «Кирило Кожумяка», «Котигорошко» и др.) — успешно борются против страшных чудовищ, уничтожающих людей и результаты их труда, используя часто дружбу зверей и птиц, сочувствие и помощь природы («цілюща вода» и т. д.), а также чудесные предметы («чоботи-скороходи», «летючий корабель» и т. д.). Отдельные сказки (например, «Кирило Кожумяка», «Ілля Мурин» — разработка сюжета древнерусской былины об Илье Муромце), народные предания, рассказы и легенды о происхождении названий рек, населенных пунктов содержат сведения, имеющие историческое, познавательное значение.

Народный героический эпос — думы. Развитие фольклора до Великой Октябрьской революции

В условиях героической борьбы широких народных масс Украины в XV—XVI вв. против феодально-крепостнического гнета, против турецких, татарских и польско-шляхетских захватчиков окончательно сформировался жанр крупных поэтических эпических и эпико-лирических народных произведений — дум (первая запись произведена в 1684 г.), повествующих о храбрости, свободолюбии и трудолюбии украинского народа, его нерушимой дружбе с великим русским народом.

Думы принадлежат к лучшим образцам украинского народного героического эпоса, они посвящены ярчайшим страницам подлинной исторической действительности Украины XV—XX вв. Больше всего создано дум о событиях XVI—XVII вв. Думы рисуют образы мужественных воинов— крестьян и казаков, охраняющих рубежи родной земли, патриотов, страдающих в неволе или расправляющихся с украинскими и иноземными панами («Козак Голота», «Отаман Матяш старий», «Івась Удовиченко-Коновченко», «Самійло Кішка» и др.). Особое место занимают в думах события периода освободительной войны 1648—1654 гг. («Хмельницький та Барабаш», «Повстання против польських панів» и др.). Эпические и исторические герои дум XV—XVII вв., как и русских героических былин, наделены богатырской силой, большим умом, смекалкой, находчивостью. Они побеждают врагов на поединках («Козак Голота»), единолично противостоят многочисленным врагам-захватчикам, побеждают их или берут в плен («Отаман Матяш старий» и др.); в думах выражается глубоко народная мысль о том, что пренебрежение народными массами, их опытом и советами неминуемо ведет «героя» к позорной гибели («Вдова Сірчиха — Іваниха» и др.). Многие думы («Козацьке життя», «Козак нетяга Фесько Ганжа Андибер», «Сестра та брат», «Бідна вдова і три сини» и др.) говорят о тяжелой жизни народных масс, их скудной пище, плохой одежде, убогом жилище, рисуют острые социальные конфликты. Думы резко осуждают разбой и угнетение, жестокость, стяжательство, корыстолюбие. Прекрасный образ родной земли — Украины, созданный народом в думах,— лучшее доказательство высокого гуманизма и глубокого патриотизма, свойственного этому виду эпоса.

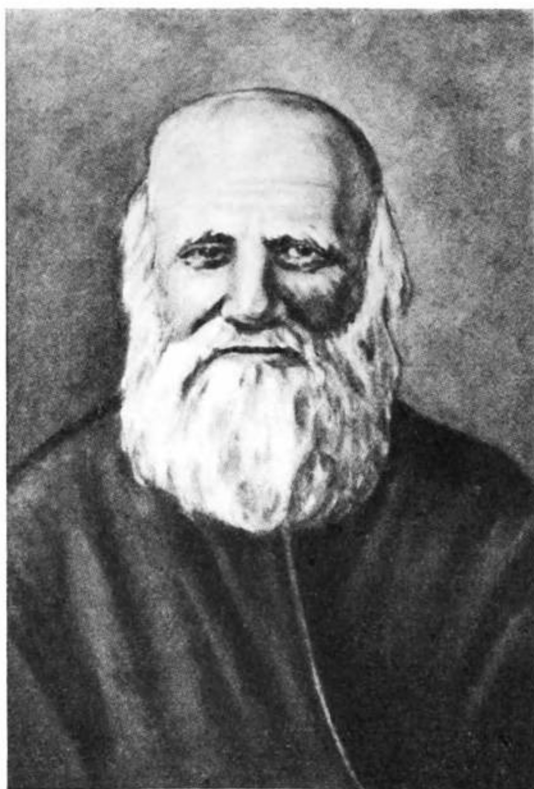
Кобзарь Остап Вересай (70-е годы XIX в.)

Думам как эпосу свойственна сильная лирическая окраска, повествование ведется обычно в них со страстной взволнованностью. Исполняются думы сольным песенным речитативом (певческая декламация), с обязательным сопровождением народного музыкального инструмента — *кобзы* (*бандуры*) или *лиры*. Стих и строфа (куплет) дум отличаются большой свободой размера (стих от 5—6 до 19—20 слогов, строфа от 2—3 до 9—12 стихов), что создает возможности для дальнейшего импровизирования и варьирования. Композиция дум стройна (запевка — повествование — концовка); для повествования характерны замедления и лирические отступления. Постоянную строфу заменяет свободная строфа-тирада (уступ), со свободными, преимущественно глагольными рифмами; после окончания строфы-тирады следует музыкальный рефрен. Думы — произведения импровизационного характера; ни один народный певец — кобзарь или лирник — не повторяет и не стремится повторить канонически текст и напев данного произведения, а относится к ним творчески, постоянно изменяя, дополняя или сокращая их. Известно много кобзарей—импровизаторов дум, среди которых выделялись такие виртуозы, как Иван Стричка (первая половина XIX в.), Остап Вересай, Андрей Шут (середина и вторая половина XIX в.), Иван Кравченко (Крюковский), Федор Гриценко (Холодный) (вторая половина XIX в.), Михайло Кравченко, Гнат Гончаренко, Терешко Пархоменко и др. (конец XIX — начало XX в.).

Трудящиеся Украины в XV—XVII вв. создавали также исторические песни эпико-героического и лиро-эпического характера, исторические героические легенды, предания и рассказы. Они являлись своеобразным откликом на важнейшие события. Таковы песни о турецко-татарских набегах, полоне и неволе, о мужестве народных борцов против иноземного ига (например, «В Цариграді на риночку»—о Байде и др.), исторические рассказы и предания о злодеяниях турецко-татарских и польских захватчиков на Украине, о мужестве и находчивости украинского населения и в особенности запорожских казаков, песни о расправе казачьей голытьбы с богачами-дуками, пытавшимися издеваться над казаками («Чорна хмара наступила, став дощик іти» и др.). Особенно много таких произведений создано о событиях кануна и периода народно-освободительной войны 1648—1654 гг. (например, о национальных героях этого времени Богдане Хмельницком, Максиме Кривоносе, Даниле Нечае, Иване Богуне и др.).

Патриотический подъем народа в середине XVII в., воссоединение

Украины с Россией наложили большой отпечаток на многие виды народной поэзии. К этому же времени следует отнести и широкое распространение народного театра — кукольного и театра живых актеров, а также кратких лирических, преимущественно сатирических и юмористических, песенок-частушек и коломыек, в которых высмеивались поработители украинского народа и рисовались образы запорожских и донских казаков — смелых и отважных борцов против гнета и насилия.



Рассказчик и сказочник Родион Федорович Чмыхало (рис. начала XX в.)

Совместная борьба русского и украинского народов против самодержавно-крепостнического строя во время народных движений Степана Разина, Кондратия Булавина, а позже Емельяна Пугачева, отразилась в обширной антифеодальной, антикрепостнической поэзии. Песни и предания о сыне Степана Разина сочинялись и на Украине («Виходила дитина з-пiд бiлого каменя», «Козак Герасим»). На протяжении XVII—XVIII вв. были созданы песни и предания о мужественных героях совместной борьбы русских и украинцев против турецко-татарской агрессии (об Иване Сирко, Семене Палии), о борьбе против шведского нашествия и об изменнике Мазепе, о взятии Азова, о победах над турецкими захватчиками в первой половине XVIII в., о великом русском полководце А. В. Суворове и т. д. На усиление русским самодержавием в XVIII в. феодально-крепостнического гнета украинский народ ответил многочисленными крестьянскими восстаниями, которые сопровождались подъемом антифеодального народного творчества — новыми песнями, рассказами и преданиями о героях этой борьбы — гайдамаках (например, «Про Саву Чалого i Гната Голого» и др.), опришках (об Олексе Довбуше; родственны им словацкие песни о Яношике, болгарские и молдавские о гайдуках), о героях Колиивщины — Максиме Зализняке, Никите Швачке и др., о восстании в с. Турбаи 1789—1793 гг. («Задумали Базилевцi» и др.).

Большое распространение получили в этот период антифеодальные песни о крепостной неволе и крепостническом произволе, песни рекрутские и солдатские, чумацкие, бурлацкие (батрацкие), многие из которых являются лиро-эпическими, историческими или бытовыми; создаются балладные песни на исторические сюжеты («Про Бондарiвну»), народные сатирические стихи, направленные против представителей господствующего класса — панов, судей, попов и др. В повествовательном фольклоре ведущее место начинают занимать реалистические социально-бытовые новеллистические сказки, анекдоты, предания и рассказы, ярко освещающие антагонистические классовые отношения феодального общества (любимый

Фрагмент из танца «Коломыйка». Государственный украинский народный хор (1960 г.)

герой — крепостной или «свободный» крестьянин-бедняк, бездомный бурлак-батрак, мудрый солдат).

Особенно много было создано в этот период общественно-бытовых и семейно-бытовых задушевных, грустных, лирических песен (хоровых и сольных), а также песен о семейной жизни — *родинні*, о любви — *про кохання*. Большую группу составляют песни шуточные (*жартівливі*), юмористические и сатирические. С XVIII в. украинские лирические песни особенно широко распространяются среди русского народа, а русские— среди украинского, что содействовало взаимообогащению культур двух братских народов и их сближению. Позже широкое распространение в народном репертуаре получают песни русских и украинских поэтов; поэтическая форма литературной песни все сильнее воздействует на форму народной лирической песни (песни-романсы).

В первой половине XIX в. украинский народ отразил в своих фольклорных произведениях события Отечественной войны 1812 г. (песни о М. И. Кутузове, М. И. Платове и др.), борьбу против крепостнического гнета и героев этой борьбы (многочисленные песни, предания и рассказы о вожаке крестьянских восстаний на Подолии Устиме Кармалюке и западноукраинском опришке Мироне Штоле, о выдающемся революционном деятеле Буковины Лукьяне Кобылице и др.). Становятся известными первые образцы песен рабочих («Майданщики — окаянщики, да гірка ваша доля»); расцветает жанр коротких песенок-частушек и коломыек самого различного содержания.

Появление на исторической арене рабочего класса обусловило развитие и нового вида народной поэзии — рабочего фольклора. Уже в 70—80-х годах XIX в. были записаны и опубликованы рабочие песни и коломыйки, отражающие капиталистическую эксплуатацию, протест и ранние формы борьбы рабочего класса (песни «Ой чи воля, чи неволя», «Як у Карлівці на заводі», известные предания о Шубине — «хозяине» шахт и др.). Среди рабочих широкое распространение получают народ-

ные драматические представления о борьбе против деспотизма (украинские варианты народных драм «Лодка», «Цар Максиміліан» и др.).

В пролетарский период освободительного движения ведущими мотивами украинского рабочего фольклора, который распространялся на украинском, русском и отчасти польском языках и тем самым приобретал интернациональный характер, становятся революционные призывы к свержению самодержавия и власти капитала, воспевание социалистического идеала, пролетарского интернационализма («Интернационал», русская, украинская и польская редакции «Варшавянки», «Беснуйтесь, тираны» и ее украинский оригинал — «Шалійте, шалійте, скажені кати», русский, украинский и польский текст «Красного знамени»).

В начале XX в. создаются украинские революционные песни («Зберемося ми у полі», «Ну бо, хлопці, повстаньмо», «Одна хмара із села, а другая з міста» и др.), яркие рассказы и песни о событиях первой народной революции в России 1905—1907 гг., о верных сынах народа — большевиках, о первой мировой войне («Карпати, Карпати великії гори»), о свержении самодержавия в 1917 г.

Итак, народное творчество, имевшее ярко выраженный революционный характер, порождалось событиями общественно-политической жизни страны и неизменно сопутствовало классовым выступлениям рабочих.

Украинский советский фольклор

Победа Великой Октябрьской социалистической революции внесла коренные изменения в характер украинской народной поэзии, вызвала подъем социалистического по содержанию поэтического творчества миллионных масс украинского народа, которое развивается на основе советской идеологии. В украинской народной поэзии послеоктябрьского периода нашли отражение важнейшие события советской действительности — от победы Великого Октября до событий Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и периода развернутого строительства коммунизма. Народ воспевает великую партию коммунистов, В. И. Ленина, трудовой героизм, борьбу за мир во всем мире, семилетний план 1959—1965 гг., дружбу народов, пролетарский интернационализм и социалистический патриотизм.

Коренные изменения произошли в традиционных жанрах и видах украинской народной поэзии; почти полностью отмерла старая обрядовая поэзия. Вместе с тем широко создаются новые песни, думы, сказки, сказы, рассказы, а также народные стихи на темы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами (например, сказка «Ленінська правда», песни и легенды о Ленине, героях гражданской войны — Чапаеве, Щорсе, Котовском, о партизанах, героях Великой Отечественной войны и др., сказы—*оповіді*, ведущиеся часто от одного лица и имеющие элементы воспоминания). Наряду с героическими произведениями широкое развитие получили анекдоты, сатирические и юмористические короткие рассказы, высмеивающие различных врагов Советского государства (белогвардейских генералов, Петлюру, интервентов, Пилсудского, японских самураев, Гитлера и др.), пережитки капитализма и религиозные предрассудки, носителей отрицательных бытовых явлений (прогульщиков, лодырей, нерадивых, пьяниц).

Особенный расцвет советской украинской народной поэзии наблюдается в области песен, частушек и коломыек, пословиц и поговорок, отражающих основные события и явления повседневной жизни страны Советов (песни: о событиях Октября и гражданской войны — «Прилетіла зозуленька», «Зібрав Щорс загін завзятих»; о Ленине; о строительстве социализма — «Ой, червонії квітки», «Закуріли всі заводи»; об освобождении западноукраинских земель и воссоединении их с Советской Украиной — «Прийшла влада народная», «Розквітає Буковина» и др.; о Великой Отечественной войне — «Встали ми за волю краю», «Наша ланка

Колхозная поэтесса Христина Дмитриевна Литвиненко (1939 г.)

фронтова» и др.; о послевоенном периоде, строительстве коммунизма, борьбе за мир — «Під зорі Комуни ясні», «Ми хочемо миру» и др.).

Большие изменения претерпел в советское время жанр дум, которые теперь имеют много нового в поэтической форме (думы песенной, былинной формы и типа поэтического сказа); изменился характер их запевок (они стали более обобщающими), почти исчезли замедления в повествовании и т. п. Советские кобзари (Иван Запорожченко, Петро Древченко, Федор Кушнерик, Егор Мовчан, Владимир Перепелюк и др.) создали ряд дум на современные сюжеты (например, дума о В. И. Ленине — «Хто ж той сокіл, товариші?»).

Украинский народ выдвинул из своей среды много талантливых поэтов, композиторов и певцов (например, Павло Дмитриев-Кабанов из Донецка, Ольга Добахова из Житомирской обл., Христина Литвиненко из Полтавской обл., Фросина Карпенко из Днепропетровской обл. и др.), демонстрирующих свое искусство на многочисленных районных, городских, областных и республиканских смотрах художественной самодеятельности, которые, как и праздники песен и танцев, стали бытовой традицией. Многие заводские, колхозные хоры, хоры-звенья, агиткультбригады, самодеятельные ансамбли создали тексты и музыку некоторых песен, частушек и коломыек.

Как советская, так и дооктябрьская народная поэзия широко использовалась и используется украинскими и русскими писателями, композиторами, художниками. Многие образы и мотивы дооктябрьского украинского фольклора использованы в творчестве ряда выдающихся писателей, особенно Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, М. М. Коцюбинского, П. А. Грабовского, Леси Украинки, композиторов — Н. В. Лысенко, Н. Д. Леонтовича, художников — В. А. Тропинина, И. Е. Репина, С. И. Васильковского, Н. С. Самокиша, А. Г. Сластиона и многих др. Ярчайшими примерами в наши дни является творчество советских украинских писателей М. Рыльского, П. Тычины, А. Малышко, М. Стельмаха, композиторов К. Данькевича, А. Штогаренко, С. Людкевича, П. Майбороды, художников И. Ижакевича, М. Дерегуса и др.

Украинская народная поэзия многое впитала в себя из русской и белорусской народной поэзии, а многие ее мотивы и произведения вошли в творчество братских — русского и белорусского — народов. Она находилась и находится в тесных взаимосвязях как с творчеством этих народов, так и с творчеством польского, словацкого, молдавского и других народов. Все это свидетельствует о том, что украинская народная поэзия имела и имеет большое значение во взаимопонимании и сближении трудящихся масс на почве социалистического патриотизма и интернационализма.

Кобзари Михайло Кравченко, Терешко Пархоменко, Петро Древченко (фото, 1902 г.)

Группа современных кобзарей: Егор Мовчан, Павло Тищенко, Павло Носач, Александр Маркевич (фото, 1955 г.)

ЛИТЕРАТУРА

Украинская литература берет свое начало из общего для трех братских народов (русского, украинского, белорусского) источника — древнерусской литературы.

Становление и развитие украинской литературы до Великой Октябрьской революции

Оживление культурной жизни на Украине в конце XVI — первой половине XVII в., связанное с процессами развития украинской народности, отразилось в деятельности так называемых братств, школ, типографий. Основоположником книгопечатания на Украине явился русский первопечатник Иван Федоров, основавший первую на Украине типографию во Львове в 1573 г. Возникновение книгопечатания способствовало росту культурной общности украинского народа, укрепляло его языковое единство. В условиях острой борьбы украинского народа против польско-шляхетского угнетения и католической экспансии в конце XVI — начале XVII в. на Украине возникла полемическая литература. Выдающимся полемистом был известный писатель Иван Вышенский (вторая половина XVI — начало XVII в.). В период освободительной войны 1648—1654 гг. и в последующие десятилетия быстро развиваются школьная поэзия и драма, направленные против латино-униатского засилия. Школьная драма имела преимущественно религиозно-поучительное содержание. Постепенно она отступала от узкоцерковной тематики. Среди драм были произведения на исторические сюжеты («Владимир», «Милость божия Украину от удобоносимых обид лядских через Богдана-Зиновия Хмельницкого свободившая»). В отображении событий освободительной войны наблюдаются элементы реализма и народности. Они усиливаются в интермедиях, вертепных драмах и особенно в произведениях философа и поэта Г. С. Сковороды (1722—1794), автора сборников «Басни Харьковские», «Сад божественных песней» и других, которые были выдающимися явлениями периода становления новой украинской литературы.

Первым писателем новой украинской литературы был И. П. Котляревский (1769—1838) — автор известных произведений «Энеида» и «Наталка-Полтавка», в которых воспроизведены жизнь и быт народа, высокие патриотические чувства простых людей. Прогрессивные традиции И. Котляревского в период становления и утверждения новой литературы (первая половина XIX в.) продолжали П. П. Гулак-А́ртемовский, Г. Ф. Квитко-Основьяненко, Е. П. Гребенка и др. Свидетельством самобытности и оригинальности новой украинской литературы в Галиции были произведения М. С. Шашкевича, а также произведения, помещенные в альманахе «Русалка Днестровая» (1837).

Творчество величайшего украинского поэта, художника и мыслителя, революционера-демократа Т. Г. Шевченко (1814—1861) окончательно утвердило критический реализм и народность как основной метод художественного отображения действительности в украинской литературе. «Кобзарь» (1840) Т. Шевченко знаменовал новую эпоху в развитии художественного творчества украинского народа. Все поэтическое творчество Т. Шевченко пронизано гуманизмом, революционной идейностью, политической страстностью; оно выражало чувства и стремления народных масс. Т. Шевченко — родоначальник революционно-демократического направления в украинской литературе.

Под могучим воздействием творчества Т. Шевченко в 50—60-х годах начинают литературную деятельность Марко Вовчок (М. А. Вилинская), Ю. Федькович, Л. И. Глибов, А. П. Свидницкий и др. Произведения Марко Вовчка (1834—1907) «Народні оповідання» («Народные рассказы»), повесть «Институтка» явились новым этапом в развитии украинской прозы по пути реализма, демократической идейности и народности.

И. Я. Франко (фото, 1910 г.)

Последующим этапом в развитии реалистической прозы было творчество И. С. Нечуя-Левицкого (1838—1918), автора социальных повестей «Бурлачка», «Микола Джеря» (1876), «Семья Кайдашей» (1878) и других, в которых писателем созданы правдивые образы крестьян-бунтарей.

Усиленное развитие капиталистических отношений после реформы 1861 г. привело к резкому обострению социальных противоречий в украинском обществе, к активизации национально-освободительного движения. Литература обогащается новыми темами и жанрами, отражающими своеобразие новых социально-экономических отношений. Критический реализм в украинской прозе приобретал качественно новые особенности, возникал жанр социального романа, появлялись произведения из жизни революционной интеллигенции и рабочего класса.

Интенсивное развитие культуры в этот период, активизация общественной мысли, усиление политической борьбы способствовали появлению ряда важных периодических изданий. В 70—80-х годах издаются такие журналы и сборники, как «Друг», «Громадський друг» («Общественный друг»), «Дзвін» («Колокол»), «Молот», «Світ» («Мир» в значении вселенная). Появляется ряд украинских альманахов — «Луна» («Эхо»), «Рада» («Совет»), «Нива», «Степь» и др.

Значительное развитие приобрело в это время революционно-демократическое направление в украинской литературе, представленное такими выдающимися писателями — революционными демократами, как Панас

М. К. Заньковецкая в роли Харитины в пьесе «Наймичка» И. Карпенко-Карого (фото, 80-е годы XIX в.)

Мирный (А. Я. Рудченко), И. Франко, П. Грабовский — последователями и продолжателями идейно-эстетических принципов Т. Шевченко. Панас Мирный (1849—1920) начал литературную деятельность в начале 70-х годов XIX в. («Лихой попутал», «Пьяница») и сразу же занял видное место в украинской литературе критического реализма. Его социальные романы «Хiба ревуть воли, як ясла повнi?» («Разве ревут волы, когда ясли полны?»), «Повiя» («Гулящая») представляют собой дальнейший этап в развитии революционно-демократической литературы. Новым явлением в литературе революционно-демократического направления явилось творчество И. Я. Франко (1856—1916) — великого поэта, прозаика, драматурга, известного ученого и мыслителя, пламенного публициста и общественного деятеля. После «Кобзаря» Т. Шевченко сборник стихов И. Франко «З вершин i низин» («Вершины и низины», 1887) был самым выдающимся событием в украинской литературе 80-х годов. В стихотворениях и поэмах И. Франко утверждаются высокая идейность революционного искусства, принципы новой, гражданской поэзии, рожденной в революционной политической борьбе, поэзии широких социально-философских обобщений. Впервые в украинской литературе И. Франко показал жизнь и борьбу рабочего класса («Борислав смеется», 1880—1881). Влияние И. Франко было огромно, особенно в Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгрии; оно отразилось на творчестве и общественной деятельности

Украинские писатели (слева направо): А. С. Малышко, М. Ф. Рыльский, М. П. Бажан, А. Е. Корнейчук, П. Г. Тычина (1952 г.)

писателей М. И. Павлика, С. М. Ковалива, Н. И. Кобринской, Т. Г. Бордуляка, И. С. Маковея, В. С. Стефаника, рассказы которого высоко ценил М. Горький, Л. С. Мартовича, Марка Черемшины и др.

Поэт-революционер П. А. Грабовский (1864—1902), известный своими оригинальными поэтическими и критическими произведениями, изданными в 90-х годах XIX в., отобразил мысли, чувства и настроения революционной демократии 80—90-х годов.

Высокого уровня развития достигла в 80—90-х годах украинская драматургия, представленная именами выдающихся драматургов и театральных деятелей М. Старицкого, М. Кропивницкого, И. Карпенко-Карого. В произведениях этих драматургов, которые успешно ставятся на сцене и советских театров, отображены жизнь и быт украинского села, классовое расслоение и борьба передовой интеллигенции за прогрессивное искусство, борьба народа за свободу и национальную независимость. Наиболее видное место в истории украинской драматургии принадлежит И. Карпенко-Карому (И. К. Тобилевич, 1845—1907), создавшему классические образцы социальной драмы, новый тип социальной комедии и трагедии. Пламенный патриот и гуманист, драматург обличал современный ему строй, раскрывая социальные противоречия буржуазного общества. Широко известны его пьесы: «Мартин Боруля», «Сто тысяч», «Савва Чалый», «Хозяин», «Суета», «Житейское море».

В развитии литературы конца XIX — начала XX в. творчество М. Коцюбинского, Леси Украинки, С. Васильченко явилось высшим этапом

украинского критического реализма, органически связанного с зарождением социалистического реализма.

М. М. Коцюбинский (1864—1913) в повести «Fata morgana» (1903—1910) показал руководящую роль рабочего класса в буржуазно-демократической революции на селе, вскрыл гнилость буржуазного строя, разоблачил предателей интересов народа. Леся Украинка (1871—1913) воспевала революционную борьбу рабочего класса, разоблачала реакционность народнических и христианских идеалов. В ряде художественных и публицистических произведений поэтесса вскрывала реакционный смысл буржуазной философии и утверждала идеи революции, интернационального единения рабочих разных стран. Большевистская газета «Правда», откликаясь на смерть писательницы, назвала ее другом рабочих. Наиболее значительные произведения Леси Украинки — сборники политической лирики («На крилах пісень», 1893; «Думи і мрії»—«Думы и мечты», 1899), драматические поэмы «Давня казка» («Старая сказка»), «В пуще», «Осенняя сказка», «В катакомбах», пьесы «Лесная песня», «Камінний господар» («Каменный властелин») — относятся к лучшим произведениям украинской классической литературы.

В условиях жестокого национального гнета русского самодержавия наряду с созданием художественных произведений украинские писатели проводили большую культурно-просветительную работу. Особенно активной деятельностью в национально-культурном движении отличался ученый и писатель-реалист Б. Гринченко.

Литературный процесс на Украине не был идейно однородным; в нем происходила борьба разных социальных и политических сил. Наряду с художниками слова демократического направления выступали писатели либерально-буржуазных, националистических убеждений (П. Кулиш, А. Конисский, В. Винниченко и др.).

На всех исторических этапах украинская литература дооктябрьского периода развивалась в тесной связи с освободительным движением народа, в органическом единении с передовой русской литературой. Писатели, выражавшие интересы передового, революционного искусства, боролись за реализм, народность и высокую идейность украинской литературы. Поэтому украинская классическая литература явилась надежной основой для создания новой советской литературы, рожденной Октябрьской социалистической революцией.

Украинская советская литература

Украинская советская литература является составной и неотъемлемой частью многонациональной литературы народов СССР. Еще на первых порах своего развития она выступала пламенным борцом за идеи социализма, свободы, мира и демократии, за революционное преобразование жизни на основах научного коммунизма. Творцами новой советской литературы были выходцы из рабочего класса и беднейшего крестьянства (В. Чумак, В. Эллан, В. Сосюра и др.), лучшие представители демократической интеллигенции, начавшие свою деятельность еще до Октябрьской революции (С. Васильченко, М. Рыльский, И. Кочерга, П. Тычина, Я. Мамонтов и др.).

Большой популярностью в первые послереволюционные годы пользовались книги поэтов: В. Чумака «Запев», В. Эллана «Удары молота и сердца», П. Тычины «Плуг», стихи и поэмы В. Сосюры и др. Процесс утверждения советской литературы проходил в напряженной борьбе против врагов революции и агентуры буржуазно-националистической контрреволюции.

В период восстановления народного хозяйства (20-е годы) украинская литература развивалась особенно интенсивно. В это время активно выступали писатели А. Головко, И. Кулик, П. Панч, М. Рыльский,

М. Кулиш, М. Ирчан, Ю. Яновский, Иван Ле, А. Копыленко, Остап Вишня, И. Микитенко и многие др. Молодая литература отображала освободительную борьбу народа и его творческий труд в создании новой жизни. В эти годы на Украине возник ряд писательских союзов и группировок: в 1922 г.— союз крестьянских писателей «Плуг», в 1923 г.— организация «Гарт», вокруг которой группировались пролетарские писатели, в 1925 г.— союз революционных писателей «Западная Украина»; в 1926 г. возникло объединение комсомольских писателей «Молодняк»; существовали и футуристические организации («Ассоциация панфутуристов», «Новая генерация»). Существование многих разнообразных организаций и группировок затрудняло идейно-художественное развитие литературы, мешало мобилизации сил писателей всей страны на осуществление задач социалистического строительства. В начале 30-годов все литературно-художественные организации ликвидировались, и был создан единый Союз советских писателей.

С этого времени тема социалистического строительства становится ведущей темой литературы. В 1934 г. П. Тычина выпускает сборник стихов «Партия ведет»; с новыми книгами выступают М. Рыльский, М. Бажан, В. Сосюра, М. Терещенко, П. Усенко и многие др. Больших успехов достигают украинские писатели-прозаики; известность получают романы и повести Г. Эпика «Первая весна», И. Кириленко «Аванпосты», Г. Коцюбы «Новые берега», Ивана Ле «Роман Межигорья», А. Головко «Мать», Ю. Яновского «Всадники» и др. Тема революционного прошлого и современной социалистической действительности становится главной и в драматургии. В театрах Украины с большим успехом идут пьесы «Кадры», «Девушки нашей страны» И. Микитенко, «Гибель эскадры» и «Платон Кречет» А. Корнейчука и др.

В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) треть всей писательской организации Украины влилась в ряды Советской Армии и в партизанские отряды. Публицистика становится особенно важным жанром. Писатели выступают в армейской печати со статьями, выпускают брошюры и сборники статей, в которых разоблачают врага, содействуют воспитанию высокого морального духа советского народа, поднявшегося на борьбу с фашистскими захватчиками. С художественными произведениями, в которых изображены героизм и мужество народа, воспеты патриотизм и высокие идеалы советских воинов, выступают М. Рыльский («Жага»), П. Тычина («Похороны друга»), А. Довженко («Украина в огне»), М. Бажан («Даниил Галицкий»), А. Корнейчук («Фронт»), Ю. Яновский («Земля богов»), С. Скляренко («Украина зовет»), А. Малышко («Сыновья») и др. Украинская литература была верным помощником партии и народа, надежным оружием в борьбе против захватчиков.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны писатели еще долгое время обращаются к теме героизма и патриотизма, военной доблести и мужества нашего народа. Наиболее значительными произведениями на эти темы в 40-х годах были «Знаменосцы» А. Гончара, «Аттестат зрелости» В. Козаченко, «Черноморцы» В. Кучера, «Генерал Ватутин» Л. Дмитерко, «Прометей» А. Малышко, произведения Я. Галана, А. Шияна, Я. Баша, Л. Смелянского, А. Левады, Ю. Збанацкого, Ю. Дольд-Михайлика и многих др.

Темы социалистического труда, дружбы народов, борьбы за мир, интернационального единства становятся ведущими в украинской литературе всех послевоенных лет. Сокровищница художественного творчества украинского народа обогатилась такими выдающимися произведениями, как романы М. Стельмаха «Большая родня», «Кровь людская — не водица», «Хлеб и соль», «Правда и кривда»; А. Гончара «Таврия», «Перекоп», «Человек и оружие», «Тронка»; Н. Рыбака «Переяславская рада»; П. Панча «Клокотала Украина»; Ю. Яновского «Мир»; Г. Тютюнника «Водово-

А. П. Довженко (фото, 1954 г.)

рот» («Вир») и др.; сборники стихов М. Рыльского: «Мосты», «Братство», «Розы и виноград», «Голосеевская осень»; М. Бажана «Английские впечатления»; В. Сосюры «Счастье семьи трудовой»; А. Малышко «За синим морем», «Книга братьев», «Вещий голос»; пьесы А. Корнейчука «Над Днепром»; А. Левады и др.

Важными событиями в литературной жизни были второй (1948) и третий (1954) съезды писателей Украины. Огромную роль в развитии украинской литературы сыграли решения XX и XXII съездов КПСС, открывшие новые горизонты идейно-художественного роста украинской литературы, ее укрепления на позициях социалистического реализма. Путь развития украинской советской литературы свидетельствует, что только на основании социалистического реализма могло бурно развиваться художественное творчество украинского народа. Украинская советская литература на всех этапах своего развития была верна идеям Коммунистической партии, принципам дружбы народов, идеалам мира, демократии, социализма и свободы. Она всегда была могучим идейным оружием советского общества в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Украинское народное музыкальное творчество, общее в своей стилистической основе с фольклором русских и белорусов, имеет ряд специфических национальных черт.

Н. В. Лысенко (фото, 1905 г.)

Украинский музыкальный фольклор дореволюционного периода

По мелодическому строению наиболее древними являются календарные, обрядовые и игровые песни украинцев. Их мелодии иногда состоят всего из двух-трех звуков и, как правило, не превышают диапазона квинты. Четкая метроритмическая организация этих песен явилась следствием соединения в них пения, танца и элементов драматического действия. Общая структура обрядовых, игровых и календарных песен, как и подавляющего большинства других, — куплетная. Вариационные отклонения от основного мелодико-интонационного костяка были весьма незначительны. К древнейшему виду украинского музыкального фольклора относятся народные плачи и причитания, но они резко отличаются от песен импровизационностью своего склада и речитативной мелодией. Календарные, обрядовые и игровые песни, как правило, диатоничны, в мелодиях же плачей и причитаний много хроматизмов. Народные плачи и причитания были непосредственным источником возникновения наиболее развитой формы украинского фольклора — дум.

Мелодии исторических песен, порожденных драматическими событиями исторической жизни народа, характерны эпичностью, суровым мужеством и лирической распевностью. Их звуковой состав несравненно шире звукового состава всех остальных песенных жанров; они отличаются большей интонационной свободой, неожиданными ладово-интонационными и ритмическими сдвигами. Наряду с эпико-героическими украинский народ создал ряд боевых маршевых песен с активными интонациями,

«Лирник» (Л. В. Позен, бронза, 1883 г.)

напряженным пунктирным ритмом («Гей, не дивуйте, добрії люди»). Лирические песни (о женской доле, о любви, о семье) в своем подавляющем большинстве протяжные, с вариационным развитием мелодии. Национальное своеобразие украинского фольклора определяется также большой ролью ладовой переменности, когда в одной мелодии могут чередоваться несколько разных ладов. Метроритмика протяжных песен свободна. Ей присущи переменные такты, сопоставление разных размеров, иногда отсутствие деления на такты. Песни юмористические, шуточные и танцевальные характерны ясной симметричной структурой, четкой метроритмикой. Им присуща устойчивость изложения мелодии во всех куплетах. Менее разнообразны они и в ладовом отношении. Преимущественно употребляются мажор и минор, а также переменный лад.

Украинское народное песенное творчество отличается развитым многоголосием. Наблюдаются два его основных вида: гомофонно-гармоническое и подголосочное; встречаются песни, содержащие отдельные элементы как первого, так и второго. В гомофонно-гармонических песнях главным мелодическим голосом является верхний. Остальные голоса составляют гармонический фон. К гомофонно-гармоническим следует отнести народные романсы, которые преимущественно были распространены в городах, танцевальные, шуточные и юмористические песни. Число голосов в них колеблется от двух до четырех. К подголосочным песням принадлежат главным образом протяжные. Песню, как правило, запевает один нижний голос. Запев и продолжение линии запева представляет основную мелодию. На этом фоне выделяется подголосок, исполняемый солистом.

Дума как самобытная повествовательная литературно-музыкальная форма народного творчества эпического склада отличается свободным размером и ритмом стиха, речитативной мелодикой. Основой исполнения дум является импровизация. В думах отсутствует деление текста на строфы. Думы состоят из периодов (*уступів*). Период в свою очередь делится на музыкальные предложения и фразы. Отдельные периоды выделяются инструментальными отыгрышами или же напевными вокальными фразами и каденциями. В традиционной думе часто имеется небольшое мелодическое вокальное вступление (так называемая *заплачка*), являющееся своеобразным введением в образный строй и эмоции думы. Текст и музыка в думах находятся в тесной связи и взаимообусловленности. Трудно назвать другую литературно-музыкальную форму народного творчества, в ко-

торой бы так естественно сочетались слово и музыка. Лежащая в основе думы мелодическая декламация дает неограниченные возможности и средства проникновения во внутренний смысл слова и воссоздания тончайших речевых интонаций. В неразрывной связи с речитативным строением мелодики дум находится их ритмика, всецело вытекающая из ритмического строения стиха. Она отличается исключительной свободой и гибкостью. Деление на такты в думах отсутствует. Исполняются думы в сопровождении кобзы или лиры.

Украинский музыкальный фольклор советского периода

Значительные изменения в украинское народно-музыкальное творчество внесла советская эпоха. Первые советские народные песни нередко создавались на основе популярных традиционных мелодий, к которым приспосабливались новые тексты. Так, например, широко известное по всей Советской стране «Яблочко» сложено на мелодию украинской бытовой песни «Ой, де ж ти була, забарилася». Начальные же слова большого количества текстовых вариантов «Яблочка» также взяты из украинской бытовой песни:

«Котись, яблучко, куди котишся,
Віддай, таточку, куди хочеться».

Наряду с этим появляются песни, новые по тексту и по мелодии («Насувалась грізна хмара», «Гей шуміли грізні трави», «Гей, ви, хлопці — партизанці»).

Большой внутренней силой, глубокой эмоциональностью отличаются песни о Ленине («То не в'юга — завірюха», «Не берези верби й лози»). Жизнерадостностью, бодрыми ритмами проникнуты песни о социалистическом строительстве («Як у нашому селі»).

Обширный раздел украинского советского фольклора составляют песни о Великой Отечественной войне. Из них особо следует выделить партизанские песни и так называемые песни полонянок — украинских девушек, угнанных в фашистское рабство. Их мелодии отличаются неподдельной теплотой и задушевностью.

В песнях послевоенного периода на первый план выступают темы труда, нового быта и общественных отношений советских людей. Характерным образцом таких песен может быть «Ой, поля, поля колгоспні», в которой традиционная распевность на голоса сочетается с эпической широтой мелодического движения.

Большое количество песен посвящено Коммунистической партии, ленинской дружбе народов Советской страны. В советское время развивается также дума. Она состоит из тех же структурных элементов, что и традиционная. Наряду с этим возникает синтетическая форма думы-песни, органически соединяющая особенности образного мышления и художественного стиля обоих жанров. Текст думы-песни нередко делится на строфы. Значительное распространение получила на Украине русская частушка.

Большое значение в песенной культуре советского народа приобретает творчество композиторов-любителей. Их песни нередко входят в быт и поются наряду с народными («Ой, ти край донецький» П. Дмитриева-Кабанова, «Співають дівчата» Ф. Литвиненко, «Верховино, мати моя» М. Машкина).

По своему стилю советские песни развивают традиции дореволюционного фольклора. Это касается интонационного и ладового строения мелодий и особенностей многоголосия и метроритмики. Однако в современных песнях немало и новых черт, вызванных новым содержанием. В них чувствуются энергия и трудовой пафос советского общества. В средствах художественной выразительности ощущается большое воздействие массовых песен советских композиторов.

Украинские народные инструменты отличаются большим разнообразием. К числу древнейших инструментов принадлежит бубен, представляющий собой деревянный обруч, обтянутый с одной стороны кожей. В обруче имеются прорезы, в которые вставлены маленькие металлические диски, звенящие во время игры. Любимейшим украинским музыкальным инструментом является *кобза* (*бандура*). Кобза имеет полуовальный кузов и короткий гриф, над которым протянуты басовые струны. Над кузовом помещены короткие струны-приструнки. В настоящее время кобза значительно усовершенствована и превращена в хроматический инструмент. Близок по своему строению к кобзе другой струнно-щипковый инструмент — *торбан*. К числу инструментов с постоянной настройкой каждой отдельной струны принадлежат *цимбали*, относящиеся к струнно-ударным инструментам. К духовым инструментам принадлежат *сопілка* и ее разновидности (*денцівка*, *зубівка*, *флояра*), *трембіта*. Сопилка представляет собой деревянную трубку из липы, березы, бузины, орешника и т. д. В верхнем конце трубки устроен *пищик*. На трубке просверлено или выжжено пять или шесть дырочек, при помощи которых играющий может изменять высоту тона.

Украинские народные музыкальные инструменты

Трембита — духовой инструмент украинских горцев. Он представляет собой длинную (до трех метров) коническую трубу, изготовленную из дерева и обмотанную берестой. Для звукоизвлечения в верхней части трубы имеется мундштук. Духовым инструментом является также *коза* (*дуда*, *волинка*). Она состоит из кожаного меха, изготовленного из козьей шкуры или овчины. В мех вставляются две (иногда три) трубки. Одна из них дает неизменный тон. Вторая имеет дырочки, как и сопилка. Струнно-клавишно-смычковым инструментом является *ліра* с тремя (очень редко четырьмя) струнами. Две из них (*тенор* и *байорок*) настроены в квинту. Во время игры они звучат как органный пункт. Третья струна располагается над клавиатурой и служит для воспроизведения мелодии. Звукоизвлечение производится посредством вращения деревянного круга с ручкой, который касается своим краем всех трех струн. Лира — преимущественно аккомпанирующий инструмент. В народном быту украинцев широко используются также струнно-смычковые инструменты (скрипка, басоля и бас). Скрипка, басоля, бас, цимбалы и бубен входят в состав народного инструментального ансамбля — *троїста музика*.

Все эти традиционные инструменты украинский народ сохранил до настоящего времени, но, соответственно новым задачам и требованиям, ныне они значительно усовершенствованы. Стабилизировался их строй, увеличился звуковой состав, обогатились приемы тембровой выразительности. В инструментальной музыке всемерно развиваются коллективные формы исполнительства. Кобзари-одиночки уступили место различным ансамблям кобзарей-бандуристов. Наряду с традиционной «троїстою музикою» развивают свое искусство оркестры народных инструментов самых различных составов. В быт украинцев вошло много русских народных инструментов (балалайка, баян и др.). В послевоенные годы в домах рабочих, колхозников и интеллигенции нередко можно встретить пианино.

Украинское народное музыкальное творчество в целом отличается идейным и стилистическим единством, сложившимся в основных своих чертах ко второй половине XIX в. Наряду с этим фольклор отдельных этнографических областей имеет свою специфику. Условно можно выделить четыре музыкальных диалекта. Первый и основной — юго-восточный. Он распространен в Киевской и Житомирской (за исключением самых северных районов) областях, Черкасской, Винницкой (за исключением наиболее западных районов), восточной половине Хмель-

Диалекты украинского музыкального фольклора

ницкой, в Одесской, Крымской, Запорожской, Полтавской, Харьковской, Луганской, Донецкой областях, южных районах Черниговской и Сумской областей. В фольклоре этого района наиболее ярко отразились национальные черты украинского народного музыкального творчества. В юго-восточном районе бытуют все песенные жанры, за исключением коломыйки и специфических западноукраинских танцевальных форм, особенно распространены думы и исторические песни. Пышного расцвета достигло здесь многоголосие. Из музыкальных инструментов характерны кобза, или бандура, лира, сопилка, скрипка, бубен.

Второй район охватывает украинское Полесье (Сумская, Черниговская, север Киевской и Житомирской, Ровенская, Волынская области). Этот район условно можно поделить на два подрайона: восточный и западный. В музыкальном творчестве восточного подрайона ощущается влияние русской народной музыки. В полифонических песнях больше свободы голосоведения. Объем мелодики в общем несколько у́же, чем в песнях юго-восточного района. В западном подрайоне более сохранились календарные и обрядовые песни. В отличие от песен этих жанров юго-восточного района они исключительно одноголосные. Думы и исторические песни встречаются значительно реже. Меньше бытуют кобза и скрипка.

Третий, западный, район охватывает современные Тернопольскую, Черновицкую (за исключением западных горных районов), Ивано-Франковскую (за исключением южных горных районов), Львовскую, западную половину Хмельницкой и западные районы Винницкой области. Характерные черты музыкальной культуры этого района заключаются в отсутствии многоголосия[1], свободном метрическом строении песен, большом распространении календарных и обрядовых песен и коломыек; из инструментов распространены сопилка, цимбалы, скрипка, лира, бубен.

В четвертый район входят запад Черновицкой области, юг Ивано-Франковской, Закарпатская область и район расселения лемков. В творчестве гуцулов основным жанром является коломыйка. Другие песенные жанры развиты меньше. Из инструментов бытуют трембита, скрипка, цимбалы, бубен. У закарпатского населения равнинных районов коломыйка встречается реже, и более развиты песенные жанры. Песенная культура Закарпатья обнаруживает заметное влияние музыкального фольклора соседних народов (мадьяр, румын, чехов и словаков). Несколько обособленно творчество лемков, отличающееся широким развитием песенных жанров и исключительной красотой и богатством мелодики.

В советское время, особенно после воссоединения всех украинских земель в едином социалистическом государстве, районные стилистические особенности постепенно стираются.

Украинский фольклор в профессиональной музыке

Народные мелодии легли в основу украинской профессиональной музыки. Их большое влияние чувствуется в древнейших культовых произведениях, в творчестве выдающихся композиторов-украинцев Д. С. Бортнянского (1751—1825) и М. С. Березовского (1745—1777), сыгравших известную роль в развитии русской и украинской музыкальных культур. А. Ведель (1767—1808) обрабатывал народные мелодии и на их основе писал оригинальные хоровые сочинения. Первая украинская классическая опера «Запорожец за Дунаем» С. С. Гулак-Артемовского (1813—1873) также органически использует народно-песенные элементы. Крупнейший украинский композитор дореволюционного времени Н. В. Лысенко (1842—1912) свои хоры, романсы, оперы (например, «Тарас Бульба») и инструментальные произведения создавал на основе народной музыки, а такое его популярное произведение, как опера

[1] В советское время многоголосие начало интенсивно проникать и в этот район.

«Наталка-Полтавка», полностью построено на народных песнях. Написанные на основе народных песен хоровые миниатюры М. Д. Леонтовича («Щедрик», «Дударик», «Козака несуть», «Пряля») известны за пределами нашей Родины. Неразрывную связь с народной музыкой выявляет творчество К. Г. Стеценко и Я. С. Степового — авторов выдающихся хоровых, песенных и инструментальных сочинений.

Украинский народ выдвинул из своей среды ряд выдающихся певцов, завоевавших широкую известность во всем мире. Это — С. Крушельницкая, М. Менцинский, Ф. Мишуга, М. Микиша, И. Козловский, М. Донец, М. Литвиненко-Вольгемут, О. Петрусенко, И. Паторжинский, З. Гайдай, М. Гришко, Б. Гмыря и др.

Развивая лучшие классические традиции, украинские советские композиторы также широко используют фольклорные мотивы. Крупнейшие мастера украинской советской музыки (Л.Н. Ревуцкий, Б. Н. Лятошинский, Ф. Е. Козицкий, С. Ф. Людкевич, В. С. Косенко, М. И. Вериковский) создали ряд хоровых и инструментальных произведений, прочно вошедших в сокровищницу социалистической культуры. Видными образцами советской музыки довоенного периода были Вторая симфония Л. Ревуцкого, увертюра на четыре украинские народные темы и опера «Золотой обруч» Б. Лятошинского, в которых разработка народно-песенных мотивов достигла большого совершенства. Расцвет украинской музыкальной культуры в послевоенное время также проходил и проходит на основе взаимопроникновения народного и профессионального творчества. Свидетельством этого могут быть такие произведения, как «Украинский квинтет» Б. Лятошинского и кантата-симфония «Украïно моя» А. Штогаренко, оперы «Милана» и «Арсенал» Г. Майбороды, «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича, «Молодая гвардия» и «Украденное счастье» Ю. Мейтуса. Лучшие симфонические произведения послевоенного периода также создаются на основе претворения народных мелодий («Славянский концерт» и Третья симфония Б. Лятошинского, «Гуцульская рапсодия» и Вторая симфония Г. Майбороды, симфоническая поэма «Щорс» А. Свечникова, кантата «Славься, Отчизна моя» Г. Жуковского и др.). Лучшее из традиционного и советского музыкального фольклора впитала в себя украинская советская массовая песня (П. Майборода, А. Кос-Анатольский, А. Филиппенко, Е. Козак, Г. Веревка).

На Украине, как и в других республиках, собиранием и изучением народной музыки занимаются специальные научные учреждения, кафедры консерваторий, дома народного творчества. Государственные хоровые коллективы популяризируют лучшие образцы музыкального фольклора.

ТАНЦЫ

Лучшие украинские народные танцы, разнообразные по форме и содержанию, сохранились до настоящего времени. Они стали неотъемлемой частью художественной жизни украинского народа.

Традиционные танцы в художественной жизни украинского народа

Учитывая характерные особенности народной хореографии, музыки и поэзии, можно определить три основных жанра народных танцев на Украине — хороводы (*гаïвки*, *веснянки*, *танки*), бытовые и сюжетные танцы.

Хороводы являются древнейшей художественной формой народного танцевального искусства, оказавшей большое влияние на танцы других жанров — бытовые и сюжетные.

В хороводах нашли органическое слияние поэзия, музыка (в вокальном изложении) и хореография. По темам хороводы можно разделить на три группы: 1) хороводы, в которых отражаются трудовые процессы

«Гопак». Государственный ансамбль танца УССР (1958 г.)

(«Мак», «Кузнецы», «Сапожники», «Бондарь», «Просо» и многие др.); 2) хороводы, в которых отражаются семейно-бытовые отношения трудового народа («Перепелка», «Нелюб», «Чорнушка», и многие др.); 3) игровые хороводы («Кот и мышка», «Длинная лоза» и др.). Мелодии хороводов, в основном несложные для исполнения, глубоко содержательны и эмоционально выразительны. Им свойственно ладовое и ритмическое богатство. Образность музыкального языка хороводов всегда привлекала и привлекает внимание композиторов.

Они являются неотъемлемой частью репертуара профессиональных и самодеятельных коллективов, играют большую роль в процессе воспитания детей, прививают им любовь к родной природе, труду, развивают чувство коллективизма и т. д.

Бытовые танцы сопровождают повседневную жизнь народа (гопаки, козачки, метелицы, коломыйки и др.). Их исполняют по всякому поводу — в домашнем быту, на свадьбах, гуляниях, массовых вечерах и т. д. С хореографической точки зрения бытовые танцы бывают композиционно сложными. Многие танцевальные фигуры отличаются орнаментальной затейливостью и красочностью хореографического рисунка. В танцах отражаются такие стороны характера украинского народа, как остроумная находчивость, изобретательность, ловкость и безудержное веселье. Их мелодии по своему происхождению вокальные и характеристика музыкальных образов очень яркая и убедительная. С давнего времени они служат тематическим материалом для крупных музыкальных произведений: опер, балета, симфоний и др. Мелодии их явились основой для создания таких симфонических произведений, как «Малорусский козачок» А. Даргомыжского, «Козачок» Л. Ревуцкого, «Гопак» А. Штогаренко, где раскрываются идейно-эмоциональное содержание, характерные стилистические особенности этих танцев. Козачки, гопаки, метелицы и т. д. вводятся хореографами не только в оперные произведения, но и в пьесы драматических театров [1]. Многие из этих танцев ставились балетмейстерами

[1] На Украине в драматических театрах (обычно в пьесах украинских авторов) используется оркестр, хор и танцевальная группа.

как оригинальные произведения. Эта традиция нашла свое развитие и в наше время.

В сюжетных танцах средствами народной хореографии изображаются бытовые сценки, трудовая деятельность народа.

Этот жанр народного танца является наиболее совершенным и богатым по тематическому разнообразию. По тематике сюжетные танцы можно разделить на следующие группы: 1) танцы, основной темой которых является народная героика («Опришки», «Аркан», «Гонта»); 2) танцы, основной темой которых является труд народа («Сапожники», «Бондарь», «Кузнецы», «Косарь», «Танец лесорубов», «Гречка», «Лен» и многие др.); 3) танцы, основной темой которых является быт народа («Голубка», «Козак-парикмахер» и др.); 4) танцы, в которых основной темой являются отдельные явления природы («Гони ветер», «Звездочка» и др.); 5) танцы, в которых основной темой являются повадки птиц и животных («Бычок», «Козел» и др.). Наиболее древним видом украинского народного танца, сохранившимся в быту народа до наших дней, как уже говорилось, являются хороводы. Хороводы, отражающие трудовую жизнь народа, получили особенно яркое развитие в танцевальном искусстве в наше время. Так, самодеятельный танцевальный коллектив с. Бородянки (Киевская обл.) создал прекрасный танец «Лен», имеющий глубокую связь с хороводами на трудовую тематику.

В новых социалистических условиях жизни украинский народ, развивая и углубляя содержание танцевального искусства, создает новые художественные формы. В частности, народ в хореографической творческой практике отказался от текста, оставив лишь отдельные предложения, слова или восклицания, указывающие на изменение танцевальной фигуры. Например, в танцах «Сапожники» или «Кузнецы» при помощи выразительных хореографических средств отображаются трудовые процессы именно в такой последовательности, которая в одноименных хороводах раскрывалась в поэтическом тексте.

В с. Криворивне (в одном из районов Ивано-Франковской обл.) участниками самодеятельности создан «Танец сплавщиков». В с. Клесиво (Ровенская обл.) тружениками колхозных полей создан танец «Гречка», а рабочими-каменотесами — танец «Каменотесы», в Зенькове (Полтавская обл.) — «Танец механизаторов», в с. Решетиловке той же области — «Танец рукодельниц».

В новых танцах широко используются танцевальные движения, не относящиеся непосредственно к отражению того или иного момента трудового процесса (дорожки, «ковырялки», переменный шаг, «веревочка», присядки и т. д.). Эти движения придают сюжетному танцу пластическую гибкость и художественную выразительность, которая способствует тончайшей обрисовке хореографических образов танца и вместе с тем создает яркий национальный колорит. Таким образом, в современных народных танцах значительно углубляются и расширяются средства хореографической выразительности.

В результате изменения социальных условий жизни трудящихся изменились и принципы их творческой деятельности в области народного искусства. Новые произведения искусства возникают и утверждаются в народном быту, в самодеятельном коллективе, чаще всего — в трудовой бригаде, живущей общими интересами в труде и в быту. Создавая новый танец, участники «хора-ланки» (звена) или другого самодеятельного коллектива в своих творческих поисках всегда опираются на традиционные танцы. Это творчество по художественному мастерству в ряде случаев является новой, более высокой ступенью по сравнению со старым традиционным творчеством. Круг творческих запросов трудовых бригад очень широк. В своем творчестве они отображают многообразную жизнь производства, села.

С ростом творческого и исполнительского мастерства участников «хоров-ланок» и самодеятельных кружков расширяется и усложняется репертуар танцев. Народные танцы обогащаются новыми танцевальными фигурами, разнообразится и усложняется их хореографический рисунок и т. д. Хореографы Со гской Украины достигли больших творческих успехов в этом направлен и: сохраняя этнографическую суть танца, они углубляют его отдельные стороны, разнообразят хореографический рисунок, отшлифовывают и усложняют отдельные па, подчеркивают элементы мимики, жеста и т. п. Другие хореографы вводят в народный танец новые, скомпонованные ими танцевальные фигуры, причем в обработке народных танцев правильному решению творческой задачи помогает глубокое и всестороннее знание подлинных истоков народного танца и его стилистических особенностей. Третьи из хореографов создают оригинальные, самобытные танцы, в которых используют средства выразительности народной хореографии («Чумацькі радощі», «Рукодельницы» и «Козацкие игрища», «Новогодняя метелица», «На кукурузном поле» П. Вирского; «Полесские льноводы» В. Починко и многие др.). В «Чумацьких радощах» П. Вирский использует народный юмор, являющийся отличительной чертой украинского народа. Особенной творческой удачей автора следует считать танец «На кукурузном поле», в содержании которого нашла художественное воплощение тема коллективного труда колхозного крестьянства.

Многие из танцев, художественно обработанных и созданных хореографами, со сцены возвращаются в народный быт и служат примером для создания новых танцев.

Танцы других народов в художественном быту Украины

Украинский народ, как и все народы Советского Союза, любовно и бережно относится к национальной культуре других народов. Украинцы охотно танцуют русскую «камаринскую» и «барыню», польские «краковяк» и «мазурку», чехословацкую «польку», румынскую «сырбу», молдавский «жок», венгерский «чардаш» и др. Сохраняя их национальные особенности, украинский народ вносит в хореографический рисунок некоторые изменения, присущие украинскому национальному искусству. Сохраняя, например, характерные особенности чешской польки, украинский народ создал бесчисленное количество мелодий, вытекающих из ладово-интонационной основы украинского национального мелоса. Многие из этих мелодий имеют конкретное название, почти всегда раскрываемое музыкальными средствами выразительности. В одном случае изображаются трели соловья (полька «Соловей»), в другом используются ритмы походных маршей (полька «Военная»), в третьем — монотонные, эмоционально невыразительные попевки из псалмов и кантов (духовных песен) для того, чтобы изобразить элемент сатиры в музыке (полька «Псалма»), и т. д.

Самодеятельные и профессиональные исполнительские коллективы популяризируют танцы народов СССР и других стран и прежде всего стран народной демократии.

Самодеятельное и профессиональное хореографическое искусство и их взаимосвязь

Коммунистическая партия и Советское правительство, создавая все условия для развития творческих сил трудового народа, всячески способствуют созданию многочисленных профессиональных и самодеятельных коллективов, которые пропагандируют народное искусство вообще и народные танцы в частности. На Украине такими коллективами являются в первую очередь Государственный украинский народный хор и Государственный заслуженный ансамбль танца УССР. Пропагандистами лучших областных особенностей народного творчества Украины являются Закарпатский, Буковинский, Черкасский, Житомирский и другие народные хоры.

С другой стороны, на Украине балетмейстеры и композиторы используют хореографический и музыкальный материал народных танцев в профессиональном балетном творчестве. Так были созданы украинские балеты — «Лесная песня» М. Скорульского, «Маруся Богуславка» А. Свечникова, «Хустка Довбуша» А. Кос-Анатольского, «Чорне золото» В. Гомоляки и др.

Некоторые из самодеятельных коллективов в течение последнего десятилетия осуществили постановки многих оперных и балетных произведений. Например, один из самодеятельных танцевальных коллективов Запорожской обл. поставил балет Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан», во Дворце студентов Днепропетровска силами самодеятельности поставлены балеты «Лебединое озеро» П. Чайковского и «Тарас Бульба» В. Соловьева-Седого, в Краматорске в Доме культуры им. Пушкина поставлен балет «Маруся Богуславка» А. Свечникова и т. д.

Профессиональное и народное творчество в своем развитии взаимообогащаются. Если мастера советского балета, изучая основы народного танца, создают классические национальные балеты, то достижения классического балета оказали значительное влияние на самодеятельную хореографию. Свидетельством этого важного явления в художественной жизни украинского народа является создание силами самодеятельности балетного спектакля «Наталка-Полтавка» на музыкальном материале Н. В. Лысенко. Эти факты показывают, как в социалистическом и в коммунистическом обществе постепенно происходит сближение и стирание принципиальных отличий между профессиональным и народным искусством.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Искусство в дооктябрьский период

Украинское народное искусство достигло высокого художественного уровня еще в период формирования украинского народа (XIV — XVI вв.). Тесно связанное с крестьянским бытом, оно отличалось многообразием видов и богатством форм. Выделившиеся из народного крестьянского ремесла сельские художественные промыслы уже в XIV—XVI вв. получили развитие в украинских городах и долгое время сохраняли общую с крестьянским искусством традиционную основу.

Борьба украинского народа в XV—XVII вв. против литовских, польских и турецких захватчиков за свободу и независимость отражалась в народном искусстве, на сельских и городских ремеслах: на художественной обработке металла, особенно оружия (ружей, сабель), на изготовлении художественных изделий из металла для украшения конской сбруи, седел и т. д. В то же время развивалось ювелирное производство, производство металлической посуды — золотой, серебряной и оловянной, зачастую отличавшейся высоким художественным выполнением.

С воссоединением Украины с Россией и изменением жизненных условий украинского народа в украинском декоративно-прикладном искусстве определяющее место начинают занимать виды, связанные уже не с военным, а с домашним бытом. Высокого художественного уровня во второй половине XVII и в XVIII в. достигло изготовление декоративных тканей, вышивки и ковров, которые являлись также предметом широкого вывоза в Россию и за границу (большим спросом пользовались ворсовые ковры — *коци*). Ковры этого времени, преимущественно с геометрическим орнаментом в Правобережной Украине и с орнаментом растительным в центральной и Левобережной Украине, отличались безграничным богатством орнаментальных мотивов, неисчерпаемым разнообразием композиционных построений и сочностью цветовых решений. Растительные мотивы декоративных тканей, вышивок и ковров тесно связаны с мест-

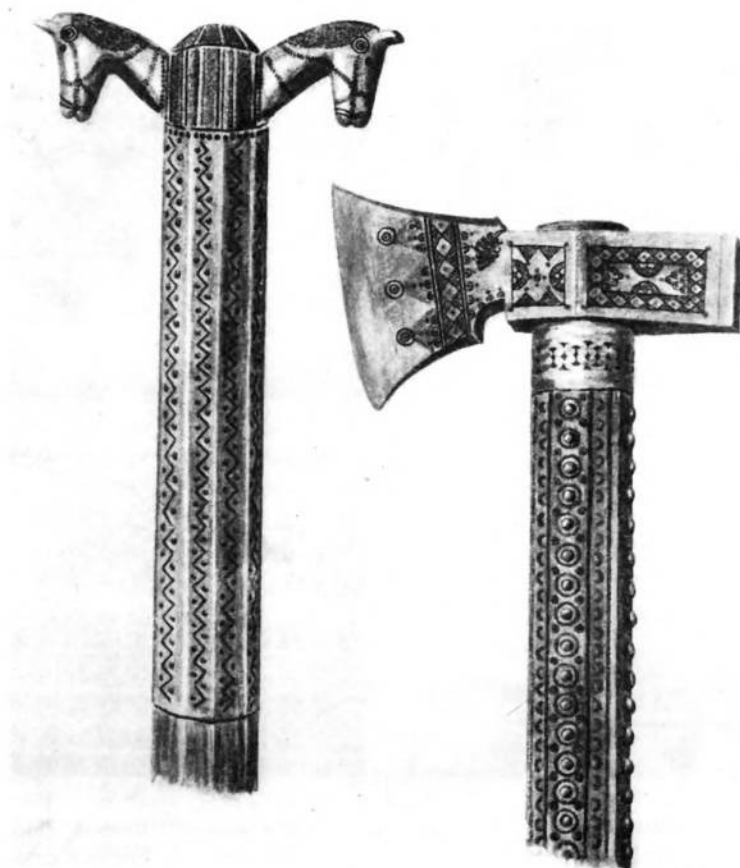
Вышивка (Сумы, XVIII в. и Полтавская губ., начало XIX в.)

Мотивы вышивок низью (Восточная Подолия, XIX в.)

ной флорой. В XVII—XVIII вв. ковры занимали большое место в быту и крестьян и феодальной знати. В соответствии с этим по стилевым признакам довольно четко различаются ковры «панские», «церковные» и крестьянские.

В числе различных форм профессионального декоративно-прикладного искусства и городских художественных ремесел, которые в XVIII в. (а в ряде случаев и до середины XIX в.) были тесно связаны с крестьянским народным искусством, следует также назвать деревянную скульптуру и плоскую резьбу по дереву, а также бытовую художественную керамику. Долгое время традиционные связи с народным искусством сохраняли и художественный фарфор и фаянс, появившиеся на Украине в конце XVIII в. и развивавшиеся на народной основе до середины XIX в.

С переходом Украины на капиталистический путь развития профессиональное декоративно-прикладное искусство под влиянием требований рынка пошло по пути подражания искусству Запада, а художественные ремесла уступили свое место художественной промышленности, на развитии которой сказалось влияние модерна. Что же касается народного искусства, то оно с середины XIX в. замкнулось в кругу старых традиций. Классовое расслоение крестьянства и обнищание основной его массы обусловили резкое сокращение количества произведений, изготовлявшихся крестьянами для личного потребления. Но даже и в этих условиях народное искусство сохранилось во всех его формах и отличалось высокой художественностью, так как разлагающее влияние капиталистического рынка сказывалось лишь на некоторых промыслах и лишь в отдельных центрах, где были созданы предприятия художественного производства.



Гуцульские топорики (конец XIX в.)

В то же время под влиянием рыночных отношений на Украине возникли художественные промыслы, работавшие на старой традиционной основе, причем с сохранением ее локальных особенностей. В частности, с этим периодом связан резкий подъем в развитии переборного ткачества в Кролевце Черниговской губ., декоративной керамики в с. Опошне Полтавской губ., ковроткачества в с. Дегтярах Черниговской губ., вышивки в с. Клембовке Подольской губ. и т. д. Высокого уровня достиг и такой вид искусства, как роспись хат, что было связано не только с упадком домашнего ковроделия, но одновременно и с увеличением световой площади в крестьянском жилище, т. е. с увеличением размера окон и использованием для них прозрачных стекол. В это же время в народном искусстве более заметное место начинают занимать различные виды станкового искусства, в особенности в области керамической скульптуры и резьбы по дереву. Среди народных мастеров выдвигается целый ряд видных имен.

Украинское профессиональное изобразительное искусство дооктябрьского периода также прошло большой путь развития.

Еще в период формирования украинской народности возникли величественные гражданские, военные и церковные сооружения. Высокого уровня достигла монументальная живопись, украшавшая дворцы и храмы. Иконопись, уже глубоко насыщенная светскими мотивами, вызывала восхищение и изумление путешественников по Украине, а книжная миниатюра XIV—XVI вв. и до сих пор считается наиболее богатой и совершен-

ной в славянских странах. Появлением и быстрым развитием живописного портрета, статуарной скульптуры и, наконец, гравюры в XVII—XVIII вв. завершается сложение основных видов и жанров украинского профессионального изобразительного искусства. Особенно широко прославились украинские граверы, которых постоянно приглашали в Москву для исполнения самых сложных художественных работ. Украина в этот период дала также русскому и украинскому искусству таких знаменитых мастеров живописи и скульптуры, как С. Д. Ковнир (1695—1786), Д. Левицкий (1735–1822), И. Г. Григорович-Барский (1713–1785), В. Боровиковский (1757—1825), А. Лосенко (1737—1773), И. Мартос (1752—1835), М. Козловский (1753—1802), А. И. Меленский (1766—1833).

«Ведмедик». Гутное стекло (XVIII в., Полтавская губ.)

В первой половине XIX в. благодаря укреплению русско-украинских творческих связей и возросшей роли Петербургской Академии художеств украинское профессиональное искусство приобрело новое направление в своем развитии. В это время начинается деятельность крупнейшего художника украинского народа, основоположника критического реализма в украинском искусстве Т. Г. Шевченко, ученика К. Брюллова и воспитанника Петербургской Академии художеств. Творчество Т. Шевченко определило дальнейший путь развития украинского искусства в борьбе за реализм, к «передвижничеству», в котором украинское искусство (в особенности живопись и графика) заняло видное место. А. Мурашко (1844—1909), К. Костанди (1852—1921), С. Светославский (1857—1931), Н. Кузнецов (1850—1930), Н. Пимоненко (1862—1912), И. Ижакевич (1864—1962), С. Васильковский (1854—1918), Ф. Красицкий (1873—1944), Г. Светлицкий (1872—1948), П. Левченко (1859—1917) и многие другие украинские художники и скульпторы (П. П. Забелло, Л. В. Позен и др.) конца XIX—XX в. своим творчеством убедительно свидетельствовали о тесной связи украинского изобразительного искусства этого периода с прогрессивным русским искусством. Выдающуюся роль в укреплении этих творческих связей сыграл уроженец Украины, великий русский художник И. Е. Репин (1844—1930). Продолжало развиваться профессиональное изобразительное искусство и в западноукраинских землях, где работали такие выдающиеся украинские мастера, как И. Труш (1869—1941), А. Монастырский (1878) и др.

Изобразительное искусство в советский период

Украинское советское народное искусство, возникшее на старой традиционной основе, отличается от народного искусства дореволюционного периода идейной направленностью, глубиной содержания. С первых дней Октября оно утратило свою безымянность и стало искусством

«Козак Мамай». Народная картина (вторая половина XVIII в.)

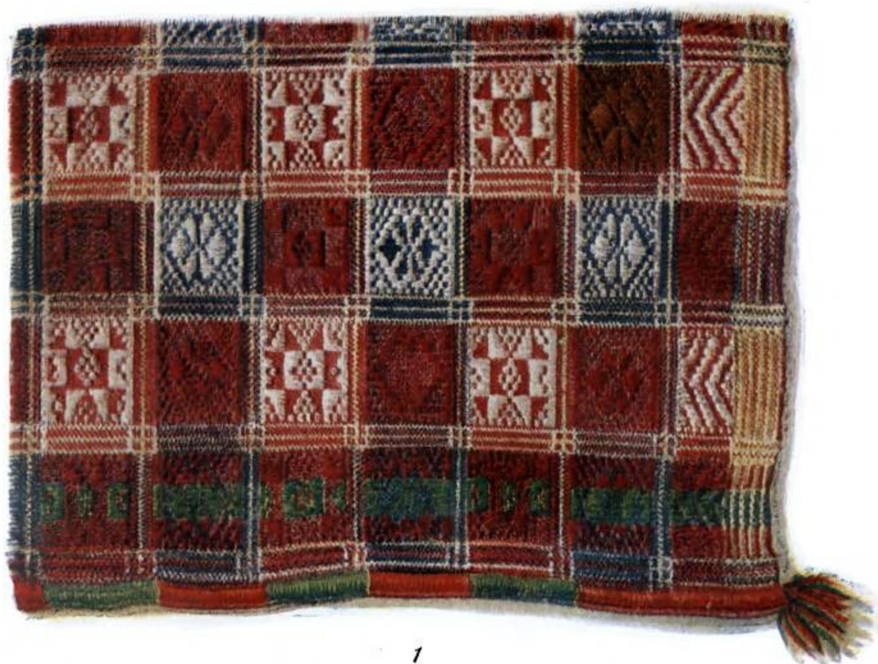
И. Гончар. «Сказка о попе и работнике его Балде» (терракота, 1937 г.)

1

2

3

1—плахта (Галиция, вторая половина XIX в.), *2*—гладь (Галиция, начало XIX в.)
3—гладь (Подольская губ., начало XIX в.)



1

2

1—«вэрета» (Галиция, конец XIX в.), *2*—вышивка гладь (Киевская губ., начало XIX в.)

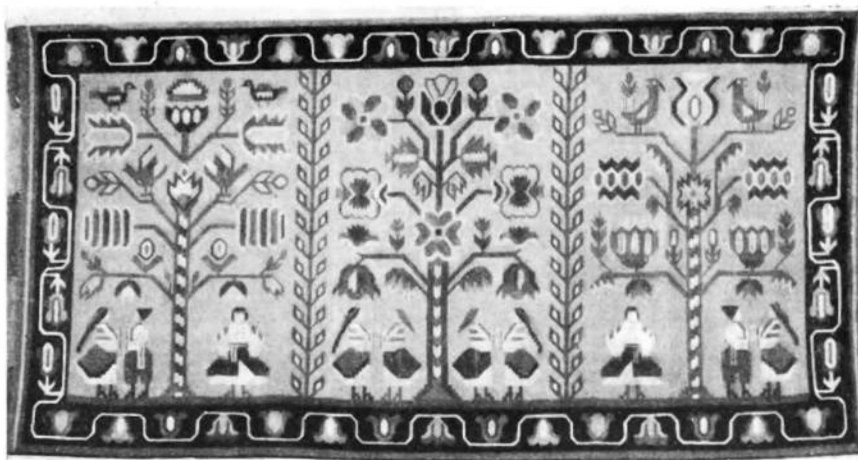
народных мастеров. Ярко выраженный индивидуальный почерк творчества каждого народного мастера при сохранении и дальнейшем развитии специфических черт в произведениях народного искусства стал неотъемлемым признаком современного украинского советского народного искусства. Всемирно известны имена мастеров различных видов народного искусства.

Украинские вышивальщицы из Переяслав-Хмельницкого (1962 г.)

Расцвет творческих сил мастеров украинского народного искусства был обусловлен осуществлением целого ряда мероприятий со стороны Советского правительства и Коммунистической партии УССР. В связи с претворением в жизнь ленинского кооперативного плана в 20-х годах на Украине стали бурно развиваться народные художественные промыслы. В промыслово-кооперативных артелях народные мастера проходили школу коллективного труда, который взаимно обогащал их и давал им возможность создавать произведения искусства, выполнение которых в индивидуальном порядке было немыслимо. Работа в артелях влияла на расширение и обогащение ассортимента художественных изделий.

Прямым результатом перестройки, происходившей в жизни народных мастеров, явилось развитие всех видов украинского народного искусства и в особенности тех его форм, которые были призваны обслуживать новый общественный быт всего советского народа, а также появление тех видов народного искусства, которые были невозможны в условиях капиталистического общества и при единоличном труде кустаря, прятавшего свои производственные «тайны» от своего собрата по труду. Так, например, в начале 20-х годов были впервые созданы декоративные вышитые панно по эскизам Г. Собачко и П. Власенко, а в 30-х годах совместным творческим трудом мастера живописи М. Приймаченко и гончара Я. Герасименко были созданы образцы декоративной расписной посуды, равных которым по художественной ценности еще не знала украинская народная керамика; тогда же мастер декоративной росписи П. Власенко и керамист И. Гончар создали первые вазы с лепным орнаментом, П. Власенко и ковроткачиха Н. Вовк — совершенно новые по типу ковры с растительным орнаментом свободной композиции.

Творческое содружество мастеров различных видов народного искусства содействовало быстрому развитию станковых форм этого искусства. Видное место заняла круглая керамическая скульптура, по своим формам связанная с традиционными фигурными сосудами и керамической игрушкой (ведущее место в этой области занял И. Гончар); тогда же выдви-



М. Сенюк. Ковер шерстяной тканый (Винницкая обл., 1960 г.)

нулся ряд мастеров круглой резьбы (П. Верна, В. Гарбуз, Я. Халабудный, П. Колычев и др.); мастера настенных росписей (уроженцы с. Петриковки Днепропетровской обл. В. и Г. Павленко, П. Глущенко, Н. Белоконь и др.) во главе со своей учительницей Т. Я. Патой явились создателями нового вида украинского народного искусства — декоративной станковой графики. Совместная работа с художниками-профессионалами в 30-х годах привела к появлению в украинском народном искусстве тематического ковра. По эскизам художника Д. Шавыкина ковровщица Н. Вовк и ее ученицы выткали первоклассные тематические ковры. Эта работа положила начало появлению в украинском народном искусстве тематического ковра, создававшегося народными мастерами по собственным эскизам. В 30-х годах народные мастера в содружестве с архитекторами создали монументальные росписи в общественных сооружениях; они же участвовали в работе по художественному оформлению книги, а также в создании нового украинского художественного фарфора.

Воссоединение западных областей Украины (1939) и Закарпатья (1945) с Советской Украиной содействовало дальнейшему развитию украинского народного искусства. Став советскими гражданами, народные мастера воссоединенных областей Украины приняли участие в решении творческих задач, общих всему советскому изобразительному искусству. Начав с введения отдельных мотивов советской эмблематики в орнаментальные композиции, они пришли к созданию сложных тематических композиций во всех видах своего художественного производства: в коврах, в резьбе по дереву, инкрустации по дереву, в ткачестве, керамике и т. д. В творчестве народных мастеров этих областей тоже начали быстро развиваться станковые формы народного искусства. В 1946 г. во Львове был возрожден народными мастерами старинный народный промысел художественного стеклоделия (гутное стекло), а в Косове — производство ворсовых ковров.

В послевоенные годы был создан и ряд новых промыслов: в ковроделии, в художественной обработке дерева, в художественном ткачестве и вышивке. В творчестве народного мастера К. В. Билокур украинское народное искусство получило новую отрасль — декоративную станковую живопись. В с. Петриковке в 1958 г. возник новый промысел

Ф. И. Шкрибляк. Декоративное панно, резьба и инкрустация (Ивано-Франковская обл.,1958 г.)

Е. Я. Клюпа. Пудреницы — подлаковая роспись (с. Петриковка, 1960 г.)

Эскизы росписи

1 — Г. И. Павленко — эскиз росписи ткани, 40-е годы (гуашь);
2—В. И. Павленко — декоративная роспись, 60-е годы (акварель, гуашь)

подлаковой декоративной живописи. Годы после Великой Отечественной войны ознаменовались также широким участием народных мастеров в работе художественной промышленности, в частности фарфоровой промышленности и художественной майолики, в книжно-издательском деле в качестве графиков — оформителей книги и т. д. В то же время художники-профессионалы, работающие в различных отраслях декоративно-прикладного искусства, все чаще начали обращаться к народному искусству как к основному источнику для их творческой работы.

Большую роль в развитии народного искусства и художественной промышленности сыграло создание широкой сети специальных художественно-промысловых училищ, главным образом в местах средоточия народных художественных промыслов, а также Львовского института декоративно-прикладного искусства. Воспитанники этих училищ являются не только хранителями лучших традиций народного искусства. Они развивают эти традиции на новой основе и создают первоклассные произве-

дения подлинно национального украинского народного искусства, которое широко известно во многих зарубежных странах.

Больших результатов достигли и украинские художники-профессионалы. Украинская советская живопись связана с именами крупнейших мастеров портрета, исторического и бытового жанра и пейзажа.

В числе графиков, известных в области книжной иллюстрации, виднейшее место заняли А. Довгаль, М. Дерегус, А. Резниченко, мастер акварельного портрета и пейзажа А. Шовкуненко, офортисты и граверы В. Касиян, Е. Кульчицкая. Хорошо известны работы мастеров театрально-декоративного искусства А. Петрицкого, Ф. Нирода и др.

В области монументальной и станковой скульптуры широко известны работы М. Лысенко, И. Кавалеридзе, А. Ковалева, И. Знобы, И. Гончара, А. Олийника, М. Вронского, в области архитектуры—В. Заболотного, А. Добровольского, А. Тация и др. Союз художников Украины объединяет свыше тысячи художников-профессионалов различных специальностей и большую группу народных мастеров. Подготовка молодых художественных кадров осуществляется в Киевском и Харьковском художественных институтах, во Львовском художественно-полиграфическом институте и в средних художественных училищах.

Лучшие произведения украинского профессионального и народного искусства систематически демонстрируются на областных, республиканских, всесоюзных, зарубежных и международных выставках и хранятся в многочисленных музеях республики, в Государственной Третьяковской галерее в Москве и во многих других художественных музеях СССР.

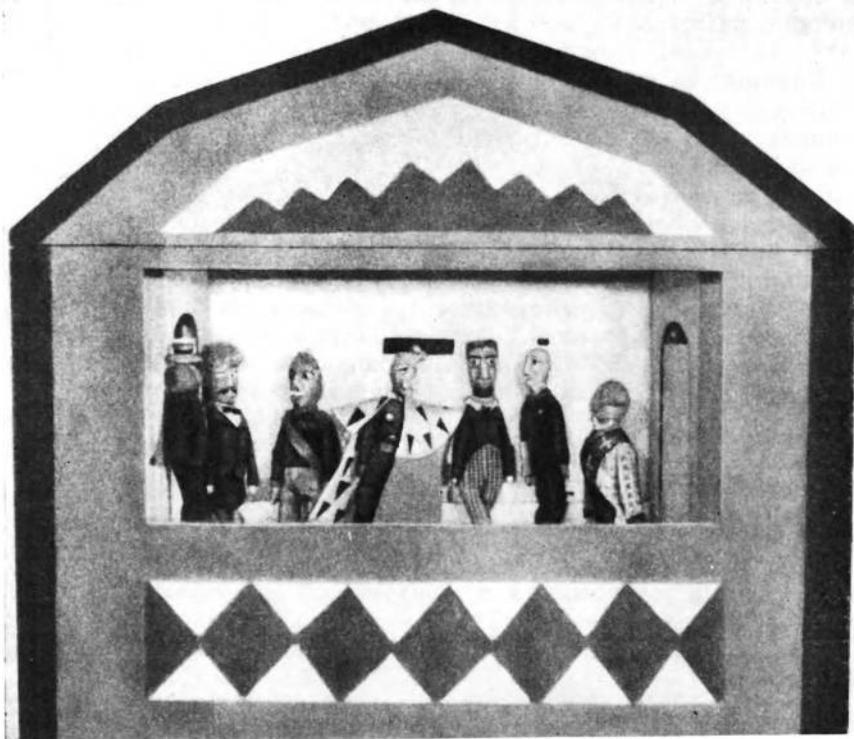
ТЕАТР И КИНЕМАТОГРАФИЯ

Украинский народ имеет многовековую театральную культуру. Истоки театра берут свое начало в народном творчестве. Трудовые песни, игры и танцы сопровождались театрализованными представлениями. Театральные элементы можно отметить в обрядах и прежде всего в украинской свадьбе. Древнейшими видами сценического искусства, послужившими почвой для возникновения украинского театра, явились скоморошьи зрелища, о которых свидетельствуют фрески Софийского собора в Киеве (XI в.), а также *вертеп*, кукольный и живой. Если синкретическое скоморошье искусство породило артиста (*лицедея*) и создало определенную сценическую актерскую технику, то вертеп, существовавший с конца XVI в., закрепил это актерское искусство в форме кукольного представления и создал к первой половине XVII в. основы народной драмы, дошедшие до нас в виде интермедий. Школьная драма и театр,культивировавшиеся в стенах Киево-Могилянской коллегии (с начала XVIII в. переименованной в Киевскую академию), явились дальнейшим этапом в развитии театрального искусства на Украине и оставили нам первые образцы письменной драматургии.

Украинский театр дооктябрьского периода

Кукольный театр—вертеп—пользовался особенной популярностью у массового зрителя. В нем отражался быт украинского народа, изображались жанровые народные сцены, зачастую в острой сатирической форме высмеивались крепостники, клерикалы и другие угнетатели трудящихся масс. Основным действующим лицом вертепа являлся запорожец — положительный герой, борец против иноземных поработителей. Вертеп оказал заметное влияние на становление в украинском драматическом искусстве жанра комедии, отразившей быт народа.

Драматическая самодеятельность широких народных масс послужила почвой для возникновения профессионального сценического искусства в конце XVIII и первых десятилетиях XIX в. Тогда воздвигается ряд



Кукольный «вертеп» (1923 г.)

театральных зданий (Киев, Одесса, Харьков и пр.), в которых гастролировали русско-украинские труппы. Профессиональный украинский театр возник в процессе формирования украинского народа в нацию. Большую роль в развитии украинского театра первой половины XIX в. сыграли И. Котляревский («Наталка-Полтавка» и «Москаль-чарiвник»), Г. Квитко-Основьяненко («Сватання на Гончарiвцi», «Шельменко-денщик» и др.), Т. Шевченко («Назар Стодоля»), а также знаменитые актеры М. Щепкин, К. Соленик и др. Невзирая на указы и циркулярные распоряжения царского правительства (1863, 1876, 1881 гг.), направленные против театральной культуры украинского народа, большой вклад в театральное искусство внесли такие выдающиеся мастера драматического слова и сцены, как М. Старицкий, М. Кропивницкий, И. Карпенко-Карый, И. Франко, Леся Украинка, Н. Садовский, М. Заньковецкая, П. Саксаганский и др. Они выступили подлинными художниками-новаторами. В их драматических произведениях, в актерском и режиссерском искусстве нашли высокохудожественное и реалистическое отображение жизнь украинского народа, его история, язык, быт, национальные черты характера. «Ой, не ходи, Грицю...» и «Маруся Богуславка» М. Старицкого, «Дай серцю волю...» и «Глитай або ж павук» М.Кропивницкого, «Мартин Боруля» и «Хазяiн» И. Карпенко-Карого, «Украдене щастя» И. Франко, «Лiсова пiсня» Леси Украинки и многие другие пьесы являются своеобразной энциклопедией жизни и быта украинского народа.

Достижения украинского театра были настолько убедительны, что о них не могла умалчивать даже реакционная театральная критика, выступавшая с откликами по поводу гастролей украинских трупп в Петербурге и Москве. С искренней любовью относились к украинскому театру в до-

октябрьское время его подлинные друзья — выдающиеся деятели передовой русской театральной культуры. К. Станиславский в 1911 г. писал:

«Такие украинские актеры, как Кропивницкий, Заньковецкая, Саксаганский, Садовский — блестящая плеяда мастеров украинской сцены — вошли золотыми буквами на скрижали истории мирового искусства и ничем не уступают знаменитостям Щепкину, Мочалову, Соловцову, Неделину. Тот, кто видел игру украинских актеров, сохранил светлую память на всю жизнь»[1].

Наряду с профессиональным театром на Украине продолжала развиваться сценическая самодеятельность. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. она воплотилась в формах крестьянского и рабочего театра, что отмечалось в свое время большевистской газетой «Правда».

Украинский театр советского периода

Коммунистическая партия в процессе осуществления культурной революции на основе ленинской национальной политики обеспечила свободное и успешное развитие всех видов национального художественного творчества трудящихся, в том числе и театра.

С первых лет Советской власти на Украине в действующих частях Красной Армии, на фронтах гражданской войны, при фабриках, заводах, на шахтах и рудниках, при рабочих клубах и крестьянских домах, в школах и советских учреждениях возникли многочисленные драматические коллективы. Выдающиеся мастера украинской профессиональной сцены советской эпохи А. Бучма, М. Крушельницкий, М. Марьяненко, Б. Романицкий, Н. Ужвий, Ю. Шумский, Г. Юра и многие др. вышли из любительского театра еще в дооктябрьское время.

Традиции действенной помощи самодеятельному сценическому искусству со стороны мастеров профессионального театра в послеоктябрьское время были не только продолжены, но и расширены в своих масштабах, обогащены по содержанию и разнообразию форм. Широкое развитие получила такая форма помощи, как шефство профессиональных коллективов над самодеятельными драматическими кружками в частях Красной Армии, на предприятиях и в селах.

Репертуар самодеятельных драматических коллективов весьма разнообразен. В первые годы после революции преобладающее место занимала классическая пьеса отечественного и западноевропейского репертуара. Вместе с тем современная тема всегда привлекала самодеятельность. В первые годы репетуар на современные темы состоял из произведений кружковцев и местных начинающих авторов; с развитием советской драматургии — из произведений выдающихся драматических писателей: украинских—М. Кулиша («97», «Комуна в степах»), И. Кочерги («Фея гіркого мигдалю», «Свіччине весілля», «Майстри часу»), И. Микитенко («Диктатура», «Кадри», «Соло на флейті»), А. Корнейчука («Загибель ескадри», «Платон Кречет», «Правда», «В степах України», «Фронт», «Макар Діброва»), Ю. Яновского («Дума про Британку»), Я. Галана («Під золотим орлом»), В. Собко («За другим фронтом»), Н. Зарудного («Веселка») и др., русских (М. Горький, К. Тренев, Вс. Вишневский, Н. Погодин и др.), представителей других национальных литератур Советского Союза, а также пьес современных писателей стран социалистического лагеря и прогрессивных драматургов капиталистических стран. В пьесах советских драматургов отражено все многообразие жизни и быта украинской социалистической нации, ее революционной борьбы за победу Советской власти, за построение социалистического общества, за мир во всем мире.

Наряду с профессиональными и самодеятельными драматическими театрами по-прежнему бытуют на Украине игры («Просо», «Гуси»,

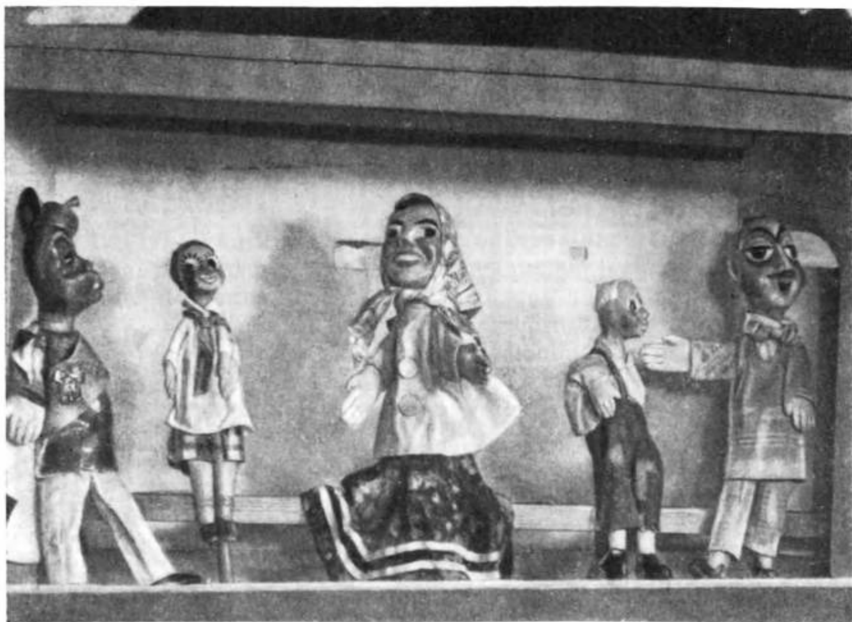
---

[1] К. С. Станиславский. Собр. соч., т. 7. М., 1960, стр. 517.

Народное представление «Коза». Дед и цыган (рисунок Ю. Ю. Павловича, начало XX в.)

«Ворон», «Перепілка», «Мак», «Коструб», «Меланка» и др.) и народные представления («Коза», «Лодка», «Трон», или «Цар Максиміліан» и др.).

Исследование этих игр и представлений убедительно подтверждает наличие в них основных составных элементов театрального действа (диалог и танец в сопровождении музыки, ряжение, коллективность исполнения в присутствии зрителей). Наряду с народными играми и народными представлениями типа «Козы», «Царя Максимилиана» в послеоктябрьское время и даже в послевоенные годы на Украине зафиксировано бытование и такого старинного вида украинского театра, как вертеп (кукольный и живой). Попытки создать самодеятельные кукольные театры относятся еще к первым годам Советской власти и наблюдались в разных местах (Киев, Харьков, Житомир, Прилуки, Межигорье и др.). Наиболее широкой попыткой создания кукольного самодеятельного театра, приспособленного к новым условиям жизни трудящихся и новым, повышенным требованиям рабоче-крестьянского зрителя, является творческая деятельность группы студентов и преподавателей Межигорского (близ Киева) художественно-керамического техникума — любителей кукольного сценического искусства (1923—1924 гг.). Репертуар Межигорского вертепа был рассчитан на взрослую аудиторию. Самым удачным и популярным спектаклем этого театра была постановка антирелигиозной пьесы «Праздник в раю». К тому же времени относится попытка украинского писателя А. Панива модернизировать канонический текст вертепной драмы, приспособив его к современной действительности. В печати была опубликована (и ставилась на самодеятельной сцене) его пьеса «Красный вертеп» («Червоний вертеп»). Наряду с профессиональными государственными кукольными театрами в республике и по настоящее время существуют самодеятельные коллективы, возглавляемые энтузиастами-любителями.



Куклы Межигорского вертепа (1923 г.)

За последние годы в современном украинском театральном искусстве все большее значение приобретают самодеятельные общественные (народные) театры, по своему идейно-художественному уровню и сценическому мастерству приближающиеся к профессиональным драматическим коллективам. Современный самодеятельный театр, характеризующийся сравнительно постоянным составом, имеет в своем репертуаре и образцы классической драматургии и произведения современных советских писателей. Работа самодеятельного общественного театра строится на принципе полной добровольности, без отрыва от производства. Деятельность этих театров (их в республике насчитывается свыше 70) направлена на расширение политического и культурного кругозора самодеятельных артистов, воспитание высоких моральных принципов и эстетических вкусов как у их участников, так и у зрителей. Самодеятельный общественный театр, подготавливая в год не менее четырех-пяти постановок и показывая их в клубах, дворцах культуры, а также на выездных площадках, проводит среди своего состава систематическую учебно-воспитательную работу по повышению идейно-художественного уровня и совершенствованию сценического мастерства на основе богатейшего теоретического и практического наследия отечественной сценической «школы переживания». Народный театр является также образцовым самодеятельным коллективом, опорным пунктом для сети драмкружков того или иного города (или деревни, района), т. е. на территории распространения его практической творческой деятельности. Примерами таких сценических коллективов могут служить самодеятельный общественный театр Дворца культуры завода им. Ф. Э. Дзержинского (Днепродзержинск), возникший в 1928 г. как драматический кружок металлургов и уже отпраздновавший свое двадцатипятилетие, самодеятельный общественный театр Белгород-Днестровского дома культуры (Одесская обл.) и многие др.

Украинское народное сценическое искусство советского времени развивается по пути социалистического реализма. Оно стало важным оружием в борьбе партии и правительства за коммунистическое воспитание широких масс трудящихся средствами искусства сцены, источником

пополнения рядов работников украинских профессиональных театров (которых в республике насчитывается 66), в частности путем отбора самых способных на проводимых олимпиадах и их дальнейшего обучения в театральных учебных заведениях.

Неоднократные встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, состоявшиеся, в частности, за период после XXII съезда КПСС, обмен мнениями о задачах художественного творчества в период развернутого строительства коммунизма, а также пленумы по идеологическим вопросам (1963 г., июньский—ЦК КПСС, июльский—ЦК КП Украины) посвящены проблемам, имеющим принципиальное значение для дальнейшего развития многонациональной социалистической культуры, советской литературы, всех видов искусства в том направлении, которое намечено новой Программой Коммунистической партии Советского Союза. Самодеятельное театральное искусство украинского народа имеет неограниченные перспективы дальнейшего интенсивного развития. Его многочисленные народные мастера и подрастающее поколение имеют все возможности для неуклонного творческого роста, художественного совершенствования во всех видах и жанрах любимого народом искусства драматического слова и сцены.

Кинематография

Первыми украинскими кинокартинами, поставленными в 1909—1913 гг., были экранизации спектаклей национального театра (труппа Н. Садовского), а также фильмы по произведениям классической литературы (поэмы Т. Г. Шевченко «Катерина», повестей Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», «Ночь перед рождеством» и др.).

После Великой Октябрьской социалистической революции началось развитие национального украинского кино.

С первых дней своего существования украинская кинематография становится боевым, активным средством пропаганды революционных идей, искусством, отражающим новую жизнь, борьбу трудящихся масс за построение нового общества.

Выдающимся художественным достижением 20-х годов явились фильмы Г. Тасина «Ночной извозчик», Г. Стабового «Два дня», А. П. Довженко «Арсенал». Режиссерский талант Довженко принес в украинскую кинематографию высокую партийную идейность, поэтическую образность.

Развитие украинского кино протекало в тесной взаимосвязи с развитием киноискусства братского русского народа. Большое влияние на творчество украинских мастеров оказывали лучшие произведения С. Эйзенштейна и В. Пудовкина.

Киноискусство 30-х годов отразило социалистические преобразования, осуществленные под руководством партии и правительства нашей страны. На первое место выдвигается тема социалистического строительства, а главным героем становится человек труда. Наибольшими достижениями украинского кино предвоенных лет явились фильмы А. Довженко «Земля» (1930) и «Щорс» (1939 г.). Исторический жанр представлен картиной «Богдан Хмельницкий» (И. Савченко, 1941 г.).

В годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945) украинские студии совместно с киномастерами среднеазиатских республик создали фильмы, отражающие патриотический подъем советского народа, его ненависть к врагу и стремление бороться за окончательную победу, например «Радуга» (1943 г.), «Непокоренные» (1945 г.) режиссера М. Донского и др.

В послевоенные годы теме минувшей войны были посвящены картины «Подвиг разведчика» (Б. Барнета, 1947 г.) и др. Значительным явлением в украинском кино этого периода был фильм «Тарас Шевченко» (И. Савченко, 1951 г.).

После XX съезда КПСС, поставившего задачу увеличения ежегодного

производства кинофильмов в СССР и повышения идейно-художественного уровня кинопроизведений, работники украинской кинематографии развернули борьбу за выполнение решений съезда. За период с 1956 по 1964 г. на республиканских студиях были поставлены картины, получившие награды на всесоюзных и международных кинофестивалях: «Павел Корчагин» (А. Алов, В. Наумов), «Весна на Заречной улице» (Ф. Миронер, М. Хуциев), «Дорогою ценою» (М. Донской), «Чрезвычайное происшествие», «Киевлянка» (Т. Левчук), «Иванна» (В. Ивченко), «Жажда» (Е. Ташков), «Прощайте, голуби» (Я. Сегаль) и др.

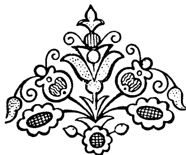
Большой вклад в развитие украинской кинематографии, создавая самобытные неповторимые образы-характеры, внесли известные актеры театра и кино А. Бучма, Н. Ужвий, Ю. Шумский, Г. Юра, И. Марьяненко, М. Крушельницкий, О. Сердюк, С. Бондарчук, С. Шкурат, В. Добровольский и многие др.

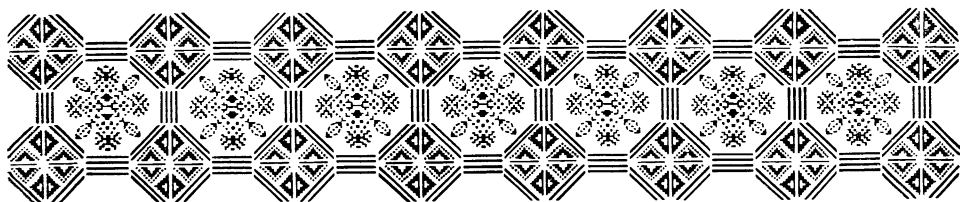
Развитие самодеятельной кинематографии Украины

Наряду с профессиональной кинематографией на Украине развернулось широкое движение кинолюбительства.

В настоящее время при дворцах культуры заводов, фабрик, шахт, при учебных заведениях, клубах колхозов и совхозов Украины насчитывается свыше 300 самодеятельных киностудий, создающих произведения самых разнообразных жанров. Особенно распространены киногазеты и киножурналы. Самодеятельные киностудии работают над киноочерками и игровыми фильмами. Выпускаются фильмы по истории заводов. Самодеятельная кинематография выступает пропагандистом технических знаний и достижений путем создания учебных и инструкторских фильмов.

Движение кинолюбителей с каждым днем становится все шире и шире, в нем выражается характерная для нашего времени тяга миллионов людей к творчеству.





БЕЛОРУСЫ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Белорусы (беларусы) — социалистическая нация, составляющая коренное и преобладающее население Белорусской Советской Социалистической Республики. БССР расположена на западе европейской части СССР. Территория БССР охватывает бассейны верхнего Днепра, Сожа, Западной Двины, Немана, Припяти и частично Западного Буга. Современные границы БССР охватывают всю территорию с преобладающим белорусским населением и в основном совпадают с границами территории расселения белорусов.

В этническом и языковом отношении белорусы вместе с русскими и украинцами образуют восточнославянскую группу славянских народов, связанную единством происхождения, общностью своих исторических судеб, близостью языка и культуры.

По своему хозяйственному укладу и культурно-бытовым особенностям белорусы однородны в силу компактности заселения занимаемой ими территории. Ярко очерченных этнографических групп, отличающихся местными особенностями и образовавшихся в связи с историей расселения или с другими обстоятельствами исторического развития, у белорусов не наблюдается. Из общей, относительно однородной массы белорусов несколько выделяется часть белорусов-полещуков, населяющая Пинское Полесье и юго-западные районы Брестской обл.,—так называемые пинчуки и брещуки. Всех полещуков объединяет с остальной массой белорусов языковая и культурная общность (в основном общий тип жилища, одежды, одинаковая обрядность и т. д.). Географические условия Полесья (сильная заболоченность и лесистость), а также причины социально-экономического характера способствовали лишь более длительному сохранению в общественном быту, в материальной и духовной культуре белорусов-полещуков архаических элементов. В говоре этой группы белорусов отмечаются некоторые фонетические черты, свойственные украинскому языку. Языковое взаимовлияние можно наблюдать в смежных районах обоих этнически родственных народов. На других окраинах белорусской этнической территории в говоре и в отдельных элементах культуры местного белорусского населения также заметно влияние соседей: на севере и востоке — русских, на западе — поляков-мазовшан, на северо-западе — литовцев и латышей. С другой стороны, у русских Псковской, Смоленской и Брян-

ской областей, у украинцев северной лесной полосы, у поляков Забужья и Мазовша, у восточных литовцев и у латгальцев заметны белорусские влияния. В настоящее время с развитием белорусской социалистической нации полещуки и отдельные смешанные группы, находящиеся в пределах БССР, консолидируются с основной массой белорусского народа, утрачивая местные бытовые особенности. Значительно устойчивее сохраняются отдельные диалектные черты в языке.

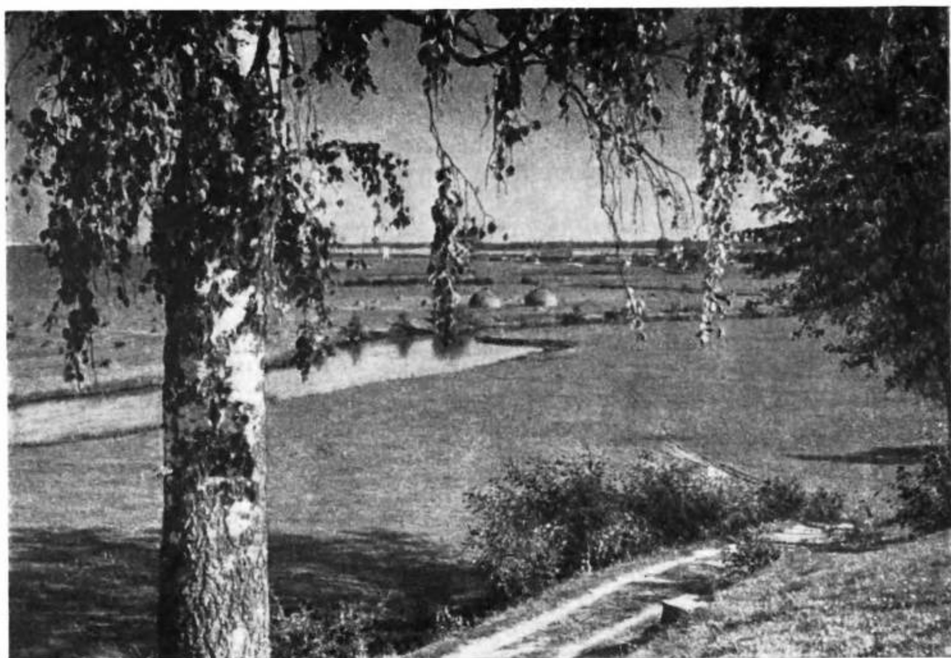
Свое имя белорусы получили от названия искони населяемой ими территории (западные области Руси), которая, особенно со второй половины XIV и начала XV в., упоминалась в письменных памятниках под наименованием Белая Русь.

Относительно происхождения названия Белая Русь в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего встречается толкование наименования Белая Русь путем сопоставления его с названием Черная Русь, которым обозначалась часть западной древнерусской территории с городами Новгородком, Слонимом, Здитовым, Волковыском и Гродно, захваченная литовскими князьями ранее других частей западной Руси. Предполагается, что Белой Русью в XIII в. стали называть остальную часть западной Руси, еще свободную в то время от власти литовских князей-завоевателей и не покоренную татарами. В этом смысле Белая Русь могла означать Вольную Русь. По одному из новейших толкований происхождение рассматриваемых топонимов ставится в зависимость от распространения христианства в западных областях Руси: Белой Русью якобы стали называть те русские земли, в которых ранее утвердилась новая, христианская религия, а Черной Русью — земли, где дольше сохранялось язычество.

Население Белоруссии в период господства литовских и польских феодалов именовало себя, а также свой язык и свою православную веру «руськими», выражая тем самым сознание своей родственной близости и духовного единства с населением остальных областей Руси. Название «белорусы» становится более употребительным после воссоединения Белоруссии с Россией в конце XVIII в., главным образом в русской научной и публицистической литературе. Начиная с царствования Алексея Михайловича (1645—1676 гг.), термин Белая Русь входит в титул русских царей, именовавших себя «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцами». Позднее царизм, проводивший политику национального угнетения и опасавшийся «сепаратизма», запретил употребление названий «Белоруссия» и «белорусы». После 1840 г. Белоруссию официально именовали Северо-Западным краем, а белорусов — русским населением Северо-Западного края, западнорусами или просто русскими. Эта политика сказалась, в частности, в том, что до Великой Октябрьской революции часть белорусов продолжала называть себя русскими или литвинами, а многие белорусы-католики, смешивая вероисповедание с национальностью, называли себя поляками.

Слово «белорусы» как самоназвание народа становится широко распространенным только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда белорусский народ при помощи великого русского народа и других братских народов, под руководством Коммунистической партии освободился от социального и национального гнета и впервые в истории получил государственную самостоятельность, создав свою Белорусскую Советскую Социалистическую Республику.

Белорусский язык на всей территории его распространения сравнительно однороден. Юго-западные, северо-восточные и промежуточные центральные или среднебелорусские говоры, объединенные общностью грамматического строя, мало отличаются друг от друга и являются тремя основными диалектными массивами белорусского общенационального языка. Юго-западные говоры характеризуются наличием твердого *р*, усиленным аканьем в центральных районах, появлением дифтонгов *уо*, *іе* к югу, начиная с некоторых центральных районов, отсутствием окончания *ць*



Долина реки Свислочь

в формах третьего лица единственного числа глаголов (*ідзе*, *едзе*, *прыдзе*); северо-восточные говоры наряду с твердым знают и мягкое *р*, умеренное (диссимилятивное) аканье, наличие окончания *ць* в глаголах (*ідзець*, *едзець*, *прыдзець*) и т. д. Среднебелорусские говоры являются переходными между двумя первыми.

Развитие языковой общности, формирование общенародного языка явилось одним из важнейших факторов образования белорусской народности. Е. Ф. Карский считал, что важнейшие особенности белорусского языка в той или иной мере существовали уже в XIII в. В древних памятниках письменности выявлены важнейшие черты общенародного белорусского языка — твердое *р* (известен с XIV в.), дзеканье, цеканье и аканье (с XV в.). Ф. Энгельс признавал существование белорусской народности и белорусского языка в Великом княжестве Литовском[1], т. е. уже с конца XIV в.

В процессе формирования белорусской буржуазной и особенно социалистической наций и выработки единого литературного языка различия между местными диалектами все более стирались. Одновременно с этим широкое распространение в Белоруссии, особенно в городах, получил русский язык. Белорусская письменность издавна пользуется русским алфавитом.

Официальной религией преобладающего большинства белорусов, так же как русских и украинцев, было православие. В конце XIX—начале XX в. среди белорусов было приблизительно 75% православных и 25% католиков (главным образом в юго-восточных уездах Виленской и северо-западных уездах Гродненской губернии, а также в восточной части Ново-Александровского уезда Ковенской губ.). На территории Белоруссии христианство в форме византийского православия стало распространяться после крещения Руси, с конца X в. Польские магнаты и шляхта, вдохновляемые Ватиканом, поработив белорусский народ, стремились

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 163.

насильственно обратить его в католичество, промежуточной ступенью к которому являлась уния, ликвидированная только в 1839 г. В насаждении и укреплении унии и пропаганде католицизма в Белоруссии активно действовали иезуиты и другие монашеские католические ордены, применявшие для достижения своей цели насилие, подкуп и обман.

Озеро Долгое (Витебская обл.)

В упорной многовековой борьбе против шляхетско-католической агрессии белорусский народ отстоял свой язык, древние обычаи и особенности культуры, сознание своего кровного родства с русскими и украинцами, что спасло от денационализации и ту часть белорусского народа, которой был навязан католицизм, не внесший, однако, заметных изменений в быт и культуру народа. Знаток белорусского народного быта, этнограф Е. Р. Романов в начале XX в. отмечал, что многие тысячи белорусов под влиянием духовного и материального гнета перешли в католичество, называя эту веру «польскою», но стоит только «событиям жизни затронуть струны души народной — и из глубины ее извлекаются тысячи звуков, тысячи песен, громко свидетельствующих, что переход в католичество не изменил народного лика и почти не повлиял на народную душу»[1].

Многовековая и богатая история белорусского народа насыщена яркими эпизодами борьбы за национальную независимость и социальное освобождение, самобытную многогранную культуру.

Этногенез белорусов, как и остальных восточнославянских народностей, имеет свою особенность. Эти народности образовались не путем непосредственной консолидации племен или племенных союзов, а на основе сложившейся древнерусской народности. Формирование отдельных восточнославянских народностей, в том числе и белорусской, происходит после распада единства Древней Руси.

В условиях феодальной раздробленности древнерусские земли оказались под ударами татаро-монгольских и немецких захватчиков. С середины XIII в. начало складываться Литовское государство. Использовав тяжелое для Руси время — ее упорную борьбу против татаро-монгольских завоевателей, литовские князья в XIII — первой половине XIV в. захватили ее западные земли. На этой территории, политически оторванной от северо-восточной Руси, на основе западной части древнерусской

---

[1] Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 7. Вильна, 1910, стр. IV.

народности, начала формироваться белорусская народность. Она сложилась в течение XIV—XVI вв. на территории Турово-Пинской, Берестейской, Гродненской, Полоцкой, Минской, Витебской и части Смоленской и Черниговской земель, оказавшихся в пределах Великого княжества Литовского.

Складывание белорусской народности обусловливалось экономическим развитием Белоруссии в XIV—XVI вв., ростом торговли и экономических взаимосвязей отдельных земель, в котором особая роль принадлежала городам. К XVI в. такие белорусские города, как Полоцк, Могилев, Витебск, Минск, Гродно, Пинск, Брест и другие, стали крупными хозяйственно-ремесленными, торговыми, административными и культурными центрами.

Наряду с развитием экономических связей большую роль в процессе формирования белорусской народности играло сплочение народных сил отдельных земель в общей борьбе против нападений иноземных захватчиков.

При сохранении многих общедревнерусских черт сложились белорусские народные особенности в типах жилища, его внутреннего убранства и домашней утвари, в одежде, пище, обрядах и обычаях, в художественном творчестве, фольклоре.

Формируясь в народность, белорусы создали богатую культуру; появились талантливые писатели, ученые, зодчие, художники, мастера народного творчества. В первой четверти XVI в. в Белоруссии появляется книгопечатание, возникновение которого связано с именем белорусского первопечатника и просветителя Георгия Скарины. Издания Скарины получили широкое распространение в Русском государстве и в других славянских странах. Выдающуюся роль в развитии белорусской культуры сыграли Василий Тяпинский, Сымон Будный, братья Мамоничи, Симеон Полоцкий, деятельность которого оставила заметный след также в культурной жизни русского и украинского народов, и др. Их книги на белорусском языке были важным средством развития просвещения и борьбы с шляхетской польско-католической реакцией.

С конца XVII в. дальнейшее развитие письменной литературы на белорусском языке замедлилось. Государственным языком на территории Белоруссии вместо белорусского стал польский, активно воспринимавшийся белорусской аристократией, которая переходила в католичество и в значительной степени ополячивалась.

Только народные массы сохранили белорусский язык и продолжали создавать произведения устного творчества, выражая в них свои чаяния и надежды, свою ненависть к польским и «своим» феодалам, стремление к воссоединению с братским русским народом.

На всем своем историческом пути белорусский народ непрерывно вел ожесточенную борьбу против угнетателей. В памяти народа сохранились имена мужественных руководителей народных восстаний Северина Наливайко (XVI в.), Стахора Митковича, Ивана Шенени (XVII в.), Василия Вощилы (XVIII в.), Кастуся Калиновского (XIX в.) и др.

Развитие национального самосознания заметно усиливается в период становления и развития капитализма в связи с завершением процесса складывания белорусской буржуазной нации. Большой подъем национального самосознания белорусов был вызван первой русской революцией 1905—1907 гг.

В октябре 1917 г. трудящиеся России, руководимые Коммунистической партией, свергли власть буржуазии и помещиков и установили власть Советов. 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика.

На территории западных районов Белоруссии, почти двадцать лет (1920—1939 гг.) находившихся под игом буржуазно-помещичьей Польши,

Холмские ворота Брестской крепости

угнетатели тщетно пытались вытравить у народа сознание его национальности и лишить его права называться собственным именем.

Существование Белорусской ССР, успешное осуществление в Советском Союзе ленинской национальной политики оказали мощное влияние на рост национального самосознания белорусов западных областей. Они неустанно боролись за свое освобождение и за воссоединение со своими единокровными братьями в единой Белорусской Советской Социалистической Республике. После освобождения Советской Армией западных областей Белоруссии и западных областей Украины осенью 1939 г. весь белорусский народ воссоединился в едином Белорусском Советском государстве.

Белорусский народ внес большой вклад в общее дело разгрома германского фашизма. В великой битве прославили себя сыны и дочери белорусского народа Николай Гастелло, Константин Заслонов, Лев Доватор, Феодосий Смолячков, Михаил Сильницкий, Тихон Бумажков, Минай Шмырев, Вера Хоружая и многие др. Белорусский народ дал миру Георгия Скарину, Симеона Полоцкого, Янку Купалу, Якуба Коласа и многих других выдающихся деятелей культуры, писателей, художников, композиторов, мастеров сцены, ученых. В настоящее время белорусы составляют одну из крупных социалистических наций Советского Союза.

За годы Советской власти Белоруссия превратилась в цветущую республику с высокоразвитой промышленностью, передовым социалистическим сельским хозяйством и богатой культурой.

БССР, как и УССР, является одним из учредителей и активных членов Организации Объединенных Наций. Республика на международной арене находится в первых рядах борьбы за мир, демократию и социализм.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА

Дореволюционная Белоруссия была аграрной окраиной царской России. Уровень развития сельского хозяйства был невысоким. Землевладение в Белоруссии вплоть до Октябрьской революции сохраняло остатки крепостничества (крупные помещичьи латифундии, отработки, сервитуты и проч.). По данным 1917 г., в Витебской, Минской и Могилевской губерниях более 65% земли, притом лучшей, находилось в руках помещиков и казны. У подавляющего большинства крестьян были мизерные наделы земли, преимущественно худшей (песчаной и заболоченной), и они влачили нищенское существование. Это вынуждало крестьян на кабальных условиях отработок арендовать у помещиков земельные участки. В. И. Ленин отмечал: «Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре и во всей общественной жизни»[1].

Состояние сельского хозяйства до Великой Октябрьской социалистической революции

В конце XIX — начале XX в. в белорусской деревне господствовало наследственное подворное землевладение и землепользование. Только в Могилевской губ. и в большинстве уездов Витебской губ. преобладающая часть крестьянской земли еще находилась в общинном владении, но развитие капитализма и здесь неуклонно подтачивало и разрушало общинный строй. В конце XIX в. даже в местах наибольшего распространения

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 125.

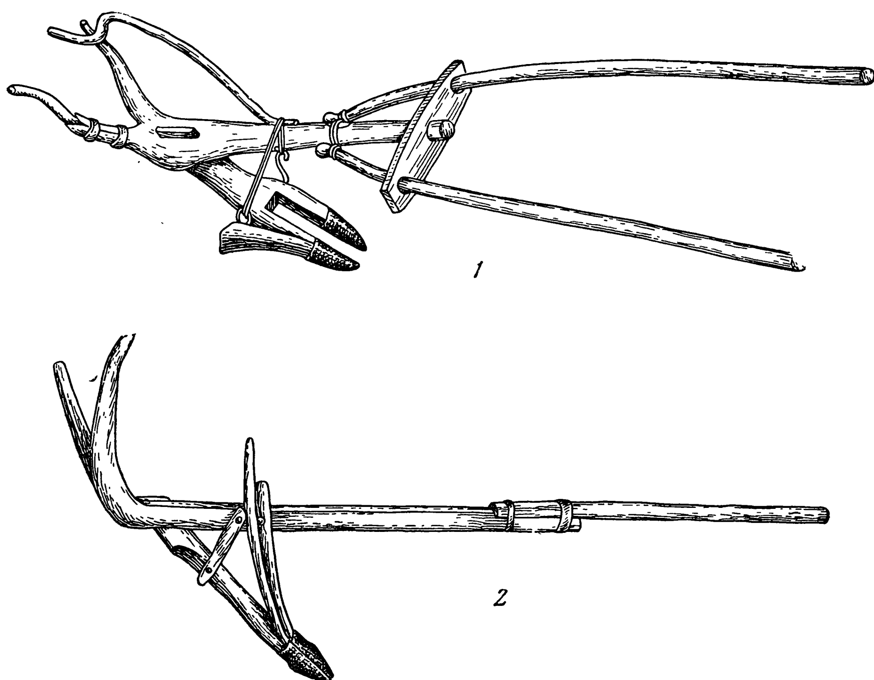
общины она находилась на стадии разложения. Разрушение сельской общины в Белоруссии довершила столыпинская реформа. Однако пережитки общинных отношений в общественном быту деревни продолжали сохраняться. В частности, для общественного быта и производственной деятельности белорусского крестьянства оставалась характерной *талака* — форма взаимной и бесплатной соседской помощи в хозяйственных работах. В феодальную и капиталистическую эпоху обычай толоки часто служил замаскированной формой эксплуатации крестьян помещиками, кулаками и духовенством. Народ сложил поговорку: «Прасіў пан на талаку, а не пойдзеш — і за лоб павалаку». Пережитком общинных отношений были и общие для всей деревни выгоны.

Опутанная остатками крепостнических отношений основная масса крестьянских хозяйств Белоруссии не могла выбраться из средневековой хозяйственной отсталости. После реформы 1861 г. в сельском хозяйстве Белоруссии стали быстрее развиваться капиталистические отношения. Сельское хозяйство все более укрепляло свои связи с рынком, принимало товарный характер. Развитие капитализма в деревне сопровождалось классовой дифференциацией крестьянства, особенно усилившейся в период проведения столыпинской реформы. В белорусском крестьянстве в конце XIX — начале XX в. обозначались резкие контрасты: с одной стороны — масса малоземельной и безземельной бедноты, с другой — зажиточная, кулацкая верхушка, жестоко эксплуатировавшая разорявшееся крестьянство и батраков. Кулаки владели большими участками надельной и купчей земли, основной массой лошадей и скота и занимались производством товарного хлеба, мяса и молока. Часть кулаков вводила новые агротехнические приемы и орудия труда.

Особенностями помещичьего землевладения и хозяйства в белорусских губерниях являлись крупные поместья товарного характера, развитие промышленных предприятий при них (винокуренные заводы — *бровары*, лесопилки, лесная торговля и т. д.), бесчеловечная эксплуатация и закабаление деревенской бедноты. Преобладающую роль в сельском хозяйстве Белоруссии с древних времен играли полеводство и связанное с ним животноводство. Основными сельскохозяйственными культурами были рожь (преимущественно озимая), пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха, горох. Огородничество, садоводство, пчеловодство имели второстепенное значение. С развитием капитализма значительно увеличились посевы картофеля, а также технических культур: льна и конопли. Кукуруза имела некоторое распространение в южных уездах, преимущественно как огородная культура.

В земледелии как в крестьянских хозяйствах, так и в большинстве помещичьих имений господствовала трехпольная система. Малоземельные крестьянские хозяйства практиковали и двухполье: на одном поле сеяли озимые, а на другом — яровые культуры. Только в многоземельных хозяйствах, перешедших к производству на капиталистических началах, наиболее предприимчивые владельцы — помещики и кулаки для увеличения товарной продукции вводили четырехпольную и многопольную систему севооборота.

Основным пахотным орудием белорусов на протяжении всей феодальной эпохи была соха. В XIX в. в Белоруссии были известны два основных вида сохи: полесская (или *литовская*) — для парной воловьей упряжки и одноконная соха с перекладной полицей. Полесская соха была распространена в южной Белоруссии и на Волыни. Это было относительно массивное деревянное орудие. Связующей частью всех ее деталей служил рогач, на одном конце которого оставлялись два естественных отростка, являвшиеся ручками, а на противоположном конце прикреплялось ярмо для парной воловьей упряжки. На небольшом расстоянии от ручек в рогач вставлялась изогнутая двурогая доска (*рассоха* или *саха*). На

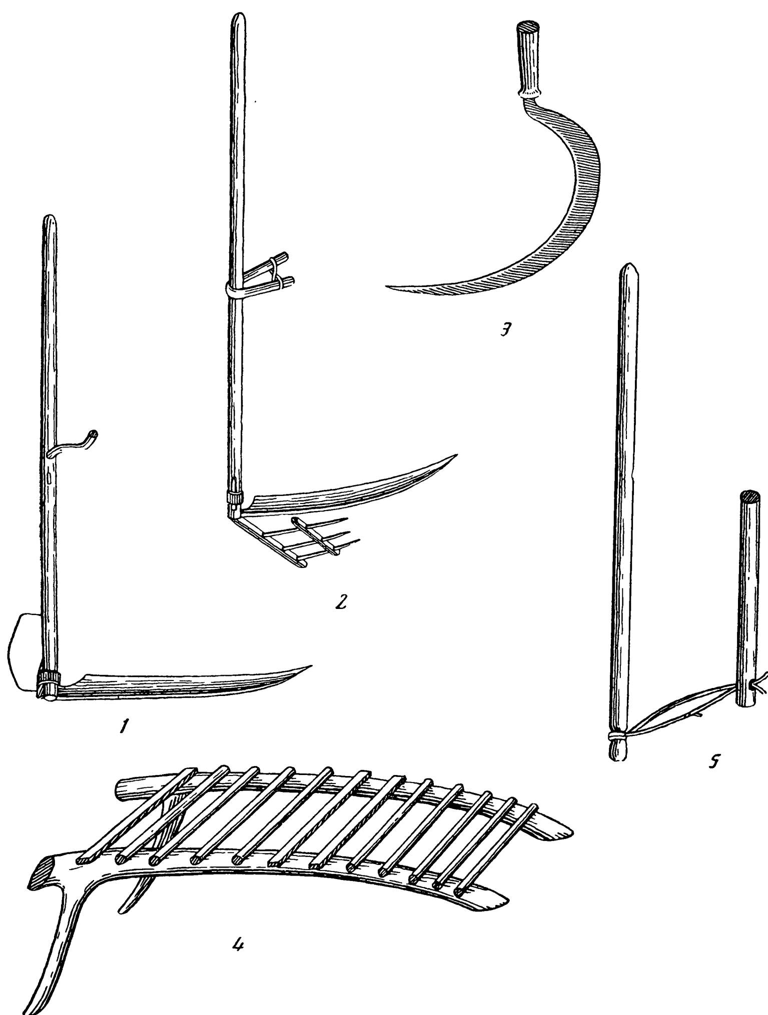


Деревянные сохи со стальными нарогами (XIX в.)
1 — северные районы, *2* — юго-западные районы

нижние концы рассохи (*рогі*) надевались железные наконечники (*нарогі*, *ральнікі*, *сашнікі*). Левый сошник ставился под тупым углом к правому, и, таким образом, пласт земли отваливался вправо, как при вспашке плугом. Соха с *пярэкладкай* была известна в северной части Белоруссии. Она приспосабливалась к одноконной упряжке и имела несколько отличное от полесской сохи устройство рабочей части. Оба ее сошника часто были одинаковой формы и постановки. В таких сохах для отвала земли укреплялась только деревянная либо металлическая лопатка, которая нередко при работе перекладывалась с одного сошника на другой. Для окучивания картофеля употреблялась однозубая сошка с двумя отвалами — крыльями. Для поднятия целины в северо-восточной Белоруссии применялся *резак*, или *отрез*, имевший такое же устройство, как и перекладная соха. В отличие от сохи вместо сошной доски в резаке укреплялся нож. При поднятии целины сначала проезжали с резаком, а затем разрезанную на пласты землю вспахивали сохой.

Соха сохраняла преобладающую роль в хозяйстве и в капиталистическую эпоху. В 1910 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях только четверть крестьянских хозяйств имела железные плуги, все остальные хозяйства обрабатывали землю сохой или деревянным плугом.

После вспашки земля взрыхлялась бороной. Наиболее древними типами бороны были *суковатка* и *смык*, применявшиеся в XIX в. главным образом при разработке *ляда*. Суковатка, или *вершаліна*, представляла собой срубленную вершину крепкого дерева, укороченные и заостренные суки которого служили зубьями. Смык состоял из нескольких суковатых еловых обрубков длиною около метра, стесанных с одной стороны и скрепленных горизонтально. Широко была известна в Белоруссии плетеная борона, основу которой составляла дугообразно согнутая дубовая жердь. Вдоль и поперек бороны укладывались попарно тонкие деревянные прутья. В клетки-гнезда, образовавшиеся при пересечении прутьев, вставлялись деревянные, обычно дубовые, зубья—*клецы*, которые укреплялись



Сельскохозяйственные орудия (XIX—начало XX в.)

1 — коса стальная с деревянной ручкой (Витебская губ.), *2* — коса с грабельками (Витебская губ.), *3* — серп стальной с деревянной ручкой (Витебская губ.), *4*— отбивальня деревянная (Могилевская губ.), *5*— цеп (Витебская губ.)

віцuём из тонких лозовых прутьев. В северо-восточной Белоруссии почва взрыхлялась бороной, сколоченной из двух, четырех или пяти деревянных брусков с дубовыми зубьями. Позднее деревянные зубья стали заменять железными, и в таком виде эта борона стала вытеснять плетеную. В начале XX в. этот тип бороны получил распространение по всей Белоруссии.

Необходимыми орудиями белорусского крестьянина были деревянные вилы (*сахор*) с двумя железными наконечниками-лемешками для уборки навоза в хлевах. Во второй половине XIX в. сахор повсеместно был вытеснен железными вилами. Для сбрасывания навоза с телеги служил *крук*, или *скапыч* — деревянная палка с двумя сучками на конце, замененный позднее железным двузубым крюком.

Сеяли вручную из лукошка (*сяўні*, *сявенькі*, *сявалкі*). Все зерновые культуры жали серпом. Только при плохом урожае или обилии сорняков их косили. После сушки снопов в копнах их свозили в гумно. На северо-востоке Белоруссии снопы перед молотьбой дополнительно сушили в специальных сушилках (*осецях* или *ёўнях*). Двухэтажные осети по своему

типу близки русским овинам. Одноэтажные евни обогревались, как правило, глинобитной печью, которая ставилась в том же помещении, где и снопы. В юго-западной части Белоруссии, где климат более теплый, молотить начинали сразу после сушки снопов в копнах, которые ставились на *азяродах* (сооружение из суковатых кольев и жердей). Молотили вручную *цапамі*. В наиболее богатых крестьянских хозяйствах в конце XIX в. стали появляться ручные молотилки и молотилки с конным приводом. Обмолоченное зерно веяли с помощью ручной веялки, или *шуфліка* — деревянного совка на сравнительно короткой ручке.

Белорусский крестьянин в своей сельскохозяйственной практике руководствовался многовековым опытом и знанием окружающей его природы, почвенного и растительного покрова, климатических условий края. Эти неписаные народные агрономия и метеорология в виде разного рода примет передавались из поколения в поколение. В результате создались целые системы примет, которые связывали различные явления. Так, например, по природным условиям зимы крестьянин мог судить о перспективах урожая.

Отсталая сельскохозяйственная техника, малоземелье, острый недостаток удобрений, плохая обработка земли, полное отсутствие научной агротехники приводили к истощению почвы и низким урожаям. Если еще учесть тяжелый налоговый гнет, засилье помещиков и кулаков, бесправие, то станет очевидной невыносимость положения деревенской бедноты. В. И. Ленин так характеризовал положение этого слоя крестьян: «И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»[1].

В хозяйственной жизни белорусского крестьянина в значительной степени соблюдалось половозрастное разделение труда. На мужчин возлагались определенные полевые работы: обработка почвы под посев, сев, кошение сена, «метание» стогов и т. д. Женщина выполняла другую часть полевых работ: жатву, сушку и уборку сена. Женщина обрабатывала и огороды. Молотьбой и провеиванием зерна после молотьбы занимались в равной мере как мужчины, так и женщины. Рано приучались к полевым работам и крестьянские дети. Как мальчики, так и девочки в возрасте от 8 до 15 лет пасли птицу и мелкий скот. Отцы приучали своих сыновей примерно с пятнадцатилетнего возраста пахать, боронить, косить и т. д. Девочки с раннего возраста привыкали к ведению домашнего хозяйства и рукоделию.

В быту белорусского крестьянина были распространены различного рода верования, обряды и суеверия. Характерной особенностью белорусских народных верований и обрядов в том виде, в каком они были зафиксированы еще в конце XIX — начале XX в., является переплетение обрядов христианской религии с более древними аграрно-бытовыми верованиями и магическими действиями. Особую роль играли обряды и праздники, связанные с хозяйственной деятельностью народа, в первую очередь с земледелием. Первоначальное назначение таких обрядов было связано со стремлением обеспечить обильный урожай и богатый приплод скота. Среди этих праздников и обрядов календарного годового цикла у белорусов особенно выделялись колядование и щедрование — театрализованные представления на святках с исполнением величальных песен и с ряжением («каза», «кабыла», «журавель», «цыган», «дзед»); закликание (*гуканне*) весны, начинавшееся обычно с благовещения и сопровождавшееся хороводными играми (*страла*, *пляцень*); волочебный обряд в первый день пасхи, заключавшийся в хождении ватаг *волочебников* (*валачобнікаў*, *ралешнікаў*, *лалоўнікаў*, *хрыстоснікаў*), исполнявших особые

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 64.

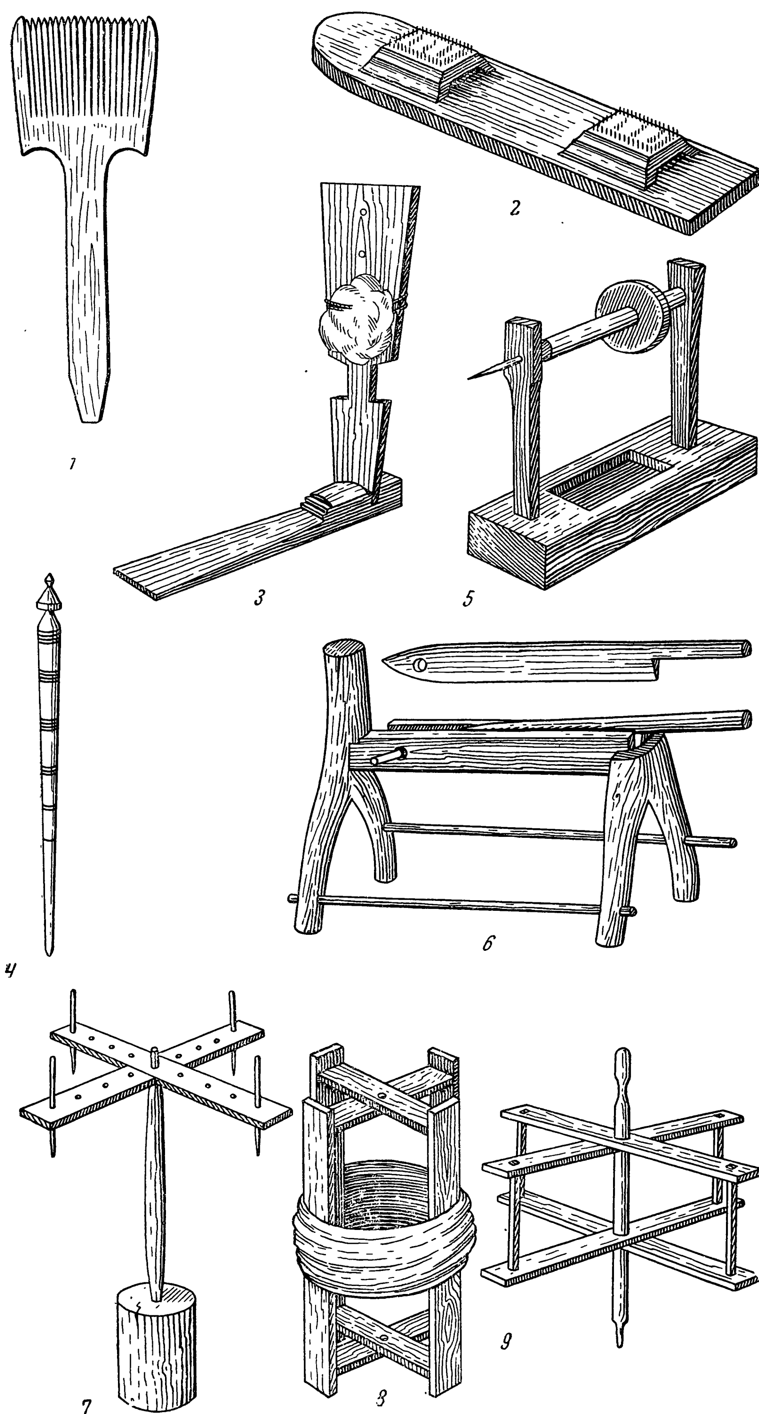
Аисты

величальные (*валачобныя*) песни, специфичные для белорусской обрядовой поэзии; обрядовый выгон скота в Юрьев день (*на юраўскую расу*); троицко-русальный цикл обрядов, связанный с обеспечением урожая и представлениями о русалках. Все эти обряды сопровождались украшением дворов, хат, церкви, колодцев молодыми березками, кленовыми ветками и аиром, а также весенними хороводными играми. Чрезвычайно богатая купальская обрядность («Купалле», «Купайла») в ночь с 23 на 24 июня по старому стилю сохранялась вплоть до Октябрьской революции повсеместно в Белоруссии, за исключением крайних юго-восточных районов; основными обрядовыми моментами здесь были разведение костров, прыганье через огонь, сжигание старых колес, поднятых на шест, а также смолы, завивание венков и гаданье с ними, обрядовое купанье в росе, собирание целебных трав. С купальской обрядностью было связано и распространенное среди белорусов поверье о цветении в купальскую ночь папоротника — цветка счастья, якобы открывающего клады. Кроме того, отмечались *зажынкі* и *дажынкі*, связанные с началом и окончанием жатвы.

В капиталистическую эпоху многое из древних верований и обрядов, связанных, в частности, с поклонением силам и явлениям природы, стерлось и исчезло. Некоторые из древних обрядов и верований утратили свое первоначальное магическое значение, превратились в традиционные праздничные увеселения, как, например, колядные обряды, обряды купальской ночи и др. Элементы христианской религии в обрядах занимали незначительное место. Многие христианские праздники слились с древними языческими земледельческими праздниками: рождество — с *калядами*, пасха — с *вялікаднем*, троица — с *сёмухай*.

В начале XX в. в ряде помещичьих имений и в наиболее богатых кулацких хозяйствах начали внедряться более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. В 1910 г. в помещичьих имениях Белоруссии насчитывалось 2840 усовершенствованных пахотных и 6248 рыхлительных орудий. Кроме того, в помещичьих и кулацких хозяйствах имелось около 4 тыс. сеялок, около 4 тыс. жатвенных машин, более 17 тыс. молотилок (в том числе около 14 тыс. конных и более 500 паровых), более 200 тыс. веялок, более 2 тыс. сенокосилок и почти 4 тыс. конных грабель.

Огородничество, известное в Белоруссии с давних пор, у большинства крестьян было подсобной отраслью хозяйства. Под огород отводился небольшой участок земли, на котором выращивали самые необходимые овощи: свеклу, лук, огурцы, морковь, редьку, картофель, капусту; сеяли



Прядение и ткачество. Орудия обработки волокна (XIX—начало XX в.)

1 — гребень деревянный, *2* — щетка для льна, *3* — прялка деревянная, *4*—веретено деревянное, *5* —*сукайло* деревянное на железной оси, *6* — мялка деревянная для конопли, *7—9* — мотовило деревянное для перемотки пряжи

также коноплю, лен, мак, горох, фасоль, бобы, иногда выращивали табак. Товарный характер огородничество стало приобретать в конце XIX в. только в городах и пригородных деревнях. Садоводство было слабо развито не только у крестьян, но и у помещиков, хотя климат Белоруссии благоприятствовал разведению садов. Фруктовые сады были распространены в основном на территории Гродненской губ. В садах преобладали яблони, груши, сливы, вишни, кусты красной и черной смородины, малины, крыжовника.

Наряду с земледелием в крестьянском хозяйстве белорусов значительное место занимало животноводство. Оно обеспечивало крестьянина тягловой рабочей силой, продуктами питания, удобрением, а также шерстью для одежды и кожами для изготовления упряжи и обуви.

В сельском хозяйстве с развитием капитализма возрастало не только товарное земледелие, но и товарное животноводство. Многие помещики, учитывая запросы рынка, превращали свои имения в специализированные молочные хозяйства. В ряде мест Полесья животноводческий уклон придавали своему хозяйству и кулаки. В связи с этим в пореформенный период значительно возросло поголовье скота. Так, с 1864 по 1900 г. общее поголовье скота в пяти белорусских губерниях[1] возросло на 89%. Крестьянская беднота из-за недостатка земли, лугов и пастбищ не имела возможности развивать животноводство. Кроме крупного рогатого скота, в крестьянских хозяйствах откармливали свиней и овец. Из домашней птицы держали кур. Гусей разводили главным образом в помещичьих хозяйствах, а крестьяне держали только там, где поблизости был естественный водоем.

Охота и рыболовство. Крестьянские промыслы

Сельское хозяйство, являясь исконной основой производственной деятельности белорусских крестьян, полностью не обеспечивало их средствами существования. Подсобную роль играли различные промыслы и ремесла, служившие подспорьем в жизни крестьянина. В Белоруссии различного рода ремесла и промыслы известны с давнего времени. С развитием капитализма и проникновением товарно-денежных отношений в деревню изменились значение и характер ремесел и промыслов. Многие из них пришли в упадок или исчезли. Исчезли, например, местные промыслы по выделке железа и стекла — различного рода *рудни* и *гуты*, производство поташа и проч. Заметно уменьшилось распространение домашнего ремесла (ткачества, гончарного дела, колесного и бондарного). В само ремесло проникают капиталистические отношения. Появляются скупщики готовой продукции. После реформы 1861 г. широкое развитие в Белоруссии получило отходничество.

Древними и распространенными промыслами в Белоруссии, богатой лесами и водоемами, были рыболовство и охота. Рыболовство имело промысловое значение только на основных белорусских реках (Днепр, Западная Двина, Припять, Неман, Березина и др.) и озерах (Нарочь, Красное, Споровское и др.). В зависимости от характера водоема, от сезона и повадок той или иной породы рыб существовали разные орудия и способы лова. На крупных реках и озерах рыбу ловили неводом, использовались также сети-*тригубицы*, ставные снасти-западни: мережи, вентери и др. Ночью, особенно весной, выезжали на челнах бить рыбу острогой (*остями*). Для приманки сомов по воде ударяли так называемым клоком — специальной палочкой в форме козьей ножки. Для лова рыбы делались также запруды (*закоты*, *язы*) из кольев, лозы и сетей. На малых реках Белоруссии был широко распространен лов раков.

В огромных белорусских лесах издавна водился такой ценный пушной зверь, как куница. В пущах жили лоси, медведи, косули, кабаны, а

---

[1] Белорусская ССР охватывает бывшую Минскую губ., преобладающие части Могилевской, Витебской и Гродненской губерний, значительную часть Виленской.

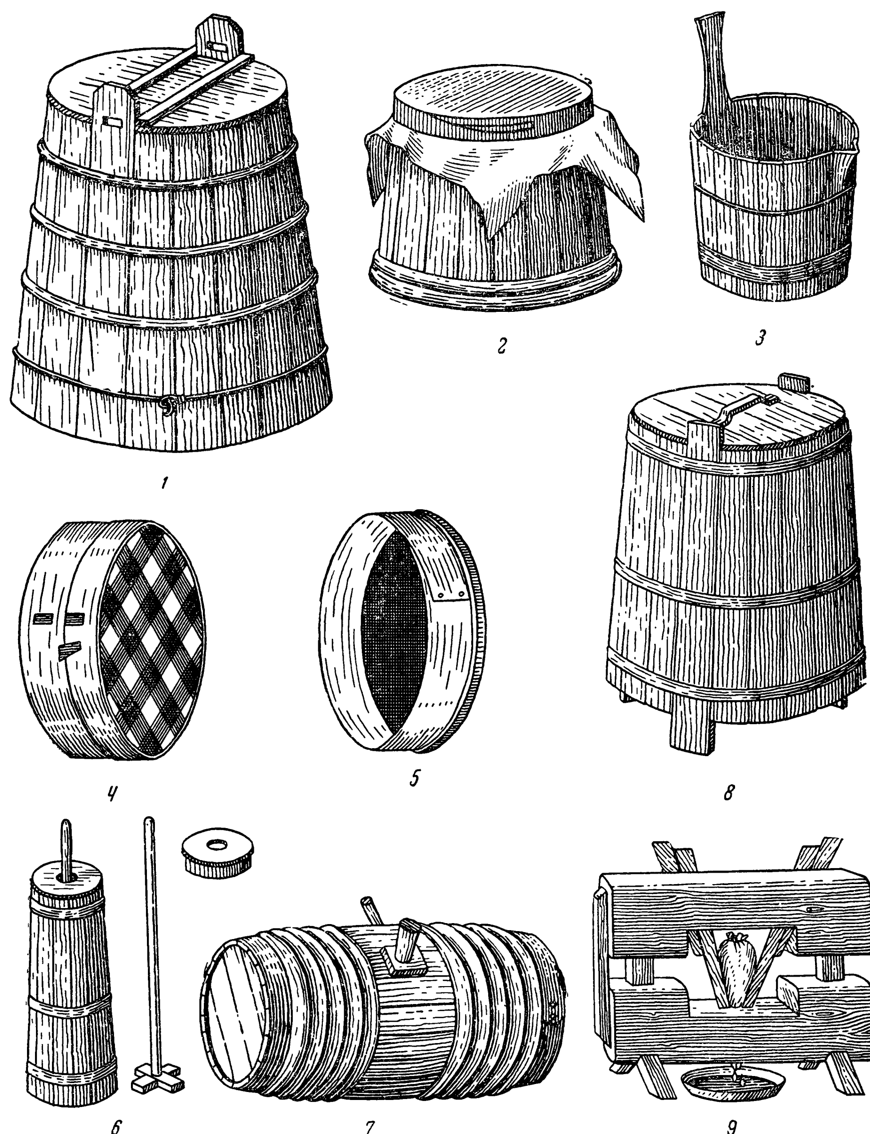
Беловежская пуща. Зубры

Беловежская пуща зимой

также зубры и в древности — туры. Белорусы охотились на глухарей, тетеревов, рябчиков, белых куропаток, вальдшнепов, на болотах и озерах — на уток, бекасов. За право охоты феодалы взимали с крестьян особые подати. В конце XIX — начале XX в. охота на лесного зверя и дичь сохранилась только как развлечение помещиков и чиновничества, и лишь для немногих белорусских крестьян она была сезонным занятием и служила небольшим подспорьем в хозяйстве. Лесные массивы, рощи принадлежали крупным помещикам, запрещавшим охоту без особой платы. Охотились с ружьем-дробовиком, ружьем-*пістаноўкай*. Многие охотничьи ружья были местной работы. Часто орудием охоты был железный капкан (*жалезы*, *пастка*, *кляпцы*), а также силки и другие самоловы. На медведей, лосей и волков белорусы охотились коллективно. Были распространены облава, загон зверя в специально вырытую яму, приманка падалью.

В белорусских деревнях были свои шерстобиты, овчинники, кожемяки, портные, сапожники, бондари, колесники, гончары, кузнецы. Повсеместное распространение имело деревообрабатывающее ремесло. Все самое необходимое в хозяйстве и домашнем обиходе — земледельческие орудия, транспортные средства, утварь, мебель — изготовлялось крестьянами из дерева. Среди крестьянских ремесленников было много бондарей. Еще до отмены крепостного права многие бондари вместо полевых работ отбывали *паншчыну* (барщину) продукцией своего ремесла, поставляя помещику *кадкі*, *бочкі*, *вёдры*, *дзежы*, *кублы* и т. п. Бондарные изделия все в большем количестве стали поступать на рынок. Из других деревообрабатывающих производств были развиты столярное и плотничье ремесла.

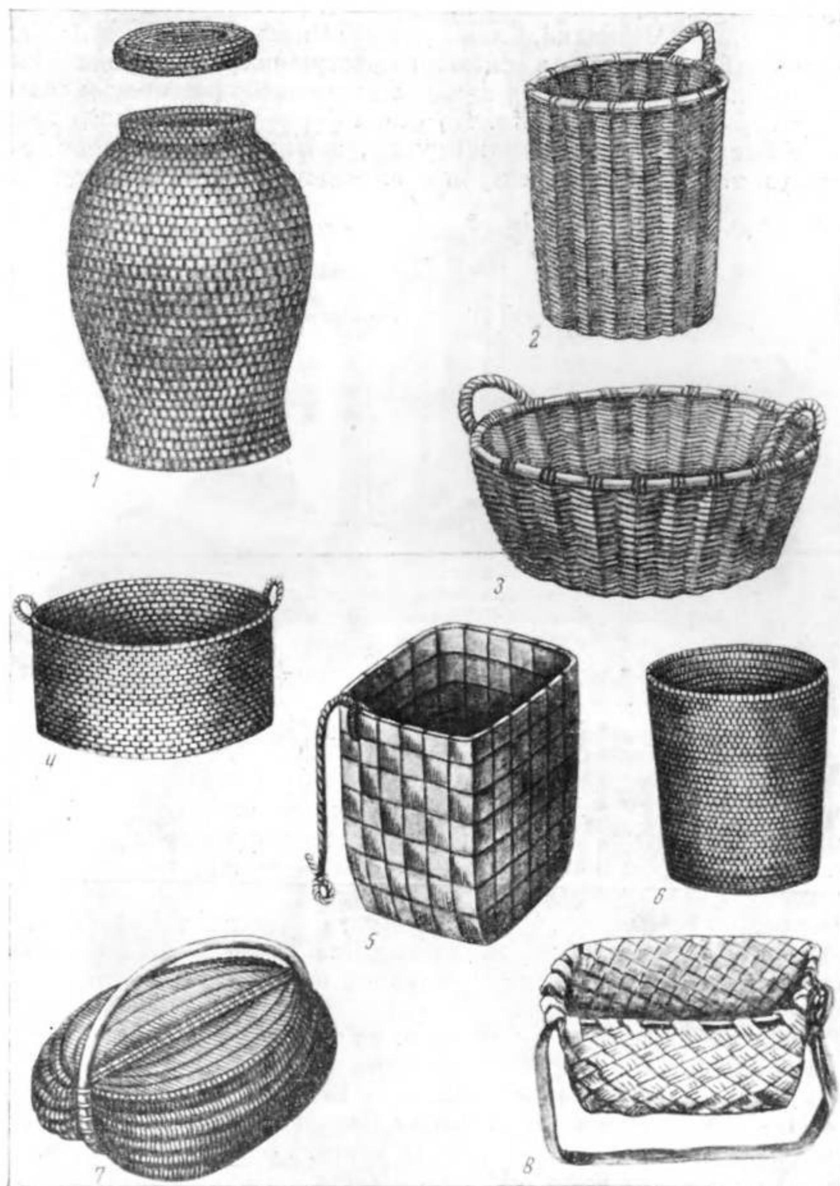
Одними из самых распространенных домашних производств в белорусской деревне были прядение и ткачество. Изготовление пряжи и тканей, как и другие домашние производства, являлось неотъемлемым признаком натурального крестьянского хозяйства. Это занятие, требовавшее много времени и труда, полностью входило в обязанности женщины-крестьянки. Основными материалами для домашнего прядения и ткачества в Белоруссии издавна служили лен, конопля и шерсть. Ткали на ручных станах—



Деревянная утварь (XIX—начала XX в.)

1 — *кубел* дубовый, *2* — *дзежа* дубовая, *3* — *данёка* липовая, *4* — *сіта* волосяное, *5* — *рэшата*, *6* — маслобойка, *7* — бочка для воды и кваса, *8*—квасник дубовый, *9* — забой для отжима постного масла (*1* — Виленская губ., *2—7*, *9*— Могилевская губ., *8*—Витебская губ.)

кроснах. Крестьянское домашнее прядение и ткачество белорусов и применявшиеся орудия и технические приемы имели много общего с прядением и ткачеством русских и украинцев, а также поляков, литовцев и латышей. Крестьянские мастерицы отличались тонким художественным вкусом и высоким мастерством. На примитивных станах они умело изготовляли самые различные ткани: тонкие и грубые узорчатые и гладкие, однотонные и цветные. Мастерство белорусских ткачих использовалось помещиками, заставлявшими их изготовлять дорогие ткани. В Белоруссии было широко развито домашнее сукноделие, связанное с изготовлением теплой крестьянской одежды. Материалом для выделки сукна служила овечья шерсть. С обработкой шерсти было связано также катальное, или валяльное, ремесло. Белорусские шерстобиты изготовляли из



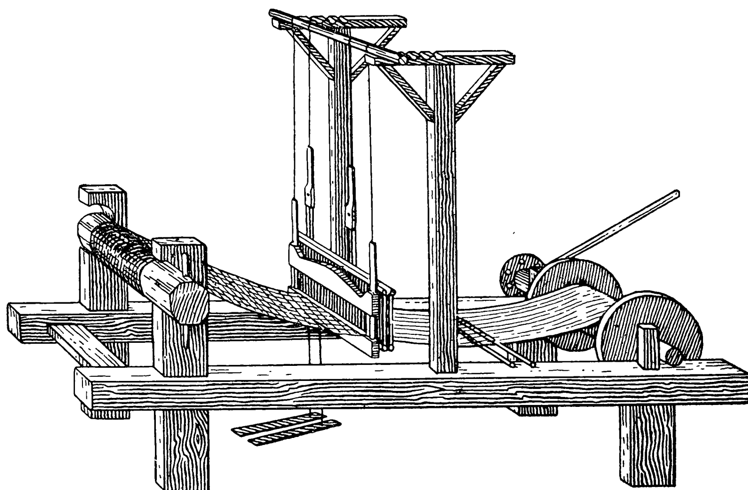
Плетеная утварь (XIX—начала XX в.)

1 — каробка из соломы и лозы, *2—3 —каробка* из соломы и лозы, *4 — севалка* из соломы и лозы, *5 — карзіна* из лучины для переноски травы, *6 — кош* из лозы и соломы, *7 — суднік* из лозы, *8 — севалка* из бересты (*1 — 4* — Гродненская губ., *6* — Могилевская губ., *5, 8*— Витебская губ , *7* — Виленская губ.)

овечьей шерсти валяные шапки-*маргелки*, валяную обувь и другие изделия. Портновское ремесло существовало в форме домашнего и отхожего промыслов. Портные шили для крестьян главным образом верхнюю теплую одежду — свитки, армяки, кожухи, полушубки и т. п.

К древнейшим ремеслам белорусов относится также гончарное ремесло. Центрами гончарного ремесла были многие города и местечки (Раков, Ивенец, Несвиж, Глубокое, Копысь, Кричев, Мир, Порозово, Телеханы,

Пружаны др.), а также многочисленные деревни (Маствиловичи, Ганевичи, Заболотье, Чернявка, Синявка, ныне Минской обл., и др.). Белорусские гончары изготовляли в основном простую посуду природной окраски путем ее обжига. Изделия их находили широкий спрос как у сельского, так и у городского населения. По своей форме и назначению глиняные изделия были разнообразными: горшки, жбаны, миски, кубки, детские игрушки и т. д. Одним из центров производства глиняных игрушек было



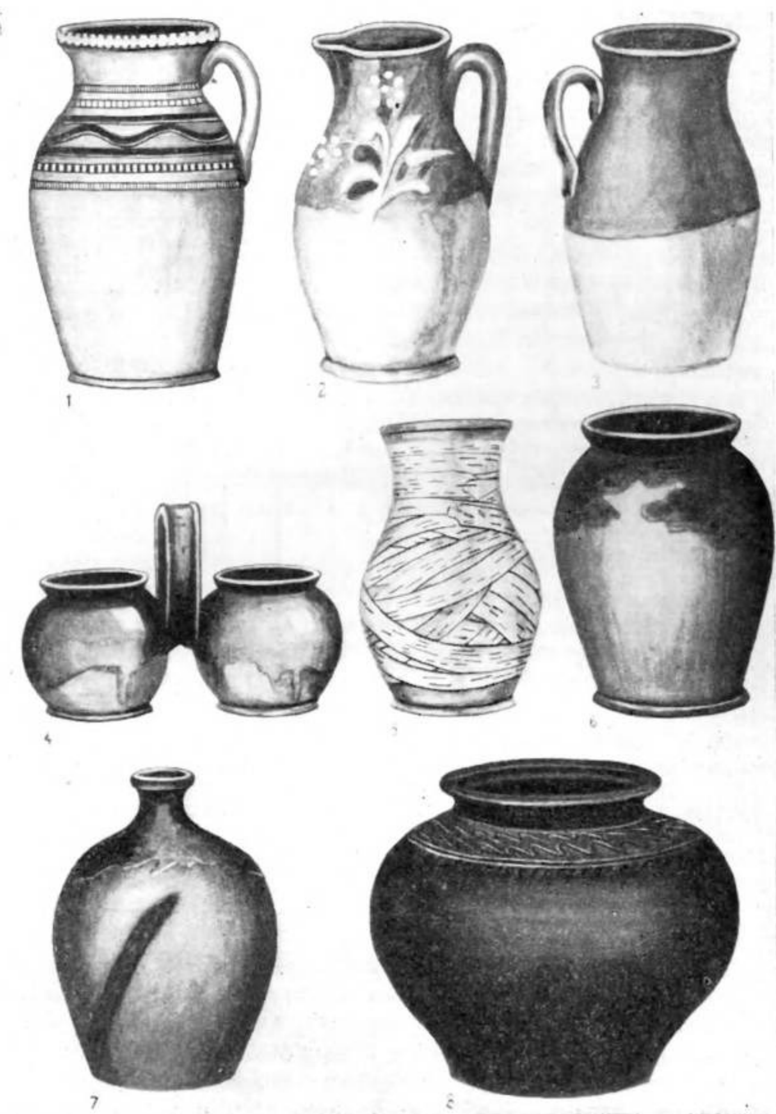
Ткацкий стан (XIX в., Могилевская губ.)

местечко Раков (ныне Минской обл.). Для изготовления глиняной посуды применялся ножной гончарный круг, хотя сохранялся еще и ручной круг. Часто гончары попадали в экономическую зависимость от скупщиков, жестоко эксплуатировавших их труд.

Распространенным видом крестьянского ремесла в Белоруссии была обработка кожи, преимущественно выделка овчин и сыромяти. Овчины использовались для шитья зимней теплой одежды, из сыромяти изготавливались предметы упряжи.

С середины I тысячелетия до н. э. на территории Белоруссии известна добыча и варка железа. Оно добывалось из болотной или дерновой руды, выходы или залежи которой имелись в Белоруссии почти повсеместно. В XVIII—XIX вв. в некоторых местах Белоруссии были построены железоделательные заводы, работавшие на местной руде. С развитием чугунолитейной промышленности в России добыча железа из местной низкокачественной руды в Белоруссии утратила свое значение и была прекращена. Из ремесел, связанных с обработкой металла, в белорусской деревне бытовало только кузнечное дело. В деревенской кузнице изготовлялись необходимые хозяйственные орудия. Кузнец нередко совершенно порывал с сельским хозяйством, сохраняя за собой только участок сенокоса и огород.

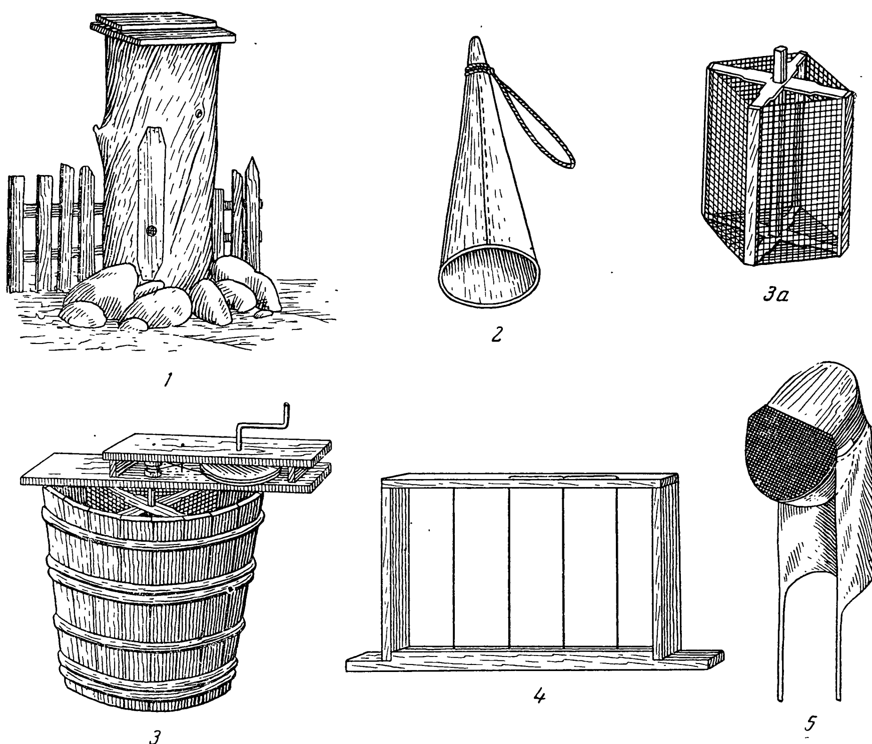
После реформы 1861 г. в результате усилившегося расслоения крестьянства и роста малоземелья, в условиях недостаточного развития промышленности появлялось «избыточное» сельское население, которое уходило в отхожие промыслы. Число таких отходников росло из года в год. В отход отправлялось беднейшее и в значительной степени среднее крестьянство Белоруссии. Отход на земледельческие работы происходил как внутри белорусских губерний (сезонные работы в помещичьих усадьбах), так и, чаще всего, за пределы Белоруссии. Из Полесья и Могилевской губ. белорусские крестьяне обычно шли в черноземные губернии Рос-



Глиняная посуда (XIX—начало XX в.)

1 — гладыш, 2 — кукшын, 3 — глячок для молока, *4 — спарыши, 5 — калбанок* — жбан для молока, *6* — жбан, *7 — гляк* — кувшин глазурованный, *8 — збан* — кувшин из глины с графитом (*1* — Гродненская губ., *2*, *5*—Витебская губ., *4*, *7* — Могилевская губ., *6* — Минская губ.)

сии и Украины, из Гродненской и западной части Витебской — в Польшу и Прибалтику, из северной части Витебской и Могилевской — в Петербург. Среди неземледельческих отхожих промыслов белорусских крестьян важнейшее место занимали зимние лесозаготовительные работы. К лесным промыслам относились главным образом рубка и валка леса, очистка его от ветвей, доставка к рекам и сплав, гонка смолы и дегтя, выжигание угля, дранье луба, бересты. Продукция лесных промыслов Белоруссии была известна далеко за ее пределами. Рубили и валили лес преимущественно топорами. Пилы на лесоразработках распространились только во второй половине XIX в. Весной лес сплавляли по Днепру в Киев, Екатеринослав, Кременчуг, Херсон, Николаев, Одессу, по



Орудия пчеловодства (XIX—начало XX в.)

1 — улей старинный в деревянной колоде, *2* — *козун* из бересты для переноски пчел из одного улья в другой, *3* — центробежка для выкачки меда, *3а* — крестовина центрифуги, *4* — рамка деревянная для сот, *5* — *шапка* для пчеловода (*1*, *2*— Минская, *3*, *4* — Могилевская, *5* — Витебская губ.)

Западной Двине—в Ригу, по Неману — в порты Балтийского моря. Массы разорявшихся крестьян попадали в кабалу к лесопромышленникам. «Лесные работы,— писал В. И. Ленин,— принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала, truck-system и тому подобные спутники «патриархальных» крестьянских промыслов»[1]. На лесозаготовки часто рядились целыми деревнями. В Могилевской губ., например, в 80-х годах XIX в. более 32% отходников было занято на валке леса.

Характеризуя труд и положение крестьян-плотогонов в Лепельском уезде, газета «Минский листок» писала в 1895 г.: «Кто видел этот нечеловеческий труд, тот не может вспомнить о нем без содрогания! И нет ничего удивительного, что крестьяне, ходящие на выгонку леса, не доживая до старости, умирают от изнурительных лихорадок, ревматизмов и простудных грудных болезней... Ненадежный это заработок»[2].

С развитием строительства железных дорог в России со второй половины XIX в. усилился отход белорусских крестьян на земляные работы. По преобладанию того или иного вида крестьянского отхода в разных губерниях царской России В. И. Ленин причислял прибалтийские и се-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 527.

[2] «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 654.

веро-западные (белорусские) губернии к группе, которая занимала переходное положение между губерниями с преобладающим неземледельческим отходом и губерниями с преобладанием земледельческого отхода[1]. Массовый отход белорусских крестьян в крупные промышленные центры России и на шахты, общение с передовым рабочим классом —прежде всего русским — способствовали их политическому развитию и культурному росту; отходники оказывали заметное влияние на остальную массу крестьянства.

Социалистические преобразования в сельском хозяйстве

После победы Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся массы Белоруссии стали подлинными хозяевами своей страны и под руководством Ленинской партии приступили к строительству нового, социалистического общества. Тяжелые последствия первой мировой и гражданской войн пришлось ликвидировать с большим напряжением сил и энергии. На основании решений VIII съезда РКП(б) (1919 г.) встали вопросы завершения экспроприации буржуазии, окончательного укрепления общественной собственности на средства производства. Был взят курс на союз с середняком с опорой на бедноту для борьбы с кулачеством.

В. И. Ленин видел правильный путь вовлечения крестьян в социалистическое строительство через кооперацию. Из кооперативных форм периода 20-х годов в Белоруссии были распространены закупочно-сбытовая кооперация, машинное товарищество, семеноводческие объединения, мелиоративные товарищества, сельскохозяйственные коммуны, трудовые земледельческие артели, товарищества по совместной обработке земли. На 1 июля 1925 г. в Белоруссии насчитывалось, например, 54 земледельческие коммуны, 248 земледельческих артелей, 73 товарищества по совместной обработке земли. С 1929 г. началось широкое строительство колхозов и совхозов, ибо разрозненные мелкие крестьянские хозяйства являлись тормозом в социалистическом переустройстве деревни. Большое значение для социалистического преобразования деревни имели совхозы. Первые совхозы создавались молодым Советским государством при активном содействии крестьянства на базе экспроприированных крупных помещичьих хозяйств. В. И. Ленин видел основную задачу совхозов в том, чтобы они были показательными общественными хозяйствами. На примере совхозов крестьяне убеждались в преимуществе социалистической системы в деревне перед мелкотоварным индивидуальным хозяйством. Особенно широкий размах коллективизация сельского хозяйства приняла в 1929—1930 гг. В 1932 г. около половины (47,8%) крестьянских дворов в Белоруссии было объединено в колхозы, а перед Великой Отечественной войной в республике насчитывалось 10165 колхозов, объединявших 91,9% всех крестьянских дворов.

Победа колхозного строя в корне изменила экономический уклад белорусской деревни. Крупное социалистическое земледелие, оснащенное передовой техникой, дало возможность еще в предвоенные годы значительно расширить посевные площади и повысить урожайность. Немецко-фашистская оккупация в годы Великой Отечественной войны нанесла сельскому хозяйству республики громадный ущерб. Гитлеровцы разорили и разграбили все колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, уничтожили и увезли около 9 тыс. тракторов, 1100 комбайнов и десятки тысяч других сельскохозяйственных машин, разрушили и сожгли 9200 сел и деревень. Ущерб, причиненный оккупантами народному хозяйству БССР, составил (в ценах 1941 г.) 75 млрд. рублей. Белорусский народ за время фашистской оккупации потерял свыше половины своего национального богатства. После освобождения республики белорусский народ с

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 575.

На жатве

огромной энергией принялся залечивать раны войны. С братской помощью великого русского народа и других народов Советского Союза Белоруссия за сравнительно короткое время восстановила свое хозяйство, а к 1948—1950 гг. по производству продукции важнейших отраслей народного хозяйства превзошла довоенный уровень. К этому времени был завершен процесс коллективизации в западных областях Белоруссии.

Новые производственные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, высокопроизводительный труд, механизация основных его процессов, внедрение в производство передовых достижений науки, сознание общественного долга колхозниками и рабочими совхозов определили производственный быт и моральный облик тружеников деревни. В условиях культа личности Сталина сельское хозяйство отставало от темпов развития промышленности. Важнейшими причинами его отставания были нарушение принципов материальной заинтересованности в развитии общественного производства и принципов сочетания общественных и личных интересов колхозников, шаблонный подход к планированию в сельском хозяйстве, господство травопольной системы земледелия и др. Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. определили поворот в развитии сельского хозяйства страны. К 1962 г. в республике было 2341 укрупненный колхоз и 358 совхозов. Значительно укрепилось их общественное хозяйство, повысилась урожайность полей, ежегодно расширяются посевные площади. Уже к 1958 г. посевная площадь в республике расширилась на 500 тысяч гектаров. В 1962 г. посевные площади всех сельскохозяйственных культур в БССР составили 5962 тыс. гектаров. Посевные площади в республике увеличиваются главным образом в результате осушения заболоченных земель, очистки от кустарников заброшенных полей. Мелиоративные работы в Белоруссии начались еще в 1927 г. Тогда на осушенных торфяниках Мариинских болот Любанского района Минской обл. в бассейне р. Орессы возник совхоз «Сосны» (ныне им. 10-летия БССР). Если в 1927 г. там было осушено 300 гектаров, то за последние годы площадь осушенных торфяников в БССР составляет 170 тыс. гектаров. Сейчас на мелиоративных работах в БССР используется около 800 тыс. сложных механизмов (тракторов, кусторезов-сборников, скребковых канавокопателей и др.). Техника МТС, проданная колхозам, стала использоваться рациональнее и эффективнее, а почва — лучше обрабатываться.

Индустриализация сельского хозяйства:

1 — уборка озимых (1962 г.), *2* — подкормка посевов клевера (1961 г.), *3* — уборка кукурузы (1963 г.)

51 Заказ № 888

На молочной колхозной ферме (Гомельская обл., 1962 г.)

Большое значение в подъеме социалистического сельского хозяйства республики имело укрепление совхозов и колхозов руководящими кадрами. За 1954—1958 гг. в БССР на работу в деревню было направлено свыше 18 тыс. опытных работников и специалистов сельского хозяйства.

Мощное развитие индустрии обеспечило широкую механизацию сельскохозяйственных работ. В 1961 г. на колхозных и совхозных полях республики работало 60,8 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 10,6 тыс. зерновых комбайнов, около 34 тыс. грузовых машин и автоцистерн. Темпы механизации сельского хозяйства растут с каждым годом. Особое внимание уделяется комплексной механизации при выращивании сахарной свеклы, кукурузы, льна, картофеля и др., а также в животноводстве.

Ведущую роль в механизации сельского хозяйства, особенно животноводства, играет электрификация. Она изменила не только условия и культуру труда, но и общий облик колхозной деревни. Коммунистическая партия, как указано в Программе КПСС, считает одной из важнейших задач дальнейшую электрификацию сельского хозяйства. За последние годы в республике построен ряд крупных электростанций. Десятки предприятий и сотни колхозов получают электроэнергию Василевичской ГРЭС, вступила в строй Березовская ГРЭС. Только за 1962 г. в республике электрифицировано 349 колхозов и совхозов. В БССР создается единая кольцевая высоковольтная энергосистема, которая войдет в общую энергосистему Советского Союза.

Все шире в колхозную деревню проникает газификация. Уже газифицированы многие колхозы, находящиеся в зоне газопровода Дашава—Минск.

Колхозы и совхозы республики расширяют свою материальную базу, увеличивают вложения в капитальное строительство. Во всех колхозах республики выросли комплексы общественных построек. Получило распространение строительство типовых свинарников, коровников и других хозяйственных помещений.

Посадка картофеля в совхозе (Брестская обл., 1963 г.)

Сельское хозяйство Белоруссии территориально специализируется следующим образом: на севере — зона льноводства и мясо-молочного скотоводства; на западе — зона молочно-мясного скотоводства, свиноводства и свеклосеяния; на юге — зона мясо-молочного скотоводства. Особое внимание уделяется развитию животноводства, а также производству традиционных культур — льна и картофеля. По производству льна-долгунца БССР занимает второе в стране место, по сбору картофеля — третье, а по производству мяса и молока — четвертое.

Значительное место в сельском хозяйстве Белоруссии отведено выращиванию зерновых культур. Валовой сбор зерна в последние годы значительно увеличился. Немало колхозов и совхозов ежегодно получают около двадцати и более центнеров зерна с гектара; среди них — колхозы им. Гастелло Минской области, «Коминтерн» Могилевской области, «17 сентября» Брестской области, многие колхозы Витебской области, совхозы «Кореличи» Гродненской области, «Красная звезда» Минской области и др. Валовой сбор зерна увеличивается в результате не только расширения посевных площадей, но и интенсификации сельскохозяйственного производства, улучшения агротехники, увеличения количества вносимых удобрений, внедрения лучших сортов зерна и т. д. Существенные изменения произошли в структуре посевных площадей. Увеличились площади под ценными и высокопродуктивными культурами (зерновые, сахарная свекла, бобовые и пр.). Эти высокоурожайные культуры значительно укрепили кормовую базу республики и создали условия для дальнейшего увеличения поголовья скота. Животноводство в республике стало ведущей отраслью сельского хозяйства. С каждым годом увеличивается производство мяса, молока и других продуктов питания. Значительно расширились посевы сахарной свеклы. Для ее переработки построены сахарные заводы в Скиделе и в Городее. Значительные площади в республике отведены под огородные культуры. В пригородных районах расширяются парниково-тепличные хозяйства (например, Большая Степянка под Минском и др.). Широкий размах получило в Советской Белоруссии садоводство. Только в 1960 г.

Теребление льна (Гомельская обл., 1963 г.)

посажено 7 тыс. гектаров молодых садов. Достижения мичуринской школы позволили разводить в Белоруссии морозостойкие сорта плодово-ягодных растений. В республике построен ряд комбинатов по переработке плодов и ягод.

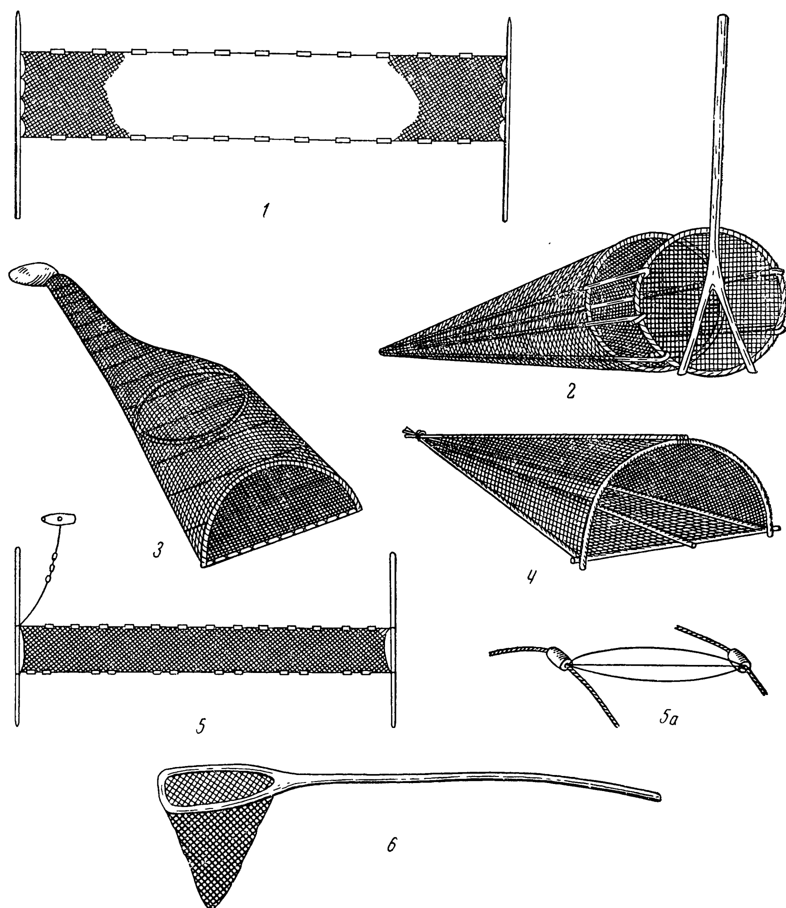
В борьбе за крутой подъем сельского хозяйства республики участвуют многие тысячи работников совхозов и колхозов Белоруссии. Имена таких передовиков сельского хозяйства, как свинарки Анна Никульская, Лилия Боровицкая, доярка Лидия Осиюк, механизатор-кукурузовод Владимир Кот, передовик колхозного производства Нина Погодина и многие другие, известны не только в Белоруссии, но и далеко за ее пределами. «В руки таких людей, как Нина Погодина,— отмечал в своем отчетном докладе XXV съезду КПБ первый секретарь ЦК КПБ К. Т. Мазуров,— мы должны передавать колхозное производство. Они, безусловно, выполнят Программу партии»[1]. Республика гордится именами таких опытных руководителей сельскохозяйственного производства, как председатели колхозов К. П. Орловский, П. К. Галушко, К. И. Шаплыко и др.

Изменения в производственном быту колхозников

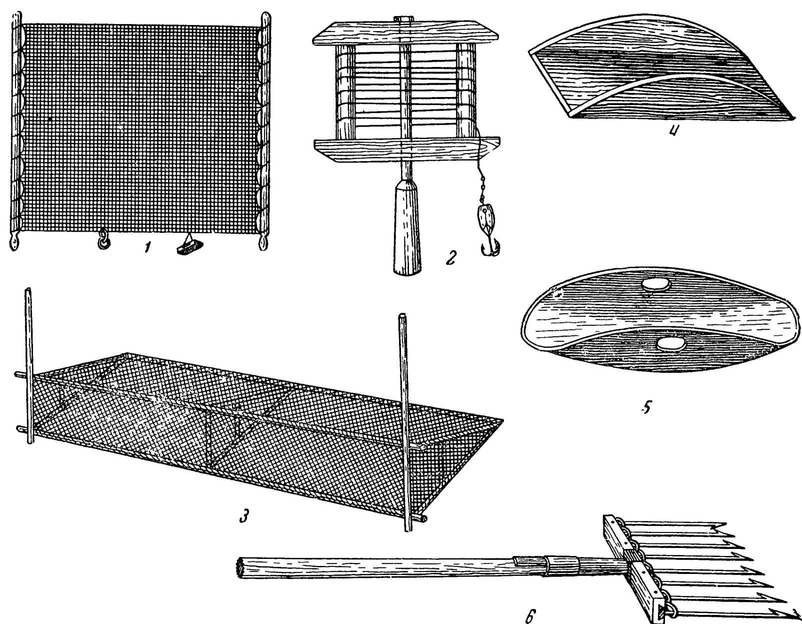
С победой социалистической системы хозяйства сложился ряд новых черт в производственном быту тружеников деревни. Это наглядно подтверждается теми изменениями, которые произошли в области производственного быта. С улучшением материальных условий жизни, ростом снабжения изделиями фабричного производства в белорусской деревне отпала, как правило, необходимость заниматься промыслами и ремеслами. Повсеместно исчезают шерстобитие, индивидуальное бондарничество, гончарное дело, выделка кож. Сохраняет некоторое значение сапожное ремесло, но кустари-сапожники в большинстве случаев объединены в артели бытового обслуживания. Кустарные столы, стулья, шкафы совершенно вытеснены из быта фабричными изделиями. Домашнее ткачество сейчас превратилось в занятие любителей и народных умельцев, которые ткут богато орнаментированные скатерти, покрывала и другие художественные изделия. Почти все они объединены в производственные артели.

---

[1] К. Т. Мазуров. Отчетный доклад ЦК КПБ XXV съезду. Минск, 1961, стр. 41—42.



Традиционные орудия рыболовства:
1 — сеть-*трыгубіца*, 2 — *мэрэць* для ловли рыбы в озере или реке, 3 — *комля-шаптушка* из тростника, 4 — *таптуха*, 5 — *сецъ*, 6 — *падсека* с деревянной ручкой



1 — [illegible]елзень, тканный в две нити из льняных ниток, 2— *мотыль* — рыболовная снасть, 3 — [illegible] — бредень, 4 — *сцябла даўблёнае* — лоток долбленый для переноски сетей, [illegible] *сцябла* для переноски сетей, 6 — *восцьe* стальное — рыболовная снасть

Птицесовхоз «Жлобин» (Гомельская обл., 1960 г.)

Новые формы и содержание приобрело участие сельского населения в различного рода работах по строительству и ремонту дорог и на лесозаготовках. В современных условиях выезд белорусов в другие районы страны на строительство электростанций, освоение целинных земель, на заготовку лесоматериалов регулируется системой договоров со всем необходимым обеспечением. В далекие края едет преимущественно молодежь, куда ее влекут моральный долг, романтика труда, высокая ответственность перед своей Родиной. Посланцы белорусского народа честно трудятся на стройках Сибири, в степях Казахстана и на многих других трудовых участках.

Вместе с тем некоторые промыслы не только полностью сохранились до наших дней, но даже получили еще большее развитие. Они приобрели общественный организованный характер. Это в первую очередь относится к рыболовству. На смену рыболовам-одиночкам и небольшим рыболовным объединениям пришли рыболовецкие колхозы и артели. В одиночку ловят рыбу сейчас только рыбаки-любители. Рыба разводится как в естественных, так и в искусственных водоемах. В БССР развиваются рыбные хозяйства, занимающиеся добычей рыбы в естественных водоемах, разведением и выращиванием рыбы в искусственных. Рыба перерабатывается на рыбозаводах (Витебский, Лепельский, Полоцкий, Браславский, Нарочанский, Пинский, Житковичский, Мозырский, Гомельский и Гродненский). Имеются специализированные рыболовецкие колхозы (например, в Витебской обл. — «Заря», «Свобода», «Приозерный»).

В Браславском районе Витебской обл. и Житковичском районе Гомельской обл. рыбное хозяйство занимает ведущее место в промышленности района.

Труд в колхозах и совхозах, организованный на социалистических принципах, является коллективным, более продуктивным и производительным. Хозяйственными работами в колхозах руководит коллектив — выборное правление сельхозартели во главе с ее председателем. В корне изменилось отношение к труду. Он стал не только источником существо-

вания, но и общественной обязанностью. Все процессы общественного производства выполняются бригадами и звеньями по плану. Роль отдельного труженика определяется интересами коллектива, что оказывает существенное влияние на домашний быт семей. Большие изменения в производственный быт внесла организация яслей, детских садов, предприятий общественного питания. Это дало возможность женщинам активнее участвовать в коллективном труде.

Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Рассвет» К. П. Орловский (1963 г.)

С внедрением новой техники в производство и механизацией труда в сельском хозяйстве важное место заняли специалисты-механизаторы. Большое значение приобретают бригады комплексной механизации. Ручной труд все более заменяется машинами. Развитие механизации и автоматизации сельскохозяйственных процессов способствует общему подъему технической грамотности тружеников деревни и культуры труда. В деревне выросла большая армия специалистов, овладевших новой техникой. Коренные изменения произошли и в технике животноводства. Электродоение, механизация заготовок и доставки кормов получили применение в животноводческих фермах колхозов и совхозов.

Социалистическое соревнование в совхозах и колхозах вылилось сейчас в новую, более высокую форму — в движение за звание ударников и бригад коммунистического труда.

Возрос уровень образования руководящих кадров совхозов и колхозов. В 1958 г. 741 председатель колхоза имел законченное высшее или среднее специальное образование. Только в Брестской обл. среди 315 председателей колхозов 214 имеют высшее или незаконченное высшее образование.

В каждом колхозе работают сейчас агрономы, учителя, медицинские работники, ветеринары, инженеры. Кадры сельской интеллигенции с каждым годом растут. Большое значение для повышения квалификации тружеников деревни имеют школы передового опыта. Например, в колхозе «Маяк коммунизма» Минской области такая школа работает уже несколько лет. Наряду с широкой системой подготовки специалистов в сельскохозяйственных учебных заведениях за счет государства с каждым годом расширяется подготовка кадров за счет средств общественных хозяйств. Некоторые колхозы республики направляют членов своих артелей учиться в Белорусскую сельскохозяйственную академию, ежемесячно выплачивают им стипендию и обеспечивают необходимыми учебными пособиями. Особенно показателен в этом отношении опыт колхоза «Коминтерн» Могилевской области. Труженики деревни заботятся об укреплении сельскохозяйственного производства, используют научные дости-

Герой Социалистического Труда председатель колхоза им. XVI партсъезда Т. И. Жигалко

жения для повышения производительности труда. Успешно работает, например, в колхозе «Большевик» Витебской области совет рационализаторов.

В 1961 г. в результате внедрения предложений сельских рационализаторов колхоз сэкономил десятки тысяч рублей. В целом в республике в 1962 г. насчитывалось более 55 тыс. рационализаторов и изобретателей.

Важное значение в производственной жизни деревни приобрели межколхозные строительные организации как одна из форм более высокой степени обобществления и концентрации производства в сельском хозяйстве. Только в Витебской обл. в 1961 г. работало 26 межколхозных строительных организаций, в которых состояло 513 колхозов-пайщиков. За два года ими было возведено 893 хозяйственных и 139 культурно-бытовых зданий, 5200 жилых домов.

Дальнейшее развитие производственных отношений в совхозах и колхозах происходит путем укрепления общественных начал, развития критики недостатков в ведении хозяйства, внедрения передового опыта.

Одной из действенных форм, способствующих подъему сельскохозяйственного производства в деревне, являются «дни бригады». В эти дни хлеборобы подводят итоги выполненных работ, намечают задачи на будущее.

С укреплением общественного хозяйства и ростом его доходов увеличиваются неделимые общественные фонды, средства которых все в большей степени расходуются на капитальное строительство и на удовлетворение растущих бытовых и культурных запросов колхозов. За четыре года семилетки в сельской местности построено 92 тыс. жилых домов. Многие колхозы республики выплачивают колхозникам пенсии, имеют кассы взаимопомощи.

Широко развернулось благоустройство колхозного села.

Созданный и окрепший под руководством Коммунистической партии колхозный строй в корне преобразовал основы производственного, материального и общественного быта крестьян, принес зажиточную и культурную жизнь во все уголки республики.

Сельские труженики активно участвуют в построении коммунизма в нашей стране.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

Состояние промышленности и транспорта в период капитализма

Белоруссия в прошлом являлась одной из экономически отсталых окраин царской России. Тем не менее к началу XX в. она достигла известного уровня капиталистического развития. Переход от мануфактурного производства к фабричному, основанному на машинной технике, начался здесь еще в середине прошлого века. К началу XX в. в Белоруссии существовал ряд довольно крупных предприятий: Добрушская бумажная фабрика, табачная фабрика «Неман» в Гродно, льнопрядильная фабрика «Двина» в Витебске, стекольный завод «Неман» в Лидском уезде и др. Крупными по тому времени промышленными предприятиями с числом рабочих от 350 до 500 были льнопрядильная фабрика в Высочанах (Оршанский уезд), спичечные фабрики «Прогресс-Вулкан» в Пинске, «Виктория» в Борисове, «Везувий» в Гомеле, «Молния» в Мозыре, стекольные заводы «Телеханы» и «Новка», ткацкая фабрика в Дубровне, машиностроительный завод в Минске, проволочно-гвоздильный завод в Барани близ Орши и др. Более развитыми в промышленном отношении являлись губернии Витебская, Минская и Гродненская.

По сравнению с другими окраинами России в Белоруссии были довольно развитые пути сообщения. Наиболее древними путями сообщения между белорусскими городами и населенными пунктами были реки и грунтовые дороги. В период Киевской Руси торговый путь «из варяг в греки» на территории Белоруссии связывал бассейны рек Немана и Западной Двины, Западной Двины и Днепра при помощи развитой сети волоков и переходов через водоразделы между реками.

В XVIII в. развитие торговых связей и увеличение вывоза, особенно леса, способствовали строительству каналов. В 1770—1804 гг. был построен Огинский канал длиной 55 км, соединивший приток Припяти р. Ясельду с притоком Немана р. Щарой. Этот канал явился частью Днепровско-Неманского водного пути к Балтийскому морю. В 1775 г. начались работы по проведению Днестровско-Бугского канала, которые были закончены только в 1848 г. Этот канал, соединивший приток Припяти р. Пину с притоком Западного Буга р. Мухавец, связал Днепр с Вислой и стал вторым водным путем с Украины и из Белоруссии к Балтийскому морю. В 1797 г. началось строительство Березинской водной системы длиной в 250 км, которая соединила при помощи каналов и небольших речек и озер приток Днепра р. Березину с Западной Двиной. По этому водному пути сплавлялся лес из северо-западной части Белоруссии в Ригу.

Во второй половине XIX в. с расширением сети железных дорог эти водные пути в значительной степени утеряли свое прежнее значение и были запущены. Несмотря на густую сеть речных путей (на 1000 км^2 территории приходилось 22 км судоходных и 60 км сплавных рек), перевозки грузов по ним сократились.

Дорожное строительство в Белоруссии вызывалось главным образом нуждами военно-стратегического характера, а также развитием товарных перевозок. В 1910 г. в четырех белорусских губерниях на каждую тысячу км^2 приходилось 279 км шоссейных и грунтовых дорог, что в 2,3 раза превышало средние показатели сети гужевых дорог по Европейской России в целом. Однако большинство районов Белоруссии, особенно Минская губ., в которую входила преобладающая часть Белорусского Полесья, представляло собой картину неприглядного бездорожья.

Во второй половине XIX — начале XX в. Белоруссию пересекли первые железные дороги. Построенная в 1851—1862 гг. Петербургско-Варшавская железная дорога прошла по северо-западной части Гродненской губ. В 1866 г. было открыто движение на участке Витебск — Бигосово

Риго-Орловской железной дороги. В 1870—1871 гг. построили участок Смоленск — Минск — Брест Московско-Брестской (Александровской) железной дороги. Впоследствии через Белоруссию были проложены другие железнодорожные линии (Петербург — Жлобин — Коростень; Вильно — Лунинец — Ровно; Невель — Полоцк) и построен ряд местных железнодорожных веток. Железные дороги, таким образом, пересекли Белоруссию в разных направлениях.

Царизм препятствовал развитию промышленности и экономическому подъему Белоруссии. Он стремился держать так называемый Северо-Западный край на положении потребителя промышленных изделий, ввозимых из центральных районов России, и поставщика дешевого сырья для российских и иностранных фабрикантов. У царского правительства были на этот счет и политические соображения. Развитие промышленности и создание промышленных центров близ западных государственных границ считалось нежелательным. Поэтому Белоруссия являлась главным образом поставщиком леса и сельскохозяйственного сырья. Промышленность дореволюционной Белоруссии была преимущественно полукустарной. Мелкие предприятия составляли абсолютное большинство. Уровень развития промышленности в белорусских губерниях был значительно ниже, чем в центральных и южных губерниях России. Удельный вес крупного фабрично-заводского производства в общей продукции промышленности и сельского хозяйства в 1913 г. в Белоруссии был почти в два раза ниже, чем в России в целом. В 1913 г. на одно предприятие фабрично-заводской промышленности приходилось в среднем 38 рабочих. Накануне первой мировой войны в белорусских городах жила только седьмая часть населения; в промышленности оно было занято еще меньше.

Пролетариат Белоруссии складывался из немногочисленных потомственных рабочих, безземельных крестьян, разорившихся кустарей и ремесленников, а также подмастерьев, трудившихся в частновладельческих мастерских.

Оборудование основной массы фабрик и заводов Белоруссии было примитивное, почти полностью отсутствовала механизация трудоемких процессов. В промышленности господствовал ручной труд. Рабочие трудились в тесных, темных и непроветриваемых помещениях по 12—13 и более часов в сутки. На кожевенном заводе в Минске, например, по данным фабричного инспектора за 1899 г., работа начиналась обычно в шесть часов утра и заканчивалась в семь часов вечера и позже. В связи с преобладанием мелких предприятий типа ремесленных мастерских белорусские пролетарии были разобщены, что ослабляло их борьбу за свои права. Это давало возможность предпринимателям бесконтрольно увеличивать рабочий день, одновременно снижая заработную плату. О крайне тяжелых условиях труда пролетариев мелких предприятий дореволюционной Белоруссии говорят многочисленные жалобы рабочих, подававшиеся фабричным инспекторам, санитарным врачам или представителям администрации. В одной из жалоб, например, рабочие писали: «В маленьких мастерских, переполненных бумажной пылью, мы работаем без перерыва 16—17 часов в сутки, с 7 утра до полуночи, обедая и ужиная за работой. Вследствие такой чрезмерной продолжительности работы у нас не остается времени ни на отдых, ни на сон, который длится 5 часов, ни на заботы об одежде и квартире»[1]. На очень низком уровне находилась гигиена труда. Фабриканты совершенно не заботились о здоровье рабочих. Постоянный избыток рабочей силы давал им возможность в любое время на место заболевшего рабочего принять за эту же или даже меньшую плату более здорового. Даже издававшиеся в Белоруссии буржуазные газеты неоднократно признавали, что условия труда на фабриках и заводах невыносимы. Владельцы предприятий совершенно не заботились

[1] Государственный архив Минской области, ф. 295, оп. 1, № 5768.

о соблюдении элементарных норм техники безопасности. На фабриках и заводах Белоруссии несчастные случаи считались обычным явлением. «Всегда узнаешь... рабочих...,—писала газета «Минское слово» об условиях труда на спичечной фабрике в г. Борисове.— Они с землистого цвета лицами, впалыми глазами; замечено, что поступающие на фабрику молодые парни после нескольких месяцев работы быстро теряют свое здоровье»[1]. В особенно тяжелых условиях работали белорусские кожевники. В зольном отделении кожевенного завода в Минске, например, все работы выполнялись вручную. В цехе было сыро, холодно, на полу стояли лужи грязи, дыхание затруднял едкий дым и вредные для организма газы. Воду рабочие таскали ведрами из реки. «Поскользнешься, обольешься холодной водой, а просушиться негде,—вспоминает один из ветеранов завода...»[2] Рабочие простужались, болели туберкулезом, ревматизмом, глазными и другими болезнями. Длительная болезнь, как правило, вызывала увольнение с работы. Врачебной помощи почти не оказывалось. Значительное место в промышленном производстве занимал женский и детский труд, который оплачивался в два и более раза ниже мужского.

Рабочий класс дореволюционной Белоруссии в преобладающей массе был связан с деревней. Поэтому в его культуре и быту было много черт, свойственных культуре и быту белорусского крестьянства.

По национальному составу рабочий класс Белоруссии не был однородным. Наряду с белорусами в промышленности, на транспорте и в других отраслях производства работало много русских, украинцев, евреев, поляков, литовцев и т. д. Царское правительство и возникшие впоследствии различные буржуазно-националистические партии стремились разжигать национальную рознь и натравливали рабочих различных национальностей друг на друга с целью ослабить их классовое единство и отвлечь от революционной борьбы. Однако рабочий класс Белоруссии оставался в целом верным принципам пролетарского интернационализма и всегда проявлял свою классовую солидарность.

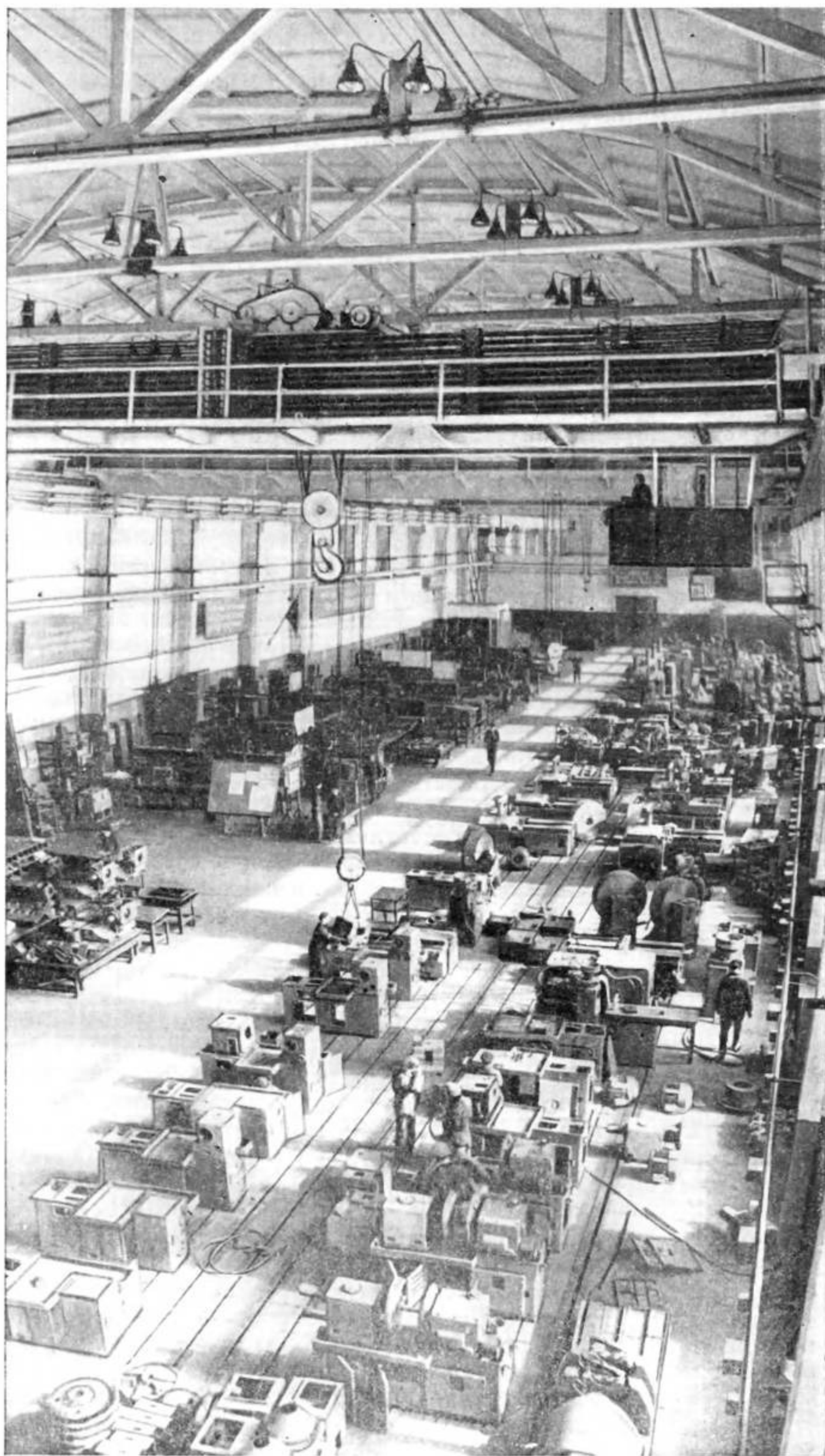
Крайне тяжелое положение белорусских рабочих, почти невыносимые условия труда, низкая зарплата, бесчисленные штрафы, длинный рабочий день, сравнительно низкий уровень материальной и культурной жизни усугублялись политическим бесправием. Это, несомненно, влияло на развитие классовой борьбы, которая в среде рабочего класса Белоруссии зародилась довольно рано. Она стала быстро расти под воздействием классовой борьбы русского, а также украинского пролетариата, вносивших в нее организованность и революционную направленность.

Это оказывало значительное влияние и на жизненный уклад белорусских пролетариев, происходил процесс взаимосближения в общественной жизни. Уже в конце XIX в., например, среди белорусского пролетариата бытовали революционные песни, заимствованные у русских. Развитию прогрессивных черт в быту белорусских рабочих способствовало и то, что многие уроженцы Белоруссии работали на крупных предприятиях в промышленных центрах России и Украины. По данным переписи 1897 г., по найму работало около 500 тыс. белорусов.Из них более 90 тыс. постоянно трудились на фабриках и заводах России и Украины. Более 100 тыс. человек ежегодно уходили на различные сезонные работы.

Промышленное развитие после Великой Октябрьской революции

После Великой Октябрьской социалистической революции в корне изменились промышленный облик и производственный быт рабочего класса Белоруссии. Из бывшей царской колонии с полукустарной промышленностью Белоруссия за годы Советской власти превратилась в передовую республику с высокоразвитой

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III. Минск, 1953, стр. 104.
[2] Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора БССР (далее АИИЭФ БССР), ф. 6, оп. 7, д. 12, стр. 26.



Сборочный цех Витебского станкостроительного завода им. Кирова (1963 г.)

Минский тракторный завод. Тракторы на погрузочной площадке (1963 г.)

индустрией. Были созданы основанные на передовой технике энергетическая, топливная, машиностроительная и другие важнейшие отрасли социалистической промышленности. Объем валовой продукции крупной промышленности в восточных областях Белоруссии к 1940 г. вырос по сравнению с 1913 г. в 23 раза.

Создание в БССР крупной социалистической индустрии намного подняло роль Белоруссии в общественном производстве СССР. Так, в 1940 г. в ней добывалось 10,1% общесоюзного производства торфа, производилось 10,2% всех металлорежущих станков, 34,7% — клееной фанеры, 28,6% — спичек, почти 8,5% — спирта-сырца. В довоенный период коренным образом улучшилась гигиена труда на производстве. Высокого уровня достигла техника безопасности. Коммунистическая партия и правительство республики проявили большую заботу о механизации производственных процессов. Значительно возросла производительность труда.

Мирный труд советского народа был прерван вероломным нападением гитлеровских полчищ. В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб промышленности БССР. Они разрушили почти все промышленные предприятия. После изгнания немецко-фашистских оккупантов на территории Белоруссии вновь развернулось крупное промышленное строительство. При братской помощи великого русского народа и других народов Советского Союза в республике не только было восстановлено полностью, но и значительно превзойдено довоенное производство. Создан целый ряд совершенно новых отраслей промышленности; выросли такие гиганты социалистической промышленности, как калийный комбинат в Солигорске, «Нефтестрой» в Полоцке, Березовская ГРЭС и ряд других предприятий.

Белорусский народ по праву гордится такими гигантами социалистической промышленности, как Минские тракторный и автомобильный заводы, Белорусский автомобильный завод в городе Жодино Минской обл., завод автоматических линий, камвольный комбинат, Гомельский завод сельскохозяйственного машиностроения, Оршанский льнокомбинат и многие другие.

Минский моторный завод.
Автоматическая линия (1962 г.)

Главными отраслями промышленности, определяющими специализацию Белорусского экономического района, являются машино- и приборостроение, металлообработка. В 1963 г. в республике было выработано промышленной продукции приблизительно в 46 раз больше, чем до революции, и в 5,7 раза больше, чем в предвоенном 1940 г. Валовая продукция машиностроения и металлообработки увеличилась по сравнению с 1940 г. в 36 раз, производство электроэнергии и теплоэнергии — почти в 16 раз. Резко возросло производство предметов народного потребления. Белорусские товары ныне широко известны на мировом рынке. Они поставляются во многие зарубежные страны.

В послевоенные годы интенсивно начала развиваться промышленность в западных областях Белоруссии.

За годы Советской власти в Белоруссии коренным образом улучшились пути сообщения и городской транспорт. Задолго до Великой Отечественной войны в республике развивалось городское трамвайное сообщение. Были открыты первые автобусные маршруты, появились легковые такси. В настоящее время Белоруссию пересекают благоустроенные автострады Москва — Брест, Симферополь — Рига, Смоленск — Вильнюс; во все стороны от Минска расходятся асфальтированные автомагистрали (Минск — Могилев, Минск — Гомель, Минск — Полоцк, Минск — Вильнюс, Минск — Лида и др.), улучшаются проселочные дороги.

Небывалых размеров достигло железнодорожное строительство. Так, только в 1957 г. общая длина железнодорожной сети БССР составляла 5,4 тыс. км; на каждую тысячу км^2 в республике приходилось 26 км железнодорожных путей. Большое развитие получил автотранспорт. В том же 1957 г. в Советской Белоруссии насчитывалось свыше тысячи автобусных линий. Общая протяженность шоссейных дорог тогда же составляла 72 тыс. км, в том числе с твердым покрытием — 13 тыс. км. В республике имеется в данное время большое число пассажирских авиалиний.

Социалистическая индустриализация республики оказала большое влияние на изменение классового состава населения БССР, на рост числа рабочих и служащих. В 1929 г. численность рабочих и служащих (с наемными сельскохозяйственными рабочими) достигала 294 700 человек; к 1958 г. эта цифра увеличилась до 1 551 800 человек. К настоящему времени число рабочих и служащих еще более возросло. Только в 1961 г. численность промышленных рабочих в важнейших отраслях промышленности составила 510,6 тыс. человек; из них 144,5 тыс.

Автоматизация на тракторном заводе (1963 г.)

было занято в машиностроении и металлообработке. За годы Советской власти высокое развитие техники привело к резкому изменению профессионального состава рабочего класса. Из лексикона совершенно исчезло слово «чернорабочий». Появилось множество совершенно новых специальностей (газопроводчик, газосварщик, термист, шахтер, нефтяник и др.).

В процессе индустриализации Белорусской ССР неуклонно увеличивалась численность городского населения. Если в 1939 г. она равнялась 1855 тыс., то к 1960 г.— 2623 тыс., а к 1 января 1962 г.— 2912 тыс. человек и составляла 35% всего населения.

За годы Советской власти в Белоруссии выросли кадры потомственных рабочих, ветеранов социалистической промышленности. В республике имеются семьи, из которых вышли два, три и более поколения рабочих. Являясь носителями лучших традиций, потомственные рабочие служат основным костяком, вокруг которого растет и сплачивается рабочий класс белорусской социалистической нации. Коммунистическая партия Белоруссии и правительство республики заботятся о планомерной подготовке кадров для промышленности. Ежегодно ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения БССР оканчивают тысячи юношей и девушек. Белорусские рабочие неустанно повышают свои технические знания, овладевают сложнейшими производственными процессами в совершенно новых отраслях производства.

Важную роль в коренном облегчении труда рабочего класса Советской Белоруссии и улучшении его производственного быта играет высокий уровень механизации и автоматизации производства. Если до Великой Октябрьской социалистической революции белорусский пролетариат вынужден был в большинстве своем работать вручную, то в наши дни, в период развернутого строительства коммунизма, трудовые процессы полностью механизированы. Внедрение передовой техники и технологии, улучшение организации и нормирования труда, повышение квалификации рабочих, широкое развертывание социалистического соревнования и распространение опыта новаторов и передовиков производства дали возможность

Ударница коммунистического труда сборщица Минского часового завода Г. Коротышева (1961 г.)

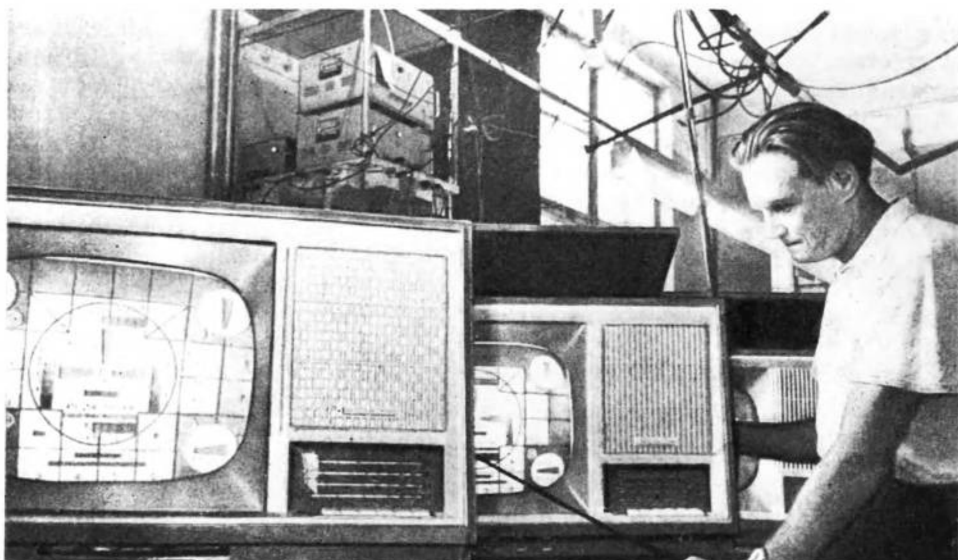
рабочему классу Белорусской ССР значительно повысить производительность труда, которую В. И. Ленин определял как «...самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»[1].

В ходе социалистического соревнования за досрочное выполнение семилетки в республике, широко развернулось движение за коммунистический труд. Возникли такие патриотические начинания новаторов, как переход на самообслуживание оборудования, борьба за технический прогресс на каждом рабочем месте, выпуск каждым рабочим продукции только отличного качества, увеличение долговечности выпускаемой продукции, досрочное освоение проектных мощностей. Почин Героев Социалистического Труда Александра Виташкевича (Минский завод автоматических линий) и Федора Алексеéвича (Минский шарикоподшипниковый завод), отказавшихся от услуг наладчиков и ремонтных рабочих, уже к сентябрю 1961 г. поддержали свыше 13 тыс. рабочих республики. «Более 20 тысяч человек,— отмечал на XXV съезде КПБ К. Т. Мазуров,— поддержали начинание слесаря-сборщика Минского автозавода Владимира Приходченко и включились в борьбу за технический прогресс на своих рабочих местах»[2].

На промышленных предприятиях республики большое внимание уделяется гигиене труда, имеются вентиляционные установки, отопление и достаточное освещение. Труженики обеспечиваются специальной одеждой и обувью, предохраняющей от вредных влияний на их организм. Рабочие многих категорий получают специальное бесплатное питание (молоко, сливки и другие продукты). Корпуса предприятий Белоруссии, построенные за годы Советской власти и возводящиеся теперь, рассчитаны на максимальное облегчение труда рабочих. Семиэтажное здание главного корпуса Минского часового завода, например, сложено из специальных стеклянных блоков. Для притока свежего воздуха сооружены фильтры. Все цехи снабжены новейшим оборудованием. Рабочие обеспечены спецодеждой (белые халаты, шапочки и др.).

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.
[2] К. Т. Мазуров. Указ. соч., стр. 18.



Минский радиозавод. Проверка готовой продукции (1963 г.)

На некоторых заводах и фабриках во время обеденного перерыва демонстрируются короткометражные кинофильмы, проводятся беседы, читаются лекции, организуются концерты. Условия труда рабочих белорусских предприятий постоянно изучаются и контролируются медико-санитарными учреждениями. Санитарная служба республики ежегодно проводит обязательные проверки гигиенических условий труда и состояния техники безопасности на заводах и фабриках. При многих предприятиях работают ночные санатории для рабочих. Организовано медико-санитарное обслуживание рабочих на заводах и фабриках. В конце 1960 г. на промышленных предприятиях республики имелось, например, свыше 700 пунктов охраны здоровья.

Автоматизация и механизация производства, высокий уровень гигиены труда благотворно влияют на общий жизненный уклад рабочего. Труд не обессиливает его, не превращает в придаток машины.

В период развернутого строительства коммунизма труд для рабочего становится жизненной потребностью. Этому способствуют вся наша советская действительность, мудрая политика Коммунистической партии, прогресс науки и техники в нашей стране.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

В дореволюционной Белоруссии существовало несколько типов сельских поселений. Крестьянские поселения с глубокой древности назывались деревнями и селами.

Дореволюционные крестьянские поселения и жилище

С усилением польско-шляхетского господства в Белоруссии (XVI—XVII вв.) появились ранее неизвестные типы поселений — *околицы* и *застенки*. Околицы — поселения мелкой шляхты, занимавшейся сельским хозяйством. Располагались они около деревень. Застенок представлял собой хуторское поселение мелкой шляхты, получившее свое название от расположения участка земли, на котором он основался.

При трехполье каждое из трех крестьянских полей имело свои *стены*, т. е. точно обозначенные границы. Все земли села, лежавшие за пределами этих стен, назывались застенковыми землями или застенками. Обычно застенковые земли отдавались мелкой шляхте, которая и селилась там одним или несколькими дворами. Одиночный крестьянский двор назывался обычно *выселкам* или *прысёлкам*. В белорусском языке с древних времен известно также название *хутар*. В Полесье, особенно в юго-западной его части, хутором называли выселок. Хуторская система как определенная форма землепользования впервые появилась в Белоруссии в 80-х годах XIX в. До столыпинской реформы в Белоруссии были известны только два района хуторского расселения: Витебско-Могилевский и Гродненский. После столыпинской реформы хуторские хозяйства появились по всей Белоруссии. Различие между селом и деревней в конце XIX в. состояло в том, что село являлось своего рода административным центром, где обычно находились волостное правление, школа и церковь. Села обычно располагались в центре своих земельных угодий.

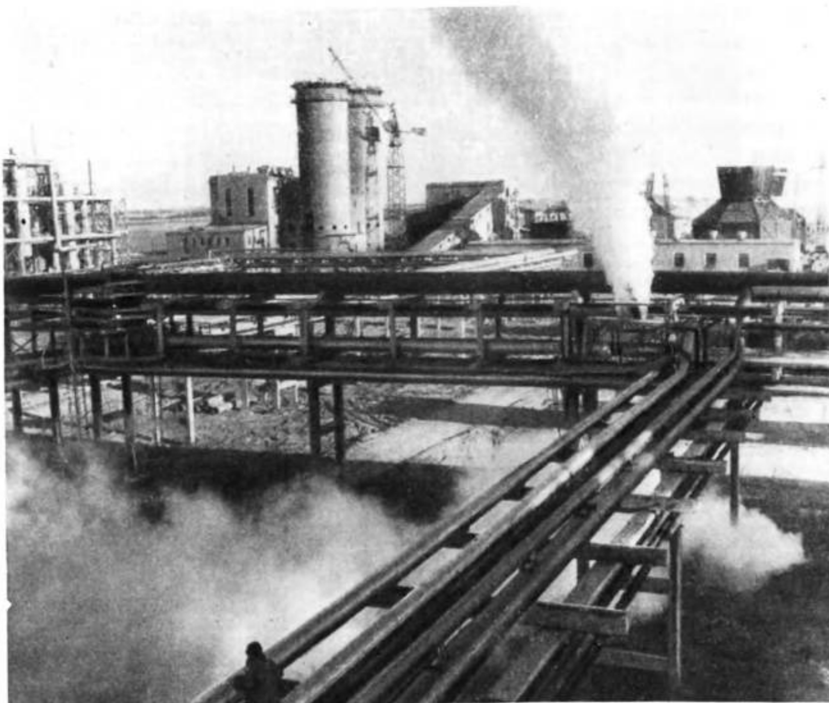
Число дворов в белорусских деревнях колебалось от 10 до более 100. В некоторой степени оно определялось характером поселения. Застенки и выселки обычно были малодворными. Нередко поселок в три-четыре двора называли деревней. Многие такие малодворные поселения с ростом населения превратились в большие села, насчитывавшие в XIX в. иногда до тысячи жителей. Характерными для Белоруссии поселениями были также *местечки*, являвшиеся средоточием ремесла и торговли.

В XIX в. господствовал тип планировки сельских поселений, при котором деревни вытягивались в одну или несколько улиц и застраивались жилыми постройками с обеих сторон. Вот одно из описаний типичного сельского поселения дореволюционной Белоруссии (северо-восточной части Пинского уезда): «Деревни встречаются редко, и вы на них натыкаетесь, так сказать, неожиданно: ничто вам не указывает близкого их присутствия — разве старая церковь, обсаженная деревьями, с наклонившейся колокольней и обветшавшей оградой. По дороге, о которой не всякий может составить себе понятие, въезжаете вы на грязную улицу, по обеим сторонам которой тянутся в два ряда черные, закоптелые от дыма крестьянские избы с прилегающими к ним хозяйственными строениями. Деревни имеют самый печальный вид»[1]. В ряде уездов (Минском и Пинском Минской губ., Ошмянском Виленской губ.) встречались еще деревни старинной планировки с односторонней застройкой жилыми домами. По другую сторону улицы ставились хозяйственные постройки и гумна.

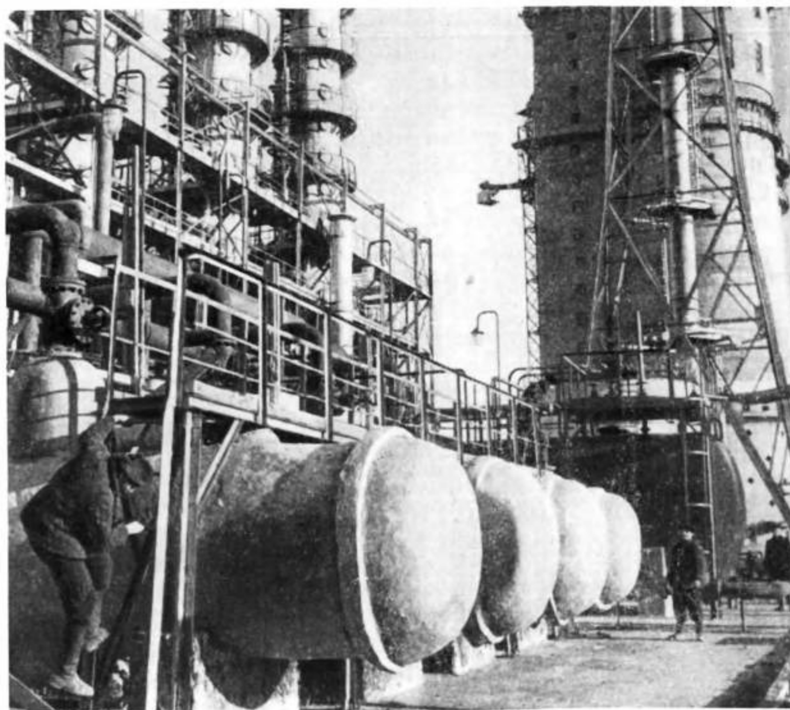
Планировка крестьянских усадеб находилась в тесной взаимосвязи с планировкой сельских поселений, а также с размером и формой надельных приусадебных участков. В деревнях с односторонней застройкой близ жилья оставляли иногда только клеть (*амбар*), навес для дров (*паветку*) и сарайчик (*хлеў*) для свиней. Прочие хозяйственные постройки: гумно, навесы и хлевы ставились по противоположной стороне улицы. У наиболее зажиточных крестьян эти постройки ставились замкнутым четырехугольником, в который вели плотные ворота с крышей. Часто в центре такого четырехугольника копали колодец. При застройке деревни жилыми постройками с обеих сторон улицы хозяйственные строения находились в одном общем комплексе с жильем. К XIX в. сложилось несколько довольно устойчивых типов крестьянской усадьбы, связанных с такой планировкой деревень. Для юго-запада и запада Белоруссии в XIX в. были характерны усадьбы, застроенные однорядными или двухрядными связями. При однорядной связи все хозяйственные постройки

---

[1] В. Быковский. Свадебные обряды и песни в Пинском уезде Минской губ. «Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год». Вильна. 1868, стр. 63.



Гродненский азотно-туковый завод (1963 г.)



Общий вид цеха выработки слабой азотной кислоты
и аммиачной селитры (1963 г.)

(*клець*, *паветка*, *хлеў*) ставились в один ряд с хатой под сплошную крышу. Только гумно было на некотором удалении. Все эти постройки располагались вдоль одной стороны усадьбы. Другая сторона либо прилегала к стене соседнего двора, либо огораживалась плотным забором. Таким же забором огораживали двор с улицы и со стороны поля. При двухрядной связи постройки ставились с двух сторон усадьбы. Для северо-востока Белоруссии был характерен так называемый веночный двор. Здесь постройки группировались около хаты, образуя вместе с нею замкнутый четырехугольник, застроенный с трех сторон постройками, а с четвертой огороженный плотным бревенчатым забором (*замётам*). При любом типе усадьбы хаты ставились окнами к улице.

Белорусское крестьянское жилище представляло собой срубную постройку. Почти до середины XIX в. крестьяне обходились без каких-либо привозных материалов. Строили хату обычно из сосны, а если поблизости не было соснового леса, то употреблялись другие породы древесины. Фундамент в крестьянском жилище появился не ранее середины XIX в. До этого времени обычно сруб ставился прямо на землю. В некоторых местностях под углы хаты подкладывались деревянные колоды или большие валуны. Вокруг стен делалась земляная насыпь — завалина (*прызба*). Венцы сруба по углам соединялись так называемым простым углом (*у обла*, *у чашку*). Этот прием рубки является древнейшим способом соединения венцов сруба. Сруб сооружался из неотесанных круглых бревен. Между бревнами сруба прокладывался мох.

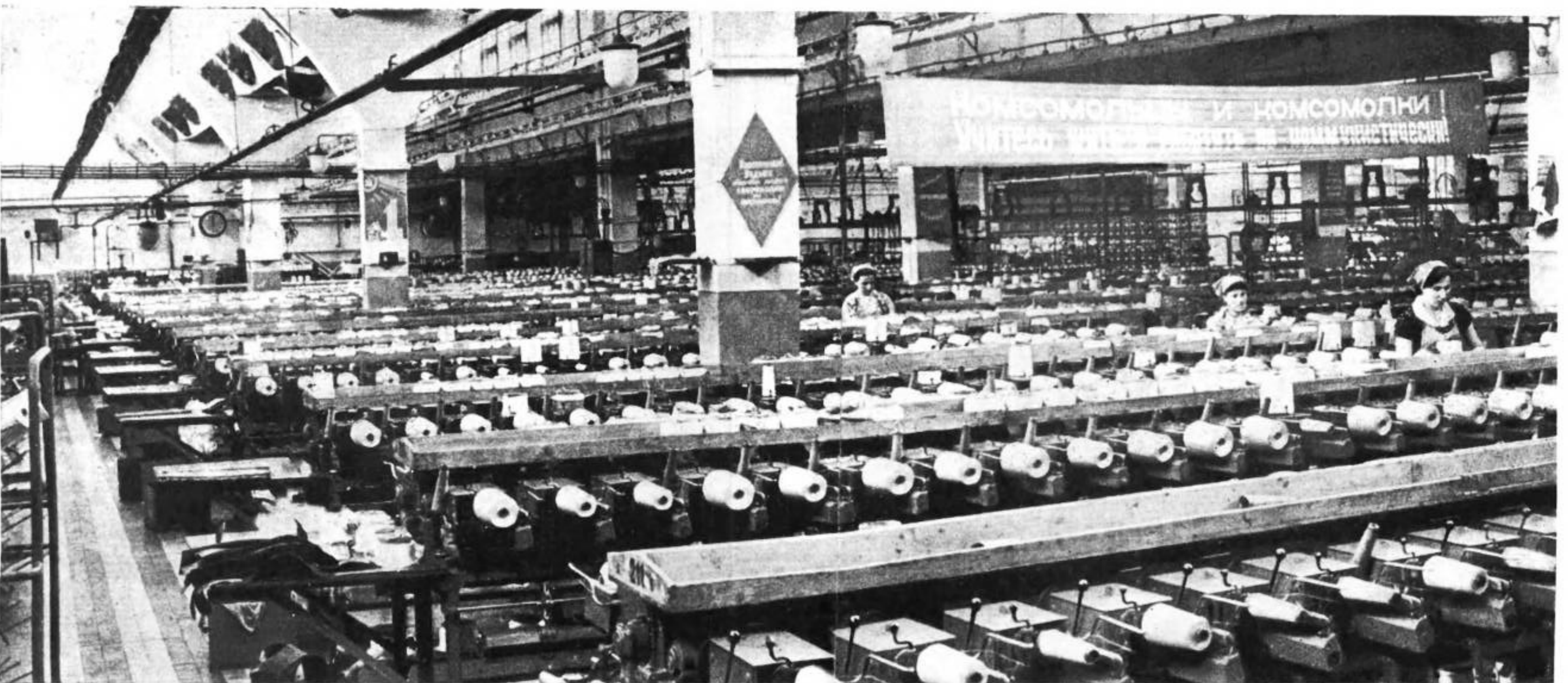
Наиболее распространенной формой крыши белорусской крестьянской избы издавна была двухскатная. Четырехскатная крыша преобладала только на крайнем юге. Преобладающей конструкцией крыши в феодальную эпоху была крыша *закотам* и крыша *на ключах*. С середины XIX в. в крестьянском строительстве широко распространилась стропильная конструкция крыши. Обычным кровельным материалом в белорусской деревне в XIX в. была солома. В приречных и приозерных местах встречалась также камышовая (*чаротавая*) кровля. Наиболее древним по своей конструкции типом потолка, бытовавшим еще в XIX в., был потолок сводчатый, позднее его вытеснил плоский потолок[1].

Окна в хате прорубались обычно небольшие. В древности они не имели рам и стекла, были волоковыми, т. е. задвигались дощечкой. Со второй половины XIX в. волоковые окна встречались только в сенях и коморах. С появлением стекла в оконные проемы начали вставлять раму с мелким переплетом. Зимних рам в старинных крестьянских хатах не было совсем, поэтому во время сильных морозов на окна навешивали сплетенные из соломы *маты*. По обычаю в хатах белорусов прорубались три окна, из которых одно находилось против дверей, в передней поперечной стене, выходящей к улице, а два других размещались по смежной длинной стене ближе к углам хаты.

Пол в хатах был глинобитный или просто земляной.

Характерным типом белорусского крестьянского жилища являлась срубная двухкамерная постройка (хата + сени). Хата (жилое помещение) не делилась перегородками на отдельные комнаты; она служила одновременно местом приготовления пищи, корма для домашних животных, помещением для домашней работы и спальней для всей семьи. Здесь же в холодное зимнее время находились теленок, поросята и птица. Большое место в хате занимала печь, которая помещалась в левом или правом от дверей углу. До середины XIX в., а в некоторых местах до начала XX в. печи топились по-черному, т. е. без дымовой трубы. Дым во время топки выходил через открытые окна и двери, а также через специальное отверстие

[1] Сводчатый потолок встречался двух видов: полукруглый, который выкладывался из тонких бревен, и трапециевидный — из досок (так называемый потолок «в три доски»).



Могилевский завод искусственного волокна им. Куйбышева (1962 г.)

Ганак — крыльцо дома (Минская обл.,1959 г.)

в стене или потолке. В зависимости от расположения печи размещалась обстановка жилища. По диагонали от печи находился всегда красный угол (*кут*, *покуць*), где ставился небольшой стол. Вдоль двух смежных стен укреплялись широкие неподвижные *лавы*, которые сходились в красном углу. Основным спальным местом служил *пол* — помост в виде нар, который настилался вдоль глухой стены от печи до передней стены. Часто над нижними нарами устраивались *палаці* — верхний помост.

На стене, отделяющей сени от хаты, подвешивалась полка (*паліца*). Из подвижной «мебели» можно отметить небольшую скамейку (*услон*), которая ставилась у стола. В зимнее и весеннее время хата загромождалась ткацким станом (*кроснамі*). Из внутренних украшений дореволюционной крестьянской хаты можно назвать прежде всего художественно затканные или вышитые длинные полотенца (*ручнікі*), которые вывешивались в «покуці» на иконах и на стенах.

В капиталистическую эпоху вместе с развитием производительных сил и с преобразованиями в экономике некоторые изменения претерпело и белорусское крестьянское жилище. Во второй половине XIX в. постепенно стали исчезать такие элементы и особенности крестьянского жилища феодальной эпохи, как волоковые окна, конструкция крыши «закотом» либо «на ключах», сводчатые потолки, печи без дымовых труб, а в ряде случаев и земляной пол. Несколько изменился и внешний облик деревни. На общем фоне подавляющей массы низеньких обветшалых хат бедноты выделялись добротные жилые помещения и хозяйственные постройки кулаков и зажиточной части крестьянства, а также здание волостного правления, дом священника, располагавшиеся обычно в более удобной части села. Однако существенной ломки исторически сложившихся традиционных черт белорусских поселений и жилища не произошло.

Изменения в сельском жилище и поселениях после Великой Октябрьской революции

Коренные преобразования, происшедшие в деревне после Великой Октябрьской социалистической революции, отразились на характере сельских поселений, на их типе и планировке. В результате нового землеустройства населенные пункты стали быстро разрастаться за счет рассредоточения усадеб. Появились новые улицы, исчезла теснота; улицы, особенно вновь отстроенные, стали более прямыми и широкими. Особенно существенно изменился облик села после коллективизации сельского хозяйства. В результате переустройства хозяйства в деревнях наряду с жилыми комплексами

Улица в деревне (Гродненская обл., 1960 г.)

Одна из улиц в деревне (Могилевская обл., 1961 г.)

появились неизвестные ранее комплексы хозяйственных и культурно-бытовых построек. Хозяйственно-производственные строения располагаются обычно за пределами зоны жилых домов, группируясь чаще всего в одном месте. Такое размещение способствовало улучшению санитарно-гигиенического состояния деревень. Культурно-бытовые постройки располагались, как правило, в центре селения. В общем комплексе с ними оборудовались спортплощадки, разбивался сквер или сад.

Широко развернувшееся строительство хозяйственных и культурно-бытовых зданий в колхозах Белоруссии было прервано в июне 1941 г. вероломным нападением гитлеровской Германии на СССР и трехлетней вражеской оккупацией. Гитлеровцы разрушили и сожгли более 200 городов и районных центров, около 10 тыс. сел и деревень Белоруссии. Были опустошены целые районы Витебской, Минской, Могилевской, Гомельской областей. От некоторых населенных пунктов остались только названия или случайно уцелевшие единичные постройки.

После освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков белорусский народ сразу же приступил к возрождению своих городов и деревень.

Советское правительство оказало огромную помощь колхозному крестьянству Белоруссии долгосрочными денежными ссудами и стройматериалами. В колхозах были созданы специальные строительные бригады, укомплектованные опытными мастерами. Благодаря помощи государства, трудящихся всего Союза и героическим усилиям самого населения Белоруссии почти все разрушенные фашистскими оккупантами колхозные селения были восстановлены уже в годы первой послевоенной пятилетки. Восстанавливались они, как правило, на прежних местах, но нередко по новому плану.

Колхозники Белоруссии активно претворяют в жизнь решения XXII съезда партии. Составляются генеральные планы строительства новых жилых кварталов, культурно-бытовых и хозяйственных секторов в колхозах и совхозах; предусматривается прокладка широких улиц, строительство учреждений бытового обслуживания — швейных и сапожных мастерских, парикмахерских, столовых, магазинов и т. п. На благоустройство деревень и перестройку их по новой планировке колхозы и совхозы республики ежегодно выделяют из своего бюджета значительные ассигнования. Так, в сельхозартели им. XXI съезда КПСС Кобринского района Брестской обл. на капитальное строительство в 1960 г. было выделено 830 тыс. руб., а в 1961 г. эта сумма была значительно увеличена.

При перестройке колхозной деревни большое внимание уделяется ее коммунальному благоустройству и озеленению. Теперь почти везде на приусадебных участках колхозников растут фруктовые деревья, а перед окнами домов имеются палисадники с цветами. Во многих колхозах есть общественные сады. В послевоенные годы в белорусской деревне широко развернулось движение за озеленение колхозных улиц, шоссейных и проселочных дорог, закладку школьных участков, парков или скверов при клубах.

Интенсивное строительство в деревне зданий культурно-бытового назначения (клубов, кинотеатров, школ, детсадов и яслей) и промышленных предприятий существенно изменяет внешний облик сел и приводит к постепенному стиранию различий между городом и деревней. В условиях колхозного строя заметно изменились планировка крестьянской усадьбы, ее общий вид, а также число и характер построек на усадьбах самих колхозников. Обобществление рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и транспортных средств привело к тому, что отпала необходимость в ряде хозяйственных построек: в конюшне, сарае для хранения сельскохозяйственного инвентаря, гумне. Теперь на усадьбе колхозников размещаются только хлев для домашних животных, *істопка*,

Дом колхозника (Гродненская обл., 1960 г.)

где хранят овощи и картофель, поветь для дров, погреб. При современной планировке усадьбы хозяйственные постройки не ставятся вплотную к жилому строению. По традиции они несколько удалены от него и находятся в глубине двора, располагаясь перпендикулярно или параллельно к основной линии застройки.

Жилой дом обычно ставится в углу усадьбы так, что одна стена его примыкает к приусадебному участку соседа, чаще всего к саду. Такой принцип застройки довольно устойчив и характерен для всей Белоруссии, он позволяет более удобно распределить приусадебную площадь. Такая планировка характерна и для многих усадеб рабочих совхозов при индивидуальной застройке.

Существенные изменения произошли в жилище сельского населения. В строительной технике появился целый ряд новых приемов и конструктивных деталей, которые раньше имели незначительное распространение. Сейчас при возведении жилого дома под первый венец сруба обязательно подводят фундамент. В современных домах колхозников фундамент возвышается над землей на 40—50 см; на смену господствовавшему до революции земляному появился деревянный пол (*падлога*). Хотя сельским жилищем и в настоящее время является чаще срубная постройка, однако венцы в ней соединяются уже чистым углом («у лапу») без выступающих концов бревен. Угол обшивается досками. На обшивке угла нередко вырезают украшения. В послевоенные годы в сельской местности стали внедряться новые строительные материалы: кирпич, шлакобетон, пустотелые блоки, саман и т. д. Форма крыш осталась традиционной — двухскатная (преобладает на северо-востоке Белоруссии) либо четырехскатная (часто встречается на юго-западе Белоруссии). Конструкция крыши на стропилах окончательно вытеснила все другие виды. Широко распространено покрытие щепой, дранкой или гонтом. Все чаще встречаются на селе дома с железными, черепичными, шиферными крышами.

В современных домах колхозников число окон возросло до пяти—восьми, что непосредственно связано с увеличением площади жилого

Улица

Кладовая
Зал
Стол
Кровать
Грубка
Скрыня
Печь
Кровать
Сени
Кухня
Стол
Лава
Лава
Улица

1

Комора
Канапа
Зал
Стол
Печь
Груб ка
Кухня
Спальня
Стол
Кровать
Кровать
Улица
Крыльцо

2

Навес
Кладовая (стебка)
Сени
Кровать
Стол
Зал
Канапа
Шкаф
Печь
Грубка
Кухня
Спальня
Стол
Кровать
Кровать
Улица

3

Истопка
Печь
Грубка
Кровать
Кухня
Зал
Спальня
Стол
Кровать
Улица
Крыльцо

4

Кровать
Кровать
Стол
Кладовая
Кровать
Спальня
Зал
Шкаф
Нары
Грубка
Кровать
Печь
Крыльцо
Сени
Кухня
Столовая
Лава
Стол
Стол
Лава
Улица

5

Комора
Кровать
Стол
Спальня
Сени
Грубка
Канапа
Печь
Кухня
Коридор
Крыльцо
Кровать
Грубка
Улица
Шкаф
Зал
Кровать
Стол
Канапа

6

Планы современных домов в деревне:

1 — отживающий тип планировки, *2 — 4* — планы домов из двух жилых комнат, *5*, *6* — дома с новой развивающейся многокомнатной планировкой

Двухквартирный жилой дом. Совхоз Озерцы (Витебская обл., 1963 г.)

помещения и с его новой внутренней планировкой. Окна открываются на две половины и имеют зимние рамы. Резные наличники украшают окна с внешней стороны.

Новые черты колхозного жилища особенно ярко проявляются во внутренней планировке дома. На смену однокомнатной хате пришел просторный дом, состоящий из двух-трех-четырех комнат. Это свидетельствует о значительном улучшении жилищных условий крестьянства при колхозном строе. Наиболее распространенным типом жилища в селах Белоруссии является сейчас дом из двух жилых комнат с сенями и *каморай* (кладовая). С растущим культурным уровнем и зажиточностью белорусского села усиливаются поиски все более удобных форм жилища. В последние годы многие колхозники и рабочие совхозов Белоруссии стали строить трехкомнатные и четырехкомнатные дома. Внешне такие дома выглядят так же, как двухкомнатные. В трехкомнатном жилище, как и в двухкомнатном, помещение делится капитальной стеной поперек на две части (пятистенок). Первая, примыкающая к сеням, служит кухней, другая часть дома делится легкой перегородкой на две неравные комнаты — зал и спальню.

Дальнейшее развитие внутренней планировки дома белорусского колхозника идет по линии разделения первой половины дома также на две комнаты, в результате чего от кухни отделяется столовая. В Белоруссии встречаются и другие типы планировки многокомнатного колхозного жилища. Иногда многокомнатность жилища достигается в результате переоборудования под жилье ранее нежилых помещений: сеней и коморы. В последние годы в сельской местности началось строительство двух- и трехэтажных многоквартирных домов, возводимых по разработанным для сельской местности проектам. Для каждой квартиры имеется пристроенная стеклянная веранда и кладовая. В таких домах предусматривается водопровод, канализация, паровое отопление.

Усложнение внутренней планировки жилища отразилось на положении печи, которая нередко называется в Белоруссии «русской». В традиционном белорусском жилище печь ставилась в углу непосредственно

у входа и устьем всегда была повернута к боковому окну. В новых многокомнатных домах русская печь не всегда остается на своем традиционном месте. Часто она перемещается к середине всей жилой постройки, обогревая две комнаты жилища. Устье печи теперь далеко не всегда обращено к боковым окнам. Ставят печи устьем к передним окнам, а также к стене, которая раньше оставалась глухой, а ныне в ней прорублены окна. Печь не только изменила свое место и традиционный разворот устья, она сама существенно изменилась: стала меньших размеров, на шестке печи нередко устраивается плита. Уменьшилась роль русской печи при приготовлении пищи, которая часто приготовляется на *грубке*. В летнее время печи топят далеко не каждый день, а пищу готовят на керогазе, электроплитках или на газовой плите.

Не менее существенные изменения произошли во внутренней отделке и убранстве дома колхозника или рабочего совхоза. Внутри дома стены сейчас либо штукатурят и белят, либо оклеивают. Белят также печи, а иногда и потолок. Подоконники, рамы и полы красят масляной краской. Все это не только резко улучшило санитарно-гигиенические условия жилища, но и придало ему благоустроенный и уютный вид. Преобладающее большинство современных крестьянских домов обставлено мебелью фабричного производства.

Облик сельского жилища значительно изменился также благодаря таким новым явлениям для современной деревни, как электрификация, радиофикация, а в ряде мест газификация, водопровод и в отдельных случаях теплофикация.

Программа КПСС предусматривает «осуществление массовой электрификации транспорта, сельского хозяйства, быта городского и сельского населения»[1]. К настоящему времени электрифицировано почти три четверти колхозов БССР. Строится ряд новых сельских электростанций, во многие деревни протянулись высоковольтные линии из городов. Ток получают все новые колхозы и совхозы. В сельский быт пришли также водопровод и теплофикация. В колхозе «Новый быт» Минской области, например, десятки колхозных семей установили у себя в домах паровое отопление. С проведением газопровода Дашава — Минск колхозы республики, расположенные на линии трассы, начали газифицироваться. Получают газ и деревни, находящиеся в стороне от основной магистрали газопровода. Так, в дер. Цюрли, центре совхоза «Маладзечанскі», семьи рабочих пользуются газовыми плитами. В сельской местности используется и баллонный газ.

Большое культурное значение имеет радиофикация колхозных деревень. В настоящее время в основном радиофицированы все районы республики. Там, где пока еще нет радиотрансляционных линий, пользуются приемниками. Только в селах Минской области сейчас имеется свыше 206 тыс. радиоточек и около 25 тыс. радиоприемников. В быту колхозников появился телевизор. В деревнях, расположенных в радиусе действия телевизионных студий Минска, Гомеля, Витебска, Бреста, а также ретрансляционных установок Орши, Барановичей и других городов, многие колхозные семьи смотрят телевизионные передачи. В селах Минской обл. в 1961 г. насчитывалось уже более 5100 телевизоров. Число телевизоров в сельской местности ежегодно растет.

Электрификация, радиофикация, развернувшееся в широких масштабах строительство административных, хозяйственных и жилых зданий меняют традиционный вид деревень, сближая их с поселками городского типа. Программа КПСС указывает, что недалек тот час, когда «постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 69.

Интерьер квартиры колхозника (Минская обл.,1962 г.)

пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским»[1].

ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ РАБОЧИХ

Дореволюционные города

До революции в Белоруссии городское население составляло лишь 14,4%. К началу XX в. на территории Белоруссии насчитывалось 44 города. Четыре из них — Минск, Могилев, Гродно и Витебск — были губернскими центрами, а остальные — уездными или заштатными городами. Наиболее крупные белорусские города являются древнейшими населенными пунктами, существовавшими уже в эпоху Киевской Руси. Многовековая история наложила свой отпечаток на их внешний облик.

Многие города Белоруссии возникли на берегах рек, которые впоследствии становились композиционной осью городов (Минск, Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Гродно).

В тех случаях, когда город расположен на одном берегу реки (Пинск, Бобруйск, Речица, частично Гомель), исторически складывалась радиально-веерная система плана.

Архитектура Белоруссии имела свои национальные особенности, обусловленные традиционными связями с деревянным народным зодчеством и монументальным зодчеством прошлого. Характерной чертой белорусской архитектуры являлась ее тесная связь с русской. Это обнаруживается не только в деревянной архитектуре, но и в монументальных дворцовых и культовых сооружениях, как, например, дворец Паскевича в Гомеле, и в ряде других сооружений, воздвигнутых в этом городе в

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 85.

начале XIX в., а также в архитектуре дворца в Снове, дворца Чернышева в Чечерске, собора Иосифа в Могилеве и в ряде других зданий. Характерной особенностью дореволюционных городов Белоруссии было наличие большого числа разнообразных культовых зданий. В отличие от русских и украинских губерний здесь имелись не только православные церкви, но и множество синагог, молитвенных домов и костелов [1]. Нередко культовые здания становились архитектурными центрами.

До Великой Октябрьской социалистической революции лишь центры городов Белоруссии выглядели относительно благоустроенными, окраины же, где проживал рабочий люд, были запущены. Каменщики возводили роскошные храмы и господские дворцы, поражающие своим величием и красотой, а сами ютились в жалких лачугах. Окраины белорусских городов не имели даже самого элементарного благоустройства. В начале XX в. в губернском городе Минске из 169 улиц и семи площадей были вымощены камнем лишь 62 улицы и три площади, находящиеся в центральной части города. Только девять городов Белоруссии имели маломощные водонапорные станции. Жители большинства городов пользовались водой из рек или из колодцев. Вот, например, как выглядел Гомель. Архитектурным центром города являлся прекрасный дворец Паскевича с великолепным пейзажным парком на возвышенном берегу р. Сож. И в то же время недалеко от центра Гомеля раскинулось огромное «Горелое болото». «Это был рассадник малярии и антисанитарии,— вспоминает один старый рабочий.— В поросшем высокой травой гнилом болоте в грязной воде развалились свиньи, плавают утки, скачут лягушки, а тут же рядом бабы полощут белье и купаются дети» [2]. Летом на улицах города не высыхали огромные лужи. В Гомеле, как и в других белорусских городах, не было канализации. Электрическое освещение в дореволюционное время имели частично только три города Белоруссии. Минск, например, в 1910 г. освещался керосинокалильными и керосиновыми фонарями. Электричество было проведено только в центральной части города. Остальные белорусские города освещались керосиновыми фонарями, а некоторые совсем не имели освещения. В городах дореволюционной Белоруссии почти не было зеленых насаждений.

Трудящиеся жили в невероятной тесноте. Вот что писала об этом буржуазная газета «Минский листок»: «... небольшое каменное строеньице, Оно разделено экономным домовладельцем на две половины: в одной половине устроены: помойная яма... сарай для свиней, склад для дров и проч. Из другой половины, отделенной от первой тонкой в один кирпич стеною, устроено жилое помещение, которое сдается за 7 или 8 рублей в месяц. И в таком-то помещении живут люди; конечно, не роскошь, не добрая воля, а нужда их туда загнала... А вот вам еще образец: «вырыта заступом яма глубокая», выложена кирпичом немного повыше, четверти на две над поверхностью земли, и этой яме хитроумным ее владельцем придумано законное название — «подвальное помещение», в котором «отдается квартира, состоящая из комнат». Окна этих комнат у самого потолка величиною не более пол-аршина. Стена и потолок испещрены узорами плесени и сырости. И в этих комнатах, в каждой из них заживо похоронено душ пять-шесть; днем грязная улица, ночью сырой подвал — вот как проходит жизнь некоторых бедняков» [3]. Множество рабочих с семьями жило в фабричных казармах, сколоченных из горбыля. «Здесь обычно имелись деревянные козлы вместо кроватей, наскоро сбитый стол, небольшая печь рядом с входной дверью, проход посредине шириной в один-два шага...

---

[1] В начале XX в. на территории Белоруссии действовало 3 тыс. церквей, 704 синагоги, свыше 300 молитвенных домов, 113 костелов.

[2] С. Лебедев. Гомель. Минск, 1957, стр. 29.

[3] «Минский листок», 1900 г., № 39.

Дом-музей Якуба Коласа (Минск, 1964 г)

Кто-либо из членов семьи располагался на ночь в проходе. Часто использовалась для спанья и площадь под нарами»[1].

Собственные дома рабочих представляли собой небольшие, зачастую ветхие лачуги, почти не отличавшиеся от убогих крестьянских хат. В таком доме часто жили две-три семьи. Внутри жилище выглядело не лучше, чем снаружи. Обстановка состояла из стола и табуретов простой кустарной работы, деревянной кровати или нар. Немало рабочих жило в землянках. Так была заселена, например, окраина Гомеля, носившая поэтическое название «Кавказ». Там «на откосах глубоких рвов, в крошечных убогих лачужках, мазанках, а то и просто пещерах и землянках ютилась городская беднота — ремесленники, рыбаки, рабочие пристани»[2]. Предприниматели и городские власти ничего не делали для разрешения жилищного вопроса и минимального благоустройства рабочих окраин. До Великой Октябрьской социалистической революции трудовому населению были недоступны даже конки, проходившие по центральным улицам некоторых наиболее крупных городов. Из всех городов Белоруссии трамвайная линия была только в Витебске. Она была проведена в 1898 г. на средства бельгийского акционерного общества по одному маршруту: вокзал — Больничная улица с ответвлением на Гоголевскую улицу. Общая длина трамвайной линии составляла 6 км. Пятнадцать узкоколейных бельгийских вагонов, называемых жителями Витебска «черепахами», перевозили в год около 250 тыс. человек. Купцы, дворяне, чиновники дореволюционных белорусских городов ездили в бричках или каретах.

Благоустройство советских городов

Советская власть с первых дней своего существования проявила большую заботу о создании для рабочих нормальных жилищных условий. Сразу же после Октябрьской революции многие семьи рабочих были переселены из трущоб и подвалов в дома и особняки, ранее принадлежавшие представителям эксплуататорских классов.

[1] См.: АИИЭФ БССР, ф. 6, оп. 7, д. 20, стр. 40.
[2] С. Лебедев. Указ. соч., стр. 29.

Вокзал в Бресте (1963 г.)

За годы довоенных пятилеток в городах Белоруссии было построено много новых жилых домов. Жилой фонд республики с 1926 по 1940 г. вырос в 3,8 раза. Неустанно благоустраивались все белорусские города и городские поселки.

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики нанесли огромный ущерб хозяйству республики. Города Белоруссии были сожжены и превращены в руины. После изгнания гитлеровских оккупантов развернулась грандиозная восстановительная работа. Были разработаны генеральные планы, по которым отстраивались белорусские города. Сохранение и улучшение исторически сложившейся планировки составляют главную цель послевоенных генеральных планов белорусского градостроительства. В городах, имевших исторически сложившуюся радиальную систему плана, предусматривалось превращение радиальной системы в радиально-кольцевую наряду с расширением и реконструкцией основных радиальных направлений. В городах с радиально-веерной системой плана к радиальным магистралям добавлялись полукольца или касательные направления, обеспечивающие бесперебойное сообщение между соседними районами минуя центр.

При исправлении недостатков исторически сложившейся планировки белорусских городов архитекторы предусматривают, помимо реконструкции системы магистралей, четкую организацию жилых и промышленных районов, а также центрального ансамбля и площадей, создание необходимых транспортных, коммунальных и прочих сетей обслуживания городского населения.

Кроме этих общих черт, каждый древний белорусский город имеет и особенности своей исторически сложившейся планировки. Для Орши, например, было характерно разобщение отдельных районов города крупным железнодорожным узлом и широким Днепром. Эта разобщенность преодолевалась реконструкцией двух главных городских магистралей, которые тесно связывают разобщенные районы. Получив правительственную и всенародную помощь, белорусский народ не только восстановил

Гостиница «Беларусь» в Минске (1963 г.)

Советская площадь

свои города, но и значительно их расширил, благоустроил, озеленил. Города Белорусской ССР изменились до неузнаваемости. Они стали краше, чем были до войны. В каждом городе — широкие асфальтированные улицы, застроенные многоэтажными домами, просторные парки, водопровод, канализация, электричество. Закончено строительство газопровода Дашава — Минск, и ряд городов Белоруссии получил природный газ.

Одной из важнейших черт современного градостроительства является ликвидация разницы между центром и окраиной. «...Я с тем большим удовольствием повторяю,— сказал французский писатель Луи Вильфос,— что белорусская столица является образцовым городом для любого города во Франции подобных же размеров, городом, предоставляющим комфорт и удобства всем, а не только какой-то ограниченной привилегированной группе»[1].

Советское государство делает все для того, чтобы предоставить максимум удобств человеку-труженику. Предусмотрено дальнейшее благоустройство городов республики и улучшение их планировки. Вырастают все новые и новые улицы, широкие площади, тенистые парки, скверы и бульвары.

В настоящее время в каждом городе имеются автобусные маршруты, большое число легковых и грузовых такси, регулярно курсируют маршрутные такси. В Минске и Гомеле проведены троллейбусные линии.

После войны в Белорусской ССР возникло несколько совершенно но-

---

[1] «Белоруссия — глазами зарубежных гостей». Минск, 1960, стр. 18.

в Могилеве (1963 г.)

вых благоустроенных городов с красивыми архитектурными ансамблями, площадями и скверами. В их числе в первую очередь нужно назвать Солигорск, город белорусских шахтеров. Еще несколько лет назад здесь были колхозные поля, а сейчас поднялся современный город с благоустроенными жилыми кварталами, предприятиями бытового обслуживания, учреждениями культуры. Крупной стройкой послевоенных лет является Полоцкий нефтеперерабатывающий завод. Рядом со строящимся заводом вырос новый социалистический город белорусских нефтяников. Стройными рядами высятся кварталы многоэтажных домов. К концу семилетки здесь будет жить не менее 70 тыс. человек.

В республике сейчас ведется большое жилищное строительство в городах. Уже в 1956 г. жилой фонд только одного Минска превысил довоенный уровень на 35%. Ежегодно население столицы Белоруссии получает около 100 тыс. м² жилой площади, в пять раз больше, чем в довоенные годы. Только за пятую пятилетку было сдано в эксплуатацию 480 тыс. м² жилой площади, что позволило обеспечить благоустроенным жильем более 15 тыс. семейств.

Широким фронтом ведется строительство и в других городах республики. В 1960—1961 гг. рабочие и служащие городов республики получили около 2,4 млн. м² жилья. Кроме того, методом индивидуального строительства построено жилых домов общей площадью 1,6 млн. м². Таким образом, за два года введено в эксплуатацию свыше 4 млн. м² жилья, или около 100 тыс. квартир.

Широко развернулось строительство жилых микрорайонов с многоэтажными благоустроенными домами. Здесь имеются комплексы всех предприятий культурно-бытового обслуживания: детские ясли и сады,

Проспект Карла Маркса в Полоцке (1963 г.)

школы, больницы, магазины, различные бытовые мастерские, кинотеатры. Все это играет большую роль в формировании нового, коммунистического быта.

В современных белорусских городах в основном исчезли так называемые рабочие кварталы и рабочие слободки. Поселки Минского тракторного и автомобильного заводов, например,— это тот же социалистический город со всеми видами коммунальных удобств. Рабочий класс Советской Белоруссии, как и всей советской страны, качественно изменился, неизмеримо выросла его культура, и это наложило свой отпечаток на строительство жилья для рабочих.

В БССР широко распространен метод самодеятельного строительства. Рабочие сами возводят четырех-восьми-шестнадцатиквартирные дома со всеми коммунальными удобствами. Предприятие обеспечивает их проектами, строительными материалами, оборудованием, техникой.

Характерно, что уже сейчас для рабочих строят главным образом двух- и трехкомнатные квартиры. Большинство семей получает отдельные благоустроенные квартиры. Прекращено строительство жилых домов с так называемой коридорной системой. Проектируя новые дома, белорусские архитекторы учитывают запросы семей разного состава. Поэтому предусмотрены дома с разнообразной планировкой квартир.

До последних лет на окраинах белорусских городов развивалось и индивидуальное жилищное строительство. Дома строились в три—пять комнат. Многие из них сооружались из кирпича, шлакобетона и других местных строительных материалов. Это жилище имеет обычно высокий фундамент, много окон. Крыты они чаще железом или шифером. Деревянные дома, встречающиеся еще на окраинах городов, возводятся не из круглых бревен, а из брусьев, но сохраняют многие черты традиционного белорусского срубного жилища; фундаменты сооружаются из кирпича или камня. Крыши покрыты железом, шифером, гонтом, реже — черепицей. Много домов строится с мансардами. Большинство индивидуальных домов рабочих Белоруссии состоит из двух-трех комнат. За последние годы темпы индивидуального жилищного строительства, особенно

Дворец профсоюзов в Минске (1963 г.)

Дворец текстильщиков в Гродно (1963 г.)

Средняя школа в Минске. Урок химии (1964 г.)

в крупных городах, замедлились, в частности потому, что оно не в состоянии полностью обеспечить бытовые удобства.

За годы Советской власти повысилось количество выпускаемой промышленностью мебели и улучшилось внутреннее убранство жилищ рабочих. Из домашнего быта белорусских рабочих навсегда исчезли деревянные скамьи, сундуки. Их прочно заменила фабричная мебель — платяные шкафы, диваны, кушетки, книжные шкафы, буфеты, трюмо, радиоприемники, телевизоры, ковры, картины. В квартирах рабочих все чаще можно увидеть пианино.

Вполне закономерно, что условия городской жизни приводят к выработке таких черт, которые становятся общими для многих наций и народностей Советского Союза. Процесс такого взаимовлияния и сближения имеет прогрессивное значение, так как он обогащает культуру и быт каждого отдельного народа, ведет к созданию интернациональных традиций у народов нашей Родины.

ОДЕЖДА

Для традиционной белорусской одежды было характерно относительное единство как всего комплекса народного костюма, так и основных его частей на всей территории расселения белорусов. Некоторые областные особенности проявлялись преимущественно в характере украшения одежды, в ее расцветке и покрое. В отдельных элементах одежды сказывались связи с соседними народами.

Традиционная одежда

В конце XIX — начале XX в. основные части мужского традиционного костюма белорусского крестьянина составляли белая полотняная сорочка (рубаха, *кашуля*), полотняные штаны (*нагавіцы*) и пояс. Наиболее древним покроем рубахи был туникообразный, но такая рубаха у белорусов в конце XIX в. встречалась лишь изредка. Мужская рубаха доходила почти до колен, старики носили иногда длинные рубахи и ниже

колен. Характерной особенностью белорусской мужской рубахи являлся прямой грудной разрез. Этим она отличалась от более поздней по времени появления русской косоворотки, у которой разрез был на левой стороне груди. У выходной, праздничной рубахи, сшитой из более тонкого, отбеленного полотна, вдоль грудного разреза, прикрывая его, шла широкая полоса, отделанная вышивкой (*манішка*, *грудзіна*).

Мужская рубаха (Брестская обл.)

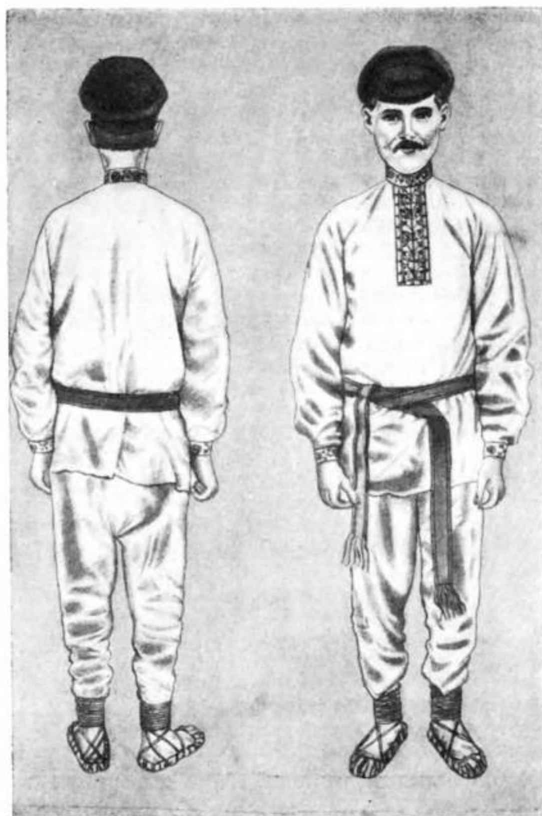
Вышивкой или тканым узором в нарядной мужской рубахе покрывались также подол, манжеты и воротник, обычно отложной или стоячий. В юго-восточных районах Белоруссии узорной полоской иногда украшались также плечи вдоль линии вшивания рукавов. Во время работы крестьяне носили рубахи без всяких украшений. Такой же, как того требовал обычай, была и рубаха, приготовленная «на смерть».

У ворота рубаха застегивалась на одну пуговку (деревянную или металлическую), иногда завязывалась двумя пришитыми тесемками или красным шнурочком (*жычкай*), продетым через петельки. В отличие от украинцев, носивших рубахи заправленными в штаны, белорусские мужчины, как и русские, носили рубахи поверх штанов. Рубаха подвязывалась цветным шерстяным поясом разной ширины. Пояс являлся обязательной частью традиционного мужского костюма белоруса. Завязывался пояс таким образом, чтобы, обвив талию несколько раз, концы его свисали вместе спереди или врозь на боку, чаще на левом. Иногда пояс заменял сыромятный ремень (*дзяга*) или просто шнурок (*матузок*).

Поясную мужскую одежду составляли штаны (*порты*, *порткі*, *нагавіцы*, *майткі*), обычно узкие. Холщовые штаны носили летом; шились они как из белой, некрашеной ткани, так и из цветной, чаще полосатой, темных тонов. Зимой поверх полотняных обычно надевались суконные или полусуконные штаны.

В ряде мест Белоруссии составной частью мужского крестьянского костюма являлась безрукавка (*камізэлька*), которая надевалась поверх рубахи и достигала пояса. Шилась она из домотканого сукна, обязательно цветного, часто в небольшую клетку или в полоску. Спинка без хлястика делалась из домотканого полотна. Впереди «камізэлька» застегивалась на пуговицы.

Наиболее характерными мужскими головными уборами белорусов были белые или серые, изредка коричневые валяные шапки (*валенкі*, *магеркі*, *маргелкі*). Летом носили также круглые шляпы с широкими полями (*брыль*, *капялюш*) из соломы, иногда из камыша и даже из лозы. На зиму шили овчинную шапку шерстью наружу (*кучму*), а также ушанку (*аблавуху*) из заячьего меха или из овчины. В конце XIX в. в белорусской деревне широко распространился картуз с козырьком.



Мужская традиционная одежда (начало XX в., Брестская обл.)

Характерные черты белорусского национального костюма были ярче выражены в женской крестьянской одежде. Основу ее, как и мужской одежды, составляла рубаха (*кашуля*). Древнейший тип женской рубахи туникообразного покроя почти целиком исчез к началу XX столетия и кое-где сохранился только в одежде старух. Распространенной особенностью белорусской женской рубахи было наличие в ней так называемых *палікоў*, особых прямоугольных вставок на плечах обычно из более тонкого полотна, украшенных вышитым или, чаще, тканым орнаментом.

Женской поясной одеждой надевавшейся непосредственно поверх рубахи, служили разного рода юбки из домотканины — льняные, полусуконные и шерстяные, а также из покупной фабричной материи. В будние летние дни женщина-крестьянка носила белую полотняную юбку, иногда только на подоле украшенную узкой полоской тканого орнамента. Зимние и праздничные юбки шились из полусуконной ткани, изготовленной на льняной основе с шерстяным утком или из чисто шерстяной ткани домашнего производства. Полусуконная юбка называлась *палавіннік*, *дрыліх*. Шерстяная или полусуконная домотканая юбка из яркой полосатой или клетчатой ткани почти повсеместно называлась *андарак* и являлась характерной поясной одеждой белорусской крестьянки. Искусно вытканный андарак придавал красочность белорусскому национальному костюму. Областные различия андарака проявлялись в характере и направлении полос; андараки с горизонтальными полосами были больше распространены в южных и западных областях, с вертикальными — в восточных и северных областях Белоруссии. Везде встречались андараки в клетку (*у шашкі*). В отдельных местах Гродненской, Могилевской и Гомельской губерний андараки шились из однотонного темного материала. Особенностью белорусского андарака была небольшая вставка впереди из ткани другого цвета или из холста. Название андарак, так же как *саян*, известно и литовцам («andarokas», «sijnds»), в традиционной одежде которых обнаруживается ряд черт, близких с белорусской одеждой. На восток от Белоруссии андарак далеко проник в среду русских (Смоленская, Брянская, Орловская губернии).

В некоторых районах Гомельской и Могилевской областей, расположенных на границе с украинским и южнорусским населением, до недавнего времени сохранялась старинная форма женской поясной одежды — *панева*, *паневка*, *плахта*, которая состояла из двух кусков цветной клет-

чатой шерстяной ткани, сшитых по длине до половины.

Поверх юбки белорусские женщины подвязывали передник (*фартух*) и пояс. Яркий цветной пояс издавна являлся необходимой и характерной частью белорусского национального костюма — мужского и женского. Широко был известен также плетеный или вязаный пояс.

Женская традиционная одежда (начало XX в., Могилевская обл.)

Одной из составных частей национального костюма белорусской крестьянки была цветная безрукавка (*кабат*, *гарсецік*, *шнуроўка*). Она шилась в талию, с большим грудным вырезом, обычно из фабричной материи и украшалась вышивкой, тесьмой или аппликацией. С помощью шнурков или крючков безрукавка туго стягивалась спереди, одновременно заменяя собой лиф. Более зажиточные крестьянки шили себе праздничные кабаты из парчи или бархата. В безрукавке белорусского женского костюма заметны связи с одеждой прибалтийских народов и поляков.

Головные уборы женщин-белорусок отличались заметным разнообразием. Девушки носили обручик с налобником, украшенным орнаментом, цветную ленту или узкий тонкий *ручничок* с орнаментированными налобником и концами, спадающими на спину. После выхода замуж женщина переставала носить косы и убирала волосы под чепец. По старому обычаю ей запрещалось появляться при посторонних и при родственниках мужа с непокрытой головой. Головными уборами замужних женщин были наметка в различной навивке и шитый чепец (*каптур*) с вышитым налобником, тонкий полотняный *павязнік* с орнаментированными налобником и концами, которые спускались на спину или на плечи, а также полотняный, ситцевый или шерстяной платок, повязанный *калачом* или *пад бараду*.

С проникновением в деревню городской одежды можно было наблюдать сочетание отдельных элементов традиционного и городского костюмов. Широко распространялись фабричные косынки и платки.

Дети до поступления в школу, девочки и мальчики, в дореволюционной белорусской деревне носили только белую полотняную рубашку до пят с какой-нибудь опояской. Холщовые штанишки мальчик надевал обычно в 7—8-летнем возрасте, а девочка впервые надевала юбку (*спаднічку*) в 8—9 лет.

Верхней теплой одеждой белорусов служила суконная *свитка* почти одинакового покроя для мужчин и женщин белого, серого или темно-коричневого цвета. Свитка плотно обхватывала талию и расходилась по бокам двумя клиньями, обшитыми по рубцам черным или цветным шнуром

Колхозница в черной *латухе* (Брестская обл., 1955 г.)

(*вусам*). Шнурком обшивались также шейный вырез (при отсутствии воротника) или низкий стоячий воротник, правая запахивающаяся пола, а иногда и края рукавов. Женские свитки, кроме того, украшались еще по талии (с боков) небольшими розетками или завитушками из цветных шерстяных ниток. Для северной части Белоруссии характерной верхней одеждой был так называемый *насоў*, или *касталан*— длинный белый балахон из грубого домотканого полотна с прямой спиной и часто с широким отложным воротником. Насоў носили как летом, так и зимой. В зимнее время насоў обычно надевался на кожух, чтобы уберечь его в лесу, в дороге, на работе. Короткая, выше колен, верхняя теплая одежда была известна под названием куртка, *курта*, *армячок*, *бравэрка*. Наиболее распространенной зимней верхней одеждой были овчинные тулупы (*кажухі*) и полушубки. Кожух чаще шили с прямой спиной, но встречались также кожухи, перехваченные в талии. Зимней одеждой служили также *армяк*, *чуйка*, *бурнос*, изготовлявшиеся из темного домотканого сукна. Они походили на пальто и шились с прямой спинкой.

Почти единственным видом повседневной обуви — мужской и женской, летней и зимней — у основной массы белорусского крестьянства были плетеные лыковые или лозовые лапти, которые укреплялись на ногах с помощью пеньковых или шерстяных веревок, тканой тесьмы или длинных ремешков (*аборы*, *валокі*). Сапоги (*боты*) и ботинки (*чаравікі*) имели только более зажиточные крестьяне. Бедняки обычно шили сапоги раз в жизни. Часто на всю семью была только одна пара. Обували их к свадьбе и в особо торжественных случаях. Валенки, изготовлявшиеся местными мастерами-шерстобитами, широкого распространения в белорусской деревне не имели. Социальные различия проявлялись главным образом в качестве материала и отделке одежды. В то же время начался процесс вытеснения домотканины фабричными тканями. В деревню стала проникать одежда городского покроя. Ее носила преимущественно зажиточная часть белорусской деревни (кулачество, деревенские предприниматели, мелкие торговцы), частично — молодежь средних слоев крестьянства, возвращавшиеся из городов отходники. Исчезновение старых форм крестьянской одежды в дореволюционное время особенно заметно происходило в северо-восточной части Белоруссии и близ крупных городов, куда капиталистические отношения проникли раньше и где развитие их происходило более интенсивно. С конца XIX в. и особенно накануне Октябрьской революции мужской костюм белорусского крестьянина уже

Фрагмент орнамента *бурки* — юбки (Брестская обл.)

Летник — льняная юбка (Брестская обл.)

Женские льняные сорочки:

1 — Минская обл., *2* — Гродненская обл.

Колхозница в традиционной одежде (Брестская обл., 1955 г.)

утратил ряд своих традиционных черт. Для одежды деревенских парней, например, обычной стала верхняя рубаха из покупного ситца, появился пиджак городского покроя и т. п. Образную характеристику изменений в одежде дал знаток быта белорусского народа этнограф Н. Я. Никифоровский. «Давние посетители праздничных сборищ, церкви и ярмарок,— писал он в 1895 г. о Витебской губ.,— одетые в белую балахонную или сермяжную одежду, белые соответственно сему липовики, имея на голове белые тоже «маргелки», то «обмётки», только и могли представлять одно светлое море одежд, обуви и головной покрышки... Правда, кое-где мелькнет бывало темный «брыль да казырковка» на голове отдельнаго мужчины, цветная «хустка» или венок на голове женщины, мелькнет и цветная домотканка на верхней одежде; но это только мелькнет и не нарушит гармонии белизны... Совершенно обратное впечатление получается от современного сборища в церковь, на ярмарку и игрища: тут, среди подавляющего разнообразия домотканок, покупных материй на платьях, козырьковых шапок, платков да черной кожаной обуви, белый балахон, «насов» и липовики мелькают только, но мелькают, как отторгнутые члены семьи, как чужие меж своими»[1]. Изменения в традиционной крестьянской одежде в дооктябрьские годы все же не стали массовым явлением у всех слоев крестьянства на всей территории Белоруссии. Беднота и большая часть среднего крестьянства вплоть до Октябрьской революции употребляли для изготовления одежды домотканину и сохраняли ее традиционные формы. С проникновением в деревню городских мод костюм из домотканины нередко стали шить по городскому образцу.

Городская одежда дореволюционной Белоруссии имела свои особенности. Одежда городских жителей конца XIX — начала XX в., независимо от их классовой и сословной принадлежности, изготовлялась исключительно из фабричных материалов и представляла собой довольно пеструю картину. В среде старых кадровых рабочих и ремесленников постепенно сложился свой комплекс одежды: из темной недорогой фабричной ткани — для будних дней, а из несколько более качественной ткани — для праздников. В женской одежде традиционная длинная рубаха превратилась в нижнюю и поверх нее стали носить короткую блузку навыпуск или заправленную в юбку. Мужской праздничной

[1] Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 194—195.

Фартуки (Минская обл.)

Белорусская традиционная одежда (Брестская обл., начало XX в):
1 — общий вид, *2* — головной убор

одеждой рабочего постепенно становился костюм, состоящий из пиджака и брюк (двойка) или пиджака, брюк и жилета (тройка). Женской выходной одеждой в рабочей среде было длинное платье или юбка с блузкой. Обувью у рабочих служили сапоги — у мужчин, ботинки — у женщин. Верхней теплой одеждой являлись пальто, короткие куртки на вате, поддевки. Распространенным головным убором рабочих был картуз. Одежда других слоев городского населения — мелкой буржуазии, трудовой интеллигенции, чиновников, торговцев, эксплуататорской верхушки была самой разной как по своему покрою, так и по качеству тканей.

Изменения в одежде в советский период

Коренным образом изменилась одежда сельского и городского населения Белоруссии за годы Советской власти. Произошло это не сразу. В первые годы Советской власти, в период послевоенной разрухи, крестьяне вынуждены были носить домотканину. Подобное явление наблюдалось даже в тех местах, где от ткани собственного изготовления отказались еще в предреволюционные годы. Возврат к домашнему ткачеству происходил в ряде мест и в годы Великой Отечественной войны на временно оккупированной территории Белоруссии. Но возрождение домашнего ткачества, обусловленное трудностями военных лет, было явлением временным и, естественно, не могло оказать существенного влияния на общий ход развития крестьянской одежды. После коллективизации, с исчезновением последних остатков натурального хозяйства, в деревне постепенно перестали использовать домотканину для изготовления одежды. Раньше всего стала исчезать из обихода верхняя одежда из домотканого сукна: свитки, чуйки, а также суконные андараки и плетеные шерстяные пояса. Дольше сохранялись сорочки. Существенным моментом явилась дифференциация одежды и белья.

Основными предметами современной мужской одежды являются брюки, рубашка и пиджак. Летом на работе рубашку нередко заменяет трикотажная «майка» либо рубашка с короткими рукавами. В более холодную погоду и в зимнее время, особенно для работы в лесу и в поле, надевают ватные штаны и куртки. На работу, а чаще в дорогу зимой, надевают овчинные кожухи и полушубки, иногда покрываемые тканью. Зимняя мужская одежда — теплые пиджаки, пальто и полупальто, поддевки — шьются на вате с небольшим воротником из натурального либо искусственного меха. Нередко носят еще и дубленые полушубки с овчинным воротником и такой же оторочкой по борту и нижнему краю. Праздничная мужская одежда отличается от будничной в основном качеством материала. Праздничные рубашки — обычно более светлых тонов, у молодежи — нередко шелковые, трикотажные. Выходные костюмы из шерстяных тканей покупаются чаще готовыми.

Рубашку, независимо от того, надевают ли ее под пиджак или без пиджака, обычно заправляют в брюки. Навыпуск, по традиционной манере, изредка носят вышитые рубашки с национальным орнаментом. Такие рубашки иногда подпоясывают тонким шерстяным пояском. Однако рубашки с ручной вышивкой встречаются теперь сравнительно редко. Пожилые мужчины носят навыпуск также рубашки-косоворотки, подпоясанные нешироким кожаным поясом, который почти целиком вытеснил тканый пояс. В праздничные дни и при поездках в город молодые парни и мужчины средних лет надевают галстук. Головными уборами мужчин служат кепки, шляпы, зимние шапки-ушанки. В послевоенные годы в деревне распространились фабричные соломенные шляпы. Но соломенная шляпа для сельского жителя республики не является новинкой. В ряде районов Брестской обл. до недавнего времени соломенные шляпы с полями искусно изготовляли сами крестьяне.

Резкие изменения заметны и в обуви. Из обихода давно исчезли лапти. Весной и осенью колхозники носят сапоги, яловые, хромовые или

Традиционная одежда:
1 — мужские сорочки, *2* — андарак

Традиционный костюм (самодеятельные артисты на стадионе «Динамо» в Минске)

резиновые, а также галоши. Зимой носят валенки с галошами либо бурки с кожаной обшивкой. Летом выходной обувью служат кожаные полуботинки или туфли, а также кожаные сандалии.

Женская одежда гораздо разнообразнее как по фасонам, так и по расцветке. Все виды современной крестьянской женской одежды шьются из покупного фабричного материала: ситца, штапельного полотна, сатина, бумазеи, шелка, шерсти и др. Особенностью костюма пожилых женщин является обязательный традиционный передник, который носят не только во время работы и в будние дни, но и в праздники. Передник также шьется из покупного материала, хотя кое-где сохраняются еще фартуки из тонкого, хорошо отбеленного домашнего полотна, с кружевом по нижнему краю, с вышивкой. На голове носят платки: в теплое время — ситцевые, в холодное — шерстяные. Характерный головной убор замужней женщины до революции — чепец — теперь изредка можно встретить только у самых пожилых женщин.

Пожилые женщины предпочитают кофту и юбку (*спадніцу*), которая по традиции шьется из плотной материи — однотонной, в полоску или клетку, т. е. близкой по рисунку к старинным домотканым андаракам. В силу традиции пожилые колхозницы носят длинные и широкие юбки со сборками у пояса. Кофты шьют обычно из ситца, сатина, бумазеи, а праздничные кофты — нередко из шерсти или плотного шелка. Кофты изготовляются с кокеткой вверху и разрезом спереди; небольшой отложной воротничок в таких кофтах плотно прилегает к шее. Рукав, как правило, длинный, внизу кончается манжетом (*чэхлікам*, *каўняром*) с пуговкой. Поверх кофты надевают темную жакетку на подкладке, сшитую прямым покроем, немного суженную в талии, с прямым рукавом без манжета. Жакетка, обычно двубортная с отложным воротником, застегивается спереди двумя-тремя пуговицами. В осеннее и зимнее время, а иногда и летом в прохладную погоду пожилые женщины носят поверх кофты безрукавки на вате. Одежда молодых женщин и девушек не только более разнообразна по фасонам и покрою, но и богаче по количеству ее составных частей. К ней принадлежат различные платья, платья-костюмы, отдельные юбки, кофты, костюмы, сарафаны, вязаные кофточки и проч.

При известном разнообразии в современной женской одежде сельских тружениц наблюдается относительная устойчивость фасонов. Особенно это заметно в рабочей одежде, покрой и материал которой наиболее приспособлены к работе. Так, на полевых работах в летнее жаркое время девушки и женщины носят обычно юбки с кофточками или чаще легкие платья из ситца, вольты и т. п. На работе поверх платья или юбки иногда надевают передник. Шьется он из пестрого ситца или сатина. Работницы животноводческих ферм вместо передников надевают халаты. Весной и осенью, когда еще прохладно, а зимой при небольших морозах на работу носят короткие простеганные ватные куртки. На голове во все времена года носят платки, летом более легкие, светлые. В холодное время повязывают теплые платки темных цветов. Летом платки повязывают вокруг головы концами на затылке. Теплые платки подвязываются под подбородком, но чаще вокруг шеи. В некоторых местах девушки и молодые женщины по традиции украшают головные платки вышивкой.

Из обуви летом на работе женщины носят парусиновые или кожаные туфли, босоножки, сандалии, осенью — в основном резиновые или кожаные сапоги. В зимнее время многие носят валенки. Каждая женщина имеет выходную, праздничную обувь — кожаные цветные туфли, нарядные босоножки, не редкостью стали лакированные и замшевые туфли. Праздничное платье молодых колхозниц и работниц совхозов мало чем отличается от городского. За последние годы неизмеримо возросло желание красиво одеваться. Летние праздничные платья шьются из шелка разных сортов и различной, чаще всего яркой расцветки.

Одежда является наиболее подвижным элементом народной материальной культуры, и каждый год вносит что-то новое как в общий комплекс костюма, так и в отдельные детали покроя.

Детская одежда в первые годы Советской власти, как и ранее, копировала одежду взрослых. Часто детей одевали вообще в обноски старших. Летом дети бегали босиком и только перед началом занятий в школе обували ботинки либо сапожки. Теперь детская одежда стала разнообразной и добротной, и костюмы крестьянских детей мало отличаются от одежды городской детворы.

Исчезновение домотканины не только освободило крестьянскую женщину от изнурительного кропотливого труда, но принесло более удобные практичные формы одежды. Основным фактором, позволившим повсеместно перейти к одежде из покупной ткани, является рост зажиточности белорусского колхозного крестьянства, развитие промышленности, а также культурный рост народа. В деревне еще ткут, но ткут художественные покрывала (*посцiлкi*), рушники, скатерти и другие декоративные ткани. В свободное от работы и учебы время девушки и женщины вышивают, но не домотканую одежду, а предметы, служащие для украшения дома. Национальный орнамент больше сохранился в тканых изделиях. В последние годы экспериментальные мастерские Управления легкой промышленности БССР и Дом моделей создают новые виды одежды, используя элементы традиционного национального костюма.

В городе наиболее распространенными мужскими костюмами в первые годы Советской власти были костюмы военного покроя — широкие галифе, защитного цвета гимнастерки, ремень военного образца. Женщины, сражаясь плечом к плечу с мужчинами на фронтах гражданской войны, тоже носили гимнастерки. Верхней одеждой часто были кожаные куртки.

В настоящее время рабочие промышленных предприятий и строек обычно носят в качестве спецодежды куртки, брюки, комбинезоны, кожаные или брезентовые фартуки и рукавицы. Внепроизводственная одежда рабочих ничем не отличается от одежды интеллигенции. В праздничные дни, в театрах, в кино, в парках нельзя определить по костюму профессию советского человека. В нашей стране, где постепенно и неуклонно уничтожаются грани между умственным и физическим трудом, стирание разницы в одежде служащих, рабочих, колхозников — закономерное явление.

ПИЩА

Основным источником продуктов питания белорусского крестьянства до революции было его хозяйство. Покупались только соль, которая привозилась из города, да некоторые лакомства (конфеты, пряники), иногда приобретавшиеся в лавках, на базаре или ярмарке для больных и детей. Количество, качество и разнообразие пищи зависели от уровня материального благосостояния различных слоев деревенского населения. На качестве питания наиболее отчетливо отражалось имущественное положение крестьянской семьи. В то время как господствующие классы пользовались изысканной кухней, употребляли лучшие иностранные вина, трудовое население испытывало постоянную нужду в самом необходимом. С развитием капитализма и классовой дифференциацией деревни все более остро проявлялись различия в пище бедняцкой и кулацкой частей крестьянства Белоруссии.

Основным продуктом питания белорусского крестьянства был ржаной хлеб. Его употребляли в будни и праздники, в постные и скоромные дни, дома, на работе и в дороге. Он был и самостоятельным кушаньем, и необходимым дополнением ко всем блюдам. Однако чистый, без примесей, ржаной хлеб вплоть до Октябрьской революции был доступен только наиболее

зажиточной части крестьянства. Преобладающая масса белорусских крестьян средней зажиточности употребляла хлеб, испеченный из плохо просеянной муки, который в ряде мест назывался «градовым». Бедняки ели обычно «пушной» хлеб, который выпекался из муки, изготовленной из непровеянного зерна. Постоянная нужда и частые неурожаи заставляли крестьян в ржаную муку домешивать в той или иной пропорции мякину и есть «мякинный» хлеб. В XIX в. с увеличением посевов картофеля в обиход широко входит картофельный (*бульбяны*) хлеб. Он состоял обычно наполовину из ржаной муки, наполовину из мятого вареного или натертого сырого картофеля. В неурожайные годы к ржаной муке, кроме мякины, примешивались также толченые желуди, листья лебеды, молодого папоротника, болотного бобовника. Хлеб пекли из квашеного теста непосредственно на поду печи.

Из печеного хлеба готовили тюрю (*рулі*). Для этого куски черствого хлеба, корки, сухари крошили в квас, сыворотку или чаще просто в соленую воду. Детям иногда делали поджаренный (*пражаны*) хлеб. Из хлебного теста пекли еще особого рода лепешки (*лапуны*, *скавароднікі*, *сачні*). Их брали на работу или подавали к завтраку, когда кончался печеный хлеб.

В ряде мест Витебской губ. лапуны, намазанные тонким слоем творога, сметаны, масла, толченым маком или коноплей, посылались родственникам во время семейных праздников в качестве гостинца.

Излюбленным национальным кушаньем белорусов были блины, картофельные и мучные. Их пекли обычно в праздничные дни. Из муки готовили и ряд других кушаний: *баўтуху*, или *калатуху*, *кулéш*, *зацирку*. Готовились они из ячменной, ржаной, гречневой, редко из пшеничной муки. Наряду с мучными изделиями у белорусов с глубокой древности были известны и крупяные кушанья: каша и суп (*крупеня*, *крупнік*). Густую кашу в будни варили только у зажиточных крестьян, у бедняков она появлялась на столе только в праздничные дни. Варили ее из ячменной, гречневой и из просяной крупы.

Широко распространенным блюдом в крестьянском быту были щи (*капуста*). Обычно сама капуста входила в них в качестве одной из составных частей. В щи клали еще рубленую свеклу, морковь, а иногда репу и брюкву. Варили капусту обыкновенно с добавлением ржаной или пшеничной муки (*з закалотаю*), которая придавала блюду известную густоту. Таким же распространенным жидким кушаньем был и борщ из свеклы (*буракі*). Весной и летом варили зеленые щи из щавеля (*шчаўе*), борщ из стеблей и листьев свеклы (*бацвінне*, *зеляніна*). В ряде мест, например в Витебской губ., вместо капусты иногда делали так называемую *поліўку*. Это кислое кушанье готовилось из кваса, свекольного рассола или сыворотки с добавлением мучной закалоты и тех же приправ, которые клались в щи.

Картофель (*бульба*, *картопля*) прочно вошел в пищевой рацион белорусских крестьян с XIX в. Со второй половины XIX в. картофель становится одним из основных пищевых продуктов белорусов. Из него готовилось множество блюд: *камы*, клецки, картофельная бабка, *дранікі* (картофельные блины) и т. д.

Мясо как самостоятельное кушанье на крестьянском столе появлялось в редких случаях. Обычно им заправляли (*закраса*) овощные, картофельные и мучные блюда. Праздничным мясным кушаньем была *мачанка* (*пражаніна*, *маканіна*, *мачанне*). В жидкое тесто из ржаной или пшеничной муки крошили мелкие кусочки сваренного свиного сала, колбасы, добавляли лук, перец и жареное сало. Все это в закрытой глиняной посуде ставили в печь. В ряде мест это блюдо называли *верашчакай*.

Молоко чаще употреблялось также как приправа к различным кушаньям. Прибавлялось оно в незначительных количествах и при подаче кушанья на стол.

54 Заказ № 888

Ежедневная пища белорусского крестьянина имела некоторые различия в зависимости от времени года. Весной переходили на свежую зелень, варили крапиву, щавель. В летней пище преобладали свежие овощи: зеленый лук, иногда с квасом, отваренные бобы. Более разнообразной и обильной пища была осенью после сбора урожая.

Независимо от имущественного положения и времени года в пище белорусских крестьян сохранялись различия в праздничные и обычные дни, в посты и *мясаеды*. Обрядовые блюда готовились как в дни христианских религиозных праздников, так и в традиционно-народные праздники, связанные с пережитками дохристианских культов: в сочельник (на *куццю*), на рождество (на *каляду*), в дни поминовения умерших (*дзяды*, *радуніца*); *бабіна каша* готовилась на крестинах (*радзінах*), каравай — на свадьбе и проч.

Состав блюд домашнего питания рабочих дореволюционной Белоруссии мало чем отличался от крестьянского. В нем преобладали каши, картофельные блюда, мучные изделия. Молоко и овощи рабочие употребляли реже, чем крестьяне. На предприятиях столовых обычно не было. Рабочие питались всухомятку, нередко хлебом с водой.

Все эти особенности сохранились в быту белорусского населения вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

В годы гражданской войны и послевоенной разрухи, когда республика восстанавливала свое хозяйство и залечивала раны, питание и состав блюд на крестьянском столе не отличались обилием.

Изменения в питании более интенсивно стали проявляться после коллективизации сельского хозяйства. Основным источником продуктов питания крестьян-колхозников является общественное хозяйство колхоза.

На выработанные трудодни колхозники получают главным образом рожь, пшеницу, ячмень, просо, а также картофель. В колхозах, где развито садоводство и огородничество, на трудодни выдаются овощи и фрукты. Дополнительным источником доходов крестьянского хозяйства являются приусадебные участки и личное хозяйство колхозников (корова, свиньи, овцы, домашняя птица). На приусадебных участках выращивают овощи, фрукты (яблоки, груши, сливы, вишни, смородину, малину). На некоторых приусадебных участках имеются ульи. С развитием общественного хозяйства и ростом материального благосостояния колхозников приусадебные участки постепенно теряют свое прежнее значение. В настоящее время они сокращаются в размерах, а в некоторых артелях колхозники отказываются от них.

Современное крестьянство наряду с продуктами, получаемыми от колхозного хозяйства, широко употребляет продукты, покупаемые в магазинах. В еще большей степени это относится к рабочим совхозов. В магазинах покупают хлеб, муку, сахар, кондитерские изделия, чай, соль, рыбу, консервы, колбасу, крупу.

В современной деревне также в известной степени сохраняется сезонность в питании. Летом и осенью заготавливаются овощи и фрукты, грибы и ягоды. Основные продукты питания, которые употреблялись в пищу белорусскими крестьянами, остались в большинстве своем такими, как и раньше. Изменились только способы их приготовления и особенно качественный состав блюд, сохранивших часто традиционные названия.

По-прежнему в домашнем рационе сельского населения важное место занимает хлеб. Но он не является теперь основным продуктом питания, а служит необходимым дополнением ко многим блюдам. В последние годы крестьяне все чаще покупают хлеб, выпеченный в пекарнях. Почти в каждой крестьянской семье в праздники, а нередко и в будние дни пекут из пшеничной муки пироги, блины, вареники, коржи.

Одним из наиболее широко употребляемых продуктов питания современной деревни является картофель, который в Белоруссии по традиции называют «вторым хлебом». Редко можно встретить блюдо, в котором в том или ином виде не использовался бы картофель. Его едят в виде самостоятельных кушаний и в виде гарнира. Повседневной пищей являются отварной картофель, картофельная каша или камы. По всей Белоруссии известны также традиционные картофельные блины. Из молочных продуктов наиболее употребительны молоко (сладкое и кислое), масло, сметана, творог, сыр. Яичница, раньше считавшаяся праздничным или обрядовым кушаньем, теперь стала обычным повседневным блюдом. Она часто появляется на столе, обычно на завтрак, не только в праздничные, но и в будние дни.

Для повседневного питания употребляют свинину и свиное сало. Без сала не обходится ни одна колхозная семья; оно является излюбленной пищей белорусских крестьян. Сырым его берут в поле на работу, в дорогу, на закуску. Поджаренное сало используется как приправа к различным мучным и картофельным блюдам. Из свежей свинины делают колбасы, готовят «холодное» (*халадзец*, *сцюдзень*), котлеты.

Из овощей варят главным образом первые блюда: капусту (щи), борщ, *холодник* и т. д. Сравнительно новым овощным кушаньем является винегрет, который все шире входит в крестьянское меню.

В летнюю пору готовят хлебный, ягодный или фруктовый квас. Пьют березовый и кленовый сок. Чаепитие распространено не так широко, как у русских.

Готовят пищу один, реже два раза в день. Утром на завтрак обычно пекут блины из муки, либо драники или отваривают картофель, поджаривают сало, делают яичницу. После того, как печь вытопится, туда в «дух» ставят приготовленные на обед кушанья: борщ, капусту, суп, кашу, картофельную бабку, *налісniкi*, ставят тушить картофель. Вечером часто готовят дополнительное кушанье.

Признаком нового, что приближает советскую деревню к городу, являются открывающиеся в колхозах и особенно в совхозах общественные столовые и чайные потребкооперации. Такие предприятия завоевали широкое признание у сельских жителей. Питание в общественной столовой намного экономит время. Сельские столовые и чайные используют богатый опыт городских предприятий общественного питания; в них готовят много национальных белорусских блюд.

За годы Советской власти питание белорусских рабочих несравненно улучшилось. В нашей стране огромное внимание уделяется организации общественного питания. В настоящее время в городах Белоруссии имеется много таких предприятий, в которых ежедневно питаются многие тысячи трудящихся. На XXI съезде КПСС подчеркивалось исключительно важное значение общественного питания, необходимость шире развернуть сеть фабрик-кухонь, столовых на предприятиях, иметь общественные столовые в жилых домах, чтобы члены семей трудящихся могли ими пользоваться и лучше организовать свое питание[1]. Коммунистическая партия добивается того, чтобы сеть общественного питания полностью удовлетворяла спрос населения. «Должно быть коренным образом улучшено обслуживание потребителей и качество продукции столовых,— говорится в Программе КПСС, — с тем, чтобы обеды в столовых были вкусные и питательные и обходились семье дешевле, чем при домашнем приготовлении пищи. Снижение цен на продукцию общественного питания будет опережать снижение цен на продовольствие в торговой сети. Благодаря всему этому общественное питание в течение 10—15 лет сможет занять преобладающее место по сравнению с питанием в домашних

[1] См.: Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959, стр. 53.

условиях»[1]. По данным Статистического управления БССР, питание семей трудящихся за годы Советской власти систематически улучшается. Только за период с 1939 по 1957 г. увеличилось потребление белорусскими рабочими овощей, молока и молочных продуктов, рыбы и рыбопродуктов, мяса и сала, фруктов, сахара, яиц, кондитерских изделий. Особенно резко это стало заметно в последние годы. Например, в 1960 г. потребление молочных продуктов в семьях рабочих увеличилось по сравнению с 1953 г. на 74%, в семьях колхозников — на 40%, мяса и сала в семьях рабочих — на 71%, в семьях колхозников — на 93%.

Меню белорусских рабочих семей наряду с национальными блюдами содержит много блюд, заимствованных у братских народов Советского Союза. Сохранение белорусских национальных блюд определяется прежде всего наиболее типичными для республики продуктами — картофелем, различными овощами и фруктами, а также мясом и жирами.

Обследование рациона питания семей белорусских рабочих, а также знакомство с работой заводских и фабричных столовых в разных городах республики показывает, что продукты суточного питания одного члена семьи рабочего содержат в среднем 3100—3200 калорий. Это отвечает необходимым нормам.

* * *

За годы Советской власти уровень материального благосостояния трудящихся БССР несравненно повысился. Об этом свидетельствуют не только состояние жилищ, изменения в одежде, но и пища городского и сельского населения. Происходит постепенное стирание граней между городом и деревней, физическим и умственным трудом, исчезают многие существенные различия в материальном быту городского и сельского населения.

Материальная культура белорусского народа в ходе ее исторического развития претерпевала постоянные изменения. Однако в эпоху социализма произошли коренные изменения во всех сторонах жизни белорусов. Преобразилась белорусская деревня. Изо дня в день хорошеют социалистические города. Вырастают новые промышленные центры.

Улучшение жизненных условий белорусского народа — результат неустанной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о росте благосостояния трудящихся, результат социалистического переустройства быта народа.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ТРУДЯЩИХСЯ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Быт деревни Белоруссии ограничивался рамками частнособственнических отношений, обусловливался угнетенным положением преобладающей массы крестьянства Белоруссии и его борьбой против социального гнета.

Дореволюционная общественная жизнь деревни

В начале XX в. в белорусской деревне, как и во всей России, сохранялись пережитки общинного быта. На сельских «сходах» решались основные общественные и хозяйственные вопросы: о земельных разделах, о найме пастухов, о выполнении повинностей. Сход выбирал старосту деревни (*грамады́*, *вóбчаства* — мира), сотского и десятских. Несколько обществ составляли волость, управлял которой *старшына*. Правом голоса в деревне пользовались только главы семей—хозяева (*гас-*

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 97.

падары). К решению общественных дел не допускались молодежь и женщины, за исключением вдов, оставшихся главами семей. При выборах должностных лиц местные помещики, кулаки и волостная царская администрация, поддерживаемые попом или ксендзом, навязывали угодных им людей. Специального помещения для мирских сходок в дореволюционной белорусской деревне не было. Нередко для крестьянских сходок, а также *ігрыщ* молодежи использовалась корчма.

На сельских сходах обычно сталкивались противоположные интересы различных имущественных групп, поэтому они проходили в ожесточенной борьбе. Особенно бурно проходили крестьянские сходы в период первой русской революции 1905—1907 гг. На сходах часто выступали городские рабочие, приезжие агитаторы местных организаций РСДРП, к голосу которых чутко прислушивалась крестьянская масса. В активную революционную борьбу втягивались передовые крестьяне. Повсеместно происходили самовольные порубки, покосы, захваты помещичьей земли, разгром имений, отказ от уплаты податей и налогов.

В общественной жизни белорусской деревни довольно явственно выступало деление на отдельные половозрастные группы, характеризовавшиеся кругом своих специфических интересов. Так, хозяйственные дела решались обычно мужчинами-хозяевами. Им же принадлежала основная роль в выполнении некоторых обрядов земледельческого календаря (заклинание *мароза*, первый выгон скота и др.). Женщины были главными исполнительницами многих обрядов семейно-бытового круга (крестины, свадебный ритуал, особенно коровайный обряд), основными участницами *зажынак* и *дажынак*. Особо выделялась группа холостой молодежи, достигшей брачного возраста. В ее общественной жизни важное место занимали совместные игрища и забавы (весенне-летние хороводы и зимние игры).

В крестьянском быту стойко сохранялись пережитки обычного права, которым руководствовались в разных случаях общественной и семейной жизни. Обычай, покоящийся на опыте многих поколений, устанавливал неписаные правила поведения и нравственности, отношения к собственности, к тем или иным проступкам. Эти нормы требовали от молодежи послушания и почтительного отношения к родителям и к старшим, регулировали добрачные отношения молодежи.

С общественным бытом были неразрывно связаны многие обряды, праздники и производственная деятельность белорусских крестьян. Широко была распространена *талака* (бесплатная взаимная помощь). «Грамадой», например, совершали обряды призывания (*гукання*) весны и проводов зимы. Коллективно справляли *хрэсьбіны*, свадебные обряды, погребение умершего. Общественный характер имели многие религиозные и бытовые праздники: *купалле*, *дажынкі*, *мікольшчына* или *свяча* и др.

К характерным явлениям общественного быта белорусской дореволюционной деревни относится обычай собираться осенними и зимними вечерами в хате для совместной работы, главным образом прясть (*вячоркі*, *попрадкі*, *супрадкі*).

Видное место в общественном быту занимала корчма, которая была язвой старого сельского быта. Она служила для спаивания крестьянина, местом, где «гарэлкай» можно было залить свое горе.

Общественный быт крестьян носил на себе значительный отпечаток религиозности. А. М. Горький писал: «Церковность действовала на людей подобно туману и угару. Праздники, крестные ходы, «чудотворные» иконы, крестины, свадьбы, похороны и все, чем влияла церковь на воображение людей, чем она пьянила разум,— все это играло более значительную роль в процессе «угашения разума», в деле борьбы с критической мыслью, играло бо́льшую роль, чем принято думать»[1].

---

[1] М. Горький. О литературе. М., 1961, стр. 285.

Утро на озере (Витебская обл.)

Царское правительство привлекало для борьбы с революционными настроениями белорусского народа церковь и духовенство, призванные охранять строй помещиков и капиталистов. После крестьянского восстания 1863 г. в Белоруссии развертывается усиленное строительство церквей. Многие сельские священники, в частности при помощи юродивых и кликуш, используя исповеди, выслеживали «крамолу», служили осведомителями царской охранки. Религиозный дурман, проповеди (*казанні*) попов и ксендзов являлись тем оружием, с помощью которого они стремились удержать трудящиеся массы в безропотном служении господствующим классам и царизму.

В то же время в народе развивался процесс стихийного роста атеизма. Еще в период усиленного окатоличивания в XVI в. мозырянин С. Лован объявил, что «бога на небе и души у человека, рая и ада нет»[1]. Антирелигиозные настроения особенно ширились во второй половине XIX —начале XX в. В архивах Белоруссии сохранилось много документов, отражающих рост стихийного атеизма. Так, например, 2 мая 1879 г. кобринский уездный исправник доносил, что учитель Бульковского народного училища этого уезда Осип Гижевский сказал своим ученикам: «Бога нет и ничего святого, а мир устроил разумно человек»[2].

Дореволюционные исследователи быта белорусского народа Е. Р. Романов, П. В. Шейн, Н. Я. Никифоровский и другие отмечали, что религиозные чувства не имели глубоких корней в народе, что народ нередко критически относился к религии и служителям церкви. «Отношение здешнего белоруса к религии,— сообщалось в одном описании быта крестьян Витебского уезда,— очень трудно определить; вернее всего будет сказать, что она его вовсе не интересует. В церковь белорусы ходят только для препровождения времени; крестят детей, венчаются в церкви потому только, что без этого нельзя, но внутренняя, духовная сторона религии, кажется, их вовсе не занимает»[3]. Несмотря на строгую царскую цензуру, в старых этнографических сборниках можно найти немало произведений устного

---

[1] Н. А. Алексютович. Передовая общественная и философская мысль в Белоруссии в XVI в. Автореферат кандидатской диссертации. Минск, 1955, стр. 16.

[2] Центральный государственный исторический архив БССР (Гродно) (далее — ЦГИА), ф. 1, оп. 8, № 147, л. 1.

[3] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III. СПб., 1902, стр. 13.

народного творчества, в которых отображается развитие атеизма в народе. Е. Р. Романов, публикуя в «Белорусском сборнике» образцы фольклора с антиклерикальными мотивами, говорил, что подобных фольклорных произведений имеется большое количество и все они «более или менее сатирического содержания, подчас кощунственного» [1].

Классовая ненависть народа к угнетателям распространялась и на служителей церкви. Белорусская пословица «Поп, цар і кат — адзін аднаму родны брат» ставит попа в один ряд с ненавистными фигурами царя и палача.

Социальный протест трудящихся Белоруссии приобрел новую силу в конце XIX — начале XX в., когда на арену классовой борьбы выступил пролетариат. 30 января 1903 г. начальник минского губернского жандармского управления доносил в департамент полиции: «Все молодое поколение крестьян деревни Блони церкви не посещает, православной религии не признает, а относится ко всем обрядам православной церкви насмешливо и с полным пренебрежением и находится в том убеждении, что бога не существует ... Кроме того, вся молодежь деревни Блонь пропитана социально-революционным духом, который с течением времени растет все больше и больше»[2].

В ходе классовой борьбы рос и атеизм среди трудящихся. В период революции 1905—1907 гг. и особенно во время Великой Октябрьской социалистической революции восставший народ с одинаковой ненавистью героически боролся не только против помещиков и капиталистов, но и против их прислужников — духовенства. Таким образом, в годы обостренной классовой борьбы против помещиков в дореформенное и пореформенное время и особенно в период первой русской революции общественная жизнь белорусской деревни приобретала более активные формы и выражалась в наступлении на вековых угнетателей.

Несравненно более ограниченным был общественный быт крестьян-хуторян, проживающих в отдельных дворах вдали от деревень и сел.

Общественная жизнь рабочих до Великой Октябрьской революции

Значительно отличался по своему характеру общественный быт белорусских рабочих до Октябрьской революции. В городах дореволюционной Белоруссии в большей мере, чем в деревне, бросались в глаза резкие социальные контрасты. Рядом с роскошью, в которой жила промышленная и торговая буржуазия, существовала беспросветная нищета трудящихся — рабочих и ремесленников. Города были центрами более высокой культуры, но достижения этой культуры господствующие классы стремились поставить на службу своим интересам.

Рабочий класс дореволюционной Белоруссии не был однородным. В его составе имелись кадровые потомственные рабочие и рабочие, недавно пришедшие из деревни, а потому сохранявшие еще тесные связи с ней; были железнодорожники, фабрично-заводские рабочие и рабочие мелких кустарных и полукустарных мастерских, а также разрозненный по имениям и кулацким хозяйствам сельский пролетариат. Уровень политического сознания, общественной активности и организованности этих категорий рабочих был различным. Наиболее передовой частью рабочего класса Белоруссии были железнодорожники и фабрично-заводские рабочие, сконцентрированные на более крупных предприятиях.

Крайняя нужда и жестокое угнетение сильно влияли на общественную жизнь и общественный быт рабочего класса Белоруссии. Рабочие не имели возможности посещать театр, у них не было своих клубов, библиотек. «Чем же мы занимались в нерабочее время? — вспоминает старый минский

---

[1] Е. Р. Романов. Указ. соч., т. 1, вып. III. Витебск, 1887, стр. 435.
[2] ЦГИА, ф. департамента полиции, особый отдел, № 360, ч. 31, л. 5.

железнодорожник.— Нужно сказать, что времени того у нас было совсем мало. Рабочий день длился ведь 12—13 часов и более. Но все же мы собирались... Играли в карты. Иногда пропивали последние гроши ... Нередко рабочие устраивали прогулки в лес, маевки. Наиболее сознательные труженики читали нелегальную литературу, занимались в подпольных кружках»[1].

Постепенно росло политическое сознание белорусских рабочих, выковывалась пролетарская солидарность — одна из самых замечательных черт общественного быта рабочих, их организованности. Солидарность проявлялась в различных формах — в виде помощи своему товарищу и соседу, в организации касс взаимопомощи и стачечных фондов, создававшихся из посильных взносов самих рабочих, в демонстрациях и стачках солидарности с бастующими рабочими других предприятий и других городов, в борьбе с штрейкбрехерством и т. п. «У нас было такое правило,— вспоминает бывший токарь Кошарского завода А. И. Кнюкшто,— во время получки вносить в кассу определенную сумму денег. Вносили кто сколько мог — по пятаку, два, а кто мог и по полтиннику. Из числа рабочих были выбраны специальные доверенные лица, которые собирали эти деньги»[2]. Празднования 1 Мая, проводившиеся при непосредственном участии социал-демократических организаций, стали революционной традицией белорусских рабочих к концу XIX в.

Наиболее передовые пролетарии уже на раннем этапе развития рабочего движения поняли, что для успеха борьбы за свои права нужна сплоченность, необходимо создание своих организаций. Такие организации возникали в разных городах Белоруссии. В конце XIX в. в Минске, как доносила жандармерия в 1894 г., «организовалось между рабочими всех ремесел тайное сообщество, имевшее целью возбуждать волнение среди рабочих, распространять вражду между рабочими и хозяевами и побуждать рабочих к устройству стачек и забастовок»[3]. Революционные настроения рабочих проявлялись также при проводах новобранцев. «Особенно удачно прошли у нас проводы рекрутов,— писал из Белоруссии корреспондент газеты «Рабочее дело».— В день их отправки рабочие собрались на вокзал... и в продолжение целого дня шумно праздновали на свой манер отъезд своих товарищей. Были произнесены речи о положении рабочих, об отношении к милитаризму, пелись революционные песни ...»[4].

В конце XIX в. рабочий класс Белоруссии включился в активную борьбу против эксплуататоров. «Несмотря на ... сильные стеснения и преследования со стороны властей и хозяев,— сообщалось в корреспонденции «Из Минска»,— рабочие не перестают бороться за лучшую долю. Целым рядом стачек ... они завоевали себе, за малыми исключениями, 12-ти часовой рабочий день и значительное повышение платы»[5].

Рабочим Белоруссии было свойственно высокое чувство интернационализма, воспитанное большевиками. «Политические собрания, — писала газета «Пролетарий»,— на которых присутствуют совместно рабочие христиане и евреи, происходят ... каждую неделю»[6].

На новую, высшую ступень поднялось рабочее движение в России и Белоруссии после создания революционной пролетарской партии, основанной и руководимой В. И. Лениным. Революционная марксистская партия российского пролетариата возглавила рабочий класс и повела его к

---

[1] АИИЭФ БССР, ф. 6, оп. 7, д. 20, л. 36.

[2] Л. Кунько. Этапы большого пути (История Минского станкостроительного завода имени С. М. Кирова). Минск, 1958, стр. 7.

[3] «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 842.

[4] «Борьба витебских рабочих за лучшую жизнь». Приложение № 2 к газете «Рабочее дело». Женева, 1899, стр. 6.

[5] «Работник» [Непериодический сборник]. Женева, 1897, № 3—4, стр. 62.

[6] «Пролетарий». Женева, 3 июля 1905 г., № 9.

свержению царского самодержавия и буржуазного строя, на борьбу за социальное освобождение трудящихся. Эта борьба определила характер общественного быта рабочих, дала ему содержание, выковала его формы и характерные черты. Все стороны жизни рабочего, все его помыслы, художественное творчество в той или иной мере были пронизаны духом социального протеста и борьбы.

Особой остроты революционное движение достигло в период первой русской революции 1905—1907 гг. Как только стало известно о «кровавом воскресенье» 1905 г., по Белоруссии прокатилась волна забастовок и демонстраций протеста. Мощные демонстрации рабочих проходили под политическим лозунгом «Долой самодержавие!».

В Минске всеобщая стачка продолжалась с 13 по 17 января. Чувство солидарности белорусского пролетариата с героическим русским рабочим классом было выражено в листовке Полесского комитета РСДРП, руководимого ленинцами. «Бросим душные мастерские,— призывала листовка,— оставим фабрики и заводы, объявим забастовки, пойдем на борьбу в ряды наших братьев рабочих всей России за лучшую жизнь, за исполнение наших требований ... Все за одного и один за всех,— и победа тогда за нами»[1].

В феврале-марте 1905 г. в забастовках участвовали уже десятки тысяч человек. Рабочие повсеместно выдвигали в первую очередь политические требования. 18 октября 1905 г. минский губернатор Курлов приказал расстрелять мирную рабочую демонстрацию. Было убито свыше 80 и ранено около 300 человек. Новое злодеяние царских властей вызвало гнев рабочего класса всей России. На курловский расстрел рабочие ответили новыми демонстрациями, забастовками, вооруженными столкновениями с полицией, жандармами, войсками. Революция 1905—1907 гг. сплотила рабочих вокруг большевиков. Она уничтожила существовавшую еще у части рабочих веру в «добрые» намерения царя, укрепила революционное самосознание пролетариата.

Вместе с русскими рабочими под руководством большевистской партии рабочий класс Белоруссии принял активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей трудящихся от ига капитализма.

КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Бурные дни Великого Октября всколыхнули широчайшие массы трудового народа. Установление Советской власти в Белоруссии дало возможность рабочему классу и трудящемуся крестьянству приступить к преобразованию своей жизни.

Социалистические производственные отношения с первых лет Советской власти определили характер общественной жизни рабочих, в которой прежде всего отражалось сочетание общественных и личных интересов, сознательная деятельность, направленная на укрепление и расцвет социалистической Родины.

Разумеется, новые формы общественной жизни постепенно входили в быт белорусского советского города и деревни. Как и для всех советских республик, для Белоруссии 20-х — начала 30-х годов были характерны настойчивые поиски новых форм общественного участия в решении экономических и политических задач, вставших перед молодым Советским государством, новых форм общественных праздников, коллективного проведения досуга, участия общественности в воспитании детей, в охране

---

[1] ЦГИА, ф. департамента полиции, особый отдел, д. № 4, 5, 30 (л. 72).

Празднование 40-летия ВЛКСМ в Минске

общественного порядка, в борьбе с религией и другими пережитками прошлого в быту и сознании людей.

Борьба за проведение в жизнь декрета Советской власти о земле, всенародная защита завоеваний революции в годы гражданской войны и иностранной интервенции, самоотверженная работа большевистской партии и комсомола, деятельность ревкомов, комитетов бедноты, крестьянок-делегаток и вся советская действительность пробудили к активной общественной жизни миллионные массы крестьянства. После победы колхозного строя в деревне на смену старым частнособственническим отношениям пришли новые, коллективистские, социалистические отношения. Они обусловили и иной в своей основе общественный быт белорусского крестьянства, пронизанный интересами коллективного хозяйства, всей многогранной жизни социалистического государства.

В общественной жизни колхозной и совхозной деревни, так же как и в общественном производстве, ведущая, авангардная роль принадлежит сельским коммунистам. В своей деятельности они опираются на широкие массы тружеников, привлекают их к активному участию в общественной жизни и направляют совместно с комсомольскими организациями политико-воспитательную работу.

Общественный быт современной деревни характеризуется возросшей политической активностью сельских тружеников, их участием в собраниях, производственных совещаниях, в проведении дня бригады, расширенных заседаний правления колхоза, в развитии критики и самокритики, в росте стенной печати. Одной из важных форм коммунистического воспитания тружеников деревни являются открытые партийные собрания. Общее собрание колхозников является выражением колхозной демократии, которая заключается в широком привлечении тружеников деревни к руководству делами артели. Участие членов артелей и рабочих совхозов в решении важнейших производственных вопросов развивает их самодеятельность и инициативу, активизирует общественную жизнь деревни.

Возросшая общественно-политическая активность трудящихся Белоруссии ярко проявляется в их деятельном участии во всех политических

Молодежный праздник на стадионе «Динамо» в Минске (1962 г.)

мероприятиях, проводимых в стране. Рабочие, колхозники, представители трудовой интеллигенции, избранные депутатами Верховных Советов СССР и БССР и местных Советов, участвуют в руководстве государством. Народные депутаты проводят большую общественную работу у себя на предприятиях, в колхозах и совхозах, содействуют успешному выполнению производственных планов, заботятся о насущных нуждах трудящихся.

К важнейшим изменениям общественного быта города и деревни принадлежит возросшая роль женщины во всех отраслях производства, в общественной и семейной жизни. Женщина стала активным строителем новой жизни, борцом за неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства, общественным и государственным деятелем. Среди 80 783 депутатов местных Советов республики, избранных 3 марта 1963 г., 33 818 женщин (41,9%), в том числе много колхозниц. Среди 421 депутата Верховного Совета БССР 151 женщина (35,9%). В числе депутатов Верховного Совета СССР 15 белорусских женщин. Для работы среди женщин во многих колхозах и совхозах созданы женсоветы, деятельность которых становится все более разносторонней, включая политико-воспитательную работу и вопросы быта.

Другая новая и характерная особенность общественной жизни заключается в активном участии в ней молодежи, чего, в частности, не знала старая деревня. Работая на стройках, на промышленных предприятиях, участвуя в борьбе за подъем сельского хозяйства, юноши и девушки республики выступают сознательными строителями коммунизма. Руководителем молодежи и ее вожаком являются комсомольские организации, в деятельности

Клуб колхоза «Победа» (Витебская обл , 1963 г.)

которых проявляется общественная активность молодых рабочих колхозников, учащихся. В городе и в деревне комсомол представляет большую общественную и культурную силу.

Важную роль в общественном быте рабочих играют профсоюзы.

Накануне XXI съезда КПСС возникло движение за коммунистическое отношение к труду, соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда. В этом движении живое участие принимают рабочие и труженики сельского хозяйства Белоруссии, особенно молодежь. В приветствии ЦК КПСС участникам Всесоюзного совещания передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда говорится: «Связывая воедино труд, учение и быт, это соревнование оказывает активное влияние на все стороны жизни и деятельности человека» [1].

Свободное от работы время белорусские юноши и девушки проводят весело и культурно. Центром всех массовых мероприятий в городе стал рабочий клуб или дворец культуры, в деревне — колхозный или совхозный клуб. Клуб является любимым местом отдыха городских и сельских тружеников. Здесь пропагандируются передовые методы труда, опыт новаторов производства, проводятся праздничные вечера, чествование героев труда.

Для отдыха трудящихся в Советской Белоруссии созданы все условия. Зимой, например, к услугам минчан — «лыжный» поезд, курсирующий от ст. Минск до ст. Беларусь в выходные и праздничные дни; в специально оборудованных вагонах поезда любители лыжных прогулок имеют возможность выехать за город для отдыха. До вечера поезд ожидает лыжников на конечной станции. В поезде имеются раздевалки, вагон-ресторан, медицинский пункт с дежурным врачом.

Большую массово-политическую работу проводят сельские клубы. Так, в клубе колхоза «Победа» Бобруйского района три-четыре раза в неделю демонстрируются кинофильмы, проводятся занятия кружков художественной самодеятельности. Молодежь колхоза посещает сельскую библиотеку, имеющую 8500 книг. Юношей и девушек колхоза вечером мож-

---

[1] «Правда», 28 мая 1960 г., № 149.

Выступление участников самодеятельного концерта рабочих Минского тракторного завода (1962 г.)

но увидеть в читальном зале, куда поступает около двадцати газет и журналов.

Иной характер приобрели и традиционные «вечарынкі», которые теперь часто проводятся в клубах. Перед танцами в сельских клубах читаются лекции, проводятся литературные вечера, викторины, демонстрируются кинофильмы. В колхозах и совхозах организована художественная самодеятельность, проходят смотры ее достижений.

Художественная самодеятельность широко развита и в рабочей среде. Самодеятельные театральные коллективы предприятий ставят произведения классической и советской драматургии. Минские автомобилестроители в последние годы поставили на своей сцене «Поют жаворонки» К. Крапивы, «Егор Булычов и другие» М. Горького, «Разлом» Б. Лавренева, «Поздняя любовь» А. Островского и другие пьесы.

На ряде фабрик и заводов существуют литературные объединения рабочих. Литературные группы уже много лет работают, например, на крупнейших предприятиях республики — тракторном и автомобильном заводах. Автозаводцы издали уже четыре литературных сборника («Гудок зовет», «Заводские зарницы», «Октябрем рожденные», «Сквозь годы»), в которые вошли лучшие произведения рабочих поэтов и прозаиков. Многотиражная газета тракторного завода регулярно выпускает литературные страницы, проводит литературные конкурсы. Работу с молодыми рабочими-литераторами проводят сотрудники газет «Чырвоная змена» и «Знамя юности». Начинающие авторы получают здесь квалифицированную помощь опытных мастеров слова, известных белорусских поэтов и прозаиков. Такая же работа ведется при редакциях всех областных и большинства районных газет.

Ярким проявлением общественной жизни трудящихся Белоруссии является стенная печать. В цехах, на участках, в бригадах издаются боевые листки, «молнии», бюллетени, сатирические листки и т. п. На ряде крупных предприятий республики издаются многотиражные газеты.

Труженики промышленности Белорусской ССР активно участвуют в работе научно-технических обществ, в группах рационализаторов и изобретателей. В период развернутого строительства коммунизма коренным образом меняется облик рабочего класса нашей страны. По уровню политической сознательности и культуры, по технической подготовке рабочий класс нашей страны — передовой класс советского общества.

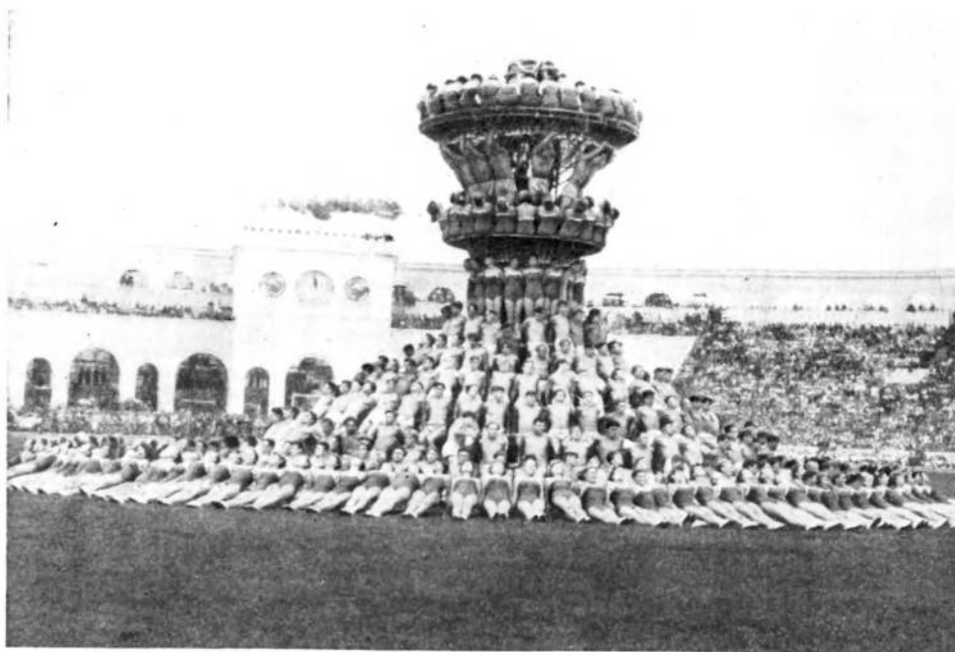
В условиях социалистического строя устойчивую форму приобрели новые праздники, связанные с выдающимися датами истории советского народа. Особенно торжественно отмечаются годовщина Октябрьской революции — 7 и 8 ноября, 1 Мая, а также Международный женский день 8 марта, дни Конституции и Советской Армии, день рождения В. И. Ленина. Как всенародные празднества прочно вошли в быт дни выборов в Верховные Советы СССР и БССР и в местные Советы. К этим праздникам труженики городов и сел готовятся с большим воодушевлением. Праздничный вид приобретают улицы, клубы, избирательные участки, правления колхозов, конторы совхозов, школы, украшенные плакатами, лозунгами, красными флагами, зеленью. Праздники отмечаются торжественными собраниями в клубах, концертами художественной самодеятельности, молодежными вечерами, танцами, бригадными товарищескими ужинами.

Как общенародный советский праздник стали отмечать Новый год. В сельский быт вошел обычай новогодних елок для детей, неизвестный старой белорусской деревне.

Белоруссия — край партизанской славы. Народ свято чтит память своих героев. В честь их сразу же после окончания Великой Отечественной войны по всей Белоруссии стали проводиться народные торжества, называемые Днем партизана. Ежегодно в местах партизанских боев и стоянок собираются бывшие партизаны и фронтовики — участники Великой Отечественной войны. Сюда приезжают и труженики города и деревни, те, кто своим упорным трудом продолжает героические дела борцов за честь и независимость нашей Родины. Собирается много жителей из окрестных деревень. Такие празднества приобретают массовый характер, на них собирается обычно по нескольку тысяч человек; выступают бывшие партизаны, ныне герои трудового фронта. Затем участники художественной самодеятельности дают концерт, после чего следует «партизанский ужин». Вот как, например, 5 июля 1959 г. проводился День партизана в дер. Лисна — месте встречи белорусских, русских и латышских партизан, действовавших на территории бывших Освейского и Россонского районов Витебской обл., Себежского района Псковской обл. и других районов. В 11 часов утра на берегу Лисянского оз., на высоком кургане, в торжественной обстановке состоялось открытие памятника партизанам, погибшим в борьбе с врагом. Пионеры возложили на памятник венки. Первым взял слово бывший начальник штаба отряда им. Симацкого тов. Жвирбля. Он рассказал о боевой дружбе советских партизан. Выступил также бывший командир латышского партизанского отряда тов. Пизенс. Рядовые партизаны, командиры отрядов и бригад рассказали о подвигах своих боевых друзей. С большим вниманием была выслушана взволнованная яркая речь бывшего командира крупного соединения народных мстителей Витебской обл. Героя Советского Союза В. Е. Лобанка. Пионеры Лиснянской школы передали бывшему командиру латышской партизанской бригады Герою Советского Союза В. П. Самсону пишущую машинку, найденную ими в старой партизанской землянке.

После митинга состоялся большой концерт художественной самодеятельности. Массовое гулянье продолжалось до поздней ночи.

Так же прошел День партизана в дер. Прошки, расположенной на стыке Российской Федерации, Белоруссии и Латвии. Там похоронены герои, отдавшие свою жизнь за счастье людей. На эту встречу съехались бывшие партизаны из Москвы, Минска, Риги, Ленинграда, Витебска,



Выступление студентов Института физкультуры на стадионе в Минске (1962 г.)

Полоцка. Они вспоминали боевых друзей, рассказывали об успехах в мирном труде, говорили о необходимости борьбы против войны и ее ужасов. Затем на том месте, где сходятся границы трех братских республик, был насыпан Курган дружбы. Бывшие партизаны договорились ежегодно приезжать сюда почтить память своих боевых товарищей.

Одно из новых явлений в быту трудящихся Белоруссии — Праздник песни. Впервые его организовали в 1947 г. и с тех пор стали ежегодно проводить во всех областях и районах Белоруссии. Праздник песни — массовое народное гулянье. Программа первых праздников песни состояла в основном из хоровых и музыкальных номеров, позднее в нее были введены танцы. Из Праздника песни вырос Праздник песни и труда, проводимый в настоящее время как торжественный смотр трудовых и творческих достижений. Праздник стал массовым, к нему заранее готовятся жители городов и сел.Первые праздники песни проходили обычно на стадионах, в последние же годы на более просторных местах — на берегу озера, реки, живописной поляне. В 1961 г. трудящиеся Минской обл. проводили свой Праздник песни на берегу оз. Нарочь. Там демонстрировали свое мастерство профессиональные и самодеятельные художественные коллективы, спортивные общества. Праздник начался исполнением сводным хором Гимна Советского Союза. Затем последовали хоровые и индивидуальные выступления. Большое внимание привлекли спортивные соревнования. Когда наступил вечер, зажегся огромный фигурный фейерверк. Эстрада на воде заполнилась танцующими. Вокруг эстрады проходил карнавал лодок, на темной поверхности озера зажглись костры. Все это сопровождалось веселыми песнями, не умолкавшими до поздней ночи.

Новые празднества трудовой славы — Праздник труда, Праздник весны, Праздник молодого хлебороба, Праздник песни, труда и славы, вечера трудовой славы — становятся традиционными.

Развиваются новые обычаи и обряды, новые социалистические традиции. Одной из них давно стало чествование передовиков. На минском кожевенном заводе «Большевик» оно проводится в торжественной обста-

новке на общезаводском вечере. Ударникам, помимо премии, вручают специальный переходящий флажок «За коммунистический труд», который укрепляется у станка. Фамилии премированных ударников вывешиваются на красных полотнищах в цехах, печатаются в памятках ударника.

К новому, что характеризует общественный быт современной деревни, принадлежат также общеколхозные и общесовхозные празднества, которые постепенно вытесняют старые религиозные праздники. Традиционные «дажынкі» в колхозной деревне приобрели новое содержание.

Интересной чертой современного общественного быта, новым обычаем стали торжественные коллективные проводы юношей в Советскую Армию. Они устраиваются либо в семье призывника, либо в клубе, либо у военкомата и выливаются в массовое празднество. Проводить призывников собираются родные, близкие, товарищи и друзья. Радостной и бодрой идет советская молодежь в армию, готовая с честью выполнить свой священный долг перед социалистической Родиной.

Тепло и торжественно провожают также старых производственников на пенсию. На вечере им преподносят подарки и постоянные пропуска на свои предприятия.

Одним из новых явлений общественного быта как города, так и деревни является участие трудящихся, особенно комсомольцев и молодежи, в охране общественного порядка. Деятельность добровольных народных дружин и товарищеских судов, созданных на заводах, фабриках и в совхозах, способствует соблюдению советской законности и правил социалистического общежития. На Минском тракторном заводе, например, народная дружина в 1963 г. состояла из нескольких сот человек, отобранных на цеховых собраниях из лучших молодых рабочих.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец господству религиозной идеологии в нашей стране. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, изданный 23 января (5 февраля) 1918 г., явился основным законодательным актом Советского государства о религии и церкви. Принятая конституция предоставила народу свободу совести и тем самым создала новые предпосылки для массового отхода трудящихся от религии. В результате социалистических преобразований в экономике, культурной революции и широкой научно-атеистической пропаганды основная масса населения Советской Белоруссии порвала с религией. Рост атеизма происходил с особой силой с начала 30-х годов. Церкви и другие культовые помещения по просьбе трудящихся переоборудовались в культурно-просветительные учреждения.

Иное положение сложилось в западной части Белоруссии, которая долгие годы находилась под тяжелым гнетом панской Польши. Начавшаяся здесь после воссоединения работа по борьбе с религиозной идеологией была прервана фашистской оккупацией. В годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии, временно оккупированной врагом, искусственно возрождались церкви и молельные дома. Неисчислимые страдания народа и усиленная религиозная пропаганда привели к некоторому увеличению числа верующих, особенно сектантов. После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков была развернута борьба с религиозной идеологией. Активная научно-атеистическая пропаганда и культурно-массовая работа проводились и в настоящее время проводятся особенно в западных районах Белоруссии, где в ряде мест католическое духовенство и сектантские организации пытаются удержаться на прежних позициях. В результате социалистических преобразований в экономике и культуре все большие массы трудящихся и в западных районах Белоруссии отходят от религии. О своем прошлом, опутанном паутиной религиозных предрассудков, они вспоминают теперь, как о кошмарном сне, как о напрасно потерянном времени. Бывший сектант-баптист В. Володько (Молодечненский район) говорит: «Я прожил напрасно 20

На стадионе «Динамо» в Минске во время праздника молодежи проносят каравай (1963 г.)

лет. Сколько интересных книг прочел бы я за это время, сколько радости в жизни узнал бы, сколько добрых дел для своего Отечества и народа сделал бы я»[1].

Главная сила, под воздействием которой происходит быстрый рост атеизма трудящихся Советской Белоруссии,— это социалистическая действительность, ежедневная практика коммунистического строительства, организаторская и политико-массовая работа Коммунистической партии.

Утверждению новой, коммунистической идеологии и отмиранию религии способствовали вошедшие в быт народа советские праздники, новые обряды (комсомольские свадьбы, октябрины), новые социалистические традиции и обычай встречать важные даты и события в жизни своей страны производственными успехами.

За годы Советской власти под воздействием новых условий многие традиционные народные праздники и обряды все больше и больше лишались религиозного содержания. В большинстве случаев празднование, связанное с рождением ребенка, уже обходится без церковного обряда крещения, свадьба — без церковного венчания, похороны — без священника и т. д. Религиозные праздники и обряды рождества, пасхи, троицы, а также вера в «святые» источники постепенно отмирают.

Белорусский народ, строящий коммунистическое общество, прочно становится на почву атеизма, окончательно порывая с религиозными предрассудками.

Победы советских ученых в области покорения космоса еще более решительно ломают старые религиозные представления о мироздании. В БССР — республике победившего социализма, как и во всей стране, вступившей в период развернутого строительства коммунизма, господствует новая, коммунистическая идеология.

---

[1] Р. В. Надольскі, А. М. Міцкевіч. Сектанцтва на Беларусі. Сб. «Пытанні рэлігіі і атэізму». Мінск, 1960, стр. 106.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ

Состав, структура и хозяйственно-экономические функции белорусской семьи изменялись в зависимости от конкретных исторических условий и развития производственных отношений. Еще в середине XIX в. среди крестьянства Белоруссии была распространена патриархальная большая семья, когда родители жили со своими женатыми или замужними детьми и их потомством. В условиях капитализма к концу XIX— началу XX в. преобладающей стала малая семья, состоящая обычно из родителей и их неженатых детей. Малой семьей была и такая семья, в которой при стариках-родителях оставался один женатый сын (обычно младший) с невесткой или, реже, замужняя дочь с зятем-приймаком и их детьми. В тех местах, куда капиталистические отношения проникали менее интенсивно, например в Могилевской и в южной части Минской губернии, в крестьянской среде сохранялась большая, неразделенная семья. По данным переписи населения России 1897 г., средний количественный состав семьи в белорусских губерниях колебался от шести до девяти человек.

Семейный дореволюционный быт

Крестьянская семья была основной экономической ячейкой в сельском хозяйстве Белоруссии. В хозяйственной деятельности крестьянской семьи существовало традиционное половозрастное разделение труда. Все хозяйственные работы обычно делились на мужские и женские. Пахота, посев, бороньба, косьба, молотьба, заготовка дров, уход за лошадьми, вывозка в поле и некоторые другие работы считались мужскими. Приготовление пищи, уход за детьми, пряденье, тканье, шитье, стирка белья, доение коров, уход за домашним скотом и птицей, жатва, сгребание сена, прополка, теребление льна, уборка картофеля за плугом, уход за огородом и ряд других работ — женскими.

С развитием капитализма и разрушением патриархальных устоев семьи грани между «мужскими» и «женскими» работами стирались. Если нехватало мужских рабочих рук, женщины и девушки выполняли мужские работы, даже такие, как пахота и косьба. В случае необходимости, особенно когда мужчины уходили на заработки, все делали женщины. Зато некоторые женские работы никогда не выполнялись мужчиной, считавшим их для себя унизительными. Например, мужчина никогда не садился за прялку или за ткацкий стан, без крайней нужды не стряпал, не доил коров.

Распорядителем основных хозяйственных работ был отец, а в случае его отсутствия — старший сын. Женщина становилась главой семьи только после смерти мужа, если в семье не было взрослого сына. Всеми женскими работами управляла жена хозяина, сам он обычно не вмешивался в специфически женские работы.

Глава семьи пользовался большим авторитетом. Однако важнейшие хозяйственные дела (начало тех или иных сельскохозяйственных работ, приобретение или продажа имущества, скота и т. д.) решались при участии взрослых членов семьи, особенно мужчин, хотя в окончательном решении основная роль принадлежала главе семьи.

Такое ограничение власти главы белорусской крестьянской семьи объясняется тем, что земля, орудия труда, скот, посевы и собранный урожай, хозяйственные постройки, мебель и домашняя утварь были общим достоянием семьи. Если в семье были взрослые и особенно женатые сыновья, глава семьи не мог самостоятельно распоряжаться этими ценностями. Личное имущество составляли одежда, обувь, украшения и некоторые другие мелкие вещи и орудия труда. Личным имуществом жены считалось ее приданое.

В условиях помещичье-буржуазного строя женщины-крестьянки терпели двойной гнет — социальный и семейный. Царское правительство не

только не боролось с обычаями, угнетавшими женщину, но укрепляло их своим законодательством. В тяжелом изнурительном труде проводили свою молодость девушки и женщины. Загруженные домашней работой и заботами, живя в бедности, они не имели возможности учиться, оставаясь на всю жизнь темными и забитыми.

Тем не менее жена-хозяйка в белорусской крестьянской семье не была бесправна. В домашнем хозяйстве, в воспитании детей, в доходах от огорода и в расходах по дому она была полноправной распорядительницей. М. В. Довнар-Запольский, наблюдавший жизнь и быт крестьян Минской губ., отмечал, что жестокое отношение к жене было явлением редким, даже более того — исключительным[1]. Иным было положение невестки (*сыновай*), которая в доме родителей мужа была угнетенным существом. Безрадостным было и положение крестьянских детей, с пятилетнего возраста участвовавших в тяжелых работах крестьянской семьи.

В семейном быту дореволюционного крестьянства Белоруссии довольно распространенным явлением было приймачество, вызванное социально-экономическими причинами. Младшие сыновья в семье, для которых невозможно было выделить часть надела, вынуждены были «пайсці ў прымы», что означало поселиться в доме жены. Горькую долю приймака правдиво выразили старые «примыцкія» песни, пословицы и поговорки — «Прымачча доля сабачча».

При заключении брака на первый план выступали соображения экономического характера, потребность в пополнении семьи работницей. Поэтому при выборе невесты особенно ценилось ее трудолюбие, экономическое состояние семьи ее родителей и приданое. Этот момент широко отражен в белорусском фольклоре. Пословица поучала: «Не выбірай сабе жонку на рынку, а выбірай сабе жонку на ніўцы»[2].

Невестой могла стать девушка, достигшая шестнадцатилетнего возраста, а женихом — юноша, которому исполнилось восемнадцать лет. Обычно девушки выходили замуж в шестнадцать— двадцать лет. Девушка старше двадцати лет считалась уже «засидевшейся», и ей грозила опасность остаться «у дзеўках». До введения всеобщей воинской повинности (1874 г.) «хлопцы» женились в восемнадцать —двадцать лет, после же введения этого закона они обзаводились семьей обычно после окончания службы в армии, в двадцать четыре —двадцать пять лет.

По существовавшим обычаям свадьбы справляли в определенное время года — поздней осенью, т. е. после окончания полевых работ, и в зимний мясоед, а также на «семуху» (семик). Заключению брака в белорусской деревне предшествовало длительное знакомство девушки и парня. Молодежь знакомилась и вместе проводила время на многочисленных «ігрышчах», «вячорках» или «супрадках». Совместные вечеринки молодежи устраивали и соседние деревни. Чаще это бывало во время ярмарок (*кіршмашоў*) или храмовых праздников (*хвэстаў*). Родители, как правило, следили за знакомствами, и, если выбор сына или дочери совпадал с их интересами, засылали сватов в дом невесты. Однако бывали случаи, когда до дня свадьбы ни жених, ни невеста не видели друг друга. Так случалось, когда родители руководствовались только хозяйственно-экономическим расчетом.

Брак закреплялся свадебным обрядом. Непосредственно свадьбе (*вяселлю*) предшествовало сватовство. Сватом по традиции был крестный отец жениха или другой его родственник, или любой женатый мужчина, но чаще для этой роли выбирался разбитной и словоохотливый человек — *гаварун*. Сваты (обычно вдвоем), иногда вместе с женихом, приходили в дом невесты и начинали «дипломатический» разговор. Его заводили издалека и иносказательно. После сватовства в некоторых местах происходили

[1] М. Довнар-Запольский. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии. «Этнографическое обозрение». 1897, № 1, стр. 106.

[2] «Не выбирай себе жену на рынке, а выбирай себе жену на нивке»

змовіны, *запоіны*, *заручыны*, во время которых родители жениха и невесты договаривались о сроках свадьбы, о приданом и т. д.

Церковное венчание, хоть и было обязательным, но в свадебном обряде не играло главной роли и могло совершаться за несколько дней или даже за несколько недель до свадьбы. Свадебная обрядность, в основном единая на всей территории Белоруссии, имела ряд местных особенностей. Условно выделяются два основных варианта свадебного ритуала — каравайный, распространенный на большей части Белоруссии, и столбовой обряд на северо-востоке. В первом случае в центре свадебного ритуала были обряды, связанные с печением и разделом каравая, а во втором — одной из важнейших церемоний «вяселля» было благословение молодых. Оно совершалось у припечного столба, которому в древности приписывались магические свойства. Все остальные обряды и обычаи свадебного ритуала в обоих вариантах в основном совпадали. Это — девичник (*суборная суботачка*), выезд жениха со своей *дружынай* за невестой, свадебный стол в доме невесты и в доме жениха, посад невесты, расплетание ее косы, *звядзенне* молодых и др. Все обряды сопровождались пением многочисленных свадебных песен.

Следует подчеркнуть общедеревенский характер белорусской свадьбы. Она была не только семейным праздником, но и большим торжеством для всей деревни. Белорусское традиционное «вяселле», богатое песнями, музыкой, древними обрядами, подлинным весельем, представляло собою яркое зрелище. Е. Р. Романов, напоминая о том, что великий А. С. Пушкин каждую русскую народную сказку считал поэмой, писал о белорусской свадьбе: «Кто присутствовал на народной свадьбе, во всех ее сложных архаических подробностях, тот с таким же правом может сказать, что каждая народная свадьба есть своеобразная опера»[1].

Большим семейным торжеством было у белорусов рождение ребенка. Главная роль при родах принадлежала деревенской бабке, которая выполняла роль акушерки. Родильных домов в сельской местности до революции не было, акушерка и та была не в каждой волости. Экономические условия принуждали женщину работать до последнего дня, поэтому нередко она рожала в поле или на работе. Знахарскими приемами бабка не только не облегчала положения роженицы, но зачастую осложняла его.

Рождение ребенка сопровождалось обрядами, первоначальный смысл которых заключался в ограждении новорожденного от злых сил и обеспечении ему счастливой доли. Роженицу в первые дни посещали родственницы и соседки, приносившие ей подарки, главным образом лакомства, и помогали по дому. Вскоре родственники, кум, кума и бабка, приглашенные родителями, собирались на крестины (*хрэсьбіны*, *ксціны*). Главным обрядовым блюдом на крестинах была *бабіна каша*. Ее варила бабка у себя дома из пшенной, гречневой или ячменной крупы. За крестинным столом кум брал горшок, разбивал его так, чтобы каша оставалась нетронутой, и при этом произносил слова, которые с достаточной ясностью раскрывали древний смысл обрядового вкушения «бабиной каши»: «Дай боже на деток, овечек, коровок, свинок, коников, всему скоту приплод, куме, куму и крестнику — здоровье и богатство». После этого на черепки горшка накладывалась каша и раздавалась гостям. В ответ гости клали на стол мелкие деньги. Момент раздачи «бабиной каши», насыщенный прибаутками и шутками, был самым веселым на крестинах. Во время торжества пели «хрэсьбінныя» песни, составлявшие особенность белорусского семейно-обрядового фольклора. В песнях этих прославлялись бабка, кумы, новорожденный и его родители.

---

[1] Е. Р. Романов. Указ. соч., вып. VIII. Вильна, 1912, стр. VI.

Родинные обряды, так же как и многие свадебные, в конце XIX — начале XX в. утратили свое первоначальное значение и превратились в обычные увеселения по случаю семейного торжества.

Обрядами сопровождались в крестьянской семье похороны и поминки. Умершего после обмывания и одевания клали в *дамавіну*, или *труну* (гроб), которую ставили на стол или на лавку, головой к «куту». По обычаю рубаху и другую одежду «на смерць» пожилые люди заготовляли заранее и давали наказ, как их одеть и что положить с ними в гроб. Умерших девушек украшали венком из цветов, как невест. Хоронили обычно на второй или, реже, на третий день после смерти, после многочисленных причитаний и прощаний. Участники похорон по приглашению ближайших родственников покойного в тот же день собирались в его доме на поминки за специально приготовленным столом. По истечении шести дней после смерти проводились *шасціны*, а через сорок дней (*сарачыны*) и через год (*гадавіны*) вновь устраивались поминки по умершему. Кроме этого, ежегодно справляли дни всеобщего поминания *радзіцеляў* и всех умерших родственников — так называемые *дзяды*. Таких дней в году было четыре. Главным поминальным днем считалась *радуніца*, отмечавшаяся во вторник после пасхальной недели. Таким образом, в семейной обрядности белорусов дореволюционного времени в некоторой степени сохранялись дохристианские верования и обряды.

Кроме семейных праздников и обрядов (свадьба, родины, поминки), отмечались и все важнейшие праздники годового круга — *каляды* (рождество), *вялікдзень* (пасха), *сёмуха* (семик) и др.

К остаткам ранних религиозных воззрений в семейном быту дореволюционного белорусского крестьянина относилась и вера в силу заговора и различные знахарские средства. Этому способствовали социально-экономические условия, в которых жило белорусское крестьянство до революции, и почти полное отсутствие организованной медицинской помощи на селе. Неудивительно, что «медицинскую помощь» стремились монополизировать знахари и шептухи. В белорусском фольклоре известно множество заговоров и заклинаний (*замоў*, *шэптаў*) от различных болезней. Наряду с этим широко использовались рациональные средства народной медицины (лечение настоями и отварами трав и кореньев и т. д.).

В семейном быту белорусского крестьянства вплоть до революции сохранялись некоторые черты патриархального быта феодальной эпохи. С развитием капитализма в деревне изменились имущественные отношения членов семьи. Уход отдельных членов семьи на заработки в город порождал у них стремление к независимости. Патриархальные устои под воздействием новых капиталистических отношений постепенно рушились. В деревню более интенсивно проникали элементы культуры города, многие пережитки исчезали или утрачивали свой первоначальный смысл.

Белорусская рабочая семья, сложившаяся в основном в эпоху капитализма, менее, чем крестьянская, подверглась воздействию частнособственнических стремлений. Карл Маркс отмечал, что крупная капиталистическая промышленность в рабочей среде «создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами»[1]. Нельзя забывать о специфических условиях, в которые была поставлена рабочая семья. Это прежде всего безработица и материальная необеспеченность. «...Машины,—указывал К. Маркс,—распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи» [2]. При системе капиталистической эксплуатации даже все работающие члены семьи, включая женщин и подростков, получали ровно столько, чтобы кое-как свести концы с концами.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1953, стр. 495.
[2] Там же, стр. 401.

В среде белорусских рабочих к концу XIX в., так же как и в среде крестьянства, бытовала малая семья. С родителями часто оставался жить младший женатый сын или младшая дочь с мужем-приймаком. Большинство семейных коллективов состояло из трех — шести человек. Внутрисемейные отношения в рабочей среде отличались от крестьянских. Это, в частности, сказывалось в том, что положение членов семьи было более равноправным. Главой дореволюционной белорусской рабочей семьи, как правило, был мужчина: отец, старший сын. Женщина чаще всего стояла во главе семейного коллектива только там, где не было взрослых лиц мужского пола. Когда старший сын подрастал, он становился главой семьи и фактически являлся главным добытчиком, кормильцем. В его непосредственном ведении находилась семейная касса. Глава рабочей семьи при решении важнейших вопросов советовался со всеми взрослыми членами семейного коллектива. Обычное право требовало от него заботы обо всех домашних, трезвого поведения, гуманности и т. п.

Если положение женщины в рабочей среде в семье было относительно более сносным, чем в крестьянской, то в хозяйственном отношении оно оставалось очень тяжелым. Женщина-работница была обязана заботиться о домашнем хозяйстве, детях при полном отсутствии яслей, детских садов и т. п. Политических прав она фактически не имела.

Администрация фабрик и заводов совершенно не заботилась об охране прав материнства. Рожать в больнице или пригласить акушерку на дом жены рабочих не имели возможности. Роды принимали обычно повивальные бабки. Из-за отсутствия отпусков по беременности работницы иногда рожали прямо у станка. Семейное законодательство царской России признавало только церковный брак. Супруги, жившие «без венца», преследовались, а их дети считались «незаконнорожденными» и лишались многих гражданских прав. В среде дореволюционных белорусских рабочих встречались единичные факты, когда семья создавалась без церковного венчания. В этом сказывалось некоторое проявление атеизма.

Приданое тоже не имело такого решающего значения, как у крестьян. Отсутствие его редко служило препятствием к заключению брака. В среде рабочих бытовала, например, известная белорусская пословица: «Не з пасагам (приданым) жыць, а з мілым чалавекам».

Сватовство в среде белорусских рабочих сохранялось больше по традиции. Дочери рабочих часто трудились на производстве, в меньшей степени, чем девушки-крестьянки, находились в экономической зависимости от отца и поэтому были более самостоятельны в выборе жениха. Свадебная обрядность белорусских рабочих не была однородной. В семьях потомственных рабочих наблюдалось меньше черт традиционной крестьянской свадьбы. Иногда ее справляли в виде товарищеской пирушки. Больше элементов традиционного белорусского «вяселля» можно было обнаружить в среде рабочих, сохранивших связь с деревней. Здесь свадьба обычно не обходилась без свата, одаривания молодых и других традиционных обрядов свадебного цикла. Венчание было обычным явлением. Свадебное пиршество чаще устраивали в воскресные или другие праздничные (в том числе и религиозные) нерабочие дни. Наиболее передовые рабочие изредка приурочивали свадьбу к революционным праздникам, особенно ко дню 1 Мая.

Обрядность, связанная с рождением и похоронами, была во многом аналогична крестьянской. В потомственных пролетарских семьях нередко хоронили без попа. В этом проявлялись революционные традиции и атеизм передовой, наиболее революционной части рабочих. «Нередко приходилось,— вспоминает один старый белорусский рабочий,— провожать в последний путь борцов за дело народа. Хоронили их по-рабочему, без попа, с пением «Вы жертвою пали», с траурным митингом у гроба»[1].

[1] АИИЭФ БССР, ф. 6, оп. 7, д. 19, стр. 156.

На формирование семейной обрядности белорусского рабочего помимо крестьянских обычаев и обрядов заметное влияние оказывали традиции русских и украинских рабочих. Пролетариев сплачивали совместный труд на производстве, общая классовая борьба против эксплуататоров и самодержавия. Поэтому отношения в рабочих семьях строились на основе взаимопомощи, дружбы и товарищества.

* * *

За годы Советской власти коренным образом изменился семейный быт белорусского крестьянства и рабочих, повысился культурный уровень семьи, изменились многие семейные обычаи и обряды.

Изменения в семейном быту в советское время

В. И. Ленин писал: «Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках»[1].

Уже в 20-е годы наблюдалось развитие новых явлений в семейном быту трудящихся республики. В быт постепенно входили социалистические нормы семейного права, начинали складываться новые внутрисемейные отношения, основанные на равноправии и взаимоуважении членов семьи, происходили некоторые изменения в традиционной семейной обрядности, возникали безрелигиозные, советские обряды — октябрины, красная свадьба, красные похороны; семейный быт начал очищаться от влияния религии и церкви.

Победа и укрепление колхозного строя изменили прежде всего социально-экономическую основу крестьянской семьи. Из обособленной хозяйственной единицы, какой она была в дореволюционной деревне, крестьянская семья в области производства стала органической частью единого коллектива — сельскохозяйственной артели. Главным источником существования современной крестьянской семьи служит уже не мелкое единоличное, а крупное коллективное хозяйство. От степени участия всех трудоспособных членов семьи в производстве стало зависеть ее материальное благосостояние. Поэтому забота о росте и процветании общественного хозяйства явилась кровным делом каждой семьи. Работа в колхозе или совхозе и принципы ее оплаты определили новые внутрисемейные отношения, характеризующиеся равноправным положением всех членов семьи. В противовес старой крестьянской семье, основанной на власти старшего, на подчинении ему и экономической зависимости от него всех остальных членов семьи, особенно женщин, возник и развился новый, социалистический тип семьи.

Изменения в семейном быту крестьян отразились на размере и структуре семьи. В условиях колхозного строя исчезли экономические причины, вызывавшие существование больших семей. Каждый достигший брачного возраста колхозник или рабочий совхоза имеет возможность создать свою семью и жить самостоятельно. Согласно Уставу сельскохозяйственной артели, отдельной семье отводится в личное пользование небольшой участок земли для застройки и подсобного хозяйства.

Преобладающей формой современной крестьянской семьи осталась малая семья, состоящая, как правило, из родителей и неженатых детей,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157.

т. е. из двух поколений. Реже семья состоит из трех поколений, когда с женатым сыном или замужней дочерью живут престарелые родители.

Численный состав современной колхозной семьи различный. Преобладают семьи из трех — пяти человек. Детей в этих семьях обычно двое-трое. В районах, особенно пострадавших в период Отечественной войны, в бывших партизанских краях, как показали исследования последних лет, средняя численность колхозной семьи несколько ниже. В Любанском районе Минской обл., например, в послевоенное десятилетие преобладала семья из трех-четырех человек

В области семейного быта больше всего изменений произошло во внутреннем строе колхозной семьи и в отношениях между ее членами. Хотя главой семьи в большинстве случаев официально остается мужчина — отец, муж, — все остальные взрослые чувствуют себя равноправными ее членами. Мать, жена является полной хозяйкой и распорядительницей в доме, управляет домашним и подсобным хозяйством. Все остальные члены семьи, включая и мужа, помогают ей по мере сил и необходимости. Ни один серьезный домашний вопрос обычно не решается без участия жены-хозяйки, без совета с нею. Наравне с мужчиной женщина стала полноправным гражданином нашей страны. Однако в домашнем быту она еще обременена многими заботами. В дальнейшем будут «...созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством»[1]. Равноправна с мужем-хозяином в наше время в семье не только жена-хозяйка, но и все остальные члены семьи, участвующие в общественном труде в колхозе или совхозе,— дочери, сыновья, невестка, зять. Особенно ярко это сказалось на том положении, которое занимает в современной крестьянской семье зять (*прымак*). Фактически он живет в доме родителей жены временно. Вскоре после женитьбы зять строит дом и становится главой своей отдельной семьи. При женитьбе на вдове приймак, придя в ее дом, часто становится главой семьи и юридическим хозяином приусадебного хозяйства, двора, который записывается на его имя. Следует, однако, отметить, что приймачество в колхозном быту явление преходящее. Оно играло более заметную роль в первые послевоенные годы, когда в колхозах оказалось немалое число вдов, имевших свое хозяйство и дом.

Нетрудоспособные старики пользуются в семье уважением и окружены заботой. То же отношение проявляется к престарелым родителям, когда они остаются одни жить в своем доме. В этом случае дети часто навещают своих родителей, помогают старикам продуктами, работой по двору и т. д.

В современной семье колхозника и рабочего совхоза воспитание детей заметно изменило свой характер. Оно воспринимается не только как ответственная обязанность родителей, но и как важное дело советской общественности. Семье в этом помогают школа, пионерская и комсомольская организации. Нередки семьи, в которых в общественной жизни колхоза или совхоза участвуют все три поколения — от пионеров-школьников до деда.

Свадебная церемония как акт публичного скрепления брака сохранилась до сих пор. Свадьба справляется весьма пышно. В сельской свадьбе в значительной степени уцелели внешние формы традиционного обряда. Почти полностью сохранились самые веселые моменты свадебной церемонии (свадебный поезд, выкуп молодой и пр.). Обряды же, связанные с древними суевериями, магическим мировоззрением и церковным культом, особенно обряды и обычаи, унижающие достоинство женщины, повсеместно исчезли. Вступающие в брак в большинстве случаев уже не венчаются в церкви. Венчание встречается чаще в западных районах республики.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 97.

В детском саду Минского завода автоматических линий (1962 г.)

где влияние церкви в силу исторических условий прошлого ощущается сильнее. В целом по Белоруссии религиозный обряд венчания можно считать исчезающим из семейного быта жителей деревни. Брак регистрируется в сельсовете, и после этого справляется свадьба.

Общественное производство, рост культуры села ликвидировали разобщенность крестьянской молодежи, обусловленную индивидуальным хозяйством и хуторским расселением. Женихи выбирают себе невест преимущественно в своей или в соседней деревне. Чрезмерно ранние браки почти не встречаются. Женщины выходят замуж в 20—21 год, мужчины женятся обычно после возвращения со службы в армии, в 23—25 лет. Изменения в общественной и производственной жизни, в материальном быту современной деревни заметно повлияли на брачные отношения крестьян. Свобода и самостоятельность молодежи в выборе спутника жизни — основная новая черта, характеризующая современные брачные отношения в деревне. Главное, что определяет сейчас заключение брака,— это личное чувство, взаимная симпатия.

Приданое (*пас'аг*) уже не является теперь обязательным условием выхода девушки замуж. Оно утратило свое экономичное значение и сохраняется лишь в силу традиции. По обычаю невеста привозит свое приданое, состоящее в основном из одежды и постельных принадлежностей.

Уже почти исчезли такие подготовительные этапы белорусской свадебной церемонии, как сватовство (*сва́танне, сугля́ды, агледзіны, змо́віны*), запоины, обручение. Роль свата, по традиции остающегося участником свадьбы, резко изменилась. Он превратился в своего рода руководителя свадебного пира. Если говорить о предварительных этапах свадьбы, то следует отметить, пожалуй, только вечер, который невеста устраивает накануне, обычно в субботу, для своих подружек. Он аналогичен русскому девичнику и в ряде мест называется «субо́рнай субо́тачкай». Этот, один из наиболее драматических моментов свадьбы в прошлом, когда невесте расплетали косу — символ девичества и она причитала, прощаясь с подружками, в современной сельской свадьбе превратился в обычную веселую вечеринку с музыкой, танцами и угощением.

Полностью сохранились также и такие традиционные моменты белорусской крестьянской свадьбы, как *дружыны* у невесты и у жениха, состоящие из близких им подруг и товарищей, и первоначальный раздельный прием гостей в доме жениха и в доме невесты. Везде сохраняется почти вся традиционная номенклатура свадебных «чинов», поездка жениха со своей дружиной за невестой. Некоторые давние свадебные обряды и обычаи сохранились до сих пор как веселые развлечения, утратив свой первоначальный смысл. Например, как пережиток древнего умыкания невесты существовал обычай запирать ворота перед женихом, приехавшим за невестой, требуя от него выкуп. Этот обычай сохранился кое-где и по сей день в сельской свадьбе как один из наиболее веселых ее моментов.

Из заключительных моментов традиционного свадебного ритуала в разных местах Белоруссии сохраняется еще торжественная перевозка приданого с участием *прыда̀нак*, а также так называемый *перазду̀* или *пярэ̀звы* — обычай, согласно которому родители невесты и близкие родственники навещают молодоженов через неделю после их свадьбы, когда вновь ставится на стол обильное угощение.

На колхозных свадьбах наряду со старыми свадебными песнями все чаще звучат современные, советские песни. Современной свадебной песней стала популярная песня И. Любана на слова А. Русака «Бывайте здоровы», которая почти всегда теперь звучит за свадебным столом.

Народ ищет новые формы свадебной обрядности, более соответствующие современному быту и взглядам советской молодежи. Поэтому возникшая в городе комсомольско-молодежная свадьба с интересом встречена также в деревне, в среде колхозной и совхозной молодежи. Комсомольская свадьба из сферы семейного быта выросла в событие более широкого общественного плана.

В семейный быт колхозников прочно вошли новые, советские и международные праздники — дни Октябрьской революции, советской Конституции, 1 Мая, 8 марта и др. Обычаем стали неизвестные ранее в деревне празднования Нового года, дней рождения.

В целом большинство свадебных, родинных и других обычаев и обрядов, относящихся к национальной традиции, подверглось значительным изменениям. Сохранилась традиционная номенклатура «чинов» родинной обрядности — бабка, кум, кума, — хотя функции их заметно изменились и стали более ограниченными. Бабка теперь оказывает помощь только после родов, купает ребенка после возвращения роженицы из роддома и обучает молодую мать обращению с ребенком. В качестве бабки по традиции принято приглашать старую опытную женщину, которая сама «ужо̀ дзяцѐй не во̀дзіць». Как только привозят роженицу с ребенком из роддома, к ней с поздравлениями, часто с цветами приходят близкие родственницы, соседки и бабка «у адвѐдзіны». На стол подается угощение с вином. Рождение девочки уже не воспринимается в крестьянской семье с огорчением, как это было в недавнем прошлом. Имя ребенку теперь дают сами родители, а не священник, как прежде. Рождение ребенка в крестьянской семье отмечается богатым пиршеством, которое независимо от того, крестили ребенка или нет, иногда еще называется по-старому крестинами (хрэсьбіны, радзіны). На крестины приглашают много гостей. Собираются все родные и близкие, однобригадники, соседи. Нередко приезжают гости из соседних колхозов. Женщины обычно приносят с собой подарки, чаще различное *пе́чыва*, колбасы домашнего изготовления, сыр. На самое почетное место усаживают бабку, рядом с ней кума с кумою и других наиболее уважаемых гостей. Центральным моментом родин остался традиционный обычай раздачи *бабінай кашы*, почти не изменившийся с дореволюционных времен. В последние годы, однако, часто вместо каши бабка стала приносить на родины торт, за которым сохраняется название «бабіна

Комсомольская свадьба. Встреча молодых хлебом-солью (Минск, 1963 г.)

каша». После раздачи каши родители новорожденного передают бабке, куму и куме свои подарки, предписанные давним этикетом.

Пережитки прошлого в семейном быту крестьянства постепенно отмирают, уступая место новому, передовому. Это новое приходит и завоевывает себе место не стихийно, не само по себе, а в процессе упорной борьбы со старым, отживающим.

В новых условиях советской действительности изменила свой облик и семья белорусского рабочего. Основой внутрисемейных отношений в рабочей семье ныне является равноправное положение всех ее членов. Семья рабочего строится на взаимной любви и уважении. Главой рабочей семьи по-прежнему чаще всего является мужчина. Однако он не имеет никаких юридических преимуществ перед другими членами семейного коллектива. В среде современного рабочего класса Белорусской ССР намечается тенденция к стиранию понятия «глава семьи». Ведением домашнего хозяйства чаще всего занимаются женщины. Они же обычно ведают и семейной кассой.

В настоящее время белорусская рабочая семья объединяет главным образом родителей и детей. Чаще всего она состоит из одной брачной пары с детьми, т. е. из двух поколений. Совместное проживание с родителями женатого сына или замужней дочери встречается реже, еще реже встречаются семьи с женатыми братьями или замужними сестрами. Присутствие в рабочих семьях родственников наблюдается только в отдельных случаях.

Каждый труженик имеет самостоятельные средства к жизни. Большинство белорусских рабочих семей состоит из трех-пяти человек. По современным данным загсов, парни из рабочей среды женятся в основном в возрасте 24—27 лет, а девушки выходят замуж обычно в 20—25 лет.

Свадьба у рабочих бывает в различной форме. В одних случаях она сохраняет значительное количество элементов традиционной белорусской свадебной обрядности, в других — справляется в виде вечеринки. Свадебное пиршество обычно происходит в воскресенье или в дни советских праздников. Приглашают много гостей, не только родственников, но и товарищей по работе. На свадьбе иногда происходит раздел «каравая», часто

заменяемого специально заказанным тортом с приветственной надписью. В последние годы распространение получила комсомольско-молодежная свадьба, которую чаще справляют в клубе. В ряде городов Белоруссии сейчас открыты дворцы бракосочетаний, где производится торжественная регистрация брака.

В семейном быту рабочих большим торжеством отмечается «серебряная» и «золотая» свадьба.

Появление ребенка в рабочей семье также отмечается торжеством. Рабочие говорят: «У каго дзецi — у таго i шчасце». Широко распространено празднование, сохранившее свое старое название «хрэсьбiны». Крещение детей в рабочих семьях встречается уже довольно редко, но обычай выбирать и приглашать кума и куму часто сохраняется. Помимо новых советских праздников в рабочей семье торжественно отмечаются также дни рождения членов семьи и новоселье.

Воспитанию детей в рабочих семьях Белоруссии, как правило, уделяется большое внимание. На примере родителей дети учатся любить свою Родину, труд, трудящегося человека.

Если женщина работает, то она обычно в несколько меньшей степени участвует в проведении общественных мероприятий. Она, как правило, больше мужчины обременена заботами о доме и о воспитании детей.

За годы Советской власти коренным образом изменился культурный облик рабочей семьи. Резко поднялся уровень образованности. Неграмотные и малограмотные люди встречаются в рабочей среде довольно редко. Большинство членов рабочих семей имеют неполное среднее и среднее образование. Многие учатся в вузах и техникумах. Газеты, журналы, радио, телевизор стали насущной потребностью рабочей семьи. Пословица говорит: «Хто газету чытае, той усё знае». Почти в каждой семье имеется домашняя библиотека. «Хорошая книга, — сказал ударник коммунистического труда, слесарь Минского станкостроительного завода им. С. М. Кирова М. Т. Ляхнович, — помогает мне жить и работать. Вы спросите как? Вот я — слесарь-инструментальщик. Каждый день новые детали делаю по чертежам инженеров и по своим. Это по-настоящему творческая работа. А хорошая книга будит фантазию, окрыляет, заражает энергией. Вот и получается, что без книги я не мог бы хорошо работать. А читаю я очень много. Перечитал всю заводскую библиотеку. Завел свою домашнюю. Даже не могу представить, как бы я мог прожить без книг своего любимого писателя Тургенева, без книг Толстого, Шолохова, Островского? Бедной и скучной была бы такая жизнь»[1]. Книги для чтения рабочие берут также в библиотеках.

Кроме чтения газет и журналов, слушания радио и просмотра телепередач, большое место в досуге рабочих занимает игра в шашки, шахматы, домино. Женщины любят вышивать. Мужчины нередко занимаются охотой, рыбной ловлей. Среди рабочих Белоруссии много любителей сбора грибов. Значительное число рабочих занимается спортом. Единицами насчитываются рабочие и члены их семей, которые не посещают кинотеатры, концерты, клубы, театры.

В нашей стране созданы все условия для культурного отдыха рабочего, обеспечен высокий уровень жизни.

Закон о переводе всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день дал возможность рабочим еще больше уделять внимания семье, лучше организовать свой отдых, повышать свою производственную квалификацию.

Черты нового, характерные для коммунистического общества, глубоко проникают не только в производственную и общественную жизнь бело-

---

[1] АИИЭФ БССР, ф. 6, оп. 7, д. 19, стр. 164.

русских рабочих, но и в их семейный быт. Встречается много семей, состоящих из рабочих и интеллигенции. Нередко рабочими фабрик и заводов являются выходцы из среды интеллигенции. Это новая черта, свойственная социалистическому обществу.

Социализм, принесший освобождение от всех видов эксплуатации, создал максимум условий для подлинного счастья рабочей и крестьянской семьи. Советский строй сформировал новый тип труженика, которого не знала история. Советский рабочий и крестьянин — это сознательный, образованный творец-созидатель, строитель нового, коммунистического общества.

КУЛЬТУРА

В истории белорусской культуры важное место принадлежит народному творчеству: устному поэтическому, музыкальному, хореографическому, художественно-прикладному. Народное искусство, достигшее небывалого расцвета в годы Советской власти, представляет огромную ценность в эстетическом, познавательном и воспитательном отношениях. Народное творчество — одна из основ развития национальной культуры, тот неиссякаемый источник, откуда постоянно черпали и черпают силы белорусская литература и профессиональное искусство.

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Одним из самых ценных сокровищ духовной культуры белорусского народа, созданной за многие столетия, является устное поэтическое творчество. В нем отразились думы и чаяния трудящихся, их героическая борьба против социального и национального гнета, многогранная жизнь народа, передовые идеи своего времени. Белорусскому фольклору присуще высокое художественное мастерство. Благодаря глубокому обобщению трудового опыта и явлений общественной жизни устное поэтическое творчество в течение многих веков было для широких масс источником знаний об окружающем мире и своеобразным кодексом морально-бытовых, этических норм. Вся история белорусской культуры — свидетельство огромной роли фольклора в развитии национальной литературы, театра, других видов искусства. Ярким примером этому может служить творчество классиков белорусской литературы Я. Купалы и Я. Коласа.

Развитие белорусского устного поэтического творчества, своими корнями уходящего в народное искусство Киевской Руси, неразрывно связано с зарождением и развитием белорусской народности, а затем нации. Общность происхождения восточных славян и их экономические, политические и культурные связи обусловили близость белорусского фольклора к творчеству русского и украинского народов. В то же время белорусский фольклор имеет много своеобразных, специфических черт в тематике, образах, в известной мере отличается жанровым составом и, конечно, своим поэтическим языком. Идейная направленность белорусского народного устного поэтического творчества, круг его тем, система образов в значительной мере определялись антикрепостнической борьбой, которая в условиях Белоруссии была неразрывно связана с национально-освободительным движением.

Жанровый состав белорусского фольклора складывался в течение многих столетий. Во второй половине XIX — начале XX в. бытовали и традиционные и новые произведения.

Наиболее древние жанры и виды белорусского фольклора — трудовые песни, заговоры, обрядовая поэзия, волшебные сказки, сказки о живот-

ных, загадки, пословицы и поговорки. Часть из них — заговоры, трудовые песни — еще в дореволюционное время начала исчезать из народного репертуара, другие претерпели значительные изменения. В эпоху феодализма получили развитие социально-бытовая лирика, антикрепостнические сказки, народная драма. К середине XIX в. сформировался жанр частушки.

Чрезвычайно богато песенное творчество белорусского народа. Календарная обрядовая поэзия имеет у белорусов некоторые отличия от обрядовых песен русских и украинцев. Академик Е. Ф. Карский отмечал, что в белорусском фольклоре, как и в украинском, очень широкое распространение получили колядные песни и щедровки, исполнявшиеся в канун Нового года, но нет характерных для русского фольклора песен подблюдных. Слабо сохранились также песни масленичные. Среди календарных песен весенне-летнего цикла обращают на себя внимание волочебные песни (исполнявшиеся в пасхальные дни), которых нет в песенном творчестве русского и украинского народов. Значительно полнее, чем в русском фольклоре, представлены в устном поэтическом творчестве белорусского народа купальские песни. В календарной поэзии белорусов особое место занимают многочисленные и разнообразные жатвенные песни. Часть их непосредственно связана с обрядами зажинок и дожинок, большинство же связано с жатвой тематически и временем исполнения.

Обрядовая поэзия семейного цикла представлена песнями, связанными с обрядами рождения ребенка («радзінныя», «хрэсьбінныя» песни), свадебными («вясельнымі») песнями и похоронными причитаниями (*хаўтурнымі галашэннямі*).

Социально-бытовая лирика белорусского фольклора включает в себя любовные и семейные, рекрутские и солдатские, чумацкие, бурлацкие, батрацкие, детские и колыбельные, шуточные и плясовые песни.

Обрядовая поэзия календарного и семейного циклов, а также внеобрядные лирические песни ярко раскрывают духовное богатство народа, его трудолюбие, гуманизм, стремление к светлому будущему, ненависть к угнетателям, ко всякому проявлению несправедливости и лжи. В них созданы замечательные картины родной земли, глубоко правдивые образы простых людей, например обаятельный образ простой белорусской женщины, способной и на самопожертвование, и на героический поступок, и на большую любовь.

Многие жатвенные, рекрутские, батрацкие и другие песни отличаются социальной остротой. Работа от зари до зари, нужда, голод — эти картины безвозвратно ушедшего прошлого навсегда запечатлены в народной поэзии. Однако в этих песнях слышны не только стоны замученного и обездоленного крестьянина: народ выразил в них также гневный протест против помещичьего гнета и непоколебимую веру в освобождение:

Шуміць, гудзіць дубровачка,—
Гразою гамоне:
На паншчыну — дарэмшчыну
Пагібель гатове . . . .[1].

Народные песни являются образцом высокого поэтического мастерства. В них мы находим весьма развитую систему средств художественного отображения действительности. Особенно богата символика, берущая начало в древних пластах русского песнетворчества. Многие символы, присущие белорусской поэзии, характерны также для творчества русского и украинского народов. В качестве примеров можно привести традицион-

---

[1] «Дарэвалюцыйная і Савецкая Беларусь у народной творчасці». Менск, 1938, стр. 45.

ные поэтические символы жениха и невесты: сокол и уточка (лебедь, перепелочка), селезень и уточка, голубь и голубка, явор (береза) и калина, месяц и солнце (заря) и т. д. Но и в этой несомненной общности есть некоторое своеобразие: белый лебедь чаще встречается в русском фольклоре, калина — в белорусском и украинском и т. д.

Смысл многих символов раскрывается непосредственно в песнях:

Семь голубей — то сваты твои,
Сизой орел — то жених твой,
Черный шелк — то коса твоя,
Крупен жемчуг — то слеза твоя [1].

Очень метки, глубоки по содержанию и поэтичны развернутые сравнения, характерные для белорусского народного устного поэтического творчества. В одной из многочисленных свадебных песен добрые пожелания невесте переданы в замечательной поэтической форме. Молодой желают, чтобы она была:

. . . Здарова, як зіма,
Да вясёла, як вясна,
Да рабоча, як лета,
Да багата, як восень [2].

Широко используются олицетворения. В веснянках, которые исполнялись при «закликании весны», девушки зовут ее:

Одомкнуць зямліцу,
Выпусциць травицу
На ранне лето,
На буйное жито [3].

В песенном творчестве заметнее, чем в других жанрах белорусского фольклора, выражены областные особенности, вызванные некоторыми различиями в экономике и быте населения, степенью влияния культур соседних братских народов и другими причинами. Так, например, свадебные, каравайные песни были известны главным образом в районах распространения каравайного обряда, жатвенные песни Полесья некоторыми образами и особенно мелодией отличаются от песен Витебской губ.; в репертуаре южной части Белоруссии сильнее проявилось влияние украинского фольклора, а в восточной — русского и т. д. Следует отметить, однако, что белорусскому фольклору, как и многим явлениям материальной культуры белорусов, в большей мере, чем устному поэтическому творчеству русских и украинцев, присуща однородность.

Большое место в устном поэтическом творчестве белорусов занимали сказки. Жанровое и тематическое разнообразие, идейная глубина и художественное мастерство этих произведений сделали сказки популярнейшим видом народной поэзии. В белорусском фольклоре известны все основные группы сказочного эпоса: сказки о животных, волшебно-фантастические, социально-бытовые и др.

Сказочный эпос белорусского народа имеет много общих черт с русскими и украинскими сказками, но в то же время отличен от них. Е. Карский, С. Савченко, И. Поливка утверждали, что в белорусском фольклоре полнее, чем в творчестве других восточнославянских народов, представ-

---

[1] П. В. Шейн. Указ. соч., т. I, ч. 2. СПб., 1890, стр. 405.
[2] Записана в дер. Б. Быховщина Несвижского района в 1960 г. от колхозницы В. С. Романовской.
[3] П. В. Шейн. Указ. соч., т. I, ч. 1. СПб., 1887, стр. 127.

лены сказки о животных; С. Савченко называл их настоящими перлами белорусского сказочного эпоса[1].

Своеобразие белорусскому сказочному эпосу придают специфические образы богатырей (*волатаў, асілкаў*). Общественное значение этого жанра определяют антикрепостнические и антирелигиозные сказки, в которых звучит резкая критика самодержавно-крепостнического строя и религии. Белорусский народ использовал эти произведения как острое политическое оружие в борьбе с угнетателями.

Высокое художественное мастерство белорусских сказок, яркость образных средств, мастерство диалога и другие качества дали исследователям основание утверждать, что «по живости и красоте рассказа белорусские сказки не имеют себе равных. Даже лучшие сказки Онучкова и Соколовых им в этом отношении уступают, хотя превосходят их в строгости эпической конструкции»[2].

Белорусский национальный героический и исторический эпос не является однородным в жанровом отношении. Героическая история белорусов, их борьба с иноземными захватчиками запечатлены в песнях, сказках, преданиях, легендах, пословицах. В этих произведениях белорусский народ высказал любовь к Родине, стремление к воссоединению с великим русским народом. Примерами могут служить песни о татарском и турецком полоне, предания о Северной войне и Отечественной войне 1812 г. и другие произведения.

Среди других жанров белорусского устного поэтического творчества следует выделить народную драму. Если в русской народной драме ведущее место принадлежало театру актера, то у белорусов самое широкое распространение получила *батлейка*—кукольный театр.

Эпоха капитализма внесла значительные изменения в устное поэтическое творчество белорусского народа. Хотя в этот период существовали все традиционные жанры белорусского фольклора, их место и роль в духовной жизни народа изменились. Как отмечали сами собиратели (Е. Романов, М. Федоровский), бытовые и сатирические сказки получили большое распространение; в то же время заметно ослабел интерес к волшебно-фантастическим произведениям. Аналогичные явления наблюдались и в других жанрах, например в батлейке, в репертуар которой широко вводились сатирические сцены из современной жизни. Критика существовавших порядков и религии приобретала такую остроту, что представители власти нередко запрещали представления и арестовывали батлеечников.

Новым в истории белорусского фольклора эпохи капитализма является зарождение и развитие в нем рабочей и революционной поэзии. В песнях и устных сказах рабочих, в пословицах, поговорках, частушках правдиво рисуются ужасы капиталистической эксплуатации и борьба народных масс за социальное освобождение. Революционная поэзия, распространявшаяся в Белоруссии различными путями, в большинстве своем бытовала на русском языке. Наряду с известными песнями международного рабочего движения — «Марсельезой», «Варшавянкой», «Интернационалом», «Красным знаменем» — значительную известность получили песни на стихи А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Горького, Я. Купалы, Я. Коласа, а также песни на слова русских и белорусских рабочих-революционеров.

Рабочая и революционная поэзия отражала рост классовой сознательности трудящихся. Она разоблачала реакционную политику царизма, призывала народные массы к сплочению, к организованной борьбе против буржуазии и помещиков.

---

[1] С. В. Савченко. Русская народная сказка. Киев, 1914, стр. 246.

[2] Там же.

Фольклор советской эпохи — качественно новый этап развития белорусского народного устного поэтического творчества. Это фольклор освобожденного народа, впервые за свою историю завоевавшего государственность. Устное поэтическое творчество советского периода отличается действенностью, активным вторжением в жизнь, социально-политической остротой. В нем нашли яркое отражение патриотизм белорусского народа, воинский и трудовой героизм, стремление к дружбе со всеми народами, интернационализм.

В белорусском советском фольклоре созданы новые образы народных героев — героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, героев борьбы и труда. Изменяется жанровый состав устного поэтического творчества. Исчезли заговоры, духовные стихи, отмирает та часть обрядовой поэзии, которая имела ярко выраженное ритуально-религиозное содержание. Ведущее место в устном поэтическом творчестве советской эпохи занимают песни и частушки, устный рассказ, пословицы и поговорки.

Характерной чертой развития устного поэтического творчества наших дней является усиление взаимовлияния фольклора и литературы. Многие литературные произведения, особенно советская массовая песня, прочно входят в народный репертуар. Белорусское народное устное поэтическое творчество впитывает в себя лучшее из того, что создают народы нашей многонациональной Родины. В то же время многие произведения белорусского фольклора пользуются большой популярностью за пределами республики. К ним в первую очередь нужно отнести сказку «Ленинская правда», а также прошедшую процесс фольклоризации и известную в вариантах песню на слова А. Русака «Бывайте здоровы» и некоторые другие произведения.

Этапы развития белорусского советского фольклора неразрывно связаны с историей построения социализма и строительства коммунизма в нашей стране. Белорусский фольклор не только отразил основные вехи нашего движения к коммунизму, но и явился важным средством воспитания масс.

Герои фольклора Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны — вооруженный народ и его прославленные полководцы Чапаев, Буденный, Щорс и др.

Белорусский народ в своем творчестве запечатлел не только, например, борьбу с белопольскими оккупантами, но и разгром Деникина, Юденича, Врангеля — то, что одинаково волновало всех трудящихся многонациональной России.

Эй, таварыш, паспяшай
К мору Чорнаму,
Не давай ты аддыхнуць
Белапагоннаму [1].

С первых лет Советской власти в белорусском фольклоре получила развитие тема Партия — Ленин. С именем Ленина народ связывает историческую победу Великой Октябрьской социалистической революции, а также декреты Советской власти о мире, о земле.

Образ Ленина в белорусском фольклоре — это образ легендарного героя и вместе с тем простого, близкого народу человека. Скупыми штрихами в сказке «Ленинская правда», возникшей в годы довоенных пятилеток, создан образ бессмертного Ленина, чуткого и простого, великого и мудрого, вождя и учителя народа. В этом произведении особенно ярко выражена мысль о том, что ленинская правда — это народная правда, в борьбе за которую сплотились миллионы трудящихся.

---

[1] «Чырвоная Армія і абарона радзімы ў беларускай народнай творчасці» Менск, 1938, стр. 52.

56 Заказ № 888

Белорусский фольклор восстановительного периода и периода социалистической реконструкции народного хозяйства отразил жестокую классовую борьбу народа против нэпманов, кулаков, духовенства и те огромные успехи, которых достигли трудящиеся во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни.

В устном поэтическом творчестве довоенных пятилеток создан замечательный образ обновленной белорусской земли.

Большой вред развитию белорусского фольклора и фольклористики нанес культ личности Сталина. В эти годы было создано много псевдонародных и антиисторических произведений, наводнявших периодическую печать и фольклорные сборники. Но это не остановило развития устного поэтического творчества белорусского народа.

В годы Великой Отечественной войны значительно расширился в сравнении с предыдущими периодами жанровый состав белорусского фольклора. Фольклор этого времени представлен песнями, боевыми походными маршами, частушками, пословицами, поговорками, загадками, сказками, легендами, устными сказами, анекдотами, юморесками. В ярких патриотических произведениях народ воспел беспримерные подвиги партизан и их прославленных командиров — К. С. Заслонова, В. А. Тихомирова, Т. П. Бумажкова, А. С. Ковпака и др. Народные произведения рассказывают также о той огромной помощи, которую оказывало население временно оккупированных районов партизанам, подчеркивают всенародный характер борьбы с фашистами.

Белорусское устное поэтическое творчество послевоенных лет создавалось и создается в новых исторических условиях. В нем запечатлен небывалый творческий подъем, трудовой героизм современников:

За вайну ён, мне казалі,
Ардэны меў і медалі,
А цяпер каханы мой
І ў калгасе стаў герой [1].

Белорусский народ создал также острые сатирические произведения, бичующие лодырей, пьяниц, нерадивых руководителей, критикующие различные недостатки, которые мешают строительству коммунистического общества.

Белорусский народ в своем устном поэтическом творчестве славит беспримерный подвиг советских людей, смело покоряющих космические просторы. Частушки о первых искусственных спутниках Земли, о героях-космонавтах прочно вошли в народный репертуар:

Ў неба зорачка ўзнялася
І спусцілася ізноў.
То злятаў у космас смела
Сібірак маёр Цітоў [2].

Свои успехи в строительстве коммунизма народ связывает с мудрым руководством Коммунистической партии, политика которой находит полное одобрение и горячую поддержку масс. В белорусском фольклоре послевоенных лет отражены также важнейшие события международной жизни и особенно борьба за сохранение и упрочение мира между народами.

Устное поэтическое творчество советской эпохи — одно из ярких свидетельств расцвета духовных сил белорусского народа.

---

[1] «Беларускія частушкі». Мінск, 1960, стр. 164.
[2] АИИЭФ БССР, ф. 8, т. 1, № 78, л. 2.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Народное искусство белорусов является важнейшей частью культуры народа, ярким проявлением национальных черт его духовной жизни. Белорусская народная музыка, театр, изобразительное и прикладное искусство, своими истоками восходящие к древнерусской культуре, выработали в течение столетий свою характерную систему образности и типичные приемы, создали свой самобытный и оригинальный стиль.

Музыка и танцы

Жанровым богатством и разнообразием эмоционального содержания отличается белорусская народная музыка. Трудовая общественная практика, исторические события, повседневные бытовые интересы человека и его личные переживания нашли отражение во многих музыкально-поэтических жанрах (древняя трудовая и обрядовая поэзия, песни, связанные с историческими событиями и бытовыми явлениями, песни социального протеста, лирические).

Мелодическое содержание старинных трудовых и обрядовых песен выявляет черты определенной стилистической общности для всей территории республики. Сохранив до недавнего времени некоторые признаки, свойственные более раннему периоду развития музыки, например элементы импровизации, песни эти сравнительно мало подвергались разным музыкальным влияниям. Песни более поздние (лирические, балладные, казацкие и др.), но близкие к старинным по мелодическому развитию, часто несут на себе отпечаток местных стилевых особенностей, индивидуализацию вокальной исполнительской манеры.

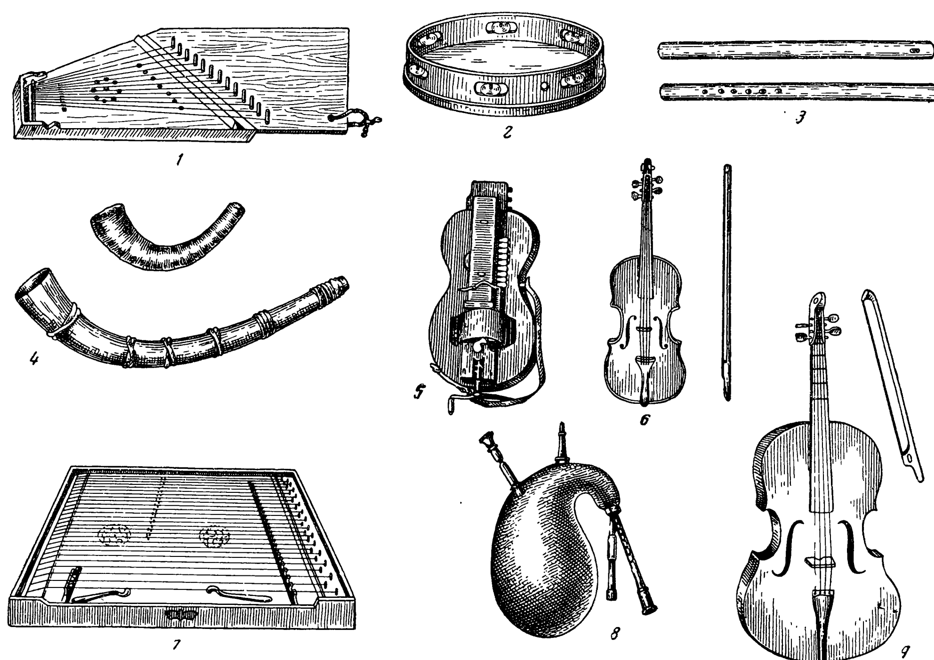
Звуковой основой белорусской народной музыки является диатонический звукоряд. В некоторых одноголосных песнях, особенно старинных, наблюдаются случаи значительно большей детализации звуковой шкалы. Лады народной музыки, так же как и ритмическая сторона ее, весьма разнообразны как по своим историческим типам, так и по выразительным возможностям. Помимо основных ладов — натурального мажора и минора, очень распространен также лад миксолидийский (разновидность мажора).

Основой музыкальной структуры белорусской народной песни служит двухчастная форма, которая возникла на основе двухстрочной строфы старинной повествовательной поэтической формы. Многоголосие в народной музыке белорусов имеет в основном подголосочный характер. Наиболее часто это многоголосие встречается в лирической песне.

Народный музыкальный инструментарий белорусов включает инструменты, издавна свойственные и другим восточнославянским народам, — гудок, гусли, дудки, рожки, бубны, дуду-волынку и др. Характерными для Белоруссии являются также *цимбалы* (струнный ударный инструмент), скрипка, *басетля* (струнный инструмент типа виолончели). С последней четверти XIX в. широкое распространение в быту получили различные гармоники.

Характер инструментальной музыки во многом определяется ее прикладной ролью — сопровождения танца. Танцевальная музыка белорусов в преобладающей своей части является песенно-танцевальной. Сочетание трех видов искусства — хореографического, музыкального и поэтического — в танцах-сценах, имеющих в основном коллективный характер, приближает их к некоторым формам театрального действа.

Наиболее древним видом белорусского хореографического искусства являются танцы, изображающие трудовые процессы. Эти танцы наиболее полно сохранили свою самобытность и национальные черты. Особенность их — четкий, чеканный ритм. К этой группе могут быть отнесены белорусские народные танцы «Таўкачыкі», «Касар», «Мельнік», «Лянок». Другие белорусские танцы сложились различным путем. Часть их в прошлом была связана с обрядами и хороводными играми, часть сложилась вне связи



Народные музыкальные инструменты:

1 — гусли, *2* — бубен, *3* — дудки, *4* — рожки, *5* — лира, *6* — скрипка, *7* — *цимбалы*, *8* — волынка, *9* — *басетля*

с обрядами и трудовой деятельностью, а из сочетания наиболее характерных фигур-форм: круг, змейка и др.

Из наиболее известных белорусских национальных танцев, помимо названных, отметим танцы «Лявоніха», «Крыжачок», «Юрачка», «Падушачка», «Мяцеліца», «Круцёлка», «Бычок», «Мікітка», «Зязюля», «Курачка», «Чарот», «Казёл», «Гняваш», «Верабей», разного рода польки — «Трасуха», «Нітка», «Янка», «Бульба»; из сравнительно поздних танцев, на которых сказались связи с соседями, с Россией, с Украиной, Польшей— «Кадриль», «Казачок», «Барыня», «Кракавяк», «Каробачка» и др.

Театр

Долгий путь развития прошел белорусский народный театр. Возникновение театрального искусства тесно связано с трудовой практикой человека и в значительной мере берет свое начало в обрядовых действиях и хороводах, которые сопровождали производственную деятельность земледельца. Первое место здесь принадлежит зимнему празднованию «коляд» с представлениями ряженных в «козу», «медведя», «кобылу», «журавля». Весенние обряды и хороводы также изобиловали театральными элементами. Они ярко выступали в обряде призыва весны, в выступлениях волочебников на пасху, исполнявших, как и колядовщики, под окнами приветственные величальные песни, в обрядовых хороводах и играх русальной недели. То же наблюдалось и в летнем календарном цикле, особенно в купальских обрядах и играх, в обычае дожинок.

Богата театральными элементами семейная обрядность белорусов. В значительной мере это относится к обряду крестин и особенно к свадебному ритуалу, напоминающему собой цельное драматизированное действо. В нем множество условностей при исполнении обрядов, разыгрывание отдельными участниками свадьбы заранее подготовленных ролей и, наконец, обязательный свадебный реквизит.

Зачатки профессионального мастерства актера в народном творчестве особенно ярко проявились в искусстве скоморохов—«веселых людей», ватагами бродивших из села в село, по городам и местечкам. Они потешали людей игрой на гуслях и жалейках, пением, представлением различных комических сцен, переодеванием. Скоморохи водили и «ученых» медведей.

В некоторые древние обряды, в частности в колядный обряд с «козой», скоморохи внесли много чисто театральных черт, способствуя преобразованию этого обряда в театрализованное представление. Расцвет искусства скоморохов в Белоруссии относится к XIII—XVII вв.

С конца XVI — начала XVII в. в Белоруссии, как и на Украине, возникает так называемый школьный театр — театральные представления в духовных школах, сохранившиеся до середины XVIII в. Развитие этого вида театра связано в Белоруссии с религиозной борьбой, с наступлением католицизма, с помощью которого польские магнаты пытались ополячить белорусский народ. Одной из характерных особенностей школьной драмы являлись так называемые интермедии на светские темы, которые разыгрывались между актами основной пьесы. Постепенно в эти интермедии проникают черты чисто народного искусства с его крестьянской идеологией, что способствовало значительной демократизации школьной драмы.

Интермедии школьной драмы оказали известное влияние на развитие белорусского народного театра. Театральный опыт народных актеров-белорусов был использован в деятельности первого в Русском государстве театра, созданного при дворе царя Алексея Михайловича в 1672 г.

Характерным явлением в истории белорусского народного театра было распространение театра кукол — *батлейкі*, являвшегося также неотъемлемой частью представлений скоморохов. Батлейка в Белоруссии пережила школьный театр почти на полтора столетия и долгое время оставалась любимым народным развлечением и средством выражения народных дум и чаяний. Представление батлейки состояло из основной части — сцен религиозного и библейского содержания и дополнительной — разыгрывания различных веселых сценок из народной жизни. Соответственно этому пространство кукольной сцены делилось на два яруса. Постепенно религиозно-библейская часть представления батлейки была сведена до минимума и основное место заняли народные бытовые сцены. В ряде случаев они приобрели характер острой сатиры против угнетателей народа.

Помимо кукольного театра, существовал и белорусский народный театр живого актера, т. е. народная драма в собственном смысле. Начав с импровизированных интермедий, белорусские народные театральные представления вылились в форму отдельных сценок и даже в законченные драмы, среди которых большой популярностью в народе пользовались «Атаман-разбойник», «Лодка» и особенно «Царь Максимилиан», пришедшие из России и подвергшиеся творческой переработке на основе местной народно-театральной традиции. Постановка последней драмы, довольно значительной по объему и рассчитанной на большое число действующих лиц, уже вызывала необходимость организации «труппы», ряда репетиций, костюмов, театрального реквизита. Появились и новые приемы подготовки народных театральных представлений, обогатился опыт народных актеров.

Народная драма явилась высшим этапом развития белорусского народного театра в конце XIX — начале XX в. Успеху ее среди масс во многом способствовали реализм и наличие в ней социальных мотивов, которые особенно подчеркивались в игре артистов из народа. Развитие народного театра подготовило почву для возникновения белорусского профессионального театра и драматургии. Однако только в период

революции 1905—1907 гг. была создана первая белорусская труппа под руководством Игната Буйницкого, явившегося зачинателем профессионального белорусского театра.

Изобразительное и прикладное искусство

Многообразное изобразительное и прикладное искусство наиболее ярко проявилось в узорном ткачестве и украшении тканей, в художественной обработке дерева и в керамике. Были распространены также и другие виды художественных изделий: соломенные, из кожи, из речной ракушки, металлические.

Основное место в белорусском народном изобразительном искусстве принадлежит художественному орнаменту, глубоко вошедшему в быт народа. Богатством колорита и форм орнамента особенно отличались изделия ткачества, вышивки и резьба по дереву.

Ткацкое мастерство белорусской крестьянки являлось результатом многовекового опыта и нередко достигало подлинной виртуозности. Особенностью орнаментальных форм белорусских крестьянских тканей было использование преимущественно геометрических фигур — четырехугольника, квадрата, ромба («круга»), полоски и их частей. Иногда эти фигуры переходили в растительные формы. Разнообразие декоративного рисунка, богатство расцветки достигалось применением различных технических приемов (тканье с помощью дощечек, шнурков — *матузкоў*), умелым использованием простейших элементов орнамента, расположенных в комбинациях ритмическими рядами, и т. п. Отдельные фигуры, графически не связанные в орнаментальный ряд, использовались редко.

Особую роль в украшении тканей играло разнообразное применение цвета. Основа ткани в общем сочетании цветов играла самостоятельную роль. Для композиции узорных тканей характерно сохранение строгой симметрии в размещении орнаментальных форм. Особое старание и художественный вкус вкладывали крестьянки-ткачихи в изготовление тканей, предназначавшихся для андараков — наиболее колоритной части женского выходного костюма — и постилок.

В Белоруссии издавна было развито также ковроткачество, обслуживавшее господствующие классы. Мастерские по выработке ковров и гобеленов имелись во многих помещичьих имениях и в монастырях. В орнаменте белорусских ковров основное место занимали рисунки стилизованных цветов, листьев и веток, чаще объединенные в растительную композицию с центром посредине ковра.

Замечательные образцы белорусского художественного ткачества представляли пояса, издавна являвшиеся необходимой частью белорусского национального костюма — мужского и женского. Кроме того, пояс занимал немаловажное место в обычаях и обрядах белорусов, особенно в свадебном ритуале. Мировую славу в свое время снискали знаменитые слуцкие пояса. Кроме Белоруссии, они часто встречались в Польше и ряде русских губерний (Псковской, Смоленской, Новгородской, Вологодской и др.). Многоцветные шелковые пояса, протканные золотыми и серебряными нитями, являются выдающимися памятниками белорусского прикладного искусства XVIII в.

В домашнем обиходе белорусского крестьянства широкое распространение имело искусство вышивки. При преобладании геометрического орнамента здесь чаще, чем в ткачестве, встречались растительные и зооморфные мотивы. Вышивка гладью (*насціланнем*) и крестом применялась для украшения скатертей, рубах и особенно полотенец, являвшихся важным декоративным элементом домашнего быта, а также игравших значительную роль в некоторых крестьянских обрядах.

Наряду с искусством вышивания широко известны были народная мережка, плетение, вязание. К способам украшения тканей принадлежит также распространенная в прошлом в некоторых областях набойка.

Художественная обработка дерева в отличие от украшения тканей, являлась преимущественно мужским занятием. Повсеместно развита была резьба по дереву, в которой были известны три основных способа орнаментации: линейно-нарезной (наиболее древний), ажурный и рельефный. Белорусская художественная резьба ярко представлена в архитектурных украшениях жилища, особенно наличников, фронтонов и щитов. Издавна известна белорусам также деревянная скульптура. В прошлом она была тесно связана с религиозным культом. Однако мастера-скульпторы делали наряду с этим и различные игрушки, художественно обрабатывали бытовые предметы.

Белорусские гончары изготовляли преимущественно простую посуду. Однако и в этой продукции встречается много художественных форм, богато украшенных орнаментом. Широко было развито производство глиняных игрушек, а также изразцов (кафелей), покрытых богатым рельефным узором.

К другим видам белорусского народного изобразительного искусства относятся художественная роспись, обработка кожи, рога, кости, металла и др.

Народная живопись в первую очередь была связана с предметами обихода. Станковая живопись почти не была знакома дореволюционному народному творчеству, за исключением иконописи.

Богатые традиции белорусского народного творчества явились прочной основой, на которой выросло современное национальное прикладное искусство.

Развитие народного искусства в советское время

Ведущей и определяющей чертой развития народного белорусского искусства в советскую эпоху является его высокий идейно-художественный уровень. Рост материального благосостояния и культурного уровня белорусского народа сопровождается широким развитием массовой художественной самодеятельности, особенно в области музыкально-песенного, танцевального, драматического искусства. В эпоху развернутого строительства коммунизма художественной самодеятельности, народному искусству в сочетании с профессиональным искусством отводится важная роль в «...эстетическом воспитании всех трудящихся, формировании в народе высоких художественных вкусов и культурных навыков»[1]. Неуклонно растет число участников художественной самодеятельности. К концу 1962 г. в городах и селах республики насчитывалось более 20 тыс. коллективов художественной самодеятельности и 2200 агитационно-художественных бригад, которые объединяли свыше 312 тыс. любителей искусства.

Музыкальная одаренность белорусского народа, его любовь к песенному творчеству наиболее полно проявились в широком развитии хоровой культуры, в возникновении множества народных хоров в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях. Хоровое пение является наиболее распространенным и массовым видом самодеятельного искусства в республике. Лучшие из самодеятельных хоровых коллективов принимали участие в первой (1940 г.) и во второй (1955 г.) декадах белорусского искусства и литературы в Москве. Среди этих коллективов был хор колхоза им. Ленина (дер. Озерщина) Гомельской области под руководством колхозницы Т. К. Лопатиной, хор с. Большое Подлесье Брестской области. К старейшим хоровым самодеятельным коллективам принадлежит Юровичский колхозный хор Гомельской области (художественный руководитель учитель Б. Катцен), Захольский хор Гродненской области (художественный руководитель композитор-любитель П. Шевко). В послед-

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 130.

ние годы появилось много новых хоровых самодеятельных коллективов, оригинальных по исполнительской манере и репертуару. Среди них выделяется хор Брестского клуба железнодорожников, коллективы Речицкого, Столбцовского, Ошмянского и Лиозненского домов культуры.

Репертуар самодеятельных хоров богатый. Кроме белорусских народных песен, исполняются песни народов СССР и стран народной демократии. Значительное место занимают также произведения профессиональной музыки. Хоровая самодеятельность популяризирует песни советских композиторов, особенно белорусских, способствуя их распространению среди широких масс населения.

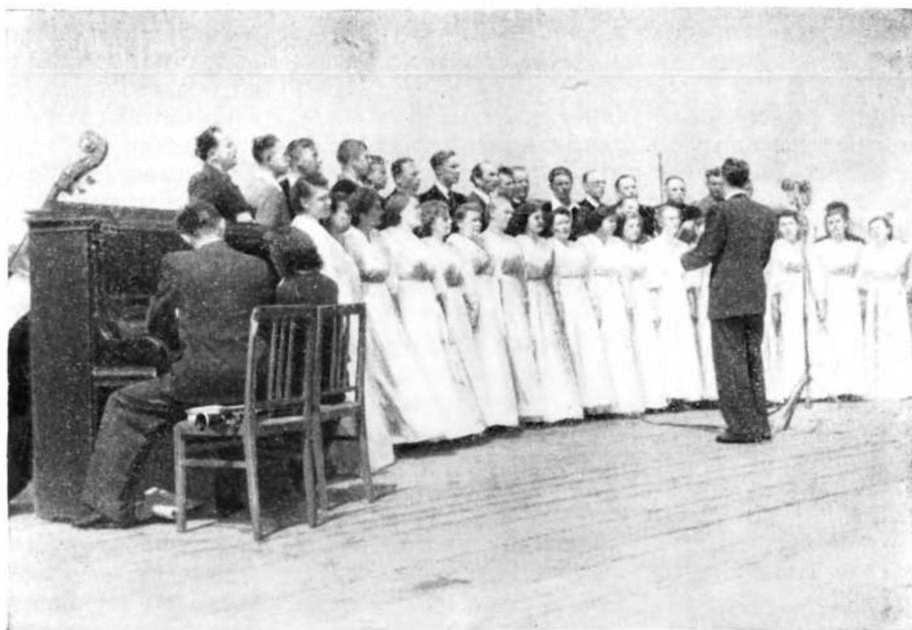
Многие хоровые коллективы сами являются создателями современных народных песен. Композиторская самодеятельность, достигшая значительного развития, особенно в послевоенные годы, является качественно новой ступенью в развитии народного музыкального творчества в республике.

При областных домах народного творчества созданы группы самодеятельных композиторов. Активную творческую помощь оказывает им Союз композиторов Белоруссии. В 1961 г. в работе домов народного творчества участвовало 180 самодеятельных композиторов — рабочих, служащих, учителей, колхозников. Некоторые из них удостоены почетного звания заслуженного деятеля искусств БССР. Преобладающим видом творчества самодеятельных композиторов является песня, в основном хоровая. Песни создаются ими на народные тексты, на слова советских поэтов или на собственные. Лучшие произведения самодеятельных композиторов широко популяризируются по радио, публикуются в специальных сборниках. Многие песни белорусских самодеятельных композиторов — «Любы зоры залацістыя» Г. Головастикова, «Прывітальная Маскве» П. Шидловского, «Наш Неман» П. Шевко, «Вясельная» И. Матина, «Хорошо весною бродится» П. Косача, «Беларусь Савецкая» А. Шидловского и ряд других — исполняются не только народными хорами, но также и профессиональными коллективами.

Наиболее талантливые участники самодеятельности, получив специальное образование в музыкальных учебных заведениях республики, пополняют ряды композиторов и музыкальных деятелей. Так, из самодеятельности в профессиональную музыку пришли композиторы Ю. Семеняко, М. Шумилин, Е. Глебов, М. Носко и др.

Повсеместное развитие хоровой самодеятельности, пополнение ее репертуара за счет произведений профессиональных композиторов в значительной мере отразилось на исполнительской манере этих хоров. Повысилась культура исполнения, стали использоваться приемы, свойственные лучшим профессиональным хорам. В первую очередь это сказалось на преимущественном культивировании многоголосного хорового пения.

В последние годы многие самодеятельные хоры переходят к исполнению а капелла. В некоторых хоровых самодеятельных коллективах вводится изучение нотной грамоты. Развитию хоровой самодеятельности способствуют ежегодные массовые праздники песни, ставшие традицией в республике.

Рост вокально-хоровой исполнительской культуры позволил самодеятельным хорам в ряде случаев успешно освоить крупные музыкально-драматические композиции — «На Купалле» (текст М. Чарота, музыка В. Терравского), «Ведрыца» (текст М. Лужанина, музыка М. Соколова и К. Поплавского). На Декаде самодеятельного искусства, посвященной 40-летию БССР, Слуцким домом культуры была показана опера С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Оперу Н. Лысенко «Наталка-Полтавка» поставил самодеятельный коллектив Лахвинского сельского дома культуры Лунинецкого района.

Хоровая капелла железнодорожников (Брест, 1963 г.)

Выступление женского вокального ансамбля в сельском клубе (Могилевская обл., 1962 г.)

В художественном быту трудящихся Белоруссии значительную роль играет инструментальная музыка. Из старых инструментов широкой популярностью пользуются цимбалы и скрипки; широко используются инструменты, сравнительно новые для Белоруссии: мандолина, домра, гитара, балалайка. Особое распространение имеют разного типа гармоники, баяны, аккордеоны. Баянист или аккордеонист — важнейшая фигура в самодеятельных музыкальных коллективах. Наряду с сохранением традиционных инструментальных ансамблей в два-пять человек (цимбалы, скрипка, гармонь или баян, бубен) создаются различные музыкальные коллективы, среди которых особенно популярны оркестры народных инструментов. Они встречаются однородного состава и смешанные. Из оркестров однородного состава наиболее известны цимбальные и домровые.

Среди самодеятельных музыкальных коллективов заслуженным успехом пользуются оркестр народных инструментов Минского дворца культуры профсоюзов, цимбально-скрипичный оркестр Витебского областного дома народного творчества, развивающий наиболее ценные традиции белорусского народного инструментализма, цимбальный оркестр Лиозненского района и др. В последние годы все большее распространение не только в рабочих коллективах, но и в колхозах приобретают духовые оркестры, без которых не обходится ни одно празднество. Знаменательным событием в музыкальной жизни республики явилось выступление на Декаде самодеятельного искусства в Минске в 1959 г. трех самодеятельных симфонических оркестров: Брестского, Гродненского и оркестра Минского дворца культуры профсоюзов. Симфонические любительские оркестры организованы также в Гомеле, Витебске, Бобруйске. За последние годы в республике, особенно в городах, появились самодеятельные эстрадные коллективы различных составов. Высокого уровня достигла в Советской Белоруссии народная хореография. Свыше 3 тыс. самодеятельных танцевальных коллективов объединяют 24 тыс. любителей этого яркого и жизнерадостного искусства. Старейшим и ведущим танцевальным коллективом республики, известным далеко за ее пределами, является самодеятельный танцевальный коллектив Гомельского дворца культуры железнодорожников им. Ленина. Руководит этим коллективом один из видных деятелей белорусской самодеятельности А. А. Рыбальченко, удостоенный почетного звания народного артиста БССР. Самодеятельные танцевальные кружки исполняют как традиционные белорусские народные танцы и хороводы, так и новые, современные танцы, отображающие жизнь и труд советского народа. В большинстве случаев новые танцы создаются самими участниками самодеятельности. Из старых народных танцев широко бытуют «Лявоніха», полька «Янка», «Юрачка», «Крыжачок», «Мікіта», «Мяцеліца», различные местные варианты кадрилей и полек и некоторые др. Но народные мастера хореографии часто творчески обогащают и старые танцы в постановке самодеятельных коллективов.

Характерной особенностью развития белорусского народного танцевального искусства на современном этапе является создание в самодеятельных коллективах новых тематических танцев и хореографических сцен. Примером может служить хореографическая сцена «Брестская крепость», поставленная танцевальным коллективом Борисовского городского дома культуры под руководством В. Гаврилова. Коллектив Сморгонского районного дома культуры создал новый тематический танец «Жыта», прославляющий богатый колхозный урожай. Танцевальный кружок колхоза им. С. М. Кирова Слуцкого района поставил созданный им танец «Слуцкие пояса». Большинство современных сюжетных танцев-сцен показывает картины жизни белорусского народа, новое в труде и отдыхе, во взаимоотношениях советских людей.

С ростом культуры трудящихся города и деревни широко развивается массовая театральная самодеятельность. В республике имеется более

Самодеятельный композитор А. К. Шидловский среди участников Гродненского народного ансамбля песни и танца «Нёман» (1963 г.)

3 тыс. самодеятельных драматических коллективов, среди них — старейший в Белоруссии драматический кружок Оршанского клуба железнодорожников, начавший свою деятельность еще до революции; большинство коллективов создано в колхозах и сельских районных центрах. Отдельные коллективы стали настоящими самодеятельными театрами с устойчивым составом трупп. Они систематически выступают не только на своих клубных сценах, но и перед зрителями соседних районов, предприятий, колхозов. Некоторые самодеятельные коллективы испробовали свои силы даже в оперном искусстве. Многие самодеятельные драматические коллективы Белоруссии приобрели богатый опыт театральных постановок и по своему мастерству поднялись до уровня профессионального искусства. В 1959 г. семи лучшим коллективам было присвоено звание народных театров. Первыми удостоились этого почетного звания самодеятельные драматические коллективы Барановичей, Богушевска, Борисова, Минска, Пинска, Постав, Слонима. Через год число народных театров в Белоруссии удвоилось. В 1963 г. в Белоруссии насчитывалось 26 народных театров. Народные театры являются высшей формой развития художественной самодеятельности. Вместе с государственными профессиональными театрами они несут народу большое искусство. На самодеятельной сцене вырос ряд талантливых исполнителей, пополнивших актерский состав профессиональных театров. Для стимулирования дальнейшего роста мастерства самодеятельных коллективов введены почетные звания «Народный хор», «Народный ансамбль песни и танца», «Народный оркестр», «Народный симфонический оркестр».

Неуклонно развивается народное изобразительное и прикладное искусство. Как и в других отраслях художественной самодеятельности, для народных умельцев созданы студии, организуются курсы народного прикладного искусства, произведения народных мастеров экспонируются

на выставках. Дома народного творчества проводят большую работу по выявлению и воспитанию мастеров прикладного искусства.

В 1921 г. в республике было создано Управление кустарной промышленности, в задачи которого входило также развитие художественных промыслов по обработке дерева, изготовлению керамических изделий и т. п. Среди различных видов прикладного искусства широкое распространение сохраняли традиционные для Белоруссии ткачество, резьба по дереву, вышивка, гончарное производство и др.

В довоенный период в Советской Белоруссии было создано много предметов, украшенных высокохудожественной орнаментальной резьбой. Особенно выдающимися были успехи белорусских народных мастеров в области инкрустации. Было создано также много произведений тематической объемной скульптуры—«Чапаевская тачанка», «Колхозный урожай», выполненные рабочим из Бобруйска Беловым, скульптура «В разведке» гомельского резчика М. Ивинского и др. Дальнейшее развитие получила художественная резьба в архитектурных украшениях окон, карнизов, фронтона и других частей крестьянского дома.

Новым в народном искусстве в довоенные годы было широкое распространение самодеятельной живописи и рисунка.

После Великой Отечественной войны самодеятельное искусство приобрело новый мощный размах. Выставка 1949 г. в Минске, организованная к 30-летию БССР, выявила много замечательного в области народного искусства. На ней экспонировались тематические картины, рассказывающие о героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков, о трудовых подвигах рабочих, крестьян и интеллигенции. Из произведений резчиков по дереву выделялись работы: А. И. Шахновича «С донесением», К. К. Казелки «Богатыри нашего времени», Б. М. Хрущова «Бой Н-ской дивизии с конницей Шкуро», В. И. Матюка «На ночлеге», А. А. Бялика «Зубры» и др. Были представлены изделия из соломы, инкрустация по дереву.

Еще большие успехи мастеров народного творчества продемонстрировала вторая Декада белорусского искусства в Москве (1955 г.). Выявились новые вышивальщицы, ткачихи, резчики по дереву, живописцы и скульпторы. Повысилось мастерство народных умельцев, разнообразнее стала тематика их произведений.

Новые мотивы появились в художественном ткачестве и вышивке. Значительно расширилось изготовление гобеленов. Наиболее высоким по уровню ткацкого мастерства является портрет В. И. Ленина, выполненный ткачихами Гродненского областного дома народного творчества С. В. Лелюкевич и М. И. Рыбачок. Среди вышитых портретов лучшими являются портрет В. И. Ленина, созданный Н. А. Матюшенко, портрет Якуба Коласа, вышитый Е. И. Красичковой. Из тематических произведений интересны гобелен «Ходоки у Ленина» и картина «Застройка Советской улицы в Минске», вышитые М. И. Лавринович.

Мастера-резчики создали в послевоенный период ряд интересных деревянных скульптур, рассказывающих о боевых действиях воинов Советской Армии и белорусских партизан, о строительстве коммунизма в СССР. Широкую известность в Белоруссии получило творчество резчика В. И. Матюка. Оно отличается стремлением к внутренней, духовной характеристике персонажей. Примечательны в этом отношении его скульптуры «Это было давно», «Три поколения в борьбе за Родину», «Дударь». Большой вклад в народное искусство внесли резчики К. К. Казелка, С. П. Бык, Ф. С. Столяров, А. М. Царковский и др.

Талантливыми мастерами инкрустированных портретов являются К. И. Цявловский, Д. П. Сакатинский, Г. Л. Гебелев.

В некоторых районах республики, в частности в Могилевской обл., успешно развивается искусство инкрустации разноцветной соломкой.

Народный артист СССР Г. Р. Ширма за обсуждением нового репертуара с артистами Белорусской академической хоровой капеллы (1963 г.)

Ею оформляются шкатулки, чернильные приборы, рамки для фотографий, вазочки.

Мастерство белорусских народных умельцев используется и в промышленном производстве предметов домашнего обихода. Такие известные даже за пределами Советской страны предприятия, как Минский фарфорово-фаянсовый завод, Витебский ковроово-плюшевый комбинат, завод художественного стекла «Неман» и ряд других, постоянно используют лучшие образцы белорусского народного искусства.

* * *

Успехи современного белорусского народного искусства — результат многовекового художественного опыта народа, развития его творческих способностей в условиях социалистической действительности. Достижения в этой области являются важным вкладом в общую культуру советского народа и в сокровищницу общечеловеческой культуры. Широкую популярность среди народов СССР и за рубежом приобрели белорусские песни, национальные танцы, произведения народного изобразительного искусства. Тесные взаимосвязи и взаимодействие между искусством различных народов СССР, в результате которых каждое из них обогащается и приобретает новые качества, особенно ярко намечаются сейчас в самодеятельном творчестве. Современное искусство народов СССР, развитие которого связано с расширением эстетического кругозора трудящихся масс, призвано воплотить «... в себе все многообразие и богатство духовной жизни общества, высокую идейность и гуманизм нового мира»[1]. Эти черты характерны для всего современного белорусского народного искусства.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 130.

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

История белорусской литературы, искусства и науки свидетельствует о высокой одаренности и жизнедеятельности белорусского народа, сумевшего в тяжелых условиях многовекового угнетения развивать свою культуру, создавать художественные ценности. В дореволюционное время, в условиях социального и национального угнетения, культура и искусство белорусского народа не имели возможностей для широкого развития.

Архитектура и изобразительное искусство эпохи Киевской Руси на территории Белоруссии представлены такими выдающимися памятниками, как Софийский собор XI в. и Спасо-Евфросиниевская церковь XII в. в Полоцке, Коложская церковь XII в. в Гродно и др.

В период формирования и развития белорусской народности выросла белорусская литература, появились книгопечатание, произведения искусства, театр.

Воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII в. явилось историческим событием, имевшим громадное прогрессивное значение для дальнейшего развития Белоруссии. Более интенсивно стала развиваться белорусская культура, испытавшая на себе благотворное влияние могучей культуры русского народа и русской передовой общественной мысли. Уже в первой половине XIX в. прогрессивная русская общественность и местная национальная интеллигенция начинают проявлять интерес к истории, быту, фольклору и языку белорусского народа.

Выдающимися произведениями белорусской художественной литературы первой половины XIX в. являются анонимные пародийно-сатирические поэмы «Энеіда навыварат», «Тарас на Парнасе» и так называемые *гутаркі*, правдиво отражавшие жизнь закрепощенного крестьянства.

В XIX в. белорусский народ выдвинул из своей среды плеяду талантливых писателей и поэтов. Среди них можно назвать сына крепостного крестьянина поэта Павлюка Багрима, писателя и драматурга В. Дунина-Марцинкевича, поэтов-демократов Франтишка Богушевича, Янку Лучину, Адама Гуриновича и др. Развитие демократической литературы отразило духовный рост белорусского народа. Характерной чертой белорусской литературы была ее органическая связь с народным творчеством.

Среди замечательных представителей передовой общественной мысли необходимо назвать руководителя вооруженного восстания 1863 г. в Белоруссии Кастуся Калиновского. Он был автором талантливых публицистических произведений и издателем подпольной газеты «Мужыцкая прауда».

Среди гуманитарных наук значительного развития в дореволюционное время достигли история, фольклористика, языкознание, этнография. Во второй половине XIX в. усилился интерес к изучению жизни белорусского народа. Этому в значительной степени содействовало основанное в Вильно в 1867 г. Северо-Западное отделение Русского географического общества, которое еще больше укрепило связи белорусских ученых с русской наукой.

Из местной национальной интеллигенции вышли такие видные ученые, как И. И. Носович, П. В. Шейн, Е. Р. Романов, Н. Я. Никифоровский, А. И. Богданович, И. И. Григорович, академик Е. Ф. Карский, М. В. Довнар-Запольский и др.

Культура и литература Белоруссии XIX в. развивались под влиянием передовых идей русских революционных демократов: В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и А. Н. Добролюбова, русской

Средняя школа в Минске (1963 г.)

классической литературы и творчества замечательного украинского кобзаря Тараса Шевченко.

Значительным явлением в театральной жизни Белоруссии прошлого столетия был театр В. Дунина-Марцинкевича. Он поставил оперу «Сялянка» (либретто В. Дунина-Марцинкевича, музыка С. Монюшко), в которой впервые на городской сцене прозвучал белорусский язык.

Усилившиеся связи с русским искусством сказались на дальнейшем развитии белорусской живописи, утвердившейся на позициях реализма. Основными жанрами становятся пейзаж, бытовая тематическая картина, портрет. Видными представителями белорусской живописи XIX — начала XX в. были В. Ванькович, И. Дамель, И. Хруцкий, А. Горавский, Н. Силиванович и др. Из среды белорусского народа вышел ряд талантливых художников-живописцев: С. Зарянко, И. Добровольский, В. Бялыницкий-Бируля, скульптор А. Васютинский, архитектор К. Введенский и другие мастера, обогатившие своим творчеством русское искусство.

Революция 1905—1907 гг. вызвала подъем национально-освободительного движения белорусского народа и рост его национального самосознания. Усилилось революционно-демократическое направление в печати. Осенью 1905 г. начала выходить белорусская газета «Наша доля», вскоре закрытая царской цензурой. Вместо нее стала издаваться газета «Наша нiва», сгруппировавшая вокруг себя лучшие силы белорусской литературы.

В годы революции 1905—1907 гг. начали свою творческую деятельность классики белорусской литературы Янка Купала и Якуб Колас. Они возглавили новое революционно-демократическое направление в литературе Белоруссии. Крупными представителями белорусской революционно-демократической литературы были Цётка (Элоиза Пашкевич), Алесь Гурло, Максим Богданович, Тишка Гартный, Змитрок Бядуля, Констанция Буйло и другие писатели.

Основная масса трудящихся Белоруссии была неграмотной. Национальных школ не было. Преподавание в школе на белорусском языке было

Лекция в Минском политехническом институте (1963 г.)

запрещено. По данным школьной переписи 1911 г., в белорусских губерниях из 100 учащихся, поступивших в первый класс начальной школы, до четвертого класса доходили единицы. Среднее, а тем более высшее образование было доступно только представителям господствующих классов.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая белорусский народ от социального и национального угнетения, открыла перед ним величественные перспективы и в развитии его культуры. За годы Советской власти в Белоруссии, как и во всей стране, совершилась культурная революция.

Белоруссия из отсталой окраины Российской империи превратилась в республику высокой культуры — социалистической по содержанию и национальной по форме.

Важнейшее значение в культурной революции имело бурное развитие народного образования. Была решена важнейшая задача культурного строительства — ликвидация неграмотности взрослого населения. Если в дореволюционной Белоруссии около 80% населения было неграмотным, то Советская Белоруссия стала республикой сплошной грамотности. В школах, в средних специальных и высших учебных заведениях республики обучается учащихся в расчете на 10 тыс. населения больше, чем в любом капиталистическом государстве Европы.

В республике укреплена связь общеобразовательной школы с жизнью, осуществлен переход ко всеобщему обязательному восьмилетнему обучению. К началу 1962/63 учебного года насчитывалось 12 967 общеобразовательных школ, в которых обучалось 1 577 300 учащихся. Если до революции в Белоруссии не было ни одного высшего учебного заведения, то теперь в республике имеется 25 вузов. Они готовят кадры высшей квалификации по всем важнейшим для народного хозяйства и культуры специальностям.

В начале 1963 г. в Белоруссии издавалось 177 газет и журналов разовым тиражом 2768 тыс. экземпляров. Почти каждая семья выписывает газеты и журналы. Небывалых размеров достигло издательское дело. Толь-

Президент АН БССР член-корреспондент АН СССР В. Ф. Купревич (1963 г.)

ко за 1962 г. в республике было издано 1612 названий книг общим тиражом 17 073 тыс. экземпляров.

Широко развита в Белоруссии библиотечная сеть. К концу 1962 г. в республике было более 20 тыс. библиотек, а общий книжный фонд составлял около 54 млн. томов.

Радиосеть в Белоруссии начала создаваться в 1925 г. К началу 1963 г. в республике действовало более 1300 тыс. трансляционных радиоточек, в том числе в сельской местности 919 тыс.

Телевизионные передачи из первого белорусского телевизионного центра в Минске начали передаваться в декабре 1956 г. Сейчас телевизионные центры действуют во многих крупных городах республики (Витебске, Гомеле, Бресте, Барановичах). Налажена ретрансляция телепередач из Москвы, Киева и прибалтийских республик. С введением в действие всех предусмотренных семилетним планом телевизионных центров и ретрансляторов телевизионным вещанием будет охвачено 95% территории республики.

К началу 1963 г. в Белоруссии было 38 музеев: Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Художественный музей БССР, Историко-археологический музей в Гродно, Дом I съезда РСДРП в Минске, литературные музеи Янки Купалы и Якуба Коласа, областные историко-краеведческие музеи, Военно-исторический музей обороны Брестской крепости и др.

Центрами коммунистического воспитания и любимыми местами отдыха широких слоев трудящихся республики стали клубы и дома культуры.

В дореволюционной Белоруссии не было научно-исследовательских учреждений, если не считать Минской опытной болотной станции. Теперь в республике их имеется около ста. Центром научной мысли Советской Белоруссии является Академия наук БССР. В составе ее четырех отделений к началу 1963 г. работало 19 научно-исследовательских институтов. В республике ведет научную работу Институт истории партии при ЦК КПБ — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

57 Заказ № 888

Директор Института истории партии член-корреспондент АН БССР Н. В. Каменская (1963 г.)

Достойное место заняла белорусская литература. Белорусский народ гордится именами народных поэтов республики Янки Купалы и Якуба Коласа, заложивших основы белорусской национальной литературы, а также именами народных писателей и поэтов БССР Кондрата Крапивы, Петруся Бровки и Михася Лынькова, продолжающих лучшие реалистические традиции белорусской литературы.

За большие творческие успехи ряд писателей Советской Белоруссии был награжден Государственной премией, а в 1962 г. народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка за книгу стихов «А дни идут» удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Высокого художественного уровня достигла за годы Советской власти белорусская проза. Крупнейшим мастером прозы является Якуб Колас. Его трилогия «На росстанях», широко и правдиво отобразившая жизнь и быт белорусского села, рост классового самосознания его населения, принадлежит к классическим произведениям белорусской литературы. Пользуется известностью и его повесть «Трясина» о партизанской борьбе в Белоруссии в годы гражданской войны. Почетное место в ряду лучших писателей Белоруссии занимает Тишка Гартный, автор романа «Соки целины», повествующего о политической активности белорусов накануне Октября. Кузьма Чорный, автор широко известных романов «Третье поколение», «Батьковщина», повестей «Люба Лукьянская», «Скипьевский лес» и других произведений, известен как знаток народной психологии,

Янка Купала, народный поэт БССР (1938 г.)

быта и языка. Если в романах и повестях Я. Коласа, Т. Гартного, К. Чорного отображена Белоруссия накануне Октября и первых лет Советской власти, то в произведениях Платона Головача и Михася Лынькова в основном показана Белоруссия первых дней коллективизации и индустриализации. Это — повесть П. Головача «Спалох на загонах», рассказы М. Лынькова «Баян», «Андрей Летун» и др. М. Лыньков написал также ряд интересных произведений о гражданской войне (повесть «Миколка-паровоз», рассказы «Гой», «Над Бугам»), а в послевоенные годы опубликовал роман-эпопею о всенародной борьбе против фашистских захватчиков «Незабываемые дни».

Тема партизанской борьбы — одна из ведущих тем белорусской послевоенной литературы — широко представлена в произведениях Янки Брыля, Ивана Шамякина, Ивана Мележа. Широкую известность приобрели романы И. Шамякина «Глубокое течение» — о партизанах Белоруссии, «Крыницы» — о новых веяниях в жизни республики после XX съезда КПСС, трилогия «Тревожное счастье»—об участии белорусов в отражении фашистского нашествия. Янка Брыль является мастером короткого рассказа, новеллы. И. Мележ — автор военно-исторического романа «Минское направление» и романа «Люди на болоте» — о белорусской деревне накануне коллективизации.

Особое место среди белорусских прозаиков занимает Янка Мавр, пишущий преимущественно книги для детей («Полесские робинзоны», «Сын воды», «Амок» и др.).

Больших творческих успехов достигла белорусская поэзия, основоположниками которой являются Янка Купала и Якуб Колас. Поэмы «Курган», «Бондаровна» Я. Купалы, «Новая земля» Я. Коласа — классические произведения белорусской поэзии, повествующие о трудной судьбе белорусов в условиях царизма. Совсем по-иному зазвучало поэтическое слово Я. Купалы и Я. Коласа в годы Советской власти. Из многочисленных произведений этого периода нужно отметить поэму Я. Купалы «Над рекой Аресой» — о социалистических преобразованиях в белорусской деревне и поэму «Хата рыбака» Я. Коласа — о воссоединении белорусского народа. Новое поколение белорусских поэтов развивало лучшие традиции Я. Купалы, Я. Коласа и русской классики. Поэма Михася Чарота «Босые на огнище» показала силу народного духа в годы революционных битв. Певцами народного счастья, новых социалистических отношений в городе и деревне, героизма народа являются поэты Петрусь Бровка, Петро Глебко, Аркадий Кулешов, Максим Танк. К числу их лучших произведений следует отнести поэмы «Беларусь», «Катерина», «Добрый друг» П. Бровки, поэму «В те дни» П. Глебки, поэму «Знамя бригады» Аркадия Кулешова, многие стихи Максима Танка.

Пьесы белорусских драматургов Кондрата Крапивы, Кастуся Губаревича, Андрея Макаенка и других с успехом идут на сценах театров не только Белоруссии, но и театров союзных республик. Широко известны пьесы «Партизаны» и «Кто смеется последним» К. Крапивы, «Брестская крепость» К. Губаревича, «Извините, пожалуйста» и «Лявониха на орбите» А. Макаенка.

Белорусская драматургия прошла сложный творческий путь от небольших народных сценок до высокохудожественных полотен. Свою историю развития имеет и белорусский театр.

В начале XX в. зарождается белорусский профессиональный театр. До Великой Октябрьской революции были известны театр Игната Буйницкого и Первое товарищество белорусской драмы и комедии.

В начале 1917 г. в Белоруссии возник еще один стационарный театр — Первое белорусское товарищество драмы и комедии. Осенью 1920 г. в Минске был открыт Первый белорусский государственный драматический театр, а через несколько лет в Витебске — Второй белорусский государственный драматический театр, в Минске — Русский драматический театр БССР.

В 1920 г. был создан Белорусский передвижной театр под руководством драматурга, режиссера, первого народного артиста БССР В. И. Голубка. Выдающийся деятель белорусской культуры В. И. Голубок и его театр сыграли большую роль в становлении и развитии белорусского театрального искусства. Среди деятелей белорусского театра на ранних этапах его развития выделяются также режиссер и драматург Е. А. Мирович и выдающийся актер В. Н. Крылович.

На сценах белорусских театров шли пьесы белорусских, русских, украинских драматургов, зарубежная классика. Наиболее популярными спектаклями белорусских театров до войны были «Павлинка» Я. Купалы, «Машека» Е. Мирович, «Партизаны» и «Кто смеется последним» К. Крапивы, «Гибель волка» Э. Самуйлёнка, «Последние» М. Горького, «В пущах Полесья» Я. Коласа.

На Декаде белорусской литературы и искусства в Москве в 1940 г. зрители столицы дали высокую оценку белорусским спектаклям.

В годы Великой Отечественной войны белорусские театры, находясь в эвакуации, не прекращали своей деятельности. Выступления белорусских артистов на фронте проходили с большим успехом, вдохновляли советских воинов на борьбу с врагом.

В настоящее время в республике работает 11 театров. Среди них такие выдающиеся коллективы, как Белорусский государственный ордена Тру-

Народный артист СССР Б. В. Платонов (1963 г.)

дового Красного Знамени академический театр имени Янки Купалы, Белорусский государственный драматический театр имени Якуба Коласа, Белорусский государственный ордена Ленина Большой театр оперы и балета, Русский государственный драматический театр имени М. Горького, Театр юного зрителя. В белорусском театре выросли талантливые мастера сцены — народные артисты СССР В. И. Владомирский, Г. П. Глебов, Б. В. Платонов, Л. П. Александровская, П. С. Молчанов, Л. И. Ржецкая, А. К. Ильинский.

Театрами Белорусской ССР поставлен ряд спектаклей — «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая» Н. Погодина, «Вечный источник» Д. Зорина, в которых талантливо и правдиво воссоздан образ великого Ленина.

В репертуаре белорусских театров послевоенных лет были спектакли «Константин Заслонов» А. Мавзона, «Поют жаворонки» К. Крапивы, «Лявониха на орбите» А. Макаенка, «Раскиданное гнездо» Я. Купалы, «Враги» М. Горького, «Доходное место» А. Островского, «Гамлет» В. Шекспира и др.

Велика роль композиторов в развитии белорусского искусства. Белорусские композиторы Н. Н. Чуркин, А. Е. Туренков, Н. И. Аладов, В. А. Золотарев, Г. К. Пукст, Н. Ф. Соколовский, А. В. Богатырев, В. В. Оловников, Д. А. Лукас, П. П. Подковыров и многие другие получили справедливое признание широких масс. Растут молодые кадры композиторов — воспитанников Белорусской государственной консерватории.

Развивается молодое оперное искусство белорусского народа. В 1939 г. были поставлены первые белорусские национальные оперы «Михась Подгорный» Е. Тикоцкого и «В пущах Полесья» А. Богатырева. В дальнейшем был написан и поставлен ряд других опер, преимущественно историко-героического содержания: «Девушка из Полесья» Е. Тикоцкого, «Кастусь Калиновский» Д. Лукаса, «Надежда Дурова» А. Богатырева, «Цветок счастья» и «Ясный рассвет» А. Туренкова, детская опера «Маринка» Г. Пукста и др.

Создан также национальный балет. Первым белорусским балетом был «Соловей» М. Крошнера, поставленный в 1939 г. По мотивам белорусского фольклора В. Золотарев написал балет «Князь-озеро», а молодой композитор Е. Глебов — балет на тему современности «Мечта». Зрелость белорусского оперного и балетного искусства выразилась в постановках лучших опер и балетов русской и мировой классики.

Белорусские композиторы создали много симфоний, сюит, инструментальных концертов, кантат, песен. Лучшие песни белорусских композиторов —«Отчизна моя дорогая» и «Лесная песня» В. Оловникова, «Неман» Н. Соколовского, «Бывайте здоровы» А. Русака, «Вечеринка в колхозе» С. Полонского, песни Ю. Семеняко и других — приобрели широкую известность и стали подлинно народными.

В музыкальной жизни республики большую роль играют Государственная филармония и такие выдающиеся коллективы, как Государственный симфонический оркестр, Государственная академическая хоровая капелла БССР под руководством народного артиста СССР Г. Р. Ширмы, Государственный народный ансамбль песни и танца БССР под руководством народного артиста БССР Г. И. Цитовича, Государственный оркестр БССР, Государственный ансамбль танца БССР под руководством заслуженного артиста УССР и БССР А. Г. Опанасенко, хор и концертно-эстрадный оркестр Белорусского радио и телевидения, Минский областной ансамбль песни и танца.

С 1932 г. в Белоруссии работает консерватория. В республике имеется 7 музыкальных училищ и более 40 музыкальных школ-семилеток, многие из которых открыты в сельской местности. В педагогических институтах открыты музыкальные факультеты.

Киноискусство в Белоруссии зародилось и начало развиваться при Советской власти.

В 1926 г. вышел первый белорусский художественный фильм «Лесная быль», поставленный режиссером Ю. Таричем по повести Михася Чарота «Свинопас».

Позднее были созданы известные историко-революционные фильмы «Кастусь Калиновский», «Сосны шумят», «Первый взвод», «Балтийцы», «Одиннадцатое июля». Целый ряд произведений белорусского кино был посвящен современности— «До завтра», «Дважды рожденный», «Искатели счастья» и др.

Творческих успехов добилось белорусское кино в послевоенные годы. Образ народного героя-партизана К. Заслонова воплощен в фильме «Константин Заслонов». О Великой Отечественной войне рассказывают также фильмы «Часы остановились в полночь», «Девочка ищет отца» и др. Героическое прошлое народа отражают картины «Красные листья», двухсерийный фильм «Первые испытания», поставленный по мотивам трилогии Я. Коласа «На росстанях». Тема современности отражена в кинофильмах «Наши соседи», «Счастье надо беречь» и в целом ряде других произведений.

Высокого уровня достигла в республике кинофикация. Киноустановки имеются не только во всех городах и районных центрах, но и почти во всех колхозных и совхозных клубах.

Сенницкая музыкальная школа-семилетка (Минская обл., 1963 г.)

Значительны успехи изобразительного искусства Белоруссии. Творчество белорусских художников отличается богатством жанров и разнообразием тем.

Крупнейшим мастером белорусского пейзажа является народный художник БССР и РСФСР В. Бялыницкий-Бируля. Его полотна вошли в золотой фонд советской живописи.

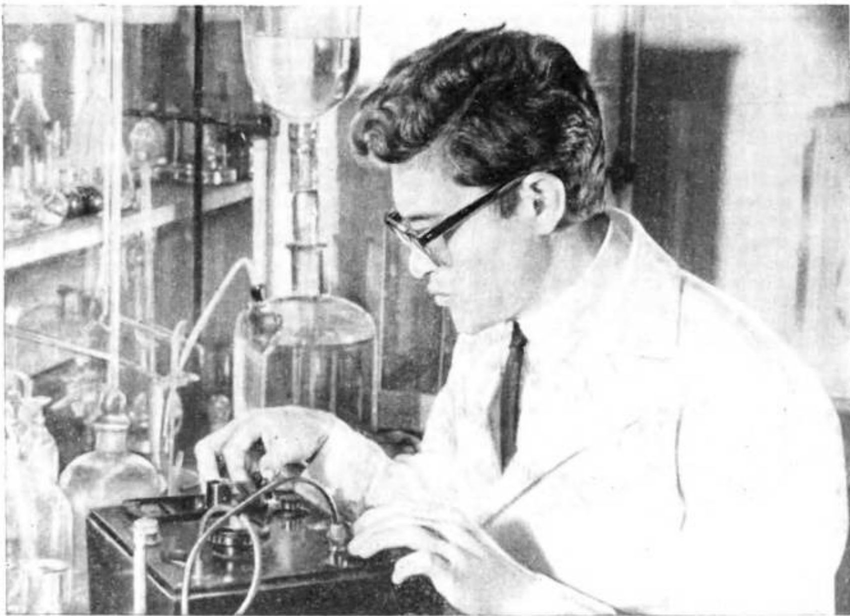
Над созданием образов советских людей много и плодотворно работают живописцы В. Волков, В. Цвирко, С. Зайцев, Н. Суховерхов. Наиболее известны картины: «Минск 3-го июля 1944 года» В. Волкова, изображающая волнующую встречу воинов Советской Армии жителями освобожденного Минска, «Защитники Брестской крепости» Е. Зайцева, «Непокоренные» В. Цвирки.

Обобщенный образ партизанской Белоруссии создал В. Суховерхов в картине «За родную Беларусь».

Много интересных произведений создали белорусские скульпторы, глубоко и правдиво раскрывающие советскую действительность, жизнь и труд рабочих, колхозников, интеллигенции.

Широко известны работы белорусских скульпторов А. Глебова, А. Бембеля, З. Азгура, С. Селиханова. Оригинальностью и взволнованностью отличается портрет В. И. Ленина работы скульптора А. Бембеля. Скульптурный портрет Рабиндраната Тагора, выполненный З. Азгуром, был удостоен премии на Международной выставке в Брюсселе. А. Глебов создал образ выдающегося деятеля белорусской культуры XVI в. Георгия Скарины.

Важнейшей чертой современной белорусской архитектуры является комплексное ансамблевое строительство. В Минске создан высокохудожественный архитектурный ансамбль — Ленинский проспект. Он застроен крупными комплексами жилых домов, чередующимися с общественными зданиями и зелеными массивами. Здания решены в торжественном тоне со светлыми фасадами и умелым использованием мотивов классической архитектуры.



В лаборатории Института общей и неорганической химии АН БССР (1964 г.)

Расцвет белорусского искусства способствует общему культурному росту народа, развитию народного творчества.

Большой и сложный путь прошел белорусский народ за свою многовековую историю. Трудящиеся Белоруссии вели долгую и упорную борьбу за социальное и национальное освобождение. Тяжелой была участь рабочих и крестьян в условиях феодализма и капитализма. Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла трудящимся полное освобождение от векового гнета, лишь в условиях Советской власти белорусский народ впервые в своей истории получил самостоятельную государственность. В борьбе за лучшее будущее трудящиеся Белоруссии всегда опирались на поддержку великого русского народа и других братских народов.

Огромные изменения во всех сторонах быта и культуры белорусского народа были вызваны победой Великой Октябрьской социалистической революции, победой социализма и борьбой за построение коммунизма в нашей стране.

Коренные изменения в социально-экономической и политической истории народа оказали сильнейшее влияние на его культуру и быт. От лаптя, сохи, курной хаты — этих спутников и символов вековой отсталости в прошлом — белорусский народ при Советской власти шагнул к высотам культуры и материального благосостояния.

Изменения в производственном быту и в других сторонах жизни непосредственно вызваны грандиозными успехами социалистической промышленности и сельского хозяйства Белоруссии.

Основой производственного быта белорусского народа при социализме и в условиях развернутого строительства коммунистического общества стал свободный радостный труд, труд на себя, труд на общество свободных от эксплуатации людей.

После Великой Октябрьской социалистической революции коренным изменениям подвергся общественный быт. Раскрепощенный народ стал пользоваться всеми благами свободы и демократии. Это привело к невиданной общественной активности рабочих, крестьян, интеллигенции во

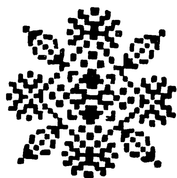
Площадь Победы в Минске (1963 г.)

всех областях жизни. В результате победы социализма и вступления Советской страны в период развернутого строительства коммунистического общества общественные и личные отношения между людьми стали строиться на высшем принципе гуманизма, означающем, что человек человеку друг, товарищ и брат.

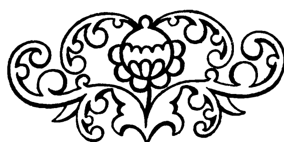
Социалистические преобразования привели к изменениям и жилищных условий трудящихся республики. Рабочие, колхозники, служащие живут в хороших, благоустроенных домах, сельские поселения и жилище постепенно приобретают черты, характерные для городских условий. Жители в прошлом лапотной Белоруссии обеспечены добротной рабочей, повседневной и праздничной одеждой. У систематически голодавших в прошлом трудящихся классов при Советской власти коренным образом улучшилось питание.

Серьезным изменениям подвергся сложный по своим особенностям семейный быт белорусских рабочих, крестьян, интеллигенции. Социально-политическое и идейное единство народа, достигнутое в нашей стране, обусловило прочность внутрисемейных отношений, основанных на равенстве и взаимном уважении членов семьи. Входят в быт новые обычаи и обряды, вытесняя вредные пережитки прошлого.

В годы Советской власти сложилась белорусская социалистическая нация, впитавшая в себя прогрессивные традиции прошлого и выработавшая совершенно новые традиции во всех областях производственной, общественно-политической и семейной жизни. В условиях победившего социализма сложился новый тип белоруса — свободного человека с новыми, передовыми взглядами на жизнь. Для белорусов в условиях социализма стали характерными такие черты их общественного и морального облика, как советский патриотизм, интернационализм, советский гуманизм, коллективизм, трудолюбие, гостеприимство, честность, ненависть к любой форме угнетения человека человеком, стремление к миру во всем мире.



ПРИЛОЖЕНИЯ



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВА — Журнал «Вопросы антропологии».
ВГ — Журнал «Вопросы географии».
ВИ — Журнал «Вопросы истории».
ВЭ — Журнал «Вопросы экономики».
ВЯ — Журнал «Вопросы языкознания».
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
ЖС — Журнал «Живая старина».
Зап. — Записки.
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИКФУН — Ленинградское отделение Института культуры финно-угорских народов.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Институте этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Ленинград).
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
Пам. кн.— Памятная книжка.
Полн. собр. соч.— Полное собрание сочинений.
РГО — Русское географическое общество.
РТО — Русское техническое общество.
Сб. ст.— Сборник статей.
Стат. сб.— Статистический сборник.
СЭ — Журнал «Советская этнография».
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия.
Уч. зап.— Ученые записки.
ЭО — Журнал «Этнографическое обозрение».

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения, т. 3. М., 1955.
Энгельс Ф. К жилищному вопросу. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18. М., 1961.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21. М., 1961.
Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1959.
Ленин В. И. Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России. Полн. собр. соч., т. 22. М., 1961.
Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам. Полн. собр. соч., т. 17. М., 1961.

Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения. Полн. собр. соч., т. 23. М., 1961.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1959.
Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн собр. соч., т. 20. М., 1961.
Ленин В. И. Наше внутреннее и внешнее положение и задачи партии. Полн. собр. соч., т. 42. М., 1963.
Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26. М., 1961.
Ленин В. И. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961.
Ленин В. И. Переселенческий вопрос. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961.
Ленин В. И. Последний клапан. Полн. собр. соч., т. 22. М., 1961.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1958.
Ленин В. И. Социализм и война. Полн. собр. соч., т. 26. М., 1961.
Ленин В. И. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961.
Ленин В. И. Что делается в деревне? Полн. собр. соч., т. 20. М., 1961.
Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви. М., 1959.
О генеральном плане реконструкции Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 10 июля 1935 г. М., 1935.
«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III. М., 1954.
Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая XXII съездом КПСС. М., 1964.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Справочники и указатели

Русские

Атлас народов мира. М., 1964.
Бузляков Н. И., Заремба Б. В., Лагутин Н. С. и др. Сегодня и завтра. Цифры и факты об уровне жизни советского народа. (Справочник). М., 1962.
Всесоюзная городская перепись, 1923 г., вып. 1—3. М., 1924.
Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г., тт. I—VIII. М., 1928.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. Стат. сб. М., 1957.
Женщины и дети в СССР. Стат. сб. М., 1961.
Животноводство СССР. Стат. сб. М., 1959.
Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт). СПб., 1913.
История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952 гг., тт. I—II. М., 1956, 1958.
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962.
Косвен М. О. Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР. СЭ, 1947, № 1.
Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
Культурное строительство СССР в цифрах. (1930—1934). М., 1935.
Кустарная промышленность РСФСР в цифрах. М., 1929.
Кустарные промыслы. Текущая статистика. СПб., 1897.
Москва в цифрах. М., 1934.
Москва и Московская губерния. Статистическо-экономический справочник 1923/24—1927/28 гг. М., 1929.
Москва. Развитие хозяйства и культуры города. Стат. сб. М., 1958.
Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М., 1957.
Народное хозяйство РСФСР в 1961 г. Стат. ежегодник. М., 1962.
Народное хозяйство СССР в 1961 г. Стат. ежегодник. М., 1962.
Сельское хозяйство СССР. Стат. сб., М., 1960.
Советская археологическая литература. Библиография. 1941—1957 гг. (Сост. Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н., Любимова А. Н.). М.—Л., 1959.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I—III. СПб., 1893—1913.
СССР в цифрах. М., 1958.
СССР в цифрах в 1960 г. М., 1961.
СССР в цифрах в 1961 г. Краткий стат. справочник. М., 1962.
СССР в цифрах в 1962 г. Стат. сб. М., 1963.

Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—32 гг. Новочеркасск, 1891.
Транспорт и связь СССР. Стат. сб. М., 1957.
Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям (по данным Всесоюзной переписи населения 1959). М., 1960.
Харузин Н. Этнография, вып. IV. СПб., 1905. (Приложение).
Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944.

Украинцы

Зiнич В. Т. Бiблiографiя праць з української етнографiї за 1945—1956 pp. «Народна творчiсть та етнографiя». Київ, 1957, № 1.
Зiнич В. Т. Бiблiографiя праць з української етнографiї за 1957—1958 pp. «Народна творчiсть та етнографiя», 1959, № 3.
Зiнич В. Т. Бiблiографiчний покажчик лiтератури з етнографiї за 1959—1960 pp. «Народна творчiсть та етнографiя», 1961, № 2.
Зiнич В. Т. Бiблiографiя праць з української етнографiї за 1961—1963 pp. «Народна творчiсть та етнографiя», 1964, № 4.
Лазаревский А. М. Указатель источников для изучения Малороссийского края, вып. 1. СПб., 1858.
Максименко Ф. П. Матерiали до краэзнавчаї бiблiографiї України, 1847—1929. Киев, 1930.
Народне господарство Української РСР в 1959 р. Стат. щерiчник. Київ, 1960.
Народне господарство Української РСР в 1960 р. Стат. щерiчник. Київ, 1961.
Народне господарство Української РСР у семирiччi. Сучасний стан i перспективи развитку. Київ, 1960.
Радянська Україна. (Цифри i дiаграми). Київ, 1962.

Белорусы

Белорусская ССР в цифрах. Минск, 1962.
Беларуская этнаграфiя ў даследах i матэрыялах, кн. III. «Матэрыялы да беларускай бiблiяграфii», т. IV. Этнаграфiя. Мiнск, 1927.
Бiблiяграфiя лiтаратуры аб рэлiгiйных вераваннях i атэiзме на Беларусi. В кн.: «Пытаннi рэлiгii i атэiзму». Мiнск, 1960.
Бiблiяграфiчны ўказальнiк лiтаратуры на беларускаму мовазнаўству. Мiнск, 1960.
Гiсторыя БССР. Тэматычны паказальнiк савецкай лiтаратуры. 1945—1958 гг. Мiнск, 1959.
Грынблат М. Я. Беларуская анамастыка. Матэрыялы да бiблiяграфii. Працы Iн-та мовазнаўства АН БССР, вып. VII. Мiнск, 1960.
Достижения Советской Белоруссии за 40 лет. Стат. сб. Минск, 1958.
Кузьмин И. О. Библиография по этнографии, фольклору и языку западных областей Белоруссии. СЭ, 1941, V.
Народное хозяйство Белорусской ССР. Стат. сб. Минск, 1962.
Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. Минск, 1957.

ЛИТЕРАТУРА К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

Вводная часть

Население и природа

Подъячих П. Г. Население СССР. М., 1961.
Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
Шибаев В. П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. (Академия наук СССР. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930.

Ранние этапы этнической истории. Исторические судьбы народов. Образование древнерусской народности

Авдусин Д. А. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. 30. М.— Л., 1949.
Артамонов М. И. Происхождение славян. Л., 1950.

Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1.
Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
Булаховський Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956.
Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей. М— Л., 1958.
Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. ТИЭ, т. XXXI. М., 1956.
Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., тт. I—II. М., 1952—1954 гг.
Гуслистий К. Г. Древня Русь — колиска росіиського, українського і білоруського народів. В кн. «Віковічна дружба російського і українського народів». Київ, 1954.
Гуслистий К. Г. Історико-етнічний развиток українського народу в другій половині XVII — першій половині XIX ст. «Народна творчість та етнографія», 1961, № 3.
Гуслистый К. Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Киев, 1963.
Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. IV. МИА, № 123, М., 1963.
Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в русском зодчестве. М., 1900.
Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. СЭ, 1940, № 3.
Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. 1. Пг., 1916.
История культуры древней Руси, тт. I—II. М.— Л., 1948—1951.
Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, тт. I—II. М.— Л., 1958, 1961.
Коме ова Г. Н. Сцены народной жизни конца XVIII — начала XIX в. по гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). Л., 1946.
Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, М.— Л., 1961.
Лященко П. И. История народного хозяйства, тт. I—III. М., 1952—1956.
Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды. СЭ, 1954, № 2.
Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 1. МИА, № 11, М., 1949.
Материалы и исследования по археологии Москвы, тт. I—III. МИА, № 7, 12, 44, М., 1947, 1949, 1955.
Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. ТИЭ, т. LVII, М., 1960.
Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1960.
Монгайт А. Л. Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. IV. МИА, № 49, М., 1955.
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. III. МИА, № 117, М., 1963.
Очерки истории СССР, 8 томов. М., 1953—1958.
Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958.
Период феодализма IX—XV вв., ч. 1 (XI—XIII вв.). Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М. 1953; ч. 2 (XIV—XV вв.). Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. М., 1953.
Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление русского централизованного государства (конец XV—XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М., 1955.
Период феодализма XVII в. М., 1955.
Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954.

Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.
Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
Панкратова А. М. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. ВИ, 1953, № 9.
Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963.
Повесть временных лет, ч. I—II. М.— Л., 1950.
Пыпин А. Н. История русской этнографии, тт. I—IV. СПб., 1890—1891.
Рабинович М. Г. Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев, ч. II. Период феодализма. М., 1961.
Рабинович М. Г. Из истории быта городского населения древней Руси. СЭ, 1955, № 4.
Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, Л., 1956.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1899.
Т. 2. Среднерусская черноземная область.
Т. 3. Озерная область.
Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье.
Т. 7. Малороссия.
Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.
Т.14. Новороссия и Крым.
Руднев В. В. Формування і развиток української соціалістичної нації. Київ, 1957.
Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
Седов В. В. Сельские поселения Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92, М., 1960.
Славяне накануне образования Киевской Руси. Сб. статей. МИА, № 108, М., 1963.
Слово о полку Игореве. М.— Л., 1950.
Старая Ладога. Л., 1948.
Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961.
Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
Тихомиров М. Н. О происхождении термина «Русь». «Советская этнография». Сб. стат., VI. М., 1946.
Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов. СЭ, 1954, № 2.
Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.— Л., 1957.
Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
Труды Новгородской археологической экспедиции, тт. I—II. МИА, № 55 и 65, М., 1956, 1959.
Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, М., 1960.
Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.— Л., 1959.
Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, тт. 1—3. СПб., 1887—1902.
Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927.

Антропологический очерк

Акимова М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. ВА, вып. 7, 1961.
Акимова М. С. Краниологический очерк удмуртов. ВА, вып. 10, 1962.
Акимова М. С. Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР. КСИЭ, XXIX, 1958.
Алексеева Т. И. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна. «Антропологический сборник», 1. ТИЭ, т. XXXIII, 1956.
Алексеева Т. И. Антропологический тип населения Чувашии. КСИЭ, XXIII, 1955.

А л е к с е е в а Т. И. Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра. ВА, вып. 8, 1961.
А л е к с е е в а Т. И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья. «Антропологический сборник», IV. ТИЭ, т. 82, 1963.
А н у ч и н Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России. Зап. РГО, VII, вып. 1, 1889.
Б о г д а н о в А. П. Древние киевляне по их черепам и могилам. «Антропологическая выставка», III, ч. 1, 1879.
Б о г д а н о в А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. «Известия ОЛЕАЭ», IV, 1867.
Б у н а к В. В. Антропологические исследования в южной Белоруссии. «Антропологический сборник», 1, ТИЭ, т. XXXIII, 1956.
Б у н а к В. В. Человеческие расы и пути их образования. СЭ, 1956, № 1.
Б у н а к В. В., А л е к с е е в а Т. И. Антропологическое исследование русского населения Верхней Волги. КСИЭ, XXIX, 1958.
В и т о в М. В., М а р к К. Ю., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959.
Г и н з б у р г В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата. Сборник МАЭ, т. XIII, 1951.
Д е б е ц Г. Ф. Вепсы. Уч. зап. МГУ, вып. 63, 1941.
Д е б е ц Г. Ф. «Неприветливые» и «радушные» (по поводу книги Д. А. Золотарева «Карелы СССР», Л., 1930). «Антропологический журнал», № 1—2, 1933.
Д е б е ц Г. Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ, т. IV, 1948.
Д е б е ц Г. Ф. Так называемый «восточный великорусс». «Антропологический журнал», № 1—2, 1933.
Д е б е ц Г. Ф., Т р о ф и м о в а Т. А., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. ТИЭ, т. XVI, 1951.
Д е н и с о в а Р. Я. К истории формирования антропологического состава восточных латышей и восточных литовцев. «Известия АН Латвийской ССР», № 3, Рига, 1958.
Д я ч е н к о В. Д. Антропологический состав украинского народа в связи с некоторыми вопросами его этногенеза. Автореферат диссертации. М., 1961.
З е н к е в и ч П. И. Характеристика восточных финнов по материалам Института антропологии. Уч. зап. МГУ, вып. 63, 1941.
Л е в м а н Р. С. Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР. Автореферат диссертации. М., 1950.
М а р к К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956.
М а р к К. Ю. Этническая антропология мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа». ТИЭ, т. LXIII, 1960.
Материалы з антропології України, т. I — II. Київ, 1964.
Р о г и н с к и й Я. Я., Л е в и н М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
Р у д е н к о С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии, часть I. Физический тип башкир. Пг., 1916.
С е д о в В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИЭ, XV, 1952.
Т р о ф и м о в а Т. А. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. КСИЭ, XVII, 1952.
Т р о ф и м о в а Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Уч. зап. МГУ, вып. 63, 1941.
Т р о ф и м о в а Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. ТИЭ, т. VII, 1949.
Ф и р ш т е й н Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья. «Антропологический сборник», III. ТИЭ, т. LXXXI, 1961.
Ч е б о к с а р о в Н. Н. Калмыки Западного Улуса. «Антропологический журнал», № 1, 1935.
Ч е б о к с а р о в Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. Происхождение человека и древнее расселение человечества. ТИЭ, т. XVI, 1951.
Ч е б о к с а р о в Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2.
Ш л у г е р С. А. Антропологическое исследование ненцев. Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941.
Я к и м о в В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребения на Большом Оленьем острове (Баренцово море). Сборник МАЭ, т. XV, 1953.
A u l J. Dennées anthropologiques sur les Estoniens des districts occidentaux de l'Estonie et leur appartenance raciale. «Annales Literarum Cocietatis Esthonicae». Tartu, 1938.
M a r k K. Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum. «Suomen Muinaismu istoyhdistyksen aikakauskirja», № 59. Helsinki, 1958.

Основные группы языков

Восточнославянские языки

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. ВЯ, 1955, № 5.
Безпалько О. П., Бойчук М. К. и др. Історична грамматика української мови. Київ, 1957.
Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
Букатевич Н. И., Грицютенко И. Е. и др. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958.
Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1962.
Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.
Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.
Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Балтийские языки

Топоров В. Н. Две заметки из области балтийской топонимики. «Сборник статей, посвященный Я. Эндзелину». Рига, 1959.
Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
Būga K. Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1961.
Endzelins, J. Baltu valodu skanas un formas. Riga, 1948. (литовск. перевод: J. Endrelynas. Baltųkalbų garsai ir fermos. Vilnius, 1957).
Fraenkel, E. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950.
Gimbutas, M. Ancient Baltic lands. A résumé of linguistic and archaeological data. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Mouton, VI, 1963.
Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, phil-hist. Klasse». Berlin, 1932.

Финно-угорские языки

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
Бубрих Д. В. К вопросу хронологии мордвы. «Отчет ЛОИКФУН за III год деятельности». Л., 1929.
Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957, гл. II.
Младописьменные языки народов СССР. М.— Л., 1957.
Erkki Itkonen. Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. «Ural-Altaische Jahrbücher», XXXIV. Wiesbaden, Harrassowitz, 1962.

Тюркские языки

Байчура У. Звуковой строй татарского языка, ч. 1—2. Казань, 1959—1961.
Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934; М., 1953.
Богородицкий В. А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.
Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., 1948.
Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1. Чебоксары, 1954.
Киекбаев Ж. Г. Башкорт теленен фонетикаһы (Фонетика башкирского языка). Уфа, 1958.
Мусоев К. М. Грамматика караимского языка (Фонетика и морфология). М., 1964.
Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1905, 1893—1911 (см. фотомех. переиздание — М., 1963—1964).
Radloff W. W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. «Записки Императорской Академии наук», серия VIII, т. VII, № 7, СПб., 1906.
Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.
Zajączkouski A. Krotki wykład gramatyki języka zachodnikaraimskiego. Luck, 1931.

РУССКИЕ

Общие работы

(в том числе к главе «Очерк этнической истории русских до середины XIX в.»)

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964.

Бежкович А. С., Жегалова С. К. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960.

Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. «Известия ГАИМК», вып. 132, М.— Л., 1936.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.

Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв., тт. I, II. М., 1961—1962.

Дмитриев С. С. Образование русской нации. ВИ, 1955, № 7.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., ч. I—II. «Известия ОЛЕАЭ», т. 30. Труды этнографического отдела, кн. 5, вып. 1—2. М., 1877, 1878.

История Ленинграда, тт. I—IV. М.— Л., 1955—1958.

История Москвы, тт. I—VI. М., 1952—1957.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. «Труды ГИМ», вып. 32, 33. М., 1956, 1959.

Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан XI—XII вв. М., 1964.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1950.

Рязанское село Кораблино. (История, экономика, быт, культура, люди села.) Уч. зап. Рязанского государственного педагогического института, т. 18. Рязань, 1957.

Сборник народных юридических обычаев Архангельской губ., кн. 1. Сост. П. С. Ефименко. Архангельск, 1869.

Село Вирятино в прошлом и настоящем (Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни). ТИЭ, т. XLI, М., 1958.

Соболевский А. И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907.

Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований). ТИЭ, т. XL, М., 1957.

Историко-культурные группы русского народа

Бломквист Е. Э. Этнографическая работа среди «уральцев». КСИЭ, вып. 3, М., 1947.

Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. «Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР», вып. 17, серия Казахстанская, Л., 1930.

Железнов И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, тт. I—III. СПб., 1910.

Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей колонизации. СПб., 1913.

Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. М., 1926.

Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927.

Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.

Логиновский К. Д. О быте казаков Восточного Забайкалья. ЖС, вып. 2, 1902.

Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.

Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа. «Зап. Западно-Сибирского отделения РГО», кн. XXVI, 1899.

Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска 1696—1888 г. Воронеж, 1888.

Русский язык и его диалекты

Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. ВЯ, 1952, № 6.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, тт. I—II. М., 1957; т. I. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам; т. II. Карты.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. ВЯ, 1963, № 6.
Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложениями очерка русской диалектологии, составленный Н.Н.Дурново, Н.Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 5, М., 1915.
Орлова В. Г. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. ВЯ, 1955, № 6.
Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе. ВЯ, 1962, № 3.

Сельское хозяйство

Адриановский А. П. Сельскохозяйственные растения, их сорта и способы возделывания. М., 1888.
Алов А. А. Кустарное производство земледельческих орудий и машин. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. VI. СПб., 1900.
Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.
Атлас сельского хозяйства СССР. М., 1960.
Басюк Т. Л. Организация социалистического сельскохозяйственного производства. М., 1962.
Бирюкович В. В. Сельскохозяйственная техника. СПб., 1903.
Бочков Н. В. и др. История земельных отношений и землеустройства. М., 1956.
Бутлеров А. М. Статьи по пчеловодству. СПб., 1891.
Валовой Д. В. Развитие межколхозных производственных связей. М., 1962.
Васюк Н. В. Дальнейшая специализация и размещение сельскохозяйственного производства. М., 1960.
Венжер В. Г. Подсобное хозяйство — дополнительный источник производства. ВЭ, 7, 1962.
Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. М., 1952.
Воронцов В. П. Россия в народно-хозяйственном отношении. Приложение к кн.: Филиппсон А. «Европа», СПб., 1896.
Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. «Сельское и лесное хозяйство России». СПб., 1893.
Данилов В. П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. Журнал «История СССР», 1958, № 3.
Данилов В. П. Советская деревня накануне коллективизации. «Исторические записки», 55, М., 1956.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах, тт. I—IV. СПб., 1901—1905.
Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. СПб., 1891.
Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1. М., 1884.
Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.
Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. 1860—1914 гг. М., 1951.
Кауфман А. А. Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. «Русское богатство», 1893, № 10.
Кауфман А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894.
Кеппен П. О шелководстве в России. ЖМВД, СПб., 1834, № 11.
Константинов Н. А. Народные резные календари. Сб. МАЭ, вып. XX. М.—Л., 1961.
Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.
Крохалев Ф. С. О системах земледелия. М., 1960.
Кулябко-Корецкий Н. Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1903.
Ларькина Е. И. Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М., 1960.
Логиновский К. Д. Бирки и сельские деревянные календари. ЖС, вып. 2, 1902.
Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
Материалы по истории земледелия СССР. Сб. I—V. М., 1952—1962.
Найдич-Москаленко Д. В. О принципах классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1959, № 1.
Очерк современного состояния плодоводства, огородничества, виноградарства с виноделием. СПб., 1899.
Плодоводство в России, т. II. СПб., 1899.
Пономарев Н. Возникновение и развитие ветряной мельницы. М., 1958.
Попко И. Терские казаки с стародавних времен, вып. 1. СПб., 1880.
Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, т. 1. СПб., 1880.

Селиванов И. Год русского земледельца. Календарь Рязанской губернии на 1887 г. Рязань, 1887.
Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. СПб., 1913.
Сивков К. В. Годичный трудовой круговорот жизни крестьян Тульской губернии в конце XVIII в. «Исторический архив», М., 1957, № 1.
Тихоницкая Н. Н. Сельскохозяйственная толока у русских. СЭ, 1934, № 4.
Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959.
Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960.
Ходецкий С. М. Статистическо-хозяйственный очерк земли Донского войска. СПб., 1853.
Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 г., ч. 1. Пгр. 1917.
Чефранов П. Г. Русская пчелопромышленность к началу XX в. СПб., 1901.
Шарапов Г. В. Начало социалистических преобразований в деревне в первые годы Советской власти. М., 1960.
Шумков Н. В. Ростовское огородничество. «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб., 1888, октябрь, ч. CLIX.
Эдельштейн В. И. Овощеводство. М., 1953.
Экономика социалистического сельского хозяйства. М., 1962.
Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1960.

Историко-географическая характеристика промыслов и промышленности

Андреев Е. Н. Кустарная промышленность в России по исследованиям «Комиссии для исследования кустарной промышленности в России» и другим источникам. СПб., 1885.
Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во II половине XVII в. (К истории формирования русской буржуазии). М., 1959.
Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. «Научные труды», т. 1. М., 1952.
В. В. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.). М.— Л., 1929.
Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881.
Историко-статистический обзор промышленности России, т. 1. СПб., 1883.
Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913.
Кустарная промышленность России. Женские промыслы в очерках С. А. Давыдовой, Е. Н. Половцевой, К. С. Бернес и Е. О. Свидрской. СПб., 1913.
Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева. Составил проф. Н. А. Филиппов и др. СПб., 1913.
Кустарная промышленность СССР. Сб. ст., вып. 1. М., 1925.
Кустарно-промысловая кооперация РСФСР на 1 апреля 1928 г. М., 1929.
Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900.
Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII—XVIII и начала XIX в. М., 1947.
Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России. СПб., 1872.
Менделеев Д. И. Основы фабрично-заводской промышленности. СПб., 1897.
Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, тт. I—XI. СПб., 1892—1915.
Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906.
Пономарев Н. Кустарные промыслы в России. СПб., 1900.
Просвиркина С. К. Русская деревянная посуда. М., 1955.
Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958.
Свод материалов по кустарной промышленности в России, сост. А. Мещерский и К. Модзалевский. СПб., 1874.
Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.
Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.
Труды комиссии по исследованиям кустарной промышленности в России, вып. 1—16. СПб., 1879—1887.
Художественные промыслы РСФСР. М., 1950.

Рыболовство и охота

Баранов Ф. И. Техника промышленного рыболовства. М., 1960.
Бахрушин С. В. Покрута на соболиных промыслах XVII в. «Научные труды», т. 3, ч. 1. М., 1955.
Бахрушин С. В. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII в. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». М. 1951.
Войниканис-Мирский В. Н. Техника промышленного рыболовства и промысел морского зверя. М., 1961.
Исследования о состоянии рыболовства в России, тт. I — IX. СПб., 1860—1875.
Каменский В. В. Техника охотничьего промысла. М., 1953.
Макаров И. С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. «Исторические записки», т. 14, М., 1945.
Перелешин С. Д. Основные вопросы охотничьего хозяйства в СССР. М.,1956.
Сборник материалов об артелях в России, вып. 2. СПб., 1874.
Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.
Соловьев Д. К. Охота в СССР. М., 1926.
Черкасов А. А. Записки охотника-натуралиста. М., 1962.

Сельские поселения и жилище

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953.
Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.
Буденый Л. М. Некоторые вопросы планировки колхозных селений. Диссертация. М., 1953.
Введенская А. Г. К истории планировки русской деревни XVIII в. и первой половины XIX в. Труды ГИМ, вып. XV, М., 1941.
Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. Известия РГО, т. XLV, вып. 1—3, СПб., 1909.
Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Известия ГАИМК, вып. 138, Л., 1935.
Иконников И. И. О планировочных традициях русского народного зодчества (планировка русских селений Волго-Окского района). Диссертация. Л., 1954.
Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. (Задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). М., 1960.
Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
Рабинович М. Г. Дом и усадьба в древней Москве. СЭ, 1952, № 3.
Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. Зап. РГО по отделению статистики, т. X, вып. 2, СПб., 1910.
Толстов С. П. К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России. В кн. «Культура и быт населения Центрально-промышленной области». М., 1929.
Чижикова Л. Н. Русское народное жилище Верхнего Поволжья. Диссертация. М., 1952.

Городские поселения

Алавердян С. К. Жилищный вопрос в Москве. (Очерки предреволюционного периода). Ереван, 1961.
Александрова Т. А., Наякшин К. Я. и др. Город Куйбышев. Куйбышев, 1957.
Андреев П., Генкин Л. и др. Ярославль. Очерки по истории города (XI в.— октябрь 1917 г.). Ярославль, 1954.
Аристов А. Город Серпухов. М., 1947.
Баранов Н. Н. Развитие советского градостроительства. Л., 1957.
Блок Г. В старой Москве. Как хозяйничали купцы и фабриканты. Материалы и документы. М., 1939.
Васильев Б. Н., Мокеичев И. В. Город Шуя. Иваново, 1956.
Вендрих Г. А., Рябцовский Л. И. Строящийся Иркутск. Иркутск, 1956.
Вишневский В. М., Гайдашенко К. П. и др. Владивосток (к 100-летию со дня основания). 1860—1960. Владивосток, 1960.
Вопросы планировки, застройки и благоустройства жилых кварталов. Л., 1954.
Гасицкий А. С. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему-Новгороду и Нижегородской ярмарке. Нижний Новгород, 1876.
Гольденберг П., Гольденберг Б. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.— Л., 1935.

Градостроительные проблемы развития Ленинграда. М., 1960.
Давидович В. Г. О развитии сети городов за 40 лет. ВГ, сб. 45, 1959.
Давидович В. Г., Ковалев С. А., Покшишевский В. В. Об основах классификации населенных пунктов СССР. Известия АН СССР, серия географическая, № 4, М., 1959.
Дитятин И. И. Устройство и управление городов России, тт. 1—2. СПб.— Ярославль, 1875—1877.
Дубровский П. Г. Микрорайоны в планировке и застройке городов. Л., 1960.
Застройка советских городов. М., 1957.
Князев К. Ф., Мищенко Г. Е. и др. Планировка и застройка поселков. М., 1958.
Комсомольск. Сб. ст. Хабаровск, 1947.
Константинов О. А. Современное состояние деления населенных пунктов на городские и сельские. Известия АН СССР, серия географическая, № 6, М., 1958.
Косевич П. Я. и др. Майкоп. Майкоп, 1957.
Красноярский край. (Материалы по географии и истории), вып. 1—2. Красноярск, 1960—1962.
Малютина А. И. Город Енисейск. Красноярск, 1957.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк. Соч., т. 12. М., 1951.
Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. «Исторические записки», т. 54, М., 1955.
Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958.
Планировка и застройка больших городов. М., 1961.
Планировка и застройка населенных мест Крайнего Севера. Л.— М., 1959.
Полетаев В. Е. На путях к новой Москве. Начало реконструкции столицы (1917—1935). М., 1961.
Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
Рындзюнский П. Г. Городское население. В сб. «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.».М., 1959.
Самсонов В. И., Иванов П. В. и др. Курск. Очерки по истории города. Курск, 1957.
Сборник очерков по городу Москве. Общие сведения по городу и обзор деятельности Московского Городского Общественного Управления. М., 1897.
Скавронский Н. Очерки Москвы, вып. 1—3. М., 1861—1862.
Смирнов Д. Картинки Нижегородского быта XIX века. Горький, 1948.
Современное хозяйство города Москвы. М., 1913.
Сытин П. В. Из истории московских улиц. (Очерки). М., 1958.
Трубе Л. Л. Наши города. Горький, 1954.
Условия быта рабочих в дореволюционной России (по данным бюджетных обследований). М., 1958.
Шквариков В. А. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954.
Щепкин М. П. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов, ч. 1. М., 1882.
Экземплярский П. М. История города Иваново, ч. 1. Дооктябрьский период. Иваново, 1958.

Средства передвижения

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда. М., 1890.
Блиох И. С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России, т. I—V. СПб., 1878.
Богданов В. В. Сухопутные средства передвижения в Волго-Окской области как наследие старины. В кн.: «Культура и быт населения Центрально-промышленной области». М., 1929.
Виргинский В. Начало парового судоходства в России. М., 1948.
Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело допетровской России. Казань, 1910.
Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры второй половины XVII в., тт. 1—2. Варшава, 1913.
Кублицкий Г. И. Великая речная держава. М., 1952.
Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
Ханукова Е. Д. Транспорт и размещение производства. М., 1956.
Хачатуров Т. С. Транспортная система СССР. М., 1960.

Одежда

Богданов В. В. К истории женского южновеликорусского костюма. ЭО, 1914, № 1—2.
Гринкова Н. П. Русская понева юго-западных районов РСФСР. Сборник МАЭ, т. XII, М.— Л., 1944.
Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. как материал для этнической истории народа. СЭ, 1956, № 4.
Левинсон-Нечаева М. Н. Положение и быт рабочих текстильной промышленности Московской губернии во второй половине XIX века (Материалы экспедиции 1949 г. в г. Орехово-Зуево). Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 г. Труды ГИМ, вып. XXIII, М., 1953.
Русский костюм 1750—1917 гг. (в пяти выпусках).Вып. 1, 1750—1870. М., 1960.
Тимерин С. М. Русское прикладное искусство. Советские годы. М., 1961.
Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI—XVII вв. Труды ГИМ, вып. VII, М., 1954.
Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955.

Пища и утварь

Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. Оттиск из «Записок РТО», СПб., январь—март, 1912.
Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих во второй половине XIX в. СЭ, 1953, № 1.
Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5. Отдел исторический общий. М., 1929.

Общественный быт

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.
Большаков А. М. Деревня 1917—1927 гг. М., 1927.
Большаков А. М. Очерки деревни СССР. 1917—1927. М., 1928.
Гиляровский В. А. Избранное, тт. 1—2. М., 1960.
Комсомольское рождество в клубах. Л., 1925.
Крывелев И. А. Важная сторона быта (О создании современных праздничных обрядов). «Коммунист», 1961, № 8.
Культурное строительство в Вологодской обл. Вологда, 1958.
Культурное строительство Горьковской обл. 1917—1957. Сб. ст. Горький, 1957.
Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935.
Лосницкий А. Е. Распадение общины. СПб., 1912.
Нижний Тагил. Свердловск, 1961.
Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961.
Праздники на селе. Сб. ст. Сост. Н. И. Афанасьева. М., 1958.
Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
Пушкарева Л. А., Снесарев Г. П., Шмелева М. Н. Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления. «Коммунист», 1960, № 8.
Русские народные гулянья. По рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.— Л., 1948.
Русский рабочий в революционном движении. Сб. первый. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г. М., 1930.
Русский рабочий в революционном движении. Сб. второй. Рабочие завода «Серп и молот» (Г. Гужон) в 1905 г. М., 1931.
Свет над заставой. М., 1959.
Синицын В. Быт эпохи строительства коммунизма. О путях строительства коммунистического быта в СССР. Челябинск, 1960.
Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. СПб., вып. 1, 1837; вып. 2, 3, 4, 1839.

Семья и семейный быт

Богословский П. С. К номенклатуре топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь, 1927. (Отт. из Пермского краеведческого сб., вып. III).
Кабо Е. О. Очерки рабочего быта (Опыты монографического исследования домашнего рабочего быта), т. 1. М., 1928.
Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сборник МАЭ, т. VIII, Л., 1929.
Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда. СЭ, 1957, № 1.

Кушнер П. И. О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. СЭ, 1956, № 3.
Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
Пономарев С. Семейная община на Урале. «Северный вестник», 1887, № 1.
Пушкарева Л. А., Шмелева М. Н. Современная русская крестьянская свадьба. СЭ, 1959, № 3.
Сахаров В. П. О запрещении браков и родстве. Опыт исследования из области брачного права православной церкви, вып. I. Екатеринослав, 1899.
Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958.
Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
Харчев А. Семья и коммунизм. «Коммунист», 1960, № 7.

Устное поэтическое творчество

Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. I—II. М., 1958, 1963.
Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959.
Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.
Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, тт. 1—3. М.—Л., 1936—1940 (т. 1—3, М., 1957).
Берков П. Н. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953.
Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. СЭ, 1954, № 4.
Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. М.— Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.— Л., 1951.
Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, т. 1—3. СПб., 1873 (М.—Л., 1949—1951).
Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1959.
Исторические песни XIII—XVI веков. М.— Л., 1960.
Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.— Л., 1962.
Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. ТИЭ, вып. XIX, М., 1953.
Лазутин С. Г. Русская частушка. Воронеж. 1960.
Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, тт. I—III. М., 1897, 1910, 1924.
Народные исторические песни. М.— Л., 1962.
Народные лирические песни. Л., 1961.
Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I—II, ТИЭ, тт. 30 и 85, М., 1956, 1963.
Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I, II (ч. 1, 2). М., 1911, 1917, 1929.
Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М., 1963.
Причитания. Вступительная статья и примечания К. В. Чистова. Л., 1960.
Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.— Л., 1960.
Русский фольклор. Материалы и исследования, вып. I—VIII. М.— Л., 1956—1963.
Русское народное поэтическое творчество, тт. I—II.
Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в. М.—Л ., 1953.
Т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX в. М.— Л., 1955.
Т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX в. М.— Л., 1956.
Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. ТИЭ, т. XX, М., 1953.
Соболевский А. И. Великорусские народные песни, тт. 1—7. СПб., 1896—1902.
Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. ТИЭ, т. LXI, М., 1960.
Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955.
Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959.
Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах, т. 1, вып. 1—2. СПб., 1898.

Народная музыка

Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957.
Гиппиус Е., Эвальд З. Песни Пинежья, кн. II. М., 1937.
Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. I—II. СПб., 1904—1909.
Прач И., Львов Н. Собрание народных русских песен. М., 1953.
Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен. М., 1951.
Смирнов Б. Искусство владимирских рожечников. М., 1959.
Смирнов Б. Искусство сельских гармонистов. М., 1962.
Смирнов Б. Народные скрипичные наигрыши. М., 1961.
Соколов Ф. Гусли звончатые. М., 1959.
Соколов Ф. Русская народная балалайка. М., 1962.

Народное декоративно-изобразительное искусство

Василенко В. М. Северная резная кость. М., 1947.
Василенко В. М. Искусство Хохломы. М., 1959.
Вишневская В. М., Каплан Н. И., Буданов С. М. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1956.
Вологодская и ярославская народная вышивка. Альбом. М., 1955.
Воронов В. Крестьянское искусство. М. 1924.
Гогель Ф. В. Ковры. М., 1950.
Давыдова С. А. Русское кружево и русские кружевницы. СПб., 1892.
Динцес Л. А. Русская глиняная игрушка. М.— Л., 1936.
Жегалова С. К. Русская деревянная резьба XIX в. М., 1957.
Званцев М. П. Хохломская роспись. Горький, 1951.
Иванов Е. П. Русский народный лубок. М., 1937.
Ильин М. А. Русское народное искусство. М., 1959.
Каменская М. Н. Русская народная деревянная скульптура. Л., 1948.
Каплан Н. И. Русская народная резьба по мягкому камню. М., 1955.
Комаров В. В. Художественные промыслы великоустюгских мастеров. Вологда, 1949.
Крюкова И. Русская народная резьба по кости. М., 1956.
Клужинский С. К. Описание коллекции народных писанок. М., 1899.
Левинсон-Нечаева М. Н. Золото-серебряное кружево XVII в. Труды ГИМ, вып. 13. М., 1941.
Павловский Б. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953.
Попова О. С. Русская народная керамика. М., 1957.
Попова О. С. Русская художественная бытовая керамика. М., 1959.
Постникова-Лосева М. М. Костромское серебряное дело XVIII—XIX вв. Труды ГИМ, вып. XVIII, М., 1947.
Работнова И. П. Кружево. Сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», М., 1957.
Работнова И. П. Русское народное кружево. М., 1956.
Работнова И. П., Яковлева В. Я. Русская народная вышивка. М., 1957.
Разина Т. М., Суслов И. М. и др. Русский художественный металл. М., 1958.
Рехачев М. Вологодские кружева. Вологда, 1955.
Салтыков А. Б. Избранные труды. М., 1962.
Салтыков А. Б. Майолика Гжели. М., 1956.
Салтыков А. Б. Русская керамика XVIII—XIX века. М., 1952.
Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928.
Стасов В. В. Русский народный орнамент. Собр. соч., т. 1. СПб., 1894.
Яковлева Е. Г. Курские ковры. М., 1955.
Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955.
Яловенко В. Г. Федоскино. М., 1950.

УКРАИНЦЫ

Общие работы

(в том числе к главе «Очерк этнической истории украинцев»)

Арандаренко Н. Записки о Полтавской губернии, составленные в 1846 году, ч. I—III. Полтава, 1848—1852.
Архитектура Украинской ССР, т. I. М., 1954.
Афанасьев-Чужбинский А. Быт малорусского крестьянина. «Вестник РГО», т. 13, кн. 1, 1855.
Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. СПб., ч. I, Очерки Днепра 1861; ч. II, Очерки, Днестра, 1863.

Бабенко В. А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905.
Багалей Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Киев, 1889.
Багалій D. І. Історія Слобідської України. Харьків, 1918.
Богданович А. В. Сборник сведений о Полтавской губернии. С картою губернии и планом г. Полтавы. Полтава, 1877.
Білодід І. К. Українська мова серед мов соціалістичних націй СРСР. «Вітчизна», 1962, № 2.
Білодід І. К. Т. Г. Шевченко в історії української літературної мови. Київ, 1964.
Боплан Гильон Левассер. Описание Украины. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II. Киев, 1896.
Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
Головацкий Я. Ф. Карпатская Русь. Географическо-статистические и историко-этнографические очерки Галичины, северо-восточной Угрии и Буковины. «Славянский сборник». т. I—II, П., 1875—1877.
Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях, вып. 2. Чернигов, 1896.
Гуслистый К. Г., Горленко В. Ф. О периодизации истории Украинской этнографии. СЭ, 1961, № 1.
Гуслистий К. Г. Стан і завдания етнографічної науки в Українській РСР. «Народна творчість та етнографія», 1958, № 4.
Жилко Ф. П. Нариси з діалектології ураїнської мови. Київ, 1955.
Зінич В. Т., Куницький О. С., Приходько М. П. Деякі підсумки етнографічного вивчення робітничого класу України. «Народна творчість та етнографія», 1964, № 4.
Історія української літератури, т. I. Дожовтневий період. Київ, 1954; т. II. Радянська література. Київ, 1957.
История Украинской ССР, тт. 1—II. Киев, 1956, 1957.
Курс історії української мови. Київ, т. I, 1958, т. II, 1961.
Маркович Я. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798.
«Матеріали з етнографії та художнього промислу». Київ, вип. I, 1954; вип. II, 1956; вип. III, 1957.
«Матеріали з етнографії та мистецтвознавства». Київ, вип. IV, 1959; вип. V, 1959; вип. VI, 1961; вип. VII—VIII, 1962.
Москаленко А. А. Нарис історії української лексикографії. Київ, 1961.
Народ про релігію. Сборник фольклорных произведений. Киев, 1958.
Наулко В. И. Современный этнический состав населения Украинской ССР, СЭ, 1963, № 5.
Овсянников А. Географические очерки и картины, т. II. Очерки и картины Малороссии. СПб., 1880.
Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954.
Плющ П. Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1958.
Прилипко Я. П. Етно-культурні зв'язки болгар і східних слав'ян. Київ, 1964.
Поріцький А. Я., Етнографічне дослідження Карпат. «Народна творчість та етнографія», 1964, № 4.
Ригельман А., Летописные повествования о Малой России и ее народе и казаках вообще, ч. I—IV. М., 1847.
Рильський М. Т. Стан і перспективи етнографії на Україні. «Вісник АН УРСР», 1954, № 7.
Симоненко І. Ф. Соціалістичні перетворення у побуті трудящих села Нересниці Закарпатскої області. Етнографичний опис. Київ, 1957.
Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография. «Киевская старина», 1892, № 1—5, 7—11; 1893, № 3; 1895, № 2, 5, 7, 9; 1896, № 7—9, 11.
Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. Пг., 1916.
Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским Географическим Обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования в 7 томах. СПб., 1872—1877.
Шабунин К. Люди и жизнь в Запорожском крае. СПб., 1867.
Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851.
Шухевич В. Гуцульщина, ч. 1—5. Львів, 1900—1908.
Kolberg O. Pokucie. Obraz etnograficzny, т. III. Kraków, 1888.
Moszyński K. Kultura ludowa Slowian, cz. I. Kraków, 1927.
Nowosielski A. Lud ukraiński. Wilno, 1857.

Основные отрасли хозяйства и занятия населения

Александрович Г. С. Кустарные промыслы Подольской губернии. Киев, 1916.
Барановский А. Экономика Украины в семилетке. Киев, 1960.
Василенко В. И. Земледелие по украинским народным воззрениям. Полтава, 1893.

Василенко В. И. Кустарные промыслы сельского сословия Полтавской губернии, вып. I—II, Полтава, 1887.
Жолтовський П. М. Визвольна боротьба українського народу в пам'ятках мистецтв XVI—XVIII ст. Київ, 1958.
Жолтовський П. М. До історії художнього лиття металу на західних землях України в XVI—XVII ст. «Матеріали з етнографії та художнього промыслу», вып. III. Київ, 1957.
Заглада Н. Ярмо. «Матеріали до етнології», т. II. Київ, 1929.
Иванов В. В. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898.
Краинский С. В. Промышленное огородничество под г. Киевом и в некоторых приднепровских селениях Киевской губернии. СПб., 1905.
Кулжинский И. Малороссийская деревня. М., 1827.
Лось Ф. Е. Соціально-економічний развиток України і становище робітничого класу в період імперіалізму. Рабітничий рух на Україні в період імперіалізму. Київ, 1961.
Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина. Собр. соч. Киев, т. II, 1877; т. III, ч. 1, 1880.
Манучарова Н. Д. Художні промисли Української РСР. Київ, 1953.
Миклашевский И. Очерки крестьянского хозяйства Малороссии. «Известия Петровской земледельческой и лесной академии», вып. 1, отд. II. М., 1887.
Милорадович В. Житье-бытье лубенского крестьянина. Киев, 1904.
Модзалевський В. Гути на Чернігівщині. Київ, 1926.
Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957.
Першин П. М. Нариси аграрної революції в Росії. Київ, 1959.
Подолинський С. Ремесла і фабрики України. Женева, 1880.
Попов П. М. «Дні і місяці українського селянина». М. О. Максимовича. «Мистецтво, фольклор та етнографія», т. III. Київ, 1954.
Постников В. Є. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891.
Пустоход П. І. Робітники України за переписом населення 1897. «Наукові записки Ін-ту економіки». Київ, 1958, № 6.
Рожанківський В. Ф. Українське художнє скло. Київ, 1959.
Середа И. Очерки рыболовства на Днепре и Днепровском лимане. Херсон, 1863.
Сільске господарство Української РСР. Київ, 1958.
Симоненко И. Ф. Быт населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 1.
Україна колгоспна. Київ, 1960.
Україна радянська. Київ, 1964.

Средства передвижения

Андреев П. Юго-западные железные дороги. Киев, 1895.
Букатевич Н. І. Чумацтво на Україні. Одеса, 1928.
Логвиненко І. П., Горіловський М. Й. Електрифікація залізниць України. Київ, 1958.
Мавродин В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955.
Максимович Н. И. Днепр и его бассейны, кн. I—II. Киев, 1907.
Русов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия. «Зап. Юго-Западного отделения РГО», т. III. Киев, 1876.
Слабєєв І. С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні. Київ, 1964.

Поселения, типы застроек, жилище

Вологодцев И. Особенности развития городов Украины. Харьков, 1930.
Добрянська І. О. Хатні розписи українців Західних Карпат. «Матеріали з етнографії та художнього промислу», вип. І. Київ, 1954.
Дяченко Д. Будова села. Київ, 1924.
Куницький О. С. До етнографічного вивчення народного житла в містах України. «Українська етнографія. Наукові записки», т. IV. Київ, 1958.
Куницький О. С. Розквіт і потреби міського народного житлобудівництва на Україні. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4.
Могильченко М. Будівлі на Чернігівщині. «Матеріали до українсько-руської етнології», т. І, Львів, 1899.
Приходько М. П. Житло робітників Донбасу. Київ. 1964.
Приходько М. П. Нове в житлі робітників. «Народна творчість та етнографія», 1962, № 1.
Приходько М. П. Характерні риси сучасного народного житла рабітників. «Народна творчість та етнографія», 1958, № 1.
Русов А. А. Описание Черниговской губернии, тт. I—II. Чернигов, 1889.
Русов М. Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии. Харьков, 1902.

Русов М. Типи сільських селищ в полудневій частині Галичини. Київ, 1916.
Самойлович В. П. Народна творчість в архітектурі сільського житла. Київ 1961.
Симоненко І. Ф. Поселения, садиба та житло на Закарпатті. «Материли з етнографії та художнього промислу», вип. 2, Київ, 1956.
Стельмах Г. Ю. Дорадянські типи сільських поселень на території Української РСР. «Народна творчість та етнографія», т. III. Київ, 1954.
Стельмах Г. Ю. Сільські поселення Радянської України. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 3.
Шарко А. Малороссийское жилище. ЭО, 1900, № 4.
Юровский Л. Жилой дом усадебного типа. Киев, 1949.
Юрченко П. Г. Народное жилище Украины. М., 1941.

Одежда

Білецька В. Ю. Українські сорочки, їх типи, еволюція й орнаментація. «Матеріали до етнографії і антропології», т. XXI—XXII, ч. І. Львів, 1929.
Головацький Я. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб., 1877.
Ефименко А. Старинная одежда и принадлежности домашнего быта слобожан. «Южная Русь», т. II. СПб., 1905.
Кульчицька О. А. Народний одяг Західних областей УРСР, альбом. Київ, 1959.
Матейко К. І. Одяг шахтарів Донбасу дореволюційного часу. «Матеріали з етнографії та художнього промислу», вип. III. Київ, 1957.
Матейко К. І., Сидорович С. Й. Використання в сучасному одязі елементів традиційного вбрання. «Народна творчість та етнографія», 1963, № 2.
Познанский Б. Одежда малороссов. М., 1905.
Савченко И. Старое и новое в народном убранстве и одежде. ЖС, 1890, № 1.
Українське народне мистецтво. Вбрання. Київ, 1961.
Шмелева М. Н. Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 2.

Пища и утварь

Георгіевский М. І., Шемакінський О. С., Вищепан О. Г. та інші. Українські страви. Київ, 1963.
Гнатюк В. Народна пожива в Східній Галичині. «Матеріали до українсько-руської етнології», т. III. Львів, 1900.
Клиновецька З. Страви й напитки на Україні. Київ, 1911.
Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.
Рыбченко И. Е., Кочерга А. И. Общественное питание на уровень новых задач. Киев, 1960.
Українські страви. Київ, 1957.

Семья и семейный быт

Вовк Ф. Шлюбний ритуал та обряди на Україні. «Студії з української етнографії та антропології». Прага, 1926.
Гнатюк В. Похоронні звичаї і обряди. «Етнографічний збірник», т. XXXI—XXXII. Львів, 1912.
Доманицький В. Цивільний шлюб і розлука на Україні. «Нова громада», 1906, № 5.
Загірня М. Про одруження на Вкраїні в давнішні часи. Київ, 1912.
Заглада Н. Побут селянської дитини. «Матеріали до етнології», т. І. Київ, 1920.
Зінич В. Т. Сучасний робітничий шлюб і весілля. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 2.
Зінич В. Т., Приходько М. П. Риси комуністичного в побуті й культурі робітників Української РСР. «Народна творчість та етнографія», 1960, № 4.
Калиновський Г. Описание свадебных украинских простонародных обрядов. СПб, 1777.
Кравець О. М. Сучасне колгоспне весілля. «Народна творчість та етнографія», 1958, № 2.
Кравець О. М. Сучасні сімейно-побутові звичаї та обряди. «Народна творчість та етнографія», 1962, № 3.
Левицький О. Общинные формы заключения браков в Южной Руси в XVI и XVII вв. «Киевская старина», 1900, № 1.
Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у Чернігівщині. «Матеріали до українсько-руської етнології», т. 3, 1906.
Макарчук С. Сучасна робітнича сім'я Прикарпаття. «Народна творчість та етнографія», 1963, № 2.
Малинка А. Н. Малорусское весилля. «Этнографическое обозрение», 1898, № 2.
Малинка А. Родины и хрестыны. Киев. 1898.

Миронов В. В. Риси нового в сімейному побуті гірників шахти «Гігант». «Народна творчість та етнографія», 1962, № 2.
Охримович В. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи. ЭО, 1891, № 4.
Порiцький А. Я. З сімейного побуту сільськогосподарських робітників доби капіталізму. «Народна творчість та етнографія», 1959, № 4.
Сахарова Н. Перспективи підвищення участі жінок в суспільному виробництві. «Комуніст України», 1961, № 7.
Симоненко И. Ф. Свадебные обряды в Закарпатской области. СЭ, 1946, № 4.
Чернышев Н. А. Быт крестьянина Киевской губернии (родины, крестины и свадебные обряды). «Сборник статистических сведений о Киевской губернии». Киев, 1864.
Чернов Д. И. Об обычном семейственном и наследственном праве крестьян Харьковской и Полтавской губернии. «Киевские университетские известия», т. V, 1881.
Ящуржинский Х. Поверья и обрядности родин и крестин. «Киевская старина», 1893, № 7.

Общественный быт

Антоненко В. Г. Комуністичне будівництво і подолания релігійних пережітків у свідомості людей. Сб. «Паростки нового комуністичного». Київ, 1960.
Белоус Ф. Народный праздник Купала, описанный и объясненный для сохранения преданий и поверий народа. Львов, 1861.
Боржковский В. «Парубоцтво» как особая группа в малороссийском обществе. «Киевская старина», 1887, № 8.
Булашев Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях, вып. I. Киев, 1909.
В-нко (Василенко В. И.). Об обычном праве в земледелии в Малороссии. «Юридический вестник». М., 1881, № 9.
Гнатюк В. Знадоби до української демонології. «Етнографічний збірник», т. XXXIV, 1912.
Дикарев М. Збірки сільської молоді на Україні. «Матеріали до української етнології», т. XVIII. Львів, 1918.
Довідник економічних показників по галузях культури за 1959—60 рр. Київ, 1960.
Дядиченко В. А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — поч. XVIII ст. Київ, 1959.
Еришев А., Приходько В., Онищенко О. Релігійни пережитки та їх подолання. Київ, 1963.
Живодуп К. Е. Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1905—1907 гг. Харьков, 1956.
Зiнич В. Т. Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України. Київ, 1963.
Иванов В. В. Обычное право крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1896.
Киев в восьмидесятых годах. Киев, 1910.
Ковалевський М. Общинное землевладение в Малороссии в XVIII веке. М., 1889.
Комунізм і побут. Сб. ст. Київ, 1963.
Коперзкинський К. Обжинки, обряди збору врожаю у слов'янських народів нової доби розвитку. Одеса, 1926.
Косарик Д. М. Місцеві громадські свята. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1.
Кравець О. М., Куверьова О. Ф. Про вивчення громадського та сімейного побуту колгоспників України. «Народна творчість та етнографія», 1964, № 4.
Кувеньова О. Ф. Колгоспні обжинки на Україні. «Українська етнографія». Наук. записки, т. VI. Киев, 1958.
Кувеньова О. Ф. Про деякі традиційні молодіжні ігри та розваги. «Народна творчість та етнографія», 1959, № 2.
Кувеньова О. Ф. Свята колгоспної України. Київ, 1963.
Куницький О. С. До вивчення робітничого побуту на Україні. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1.
Лещенко М. М. Селянський рух на Правобережній Україні в період революції 1905—1907 рр. Київ, 1955.
Лось Ф. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба. Киев, 1955.
Лучицкий И. Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII веке. «Земский собор», 1883, № 6.
Лучицкий И. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине в XVIII веке. «Отечественные записки», 1882, № 11.
Лучицкий И. Сябры и сябренное землевладение в Малороссии. Киев, 1888.
Матеріали до вивчення виробничих об'єднань на Україні, вип. II. «Чумаки», Київ, 1931.

Мілюкова Н. Боротьба Компартії Україні, вип. II. «Чумаки», Киев, 1931.
Миронов В. В. Сучасні громадські свята та дозвілля гірників Криворіжжя. «Народна творчість та етнографія», 1962, № 4.
Моисеенко П. Воспоминания. М., 1924.
Мякотин В. Очерки социальной истории Малороссии. Формы землевладения в Левобережной Малороссии XVII—XVIII вв. «Русское богатство», 1913, № 9.
Народні традиції сьогодні. Сб. ст. Львів, 1963.
Никольский Н. М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929.
Онищук А. Матеріали до гуцульської демонології. «Матеріали до української етнології», т. XI. Львів, 1905.
Поріцький А. Я. Побут сільськогосподарських робітників України в період капіталізму. Київ, 1964.
Стельмах Г. Ю. Формування нових звичаїв в українському колгоспному селі. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1.
Українська родянська культура. Київ, 1961.
Фіголь Д. І. Комуністичні риси у виробничому і громадському побуті робітників м. Львова. «Народна творчість та етнографія», 1961, № 1.
Харузина В. Новороссийские степи. «Естествознание и география», 1906, сентябрь.
Чернышев Н. К. К вопросу о «парубоцтве» как особой общественной группе. «Киевская старина», 1897, № 11.
Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинноартельных форм. Одесса, 1880.
Эварницкий Д. Н. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1882.
Ястребов В. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России. «Киевская старина», 1896, № 10.

Народные знания и развитие науки

Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета, т. I—II. Харьков, 1904.
Всехсвятский С. К. 100 лет Киевской астрономической обсерватории. «Публікації астрономічної обсерваторії», Київ — Львів, 1946, № 1.
Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ, 1964.
Горленко В. Ф. Русское географическое общество и украинская этнография в середине XIX в. СЭ, 1957, № 3.
Дорошкевич Л. Народна математика. «Етнографічний вісник», кн. 8, Київ, 1929.
Єрофієв І. Н. До питання про старі українські міри вагу та грошовий облік. «Роботи з метрології», ч. 2. Харків, 1927.
Історія Київського університету. 1834—1959. Київ, 1959.
Козоброд В. П., Зубко В. О. Міжнародні наукові звязки установ АН УРСР. Київ, 1960, № 1.
Кравець О. М. Діяльність Т. Г. Шевченка в галузі етнографії. Київ, 1961.
Кравець О. М. М.М. Коцюбинський про народний побут. Київ, 1963.
Кравец О. М. Из истории русско-украинских связей в области этнографии в XIX в. СЭ, 1954, № 4.
Ломова М. Т. Етнографічна діяльність І. Франка. Київ, 1957.
Маркевич А. И. 25-летие Императорского Новороссийского Университета. Одесса, 1890.
Нариси з історії техніки на Україні. Київ, 1964.
Ніс С. Ліки своєнародні з домашнього обиходу і в картинах життя. Київ, 1875.
Палладин О. В. Академия наук УРСР (1919—1944). Киев, 1944.
Попов П. М. Григорій Сковорода. Життя і творчість. Київ, 1960.
Пыпин А. Малорусская этнография за последние 25 лет. «Вестник Европы», 1886, январь.
Розвиток науки в Українській РСР за 40 років. Київ, 1957.
Семененко М. П. Досягнення науки на Україні за роки Радянської влади. «Вісник АН УРСР», № 1, 1958.
Стельмах Г. Ю. Етнографічні дослідження в Академії наук Української РСР за 40 років. «Народна творчість та етнографія», 1959, № 4.
Франко І. Народний календар. «Етнографічний збірник», т. V, Львів, 1898.
Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955.
Talko-Hryncewicz J. Zarysy lecznictwa ludowego na Risi Poludniowej. Kraków, 1893.

Художественное творчество

Антонович В., Драгоманов М. Исторические песни малорусского народа, т. I—II (вып. 1). Киев, 1874, 1875.

А р х и м о в и ч Л. Українська классична опера. Історичний нарис. Київ, 1957.
Б у д з а н А. Ф. Різьба по дереву в західних областях України. Київ, 1960.
Б у т н и к - С и в е р с к и й Б. С. Народное искусство Советской Украины. СЭ, 1954, № 2.
В о л о ш и н І. О. Джерела народного театру на Україні. Київ, 1960.
Г н а т ю к В. Колядки і щедрівки. т. I—II. «Етногр. збірник», т. XXXV—XXXVI, Львів, 1914.
Г у м е н ю к А. Українські народні танці (танцювальні мелодії). Київ, 1955.
Г у м е н ю к А. Українські народні музичні інструменти, інструментальні ансамблі та оркестри. Київ, 1959.
Д о в ж е н к о В. Нариси з історії української музики, т. 1. (1917—1934). Київ, 1957.
Думи. Київ, 1959.
З а л е н с ь к и й Д. И. Театри народноі творчості. Харьків, 1960.
З а с л а в с к и й Д. И. Наш народный самодеятельный театр. Одесса, 1960.
К а с і я н В., Т у р ч е н к о Ю. Я. Українська дожовтнева реалістична графіка. Київ, 1961.
К а с і я н В., Т у р ч е н к о Ю. Українська радянська графіка. Київ, 1957.
К у р и л ь ц е в а В., Я в о р с к а я Н. Искусство Советской Украины. Очерки. Живопись, скульптура, графика. М., 1957.
Ленин В. І. в української народної поетичної творчості. Київ, 1961.
Л и с е н к о М. В. Українські обрядові пісні. Зібр. творив у 20 т. Київ, 1956.
М а н у ч а р о в а Н. Д. Декоративно-прикладне мистецтво Української РСР. Київ, 1952.
М а т е й к о К. І. Народна кераміка західних областей Української РСР XIX—XX ст. Київ, 1959.
Народні пісні на слова Тараса Шевченко. Київ, 1961.
Пісні та романси українських постів у двох томах, т. 1. Київ, 1956.
Народні співці Радянської України. Київ, 1955.
Радянські народні частушки і коломийки. Київ, 1953.
Р и л ь с к и й М. Ф. Література і народна творчість. Київ, 1956.
Р у д ч е н к о И. Я. Народные южнорусские сказки, вып. I—II. Киев, 1869, 1870.
Р у д ч е н к о И. Я. Чумацкие народные песни. Киев, 1874.
С о к а л ь с к и й П. Руська народна музика, російська і українська в її будові мелодичній і ритмічній і відмінності її від основ сучасної гармонічної музики. Київ, 1959.
С у х а Л. М. Художні металеві вироби українців східніх Карпат другої половіни XIX—XX ст. Київ, 1959.
Українська народна поетична творчість, т. I—II. Київ, 1958.
Українська народна поэзия про Велику Вітчизняну війну. Київ, 1953.
Українська народна творчість. Загадки. Київ, 1962.
Українська народна творчість. Історичні пісні. Київ, 1961.
Українське народне декоративне мистецтво. Декоративні тканини. Київ, 1956.
Український драматичний театр. Нариси історії, т. II. Радянський период. Київ, 1959.
Українські народнї казки, легенди, анекдоти. Київ, 1957.
Українські народні ліричні пісні. Київ, 1960.
Українські народні прислав'я та приказки. Київ, 1963.
Українські народні романси. Сб. Київ, 1961.
Українські народні танці. Київ, 1962.
Ф р а н к о І. Галицко-руські народні приповідки. «Етнографічний збірник», тт. I—III, вип. I—VI, тт. XXIII—XXIV, XXVI, XXVII—XXVIII, Львів, 1901—1910.
Х о м е н к о В. Г. Антирелігійні мотиви в українській народній поэтичній творчости. Київ, 1957.

БЕЛОРУСЫ

Общие работы

Б а н д а р ч ы к В. К. Еудакім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961.
Беларускі этнаграфічны зборнік, т. 1. Серыя этнаграфіі і фальклору, вып. 1. Мінск, 1958.
Б о н д а р ч и к В. К., Ч и г р и н о в И. Г. Николай Яковлевич Никифоровский. Очерк жизни и деятельности. Минск, 1960.
Г а п а н о в и ч П. Н., М а ц к е в и ч Ю. Ф. О классификации белорусских диалектов. ВЯ, 1959, № 6.
Г р и н б л а т М. Я. Е. Ф. Карский как белорусский этнограф. «Известия АН БССР». Минск, 1951, № 4.
Г р и н б л а т М. Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959.
Г р ы н б л а т М. Я., З а л е с к і А. І. Беларуская савецкая этнография. В кн.: «Навука ў Беларускій ССР за 40 год». Мінск, 1958.

Грынблат М. Никалай Міхайлавіч Нікольскі. Мінск, 1947, № 12.
Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи, т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Киев, 1909.
Залескі А. І. Быт беларускіх сялян у партизанскім краі. Мінск, 1960.
История Белорусской ССР, тт. I—II. Минск, 1961.
Карский Е. Ф. Белорусы.
Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903, Вильна, 1904, X.
Т. II. Язык белорусского племени, ч. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908; ч. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911; ч. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912.
Т. III. Очерки словесности белорусского племени, ч. 1. Народная поэзия. М., 1916; ч. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921; ч. 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922.
Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского селянина. М., 1874.
Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957.
Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961.
Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. I—VIII. Киев, Витебск, Могилев, Вильна, 1886—1912.
Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии, I—II. Вильна, 1911—1912.
Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі. Мінск, 1958.
Юхо І. Аб паходжанні назваў Белая і Чорная Русь. «Беларусь», Мінск, 1956, № 9.

Производственная деятельность населения

Белорусская ССР. М., 1959.
Воронова А. И. Положение рабочего класса Белоруссии в конце XIX — начале XX вв. «Труды Ин-та истории АН БССР», вып. 3. Минск, 1958.
Грынблат М. Я. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі ў XIX—пачатку XX ст. (Гісторыка-этнаграфічны агляд). «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1957, № 2.
Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II. Мінск, 1940.
Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии, т. 2. Могилев, 1884.
Документы и материалы по истории Белоруссии, т. III. Минск, 1953.
История Белорусской ССР, т. II. Минск, 1961.
Малчанава Л. А. Спосабы апрацоўкі зямлі і сельска-гаспадарчая тэхніка беларускага сялянства да Кастрычніка. «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1959, № 4.
Рак А. І. Становішча сельскай гаспадаркі Беларусі напярэдадні першай сусветнай вайны. «Вуч. зап. Магілёўскага пед. ін-та», вып. 6, Мінск, 1959.
Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910.
Улащик И. И. Скотоводство в Литве и в Западной Белоруссии (1811—1861). В кн.: «Материалы по истории сельского хозяйства СССР», сб. IV, 1960.
Hołubowicz wé Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi. Toruń, 1950.
Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. Materjały etnograficzne. Cz. I. Kultura materjalna. Kraków, 1928.

Материальная культура

Быковский В. Свадебные обряды и песни в Пинском уезде Минской губернии. «Пам. кн. Виленского генерал-губернаторства на 1868 г.»
Жучкевич В. А., Малышев А. Я., Рагозин Н. Е. Города и села Белорусской ССР. Историко-географические очерки. Минск, 1957.
Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.
Молчанова Л. А. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов. СЭ, 1956, № 1.
Молчанова Л. А. К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959.
Молчанова Л. О. Їжа та домашне начиння білоруського селянства до революції. «Народна творчість та етнографія». Київ, 1960, кн. 1.
Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.
Харузин А. Л. Славянское жилище в северо-западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. Вильна, 1907.

Общественная и семейная жизнь

Грінблат М. Я. Риси громадського побуту білоруських сялян другої половини XIX — початку XX ст. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1957, кн. 4.

Залескі А. І. Некаторыя асаблівасці сямейных адносін беларускіх сялян ва ўмовах партызанскага краю. «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1956, № 4.

Залескі А. І., Іваноў І. М. Новыя звычаі і абрады ў наш быт. Мінск, 1960.

Іванов В. М. Громадський і сімейний побут бригад коммуністичної праці Білоруської РСР. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1960, кн. 3.

Іваноў І. М. Сучасны шлюб і вяселле ў рабочых. «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1959, № 2.

Комаров А. М. З історії виникнення «октябрин» і «червоного весілля» в Білоруській РСР. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1962, кн. 2.

Никифоровский Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии. ЭО, М., 1892, № 1, 2, 3; 1893, № 2; 1894, № 1; 1896, № 4; 1897, № 3; 1898, № 2, 1899, № 1, 2.

Культура

Ахрыменка П. П. Беларуская літаратура і фальклор. Мінск, 1962.

Ахрыменка П. П. Фальклорна-літаратурныя сувязі украінскага і беларускага народаў. Мінск, 1959.

Барышаў Г. І., Саннікаў А. К. Беларускі народны тэатр батлейка. Мінск, 1962.

Беларускае народнае мастацтва, том І. Ткацтва, каўрадзелле, вышыванне, вязанне, набойка. Мінск, 1951.

Беларуская народная архітэктурная разьба. Мінск, 1958.

Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 1961.

Беларускі эпас. Мінск, 1959.

Беларускія народныя казкі. Мінск, 1962.

Беларускія народныя песні ў чатырох тамах, тт. 1—3. Мінск, 1959, 1960, 1962.

Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск, 1962.

Беларускія частушкі. Мінск, 1960.

Беляев В. М. Белорусская народная музыка. Л., 1941.

Грынблат М. Я., Бандарчык В. К. Рэлігійныя вераванні, абрады і святы дарэвалюцыйнага беларускага сялянства. В кн.: «Пытанні рэлігіі і атэізму». Мінск, 1960.

Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI — начала XIX в. Минск, 1962.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.

Нікольскі Н. М. Жывёлы ў звычаях і вераваннях Беларускага сялянства. Мінск, 1933.

Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

Няфёд У. Г. Беларускі тэатр. Нарыс гісторыі. Мінск, 1959.

Тарасиков Н. Народная деревянная скульптура Белорусской ССР (1945—1955 гг.). В кн. «Белорусское искусство». Минск, 1957.

Цитович Г., Ниснезич И. Белорусская ССР. М., 1957.

Якуніна Л. Слуцкія паясы. Мінск, 1960.

Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1921, tt. I—VI. Kraków, 1897, 1902, 1903. Warszawa, 1935, 1958, 1960.

ГЛОССАРИЙ [1]

(*словарь народных терминов*)

Або́ры (бел.) — см. Оборы

Авункулат — установленная обычаем тесная связь между племянником и дядей с материнской стороны, являющаяся пережитком матриархата

Азяро́д (бел.) — сооружение из жердей для сушки снопов на открытом воздухе

Азям — см. Армяк

Амбар, житница (укр. вінбарь; бел. клеть, свирон) — постройка для хранения обмолоченного и провеянного зерна

Андара́к — юбка, обычно из домотканной шерстяной многоцветной ткани, иногда с пришитым лифом

Армя́к — верхняя крестьянская одежда из домашнего сукна, распашная в виде халата

Асець — см. Овин

Атласник (штофник, кашемирник, кумашник, пестрядильник и др.) — название сарафана, характеризовавшее материал, из которого он сшит

Ба́бина; каша, крестильная каша — обрядовое блюдо на крестинах

Бабка — вертикальная укладка снопов для сушки

Бадья — большое деревянное ведро с оковкой для подъема из колодцев воды, земли, руды и т. п.

Байбарак (укр.) — верхняя меховая одежда, покрытая фабричным сукном

Байда — промысловая рыболовецкая лодка в Азово-Черноморье

Байдак (укр.) — см. Чайка

Балберочная снасть — см. Перемет

Банду́ра, кобза (укр.) — народный струнно-щипковый музыкальный инструмент

Бандуристы, кобзари, лирники (укр., бел.) — народные певцы, аккомпанировавшие себе на бандуре, лире

Банник — по старым поверьям «хозяин» бани, домашний дух

Бане́ць, барильце, куманець (укр.) — виды декоративной керамической посуды и скульптуры

Бари́льце (укр.) — см. Баранець

Басетля (бел.) (укр. басоля) — народный струнно-смычковый инструмент типа виолончели

Батле́йка (бел.) — народный кукольный театр

Баўту́ха (бел.) — жидкое мучное блюдо

Бахарь — сказочник в древней Руси

Бацвінне (бел.) (рус. ботвинья) — борщ из свекольной ботвы

Біда (укр.) — простейшей формы одноосевая двухколесная телега

Било, молотило, приуз — рабочая часть цепа (см.)

---

[1] Словарь содержит главным образом народную терминологию, встречающуюся в данном издании и требующую объяснений, дополняющих основной текст. В связи с близостью языков восточнославянских народов и тем, что настоящее издание предпринято на русском языке, общие слова на русском, украинском и белорусском языках даются в русской орфографии; фонетические отличия не даются. Термины, встречающиеся только в украинском или белорусском разделах, даются с соответствующей орфографией. Принадлежность термина к тому или иному языку отмечается в соответствии с принятыми сокращениями. Отсутствие пометы означает, что данный термин русский или что он является общим для русского, украинского и белорусского языков. Принятые сокращения названий языков, на которых данное слово встречается в настоящем издании: рус. — русский, укр. — украинский, бел. — белорусский, др.-р. — древнерусский

Бирка — деревянный брусок, употреблявшийся для ведения счета, на котором делались зарубки, соответствующие счетным единицам. Бруски раскалывались и хранились заинтересованными лицами; при складывании зарубки должны были совпадать.
Блинники — блины, пересыпанные рубленными яйцами, и запеченные
Бовдур —см. Димар
Божий угол —см. Передний угол
Большак — старший в семье, в доме, хозяин
Большуха — старшая из женщин в семье, хозяйка
Боровик — см. Леший
Боры — сборки на одежде
Босовики, ступни — плетеная из древесной коры, реже кожаная, обувь
Брага — хлебный напиток, варившийся с солодом и хмелем
Бранье — техника изготовления узорных тканей
Братина (др.-р.)—сосуд металлический или деревянный, в котором в древней Руси на пирах подавали напитки
Братчина (др.-р.) — 1) традиционный пир, устраивавшийся обычно в складчину какой-либо корпорацией; 2) объединение ремесленников одной специальности
Брелка — см. Жалейка
Бродни — мягкая кожаная или меховая обувь, распространенная в Сибири
Брыла —часть сошника,служащая резцом
Бры́ль (бел., укр.) — широкополая соломенная шляпа
Буда́ра (укр.) — тип плоскодонного челна
Бундз (укр.) — сыр (брынза)
Бура́кі (бел.) — свекольный борщ
Бурде́ї (укр.) — полуземлянки, в которых проживали запорожцы вне Запорожской Сечи
Бурса — объединенная крупная артель в морском зверобойном промысле на Белом море
Былины (старины) — русские народные эпические песни

Валачо́бнік (бел.) — исполнитель валачобных песен (см.)
Валачо́бныя пе́сні (бел.) — величальные песни, приуроченные к пасхе
Валек — предмет домашней утвари, применявшийся для стирки белья
Валёнка — см. Шолом
Валокі (бел.) — см. Оборы
Варенец — кислое топленое молоко, заквашенное теплым
Вареники — изделия из пресного текста с различной начинкой, сваренные в кипящей воде
Ведунья — знахарка, колдунья
Вежа (др.-р.) — 1) высокая башня в крепости; 2) половецкое кочевье
Венец — 1) один ряд бревен сруба; 2) коруна, челка — головной убор девушки на твердой основе, покрытой тканью и украшенной жемчугом, цветными стеклышками и др.
Вентерь — рыболовная снасть, конусовидная сеть
Верашча́ка маканіна (бел.) — мучное жидкое горячее кушанье, обильно заправленное салом, кусочками колбасы, луком и пр.; подавалось к блинам
Вервие — мерная веревка различной длины, служившая для определения и вычисления земельных площадей
Вервь (др.-р.)—соседская сельская община
Верте́п (рус., укр.) — вид народного кукольного театра
Верша — конусовидная рыболовная снасть, плетенная из прутьев
Вершаліна (бел.) — см. Смык
Весілля (укр.) — 1) свадьба в целом; 2) свадебный пир
Веснянки (гаївки, гагілки) (укр.) — 1) весенние традиционные молодежные хороводы; 2) весенние обрядовые песни
Ветряная рыба — вяленая рыба
Вечерниці — см. Посиделки
Взъезд, звоз — бревенчатый настил, наклонно пристраиваемый ко второму этажу северного двухэтажного двора для въезда в хозяйственные помещения на телегах
Вінба́рь (укр.) — см. Амбар
Виноградье — колядки (см.) на севере России
Височные кольца — женские украшения (привески к головному убору или прическе)
Владимирский шов — техника вышивки; односторонняя гладь с крупным растительным орнаментом
Водокрещи — народное название церковного праздника «крещения Христа» (6 января ст. ст.)
Вологодское стекло — вышивка в виде ажурных тонко выполненных звезд
Волоковое окно — небольшое окно в курной избе без рамы, задвигавшееся дощечкой
Волынка (дуда, коза) — народный духовой инструмент
Вотчина — наследственное феодальное владение на Руси до XVIII в.
В паз — см. Закладная
Ву́лиця (укр.) — место молодежных сходов на открытом воздухе в летнее время
Выборы (в ткачестве) — см. Бранье
Вывертышки — домашнее печенье, полоски сдобного теста, вареные в масле
Выпороток — шкурка утробных ягнят
Вясе́льныя пе́сні (бел.) — свадебные обрядовые песни
Вячоркі — см. Посиделки

Гагілки — см. Веснянки
Гаївки — см. Веснянки
Гайдамаки (укр.) — повстанцы, борцы против феодального и национально-религиозного угнетения на Украине в XVIII в.
Гайтан (жерёлка) — женское нагрудное украшение из бисера
Гарман — каменный рубчатый каток, употреблявшийся для молотьбы
Гарус — шерстяные крученые нитки, употреблявшиеся при вышивании

Га́чі (укр.) — гуцульские узкие штаны из домотканного белого сукна
Ги́льце — веточка, облепленная сдобным тестом и запеченная; во время свадьбы украшалась цветами, конфетами и пр. и ставилась на стол
Глабці́, козирки (укр.) — выездные сани легкого типа у богатых крестьян со спинкой и загнутым передком, часто богато украшенные
Гладь — вид вышивки
Глазурь — глянцевая полива гончарных изделий
Гле́чик (укр.) — кувшин для молока
Голбец, казёнка, каржина — пристройка в виде шкафа или ларя вдоль боковой стенки печи, из которой устраивался вход в подполье; верхняя часть голбца служила лежанкой
Голландка, груба, щит — печь; наряду с русской печью использовалась для отопления, а иногда и для приготовления пищи
Гон — народная мера для измерения земли, равная длине пашенной полосы, которую лошадь в сохе проходила без передышки
Го́рбатка (укр.) — набедренная женская одежда типа плахты (см.)
Горбуша — коса с короткой изогнутой ручкой, употреблялась на севере России и в Сибири
Горенка — см. Клеть
Горка — шкаф для чайной и столовой посуды
Городище (др.-р.) — место укрепленного поселения
Гости — корпорация наиболее богатого купечества в России до XVIII в.
Гостиная сотня — одна из высших купеческих корпораций в России до XVIII в. (ниже гостей)
Гречаники — лепешки из гречневой муки
Грешневик, черепенник — высокая валяная из овечьей шерсти мужская шляпа
Грибовница — кушанье из грибов, вареных в молоке и заправленных луком, яйцами и сметаной
Гривна (др.-р.) — 1) шейное мужское и женское украшение в виде металлического обруча, гладкого или чаще витого; 2) слиток серебра, служивший денежной и весовой единицей в древней Руси
Громада — см. Мир
Грохот — проволочное решето большого размера, употреблявшееся для веяния зерна
Груба — см. Голландка
Груды — укладка сжатого хлеба по 10 снопов
Грядиль — плужное дышло, укрепленное в основании рукоятей и связанное с полозом
Грядка — в крестьянской избе перекладина под потолком в виде жерди или бруса; служила полкой
Губа́ (укр.) — безрукавный прямоспинный с широким воротником тулуп
Гу́гля (укр.) — гуцульская верхняя одежда из домотканного сукна типа плаща-накидки
Гука́нне вясны́ (бел.) — весенний обряд призывания весны
Гумно́ — 1) место для хранения, сушки и обмолота снопов; 2) постройка для обмолота снопов
Гусли — щипковый инструмент, струны укреплены на плоском ящике — резонаторе
Гуцу́лка (укр.) — мужская рубашка с прямым разрезом ворота и вышивкой на груди

Двір з підварком (укр.) — двор, в котором хата отделена от хозяйственных построек, объединенных общей крышей
Двойчатка — музыкальный инструмент типа двойной флейты
Двор «на три коня» — крестьянский двор, в котором пространство двора и следующий параллельный дому ряд хозяйственных построек перекрываются тремя двухскатными параллельными крышами, вплотную примыкающими друг к другу
Дворники — люди, жившие в городских дворах феодалов в России до XVIII в
Деверь — брат мужа
Девичник — обряд прощания невесты с подругами накануне свадьбы
Денцивка (укр.) — украинский народный духовой инструмент, разновидность сопилки (см.)
Детинец, кремль — укрепленный центр древнерусского города
Дима́р, бо́вдур (укр.) — плетневый, обмазанный глиной дымоход в сенях, посредством которого дым из русской печи выводится наружу
Ди́мка (укр.) — полотняная юбка с цветными полосами
Дзяды, радуница (бел.)—дни поминовения умерших
Дожинки — народный праздник после окончания жатвы
Доколінниці (укр.) — поясная одежда гуцулок из белого сукна, состоявшая из несоединенных между собой штанин
Долгая лавка — лавка, шедшая по боковой стене крестьянского дома, на которой обычно женщины пряли, ткали и шили
Дом «кошелем» — жилой комплекс, состоящий из дома и пристроенного к нему вплотную двора; последний покрывается одним из удлиненных скатов крыши дома
Дом «связью» — дом, состоящий из трех помещений — избы (хаты), сеней и клети (горницы или второй избы)
Домовой — по старым поверьям «покровитель» дома и скота, домашний дух
Досюльные — старинные протяжные, распевные лирические песни
Доха, промышлёнка — верхняя, сшитая мехом наружу, одежда
Дра́нікі (бел.) — картофельные оладьи
Драпак — вид бороны; треугольная деревянная рама с железными зубьями

Дружка — главный распорядитель на свадьбе
Дубаси — см. Дубы
Дубы (дубаси, комяги) (укр.) — выдолбленные из больших круглых бревен челны различных размеров
Дуда (укр.) — см. Волынка
Дукачі́ (укр.) — женское шейное украшение в виде ожерелья из монет
Ду́мы (укр.) — вид украинских народных эпических песен
Духовные стихи — старинные фольклорные песни, обычно церковного или религиозно-философского характера

Елецкий — народный танец, исполняемый под частушки
Ёла — поморская лодка с высоким носом и кормой и косым парусом
Ёуня — см. Овин

Жалейка (рус., бел.) — духовой музыкальный инструмент
Жеребья — палочки или камушки с метой домохозяина, употреблявшиеся при жеребьевке
Жерёлка — см. Гайтан
Жирник — см. Каганец
Житница — см. Амбар
Жнивные песни — народные песни, исполнявшиеся во время жатвы на Украине и в Белоруссии и в смежных с ними русских районах
Жом — деревянная ущемляющая ловушка для ловли зверей
Жупа́н (бел., укр.) — верхняя одежда (мужская и женская) из сукна

Забо́р, закол, яз — заграждение поперек реки из свай, жердей, камыша или камня с проходами, в которые ставились снасти для ловли рыбы
Завариха — кушанье из ржаной муки, заваренной кипятком в горшке, раскаленном докрасна
Заварной хлеб — хлеб, при выпечке которого муку предварительно заваривали кипятком
Загон — см. Коны
Загонщики — при облавной охоте охотники, гнавшие зверя на стрелков
Зажинки — обряды и празднества, связанные с началом жатвы
Закладная, по-заборному, в паз — приемы сооружения стен из горизонтально уложенных бревен, плах или досок, концы которых закрепляются в пазах вертикально поставленных столбов
Закол — см. Забор
Зако́т (бел.) — фронтон хаты из самцов (см. Крыша «на самцах»)
Закупы — в древней Руси люди, попавшие в зависимость к феодалам за ссуду («купу»)
Залежь — пахотная земля, которая длительное время не обрабатывалась
Залога (укр.) — украинская трудовая песня (родственная русской дубинушке); исполнялась при забивании свай
Замёт (др.-р., бел.) — плотный забор из параллельно положенных бревен
Заморозник — название северо-восточного ветра
Занавеска, запон — женский передник, надеваемый через голову; праздничный запон обильно украшался нашивками яркой ткани, блестками, кружевом и т. д.
Запа́ска (укр.) — женская набедренная одежда из домотканной шерстяной ткани
Запіканки (укр.) — алкогольные напитки, настоенные на фруктах
Запла́чка (укр.) — небольшое вокальное вступление, обычно предшествовавшее исполнению дум (см.)
Запон — см. Занавеска
Запястья (др.-р.) — женские наручные украшения в виде браслетов
Зарод — большая, вытянутой формы кладь снопов или сена
Зару́чини (укр., бел.), (рус. сговор) — часть свадебного обряда
Засівання (укр.) — песни и игровые действия святочно-новогоднего цикла
Засце́нак (бел.) — хуторское поселение мелкой шляхты
Затірка (укр., бел.) — жидкое мучное блюдо
Заулок — свободное пространство между боковыми фасадами рядом стоящих сельских домов
Звоз — см. Взъезд
Згарди (укр.) — шейное украшение гуцулок, состоящее из нанизанных на шнурок крестиков
Зелені свята (укр.) — весенние народные обрядовые празднества, приуроченные к семику (см.) и троице (см.)
Зимняк — название восточного ветра
Зипун — верхняя зимняя одежда из сукна, распашная, раскошенного покроя
Золовка — сестра мужа
Золочение — одаривание молодых на свадебном пиру
Зубівка (укр.) — народный духовой инструмент, разновидность сопилки (см.)
Зуек, зуй — мальчик, ученик в рыболовецкой артели
Зять — муж дочери, муж сестры, муж золовки (см.)

Изба-двойня — два сруба, пристроенные вплотную друг к другу; перекрываются одной или двумя самостоятельными крышами
Истопка (изба) — 1) отапливаемая часть древнерусского жилища; 2) см. Стёбка
Ичеги — см. Бродни

Каганец, жирник — светильник, глиняная плошка с животным жиром и вставленным в него фитилем
Казан — большой металлический котел
Каймак — заквашенные сливки топленого молока
Калату́ха (бел.) — жидкое мучное блюдо
Калач — изделие из кислого теста, замешанного на ситной муке
Камізэлька (укр.) — короткая безрукавка
Камусы — полосы шкуры с ног оленя или других копытных животных; шли на изготовление обуви и подбивку лыж

Канун, «пивной день» — сельский обычай общественной варки пива
Капанка — разновидность писанок (см.)
Ка́шці, капчурі (укр.) — чулки у гуцулов, сшитые из красного домотканного сукна
Каравай, сыр-каравай (корова́й) — 1) большой круглый хлеб из пшеничной муки; 2) обрядовый свадебный хлеб
Каржина — см. Голбец
Касталан — см. Нагрудник
Каўнерык — см. Чэхлік
Кафтан — верхняя долгополая мужская одежда
Качутки — меховые чулки в Сибири
Кашемирник — см. Атласник
Кашуля (бел.) — мужская белая рубаха
Кваша — кушанье из пшеничного солода с фруктами, запаренное в печи
Кержаки — старообрядцы (см.); название происходит от р. Керженца, в районе которой был один из центров старообрядчества
Кізли́ни (укр.) — жерди, скрепленные по образцу стропил; они укладывались поверх соломенной кровли и тем самым ее укрепляли
Кісник — см. Косник
Кика — см. Кичка
Кипта́р (укр.) — распашная безрукавка из овчины, украшенная вышивкой или аппликацией
Кире́я (укр.) — верхняя одежда из сукна прямого покроя с капюшоном; надевалась в дорогу
Кисе́лица (укр.) — суп из овсяной муки
Кислые щи — вид шипучего кваса
Китайка — хлопчатобумажная крашеная ткань, преимущественно синего цвета
Кичига, чап — орудие молотьбы из суковатой ветви
Кичка, кика — 1) нижняя часть женского головного убора из холста, с твердой основой; 2) женский головной убор в целом, состоявший из а) собственно кички, или волосника, надеваемой непосредственно на волосы, б) позатыльника из ткани, который повязывался на кичку и закрывал волосы сзади, в) сороки — верхней части убора, обычно из холста, покрытого кумачом. Сорока состояла из передней, обычно вышитой, части — очелья, боковых частей — крыльев, задней части — хвоста, озадка
Клепик — резец, употребляемый для художественной обработки кости
Клеть, горенка, сельник — 1) неотапливаемое помещение, служившее летним жилым или складочным помещением; 2) см. Амбар
Клинник — косоклинный сарафан
Клу́ня (укр. стодо́ла) — большой закрытый сарай с соломенной крышей, служивший для хранения и обмолота снопового хлеба
Клящцы — деревянная ущемляющая ловушка для ловли зверей
Кныши́ — лепешки из раскатанного теста, переслоенные каймаком (см.) или творогом и запеченные
Ко́бза (укр.) — см. Бандура
Кобзари́ (укр.) — см. Бандуристы
Кобили́ці (укр.) — деревянные чурбаки, поставленные на торцовые стены гуцульской хаты; служили опорой для крыши
Кода (укр.) — девичий головной убор в виде венка, украшенный сверху пучком травы
Кожух — верхняя одежда из овчины, скроенная в талию
Кожушо́к (укр.) — меховая одежда типа пиджака в Закарпатье
Коза́ (укр.) — 1) см. Волынка; 2) народное театрализованное представление ряженых
Козирки (укр.) — см. Глабці
Кокольды — рукавицы из меха
Кокошник — головной убор замужней женщины, украшенный позументом, вышивкой, расшитый жемчугом и пр., на твердой основе
Коледа (коляда, колядки) — 1) народное название христианского праздника рождества (25 декабря ст. ст.); 2) колядованье — обряд хождения по домам в рождественские праздники с поздравлениями, величальными песнями, сбором даров, ряжеными; 3) календарные обрядовые величальные песни, которые пелись в рождественские праздники
Коломийки (укр.) — короткие лирические двухстрочные народные песни, распространенные особенно широко в западных областях Украины
Колпак — мужской головной убор конической формы из сукна или войлока, реже — женский, большей частью вязаный
Колты (др.-р.) — женские украшения — подвески
Комошница — узкая высокая глиняная кринка для сбивания масла
Конек — 1) верхнее ребро крыши; 2) резные украшения фронтона
Коник, кутник — широкая лавка, расположенная в избе между входной дверью и боковой стеной и забранная с боков досками, часто с резным украшением в виде конской головы
Коны, загон, лоскут, треть, ярус — участки земли одинакового качества, выделявшиеся при общинных переделах
Копна — ворох сена, соломы или хлеба в снопах; могла служить мерой
Корзно (др.-р.) — длинный мужской плащ из дорогих материй у знати
Корильные песни — свадебные шуточные песни
Кормщик — рулевой на промысловой лодке; он же руководил ловом рыбы или морским промыслом
Короб — лубяной сундук
Коруна — см. Венец
Корчма (укр., бел.) — сельский трактир, служивший своеобразным народным клубом
Косник (укр. кісни́к) — украшение у девушек, вплетаемое в косу в виде ленты, шнура, полоски ткани, кисточки гарусной, мишурной или из бисера и пр.

Косуля — пахотное орудие, переходный тип между сохой и плугом
Коты — кожаная, преимущественно женская обувь с толстой пришивной подметкой и каблуком
Ко́ци — (укр.) — ворсовые ковры
Красный угол — см.Передний угол
Крашенина — крашеный домотканный холст
Крашениці (укр.) — гуцульские штаны из цветного полотна
Крашенки — окрашенные яйца, приготовлявшиеся к пасхе
Кремль — см. Детинец
Крестильная каша —см. Бабина каша
Крестовик — сруб, разделенный крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения
Крестцы — горизонтальная укладка снопов для сушки
Крещенье — христианский праздник в память о «крещении» Христа (6 января ст. ст.)
Кринка — глиняная поливная посуда для молока
Крица — сгусток железа, полученный сыродутным способом
Кро́сна (укр. разбої, бел. кро́сны) — ткацкий стан
Круглое письмо — прием росписи по дереву, применяемый хохломскими мастерами
Круглый двор — крестьянский двор, в котором хозяйственные постройки, примыкая к дому, образуют замкнутый прямоугольник; дом расположен продольно по отношению к улице
Круглый дом — дом, в плане близкий к квадрату, покрыт четырехскатной крышей, состоит из нескольких комнат, характерен для донского и кубанского казачества
Крупе́ня, кру́пнік (бел.) — крупяной суп
Крыша «на самцах», «подрубом», «зарубом», «на быках» — конструкция крыши, покоящейся на бревнах поперечных стен, которые выкладываются до конька крыши (каждое верхнее бревно короче нижнего)
Крюк — деревянное приспособление к косе для уборки хлеба
Крючья — крестообразный орнамент
Кряж — деревянная ущемляющая ловушка для ловли зверей
Кубелёк — женское распашное платье у донских казачек
Кудри — женские височные украшения из перьев селезня
Кудрина — прием росписи по дереву, применяемый хохломскими мастерами
Кулага — кушанье из ржаной муки и солода, заваренных кипятком, запаренное в печи с ягодами калины
Куле́ш — жидкое горячее кушанье из пшена (или гороховой, ячменной и другой муки) с картофелем, заправленное маслом или салом
Кулёма — деревянная давящая ловушка для ловли зверей
Кулич — см. Пасха
Кумане́ць — см. Баранець
Кумашник — см. Атласник
Кумган — узкогорлый сосуд с одной ручкой и высоким носиком
Кунту́ш (укр.) — верхняя одежда из сукна с откидными рукавами, с прорезами у пройм
Купала — народный праздник летнего солнцеворота (24 июня ст. ст.)
Курашимка — вид сохи
Курі́нь (укр.) — жилище без потолка, несколько углубленное в землю, в котором жили запорожские казаки
Куриные лапки — вид геометрического орнамента, которым украшалась глиняная посуда
Курицы — естественно загнутые корневища ели, поддерживающие желоба, в которые вставлялись тесины кровли
Курная изба (черная изба) — изба с печью, без трубы; дым выходил через дверь, волоковые окна (см.), небольшое отверстие в потолке или стене избы
Курник (рус.) — круглый печеный пирог с курицей, говядиной или рыбой, выпекавшийся в некоторых местах на свадьбу
Курячий праздник — народный праздник, отмечавшийся 1 ноября ст. ст. (в день Козьмы и Демьяна), когда было принято резать кур и заготовлять их впрок
Кутник — см. Коник
Кутный угол—см. Передний угол
Куть — 1) см. Упечь; 2)подпорожье — задняя часть избы,расположенная у входной двери
Кутья — пшеничная, ржаная, овсяная или рисовая каша, иногда на меду и с изюмом, варившаяся накануне рождества или в качестве поминального блюда
Кучки — горизонтальная укладка снопов для сушки

Лабаз — 1) склад; 2) помост на деревьях для подкарауливания крупного зверя (медведя и т. д.)
Лапа — орудие молотьбы, представлявшее собой небольшой ствол дерева, вместе с корнем
Лапуны́, скавароднікі, сочні (бел.) — лепешки из кислого теста
Ледянка (мутовка, столбовка и др.) — различные виды водяной мельницы
Леший, боровик, лесовик, лешак — по старым поверьям дух леса
Лира (укр.) — народный струнно-клавишно-смычковый инструмент, с тремя или четырьмя струнами
Лирники (укр.) — см. Бандуристы
Лі́тник (укр.) (бел.— летник) — юбка из цветной шерстяной материи в полоску с вставкой спереди из другой ткани
Лоскут — см. Коны
Лохань — обычно деревянная хозяйственная посуда круглой или овальной формы
Лошадиный бог — камень с естествен-

ным отверстием, который подвешивали в конюшнях над стойлами лошадей в «лошадиный праздник», 18 августа ст. ст. в день Фрола и Лавра

Лубок — народная картинка; получила распространение с XVI в., гравировалась на дереве, позднее на металле

Луковая соль — разведенная водой приправа к кушаньям, приготовлявшаяся из зеленого мелко нарезанного и растертого с солью лука

Лукошко — корзина из луба или коры

Ля́да, новина, палы, подсека, огнище — пашня, расчищенная из-под леса

Магазея — помещение для общественного хранения зерна в дореволюционном селении

Магерка — см. Шолом

Мажа́ра (укр.) — большая телега для перевозки снопов, сена и соломы в степной части Украины

Маканíна (бел.)—см. Верашчака

Макітра (укр.) — глиняный сосуд для толчения продуктов и запекания мучных блюд

Малахай — см. Треух

Мальчишник, парневик — сбор парней у жениха в канун свадьбы

Манера — штамп, применявшийся при набивке узора на ткани

Ма́нта (укр.) — 1) верхняя одежда у гуцулов в виде мешка из белого или серого сукна, накидывавшегося на голову; 2) у лемков — женская шуба, сшитая в талию и покрытая фабричным сукном

Маргелка — см. Шолом

Масленица, масляна, масляная — зимний народный календарный праздник

Матица — толстое бревно или отесанный с четырех сторон брус, служащий опорой для потолка

Ме́д (др.-р.) — напиток, варившийся из меда с водой, хмеля и пряностей

Междупарье — время между весенними и летними полевыми работами

Межник, межа — полоса невспаханной земли, которая разделяла поля севооборота и коны (см.)

Меланка (укр.) — народное театрализованное представление ряженых под Новый год

Мельница шатровая — ветряная мельница, у которой вращается лишь верхняя часть, где расположен вал с крыльями

Мережа, рюжа — конусовидная рыболовная снасть, сеть на обручах

Мерлушка — шкурка, снятая с ягненка грубошерстной породы в возрасте до двух недель

Местечко (бел., укр.) — поселение, небольшой городок, являвшийся средоточием ремесла и торговли

Мисник (укр.) — полка для посуды, расположенная у входа в хату

Мир (укр. грома́да) — сельская община

Мокрик — название западного и юго-западного ветров

Молотило — см. 1) Било, 2) Цеп

Молотильня, молотяга — каток для молотьбы

Молотяга — см. Молотильня

Морда — конусовидная рыболовная снасть, плетенная из прутьев

Мура — см. Мурцовка

Мурцовка, мура, тюря — жидкое кушанье из кваса или воды с сухарями

Мшаник, омшаник, омшенник — проложенный мхом сруб, используемый зимой в качестве хлева для овец, кладовой для хранения овощей, для содержания ульев

Мясоед — согласно догмам православной церкви дни, когда разрешалось есть скоромное

Набойка — ткань, на которой узор отпечатан при помощи резной доски

Набожники — декоративные вышитые полотенца для украшения божниц

Навершник — см. Нагрудник

Нагрудник, касталан, навершник, сушпан, шушпан, шушун — женская короткая туникообразная одежда южнорусского населения; надевалась поверх рубахи

Назёмница — телега, часто с опрокидывавшимся кузовом, для вывозки навоза в поле

Наколка — головной убор замужней женщины, состоявший из косынки, обернутой вокруг головы, с концами, завязанными, сколотыми или сшитыми спереди

Накрючники — декоративные вышитые полотенца для украшения стен избы

Налíснікі (бел.) — тонкие пшеничные блины

Наличник — наружная обкладка косяка окна, часто украшенная различными видами резьбы

Наметка — головной убор замужней женщины из полотенца, иногда с вышитыми или затканными концами. Повязывался на голову различными способами, обычно поверх твердой основы и чепца

Наро́гі (бел.) — железные наконечники сохи

Насо́ў (бел.) — верхняя одежда из домашнего сукна или холста

Настил (бел. насціланне) — вышивка гладью

Насундучник — домотканный махровый ковер, служивший для покрывания сундука

Невестка — жена сына, сноха (см.), жена брата

Недоросль — в России до XIX в. дворянский сын, не достигший возраста, когда он должен был нести службу

Низь (укр.) — см. По-мелкому

Новина — 1) кусок вновь вытканного холста; 2) см. Ляда

Ногавицы — см. Поркиниці

Ночнина, ночное — ночной выпас лошадей

Обжа — 1) оглобля сохи; 2) земельная мера у крестьян — участок вспахан-

ный одним человеком за рабочий день с одной лошадью

Обжинки (укр.) — обряды и празднества, связанные с окончанием жатвы

Обнова — первый пчелиный рой, который в прошлом приносили в жертву «святым» — покровителям пчел

Оброги (укр.) — сооружение из столбов и подвижной четырехскатной крыши, служившее для хранения сена

Оборы (бел. аборы, волокі) — веревки, домотканная тесьма или тонкие ремешки, с помощью которых укреплялись на ногах лапти

Обру́с (укр.) (др.-р. убрус) — головной убор типа ручника

Овин (укр. осіть, сушня; бел. асець, ёўня) — двухъярусное сооружение для сушки снопов, в котором нижний ярус (подовин, см.) служил для топки, а в верхнем (садило, см.) помещали снопы

Овсень (таусень и др.) — колядки (см.) в средней России

Овчар — пастух овечьих отар

Огниво — железный брусок для высекания искры из кремня

Огнище — см. Ляда

Однодворцы — на юге России потомки служилых людей, иногда владевшие незначительным числом крепостных. В XVIII в. были включены в состав государственных крестьян

Однорядка — верхняя суконная мужская распашная одежда в виде халата

Одонья — круглая с остроконечным верхом укладка снопов

Озимь — озимая рожь (посеянная осенью)

Околица (бел.)—поселение мелкой шляхты

Омшаник — см. Мшаник

Омшенник — см. Мшаник

Омет, скирда — большая кладь сена удлиненной формы

Ону́чи — полотнища холщевой или суконной материи для обертывания ног. Поверх них надевали лапти или сапоги

Опанча — свита (см.) с капюшоном

Оплечье — 1) плечевая часть рукава рубахи; 2) (др.-р.) отложной воротник

Опри́шки (укр.) — западноукраинское наименование повстанцев в XVIII — начале XIX вв.

Осіть —см. Овин

Отбивание зорь — причитания невесты на утренней и вечерней заре в течение всего предсвадебного периода

Офени — бродячие торговцы

Охлупень, шелом — массивное бревно, пригнетающее на коньке кровли тесины крыши

Очелье — см. Кичка

Ощіпки (укр.) — ячменные лепешки

Паве́тка (бел.) — навес для дров и инвентаря на крестьянском дворе

Падло́га (бел.) (укр. підлога) — деревянный пол в хате

Пазухи — щели между полом и стенами овина для прохода дыма

Пай — при общинном переделе участки земли, на которые делились коны (см.) для последующего раздела каждого из них между несколькими крестьянскими дворами (10-ю—12-ю)

Палы — см. Ляда

Паляни́ця (укр.) — большой овальной формы хлеб, испеченный из пшеничной муки

Пампу́шки (укр.) — круглые булочки из дрожжевого теста с чесночной приправой

Па́рневик — см. Мальчишник

Пастушеский рожок — народный, обычно деревянный, духовой инструмент

Пасть — деревянная давящая ловушка для ловли зверей

Пасха — 1) христианский праздник в память о «воскресении» Христа (первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния); 2) кулич— ритуальное изделие из сдобного кислого теста, выпекавшееся на пасху; 3) ритуальное изделие из творога с яйцами, сметаной, маслом и сахаром, приготовлявшееся на пасху

Патронимия — группа родственных семей, обособившихся в результате разделов, но сохранявших между собой некоторую хозяйственную, общественную и идеологическую связь

Пеньки — колодные ульи, выдолбленные из отрезка бревна

Перевесы — сеть для ловли птиц

Перевить — техника художественной вышивки по выдерганному холсту

Перевязка — девичий убор в виде полосы ткани, повязанной вокруг головы

Передний угол, красный, святой, кутный, божий (укр. покуть; бел. кут, покуць) — почетный угол в избе, где висели иконы и стоял обеденный стол

Перелог — система земледелия, при которой часть пахотной земли для восстановления плодородия почвы не обрабатывалась несколько лет, а использовалась как пастбище или сенокос

Перемет, ярус—рыболовная снасть, состоящая из бичевы, на которую подвешены уды с наживкой; обычно ставилась поперек реки

Переруб: — балки пола

Пестовица — суп из дикорастущего съедобного растения пестиков (вид хвоща)

Пестрядильник — см. Атласник

Пестрядь — домашняя ткань в клетку или полоску из пеньки или льна, иногда с добавлением хлопчатобумажной нити

Петля — силок из растительного волокна, волосяной или металлический для ловли птиц и зверьков

Петривчанські пісні (укр.) — весенне-летние игровые песни, преимущественно женские, исполнявшиеся в Петривки — день летнего солнцестояния (родственны купальским песням)

Печище — семейная община на севере России

Підбіяка (укр.) — верхняя одежда типа сердака (см.) на меху

Підлога — см. Падлога

Піл — см. Пол

Пимы — теплые или валяные из шерсти сапоги

Писанка — яйцо, украшенное росписью. Приготовлялись к пасхе. Различались: 1) капанки, изготавлявшиеся «восковым способом», т. е. заливкой или накапыванием воском орнамента, 2) скобленки — выскабливанием и 3) рисованки — росписью кистью

Пла́хта (укр.) — набедренная женская одежда из двух шерстяных полотнищ, соответствующая русской поневе

Плашка — деревянная давящая ловушка для зверей, состоящая из двух плах

Плесканець (укр.) — фигурная глиняная посуда

Плис — бумажный бархат

Повалуша — жилая башнеобразная постройка в богатой древнерусской усадьбе

Повалы, помочи, пропуски — кронштейны, устраиваемые из выпусков верхних бревен продольных стен избы и поддерживающие углы кровли

Поветь — верхняя часть двухэтажного севернорусского двора, служившая хранилищем корма для скота, хозяйственного инвентаря и разнообразных предметов домашнего обихода

Повíтка (укр.) — сарай или навес на столбах, предназначенный для содержания скота

Повойник (др.-р. повой) — женский головной убор, состоявший из круглого или овального дна и околыша; шился из покупной тяжелой ткани (бархата и др.)

Погост — 1) сельский податной округ в X—XVIII вв.; 2) главное селение податного округа с церковью, кладбищем и дворами церковного причта; 3) в более позднее время — кладбище

Подвой — часть со̀хи, служащая для регулирования глубины пахоты

Поддевка — верхняя одежда, преимущественно из фабричной ткани, со сборами

Подголовник — небольшой ларь для хранения ценностей с покатой крышкой, подставлявшийся в изголовье

Подзоры — доски, нашиваемые по карнизу дома

Подклет, подызбица — пространство под жилым помещением избы, использовалось для различных хозяйственных целей: содержания птицы, молодняка скота, продуктов питания, утвари

Подовин — нижняя часть овина (см.)

Подойник — деревянное или жестяное ведро со специальным носиком для слива молока

Подольница — женская рубаха с вышитым подолом, надеваемая в период жатвы

Подпорожье — см. Куть 2)

Подружье — помощник дружки (см.) на свадьбе

Подсека — см. Ляда

Подсоха — подставка, на которую клали при выстреле тяжелое ружье старинной конструкции

Подызбица — см. Подклет

Поезжане — участники свадебного поезда

По-заборному — см. Закладная

Позатыльник — см. Кичка

Покрут, покрута — форма найма предпринимателем работника на промысел (охота, рыбная ловля), при которой покрученники получали на время рабочего сезона провиант, снаряжение и часть добычи.

Пол (укр. пiл) — в дореволюционной избе деревянный помост, устраиваемый на уровне лавок между боковой стенкой печи и дальней от входа стеной избы

Полавошники — в крестьянской избе полки, расположенные параллельно лавкам над окнами; на них складывались мелкие вещи

Полати — в дореволюционной крестьянской избе помост для спанья, который устраивался под потолком

Полики — вставки на плечах рубахи

По́лiўка (бел.) — кушанье, варившееся в печи, из хлебного или свекольного кваса и муки, заправленное животным жиром

Полица — 1) часть сохи; железная или деревянная лопатка, служившая для отваливания земли; 2) в крестьянской избе полки вдоль стен

Половник— хозяйственная постройка для хранения половы (отходов после обмолачивания зерна)

Полоз — часть деревянного плуга, на которую насаживался лемех или сошники

Полонины (укр.) — высокогорные пастбища в Карпатах

Полотенца — обычно резные доски, прикрывающие на фасаде стык кровли

Полудо́мок — деревянный дом на высоком кирпичном подклете

По-мелкому (укр. низь, бел. про́цяг) — шов художественной вышивки, используемый для украшения одежды и декоративных полотенец, характеризующийся набором стежков разной длины

Поместье — условное феодальное земельное владение в России

Помочи — см. Повалы

Помочь, толока (бел. талака) — народный обычай взаимопомощи

Понева — женская поясная одежда из шерстяной или полушерстяной ткани. Распашная понева состоит из трех полотнищ, собранных на шнуре, открыта спереди или сбоку; глухая имеет дополнительное четвертое полотнище — прошву (из другой ткани); все полотнища сшиты полностью

Пониток — см. Зипун

Попонка, постилка — безворсый ковер

Попрадкі — см. Посиделки

Поркини́цi (укр.)(бел. ногавицы)—гуцульские штаны из белого полотна

Посад — 1) ремесленная торговая часть русского города X—XVII вв.; 2) вид поселения

Поршни — см. Постолы

Посадник (др.-р.) — выборный правитель города

Посиделки (укр. вечерницi; бел. вячо́ркi, по́прадкi, су́прадкi) — вечерние зимние и осенние сборища крестьянской

молодежи в избе; рукоделие девушек перемежалось с песнями, играми, танцами
Поскотина — огороженное пастбище около населенного пункта или изгородь вокруг такого пастбища
Постилка — см. Попонка
Постолы, поршни (рус., укр.) — мягкая обувь, сделанная из одного или двух кусков кожи, собранной на ремешок
Посудный угол — угол в избе (перед устьем печи), где приготовляли пищу
Потоки, водопуски — деревянные водосточные желоба, в которые упирались концы тесин крыши
Починок — недавно возникшее сельское поселение
Поярок — 1) шкурка молодой овцы; 2) шерсть с овцы первой осенней стрижки
Пра́жаны хлеб (бел.) — поджаренный хлеб
Приймак — зять,принятый в дом родителей жены
Приуз — 1) сыромятный ремень, соединяющий било с ручкой цепа (см.); 2) см. Било; 3) см. Цеп
Причелина — доска, прикрывающая торец крыши
Пропуски — см. Повалы
Промышленка — см. Доха
Процяг (бел.) — см. По-мелкому
Прошва — см. Понева
Про́шча (бел.)— место (источник, роща, камень), считавшееся «святым»
Пры́зба (бел.) — завалина у хаты
Путу — ремень, соединявший ручку и било цепа
Пушки́ — шарики из гусиного пуха, служившие височными украшениями
Пушной (мякинный) хлеб — хлеб из плохо очищенного зерна и непросеянной муки
Пятистенок — дом, в котором сруб разделен пятой рубленой стеной на два жилых помещения

Радзінныя, (хрэ́сбінныя) пе́сні (бел.) — обрядовые песни, исполнявшиеся во время крестин
Раек — 1) народный рифмованный разносложный стих; 2) народный театр (представление)
Разбоі — см. Кросна
Рало — вид пахотного орудия, применявшегося преимущественно на тяжелых степных почвах; при работе рало разрывало почву и лишь частично откидывало пласт земли
Рассоха — часть сохи, кусок дерева с развилиной на конце, служившей для надевания сошников
Рединка — редко вытканное полотно
Рекостав — название северо-восточного осеннего ветра
Репей — орнамент в виде розетки
Репица — суп из репы
Репка — туалетная коробочка из кости, украшенная ажурной резьбой
Ретяз (укр.) — женское украшение в виде браслета из медной цепочки
Решетка — кружевная сетка, служащая фоном для основного узора
Решетный хлеб — хлеб, выпеченный из муки, просеянной решетом
Рига — однокамерное срубное помещение с печью, в котором сушили снопы
Рисованка — см. Писанка
Рогаль — рукоять сохи
Родины — 1) обряды, связанные с родами; 2) празднование первой годовщины дня рождения ребенка
Ро́жні (укр.) — простейший тип хозяйственных саней с двумя загнутыми полозьями, соединенными двумя брусьями
Ро́звальні — легкие хозяйственные сани с загнутым передком, но без спинки
Рулí (бел.) — жидкое кушанье из кваса с кусочками хлеба
Русальная неделя—неделя, следующая за праздником троицы
Ручнíк (бел.) (укр. рушник) — полотенце, обычно затканное или вышитое
Рыбий зуб — старинное название мамонтовой кости
Рыбник — пирог с рыбой, целиком запеченной в тесте
Рюжа — см. Мережа
Рядовичи (др.-р.)—люди, попавшие в феодальную зависимость по договору (ряду)

Сабан — тяжелый деревянный плуг различных типов
Садило — верхняя часть овина (см.)
Саж (укр.) — срубное помещение для откармливания свиней
Сак — верхняя женская короткая одежда конца XIX — начала XX в.
Саламата — кушанье из поджаренной муки, заваренной кипятком
Саман — строительный материал из глины и соломы, высушенный на солнце
Самоловная снасть — рыболовная снасть с крючками, но без наживки
Самострел — лук с деревянным ложем и приспособлением для натягивания тетивы
Сарафан — женская (др.-р. также мужская) одежда, надевавшаяся поверх рубахи (см. также Атласник, Сукман и др.)
Сахо́р (бел.) — деревянные вилы для навоза
Сбитень — горячий напиток из жженного меда с пряностями; продавался обычно на улицах больших городов
Сборник — женский головной убор из легкой материи (хлопчатобумажной, иногда шелковой), спереди и сзади собран сборками
Сватання (укр., бел.) — часть свадебного обряда
Свекор, свекровь — родители мужа
Свирон (бел.) — см. Амбар
Сви́та — верхняя мужская и женская одежда из домашнего сукна
Свояченица — сестра жены
Свясло — соломенный жгут для вязки снопов
Святой угол — см. Передний угол
Сговор—см. Зару́чины
Сговорёнка — просватанная девушка, невеста

Селище — место, где было расположено древнерусское село
Сельник — см. Клеть
Семейские — старообрядцы, со второй половины XVIII в. проживающие в Забайкалье
Семик (бел. сёмуха) — народное название летнего праздника (четверг на седьмой неделе после пасхи)
Сени — 1) (др.-р.) терраса на втором этаже в богатом доме; 2) неотапливаемая часть двух- и трехкамерного крестьянского жилища; 3) в городском жилище — прихожая
Серда́к (укр.) — верхняя женская и мужская короткая одежда прямого покроя из белого, черного или красного сукна, распространенная преимущественно в западных областях Украины
Середа — см. Упечь
Сермяга — см. Зипун
Ситный — хлеб из муки, просеянной ситом
Скавародники — см. Лапуны
Скамейка — вертикальная укладка снопов для сушки
Скань (филигрань) — вид ювелирной техники, когда металлические художественные изделия украшались ажурными узорами из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки
Ска́пыч (бел.) — деревянная палка с двумя сучками на конце для сбрасывания навоза
Скирда — см. Омет
Скоблянка — см. Писанка
Ско́лок — узор для плетения кружева из плотной бумаги с проколами для булавок, на которых крепится кружево
Скоморохи — народные странствующие актеры и музыканты (до XVIII в.)
Скотский (коровий) праздник — праздник в честь «покровителей» скота, 18 апреля ст. ст., в день св. Власия
Слопец — деревянная давящая охотничья ловушка для ловли зверей
Смушка — шкурка ягненка, забитого в первые дни после рождения
Смык, суковатка, вершаліна (бел.) — древний вид деревянной бороны из суковатого ельника
Сноха — жена сына, невестка, жена деверя (см.)
Солод — пророщенное, затем высушенное и крупно смолотое хлебное зерно, из которого варят пиво, брагу, квас
Солонец, солончак — засоленная почва, куда дикие копытные животные приходят лизать соль; искусственные солонцы делаются охотниками путем пропитывания земли соляным раствором
Сопи́лка (укр.) (рус. сопель, бел. сапель) — народный духовой музыкальный инструмент
Сормовский, сормач — народный танец под частушки
Сорока — 1) верхняя нарядная часть головного убора замужней женщины, надеваемая на кичку (см.); 2) головной убор в целом
Сорочица (др.-р.) — рубаха, мужская или женская
Соха — легкое бесполозовое, преимущественно двузубое, пахотное орудие, рыхлившее и неполностью переворачивавшее пласт земли. Известны различные виды сох
Сочни — 1) пресный хлеб различной формы; 2) см. Лапуны (бел.)
Старины — см. Былины
Старообрядцы — приверженцы православных церковных обрядов, существовавших в России до реформы патриарха Никона (XVII в.)
Стёбка (укр. истопка; бел. сто́пка) — небольшой отапливаемый сруб для хранения зимой овощей
Стог — кладь сена круглой формы
Стожар — каркас для укладки сена в стог
Стойка — часть деревянного плуга, соединявшая грядиль (см.) с подошвой
Стопка — см. Стёбка
Страда — период уборки хлебов
Страстная неделя — последняя неделя великого поста перед пасхой
Струг — 1) тип обшитого досками челна с высоко поднятыми носом и кормой; 2) двуручный нож для очищения шкуры
Стулья — толстые короткие чурбаки или камни, подкладываемые под первый венец (см.) срубного дома
Ступа — 1) мельничная — долбленая колода, в которой окованные железом песты размельчают насыпанное в нее зерно на крупу; 2) улей — долбленая колода с покрышкой, в которой содержат пчел
Ступни — см. Босовики
Судница — небольшой кухонный шкаф для посуды и кухонной утвари
Сукма́н — 1) верхняя одежда из сукна; 2) см. Сарафан
Сукова́тка — см. Смык
Супрадкі — см. Посиделки
Супря́га (рус., укр.) — объединение двух или нескольких крестьянских хозяйств для совместной обработки земли
Сусек — отделения внутри амбара для хранения разных сортов зерна
Суседко — см. Домовой
Суслон — составленные для просушки снопы, накрытые сверху одним снопом
Сушня — см. Овин
Сушпан — см. Нагрудник
Сцепное кружево — кружево, части которого плетутся отдельно и скрепляются вместе вязальным крючком
Сыр-каравай — см. Каравай

Тайник — ставной невод, представляющий комбинацию неподвижных ловушек — конусовидных лабиринтов
Талака — см. Помочь
Тамбур — техника художественной вышивки петлями, выполняется особой иглой
Телятник — пастбище для телят
Теплынь — костер в овине
Тесть, теща — родители жены

Тиун (др.-р.) — управитель, назначенный феодалом в город или вотчину
Ток (бел., рус.) — 1) глиняная утрамбованная площадка в гумне для молотьбы; 2) (бел.) — земляной пол в хате
Толо́ка — см. Помочь
Тоня — прибрежный участок, на котором производится лов рыбы
Торба́н (укр.) — народный струнно-щипковый инструмент, близкий к кобзе
Травное письмо — роспись растительным орнаментом деревянной посуды
Трембі́та (укр.) — народный духовой инструмент: деревянная обвитая берестой длинная коническая труба с мундштуком
Треть — см. Коны
Треух, малахай — мужская теплая шапка, подбитая мехом, с наушниками (в XVII—XVIII вв. также женская)
Троїста музи́ка (укр.) — народный инструментальный ансамбль (трио), в состав которого могут входить скрипка, басоля (см.), бас, цимбалы (см.), бубен
Троица — народное название праздника троицына дня (50-й день после пасхи)
Тысяцкий — 1) старший свадебный чин, распорядитель поезда; им обычно бывал крестный отец жениха; 2) (др.-р.) — городской правитель, судья и начальник ополчения, помощник посадника (см.)
Тюря — см. Мурцовка
Тягло — единица распределения повинностей в деревне и феодальном городе, обычно один двор

Убрус — см. Обрус
Увивка — женский полотенчатый головной убор
Узвар — «виноград» (укр.) — обрядовое угощение из вареных ягод и фруктов, подававшееся на крестинах
Умыкание — обычай похищения невесты женихом
Унты — см. Бродни
Упечь, середа, чулан, куть — часть избы, расположенная между устьем печи и передней стеной (в избах северной и средней полосы Европейской части страны)
Усло́н (бел.) — небольшая переносная скамейка

Файшонка — ажурная, преимущественно плетеная или вязаная косынка, повязывавшаяся на голову
Фибула — булавка для закалывания плаща в древней Руси
Филигрань — см. Скань
Флоя́ра (укр.) — разновидность сопилки (см.)

Хаутурныя галашэнні (бел.) — похоронные причитания
Хрэсбинные песні — см. Радзінныя песні
Ху́стка (укр., бел.) — головной женский платок

Царинні пісні (укр.) — весенне-летние игровые песни (родственны веснянкам), исполняемые на околице (царині) села
Цеп, молотило, приуз — орудие для обмолота зерна, состоявшее из длинной деревянной ручки (держалка, держалень) и короткого била (см.), соединенных сыромятным ремнем
Цимбалы (бел.,укр.) — народный струнный ударный инструмент

Чайка, байдак (укр.) — челн, выдолбленный из ствола дерева и обшитый досками. Использовался запорожцами как военное судно
Чап — см. Кичига
Чегандинка — вид сохи-односторонки
Челка — см. Венец
Чеме́рка (укр.) — верхняя мужская одежда, преимущественно из фабричной ткани, с отрезной спинкой и сборами
Чередник — пастух крупного рогатого скота
Черепенник — см. Грешневик
Черкан — охотничье приспособление для ловли зверей (тип силка)
Черная изба — см. Курная изба
Четырехугольники — горизонтальная укладка снопов для сушки
Численное кружево — кружево, сплетенное по счету нитей
Чистый четверг — четверг на страстной неделе (см.)
Чуга́ня (укр.) — верхняя женская и мужская одежда из сукна в виде плаща с ложными рукавами и большим воротником, спускающимся по спине в виде прямоугольника
Чуйка — верхняя мужская одежда из сукна в виде халата
Чулан — см. Упечь
Чэ́хлік, каўне́рык (бел.) — манжет на рукаве

Шалёўка вугла́ (бел.) — обшивка угла хаты досками
Шамшура — головной убор замужней женщины, имел несколько разновидностей, общей чертой которых было наличие твердой части в виде круга или полукруга
Шаньги — открытые пирожки с разной начинкой
Шелом — см. Охлупень
Шесток (укр. передпіччя) — место перед устьем русской печи, продолжение пода
Ширинка — см. Наметка
Шиш — простейший вид хлебосушильни, представлявший собой яму с установленными по ее краям жердями в виде конуса; на дне ямы разводили огонь, а снопы устанавливали вокруг жердей
Шишки — круглые булочки, выпекавшиеся на сва́дьбу и раздававшиеся гостям
Шняка — поморская лодка, сшитая из досок, обычно прутьями, с упругим шпангоутом и прямым парусом
Шолныш, шомнуша — пространство избы между печью и стеной, отгораживалось перегородкой и служило для хранения

домашней утвари (в северных районах России)
Шолом, яломок, валёнка; укр. магерка; бел. маргелка — мужской головной убор из белого или серого войлока полусферической формы или в виде усеченного конуса
Шомнуша — см. Шолныш
Штофник — см. Атласник
Шубка — одно из названий сарафана
Шурин — брат жены
Шуфлік (бел.) — деревянный совок для веяния зерна
Шушпан — см. Нагрудник
Шушун — см. Нагрудник

Щедрівки (укр.) (бел. шчадроускія песні) — календарно-обрядовые песни, которыми поздравляли с Новым годом
Щедрування (укр.) (бел. шчадраванне) — народный традиционный обряд поздравления с Новым годом
Щит — см. Голландка

Ю́пка (укр.) — верхняя женская одежда из фабричного материала
Юровщик — старший в артели на морском зверобойном промысле на севере Европейской части России

Яз — см. Забор
Яломок — см. Шолом
Ярица — яровая рожь (посеянная весною)
Ярмо́ звичайне (укр.) — наиболее распространенный тип рабочей упряжки для крупного рогатого скота, с помощью которой впрягались волы в борону, плуг, воз, сани, рало
Ярмо́ сошне (укр.) — тип рабочей упряжки волов в соху, наиболее распространенный на Волынском полесье
Ярус — см. 1) Перемет, 2) Кон

ГЕОГРАФО-ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения, принятые в указателе

арх.— археологическое (понятие)
антр.— антропологическое (понятие)
возв.— возвышенность
геогр.— географическое (понятие)
гор.— город
гос-во — государство
губ.— губерния
княж.— княжество
низм.— низменность
обл.— область
оз.— озеро
о-в — остров
пос.— поселок
п-о-в — полуостров
р-н — район
р.— река
с.— село
слоб.— слобода
у.— уезд
этн.— этническое (понятие)

Аварский каганат — 42
Авары, этн.— 43, 69
Австрия, гос-во — 175, 581, 586, 625
Австро-Венгрия, гос-во — 17, 23, 584, 597, 624, 750
Адыгейцы, этн.— 71
Азербайджанская ССР — 54
Азербайджанцы, этн.— 340
Азия — 13, 29, 42, 44, 69, 71, 143
Азия Западная — 26
Азия Средняя — 19, 23, 32, 37, 41, 49, 54, 59, 147, 160, 161, 285, 287, 305, 311, 313, 365
Азия Центральная — 26, 37, 69
Азия Юго-Западная — 32
Азов, гор.— 363, 365, 501, 743
Азовское море — 15, 21, 35, 101, 267, 635, 636
Акмолинская обл.— 161
Алазоны, этн.— 37
Алано-сарматские племена, этн.— 38
Аланы, этн.— 38, 43, 69
Албанцы, этн.— 71, 72
Александровск, гор. (см. Запорожье)
Александровская, слоб.— 437
Алексеевка, слоб.— 172
Алтай — 146, 191, 285, 310, 322, 509, 518, 548
Алтайский заповедник — 282
Алтайский край — 190, 208, 211, 216
Алушта, гор.— 637
Альпо-Динарская горная обл.— 66
Америка — 18, 597, 602
Америка Центральная — 207
Америка Южная — 172, 207
Аму-Дарья, р.— 147
Анадырь, р.— 146
Ананьинская культура, арх.— 40
Анапа, гор.— 487
Ангара, р.— 147, 297, 346, 354
Ангарск, гор.— 339, 346, 354
Англия, гос-во — 105, 140, 562, 598
Анты, этн.— 41, 99
Аральское море — 147
Аргентина, гос-во — 25
Ардатов (гор., р-н) — 88, 151
Арзамас (гор., у.) — 151, 223, 548
Арзамасская обл.— 235
Арменоидный тип, антр.— 71
Армяне, этн.— 48, 340, 583
Армянская ССР — 54
Артания, геогр.— 44
Архангельск, гор.— 122, 134, 244, 254, 277, 344, 345, 353, 363
Архангельская губ.— 20, 166, 170, 173, 175, 223, 224, 230, 298, 372, 373, 398, 531, 532, 535, 543, 544
Архангельская обл.— 24, 144, 151, 152, 203, 205, 374, 389, 392, 500, 523, 524
Архангельское (усадьба-дворец) — 137
Астрахань (гор., р-н) — 128, 185, 246, 263, 267, 271, 347, 365, 562
Астраханская губ.— 20, 167, 177, 184, 185, 188, 247
Астраханская обл.— 92, 207, 209, 213, 322
Астраханское ханство — 45
Аткарск, гор.— 151
Атлантический океан — 15
Атланто-балтийская группа, антр.— 59, 60
Атланто-черноморская группа, антр.— 59, 60, 62, 66
Ахтырка, гор.— 363, 549, 579

Ачинск, гор.— 354
Африка — 29, 568
Африка Северная — 27, 32

Балахна, гор.— 261, 541
Балканский п-о-в — 43, 66, 71, 100
Балкарцы, этн.— 55, 71
Балтийское море (Венедское, Балтика) — 14, 15, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 39, 41, 59, 82, 88, 133, 244, 268, 362, 635, 809
Балтийские финны, этн.— 63
Балтийцы-ятвяги, этн.— 61
Барвинково, гор. (б. слоб.) — 710
Батурин, гор.— 583
Бахчисарай, гор.— 26
Бар, с.— 616
Барановичи, гор.— 828, 891, 897
Барань, дер.— 809
Баргузинский заповедник — 282
Баренцово море — 13, 14, 15, 21, 64, 272, 276
Баскунчак, оз.— 246
Башкирская АССР (Башкирия) — 13, 14, 21, 70, 89, 92, 93, 260
Башкиры, этн.— 22, 23, 24, 25, 54, 91, 92, 93, 396
Белая, р.— 29, 40, 41
Белая Русь — 120
Белая Церковь, гор.— 652, 660
Белгород, гор.— 363
Белгородка, с.— 664
Белгородская обл.— 23, 74, 153, 262, 576
Белевская культура, арх.— 33
Белецкая степь — 71
Беловежская пуща — 793
Белогрудовская культура, арх.— 34, 36
Белозерск, гор.— 541
Белое море — 13, 14, 15, 21, 29, 40, 44, 64, 145, 267, 271, 272, 361
Белозерский край — 464
Белозерский обводной канал — 362
Белозерье, геогр.— 64, 69
Беломорская культура, арх.— 33
Беломорско-балтийская группа, антр.— 59, 60, 63, 64, 69
Беломорско-Балтийский канал — 366
Белорусская ССР (Белоруссия), см. раздел «Белорусы» и стр.: 13, 14, 16, 19, 23, 24, 26, 29, 39, 50, 52, 54, 55, 65, 76, 100, 124, 147, 151, 311, 577, 636, 637, 737, 781, 785, 839
Белорусы, этн., см. раздел «Белорусы» и стр.: 22, 23, 24, 25, 44, 47, 48, 49, 54, 55, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 71, 74, 76, 77, 113, 118, 119, 130, 133, 144, 145, 146, 147, 305, 340, 376, 416, 539, 565, 572, 573, 592, 601, 606, 614, 647
Белосток, гор.— 81
Белые хорваты, этн.— 44, 66, 100
Бельгия, гос-во — 242, 541, 625
Бердянск, гор.— 635, 639, 655
Березина, р.— 103, 792, 809
Березники, гор.— 244, 260, 339
Березинская водная система — 809
Берестейская земля — 784
Бесермяне, этн.— 89
Бессарабия — 19, 48, 52, 172
Биармия, геогр.— 42
Бигосово, с.— 809
Бийск, гор.— 156, 339
Бирск, гор.— 232
Битюг, р.— 188
Ближний Восток — 635
Боблы, с.— 728
Бобровское, с.— 188
Бобруйск (гор., р-н) — 829, 860, 890
Боголюбово, с.— 117, 225
Богородск (гор., р-н, у.) — 185, 232, 245, 381
Богородское, с.— 231, 531, 549, 550
Богуш, с.— 729
Богушевск, гор.— 891
Боевых топоров культура, арх.— 36, 39
Бойки, этн.— 592, 644, 671
Болгарское царство — 44
Болгары, этн.— 25, 43, 48, 66, 71, 72, 583, 592
Бологое, гор.— 365
Большая Кокшага, р.— 89
Большая Степянка, с.— 803
Большое Подлесье, с.— 887
Большой Кавказский хребет — 15
Большой Олений остров — 40
Борислав, гор.— 629
Борисов (гор., р-н) — 809, 811, 891
Боровое, оз.— 33
Боровск, гор.— 151
Бородино, пос.— 353
Бородняки, с.— 762
Боспорское царство — 38
Бразилия, гос-во 25
Браслав (гор., р-н) — 806
Братск, гор.— 339, 346
Брест, гор.— 365, 368, 577, 635, 784, 810, 814, 828, 889, 897
Брестская обл.— 807, 824, 846
Бронницкий (у., р-н) — 185, 233
Бронницы, с.— 229
Брюссель, гор. — 548
Брянск, гор.— 134, 246, 347
Брянская губ.— 840
Брянская обл.— 153, 154, 392
Бубновка, с.— 616
Буг, р.— 31, 32, 34, 37, 46, 103, 631, 637, 809
Бугская водная система — 634
Бугульминская возвышенность — 13
Будапешт, гор.— 685
Будины, этн.— 38, 40
Бужане, этн.— 110
Буковина — 19, 54, 573, 574, 578, 581, 582, 584, 586, 592, 598, 618, 648, 671, 720, 731
Буковинцы, этн.— 592, 671, 672
Булгар, гор.— 43, 114
Булгарское гос-во — 91
Бурятская АССР — 146
Буряты, этн.— 147, 377
Бутырки, дер.— 330
Бухтарма, р.— 146

Вага, р.— 64
Вадинск, см. Керенск
Вайгач, о-в — 14
Валдайская возвышенность — 13, 63, 64, 65
Валдайский тип, антр.— 63, 64, 65
Варшава, гор.— 48, 365, 603, 809
Васильков, с.— 616, 619
Ватикан, гос-во — 782
Вача, пос.— 354

Великая, р.— 144
Великая русская равнина — 26, 27, 32, 41
Великие Луки, гор.— 347, 363
Великие Сорочинцы, с.— 725
Великий Устюг, гор.— 229, 233, 244, 536, 548
Великое, с.— 226
Вельск, гор.— 254
Венгерское гос-во (Венгрия) — 44, 48, 118, 581, 586
Венгры, этн.— 25, 42, 66, 68, 71, 85, 118
Вепсы, этн.— 42, 63, 67 — 69, 90, 91
Вербилки, пос.— 354
Вербовка, с.— 648
Верея, гор.— 151
Верхнекамская возвышенность — 13
Весь (вепсы), этн.— 42, 44, 47, 61
Ветлуга, р.— 284
Византия, гос-во — 100
Визирка, с.— 722
Виленская губ.— 175, 782, 818
Вилия, р.— 46
Вильно, гор., см. Вильнюс
Вильнюс, гор. (Вильно) — 363, 814, 894
Винница, гор.— 629, 730
Винницкая обл.— 626, 664, 719, 724, 726, 729, 732, 758
Вирятино, с.— 511
Висла, р.— 27, 31, 32, 99, 809
Витебск, гор.— 184, 572, 784, 806, 809, 812, 829, 831, 890, 893, 897, 900
Витебская губ.— 190, 284, 305, 307, 310, 785, 787, 809, 849, 879
Витебская земля — 784
Витебская обл.— 806, 808, 824, 862
Владивосток, гор.— 325, 357, 366, 641
Владимир, гор. — 119, 123, 233, 251, 339, 572, 708
Владимир-Волынский, гор., княж.— 572
Владимиро-Суздальское княж., земля — 116
Владимирская губ.— 134, 159, 160, 175, 180, 184, 187, 188, 217, 223, 224, 225, 226, 237, 238, 290, 303, 304, 325, 376, 422, 533
Владимирская обл. — 144, 152, 205, 232, 235, 286, 293, 356, 374, 452, 548, 554
Владимирское ополье — 168
Вогулы, этн.— 42
Водь, этн.— 42, 44, 47, 48, 68, 69, 90, 91
Вознесенское, с.— 709
Волга, р.— 15, 16, 21, 26, 30, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 47, 61, 63, 69, 81, 85, 89, 91, 99, 100, 119, 145, 146, 151, 152, 174, 184, 185, 236, 239, 242, 245, 246, 247, 260, 262, 263, 264, 267, 270, 297, 304, 313, 330, 343, 346, 347, 355, 362, 365, 366, 496,501, 506
Волго-Балтийская система (Мариинский канал, Мариинская водная система) — 362, 366
Волгоград, гор.— 21, 151, 263, 264, 347, 348, 402
Волгоградская обл.— 153, 322
Волго-Донской канал — 264, 356, 366
Волжская Болгария, гос-во — 43, 44
Волжские финны, этн.— 68
Волжский, гор.— 399
Волковцы, с.— 720
Волковыск, гор.— 781
Вологда, гор.— 244, 353, 541, 545, 556
Вологодская губ.— 20, 135, 166, 170, 174, 186, 187, 223, 224, 227, 298, 372, 375, 531, 532, 539, 541, 542, 543, 544, 886
Вологодская обл.— 29, 33, 91, 144, 151, 152, 203, 211, 233, 389, 397, 449, 450, 452, 523, 551, 556
Вологодско-Белозерский край — 535
Волосовская культура, арх.— 33
Волошское, с.— 29
Волхов, р.— 100, 103, 144, 258
Волыно-Подольская возвышенность — 13
Волынь, геогр.— 65, 573, 574, 579, 581, 592, 602, 604, 614, 616, 619, 633, 669, 673, 721, 786
Волынская губ.— 602, 677, 708
Волынская обл.— 683, 724, 728, 759
Волынско-подольская мегалитическая культура, арх.— 34
Воркута, гор.— 339, 353
Воробьево, с.— 183
Воронеж, гор.— 262, 338, 339, 347, 357, 363, 457, 516, 635
Воронежская губ.— 135, 160, 169, 172, 180, 184, 186, 190, 191, 224, 226, 246, 305, 311, 375, 394, 543, 668
Воронежская обл.— 74, 153, 205, 206, 212, 219, 220, 233, 293, 320, 391, 392, 449, 523, 551, 576
Ворскла, р.— 101
Ворсма, гор.— 378
Воскресенск, гор.— 251
Восточная Пруссия — 80
Восточно-балтийский тип, антр.— 68, 69
Восточноевропейская группа, антр.— 59, 60, 64
Вулканешт, пос.— 95
Высочаны, дер.— 809
Вытегра, р.— 362
Вычегда, р.— 29, 42, 44, 64
Вышний Волочок, гор.— 150
Вязники, гор.— 184
Вязьма, гор.— 365
Вятичи, этн.— 44, 61, 62, 63, 64, 99, 100, 112, 119
Вятка, гор. см. Киров
Вятка, р.— 35, 40, 41, 144
Вятская губ.— 166, 168, 169, 181, 190, 223, 224, 229, 245, 304, 325, 531
Вятский край — 244, 245

Гагаузы, этн.— 24, 48, 71, 91, 592
Галицкая земля (Галиция) — 573, 574, 581, 582, 584, 586, 592, 616, 642, 669, 748, 750
Галицко-Волынская земля — 73, 118
Галицкое княж.— 573
Галич, гор.— 95, 378, 572
Ганевичи, дер.— 796
Гданск, гор.— 621
Германия, гос-во — 19, 71, 140, 236, 240, 562, 608
Германцы, этн.— 62, 81
Геттинген, гор.— 357
Геты, этн.— 41, 71
Гжель, гор.— 229, 235, 378, 538, 539
Гидроторф, пос.— 353

Голландия, гос-во — 625
Голунь, с.— 463
Голядь (галинды) этн.— 42, 44, 61
Гомель, гор.— 806, 809, 813, 814, 828, 830, 831, 834, 890, 897
Гомельская губ.— 840
Гомельская обл.— 806, 824, 840
Горбуново, с.— 224
Горловка, гор. — 624, 629, 658, 718, 723
Городенки, с.— 355
Городец, гор.— 127, 232, 233, 546
Городищи, пос.— 354, 356
Городно, гор., см. Гродно
Горохов, гор.— 642
Горький, гор.— 21, 121, 134, 208, 241, 245, 260, 261, 324, 325, 326, 333, 336, 338, 342, 354, 362, 363, 365, 366, 368, 381
Горьковская обл.— 33, 92, 144, 152, 205, 206, 210, 231, 260, 284, 292, 297, 304, 320, 322, 353, 546, 548, 554
Горюны, этн.— 145
Готы, этн.— 41, 42, 43
Граево, гор.— 635
Гребенчато-накольчатой керамики культура, арх.— 31
Грезля, с.— 647
Греки, этн.— 25, 71, 583, 592
Гремячинский, пос.— 353
Гродненская губ.— 782, 792, 797, 809, 840
Гродненская земля — 784
Гродненская обл.— 823, 825
Гродно (Городно) — 781, 784, 806, 809, 818, 829, 897
Грозненский край — 206
Грозный, гор.— 265
Грузинская ССР (Грузия) — 26, 54, 731
Грузины, этн.— 48
Грязи, гор.— 365
Гунны, этн.— 42, 43, 69
Гуслицы, геогр.— 185
Гусь-Хрустальный, гор.— 151
Гуцулы, этн.— 592, 670, 671, 690

Дагестанская АССР — 14
Даки, этн.— 41, 66, 71
Дакия — 41
Дальний Восток, геогр.— 23, 51, 146, 147, 205, 208, 211, 214, 216, 267, 276, 280, 346, 366
Даниловская, слоб.— 330
Датчане, этн.— 46
Дашава, гор.— 802, 828, 834
Дегтярск, гор.— 402
Дегтяры, гор.— 619, 766
Десна, р.— 35, 65, 101, 144, 145, 652
Деснянский тип, антр.— 65
Дзержинск, гор.— 261, 346, 354
Дибинцы, с.— 616
Дивногорск, гор.— 346, 354
Днепр, р.— 15, 16, 26, 27, 32, 34, 35, 37, 39, 42, 44, 47, 99, 100, 103, 144, 239, 573, 578, 583, 605, 631, 634, 637, 652, 723, 724, 725, 792, 797, 809, 832
Днепроград, гор.— 657
Днепродзержинск, гор.— 624, 654, 658, 717, 723, 777
Днепропетровск, гор.— 21, 29, 584, 621, 637, 640, 658, 716, 719, 723, 730, 764
Днепропетровская обл.— 592, 610, 620, 624, 626, 664, 715, 746
Днестр, р.— 15, 26, 27, 31, 32, 33, 37, 71, 101, 103, 573, 583, 637
Днестровско-Бугский канал — 637, 809
Дмитров, гор.— 331
Докучаевск, гор.— 657
Долина, гор.— 629
Долгое, оз.— 783
Домашево, с.— 504
Дон, р.— 15, 27, 38, 44, 47, 69, 101, 103, 144, 145, 146, 153, 169, 184, 185, 186, 203, 209, 211, 212, 247, 265, 313, 348, 361, 363, 382, 393, 394, 395, 396, 398, 491, 496, 631, 634
Донбасс — 20, 23, 242, 246, 248, 264, 380, 621, 622, 624, 625, 626, 629, 630, 635, 636, 642, 645, 654, 655, 656, 657, 660, 714
Донецк, гор.— 21, 624, 640, 658, 717, 719, 720, 723, 746
Донецкая обл.— 592, 624, 759
Донецко-Юрьевск, гор.— 621
Донская обл.— 174, 177, 185, 187
Донская, станица — 447
Донские степи — 44
Дорожево, пос.— 504
Дорогобуж, гор.— 535
Дрогобыч, гор.— 629, 730
Древляне, этн.— 44, 61, 65, 102, 103
Древнерусская народность, этн. см. раздел «Русские» и стр.— 72, 73, 74, 99, 102, 103, 111, 118, 119, 734
Древнерусское гос-во (Киевская Русь, Киевское гос-во), — 44, 46, 66, 72, 73, 74, 75, 103, 104, 105, 106, 107, 111, 115, 116, 118, 119, 277, 360, 363, 495, 499, 536, 572, 573, 574, 575, 616, 633, 635, 642, 645, 652, 664, 739, 782, 783, 809, 829, 877, 894
Древняя Русь — 44, 100
Дреговичи, этн.— 44, 61, 103
Дружковка, дер.— 621
Дубна, гор.— 350
Дубровка, дер.— 330
Дубровно, дер.— 809
Дудинка, р.— 147
Дулебы, этн.— 104, 110
Дунай, р.— 15, 25, 29, 30, 31, 33, 34, 37, 42, 44, 59, 66, 68, 99, 100, 101, 573, 582, 583, 637
Дымковская слобода — 538
Дьяково городище — 40
Дьяковская культура, арх.— 40
Дьяковские племена, этн.— 40

Евреи, этн.— 22, 23, 24, 25, 48, 50, 71, 340
Европа — 13, 29, 32, 34, 35, 36, 39, 59, 63, 172, 185, 365, 540
Европа Западная — 138, 172, 185, 242, 357, 576, 622, 674
Европа Центральная — 27, 32, 34, 41, 66, 99
Европеоиды, антр.— 29, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 41, 59, 61, 62, 66, 67, 68, 69, 70, 71
Египет — 34
Егорьевск (гор., у.) — 151, 185, 381

Екатеринбург, гор.— 230, 324, 329, 331, 332, 381
Екатеринбургская губ.— 230
Екатеринослав, гор.— 582, 584, 621, 651, 653, 655, 712
Екатеринославская губ.— 167, 190, 422, 648, 668, 677, 702
Елец, гор.— 636
Емь, этн.— 42, 44, 46
Енакиево, гор.— 624
Енисей, р.— 354
Енисейская губ.— 175
Ермолово, дер.— 463
Ефремов, гор.— 363

Жданов (гор., р-н) — 584, 625, 635, 639, 655, 717, 729
Жемайтия — 39
Жестово, с.— 535
Жигули, гор.— 13
Житковичи (гор., р-н) — 806
Житомир, гор.— 26, 629, 636, 660, 763, 776
Житомирская губ.— 643
Житомирская обл.— 719, 724, 746, 758, 759
Жлобин, гор.— 810
Жмудь (жемайты), этн.— 42, 46, 82
Жодино, гор.— 813
Жуковка, с.— 400
Жуковский, гор.— 350

Забайкалье, геогр.— 69, 146, 147, 156, 278, 390, 412, 417, 464, 481
Заболотье, дер.— 796
Заветлужье, геогр.— 152
Заволжье, геогр.— 15, 17, 20, 22, 191, 287, 302, 382, 412, 464
Загорск, гор.— 151, 232, 549
Задунайская Сечь — 582
Закавказье — 27, 32, 51, 52, 147, 236, 247
Закарпатская обл.— 55, 722
Закарпатье — 45, 71, 103, 573, 578, 581, 584, 586, 601, 616, 650, 677, 685, 690, 719, 724, 759, 770
Залесская земля — 120
Заонежье, геогр.— 299, 470
Западная Двина, р. (Даугава) — 15, 34, 36, 39, 44, 99, 103, 792, 798, 809
Западнобалтийский тип, антр.— 67, 68, 69
Западные славяне — 66, 72, 76, 77, 99, 100, 307
Запорожье (б. Александровск), гор.— 363, 581, 582, 584, 624, 626, 639, 640, 720, 723
Запорожская обл.— 592, 624, 759
Запорожская Сечь — 577, 578, 582, 605, 645
Запорожцы, этн.— 634, 742
Зарубинецкая культура, арх.— 39
Затундренные крестьяне, этн.— 147
Зауралье, геогр.— 32, 41, 205
Збруч, р.— 105
Здитов, гор.— 781
Земгалы, этн.— 42, 46, 81, 82
Земля Франца Иосифа, о-в — 14
Зеньково, дер.— 762
Златоуст, гор.— 229, 332, 339
Знамянки, с.— 635
Золотая Орда — 45, 70, 93, 573

Иваново-Вознесенск, гор., см. Иваново
Иваново (б. Иваново-Вознесенск), гор., р-н — 141, 251, 324, 330, 331, 332, 365, 381
Ивановская обл.— 144, 210, 233, 320, 355, 452, 551
Ивановский канал — 361
Ивановское, оз.— 361
Ивано-Франковск, гор.— 618, 629
Ивано-Франковская обл.— 592, 626, 646, 759, 762
Ивенец, пос.— 795
Ижевск, гор.— 243, 324, 332
Ижорцы, этн.— 24, 44, 47, 48, 69, 90, 91
Изи Морко (поселение) — 89
Измайлово, с.— 330
Ийрки, этн.— 38
Илецк, гор.— 134
Иллирийцы, этн.— 71
Ильменские словене (словене, новгородские словене), этн.— 44, 61, 62, 63, 101, 103, 104
Ильменско-днепровский тип, антр.— 63, 64, 65, 67
Ильмень, оз.— 16, 100, 267, 269, 271
Ингуши, этн.— 55
Индигирка, р.— 146
Индия — 71
Индия Северная — 34
Индопамирская группа, антр.— 59, 72
Иранцы, этн.— 60
Ирбитская ярмарка (Ирбит) — 134
Иркутск, гор.— 338, 357
Ирмино, с.— 658
Ирша, р.—103
Ирша, пос.— 353, 719
Исеть, р.— 331
Испанцы, этн.— 436
Испания, гос-во — 27, 240, 436
Италия, гос-во — 562, 626
Ичня, с.— 616

Кабардино-Балкарская АССР — 14
Кабардинцы, этн.— 71
Кавказ, геогр.— 32, 35, 41, 59, 103, 147, 172, 184, 285
Кавказские горцы, этн.— 146, 376
Кавказские горы — 13, 16, 21
Кадиевка, гор.— 658, 659, 730
Кадников, гор.— 184
Казаково, с.— 548
Казанская губ.— 159, 160, 184, 190, 224, 227, 229, 246, 247, 304, 536
Казанское ханство — 45, 92
Казань, гор.— 21, 128, 183, 246, 333, 357, 363, 365, 368, 419
Казахи, этн.— 48, 70, 133
Казахская ССР (Казахстан) — 19, 23, 24, 54, 147, 160, 182, 191, 250, 287, 298, 313, 322, 806
Казачество, этн.— 47, 143, 145, 146, 147, 464, 496, 497, 499, 501, 502, 504
  гребенское — 146, 185
  донское—145, 146, 155, 187, 285, 287, 306, 311, 313, 376, 520, 635, 743
  забайкальское — 147
  кубанское — 145, 146, 147, 155, 285, 287, 306, 313, 376
  оренбургское — 145
  уральское — 145, 146, 147, 155, 272, 285, 376, 412, 496

терское — 145, 146, 147, 285, 287, 306, 307, 311, 376
сибирское — 285
амурское — 147
уссурийское — 147
Калинин, гор.— 144, 151, 232, 251, 256, 347, 457, 535
Калининская обл.—33, 91, 144, 152, 154, 204, 211, 288, 319, 320, 438, 449, 450, 452, 456, 491, 555, 556
Калининград, гор.— 233
Калининградская обл.— 24, 33, 35, 55, 67, 552
Калиновка, с.— 295, 297
Калитеево, с.— 463
Каллипиды, этн.— 37
Калмыки, этн.— 23, 25, 47, 55, 70
Калмыцкая АССР — 13, 14, 214
Калтан, пос.— 483
Калуга, гор.— 20, 121, 325, 363, 535
Калужская губ.— 135, 159, 163, 184, 224, 227, 237, 302, 303, 305, 311, 371, 375, 382, 394, 430, 476, 540
Калужская обл.— 144, 153, 154, 392, 552, 553, 555
Кама, р.— 15, 29, 33, 35, 36, 40, 41, 42, 43, 85, 90, 91, 144, 242, 260, 297, 362, 366
Каменец-Подольск (Каменец) гор. —574, 709
Каменка, с.— 726
Каменское, с.— 653, 712
Камские болгары, этн.— 69
Камчадалы, этн.— 147
Камчатка, п-о-в — 147
Камышин, гор.— 151, 264
Канада — 18, 25, 281, 598
Канал им. Москвы — 343, 366
Кандалакшская губа — 14
Канев, гор.— 574, 726
Капова пещера — 28
Кара-Калпакская АССР — 147
Караганда, гор.— 260, 264
Карагандинская обл.— 731
Караимы, этн.— 91, 95
Каргопольская культура, арх.— 33
Кардаилово, с.— 442, 457
Карельская АССР (Карелия) — 14, 16, 24, 30, 40, 46, 54, 55, 63, 64, 91, 134. 144, 151, 500
Карельская культура, арх.— 33
Карелы, этн.— 23, 24, 25, 44, 46, 47, 48, 54, 63, 64, 69, 86, 90, 91, 307
Карпатский тип, антр.— 66
Карпаты, горы — 13, 14, 16, 39, 41, 66, 602, 605, 619, 626, 632, 633, 634, 643, 645, 646, 648, 651, 655, 664, 690, 745
Карымы, этн.— 147
Касимов, гор.— 150
Каспийское море — 13, 15, 21, 184, 267, 274, 276, 362
Касторная, дер.— 551
Катакомбная культура, арх.— 35, 36
Каховское водохранилище — 16
Кашира, гор.— 331
Кебеляй, гор.— 29
Кемь, гор.— 145
Кельты, этн.— 36, 62
Керженец, р.— 284
Керенск, гор., см. Вадинск — 151
Керченский п-о-в — 44
Керченский пролив — 15
Керчь, гор.— 639
Киев, гор.— 16, 20, 44, 73, 100, 102, 131, 363, 368, 419, 513, 548, 572, 574, 579, 581, 582, 583, 584, 585, 590, 624, 625, 626, 635, 636, 637, 638, 640, 641, 652, 655, 658, 659, 697, 712, 714, 720, 723, 725, 732, 734, 774, 776, 797, 897
Киевская губ.— 20, 602, 604, 616, 620, 623, 643, 651, 677
Киевская земля — 120, 148
Киевская обл. — 592, 664, 667, 695, 725, 728, 759, 762
Киевское княж.— 118
Киик-Коба (пещера) — 26, 27
Кимры, гор.— 141, 228, 231, 325, 378
Киммерийцы, этн.— 36, 38
Кинешма (гор., р-н) — 79, 365
Кипчаки (половцы), этн.— 44, 70, 103, 116, 118
Киргизская ССР (Киргизия) — 23, 54, 147, 191
Киров, гор. — 21, 184, 208, 223, 232, 245, 258
Кировская обл.— 89, 90, 144, 152, 200, 203, 204, 233, 260, 261, 322, 556
Кировоград, гор.— 629
Кировоградская обл.—592, 611, 625, 726, 729
Кирсна, гор.— 29
Киселевск, гор.— 352
Кисловодск, гор.— 235, 550
Китай, гос-во — 398
Кишинев, гор.— 16, 95
Кишиневская губ.— 20
Клайпеда, гор.— 81
Клесиво, дер.— 762
Клин (гор., у.) — 151, 183, 251
Клембовка, с.— 662, 766
Клязьма, р.— 103, 236
Клязьминское водохранилище — 443
Ковжа, р.— 362
Кодры геогр.— 71
Кожухово, с.— 183, 330
Козлов (гор., р-н) — 325
Колгуев, о-в — 14
Коломенское, с.— 183
Коломна, гор.—151, 239, 251, 363, 380, 387
Кольский залив — 40
Кольский п-о-в — 13, 14, 15, 24, 30, 40, 44, 91, 250, 253
Колыма, р.— 147
Колымчане, этн.— 147
Комаровская культура, арх.— 34, 36
Коми АССР — 13, 14
Коми-зыряне, этн.— 42, 46, 69, 90
Коми-пермяки, этн.— 69, 70, 90
Коми-язьвинцы, этн.— 90
Комрат, гор.— 95
Комсомольск-на-Амуре, гор.— 346, 434
Комсомольск-на-Днепре, гор.— 657
Козельц, гор.— 583
Коломыя, гор.— 630
Кондрово, пос.— 354
Копейск, гор.— 339
Копысь, гор.— 795
Коростень, гор.— 636, 810
Корсь (курши), этн.— 42
Косово, с.— 616, 770
Костерево, пос.— 356

Кострома, гор.— 136
Костромская губ.— 134, 159, 166, 177, 182, 223, 224, 225, 226, 229, 237, 239, 303, 304, 325, 365, 372, 378, 536
Костромская обл.— 135, 144, 152, 233, 284, 320, 449, 452
Котлас, гор.— 245, 254, 353
Краинка, курорт — 355
Краматорск, гор.— 622, 653, 720, 730, 764
Краснодар, гор.— 265, 347, 452
Краснодарский край — 13, 23, 205, 206, 207, 209, 210, 216, 219, 247, 265, 289, 293, 315, 317, 319, 320, 322
Красное, оз.— 792
Красное, с.— 355, 536, 545, 548
Краснокамск, гор.— 260
Красноярск, гор.— 27, 338, 354
Красноярский край — 205, 353
Кременчуг, гор.— 620, 626, 629, 635, 640
Кривичи, этн.— 44, 61, 62, 63, 64, 68, 100, 101, 119
Кривой Рог, гор.— 621, 624, 651, 711, 717
Криворовня, с.— 762
Криворожье, геогр.— 15, 636, 651, 654
Кричев, гор.— 795
Кришинцы, с.— 616
Кролевец, гор.— 619, 766
Кронштадт, гор.— 183
Крым — 15, 26, 27, 29, 31, 32, 38, 41, 45, 55, 285, 583, 629, 655, 660, 684, 724
Крымская обл.— 23, 626, 664, 698, 759
Крымские горы — 15, 16
Крымские татары, этн.— 46
Крымское ханство — 45, 573
Ксаверовка, с.— 664
Кубанская, обл.— 145 167, 172, 185, 190, 203, 205
Кубань, геогр.— 22, 145, 167, 172, 180, 185, 190, 203, 205, 247, 294, 296, 299, 305, 306, 307, 311, 313, 316, 318, 376, 393, 394, 395, 398, 450, 465, 481, 486, 490, 491, 492, 582
Кубань, р.— 15, 145
Кудрино, с.— 232
Кузбасс, геогр.— 257, 260, 264, 353, 434
Кузнецк (гор., у.) — 223
Куйбышевская обл.— 68, 155, 203, 205. 209, 289, 320, 369, 628
Куйбышев (гор., р-н) — 21, 151, 247, 263, 264, 324, 325, 330, 332, 333, 338, 368
Культура «арктического палеолита», арх.— 30
Культура шнуровой керамики, арх.— 34, 36
Культура штрихованной керамики, арх. 39
Кумыки, этн.— 71
Кунгур, гор.— 230, 548
Курган, гор.— 232, 339
Курганская обл.— 93, 552
Курземе, геогр.— 81
Курловский, пос.— 354
Курмыш, с.— 151
Курск, гор.— 233, 251, 262, 325, 338, 347, 363, 365, 516, 635
Курская губ.— 20, 135, 145, 156, 159, 163, 169, 172, 184, 185, 224, 226, 227, 246, 305, 311, 375, 394, 543, 712
Курская обл.— 23, 74, 144, 145, 153, 205, 206, 212, 219, 262, 285, 289, 297, 315, 322, 392, 523, 524, 543, 551
Курши, этн.— 46, 81, 82
Кусково (дворец-усадьба) — 137
Куявия — см. Киев
Кяхта, гор.— 134

Ладога, р.— 100
Ладожский канал — 362
Ладожское, оз.— 16, 42, 44, 101, 103, 267, 362, 516
Латвийская ССР (Латвия) — 13, 14, 23, 33, 35, 36, 39, 46, 50, 52, 54, 61, 65, 67, 80, 81, 82, 862
Латгалия, геогр.— 39
Латгалы, этн.— 82, 781
Латинская Америка — 568
Латыши, этн.— 22, 23, 24, 25, 46, 48, 50, 55, 65, 67, 69, 81, 133, 394, 416, 794
Лебедин, гор.— 579
Лемки, этн.— 592, 644, 670, 678
Лена, р.— 147
Ленинград, гор.— 18, 20, 21, 24, 134, 135, 142, 157, 159, 183, 185, 187, 189, 208, 211, 228, 239, 240, 241, 244, 245, 248, 257, 265, 273, 282, 324, 326, 327, 328, 332, 333, 336, 337, 339, 341, 342, 344, 346, 351, 357, 362, 365, 366, 367, 368, 379, 419, 420, 423, 424, 431, 438, 457, 473, 478, 493, 516, 536, 545, 546, 548, 562, 565, 585, 685, 767, 774, 797, 810, 862
Ленинградская обл.— 24, 61, 67, 91, 152, 154, 180, 190, 204, 208, 211, 212, 322, 353
Лепель (гор., у.) — 798, 806
Летто-литовцы, этн.— 39, 41, 97
Летьгола (латгалы), этн.— 42, 44, 46
Либава, гор.— 635
Ливы, этн.— 42, 69, 82, 90, 91
Лида (гор., у.) — 809, 814
Лиозно, пос. — 888, 890
Липецк, гор.— 262, 339, 538
Липецкая обл.— 144, 233, 262, 556
Липицкая культура, арх.— 39
Лисичанск, гор.— 655
Лисна, дер.— 862
Лисянское оз.— 862
Литва (аукштайты), этн.— 42, 44
Литвины, этн.— 781
Литовская ССР (Литва) — 13, 14, 19, 23, 29, 33, 35, 46, 50, 52, 54, 65, 67, 74, 81, 82, 95, 96, 305
Литовское гос-во, вел. княж. (Литва)—573, 576, 644, 784
Литовцы, этн.— 23, 24, 25, 26, 46, 48, 55, 65, 67, 69, 81, 82, 145, 394, 416, 783, 794
Ловать, р.— 100
Ломница, р.— 592
Лопь (лопари), этн.— 24, 42, 44, 68
Лохвица, с.— 636
Луганск, гор.— 265, 621, 623, 624, 636, 637, 655, 659, 712, 720, 725, 731
Луганская обл. — 592, 624, 694, 717, 759
Лужицкая культура, арх.— 34, 36, 39
Лука-Врублевецкая, с.— 26
Лунинец (гор., р-н) — 810, 888
Луцк, гор.— 95, 572, 575, 629, 660

Львов (гор., р-н) — 574, 575, 578, 585, 586, 619, 675, 772, 773
Львовская обл.— 592, 677, 723
Льяловская культура, арх.— 33
Люберцы, гор.— 552
Люблино, гор.— 576

Магадан, гор.— 352
Магнитогорск, гор.— 260, 345, 346, 434
Мадьяры, этн.— 42, 68
Мазовша, геогр.— 781
Макарьевская ярмарка (Нижний Новгород) — 134
Макеевка, гор.— 624, 653, 658
Маклаково, с.— 354
Мамокша, р.— 89
Манси, этн.— 42, 47, 69, 85
Мари-Китня, с.— 89
Мари, этн.—см. Марийцы
Марийская АССР — 14, 36, 89, 260, 261
Марийцы (мари), этн.— 22, 23, 24, 25, 41, 42, 46, 54, 69, 70, 86, 89, 90, 246
Мариуполь, гор., см. Жданов
Марково, с.— 146
Марковцы, этн.— 146
Марсяты, пос.— 353
Марьина, дер.— 330
Маствиловичи, дер.— 796
Межигорье, с.— 616, 619, 776
Мезень, р.— 15, 44, 64, 144, 284
Меленки, с.— 151
Меря, этн.— 41, 42, 62, 68
Мечерка, р.— 347
Мещера, этн.— 42, 44, 46, 145
Минск (гор., у.) — 15, 76, 368, 565, 640, 784, 803, 809, 810, 811, 813, 814, 816, 817, 828, 830, 831, 833, 834, 835, 836, 837, 857, 861, 862, 863, 864, 865, 873, 890, 891, 893, 895, 905
Минская земля — 784
Минская губ.— 785, 787, 809, 818
Минская обл. — 796, 803, 813, 822, 828, 829, 863, 866, 872, 903
Минусинская котловина — 208
Мир, пос.— 795
Михайлов, гор.— 233, 251
Михайловское, с.— 502
Могилев, гор.— 65, 784, 814, 818, 830, 835
Могилевская губ.— 785, 787, 796, 797, 798
Могилевская обл.— 823, 824, 840, 892
Можайск, гор., р-н — 151, 224, 363, 731
Мозырь, гор.— 806, 809
Мокша, р.— 40
Молдаване, этн.— 23, 24, 25, 48, 54, 66, 71, 95, 583, 592
Молдавская ССР (Молдавия) — 13, 14, 23, 26, 31, 50, 54, 71, 95, 147, 562, 573, 576, 581
Молдавское княж.— 573
Монголоиды, антр.— 29, 33, 36, 41, 59, 60, 61, 65, 67, 68, 69, 70
Монголы, этн.— 70, 499
Мордва, этн.— 22, 23, 24, 25, 42, 44, 86, 90, 246, 540
Мордва-мокша, этн.— 42, 64, 68, 69, 70
Мордва-эрзя, этн.— 42, 69
Мордовская АССР — 14, 24, 88, 155, 260, 261
Мосара, пос.— 89
Москва, гор.— 20, 24, 74, 123, 124, 129, 134, 144, 183, 188, 189, 211, 229, 233, 236, 238, 248, 251, 254, 256, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 350, 351, 354, 357, 359, 585, 636, 637, 640, 685, 773, 810, 814, 862, 887
Москва, р.— 103, 183, 343, 424
Московское великое княж. (царство) — 75, 120, 495
Московская губ.— 20, 134, 135, 160, 163, 184, 185, 186, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 237, 238, 290, 302, 303, 325, 373, 376, 381, 476, 531, 533, 538, 541
Московская обл.— 144, 152, 153, 177, 203, 206, 209, 210, 211, 219, 220, 232, 235, 314, 319, 320, 322, 355, 356, 400, 552
Мошны, с.— 635
Мраморное, с.— 548
Мста, р.— 100
Мстера, пос.— 227, 234, 235, 355, 356, 546, 548, 554, 555
Мурзак-Коба (пещера) — 29
Мурман, геогр.— 269, 270, 273
Мурманск (гор., у.) — 271, 366
Муром, гор.— 27, 151, 183, 363
Мурома, этн.— 42, 44, 62, 68
Мухавец, р.— 809
Мценск, гор.— 363
Мытищи, гор.— 251
Назия, пос.— 353
Нарев, р.— 81
Наро-Фоминск, гор.— 250
Нарочь, оз.— 792, 806, 863
Нахабино, пос.— 356
Находка, порт.— 366
Нева, р.— 15, 272, 362
Невель, гор.— 810
Невинномысск, гор.— 265
Невры, этн.— 38
Невьяновск, гор.— 535
Нежин, гор.— 616, 652
Неман, р.— 15, 27, 39, 42, 46, 65, 81, 103, 792, 798, 809
Немцы, этн.— 46, 48, 583
Неро, оз.— 183
Несвиж (гор., р-н) — 795
Нижегородская губ.— 135, 160, 183, 184, 185, 186, 223, 224, 225, 227, 229, 302, 303, 304, 325, 376, 531, 532
Нижнегородский край — 245, 534
Нижнеднепровский тип, антр.— 66
Нижний Ломов, гор.— 151
Нижний Новгород, гор. см. Горький
Нижний Тагил, гор.— 141, 224, 229, 338, 381, 437, 473, 492, 535
Николаев, гор.— 620, 621, 626, 629, 635, 639, 655, 735, 797
Николаевка-Новороссийская, с.— 723
Николаевская обл.— 592, 610, 722
Никополь, гор.— 15, 621, 624
Новая Земля, о-в — 14
Новая Каховка, гор.— 657
Новгород, гор.— 16, 44, 100, 111, 114, 119, 121, 123, 140, 171, 233, 271, 347, 363, 499, 534, 572, 781
Новгородская губ.— 160, 166, 170, 183, 186, 187, 227, 302, 305, 310, 372 888
Новгородская земля — 46, 47, 105, 118, 125, 134, 304

Новгородская обл.— 61, 91, 144, 152, 204, 353, 553
Новгород-Северский, гор.— 572
Нововолынск, гор.— 657
Новокраматорск, гор.— 624, 730
Новокуйбышев, гор.— 263, 339
Новомосковск, гор.— 251, 352, 582, 652
Новороссийск (гор., р-н) — 15, 248, 265, 366, 735
Новороссийская губ.— 602
Новосибирск, гор.— 342, 346, 357, 358
Новосибирская обл.— 205
Новочеркасск, гор.— 265
Новый Оскол, гор.— 363
Норвегия, гос-во — 91
Норильск, гор.— 345

Область Войска Донского — 145, 167, 184, 272, 305, 309, 465
Область Уральского Казачьего войска — 272
Обухово, пос.— 552
Общий Сырт, возв.— 13
Обь, р.— 267
Овруч, гор.— 636
Огинский канал — 809
Одер, р.— 32
Одесса, гор.— 20, 21, 368, 516, 621, 624, 629, 636, 639, 640, 641, 653, 655, 658, 660, 712, 717, 730, 735, 774, 797
Одесская обл.— 95, 610, 611, 626, 664, 683, 722, 723, 725, 726, 777
Однодворцы, этн.— 143, 145
Озерщино, дер.— 890
Ока, р.— 15, 27, 33, 35, 39, 40, 61, 62, 68, 81, 97, 101, 119, 144, 145, 153, 236, 333, 346, 361, 362
Окско-Донская возвышенность — 13
Оксфорд, гор.— 357
Оленеостровский могильник — 40
Олений о-в — 33
Олонец (гор., р-н) — 241, 472
Олонецкая губ.— 20, 135, 164, 166, 176, 185, 187, 224, 229, 298, 375, 539
Омск, гор.— 260, 338, 516
Омская обл.— 208, 213
Онега, р.— 15, 64, 145, 244, 284
Онежский обводной канал — 362
Онежское оз.— 16, 33, 44, 91, 151, 267, 362
Опашня, с.— 616, 619, 766
Орджоникидзе, гор.— 640
Орел, гор.— 262, 338, 347
Оренбург, гор.— 134
Оренбургская губ.— 20, 167, 174, 184, 187, 243
Оренбургская обл.— 13, 92, 203, 205, 207, 260
Оресса, р.— 800
Орехово-Зуево, гор.— 325, 381, 510
Орешек, гор.— 501
Орлов, гор.— 810
Орловская губ.— 135, 156, 159, 160, 163, 171, 182, 184, 186, 190, 224, 246, 305, 311, 375, 394, 540, 541, 840
Орловская обл.— 26, 144, 150, 153, 205, 206, 209, 212, 285, 524
Орша (гор., р-н) — 809, 813, 829, 832
Острог, гор.— 574
Острогожск, гор.— 579
Остяки, этн.— 42
Ошмяны (гор. у.), — 818, 888

Павлово (гор., р-н) — 141, 229, 245, 261, 325, 354, 378
Павловск, гор.— 423
Палестина — 71
Палех, с.— 235, 355, 545
Пенза, гор.— 233
Пензенская губ.— 135, 159, 160, 184, 205, 224, 302, 303, 305, 311, 375, 394, 422
Пензенская обл.— 92, 144, 145, 152, 153, 155, 317, 397, 552
Переднеазиатская группа, антр.— 59
Передняя Азия — 29, 37, 71
Переславль, гор.— 574, 619
Переяслав-Хмельницкий, гор.— 731
Пермская губ.— 20, 166, 168, 181, 184, 190, 206, 223, 227, 229, 230, 243, 304, 305, 531
Пермская обл.— 89, 144, 152, 233, 260, 340, 397, 399, 548
Пермские финны, этн.— 42, 68
Пермь, гор.— 26, 27, 42, 242, 243, 245, 260, 324, 357
Персия, гос-во — 365
Петербург (Петроград), см. Ленинград
Петербургская губ.— 135, 160, 163, 169, 170, 184, 186, 284, 310, 398
Петриковка, с.— 620, 771
Петровск, гор.— 621
Петрозаводск, гор.— 184
Петропавловск-Камчатский, порт — 366
Петсамо (Печенга), геогр.— 55
Печенеги, этн.— 44, 70
Печора, р.— 15, 27, 29, 42, 44, 64, 284
Печорск, гор.— 583
Пина, р.— 809
Пинега, р.— 44, 64
Пинск (гор., у.) — 784, 809, 818, 829, 891
Пиренейский п-о-в — 38
Пистынь, с.— 616
Племена:
абашевской культуры, арх.— 36
ананьинско-пьяноборской культуры, арх.— 40, 41
городецкой культуры, арх.— 40
древнеямной культуры, арх.— 36
зарубинецкой культуры, арх.— 39
срубной культуры, арх.— 35, 36
трипольской культуры, арх.— 34
тщинецкой культуры, арх.— 35
фатьяновской культуры, арх.— 35, 36
Поволжье, геогр.— 15, 17, 18, 20, 22, 24, 26, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 62, 64, 68, 69, 70, 86, 103, 134, 144, 145, 152, 156, 158, 169, 170, 175, 179, 180, 182, 184, 185, 186, 194, 195, 203, 204, 205, 208, 211, 212, 213, 214, 217, 224, 244, 246, 247, 250, 261, 263, 264, 290, 302, 303, 304, 307, 317, 338, 341, 353, 365, 376, 395, 396, 495, 496, 499, 502, 533, 549
Подвинье, геогр.— 64
Подмосковье, геогр.— 130, 132, 229, 233, 353, 473, 535, 549
Поднепровье, геогр.— 29, 35, 36, 39, 41, 45, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 81, 99, 574, 636
Поднестровье, геогр.— 35, 36, 39

Подолия (Подолье), геогр.— 65, 573, 574, 575, 579, 581, 582, 592, 598, 604, 616, 618, 643, 673, 690
Подольск, гор.— 151, 251
Подольская губ.— 20, 602, 708, 766
Подольские армяне, этн.— 91
Подунавье. геогр.— 32
Покутяне, этн.— 673
Полехи, этн.— 145
Половцы, этн.— см. Кипчаки
Покровск (гор., у.) — 185
Полесский («южнобелорусский») тип, антр.— 65
Полесье, геогр.— 592, 599—601, 602, 605, 614, 619, 626, 633, 636, 640, 642, 645, 646, 647, 648, 650, 655, 668, 669, 685, 759, 792, 796, 809, 818, 879
Полотняный, пос.— 354
Полоцк, гор.— 784, 808, 812, 813, 815, 829, 835, 868, 894
Полоцкая земля, княж.— 44, 103, 118, 784
Полтава, гор.— 363, 633, 635, 640, 658, 666, 720, 730
Полтавская губ.— 20, 596, 601, 602, 603, 604, 616, 618, 623, 633, 643, 650, 651, 667, 669, 677, 766
Полтавская обл.— 592, 610, 626, 668, 676 721, 725, 726, 746, 759, 762
Полуночное, пос.— 353
Польша (Речь Посполитая), гос-во — 17, 25, 29, 34, 39, 44, 45, 46, 50, 51, 52, 55, 67, 71, 74, 118, 146, 305, 311, 574, 576, 577, 578, 580, 581, 583, 584, 592, 597, 784, 797, 864, 886
Поляки, этн.— 25, 46, 48, 66, 118, 573, 669
Поляне, этн.— 44, 103, 104
Поморы, этн.— 55, 145, 373, 496
Поморье, геогр.— 64
Понтийский тип, антр.— 38, 62, 63, 64
Понтийское царство — 38
Попрад, р.— 592
Порозово, дер.— 795
Порхов-Демянск, гор.— 150
Поставы, гор.— 891
Потылиха, слоб.— 330
Пошехонье, геогр.— 230
Правдинск, пос.— 354
Прага, гор.— 685
Предкавказье, геогр.— 31, 244, 247, 250, 265
Предуралье, геогр.— 257
Преображенское, с.— 330
Приазовье, геогр.— 26, 32, 43
Приангарье, геогр. — 165, 181, 464, 481, 490
Приамурье, геогр.— 147
Прибайкалье, геогр.— 490
Прибалтийский край — 18, 39 385
Прибалтика — 15, 20, 22, 24, 33, 35, 36, 39, 46, 50, 51, 54, 55, 147, 305, 307, 311, 313, 385, 512, 637, 797
Приволжск, гор.— 354
Приднепровская возв.— 13
Приднепровье, геогр.— 236, 242, 574, 578, 629
Придонье, геогр.— 244, 248
Приильменье, геогр.— 63, 65, 100
Прикавказье, геогр.— 248
Прикамье, геогр.— 26, 30, 33, 35, 36, 46, 50, 68
Прикарпатье, геогр.— 65, 66
Прикаспийская возв.— 13
Прикаспийская низм.— 15
Прикаспийские степи — 16, 30
Прикубанье, геогр.— 43
Приладожье, геогр.— 103
Прилуки, гор.— 652
Приморский край — 210
Принеманье, геогр.— 103
Прионежье, геогр.— 64, 69
Припять, р.— 34, 81, 103, 792, 811
Приуралье, геогр.— 13, 15, 17, 30, 35, 40, 47, 60, 68, 144, 146, 156 204, 250, 394, 395
Причерноморская возв.— 13
Причерноморская низм.— 13
Причерноморско-Каспийские степи (Причерноморские степи) — 22, 29, 30, 33, 35, 45, 101
Причерноморье, геогр.— 23, 30, 32, 36, 37, 38, 39, 45, 60, 64
Прокопьевск, гор.— 352
Пролетарский, пос.— 354, 355
Протоевропейский тип, антр.— 31, 70
Протоповка, с.— 729
Прошки, дер.— 862
Пружаны, гор.— 796
Пруссы, этн.— 42, 46, 80, 81
Прут, р.— 15, 32, 44, 103
Псков, гор.— 63, 116, 119, 123, 144, 171, 347, 363, 572
Псковская губ.— 20, 159, 163, 170, 171, 186, 240, 284, 305, 310, 372, 888
Псковская земля— 46, 47, 103, 134
Псковская обл.— 144, 154, 253, 322, 353, 524, 862
Псковское оз. — 150
Путивль (гор., у.) — 145, 620
Пшеворская культура, арх.— 39
Пьяный Бор, с.— 41

Радимичи, этн. — 44, 61, 101, 103, 104
Растяпино, пос., см. Дзержинск
Раков, с.— 795, 796
Рахновка, с.— 647
Рацево, с.— 663
Ревда, гор.— 141
Ревель, гор.— 501
Рейн, р.— 32
Речица (гор., р-н)— 829, 888
Решетиловка, пос.— 619, 676, 762
Рига, гор.— 20, 368, 501, 798, 809, 814, 862
Римская империя, гос-во — 38, 71
Римская империя Западная — 43
Римская империя Восточная — 43
Рижский залив— 14, 42
Ровно. гор.— 812
Ровенская обл.— 592, 729, 759
Родня, геогр.— 44, 100
Роман-кош, гора — 15
Ромны, гор.— 582, 635
Россия, Русское гос-во — 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 56, 71, 74. 75, 76, 99, 119, 121, 123, 127, 128, 129, 133, 135, 138, 140, 141, 142, 146, 147, 156, 159, 160, 162, 165, 166, 170, 171,

172, 174, 176, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 187, 191, 207, 210, 214, 223, 229, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 249, 250, 264, 267, 268, 270, 271, 273, 278, 281, 282—284, 287, 298, 299, 304, 305, 307, 311, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 332, 334, 338, 355, 362, 363, 365, 366, 370, 371, 376, 377, 378, 382, 393, 394, 395, 396, 398, 410, 411, 414, 418, 419, 420, 422, 425, 450, 464, 465, 473, 474, 475, 478, 495, 502, 536, 540, 541, 543, 555, 560, 562, 564, 565, 566, 568, 576, 578, 579, 581, 582, 583, 584, 586, 587, 588, 596, 597, 598, 604, 613, 620, 621, 622, 623, 624, 633, 634, 635, 636, 639, 711, 713, 726, 736, 743, 745, 764, 781, 784, 785, 796, 798, 799, 809, 810, 811, 852, 857, 866, 881, 885, 894
Россия Азиатская— 21
Российская империя — 16, 48, 621, 711, 896
Роставица, р. — 648
Ростов, гор.— 538, 541, 572, 636, 640
Ростов-на-Дону, гор.— 264, 265, 342, 346, 347, 348, 357
Ростово-Суздальская земля — 120
Ростовская обл.— 23, 74, 203, 205, 207, 209, 213, 215, 216, 247, 292, 294, 296, 297, 315, 320, 355
Ростов-Ярославский, гор. — 229, 233, 536
Ростокино, с.— 330
Рось, р.— 100
РСФСР — 13, 14, 19, 24, 33, 51, 52, 54, 55, 145, 147, 197, 203, 207, 208, 211, 212, 214, 217, 219, 220, 266, 291, 296, 338, 351, 352, 353, 354, 357, 392, 418, 430, 436, 446, 449, 455, 456, 458, 481, 546, 628, 629, 636, 737
Рубежанск, гор.— 624
Рубцовск, гор.— 339
Рудничный пос.— 353
Румыния, гос-во — 25, 52, 597
Румыны, этн.— 25, 66, 71, 759
Русские, этн.— см. раздел «Русские» и стр.: 21, 22, 23, 24, 25, 44, 46, 47, 48, 49, 56, 86, 117, 572, 573, 576, 583, 592, 601, 606, 614, 615, 623, 628, 633, 743, 746, 748, 780, 782, 783, 784, 799, 811, 813, 839, 840, 880, 881, 882, 894
Русское Устье, с.— 146, 496
Русскоустинцы, этн.— 146
Русы (росы), этн.— 100
Рыбинск (гор., р-н) — 252
Рыбинское водохранилище — 16
Рыбная Слобода, с.— 229, 536
Рясы, гор. — 363
Рязанская губ.— 113, 135, 159, 160, 169, 172, 180, 181, 185, 186, 224, 226, 227, 229, 237, 302, 303, 305, 311, 375, 382, 391, 464, 476, 538, 539, 541, 543
Рязанская обл — 144, 145, 150, 153, 155, 211, 233, 285, 286, 314, 317, 320, 322, 355, 391, 481, 551, 554, 555, 556
Рязанский тип, антр.— 64
Рязанское княж.— 44, 118
Рязань, гор.— 20, 108, 112, 119, 144, 151, 325, 363, 572

Саамы (лопари), этн.— 24, 30, 40, 69, 85, 86, 91
Саламанка, гор.— 357
Самара, гор.— см. Куйбышев
Самарская губ.— 158, 159, 163, 167, 172, 174, 185, 187, 247, 304, 307, 393, 430, 503
Самарская Лука — 262
Самодийцы, этн.— 36
Самоядь (ненцы), этн.— 42, 44
Сан, р.— 592
Саранск, гор.— 262
Саратов, гор.— 144, 246, 263, 338, 357, 365
Саратовская губ.— 158, 159, 163, 184, 185, 187, 223, 226, 227, 247, 305, 422
Саратовская обл.— 23, 68, 92, 145, 152, 153, 155, 202, 203, 205, 206, 207, 209, 216, 219
Сарема, о-в — 14
Саркел (Белая Вежа), гор.— 44
Сарматы, этн. — 38, 39, 41, 43, 99
Саяны, этн.— 145
Свенская ярмарка (Брянск) — 134
Свердловск, гор.— 15, 29, 257, 338, 357, 485, 548
Свердловская обл.— 89, 144, 206, 233, 259, 261, 281, 487
Свидерская культура, арх.— 29, 31
Свирь, р.— 253, 362
Свислочь, р.— 782
Святогорск, гор.— 652
Севастополь, гор.— 516, 658, 725, 730
Север Европейской части СССР — 16, 28, 41, 63, 125, 145, 146, 156, 171, 186, 203, 205, 206, 207, 208, 214, 245, 254, 270, 277, 278, 281, 287, 290, 302, 310, 316, 344, 353, 357, 363, 365, 372, 382, 385, 392, 393, 395, 396, 398, 401, 412, 414, 470, 472, 499, 502, 531, 533, 534, 537, 539, 540, 543, 554, 562
Северная Двина, р.— 14, 15, 33, 42, 63, 100, 185, 239, 244, 277, 284, 362
Северное море — 59
Северный Кавказ, геогр.— 13, 14, 17, 22, 31, 32, 40, 44, 47, 69, 151, 153, 169, 175, 177, 185, 186, 195, 203, 206, 211, 213, 214, 216, 217, 247, 265, 285, 287
Северный Ледовитый океан — 28, 267, 368
Северный морской путь — 368
Северо-восточная Русь — 61
Северо-Двинская система — 362
Северодонецк, гор.— 657, 730
Северо-Западные губернии (край) — 63, 203, 206, 217, 236, 240, 250, 252, 253, 360, 376
Североиндийский тип, антр.— 71
Северокавказские племена бронзового века — 36
Северо-Осетинская АССР — 14
Северский Донец, р.— 29, 634, 637, 652, 722
Северяне, этн.— 44, 61, 101, 103, 104
Севск, гор.— 363
Сейм, р. — 39, 81, 101, 103, 145
Селигер, оз.— 267, 269
Селище, с.— 463
Селы, этн.— 81, 82
Семенов (гор., р.-н, у.) — 223, 238, 261, 376, 546
Семеновское, с.— 330
Семипалатинская обл.— 161
Семиреченская обл. — 161
Сербы, этн.— 66, 583, 592
Сергач, гор.— 151

Сердобск, гор.— 151
Серноводск, курорт — 355
Серпухов, гор.— 121, 265, 325, 355
Сибирь, геогр.— 17, 18, 19, 21, 23, 24, 29, 30, 37, 47, 49, 54, 61, 69, 100, 122, 128, 131, 134, 146, 147, 155, 156, 160, 161, 165, 167, 168, 170, 182, 186, 187, 195, 203, 205, 208, 209, 211, 213, 214, 217, 222, 227, 245, 250, 267, 277, 278, 280, 281, 284, 285, 287, 294, 298, 300, 307, 309, 310, 313, 316, 338, 352, 354, 356, 363, 366, 371, 377, 382, 389, 390, 392, 395, 396, 398, 411, 412, 414, 417, 464, 481, 484, 496, 499, 562, 597, 806
Сибирь Восточная, геогр. — 30, 146, 147, 181, 205, 214, 250, 285, 374, 377
Сибирь Западная, геогр.— 19, 23, 134, 146, 147, 161, 167, 187, 189, 191, 203, 205, 212—214, 285, 377
Симбирск, гор.— 184, 246
Симбирская губ.— 158, 160, 163, 172, 184, 185, 247, 304, 393
Симоново, слоб.— 330
Симферополь, гор.— 368, 635, 637, 640
Синьково, с.— 233
Синявка, дер.— 796
Скидель, пос.— 803
Скифия, геогр.— 38
Скифы, этн.— 36—38
Склавены, этн.— 41, 99
Сколоты, этн.— 37
Скопин (гор., р-н) — 229, 235, 538
Славия, геогр.— см. Новгород
Славяне, этн. см. раздел «Русские» и стр.: 39, 41, 43, 45, 99, 100, 104, 733
Славянск, гор.— 652
Словаки, этн.— 66, 746, 759
Словене, этн.— см. Ильменские словене
Словенцы, этн.— 66, 394
Слоним, гор.— 781, 891
Случь, р.— 103
Смоленск, гор. — 104, 184, 347, 363, 572, 810, 814
Смоленская губ.— 20, 135, 156, 163, 184, 187, 224, 229, 240, 284, 302, 305, 307, 310, 376, 394, 477, 540, 840, 886
Смоленская земля, княж.— 103, 110, 118, 134, 305, 784
Смоленская обл.— 144, 204, 210, 322, 353, 449, 524, 555
Снов, гор.— 830
Снятин, гор. — 642
Сож, р.— 39, 101, 103, 832
Соколовка, с.— 647
Солигорск, гор.— 813, 835
Соликамск, гор.— 134, 260
Соловецкие о-ва — 14
Солотча, курорт — 355
Сольвычегодск, гор.— 277, 536
Сормово, гор.— 245, 261, 363, 381, 425
София, гор.— 685
Спасск-Рязанский, гор.— 151
Споровское оз.— 792
Средиземно-балканская группа, антр.— 59, 66
Средиземное море — 596
Средиземноморье, геогр.— 29, 32, 59, 635
Среднеднепровская культура, арх.— 34
Среднеевропейские пастушеские племена — 38
Среднерусская возв.— 13
Срубная культура, арх.— 35
СССР, геогр.— 13, 14, 19, 21, 27 — 29, 52, 54—58, 75, 85, 91, 147, 205, 207, 216, 254, 258, 260—262, 264, 274, 283, 324, 338, 352, 384, 401, 453, 490, 511, 568, 609, 626, 628, 629, 631, 636, 637, 639, 718, 727, 736 — 738, 785, 802, 813, 852, 859, 862, 893
СССР (Азиатская часть) — 13, 24, 254
Ставрополь, гор.— 232, 263, 265
Ставрополье, геогр.— 214, 294, 296, 306
Ставропольская возв.— 15
Ставропольская губ.— 163, 167, 185, 305
Ставропольский край — 13, 205, 207, 209, 213, 216, 247, 265, 320, 552
Станислав, см. Ивано-Франковск
Станиславская обл., см. Ивано-Франковская обл.
Старая Вичуга, пос.— 354
Старая Ладога, гор.— 44, 101, 102
Старая Русса, гор.— 121
Старожильческое население Сибири, сибиряки — 377
Старообрядцы—382, 390, 412, 461, 469, 472
«бухтарминцы» — 146
«каменщики» — 146
«кержаки» — 146, 381
«поляки» — 146, 156
«семейские» — 146, 156, 390, 412, 457, 464
Староселье (пещера) — 26
Стекольный, пос. — 354
Столбцы, гор.— 888
Стрельня, гор.— 423
Субботово, гор.— 580
Сублапоноидный тип («вятско-камский»), антр.— 68—70
Субуральский («средневолжский») тип, антр.— 69, 70
Сувалки, гор.— 81
Сувар, гор.— 43
Суздаль, гор.— 100, 119
Сула, р.— 101
Сумская губ.— 616
Сумская обл.— 576, 592, 626, 722, 759
Сумы, гор.— 579, 629, 640, 765
Сумь, этн.— 42
Сура, р.—35, 40
Сутковцы, пос.— 575
Сухона, р.— 44, 64
Сущево, с.— 330
США, гос-во — 18, 25, 236, 598, 628
Сызрань, гор.— 262, 263, 365
Сыктывкар, гор.— 254
Сыр-Дарья, р.— 147
Сыр-Дарьинская обл. — 161
Сычевка, с.— 151

Таврическая губ.— 677, 702
Тавры, «тавроскифы», этн.— 38
Таганрог, гор.— 265
Таганчанск, гор.— 620
Таджикская ССР (Таджикистан) — 54
Таллин, гор.— 368
Тамань, геогр.— 103
Таманский п-ов — 44
Тамбов, гор.— 184, 262, 325, 363, 365
Тамбовская губ.— 135, 156, 159, 160, 172, 181, 246, 305, 307, 311, 375, 394, 464, 538, 539, 543

Тамбовская обл.— 92, 144, 145, 153, 206, 210, 220, 262, 294, 320, 449, 491, 511
Таруса, гор.— 233, 383, 385
Татаро-монголы, этн.— 44, 45, 118, 783
Татарская АССР (Татария) — 14, 41, 89, 92, 262
Татары, этн.— 22—25, 45, 48, 54, 70, 71, 91, 118, 246, 317, 376
Татары крымские — 46, 501
Таштагол, пос.— 353
Тбилиси (б. Тифлис), гор.— 685
Тверская губ.— 156, 159, 177, 184, 187, 223, 224, 227, 228, 237, 240, 298, 325, 376, 417, 422, 464, 471, 539—541
Тверская земля — 47
Тверские карелы, этн.— 47
Тверь, гор., см. Калинин
Телеханы, пос.— 795
Тельбес, пос.— 353
Терек, р.— 15, 145, 306, 313, 496
Тернопольская обл. — 592, 759
Тернополь (гор., р-н) — 618, 642, 658
Терская обл.— 145, 167, 305, 309
Тиверцы, этн.— 44, 101, 103, 104, 110
Тиссагеты, этн.— 38, 40
Тихвин, гор.— 68
Тихвинская водная система — 362
Тмутараканское княж.— 44, 101
Тобольск, гор.— 230, 235
Тобольская губ.— 161, 164, 227, 414
Томск, гор.— 232, 357
Томская губ.— 190, 227
Торки, этн.— 118
Торец, р.— 592
Торжок, гор.— 227, 363, 540, 555, 556
Трансильвания, геогр.— 579
Триполье, с.— 31, 725
Трипольская культура, арх.— 31
Трускавец, гор.— 723
Тула, гор.— 16, 169, 229, 232, 241, 280, 363, 541
Тульская губ.— 135, 156, 159, 163, 172, 175, 184, 186, 217, 224, 229, 237, 305, 311, 373, 375, 422, 476, 540, 541, 544
Тульская обл.— 144, 153, 322, 355
Турбаи, с.— 725
Турки, этн.— 46, 71, 501, 573
Туркменская ССР (Туркмения) — 27, 52, 54
Турово-Пинская земля — 73, 118 784
Турция, гос. — 46, 573, 581, 583
Тучково, пос.— 356
Тшцинецкая культура, арх.— 34, 36
Тюмень, гор.— 232
Тюменская обл. — 205

Угры, этн.— 36, 39—42, 60, 68, 85, 86, 101, 573
Угры Приуралья, этн.— 68
Угры южные, этн. — 68
Удмуртская АССР (Удмуртия) — 14, 68, 89, 90
Удмурты, этн.— 22, 23, 25, 42, 46, 54, 68—70, 86, 89, 90, 371
Удорцы, этн.— 69
Уж, р.— 592
Ужгород, гор.— 616, 629
Узбекская ССР (Узбекистан) — 52, 54
Уймон, р.— 146
Украинская ССР (Украина), см. раздел «Украинцы» и стр.: 13, 14, 16—18, 20, 22—25, 29, 31, 50—55, 65, 71, 72, 75, 124, 129, 134, 145, 147, 151, 188, 236, 247, 285, 306, 307, 311, 364, 394, 395, 496, 505, 785, 885, 809, 811
Украина Закарпатская — 19, 25, 48, 55
Украина Западная — 15, 17, 52, 740
Украина Левобережная — 29, 32, 48, 582, 620, 621, 633, 648, 666, 668, 669, 690, 711, 764
Украина Правобережная — 34, 629, 633, 648, 651, 666, 668, 711, 740, 764
Украина Слободская — 65, 66, 617, 620, 643, 648, 650, 666
Украинские «полещуки», этн.— 65
Украинцы, эгн., см. раздел «Украинцы» и стр.: 22 — 25, 44, 47—49, 54, 55, 65, 66, 1, 72, 75—77, 117 — 119, 130, 133, 146, 147, 246, 247, 340, 394, 395, 412, 416, 565, 782 — 784, 794, 811, 840, 878, 879
Уктус, с.— 331
Уланова гора, дер.— 463
Уличи, этн.— 44, 103, 110
Ульяновск, гор.— 338
Ульяновская обл.— 152, 206, 320
Умань, гор.— 629, 636, 640
Унжа, р.— 284
Унгены, гор.— 637
Упа, р.— 361
Урал, геогр. — 15, 19—21, 27—30, 32, 33, 35, 36, 38, 42, 133, 134, 152, 168, 175, 181, 190, 203, 204, 208, 211, 212, 214, 224, 227—230, 236, 240—246, 248, 250, 258, 260, 264, 267, 324, 325, 331, 336, 338, 353, 381, 382, 390, 395, 396, 412, 436, 437, 473, 477, 496, 502, 536, 548, 549
Урал, р.— 271, 272
Урало-лапоноидная группа, антр.— 59, 60, 62, 63, 65, 68
Уральская обл.— 161, 167, 258
Уральские горы — 13, 15, 85
Уральский тип, антр.— 41, 68, 69
Уршельский, пос.— 354
Устькаменогорск, гор.— 146, 339
Уфа, гор. — 16
Уфимская губ.— 158, 167, 184, 187, 190, 243
Ухта, гор. — 254, 353

Фатьма-Коба (пещера)— 29
Фатьяновская культура, арх.— 35
Фаянсовый, пос.— 354
Федоровка, пос.— 636
Федоскино, с. — 230, 235, 535, 545
Ферганская обл. — 161
Финляндия, гос-во — 17, 35, 36, 40, 46, 48, 52, 55, 91
Финны (финны-суоми), этн.— 25, 36, 39—41, 46, 48, 68, 69, 85, 101
Финский залив— 14, 30, 42, 46, 47, 88, 103
Фракийцы, этн.— 37, 41, 60, 71
Франция, гос-во — 25, 105, 140, 242, 541, 562, 598, 625, 626, 834

Хабаровский край — 346
Хазарский каганат — 43, 44, 69
Хазары, этн.— 69

Ханты, этн. — 42, 47, 69, 85
Харьков, гор.— 20, 21, 326, 346, 365. 368, 566, 579, 585, 619, 621, 623, 624, 626, 629, 635, 636, 640, 652, 653, 655, 658, 659, 666, 713, 719, 722, 725, 729, 735, 773, 776
Харьковская губ.— 596, 602, 604, 616, 618, 623, 633, 668, 702, 710, 733
Харьковская обл.— 576, 592, 759
Херсон, гор.— 584, 620, 629, 635, 636, 639, 723, 797
Херсонская губ.— 602, 604, 648, 651, 677, 702, 710
Херсонская обл.— 592, 719, 731
Хибинская тундра — 13
Хибины, г.— 253
Хиума, о-в — 14
Хмельницкая обл.— 664, 720, 724, 725, 731, 759
Холмогоры, с.— 121, 230, 235, 537, 550
Холуй, пос.— 235, 355, 546
Хомутец, с.— 616
Хопер, р. — 144, 145
Хорваты, этн.— 66, 104
Хатанга, р.— 147
Хотьково, гор.— 232, 235, 551
Хохлома, с.— 232, 355, 534
Хуст, гор.— 616

Царица, р. — 347
Царицын, гор., см Волгоград
Цекиновка, с.— 726
Центральновосточноевропейский («волго-окский») тип, антр.— 64
Центральноевропейский тип, антр.— 67
Центральноукраинский тип, антр.— 65, 66
Цесарская слоб.— 666
Цна, р. — 40, 68
Цыгане, этн.— 25, 48, 71, 72
Цюрли, дер.— 828

Чадыр-Лунг, гор.— 95
Чебоксары, гор.— 261
Челябинск, гор.— 232, 258, 338, 342
Челябинская обл.— 93, 144
Чембар, гор.— 151
Червоноград, гор.— 657
Черемисы, этн.,— см. марийцы
Черемхово, гор.— 339
Череповец, гор.— 233, 252, 254
Черкассы (гор., р-н) — 574, 627, 640, 723
Черкасская обл. — 625, 664, 698, 758
Черкизово, с.— 330
Чернигов, гор.— 100, 572. 627, 629 636, 652, 655, 658, 719
Черниговская губ.— 159, 184, 190, 596, 598, 601, 602, 604, 616, 618, 643, 677, 712, 766
Черниговская обл.— 26, 592, 718, 759
Чернигово-Северская земля — 573, 574, 576
Черниговское княж., земля — 118, 120, 784
Черновицкая обл.— 592, 701, 728, 759
Черновицы, гор. — 629, 652
Черное море — 13, 15, 16, 27, 29, 35, 38, 44, 66, 103, 133, 583, 596, 618, 634, 635, 636, 724
Черноморское побережье Кавказа — 285
Чернявка, дер.— 796
Чехи, этн.— 66, 759
Чехия, гос.— 45, 66
Чехословацкая республика (Чехословакия) — 55, 510, 597
Чечено-Ингушская АССР — 14
Чеченцы, этн.— 55, 146
Чечерск, гор.— 830
Чистяков, гор.— 730
Чоп, гор.— 637
Чуванцы, этн.— 147
Чуваши, этн.— 22—25, 46, 54, 70, 91, 246, 317
Чувашская АССР (Чувашия) — 14, 36, 92, 260, 261, 726
Чудское оз.— 16, 42, 44, 88, 100, 103, 155
Чудь, этн.— 42, 44, 47, 60, 61, 63, 104
Чусовая, р.— 27, 33

Шара, р.— 809
Шарташ, с.— 331
Шатурторф, пос.— 353
Шать, р.— 361
Шахтерское, гор.— 657
Шацк (гор., у.) — 151, 539
Шведы, этн.— 46
Швеция, гос-во — 46, 47, 91
Шексна, р.— 100, 362
Шишаки, с.— 647
Шпитьки, с.— 664, 665
Шуя, гор.— 141, 355, 365, 546

Щигры, дер.— 551

Эвенки, этн.— 147
Экибастуз, пос.— 260
Эльба, р.— 32, 34, 41
Эльтон, оз.— 134
Эстии, этн.— 39
Эстонская ССР (Эстония) — 13, 14, 23, 33, 35, 36, 46, 50, 52, 54, 61, 67, 68, 88, 91, 253
Эстонцы, этн.—22—25, 46, 48, 61, 68, 69, 133

Юг, р. — 44
Юго-Западная Русь — 575
Югославия, гос-во — 25, 66
Южносибирский тип, антр.— 68, 70
Южный Сахалин — 210
Юзовка, гор.— 653
Юкагиры, этн.— 147
Юрьев (Тарту), гор. — 44

Яик, р.— 47, 146, 496
Яковлево, пос.— 353
Якутская АССР (Якутия) — 156
Якуты, этн.— 377
Якутяне-русские на р. Лене — 147
Ялта, гор.— 368, 637
Ямочно-гребенчатой (ямочно-зубчатой) керамики культура, арх. — 33, 35
Япония, гос-во — 51, 625
Яранка, р.— 89
Ярославль, гор.— 104, 244, 251, 252, 259, 324, 366, 368, 538
Ярославская губ.— 134, 135, 159, 160 169, 180, 182, 185, 186, 224—227, 230, 240, 290, 298, 303, 304, 325, 365, 372, 531, 541
Ярославская обл.— 144, 152 204, 286, 304, 320, 449
Ясельда, р.— 809
Ятвяги, этн. — 44
Яуза, р. — 343

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Принятые сокращения

АПН — Агентство печати «Новости».
БГИКМ — Белорусский государственный историко-краеведческий музей
ВЭО — Вольное экономическое общество
ГГИКМ — Гродненский государственный историко-краеведческий музей
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЛМ — Государственный литературный музей
ГМШ — Государственный музей Т. Г. Шевченко
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ГРМ — Государственный русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
дер.— деревня
ДМШ — Дом-музей Т. Г. Шевченко
ЗИХМЗ — Загорский историко-художественный музей-заповедник
ИАСАСиА — Институт архитектуры сооружений Академии строительства и архитектуры Украинской ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИФЭ — Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР им. М. Ф. Рыльского
ИИЭФ — Институт искусствоведения, этнографии и фольклора БССР
ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая
КГИМ — Киевский государственный исторический музей
КГМРИ — Киевский государственный музей русского искусства
КГМТИ — Киевский государственный музей театрального искусства
КГМУИ — Киевский государственный музей украинского искусства
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
МИРМ — Музей истории и реконструкции г. Москвы
МИКМ — Минский историко-краеведческий музей
МНТ — Музей народного творчества
МОМ — Московский областной музей
НИИХП — Научно-исследовательский институт художественной промышленности
оп.— опись
пл.— пленка
РАТАУ — Телеграфное агентство Украины
с.— село
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ЦГА — Центральный государственный архив УССР
ЦДНТ — Центральный дом народного творчества УССР
УГМЭиХП — Украинский государственный музей этнографии и художественных промыслов (г. Львов).
х.— хутор

В. И. Ленин, портрет Н. А. Андреева, 1920—1921 гг. (Центральный музей В. И. Ленина) . . . . 16—17
Плотность населения Европейской части СССР, карта (составили С. И. Брук, Я. Р. Винников, В. И. Козлов) . . . . 20—21
Племена и народы Восточной Европы в VI в., карта (по карте «Европа и Азия в VI в.» Н. Я. Мерперта и А. П. Левандовского. «Очерки истории СССР III—IX вв.». М., 1958, вклейка, стр. 104—105) 43

Племена и народы Восточной Европы в IX—X вв., карта (по карте «Европа и Азия в IX в.» Б. А. Рыбакова и А. П. Левандовского. «Очерки истории СССР III—IX вв.». М., 1958, стр. 784—785) 45
И. И. Шишкин. «Рожь», 1878 г. (ГТГ, фототека, № 30) . . . . 56—57
Г. Г. Нисский. «Перед Москвой. Февраль», 1957 г. (ГТГ, фототека № 57596) 56—57
Девушка из племени вятичей (реконструкция М. М. Герасимова, фонды МИРМ, № 268) 62
Перынь — святилище Перуна на берегу оз. Ильмень (по реконструкции В. В. Седова). (М. Рабинович, Г. Латышева. «Из жизни древней Москвы». М., 1961, стр. 181) 102
Древнерусская домница по реконструкции Б. А. Колчина («Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Труды ГИМ, вып. 33, М., 1959, стр. 115) 107
Типы жилищ: *1* — срубное — дом из Старой Рязани по реконструкции М. В. Городцова (А. Л. Монгайт. «Старая Рязань». М., 1955, стр. 41), *2* — полуземлянка из Старой Рязани по реконструкции А. Л. Монгайта (А. Л. Монгайт. «Старая Рязань». М., 1955, стр. 55) 108
Небольшой русский город в XII в. Москва (реконструкция М. Г. Рабиновича). (М. Рабинович, Г. Латышева. «Из жизни древней Москвы». М., 1961, стр. 181). 109
Большой русский город XIII в. Рязань (реконструкция А. Л. Монгайта, рис. М. Мечева). . . . . 112—113
Мужская одежда XII в. (рисунок из псковской рукописи). («История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 234). 114
Народы и государства Восточной Европы в XII — начале XIII в., карта (по карте «Народы и государства на территории СССР в XII — начале XIII в. и татаро-монгольское завоевание». «Очерки истории СССР», IX—XIII вв. М., 1953, Приложение, карта № 8) 117
Русское государство и его соседи в конце XV — первой половине XVI в. (до 1551 г.), карта. («Очерки истории СССР», XIV—XV вв., М., 1953, Приложение, карта № 1). 120
Пахота, боронование и сеяние (по миниатюре летописи XVI в. «Очерки по истории русской деревни». Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 27) . . 122
Усадьба боярина в Москве XVI в. (двор окольничего Михаила Васильевича Собакина). (В. И. Ламанский, «Сборник чертежей Москвы и г. Пскова», лист XVII, фототека ГИМ, № 64521). 123
Усадьба зажиточного ремесленника-гончара XVII в., владельца крупной мастерской в Московской гончарной слободе, середины XVII в. (Реконструкция М. Г. Рабиновича и В. М. Городцова) (фототека ГИМ, № 85339) 124
Вид русской деревни в XVII в. (по рисунку из альбома А. Мейерберга, архив МИРМ, № 269). 125
Церковь в с. Кондопоге, XVII в. (фото В. К. Плотникова, личный архив) . 126
Церковь в Кижах, XVIII в. (фото В. К. Плотникова, личный архив) . . . 127
Крутицкий теремок в Москве 1694 г. Строитель О. М. Старцев («История Москвы», т. I, ч. 2, М., 1952, стр. 634) 129
На гумне (с картины А. Г. Венецианова, ГТГ) 131
Горнозаводский поселок — Невьянский завод на Урале, начало XVIII в. с современной гравюры (фототека ГИМ, № 28519) 134
Помещичья усадьба. Вид Зобнина — поместья Ф. И. Колычева в Тверской губ., с картины крепостного художника Е. Федорова, конец XVIII в., копия 1857 г. (фототека ГИМ, № 55340) 137
Женская крестьянская одежда начала XIX в. (с картины А. Г. Венецианова «На пашне», 1820 г., ГТГ) 139
Диалекты русского языка, карта-схема (составили Т. А. Сумникова и О. Н. Мараховская). 149
Предметы крестьянского обихода XIX в.: *1* — деревянный резной календарь, Тобольская губ. (фонды МАЭ, № 594), *2* — деревянный безмен, Олонецкая губ., 1899 г., (фонды МАЭ, № 504-18) 164
Сохи и косули: *1* — соха двухсторонка коловая, реконструкция, Невельский р-н Великолукской обл., 1953 г. (архив ИЭ, Русская экспедиция, западный отряд, 1953 г., оп. «Западная», пл. 5, № 1,4), *2* — соха коловая с низким прикреплением тяговой силы, западные губернии (архив ИИЭФ, 1953 г., кат. А-1, № 295), *3* — соха-односторонка с брылой, Нолинский уезд, Вятской губ. («Материалы по статистике Вятской губ.», т. V, Нолинский уезд, Вятка, 1889, г., стр. 56, рис. 1 или Г. В. Фирстов. «Грубые пахотные орудия восточной полосы России», «Записки Казанского экономического общества», Казань, 1854 г., ч. II, кн. 6, табл. 6, фиг. 2 или 3), *4* — «курашимка» — однорадьная усовершенствованная соха, Пермская губ. 1884 г., («Земледельческая газета», 1884 г., № 50, декабрь, стр. 1068, фиг. 77, кунгурский сабан), *5* — ярославская косуля,

Ярославская губ., 1853 г., (Г. В. Фирстов. «Грубые пахотные орудия восточной полосы России», «Записки Казанского экономического общества», ч. III, кн. 9, сентябрь 1854 г., табл. 7, фиг. 28) 168
Рала и плуги: *1* — рало трехзубое, деревянное, конец XIX в., Кубанская обл., Краснодарский музей (архив ИЭ, Русская экспедиция, 1954 г., южный отряд, оп. 160, пл. 9, № 4), *2* — рало многозубое, Саратовская губ., 1853 г. (Г. В. Фирстов. «Грубые боронильные орудия восточной полосы России», «Записки Казанского экономического общества», Казань, 1854 г., ч. III, кн. 10, табл. 8, фиг. 7), *3* — плуг деревянный тяжелый «малороссийский», конец XIX в. Кубанская обл., Краснодарский музей (архив ИЭ, Русская экспедиция, 1954 г., Южный отряд, оп. 160, пл. 9, № 1), *4* — плуг любанский Денисова, Любанская волость Новгородского уезда и губ. («Земледельческая газета», 1884 г., январь, № 3, стр. 49, фиг. 6) 169
Бороны деревянные: *1* — плетеная, или вязаная, Онежский уезд Архангельской губ., 1910 г. (фонды ГМЭ, № 2637-70), *2* — рамочная, с деревянными зубьями, Вязниковский уезд Владимирской губ., 1914 (фонды ГМЭ, № 3367-69). 173
Орудия уборки: *1* — серп, Архангельская губ., 1923 г. (фонды МАЭ, № 2911-194), *2* — коса, Енисейская губ., 1904 (фонды ГМЭ, № 681-68), *3* — коса австрийская русской формы («Земледельческая газета», 1888 г., № 22, стр. 436, рис. 33), *4* — горбуша, Архангельская губ., 1906 г., (фонды МАЭ, № 1036-443), *5* — коса с крюком, Тульская губ. (Труды ВЭО, ч. II, 1766 г., табл. IV), *6* — лобогрейка (Ю. А. Вейс. «Косилки, жатки и сноповязалки. Описание их устройства и обращения с ними». СПб., 1912 г., стр. 33, рис. 37) 175
Способы укладки и безогневой сушки снопов: *1* — бабка, Олонецкая губ., 1927 г. (архив ИЭ, № И-1228-215), *2* — суслон, Олонецкая губ., 1927 г. (архив ИЭ, № И-1228-695), *3* — крестцы, Орловская губ., 1904 г. (фонды ГМЭ, № 759-8), *4* — сушка ячменя на косо поставленных жердях, Олонецкая губ., 1927 (архив ИЭ, № И-1228-737), *5* — сушка овса на плетне, Олонецкая губ., 1927 г., (архив ИЭ, № И-1228-742), *6* — сушка снопов на специальных приспособлениях, Олонецкая губ., 1927 г. (архив ИЭ) 176
Овины и шиши: *1* — верховой овин, Костромская губ. (архив ИЭ № И-1323-8), *2* — шиш, Московская обл., 1930 г. (К. Соловьев, «Жилище крестьян Дмитровского края». М., 1930, стр. 161), *3* — ямный овин, Тверская губ., 1926 г. («Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края», 1926 г., стр. 166), *4* — разрез ямного овина, Московская обл., 1930 г. (К. Соловьев. «Жилище крестьян Дмитровского края». М., 1930 г., стр. 172). 177
Молотьба: *1* — молотьба-стернование, хлестание о стойку, 1901 г., Московская губ. (архив ИЭ № И-1797-7), *2* — молотьба хлеба цепами, Орловская губ., Севский уезд, с. Кропотово, 1904 г. (фонды ГМЭ, № 7592 14а), *3* — молотьба валом с «кулаками» — спицами, Владимирская губ., 1914 г. (фонды ГМЭ, № 3307-85) 178
Веяние лопатой. Московская губ., 1901 г. (архив ИЭ, № И-1797-3) 179
Гумна: *1* — гумно с овином, Ярославская губ., 1915 г., *2* — гумно с ригой внутри, Ленинградская губ., 1926 г. (архив ИЭ, № И-1228-854), *3* — ток для молотьбы и некрытая половня, Рязанская губ., 1910 г. (фонды ГМЭ, № 2177-21), *4* — клуня-рига, Воронежская губ., 1927 г. (фонды ГМЭ, № 5258-23). 180
Амбары: *1* — срубный, Вологодская губ., 1911 г. (архив ИИМК, № 0-727-72), *2* — срубный, обмазанный глиной, Курская губ. (архив ГМЭ, № 2187-19) 181
Мельницы: *1* — ветряная (стержневая), Ярославская губ., 1912 г., (фонды ГМЭ, № 2582-13-в), *2* — ветряная-шатровая, Орловская губ., 1907 г. (архив ИЭ, 1621-16), *3* — водяная-колесчатая, Костромская губ., 1915 г. (фонды ГМЭ, № 3584-44), *4* — водяная-мутовка, Казахстан, 1927 г. (фонды ГМЭ, № 5573-35) 182
Типы ульев: I — колодные ульи: *1* — Алтайский край, 1914 г., (архив ИЭ, № 2354-256), *2* — Южный Урал, 1914 г. (архив ИЭ, № И-1797-58), II — рамочный улей, Ленинградская губ., 1925 г. (архив ИЭ, № И-1228-390) 190
Химическая прополка кукурузы с самолета. Саратовская обл., 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 380020) 204
Обмолот льна в колхозе «Большевик» Ляховского р-на Владимирской обл., 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 492252). 205
Теплица для выращивания огурцов в гравийном грунте. Московская обл., 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 435969) 207
Машинная сортировка картофеля. Ленинградская обл., 1961 г. (фотохроника ТАСС, Лен. отд., № А-26919) 208

Опыливание виноградников ядохимикатами с вертолета. Краснодарский край, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 522230) 209
Культивация междурядий в саду. Краснодарский край, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 406258). 210
Дойка коров на установке «елочка». Ленинградская обл. 1962 (фотохроника ТАСС, Лен. отд., № А-27598) 212
Строительство механизированного доильного зала карусельского типа в колхозе «Ермак». Омская обл., 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 513741) . . 213
Электрокормораздатчик на птицеферме в целинном совхозе Североказахстанской обл., 1961 г. (фотохроника ТАСС, Лен. отд., № Б-7781) . . . 214
Пасека в совхозе. Ростовская обл., 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 408222) 215
Межколхозная гидроэлектростанция и шлюз, 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 448743). 217
Центральная ремонтная мастерская целинного зерносовхоза в Кустанайской обл., 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 428842) 219
В цехе ремонта двигателей Костромского межрайонного отделения «Сельхозтехники», 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 532617) 220
Мастерская кустаря-резчика. С. Боголюбово, Владимирская губ., начало XX в. (фототека МАЭ, фонды Музея народов СССР, кол. I, № 552). . . 225
Витье веревок. Орловская губ., Дмитриевский уезд, 1907 г. (фототека МАЭ, № И-1621-18) 226
Вертикальный ткацкий стан для ковроткачества. Канашинская ковроткацкая фабрика, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 472031). 227
Странствующий жестянщик. Южный Урал, 1914 г. (фототека МАЭ, № И-1797-63) 228
Мастера хохломской росписи Н. Г. Подогов и Ф. А. Бедин за работой. Фабрика «Хохломская роспись», Горьковская обл., г. Семенов, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 421303). 231
Цех резьбы по дереву фабрики «Богородский резчик». Московская обл., с. Богородское, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 382919) 232
Уральские огранщики. Фабрика «Русские самоцветы». Старейший мастер Г. Д. Зверев обучает молодого огранщика первичной обработке хрусталя, 1949 г. (фотохроника ТАСС, № 116865). 233
Вологодские кружевницы, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 387520) 234
Вышивание белой гладью по капроновой сетке. Пос. Мстера, Владимирской обл., 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 414540) 234
Художники фабрики по изготовлению лаковых росписных изделий из папье-маше. Пос. Мстера, Владимирской обл., 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 421377) 235
Производство кирпича, с акварели XVIII в. (фототека ГИМ, № 63420) . . 237
Чугунолитейная мастерская Коломенского завода начала XX в. (фототека ГИМ, № 65753). 239
Общий вид Уральского Черноисточинского завода, с картины В. Е. Раева, 1837 г. (фототека ГИМ, № 51263) 241
Полевский медеплавильный завод, с акварели XVIII в. (фототека ГИМ, № 21603). 243
Электрическая станция Сормовского завода XIX в. (фототека ГИМ, № 65760) 245
Укладка рельсов на строительстве Восточно-Сибирской железной дороги, конец XIX в. (фототека ГИМ, № 65763). 247
Автоматический разлив молока на Карагандинском молочном заводе, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 551567). 249
Сновальщица Наро-Фоминской прядильно-ткацкой фабрики, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 545639) 250
Автомобильный завод им. Лихачева. Главный конвейер сборки грузовых автомобилей. Москва, 1959 г. (фотохроника ТАСС) 251
Автомобильный завод им. Лихачева. Главная аллея. Москва, 1960 г. (фотохроника ТАСС) . . . . 252—253
Общий вид новой ткацкой фабрики в Москве, 1962 г. (фототека ТАСС, № 531269) 254
Балаковский химический комбинат по производству искусственного волокна, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 530552) 255
В офсетном цехе Калининского полиграфического комбината, 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 356590) 256
Новый производственный корпус редакции «Правда» в Москве, 1963 г. (фототека ТАСС, № 561522). 256
Разработка угольного пласта горным комбайном. Кузбасс, 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 447376) 257
Плотина Волховской гидроэлектростанции, 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 337509) 258
Строительство Белоярской атомной электростанции им. И. В. Курчатова, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 516996) 258

Общий вид нефтеперерабатывающего завода, г. Ярославль, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 522779) 259
Корпус Кокчанарского горнодобывающего комбината, Свердловская обл., 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 548330) 259
В обжимном цехе Магнитогорского металлургического комбината, 1954 г. (фототека АПН, № X-421) 260
Пульт автоматического управления на алюминиевом заводе Свердловской обл., 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 557708) 261
Волгоградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 550246). 263
Машинный зал Волжской гидроэлектростанции им. В. И. Ленина, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 383143) . . . . 264—265
Механическая укладка железнодорожных путей Брянской путевой машинной станцией, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 557791) 266
Рыбацкое становище Гаврилово на Муроме, конец XIX в. («Рыбацкие песни и сказы». М., 1950, вклейка между стр. 10—11) 269
Ильменские рыбаки с мережами («Рыбацкие песни и сказы». М., 1950, вклейка между стр. 16—17) 269
Схемы типов рыболовной снасти: *1* — равнокрылые и неравнокрылые закидные неводы морского типа (В. Г. Войниканис-Мирский. «Техника промышленного рыболовства и промысел морского зверя». М., 1961, стр. 231), *2* — ставной невод (В. Н. Войниканис-Мирский. «Техника промышленного рыболовства и промысел морского зверя». М., 1961, стр. 353), *3* — ярус (В. Н. Войниканис-Мирский. «Техника промышленного рыболовства и промысел морского зверя». М., 1961, стр. 393), *4* — плавная сеть (В. Н. Войниканис-Мирский. «Техника промышленного рыболовства и промысел морского зверя». М., 1961, стр. 159). 270
Лов неводами с плотов в Ленинграде у Университетской набережной (личный архив К. В. Чистова) 273
Притонение невода, 1950 г. (фотохроника ТАСС, № 144745). 274
Современный индустриальный лов рыбы: *1* — подъем дрифтерных сетей на борт рыболовного сейнера (фотохроника ТАСС, № 252746, 1955 г.), *2* — рыбаки-колхозники на кошельковом лове сельди (фотохроника ТАСС, № 501148, 1961 г.), *3* — улов на рыболовном траулере (фотохроника ТАСС, № 252746, 1955 г.), *4* — рыбообрабатывающий завод (фотохроника ТАСС, № 145474, 1950 г.). 275
На рыбоконсервном комбинате в Калининграде, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 507208) 277
Лабаз на медвежьей охоте («Охота и охотничье хозяйство», 1962, № 8, стр. 40) 278
Охотничьи орудия и приспособления: *1* — орудия, в основу которых положен принцип лука (А. А. Черкасов. «Записки охотника Восточной Сибири». СПб., 1884, стр. 170), *2* — схема городьбы с ловчими ямами (А. А. Черкасов. «Записки охотника Восточной Сибири». СПб., 1884, стр. 486), *3* — ловушки (Д. К. Соловьев. «Охота в СССР». М., 1926, стр. 200, 103, 95) 279
Охотник в сибирской тайге с пойманной в черкан белкой, 1949 г. (фотохроника ТАСС, № 113854) 280
Серебристо-черные лисы на звероводческой ферме, Свердловская обл., 1950 г. (фотохроника ТАСС, № 139149) 281
Выпуск из клетки соболя для заселения угодий Хабаровского края, охотник В. П. Сысоев, 1953 г. (фотохроника ТАСС, № 222232) 282
Упаковка шкурок соболей, проданных на Международном аукционе в Ленинграде, 1956 г. (фотохроника ТАСС, № 308282) 282
Схематические планы старых русских селений: *1* — кругового плана, с. Никольское Ростовского р-на Ярославской обл. (личный архив Л. Н. Чижиковой), *2* — линейного (рядового) плана (В. П. Семенов. «Россия», т. 2, Среднерусская черноземная область. СПб., 1902, стр. 174), *3* — уличного плана, с. Рыбалово Бронницкого р-на Московской обл. (архив ИЭ, оп. 60, № 56), *4* — улично-радиального плана, с. Угодичи Ростовского р-на Ярославской обл. (личный архив Л. Н. Чижиковой), *5* — улично-квартального плана, пос. Петровск Ростовского р-на Ярославской обл. (личный архив Л. Н. Чижиковой) 286
Улицы в старых селениях различных районов страны: *1* — дер. Большие Городища, Калининская обл. (архив ИЭ, оп. 318, № 15-387, 1959 г.), *2* — с. Винновка, Куйбышевская обл. (архив ИЭ, оп. 51, № 813, 1951 г.), *3* — дер. Камышевка, Курская обл. (архив ИЭ, оп. 148, № 36-34, 1954 г.), *4* — станица Михайловская, Краснодарский край (архив ИЭ, оп. 372, № 1236, 1960 г.) . . . . 288—289
Общественные постройки центральных селений колхозов и совхозов: *1* — дом культуры в колхозе им. Тимирязева, Горьковская обл. (архив ИЭ,

оп. 458, № 118, 1961 г.), *2* — здание правления колхоза «Большевик», Владимирская обл. (архив ИЭ, оп. 458, № 116, 1961 г.), *3* — здание школы и общежития школы-интерната в совхозе «Гигант», Ростовская обл. (фотохроника ТАСС, № 393 284, 1954 г.), *4* —здание больницы на хуторе Трудобеликовском, Краснодарский край (архив ИЭ, оп. 372, № 1182, 1960 г.), *5* — детские ясли в колхозе «Прожектор», Горьковской обл. (архив ИЭ, оп. 458, № 119, 1961 г.), *6* — сельский магазин в с. Коршево Воронежской обл. (архив ИЭ, оп. 458, № 119, 1961 г.) . . 292—293

Центральная усадьба совхоза «Арженка» Тамбовской обл., 1954 г. (фотохроника ТАСС, № 237018) 294

Улица с. Калиновки Курской обл. (фотохроника ТАСС, № 448884, 1960 г.) 295

Общий вид центральной усадьбы совхоза «Гигант» Ростовской обл., 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 355 009). . . . . 296—297

Типы жилища, распространенные в различных районах страны в конце XIX—начале XX в.: *1* — северные районы (архив ИЭ, оп. 69, № 49, 1949 г.), *2*— центральные черноземные районы (личный архив Л.Н.Чижиковой,1951 г.), *3* — Пермская обл. (архив ИЭ, опись 149, № 42-25, 1954 г.), *4* — западные районы (архив ИЭ, оп. 142, № 28-12, 1954 г.), *5* — южные черноземные районы (архив ИЭ, оп. 148, № 36-8, 1954 г.), *6* — Кубань (архив, ИЭ, оп., 372, № 2-49, 1960 г.) 299

Схемы дворовой застройки жилища конца XIX — начала XX в.: *1* — однорядная, *2* — двухрядная, *3* — глаголеобразная, *4* — покоеобразная, *5* — трехрядная, *6* — замкнутая, «круглый» двор, *7* — двор с несвязанными постройками (личный архив Л. Н. Чижиковой) 300

Конструкция крыши: *1* — самцовая конструкция (Е. Ащепков. «Русское народное зодчество в Западной Сибири», 1950, рис. 140), *2* — стропильная конструкция (личный архив Л. Н. Чижиковой, 1950 г.) 301

Украшения северного жилища: *1* — скульптурная обработка охлупня (архив ИЭ, оп. 69, 1949 г.), *2* — скульптурная обработка потоков (архив ИЭ, оп. 69, 1949 г.), *3* — скульптурная обработка выпусков верхних бревен (архив ИЭ, оп. 69, 1949 г.), *4* — плоская резьба на причелинах и на полотенце (архив ИЭ, оп. 69, 1949 г.) 302

Украшения жилища центральных нечерноземных районов: *1* — парные коньки, Ярославская губ., начало XX в. (личный архив Л. Н. Чижиковой), *2* — плоская резьба на наличниках окон в доме, Ярославская губ., конец XIX в. (личный архив Л. Н. Чижиковой) 303

Украшения жилища центрального нечерноземного района: *1* — рельефная резьба, Нижегородская губ., 1888 г., *2* — пропильная резьба, Ярославская губ., 900-е годы (личный архив Л. Н. Чижиковой, 1952 г.) . . 304

«Круглый дом» низового донского казачества, конец XIX в. (архив ИЭ, оп. 160, № 5-4, 1954 г.) 306

Схемы внутреннего плана жилища, характерные для конца XIX — начала XX в.: *1* — двухкамерный дом, *2* — трехкамерный дом, *3* — пятистенок, *4* — крестовик, *5* — многокомнатный дом (личный архив Л. Н. Чижиковой) 308

Схемы типов внутренней планировки избы (хаты): *1* — северно-среднерусский план, *2* — западнорусский план, *3* — восточный южнорусский план, *4* — западный южнорусский план (личный архив Л. Н. Чижиковой) . 309

Интерьер изб конца XIX — начала XX в.: *1* — изба северно-среднерусского плана (архив ИЭ, оп. 149, № 26, 1954 г.), *2* — изба западнорусского плана (архив ИЭ, оп. 142, № 25, 1953 г.), *3* — изба западно-южнорусского плана (архив ИЭ, оп. 163, № 16, 1954 г.) 310

Сельское жилище, построенное в разных районах страны в послевоенные годы: *1* — Московская обл. (фотохроника ТАСС, № 334980, 1957 г.), *2* — Рязанская обл. (архив ИЭ, оп. 272, № 61, 1956 г.), *3* — Курская обл. (фотохроника ТАСС, № 447153, 1960 г.), *4* — Курская обл. (фотохроника ТАСС, № 422288, 1959 г.), *5* — Ростовская обл. (фотохроника ТАСС, № 459434, 1960 г.), *6* — Краснодарский край (архив ИЭ, оп. 372, № 4-113, 1960 г.) . . . . 314—315

Украшения современного сельского жилища: *1* — украшение пропильной резьбой фронтона и наличников окон, Пензенская обл., 1956 г. (архив ИЭ, оп. 272, № 229), *2* — украшение оштукатуренных фасадов лепными деталями, Рязанская обл., 1960 г. (архив ИЭ, оп. 372, № 4-111), *3* — украшение кирпичного дома, Краснодарский край, 1960 г. (архив ИЭ, оп. 372, № 4-111) 317

Внутренняя планировка современного сельского жилища: *1* — 40-е годы XX в. Московская обл. (архив ИЭ, оп. 60, № 49, 1950 г.), *2* — 50-е годы XX в. Калининская обл. (личный архив Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой, 1956 г.), *3* — 1945 г., Московская обл., (архив ИЭ, оп. 60, № 52,

1950 г.), *4* — 1957 г., Краснодарский край (личный архив Л. Н. Чижиковой, 1960 г.) 319
Многоквартирные дома: *1* — многоквартирный дом рабочих совхоза «Ручьи» Ленинградской обл., 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 428612), *2* — дома с квартирами в двух уровнях в колхозе «Рассвет» Ельнинского р-на Смоленской обл., 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 491 270). 323
Нижний Новгород. Большая Покровская улица, конец XIX в. (архив ГИМ, альбом А-747) 325
Зажиточная горожанка Татьяна Логиновна Сухотина, фотография 60-х годов XIX в. (архив ГИМ, ИН-VI, № 1695, папка 393) 327
Купец, фотография 70-х годов XIX в. (архив ГИМ, № 82 150, пп-ф 233) . . 328
Вид окраины Екатеринбурга, 1887 г. (архив ГИМ, альбом А-336, л. 9) . . . 329
Москва. Городская народная столовая на Хитровом рынке, 1913 г. (архив ГИМ, альбом А-102, л. 124, фото П. П. Павлова) 329
Самара. Казанская улица. Почтовая открытка (архив ГИМ, № 90 518/26) . . 332
Каток на Фонтанке в Петербурге (архив ГИМ, № КП-28-В) 333
Девичье поле в Москве в Иванов день, 1903 г. (архив ГИМ, № КП-29-В) . 334
Воронеж. Административное здание на проспекте Революции, 1953 г. (фотохроника ТАСС, № 207149) 339
Березники. Улица Пятилетки, 1954 г. (фотохроника ТАСС, № 236008) . 340
Ленинград. Дом печати, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 559766) 342
Москва. Угол Ленинского и Университетского проспектов, 1964 г. (фотохроника ТАСС, № 558624). 344
Архангельск. Проспект им. П. Виноградова, Дом Советов, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 380820). 345
Астрахань. Проспект им. Ленина, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 559426) . 347
Волгоград. Центральная набережная, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 410117) 348—349
Станция «Маяковская» московского метрополитена (фототека АПН, № А-149584) 350
Станция «Октябрьская» московского метрополитена, 1963 г. (фототека АПН, № А-141489) 353
Горняцкий поселок Шолоховский Литвиновского р-на Ростовской обл., 1956 г. (фотохроника ТАСС, № 313536) 355
Москва. Школа-интернат на Ленинском проспекте, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 483798) 357
Новосибирск. Академическая улица, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 484637) 358
Москва. Кремлевский Дворец съездов, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 560074) 359
Традиционные средства передвижения: *1* — долбленая пареная лодка (архив ИЭ, Северновеликорусская экспедиция, 1947 г., альбом I, стр. 30), *2* — шитик-плоскодонка (архив ИЭ, Кубанская экспедиция, 1954 г., оп. 147, № 53), *3* — волокуша («Хозяйство и быт русских крестьян». М., 1959 г., стр. 200), *4* — розвальни (архив ИЭ, Северновеликорусская экспедиция, 1947 г., альбом I, стр. 38), *5* — возок (архив ИЭ, № 142/79), *6* — пошевни (архив ИЭ, Северновеликорусская экспедиция, 1947 г. альбом II, стр. 42), *7* — телега-одноколка (архив ИЭ, № 149/83), *8* — телега-сноповозка («Хозяйство и быт русских крестьян». М., 1959, стр. 217), *9* — архангельская телега (архив ИЭ, № 149/83) 361
В камере шлюза (фотохроника ТАСС, № 493490, 1961 г.) 367
Курьерский поезд «Красная стрела» Ленинград — Москва, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 373089) 368
Автопоезд, Куйбышевская обл., 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 456052) . . 369
Москва. Автобус ЗИЛ-158 на площади Свердлова, 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 320892) 369
Теплоход на подводных крыльях на Волге, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 496392) 370
Типы женских рубах и поневы: рубахи: *1* — с прямыми поликами, Тверская губ. (фонды ГМЭ; № 1125-123), *2* — с косыми поликами, Рязанская губ. (фонды ГМЭ, № 1125-129); поневы: *3* — распашная, Пензенская губ. (экспедиция 1951 г. Б. А. Васильева и Н. И. Лебедевой, архив авторов), *4* — с прошвой, Тульская губ. (фонды МАЭ, № 465-1) 372
Крестьянская мужская и женская одежда начала XX в.: *1*—*2* — крестьяне Дмитровского уезда Московской губ., 1913 г. (фонды ГМЭ, № 2873-58), *3* — помор, Архангельская губ., 1913 г. (фонды ГМЭ, № 2637-34), *4* — женская одежда с сарафаном, Нижегородская губ. (манекен ГМЭ), *5* — с полосатой юбкой, Ефремовский уезд Тульской губ. (экспедиция Г. С. Масловой, 1928 г., личный архив), *6* — с поневой, Воронежская губ. (фото Т. Ю. Строгановой, 1952 г., архив ИРЯ) 373
Типы сарафанов: *1* — «широколямошный», Олонецкая губ. (архив ИЭ, оп. 30), *2* — «китаешник» распашной, Владимирская губ. (личный архив Г. С. Масловой), *3* — прямой сарафан, Архангельская губ. (архив ИЭ,

оп. 30), *4* — сарафан с «тальей»-лифом, Восточная Сибирь (личный архив Г. С. Масловой) 374
Женские головные уборы конца XIX — начала XX в.: *1* — кокошники: *а* — Вологодской губ. (фонды ГМЭ, № 2266-3), *б* — Олонецкой гу (архив ИЭ, № 69), *2* — кичка рогатая, Рязанская губ. (архив РОМ, № 2440-299) 375
Русская народная одежда начала XX в.: *1* — праздничный девичий костюм-рубаха, передник, шушпан («Сапожковское ткачество». М., 1960, стр. 1), *2* — сарафан с рубахой и полушубок «шубник на борах». Сарафан на лямках из крашенины, с «ясными» пуговицами и лентами, 20-е годы XIX в., дер. Костешино, Новоторжковского уезда Тверской губ. Приобретен Л. Ѳ. Калмыковой в Калининской обл. в 1959 г. (фонды ЗИХМЗ, № 5145). «Шубник на борах» расшит и отделан сафьяном, зимняя одежда замужней женщины, конец XIX в., дер. Богунова, Сукромлинская вол., Новоторжковского уезда, Тверской губ. Приобретен экспедицией музея в Калининской обл. в 1959 г. (фонды ЗИМХЗ, № 5186т), *3* — «кружевник»-навершник, дер. Сумерки, Кадомский р-н, Рязанской обл. (архив ИЭ, Рязанский отряд Комплексной экспедиции 1963 г., № 20), *4* — навершник-бральник, с. Котелино, Кадомский р-н, Рязанской обл. (архив ИЭ, Рязанский отряд Комплексной экспедиции, 1963 г., № 39) . . . . 376—377
Женская рубаха, с. М. Халуй, Каргопольский р-н, Архангельская обл. (архив ИЭ, оп. 30, № 144), *2* — передник, Великоустюжский р-н, Вологодская обл. (фонды ЗИХМЗ, № кл. 3139/3610) . . . . 376—377
Костюмы дворян 20-х годов XIX в. («Русский костюм», М., 1900 г., стр. 111, 105) 377
Купеческая одежда второй половины XIX в. Супружеская пара из г. Галича Костромской губ. («Живописная Россия», 1894, т. VI, ч. 2, стр. 215) 378
Праздничная одежда сормовского рабочего конца XIX — начала XX в.: *1* — сюртук (архив ГИМ, № 61794), *2* — вышитая рубашка-косоворотка (архив ГИМ, № 61795). 379
Одежда женщин начала XX в.— группа дочерей шахтеров Донбасса, 900-е годы (архив ГИМ, № 57501). 380
Рабочие Коломенского машиностроительного завода, 1908 г. (архив ГИМ, № 59708) 380
Ф. Рыбников — литейщик Сормовского завода, участник революционного движения, Нижний Новгород, 1905 г. (архив ГИМ, № 60614). 381
Женский костюм с использованием народной вышивки цветной перевитью. Тарусская фабрика «Вышивка», художник М. Н. Гумилевская, 1933 г. (фонды НИИХП, № Ф-3858) 383
Мужские рубахи: *1* — украинка (фонды НИИХП, № Ф-28417), *2* — гуцулка, изготовленная Тарусской фабрикой «Вышивка», художник М. Н. Гумилевская, 1956 г. (фонды НИИХП, № Ф-28418). 385
Модели современных платьев по мотивам народной одежды: *1* — с народным орнаментом (фонды НИИХП, № Ф-39444), *2* — платье по мотивам сарафана, 1960 г. (фонды НИИХП, № 39465) 386
Современная одежда рабочих: *1* — сельский механизатор (фототека АПН, № А-143041), *2* — рабочие Коломенского завода (фотохроника ТАСС, № 558226, 1963 г.) 387
Девушка в школьной форме (фототека АПН, № А 153693) 388
Современная одежда деревни. «Ситцевый бал» в Рязанской обл., 1961 г. (архив ИЭ, Комплексная экспедиция 1961 г., № 433) 389
Женская традиционная одежда XX в.: *1* — девушки в лентах с пука́ми, в занавесках-фартуках, Рязанская губ., 20-е годы XX в. (архив РОМ, № 2448-308,) *2* — женский самодеятельный хор в национальной одежде, Воронежская обл., 1952 г. (фото Т. Ю. Строгановой, 1952 г. Архив ИРЯ) 391
Деревянная утварь XIX — начала XX в.: *1* — квашенка для замешивания теста, Пермская обл., Чердынский р-н, дер. Дуброво (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 145), *2* — старинная долбленая «сольница», Пермская обл., Чердынский р-н, дер. Покча (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 145), *3* — чашечка с пестиком, Пензенская обл., архив ИЭ, № 272, 1956 г.), *4* — рукомойник, Вологодская обл. (архив ИЭ, № 40, 1948, г.,), *5* — долбленый ковшик, Вологодская обл. (архив ИЭ, № 40), *6* — ступа для обрушивания зерна, Пермская обл., Чердынский р-н, с. Дуброво (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 147) 397

Глиняная посуда XIX — начала XX в.: *1* — кринка для молока, Пермская обл., Соликамский р-н, дер. Онкушино (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 167), *2* — кринка для молока, Пензенская обл. (архив ИЭ, № 272), *3* — глиняная миска, Пензенская обл. (архив ИЭ, № 272), *4—5* — горшки, Вологодская обл. (архив ИЭ), *6*—корчага, Вологодская обл., Сосновский р-н, дер. Чепкицы (архив ИЭ, № 40) 397
Металлическая утварь XIX — начала XX в.: *1* — «кошик» для пельменей, Пермская обл., г. Югокамск (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 170), *2* — чаша, Пермская обл., г. Югокамск (Г. С. Маслова, «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 170), *3* — кружка с крышкой, Пермская обл., г. Югокамск (Г. С. Маслова. «Пища и хозяйственная утварь». «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». ТИЭ, том 57. М., 1960, стр. 170), *4* — ковшик, Пензенская обл. (архив ИЭ, сбор Л. Н. Чижиковой, № 272) 399
Магазин в с. Жуковка, Московская обл., 1961 г. (фототека АПН, № А-100566) 400
Заводская фабрика-кухня Старокраматорского завода, шеф-повар за приготовлением порционных блюд (фотохроника ТАСС, № 436323, 1960 г.) 401
Рабочая столовая № 1 в г. Дегтярске, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 389683) 402
В обеденном зале рабочей столовой № 9 при заводе в г. Волгограде, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 408744) 402
В закусочной самообслуживания комбината общественного питания в Черемушках, Москва, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 399506). 403
Центральный колхозный рынок в Москве, 1962 г. (фототека АПН, № А-136872) 404
Свадебные «гильце», «быки» и пироги, Краснодарский край, 1960 г. (архив ИЭ, № 372) 405
Прощание рекрута, лубок, 1855 г. (из собрания ГЛМ) 409
Русская масленица, Лубок, 1860 г. (из собрания ГЛМ) 415
Перед отправкой рабочего продовольственного отряда в деревню за хлебом, 1918 г. (фотохроника ТАСС, № 346805) 428
Крестьяне подают заявления о приеме в колхоз, конец 20-х годов (фотохроника ТАСС, № 347478) 429
Вручение переходящего Красного знамени передовой бригаде завода им. Карла Маркса, Ленинград, 1929 г. (фотохроника ТАСС, № 123731) . . 435
Книжный магазин, открытый на общественных началах на Владимирском тракторном заводе, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 481920) 441
Пансионат на Клязьминском водохранилище, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 554490) 443
Здравница-профилакторий Коломенского тепловозостроительного завода им. В. В. Куйбышева, 1963 г. (фототека ТАСС, № 558218) 445
Торжественный парад участников II Спартакиады народов СССР на Центральном стадионе им. В. И. Ленина, г. Москва, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 413439) 446
Митинг, посвященный Дню советской молодежи, Москва, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 518228). 447
На первомайской демонстрации в станице Динской, Краснодарский край, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 513544) 447
Праздничное народное гуляние на Красной площади в Москве, 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 444341) . . . . 448—449
Новогодняя елка (фототека АПН, № 93521). 450
Праздник «Русской зимы» (фототека АПН) 451
Праздник песни в Москве, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 482666) 451
Праздник урожая в Краснодаре, 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 46873) . . 452
Урок в первом классе новой школы, Москва, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 557039) 454
На лекции химического факультета Московского государственного университета, 1963 г. (фотохроника ТАСС, № 557033) 455
Выступление хора «семейских» Забайкалья в Москве, 1961 г. (архив ИЭ). . 457
Встреча мастера спорта СССР по шахматам А. И. Константинова с шахматистами станицы Кореновской Краснодарского края, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 379991) 459
Команда советских боксеров — обладателей кубка Европы, 1964 г. (фототека ТАСС, № 568209) 460

Больничный городок в поселке Калтан, Кемеровская обл. 1955 г. (фотохроника ТАСС, № 275344) . . . . 482—483
В квартире каменщика СУ-5 треста «Мосжилстрой» Виктора Волосатова в Хорошево-Мневниках, г. Москва, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 425105) 484
Празднование «золотой» свадьбы в семье пенсионера-метростроевца Якова Дмитриевича Бородина и его супруги Анастасии Дмитриевны, 1961 г. (фотохроника ТАСС, № 484014) 485
В пионерском лагере, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 410630). 486
Детский санаторий в Анапе, 1962 г. (фотохроника ТАСС, № 518207) 487
Посещение фельдшером ребенка. Сельхозартель им. Свердлова Сысеретского р-на Свердловской обл., 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 359893) . 487
Охотники у костра на Московском море, 1958 г. (фотохроника ТАСС, № 381693) 488
Дети колхозников отправляются в школу на велосипедах, Московская обл., 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 420380) 489
Пионеры-школьники работают в колхозном саду, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 411273) 490
Дворец бракосочетаний, Ленинград, 1959 г. (фотохроника ТАСС, № 424225) 493
Сказитель былин Т. Г. Рябинин, Кижи, Заонежье (А. Ф. Гильфердинг. «Онежские былины», 3 изд., М.— Л., 1938, вклейка между стр. 4 и 5). . 500
Илья Муромец и Соловей-разбойник, лубок, XVIII в. (из собрания ГЛМ) . 501
Иван-царевич и Елена Прекрасная, лубок, XVIII в. (из собрания ГЛМ) . 503
Песня «Вниз по матушке по Волге», лубок, 1854 г. (из собрания ГЛМ) . . . 505
Песня «Ты, Настасья, ты, Настасья, отворяй-ка ворота», лубок, 1857 г. (из собрания ГЛМ). 507
Ф. А. Конашков. Сказитель былин и сказочник из с. Семенова, Пудожского р-на Карельской АССР, 1936 г. (фототека ГЛМ, № 21840). 514
Концерт коллектива художественной самодеятельности Пензенской обл., 1960 г. (фотохроника ТАСС, № 446392) 517
Выступление колхозного хора Алтайского края, 1957 г. (фотохроника ТАСС, № 356443) 518
Игра на «кувиклах» (Л. Кулаковский. «Искусство села Дорожева». М., 1959, вклейка между стр. 48—49). 524
Русские народные музыкальные инструменты: *1* — звончатые гусли, *2* — гудок (реконструкция Фомина), *3* — домра, *4* — старинная балалайка, *5* — пастушья труба, *6* — рожок, *7* — свирель двойная, *8* — сопелка, *9* — парная жалейка 525
Ансамбль владимирских рожечников (Т. И. Попова. «Русское народное музыкальное творчество», т. I, вып. 2, М., 1940, стр. 224—225) 526
Пастух играет на рожке (личный архив Б. Ф. Смирнова, фото, 1953 г.) . . 528
Резьба по дереву XIX в. (рисунок Т. Л. Юзепчук): *1* — швейка, Вологодская губ., Сольвычегодский уезд, приобретена в 1912 г. (фонды МАЭ, № 2039-21), *2* — ларец, Архангельская губ., Печорский край, приобретен в 1911 г. (фонды МАЭ, № 1877-2), *3* — донце прялки, Нижегородская губ. (фототека МАЭ, фонд Гос. Музея Народов СССР, № 1-1550/10235), *4* — бердо для тканья поясов, Архангельская губ. Печорский край, XIX в., приобретена в 1923 г. (фонды МАЭ, № 2911-376), *5* — валек, Архангельская губ., Мезенский уезд, приобретен в 1907 г. (фонды МАЭ, № 1101-22) 532
Роспись по бересте (фото А. В. Маторина). Набирушка, Сольвычегодский уезд Вологодской губ, вторая половина XIX в. (фонды ГМЭ, № 688-61) 535
Северодвинская роспись по дереву XIX в.: *1* — донце прялки (фонды НИИХП, № МХП-7037), *2* — фрагмент лукошка (фонды НИИХП, № 7123) . . . . 536—537
Роспись по бересте и дереву: *1* — рубель, Печерский уезд Архангельской губ., приобретен в 1905 г. (фонды МАЭ, № 951-5А), *2* — туес, Печерский уезд Архангельский губ., приобретен в 1906 г. (фонды МАЭ, № 1036-329аб), *3* — туес, Печерский уезд Архангельской губ., приобретен в 1906 г. (фонды МАЭ, № 911-37аб), *4* — солонка-курочка, с. Усть-Цильма Печерского уезда Архангельской губ., приобретена в 1908 г. (фонды МАЭ, 1226-1), *5* — миска деревянная, Балахнинский уезд Нижегородской губ., приобретена в 1862 г. (фонды МАЭ, № 370-3) . . . 536—537
Ларец, облицованный просечным железом, XVIII в. (фонды ГМЭ, № 165-53, фото А. В. Маторина) 537
Керамика Гжели XVIII в.: *1* — квасник (фонды ГМЭ, № 6522), *2* — кувшин (фонды ГМЭ, № 2073-95). 539
Женский головной убор, украшенный жемчужным шитьем, Вологодская губ. (архив ГРМ, Отдел народного искусства, № В-2820, фото А. В. Маторина) 541
Набойка, вторая половина XIX в., Вологодская губ. (архив ГМЭ, № 1742-246, фото А. В. Маторина) 542

Художественное ткачество второй половины XIX в.: *1* — браная техника, ткань для передника, Вологодская губ. (архив ГМЭ; № 2322-1), *2* — закладная техника, ткань для подзора, Архангельская губ. (архив ГМЭ, № 904-50) 543
Художественное плетение и ткачество, вторая половина XIX в., пояса. Фото А. В. Маторина: *1* — Тульская губ. (фонды ГМЭ, № 150-4), *2*, *3*— Архангельская губ. (фонды ГМЭ, № 556-8; 6289-9), *4* — Вологодская губ. (фонды ГМЭ, № 622-81) 544
Позатыльник. Часть женского головного убора, начала XX в. Брянский уезд Орловской губ. (приобретен Б. А. Рыбаковым в 1964 г.) . . . . 544—545
Дымковская глиняная игрушка: *1* — цыганка, художник Е. Кокшина, 30-е годы XX в. (фонды ГМЭ, № 6891-63), *2* — Руслан и голова, художник Е. И. Кос-Демшина (фонды ГМЭ, № 6679-7), *3* — свистулька, 30-е годы XX в. (фонды ГМЭ, № 6740-151), *4* — доярка, 20-е годы XX в. (фонды ГМЭ, № 4635-14), *5* — репка, художник А. А. Мезрина, 30-е годы XX в. (фонды ГМЭ, № 5552-2) . . . . 544—545
Современная роспись по дереву (городецкие мастера): *1* — детский гарнитур Е. И. Воронцова, 1960 г. (фонды МНТ, № КП-11692), *2* — сундучок для игрушек Е. И. Воронцова, 1960 г. (фонды МНТ, № КП-11690) . . 547
Лаковая миниатюра. Шкатулка «Вещий Олег» (с. Холуй, художник Б. Д. Пузанов) (фонды МНТ, № КП-6864, 1958 г.) . . . . 548—549
Поднос с крыльями (с. Жестово, художник В. Анашкина) (фонды МНТ, № КП-6452, 1957 г.) . . . . 548—549
Богородская деревянная скульптура. Фото А. В. Маторина: *1* — «Вершки и корешки», И. К. Стулов, 1954 г. (фонды ГМЭ, № 6835-3), *2* — «Золотой петушок», Н. И. Максимов, 50-е годы (фонды ГРМ, Отдел народного искусства, № Д-1328), *3* — «Битва», деталь, В. Пузанов, 1936 г. (фонды ГРМ, Отдел народного искусства, № Д-333), *4* — «Первый трофей», В. Г. Пучков, 1959 г. (фонды ГРМ, Отдел народного искусства, № Д-1652) 550
Кубок. Холмогорская резная кость. Фото А. В. Маторина. Архангельская обл., Холмогорский р-н, с. Ломоносово (фонды ГМЭ, № 7183-1) . . . 551
Вышивка для подушки по эскизу М. Н. Гумилевской. Тарусская фабрика «Вышивка» Калужской обл. (фонды НИИХП, № 21196) 552
Строчевая вышивка. Крестецкая строчка, Новгородская обл., 50-е годы XX в. (фонды ГМЭ, № 6667-14; 6667-21) 553
Современная русская вышивка: *1* — салфетка, выполнена владимирским швом (фонды НИИХП, № С-60-1256, 1960 г.), *2* — салфетка, вышитая крестом по мотивам Рязанской обл. (фонды НИИХП, № С-60-1250, 1960 г), *3* — салфетка, вышитая двухсторонним швом по мотивам северных областей (фонды НИИХП, № С-60-1249, 1960 г.), *4* — фрагмент вышитой салфетки (фонды НИИХП, № С-56-859, 1956 г.). 554
Вышивка гладью. Подушка, Владимирская обл., Мстера. Фото А. В. Маторина (фонды ГМЭ, № 6836-3) 555
Бювар, украшенный золотым шитьем, деталь, Торжок, Калининская обл., 50-е годы XX в. Фото А. В. Маторина (архив ГМЭ, № 6529-7) 556
Вологодское кружево, салфетка, 1959 г. Фото А. В. Маторина (архив, ГМЭ, № 7711-4) 557
М. В. Ломоносов (1711—1765 г.). Гравюра резцом М. Шрейера по рисунку Х. Г. Шульце, конец XVIII в. (фототека АПН, № 32139) 559
А. С. Пушкин. Портрет О. А. Кипренского, 1827 г. (фототека ГТГ, № 20393) 560—561
Д. И. Менделеев (1834—1907). Фото (фототека АПН, № 32122—32123) . . 561
М. П. Мусоргский. Портрет И. Е. Репина, 1881 г. (ГТГ) 562
Н. А. Некрасов (с литографии по рисунку А. Лебедева, 1877 г. «Полное собрание сочинений Н. А. Некрасова», т. XII, М., 1953, стр. 3) 563
Л. Н. Толстой. Портрет И. Е. Репина, 1887 г. (фототека ГТГ, № 366) . . . 564—565
В. Суриков. Автопортрет, 1879 г. (ГТГ) 565
А. П. Карпинский, фото 1928 г. (фототека АПН, № А 1131—18) 567
И. П. Павлов. Портрет М. В. Нестерова, 1935 г. (фототека ГТГ, № 19051). 568—569
М. Горький, фото 1898—1899 г., Нижний Новгород (фото М. П. Дмитриева, «Полное собрание сочинений А. М. Горького в 30 томах», т. III. М., 1950 г.) 569
Первые космонавты. Москва, 1963 г. (фототека ТАСС, № 555639) 570
Памятник Богдану Хмельницкому, скульптор М. О. Микешин, Киев, 1888 г. (РАТАУ) 579
Т. Г. Шевченко, фото 1860 г. (фонды ДМШ, ГМШ, № Ф-79) 587
«Ярмарка в Полтаве», с картины В. А. Маковского, 1883 г. (КГМРИ, № Ж-159) 589
Зеленые долины (высокогорное пастбище), фото В. Полунина (личный архив) . . . . 592—593
Крым. Весна в Гурзуфе (РАТАУ, 1957 г.) 597

62 Заказ № 888

Украинские пахотные и разрыхляющие орудия XIX — начала XX в.: *1* — двухколесный плуг, Киевская губ. (журнал «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 46), *2* — однозубое рало, с. Бубновка, Подолия (архив ИИФЭ), *3* — рало-троян, «гака», Галиция (архив УГМЭ и ХП, № ЕП-40020), *4* — соха с двумя полицами с. Люхче, Волынская губ. (архив УГМЭиХП, № ЕП-4005), *5* — борона деревянная, с. Комаровка, Киевская губ. (фонды Переяслав-Хмельницкого исторического музея), *6* — драпак, с. Комаровка, Киевская губ. (фонды Переяслав-Хмельницкого исторического музея) 599
Орудия ручного земледельческого труда, конец XIX — начало XX в.: *1* — железные сапы, с. Староселье Киевской губ. (журнал «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 71), *2* — копачка для выкапывания свеклы («Українці. «Историко-этнографическая монография», макет, т. I, Киев, 1959 г., стр. 183), *3* — деревянные грабли (архив отдела этнографии ИИФЭ), *4* — коса с «грабками» (архив отдела этнографии ИИФЭ), *5* — цеп (архив отдела этнографии ИИФЭ) 600
Упряжь для волов: *1* — сошное ярмо, Волынское полесье, конец XIX — начало XX в. (Н. Заглада. «Матеріали до етнології», т. II. Киев, 1929, стр. 40—46, табл. 3, рис. 1—2), *2* — ярмо обычное, распространено по всей Украине, конец XIX — начало XX в. (Н. Заглада. «Матеріали до етнології», т. II. Киев, 1929, стр. 11, рис. 1), *3* — ярмо для одного вола, Киевская губ., конец XIX — начало XX в. (Н. Заглада. «Матеріали до етнології», т. II. Киев, 1929, стр. 40—46, табл. 3, рис. 9—10), *4* — ярмо для одного вола (бовкунське ярмо), Черниговская губ., конец XIX — начало XX в. (Н. Заглада. «Матеріали до етнології», т. II. Киев, 1929, табл. 3, рис. 11) 601
«Пашня в Малороссии», Л. В. Позен, воск, 1897 г. (ГРМ) 603
«Колхоз в цвету», с картины Г. П. Светлицкого, 1935 г., (КГМУИ, № ЖС-73) 611
Животноводческий городок в колхозе Суворовского р-на Одесской обл., 1958 г. (РАТАУ) 611
Парад на ипподроме Дубровского конного завода, Полтавская обл., 1963 г. (РАТАУ) 612
Вертикальный ткацкий стан «кросна», конец XIX — начало XX в. (из фондов Ф. Вовка, КГИМ, № Е-102) 614
Полотенце тканое «завеска», с. Народичи, Коростенского р-на Житомирской обл., конец XIX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиции 1958 г.) 615
Токарный станок для обработки «ступицы» колеса при помощи прута, конец XIX в., рис. художника Ю. Павловича (архив ИИФЭ, коллекция Ю. Павловича) 616
Глиняная утварь: *1* — «дзбанок», мастер О. Бахматюк, г. Косов, Галиция, 1881 г. (фонды УГМЭиХП, № 11681), *2* —чайник, глазурь, начало XX в., Киевская губ., художник А. Грудзинский («Украинское народное искусство». Резьба и роспись. Киев, 1962, табл. 42), *3* — расписной кувшин в форме тыквы начало XX в., Киевская губ., художник А. Грудзинский («Украинское народное искусство». Резьба и роспись. Киев, 1962, табл. 39), *4* — кувшин конца XIX в., с. Кременец, Галиция (фонды (УГМЭиХП, № ЕП 43683, художник У. Рудницкая) . . . . 616—617
Подсолнухи и горох. Декоративная роспись, 1962 г. М. Примаченко, с. Болотня, Киевская обл. (архив отдела этнографии ИИФЭ) . . . . . 616—617
Гончарные изделия, начало XX в.: *1* — «ринка», Полтавская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *2* — кувшин, Полтавская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *3* — миска, Полтавская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *4* — горшок, Полтавская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *5* — «макитра», Киевская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *6* — кувшин, Киевская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *7* — «дзбанок» чернолощенный из Западной Волыни (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *8* — «гладышка» из Западной Волыни (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *9* — банка из Западной Волыни (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *10* — горшок, Херсонская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *11* — полумисок, Подольская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *12* — миска, Подольская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *13* — «ринка», Подольская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *14* — «гладущик», Херсонская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 г.), *15* — «довжанка», Закарпатье (архив отдела этнографии ИИФЭ,

экспедиция 1955—1956 г.), *16* — фигурная посуда, Бессарабская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1955—1956 гг.) 617
В дореволюционной шахте Донбасса, старый способ откатки угля (ЦГА, ч.— 1200) 622
Завод «Запорожсталь», Запорожье, 1958 г. (РАТАУ) 625
Днепровская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина, 1957 г. (РАТАУ) . . 627
Шахта им. В. И. Ленина, Горловка, Донецкая обл., 1960 г. (РАТАУ) . . 629
Сани «глабці», Полтавская обл., начало XX в. («Збірник, присвячений 35-річчю музею», т. I. Полтава, 1928 г. стр. 79, фото 5). 632
Чумацкий воз (мажа), с акварели Н. С. Самокиша, 1930 г. (фонды КГМУИ) 632
Воловья упряжь, с. Старые Сенжары, Полтавская губ, 1912 г. (архив ГМЭ) 634
«Чайка» запорожцев (макет КГИМ, № ММ-55) 635
На Луганском тепловозостроительном заводе, 1961 г. (РАТАУ) 637
Подземный вестибюль станции «Университет» киевского метрополитена, 1960 г. (РАТАУ) 638
Станция киевского метрополитена «Университет», 1960 г. (РАТАУ) 638
Пассажирский теплоход на подводных крыльях «Ракета» на Днепре, 1960 г. (РАТАУ) 639
Вид порта завода «Азовсталь», 1957 г., РАТАУ 640
«АН — 10А» на аэродроме, 1961 г. (РАТАУ) 641
Планы сел с двусторонней уличной застройкой: *1* — закрытый вариант кругового села, которое преобразуется в вариант улично-кольцевой, с. Торков, Гайсинского уезда, Подольской губ., 40-е годы XIX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ), *2* — открыто-закрытый вариант кругового села, развивающегося в радиальной форме, с. Волковцы, Роменского уезда, Полтавский губ., начало XX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ), *3* — бессистемно-уличная планировка, с. Россошинцы, Полтавского уезда, Полтавской губ., начало XX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ) 643
Церковь в местечке Зиньков, Полтавской губ., XVIII в. (фото Г. Н. Логвина, личный архив) 644
Внешний вид полуземлянки в Донбассе, Юзовка, конец XIX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1953 г.) 645
Печь с «мисником» в избе крестьянина-галичанина в конце XIX — начале XX в., Галиция (архив, УГМЭ и ХП, г. Львов, экспозиция музея) . . 646
Внешний вид украинских хат начала XX в.: *1* — с. Красная слобода, Киевской губ. (фонды отдела этнографии ИИФЭ), *2* — с. Шишаки, Полтавской губ. (фонды отдела этнографии ИИФЭ), *3* — с. Рахновка, Подольской губ., (фонды отдела этнографии ИИФЭ), *4* — с. Привольное, Херсонской губ, (фонды отдела этнографии ИИФЭ), *5* — с. Грезля, Киевской губ. (фонды отдела этнографии ИИФЭ), *6* — с. Соколовка (гуцулы), (фонды отдела этнографии ИИФЭ) 647
Планы построек: *1* — хата двойная, с. Николаевка, Новомосковского уезда Екатеринославской губ., начало XX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ, № 14-5/129), *2* — одностороннее жилище со входом с узкой стороны, с. Березняки, Свалявского округа, Закарпатье (архив отдела этнографии ИИФЭ, № 14-5/18), *3* — одностороннее жилище архив отдела этнографии ИИФЭ) 649
Хозяйственные постройки начала XX в.: *1* — комора, Закарпатье (архив отдела этнографии ИИФЭ), *2* — комора у гуцулов (архив отдела этнографии ИИФЭ), *3* — комора на Подолье (архив отдела этнографии ИИФЭ), *4* — саж, Полтавская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ), *5* — погрібниця, Екатеринославская губ. (архив отдела этнографии ИИФЭ). 650
Разрез и план хаты. Поселок городского типа Христиновка Киевской обл. (ИАСАС и А) 651
Рабочий поселок у Юзовского завода, рис. с фото 80-х годов XIX в. («По Екатерининской железной дороге», вып. II, Екатеринослав, 1912, вклейка между стр. 121—122) 653
Село Каменское (ныне Днепродзержинск), конец XIX в. («По Екатерининской железной дороге», вып. I. Екатеринослав, 1903, стр. 132) 654
Проспект им. В. И. Ленина в Харькове, 1959 г. (РАТАУ) 656
Проспект им. В. И. Ленина во Львове, 1956 г. (РАТАУ) 657
Площадь им. Калинина в Киеве, 1961 г. (РАТАУ) 658
Жилищное строительство в Луганске, 1959 г. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1959 г.) 659
Общий вид с. Клембовка Ямпольского р-на Винницкой обл., 1962 г. (РАТАУ) 662
Хата колхозника, с. Рацево Черкасской обл., 1960 г. (архив отдела этнографии ИИФЭ) 663

Общий вид двухэтажных жилищ совхоза Бортничи Киевской обл. (архив ИИФЭ, экспедиция 1962 г.) 665
Планы дома с квартирами в двух уровнях (с. Шпитьки, Киевская обл., 1962 г., архив отдела этнографии ИИФЭ) 665
Мужская свита из с. Цесарская слобода, Киевская губ., конец XIX — начало XX в. (архив ИИФЭ, № Ф 14-5/26) 666
Мужская сорочка с поликами, Полтавская губ., конец XIX — начало XX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ) 667
Женская «юпка» — верхняя одежда, с. Петриковка Екатеринославской губ., начало XX в. (архив ИИФЭ, № Ф 14-5/239) 667
Женские сорочки: *1* — с поликами, пришитыми к рукаву, с. Болотное, Киевская губ., начало XX в. (архив ИИФЭ, № Ф 14-5/239), *2* — полтавская, бесполиковая, с. Богданы, Переяславский у., Полтавская губ., начало XX в. (архив ИИФЭ, № Ф 14-5/238), *3* — киевская бесполиковая, начало XX в. («Матеріали до етнології і антропології», т. XXI—XXII, ч. 1, Львов, 1929, стр. 56) 667
Женская обувь начала XX в.: *1* — сапоги и их детали, с. Перещепино, Екатеринославская губ. (архив ИИФЭ, № Ф 14-Е5/13), *2* — постолы, Закарпатье (архив ИИФЭ, № Ф 14-Е5/13) 668
Чепцы: *1* — Киевская губ., конец XIX — начало XX в. («Украинское народное искусство». Киев, 1961, табл. 105), *2*, *3* — Полтавская губ., конец XIX — начало XX в. (Ф. Волков «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II. П., 1916, вклейка XI между стр. 536—537) 669
Гугля, с. Жабье, Ивано-Франковская обл., 1910 г. (архив ИИФЭ, № Ф $\frac{14\text{-}5}{239}$) 670
Чуганя (М. Зубрицкий. «Верхняя вовняна ноша українско-руського народа в Галичині». «Матеріали до україньско-руської етнології». Львов, 1908, табл. IV) 670
Гуцул и гуцулка в национальных костюмах (архив отдела этнографии ИИФЭ: *1* — материалы 1950 г., *2* — № Ф 89/956, материалы 1948 г.) 671
Мужская традиционная одежда, рисунок А. Г. Сластиона, Полтавская губ., вторая половина XIX в. (КГМУИ) 672
Женщина в традиционном костюме, начало XX в., Полтавская губ. (фото журнала «Містецтво», Киев) . . . . 672—673
Девушка в традиционном костюме, XX в. Полтавщина (фото журнала «Містецтво», Киев, 1960) . . . . 672—673
«Парочка», Донбасс, 80-е годы XIX в. (фонды отдела этнографии ИИФЭ) . 674
Народное гулянье 1 Мая в с. Решетиловке Полтавской обл., 1959 г. (РАТАУ) 676
Приготовление обеда, с картины И. Г. Рашевского «В крестьянской хате», 1849 г. (КГМУИ, № Ж-44) 679
Детское печенье из творога у гуцулов, начало XX в., (архив отдела этнографии ИИФЭ) 680
Деревянная посуда гуцулов для жидкостей, начало XX в.: *1* — трийняк и двийняк, с. Богородчаны, Галиция (УГМЭ и ХП АН УССР), *2* — четверняк, с. Богородчаны, Галиция (УГМЭ и ХП) 681
Утварь для сбора ягод: *1* — «гребенка» полукруглая с тринадцатью зубьями, Полесье, начало XX в., *2* — «лубянки» (западные области, начало XX в.), *3* — «нависка» (веренька), плетеная из липового и березового лыка, с Родостово, Полесье, начало XX в., *4* — «гребенка» прямоугольной формы, с. Глинное, Волынская губ., начало XX в. (архив отдела этнографии ИИФЭ) 681
На колхозном рынке в Киеве, 1962 г. (фототека АПН, № 85918) 682
Гости в семье колхозника, Одесская обл., 1957 г. (РАТАУ) 683
Обед в колхозной чайной, Волынская обл., 1962 г. (РАТАУ) 683
В столовой пансионата для отдыхающих на южном берегу Крыма, 1960 г. (РАТАУ) 684
Современный свадебный стол в Полтавской обл., 1962 г., с акварели М. М. Маловского (архив отдела этнографии ИИФЭ) 684
«Свадьба», с акварели худ. И. Соколова, вторая половина XIX в. (ГРМ) 689
Отдых в семье рабочего, Луганская обл., 1959 г. (РАТАУ) 694
Колхозница готовит обед на газовой плите, колхоз «Родина», Киево-Святошинский р-н, Киевская обл., 1960 г. (РАТАУ) 696
Первый урок в первом классе 1 сентября 1955 г. Киев (РАТАУ) 697
Детский сад «Запорожстали» на прогулке, 1958 г. (РАТАУ) 697
У телевизора. Колхозники смотрят телевизионную передачу, Киевская обл., 1953 г. (РАТАУ) 698
Народный обычай — родини. Почетные кумовья с родителями новорожденного, Черновицкая обл., 1959 г. (архив отдела этнографии ИИФЭ, экспедиция 1959 г.) 701
Дружинники, 1905 г. (в овале руководитель и организатор дружины рабо-

чий паровозостроительного завода Луганска тов. Бондарев) (КГИМ № Ф1-313181) 710
Ликвидация неграмотности, Днепропетровская обл., 30-е годы (ЦГА ФФД УССР) 715
Митинг в бригаде колхоза, Александровский р-н, Луганская обл., 1958 г. (ЦГА ФФД УССР) 717
Политкружок при Горловском машиностроительном заводе им. Кирова, 1958 г. (РАТАУ) 718
Ансамбль бандуристок Полтавского Дворца культуры, 1960 г. (РАТАУ) . . 720
В воскресный день, Полтавская обл., 1958 г. (РАТАУ) 721
Весна на Волыни, 1962 г. (РАТАУ) 721
Шахтеры в выходной день на берегу р. Северский Донец, 1960 г. (РАТАУ) 722
Уголок парка отдыха в Трускавце, Львовская обл., 1957 г. (РАТАУ) . . . 723
Проводы в армию, Винницкая обл., 1961 г. (архив ЦДНТ УССР) 726
Комсомольская свадьба, Черновицкая обл., 1962 г. (РАТАУ) 728
Картинная галерея на Ново-Краматорском машиностроительном заводе, 1961 г. (РАТАУ) 730
В комбинате бытового обслуживания, с. Лесоводы, Хмельницкой обл., 1961 г. (РАТАУ) 731
Киевские дружинники направляются на дежурство, 1962 г. (РАТАУ) . . . 732
«Вечорниці». с картины И. Е. Репина, 1881 г. (ГТГ) 740
Кобзарь Остап Вересай, фото 70-х годов XIX в., Черниговская губ. («Українська народна поетична творчість», т. I. Киев, 1958, стр. 452) 742
Рассказчик и сказочник Родион Федорович Чмыхало, рис. начала XX в. («Українська народна поетична творчість» т. I. Киев, 1958, стр. 371) . 743
Фрагмент из танца «Коломыйка». Государственный украинский народный хор, 1960 г. (А. И. Гуменюк «Народное хореографическое искусство Украины», 1963 744
Колхозная поэтесса Христина Дмитриевна Литвиненко, 1939 г. («Українська народна поетична творчість», т. II. Киев, 1958, стр. 49). 746
Кобзари: Михайло Кравченко, Терешко Пархоменко, Петро Древченко, фото 1902 г. («Українська народна поетична творчість», т. I. Киев, 1958, стр. 528) 747
Группа современных кобзарей: Егор Мовчан, Павло Тищенко, Павло Носач, Александр Маркевич, фото 1955 г. («Українська народна поетична творчість», т. I. Киев, 1958, стр. 208) 747
И. Я. Франко, фото 1910 г. (фонды отдела рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко) 749
М. К. Заньковецкая в роли Харитины в пьесе И. Карпенко-Карого «Наймичка», фото 80-е годы XIX в. (архив КГМТИ) 750
Украинские писатели-лауреаты Государственной премии. Слева направо: А. С. Малышко, М. Ф. Рыльский, М. П. Бажан, А. Е. Корнейчук, П. Г. Тычи́на (ЦГА 1952, № 2-51416) 751
А. П. Довженко, фото 1954 г. (семейный архив) 754
Н. В. Лысенко, фото 1905 г. (фонды ИИФЭ) 755
«Лирник». Л. В. Позен, 1883 г., бронза (КГМУИ) 756
«Гопак». Государственный ансамбль танца УССР, Киев, 1958 г. (А. И. Гуменюк. «Народное хореографическое искусство Украины», Киев, 1963 г., стр. 101). 761
Вышивка, Сумы, XVIII в. и Полтавская губ., начало XIX в. («Украинское народное искусство. Вышивка». Киев, 1956, табл. LXXX) 765
Мотивы вышивок низью, Восточная Подолия, XIX в. («Украинское народное искусство. Вышивка». Киев, 1960, табл. XXIV). 765
Гуцульские топорики, с. Брустуров, конец XIX в. (фонды УГМЭ и ХП № 16385, ЕП 16398; худ. У. Рудницкая) 766
«Ведмедик». Гутное стекло, XVIII в., с. Старики, Полтавская губ. (архив филиала КГМУИ, № ГС 403) 767
«Казак Мамай». Народная картина, вторая половина XVIII в. (фонды КГМУИ, № Ж 431) 768
И. Гончар. «Сказка о попе и работнике его Балде», 1937 г. Терракота (филиал КГМУИ) 768
1 — плахта, вторая половина XIX в., Золотоноша, Галиция (фонды УГМЭ и ХП, № 21352; худ. У. Рудницкая), *2*—гладь, начало XIX в.,Галиция (фонды УГМЭ и ХП, № 39178; худ. У. Рудницкая), *3* — гладь, начало XIX в., Подольская губ. (фонды УГМЭ и ХП) . . . . 768—769
1 — «Вэрета», конец XIX в., с. Коропец, Галиция (фонды УГМЭ и ХП, № ЕП 23219, худ. У. Рудницкая); *2* — вышивка «гладь», начало XIX в., Киевская губ. . . . . 768—769
Украинские вышивальщицы из г. Переяслав-Хмельницкого, 1962 г. (архив отдела этнографии ИИФЭ) 769

М. Сенюк. Ковер шерстяной, тканый, Винницкая обл., 1960 г. (филиал КГМУИ, № ДМ-2415) 770
Ф. И. Шкрибляк. Декоративное панно. Резьба и инкрустация, дерево, с. Яворов, Косовского р-на, Ивано-Франковская обл., 1958 г. (филиал КГМУИ, № Д-2796) 771
Е. Я. Клюпа. Пудреницы. Подлаковая роспись, с. Петриковка, Днепропетровская обл., 1960 г. (архив филиала КГМУИ, № ДМ-372). . . . 771
Эскизы росписи: *1* — Г. И. Павленко, эскиз росписи ткани, 40-е годы XX в., полотно, гуашь (филиал КГМУИ, № Ф-3642), *2* — В. И. Павленко, декоративная роспись, бумага, гуашь, 60-е годы XX в. (филиал КГМУИ, № 1779-ДЦИ) 772
Кукольный «вертеп», 1923 г., фото Межигорского вертепного ящика (архив КГМУИ, № 75) 774
Народное представление «Коза», «Дед и цыган», начало XX в. Рис. Ю. Ю. Павловича (Н. Заглада. «Матеріали до етнології і антропології», т. XXI—XXII, часть I. Львов, 1929, стр. 279, рис. 2). 776
Куклы Межигорского «вертепа», 1923 г. (архив КГМТИ) 777
Долина реки Свислочь (архив ИИЭФ, № 801, фото А. Дитлова) 782
Озеро Долгое, Витебская обл. (архив ИИЭФ, № 9438, фото Лупейко, 1959 г.) 783
Брестская крепость. Холмские ворота (архив ИИЭФ, № 2693, фото Беляева) 784—785
Деревянные сохи со стальными нарогами XIX в.: *1* — северные районы (архив ИИЭФ, 1953 г., кат. А-1, № 295), *2* — юго-западные районы (архив ИИЭФ, кат. А-1, № 296) 787
Сельскохозяйственные орудия XIX — начала XX в.: *1* — коса стальная с деревянной ручкой, дер. Сошно, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 1778), *2* — коса с грабельками, дер. Любавичи, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 317), *3* — серп стальной с деревянной ручкой, дер. Вереча, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 541), *4* — отбивальня деревянная, дер. Годиловичи, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 539), *5* — цеп, дер. Иванск, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 1983) 788
Аисты (архив ИИЭФ, № 1118, фото П. Захаренко) 790
Прядение и ткачество. Орудия обработки волокна XIX — начала XX в.: *1* — гребень деревянный, дер. Найдейковичи, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 579), *2* — щетка для льна, дер. Гинцевичи, Минской губ. (архив ИИЭФ, № 1150), *3* — прялка деревянная, дер. Горбачево, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 586), *4* — веретено деревянное, дер. Мальцы, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 341), *5* — «сукайло» деревянное на железной оси, дер. Святица, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 134), *6* — мялка деревянная для конопли, пос. Сперижье, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 1162), *7* — мотовило деревянное для перемотки пряжи, дер. Ромаши, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 3401), *8* — мотовило деревянное, дер. Коровино, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 588), *9* — мотовило деревянное для перемотки пряжи, дер. Пушки, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 588) 791
Беловежская пуща. Зубры (фото А. и М. Ананьиных, личный архив) . . . 792—793
Беловежская пуща зимой. Брестская обл. (архив ИИЭФ, № 9772, фото В. Германа, 1960 г.) 793
Деревянная утварь XIX — начала XX в.: *1*—«кубел» дубовый, дер. Ошмяны, Виленской губ. (картотека ИИЭФ, № 837, кат. Б-IX), *2* — «дзежа» дубовая, дер. Званец, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 836, кат. Б-IX), *3* — «даёнка» липовая, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 814, кат. Б-IX), *4*—«сіта» волосяное, веко сосновое, г. Кричев, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 1001, кат. Б-IX), *5*—«рэшата», дер. Званец, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ № 1003, кат. Б-IX), *6* — маслобойка, дер. Любавичи, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 806, кат. Б-IX), *7* — бочка для воды, кваса, дер. Шаладановка, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 822, кат. Б-IX), *8* — «квасник» дубовый, Витебской губ. (картотека ИИЭФ, № 816, кат. Б-IX), *9* — «забой» для отжима постного масла, дер. Склимин, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 604, кат. Б-V) 794
Плетеная утварь XIX — начала XIX в.: *1* — «коробка» из соломы и лозы, Гродненская губ. (архив ГГИКМ, № 1782), *2* — «коробка» из лозы для переноски травы, овощей и т. д., дер. Дятловичи, Гродненской губ. (архив ИИЭФ, № 1492), *3* — «коробка» из соломы и лозы (архив ГГИКМ БССР, № 7699), *4* — «севалка» из соломы и лозы, дер. Покать, Гродненской губ. (архив ИИЭФ, № 345), *5* — «карзіна» из лучины для переноски травы, дер. Борка, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 1002), *6* — «кош» из лозы и соломы для фруктов, дер. Мышкавичи, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 92), *7* — «суднік» из лозы для хранения колбас, дер. Сакавщина, Виленской губ. (архив

ИИЭФ, № 345), *8* — «севалка» из бересты, дер. Асетки, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 1489, кат. Б-VII). 795
Ткацкий станок. Могилевская губ., XIX в. (архив ИИЭФ, № 595) 796
Глиняная посуда XIX — начала XX в.: *1* — «гладыш», дер. Соболи, Гродненской губ. (картотека ИИЭФ, № 288, кат. Б-IX), *2* — «кукшын», дер. Любавичи, Витебской губ. (картотека ИИЭФ, № 884, кат. Б-IX), *3* — «глячок», для молока, дер. Озерница, Минской губ. (картотека ИИЭФ, № 1752, кат. Б-IX), *4* — «спарыш», Минская губ. (МИКМ, №18345), *5* — «калбанок» — жбан для молока, дер. Рудня, Витебской губ. (картотека ИИЭФ, № 918, кат. Б-IX), *6*—жбан, дер. Житин, Минской губ. (картотека ИИЭФ, № 1417, кат. Б-IX), *7* — «гляк» — кувшин глазурованный, дер. Чортова, Могилевской губ. (картотека ИИЭФ, № 903, кат. Б-IX), *8* — «збан» — кувшин из глины с графитом, из археологических раскопок в г. Гродно (ГГИКМ, экспозиция № 641) 797
Орудия пчеловодства XIX — начала XX в.: *1* — улей старинный в деревянной колоде, дер. Санюки, Минская губ (архив ИИЭФ, № 1142, кат. А-III), *2* — «козун» из бересты для переноски пчел из одного улья в другой, дер. Речки, Минской губ. (архив ИИЭФ, № 1760, кат. Б-IX), *3—3а* — центробежка для выкачивания меда, дер. Б. Хутора, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, 569, кат. А-III), *4* — рамка деревянная для сот, дер. Рабовичи, Могилевской губ. (архив ИИЭФ, № 570, кат. А-III), *5* —«шапка» для пчеловода, дер. Гарбачево, Витебской губ. (архив ИИЭФ, № 337, кат. А-III) 798
На жатве. Минская обл., 1952 г. (архив ИИЭФ, № 288, фото В. Лупейко) . 800
Индустриализация сельского хозяйства: *1* — уборка озимых, колхоз «Путь к коммунизму» Клецкого р-на, Минской обл., 1962 г. (архив ИИЭФ, № 3294, фото П. Новаторова), *2* — подкормка посевов клевера, колхоз «40 лет Октября» Каменецкого р-на, Брестской обл., 1961 г. (архив ИИЭФ, № 2135), *3* — уборка кукурузы, колхоз «Рассвет» Могилевского р-на, Могилевской обл., 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3007, фото П. Захаренко). 801
На молочной ферме колхоза «За Родину» Гомельского р-на, 1962 г. (архив ИИЭФ, № 3059, фото В. Хухлаева) 802
Посадка картофеля в совхозе «Победа» Брестской обл., 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3492, фото В. Лупейко) 803
Теребление льна в колхозе «Путь к коммунизму» Гомельская обл., 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3944, фото Ч. Мезина) 804
Традиционные орудия рыболовства: *1* — сеть — «трыгубіца», дер. Збляны, Шучинского р-на, Гродненской обл. (архив ИИЭФ, № 213, кат. А-III), *2* — «мэрэць» для ловли рыбы в озере или реке, дер. Волынцево, Городецкого р-на, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 567), *3* — «комля» — «шаптушка» из тростника, дер. Медведное, Ельского р-на, Гомельской обл. (архив ИИЭФ, № 1139, кат. А-III), *4* — «таптуха», дер. Надейковичи, Рогачевского р-на, Гомельской обл. (архив ИИЭФ, № 1142, кат. А-III), 5 — «сець», дер. ленополье, Климовичского р-на, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 1131, кат. А-III), *6* — «падсека» с деревянной ручкой, дер. Б. Муховка, Костюковичского р-на, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 1130, кат. А-III) 805
Традиционные орудия рыболовства: *1* — бредень тканый в «два нита» из льняных ниток, дер. Б. Муховка, Костюковичского р-на, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 1228, кат. А-III), *2* — мотыль» — рыболовная снасть, дер. Дятловичи, Слонимского р-на, Гродненской обл., (архив ИИЭФ, № 1137, кат. А-III), *3* — «кош» — бредень, дер. Прибыловичи, Мозырского р-на, Гомельской обл. (Архив ИИЭФ, № 1140), *4* — «сцябла даублёнае» — корытце, лоток долбленый, для переноски сетей, дер. Полоница, Кричевского р-на, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 1139, кат. А-III), 5 — «сцябла» — для переноски сетей, дер. Старое Село, Ветковского р-на, Гомельской обл. (архив ИИЭФ, № 1132), *6* — «восцье» стальное — рыболовная снасть, дер. Гапцевичи, Барановичского р-на, Бресткой обл. (архив ИИЭФ, № 1126, кат. А-III) 805
Птицесовхоз «Жлобин» Гомельской обл., 1960 г. (архив ИИЭФ, № 31, фото П. Захаренко) 806
Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Рассвет» Могилевской обл. К. Т. Орловский, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 7343). 807
Герой Социалистического Труда, председатель «Колхоза им. XVI партсъезда» Т. И. Жигалко, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3561, фото П. Новаторова) 808
Сборочный цех Витебского станкостроительного завода им. Кирова, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3173, фото Г. Усламова) 812
Минский тракторный завод. Тракторы на погрузочной площадке, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3229, фото И. Змитровича) 813

Минский моторный завод. Автоматическая линия, 1962 г. (архив ИИЭФ, № 3991, фото В. Лупейко) 814
Автоматизация на тракторном заводе (компрессорный цех), 1963 г. (архив ИИЭФ, № 308, фото П. Захаренко) 815
Ударница коммунистического труда, сборщица Минского часового завода Г. Коротышева, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 2072, фото И. Змитровича) . 816
Минский радиозавод. Проверка готовой продукции, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3923, фото И. Змитровича) 817
Гродненский азотно-туковый завод, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3858, фото А. Перехода) 819
Общий вид цеха выработки слабой азотной кислоты и аммиачной селитры, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3854, фото А. Перехода) 819
Могилевский завод искусственного волокна им. Куйбышева, вид 2-го бабинажно-перемоточного цеха, 1962 г. (архив ИИЭФ, № 3999, фото Г. Усманова) 821
«Ганак»-крыльцо дома, дер. Барань, Минской обл., 1959 г. (архив ИИЭФ, № 343) 822
Улица в дер. Сочиня, Гродненской обл., 1960 г. (архив ИИЭФ, № 118) . . 823
Одна из улиц в дер. Мышковичи колхоза «Рассвет» Могилевской обл., 1961 г. (архив ИИЭФ, № 3827, фото Н. Желудовича) 823
Дом колхозника в дер. Шутовичи Сморгонского р-на Гродненской обл., 1960 г. (архив ИИЭФ, № 3701) 825
Планы современных многокомнатных домов в деревне: *1* — отживающий тип планировки сельского дома, дер. Велетин Хойникского р-на, Гомельской обл., 1952 г. (фототека ИИЭФ, № 811), *2*, *3*, *4* — планы домов из двух жилых комнат: *2* — дер. Новый двор, Свислочского р-на, Гродненской обл., 1953 г. (фототека ИИЭФ, № 813-А), *3* — дер. Сосновка, Пружанского р-на, Брестской обл., 1953 г. (фототека ИИЭФ, № 407-б), *4* — дер. Новый двор, Свислочского р-на, Гродненской обл., 1953 г. (фототека ИИЭФ, № 84), *5*, *6*—дома с новой развивающейся многокомнатной планировкой: *5*-дер. Велетин, Хойникского р-на, Гомельской обл. (фототека ИИЭФ, № 5), *6* — дер. Семежево, Копыльского р-на, Минской обл. (фототека ИИЭФ, № 17). 826
Двухквартирный жилой дом. Совхоз Озерцы, Минской обл. 1963 г. (архив ИИЭФ, № 5018) 827
Интерьер квартиры колхозника в дер. Засковичи, колхоз «Светлый путь» Минской обл., 1962 г. (архив ИИЭФ, № 423) 829
Дом-музей Якуба Колоса, Минск, 1964 г. (фототека ИИЭФ, № 2030, фото П. Захаренко) 831
Вокзал в Бресте, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 4584, фото П. Захаренко) . 832
Гостиница «Беларусь» в Минске, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 911, фото П. Захаренко) 833
Советская площадь в Могилеве, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3082, фото Н. Желудовича) . . . . 834—835
Проспект Карла Маркса в Полоцке, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3411, фото В. Лупейко) 836
Дворец Профсоюзов в Минске, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 1279, фото П. Захаренко) 837
Дворец текстильщиков в Гродно, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 2381, фото П. Захаренко) 837
Средняя школа № 4 в Минске, урок химии, 1964 г. (архив ИИЭФ, № 911, фото П. Захаренко) 838
Мужская рубаха, дер. Мокраны, Брестской обл., 1953 г. (фототека ИИЭФ, № 103) 839
Мужская традиционная одежда начала XX в., хутор Липье, Брестской обл. (фототека ИИЭФ, № 1003, фото И. Аксельрода, 1953 г.) 840
Женская традиционная одежда начала XX в., дер. Милославичи, Могилевской обл. (архив ИИЭФ, № 331, фото Н. И. Камсюк, 1955 г.) . . 841
Колхозница в черной латухе, Брестская обл., 1955 г. (фототека ИИЭФ, № 890, фото И. Аксельрода) 842
Фрагмент орнамента «бурки» — юбки, Брестская обл. (архив ИИЭФ, № 987, фото И. Аксельрода) 843
Летник — льняная юбка, Брестская обл. (фототека ИИЭФ, № 448) 843
Женские льняные сорочки: *1* — Минская обл. (фототека ИИЭФ, № 312), *2* — Гродненская обл. (фототека ИИЭФ, № 33) 843
Колхозница в традиционной одежде, Брестская обл., 1953 г. (архив ИИЭФ, № 921, фото И. Аксельрода) 844
Фартуки, дер. Лешня, Минской обл. (фототека ИИЭФ, № 132, 318) . . . 845
Белорусская традиционная одежда, Брестская обл., начало XX в: *1* — общий вид, *2* — головной убор (архив ИИЭФ, № 453, фото И. Аксельрода) 845
Традиционная одежда: *1* — мужская сорочка (архив ИИЭФ, № 84, фото П. Захаренко), *2* — андарак (архив ИИЭФ, № 842, фото П. Захаренко) 846—847
Национальный костюм (самодеятельные артисты на стадионе «Динамо» в

Минске (фото А. и М. Ананьиных. Личный архив) . . . . 846—847
«Утро на озере», Витебская обл. (архив ИИЭФ, № 13, фото П. Захаренко) 854
Празднование 40-летия ВЛКСМ в Минске (архив ИИЭФ, № 101, фото П. Захаренко) 858
Молодежный праздник в г. Минске на стадионе «Динамо», фестивальные массовые танцы, 1962 г. (фототека ИИЭФ, № 804, фото П. Захаренко) 859
Клуб колхоза «Победа», Витебская обл. (фототека ИИЭФ, № 340, 1963 г.) 860
Выступление участников самодеятельного концерта рабочих Минского тракторного завода, 1962 г. (фототека ИИЭФ, № 789, фото П. Захаренко) 861
Выступление студентов Института физкультуры на стадионе в Минске, 1962 г. (архив ИИЭФ, № 1008, фото П. Захаренко) 863
На стадионе «Динамо» в Минске во время праздника молодежи проносят каравай, 1963 г. (архив ИИЭФ, № 3007, фото П. Захаренко) 865
В детском саду Минского завода автоматических линий, 1962 г. (фототека ИИЭФ, № 3030, фото А. Шматкова) 873
Комсомольская свадьба. Встреча молодых хлебом-солью. Минск, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 5488, фото П. Захаренко) 875
Белорусские народные музыкальные инструменты: *1* — гусли, *2* — бубен, *3* — дудки, *4* — рожки, *5* — лира, *6* — скрипка, *7* — «цимбалы», *8* — волынка, *9* — «басетля» (архив ИИЭФ, № 427) 884
Хоровая капелла клуба железнодорожников, руководитель Н. О. Шоцищ, Брест, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 1003) 889
Выступление женского вокального ансамбля в сельском клубе Быховского р-на, Могилевской обл., 1962 г. (фототека ИИЭФ, № 3177, фото В. Лупейко и М. Мониго) 889
Самодеятельный композитор А. К. Шидловский среди участников Гродненского народного ансамбля песни и танца «Нёман», 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 3049) 891
Народный артист СССР Г. Р. Ширма за обсуждением нового репертуара с артистами Белорусской академической хоровой капеллы, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 3833, фото П. Захаренко) 893
Средняя школа № 4 в Минске, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 3844, фото П. Захаренко) 895
Лекция в Минском политехническом институте, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 4746, фото П. Захаренко) 896
Президент АН БССР, член-корреспондент АН СССР В. Ф. Купревич, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 8003, фото И. Змитровича) 897
Директор Института истории партии, член-корреспондент АН БССР Н. В. Каменская, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 9694, фото В. Лупейко и Г. Бегуна) 898
Янка Купала, народный поэт БССР, 1938 г. (фототека ИИЭФ, № 3893) . . 899
Народный артист СССР Б. В. Платонов, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 3574, фото Агафонова) 901
Сенницкая музыкальная школа-семилетка, колхоз им. Гастелло, дер. Сенница, Минская обл., 1963 г. (архив ИИЭФ, № 451, фото Д. Мазаника) 903
В лаборатории Института общей и неорганической химии АН БССР, 1964 г. (фототека ИИЭФ, № 4147) 904
Площадь Победы в Минске, 1963 г. (фототека ИИЭФ, № 2211, фото П. Захаренко) 905

СПИСОК ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Предисловие	Деталь кованых и прорезных железных дверей Успенского собора в Гороховце, XVII в. (Н.Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 150)	«Красная» церковь святого Григория Неокесарийского в Москве. Мотив детали главного антаблемента храма. (Путеводитель по Москве. 1913. табл. 9)
Вводная часть (шмуцтитул)	Подушка. Шитье золотом, г. Торжок (Б. В. Веймарн, П. М. Сысоев. Народное декоративное искусство СССР. М. — Л., 1949, стр. 137)	
Вводная часть	Фрагмент стенной росписи церкви Николы Мокрого в Ярославле, 1652 г. (Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 168)	Вщижская арка — лицевая сторона первой арки (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.. 1948, стр. 254)
Русские, украинцы, белорусы (шмуцтитул)	Элемент узора белокаменного резного наличника. Дверь кабинета Теремного Дворца в Москве, 1636 г. (Н.Н.Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 55)	
Образование древнерусской народности	Фрагмент стенной росписи церкви Николы Мокрого в Ярославле, 1652 г. (Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1848, стр. 168)	
Русские	Мотив узора на конце полотенца. Тотьма, XIX в. (Вологодская и Ярославская народная вышивка. М., 1955, табл. 20)	Мотив узора на конце полотенца. Тотьма, XIX в. (Вологодская и Ярославская народная вышивка. М., 1955, табл. 20)
Украинцы	Мотив украинских вышивок (Узор стародавних украинских вышивок. Собр. К. Далматова. СПб., 1914, табл. 8)	Мотив украинских вышивок (Узоры стародавних украинских вышивок. Собр. К. Далматова. СПб., 1914, табл. 8)
Белсрусы	Мотив узора постилки из ткани. Белоруссия (Б. В. Веймарн, П. М. Сысоев. Народное декоративное искусство СССР. М. — Л., 1949, стр. 146)	Мотив узора постилки из ткани. Белоруссия (Б. В. Веймарн, П. М. Сысоев. Народное декоративное искусство СССР. М. —Л.,1949, стр. 146)
Приложения (шмуцтитул)	Элемент росписи гребня северодвинской прялки, XVIII в. (Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, вклейка стр. 104 —105)	
Приложение	Мотивы золотого шитья на полотенце середины XIX в. (В. А. Фалеева, Е. И. Кокунина. Пособие по вышивке. М., 1954, обложка)	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Население и природа 13

Динамика численности населения (16). Размещение населения. Города (19). Численность и расселение народов (21).

Ранние этапы этнической истории 26

Древний каменный век (26). Средний каменный век (28). Новый каменный и бронзовый века (31). Железный век (37).

Исторические судьбы народов 41

Антропологический очерк 58

Восточнославянские народы (61). Балтийские народы (66). Финские народы (67). Тюркские и монгольские народы (69). Молдаване и другие народы юго-запада Европейской части СССР (71)

Основные группы языков 72

Восточнославянские языки (72). Балтийские языки (80). Финно-угорские языки (85). Тюркские языки (91). Молдавский язык (95).

РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, БЕЛОРУСЫ

Образование древнерусской народности 99

Славянские племена и племенные союзы (99). Первые государственные образования и древнерусская народность (102). Основные занятия и материальная культура (106). Семейный быт и духовная культура (116).

РУССКИЕ 119

Введение. Очерк этнической истории русских до середины XIX в. 119

Основные этапы создания русской народности и нации (119). Экономическое и культурное развитие русских земель в XIV — XVII вв. (121). Русские в новый период истории России (со второй половины XVII в.) (133).

Историко-культурные группы русского народа 143

Русский язык и его диалекты 148

Формирование русского языка в его говорах (148). Структура современного русского языка в его говорах (148). Основные группировки говоров русского языка (150).

Сельское хозяйство 156

Сельское хозяйство второй половины XIX — начала XX в. 156

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве (156). Разложение общинного землепользования (161). Последовательность сельскохозяйственных работ, народный календарь и народная метрология (163). Системы земледелия (166). Обработка и удобрение пашни (167). Сельскохозяйственные культуры (170). Сельскохозяйственные работы (172). Огородничество и бахчеводство (182). Садоводство (184). Животноводство и птицеводство (185). Пчеловодство (189).

Сельское хозяйство после Великой Октябрьской революции 192
Сельское хозяйство в первые годы Советской власти (192). Сельское хозяйство в период сплошной коллективизации (196). Сельское хозяйство в послевоенный период (198). Колхозы и совхозы. Землепользование, системы полеводства, организация труда (200). Сельскохозяйственные культуры (203). Овощеводство и бахчеводство (206). Садоводство и виноградарство (208). Животноводство, птицеводство и пчеловодство (210).
Историко-географическая характеристика промыслов и промышленности . . . 221
Кустарные промыслы 222
Распространение традиционных кустарных промыслов до Великой Октябрьской революции (222). Промыслы, связанные с обработкой дерева (223). Прядение, ткачество, ковроделие и др. (225). Промыслы по обработке кожи и изготовлению кожаных изделий (227). Гончарный и керамический промыслы (228). Металлообрабатывающие промыслы (229). Промыслы по обработке камня, кости, производство из папье-маше (230). Современное состояние промыслов (230).
Промышленное развитие и промышленные районы в пореформенное время . . . 235
Промышленность и промышленные районы в советский период 248
Рыболовство и охота 267
Рыболовство 267
Техника и организация рыбного промысла до Октябрьской революции (267). Техника и организация современного рыболовства (274).
Охота 277
Сельские поселения и жилища 283
Поселения 283
Типы старых поселений, их расположение и планировка (283). Социалистическая реконструкция сельских поселений (290).
Жилище 298
Характерные особенности традиционного русского жилища в различных районах страны (298). Внутренняя планировка жилища (307). Современное сельское жилище (312).
Городские поселения 324
Дореволюционные города 324
Типы городов и состав их населения (324). Внешний облик городов и их благоустройство (328). Городское жилище (335).
Социалистические города 338
Рост городов и состав городского населения (338). Восстановление городского хозяйства и начало широкого жилищного строительства (341). Социалистическая реконструкция городов (342). Поселки городского типа (351). Города — культурные и административные центры. Городское управление (357).
Средства передвижения 360
Водные средства передвижения (360). Сухопутные средства передвижения (363). Современные средства передвижения (366).
Одежда 371
Традиционная одежда сельского населения (371). Одежда господствующих классов России (377). Одежда трудящихся города и ее влияние на одежду крестьян (378). Изменение в одежде после Великой Октябрьской революции (382).
Пища и утварь 393
Традиционная русская кухня (393). Изменения в питании после Октябрьской революции (400).
Общественный быт 406
Городской и сельский быт до Великой Октябрьской революции 406
Сельская община, ее пережитки, влияние на общественную жизнь деревни (406). Культурный уровень деревни (410). Пережитки дохристианских верований и религиозно-обрядовая жизнь (412). Изменения в мировоззрении и общественном быту крестьян в конце XIX — начале XX в. (416). Общественный быт дореволюционного города (418). Досуг и праздники в городах (423). Формы общественного быта рабочих (424).
Общественный быт и культура после Великой Октябрьской революции . . . 426
Развитие общественной активности и культурное строительство после Великой Октябрьской социалистической революции и до Великой Отечественной войны 427
Начало культурной революции и ее влияние на быт (430). Ломка старых форм общественной жизни и формирование новых советских традиций (432). Общественная жизнь в период

индустриализации и коллективизации. Движение за новое отношение к труду. Укрепление советских традиций (433). Достижения культурной революции. Стойкость традиций в годы Великой Отечественной войны (436).

Новый этап в развитии общественной жизни русского народа в годы развернутого строительства коммунизма 438

Развитие общественной активности населения города и деревни и руководящая роль в этом процессе партийных организаций (438). Современный общественный досуг и советские праздничные традиции (443).

Развитие культуры и культурных потребностей в период развернутого строительства коммунизма 453

Современное состояние культуры. Участие в культурной жизни городского и сельского населения (453). Преодоление пережитков прошлого в сознании и быту людей (460).

Семья и семейный быт 462

Дореволюционная крестьянская и рабочая семья 462

Семейный строй у русского крестьянства в условиях развития капиталистических отношений (465). Воспитание детей, заключение браков и похоронный обряд в дореволюционной крестьянской семье (467). Строй дореволюционной рабочей семьи (473).

Изменение семейных отношений после Великой Октябрьской революции . . . 478

Устное поэтическое творчество 495

Историческое развитие народной поэзии и ее областные особенности 495

Устная поэзия в период развития капитализма 497

Обрядовая поэзия (497). Причеты (плачи) (498). Былины (499). Исторические песни (500). Сказки, предания и легенды (502). Пословицы, поговорки, загадки (504). Народный театр (504). Лирические песни (505). Частушки (508). Рабочий фольклор (508).

Основные особенности советского народного поэтического творчества 510

Народное творчество периода гражданской войны (512). Народная поэзия 20-х — 30-х годов (513). Народное поэтическое творчество в период Великой Отечественной войны (515). Народное поэтическое творчество в период развернутого строительства коммунизма (516). Народная поэзия в русской литературе и искусстве (518).

Народная музыка и танцы 520

Музыка 520

Русская народно-песенная классика (520). Мелодия и слово в русской народной песне (521). Городская песня (522). Частушка (523). Русское народное многоголосие (523). Народная инструментальная музыка (523). Воздействие народной музыки на формирование русской музыкальной классики (526). Судьбы и перспективы народной русской музыки в советские годы (527).

Танцы 528

Народное декоративно-изобразительное искусство 531

Основные отрасли народного искусства 531

Резное дерево (531). Живопись, графика, роспись (533). Ювелирные изделия (536). Художественная обработка металла (536). Резьба по кости (537). Керамика (537). Вышивка (538). Золотое и жемчужное шитье (540). Кружево (541). Набойка (542). Ткачество (542).

Народное искусство после Великой Октябрьской революции 545

Роспись, живопись, графика (545). Ювелирные изделия (548). Художественная обработка камня (548). Резьба по дереву (549). Резьба по кости и рогу (550). Художественное ткачество, вышивка, кружево (551).

Важнейшие особенности русской культуры XIX—XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство 558

УКРАИНЦЫ 572

Очерк этнической истории украинцев 572

Происхождение украинской народности 572

Образование украинской нации в условиях возникновения и формирования буржуазных отношений 577

Этнографические группы украинского народа и диалекты украинского языка . . 591

Основные отрасли хозяйства и занятия населения 596

Сельское хозяйство до Великой Октябрьской революции 596

Положение крестьян и состояние крестьянского сельского хозяйства после ликвидации крепостного права (596). Орудия, системы и приемы обработки почвы (598). Основные отрасли земледелия и сельскохозяйственные культуры (602). Хозяйственные постройки (604). Животноводство, пчеловодство, охота и рыболовство (605). Народный сельскохозяйственный календарь (606).

Сельское хозяйство Советской Украины 606

Коренные изменения в жизни крестьянства после Великой Октябрьской социалистической революции (606). Производственное кооперирование крестьянства в первые годы Советской власти (607). Социалистическая коллективизация сельского хозяйства (608). Развитие основных отраслей сельского хозяйства (609).

Промыслы 613

Крестьянские промыслы в прошлом. Их виды и особенности (613). Состояние промыслов и художественная промышленность в советское время (619).

Развитие промышленности и формирование рабочего класса в период капитализма 620

Промышленное развитие до реформы 1861 г. (620). Развитие основных отраслей промышленности в конце XIX — начале XX вв. (621). Источники формирования промышленного пролетариата, его положение и революционная борьба (622).

Индустриальное развитие в советский период 624

Осуществление ленинского плана индустриализации страны и превращение УССР в индустриальную державу (624). Рост рабочего класса и повышение его культурно-технического уровня (630).

Средства передвижения 631

Средства передвижения в прошлом 631

Сухопутный транспорт и пути сообщения (631). Водный транспорт (634). Появление и развитие железнодорожного транспорта. Его влияние на культуру и быт народа (635).

Современный транспорт 636

Поселения, типы застроек и жилище 642

Традиционные крестьянские поселения, застройки и жилище 642

Типы поселений и особенности застроек (642). Народное жилище (645). Хозяйственные постройки (651).

Города, фабрично-заводские поселки и жилище рабочих в период капитализма . . 652

Рост городов и фабричных поселков (652). Городское жилище рабочих (654). Приемы строительства рабочего жилища (655).

Развитие жилища и жилищно-бытовые условия рабочих в советский период . . 656

Рост социалистических городов и поселков (656). Традиционные жилища в городах и поселках (660).

Изменения в жилище советского крестьянства 661

Особенности развития сельского жилища (662). Пути развития сельских населенных пунктов в период развернутого строительства коммунизма (664).

Одежда 664

Традиционная народная одежда 664

Основные комплексы традиционной крестьянской одежды (664). Дореволюционная одежда рабочих и влияние ее на крестьянскую одежду (673).

Изменения в костюме в советский период 674

Одежда городского населения (674). Одежда советского крестьянства (675).

Пища и утварь 677

Традиционная народная кулинария и утварь 677

Основные блюда, их состав и приготовление (677). Праздничные обрядовые блюда (678). Напитки (679). Утварь (680). Пища рабочих (680).

Изменения в народной кулинарии и в системе питания в советской период . . . 680

Семья и семейный быт 685

Семья и семейный быт до Великой Октябрьской революции 685

Взаимоотношения между членами семьи (686). Воспитание детей (687). Семейные обычаи и обряды. Свадьба (688). Зарождение новых семейных отношений. Рабочая семья (691).

Социалистические преобразования семьи и семейного быта 693

Начало формирования советской семьи и взаимоотношения между ее членами (693). Структура

современной семьи (695). Воспитание детей (696). Культурный облик современной семьи (698). Брак, семейные обычаи и обряды (699).

Общественный быт 702

Общественный быт дореволюционной деревни 702

Пережитки сельской общины в дореволюционной деревне (702). Народные праздники, обычаи и пережитки дохристианских представлений (704). Стихийно-материалистическое мировоззрение народных масс. Зарождение атеизма (708). Революционное движение и зарождение новых явлений в общественном быте села (709).

Общественный быт рабочих в период капитализма 711

Формирование общественного быта рабочих (711). Новые обычаи рабочего класса, интернациональное сплочение, атеизм (712).

Социалистические преобразования и ростки коммунизма в общественном быту . 714

Формирование нового общественного быта трудящихся после победы Великой Октябрьской социалистической революции (714). Организация общественных форм досуга и отдыха (719). Новые общественные праздники и обычаи трудящихся (724). Победа атеизма (727). Развитие коммунистических начал в общественной жизни трудящихся (729).

Народные знания и развитие науки 733

Народные знания и наука до Великой Октябрьской революции 733

Народные знания (733). Развитие науки (734).

Расцвет науки в советский период 736

Художественное творчество 739

Фольклор 739

Древнейшие виды украинской народной поэзии (739). Народный героический эпос — думы. Развитие фольклора до Великой Октябрьской революции (741). Украинский советский фольклор (745).

Литература 748

Становление и развитие украинской литературы до Великой Октябрьской революции (748). Украинская советская литература (752).

Музыкальный фольклор 754

Украинский музыкальный фольклор дореволюционного периода (755). Украинский музыкальный фольклор советского периода (757). Украинские народные музыкальные инструменты (758). Диалекты украинского музыкального фольклора (758). Украинский фольклор в профессиональной музыке (759).

Танцы 760

Традиционные танцы в художественной жизни украинского народа (760). Танцы других народов в художественном быту Украины (763). Самодеятельное и профессиональное хореографическое искусство и их взаимосвязь (763).

Изобразительное искусство 764

Искусство в дооктябрьский период (764). Изобразительное искусство в советский период (767)

Театр и кинематография 773

Украинский театр дооктябрьского периода (773). Украинский театр советского периода (775). Кинематография (778). Развитие самодеятельной кинематографии Украины (779).

БЕЛОРУСЫ 780

Общие сведения 780

Производственная деятельность населения 785

Сельское хозяйство и производственная деятельность крестьянства 785

Состояние сельского хозяйства до Великой Октябрьской социалистической революции (785). Охота и рыболовство. Крестьянские промыслы (792). Социалистические преобразования в сельском хозяйстве (799). Изменения в производственном быту колхозников (804).

Промышленность и производственная деятельность рабочего класса 809

Состояние промышленности и транспорта в период капитализма (809). Промышленное развитие после Великой Октябрьской революции (811).

Материальная культура 817

Сельские поселения и жилище 817

Дореволюционные крестьянские поселения и жилище (817). Изменения в сельском жилище и поселениях после Великой Октябрьской революции (822).

Городские поселения и жилище рабочих 829
Дореволюционные города (829). Благоустройство советских городов (831).
Одежда 838
Традиционная одежда (838). Изменения в одежде в советский период (846).
Пища 848
Общественная и семейная жизнь 852
Общественная жизнь трудящихся до Великой Октябрьской революции 852
Дореволюционная общественная жизнь деревни (852). Общественная жизнь рабочих до Великой Октябрьской революции (855).
Коренные изменения в общественной жизни в советский период 857
Семейный быт крестьян и рабочих 866
Семейный дореволюционный быт (866). Изменения в семейном быту в советское время (871).
Культура 877
Устное поэтическое творчество 877
Народное искусство 883
Музыка и танцы (883). Театр (884). Изобразительное и прикладное искусство (886). Развитие народного искусства в советское время (887).
Основные данные из истории науки и профессионального искусства 894

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список литературы 909
Глоссарий 932
Географо-этнический указатель 945
Список иллюстраций 959
Список заставок и концовок 978

Народы Европейской части СССР
Том I

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства *Г.Ф.Дубовикова*
Художник *А. А. Люминарский*. Технический редактор *П. С. Кашина*

Сдано в набор 2/VII 1964 г. Подписано к печати 22/X 1964 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 61,5 + 17 вкл. =84,25+17 вкл. усл. л. Уч.-изд. л. 87,9 (2 л. вкл)
Тираж 4000 экз. Т-15917. Изд № 2476. Тип. зак. № 888. Темплан 1964 г. № 114

Цена 5 р. 20 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

I

5 р. 20 к.